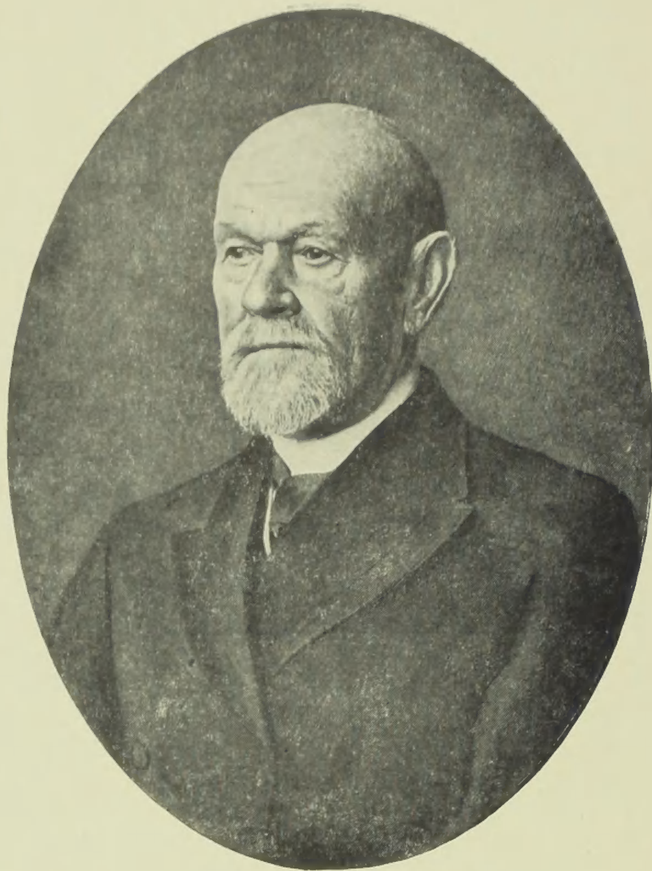
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
Ф. И. УСПЕНСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

III

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР



Академик Ф. И. Успенский.

Снимок относится к 1927 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АКАДЕМИК
Ф. И. УСПЕНСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ТОМ
III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1948 · *ЛЕНИНГРАД*

Ответственный редактор
академик *Е. А. Косминский*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написать «Историю Византийской империи» акад. Ф. И. Успенский задумал еще в 80-е годы прошлого века, то есть тогда, когда он только что входил в круг византийских занятий и являлся автором первых своих исследований по Византии — о Никите Акоминате, о византийском землевладении и др. Эти работы и до нашего времени, как известно, не потеряли еще своего значения.

Со слов самого Ф. И. Успенского мы знаем, что написать «Историю Византийской империи» он считал основной задачей своей жизни — об этом он сообщает в предисловии и к I тому «Истории», вышедшему в 1913 г., и к первой части II тома, изданной почти накануне смерти акад. Ф. И. Успенского в 1927 г.

Однако полного осуществления своего замысла Ф. И. Успенскому не суждено было видеть: при его жизни «История Византийской империи» была издана только частично, причем почти совершенно готовый к выпуску II том претерпел много невзгод, о которых Ф. И. Успенский и рассказывает в предисловии к изданной им первой части этого II тома.

Когда Отделение истории и философии Академии Наук СССР поручило Институту истории АН СССР приступить к подготовке «Истории Византийской империи» к печати в полном виде (томы I, II и III) и выполнить это поручение было предоставлено подписавшему настоящие строки, то в соответствующем докладе Отделению истории и философии АН СССР на сессии этого Отделения по византиноведению в апреле 1945 г. был предложен следующий порядок издания «Истории Византийской империи», получивший одобрение на сессии и утвержденный Отделением.

Издание капитального труда акад. Ф. И. Успенского (общий объем около 150 печ. листов) должно быть начато с III тома; затем издаются томы II и I.

Третий том предназначался к выпуску в первую очередь на том основании, что, во-первых, в нем излагалась история византийского государства

последних веков его существования, которая никем из русских византинистов не была изложена так полно и подробно, как Ф. И. Успенским; во-вторых, принималось в соображение еще то, что I том был в свое время издан (в издательстве «Брокгауз—Ефрон»), а вторая половина II тома и III том не были изданы.

Дело в том, что после издания самим Ф. И. Успенским в 1927 г. первой части II тома в его распоряжении остались сверстанные корректурные листы второй части II тома, которые по различным причинам отпечатаны не были. Впоследствии они были сданы в Архив Академии Наук СССР в Ленинграде вместе с остальными рукописями покойного академика.

Обследование хранящихся в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде материалов показало, что корректурные листы второй части II тома поступили в Архив не в полном виде.

К счастью, в Архиве сохранились рукописи этого тома (фонд № 116), а в напечатанной первой половине II тома «Истории Византийской империи» имеется, как известно, оглавление всего II тома полностью (отделы IV и V). На основании этих рукописей и оглавления II тома можно установить, что ненапечатанная вторая часть II тома в полном виде восстановлена быть не может; нехватает одного печатного листа, а именно: стр. 921—925 из 21-й главы («Первые годы царствования Василия. Бунт Варды Склиры. Начало войны с Болгарией») и стр. 926—936 из 22-й главы («Русь и Византия в конце X века»). Поиски недостающих страниц производились тщательно и долгое время, и к моменту составления настоящего предисловия надо считать установленным, что эти страницы утеряны.

Таким образом, во II томе имеется довольно существенный пропуск. На этом основании и было решено приступить к печатанию его во вторую очередь.

Что касается III тома, то, как показало ознакомление с рукописным наследством акад. Ф. И. Успенского, рукописи этого тома полностью сохранились в Архиве АН в Ленинграде (фонды №№ 116 и 127). Кроме того, содержание III тома контролируется оглавлением, составленным самим Ф. И. Успенским и сохранившимся в его бумагах. Поэтому являлось вполне возможным приступить, на основании рукописей, к подготовке к печати именно III тома «Истории Византийской империи».

Необходимо еще указать, что три главы были в свое время напечатаны, и так как рукописей их не сохранилось, то в настоящем издании они являются перепечатками.

Главы эти следующие:

1) гл. XIV (VI отдела «Комнины») «Восточная политика Мануила. Турки-сельджуки и христианские государства в Сирии и Палестине»

из XXIX тома «Сообщений Российского Палестинского общества» (Ленинград, 1926, стр. 111—138);

2) гл. XV (того же отдела) «Последние Комнины. Начало реакции» из XXV тома «Византийского временника» (Ленинград, 1926, стр. 1—24);

3) гл. V (VII отдела «Расчленение империи») «Центробежные и центростремительные силы в истории Византии» из «Известий Академии Наук СССР» (VII серия, Отделение общественных наук, № 4, Ленинград, 1931, стр. 455—470).

Среди бумаг акад. Ф. И. Успенского обнаружена рукопись «История византийских учреждений. Источники». По своему характеру эта рукопись, как нам кажется, представляет собой одну из заключительных глав II тома «Истории Византийской империи».

Содержание ее настолько интересно и ценно, что нам представляется неправильным ждать выхода в свет II тома «Истории Византийской империи» (в новом продолженном издании), где собственно и должна находиться эта глава. Поэтому мы печатаем эту рукопись при настоящем III томе.

Считаем нужным заметить, что последний, VIII отдел III тома «Истории Византийской империи» — «Ласкари и Палеологи» — обработан Б. А. Панченко по материалам Ф. И. Успенского.

Работа по розыску рукописей акад. Ф. И. Успенского и по подготовке к печати III тома «Истории Византийской империи» была трудной и сложной.

В этой работе оказали большую помощь директор Архива Академии Наук СССР в Ленинграде Г. А. Князев — своими ценными советами и указаниями и исключительно доброжелательным отношением; заместитель директора Архива М. В. Крутикова — своей помощью при розыске материалов, А. В. Цветникова и А. П. Свикуль, которых так много и так часто приходилось обременять просьбами о доставке рукописей из архивохранилища. В подборе иллюстраций помогла сотрудница Гос. Эрмитажа А. В. Банк. Прошу тт. Г. А. Князева, М. В. Крутикову, А. В. Цветникову, А. П. Свикуль и А. В. Банк принять мою глубокую благодарность. Доктор исторических наук И. П. Петрушевский проверил и уточнил транскрипцию восточных имен, географических названий и терминов, за что приношу ему мою благодарность. Указатели составлены кандидатом педагогических наук Е. Э. Гранстрем.

Ряд сносок и примечаний сделаны редакцией III тома. Все они имеют пометку «*Ред.*».

Н. С. Лебедев

Ленинград,
июнь 1948 г.

[illegible] (Stuttgart) [illegible] Rélation
[illegible] 1884).
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] (V. 1 серии) [illegible]
[illegible] 5/11).
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Д. Н. [illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible] Г. А. К[illegible]
[illegible]
[illegible] М. В. [illegible]
[illegible] Н. С[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Г. А. К[illegible] М. Р. [illegible]
А. П. [illegible] и А. А. [illegible]
[illegible] Н. П. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Б. Т. Горянов

ТРЕТИЙ ТОМ «ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» АКАДЕМИКА Ф. И. УСПЕНСКОГО

В 1945 г. Отделение истории и философии Академии Наук СССР, отмечая память выдающегося русского ученого, крупнейшего византиноведа академика Ф. И. Успенского, созвало сессию, посвященную столетию со дня его рождения. В принятом на этой сессии постановлении * Отделение постановило ознаменовать память Ф. И. Успенского изданием его трехтомной «Истории Византийской империи». В связи с этим по поручению византийской группы Института истории АН СССР Н. С. Лебедевым было произведено обследование фонда Ф. И. Успенского в Архиве Академии Наук СССР, где были обнаружены рукописи неизданных частей «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского.

Мне уже приходилось давать анализ всего научного творчества Ф. И. Успенского, в частности это сделано мною в моей большой работе, подготовленной к печати к столетию со дня его рождения и напечатанной в посвященном его памяти I (XXVI) томе восстановленного «Византийского Временника», последним редактором которого был Ф. И. Успенский.** В этой вступительной статье я весьма кратко останавливаюсь на значении большого синтетического труда Ф. И. Успенского, его «Истории Византийской империи», главным образом на содержании издающегося и первую очередь III тома.

В течение своей многолетней научной деятельности Ф. И. Успенский глубоко исследовал самые многообразные стороны истории Византии, ее литературы и искусства. Продолжая линию, начатую еще В. Г. Васильевским, Ф. И. Успенский очень много занимался изучением социально-экономической истории Византии. Его труды в этой области занимали первое место в его научном творчестве. Он сам говорил, что внимание

* «Сессия памяти академика Ф. И. Успенского». Известия АН СССР, серия истории и философии, 1945, т. II, № 4, стр. 299—300.

** Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. Византийский Временник, I (XXVI), 1947, стр. 29—108; См. также: Б. Горянов. Ф. И. Успенский и русское византиноведение. Исторический журнал, 1944, № 12, стр. 44—52.

русских византинистов «было особенно направлено на выяснение проблем экономических, административных, социальных и других, относящихся к внутренней истории Византии».* Большое место в трудах Ф. И. Успенского занимали исследования в области истории византийской культуры, общественно-политической идеологии и философско-религиозной борьбы в Византии. Ему принадлежит ряд работ, в которых он впервые поставил на почву научного исследования вопрос о влиянии общественного строя славян на развитие социально-экономического строя Византийской империи. Не было почти ни одного вопроса в истории Византии, который не привлек бы к себе внимания пытливого исследователя Ф. И. Успенского и остался бы не отраженным в его огромном научном наследстве. И вполне естественным было постоянное стремление Ф. И. Успенского подвести итоги своей научной деятельности в синтетическом труде, в котором он представил бы полное изложение всего хода византийской истории.

При этом читатель, однако, должен помнить, что академику Ф. И. Успенскому, писавшему свой труд почти сорок лет назад, как и другим представителям либерально-позитивистской историографии, были присущи черты эклектизма, признание равноправности различных факторов исторического процесса. Признавая значение социально-экономического фактора в истории, акад. Ф. И. Успенский не дает, однако, углубленного анализа экономики Византии, анализа положения непосредственных производителей, анализа современной структуры общества. Не дается достаточно обстоятельного изложения классовой борьбы, и вообще внутренняя социально-экономическая история в этой работе занимает второстепенное место по сравнению с политической историей, историей войн и международных отношений. Вместе с тем автор переоценивает роль личности. Отсюда неудивительно, что эклектизм и идеализм его исторической концепции часто ему мешали делать правильные выводы при обобщении собранного им громадного фактического материала.

Будучи синтезом всей научной деятельности Ф. И. Успенского, его «История Византийской империи» основана на изучении большого фонда источников, круг которых он постоянно стремился расширить. Многие из этих источников впервые введены были в научный оборот Ф. И. Успенским, и поэтому его капитальный труд зачастую принимает характер источника, которым еще долго будут пользоваться исследователи-византинисты.

Издаваемый в настоящее время третий том «Истории Византийской империи» охватывает время с начала династии Комнинов до конца истории Византии. Этот период наименее освещен в историографии. Авторы общих сочинений и курсов, вышедших в свое время в России

* Об этом Ф. И. Успенский говорит в своей работе по истории византийских исследований в России.

(Ю. А. Кулаковский, С. П. Шестаков, К. Н. Успенский и др.), доводили изложение истории Византии не далее IX—X вв. А. А. Васильев издал в 1923—1925 гг. ряд монографических очерков, посвященных отдельным периодам византийской истории, которые в переработанном виде легли в основу изданного им впоследствии общего курса по истории Византии. Но в этой работе время Комнинов изложено очень сжато, а эпохе Палеологов отведено совсем незначительное место. То же следует сказать и о книге М. В. Левченко «История Византии», вышедшей в 1940 г., в которой эпохе Палеологов отведено всего несколько страниц. Тем большее значение приобретает третий, последний том «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского, в котором впервые на русском языке дается обстоятельное, подробное изложение большого материала последних веков византийской истории.

III том состоит из трех больших отделов: «Комнины», «Расчленение империи» и «Ласкари и Палеологи». В первом отделе «Комнины» читатель найдет вступительные главы, в которых Ф. И. Успенский хотел показать внутреннее и внешнее положение Византийской империи до вступления на престол династии Комнинов. Первостепенное значение во внешнем положении Византии XI и последующих веков Ф. И. Успенский придавал норманнскому вопросу, на нем он останавливается особенно подробно. Внимательно прослеживая историю проникновения норманнов в южную Италию, Ф. И. Успенский показывает, как норманнам удалось нанести полное поражение византийским притязаниям на фемы Апулии и Лангобардии. При преемниках Василия II (976—1025 гг.) на западной границе Византийской империи руководящая роль переходила в руки норманнов. На восточной границе Византийской империи арабы теряют свое значение в пользу государства сельджуков. В научном наследстве Ф. И. Успенского имеется ряд работ, посвященных движению народов из Средней Азии в Европу. Это позволило ему подробно исследовать обстоятельства, при которых турки-сельджуки вошли в непосредственное соседство с Византией. В этом отделе мы находим большой и интересный материал о взаимоотношениях Византии с Грузией и Арменией.

Во 2-й главе VI отдела («Комнины») излагаются события от смерти последней представительницы Македонской династии Феодоры до вступления на византийский престол основателя новой династии Комнинов Алексея I. Этот период был временем борьбы гражданского чиновничества, сената и церкви, во главе которых стояла фамилия Дук, с одной стороны, и крупной провинциальной землевладельческой аристократии и вождей армии, интересы которых представляла фамилия Комнинов, с другой. Ф. И. Успенский показал в своей работе внутреннюю политику Дук, на основе которой они стремились расширить социальную базу своего правительства путем смягчения налогово-финансовой политики

своих предшественников. Значительные льготы были предоставлены служилой аристократии. К этому времени относится широкое распространение системы отдачи на откуп взимания государственных налогов, тяжело отзывавшейся на населении. Новая династия Комнинов пришла к власти как представительница интересов крупной землевладельческой аристократии. Но взгляды автора по вопросу о Комнинах не свободны от противоречий. Автор почему-то сильно возвеличивает время Комнинов и говорит, что эпоха Комнинов составляла «наибольший подъем византинизма» (стр. 178). Читателю остается непонятным, в чем выражается этот подъем.

В VI отделе изложен огромный материал, характеризующий внешнее положение Византийской империи в этом периоде. Ф. И. считает характерной чертой этого периода напор турецко-татарских племен, охвативший империю с севера и востока и представлявший главную опасность для империи XI—XII вв. Печенежско-половецкие набеги на Балканском полуострове и походы турок-сельджуков в Малой Азии — основные моменты этого процесса, освещение которого занимает центральное место в характеристике внешнего положения Византии. Постепенный захват сельджуками византийских провинций в Малой Азии, а также борьбу с норманнами Ф. И. Успенский считал основными событиями во внешней истории Византии, обусловливавшими направление внешней политики первых Комнинов.

Ценный материал содержится в 5-й главе VI отдела («Побережье Адриатики. Организация сербских земель»). В этой главе показаны первые шаги политической жизни сербского народа, организация которой выпала на долю приморских сербов, возвышение Зеты и подчинение зетским князьям сербских племен в Босне и Расе, борьба латино-католической и греко-православной церквей в славянских землях. Большой интерес в этой главе вызывает рассмотрение Ф. И. Успенским византийско-венецианских отношений, усиления торговых позиций Венеции в областях, где раньше господствовало византийское влияние, в пределах славяно-романских поселений на побережьи Адриатического моря.

Освещая положение Византийской империи накануне крестовых походов, Ф. И. Успенский знакомит читателей с историей культуры и общественно-политической идеологии Византии XI в., уделяя основное внимание деятельности выдающихся византийских философов Михаила Пселла и Иоанна Итала. Здесь Ф. И. Успенский повторяет свои основные выводы, которые им изложены в прежних работах о философском движении XI и XII вв.* и в большой сводной работе по истории византийской общественной мысли.** Как и в указанных работах, за основу исследова-

* Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков. ЖМНП. 1891, сентябрь, стр. 102—159; октябрь, стр. 283—427.

** Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб, 1892.

ния Ф. И. Успенский взял синодики, оглашавшиеся в неделю православия и пополнявшиеся время от времени новыми статьями, в которых провозглашалась «анафема» против врагов православия. Ф. И. Успенский правильно отмечает, что в средние века всякое общественно-политическое движение неизбежно облекалось в форму религиозных споров. К сожалению, акад. Ф. И. Успенский освещает больше развитие богословской мысли в Византии и мало останавливается на Михаиле Пселле и эволюции светской науки и философии, что более интересовало бы советского читателя.

В этой главе III тома Ф. И. Успенский учел замечания рецензентов своей работы по истории византийской образованности и пересмотрел некоторые ранее высказанные им взгляды. Так, Ф. И. согласился с положением своих критиков о том, что нет достаточного основания причислять Иоанна Итала к платоникам,* а также указал, что нельзя преувеличивать влияния византийских ученых на деятелей итальянского Возрождения. Как правильно отмечает здесь Ф. И., это влияние нужно принимать в очень ограниченном смысле и не рассматривать вопрос о Возрождении исключительно с точки зрения знакомства ранних гуманистов с греческими рукописями и греческим языком. Вообще, Ф. И. отказался здесь от мысли, которая руководила им в его «Очерках по истории византийской образованности», о влиянии византийской науки на западную науку через посредство логики Михаила Пселла. В этой же главе Ф. И. рисует внутреннее положение Византийской империи накануне крестовых походов, останавливаясь, главным образом, на тяжелом финансовом положении империи и мероприятиях Алексея I Комнина в области денежного обращения, по которым был введен принудительный курс номисмы.

Эпоха крестовых походов в связи с историей Византии уже привлекала внимание Ф. И. Успенского в его работе, появившейся в известной серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», выходившей под редакцией Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого.** Эта работа Ф. И. использована им в издаваемом сейчас III томе его труда. Общая оценка причин крестовых походов, сделанная Ф. И. Успенским, не может удовлетворить историка-марксиста. Ф. И. говорит о «первоначальной цели крестоносного движения», то есть об освобождении Иерусалима из рук неверных. Правда, он приближается к пониманию причин крестовых походов, отмечая, что эта «первоначальная цель» была впоследствии заменена попытками основать независимые княжества на Востоке, завоевать Византию и добиться торговых преимуществ в византийских и мусульманских областях. Но тем не менее, по мнению Ф. И., «обстоятельства, вызвавшие крестовые походы, остаются до сих пор не вполне ясными». Между тем советская медиевистика раз-

* Виз. Вр., III, 1897, стр. 126 и сл.

** Ф. И. Успенский. Истории крестовых походов. СПб, 1901.

работала совершенно определенную точку зрения по вопросу о причинах крестовых походов. Несмотря на то, что с общей оценкой эпохи крестовых походов, сделанной Ф. И., мы не можем согласиться, огромный фактический материал, собранный им и систематизированный в этом разделе, придает большую ценность этой части его труда и неоднократно заставит многих историков прибегать к этому материалу как к весьма важному источнику при изучении этой эпохи.

Изучая положение Византии перед крестовыми походами, Ф. И. подчеркивает опасность, угрожавшую империи со стороны половцев и печенегов, и приводит послание Алексея I Комнина Роберту Фландрскому, в котором он просил вождей ополчения ускорить поход, поспешив на помощь Византии. Как отмечает Ф. И., в это время византийское правительство готово было пойти на большие уступки Западу, в том числе и в вопросе о воссоединении церквей. По мнению Ф. И., такая политика византийского правительства явилась одной из основных причин Первого крестового похода. С этим положением также нельзя согласиться. Вопрос о церковной унии был одним из излюбленных орудий византийской дипломатии, к которому прибегали византийские императоры всегда, когда внешнее положение империи было особенно тяжелым. Это понимал и сам Ф. И., указывая, что «обращение Византийской империи за помощью к латинскому Западу всегда знаменовало крайний упадок нравственных сил в Константинополе и было выражением самого беспомощного состояния». Но обращение Алексея I Комнина к Западу, конечно, не может рассматриваться как одна из причин Первого крестового похода.

Ф. И. Успенский притом ошибочно считает дошедшее до нас письмо Алексея I Комнина к Роберту Фландрскому целиком подлинным. В настоящее время большинство исследователей пришло к выводу, что дошедший до нас текст не во всех своих частях является подлинным.

Большим недостатком III тома, в котором обстоятельно разобраны взаимоотношения Византии с южными славянами, итальянцами, турками-сельджуками, является почти полное игнорирование истории русско-византийских отношений XII—XV вв. Здесь мы не найдем ничего для восстановления картины тех непрерывных и многообразных связей, которые существовали между Русью и Византией и свидетелями которых являются многочисленные художественные и литературные памятники Киевской Руси.

Главы о внешнем положении Византии при Иоанне II Комнине (1118—1143 гг.) и Мануиле I Комнине (1143—1180 гг.) принадлежат к лучшим разделам большого труда Ф. И. Успенского. Если правление Мануила I Комнина тщательно изучалось исследователями-византинистами, то время Иоанна II Комнина получило полное освещение впервые в труде Ф. И. Успенского. События этого правления показаны на широком, мастерски сделанном фоне международных событий того времени.

Читатель найдет здесь изложение судеб Сицилийского королевства, рассматриваемые Ф. И. в связи с борьбой императорской и папской власти блестящие страницы недостаточно изученной еще нами ранней истории Венгрии, а также материал по истории Сербии, выяснение исторической роли которой Ф. И. Успенский считал одной из своих существенных задач.

Время Мануила I Комнина (1143—1180 гг.) освещалось в некоторых работах Ф. И. Успенского, основанных на том же материале, что и соответствующий раздел III тома, и уже знакомых читателям, интересующимся историей Византии.*

Как уже отмечалось, освещение внешней политики Мануила I Комнина принадлежит к лучшим разделам большого труда Ф. И. Успенского. Здесь снова нужно обратить внимание на большой и ценный материал по истории Сербии и Венгрии, византийско-венгерских и византийско-сербских отношений, содержащийся в 13-й главе этого отдела. Вместе с тем необходимо отметить недостаток этого отдела, заключающийся в отсутствии анализа внутренней истории Византии этого периода. Это необходимо было сделать особенно по отношению ко времени последних Комнинов, когда завершается процесс феодализации Византийской империи, о чем писал сам Ф. И., указывая, что время Мануила I Комнина должно считаться периодом, когда оформляется вся система феодальных отношений в Византии, основанных на пронии и зависимости земледельческого класса.** Наконец, изучение внутренней истории Византии при Комнинах и особенно при Мануиле I тем более необходимо, что без него нельзя понять деятельности Андроника Комнина, которую Ф. И. освещает в последней, 15-й главе этого отдела («Последние Комнины. Начало реакции»). И, действительно, в оценке этой деятельности мы встречаем ряд положений, с которыми нельзя согласиться.

Прежде всего, в оценке Андроника Комнина у Ф. И. мы видим преувеличение роли личности в истории, изложенное при этом в несколько наивной форме. Так, отмечая, что в потомстве Исаака Комнина властолюбие, энергия и даровитость были наследственными чертами (показателем этого служит то, что в третьем поколении эта линия достигла царской власти, образовав Трапезунтскую империю), Ф. И. считает, что при оценке деятельности Андроника Комнина нельзя упускать из виду этой наследственной черты. Излишней модернизацией является утверждение Ф. И. о том, что в программу Андроника Комнина в борьбе против

* Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. Виз. Вр., XXII, 1915—1917, вып. 1 и 2, стр. 21—40; Его же. Последние Комнины. Начало реакции. Виз. Вр., XXV, 1927, стр. 1—23.

** Ф. И. Успенский. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сб. статей, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности, СПб. 1883, стр. 1—32.

засилья латинян входило образование «национального правительства». Верно только то, что Андроник Комнин ставил своей задачей овладеть народным движением против латинян, чтобы добиться византийского престола. Внутренняя политика Андроника Комнина в основном освещена Ф. И. правильно как попытка ослабить служилую аристократию и крупных землевладельцев (называемых Ф. И. «поместным дворянством») и принять ряд мер для улучшения положения земледельческого класса. Однако в изображении Ф. И. мы не можем проследить, какая расстановка классовых сил привела Андроника Комнина к власти, а затем привела к его свержению. Наконец, бесспорно преувеличена характеристика Андроника Комнина как «крестьянского царя». Все эти ошибки Ф. И. Успенского объясняются тем, что характеристике деятельности Андроника Комнина не предпослан анализ внутренней истории Византии перед его приходом к власти и внутренней политики его предшественников.

С падением Андроника Комнина с византийского престола сошел последний представитель этой династии, и на престол вступила династия Ангелов, прекратившаяся после завоевания Константинополя латинянами в 1204 г. в результате Четвертого крестового похода и образования Латинской империи. Этому времени посвящен VII отдел III тома, названный Ф. И. «Расчленение империи».

При освещении внешнего положения Византийской империи основными событиями, как бы подготовившими, по мнению Ф. И., катастрофу латинского завоевания, он выдвигает поход норманнов, временно занявших Фессалонику, и освободительное движение в Болгарии и Сербии, приведшее к их независимости и в корне изменившее политическое положение на Балканском полуострове. Большое внимание уделяет Ф. И. в этом отделе истории Венгрии и ее взаимоотношениям с Византией и Сербией в XII в. Очень ценным является приведенный Ф. И. материал, показывающий, что борьба болгарского народа за свою независимость перешла в конце XII в. в общее движение славянских народов Балканского полуострова против Византийской империи. Нельзя согласиться с положением Ф. И. о том, что это движение являлось следствием происходившего в это время процесса расчленения Византийской империи. Движение это нарастало со времени завоевания Византией славянских стран, оно принимало вполне определенные очертания уже в середине XII в. и глубоко коренилось в условиях угнетения славянских народов и усиления феодальной зависимости крестьянства, которые эти народы испытывали при византийском господстве. Что касается результатов этого движения, приведшего к независимости славянских стран, то они являлись одной из причин, а отнюдь не следствием начавшегося в это время процесса расчленения империи. Нужно отметить также недооценку роли богомилов в освободительном движении болгарского народа.

События, связанные с Четвертым крестовым походом, в основном повторяют выводы Ф. И. в уже упоминавшейся мною его работе по истории крестовых походов. Этот отдел кончается 5-й главой, носящей название «Центробежные и центростремительные силы в истории Византии». В этой главе, подводящей итоги периода в истории Византии, предшествующего латинскому завоеванию, Ф. И. поставил задачу «выяснить обстоятельства, приведшие империю к параличу». Эта глава представляет тем больший интерес потому, что, как уже отмечалось, внутренняя история Византии освещена недостаточно. В этой главе Ф. И. пришел к правильному выводу, что феодализация империи — расширение системы проний — приводила к разрушению фемного строя, закрепощению свободного крестьянства, поглощению мелкой земельной собственности крупным феодальным землевладением, упадку системы стратиотских участков, то-есть к разрушению тех устоев, на которых Византия держалась в течение многих веков. Но процесс феодализации империи Ф. И. представляет себе неправильно, когда пишет, что «для обеспечения себе дальнейшего политического бытия... империя должна была искать средства не в усвоении феодализма и не в уступках латинству...» В этом утверждении слышатся отзвуки неприемлемой с марксистской точки зрения теории о феодализации Византии как следствии влияния феодального устройства Западной Европы, неприемлемой потому, что византийский феодализм возник и развивался в силу внутренних законов развития. Кроме того, если под словом «империя» нужно понимать центральную императорскую власть, то она вовсе не «искала усвоения феодализма», а на протяжении веков сопротивлялась процессу феодализации и к концу династии Комнинов потерпела в этой борьбе окончательное поражение.

Отметим содержащийся в этой главе интересный материал о положении византийского духовенства и монашества, яркими красками рисующий их низкий культурный и нравственный уровень. Интересные сами по себе, эти сведения дали Ф. И. основание для неправильного вывода о том, что это состояние духовенства и монашества являлось одной из причин падения Византии в 1204 г. Неправильно утверждение Ф. И., что «в наиболее важные моменты исторической жизни Византийская империя находила опору в духовенстве, именно в монашестве». Именно церковно-монастырское землевладение было одной из основных сил, которые постепенно расшатывали, а отнюдь не поддерживали византийское государство, и усиление его в эпоху перед латинским завоеванием можно считать одной из причин ослабления, а затем и падения империи.

Последний, VIII отдел III тома («Ласкари и Палеологи») охватывает время Латинской империи, освещает историю греческих центров, возникших на территории Византии после латинского завоевания, и историю последних веков Византии до ее завоевания турками. Этот отдел имеет

особое значение потому, что, как я уже отмечал, этот период наименее освещен в историографии, между тем он богат событиями в области международных отношений, а изучение внутренней истории византийского государства в эпоху Палеологов должно подвести исследователей к решению уже давно назревшего вопроса о причинах падения Византийской империи.

После изложения обстоятельств, связанных с захватом Константинополя латинянами и его разгромом, в этом отделе идет большая 2-я глава, посвященная Латинской империи («Латинская империя и латинские государства Романии. Греки в XIII в.»). Эта глава представляет выдающийся интерес, так как кроме устаревшей работы П. Медовикова * мы не имеем ни одной работы о Латинской империи на русском языке. «На развалинах Византийской империи образовалось латинское константинопольское феодальное государство поверх греческого крестьянства, целая политическая система . . . », — пишет Ф. И. Успенский. В его задачу и входило показать феодальное устройство этой империи и ее политическую систему. Здесь собран большой материал, основанный на тщательном изучении всей литературы вопроса, бывшей в распоряжении Ф. И.

Чрезвычайно ценными являются приводимые Ф. И. сведения о политическом устройстве Латинской империи. Многие из них основаны на первоисточниках, либо впервые вводимых Ф. И. в научный оборот, либо впервые переведенных им на русский язык. Большое значение придавал Ф. И. договору 1205 г. между императором Латинской империи Генрихом Фландрским и венецианским подеста, по которому упразднялось преимущественное положение венецианцев, сложившееся в течение всего Четвертого крестового похода, и устанавливалось единство в командовании всеми вооруженными силами империи и в политическом управлении, причем венецианцы, наравне с другими участниками похода, получившими феоды, должны были принести императору вассальную присягу. При императоре был учрежден совет из представителей венецианцев и франков, главным образом держателей крупных феодов. Актом 1205 г. были установлены взаимоотношения между императором и советом. Хотя по этому акту власть императора была несколько ограничена, тем не менее Ф. И. преувеличивает значение созданного совета, отмечая, что при благоприятных условиях из него мог бы возникнуть средневековый парламент.

Прежде чем перейти к анализу общественного строя новой империи, Ф. И. показывает в этой главе состояние византийских провинций в XIII в. Мы видим здесь яркое изображение крупных феодальных владений византийских динатов-архонтов, с большими за́мками, собственными дружинами, с большой политической самостоятельностью, особенно в Фессалии и Пелопоннесе.

* П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе. Москва, 1849.

Основным источником для изучения общественно-экономического строя Латинской империи для Ф. И. служила Морейская хроника. Заслугой Ф. И. является критический пересмотр сведений хроники путем сличения их с показаниями других источников. Недостаточно использованы Ф. И. так называемые «ассизы Романии», которые могут дать много нового материала. Ф. И. рассмотрел феодальное устройство отдельных частей Латинской империи, особенно подробно остановившись на организации франков в Ахейском герцогстве. При этом Ф. И. использовал сведения различных источников о так называемом «парламенте» в Андравиде, вернее — собрании вассалов Ахейского герцогства, на котором было утверждено распределение ленов, записанное в особом реестре, или книге ленов. Феодальное устройство Латинской империи по состоянию источников наиболее полно можно проследить на примере Ахейского герцогства, вследствие чего произведенный Ф. И. тщательный анализ устройства этой части Латинской империи представляет для нас особый интерес.

Феодальное устройство Латинской империи оказало влияние на развитие форм феодализма после восстановления в 1261 г. Византийской империи. Ф. И. показал ухудшение положения зависимого крестьянства при латинском завоевании. На византийскую почву были перенесены многие формы феодальной зависимости, не встречавшиеся в Византии до завоевания. Они пережили Латинскую империю, оставили глубокий след в поздней Византии, в которой мы наблюдаем закрепощение крестьянства в его завершенном виде. Пониманию этого процесса наука во многом обязана анализу положения крестьянства в период Латинской империи, произведенному Ф. И. Успенским. Большой и интересный материал мы находим здесь также по вопросу о взаимоотношениях латинской и греческой церквей, а также о взаимоотношениях светской и церковной власти в Латинской империи. Как правильно отмечает Ф. И., церковная политика латинских императоров, являвшихся в этом отношении послушным орудием папского престола, была одной из основных причин того, что завоеватели не сумели привлечь на свою сторону симпатии покоренного населения. Масса греческого населения оставалась враждебной латинской церкви. Это, а также ухудшение положения крестьянства были основными причинами шаткого положения Латинской империи с первых лет ее существования.

В этой же главе мы находим большой материал по вопросу об организации церкви в различных феодальных государствах, на которые делилась Латинская империя, а также о различных формах взаимоотношений между светской и церковной властью в этих государствах. Сопротивление греческого населения, как правильно отмечает Ф. И., не позволило завершить в империи организацию латинской церкви по преподанной Иннокентием III схеме, по которой уния должна была распространиться на все население. Ф. И. указывает, что при дворе в Фессалоникском королевстве сохрани-

лись греческие архиереи, которые вместе с правителями разбирали дела греков, и в этой связи приводит интересную мысль о том, что в этом церковном представительстве греческого духовенства среди покоренного греческого населения можно видеть зародыш того представительства, которое развилось в целую систему после завоевания Византии турками (в лице так называемого фанариотского духовенства).

Как уже отмечалось, договор 1205 г. уничтожил особые преимущества венецианцев при организации политической власти в Латинской империи. Несмотря на это, венецианская колонизация продолжалась и при Латинской империи, она достигла прочных результатов, сказавшихся затем в эпоху Палеологов. В труде Ф. И. убедительно показано, как планомерно Венеция добивалась своей цели — обеспечить торговые пути в Египет, Сирию и Месопотамию, занимая в рассматриваемый период Корфу, морейские гавани Корон и Модон, Крит и Евбею. Торговая Венеция извлекала из своих левантийских колоний огромные доходы, увеличивая их эксплоатацией феодов, полученных венецианцами при разделе империи, утверждая на прочных основаниях будущее господство Венеции на византийской территории.

Возникшая в результате Четвертого крестового похода Латинская империя не могла овладеть всеми областями завоеванной Византии. На ее территории успели образоваться греческие центры — Эпирский деспотат на Балканском полуострове, Никейская и Трапезунтская империи в Малой Азии. Эти государства, особенно Эпирский деспотат и Никейская империя, в период латинского господства вели между собою упорную борьбу за роль восстановителей Византийской империи. Их историческим судьбам посвящены 3-я и 4-я главы этого отдела.

Материал этих глав интересен потому, что по истории Эпирского деспотата и Никейской империи мы не имеем монографических работ на русском языке. История Трапезунтской империи представлена рядом очерков Ф. И. Успенского, основанных на результатах руководимых им в 1916—1917 гг. археологических экспедиций на территории бывшей Трапезунтской империи, сведенных затем в вышедшую уже после смерти Ф. И. работу.* Истории Трапезунтской империи Ф. И. придавал большое значение из-за связей, которые она имела с народами, населяющими сейчас территорию нашей родины. Так, он писал: «...эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения легко приводят нас к заключению, что история Трапезунтской империи входит некоторою частью в задачи, принадлежащие истории России».**

* Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи. Л., 1929.
** Там же, стр. 2.

В труде Ф. И. блестяще показана сложная международная обстановка, в которой приходилось действовать Эпирскому деспотату и Никейской империи, лавировавшим между Венецией, Латинской империей и славянскими государствами Балканского полуострова. Внутренняя политика этих греческих центров мало разработана. Тем не менее, собранный Ф. И. материал позволяет нам восстановить основные черты внутренней истории этих государств. Развитие общественных отношений в Эпирском деспотате и Никейской империи является продолжением процесса феодализации Византийской империи, оно оставило заметные следы в общественном строе соответствующих областей в поздневизантийское время, для изучения внутренней истории которого собранный Ф. И. материал имеет большую ценность. Греческие центры хранили и развивали лучшие традиции византийской культуры. В труде Ф. И. мы находим большие извлечения из произведений и переписки навпактского митрополита Иоанна Апокавка, фессалоникского митрополита Константина Месопотамита, Георгия Вардана, Димитрия Хоматиана, интересные для истории Эпирского деспотата. В приведенных отрывках мы можем проследить энергичную борьбу этих деятелей, стремившихся отстоять византийскую культуру и греческую православную церковь. В Никейской империи эту роль играли такие выдающиеся деятели византийской культуры, как Никита Хониат, Георгий Акрополит, Никифор Влеммид, Николай Месарит, Георгий Музалон, наконец, один из никейских императоров Феодор II Ласкарь. Многие из этих деятелей объединялись в кружке Феодора II Ласкаря, сыгравшем большую роль в сохранении и развитии византийской культуры. В труде Ф. И. эти деятели выступают как живые яркие представители византийской культуры этого тревожного периода истории Византии.

Эпирскому деспотату приходилось вести борьбу не только против Латинской империи, но и против Болгарии, которая при Иоанне Асене II (1218—1241 гг.) нанесла деспотату серьезные удары. В своем труде Ф. И. счел необходимым остановиться на анализе внутреннего положения Болгарии в этом периоде и на освещении политики Болгарии по отношению к населению завоеванных Иоанном Асенем II византийских областей Эпирского деспотата. Мы находим здесь также интересные страницы из истории болгарской культуры XIII в.

Особое значение имеет изложенная Ф. И. в 4-й главе отдела история Никейской империи, которой суждено было восстановить Византийское государство. Освободившись от опасности со стороны Латинской империи, никейским императорам очень рано пришлось выдержать натиск со стороны другого греческого центра в Малой Азии — Трапезунтской империи.

Активная внешняя политика обоих соперников, вступивших во временные союзы с латинскими императорами, с Болгарией, с турками-сельджу-

ками, находит у Ф. И. подробное освещение. Как и прежде византийские императоры, никейские правители в своем стремлении добиться признания искали помощи Венеции. Приводя материалы договоров, заключенных Никейской империей с Венецией, Ф. И. показал, что венецианцы получили в империи широкие привилегии — право беспошлинной торговли не только в гаванях, но и внутри империи, и т. д. Венеция неоднократно впоследствии использовала эти договоры, неизменно подтверждавшиеся императорами из фамилии Палеологов. Мы находим в этом разделе интересный материал о взаимоотношениях Никейской империи с государством сельджуков, а также изложение событий, связанных с нашествием монголов. Наконец, здесь приведены Ф. И. интересные сведения об участии русского князя Ростислава, сына Михаила Всеволодовича Черниговского, в переговорах между болгарским царем Михаилом I Асенем и Феодором II Ласкарем, состоявшихся в 1256 г. после военных действий между Болгарией и Никейской империей во Фракии.

В научной литературе распространена точка зрения о политике Ласкарей, направленной к «стеснению феодализма». Наиболее яркое выражение этой политики Ф. И. видит в деятельности Феодора II Ласкаря, стремившегося к ограничению экономической и политической мощи архонтов и властелей, служилой и землевладельческой знати. Ф. И. высоко оценивает Феодора II Ласкаря, являющегося действительно весьма интересной личностью в истории византийской культуры. Однако утверждение Ф. И., что Феодора II Ласкаря можно назвать «далеким, затерявшимся предвозвестником идей просвещенного абсолютизма», конечно, не имеет за собой никаких оснований. Преувеличениями в духе модернизации звучат также отдельные черты даваемой Ф. И. характеристики Феодора II, которому он приписывает идеи «рационализма», представление об античном прошлом эллинизма как о пути к новому будущему и которого он называет «глашатаем политического ренессанса эллинской нации».

Остальные 5 глав III тома относятся к истории Византии в эпоху Палеологов. Этой эпохе в общих трудах по истории Византии всегда отводилось весьма незначительное место. Труд Ф. И. Успенского в этом отношении выгодно отличается от всех подобных работ. В этом отделе у Ф. И. собран большой материал, основанный на тщательном изучении источников. Хотя в изучении этой эпохи остается еще много нерешенных вопросов, тем не менее читатели видят здесь яркую картину жизни византийского государства и общества в последние века византийской истории. Ф. И. показал в своей работе, что приход к власти династии Палеологов означал окончательную победу крупной феодальной знати, и под этим углом зрения он рассматривает весь ход истории Византии в этот период. Правильно считая уже основателя новой династии Михаила Палеолога инициатором и последовательным проводником внутренней политики, направленной

к всемерной поддержке феодальной знати, Ф. И. видит одну из причин гибели империи в этой политике, называя ее «пагубной для позднейших судеб Византии».

Несмотря на то, что восстановленная Византия и по своей территории и по удельному весу в международных отношениях представляла собой лишь тень прежней империи, история этой эпохи полна чрезвычайно важными внешними событиями. Эпоха Палеологов, далее, занимает большое место в истории византийской культуры. И недаром вокруг вопроса о так называемом «Возрождении» в эпоху Палеологов создана такая большая литература. В работе Ф. И. эта эпоха предстает как большой и интересный этап истории Византии, заканчивающийся последней катастрофой. Мы находим здесь много нового и не потерявшего свежести материала в характеристике императоров этой династии, и эти страницы будут еще долго представлять большой интерес для широкого круга читателей. Первый представитель новой династии Михаил Палеолог предстает в изображении Ф. И. как способный дипломат. Успешно лавируя между Болгарией, Эпирским деспотатом, Венецией и Генуей и латинскими государствами, остававшимися на территории Византии после падения Латинской империи, Михаил Палеолог не только удержал в своих руках границы империи, но даже несколько расширил их. Но империи постоянно угрожала опасность нового нападения со стороны западных государств, носившихся с планами восстановления Латинской империи путем нового крестового похода. С целью предотвратить этот новый поход Михаил Палеолог ведет переговоры с папским престолом и сам выступает в 1274 г. на Лионском соборе с новыми предложениями унии. Как и всегда, всякие шаги правительства, направленные к заключению унии, вызвали резкое сопротивление византийского духовенства и волнения среди широких слоев населения. Между императором и константинопольским патриархом в течение всего правления Михаила Палеолога велась постоянная и упорная борьба, подробно освещенная в работе Ф. И. Здесь показана также внутренняя политика Михаила Палеолога, которая приводила к дальнейшему закрепощению крестьянства, вызывая крестьянские мятежи, как, например, в Никейской области, к разорению мелких прониаров, к упадку стратиотских участков.

Со вступлением на престол Андроника II (1282—1328 гг.) Византия вступает в полосу длительной междоусобной борьбы, способствующей усилению турок-османов в Малой Азии. Ф. И. правильно отмечает, что спасти Византию могли лишь коренные реформы социального и государственного строя, но преемники Михаила Палеолога, занятые борьбой за власть, и не думали ни о каких преобразованиях.

Междоусобная борьба в Византии с особенной силой разгорелась после смерти Андроника III в 1341 г., когда претендентом на престол выступил ставленник феодалов Иоанн Кантакузин. Академик Успенский чрезмерно

идеализирует Иоанна Кантакузина, сыгравшего такую фатальную роль в истории Византии, причем иногда впадает в противоречие с самим собой. Этот период знаменует собой начало широкого народного движения, которое привело в конце концов к восстанию зилотов, демократической партии, поставившей своей целью проведение широкого плана преобразований государственного и общественно-экономического строя империи. Восстание зилотов занимает центральное место в истории поздней Византии, и на освещении этого движения Ф. И. Успенским следует особо остановиться.

Ф. И. подробно освещает ход движения зилотов, однако с оценкой этого движения, какую мы находим в работе Ф. И., нельзя согласиться. Ф. И. изображает восстание зилотов как движение низших слоев населения одного города Фессалоники, между тем как это движение не было изолированным, ограниченным пределами Фессалоники.* Оно распространилось по многим городам и областям империи, и по источникам можно проследить такие центры движения, как Гераклея, Потидея, ряд других. Анализируя движение зилотов, Ф. И. освещает борьбу варлаамитов и паламитов вокруг вопроса об учении исихастов, которая волновала в это время византийское общество. Значение этой борьбы недостаточно оценено Ф. И. Успенским. Нужно отметить, что партию сторонников учения «исихастов», возглавляемую Григорием Паламой, поддерживала феодальная знать и имущие классы городского населения, которые находили в ней проводников своих реакционных взглядов. Вожди классовых группировок использовали эту борьбу на философско-религиозном фронте. Так, Иоанн Кантакузин, ставленник феодалов, учитывал, что в его борьбе за власть могут сыграть большую роль монахи-исихасты, имевшие большое влияние в господствующих классах. Одной из причин движения зилотов Ф. И. считал влияние «Генуи и других итальянских республик, где как раз в эти годы торжествовала демократия . . . » С этим положением нельзя согласиться. Движение зилотов не было отраженным явлением, результатом влияния демократического движения в итальянских республиках. Оно коренилось во внутренних условиях развития византийского феодализма и вызывалось усилением феодальной эксплоатации, обезземеливанием и закрепощением мелкого крестьянства, тяжелым налоговым гнетом. Разорение населения, вызванное продолжительной междоусобной борьбой при Андронике II и Андронике III, лишь ускорило это движение и привело к восстанию зилотов, в течение 7 лет (1342—1349 гг.) державших в своих руках власть в Фессалонике, являвшейся центром движения.

Программа зилотов, которую можно установить по обвинительной речи Николая Кавасилы, изложена в работе Ф. И. достаточно полно. Однако утверждение Ф. И., что центром программы зилотов являлся «коммуналь-

* Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Автореферат. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, т. III, стр. 92—96.

ный социализм», конечно, не имеет под собой никакой почвы. Программа зилотов основана была на антифеодальном движении низших классов и была, конечно, далека от всяких социалистических идей. Нельзя согласиться с утверждением Ф. И. Успенского, что движение зилотов было мыслимо «лишь в ограниченных рамках места и времени, в портовом и просвещенном городе, отрезанном событиями от своей страны и открытом для итальянских демократических идей». Такое представление о движении зилотов помешало Ф. И. должным образом оценить его. Между тем, зилоты ставили своей задачей обновление всего государственного и общественного устройства Византийской империи, и после поражения восстания зилотов империя не могла больше подняться и шла навстречу неизбежной гибели.

В 8-й главе последнего отдела обрисовано международное положение, в котором Византийская империя находилась в XIV в. Здесь показано возвышение Сербии и ее территориальное расширение за счет Византии, особенно при Стефане Душане, усиление турок-османов, положение Трапезунтской империи в XIV в., расцвет генуэзской торговли на побережье Черного моря, в частности в Крыму. Большой материал, приводимый здесь, убедительно показывает, что одной из причин конечного поражения в борьбе с турками была борьба между собой государств Балканского полуострова вместо объединения перед лицом грозившей им всем общей опасности.

События последнего века византийской истории освещены в последней, 9-й главе («Последние Палеологи. Падение Константинополя и остальных греческих государств»). Эта эпоха в работе Ф. И. изображается как непрекращающаяся агония государства, раздробленного на ряд феодальных владений, лишенного организованной армии и не имеющего средств для ее восстановления. Перед лицом турецкой опасности в целях поисков помощи со стороны Запада снова появилось на свет обветшалое орудие церковной унии, и Ф. И. показывает события, связанные с Ферраро-Флорентийским собором. Но на помощь Запада нельзя было рассчитывать, а переговоры об унии лишь еще более подорвали авторитет византийского правительства среди населения.

Один удар за другим обрушивается теперь на территорию Балканского полуострова. Перебравшись на полуостров, турки в 1389 г. наносят решительное поражение Сербии, и Ф. И. отмечает впечатление, произведенное от разгрома сербов на Косовом поле на византийский двор, который мог только беспомощно наблюдать за развертывавшимися событиями. Не менее сильное впечатление на Византию, как и на Запад, произвел разгром крестоносного ополчения в битве при Никополе 1396 г. Поражение турок, нанесенное им войсками Тамерлана в битве при Ангоре в 1402 г., лишь ненадолго отсрочило падение Византии.

Останавливаясь на положении в Пелопоннесе, Ф. И. показывает читателям византийский культурный центр, образовавшийся здесь накануне

катастрофы, деятельность Плифона, оригинального мыслителя-реформатора. Сравнивая идеи Плифона с программой зилотов, Ф. И. снова впадает в ничем не оправданную модернизацию, заявляя, что зилоты «осуществляли попытку якобинского переворота».

В последние десятилетия своей истории Византия находилась в фактической вассальной зависимости от турецких султанов, которые могли спокойно выжидать удобного момента, чтобы нанести империи последний удар. Во власти византийского императора оставался, собственно, один Константинополь с ближайшими окрестностями, окруженный со всех сторон владениями турок-завоевателей. Это постепенное окружение Византии подробно освещено в последней главе, где приведены также известные сведения о событиях, связанных с обороной Константинополя, его падением, а также с захватом турками Трапезунтской империи.

Издаваемый в настоящее время III том «Истории Византийской империи» охватывает большой и важный период в истории Византии, до сих пор недостаточно освещенный в научной литературе. Здесь были указаны принципиальные недостатки в труде Ф. И. Успенского, отмечены положения, с которыми не может согласиться марксистско-ленинская историческая наука. Кроме того, в этом томе мы не находим ответа на вопрос о причинах падения Византии, вопрос, который еще должен быть разрешен исследователями-византинистами. В отдельных местах этого тома недостаточное внимание уделено внутренней истории Византии. Неприемлемым для нас является деление истории Византии на периоды по такому внешнему признаку, как смена династий. Наконец, вопрос об особенностях византийского феодализма, о формах его развития в поздней Византии также не получил в работе Ф. И. Успенского своего разрешения. Следует также отметить, что к тем цифрам, которые приводит акад. Ф. И. Успенский на страницах своей книги, надо относиться с известной осторожностью, так как во многих случаях они являются сильно преувеличенными.

Тем не менее, III том «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского представляет собой выдающееся явление в историографии Византии.

В этом томе собран огромный материал, в значительной части не потерявший до сих пор своей свежести. Поэтому он явится большим вкладом в научную литературу по истории Византии. Издание этого тома, а также переиздание остальных частей «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского будет лучшим памятником выдающемуся русскому ученому, так много сделавшему для развития русского византиноведения.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

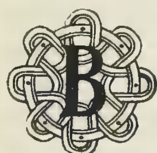
ОТДЕЛ

VI

КОМНИНЫ

Глава I

ЦЕНТР И ОКРАИНЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ



есьма важный перелом испытала империя в эпоху перехода от Македонской династии к периоду Комнинов. Чтобы составить понятие о той среде, в которой развивались главнейшие события этой эпохи, должно прежде всего рассматривать отдельно области с преобладающим эллинским населением, в которых господствовала византийская административная система, церковное и финансовое управление, противопоставляя их окраинам и тем фемам, где было инородческое население, мало подвергшееся эллинизации.

Весьма любопытно отметить, что обнаружение новых народных и созидательно прогрессирующих начал видно не в центральных эллинских областях, а на отдаленных окраинах, как западных, так и восточных. Всемирно-историческая эволюция делала попытку влиться в области, подверженные греческому влиянию, дав несколько новых зачаточных видов культурных форм, которые с успехом развились на Западе и не получили достаточного питания на Востоке.

Эта весьма интересная в истории Византии проблема может быть в настоящее время лишь слегка намечена, хотя можно прямо указать, что пульс исторической жизни переносился от центра к периферии и что на окраинах возникали новые общественные организации и нарождались идеи, которым предстояло влиять на настроения и психологию общественных деятелей в средние века.

Новые веяния идут прежде всего из Италии. Здесь вековая борьба с африканскими и сицилийскими сарацинами, которые имели для себя опору в борьбе политических притязаний двух империй и в соперничестве лангобардских князей, нашла себе неожиданное разрешение в усилении в стране пришлого с севера воинственного народа норманнов. Норманнский вопрос принадлежит к числу первостепенных в истории Византии как в XI, так и в последующих веках. Поэтому на нем необходимо остановиться с особенным вниманием.*

История норманнов в Италии потому занимает важное место, что она всецело входит в историю взаимных отношений между Восточной и Западной империей и что в XI в. эти отношения обостряются вследствие споров из-за обладания южной Италией. Обе империи содержали в южной Италии войска и подкупами и пожалованиями разных привилегий поддерживали партию приверженцев в разных городах. Влияние византийского или германского императора усиливалось или ослабевало смотря по тому, на чьей стороне в данный момент было больше материальной силы и влияния среди лангобардских князей и куда склонялась римская курия.

Подобное положение вещей, где равновесие зависело от случайных и часто извне приходивших влияний, продолжалось много лет, не давая прочного и обеспеченного преобладания ни той, ни другой партии. Этим положением дела и воспользовались тогдашние более дальновидные государственные умы, выждав благоприятный момент, чтобы бросить на стоявшую в равновесии чашку весов горсть военных искателей приключений, прибывших из Нормандии. Часть норманнов поступила на службу к лангобардским князьям, часть к греческому катепану.

При царе Василии Болгаробойце влияние Византии в южной Италии было так значительно, что катепан Боиоян был в состоянии предпринять военную экспедицию по Адриатическому морю в славянские земли и воз-

* Главные пособия: O. Delarc. Les Normands en Italie depuis les premières invasions jusqu'à l'avènement de Saint Grégoire VII. Paris, 1883; L. Heinemann. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien, I. Leipzig, 1894; F. Shalandon. Essai sur la règne l'Alexis I Comnène. Paris, 1900; G. Schlumberger. L'Épopée Byzantine. Paris. 1905.

Патрикій Георгій Маніакъ долженъ занимать
выдающееся мѣсто въ описываемую эпоху. Военную
карьеру онъ сдѣлалъ на востокѣ въ послѣдніе годы
царя Василія и преимущественно при Романѣ III.
Онъ былъ впрочемъ турецкаго происхожденія
и во всякомъ случаѣ не могъ похвалиться своими
предками. Современникъ его писатель Михаилъ Пселлъ[1]
даетъ ему характеристику: „Я видѣлъ
этого человѣка и удивлялся. Природа щедро
надѣлила его тѣми качествами, которыя необходимы
будущему стратигу. Ростъ его достигалъ 10 стопъ,
такъ что на него нужно было смотрѣть снизу
вверхъ какъ на колонну или вершину горы. Взглядъ
его не отличался мягкостью и пріятностью, но
былъ грозенъ какъ громовой ударъ. Рѣчь его
была подобна раскатамъ грома, руки же у него
были таковы, что хоть колебать стѣны и разби-
вать мѣдныя двери, движенія его напоминали
походку льва и поступь его была благородная. И всѣ
другія качества соотвѣтствовали указаннымъ

[1] Σάθα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη IV. p. 137.

Автограф акад. Ф. И. Успенского.

Страница из рукописи III тома «Истории Византийской империи».

вратился из похода со знатными пленниками из Хорватии, которых отправил в Константинополь. В апреле 1025 г. снаряжена была экспедиция в Сицилию под предводительством евнуха Ореста, который должен был вместе с катепаном внести войну на остров Сицилию. Смерть царя расстроила предприятие, в котором должен был принять участие и сам Василий, и евнух Орест не оказался в состоянии исполнить предстоявшей ему задачи. Когда Орест потерпел в Сицилии поражение, правительство Константина VIII отозвало его, равно как и катепана Боиояна, назначив на пост катепана Христофора, и уже в 1029 г. Роман Аргир послал на место Христофора своего родственника патрикия Пофа, при котором произошли в южной Италии чрезвычайно важные по своим ближайшим последствиям события. Граф Теано Пандульф и неаполитанский герцог Сергий, оба принадлежавшие к сторонникам Византии, подверглись нападениям со стороны герцога Капуи и искали себе союзников против сильного соседа. В это именно время впервые упоминаются норманны в качестве отряда военных людей, с которыми Сергий вступил в соглашение и пригласил их для этого в свое княжество. Райнульф, один из пяти братьев, которые пришли на зов Мели в 1017 г. и приняли участие в его войне с греками, вступил в союз с Сергием, женился на его сестре и в приданое за ней получил на севере Неаполитанской области небольшую местность Lavoro. В 1030 г. здесь построено было укрепление Аверса, которое было окружено рвом и стенами и из которого Райнульф постепенно завладел окрестной плодородной областью, составившей колыбель будущего графства.

Постройка Аверсы составляет факт первостепенной важности в истории южноитальянских норманнов. Она отмечает заключение периода от 1016 до 1030 г., когда первые авантюристы, пришедши в Италию и не имея еще собственных владений, предлагали свои услуги то лангобардским князьям Капуи, Неаполя и Салерно, то настоятелю Монтекассинского монастыря, имевшему владельческие права над обширными землями, то наконец византийскому катепану.

Если и после основания Аверсы норманны состоят еще иногда на службе того или другого князя, то легко заметить, что с этих пор норманны преследуют уже свои цели, становясь постепенно частью равными, а в скорости и господами тех самых князей, чьими скромными слугами и вассалами были раньше. Словом, в южной Италии в занимающее нас время происходит процесс, за которым отступают на задний план интересы двух империй и борьба христиан с сарацинами: как будто указанные мировые силы обрекли себя на служение маленькой норманнской военной колонии.

Между тем необузданное своеволие капуанского герцога Пандульфа слишком затронуло соседних князей. Он отнял владения у монастыря

Монтекассино и платил доходами с них наемникам, приходившим из Нормандии; вмешался в дела Амальфи и старался привлечь это княжество на свою сторону. Но самым искусным шагом Пандульфа было то, что он успел убедить Райнульфа, графа Аверсы, нарушить договор с неаполитанским герцогом и вступить в союз с Капуей. В результате этого соглашения Райнульф, по смерти своей первой жены, породнился с герцогом Капуи, женившись на его племяннице, и вступил к нему в ленные отношения за графство Аверсу. Но между князьями, которых герцог Капуи слишком стеснял своими широкими притязаниями, нашелся один, именно салернский герцог Гаймар, которому удалось создать противовес ему при помощи тех же норманнов. Здесь в первый раз появляются на сцену сыновья норманнского графа Танкреда Готвилла: Вильгельм и Дрого, вступившие на службу салернского герцога. С 1036 г. составились в южной Италии две политические партии, на одной стороне был салернский герцог с Неаполем и Беневентом, на другой герцог Пандульф Капуанский с княжеством Гаэта, Амальфи и с церковным княжеством Монтекассино. Окончательное преобладание туземным политическим организациям могла дать Византия, смотря по тому, чью сторону стал бы поддерживать катепан, но так как в это время виды византийского правительства всецело направлялись на Сицилию, где открывалась возможность успешной борьбы с сарацинами, то южноитальянские дела развивались помимо влияния империи. На этот раз на положение партий имело влияние прибытие в Италию короля Конрада II в 1038 г., который принял к сердцу жалобы на Пандульфа и не мог оставить без удовлетворения просьбу монтекассинских монахов, лишенных Пандульфом своих владений. Хотя герцог Капуи обещался вознаградить все убытки, нанесенные монастырю, и давал заложников в исполнение своего обещания, но Конрад решился примерно наказать его и лишил его княжеской власти в Капуе. Все его владения перешли в качестве имперского лена к герцогу Салерно. Вместе с этим принято было новое решение и относительно графства Аверсы. Граф Райнульф поставлен был в непосредственную зависимость от герцога Салерно, и таким образом Аверса соединена была с Салерно.

Греческие владения в южной Италии подвергались большой опасности вследствие образования в стране такой политической власти, которая не была связана местными интересами и к которой могли легко примкнуть антивизантийские элементы, давно уже дававшие себя чувствовать. Дальнейший ход событий зависел, как сейчас увидим, от той боевой силы, какую представляла собой норманнская военная колония. С точки зрения византийской политики союз с норманнами был бы самым настоятельным и в тот момент наиболее выгодным политическим актом, который надолго мог бы обеспечить за Византией власть. Но случилось так, что импе-

рия не оценила значения норманнов и оттолкнула их от себя на сторону противников.

Пользуясь ослаблением фатимидского халифата и раздорами между местной сицилийской и берберской африканской партиями, византийское правительство пришло к решению организовать морскую экспедицию в Сицилию и сделать попытку освободить этот остров от мусульманского владычества. Это чрезвычайно важное предприятие поручено было в 1038 г. весьма известному в то время и прославившемуся войнами на Востоке патрикию Георгию Маниаку. Для того, чтобы дать понятие об обстановке, в которой составлялось это предприятие, заметим, что во главе правительства Михаила IV стоял тогда евнух Иоанн Орфанотроф.

Патрикий Георгий Маниак должен занимать выдающееся место в описываемую эпоху. Военную карьеру он сделал на Востоке в последние годы царя Василия и преимущественно при Романе III. Он был, вероятно, турецкого происхождения и во всяком случае не мог похвалиться своими предками. Современник его, писатель Михаил Пселл,* дает его характеристику. «Я видел этого человека и удивлялся. Природа щедро наделила его теми качествами, которые необходимы будущему стратигу. Рост его достигал 10 стоп, так что на него нужно было смотреть снизу вверх, как на колонну или верхушку горы. Взгляд его не отличался нежностью и приятностью, но был грозен, как громовой удар. И речь его была подобна раскатам грома, руки же у него были таковы, что хоть колебать стены и разбивать медные двери, движения его напоминали походку льва, и поступь его была благородная. И все другие качества соответствовали указанным, а слава о нем даже превосходила его действительные качества. И всякий варвар боялся его, один будучи поражен его внешним видом, другой на основании поразительных об нем слухов». Итак, когда сицилийский эмир Акхаль, возмутившийся против халифа, был разбит Абдаллахом и искал защиты у катепана Льва Опа,** этот последний решился выступить в защиту византийской партии в Сицилии. В то же время снаряжена была большая экспедиция под начальством упомянутого героя, прославившегося в войнах на восточной границе. Сухопутные войска сопровождал флот под предводительством царского шурина патрикия Стефана, который должен был крейсировать с восточной стороны острова, чтобы лишить его поддержки из Египта. Георгий Маниак хорошо понимал важность возложенной на него задачи и принял все меры к тому, чтобы собрать под свою команду все силы, какими только могла распо-

* К. Σαθα. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, IV, pp. 137—138.
** Cedreni, II (ed. Bonn., 1839,—*Ред.*), pp. 516—517.

лагать тогда империя. Так, в его экспедиции принимал участие патрикий и дука Антиохии Михаил Спондила и вспомогательные иностранные отряды, которыми с конца X в. стала постоянно пользоваться Византия. Между прочим, в этой войне принимал участие знаменитый герой скандинавской саги Гаральд, сын Сигурда, который по смерти своего брата короля Олафа II (1030 г.) прибыл в Византию, точно так же русская дружина и лангобарды князя Салернского. В числе лангобардских союзников были и норманны, между которыми особенной известностью пользовались Вильгельм Железная Рука и Дрого, сыновья Танкреда Готвилла, с ними вместе Ардуин, вассал миланского архиепископа, также получивший известность со времени этого похода. Несмотря на превосходные силы, задача оказалась весьма нелегкой. Хотя Мессина сдалась в начале войны, но потребовалось около двух лет упорной войны, прежде чем Маниак занял твердое положение на острове. Одержав решительную победу над эмиром Абдаллахом при Рометте, Маниак хотел без труда занять на восточной стороне Сицилии до 13 городов. К началу 1039 г. греки подошли к Сиракузам и начали осаду этого весьма укрепленного города. Но осада затянулась на долгое время, когда получен был слух о приближении эмира с новым сильным войском. Произошла новая и решительная битва при Троина, на северо-запад от Этны (1040 г.), в которой перевес оказался на стороне греческого вождя. После этого дела, повидимому, окончательно предавшего остров под власть империи, без труда сдались Сиракузы, оставалось занять Палермо.

Но вместе с тем здесь начала сплетаться интрига, которая испортила так успешно начатое дело и сопровождалась отозванием Маниака. Прежде всего Маниак обвинил начальника флота, патрикия Стефана, в том, что он выпустил из рук побежденного эмира и дал ему возможность бежать в Египет. Говорят, что в горячих объяснениях со Стефаном он позволил себе не только сильные выражения, но даже оскорбительные действия. За это Маниаку пришлось весьма дорого поплатиться, так как Стефан имел при дворе сильную поддержку в лице всемогущего Иоанна Орфанотрофа. В числе обвинений, предъявленных потом против Маниака, было и то, что он допустил несправедливость при разделении военной добычи. Это слишком оскорбило норманнов и между прочим Ардуина, у которого по приказанию вождя отнят был дорогой конь, принадлежавший ему как военная добыча. Норманны оставили военный лагерь, чувствуя сильное раздражение против византийского главнокомандующего. Вместе с отозванием Маниака положение дел в Сицилии изменилось не в пользу греков. Мало по малу арабы всюду начали приобретать силу и теснить греков из занятых ими мест. Только в Мессине держался до 1042 г. протоспафарий Катакалон Кекавмен. Вместе с тем началось сильное антигреческое движение в фемах Апулии и Калабрии, тем более опасное, что норманны

сумели придать ему неожиданную силу и вредное для Византии направление. Временные заместители Маниака в Сицилии, упомянутый выше патрикий Стефан и назначенный для командования сухопутным войском Василий Педиадит, должны были к концу 1042 г. совершенно покинуть остров и спасаться в южной Италии. Так как сицилийские неудачи не могли не иметь последствий для положения Византии в южной Италии, то здесь в ближайшие годы произошли крайне важные события, объясняемые исключительно падением византийского авторитета. Душой антигреческого движения оказался упомянутый выше Ардуин, который, войдя в соглашение с норманнами Аверсы и с салернским герцогом, составил определенный план воспользоваться настоящим моментом для общего движения против греков южной Италии с целью окончательного их изгнания. Для успеха этого предприятия Ардуин вошел в доверие катепана протоспафария Докиана и убедил его, ввиду опасного движения в византийских фемах, поручить ему начальствование над некоторыми пограничными городами Апулии, в которых заметно уже было освободительное движение. Центром норманнского движения с конца 1040 г. становится город Мельфи.* Отсюда начались сношения с графом Аверсы, приведшие к договору, по которому половина завоеванных областей должна перейти к Ардуину, другая к норманнам. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, норманны начали делать нападения на византийские города. Прежде всего заняли Мельфи, затем Венозу и Асколи. В своем движении против византийского господства норманны нашли благожелательную поддержку со стороны местного населения, которое охотно шло навстречу норманнам. Мельфи стал на будущее время укрепленным лагерем и базой для последующих предприятий. Дерзкая авантюра горсти норманнов переходит теперь в большое завоевательное предприятие. Нарождалась новая империя, которой была суждена 800-летняя продолжительность.** Катепан Михаил Докиан с теми силами, какие оказались в его распоряжении, пошел навстречу норманнам. На притоке реки Офанто, по имени Оливенто, встретились греки с норманнами; хотя последних было не более 2—3 тысяч, но они нанесли сильное поражение грекам в марте 1041 г. Через несколько месяцев новая попытка катепана остановить опустошительные набеги врага оказалась неудачной, и он потерял новое сражение на реке Офанто. Наконец, в сентябре того же года норманны в третий раз одержали победу над новым катепаном, который попал в плен, уведен в Беневент и отсюда освобожден за большой выкуп. С тех пор положение двух боровшихся за преобладание сил определилось ясно. Захватив в плен катепана и войдя в союз с некоторыми из пограничных византийских

* Подробности у Heineman, (Geschichte der Normannen.., S. 84, Anm. 12)
** Schlumberger. L'Épopée..., III, pp. 255—256.

городов, норманны уже не могли более рассматриваться как бунтовщики или шайка разбойников, и их дальнейшие планы направлялись весьма далеко. Византийскому правительству было необходимо или признать свою слабость, или послать новые войска для поддержания своего авторитета в южной Италии.

Между тем в Константинополе едва ли в состоянии были, за повторяющимися переворотами, оценить значение происходивших в Италии событий. Когда в конце 1041 г. смерть постигла Михаила IV Пафлагонянина, престол был предоставлен фавориту царицы Зои Михаилу V Калафату, приходившемуся вместе с тем сыном того византийского флотоводца Стефана, который очернил в глазах правительства патрикия и стратига Маниака. Но спустя несколько месяцев, в июне 1042 г., новый придворный переворот выдвинул Константина Мономаха. Еще прежде, однако, вступления на престол Мономаха царица Зоя решилась освободить из заключения Маниака и доверить ему защиту византийских интересов в южной Италии. Вновь прибывший на место действия патрикий Маниак нашел дела в отчаянном положении. Византийская власть поколебалась до такой степени, что измена проникла даже в главный оплот империи, в крепость Бари. Здесь видим Аргира, сына известного уже по движению 1016 г. Мели, который сносится с норманнскими вождями в Аверсе и Мельфи и составляет вместе с ними план систематического и одновременного восстания против империи. Аргир провозглашен в начале 1042 г. дукой и князем Италии, а вожди норманнов признали себя его вассалами. Маниак оставался под защитой стен города Тарента, а союзники дошли со значительными силами до Матеры, но не были в состоянии приступить к осаде Тарента. Когда союзники удалились на север, Маниак вышел из Тарента и подверг жестоким реквизициям те города, которые вступили в союз с норманнами. Дальнейший ход дел в южной Италии зависел от неожиданного дворцового переворота, который в свою очередь отразился на деятельности патрикия Маниака и других лиц.

Между прибрежными городами оставался верным империи город Трани, который в конце июля 1042 г. подвергся осаде со стороны Аргира и норманнских его союзников. Уже осадные работы далеко подвинулись вперед, и горожане были накануне сдачи, когда случилось неожиданное и поразившее всех обстоятельство. Аргир приказал поджечь деревянные машины, приготовленные против города, снял осаду и передал греческому представителю не только Трани, но и Бари. Это значило, что Аргир изменил норманнам и перешел на службу Византии. Но рядом с этим совершенно изменяется роль Маниака. Получив известие о происшедшем в Константинополе перевороте и о вступлении на престол Мономаха, Георгий Маниак вместе с тем должен был оценить вытекающие отсюда последствия лично для себя. Вместе с Константином Мономахом восходила звезда

Склиров, издавних соперников Маниака, так как сестра Романа Склира, известная Склирена, пользовалась исключительной привязанностью нового царя. Весьма легко теперь понять, что прибытие в Италию патрикия Парда и протоспафария Туваки вместе с подарками для Аргира и с большими денежными суммами обозначало перемену в администрации южной Италии и в командовании войсками. Маниак приказал убить обоих доверенных лиц, когда они высадились в Отранто, и провозгласил себя императором. Весьма вероятно, что цель его заключалась в том, чтобы подать руку норманнам и при их содействии укрепить за собой владение южной Италией; но его имя было весьма непопулярно как среди норманнов, так и в греческих городах, и попытка его войти в соглашение с антигреческой партией не имела успеха. Гораздо лучше воспользовались норманны новыми событиями. Поняв, до какой степени непоследовательна политика византийского правительства и как частая смена административных и военных чинов вредит авторитету самой империи, норманнские вожди пришли к мысли, что они не нуждаются более ни в лангобардских князьях, ни в императорском катепане для ведения в Италии самостоятельной политики. В этих соображениях осенью 1042 г. избран был вождем с титулом графа Апулии старший сын Танкреда Готвилла Вильгельм, по прозванию Железная Рука. Но так как было необходимо, чтобы один из местных князей дал инвеституру новому графу Апулии, то норманны обратились к салернскому герцогу Гаймару, который охотно принял графа Апулии в ленную зависимость и обязался защищать как те области, которые уже были отняты у греков, так и имеющие быть завоеванными в будущее время. В то же время за графа Вильгельма вышла замуж племянница герцога. Тогда же герцог Гаймар и Райнульф, граф Аверсы, в сопровождении блестящей свиты из норманнов отправились в Мельфи, где в начале 1043 г. происходил раздел части Апулии, уже завоеванной норманнами, между 12 вождями. Райнульф получил Сипонто и святилище на горе Гаргано, т. е. монастырь св. Михаила, который пользовался особенным почтением норманнской колонии. Что касается 12 городов, выделенных 12 графам, то весьма вероятно, что в 1043 г. они еще не все были во власти завоевателей. Асколи, Веноза и Лавелло прежде других подпали власти норманнов, точно так же Монтепелозо и Ачеренца. Мельфи оставался в общем владении как центральный пункт норманнского владычества. Хотя занятые норманнами города были на значительном один от другого расстоянии, но они были хорошо укреплены и имели важное положение, откуда норманны могли господствовать над главными дорогами, ведущими к Адриатическому морю. Так, Вильгельм Железная Рука, завладев Матерой, мог всегда угрожать Таренту.

Вследствие указанного положения дел ясно обозначалось в южной Италии преобладание норманнских вождей и сюзерена их салернского герцога.

Небольшая часть территории находилась еще под властью Аргира, который господствовал над Бари и Трани. Для патрикия Георгия Маниака не оставалось другого выбора, как покинуть Италию. Ближайшей его целью становится перебраться на берега Адриатического моря в Отранто, так как в Таренто ему угрожал императорский флот, прибывший с новым катепаном патрикием Феодороканом. Весьма любопытно, что Маниак переправился из южной Италии на противоположный берег Адриатики и пристал к Дураццо.* Все заставляет думать, что здесь он нашел себе приверженцев среди местного населения, т. е. среди славян и албанцев, между которыми не затихало движение против Византии. Поднятое им здесь восстание, распространившееся на Македонию, заставило правительство Константина Мономаха вступить с самозванцем в переговоры. Но Маниак, питая надежду на успех, продолжал движение вперед и угрожал Солуни. Тогда против него было послано войско, и хотя происшедшее сражение окончилось в пользу самозванца, но он сам был поражен стрелой и захвачен в плен; его голова отправлена в Константинополь. После удаления Маниака из южной Италии положение императорской партии становилось все хуже и хуже. Хотя правительство имело в Италии представителя своей власти в лице катепана, но не снабжало его достаточными силами, чтобы он мог восстановить упавший авторитет Византии. В особенности Апулия только в приморских городах удерживала еще византийские гарнизоны, между тем как внутренняя область вся сделалась достоянием норманнов. Длинная узкая полоса, отмечавшая приморские владения империи, постоянно сокращалась, и на место византийских крепостей и городов постепенно возникали норманнские военные поселения. В течение с небольшим 30 лет со времени занятия Мельфи норманны настойчиво и умело преследовали задуманную цель, и в конце концов горсть авантюристов пересилила громадную империю, располагавшую обширными военными средствами.

Мы должны ограничиться в изложении этой роковой для империи борьбы лишь наиболее крупными событиями.

В политическом отношении норманны Аверсы и Мельфи стояли в вассальных отношениях к салернскому герцогу. Но им была не по плечу подчиненная роль, и они мало обращали внимания на своего сюзерена, в особенности с тех пор, как Вильгельм Железная Рука был избран главой апулийских норманнов, которые с тех пор приступили к систематическому расхищению городов Апулии. Не ограничиваясь тем, что лежало плохо, т. е. византийскими областями, норманны налагали руку и на лангобардские владения, причем слишком затронули интересы герцога Салерно, когда стали посягать на владения Монтекассинского монастыря, зависев-

* Cedreni, II, p. 548. Маниак переправился сюда с остатками войска: «καὶ πλοίοις ἐμβιβάσας τὰς δυνάμεις περαιοῦται ἐν Βουλγαρίᾳ». Любопытно это обозначение Албании.

шего от Салерно. Недоразумения между сюзереном и вассалами усилились еще вследствие споров из-за графства Аверсы, которое сделалось вакантным по смерти Райнульфа в 1044 г. и которое было замещено вопреки желанию норманнов. В 1044 г. император Генрих III посетил южную Италию и своим авторитетом закрепил ряд важных для норманнов привилегий. Прежде всего император положил границы политическим притязаниям герцога Гаймара, заставив его отказаться от церковных владений Монтекассинского монастыря. Но что в особенности было важно, норманнские графы Дрого Апулийский и Райнульф Аверсы были возведены в состояние имперских вассалов и таким образом освобождены от ленных обязанностей по отношению к Салерно.

В эту эпоху появляется на исторической сцене младший сын Танкреда Готвилла, знаменитый в истории XI в. Роберт, по прозванию Гвискар, или Коварный. Это совершенно исключительный тип политического авантюриста, какого могло образовать занимающее нас время. Не встретив в Италии поддержки со стороны своих братьев и сородичей, Роберт начинает свою карьеру разбоями на больших дорогах и нападениями на путешественников, продолжает устройством западни для самого близкого друга, по брачному дару получает маленькое владение и скоро делается решителем судеб южной Италии.

В лице Роберта выступает совершенно новый тип со своими оригинальными и совершенно беспринципными воззрениями, с дерзкими замыслами и отрицанием всякой морали. Этому новому типу исторических деятелей было суждено перехитрить и победить старую империю и совершенно вытеснить ее из южной Италии.*

На первых порах он должен был бороться с большими трудностями, так как надежды на помощь братьев оказались напрасны. Счастье ему несколько улыбнулось, когда его пригласил на службу Пандульф, герцог Капуи, обещая ему вместе с рукой одной из своих дочерей небольшое поместье, но скоро оказалось, что тесть не исполнил обещания. Тогда Роберт ушел из Капуи и выпросил у своего брата Гумфрида в ленное владение в долине Крати небольшую крепость, которая затем заменена городом С. Марко в Калабрии. Отсюда Роберт Гвискар начал систематическое расхищение византийской территории и явился тем пожирателем чужих земель, — по выражению Шлумбергера, — которого не останавливали никакие препятствия. Оружием и конями он запасся посредством ночных засад на путешественников, казну добыл от богатых горожан и купцов, захватывая их в плен и заставляя платить большой выкуп. Но он не останавливался и перед более сложными комбинациями. Ему захотелось

* Обработка истории Роберта и Ричарада: Heinemann. Geschichte der Normannen..., S. 112, Anm. 16, 17; Schlumberger. L'Épopée..., III, pp. 627, 632 sqq.; Jules Gay L'Italie méridionale et l'empire Byzantin. Paris, 1904, p. 503.

поживиться на счет богатого монастыря, и так как открытой силой не мог действовать, то стал стучать в двери монастыря как скромный проситель, желавший дать погребение в святой ограде своему спутнику, якобы неожиданно умершему в пути. Когда двери были открыты, из гроба поднялся мнимо умерший и роздал оружие своим соумышленникам. Так приобретал Роберт нужные ему средства на содержание дружины. С такой же отвагой, соединенной с коварством и дерзостью, поступал он при занятии византийских городов. В то же время начал свою военную карьеру в Италии и другой герой средневековой хроники, знаменитый Ричард, основатель норманнской княжеской династии в Капуе. Около этого времени, в конце 1047 г., сделалось вакантным графство Аверса, на которое Ричард по фамильным связям мог иметь права. Сначала он был назначен опекуном малолетнего Германа, сына Райнульфа Тринканокте, и когда этот умер, то стал полновластным графом Аверсы, полученной им из рук герцога Салерно. Оба упомянутых героя, Роберт и Ричард, оказали в ближайшие годы весьма важное влияние на политику норманнов в Италии. Именно в последние годы норманны сделали громадные успехи в Апулии и Калабрии, не встречая серьезного сопротивления от греков, которые шаг за шагом уступали им поле. При катепане Евстафии (1046 г.) греки потеряли и главную свою опору, город Бари, а в следующем году империя должна была дать согласие на заключение союза между норманнами и Бари. Через год норманны нанесли грекам поражение при Трикарико в Апулии и взяли город Трою.

Приближалась эпоха окончательной ликвидации арабского, а затем и греческого вопроса в южной Италии и Сицилии. Норманнам удалось выполнить то, к чему более ста лет стремились восточные и западные императоры: постепенно они освободили Италию от хищнических набегов арабов и заняли в южной Италии такое положение, что в недалеком будущем надеялись нанести полное поражение византийским притязаниям на обладание фемами Апулии и Лангобардии. В лице Роберта Гвискара и Ричарда народился в южной Италии новый политический элемент, который скоро вырос и стал играть всемирно-историческую роль. Римские епископы поняли, что новые пришельцы могут оказать им большую услугу в борьбе с германскими императорами, т. е. дать им то, чего у них до сих пор недоставало, — поддержку военной силой. Вновь возникшие в Италии политические организации, основывавшиеся на феодальном праве, многочисленные графства с Аверсой, Мельфи во главе со своей стороны нуждались в санкции церковной власти. При всякой попытке освободиться из-под опеки германских императоров папы встречались с затруднениями, какие противопоставляли им германские военные силы. Если бы на стороне церкви оказалась эта новая политическая и военная сила, которую представляли собой норманны, то ей не были бы страшны притязания герман-

ских императоров и угрозы из Византии. Это положение дел прекрасно взвесила римская дипломатия и тогдашний руководитель церковной политики при нескольких папах, знаменитый Гильдебранд. Он первый понял, что все занимавшие современников вопросы о реформе церкви сводятся в сущности к одному — к эманситации церкви от светской власти. Но этот принцип шел вразрез с выгодами и стремлениями германских императоров, раздававших по своему произволу папский престол. Столкновение этих двух принципов и подняло ту вековую борьбу светской и духовной власти, которая служит существенной характеристикой конца XI в. Не было, может быть, с давнего времени такого энергичного папы, как Лев IX, который в течение своего пятилетнего управления церковью (1049—1054 гг.) три раза путешествовал в Германию и Швейцарию, несколько раз посетил южную Италию, где мог лично убедиться, как много вредит Италии вражда между лангобардскими князьями и норманнами и как опасно становится для церковных интересов возрастающее господство вновь поселившегося в Италии военного элемента. Чтобы хотя несколько предупредить развитие пороков среди латинского духовенства и положить предел вопиющим беспорядкам в тех епархиях, где соприкасалась латинская и греческая церковь, папа собирал церковный собор в Сипонто и Салерно (1050 г.). Жалобы местных церквей и монастырей на притеснения и хищения церковных земель со стороны норманнов были весьма многочисленны и основательны и требовали решительных мер со стороны церковной власти. В биографии папы Льва читаем,* что к нему в Рим явились послы из всех областей, занятых норманнами, с горькими жалобами, что их предоставили в полную волю их яростным врагам и что их положение стало еще хуже после путешествия папы. Даже укрепленные города не доставляют защиты, наглость и бесстыдство норманнов возрастают с прибытием к ним новых подкреплений. Они грабят церковные имущества, захватывают усадьбы и поля, уводят женщин и позволяют себе всякие ужасы и злодейства. Зато и население платило норманнам глубокой ненавистью и враждой. «Ненависть итальянцев к норманнам, — говорится в одном письме, — дошла до такой степени, что норманну нельзя показаться ни в одном итальянском селении; если бы он имел вид паломника, и тогда он подвергается опасности быть ограбленным и брошенным в темницу». Нет ничего удивительного, если уже в 1051 г. папу стала занимать мысль об организации лиги для борьбы с норманнами или по крайней мере для защиты от них княжества Беневентского, вступившего тогда в ленную зависимость от св. престола. Хотя большим препятствием для Льва IX служило то обстоятельство, что Гаймар V, герцог Салерно, как сюзерен норманнских владетельных графов поддерживал их интересы

* Gay. L'Italie méridionale..., p. 431.

и противодействовал образованию антинорманнской лиги под главенством папы, но случилось так, что против него составился заговор, от него отделились вассальные города Амальфи и Сорренто и таким образом значение Салернского герцогства понизилось. Кроме того, папа завязал сношения с магистром Аргиром, прибывшим в Апулию в качестве дуки Италии с поручением подкупить норманнов на войну с восточными арабами. Аргир, ввиду господствовавшей в стране анархии, вступил в сношения с папой, предлагая ему начать совместные военные действия против норманнов. Хотя у папы были отряды военных людей, приглашенных и нанятых из разных стран, тем не менее он желал заручиться согласием Генриха III, а равно немецкими вспомогательными дружинами. Но его попытка привлечь немцев к походу в Италию имела мало успеха. В начале 1053 г. Лев IX направляется в южную Италию с целью соединить свой отряд с греческим войском, которое со своим стратигом Аргиром находилось близ Сипонто. Перешедши реку Форторе, папа остановился близ города Чивитате (или Чивителла), имея у себя несколько тысяч наемников, набранных со всех концов Италии. Здесь его ожидали норманны, нанесшие уже поражение его союзнику Аргиру и овладевшие уже северной Апулией между Офанто и Форторе. Прежде чем вступить в сражение, обе стороны имели переговоры, причем норманны соглашались дать ленную присягу на те земли, которыми они уже владели, но протестовали против союза папы с Аргиром.

В решительном сражении участвовали со стороны норманнов их главные предводители: Гумфрид Апулийский, Ричард — граф Аверсы и Роберт Гвискар с калабрийским отрядом. Норманны после стремительного нападения рассеяли итальянский отряд, несколько больше сопротивлялся немецкий, но и он был перебит норманнами. Папа спасся за стенами города Чивитате и выслал для переговоров с норманнскими вождями своих уполномоченных. Тогда произошла драматическая сцена, так поразившая современников. Папа сдался пленником на волю норманнов и вместе с тем даровал им прощение и принял их в общение с церковью. При этом норманны преклонили колена в знак почтения к главе церкви и благоговейно приняли его благословение.

Какие затем происходили переговоры между Львом IX и победителями, об этом можно лишь делать догадки. Вероятно, речь шла о передаче норманнам церковных владений в Апулии и Калабрии и об отказе папы от союза с Византией. Но существенное значение имеет то, что папа в сопровождении Гумфрида и норманнов отправился в Беневент, куда он прибыл 23 июня и где в течение 6 месяцев он оставался в почетном заключении и под крепкой стражей. Все заставляет думать, что полного соглашения папы на предложения норманнов долго не получалось, чем и объясняется шестимесячное его пребывание под стражей. Победа при Чивитате имела

громадное значение для укрепления норманнского господства в южной Италии. Папа прежде всего должен был отказаться от усвоенной римским престолом политики — относиться к норманнам как к чуждому в Италии элементу, против которого бы позволительно было искать союза с греками. В пользу норманнов складывались и другие обстоятельства: разрыв между восточной и западной церковью и новые враги, начинавшие угрожать Византийской империи с востока. Сельджукский вопрос побудил правительство сосредоточить главное внимание на малоазийской границе.

Между тем Ричард — граф Аверсы стал теснить Капую. Он построил поблизости от города три замка и стал досаждать гражданам набегами и разбоями, так что принудил город платить дань норманнам. Такую же участь испытывал герцог Салерно, теснимый со стороны Ричарда и Гумфрида. В Италии не оказывалось более такой политической силы, которая бы могла выступить против норманнов. Со вступлением на папский престол Стефана IX в 1057 г. наступил благоприятный момент для новой попытки против норманнских вождей, среди которых началась вражда, вызванная смертью Гумфрида Апулийского и спорами из-за его владений. Роберт Гвискар был избран на вакантный трон, хотя после Гумфрида остался малолетний сын. Но против нового графа Апулии началось сильное движение, так как он стремился наложить зависимость на других норманнов, владевших в Апулии небольшими участками. Роберт тогда же обнаружил стремление поставить норманнских владетелей в зависимое от него положение, чем возбудил против себя большое раздражение. Но в конце концов настойчиво проведенная им цель увенчалась успехом: этим он положил основание для будущего норманнского королевства в Италии. Только граф Аверсы Ричард, принявший скоро затем титул герцога Капуи, отстаивал свою независимость и не подчинялся Гвискару. Стефан думал воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы снова вступить в соглашение с византийским правительством ввиду перемен, наступивших в Византии со вступлением на престол Исаака Комнина, и для этого отправил в южную Италию аббата Монтекассинского монастыря Дезидерия, которому поручил представиться в Апулии дуке Аргиру и вместе с ним идти в Константинополь. Но когда посольство достигло города Сипонто и имело намерение отправиться дальше, до него дошло известие о смерти папы Стефана (март 1058 г.). Посольству предстояло или отправиться дальше согласно поручению умершего папы, или возвратиться назад. Но Дезидерий избрал другой путь. Он явился к Роберту Гвискару и получил от него пропуск на обратное путешествие в Рим. План папы Стефана таким образом был оставлен, и с тех пор римская политика по отношению к норманнам принимает совсем новое направление и преследует другие задачи.

Известно, что поворот римской политики объясняется новыми веяниями, идущими от Гильдебранда. Уже при Льве IX он начинает играть

видную роль. Когда папа Лев IX на пути в Италию посетил монастырь Клюни, откуда распространялись реформаторские идеи, аббат Гугон посоветовал ему обратить внимание на молодого монаха Гильдебранда и взять его в секретари. Уже тогда этот знаменитый впоследствии церковный деятель проявил глубокую ученость и гениальный ум, уже тогда он наметил оригинальный путь, которым он думал вести римскую церковь. Много пап он пережил, оставаясь все тем же секретарем, руководя их политикой и выжидая благоприятного времени, когда планы его могли быть с наибольшей надеждой на успех приведены в исполнение. Скоро новый политический курс сказался в политике Рима. Ричард — граф Аверсы и герцог Капуи был призван принять непосредственное участие в церковных делах Рима. Там одна партия, руководимая Гильдебрандом, избрала в папы епископа Флоренции, принявшего имя Николая II, между тем как другая выставила антипапу в лице Бенедикта X. Гильдебранд обращается к Ричарду, который приходит с норманнами в Рим с целью поддержать Николая II. Первым делом нового папы было назначение Дезидерия кардиналом римской церкви и викарием папы для проведения реформ в южноитальянских монастырях. Если Ричард оказался полезным союзником, то отчего не может быть поставлен в такие же отношения и Роберт Гвискар? Вот сущность политической проблемы, прекрасно разрешенной Гильдебрандом. Политический акт, соединивший интересы церкви и норманнских авантюристов, имел место на соборе в Мельфи в 1059 г. Здесь предстали норманнские вожди Ричард и Роберт и принесли папе присягу на верность, причем церковь освятила их завоевания, которые и передала им в качестве лена св. престола. Норманны обязывались охранять владения церкви и поддерживать на престоле лиц, избранных коллегией кардиналов. Постоянный норманнский гарнизон введен был в Рим для охраны пап. За Робертом признавался титул божией милостию и св. Петра дука Апулии и Калабрии и дука острова Сицилии, когда она будет завоевана. С своей стороны он давал клятву защищать regalia s. Petri.*

Акт, составленный на соборе в Мельфи, имеет громадное политическое значение. Гильдебранд пришел к убеждению, что норманны составляют такую силу, которая не может грозить интересам св. престола, если они преклоняются перед его авторитетом, что эта сила скорее может быть полезна папскому престолу, чем вредна, что для интересов папства будет полезнее войти в сношения с норманнами, заключить с ними крепкий союз, соединить их интересы со своими. Обе стороны — и норманны и папы — нуждались во взаимной помощи: первым нужно было получить признание, санкцию от такого авторитета, как авторитет папы, на право

* Gay. L'Italie méridionale, p. 518. Heinemann. Geschichte der Normannen... S. 182—183

существования в Италии; папы нуждались в поддержке против притязаний обоих императоров, посягавших на права св. престола, старавшихся подчинить его своей власти. Они тем более нуждались в таком союзе, что обстоятельства уже близились к эпохе великой борьбы духовной и светской власти. Эти обстоятельства имеют глубокую аналогию с событиями половины VIII в. — с перенесением королевского достоинства с меровингов на каролингов, когда в 752 г. папа Стефан III, теснимый с двух сторон лангобардами и греческим экзархатом, действовавшим под влиянием греческих императоров-иконоборцев, так охотно утвердил выбор Пипина Короткого, надеясь иметь себе защитника в новом государе франков.

Предыдущее изложение достаточно выясняет тот факт, что на западной границе империи при преемниках царя Василия II складывается такой порядок вещей, при котором руководящая роль в дальнейших событиях отходила от двух соперничавших империй и от мусульман в пользу нового пришлого в Италию немногочисленного отряда норманнов, получавшего подкрепления от своих северных сородичей. Дальнейший ход событий зависел здесь от заключенного при папе Николае II союза с норманнами, благодаря которому будущий папа Григорий VII мог вступить в борьбу с императорами и провести вопрос об инвеституре в пользу западной церкви, а норманнский дука и граф — основать в Италии независимое королевство.

Почти таков же в существе смысл событий, подготовлявшихся в изучаемое время на восточной границе. И здесь так же, как на Западе, первая роль и притязания на мировое значение отходят от Византийской империи и арабов в пользу нового народа турецкого происхождения, которому в последующее время суждено играть первостепенную роль на малоазийском востоке. Ввиду чрезвычайной скудости известий и недостаточной оценки значения их, для историка представляется обязательной потребность разобраться в известиях, отделив между ними важные от второстепенных и выставив на первое место те факты, которым следует придавать первостепенное значение в истории Византии.

Центр тяжести из Сирии и Палестины постепенно передвигается на восток к областям, лежавшим к северо-востоку от Черного моря. Сильный отпор, данный императорами Македонской династии фатимидскому и абассидскому халифату, сопровождался восстановлением до известной степени равновесия между мусульманами и христианской империей. Эмиры Алеппо и Мосула, игравшие столь важную роль в X в., теперь утратили силу и сделались данниками империи. В политическом отношении самый деликатный вопрос заключался в способе установления удовлетворительных для той и другой стороны отношений к окраинным областям, недавно вошедшим в непосредственную сферу влияния империи. Это были Грузия и Армения. Все заставляет думать, что и там и здесь было достаточно пиэ-

тета к имени империи, от которой ожидали властного и твердого слова к прекращению внутренних усобиц, разъедавших эти страны. Грузия и Армения стали в вассальные отношения к Византии вследствие договоров, которыми обеспечивалась автономия вассальных государств и определялись их политические отношения к сюзеренной империи. Между тем со стороны византийского правительства допущен был ряд злоупотреблений административного и фискального характера. Так, по смерти грузинского царя Георгия, во время малолетства его сына и наследника (с 1027 г.), со стороны Византии предпринимались неоднократные попытки к возбуждению служилого класса против царя и к поддержанию претендентов на престол, вследствие чего Грузия становилась театром смут и усобиц. Так же характеризуются и отношения к Армении. Эта страна уступлена была Византии в качестве лена по завещанию царя Иоанна Смбата, владевшего Ани, равно как вследствие соглашения с царем Васпуракана Сенекеримом, искавшим защиты у царя Василия от набегов со стороны туркменских кочевников (1021 г.). По смерти Смбата в 1042 г. начинается в Армении ряд смут и внутренних движений, искусно поддерживаемых императорским правительством и имевших целью ослабление туземной власти и подчинение страны посылаемому из Константинополя катепану, как это было по отношению к Болгарии и Италии.

К сожалению, мы не можем следить за всеми подробностями происходивших на восточной границе событий. Лишь для связи и выяснения условий, при которых центр тяжести перемещается из Сирии на северо-восток, находим необходимым возвратиться к выяснению политического строя на восточной границе в ближайшие годы по смерти царя Василия II, который необходимо должен был сопровождаться оживлением здесь притязаний мелких владетелей, стоявших в сфере влияния империи.* Главное место, как и в прежние годы, принадлежало здесь эмиру Алеппо, который полагал основной своей задачей и исторической миссией тревожить набегами византийские владения. Власть в Алеппо принадлежала, однако, не Гамданидам, столь памятным в истории X в., но потомкам бедуинского вождя Салиха Ибн-Мирдас, которые при Романе Аргире в 1029 г. нанесли большое поражение антиохийскому дуке. Дела приняли такое угрожающее направление, что вызвали военную экспедицию Романа Аргира, который желал напомнить мусульманам времена Никифора Фоки и Цимисхия и шел в поход с самыми широкими планами распространить завоевания до Иерусалима. В Филомилии (ныне Ак-Шехир) к нему явились послы от эмира с подарками и извинениями. Это был благоприятный момент, чтобы устроить дело с эмиром и не продолжать похода, предпринятого, по мнению военных людей,

* Главное по обие -- ранее упоминавшаяся работа: Shlumberger. L'Épopée..., III, pp. 71, 136, 439 и след.

слишком в позднюю и жаркую пору года и не обещающий ничего хорошего. Но Роман, повинуясь своим честолюбивым и мечтательным намерениям, решился прервать переговоры и двинуться против Алеппо. Здесь, в двух днях пути от своей цели, Роман остановился с главным войском, послав вперед Льва Хиросфакта во главе полка экскувитов. Но арабы устроили засаду этому отряду и уничтожили его, а затем напали на главные силы, бывшие под начальством царя, и нанесли им сильное поражение. С большим трудом удалось спастись под защиту стен Антиохии небольшому числу совершенно расстроенного отряда. «Если бы бог, — говорит Пселл, — не укротил ярость неприятеля, все войско ромэйское было бы уничтожено, не спасся бы и царь». Неожиданное поражение навело панику на царя и его приближенных. Опасались, чтобы это печальное событие не подало повода к движению в столице, царь, «проведя только одну ночь в Антиохии», поспешил в Константинополь.

По поводу этого рокового для царя Романа предприятия, бывшего причиной нового подъема сил в пограничных мусульманских владениях, летописец Скилица рассказывает о небольшом сарацинском отряде, потерпевшем большое поражение от начальника города Телуха. Здесь мы встречаемся в первый раз со знаменитым в истории того времени вождем Георгием Маниаком, с которым мы ознакомились выше, при изложении южноитальянских дел. Именно стратигом в этом городе и горах Тавра оказался Маниак, совершенно ничем до сих пор не заявившее себя лицо. Между тем как сарацины предложили ему сдать город, он объявил, что утром следующего дня город будет очищен от гарнизона и передан. Чтобы показать свои мирные намерения и усыпить подозрительного врага, Маниак выслал осаждающим в достаточном количестве съестных запасов и напитков. Когда же мусульмане, предавшись излишествам пиршества, заснули, Маниак сделал ночную вылазку, перебил почти всех врагов * и завладел громадным обозом на 280 верблюдах, на которых была навьючена захваченная арабами при разграблении царского лагеря добыча. Донесение об этом деле и богатая добыча, поднесенная царю самим Маниаком, нагнавшим Романа на его возвратном пути в Константинополь, так его выдвинули во мнении царя, что он тогда же получил повышение, будучи назначен катепаном в область верхнего Евфрата, отнятую у сарацин, с главным городом Самосатом. Это было боевое место, требовавшее исключительных военных способностей; Маниак составил себе на нем большое имя и приобрел военную славу. Из Самосата византийский катепан мог следить прежде всего за вассальными княжествами Грузии и Армении и вместе с тем за мелкими мусульманскими владетелями и держать на должной высоте византийский авторитет. Первым военным

* Cedreni, II, p. 494.

подвигом Маниака было завоевание богатого торгового города, находившегося на юг от Самосата и давно уже утраченного вследствие арабских завоеваний. Это была знаменитая Эдесса, тогдашний владетель которой Хибл был в зависимости от эмира Мейафарикина (Мартирополь); но так как он должен был делить власть с другим владетелем, то между ними происходили постоянные раздоры, вызывавшие вмешательство соседей в дела Эдессы. Случилось, что временный владетель города Салман обратился к Маниаку с просьбой принять город под власть царя и исходатайствовать ему в награду придворный чин и административную должность. Понимая важное значение приобретения Эдессы и оценивая кроме того то обстоятельство, что этот город хранил в своих церквах драгоценные христианские реликвии и между прочим убрус, или священное изображение лика спасителя на полотне, которое по преданию самим Христом было дано Авгарю, византийский катепан не мог не отнестись с особенным вниманием к предложению Салмана. Было условлено, что этот последний сдаст Маниаку наиболее важные городские башни и ключи от города и даст таким образом полную возможность без труда овладеть этим прекрасным и укрепленным городом, считавшим вокруг стен не менее 150 башен. Маниак с небольшим отрядом ночью подошел к Эдессе, заняв три башни, укрепился в них и начал понуждать горожан к сдаче. Но оказалось, что соседние эмиры скорей узнали о том, что происходило в Эдессе, чем пришла к Маниаку помощь из Самосата. Он был окружен мусульманами и должен был защищаться в церкви св. Софии, которую обратил в неприступную крепость. Наконец, ему была подана помощь по приказанию царя Романа, вследствие чего Эдесса окончательно перешла под власть империи. Правительство не могло не оценить приобретение этого важного в военном и торговом смысле города. В него перенесена была гражданская и военная администрация покоренной области, гарнизон города доведен до 10 тысяч человек и стены вновь приведены в прежнее состояние. Приобретение Эдессы сделало имя Маниака очень известным. С тех пор он вошел в ряды служилой аристократии и, вероятно, посредством брака приобрел большие земельные имущества в Малой Азии, став соседом крупных землевладельцев из рода Склиров. Это обстоятельство было причиной враждебных отношений между двумя крупными государственными мужами, сопровождавшихся важными последствиями для Маниака.

Особенно ценной добычей, взятой в Эдессе и представленной царю, было «письмо к Авгарю на сирийском языке», написанное спасителем. По отношению к этому апокрифическому сказанию о письме к Авгарю существует огромная литература,* в большинстве случаев сказание это

* В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Спб. 1883, прим. 430.

передается в связи с историей «Убруса», или нерукотворного образа, хранившегося также в Эдессе и перенесенного в Константинополь при Романе Лакапине в 944 г. Любопытно здесь отметить, что с именем Георгия Маниака соединяются сказания о других святынях, обретенных им в Сицилии и пересланных в Константинополь.

Перевес влияния империи сказался здесь в неожиданном переходе под власть царя эмира Триполи Ибн-Зайрака, или Пинзарака византийской летописи. Однако когда египетские войска осадили Триполи, эмир должен был искать прибежища в Византии, где его приняли с большим почетом. Но предпринятая при Романе морская экспедиция против Александрии с целью принудить халифа отказаться от Триполи не сопровождалась желательным успехом. Хотя византийское правительство знало цену этим перелетам мусульманских эмиров под власть христианской империи, но находило полезным поощрять их. По отношению к Ибн-Зайраку взгляд современников сохранился в известном «Стратигике» Кекавмена.* «Был один филарх арабский по имени Апельзарах [Ἀπελζαράχ]. Он также пришел к вышеназванному царю кир Роману и почтен был значительными дарами и почестями и был отпущен царем в свою землю. Он повторил свое посещение, но во второй раз ему уже не было оказано прежнего внимания. Не видя почета, он хотел удалиться, но на это не было царской воли. Проведя два года в столице, каждый день он ожидал ссылки или гибели. Однако через 2 года ему было позволено отправиться к себе. Удалившись и миновав железный мост за Антиохией, он созвал своих слуг и ближних и, схватившись за голову обеими руками, сказал им: „Что же это такое?" Они со смехом отвечали: „Голова твоя, господин наш" : — „Так благодарю бога, — продолжал он, — что я с головой на своем месте переправился в Хрисополь и достиг пределов Аравии"».

Автор дает такое нравоучение по поводу рассказанного: если когда пожелаешь притти и поклониться царскому могуществу, либо поклониться святым храмам, либо посмотреть на благоустройство дворца и города, то сделай это один раз, иначе будешь уже раб, а не друг.

Бóльшее, однако, значение в истории занимающего нас времени имели те события, которые происходили на границе с Арменией, где смерть царя Иоанна Смбата и его брата Ашота IV дала повод к внутренним смутам и вмешательству соседей во внутренние дела Великой Армении. Для Византии вопрос шел о полном подчинении этой страны на основании

* Этот прекрасный сборник военных, политических и нравственных правил издан по кодексу Московской синодальной библиотеки 235 акад. В. Г. Васильевским в статье «Советы и рассказы византийского боярина XI в.» (ЖМНП, ч. 215, 1881, стр 242—299 и ч. 216, 1881, стр. 102—171 и 316—357) и в Записках Историко-филол. факультета Петерб. университета, ч. 38 (СПб, 1896, 113 стр. совместно с В. Ернштедтом) под заглавием Cecaumeni Strategicon.

известного соглашения с Иоанном Смбатом. Пропуская период борьбы за власть между разными претендентами и неоднократные военные походы греков под стены Ани, остановимся на царствовании последнего представителя Багратидов Гагика II, сына Ашота IV, который вступил на престол в 1042 г. В том же году вступивший на византийский престол Константин Мономах, следуя традиционной политике своих предшественников относительно Армении, принял меры к тому, чтобы поставить Гагика II в зависимость от империи. Несчастный царь, поставленный в безвыходное положение как внешними врагами, действовавшими в согласии в Византией, так и внутренней смутой, должен был признать себя верным вассалом Византии, но вместе с тем желал оставаться свободным в управлении своей страной. Следствием этого была снаряжена в Армению военная экспедиция под начальством Михаила Иасита, а на помощь ему присоединены были войска доместика схол восточных, проедра Николая. Чтобы достигнуть вполне задуманной цели, Мономах вступил в соглашение с мусульманским владетелем Двина на Араксе, эмиром Абу-л-Суваром, которому было обещано передать во владение все области, какие он успеет занять из царства Гагика II. Когда таким образом Армения сделалась легкой добычей арабских грабителей и византийских войск, несчастному Гагику не оставалось другого выбора, как согласиться на волю Мономаха и уступить ему свое царство. Он был приглашен в Константинополь, откуда никогда уже более не возвращался. Нельзя читать без волнения историю этого последнего представителя свободной страны, окруженного изменниками и предателями и бессознательно шедшего по пути в расставленную ему западню. В Константинополе ему предложено было вместо царства над Арменией управление городом Малатией, и когда он отказался от этого, ему пришлось провести некоторое время в заключении на одном из Принцевых островов, а потом жить на пансионе в одном из городов Каппадокии. Католикос Ведрос, игравший одну из главных ролей в сношениях с Византией и оставшийся вместе с вельможей Апиратом временным правителем царства, передал ключи от Ани византийскому стратигу. Главными виновниками передачи Армении под власть империи и посредниками сношений между царем Мономахом и павшим Гагиком II были магистр Крикор, или Григорий, с которым еще встретимся в дальнейшей истории, вест * Саркис (Сергей) и, наконец, католикос Ведрос.

По преимуществу к занимающему нас царствованию относится ряд важных событий на восточных окраинах, стоящих в ближайшей связи с появлением нового этнографического элемента, которому суждено было

* Вест (греч. βεστιάριος, лат. vestiarius) придворный чин. См.: Fr. Tournebize. Histoire politique et religieuse de l'Arménie. Paris, 1900, p. 126. Там же, на стр. 128. о. Саркисе. *(Ред.)*.

иметь продолжительное и роковое значение в истории Византии, разумеем турок-сельджуков.

Однако прежде чем знакомить с обстоятельствами, при которых турки-сельджуки вошли в непосредственное соседство с империей, находим нужным сказать несколько слов об исторической обстановке, которая может объяснить поразительные успехи турок. Обратим внимание на некоторые подробности, относящиеся к 1047 г. и последующим годам. Прежде всего на это время падает громадное движение, поднятое Львом Торникием и имевшее ближайшей целью низвержение Константина Мономаха.* Это движение хорошо освещено в современном самому событию ораторском произведении, именно в речи митрополита Иоанна Мавропода, который по своему положению имел все средства собрать о нем точные сведения. Бунт Торникия потому получает в наших глазах особенное значение, что сам он, как показывает и его имя, не принадлежал к туземной служилой аристократии, а был иностранцем по происхождению, потомком знаменитой династии Багратидов, перешедшей на службу империи со времени царя Василия. Прозвание свое Торникий Лев получил от области Тарона, на границе с Персией,** и следовательно был владетельным князем в Армении. При царе Константине Мономахе в управлении Арменией и соседней Грузией, тоже вступившей в вассальную зависимость от империи, произведена была перемена, имевшая весьма плачевные результаты для охраны восточной границы. Оказывается, что византийское правительство перенесло обязательность военной службы армянских воинственных владетелей, привыкших к военному делу в постоянных столкновениях с соседними дикими племенами, на денежную повинность и тем не только лишило себя естественной и хорошо приспособленной к местным потребностям военной защиты, но и открыло как Армению и Грузию, так и свои собственные пределы для хищнических опустошительных набегов со стороны турок-сельджуков, тогда начавших приближаться к имперским границам. Собранные с Армении деньги были истрачены на нужды расточительного двора и на безрассудные личные потребности Константина Мономаха, между тем как для защиты границы необходимо было нанимать на казенные средства иноземные отряды. Среди военных людей принятая Мономахом мера подвергалась всяческим осуждениям и вызывала всеобщее раздражение. В особенности в Адрианополе, где был центр военного управления западными войсками, таилось глубокое недовольство против непопулярного женолюбивого царя, вследствие изнеженности и болезненности неспособного стать во главе войска и вести его против врага.

* R. Schütte. Der Aufstand des Leon Tornikios im Jahre 1047. 1896; Schlumberger. L'Épopée..., III, p. 500.

** В действительности, к югу от озера Ван. (*Ред.*).

Лев Торникий происходил из Адрианополя, где владел земельными имуществами и где пользовался большим влиянием столько же по своему происхождению, как и по родству с Константином Мономахом по матери. Народная молва окружила его ореолом и передавала слухи о том, что ему предсказано царство. Лев не пользовался любовью царя и находился в удалении от двора, одно время он был назначен стратигом в пограничную область в Грузии. Хотя при дворе его сторону поддерживала сестра Мономаха, умная и энергичная Евпрепия, но подозрительный царь, желая лишить Торникия всякого участия в политической деятельности, приказал постричь его в монахи. Это обстоятельство поставило Торникия во главе партии, образовавшейся против царя в столице и руководимой одним из местных служилых людей Иоанном Ватаци. В сентябре 1047 г. заговорщики, находя менее надежным свое положение в столице, бежали в Адрианополь и здесь 15 сентября стали открыто организовывать военный бунт. К Торникию присоединились македонские войска, действовавшие против Болгарии, и провозгласили его царем ромэйским. Новый царь раздавал своим приверженцам почести и отличия и обещал земельные и денежные награды, когда в его руки перейдет столица и будет низвергнут никем не любимый Мономах. Момент для движения выбран весьма благоприятный для самозванца. В Константинополе было мало войска, так как тогда велась война на восточной границе и угрожало нападение турок-сельджуков, и независимо от всего другого была полная надежда на содействие населения Константинополя, — таково по крайней мере было убеждение Торникия и его партии. Но в действительности они не приняли в соображение многих обстоятельств и ничего не сделали для подготовки столицы к замышляемому перевороту. Между тем как македонские войска с Торникием во главе приближались к Константинополю, Мономах лежал в постели, пораженный подагрой, и не мог принять своевременных мер к защите. Население, однако, волновалось и далеко не было расположено к перевороту. Тогдашний патриарх Михаил Керулларий устраивал церковные процессии вокруг стен и возбуждал религиозное настроение в народе надеждой на небесную помощь. Около 25 сентября Торникий появился под стенами города и расположился лагерем на небольшом расстоянии от Влахернского дворца. Как можно догадываться, он предполагал, что его примут с распростертыми объятиями и что его ожидает торжественное вступление в столицу. На самом деле предстояло осаждать укрепленный город или брать стены приступом. Чтобы рассеять слухи о его отчаянном болезненном положении, царь со всем двором, с царицей Зоей и Феодорой расположился на одной из террас Влахернского дворца и наблюдал неприятельский лагерь, хорошо видный с высокого здания. Несколько дней провели в бездействии осаждающие и осажденные, ограничиваясь взаимными упреками, насмешками и пусканием стрел. Наконец сделана была попытка

прогнать неприятеля от стен, но за это жестоко поплатились защитники города, так как были увлечены далеко от стен и почти все перебиты. Проходили дни за днями, которые делали положение нападающих хуже и опасней, так как Мономах ожидал подкреплений со стороны тех отрядов, которые были посланы в Армению и которые ожидались морем из Трапезунта. В это время нередко бывали легкие сшибки между войском Торникия и защитниками города, которые оканчивались в пользу самозванца и которые легко бы могли сделать его господином положения, если бы в его отряде было больше организации и если бы во главе его стоял более опытный вождь. Когда стало ясным, что город не расположен к сдаче, приверженцы Торникия перестали иметь доверие к своему вождю и начали отставать от него. Немало содействовало ослаблению самозванца и то обстоятельство, что из Константинополя постоянно выходили неизвестные люди с полными золота руками и предлагавшие хорошее вознаграждение тем, кто оставит лагерь Торникия. Ввиду этих обстоятельств Торникий с остатками своего войска отступил по большой дороге к Адрианополю и разбил свой лагерь в долине Аркадиополя, ныне Люлебургас.

Отсюда Торникий завязал сношения с печенегами, желая их привлечь к союзу. Но его дни были уже сочтены, так как на помощь к Константинополю стали прибывать азиатские отряды, которые по распоряжению царя были направляемы против бунтовщика. От Торникия отстали главные его приверженцы: Врана́, Полис, Феодор Стравомита и несколько лиц из фамилии Глава.* Начальник царских войск Михаил Иасита постепенно окружал Торникия и поставил его в невозможность избежать плена. Его захватили в Болгарофиге,** ныне Кумли, отвели пленным в Константинополь, где наказали лишением зрения.

* «Μαριανὸς ὁ Βρανᾶς καὶ Πολὺς καὶ Θεόδωρος ὁ Στραβομύτης καὶ οἱ ἐκ τοῦ γένους τοῦ Γλαβᾶ». Cedr., II, 565 *(Ред.)*.

** Bulgarophigum *(Ред.)*.

Глава II

СОСТОЯНИЕ ИМПЕРИИ ОТ СМЕРТИ ЦАРИЦЫ ФЕОДОРЫ ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА

мерть царицы Феодоры (31 августа 1056 г.), последней представительницы Македонского дома, выдвигала вопрос, всегда представлявший повод к неожиданным осложнениям, о замещении трона. Не может быть сомнения, что ему следовало выступить уже два года назад, когда семидесятилетней Феодоре выпала очередь занять престол за смертию Мономаха. Но как раз теперь не было в Константинополе крупных представителей военной знати, которые могли бы иметь притязание на высшую власть и которые скоро затем и заявили свои права. Влиятельная же при дворе Феодоры партия, во главе которой стоял Лев Стравоспондил, убедила Феодору назначить своим преемником Михаила Стратиотика, единственным качеством которого с точки зрения партии было разве то, что он не был опасен для круга лиц, составлявших правительство Феодоры. Лев и его приверженцы рассчитали правильно, потому что новый царь согласился на все условия, ему предложенные, и не обнаружил враждебных чувств относительно стоявшей у дел партии. И патриарх Михаил Керулларий спокойно отнесся к совершившемуся факту и не поставил никаких препятствий к коронованию избранного Феодорой преемника. Легкомысленная затея племянника Константина Мономаха, по имени Феодосия, который выставил свою кандидатуру на престол, не быв поддержана ни патриархом, ни народным сочувствием, имела жалкий исход и сопровождалась ссылкой искателя престола в Пергам.

Важней было движение среди военных кругов, которые привыкли быть во главе управления и которые в последние годы были несколько отодви-

нуты на задний план. В марте 1057 г. в Константинополь прибыли высшие военные чины, стоявшие во главе азиатских фем: магистр Исаак Комнин, магистр Катакалон Кекавмен, вестарх Михаил Вурца, Константин и Иоанн Дуки. Они остались недовольны оказанным им приемом и сговорились между собой насчет низвержения Стратиотика, к заговору присоединились члены знатных и богатых родов, которым принадлежит главная роль в событиях XI и XII вв.: Никифор Вриенний, Роман Склир, Никифор Вотаниат. Летом 1057 г. заговорщики сошлись в Кастамоне, в поместьи Исаака Комнина, и провозгласили его императором. Располагая значительными военными силами, примкнувшими к нему из соседних азиатских фем, он двинулся по направлению к столице и занял укрепленное положение в Никее. Между тем советники Михаила Стратиотика приняли меры к защите столицы и к усмирению поднявшегося на востоке мятежа. На восток были двинуты западные фемы, во главе коих поставлен доместик евнух Феодор. Но было ясно, что в войсках больше авторитета имело имя Комнина, чем царя Михаила, это обнаружилось из того, что в лагерь Исаака Комнина стали перебегать из царского стана значительными партиями. В начавшемся сражении первое время перевес был на стороне царского войска, но Кекавмен спас положение и склонил победу на сторону Исаака Комнина.

Когда Стратиотик узнал о поражении его войска и о движении Комнина к Никомидии, то он решил отречься от престола, но его советники подали ему мысль вступить с заговорщиками в переговоры. К Исааку было отправлено посольство, состоявшее из представителей сената: Константина Лихуда, Феодора Алопа и тогдашнего ипата философской школы Константина Пселла, которому принадлежит сохранившаяся до нас история этой переходной эпохи. В переданном послами письме Комнину предлагалось от имени царя сложить оружие и в награду за это обещано было «усыновление» и достоинство кесаря. Насколько было искренно это предложение, трудно судить. Во всяком случае со званием кесаря необходимо соединялось представление о преемстве власти, а между тем в Константинополе была истребована царем клятва от сенаторов, что они не признают Исаака Комнина своим царем. Поэтому не должно удивляться, что Комнин пожелал некоторых ручательств в том, что обещания, ему даваемые, будут выполнены. В виду этого стороны несколько раз обменивались посольствами, пока не были выяснены все подробности. Положение осложнялось еще и тем, что сами посредники в переговорах не были достаточно искренни и не всегда передавали то, что было им поручаемо. Стратиотик, искренно желая соглашения с Комнином, приказал заверить его, что он немедленно готов приобщить его к царской власти. Это уже вполне удовлетворяло Комнина, и он обещал через три дня быть в Константинополе и представиться царю в качестве кесаря.

Между тем Исаак действительно перенес свой лагерь из Никомидии к берегам Босфора и остановился во дворце Даматри, построенном Маврикием. В Константинополе в это время (31 августа) подготовлялась развязка драмы, какой не ожидал Михаил Стратиотик, и главная роль в заключительном действии принадлежала патриарху. Ко храму св. Софии, где были палаты патриарха, собралась толпа народа вместе с частию сенаторов и требовала, чтобы патриарх высказался по занимающему всех делу о ведущихся между царем и Исааком Комнином переговорах. Михаил Керулларий сделал вид, что не желает вступать в общение с толпой, но потом сошел вниз и сел на патриаршее кресло. К нему обратились из толпы с просьбой вытребовать от царя тот документ, которым сенат и народ под клятвой обязались не признавать царем Комнина. Ибо, объясняли жалобщики, пока этот документ не уничтожен, мы находимся в опасности или быть клятвопреступниками перед нашим царем в том случае, если согласимся признать царем Исаака, или привлечь на себя гнев и нерасположение императора Исаака, если останемся верны данному Михаилу Стратиотику обещанию. Вся эта сцена получает свое объяснение с точки зрения интересов партии Исаака Комнина: ею предрешен вопрос о предпочтении самозванца законному царю. Патриарх принял на себя задачу освободить народ от клятвы, и в то же время в церкви было провозглашено многолетие Исааку Комнину. В тот же день Михаил Керулларий отправил к Исааку Комнину извещение о происшедшем и приглашал его поспешить в столицу, а Михаилу Стратиотику чрез посланных высших церковных сановников сделано было неожиданное предложение оставить дворец и искать убежище в храме св. Софии. Когда царь спросил посланных к нему митрополитов: «Что же может обещать мне патриарх за требуемые от меня жертвы?» — последние отвечали: «Царство небесное». Михаил без малейшей попытки к борьбе подчинился воле патриарха и тогда же принял пострижение в монахи. 1 сентября 1057 г. состоялся торжественный въезд в Константинополь, а на следующий день состоялось коронование Исаака Комнина.

Имя Комнинов в первый раз появляется в истории в царствование Василия II, в лице двух деятелей этой эпохи: Никифора, правителя Васпуракана, умершего без потомства, и Мануила, по прозванию Эротика, пользовавшегося особенным расположением царя Василия и исполнявшего при нем важные поручения. Поколение Комнинов ведет начало именно от Мануила, у которого было два сына и, может быть, дочь. * Исаак и Иоанн

* F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène. Paris, 1900, p. 22; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884 стр. 80—81.

Комнины, которые выступают с притязаниями на царскую власть в занимающий нас период, были сыновьями Мануила Эротика и начали свою служебную карьеру еще в царствование Василия II. Старший, Исаак, составил себе громкое имя на Востоке и прославился военными делами с турками-сельджуками. Любопытно отметить, что за него была сосватана дочь царя болгарского Самуила Екатерина и что в семье Комнинов текла славянская кровь. От этого брака произошли сын Мануил и дочь Мария. Дальнейшее поколение идет, однако, не от Исаака, а от его младшего брата Иоанна. Браком с представительницей знатного имени Далассинов, занимавших важные места в администрации итальянских фем, Иоанн укрепил положение семьи, которая в этом браке имела блестящее поколение. Анна Далассина дала Иоанну Комнину трех дочерей и пять сыновей: Мануила, Исаака, Алексея, Адриана и Никифора, из них третий основал в 1081 г. блестящую и даровитую династию императоров. Дочери вышли в замужество за представителей знатнейших родов, игравших политические роли. Мария выдана за Михаила Таронита, Евдокия за Никифора Мелиссина и Феодора за сына царя Романа Диогена от первой жены, Константина. В истории возвышения дома Комнинов немаловажное значение имели связи его с аристократическим родом Дук, на который после двухлетнего царствования Исаака перешла верховная власть в империи. Высокообразованная и гордая Анна Далассина дала прекрасное образование своим детям и должна была бороться с многочисленными затруднениями, чтобы сохранить семью среди смутной эпохи политических переворотов и потрясений, какие происходили в Константинополе, прежде чем сыну ее Алексею удалось утвердиться на престоле.

Возвращаясь к событиям, происходившим в первые дни сентября 1057 г., мы должны напомнить, что Исаак был обязан своим успехом как военной партии, так и тогдашнему патриарху Керулларию, приверженцу нового царствования, который весьма искусно подготовил движение против Михаила Стратиотика. Казалось бы, все складывалось так благоприятно для Исаака, что долгое и счастливое царствование могло считаться за ним обеспеченным, но этого не случилось. Постигшую Исаака неудачу на престоле можно объяснить частию его характером, частию задуманными им реформами во внутреннем управлении, которыми затронуты были интересы учреждений и частных лиц. Но прежде чем входить в подробности, приведем характеристику первых действий Исаака, как она излагается у Иоанна Скилицы.* «... Достигнув власти вышеизложенным способом и обнаружив славу мужества и военной доблести, Комнин немедленно приказал изобразить себя на монете с мечом в руках, не богу приписывая свою

* Cedreni, II, p. 641.

удачу, а собственному мужеству и военному опыту. По отношению к делам империи являет себя неограниченным повелителем и прежде всего почтил отменными наградами тех, которые оказали ему содействие в задуманном предприятии.

В заботах о народной пользе он назначил многих дозорщиков за сборами податей. За великой церковью утвердил право непосредственного распоряжения всеми ее имуществами, совершенно изъяв ее от государственной власти, так что как в ее земельных владениях, так в распоряжении священными предметами царь не имел никакой власти, а все было подчинено патриарху, как назначение должностных лиц, так и заведывание администрацией. Приказав доставить в столицу из замка Пимолиссы свою жену, объявил ее августой и севастой. Собственного брата Иоанна и Катакалона Кекавмена почтил саном куропалатов, брату кроме того дал звание великого доместика. Так как от материальных средств зависит все, и военное дело пришло в упадок и в конец расстроилось вследствие отсутствия денег в казне, и со всех сторон поднялись против Ромэйской империи враги, что не мог он не вменять себе в бесславие и что его крайне беспокоило, то он стал беспощадным сборщиком податей с тех, которые задолжали в казну, и сам первый прекратил раздачу привилегий. Обратил он внимание и на бережливость в расходовании государственных средств и озаботился приращением казенных имуществ. Почему многие частные лица лишились своих владений, так как он отменял жалованные им царские грамоты, равно как некоторые монастыри потеряли записанные за ними имущества под благовидным предлогом, что монахи должны довольствоваться малым . . . ».

Приведенное место может до некоторой степени объяснить нам сущность тех недоразумений, какие возникли на первых же порах между Исааком и различными классами населения империи и привели к роковой для царя развязке. Как человек, сделавший карьеру в лагере, в войнах на востоке, Исаак Комнин отличался резкостью и прямотой в сношениях с людьми, которая не делала приятными служебные с ним сношения. Не имея широкого образования, он был, однако, весьма самолюбив и в разговоре о серьезных предметах, прежде чем высказать свое мнение, пытался окольными вопросами выведать взгляд на дело своего собеседника. Исаак принес на престол такие же суровые нравы, как в свое время Никифор Фока или Цимисхий, и не мог не нажить себе врагов. Хорошо знавший царя писатель Михаил Пселл дает весьма правильную характеристику Исаака.*

* Σαθα. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, IV, pp. 235—236.

Таким образом, при всех его добрых намерениях, Исааку не удалось создать благополучного царствования. Напротив, недовольство им обнаружилось во всех слоях общества: среди крупных землевладельцев, светских и духовных, среди служилого сословия и, наконец, среди сельского населения. Более яркими чертами выразилось охлаждение между царем и патриархом, который принимал деятельное участие в возвышении Комнина и, конечно, надеялся быть за это вознагражденным. В надежде на беспредельную благодарность царя патриарх не знал меры в ходатайствах и просьбах то за себя, то за других, но так как не всегда исполнялись его просьбы, то он стал позволять себе угрозы и нелепые выходки, требуя от царя уступок, иначе угрожал лишением царства: «Я сковал для тебя корону, я же могу ее и расплавить»; пользовался окрашенною в пурпуровый цвет обувью, утверждая, что таков был обычай в прежнее время и что патриарху должно вновь восстановить этот обычай, ибо между царской и патриаршей властью нет или почти нет различия, а что касается наиболее важных дел, то священство может быть еще и выше царства. Когда отношения дошли до последней степени холодности, царь решился отделаться от патриарха. Он воспользовался праздничным днем в честь архангела Михаила, когда патриарх по установившемуся обычаю должен был провести некоторое время вне города в одном из монастырей, послал туда отряд военных людей и приказал взять под стражу патриарха вместе с его племянниками. Пока происходили затем совещания с некоторыми митрополитами и с Пселлом насчет мер, какие бы можно было употребить против патриарха, чтобы принудить его к отречению, получено было известие о смерти Керуллария (1058 г.), которое, освободив Исаака от крайне затруднительного положения, вместе с тем послужило для него источником новых забот и огорчений. Был ли Исаак виновен в смерти патриарха, о чем ходила молва, это трудно решить, но во всяком случае низвержение патриарха было незаконным и насильственным актом, значение которого еще более обрисовывается в неосновательных обвинениях, взведенных на Керуллария в угоду царю придворным оратором Пселлом.*
Нужно думать, что дело с патриархом происходило за год до катастрофы, жертвой которой сделался и сам Исаак Комнин. В преемники Керулларию назначен был Константин Лихуд, государственный человек, заведывавший финансовым управлением при Мономахе и державший сторону Комнина при низвержении Михаила Стратиотика. Он был возведен в патриархи из светского звания и, повидимому, дал царю обещание не препятствовать его планам насчет ограничения монастырей в их земельных владениях.

* П. Безобразов, ЖМНП, 1889, сентябрь. См. также: П. В. Безобразов. **Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл**, ч. I. М., 1890, стр. 89 *(Ред.)*.

Подходя к изложению событий, вследствие которых произошел переворот в Константинополе, лишивший Комнинов власти и выдвинувший новый аристократический род Дук в лице Константина X Дуки, мы должны заметить, что до сих пор неясны мотивы, произведшие этот переворот. Неожиданно сложились такие обстоятельства, когда Исаак принужден был передать власть не своему брату, а товарищу по прежней боевой службе, упомянутому Дуке. Трудно разобраться в подробностях, но ход внешних фактов заключается в том, что Исаак в 1059 г., возвратившись из похода на печенегов и угров, осенью отправился в Малую Азию и на охоте близ Эфеса простудился. Больной, он прибыл в Константинополь и здесь во Влахернском дворце постригся в монахи под влиянием советов патриарха и приближенных и удалился в Студийский монастырь, где спокойно прожил еще 2 года. Преемником своим он назначил Константина Дуку также по совету приближенных, обходя своего брата, будто бы добровольно отказавшегося от царства. Такова официальная версия, сохраненная Пселлом и Вриеннием, которая по всем вероятиям маскирует действительность, под давлением которой Исаак пожертвовал интересами своего дома. Нужно представить себе отчаянное и беззащитное положение членов царского рода в Византии, устраненных по обстоятельствам от власти в пользу другого рода, чтобы без колебаний признать поддельной сложившуюся легенду о добровольном отречении Исаака.*

Около 20 лет затем судьба империи была тесно связана с царствующим домом Дук, представители же рода Комнинов должны были, довольствуясь второстепенной ролью, в то же самое время употреблять все средства, чтобы не возбудить против себя подозрений и не навлечь на себя непоправимых бедствий. Исаак не оставил мужского потомства, ибо сын его Мануил умер в юном возрасте. От бывшей же с ним в супружестве болгарской царевны Екатерины он имел дочь Марию — обе они окончили свои дни в монашестве. Брат его Иоанн, имевший сан куропалата и должность великого доместика, и его многочисленное семейство, несомненно, подвергалось всяческим опасностям в этот двадцатилетний период, пока вновь сложившиеся благоприятные обстоятельства не выдвинули их снова на первое место.

Константин Дука, провозглашенный царем в декабре 1059 г., происходил из поместного дворянства в Пафлагонии и женат был во втором браке на Евдокии Макремволитиссе, племяннице Михаила Керуллария. Проследить родословное его дерево весьма трудно, хотя исторические деятели с этим прозванием встречаются с половины IX в. В занимающее нас время

* Подробно останавливаются на этом: A.-Fr. G f r ö r e r. Byz. Gesch..., III. Graz. 1872—1877, SS. 636—640; С к а б а л а н о в и ч, стр. 89—90.

Дуки играли выдающиеся роли, а будущий император Константин уже при Исааке был приближен к высшей власти в качестве носителя кесарского сана. Но, повидимому, у него произошли недоразумения с царем, так как он при Исааке получил назначение в отдаленную провинцию и возвратился из Эдессы лишь к тому времени, когда произошел в столице переворот в его пользу. У Константина была многочисленная семья, состоявшая из трех сыновей и трех дочерей: Михаил, Андроник и Константин; Анна, Феодора и Зоя. По ходу обстоятельств следует думать, что в день отречения Комнина от власти в пользу Константина Дуки главным образом интриговал Пселл вместе со своим товарищем и другом, новым патриархом Лихудом. На это указывает и случайно брошенный Пселлу упрек со стороны царицы Екатерины: «...благодарю тебя, философ, за совет, хорошо ты нам отплатил, убедив императора перейти в монашество».*

Дуке как царю партии предстояла нелегкая задача удовлетворить общественное мнение уступками по всем тем важным мероприятиям финансового характера, которые вооружили многих против его предшественника. Без сомнения в этом находят себе объяснение «ласковые речи», с какими он обратился к сенату и народу по избрании,** и разнообразные облегчения в пользу землевладельцев и служилого сословия, которыми он, повидимому, старался выполнить принятые на себя при избрании на царство обязательства. Но ему не удалось ни удовлетворить все притязания, ни примирить между собой враждебные партии. Константин Дука, хотя и принадлежал к военным сферам, не был по своим склонностям военным деятелем и притом достиг власти, имея уже больше 50 лет от роду. Летопись не отмечает за ним положительных качеств, и никто из современников не дает о нем похвальных отзывов, так что остается мало понятным, для кого же было полезно устранение Комнина и возвышение Дуки. Пренебрегая военным делом и предоставляя границы империи опустошениям и завоеваниям беспокойных соседей, Константин оставил безнаказанными громадные поражения, испытанные от турок-сельджуков на востоке, от угров и узов на Балканском полуострове и, наконец, от норманнов в южной Италии и Сицилии. В то время, как на границах дела были в отчаянном положении, император обращает исключительное и любовное внимание на правосудие и реформы по взиманию налогов и сбору пошлин, доводя до крайности свою систему. Так в судебном деле развилось сутяжничество, привлекшее много новых сил к адвокатской деятельности; в фискальной системе введена отдача на откуп взимания государственных податей, отягощавшая население. Рядом с этим была введена крайняя осторожность в расходовании:

* Ψελλός, pp. 254—256 (Σαθα, Μεσαιων. Βιβλ., IV).
** Cedreni, II, p. 651.

сокращены выдачи на военное ведомство, запущена постройка кораблей и осталось в пренебрежении все, что относилось к обновлению и заготовлению военного материала. Можно еще удивляться, что в царствование Константина мало было внутренних потрясений. Правда, в 1060 г. была попытка поднять возмущение, но благодаря своевременным мерам, принятым братом царя Иоанном, заговор был потушен, и виновники потерпели наказание. С тех пор до самой смерти своей в 1067 г. царь Константин спокойно продолжал свое бесславное царствование, принесшее большой вред империи. Чувствуя приближение смерти, Константин принял меры к утверждению власти за своим домом. Прежде всего он приобщил к власти своих сыновей, возложив на них корону; царица Евдокия была объявлена опекуншей за несовершеннолетием старшего сына, будущего царя Михаила VII Парапинака, причем будто бы дала обязательство и подписку не выходить замуж *

К числу мероприятий об утверждении династии должно относить и то, что брат царя Иоанн был возведен в сан кесаря и получил личные поручения относительно высшей государственной политики.** Трудно конечно гадать, что разумел писатель под высшими тайнами политики, но весьма вероятно, что умная и энергичная регентша Евдокия, находясь во главе правления после смерти своего мужа, сочла необходимым реагировать против этих тайных распоряжений. Ввиду затруднительного положения на восточной границе и принимая в соображение беспомощность той партии, которая осталась у дел после Константина Дуки, царица Евдокия пришла к мысли возвратиться к практике последних лет Македонского дома и избрать себе между военными людьми товарища — супруга, который был бы в состоянии удовлетворить и требованиям военных нужд на границах и вместе с тем оберегал бы интересы царевичей — наследников престола.

С небольшим шесть месяцев прошло по смерти царя Константина, как в столице стал на очереди вопрос о браке регентши. Все заставляет думать, что в пользу этого проекта было значительное большинство в сенате и что предстояло бороться лишь с кесарем Иоанном и с Михаилом Пселлом, пользовавшимся большим влиянием между прочим и потому, что ему было поручено воспитание царевича Михаила. Что касается кесаря, легко понять, что новый проект наносил ущерб его личному влиянию в правительстве и его двум сыновьям. Избрание Романа Диогена на престол посредством брака его со вдовой царицей-опекуншей обставлено в летописи романическими подробностями. Роман Диоген происходил из служилого

* По многим соображениям, однако, действительность этого обязательства может быть оспариваема. См. Gfrörer, III, S. 674—675; Скабанович, стр. 96—97.

** Cedreni, II, p. 659. «Καίσαρα δὲ τὸν αὑτοῦ ἀδελφὸν Ἰωάννην προχειρισάμενος κοινωνὸν βουλευμάτων μυστηριωδῶν καὶ σκεμμάτων ἐτίθετο».

сословия. Отец его Константин Диоген, приобретший известность при Василии Болгаробойце, погиб во время Романа III Аргира в 1031 г. трагической смертью. Не желая выдать на следствии своих соучастников в заговоре, он выбросился из окна Влахернского дворца и умер на месте, оставив сына Романа, который был в описываемое время дукой Сардики (Софии). Оказывается, что Роман Диоген очень глубоко чувствовал весь вред для государства, наносимый дурным управлением Константина Дуки, и решил отложиться от империи, провозгласив себя царем. Когда же его предприятие было своевременно раскрыто, в оковах он был доставлен в Константинополь и предан военному суду, от которого должен был ожидать сурового наказания. Здесь и создается романическая обстановка. Царица, увидев Романа, сжалилась над его молодым возрастом, военными заслугами, мужественной и красивой фигурой и присудила его к отрешению от должности и ссылке в Каппадокию, где находились его владения. Но после истечения двух месяцев его снова пригласили в столицу, почтили саном магистра и приблизили ко двору. 31 декабря он вступил в брак с царицей Евдокией, а 1 января 1068 г. короновался императорским венцом. Так произошел весьма важный государственный переворот, в котором главную роль нужно приписать царице. У Михаила Пселла встречаем несколько весьма важных замечаний насчет описываемого здесь переворота, который произошел, повидимому, без его ведома. «Доведя мой рассказ до этих событий, я затрудняюсь продолжать о царице Евдокии, которая доселе вела такую жизнь, что могла бы служить примером целомудрия для других женщин. И не скажу, что она после этого изменила добродетели воздержания, но она перестала быть такой строгой, как прежде, и не держалась тех же взглядов на вещи. Сказал бы я в оправдание ее и то, что перемена не заключалась ни в склонности к удовольствиям, ни в рабстве перед телесными наслаждениями, нет, ее мучили опасения за судьбу сыновей, чтобы, при отсутствии защитника и покровителя, их не постигло лишение царской власти... Человек весьма переменчивое создание, в особенности, если на него действуют сильные внешние влияния. Хотя царица была твердого нрава и благородной души, но под напором сильного течения поколебались устои ее целомудренных помыслов, и она стала помышлять о втором браке. И хотя многие знали об этом, но мне царица ничего о своих планах не сообщала, так как стыд связывал ей язык и она избегала моих возражений. Злые ее советники побуждали меня советовать ей, что для пользы государства следует избрать мужественного царя... Вечером (речь идет о кануне провозглашения Романа) царица пригласила меня и, оставшись со мной наедине, с плачем сказала: разве тебе неизвестно, что государство страдает и дела наши совсем пошатнулись, враги поднялись со всех сторон, варварские полчища опустошают восток, — как положить предел бедствиям? Я же, ничего не зная о подготовлявшихся событиях и будучи

далек от мысли, что будущий царь стоял уже у ворот дворца, отвечал: это нельзя решить сразу, нужно подумать и рассудить, семь раз померяй, одинова отрежь, по пословице. Она же, улыбаясь, сказала: не стоит беспокоиться, об этом уже подумано и решено, ибо Роман Диоген избран уже на царство. Я остолбенел и, не зная, как быть, сказал: ну, что же, завтра я подам свой голос за это решение. Нет, говорит, не завтра, ты должен подать свой голос сейчас же. Но я спросил: а твой сын и царь, который имеет право на самостоятельную власть, знает ли он об этом проекте? Она ответила: он совсем не знаком с этим планом и ничего не знает, но ради пользы сына пойдем вместе к нему и объясним дело, он спит теперь в одной из дворцовых комнат».*

Выбор был весьма удачный, трудно было найти наиболее подготовленного для решения серьезных государственных и военных задач человека. Роман Диоген приносил с собой на престол сознание высокой ответственности и любовь к военному делу, которое так долго находилось в пренебрежении. Он ни минуты не колебался дать истребованные у него обязательства соблюдать права наследников престола и управлять совместно с царевичами Михаилом, Андроником и Константином, имена коих ставились во всех законодательных актах. Но он должен был скоро почувствовать, что против него организуется враждебная партия с кесарем Иоанном Дукой и его сыновьями Андроником и Константином во главе. Не мог простить ему быстрого возвышения и Михаил Пселл, ставший на сторону врагов Диогена и объяснявший дурными намерениями самые лучшие действия царя. Известнейшие военные генералы Никифор Палеолог и Вотаниат также оказались на стороне противников Романа Диогена. Непродолжительное царствование его, проведенное в походах и в войнах с неприятелями, в высшей степени трагическое по своим последствиям, служит прекрасным свидетельством исключительно трудных условий, в каких пришлось действовать этому рыцарственному государю.

Заниматься изложением событий, происходивших на границах империи, мы предполагаем в другом месте, теперь же наметим лишь рамки, в которых проходит жизнь быстро следующих один за другим императоров. Роман Диоген не мог не понимать затруднительности своего положения, но он до некоторой степени пренебрег своими врагами и решился немедленно выступить против внешних врагов, наносивших большой вред в особенности восточным владениям. Может быть в целях собственной защиты он взял в первый поход своего пасынка Андроника, чтобы на всякий случай иметь в нем заложника, равно и впоследствии, оставляя столицу, имел обыкновение брать с собой Пселла как наиболее опасного интригана, которого лучше было постоянно держать на глазах. В марте 1068 г. пред-

* Ψελλός, pp. 272, 273.

принят им первый поход против турок-сельджуков; в апреле следующего года снова был совершен поход; весной 1071 г. Роман, несмотря на тревожные симптомы и предупреждения, вновь пошел походом в Азию. На этот раз в битве под Манцикертом (у озера Ван) * ему изменил подчиненный ему вождь Андроник Дука, чем приведено было в расстройство царское войско и последствием чего было пленение самого царя (1071 г.). Хотя счастливый победитель, знаменитый своими победами Алп-Арслан, отнесся к пленнику великодушно и через неделю отпустил его на свободу, но обязал его по договору уплатить огромный выкуп.

Между тем как Роман из Армении и Грузии направлялся в фему Колонию, в Константинополе произошел весьма для него неблагоприятный поворот дел. Пришедшие в столицу известия, весьма неблагоприятные и сами по себе, были умышленно преувеличены неблагожелателями царя и дали повод не считаться более с пленным царем, заключившим притом постыдный и обременительный мир. Отправляясь из того соображения, что Романа не выпустят турки на свободу без выкупа, правительница, под влиянием настоятельных требований Иоанна Дуки и Пселла, объявила царем старшего царевича Михаила. Но пришедшее вслед за тем известие об освобождении царя из плена и об его приближении к пределам империи поставило в большое затруднение вновь организовавшееся правительство. Кесарь Иоанн Дука, опираясь на значительную партию, потребовал от правительницы манифеста о низвержении Романа, но так как Евдокия не соглашалась на это, он взял ее под стражу и заключил в монастырь. а от имени Михаила VII объявлено было по всему царству о лишении власти Романа Диогена. В последовавшей затем междоусобной войне против несчастного Романа высланы были отряды под начальством сыновей кесаря, Константина и Андроника, которые нанесли ему поражение и лишили его поддержки преданного ему антиохийского дуки Хачатура. Роман был осажден в Адане и должен был сдаться на волю победителя; он отрекся от престола, дал согласие принять монашеское пострижение, но за то ему обещана была полная безопасность, за которую поручились три епископа. В Константинополе, однако, этим не удовольствовались: кесарь приказал ослепить Романа, и эта операция произведена была так грубо и бесчеловечно, что Роман не вынес ее последствий и умер на острове Проти, где предполагал провести свои печальные последние дни. Это произошло в 1072 г.

Воспитанник Михаила Пселла, Михаил VII Дука, занимал византийский престол до 1078 г. Он имел во время низвержения Романа около 20 лет от роду и, следовательно, мог бы нести ответственность за жестокую расправу со своим вотчимом. Но это был человек без воли, весь нахо-

* К западу от озера Ван, в верховьях Восточного Евфрата *(Ред.)*.

дившийся в руках клики, захватившей правление в свои руки. Слишком двуличный и неискренний Пселл писал уже ослепленному Диогену, что царь нисколько не повинен в его несчастии, что все произошло без его ведома и по воле окружающих. Главная ответственность должна пасть на кесаря, но, конечно, при дворе знали об его намерении, знал и царь и его советник Пселл. В его истории есть достаточные на это указания. Так, говоря о полученном Андроником поручении итти на Романа, он обронил замечание, что это очень тревожило царя, ибо он боялся, как бы это не окончилось для Романа несчастием, если он попадет в плен, и как бы он не подвергся членовредительству.* Нет сомнения, что опасения подобного рода могли основываться на реальных основаниях, а не на догадках. Михаил мог действительно жалеть Романа, но он ничего не сделал, чтобы его спасти, точно так же, как не воспользовался своей властью для защиты своей матери. Это был педант, достойный ученик Пселла, приготовленный для составлений хрий и для собеседований по теоретическим вопросам, но стыдившийся резкого слова с приближенными и благодушно переносивший проступки даже прислуги. При таком государе влияние на дела должно было перейти к приближенным: сначала все зависело от кесаря Иоанна, дяди царя, а потом наступило всемогущество евнуха Никифорицы.

Никифор, получивший в истории прозвище Никифорица, известен был как правитель Антиохии, откуда был переведен в Элладу и Пелопоннес, и отовсюду шла недобрая слава об его жестокости и любви к взяткам. Тем не менее, скоро после низложения Романа Диогена он пошел в гору, его вызвали в столицу и назначили на большой государственный пост — и логофеты дрома; его друзья, способствовавшие возвышению его, жестоко в нем обманулись, так как он не хотел играть подначальной роли и постарался оклеветать и удалить от царя тех лиц, которые стояли выше его. Так по его совету удален был под видом почетного назначения на военную должность в Азию кесарь Дука, так при его посредстве произошло охлаждение между царем и его братьями. Сделавшись временщиком, он легко удалил Иоанна, митрополита Сиды, бывшего при Михаиле первым министром, и занял его место. Никифорица начал ряд реформ и смелых предприятий по финансовому ведомству и по взиманию налогов, направленных впрочем не для блага государства, а для собственной наживы. Период его бесконтрольного распоряжения судьбами государства (конфискации имуществ, денежные поборы и пр.) вызвал всеобщее раздражение, возбудил против правительства основательные жалобы, которыми воспользовались представители служилой аристократии, развращенной частыми сменами на престоле и переменами правительств. Не говоря о возмущении кесаря Иоанна, объявившего себя царем по подстрекательству норманнского вождя

* Ψελλός, IV, p. 235.

Урселя и впоследствии в покаянном виде явившегося с повинной к племяннику, ненависть к правительству Никифорицы нашла себе выражение в сильных движениях, начавшихся в 1077 г. и окончившихся низвержением Михаила VII. Первым выступил проедр Никифор Вриенний, бывший дука Драча: * при содействии своего брата Иоанна, имевшего в Адрианополе большие связи и влияния, он объявил себя императором в ноябре 1077 г. и послал своего брата, возведенного в сан куропалата и доместика схол, на Константинополь. Столица представляла легкую добычу, так как мало имела войска. Любопытно отметить, что самым важным лицом, защищавшим Константинополь, был Алексей Комнин, племянник бывшего царя Исаака, так как Михаил счел полезным войти в соглашение с этой семьей, для чего вызвал из ссылки вдову Иоанна Комнина Анну с сыновьями и выдал за старшего из них Исаака Ирину, дочь грузинского владетеля и племянницу императрицы Марии, дочери армянского царя Баграта IV. Приняв ряд мер для отражения Иоанна Вриенния и заставив его отступить сначала в Редесто, а потом в Кизик, правительство Михаила VII почти уже одержало верх над Вриенниями, когда на востоке вспыхнуло восстание Никифора Вотаниата, стратига фемы Анатолика. Он объявлен был царем и с помощью сельджукских отрядов овладел Никеей и приблизился к Халкидону, против Константинополя. Хотя Алексей Комнин предлагал императору ударить на Вотаниата с остатками находившегося в Константинополе гарнизона, но Михаил VII не воспользовался советом и пропустил время. В самой столице произошел поворот в пользу Вотаниата, образовалась стража из граждан и завладела дворцом. Находясь в отчаянном положении, Михаил бежал во Влахерны, откуда был отведен в Студийский монастырь и там пострижен (1078 г.). Царица с сыном, порфирородным Константином, спаслась в монастырь Петрий. Вотаниат вступил в столицу 3 апреля и венчался в храме св. Софии.

Здесь мы должны перенести внимание на бывшую все это время вдали от дел семью Комнинов, среди которой при Михаиле VII и Никифоре Вотаниате вырастает импозантная фигура Алексея Комнина, занявшего престол после Вотаниата, также путем военного бунта, в апреле 1081 г. Нет никакого сомнения, что в смутную и полную всяких превратностей эпоху, последовавшую после удаления от дел Исаака Комнина, судьба оставшейся семьи в лице его брата и его многочисленного потомства всецело зависела от политического такта, благоразумия и большого авторитета супруги Иоанна Анны Далассины, о которой нужно сказать несколько слов. Дочь царя Алексея, знаменитая писательница Анна Комнина, вспоминая об исключительном доверии, которое оказал ее отец Анне Далассине, назначив ее правительницей государства на время своего похода про-

* Д и р р а х и у м. См.: Н. С к а б а л а н о в и ч, стр. 113. *(Ред.)*.

тив Роберта Гвискара, характеризует свою бабку в таких выражениях: «Иной пожалуй будет порицать расположение моего родителя, доверившего женщине управление империей. Но кто имел случай знать просвещенные взгляды моей бабки, ее добродетель, ум и житейскую опытность, тот бы, напротив, похвалил отца. Моя бабушка так была искусна в ведении дел и так способна разбираться в политике, что могла бы управлять не только Ромэйской империей, но и всяким царством под солнцем. Она была весьма опытна, знала природу многих вещей, понимала, из чего что возникает и к чему приводит, что имеет второстепенное значение и что способствует к усилению другого, в высшей степени находчива в распознании того, что нужно, и удивительно осторожна в действиях. И такова была не только по умственным расположениям, но в том же смысле и выражала свое мнение . . . Даже и в молодые годы она казалась удивительным существом, обнаруживая почтенную серьезность в юных летах. При одном на нее взгляде можно было заметить присущую ей доблесть в соединении с величественной осанкой. Мой отец, получив царскую власть, взял на себя подвиг и заботы, ставя свою мать зрительницей его деяний и доверив ей верховную власть и исполнял, как подданный, ее приказания. Он чрезвычайно любил ее и находился в полной от нее зависимости, верно исполнял ее волю и слушал ее распоряжения; соглашался на все, на что выражала она свою волю».*

В последующей истории можно видеть эту замечательную женщину и в роли правительницы государства, и в роли представительницы просвещенного кружка, который образовался при дворе императоров. Семья Комнинов, т. е. дети и внуки Анны Далассины, несомненно во многом ей обязаны и безбедным достижением спокойной пристани среди бурь смутной эпохи, и связями с высшими кругами, и прекрасным образованием. Так как ее муж Иоанн Комнин умер в 1067 г., то целое десятилетие семья была на руках Анны. У нее была никогда не заживавшая рана, глубокое сожаление о том, что Дуки вырвали у ее семьи царскую власть, которая была уже в руках у Комнинов. С большим искусством, не допуская царствующих Дук догадываться об ее чувствах, она должна была поддерживать с ними сношения и готовить в своих сыновьях будущих заместителей престола. Сначала Далассина примкнула к партии Евдокии Макремволитиссы и Романа Диогена: первая едва ли не приходилась двоюродной сестрой, а Диоген уже и потому мог расположить ее в свою пользу, что с его царствования Дукам нанесен был временный удар. Вследствие вновь сложившихся благоприятных отношений одна из дочерей Анны по имени Феодора была сосватана за Константина, сына Романа Диогена. Точно

* Annae Comnenae. Alexias, III, c. 7, pp. 160—161. Русский перев.: Визант. историки, СПб., 1859, стр. 153.

так же старший из сыновей Мануил получил почетные назначения в войнах на востоке и за военные дела удостоен сана протопроедра и куропалата. Но переворот, сопровождавшийся ослеплением Романа и вступлением на престол Михаила VII, угрожал серьезными опасностями семье Комнинов. Обвиненная в сношениях с низверженным царем, она поплатилась изгнанием и жила некоторое время на Принцевых островах. Но скоро она вошла в расположение царя, возвращена в столицу, и ее сын Исаак вступил в брак с Ириной, родственницей царицы Марии, супруги Михаила, будучи назначен доместиком восточных схол. Здесь, в войнах с турками-сельджуками, под начальством брата начал военную карьеру третий сын Анны Алексей. Еще будучи молодым человеком, он приобрел опытность и военное имя, спас из плена своего брата Исаака и обратил на себя внимание царя Михаила. По случаю возмущения кесаря Иоанна Дуки и предводителя норманнского отряда Урселя в 1073 г. Алексей в звании стратопедарха был отправлен на восток уже с самостоятельным поручением. Говорят, что этим назначением, которое было не по душе матери Алексея Комнина, равно как назначением Исаака Комнина дукой Антиохии, т. е. самой отдаленной области, тогдашний временщик Никифорица имел намерение удалить Комнинов из столицы, так как их авторитет казался ему опасным.* Но Алексею, несмотря на незначительные силы, удалось лишить Урселя союзников и неожиданно захватить его в плен. Этим делом он заслужил большую славу, так что имя братьев Комнинов начало пользоваться известностью и авторитетом в больших кругах.

Вновь Алексей выступает на сцену во время одновременного на западе и востоке бунта, поднятого Вриеннием и Вотаниатом. В то время Комнины занимали уже весьма почетное место, и царствующая семья Дук испытывала такое затруднительное положение, что пошла навстречу Комнинам и искала вступить с ними в родственную связь. Тогда именно внучка кесаря Иоанна Дуки, дочь Андроника Ирина, была сосватана за Алексея. Этим браком соединялись две наиболее аристократические семьи империи и определялись на ближайшее время политические судьбы государства. Мать Алексея была против этого брака, «так как питала старинное нерасположение к дому кесареву».** Подозрительно смотрел на это сближение и царь Михаил, но все препятствия были превзойдены, и бракосочетание состоялось в конце 1077 г. или в начале 1078 г. Уже после этого брака Алексею была поручена важная задача усмирения возмущения, поднятого во Фракии братьями Иоанном и Никифором Вриенниями. Выше мы видим, как первый, подступив к Константинополю, ошибся в своих расчетах на легкую победу и должен был отступить на дорогу между Ираклией

* Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène, pp. 30—31.

** Bryennii, III, 6.

и Константинополем (Афира), где Алексей Комнин вместе с Урселем нанес ему поражение. Но положение дел приняло весьма дурной оборот, когда в это же время в Азии начал восстание Никифор Вотаниат. Имея сан куропалата и стоя во главе фемы Анатолика, Никифор обладал большим военным и политическим тактом и повел дело гораздо осмотрительней, чем его западный сотоварищ. В пользу его было и то обстоятельство, что успехи турок-сельджуков в Малой Азии вполне поколебали авторитет правительства и что надежда на перемену политических обстоятельств и обещанная им защита против варварских наездников привлекла на его сторону и крестьянское население и местное дворянство. Вотаниат, кроме того, послал преданных ему людей в столицу, где было также много недовольных правительством Михаила VII Парапинака, обещая населению разные милости, если оно станет на его сторону. Таким образом, еще находясь на пути к столице, он успел составить себе большую партию в духовенстве, в сенате и между высшими классами населения. К числу искусных мероприятий, которыми обеспечивался успех Вотаниата, было и то, что он имел в своем распоряжении самую крупную тогда военную и политическую силу Малой Азии — турок-сельджуков, с которыми состоял в союзе. В октябре 1077 г. Вотаниат был провозглашен войсками царем, но не спешил занять Константинополь, хотя и там имел много преданных ему людей. Видя безнадежность сопротивления, Алексей Комнин дал царю совет отказаться от власти в пользу своего брата, порфирородного Константина. Но этот последний предпочел признать своим государем Вотаниата, ему последовал и Алексей. Тогда Вотаниат занял Константинополь и 3 апреля 1078 г. был коронован патриархом. Положение Вотаниата на престоле хотя облегчалось тем, что его предшественник добровольно отрекся и постригся в Студийском монастыре, но представляло и обратную сторону, так как Вотаниат не имел связей с царствовавшей династией и не мог похвалиться высоким родством. Поэтому нужно считать исключительно политическим расчетом брак его с царицей Марией, супругой Парапинака, к заключению которого были большие препятствия, так как был еще жив Михаил VII. Алексей Комнин был щедро вознагражден за признание Вотаниата царем, он назначен великим доместиком схол и получил сан нобилиссима. Свое доверие Комнину Вотаниат выразил в особенности тем, что поручил ему главное начальство над войском, отправленным на запад против Никифора Вриенния.

Вриенний продолжал держаться во Фракии, находя приверженцев среди местного населения, и отверг неоднократные предложения со стороны Вотаниата, обещавшего ему приобщение к власти посредством акта усыновления и амнистию для всех участников возмущения. Но так как все предложения были отвергнуты, Алексей Комнин выступил против него с войском, нанес ему поражение и взял его в плен. Этим, однако, не окон-

чилось поднятое на западе движение; дело Вренния продолжал Василаки, его преемник по управлению Драчем, который, опираясь на албанские и норманнские наемные отряды, овладел Фессалией и Эпиром и дошел до Солуни. Прежде чем Алексей Комнин успел возвратиться в столицу после победы над Вриеннием, ему вместе с пожалованием сана севаста отдан был приказ итти на Солунь. И на этот раз ему удалось одержать победу над отрядом самозванца, запереть его в Солуни и, наконец, взять его в плен. По приказанию Вотаниата тот и другой самозванцы подверглись ослеплению. Было бы в высшей степени утомительно следить в подробности за дальнейшими выражениями недовольства центральным правительством и за появлением новых смут в войске и среди населения в провинциях. Только что усмирена была Фракия, против Вотаниата объявился новый претендент в лице Константина Дуки, брата Михаила VII, но скоро его выдали царю его собственные приверженцы, и его постигла обыкновенная тогда участь претендентов — пострижение в монахи и ссылка. Наконец в Малой Азии произошло более серьезное движение в конце 1080 г. Это был новый претендент на царскую власть по имени Никифор Мелиссин, находившийся в родстве с Комнинами по браку с Евдокией, сестрой Алексея. Когда вновь Вотаниат предложил Алексею стать во главе войска и итти на восток для усмирения поднятого Мелиссином движения, последний просил освободить его от этого поручения, ссылаясь на узы родства с бунтовщиком, могущие подать повод к невыгодным для него слухам и выводам. Здесь в первый раз получаются несколько более определенные указания на политические воззрения будущего основателя династии Комнинов. Хотя сведения нами черпаются из такого источника, который не может не быть пристрастным к Алексею, именно из истории Анны Комнины и Вриенния, известного кесаря, сына того бунтовщика, который вооружился против Вотаниата, и вместе с тем зятя царя Алексея посредством брака с принцессой Анной, который вполне сделался сотрудником Алексея в укреплении на престоле династии Комнинов, тем не менее из рассмотрения внутренних событий того времени получается возможность до некоторой степени понять настроения семьи Комнинов.

Никифор Вотаниат не сумел воспользоваться своим положением, чтобы расположить к себе провинции и население Константинополя. Он опустошал государственную казну на выдачу наград и подарков своим приверженцам, но когда не стало средств, то возбудил против себя неудовольствие тех, которые не успели воспользоваться его щедростью. Кроме того Вотаниат подорвал свою популярность в духовных сферах и в народе двумя неосторожными поступками: во-первых, своим браком с императрицей Марией, что, помимо всего прочего, было его третьим браком, возбраняемым церковью, во-вторых, устранением от наследства сына Михаила VII,

порфирородного Константина. Еще податливая набожность могла бы помириться с нарушением канонов, но вопросы династические очень крепко держались в сознании, и нарушение прав законного наследника престола считалось таким важным преступлением, что даже Алексей Комнин воспользовался им в проведении своих планов к завладению империей. Итак, Вотаниат не удовлетворял ни военное сословие, ни духовенство, ни народ, оттого такое тревожное время переживала империя в его царствование. Между тем Комнины в лице Исаака и в особенности Алексея достигли к тому времени высших служебных степеней и прославились, в особенности младший из них, победой над турками и искусными действиями против самозванца. Кроме всего прочего, Алексей Комнин, сочетавшись браком с Ириной Дукеной, вошел в интересы устраненного Вотаниатом дома Дук и, так сказать, принял на себя заботу о восстановлении его прав. Не будем входить в оценку факта, сообщаемого царевной Анной, что будто Борил и Герман — оба славянского происхождения, пользовавшиеся особым доверием Вотаниата, — проникли в планы Комнинов и, считая их весьма опасными по известности и обширным связям, задумывали заблаговременно взять их под стражу и ослепить, — нам кажется, что нет необходимости прибегать к этому объяснению для оправдания мотивов открытого выступления Комнинов на путь военного возмущения, ибо ход дел хорошо был подготовлен заранее и медлить с выступлением было слишком опасно. У той же писательницы можно найти ключ к выяснению подготовительных средств к задуманному Комнинами перевороту, в котором, конечно, немалая доля участия принадлежала матери их, Анне Далассине. Царица Мария очень благоволила к Алексею, и последний был духовно ею усыновлен. Между женской половиной дворца и Комнинами установились весьма близкие связи, впоследствии даже говорили, что императрица была неравнодушна к молодому севасту и сблизилась с ним. У царицы была заветная мысль видеть на престоле после Вотаниата сына своего Константина, эту мечту поддерживал в ней и Алексей и до некоторой степени давал если не обязательства, то положительные обещания в этом смысле. В истории цесаревны Анны находим следующее место: «После наречения Алексея царица и мать его Мария обратилась к нему с просьбой дать ей скрепленное красными чернилами и золотой печатью письменное ручательство в том, что ее и сына ее не только не тронут, но что последний будет соцарствовать Алексею, носить красную обувь, возлагать на себя венец и провозглашаться вместе с ним как царь. И в этой просьбе ей не отказано. Говорили даже, что царица еще до восстания Комнинов заключила эти условия и требовала, чтобы так было поступлено с ее сыном».* Весьма вероятно, что в связи с теми же предва-

* Alexias, III, 4.

рительными соглашениями стоит и тот довольно странный факт, что супруга царя Алексея, Ирина, долго не была провозглашена августой и короновалась после царя Алексея. В связи с тем же обстоятельством должно объяснять и обручение царевны Анны с Константином. Указанные соглашения и обязательства, проложившие Комнинам дорогу к трону, впоследствии потеряли, однако, силу и были отменены. Окончательная развязка не заставила себя ждать. Никифор Вотаниат, находясь в преклонных летах и не имея собственных детей, желал передать наследство в свою боковую линию, в род Синадинов, которые оказали ему помощь в его стремлении к царской власти. Так как этот план, который не мог долго оставаться в секрете, шел вразрез с намерениями царицы Марии, уже получившими довольно основательно поддержку в ее многочисленной партии, и весьма сильно затрагивал интересы Комнинов, то нужно полагать, что окончательный план дальнейших мероприятий был выработан именно для противодействия намерениям Вотаниата. Тогда Комнины могли предложить царице свой план, при осуществлении которого один из них вступит на престол и приобщит к власти ее сына Константина, обеспечив ей весь почет и влияние, на какое имела право царица и мать царя. С своей стороны царица Мария должна была предоставить Комнинам всю поддержку, весь авторитет и влияние, каким могли располагать в империи Дуки.

Задуманный Комнинами переворот мог быть с успехом осуществлен между прочим и потому, что Алексей в качестве великого доместика, т. е. главнокомандующего армией, мог опираться на военную силу, от которой всегда зависел успех политических переворотов. Зимой 1081 г. правительство было напугано успехами турок-сельджуков, захвативших Кизик, и назначило Алексея Комнина в поход для освобождения этого важного города. В то же время Комнинов уведомили преданные им люди из дворца, что против них созрел замысел Борила и Германа и что им угрожает ослепление. Это было 14 февраля 1081 г., тогда европейские фемы были на пути к Константинополю, и великому доместику предстояло вступить в командование ими и переправиться в Азию. Заручившись содействием и согласием армянина Пакуриана и норманна Убертопула пристать к военному бунту, Алексей вместе с братом своим Исааком и с другими участниками заговора собрались во Влахернском дворце для последних решений и, захватив коней в царской конюшне, рано утром поспешно отправились к сборному месту войска. «Была ночь сырного воскресенья, когда мой отец задумал это, а рано на следующее утро он вышел из города. По сему случаю народ сложил песенку: в сырную суб-

* Alexias, II, 4.

боту ты задумал это, любезный Алексей, а на другой день поутру я сказал: „прекрасно, мой сокол"».* Сборным пунктом было Чорлу, неподалеку от Константинополя, куда собрались заговорщики, во главе коих был кесарь Иоанн Дука, который явился с отрядом нанятых им на службу турок и с членами рода Дук, в котором занимал первое место. Между более знатными заговорщиками нужно еще упомянуть Георгия Палеолога. Прежде всего был решен вопрос о провозглашении царя, и в этом смысле кесарь Дука своим голосом дал перевес Комнинам. Когда на Алексея была надета красная обувь и царское облачение, Дука первый приветствовал его от имени собравшихся.

Новое возмущение во Фракии поставило Вотаниата в отчаянное положение. В Азии войска следовали за Никифором Мелиссином и подошли к Босфору. Они находились в нынешнем Скутари, у мыса Дамали. В столице Вотаниат не мог располагать значительными военными средствами, которые бы позволили ему выдерживать продолжительную борьбу с двумя соперниками, окружившими Константинополь. Следует здесь припомнить, что Мелиссин и Алексей Комнин находились в родстве и легко можно было подумать, что они задумали общее дело. На самом деле, однако, этого не было, так как Алексей не согласился на сделанное ему от Мелиссина предложение разделить власть над востоком и западом и старался завладеть Константинополем, прежде чем войти в какие-нибудь обязательства по отношению к восточному претенденту на царство. Приблизившись к столице в конце марта 1081 г., Алексей не прибегал к осаде. Он вступил в тайное соглашение с начальником немецкого отряда, охранявшего башню при воротах Харисиевых (Адрианопольских), который условился сдать Комнину защищаемую им башню и ворота. 1 апреля Алексей овладел воротами и главной улицей, ведущей через площадь Св. апостолов и площадь Тавра к церкви св. Софии. Мало дисциплинированное и состоявшее из отрядов разного происхождения войско Комнина рассеялось по главным улицам и начало беспощадный грабеж и избиение. Это был очень критический момент для счастливого претендента, но им не воспользовался слабый и нерешительный Вотаниат. Он думал вступить в переговоры с Мелиссином, и тогда, опираясь на часть флота, он мог бы еще справиться с нестройным ополчением Комнина. Но ему изменил отец Палеолога (Георгия, — *Ред.*), бывшего в числе приверженцев Комнина, и убедил моряков перейти на сторону Алексея. Чтобы спасти хотя тень власти, Вотаниат предложил Алексею усыновление и приобщение к власти, предоставив ему действительное управление, оставляя себе лишь царский сан и внешний почет. Но и это унижение не помогло. Ход дел направлялся в пользу Алексея Комнина, так как на его стороне оказался не только самый почетный представитель фамилии Дук, кесарь Иоанн, но и современный описываемым событиям патриарх Косьма I.

Вотаниат покинул остававшихся еще на его стороне немногих приверженцев и в храме св. Софии объявил об отречении от престола. Пострижение в монашеское звание он принял в монастыре Перивлента. В первый день Пасхи, 4 апреля, Алексей занял Большой дворец и венчался императорским венцом, положив начало знаменитой династии, занимавшей престол сто слишком лет.

Глава III

СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ. ПЕЧЕНЕГИ И ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ

месте со вступлением на престол основателя династии Комнинов мы дошли до того периода, который развивался главнейше под воздействием турецко-татарского напора, охватившего империю одновременно с севера и востока. Византия была окружена в Европе и Азии, как железным кольцом, различными народами и племенами, принадлежавшими к одному и тому же корню, которые притом же в большинстве были связаны магометанским исповеданием.* И нельзя не поставить этого на счет византийскому правительству, которое вследствие близорукой и часто крайне нетерпимой политики своими же собственными руками разрушало равновесие на границах, столь тщательно оберегаемое Константином Порфирородным. Теория образования заслонов или таких территориальных групп, которые бы служили обороной границы и имели интерес отстаивать империю против враждебных нападений со стороны, произошла не в новое время. Напротив, на ней уже в средние века основывались отношения между большими империями и государствами. Но в занимающее нас время империя подвергалась большой опасности именно вследствие того, что подобные заслоны оказались сдвинутыми со своего места или даже разрушенными, как на северных границах в Европе, так и на востоке, в Азии.

* Из тюркских народов Восточной Европы и Азии, соседивших с Византией в конце XI в., только часть гузов (сельджукские туркмены) были уже мусульманами; печенеги, кыпчаки (половцы, куманы) и гузы (узы) Причерноморья оставались язычниками (анимистами). (*Ред.*).

Беспощадное истребление Василием II своих соседей болгар и присоединение покоренной Болгарии к империи не только обнажило северную границу византийского государства, но и поставило его в соседские отношения с кочевыми (варварскими) народами, от соприкосновения с коими прежде оберегала империю Болгария. Следствия греко-болгарской войны не могли обнаружиться во всех подробностях в ближайшее время после Василия II. Но в занимающий нас смутный период смены лиц на престоле и появления на западе и востоке многочисленных самозванцев дунайская граница сделалась театром крупных событий. Важные дунайские города Силистрия, Видин и Месимврия, которые прежде представляли органическую и постоянно обновляющуюся силу, заимствуемую в населенных славянами окрестных областях, с падением болгарского царства утратили свое положение и силу и сделались легкой добычей диких наездников, прибывавших из южнорусских степей. Факт громадной исторической важности, который нам нужно здесь отметить, состоит в том, что освободившиеся от болгар позиции не были заняты греками и не могли быть вполне замещены колонистами из Азии, к чему стремилось правительство, а сделались добычей печенегов, а за ними половцев, или куман,* и узов. Под разными этнографическими именами мы имеем здесь кочевые племена с одинаковыми варварскими нравами, с хищническим образом жизни и с родственными тюркскими языками. В XI и XII вв. они становятся страшным врагом империи, который не находил на Балканах никакой преграды для своих опустошительных набегов на Фракию, и жестокость и дерзость которого, останавливаемая лишь стенами Константинополя, и в том имела для себя еще поощрение, что печенежские и половецкие наезды на Балканском полуострове были откликом на одновременные походы турок-сельджуков ** в Малой Азии.

Значение одновременного движения на Византию турецко-татарских народов Европы и Азии с особенной силой выдвинуто в прекрасном исследовании В. Г. Васильевского «Византия и печенеги»,*** которое остается руководящим в этом вопросе. Печенеги появляются в византийских областях на юг от Дуная в конце первой половины IX в. и производят с тех пор такое сильное давление на Балканский полуостров, что Фракия и Македония до самой Солуни постоянно подвергались их наездам и опустошениям. Занимая южнорусские области от Днепра до Дуная, печенеги

* Иначе — кыпчаков (*Ред.*).

** Точнее, туркмены (гузы), объединенные под властью династии Сельджукидов (из туркменского племени кынык) (*Ред.*).

*** В. Г. Васильевский, Труды, т. I, СПб., Изд. Акад. Наук, 1908, стр. 1—174.

потеснены были племенем узов, принадлежавшим к другой кочевой орде, и сделали попытку искать новых мест обитания у устьев Дуная.

В самой печенежской орде тоже происходили раздоры между ханами отдельных колен. Кеген и Тирах находились в непримиримой вражде. Тирах, однако, владея одиннадцатью коленами, был гораздо сильней своего противника, под властью которого было лишь два колена печенежской орды, и заставил Кегена искать прибежища за Дунаем, в пределах Византийской империи. По свидетельству историка Кедрина, численность орды Кегена доходила до 20 тысяч. Император Константин Мономах приказал дать им свободу поселиться в пределах империи, снабдить продовольствием, а предводителя их препроводить в Константинополь. Желая обласкать Кегена, император пожаловал его званием патрикия, а этот последний изъявил желание креститься и побудить к тому же свою орду. Из принятой на службу империи орды, поселенной в северо-восточной Болгарии, образован был заслон для защиты империи частию от родственных Кегену задунайских хищников, частию от Руси. Послан был к печенегам проповедник в лице монаха Евфимия, окрестивший многих из них. Но это не смягчило нравов обращенных варваров, они продолжали делать набеги на своих сородичей за Дунаем и вызвали последних к решительным действиям. Зимой 1048 г., когда Дунай покрылся льдом, Тирах со всей ордой численностью в 800 тысяч переправился через Дунай и напал на своего давнего врага, который даже и с помощью византийских стратигов не мог противостоять громадным отрядам печенежской конницы. Но на помощь христианской армии пришли болезни, бывшие следствием невоздержанности печенегов. Пользуясь тем, что в лагере было уныние по случаю эпидемических болезней, греки напали на печенегов и без труда завладели их становищем. Громадная орда военнопленных печенегов была поселена поблизости от Сардики (София) и Ниша. Тирах вместе с толпой знатных был отведен в Константинополь, где принял христианство и пожалован высоким саном.

Печенежская орда, поселенная на Балканском полуострове, скоро начала играть важную роль в военных предприятиях империи. Услугами своих новых подданных император воспользовался с целью отражения напора турок-сельджуков в Малой Азии. Судьба 15-тысячного отряда печенегов, во главе которого стояли ханы Сульчу, Сельте́, Карамà и Каталим, настолько любопытна для характеристики чрезмерной близорукости правительства Константина Мономаха, что на ней следует остановиться. Печенеги, переправленные в Скутари, повидимому, были предоставлены самим себе. Здесь их охватило раздумье перед трудностями отдаленного похода, и они пришли к решению возвратиться назад к своим соплеменникам. По этому поводу рассказывается, что Каталим первый бросился на своем коне в Босфор, ему последовали и другие,

и таким образом печенеги благополучно переправились на европейский берег пролива, вероятно, в более узком его месте, где ширина его не более полуверсты. Любопытно, что правительство не приняло мер к задержанию их и предоставило им свободу возвратиться к своим поселениям близ Средца и Ниша, где они подняли беспокойное движение среди своих соплеменников и побудили их искать новых мест для поселения. Это сопровождалось большими смутами на севере Балканского полуострова, где печенеги заняли господствующее положение и не признавали власти императора. К стыду империи, призванные против печенегов восточные войска были разбиты и обращены в бегство. Целых 2 года печенеги хозяйничали во Фракии и Македонии, возвращаясь с богатой добычей в свои становища. Летом 1050 г. наезды печенегов простирались до Адрианополя, где стратиг Константин Арианит собрал значительные силы в укрепленном лагере. Но и здесь, несмотря на осторожность вождя и надежную военную базу в Адрианополе, византийское войско потерпело полное поражение, причем сам предводитель греческого войска был взят в плен и погиб в жестоких мучениях.* Одержанная победа придала печенегам новую энергию, они рассеялись по окрестным местам, везде внося грабеж, опустошение и производя большой полон. Отдельные их шайки доходили до стен Константинополя и ставили императорское правительство в крайне затруднительное положение.

Как ни опасно было совершенно обнажать от охраны азиатские провинции, но Мономах решился потребовать оттуда последние войска и поручил их Никифору Вриеннию, рекомендуя ему, однако, не ставить на карту последних средств и без крайней необходимости не вступать с печенегами в открытое сражение. В то время как Вриенний очищал от печенежских разъездов Адрианопольскую область, патрикий Михаил, носивший звание аколуфа, т. е. начальника варяжских дружин, занял оборонительное положение на юго-западе, близ Родосто. Здесь ему удалось сделать на отряд печенегов неожиданное нападение и почти без остатка истребить его. Затем оба предводителя начали действовать совместно и разбили еще две печенежские шайки. Но только в 1053 г. Мономах решился перейти в наступление против этого страшного и упорного врага и, завладев балканскими проходами, укрепиться в Преславе. Это предприятие окончилось бесславным поражением, нанесенным византийскому войску в ночном бою. Удрученное печальными невзгодами настроение современников выражается в следующем замечании писателя: «Очевидно, не согласно с божественным промыслом поголовно истребить целый народ и вычеркнуть из числа предустановленных им хотя бы один

* Подробно сообщает об этом Cadreni, II, p. 601 и след.; Attaliota, pp. 34—35.

язык».* Пришлось прибегнуть к подкупу и подаркам и купить у варваров мир дорогими уступками. В царствование Исаака Комнина в 1059 г. печенеги вновь заставили говорить о себе; против них, однако, выступил на этот раз сам царь и нанес им ряд поражений в северо-восточной Болгарии. Следствием похода Исаака было фактическое восстановление власти империи на дунайской границе, что выражалось между прочим в назначении будущего императора Никифора Вотаниата для управления придунайскими крепостями.

Но южнорусские степи продолжали выставлять к Дунаю новые орды кочевников, которые подкрепляли свежими силами печенежских колонистов в Болгарии. К 1064 г. относится известие о появлении на Дунае орды узов, которая в числе 600 тысяч угрожала переплыть Дунай и вторгнуться в имперские владения. Бывшие на Дунае гарнизоны оказались недостаточны для принятия серьезных мер против узов, о дунайской флотилии, которая бы могла воспрепятствовать переправе через Дунай, совсем нет упоминаний; на челноках, выдолбленных из древесных стволов, и на кожаных мешках с соломой, привязанных ко хвостам коней, узы переправились на византийский берег. Громадная орда, не находя достаточного корма для себя и лошадей, рассеялась по дунайской равнине и простерла опустошительные набеги до Солуни и Греции. Император Константин Дука обратился к переговорам и обещаниям больших даров, если узы прекратят опустошения и возвратятся назад. Несколько знатных узов пришли в столицу и были обласканы вниманием и почестями. Но это не помогло. Жажда наживы и прокормления, которого не было достаточно в опустошенной Болгарии, гнала узов далее на юг и запад. Фракия и Македония представляли им более приманки. В Константинополе опасность от узов вызвала крайнее смущение и страх, под влиянием которого появилась мысль о переселении в Азию. Объявлен был всеобщий пост и покаяние, народ желал умилостивить небесное правосудие молитвами и процессиями с иконами. Скоро стали приходить вести, вселившие надежду на улучшение дел. Часть узов ушла обратно за Дунай, а между оставшимися распространились повальные болезни, начался голод и лишения. На ослабевших врагов стали делать нападения печенеги и болгары и легко уничтожали их и забирали в плен. Много пленных узов поступило на византийскую службу или поселилось на свободные места в Македонии. Так, много различного этнографического элемента постепенно вводилось в Болгарию и Македонию. В 1068 г. первого января вступил на престол Роман Диоген, с именем которого связаны удачные предприятия против

* Attaliota, p. 43.

печенегов, когда он был дукой Средца. Первой его заботой было походами на восток против сельджуков завоевать себе сочувствие в народе и в больших кругах общества. Но так как состояние военных сил империи было доведено до крайней степени ослабления, то император полной рукой брал из того неиссякаемого источника, который представлялся в варварской иммиграции на Балканский полуостров. Роман воспользовался для своих походов на восток отрядами печенегов и узов, которые оказали ему громадную услугу в качестве образцовой конницы, употребляемой для добывания припасов, необходимых для разведок и разорения неприятельской страны. Это чуть ли не в первый раз в обширных размерах была применена система войны с турецкими племенами при посредстве турецко-татарских орд. Как неосмотрительна была эта мера, показали ближайшие события. «Участники походов Романа, — пишет В. Г. Васильевский, — наблюдая вблизи своих новых товарищей в их стычках с турками-сельджуками, поражены были близким родственным сходством тех и других: та же безобразная наружность, те же крики, те же военные ухватки. Когда турецкая конница нападала на узо-печенежский стан, то греки теряли всякую возможность разобрать, кто их союзники и кто неприятель: только привычный глаз мог при близком сходстве отыскать внешние признаки отличия. Следовало опасаться, что, несмотря на византийское золото и ткани, скифы не останутся глухи к голосу крови, узнают в турках своих братьев и передадутся на их сторону. Перед самой роковою битвой, которая кончилась пленом Романа, целый отряд узо-печенежский ушел в лагерь врагов».* Печенеги и узы составляли весьма ненадежный элемент населения. Должно было смениться несколько поколений, прежде чем потомки Кегена и Тираха отвыкнут от обычаев кочевой жизни, примутся за сельское хозяйство и смешаются с местным населением. А пока этого не произошло, на Дунае происходил обмен разных племен и языков. За печенегами и узами шли сюда половцы, весьма также вероятны поселения на Дунае и русской вольницы, под именем «бродников». На долю византийского правительства выпадала задача приобщить к культуре пастушеские племена и бродячие толпы и — что в особенности важно — знакомить между собой разные ветви турецкого этнографического элемента и этим готовить себе весьма серьезные затруднения в ближайшем будущем. При Михаиле VII на Дунае образовалось самостоятельное княжение под властью некоего Татуша печенежского происхождения, который не только не оказывал подчинения катепану Нестору, но и принудил его вступить с ним в соглашение и итти с войском печенегов на Константинополь. Нет ничего удивительного, что

* В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. I, стр. 31.

в смутную эпоху, предшествующую вступлению Алексея Комнина на престол, печенеги не стояли вне движения, охватившего Балканский полуостров. Никифор Вриенний уплатил им громадную сумму в 20 кентинариев золота и должен был воспользоваться их услугами в борьбе с правительством Михаила VII и сменившего его Вотаниата. В этой борьбе принимали участие и половцы, в первый раз тогда вошедшие в византийскую летопись.* Таким образом, до самого конца XI в. Дунай оставался во власти разноплеменной вольницы, которая сменила здесь прочный порядок времени Болгарского царства. В этом сказался один из печальных результатов истребительной войны Василия II.

Еще более опасности представляла восточная граница государства. Нигде падение военного могущества империи не обнаружилось в такой жалкой степени, как в Малой Азии, где империя с систематической последовательностью отступала перед новым врагом. Мы видели выше (т. II, отд. V, гл. 32), что турки-сельджуки начали пролагать новые пути для своей истории с XI в. Свергнув власть эмиров из племени Буида, они с течением времени освободились из-под зависимости от халифа и сохранили лишь духовный его авторитет.** Сельджуки повторили в истории мусульманства героическую эпоху VII в. и скоро столкнулись с имперскими пограничными гарнизонами. Первые пограничные недоразумения возникли в Армении, где напор турок-сельджуков вызвал желание отдаться под покровительство христианской империи. Таков был Сенекерим, царь Васпуракана (на восточном берегу озера Ван), который уступил империи свои владения в обмен на города Севастию, Лариссу и некоторые другие местности.*** Византия постепенно укрепляла свое влияние в Армении, и при Константине Мономахе в 1046 г. сделано было последнее приобретение **** от царя Гагика II, уступившего империи свою столицу Ани и царство анийских Багратидов и получившего за это несколько городов в соседней феме. Здесь империя допустила такую же ошибку, как и с разрушением Болгарского царства, ошибку тем более непростительную, что армянские цари никогда не претендовали вести самостоятельную против империи политику и в то же время постоянно служили хорошим

* Attaliota, pp. 293, 301; Skyl., pp. 739, 741.

** Багдадские халифы были лишены светской власти еще в 945 г. иранской династией Буидов. Сельджукский государь Тогрул-бек, заняв в 1055 г. Багдад, оставил светскую власть за собою, с титулом султана, а за халифами попрежнему сохранялась лишь духовная власть. *(Ред.)*.

*** Васпураканский царь Сенекерим Арцруни передал свое царство Византии еще в 1021 г. вследствие нападений не сельджуков, а другой туркменской орды. Нападения сельджуков на Армению начались только с 1048 г. *(Ред.)*.

**** Последним приобретением Византии в Армении было присоединение маленького царства Вананд (со столицею в г. Карсе) в 1065 г., вскоре, впрочем, захваченного вместе со всей Арменией сельджуками *(Ред.)*.

заслоном против мусульманских государств Передней Азии и вторжения кочевых народов, которыми так обильны были области Центральной Азии.

Едва завершены были последние мероприятия по приведению Армении в зависимое положение, как империя должна была принять на свою ответственность борьбу с турками, которых до сих пор держали на расстоянии независимые царства Армении. Непосредственные столкновения здесь начинаются в 1048 и 1049 гг. при Константине Мономахе. Султан Тогрул-бек, завоевавший к тому времени всю Персию, послал своих родичей Ибрахима и Кутулмыша в византийскую Армению с целью грабежа и опустошений. Это заставило царя послать к султану послов с предложением о мире, но пограничные столкновения становились так неизбежны, что мир не мог быть прочным. Племянник султана Кутулмыш, выступивший против Ибн-Бедрана, владетеля Мосула,* был им побежден и на обратном пути не мог миновать Васпуракана, в котором находился катепан патрикий Стефан Лихуд. Хотя Кутулмыш просил разрешения для своего отряда свободного прохода под условием не нападать на население и удержаться от всяких насильственных действий, тем не менее катепан принял его предложение недружелюбно и заставил турок принять открытое сражение, в котором, однако, византийское войско было разбито и Лихуд попался в плен.** Чтобы отомстить за это поражение, султан послал отряд в 20 тысяч человек с поручением занять Васпуракан и присоединить его к турецким владениям. Предводитель отряда Хасан внес пожары и опустошение в соседнюю с Арменией юго-западную Грузию, где управление находилось в руках веста Аарона, происходившего из рода болгарских царей. Не будучи в состоянии отразить нашествие, он дал знать об опасности Катакалону Кекавмену, правителю Ани, и просил его помощи. На этот раз византийский предводитель воспользовался военной хитростью, завлек турок в засаду и нанес им страшное поражение. Но Тогрул-бек, получив весть об этом новом несчастии, составил отборное войско до 100 тысяч и поставил его под власть Ибрахима Янала, своего брата. «Как голодные волки», — по выражению армянского историка, — они набросились на Васпуракан. Катакалон, соглашаясь с мнением Аарона, не решился выступить против сельджукской конницы в открытое сражение, но, заняв часть Грузии, расположился укрепленным лагерем в долине Озуртру, куда должно было прибыть вспомогательное войско под предводительством Липарита. По этому поводу следует вспомнить известие писателей Скилицы и Глика, что Грузия содержала

* Тадж-ал-мулюк Бедран, в действительности бывший не владетелем Мосула, а братом прославленного воителя Садаки I, владетеля Хиллы (в Месопотамии) (*Ред.*).

** Schlumberger. L'Epopée ..., III, p. 544.

прежде 50 тысяч войска с целью защиты против азиатских хищников, но что Мономах переложил эту натуральную повинность на денежную и тем лишил восточную границу империи самой крепкой защиты.* Между тем византийское войско, в ожидании вспомогательного отряда, который должен был привести Липарит, не приняло сражения в Васпуракане и отступало в гористые места, куда был труден доступ для турецкой конницы. Пользуясь этим, Ибрахим бросился в армянскую область Арзанену, в верховьях Тигра, и овладел столицей ее Арзаном (по-армянски Арцн), очень богатым и торговым городом, где, по словам Матфея Эдесского, совершалось богослужение в 800 церквах. В стенах взятого уже города турки еще шесть дней должны были вести отчаянную борьбу с жителями. При взятии этого города погибло до 150 тысяч жителей или от меча варваров, или в пламени своих жилищ. Понадобилось 10 тысяч телег, чтобы нагрузить на них взятые в городе сокровища (1049 г.). Арзан был первой жертвой, погибшей в этом крушении. Нынешний Эрзерум (древний Феодосиополь, который стали называть Арзаном румским, т. е. византийским) возник после Арзана. Разрушив и разграбив город, Ибрахим пошел навстречу византийскому войску, которое с приближением подкреплений оставило гористую местность и перешло в долину Пазек, где укрепилось поблизости укрепления Габудру.** Здесь произошла неожиданная битва между имперским войском и турками в сентябре 1042 г. Хотя победа была на стороне византийцев, но они, потеряв одного из вождей в лице Липарита, сочли за лучшее не преследовать врага, а возвратиться на прежние стоянки, Аарон на озере Ван, а Катакалон в Ани. Несмотря на благоприятный для греков результат сражения при Габудру, Константин Мономах вступил в переговоры о мире, которые однако не привели ни к чему, так как султан отнесся слишком высокомерно к предложениям греческих послов. В это именно время, когда Ибрахим опустошал армянскую область Васпуракан, Мономах задумал воспользоваться против турок печенегами и отправил на восток 15-тысячный отряд под предводительством Сульчу, Сельте, Карама и Каталима, о чем мы говорили выше.***

Нужно думать, что несколько лет спустя турецкий султан не предпринимал новых наступательных действий по случаю внутренних смут в его владениях. Но в 1053 г. вновь возобновились военные столкновения сначала в Грузии, куда Тогрул-бек направил часть своих войск, а потом в Армении, где сосредоточились на осаде Манцикерта, неподалеку

* Cedreni, II, p. 608; Glycas, p. 598.

** Cedreni, II, p. 578: «ἔκειτο ἐν τῇ πεδιάδι κατὰ τοὺς πρόποδας τοῦ βουνοῦ ἔνθα περ ἵδρυται τὸ Καπετρού φρουρίον».

*** Gfrörer (III, S. 486) делает ряд остроумных сопоставлений.

от Карса.* Это был весьма укрепленный город, снабженный большими военными запасами и продовольствием. Осада его представляла большие трудности, тем более, что он защищаем был известным византийским вождем, патрикием Василием Апокапом. Ввиду непредвиденных трудностей, Тогрул-бек отделил часть из своего отряда для опустошения окрестностей. Этим временем воспользовались осажденные, чтобы снять посевы, «ибо было время жатвы». Если бы султан, — говорит армянский историк Аристакес Ластивертский, — еще десять дней оставался бы на месте, то он завладел бы Манцикертом. Опустошительные набеги простирались до Абхазии при подошве Главного Кавказского хребта и до Байбурта на истоках Чороха. Один из турецких отрядов захватил крепость Карс.

Между тем сам Тогрул-бек снова начал осаду Манцикерта. Действие приставленных им стенобитных машин было ослабляемо принятыми мерами со стороны двух искусных механиков, из коих один был армянин, другой же франк. Патрикий Василий зачислил в ряды защитников всех граждан, не пренебрегая трудом ни женщин, ни мужчин; всех воодушевлял своим примером и обещанием царских милостей. Духовенство по требованию патрикия совершало ежедневные моления и при помощи церковных «бил» призывало верных к молитве. Аристакес Ластивертский ** приводит рассказ о чудесном изобретении одного священника, посредством которого неприятельские снаряды, пускаемые их машинами, встречали на своем пути ответные византийские и были возвращаемы назад. Наконец из Битлиса была доставлена колоссальная машина, требовавшая участия 400 человек прислуги, чтобы пустить ее в ход. Первым же каменным снарядом, пущенным из этой машины, была пробита стена, так что осажденные приведены были в крайнее смущение. Тогда патрикий Василий приказал объявить в городе, что если бы нашелся кто из городских жителей, который бы поджег эту дьявольскую неприятельскую машину, то ему бы дана была большая награда, а в случае его смерти — его семейству. Нашелся в городе один смельчак в лице франкского механика, который приготовил три сосуда с быстро воспламеняющимся составом, вышел из города в качестве вестника, имевшего передать поручение в неприятельский стан, и, будучи пропущен через первые ряды неприятелей, приблизился к машине. Быстро выбросив один из сосудов, он воспламенил часть машины, потом другим и третьим сообщил пламя всему сооружению. Все это произошло так быстро, что он имел время спастись на коне к стенам своего города. Тогрул-бек приведен был в отчаяние и уже хотел снять осаду, но один из подчиненных ему вождей

* Манцикерт по-гречески (Маназкерд по-армянски, по-арабски Манасджерд) в действительности находится в бассейне Восточного истока (Кара-су) верхнего Евфрата (*Ред.*).
** E. Dulaurier. Recueil des historiens de Croisades. Histor. Orientaux.

Алп-хан попросил разрешения остаться еще на один день под городом и дать ему возможность еще раз напасть на стены. Он выбрал для этого самую слабую часть в стене и начал ожесточенный приступ против городских ворот. Но благодаря личной храбрости патрикия и эта последняя попытка окончилась полнейшей неудачей для султана. Неудачная осада Манцикерта, потребовавшая от турок больших жертв, составляет один из отрадных эпизодов в военной истории Византии за это время. Султан, сняв осаду, дал себе слово возвратиться под Манцикерт на будущую весну с новыми силами.

Между тем события складывались весьма благоприятно для усиления могущества турок-сельджуков. В 1055 г., когда Мономаха уже не было в живых, в судьбе Тогрул-бека и турок-сельджуков произошла громадная перемена. Слабый халиф ал-Каим был вынужден пригласить в Багдад Тогрул-бека и поставить себя под его военную защиту. Султан дал присягу на верность Аббасидам и вместе с тем получил инвеституру на все владения, завоеванные турками в Азии. Вместе с короной и почетной саблей он удостоен был титула «царя Запада и Востока», а в 1063 г. женился на дочери халифа. После 1054 г. турецкие походы продолжались с прежней настойчивостью, причем кроме самого Тогрул-бека встречается имя Салара, правителя Хорасана, под которым разумеется племянник Тогрул-бека, знаменитый в последующей истории Алп-Арслан, вступивший на престол в 1063 г. Теперь уже турки не ограничивались нападениями на Грузию (Иверия) и Армению, но опустошали и собственно византийские области: Месопотамию, Халдию, Мелитену и страну при верховьях Евфрата.

Алп-Арслан продолжал завоевание своего предшественника. Одним из первых его дел было нападение на Ани, столицу Армении, которою управлял тогда дука Панкратий армянского происхождения, вызвавший гнев султана тем, что греческий отряд нанес поражение одной части турецкого войска.* Взяв этот важный и укрепленный город, султан назначил для управления им турецкого эмира и сделал его опорным пунктом для своего дальнейшего движения против Византии. Ход событий рисуется из того положения, которое заставило владетеля Карса отказаться от своей области из страха перед турецкими опустошительными набегами и променять ее на несколько византийских городов в южной Каппадокии: Цаманти, Комана и Ларисса.

В последние годы Константина Дуки на восточной границе происходила нескончаемая война. Турки неудержимо шли вперед, опустошая Месопотамию, угрожая пограничному укрепленному городу Мелитене и доходя до Кесарии, одного из главнейших городов Малой Азии. Во-

* Çedreni, II, p. 653: «.. ἐκ τῶν ἐνόντων ὑποσχόμενος τὰ ἐκεῖσε στρατεύματα διοικεῖν».

рвавшись в этот город, они разграбили его и лишили сокровищ церковь св. Василия, а потом внесли опустошение в Киликию. Если провести мысленную линию по Малой Азии от запада на восток, так чтобы образовались две равные части, то эта линия должна будет пройти близ Кесарии Каппадокийской.* Часть Армении, лежащая к северу от этой линии, большею частию была занята турками или обращена в пустыню. В течение 1063—1064 годов Алп-Арслан подчинил владетелей Кавказской Албании,** завоевал Грузию и взял приступом Ани. И Карс, уступленный царем Гагиком грекам, скоро попал в руки султана. Во всей северной Армении грекам принадлежала только крепость Манцикерт и небольшая область с городом Феодосиополь (Арзан-ар-рум) на границе Халдии. Что же касается части Малой Азии, лежащей на юг от этой линии, то здесь успехи сельджукских завоеваний не были так значительны. Здесь прежде всего Византия удерживала под своей властью дукат или княжество Антиохию, находившееся при Константине Дуке под управлением веста Хачатура, происходившего из Ани. В то время, как внутренние области Малой Азии с течением времени постепенно делались добычей и театром опустошительных набегов турок, за империей, благодаря флоту, оставались береговые области Малой Азии и Сирии, и княжество Антиохия, доступное для морских судов по реке Оронту, могло держаться вследствие своевременной доставки морем военных людей и припасов. Кроме Антиохии, империя удерживала свою власть над Верхней Месопотамией, и между прочим здесь ей принадлежала область с городом Эдессой-Урфа. Хотя со стороны Алп-Арслана были деланы неоднократные попытки завладеть Эдессой, но она с успехом отстаивала свою независимость при помощи вспомогательных отрядов, присланных дукой Антиохии. Ввиду намеченного положения дел первостепенной задачей для византийского правительства было удержать в своей власти доступы к Месопотамии и Сирии. В этом отношении одно из первых мест принадлежало Кесарии Каппадокийской, затем оборонительной линии от Мелитены до Киликии, которая защищала Сирию и вместе господствовала над проходами Тавра. Значение указанной здесь оборонительной линии весьма хорошо было понято как империей, так и турецкими султанами-сельджукидами. Вот почему на этой линии происходили имеющие всемирное значение военные столкновения между Романом Диогеном и Алп-Арсланом в 1068—1071 гг.

* Мысль эта выражена у Gfrörer, (III, S. 637).

** Ныне северный (советский) Азербайджан, где в половине XI в. правили различные мусульманские и христианские династии. Подчинение Грузии сельджукам произошло лишь в 1072 г. *(Ред.)*.

Когда в самом конце 1067 г. неожиданная игра судьбы дала верховную власть Роману IV Диогену, сельджукский вопрос настоятельно требовал неотложных военных мер. Оборонительная линия, о которой выше была речь, оказалась уже прорванной, и турки не встречали больше преград для движения как в собственные области Византии и Малой Азии, так и в Сирию. Если с давних пор помянутые области привыкли к арабскому полону, то сельджуки превосходили арабов беспощадным истреблением культурной и оседлой жизни, как будто все их стремления были направлены к тому, чтобы раз занятая ими страна обращалась на будущее время в привольную степь и пастбище для скота. Таким образом, решение Романа отправиться в поход на восток через два месяца по вступлении на престол должно быть рассматриваемо как выражение его верного взгляда на политические обстоятельства и честного отношения к принятым на себя обязательствам. Ему однако предстояли большие затруднения, так как он не имел готового войска, весьма расстроенного его предшественником, и он не располагал достаточным временем, чтобы собрать и обучить новых ратников. Собрав наемные отряды франков и варягов, которые в XI в. играют большую роль в византийском войске, и присоединив к ним фемные войска из Македонии и Малой Азии, он сделал во Фригии смотр военным силам, какие ему предстояло двинуть против сельджуков. «Странное зрелище представляли эти столь знаменитые ромэйские воины, храбрость коих подчинила Восток и Запад. Налицо было скромное число мужей, да и то одетых в рубища и удрученных скудостью, лишенных вооружения и вместо мечей и военных снарядов имеющих при себе колчаны и секиры; конники без коней и без прочего вооружения. Давно уже цари не выступали в поход, поэтому у военных людей, как не несших действительной службы, отнято было содержание и денежные выдачи. Они имели робкий вид, не имели мужества и казались неспособными ни на какое большое предприятие. И самые знамена, не возбуждавшие громкого крика, мрачные и как бы потускневшие, окруженные незначительным количеством воинов, производили на зрителя тягостное впечатление. Приходило на ум, как дошли до такого состояния ромэйские войска и каких денег и какого труда будет стоить привести их в прежнее состояние: старые и опытные воины не имеют коней и снаряжения, а вновь набранная молодежь не имеет военной практики и опыта. С другой же стороны, неприятель, с которым придется иметь дело, известен своей отчаянной храбростью, настойчивостью, опытностью и искусством. Сознавая все это, император тем не менее ради государственной пользы считал обязательным для себя итти на врага и по возможности ограничить и сократить его сильный напор. Неприятели же, не догадываясь о внутренних тревогах и колебаниях царя, были крайне удивлены его неожиданным движением и пришли к заключению,

как об этом мы осведомились после, что царь не имеет никакого понятия об опасности своего предприятия, если мечтает с такими средствами восстановить в прежнем блеске римские дела и нанести поражение своим врагам».*

Приведенная выдержка хорошо знакомит с психологическим состоянием царя перед его громадной важности военным предприятием, трудности коего он хорошо учитывал. Поход его начался в мае или июне 1068 г., следовательно он имел в своем распоряжении два или три месяца для необходимых подготовительных мер. Первоначальный план Романа итти на Мелитену и затем спуститься в Месопотамию и Сирию был изменен уже в пути вследствие полученных слухов о том, что турки напали на Неокесарию. Так как это могло угрожать боковым движением против Романа, то он изменил план и поспешил в Севастию и там оставил взятого им в поход Андроника Дуку вместе с отрядом пехотинцев, который считал лишь препятствием для кавалерии и для задуманного им плана нагнать отступавших с добычей турок. Действительно, ему удалось разбить отступавший отряд и освободить захваченных в плен жителей Неокесарии и отнять добычу. Быстрота, с какою был сделан поход, привела в страх турок и окрылила надеждами малоазийское войско, отвыкшее от военных успехов. Возвратившись в Севастию и взяв с собой пехоту, царь направился к Сирии, где на этот раз принял угрожающее положение эмир Алеппо. Оставив часть своего войска для охраны месопотамской области в Мелитене, с другой он прошел через Германикию и Телух к знаменитым горным ущельям, отделявшим Киликию от Сирии. Здесь, после серьезного поражения, нанесенного турецкому отряду, пытавшемуся напасть на греков в горных теснинах, Роман вторгся в княжество Алеппо, опустошил его во всех направлениях и взял приступом знаменитый своим храмом Солнца Иераполь, или Баальбек (20 ноября 1068 г.). Желая сохранить этот важный город, находившийся в небольшом расстоянии как от Антиохии, так и от Алеппо, он оставил в нем гарнизон. Глубокой осенью, не имея возможности решаться на новые предприятия в этой горной области, царь поспешил в Киликию, чтобы сесть на корабли и возвратиться в Константинополь. До какой степени смелости доходили сельджуки и как мало обращали они внимания на греков, видно из того, что в это же время один турецкий отряд дошел до Амория, лежащего на пути между Кесарией и Константинополем, ограбил этот город и увел из него много пленных.

В 1069 г. предпринят новый поход против турок. На этот раз царь шел большой военной дорогой на Дорилей и Кесарию, поблизости от которой уже свирепствовали сельджукские хищники. Византийский

* Берем место Иоанна Скилицы, (Cedreni, II, p. 668).

конный отряд не мог с успехом бороться с сельджуками, но на службе империи были узы, которые владели такими же, как и турки, ухватками степных наездников и могли бы помочь грекам одержать победу над врагом. Роман дошел до верховьев Евфрата и неподалеку от Мелитены в Романополе оставил часть своего войска под начальством Филарета армянского происхождения, который в звании доместика должен был прикрывать Месопотамию, сам же с другой частью отправился на север. Но турки вытеснили Филарета из Романополя и заставили его спешить на север на соединение с царем. Вместе с тем для них стала открытой дорога к Каппадокии, откуда они вторглись в Ликаонию и дошли, предавая все на пути огню и опустошению, до Икония, тогда самого богатого и многонаселенного города Малой Азии. Этот неожиданный шаг со стороны турок объясняется тем враждебным отношением к империи, какое начали обнаруживать армянские владетельные князья, обменявшие свои уделы на пограничные византийские города. Как увидим ниже, из этого положения возникли для империи весьма важные затруднения.*

Переходим к трагической развязке походов Романа в Азию. Весь следующий 1070 г. царь провел в Константинополе, хотя малоазийские дела находились в отчаянном положении. Так при Сивасе было нанесено сильное поражение Мануилу Комнину, старшему брату будущего императора Алексея, сопровождавшееся пленением самого Мануила. Успех турок этим не ограничивался, скоро затем они напали на город Хоны на юго-западе фемы Анатолика, ограбили почитаемый храм архангела Михаила и надругались над его святынями. Современник, описывающий эти события, передавая тяжелое впечатление, пишет, что ранее бывшие поражения от врагов и несчастия еще можно было принимать как выражение божественного гнева против еретиков, так как опустошаемые сельджуками области впали в монофизитство, кишат эти страны таковым безбожным учением, но «когда бедствие постигло и православную область, были приведены в смущение все исповедующие ромэйскую веру, ибо исполнилась и их мера, как над Содомом и Гоморрой. Тогда мы убедились и признали, что не вера только потребна, но и жизнь соответственная вере. При первых об этом известиях царь изъявил горячее желание немедленно идти в поход на помощь своей стране».** Положение осложнялось еще и тем, что теперь явился на театр военных действий сам султан, который ранее был занят на востоке, предоставляя малоазийские дела подчиненным ему вождям. Хотя и в военных кругах не могли не понимать всей важности переживаемых событий, но придворная клика в лице Никифора Палеолога, Пселла и кесаря Иоанна Дуки, которая не могла простить

* Gfrörer, III, S. 737—738.
** Cedreni, II, p. 687 (свидетельство Иоанна Скилицы)

Роману его превосходных военных качеств и популярности, старалась задержать его в Константинополе. Следует думать, что и царица Евдокия, которая была опекуншей над наследником престола, не была на стороне своего супруга и скорей разделяла воззрения нерасположенной к Роману придворной партии, что имело роковое значение в последующей судьбе царя.

Весной 1071 г. Роман, победив все затруднения, предпринял свой последний поход. Часть войска пошла морем из сборного места в Еленополе в Никомидийском заливе, а сам император занялся организацией и приведением в боевое состояние тех частей, которые постепенно к нему подходили из больших городов. В составе многочисленной армии Романа главное место занимали европейские фемы, на которые он больше мог полагаться, с наемными отрядами варягов, норманнов и узов. Во главе европейских фем поставлен был Никифор Вриенний, под его командованием находился Иосиф Тарханиот. В свите царя находился Андроник Дука, второй из наследников-царевичей, может быть взятый в качестве заложника в верности Роману фамилии Дук. Этот принц оказался однако злым гением Романа и был главным виновником обрушившихся на него бед. Путь Романа описан в летописи Скилицы. Главной целью царя был Сивас, где недавно было нанесено поражение Мануилу Комнину. Этот город составлял удел сыновей бывшего армянского васпураканского царя Сенекерима, который при Василии II вступил в ленную зависимость от империи и получил этот город с округом в качестве лена. Весьма вероятно, что верность владетелей Сиваса была сомнительна и что сельджуки находили в них тайных союзников в своих предприятиях против империи. Хотя Роман не принял против Сиваса решительных мер, но не считал нужным скрывать своего нерасположения к владетелю его. Точно так же мало надежды внушала верность каппадокийских владетелей Цамандава (Цаманта) и доместика в пограничной области Мелитены и Эдессы, известного уже нам Филарета. От Сиваса Роман направился к Феодосиополю (Эрзерум). «Здесь было сделано распоряжение, чтобы каждый воин запасся продовольствием на два месяца, ибо дальнейший путь вел по пустыне».* Весьма вероятно, что царь действительно, как говорит арабская летопись, имел в виду движение в Персию, именно на Тегеран, где была столица Алп-Арслана.** Но для этого казалось необходимым взять три крепости, находившиеся в руках турок: Манцикерт, взятый лишь год назад, Арджиш и Ахлат на озере Ван. Так как весьма важно было отрезать движение турок от озера Ван, то царь

* Cedreni, II, p. 691 (*Ред.*).

** Точнее, город Рей, один из величайших городов Ирана, близ Тегерана, который был тогда незначительным городком (*Ред.*)

отделил часть войска для действий против Ахлата, а сам начал осаду Манцикерта. Но в это время пришло известие, что Алп-Арслан сильно стеснил высланный к Ванскому озеру отряд из норманнских наемников под начальством Урселя и из узов. Чтобы поддержать норманнов и узов, на помощь к ним отправлен Иосиф Тарханиот с частию конницы и пехоты, затем еще Вриенний со значительным отрядом. Когда же, несмотря на посланные подкрепления, греки все же не могли держаться против султана, был отправлен к ним Никифор Василаки, дука Феодосиополя, который однако не только потерпел поражение, но и был взят в плен. В высшей степени трудно понять подробности, почему именно царь ослаблял свое войско посылкой отрядов, а не двинулся сам против султана, равно как чем объяснить бездействие других отрядов в то время, как Василаки подвергся разгрому и плену. Новейший историк,* тщательно разбиравший дошедшие до нас известия, приходит к основательной догадке, что в военном лагере было недовольство царем и подготовлялась измена. Основательность подобного предположения оправдывается всем последующим ходом событий. Алп-Арслан, прежде чем вступить в решительную битву с Романом, вступил с ним в переговоры о мире. Но император не оценил создавшегося положения, не обратив внимания хотя бы на то обстоятельство, что часть узов уже перешла из византийского войска к турецкому султану, и неблагосклонно отнесся к сделанным предложениям. Настала необходимость встретиться византийским и турецким войскам. Знаменитая в истории средних веков битва между Романом и Алп-Арсланом, открывшая Малую Азию для беспощадных и опустошительных набегов и нанесшая непоправимый ущерб Византии, произошла поблизости от Манцикерта, в местности Зохра. В передовой линии стал сам царь со своим любимцем Алиаттом и Никифором Вриеннием, в запасе поставлен был Андроник Дука. Под рукой императора было до 80 тысяч войска,** и тем не менее завязавшийся бой окончился бесславным поражением византийского войска и пленением императора. Некоторый свет на это печальное дело проливает сообщаемое летописцем известие, что в конце дня (25 или 26 августа 1071 г.), когда император дал знак своим возвратиться в лагерь, Андроник Дука вместо того, чтобы итти на соединение с Романом Диогеном, предался постыдному бегству со своим отрядом и произвел этим чрезвычайное смущение в лагере. Прежде всего его примеру последовали армянские вспомогательные полки, затем дезертировало несколько лиц из царских частей. Это сопровождалось полным ослаблением византийского войска, так что личная храбрость

* Gfrörer, III, S. 782—784.

** По арабским источникам в византийском войске был русский отряд (*Ред.*).

и геройство царя не могли поправить вконец испорченного положения. Неприятели окружили его железным кольцом и, когда он был ранен и не мог более защищаться, взяли его в плен.

Император находился в турецком плену очень недолго. Его выпустили на свободу, предоставив ему возможность возвратиться в Константинополь и выполнить весьма тяжелые денежные и другие обязательства, благодаря которым и куплена была им свобода. Хотя относящиеся сюда известия весьма сухи и частию туманны и насчет состоявшегося между пленником и турецким султаном соглашения мы можем судить лишь по намекам и догадкам, тем не менее не считаем справедливым оставить без надлежащего выяснения этот вопрос. Следствия постигшего Романа Диогена несчастия были громадного значения, столько же для империи, сколько для его личной судьбы. Что касается империи, Роман обязался уплатить в качестве императора громадный выкуп за себя лично и кроме того вносить ежегодную дань туркам, большая часть Малой Азии переходила под власть неприятеля как залог в верном исполнении договора. Лично для царя принятые им на себя обязательства имели то почти неизбежное последствие, что оставшееся в Константинополе правительство, как скоро до него дошли слухи о происшедшем, не захотело признать состоявшегося с турками соглашения, поспешило объявить недействительными обязательства Романа, лишив его царской власти.* Кратко говоря, после поражения византийского войска при Манцикерте ход событий развивался следующим образом. Окруженный отрядом сельджуков, которые у историка названы впрочем послами,** царь в турецкой одежде направился к Феодосиополю, где оставался несколько дней для лечения ран. Политическое положение страны хорошо обрисовано замечанием летописца, который сообщает, что бывший в Манцикерте гарнизон разбежался и крепость перешла во власть сельджуков. Вторым местом остановки была Колония, на пути к Черноморскому побережью. Весьма дурным предзнаменованием для Романа было то, что здесь тайно оставил его катепан Эдессы, проедр Павел, который, — как замечает летописец, — «догадывался о том, что замышляли в столице». Конечно, не от этого важного в администрации чина, но и от других спасшихся из-под Манцикерта в Константинополе имели уже достоверные сведения о том, что последовало за битвой. Главная роль здесь принадлежала кесарю Иоанну Дуке, который занимал первое место в фамилии Дук и всех больше имел счетов с Романом. События, последовавшие на отдаленной окраине, поставили на ноги всех недовольных царем Романом Диогеном. Правительница, царица Евдокия, когда еще кесарь Иоанн не возвратился из Вифинии, где он находился

* Эта сторона разработана у Gfrörer, III, S. 788 и след.
** Cedreni, II, p. 701.

в удалении от дел, созвала сенат и представителей военной и гражданской администрации для обсуждения чрезвычайного положения, в каком оказалось государство. Общее мнение склонялось к тому, что теперь не время думать о Романе, а необходимо озаботиться утверждением власти правительницы и ее сыновей от первого брака. К этому мнению присоединился потом и кесарь Иоанн и настоял на том, чтобы Евдокия была объявлена августой и управляла вместе со старшим сыном Михаилом. Но скоро дела приняли иной оборот. Царица получила непосредственные известия о событиях из письма к ней Романа Диогена. Царица, повидимому, была склонна принять совершившийся факт и ждать возвращения из плена несчастного супруга, чтобы совместно обсудить положение дел, но выше ее оказался авторитет представителя фамилии Дук. Приняв начальство над иноземной стражей, кесарь Иоанн скоро стал неограниченным распорядителем в Константинополе: с одной стороны, он поспешил провозгласить императором Михаила VII, с другой — принудил правительницу запереться в монастырь и принять пострижение. Теперь ничто не препятствовало принять самые крайние решения против Романа и притом именем царя, за которого действовали кесарь Иоанн и философ Михаил Пселл, который хвалился, что он немало содействовал низвержению царя Романа.

Началась гражданская война между новым правительством и царем Романом. Против последнего, когда он стал собирать войско, чтобы с оружием в руках защищать свои права, был послан Константин Дука, младший сын кесаря. Поблизости от Амасии царский отряд потерпел неудачу, и Роман отступил на юг в Каппадокию, надеясь на помощь из Антиохии. Здесь на его сторону стал дука Антиохии Хачатур, который дал ему пристанище в Киликии и снабдил его необходимыми средствами для продолжения борьбы с константинопольским правительством. Этот неожиданный оборот дел заставил кесаря Иоанна принять экстренные меры, так как иначе ему самому стала угрожать опасность, что Роман возвратится победителем в Константинополь. При этом нельзя не отметить одного обстоятельства, заимствуемого из летописи Вриенния. Правительство получило донос на боярыню Анну, мать Комнинов, что она находится в переписке с Романом Диогеном. Знатная и влиятельная особа была приглашена явиться в суд и свидетельствовалась изображением Христа, что она невинна во взводимом на нее преступлении, тем не менее судьи обвинили ее по оговору, и она присуждена была к ссылке на Принцевы острова. Отсюда во всяком случае можно заключить, что в столице были и приверженцы несчастного Романа, которые могли еще быть опасны для Дук. Чтобы положить конец неопределенному положению, кесарь отправил в Киликию своего старшего сына Андроника, того самого, который был виновником поражения византийского войска при Манцикерте. С набранным в Малой Азии отрядом и с наемной дру-

жиной норманнского вождя Криспина Андроник поспешно двинулся в Киликию, где прежде всего победил дуку Антиохии Хачатура и взял его в плен. Сам Роман оставался в это время в крепости Адане и ожидал прибытия помощи от Алп-Арслана. Но когда его окружили правительственные войска, он должен был сдаться на волю победителя и обязался отказаться в дальнейшем от своих прав и принять пострижение. Андроник дал ему слово, в котором поручились три епископа, что ему дарована будет безопасность со стороны царя Михаила VII. Но по прибытии в Котиэй получен был приказ, по которому Роман был лишен зрения. И самая операция ослепления произведена была так грубо и бесчеловечно, что несчастный царь не мог от нее оправиться и скоро умер на острове Проти, близ Константинополя.

Нам остается еще сказать несколько слов о судьбе византийских владений в Малой Азии после Романа Диогена. Хотя в том же 1072 г. произошла и смерть его соперника Алп-Арслана, но следствия заключенного между ними договора после дела при Манцикерте легли всею тяжестью на византийское правительство, не признавшее для себя обязательными условия этого договора. Малая Азия постепенно стала переходить под власть турок-сельджуков. В этом отношении следует заметить, что современные византийские известия из патриотических побуждений частию запутали последующие события, частию о них умолчали. Некоторый свет проливает известие Абульфеды: «от Кутулмыша происходят сельджукские султаны, владевшие Малой Азией». Что касается византийской летописи, здесь можно заметить лишь впечатление современника, пережившего тягостные события, а не рассказ о событиях. Скилица,* нарисовав мрачную картину правления Иоанна кесаря и Пселла, переходит к политическим делам на востоке в таких выражениях: «... когда все это происходило, восточные страны посетил некий божественный гнев. Так как заключенное с Диогеном соглашение осталось неисполненным, то турки, чрезвычайно взволнованные тем, что между тем как ими он был удостоен всякого почета и снова восстановлен в своем прежнем достоинстве, а своими был принят самым недружелюбным и враждебным образом, так что испытал от близких и родственников то, что могли бы нанести ему только враги, предав его самой жалкой и мучительной смерти (ибо и чужестранцы выражали сочувствие его безмерным бедствиям и неумолимой судьбе), поднявшись из Персии во всеоружии и не встречая никакого сопротивления, напали на ромэйские фемы и опустошили их, не ограничиваясь лишь временным наездом, как то было прежде, и быстрым отступлением, но завладевая страной с целью обладания ею на правах постоянного господства ... с тех пор агаряне, имея полную свободу, еже-

* Cedreni, II, pp. 707—708.

годно делали наезды на восточные области, грабили их и опустошали». В ближайшие годы, именно вслед за вступлением на престол Михаила VII, произошло образование в Малой Азии отдельного султаната под главенством потомков Кутулмыша.*

Постепенный захват сельджуками византийских владений в Малой Азии есть факт громадной исторической важности. Впоследствии поняли опасность, но устранение ее уже было выше средств, какими могли располагать византийские цари. Дочь царя Алексея, цесаревна Анна,** характеризует положение дел на Востоке в таких чертах: «устроив западные дела, царь стал готовиться к отражению неизбежной и ближайшей опасности . . . Безбожные турки жили уже близ Пропонтиды, и Сулейман, властитель всей восточной страны, раскинул стан в Никее, где был и его дворец . . , откуда постоянно высылал разъезды и грабил область Вифинию . . , и, делая опустошительные набеги до самого Босфора и до местности, называемой Дамали, собирал большую добычу . . . Между тем византийцы, смотря, как они беззаботно проживают в прибрежных селениях и в церковных зданиях, откуда никто их не изгоняет, недоумевали, как быть». Таким образом главным виновником этого переворота в делах Малой Азии нужно считать Сулеймана Ибн-Кутулмыша, или κουτλουμοῦς византийской летописи.*** И не далее, как в 1075 г., создалось уже такое положение на Востоке, при котором грекам отрезан был всякий способ сухопутных сношений с Сирией и Месопотамией.

В высшей степени любопытно, что значение занимающего нас теперь факта — неожиданного захвата турками всех малоазийских областей — отмечено было в то же самое время таким замечательным западным дипломатом, как Григорий VII. В 1074 г. 2 февраля он отправил окружное послание к некоторым западным христианским князьям, приглашая их притти на помощь Восточной империи, которая до такой степени стеснена язычниками, что они со страшной жестокостью опустошают ее земли даже до стен Константинополя.**** Это воззвание знаменитого папы может быть рассматриваемо как первый призыв к крестовому походу.

* Отдельный сельджукский султанат в Малой Азии был образован в 1077 г. Первым султаном был Сулейман, сын Кутулмыша. *(Ред.)*.

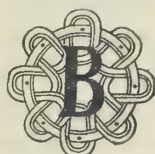
** Alexias, III, 11.

*** Cedreni, II, p. 732.

**** Jaffé. Regesta Pontificum Romanorum. Leipzig, 2 ed., 1885, № 3584, 3587.

Глава IV

ВОЙНЫ С РОБЕРТОМ ГВИСКАРОМ. ПЕЧЕНЕГИ И ТУРКИ В 1089—1091 гг.



В истории Анны Комнины есть прекрасная страница в похвалу бабки ее, матери царя Алексея Комнина. По словам Анны, Алексей никогда не пренебрегал пользоваться советом своей матери, она была участницей и помощницей во всех его планах. Отвлекая ее от мыслей о монастырском уединении, он вводил свою мать в дела управления государством, ибо это была женщина высокого образования и государственного ума. Принимая в августе 1081 г. решение, вызванное нападением на империю Роберта Гвискара, царь Алексей выразил как высокое уважение к уму своей матери, так и свои сыновние к ней чувства в хрисовуле, которым на время своего отсутствия передавал ей единолично свои верховные права. Этот любопытный документ заключался в следующем. «Ничто не может сравниться с нежной и чадолюбивой матерью, не найдется более надежного талисмана ни против предвидимой опасности, ни против неожиданных каких-либо бедствий. Данный ею совет будет надежен, ее молитва будет твердыней и непобедимой стражей. Таковою была для моего царства, с самого юного моего возраста, моя августейшая мать и государыня, бывшая для меня и кормилицей и водительницей. Любовь матери предшествовала мне в сенаторском звании, причем и сыновняя преданность осталась во мне во всей неприкосновенности. Единая душа познавалась в разделенных телах и по благодати Христа сохранилась в целости и доныне.

«Между нами не произносилось этих холодных слов: мое или твое, и что особенно важно, ее молитвы, ежедневно возносимые, дошли до ушей Гос-

пода и возвели нас на высоту царства. Но и по получении мной скипетра царства она не переставала уделять мне свое сотрудничество и заботиться о пользах государственных. Готовясь ныне с помощию божией к походу на врагов ромэйской земли * и полагая великую заботу о сборе и снаряжении войска, не меньшее попечение отдаем и мероприятиям по устроению административных и гражданских дел. Итак мы признали в том лучшую охрану государства, что возложили верховное управление на августейшую и высокочтимую родительницу.

«Итак, настоящим хрисовулом определяем, чтобы все, что она при своей обширной опытности в житейских делах найдет нужным утвердить, будет ли то представление председателя приказов или доклад одного из подчиненных ему чинов приказа, или других, на обязанности коих лежит составление докладов, ходатайств или решений по скидке казенных недоимок, — чтобы все ее распоряжения имели неизменную силу как постановления царства нашего и как бы написанное было выражением ее собственных слов. Какие бы ни были предъявлены от ее имени постановления или повеления, письменные или словесные, с указанием оснований или без оных, носящие печать со знамением Преображения и Успения, должны быть принимаемы равносильными с актами, исходящими от царства моего. И не только по отношению к настоящему председателю приказов царица-мать имеет власть поступать по своему свободному усмотрению, но точно так же относительно назначений на высшие места, замещение мест в приказах и в фемах, в раздаче чинов и должностей и в выдаче земельных пожалований. Лица, пожалованные назначениями в приказы или в фемы, равно как отставленные от должностей, возведенные в высшие, средние и низшие звания и чины — должны оставаться на будущее время на своих местах твердо и без перемен. Точно так же увеличение жалованья за службу, прибавку к наградам, прощение так называемых обычных податей, уменьшение или пресечение выдачи жалованья она может считать своим неотъемлемым правом, и, вообще, что бы она ни приказала письменно или словесно, все должно иметь обязательное значение. Ибо слова ее и приказания равносильны словам и приказам царства моего, и ни одно из них не может быть произнесено всуе, но должно оставаться властительным и твердым на все последующее время, не подлежа ни расследованию, ни проверке ни ныне, ни в будущем. И ни одна власть, ни даже сам нынешний логофет приказов, не может отменить ее распоряжений, как бы ни казались ему они правильными или неправильными. Да исполняется все беспрекословно, что поставлено настоящим хрисовулом».** Не отрицая важ-

* «πρὸς τὴν κατὰ τῶν ἐχθρῶν τῆς Ῥωμανίας ἐξέλευσιν».

** Alexias, III, 6 (Lipsiae, 1884).

ности приведенного акта, свидетельствующего о безграничном доверии царя Алексея к своей матери, мы все же должны признать преувеличением слова Анны Комнины, будто Алексей имел только вид царской власти, а его мать — самую власть, будто она издавала законы, двигала всем и управляла, а он письменные и неписьменные ее распоряжения запечатлевал одни подписью руки, другие живым голосом. Из рассмотрения приведенного хрисовула можно вывести заключение, что царь предоставил регентше-матери всю обузу текущих дел по внутреннему управлению и по судопроизводству, оставив за собой политические дела, ведение войны и военную администрацию.

Весной 1078 г. в Константинополе произошел переворот, следствием которого было низвержение Михаила VII Дуки и сына его Константина, за которого была сосватана дочь Роберта Гвискара. Уже это подавало ему благовидный предлог вмешаться в византийские дела, но восстание собственных вассалов в южной Италии на этот раз помешало ему воспользоваться столь давно ожидаемым случаем. Через два года Роберт мог использовать для своей цели и другое благоприятствующее его видам обстоятельство. В Италии появился летом 1080 г. один грек, выдававший себя за Михаила VII и объяснявший, что он бежал из заточения в Студийском монастыре и желает с помощью норманнов возвратить отнятую у него власть. Хотя, несомненно, это был самозванец, но Роберт, может быть, сам подготовивший это столь обычное для Византии орудие для произведения смуты, ласково принял его и воздавал ему отменные почести. Весьма важно было и то, что права претендента принял под свою защиту и папа Григорий VII, который после заключенного с Гвискаром соглашения в Чепрано (1080 г.) обязался поддержать всеми средствами норманнские виды на Византию. Сохранилось письмо папы епископам Апулии и Калабрии, в котором разрешается верным сынам церкви итти на помощь Михаилу VII под знаменами герцога Роберта Гвискара. Таким образом, уже за год до восшествия Алексея Комнина на престол в южной Италии созрел план открытого нападения на имперские владения.

Алексей, оценивая угрожавшую опасность, употребил все меры к тому, чтобы удовлетворить притязания падшей династии Дук. Прежде он поступился правами своей супруги Ирины и не возложил на нее короны. Наряду с этим, династическим видам Комнинов наносился удар торжественным распоряжением приобщения к царской власти порфирородного Константина, сына Михаила VII и Марии. Ходили слухи, что вместе с Константином может приблизиться к высшей власти и царица Мария, с которой будто бы Алексей находился в связи. Вместе с тем и дочери Роберта Гвискара, проживавшей в Константинополе в качестве невесты царевича Константина, оказан был особый почет и внимание, которыми

царь Алексей думал, между прочим, устранить повод к враждебному нападению со стороны норманнов.

Несмотря на просьбы о помощи со стороны папы, невзирая на противодействие своих вассалов, не питавших расположения к заморской войне с Византией, Гвискар с невероятной настойчивостью готовился к походу. Для управления герцогством на время отсутствия самого герцога оставлен был старший сын Роберта Рожер, между тем как другой его сын Боэмунд, не уступавший отцу в смелости, силе и храбрости и неукротимом мужестве, должен был начать поход и приготовить возможность высадки норманнов на греческой земле. Приняв эти решения, Роберт в середине мая 1081 г. был уже в Отранто, где присоединилась к отряду и супруга его, желавшая принять участие в походе. Когда уже все было готово к движению флота из Бриндизи, Роберт был несколько встревожен прибытием из Константинополя посла его графа Рауля, который сообщил о последовавшем в Константинополе перевороте, предоставившем власть Алексею Комнину. Из данных послом объяснений можно было понять, что положение Дук при дворе совершенно не соответствовало сведениям, бывшим у Роберта, и что сопутствовавший ему претендент на имя Михаила VII есть обманщик, так как действительного Михаила Дуку посол видел в Студийском монастыре.

Несмотря на эти известия, достаточно впрочем расстроившие его, Роберт приказал сниматься с якоря 1 мая 1081 г. С ним шло 1300 норманнов и 15 тысяч сборных отрядов.* Выше было замечено, что сын Роберта Боэмунд отправлен был вперед, чтобы приготовить на эпирском берегу место высадки для норманнского войска. Боэмунд успел завладеть береговыми городами Валлоной, Каниной и Ориком и затем сделал попытку взять Корфу, но так как здесь встретил большое сопротивление, то остановился поблизости в ожидании прибытия главного войска. Между тем Роберт без труда высадился в упомянутых морских гаванях, которыми завладел его сын, направился в Корфу и принудил его к сдаче, а затем обратил внимание на главный город этой части Эпира, Диррахий или Драч. В то время как Боэмунд подошел к городу с суши, Роберт предполагал начать осаду его с моря, но сильная буря погубила часть его флота и лишила его сделанных для похода запасов. Тем не менее с остатками флота он подошел к Драчу и приступил к его осаде. Стратигом фемы и начальником крепости был Георгий Палеолог, которому были предоставлены большие военные средства и который, кроме того, ожидал прибытия венецианского флота, имевшего выступить против норманнов в союзе с империей. В июле того же 1081 г. под предводитель-

* Schwarz. Die Feldzüge Robert Guiscards gegen das byzantinische Reich. Progr. von Fulda, 1854.

ством дожа Доменико Сельво прибыла к Драчу венецианская морская эскадра, которой удалось удалить от города норманнские корабли и вступить в сношения с греческим гарнизоном осажденного города. Несмотря на такой оборот дела, угрожавший положению норманнов в других завоеванных городах Эпира, Роберт употребил все усилия, чтобы не отказываться от осады Драча, и продолжал держаться под ним до осени. В октябре явился на театр военных действий Алексей Комнин с вновь собранным войском в числе 70 тысяч. Несмотря на советы Палеолога уклониться от генерального сражения, Алексей решился вступить в бой и проиграл его. После этого сражения, показавшего все превосходство военного таланта Роберта Гвискара, который разбил в несколько раз сильнейшего неприятеля, судьба Драча была уже предрешена. Он держался еще несколько месяцев, но в начале 1082 г. должен был сдаться норманнам. Дальнейший план Роберта состоял в движении на Восток, в Македонию, где он рассчитывал завладеть Солунью, а затем он мечтал о завоевании Константинополя. Но слухи об отчаянном положении папы, которому угрожал германский император Генрих IV, и о враждебном движении среди его собственных вассалов в южной Италии побудили его приостановить поход на империю, почему он, сделав нужные распоряжения насчет армии, поспешил возвратиться в Италию весной 1082 г.

Оставим Роберта Гвискара заниматься устройством итальянских дел и посмотрим, как шло его смелое и громадное предприятие на Балканском полуострове. После удаления в Италию своего отца Боэмунд приостановил дальнейшее движение на запад. Внимание его сосредоточилось теперь на организации военных средств в занятой стране и на переговорах с албанскими вождями, на помощь которых, несомненно, рассчитывал Роберт Гвискар, предпринимая войну с империей. Как ни скудны наши сведения об этнографии побережий занимающей нас полосы Адриатики, тем не менее ясно, что албанцам и итальянцам принадлежала здесь важная роль: напомним хотя бы краткую заметку Анны Комнины, что в составе гарнизона в Драче венецианцы занимали видное место и что защита города принадлежала албанскому вождю, почтенному званием комита.* Весьма вероятно, что притязания хорватских и хорутанских князей на власть в приморских городах имели известное значение в политических планах норманнского герцога. Некоторое время Боэмунд остается в приморских областях Эпира. Арта и Янина составляли предмет домогательства со стороны норманнов и греков, здесь Алексей Комнин снова потерпел поражение. Легко видеть, что области на север от Фессалии и Эпира были еще под влиянием брожения, вызванного разгромом болгар, и пред-

* Alexias, IV, 8: «τὴν δὲ γε ἐπίλοιπον πᾶσαν πόλιν τῷ ἐξ Ἀρβάνων ὁρμωμένῳ Κομισκόρτῃ τὰ συνοίσοντα διὰ γραμμάτων ὑποθέμενος».

ставляли благодарную почву для новых политических движений, которые могли быть полезны для Роберта Гвискара. Театр военных действий захватил македонские города, доходя до Охриды, Острова и Веррии, между тем как сам Боэмунд продолжал держаться в Фессалии и имел серьезное дело под Ларисcой с византийским вождем Львом Кефалой; хотя под Ларисcой греки вновь потерпели поражение, но вместе с тем и норманны потеряли свои запасы и снаряжение. Царь Алексей нашел, между тем, возможным воспользоваться против норманнов теми же условиями местной вражды и противоположности между этнографическими элементами, на которые рассчитывал и Роберт. И прежде всего в самом центре отряда Боэмунда было крайнее недовольство этим отдаленным походом, которое усиливалось еще более оттого, что Роберт задерживал выдачу условленной платы приглашенным в поход своим вассалам и их дружинам. На этой почве возникали шумные сходки, на которых заявлялись требования выдачи денег или возвращения назад в Италию. Агенты царя Алексея умело воспользовались этими обстоятельствами и переманили на службу императора некоторых норманнских вождей. Осенью 1083 г. на сторону империи перешел целый отряд норманнов, державший гарнизон в Кастории. Не менее важное значение имели те мероприятия, которыми обеспечивалась империи служба Венеции и ее могущественного в то время флота. Благодаря громадным торговым преимуществам, уступленным Венеции знаменитой в истории буллой 1082 г., республика охотно шла на норманнов в союзе с империей, и в 1083 г. прибывшая в гавань Драча венецианская эскадра вместе с греками отняла у норманнов Корфу. Таким образом, в течение двух лет норманны не могли обеспечить своего положения на Балканском полуострове, почему весной 1084 г. Боэмунд должен был лично отправиться в Салерно, чтобы побудить оказать содействие задуманному им предприятию. Осенью того же года в Таренте собралась большая военная сила для вторичного похода против империи. В свите герцога были четыре его сына: Боэмунд, Рожер, Роберт и Гвидо, командовавшие частями флота. Передовой отряд под начальством Рожера и Гвидо направился к Валлоне и овладел Бутринто, где скоро соединился с ними и сам Роберт Гвискар. Поздней осенью последовало движение на Корфу, где в цитадели крепости держался еще небольшой норманнский гарнизон. С большим трудом Роберту удалось победить сопротивление союзников империи венецианцев и завладеть крепостью Корфу, но приближалась зима, и нельзя было думать о продолжении похода. Остановившись на зимнюю стоянку в местности близ города Бондица, он подвергся зимой злокачественной болезни, от которой сильно пострадало и все его войско и старший сын его Боэмунд, которого для поправления здоровья он должен был отправить в Италию. Несмотря на эти невзгоды, летом 1085 г. Роберт стал продолжать движение на запад, но скоро злокачественная болезнь

вновь обнаружилась и свела его в могилу 17 июля 1085 г. Хотя остававшийся в лагере Рожер принял присягу на верность от войска, но не считал возможным, зная расположение норманнов, настаивать на продолжении похода. Таким образом, все сделанные норманнами завоевания в Фессалии, Эпире и Македонии оказались утраченными неожиданно и бесславно. Норманнский отряд поспешно сел на суда, не успев взять ни оружия, ни лошадей, ни добычи.

Со смертью Гвискара закончился период утверждения норманнов в южной Италии. Это громадной важности событие, произведшее полный переворот в западноевропейской и византийской истории, несомненно зависело главнейше от того человека, который в течение 40 лет и с невероятными трудностями вел борьбу с греками и итальянцами, с лангобардами и арабами, доставив преобладание своим сородичам, составлявшим ничтожное меньшинство среди окружавших его чуждых народностей.* Сыновья Танкреда Готвилла, — читается в летописи Готфрида Малатерры, — так были устроены природой, что, будучи исполнены ненасытной жадностью к власти, насколько хватало их сил, не могли оставить в спокойном владении землями и людьми ни одного своего соседа, который оказывался в необходимости или служить им или поступиться в их пользу всем своим достоянием. Жестокосердый и свирепый, коварный и вероломный Роберт Гвискар не пренебрегал никаким случаем, чтобы настойчиво приближаться к предположенной им цели. Никакое соображение и никакой роковой удар судьбы не в состоянии были заставить его поколебаться в раз принятом решении. Нельзя отрицать, что большая часть успехов Роберта зависела от его военной удачи, но важнейшими своими приобретениями он был обязан своим политическим и дипломатическим талантам. Среди разнообразных контрастов столь раздробленной южноитальянской территории Роберт должен был иметь трезвый взгляд на политические отношения и руководящие факторы, чтобы достигнуть предположенной цели. Хотя он победил лангобардов силой оружия, но примирения их с норманнским господством он достиг через свой брак с дочерью лангобардского королевского дома. Хотя он подавил силой сепаратные стремления его соотечественников, которые могли воспрепятствовать развитию и укреплению единого политического дела и таким образом поставить преграды для самого существования норманнского господства, но вместе с тем умело воспользовался теми особенными чертами норманнских вождей, которые были свойственны и ему самому. Поселяя между ними раздоры, ненависть и вражду, он легче подчинил их своей власти, чем если бы стал действовать оружием. Не менее того Роберт обнаружил большую изворотливость и проницаемость в важных вопросах внешней политики, именно в своих

* Heinemann, Geschichte der Normannen, I. S. 334—339, характеристика Роберта.

отношениях к Западной империи и к Византии, равно как в сношениях с римской церковью. Замечательная черта в характере Роберта — его благотворительность и церковностроительная деятельность. Между церквами особенным его почетом пользовалось аббатство св. Бенедикта, которого он избрал своим специальным патроном; между постройками особенно замечательна церковь Богоматери в Палермо и собор в Салерно, украшенные фресками, колоннами и мозаиками. В союзе с римской церковью и ее аскетически-иерархическими тенденциями заключается и мировое значение Роберта. Его предприятия против сарацин и греков находились под защитой церкви и имели значение религиозных войн, которые вместе с земными выгодами заключали надежды на небесные награды. Как Григорий VII был предвестником воинствующей церкви на Востоке, так Роберт Гвискар и его героическая дружина были прообразом того западного рыцарства, которое в союзе с воинствующей церковью стало главнейшим носителем крестоносного движения.

Со смертью Роберта Алексей освободился от страшной опасности, которая в течение нескольких лет угрожала империи и новой династии.

Как ни серьезны были затруднения, вызванные движением к Балканскому полуострову Роберта Гвискара, тем не менее царю Алексею предстояло испытать еще ряд других опасностей, которые поэтому и должны быть здесь подробно указаны, так как имеют не местный, а всемирно-исторический характер. Выше мы видели, что в конце XI в. мусульманство вновь организовало свои силы и направило их против христианской империи. На Востоке магометанский мир приобрел новых прозелитов в лице туркменов, живших у Каспийского и Аральского морей, которые вторглись в области Багдадского халифата, подчинили себе мелких владетелей Ирана и Месопотамии и начали принимать деятельное участие в судьбах халифата. Став известными под именем турок-сельджуков, к занимающему нас времени они перенесли на себя весь интерес восточного мусульманства. Образованием могущественного султаната в Малой Азии со столицей в Конии * турки-сельджуки стеснили восточные владения империи и продвинулись до Мраморного моря и Босфора, угрожая столице христианской империи на Босфоре. Как увидим ниже, сельджуками был испробован план действия против Константинополя, практически осуществленный впоследствии османскими турками. Широкий размах политики мусульманского мира, совпадающий с началом царствования Алексея Комнина, получает надлежащее освещение при рассмотрении событий, театром коих был северо-восток Балканского полуострова. В этом отношении обра-

* Столицей сельджукского султаната в Малой Азии с 1081 г. стала Никея, в Конию (Иконий) столица была перенесена после Первого крестового похода, когда Никея снова перешла под власть Византии (1097) *(Ред.)*.

щают на себя внимание европейские сородичи сельджуков, хорошо известные по русской летописи половцы и печенеги, которые, переходя из южнорусских степей за Дунай и утвердившись на севере Балканского полуострова, не раз вносили опустошительные набеги в европейские владения Византии. Наиболее интересным наблюдением является то, что турки-сельджуки и их южнорусские сородичи, половцы и печенеги, пришли к мысли об одновременном и более или менее комбинированном движении против Византии, вновь поставив на очередь грозный вопрос о поединке между христианским и мусульманским миром.*

Господство над малоазийскими областями, постепенно переходившими под власть турок, принадлежало султану Сулейману Ибн-Кутулмышу, который получил эти области в ленное владение от верховного («великого») сельджукского султана (правившего в Иране) Мелик-шаха. Сулейман в конце 1084 г. лишил Византию последнего оплота ее на востоке, завоевав Антиохию. Этим нанесен был непоправимый ущерб еще державшемуся в Сирии влиянию византийского императора и положен конец власти его на востоке. Мелкие князья, державшиеся против притязаний Сулеймана при помощи империи или халифата, должны были теперь подчиниться иконийскому султану. Так был побежден эмир алеппский Шереф-ад-даула, так была объявлена война наместнику Дамаска, брату верховного сельджукского султана Мелик-шаха Тутушу, которая впрочем имела гибельные последствия для Сулеймана. Когда Тутуш нанес Сулейману поражение, в котором этот последний потерял жизнь, Мелик-шах нашел необходимым вмешаться в сирийские дела. Следствием его похода было новое распределение политических сил в Сирии и Малой Азии. Антиохия осталась под мусульманской властью и получила отдельного эмира в лице Ягы-Басана, управлявшего городом и областью до появления под стенами Антиохии крестоносцев; в Алеппо получил власть Касим Шереф-ад-даула Ак-Сонкор, в Эдессе — Бузак, остальные сирийские области с городами Шайзар, Лаодикея, Апамея и Кафартаб, будучи отторгнуты из-под влияния фатимидов, присоединены к багдадскому халифату. Неожиданная смерть Сулеймана сопровождалась потрясениями в Малой Азии, которыми однако не мог воспользоваться царь Алексей, занятый в то время войной с печенегами. Из владетелей отдельных городов, зависевших от Сулеймана, выдвигаются в это время в качестве самостоятельных эмиров: Чаха — в Смирне, Абу-л-Касим — в Никее и его брат эмир Пулхас — в Каппадокии.

В начале 1087 г. царь Алексей должен был сосредоточить все внимание на событиях, происходивших в северо-восточной части Балканского полу-

* Эта мысль в полном освещении приведена в известных статьях акад. В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» (ЖМНП, 1872, ноябрь—декабрь; Труды, т. I).

острова. Здесь опасность от вторжения и опустошительных набегов со стороны хищников из южнорусских степей осложнялась внутренними и, так сказать, домашними волнениями, исходившими от богомилов. Уже во время войны с норманнами бывшие в военной службе империи богомилы под начальством собственных вождей Ксанты и Кулеона изменили царю в самый критический момент и вызвали потом, в 1085 г., жестокие меры против них, сопровождавшиеся восстанием среди филиппопольских богомилов.* Здесь в первый раз упоминается имя Травла, занимавшего важный пост на службе империи и бежавшего к своим единоверцам, которые большими массами присоединились к нему как к своему защитнику и вождю. Заняв крепость Белятово поблизости от Филиппополя, Травл начал вести партизанскую войну с византийским правительством и поднял большое движение среди богомилов. Местное волнение среди богомилов нашло благоприятную и восприимчивую среду в болгарском населении и сообщалось печенегам, кочевавшим поблизости от Дуная и выжидавшим лишь благоприятного случая, чтобы сделать набег на имперские области. Западный доместик Пакуриан и его помощник Врана, которым было поручено усмирить начавшееся движение, встретили в Травле опасного и хорошо подготовленного противника, который занял горные проходы и защищенные позиции и нанес императорской армии сильное поражение. Врана был убит, а Пакуриан ранен. Это послужило началом печенежского и половецкого вторжения в северо-восточную Болгарию, которое побудило царя Алексея призвать войска из Малой Азии, хотя там турки-сельджуки хозяйничали у берегов Мраморного моря. В военных действиях против печенегов получает известность Татикий, турок по происхождению, получивший воспитание в Константинополе и пользовавшийся личным доверием царя. Он одержал победу над одним отрядом печенежской орды и следил из Филиппополя за дальнейшими предприятиями врага. Вследствие принятых им мер и его настойчивости печенеги были принуждены возвратиться на свои становища к Дунаю. Это было осенью 1086 г.

Весной следующего года в южнорусских степях, где кочевали половцы, и в придунайских равнинах, занятых печенегами, происходили оживленные сношения, направляемые угорским королем Соломоном, лишенным престола своими двоюродными братьями, целью которых было одно общее нападение на Византию. Печенежский хан Челгу с союзными половцами и Соломон с венгерской дружиной, всего в числе 80 тысяч, сделали вторжение в беззащитную северо-восточную Болгарию и, не встречая отпора, прошли балканскими проходами в Македонию. По долине Марицы кочевники спустились к Мраморному морю, производя везде убийства и опусто-

[1] Акад. В. Г. Васильевский, ЖМНП, 1872, ноябрь, стр. 154—155; Труды, т. I, стр. 44 *(Ред.)*.

шения, но здесь им дал отпор воевода Маврокатакалон и заставил их возвратиться на север, за балканские проходы, где они давно уже были полными хозяевами и где влияние империи сведено было на-нет. Чтобы предупредить дальнейшие набеги хищников, царь Алексей решил сам итти за Балканы и летом 1088 г. собрал с этой целью значительное войско. Сорок дней однако простоял он при подошве Балканских гор близ Ямполи, ожидая сбора других войск и движения флота к устьям Дуная с целью противодействия сношениям половцев с их соотечественниками южной России и соединенного действия как морских, так и сухопутных войск, которыми командовал Георгий Евфорвин. Принятые царем оборонительные меры, действительно, приостановили половцев и печенегов и их союзников. И вот отправили они, по словам Анны Комнины, * огромное посольство из 150 лиц «просить о немедленном заключении мира и, ввернув в речь угрозу, вместе с тем обещать, что если самодержец захочет склониться на их представления и просьбы, они дадут ему вспомогательный отряд из 30 тысяч всадников». Царь хорошо понимал, с кем имеет дело, и решил поразить печенегов неожиданным для них явлением. Зная, что в тот день должно последовать солнечное затмение, он сказал послам: «предоставлю суд Богу. Если в нынешний день будет явное знамение с неба, то вы должны будете совершенно согласиться, что я справедливо не соглашаюсь на ваши предложения, не доверяя вашему посольству; если же нет, это будет доказательством, что моя догадка ошибочна». Можно понять, какое сильное впечатление произвело на печенегов последовавшее за тем солнечное затмение. Их взяли под стражу и отправили в Константинополь, но дорогой они избили стражу и возвратились к своим.

Поход 1088 г. имел для царя тяжелые последствия. Он двинулся через балканские проходы и остановился лагерем на северной стороне гор у древней Преславы на реке Тыге или Большой Камгин, где уже рыскали печенежские разъезды и делали нападения на передовые части царского войска. От Преславы небольшой переход к Плискове, первой столице болгарских царей, которая тогда, по всей вероятности, уже была разрушена. Наконец царь достиг Дуная и остановился лагерем в некотором расстоянии от крепости Дристра, или Силистрии. Здесь была уже неприятельская страна, и самая Силистрия находилась во власти печенегов, смелые наезды которых простирались даже на царский лагерь и производили в нем смущение и тревогу. Греки начали осаду Силистрии, но встретили большие затруднения в двух замках, которые возвышались над городом и которые были защищаемы родичами хана Тутуша, владевшего придунайскими областями. Не будучи в состоянии выгнать из кремля печенежский отряд, Алексей решил отступить от Силистрии. В объяснение этого решения,

* Alexias, VII, 2 (Lipsiae, 1834).

которое имело роковые последствия для греческого войска, можно разве сослаться на то, что царь опасался перехода за Дунай половецкой орды и желал быть ближе к Балканским проходам. Но когда началось обратное движение византийского войска по направлению к Преславе, печенеги начали теснить его с большой настойчивостью и скоро окружили его со всех сторон. Произошла битва, длившаяся целый день и окончившаяся для царя весьма неудачно, в особенности, когда к вечеру на помощь к печенегам явился свежий отряд, который поселил смятение между византийцами и был причиной их бегства. Хотя царь показал здесь чудеса личной храбрости и пытался личным примером ободрить свое войско, но все было напрасно. С большим трудом он спасся от плена, поспешно миновал Балканские проходы и только в Голое почувствовал себя в безопасности. В Константинополе сложилась ироническая поговорка на счет печальной развязки похода: «от Дристры до Голои хорошая станция, Комнин!». Печенегам досталась большая добыча и значительное число важных пленников, между последними известен Никифор Мелиссин, зять царя по сестре. Было множество убитых, таков сын Романа Диогена Лев, брат царя Адриан и другие. Множество знатных вождей, взятых в плен печенегами, давало им право надеяться на большой выкуп, и, действительно, царь не пожалел казны, чтобы удовлетворить требования победителей. Но едва печенеги успели поделить добычу, как из-за Дуная прибыла орда половцев, предводимых ханом Тутушем. Последние считали себя вправе получить долю с добычи, так как прибыли с тем, чтобы помочь печенегам. «И не наша вина, — говорили половцы, — что греческий каган вступил в сражение, не дождавшись нас». Варвары от слов перешли к делу и начали взаимную кровавую бойню. Половцы оказались сильней и победили печенегов и хотя возвратились в свои становища в южной России, но с твердым намерением скоро предпринять новый поход за Дунай.

Хотя взаимная вражда из-за добычи на этот раз освободила империю от совокупного движения печенегов и половцев, но никто не мог поручиться за то, что между ними не последует нового соглашения. Правда, половцы грозили двинуть за Дунай всю орду, чтобы отомстить печенегам, и в этом отношении могли быть полезны Византии, но нельзя было не понимать, что таких союзников лучше было держать дальше от своих границ, а между тем театром столкновений и предметом опустошительных набегов были Македония и Фракия. На следующий год повторилось вторжение печенегов в Македонию, где они расположили даже свою стоянку на том месте между Ямполи и Голоей, где недавно стоял византийский лагерь. Еще более опасений возбудили доходившие до правительства слухи о том, что половцы приготовляются к походу и что целью движения было нападение на печенегов. Хотя, таким образом, непосредственно Византии

половцы не угрожали, но была опасность в том, что, узнав дорогу к Адрианополю и ознакомившись с культурными и плодородными местами, хищные кочевники захотят основаться на новых местах. С целью воспрепятствовать переходу половцев за Дунай царь Алексей вступил в сношения с печенегами, роздал им на подарки большие суммы и убедил их дать заложников в том, что они будут иметь мир с империей. Но переход через Дунай половецкой орды тем не менее совершился, хотя дальше Балканских гор половцам не удалось на этот раз продвинуться. Со стороны царя им было предложено удовлетвориться денежными подарками и оставить византийские владения. Между тем новые союзники — печенеги хозяйничали в занятых ими местах, захватили Филиппополь, овладели течением Марицы, где утвердились в городе Кипселы, неподалеку от Дидимотиха.

Самым неожиданным обстоятельством было то, что замечено было одновременное и комбинированное движение против империи с востока и запада, о чем выше уже упоминалось: турки-сельджуки, вступив в сношение со своими европейскими единоплеменниками, задумали сделать нападение на Константинополь с востока и запада, с суши и с моря. Таков был Чаха́, турок по происхождению, в юности получивший воспитание в Константинополе и хорошо ознакомившийся с положением империи, в качестве носителя высокого служебного звания протоновелиссима. Он является весьма тонким дипломатом, искусно ведущим переговоры с византийскими военными и гражданскими чинами с целью усыпить их бдительность, и в то же время весьма умным организатором, приготовлявшим империи большой удар. Пользуясь затруднительным положением царя,* он овладел влиянием на море и построил при помощи смирнских греков собственный военный флот. Имея точку опоры в Смирне, Чаха́ овладел Клазоменами, Фокеей и островами Хиосом, Лесбосом и Митиленой. Увеличив свои силы купеческими кораблями, захваченными в завоеванных городах, Чаха́ был в состоянии померяться с царским флотом и доказал это тем, что нанес морское поражение Никите Кастамониту и завладел его кораблями, а спустя несколько времени принудил императора вызвать про́тив него адриатический флот, бывший под командой великого дуки Иоанна Дуки. Стало известно, что Чаха́ вступил в переговоры с ханом печенегов и уговаривал его занять европейский берег со стороны Дарданелл с тою целью, чтобы отрезать Константинополь от сношений с Грецией и островами, как уже он был совершенно изолирован от азиатских областей. В то же время, состоя в родстве с никейским султаном и подкупив дарами разных мелких владетелей, правивших от имени сельджукского султана

* Прекрасная характеристика Чахи у писательницы Анны Комнины: Alexias, VII, 8.

в Малой Азии, Чаха́ составил себе громадное число приверженцев и мечтал уже о присвоении себе титула византийского императора.* Это был момент крайнего потрясения для империи, имевший, несомненно, большое влияние на душевное состояние царя Алексея. Во время этих событий, происходивших на островах и поблизости к Дарданеллам, сам император поглощен был заботами об отражении печенежско-половецкого наводнения. Хотя он имел союз с печенегами, но они прежде всего не хотели довольствоваться уступленными им пределами и пытались прорваться за Балканские проходы через Маркеллы или ныне Корнобадский Хисар.** Переход половецкой орды за Дунай должен был произвести передвижение печенежского стана, который в течение 1089—1090 гг. показывается в долине реки Марицы. Царское войско занимало линию от Адрианополя к Константинополю, защищая дорогу к столице. Главнейшие военные дела происходили в тех же местах, которые стали так известны в войне балканских союзников с турками в 1913 г. Военные действия сосредоточивались близ города Русия в долине упомянутой Марицы, неподалеку от Родосто. Когда царь передвинулся с войском на север и был на главной дороге к Константинополю, в местности Чорлу печенеги окружили его и начали теснить его в укрепленном лагере, но на этот раз Алексей нашел возможным прогнать хищников и остался на зиму в Чорлу, чтобы защищать столицу от набегов опасного врага, который расположился на зиму по берегам Эргене в Люлебургасе. Лишь зимой 1091 г. он решил направиться в Константинополь, оставив войско под командой Николая Маврокатаколона. Но печенеги не дали ему спокойного отдыха и выслали конный отряд в Хировакхи, ныне Чекмедже, что побудило царя немедленно отправиться к угрожаемой печенегами крепости. Византийский отряд подвергался большой опасности быть совершенно отрезанным от столицы, но император воспользовался тем обстоятельством, что печенеги разделились на две части, из коих одна бросилась грабить окрестности. Алексей нанес поражение каждой части порознь и тем доставил константинопольским грекам давно не виданный ими пример триумфального вшествия в столицу. Впереди ехали на печенежских конях и в варварском убранстве переодетые византийцы, а за ними шли со связанными назад руками настоящие печенеги под охраной крестьян из соседних селений, шествие замыкали всадники с поднятыми копьями, на которых были головы убитых печенегов. Но действительное значение этой победы было в высшей степени призрачно. Уже через две недели, т. е. в начале марта 1091 г., печенеги снова стали угрожать самым предместьям столицы, так что в первое воскресенье

* Alexias, IX, 1: «τοῖς προσήκουσι βασιλεῦσι χρᾶται παρασήμοις βασιλέα ἑαυτὸν ὀνομάζων καὶ τὴν Σμύρνην οἰκῶν καθαπερεὶ βασίλειά τινα...».

** Известия Русск. арх. инст. в Константинополе, X, 546.

великого поста благочестивым чтителям памяти св. Феодора Тирона не было возможности выйти из города и помолиться в храме великомученика, так как поблизости рыскали печенежские разъезды.

Мы имеем особенные побуждения остановиться подробней на этих событиях, так как в связи с ними, как видно будет далее, находится объяснение мотивов Первого крестового похода. И прежде всего заметим, что зима 1091 г. имела в этом отношении чрезвычайно важное значение для царя Алексея Комнина. Если ему удалось удержать печенегов в некотором страхе перед стенами Константинополя и даже отогнать их на север, тем не менее положение дел оставалось крайне серьезным в виду задуманного турками и печенегами соединенного движения. Пират Чаха́ готовил флот с целью сделать высадку на полуострове Галлиполи, где ему должны были помочь печенеги, раскинувшие свои становища по течению Марицы. При устье этой реки находился город Энос, который в XI в., как можно заключить из тогдашних известий, не был еще отделен от моря, как ныне, песчаными заносами и болотными зарослями, обратившими этот важный прежде город в жалкое местечко, окруженное развалинами домов и церквей и величественными боевыми укреплениями и башнями. Царь избрал Энос стоянкой для флота и сборным местом для войска, откуда он мог удобно наблюдать за действиями врагов и препятствовать сношениям между ними. Здесь, поблизости от города, был устроен военный лагерь и отсюда направлялись военные распоряжении царя Алексея. На четвертый день по прибытии царя к месту получено было известие, что половецкая орда под предводительством ханов Тугоркана и Боняка, численностью в 40 тысяч человек, приближается к Эносу. Хотя можно было ожидать, что половцы будут действовать в соглашении с императором, но пока никто не мог еще поручиться за это. Со стороны императора последовало приглашение половецким вождям притти к нему для переговоров. Им было предложено богатое угощение и дорогие подарки, которыми и удалось склонить половецких ханов дать заложников и обещать союз и помощь против печенегов. Но в лагере стали получать известия о переговорах между половцами и печенегами, и были основания к опасениям, что может последовать соглашение между кочевниками и одновременное нападение их на греческий лагерь. Но на этот раз страхи были напрасны. Половцы, получая от печенегов двусмысленные обещания, не шли с ними в союз и объявили царю: знай, что далее ждать мы не будем, завтра с восходом солнца будем есть либо волчье мясо, либо баранов. Такая картинная речь требовала решительных действий, и царь объявил, что битва произойдет завтра.* К большой радости греков, накануне битвы от печенежского стана отделился пятитысячный отряд и перешел на сторону империи. Это был

* Alexias, VIII, 5.

русский отряд, пришедший из Карпатской Руси под предводительством Василька Ростиславича. Последовавшая между половцами и печенегами битва имела для последних роковой исход. Это одна из битв, в которой погибла вся печенежская орда, т. е. вся боевая сила этой орды. «Здесь, — говорит Анна Комнина, — можно было видеть, как целый народ, считавшийся не десятками тысяч, превышавший всякое число, погиб в один день с женами и детьми». Так окончился ужасный день 29 апреля 1091 г., о котором сложилась поговорка: из-за одного дня скифы (печенеги) не увидели мая. Но огромное число пленников, захваченных половцами и остававшихся по случаю утомления войска без надежной охраны, побудило греков обезопасить себя от них беспощадным средством: в ночь безоружные пленники были беспощадно истреблены. Между тем, говорится в истории Алексея, написанной дочерью его: «около средней стражи, по божественному им внушению, или как иначе, но только по одному условному знаку наши воины перебили почти всех пленных».* Грубая наивность рассказа получит в глазах читателя надлежащий смысл, если он ознакомится с несколькими строками ниже в той же истории. Утонченная жестокость образованных греков поразила самих половцев, которые, очевидно, никак не ожидали такой грубой ночной бойни. Они боялись, чтобы на следующую ночь император не сделал с ними того же, что случилось с печенегами, и при ее наступлении оставили свой лагерь, зараженный запахом трупов. Нужно было посылать за ними погоню, чтобы вручить им то, что им следовало по уговору сверх добычи. В начале мая император с торжеством возвратился в столицу, освободившись от большой опасности. Половцы ушли за Балканы, а печенегов более не осталось как орды, небольшая их часть перешла в подданство императора и получила земли для поселения в Могленской области. С этим вместе нанесен был непоправимый удар и предприятию Чаха́. Не успев высадиться в Галлиполи, он не сделал необходимой для успеха его предприятия диверсии и не отвлек к себе внимания императора. Освободившись от печенежско-половецкого наводнения, царь нашел возможным настроить против Чаха́ его тестя, никейского султана, от руки которого и погиб этот авантюрист, впервые пустивший в оборот политический и военный план против империи, осуществленный османскими турками в XIV—XV в.

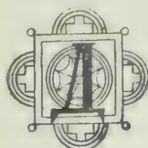
Существует в высшей степени интересный литературный памятник, характеризующий настроения современного официального византийского мира. Это — известное послание Алексея к государям Западной Европы, составленное зимой 1091 г.

* Alexias, VIII, 6: «περὶ μέσην δὲ φυλακὴν τῆς νυκτὸς εἴτ' ἐκ θείας ὀμφῆς εἴτε καὶ ὅπως οὐκ οἶδα, ὁμῶς δ' οὖν ὡς ἐξ ἑνὸς συνθήματος μικροῦ πάντας οἱ στρατιῶται ἀπέκτειναν» (Lipsiae, 1884). См. также: В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 104—105. *(Ред.)*.

«Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Турки подвергают обрезанию детей и юношей христианских, насилуют жен и дев христианских перед глазами их матерей, которых при этом заставляют петь гнусные и развратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха. Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция, острова Хиос и Митилена и многие другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумя стами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей греки: таким образом Константинополь подвергся опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать пред лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом. Итак, именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властию ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас. Если сверх ожидания вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища вместе взятые и равняются разве только богатству храма Соломона. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо, кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой 60-тысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения».

Глава V

ПОБЕРЕЖЬЕ АДРИАТИКИ. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕРБСКИХ ЗЕМЕЛЬ



Давно уже отмечено в истории сербов, что племена, жившие в приморской части, развивались при иных условиях, чем племена континентальные, жившие за горами и отделенные от Адриатики. И прежде всего первые зачатки политической организации и успехи в военном и торговом деле падают на долю приморских сербов. Исторической колыбелью сербского народа и сербской государственности была область Зета или Диоклея в юго-западной части Балканского полуострова, прилегающей к Скутарийскому озеру в ближайшем соседстве с албанцами. Окруженная трудно проходимыми горами и имевшая доступ к морю, Зета, или ныне Черногория, составляла самостоятельное политическое тело и начала играть заметную политическую роль приблизительно в ту эпоху, которая нас теперь занимает. Возвышение Зеты и подчинение зетским князьям сербских племен в Босне и Расе составляет первые ощутительные шаги сербского народа к образованию государственности и победе над центробежными элементами, имеющими столь крупное значение в Славянской империи. Процесс политической организации приморских сербов находился в связи с борьбой латино-католического и греко-православного обряда в славянских областях. Известно, что постановлением собора в Сплете в 1059 г. запрещено было употребление церковно-славянского языка в богослужении и тем проведена резкая граница между католическими и православными славянами. Первым деятелем, хорошо воспользовавшимся настроением православных сербов для достижения политических планов, был зетский князь Михаил, сын Воислава. Ему удалось исходатайствовать у папы разрешение

освободить православных сербов от церковного подчинения сплетской архиепископии и поставить ее в связь с церковной властью константинопольского патриархата. Более определенными чертами рисуется деятельность сына его Константина Бодина, который в 1072 г. принял участие в восстании болгар против империи и был даже избран болгарским царем. Хотя этим актом предрешалось объединение сербов и болгар и хотя избрание Бодина в Приштике могло считаться вполне законным, тем не менее дальнейшие события показали, что предприятие зетского князя было преждевременно и не носило в себе залога успеха. Без большого труда греки приостановили движение сербских отрядов и нанесли Бодину поражение в области между Нишем и Скоплем. Вновь избранный болгарский царь попал при этом в плен и был отведен в Константинополь, где ему сначала было предоставлено жить в монастыре Сергия и Вакха, а потом назначено более отдаленное место, Антиохия, откуда ему удалось однако бежать на венецианском судне.

Нет сомнения, что в истории политического и церковного освобождения сербского племени значительную роль играли венецианцы, с которыми приморские области Сербии находились в разнообразных сношениях. В предприятии Роберта Гвискара, имевшего целью отвоевать Балканский полуостров от империи, южноитальянские норманны должны были серьезно считаться с притязаниями Венеции в прибрежной полосе Адриатики. Самым выразительным фактом культурного тяготения приморских областей Сербии было то, что в 1077 г. Михаил сербский получил от папы королевский венец и титул короля. С тех пор Сербия пользовалась как политической, так и церковной самостоятельностью. Когда Бодин около 1081 г. принял власть, Сербия со столицей в Скутари была уже довольно значительным государством, с которым необходимо было считаться тем, кто стремился удержать влияние на Адриатике. В этом положении владетелю Зеты требовалось много искусства и осмотрительности, чтобы не попасть в ложное положение и не навлечь на себя гнев со стороны более сильных адриатических государств. В особенности смелое предприятие Роберта Гвискара, подошедшего к Драчу и выбросившего на Балканский полуостров значительный военный отряд, открыло для Бодина широкое поле новой деятельности. Как для норманнов, так и для Византии владетель Драча, важнейшей морской гавани, обеспечивавшей успех действий сухопутного войска, представлял в то время весьма полезного союзника и в то же время серьезного врага, если он пристал бы к противоположной партии. Римский папа, находившийся в тесном союзе с норманнами и без сомнения сочувствовавший политической авантюре Роберта Гвискара, конечно, благоприятствовал сближению между сербами и норманнами. С другой стороны Венеция, естественная соперница норманнов и союзница Византии, видевшая для себя большую опасность в движении

норманнов на Балканский полуостров, тесней примкнула к империи и за обещание предоставить свой флот на службу империи получила от нее важные политические и торговые привилегии. Как империя, так и Венецианская республика домогались того, чтобы удержать Бодина в сфере своих интересов. И действительно, на первых порах князь Зеты стал на сторону Византии против норманнов, хотя, как показали последствия, он колебался в выборе партии и предоставил окончательное решение жребию войны. Весьма может быть, что, поддерживая тайные сношения с норманнами, Бодин не решался разорвать союз с императором. Когда в 1081 г. Роберт высадился близ Драча и царь Алексей Комнин выслал против него войско, Бодин не принял участия в решительной битве и тем косвенно содействовал поражению, какое норманны нанесли грекам. Следствием этого поражения было то, что норманны, захватив Драч, победоносно пошли вперед двумя направлениями на Скопле к Охриде до Солуня.* В дальнейшей борьбе между норманнами и империей Бодин не принимал прямого участия и воспользовался этим временем для расширения своей власти над соседними сербскими племенами, и притом как в приморских областях, так и в континентальных, находившихся за горами. В этом последнем направлении деятельность Бодина тем более была вознаграждена успехом, что царь Алексей, занятый делами с печенегами и половцами, не мог оказать ему надлежащего отпора.

На северо-востоке от Зеты, отделяясь от нее горами, находилась жупания Раса, откуда открывался доступ в долину Косова поля, принадлежавшую тогда империи. Сюда главнейше направилась деятельность князя Зеты. Десятилетие от 1081 по 1091 г. является важнейшим периодом сербской истории, когда большая часть сербского племени стала объединяться и полагать начало к политической организации под главенством Зеты. На этом периоде необходимо остановить внимание. По словам сербского историка Станоевича, Бодин своими победами на востоке «дал направление распространению сербской власти и сербской политики на несколько веков. Естественным последствием того было и перемещение центра тяжести сербской государственной жизни из Зеты в Расу». Опорным пунктом сербов в Расе был Звечан, границей между сербами и греками был водораздел Дрины и притоков Моравы. Действующим лицом здесь является жупан Волкан — весьма загадочное имя, которое некоторыми исследователями отожествляется с Бодином.** Он свободно распоряжается в Расе и Косовом поле, пока царь Алексей был занят войной с кочевниками. Но

* Наиболее обстоятельный разбор отношений этого времени дает А. Л. Петров (Князь Константин Бодин. Очерк из истории сербов XI в. Сб. статей по славяноведению изданных учениками В. И. Ламанского, СПб., 1883); Ст. Станоевич. История српскаго народа. 2 изд., Београд, 1910, стр. 67—71.

** А. Л. Петров. Князь Константин Бодин, стр. 259—261.

когда в 1091 г. ему удалось почти уничтожить печенежскую орду, он принял меры к защите византийской границы от нападений сербов, но, укрепив проходы новыми сооружениями и укреплениями, отступил назад, так как ему угрожало предприятие пирата Чахи. В последующее время продолжались пограничные столкновения между сербами и греками в долине Косова поля до самого начала крестовых походов.

В самом начале XII в. со смертию Бодина положение дел в Сербии изменяется, так как вновь со всей силой обнаружились центробежные стремления, находившие поддержку в соперничестве членов княжеского рода. Но еще более, чем взаимные раздоры между удельными князьями или жупанами Расы, Зеты и Босны, на последующие судьбы Сербии обнаружило влияние распространение Угорского королевства до Адриатического моря и овладение уграми Хорватией и Далмацией. С одной стороны, это затронуло интересы Венеции, которая имела жизненные задачи в удержании своего торгового и политического влияния по берегам Адриатики, где было значительное итальянское население, в особенности в древних городах. С другой, с приближением к морю и с завоеванием культурной и хорошо организованной страны угры и сами не могли остановиться на этом, а, напротив, заявили широкие политические притязания на господство над Балканским полуостровом, т. е. вновь подошли к той задаче, которая выпала им на разрешение с начала X в. Прежде всего они оказались естественными наследниками притязаний хорватских банов и поэтому должны были выступить соперниками Венеции. Далее, предстояло найти средства к примирению империи с новым порядком вещей, который являлся большим для нее сюрпризом: она могла еще допустить Венецию разделять с ней влияние в Далмации, но новый участник становился совсем излишним. Таким образом, было очевидным, что угорское господство по берегам Адриатики вызовет всяческое противодействие со стороны Восточной империи. Сербским кралям начала XII в. предстояло пристально всмотреться в новые политические условия, чтобы определить свое положение между соперничающими партиями.

Когда по смерти Бодина началась борьба между родичами из-за власти, Византия употребила все свое искусство, чтобы питать и развивать эту борьбу, в том расчете, что внутренняя усобица ослабляет сербов и делает их менее опасными. Частию под влиянием создавшихся в то время условий, в Сербии происходила медленная, но упорная борьба из-за преобладания между двумя областями — Расой и Зетой. Повидимому, еще при Бодине центр тяжести начал переходить из приморской области на восток, в Расу, где завязывалась основа будущей Старой Сербии, дедины Неманей. Царь Алексей оказал поддержку жупанам Зеты, которые нашли приют в Константинополе, и помог им выгнать брата Бодина Доброслава,

который временно утвердился в Зете. Но преемники Бодина, управлявшие Расой, пришли к мысли, что им легче будет провести свою утлую ладью, если они будут опираться на новую силу, пришедшую вместе с уграми. Таким образом начатая Урошем политика соглашения с уграми принесла большую пользу жупанам Расы. Угры, овладев Хорватией и Далмацией, должны были войти в соглашение или с Венецией, или с Византией. Первое время политика их колебалась, но потом, со времени царя Иоанна Комнина, в 1127 г. начинает принимать твердое направление. Урош, жупан Расы, пристал к антивизантийской стороне, когда угры счастливой войной захватили у Византии Белград, Ниш и Софию и дошли до Филиппополя. В следующем году был заключен мир, но та и другая сторона хорошо понимали, что предстоит вновь решительная война между Угрией и Византией из-за влияния на Балканах. Угры вообще пользовались сербами, подстрекая их к восстаниям и борьбе с империей, причем нередко на долю сербов выпадала удача получать важные уступки и приобретения, так что можно полагать, что в конце XI в. сербский краль из своего стольного города в Скутари владел обширными землями, обнимавшими нынешнюю Черногорию, Герцеговину, Босну и часть Старой Сербии.

Но самым существенным фактом в истории Сербии занимающего нас времени нужно признать сделанные уграми завоевания в сербских землях. Именно, овладев частию Босны около 1137 г., угры утвердили здесь свое господство, и угорские короли с тех пор внесли в свой титул наименование Боснии как удела угорской короны. Это нужно считать большим ударом для сербского племени, так как мелкая война с Византией и усобицы отвлекли внимание сербских вождей от опасного угорского соседа. Слишком скудные известия о положении дел на Адриатическом побережьи получают некоторое освещение в истории Анны Комнины.* Когда Алексей находился в колебании насчет полученных им известий из Далмации и готовился итти войной против Бодина и далматов, к нему пришло донесение от Феофилакта, архиепископа Охриды, насчет подготовляемого дукой Драча восстания. Так как Драч составлял опору византийского господства и влияния на этой важной окраине, то царь был весьма обеспокоен этим известием. «Зная, сколь неудержимы в своих порывах юноши, самодержец опасался, чтобы и Иоанн, который был еще юношей, не произвел возмущения и не причинил этим невыносимой печали отцу и дяде».** Он призвал к себе тогдашнего великого этериарха Аргира Карацу, который хотя по происхождению был скиф, однако отличался благоразумием и любовью к добродетели и истине, и вручил ему два письма, одно из них к Иоанну следующего содержания. «Мое величество, узнав о вторжении варваров

* Alexias, VIII, 7.

** Идет речь о родном племяннике, сыне севастократора Исаака.

Церковь монастыря Хора. Мечеть Кахриэ-Джами в Константинополе. Вид с запада. XII в.

(Ф. И. Шмит. Кахриэ-Джами. Альбом к XI тому Известий Русского археологического института в Константинополе, 1906, табл. LXIX).

в наши владения, выступил из Константинополя, чтобы обезопасить ту границу Ромэйской империи. Почему и ты должен притти ко мне с донесением о состоянии управляемой тобою страны, ибо я опасаюсь и Волкана, как бы он не задумал чего-нибудь нам противного. Кроме того ты должен сообщить мне сведения касательно Далмации и самого Волкана, соблюдает ли он мирные условия, ибо и о нем ежедневно доходят до меня недобрые вести. Узнав об этом яснее, мы приготовим большие средства и, дав тебе, что нужно, пошлем в Иллирик, чтобы, напав на неприятелей с двух сторон, при помощи Божией одержать победу». В то же время к представителям * Драча писал: «Узнав, что Волкан снова строит против нас замыслы, мы вышли из Византии с намерением занять горные теснины между нашею и далматскою землей и вместе с тем обстоятельней разведать все касательно его и Далмации. Для сего мы признали нужным позвать к себе вашего дуку и любезного нашего племянника и дукой к вам назначить этого подателя нашего письма. Примите его и повинуйтесь всем его распоряжениям». Вручив Караце эти письма, он приказал ему сперва отдать письмо Иоанну и, если он добровольно послушается, проводить его с миром, а самому принять охрану страны до возвращения его назад. Когда же воспротивится и не послушается, созвать старшин Драча и сообщить им другое письмо, дабы они содействовали ему задержать Иоанна. Как видно однако из дальнейшего рассказа Анны, весь этот эпизод о готовившейся в Драче интриге и о враждебных замыслах дуки Иоанна не оправдался положением дел, так что дука Иоанн, явившись в Филиппополь и объяснившись с царем, был снова послан в Драч в качестве царского наместника. Номинальная власть империи по берегам Адриатического моря постепенно ослабевала в течение XI в. под действием столько же внутренних, как и внешних обстоятельств. Выше мы видели, какое важное значение империя приписывала своим заморским владениям, как дорожила она хотя бы призрачной властью в южной Италии и как держалась она за предания об ее морской военной славе. Даже и тогда, как норманны окончательно лишили империю ее южноитальянских владений, византийские цари не теряли еще надежды на возвращение утраченного и, владея по берегам Адриатического моря важными морскими стоянками и укрепленными городами, они внимательно присматривались к событиям на итальянском материке и выжидали случая, чтобы снова восстановить поколебленное их влияние в северо-западной части Средиземного моря. Но целый ряд внешних событий и внутренних причин постоянно ослаблял живые силы империи, и она не была в состоянии держать на прежней высоте свой флот. Падение морского дела и ослабление производительных и платежных средств государства свидетельствуется столько же из экстренных

* **Alexias**, VIII, 7: «πρός τοὺς λογάδας τῶν ἐποίκων Δυρραχίου».

мер, к каким прибегало правительство для собирания необходимых денежных средств,* сколько из необыкновенно широких торговых привилегий, данных в это время республике Венеции. В высшей степени интересно здесь войти в рассмотрение византийско-венецианских отношений в занимающее нас время.

Централизация административной власти, выразившаяся в отмене городских привилегий и ограничении прав сената, не могла быть проведена в такой же мере на отдаленных окраинах империи, в особенности в западных провинциях, где рано пробудилась муниципальная жизнь в древних городах. В XI в., назначая в далматинские города своего наместника с титулом дуки, центральное правительство считалось также с городским представительством и сносилось с ним непосредственно, помимо дуки. В особенно счастливых условиях развилась история Венеции, которая при Комнинах имела уже самостоятельное политическое положение и владела своим флотом. В борьбе Западной империи с Восточной из-за господства в Истрии и Далмации Венеция проявила большую приспособляемость к обстоятельствам и успела занять чрезвычайно выгодное для ее дальнейшего развития положение. В договорах с германскими императорами, которые не могли не считаться с тем, какую роль будет играть Венеция в натянутых отношениях между Восточной и Западной империей, каролингские и саксонские императоры были весьма щедры к Венеции и давали ей право свободных торговых сношений в Италии. В особенности Венеция хорошо воспользовалась смутным временем Генриха IV, когда этот император, находясь в крайне затруднительном положении, лично прибыл в Венецию, где принял от купели дочь дожа и возобновил договоры своих предшественников. Весьма любопытно, что на этот раз сделаны ограничения морских сношений западной империи: венецианцы имеют право торговать в имперских землях ubi voluerint, а германцы могут проникать морским путем до пределов Венеции.**

Но в особенности торговое влияние Венеции распространялось по областям, где господствовало византийское влияние, в пределах славяно-романских поселений по Адриатике. Усиление Венеции и развитие национальной политической организации с дукой (или по местному произношению с дожем) во главе дало республике материальные и военные средства, с которыми она приняла на себя задачу борьбы с пиратами и с этой целью захватила Лиссу, ныне Алессио, Рагуза также ранее других городов подпала под ее зависимость. Наконец, когда весной 1000 г. явился сюда венецианский флот, то духовные и светские представители островов и береговых городов Зары, Белграда, Трогира, Спалато и Рагузы дали венецианскому

* Об этом ниже, в главе о внутренней деятельности Алексея Комнина.

** «...et homines nostri per mare usque ad vos et non amplius».

дожу Петру Орсеоло присягу на верность. Вместе с этим владетель соседней Хорватии прислал к дожу послов и выдал в заложники своего племянника. Первым следствием нового порядка было уничтожение пиратства, а дальнейшим — основание политической власти Венеции по берегам Адриатики. Дож присоединил к своему титулу наименование «далматинского», и с тех пор вошел в обычай торжественный акт обручения дожа с морем. Далматинские города много выиграли при указанном порядке вещей. Во главе городов стояли выборные приоры вместе с советом старейшин и епископом. Приорат был выборным достоинством на определенное число лет.* Приор Зары чаще всего был военным правителем Далмации и носил достоинство византийского протоспафария. Точно так же хорватская королевская династия находилась в ближайших с ним родственных связях.** Бесспорное преобладание Венеции по берегам Адриатического моря продолжается до самого конца XI в., когда в 1091 г. последовало угорское вторжение при короле Ладиславе. Далматинские города считали невозможным, чтобы норманны утвердились по обеим сторонам Адриатики. В феврале 1076 г. города Сплет, Трогир, Зара и Белград обязались «перед своим господином, дожем Венеции и Далмации, отвечать как за государственное преступление за всякие сношения с норманнами или другими иноземцами».

Длинный ряд договоров венецианской республики с Византийской империей,*** изданный в 3-х томах с ученым комментарием, вскрывает интимную историю Венеции и знакомит с обширными сношениями этого торгового государства, которое везде и во всем на первом месте ставило реальную пользу и свои собственные интересы и не встречало затруднения оказывать помощь арабам против христиан и устранять с дороги убийством или ядом неугодное ему историческое лицо. Византийские императоры издавали запрещения и угрозы против тех, кто ввозит оружие и всякие военные материалы в землю сарацин под страхом отнятия или уничтожения судов, но в конце концов цель не достигалась, и Венеция с течением времени все больше захватывала военное и финансовое влияние в империи и становилась для нее необходимым союзником.

По поводу знаменитых дарственных грамот, данных императором Алексеем I и повторенных его преемниками, обеспечивавших за Венецией гро-

* В одной грамоте читается: Dragas Iaderensis prior, in quinto anno tercii me prioratus.

** Подробности у Lenel (Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria. Strassburg, 1897).

*** Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom 9. bis zum Ausgang des 15 Jahr, I—III. = Fontes rerum austriacarum, 2-e sect., vol. 12—14. Vienne, 1856—1857.

мадные политические и торговые привилегии в империи,* в последнее время высказаны некоторые положения, которые изменяют общепринятую доселе в приложении к ним точку зрения. Именно, обращено внимание на то обстоятельство, что форма более ранних грамот отличается от позднейших привилегий 1187 и 1198 гг. в том отношении, что в этих последних обозначены и венецианские обязательства, между тем как в грамотах Мануила 1147 и 1148 гг., в которые включены и грамоты двух первых царей Комнинов Алексея и Иоанна, дарованные Венеции преимущества рассматриваются просто как знак царской милости, а об обязательствах венецианских говорится лишь в общих чертах. Вопрос заключается в выяснении следующей проблемы. Если речь о взаимных обязательствах Венеции по отношению к империи выступает в актах конца XII в., то может ли это рассматриваться как достаточное основание для заключения, что в более ранних грамотах не были точно формулированы эти обязательства. По мнению немецкого ученого Неймана,** можно найти указания в грамоте царя Иоанна 1126 г., что привилегии давались за определенные обязательства, которые Венеция принимала на себя по определенному договору, заключенному с империей ее послами. Принимая во внимание разнообразные и сложные формы, наблюдаемые при заключении договоров между двумя государствами, мы должны допустить, что в истории греко-венецианских отношений мы не имеем в полноте всех актов и что отношения Венеции к империи и обратно не могут быть правильно оценены на основании напечатанных Тафелем и Томасом актов.

Чтобы отразить опасность, угрожавшую империи от Роберта Гвискара, Алексей I, в особенности по причине недостатка морских сил, должен был искать союзников. Он послал в Венецию послов с дарами и вызвал ответное посольство, которое с большим успехом использовало, правда, исключительно тревожное состояние империи и правительства. Можно даже думать, что интересы Венеции вполне совпадали с предложениями царя Алексея,*** ибо появление новой политической силы на романо-славянской стороне Адриатического моря наносило сильный ущерб торговле Венеции.

До какой степени Венеция была чутка к вопросу об удержании своего влияния на далматинском побережье, видно из мер, принятых в 1075 г. дожем Доминико Сельво, когда он, прогнав норманнов из Далмации,

* Напечатаны в Fontes rerum austriacarum, 12: Tafel und Thomas. Urkunde zur älteren Handels und Staatsgesch. der Rep. Venedig....

** C. Neumann. Zur Geschichte der byzantinisch-venezianischen Beziehungen., Byzantinische-Zeitschrift I (1892), S. 370: «die Urkunden über venezianische Verpflichtungen für die ältere Zeit nur eben fehlen, dass das auf uns gekommene Urkundenmaterial unvollständig ist».

*** W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, édition française, I (Leipzig, 1885), p. 116 suiv.

принял присягу от главных городов в том, что они никогда не будут сноситься ни с норманнами, ни с другими врагами республики. Что между далматинцами было тяготение к норманнам, видно из того, что Рагуза в 1081 г. послала на помощь норманнам часть своих кораблей. Отсюда легко понять, что соглашение, о котором предстоит нам говорить, отвечало и византийским и венецианским интересам. Таким образом флот республики оказался в июле 1081 г. в Драче, составлявшем опорный пункт империи в западных морях. Венецианцы, высадившись под Драчем, осадили его с суши и с моря, начав осаду с 17 июня. Известно, что норманны потерпели поражение под Драчем и потеряли свой флот. Но зато союзник Венеции, царь Алексей I, под тем же Драчем проиграл битву с норманнами. Городской кремль остался однако в руках царского военачальника, носившего звание комита двора (comescortis), хотя кремль скоро сдался норманнам вследствие измены одного венецианца. После морской победы над норманнами царь отблагодарил дожа особенным посольством и подарками.

В связи с этими обстоятельствами нужно объяснить появление золотой буллы, утверждавшей за венецианцами большие торговые и политические преимущества в империи. Так как эта булла помечена маем 1082 г., то весьма легко рассматривать ее как результат переговоров, имевших место в прошедшем году и приведших к военному союзу между империей и Венецианской республикой.* Не останавливаясь на пышных титулах, пожалованных дожу и патриарху, мы должны привести здесь самые существенные черты из этого любопытного документа. «Самая главная сторона этого акта, — говорит Гейд, — заключается в привилегии в пользу венецианских купцов беспошлинной купли и продажи на всем протяжении империи, причем таможенным и финансовым чинам было запрещено досматривать их товары и брать с них пошлину. Эта привилегия сразу дала венецианским купцам исключительное положение и поставила их вне конкуренции с другими купцами, торговавшими в империи. Им были открыты бесчисленные морские стоянки, где они могли бесплатно приставать и складывать свои товары, равно как громадные территории, по которым они свободно могли ходить, не платя ни за ввоз, ни за вывоз, ни при продаже, ни при покупке». В хрисовуле специально упомянуто, что помощь венецианцев при Драче была главным основанием для наделения их торговыми привилегиями. Привилегии были широки и разнообразны. В пользу венецианских церквей 20 ливров, дожу титул протосеваста с причитающимся этому званию денежным вознаграждением, патриарху титул ипертима с жалованьем в 15 ливров. В пользу церкви св. Марка в Венеции установлен налог со

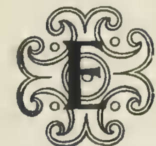
* Tafel und Thomas, I, № 50, ср. № 71. Подлинник не сохранился, но булла повторена Мануилом и потом Исааком Ангелом в 1148 и 1187 гг.

всех амальфитанцев, живущих в империи и занимающихся торговлей и ремеслами, по три пошлины с каждого. В столице пожалован в пользу венецианских граждан, проживающих с торговыми целями, большой квартал и три морские пристани между иудейскими воротами и Виглой на мысе, вдающемся в Босфор близ моста.* Но в особенности были широки привилегии для торговли по империи купцам. Здесь в первый раз мы знакомимся с дальновидными промышленниками и предпринимателями, которые с неослабной энергией направляют свои планы на восточные рынки и постепенно лишают Византию собственных рынков и громадных таможенных пошлин, которые прежде шли на удовлетворение ее жизненных потребностей. Это был громадной важности исторический факт, служивший прологом к полной перемене внутреннего строя Византии, вызванной громадным наплывом в Константинополь и большие приморские города итальянцев и других иностранцев. Перечень мест и городов начинается с восточной границы. Венецианцам дается право доступа в Лаодикею и Антиохию, Мопсуестию, Тарс, Атталию, Хиос, Эфес. Затем в Европе Драч, Бондица с островом Корфу, Модон и Корон, Навплия, Коринф, Фивы, Афины, Негропонт, Димитриада, Солунь, Хрисополь (при устьях Стримона), Абидос, Адрианополь, Ираклия, Силиврия и, наконец, самый Константинополь. Во всех упомянутых местах, продолжает хрисовул, венецианцы имеют право торговать свободно, не внося никаких пошлин и не делая никаких взносов в казну за ввозимые и вывозимые товары, будучи свободны от власти морского эпарха, от логофета казны, коммеркиариев, хартулариев, счетчиков и всех чинов, ведающих сборами пошлин, ибо им предоставлена беспошлинная торговля всяческим видом товаров. Если же какой чин нарушит изложенные в хрисовуле вольности венецианцев, подвергается штрафу в пользу приказа двора (τῶν οἰκειακῶν) в 10 ливров и платит вчетверо против той суммы, на какую по его вине потерпели ущерб венецианские купцы.

* Alex. van Millingen. Byzantine Constantinople. The walls of the city and adjoining historical sites. Londres, 1899, pp. 216—217.

Глава VI

ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ



сть некоторая возможность ознакомиться с мировоззрением и умственными течениями в обществе на основании учено-литературных фактов. Во второй половине XI в. наиболее популярными именами среди константинопольских мыслителей и ученых были философы Михаил Пселл и Иоанн Итал. Первый был вместе с тем и государственным деятелем, но оба одинаково пользовались большим влиянием в обществе, имели много учеников и оставили после себя сочинения, имеющие первостепенное значение в истории византинизма. Чтобы ввести читателя в существо дела, обращаемся к судебному процессу, производившемуся в духовном и светском суде. В начале 1082 г. только что вступившему на престол царю Алексею Комнину подан был донос, в котором излагались тяжелые обвинения против ученого, не только пользовавшегося известностью в столице, но и занимавшего важный пост ипата философов, который давался ученым первой величины. Говорилось в донесении, что знаменитый профессор внушает своим слушателям превратные теории и еретические мнения, осужденные св. церковью и противные священному писанию, что не чтит св. икон, не признает пресвятую деву Марию богородицей и что нанес оскорбление иконе Христа. Императору нельзя было колебаться в своем решении по отношению к этому делу, так как в городе действительно ходили слухи о вредном направлении преподавания философа Иоанна. Отдав распоряжение произвести дознание по поводу полученного донесения, царь назначил смешанный из светских и духовных членов суд, а потом все делопроизводство было препровождено к патриарху для окон-

чательного постановления решения. Здесь получился обильный материал, добытый следствием, на основании которого можно составить полное представление об этом деле.* В деле Итала обращает на себя внимание не только то, что церковь осудила его учение и подвергла его отлучению, заключив его самого в монастырь, — в этом эпизоде вскрывается любопытная страничка из истории просвещения и вместе с тем вопрос о высшей и средней школе в Константинополе. Поэтому оно заслуживает здесь подробного рассмотрения.

Прежде всего судебное дело выдвигает главную вину Итала в 11 положениях, в которых главное внимание сосредоточено на философских положениях, совершенно поглощающих противоцерковный богословский элемент. Именно, церковному суду подверглись и обвинены им как неправые следующие мнения: о переселении душ, о платоновских идеях как реальных сущностях, наконец, о создании мира из предвечной материи. Из этого можно видеть, что Иоанн Итал не был собственно богословом и не может быть рассматриваем как виновник особого еретического учения. Он был мыслителем и подвергся церковному осуждению за то, что не согласовал свою философскую систему с церковным учением. Итак, на Итала следует смотреть как на выразителя философской мысли в конце XI в. и с этой точки зрения отнестись к его учению.

Не лишено значения то обстоятельство, что византийский философ носит прозвание Итала. Он действительно не грек по происхождению и никогда не владел в совершенстве греческим языком. И первоначальное воспитание его относится к тому времени, когда он жил в Сицилии и Ломбардии, и когда он состоял уже на службе в Константинополе, не прерывал сношений с своими соотечественниками. Крупной известностью в столице был тогда Михаил Пселл, у которого Итал слушал уроки и влияние которого должно было отразиться на ученике. Но отношения ученика к учителю не были дружественны. Хотя свидетельство Анны Комнины ** не может считаться вполне беспристрастным, но то обстоятельство, что Итала не удовлетворяли уроки Пселла, не может быть отрицаемо. «Учителей он не выносил и не терпел ученья, полный же дерзости и варварского нахальства, он считал себя выше всех и без науки и поспорил с самим Пселлом на первых же уроках». При царях Дуках Иоанн Итал занял высокое положение и получил известность, и когда Пселл постригся в монахи, занял его место в высшей школе, получив титул ипата философов. Следует полагать, что Итал в решении некоторых философских во-

* Подробности в моих сочинениях: Очерки по истории византийской образованности СПб., 1892, стр. 150 и след.; Синодик в неделю православия. Записки Новоросс. унив., т. 59; Делопроизводство по обвинению И. Итала в ереси. Известия Русск. арх. инст. в Константинополе, т. II.

** Alexias, V, 8

просов отдавал предпочтение мнениям древних эллинских или языческих писателей, с которыми в резком противоречии находилось церковное учение. Легко понять, что его взгляд не мог быть одобрен в то время, когда свобода философского мышления была ограничена высшим авторитетом священного писания и святоотеческих творений. Пселл в этом смысле был консервативней и держался в подчинении церковному учению. Итал объяснял в своей школе Платона и Прокла, Порфирия и Ямвлиха, в особенности же Аристотеля и его Органон. «Не мог он, — свидетельствует Анна Комнина, — принести большой пользы учащимся, так как тому препятствовали его вспышки и нескладный характер. Многих из них [учащихся, — *Ред.*] я потом часто видывала во дворце. Ни одной науки не знали они в точности, выдавали же себя за диалектиков беспорядочными движениями и странными кривляниями. Не владея реальными знаниями, они находили себе защиту в идеях да в смутных теориях о переселении душ». Другое свидетельство позднейшего писателя об Итале приписывает ему притязание создать себе известность на аристотелевской риторике, и этим объясняется его популярность между учениками.* Казалось бы несколько странным, что преподавательская деятельность Итала, состоявшая в толковании логики Аристотеля и его комментаторов, могла иметь последствием догматические уклонения. Но мы должны вспомнить, что в средние века, в период господства схоластики, философия тесно примыкала к богословию; философу невозможно было удержаться на середине метафизического мышления и не вдаться в область христианской догматики.** И действительно, все философы необходимо приходили к постановке и решению богословских вопросов. Сама публика требовала от учителя философии мнения по поводу волновавших общество догматических вопросов, имевших общий интерес. Такой универсальный характер тогдашней философии весьма хорошо виден в лекциях Михаила Пселла, занимающегося и риторикой, и богословием, и естественными науками, и даже правом.*** Отсюда понятно, как трудно было удержаться философу на золотой середине и не возбудить против себя подозрений в неправославии.

Читатель легко поймет, что, встретившись с двумя крупными в византийской философской литературе именами, мы не можем пройти мимо них, не попытавшись выяснить их значение, тем более, что в философских теориях Пселла и Итала есть точка соприкосновения с современным им умственным движением в Западной Европе. Весьма любопытно при этом отметить, что точкой отправления в наших дальнейших заключениях

* Известие Никиты Акомината, см.: Tafel. Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum, sec. XI—XII. 1832.

** Очерки по истории византийской образованности, стр. 159.

*** П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл, ч. I. М., 1890, стр. 133.

служит по превосходству, можно сказать, византийско-церковный акт, — это известный Синодик в неделю православия, в котором подвергаются отлучению 11 положений, заимствованных из сочинений Итала.

Мы привели выше основные положения, заимствованные из Синодика, из которых с полной ясностью вытекает, что основание неправых, с церковной точки зрения, мнений лежало в увлечении эллинской наукой и преклонении пред языческими мудрецами. Вопрос сводится в сущности к философскому направлению, представителями которого были Пселл и Иоанн Итал. Хотя окончательного суждения нельзя здесь высказать, так как большинство философских трактатов того и другого писателя, а в особенности последнего из них, находится еще в рукописях, тем не менее на основании тех отрывков, которые были изданы в последнее время,* можно заключить, что они занимают свое определенное место в схоластической философии средних веков. Достаточно сказать, что он уделяет обширное место учению о родах и видах. Остается несколько сомнений по отношению к тому, признать ли Итала последователем Аристотеля или Платона. В своих «Очерках» мы высказывались за то, что в Синодике остались следы борьбы платонизма и аристотелизма, что церковь усвоила себе аристотелевское направление и с конца XI в. поражала анафемой тех, кто придерживался Платона. Но на это было замечено ученым рецензентом, что если в сочинениях Итала и оказывается некоторое влияние Платона, все же ввиду преобладающего влияния Аристотеля мы не имеем достаточного основания называть Итала платоником. Важней в занимающем нас вопросе сравнение философского мышления на Западе и в Византии. Решение этого весьма тонкого вопроса не подготовлено еще в такой степени, чтобы можно было отнестись к нему без оговорок. Единственный ученый, судивший на основании личного знакомства о рукописи, в которой находится главное философское сочинение Итала, выразился о нем в том смысле, что оно влияло на средневековую западную науку.** Но как это доказать и в какой степени следует допускать взаимодействие между Западом и Востоком на почве философского мышления, — это составляет еще задачу будущего. Нужно признать, что византинизм в некоторых отношениях значительно принижен, но есть и почитатели его, в сочинениях которых ему придано неподобающее высокое умственное значение. Увеличением, между прочим, следует назвать и часто повторяющееся на веру утверждение о громадном и всестороннем влиянии эллинских ученых на

* В моей статье «Синодик в неделю православия» (Записки Новоросс. унив., т. 59) и в рецензии П. В. Безобразова (Визант. Врем., т. III, стр. 126 и след.).

** Мы говорим здесь о сочинении Prantl «Geschichte der Logik» (II, 2-a Aufl., 1885, S. 301—302). Рукописи Пселла и Итала хранятся в Мюнхене, cod. Graecus, 548, и в Вене, Cod. philos.-philol., 203.

начальных деятелей итальянского Возрождения. Это влияние нужно вообще принимать в очень ограниченном и условном смысле * и не рассматривать вопрос о Возрождении исключительно с точки зрения знакомства ранних гуманистов с греческими рукописями и языком. Для конца XI в. такое же подверженное ограничениям и весьма невыясненное положение занимает вопрос о логике Пселла. По мнению Прантля, аристотелевская логика в переделке Пселла имела продолжительное господство в западной школе, так как легла в основание всех школьных руководств. Принимая в соображение, что парижская рукопись Петра Испанского, умершего в 1277 г., представляет такие черты сходства с логикой Пселла в рукописи XIV в., что заимствование одного сочинения из другого не может быть оспариваемо, — одно сочинение несомненно послужило оригиналом другому. Но за греческим или за латинским списком логики признать оригинал — по этому поводу выставляются мнения и за Пселла и за Петра Испанца. Против Прантля вел полемику в разных французских журналах ученый Тюро,** который своими доводами убедил известного автора истории философии Ибервега и, повидимому, перенес центр тяжести в полемике на сторону оригинальности латинского трактата. В этом же смысле стал на сторону противников оригинальности логики Пселла и русский ученый П. В. Безобразов, подтвердивший свои заключения рукописными наблюдениями.*** Чтобы окончательно решить вопрос об отношении Пселла к Петру Испанскому, нужно, говорит П. В. Безобразов, предпринять кропотливую работу сличения логики Пселла с сочинениями, несомненно ему принадлежащими, и с другими византийскими трактатами по логике, какой никто еще не предпринимал.

Таким образом, в настоящее время нужно пока отказаться от той мысли, которая руководила и моими заключениями, изложенными более 20 лет назад,**** насчет влияния византийской науки на Запад через посредство логики Пселла. Хотя при Дуках и Комнинах несомненно был умственный и художественный подъем, но живым творческим духом не обладал и век Комнинов, между тем как на Западе организующая просветительная и эмансипационная работа шла своим путем независимо от Византии.

Начальные годы царствования Алексея Комнина дают драгоценный материал для суждения об экономическом и финансовом положении государства. Вынужденный прекращением всяческих доходов из Малой Азии, вследствие распространения власти турок-сельджуков, и всеми вредными

* М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм. М., 1892, стр. 763, 998.

** Thurot. De la Logique de Pierre d'Espagne (Revue archéologique, Nouvelle série Juillet à Décembre 1864; Revue critique, 1867, t. 1).

*** Визант. Врем., III, стр. 142–143.

**** Очерки по истории византийской образованности, стр. 168 и след.

последствиями норманнского нашествия на Балканский полуостров, царь Алексей решил прибегнуть к крайним мерам для изыскания денежных средств. Он коснулся священных сокровищ в богатых церквах и употребил их на государственные нужды. Но это произвело дурное впечатление на общественное мнение в столице, о котором говорит Анна Комнина.* Он только в крайней необходимости, во время тяжких народных бедствий и при оскудении государственной казны, обращался к такому средству и считал это займом, а не грабежом или насилием. У него было намерение по окончании предстоявших войн возвратить церквам взятое у них украшение. Чтобы положить конец обвинениям в святотатстве, царь решил подвергнуть этот вопрос рассмотрению на церковном соборе и сам выступил защитником сделанного им распоряжения о позаимствовании из церковных средств. «Нашедши царство со всех сторон окруженным варварами и не имея ничего достаточного для своей защиты от приближающихся врагов, . . без денег и оружия в кладовых, я употребил взятое у церквей на необходимые расходы, как поступал в свое время Перикл и как царь Давид, находясь в крайней нужде, вкусил со своими воинами от священного хлеба». После того императору снова пришлось приносить покаяние за присвоение церковных имуществ и употребление их на государственные цели в новелле 1088 г. и дать обещание возвратить церкви ее достояние, как скоро утихнет буря варварского нашествия. Но обстоятельства не складывались так благоприятно, чтобы произвести желаемую расплату из государственного казначейства, и вопрос, насколько можно судить, так и остался не решенным.

Нет сомнения, что только крайняя нужда побудила царя Алексея к рискованной для того времени финансовой мере. Исключительная материальная скудость государственного казначейства и бедность империи во второй половине XI в. хорошо выясняется из истории тогдашней стоимости денежных знаков. Чтобы легче ориентироваться в нижеследующих объяснениях, напомним, что господствовавшей денежной единицей был золотой империал, называемый номисмой и иперпиром (перпер). Из фунта золота чеканилось 72 номисмы, каждая весом 4.55 г, т. е. стоимостью на наш счет от 4 до 5 руб. Разменной монетой был серебряный милиарисий или 1/1000 золотого фунта, стоивший от 30 до 35 коп., в каждой номисме полагалось 12 милиарисиев. Более мелкая монета была кератий или коккий, коих полагалось 24 на номисму и цена коего была несколько больше 15 коп. Наконец, обращалась медная монета фолл (пула), равняющаяся 2 коп. С этой ходячей монетой византийское правительство во все времена производило противозаконные операции, обесценивая чеканку и давая монете принудительный курс. Так как

* Alexias, VI; русск. перев., стр. 262.

взимание налогов и податей отдавалось частным предпринимателям и притом с публичных торгов, то сборщики податей, в желании наживы, позволяли себе всяческие злоупотребления, часть которых хорошо покрывалась монетной системой. Кроме того, византийская податная и финансовая система допускала в этом отношении различные добавочные и дополнительные статьи, обусловленные довольно трудными вычислениями, при производстве которых также допускаемы были злоупотребления. Так, еще Лев Исавр ввел дополнительный сбор в 2 кератия на номисму по случаю возобновления стен. Стены давно уже были поправлены, а сбор продолжался и в занимающее нас время. Таков же был добавочный сбор в шесть фолл на номисму. Наконец, были еще добавочные пошлины разных наименований: обычная (συνήθεια) и погонная (ἐλατικόν), увеличивающие сбор на каждую номисму капитального обложения по крайней мере в 50 коп.

Царь Алексей, ввиду трудных экономических условий, не только не улучшил способа податного обложения — напротив, допустил новые ухудшения, легшие тяжелым бременем на население. Именно ему посылается следующий упрек: «нашедши номисму испорченною его предшественниками, он стал ее выделывать из меди и употреблять такую монету для расплаты по казенным покупкам, между тем как поступления в казну обязательно взимались полновесной золотой монетой».*

Пущенный в обращение сплав, долженствовавший иметь принудительный курс номисмы или 12 милиарисий, на самом деле стоил лишь 4 милиарисия, т. е. в три раза был ниже настоящей номисмы. Мы не можем допустить, чтобы правительство совершенно не принимало к уплате своей низкопробной монеты, но все ведет к мысли, что принудительный курс плохой монеты оплачивался именно теми, кто имел дело с казенными учреждениями. Есть весьма любопытный финансовый памятник, относящийся ко времени Алексея Комнина, в котором наглядно, в таблицах, представлена господствовавшая система взимания налогов и податей.** Прежде чем представить картину того, каким тяжелым бременем был принудительный курс, приведем образец самой обычной раскладки. Если принять за норму податной итог в 100 номисм, какой требовался с той или другой сельской общины, то при фактической уплате сборщику указанный податной налог выражался в следующей величине. На 100 номисм следовало добавочных статей: дикерата 100 милиарисий или 8 и $^{1}/_{3}$ ном., эксафолла (6 фолл) 25 милиарисий или 2 и $^{1}/_{12}$ номисмы, так называемого обычного 3 номисмы и погонного 1 номисму. Всего вместо

* Iohannis Zonarae. Ed. Dind., IV p. 240.

** Zachariae v. Lingenthal. Jus graeco-romanum, III, p. 385, Rationarium antiquam et novum. О нем: В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства.

100 номисм с плательщиков собиралось 114 слишком номисм, т. е. увеличение было на 14%. Но если принять в расчет не такой большой итог, как 100 номисм, а меньшую сумму, например, 1 номисму, то подлежащая уплате сумма со всеми надбавочными статьями увеличивалась почти вдвое ($1^5/_6$ номисмы).

Еще хуже стояло дело при сборе податей новой монетой, введенной в обращение царем Алексеем. Повидимому, в одно и то же время практиковались две системы в разных частях империи. Во Фракии и Македонии собирали по старому образцу, с надбавкой 14% накладных. Но на 1090 г. некто Димитрий Каматир подрядился собрать с этих фем вдвое более против обычного. На следующий год взял подряд на сбор подати Никифор Артавазд. В памятной книжке этого сборщика оказалась заметка, что при сборе податей господствовал большой произвол: в одних селениях вместо милиарисия взыскивалась номисма, в других номисма бралась за два милиарисия, а в иных за три или четыре. Неравномерность бросалась в глаза в особенности тогда, когда подать взыскивалась с крупных землевладельцев и с монастырей, ибо в этом случае номисма рассчитывалась на 12 милиарисий. Это значило, что с мелких крестьянских угодий подать бралась в несколько раз выше, чем с больших земельных участков. Вследствие доклада, поступившего от упомянутого выше Артавазда, царь сделал новое разъяснение закона о податях, причем разрешил принимать в уплату и низкопробную монету, но с большим учетом курса. Именно, все мелкие доли, из которых, конечно, и составлялись взносы с крестьянских участков, позволялось вносить медной разменной монетой ($^1/_{48}$, $^1/_{32}$, $^1/_{16}$ и прочие доли номисмы) с таким условием, чтобы, когда получится сумма в 4 милиарисия, то она должна зачитываться за 1 номисму нового чекана. Для казны и для плательщика теперь каждые 12 милиарисий стоили уже не 1 номисму, а 3. Но тягость плательщика легко себе представить, если вспомнить о добавочных статьях, считавшихся на каждую номисму. Теперь эти добавочные статьи увеличивались гораздо быстрей и были втрое больше, чем при прежней системе. Положим, — приводим рассуждение В. Г. Васильевского, — что с известного плательщика следовало взыскать полторы номисмы. За одну целую номисму с него совершенно законно брали 4 милиарисия, т. е. новой монетой царя Алексея; но половину номисмы считали по прежней системе в 6 милиарисий и, перелагая эту сумму на новый счет, считали их за 1 номисму и 2 милиарисия. И получалась странная система: полномисмы обходились плательщику в полтора раза дороже, чем целая номисма. Хотя в 1094 г. царь сделал новое разъяснение и приписывал злой воле сборщиков податей оказавшееся недоразумение, тем не менее поводы к несправедливой раскладке этим не были устранены. Совершенно основательно указывали правительству, что несправедливо платить за

новую номисму, которая втрое дешевле прежней, те же 30 фоллов дополнительного обложения, какое прежде распределялось на 12 милиарисий или золотую номисму. По новому царскому указу положено было взыскивать с номисмы 15 фоллов накладных статей (дикерат, обычное, погонное и др.). В особенности эти накладные статьи обременяли отсрочки и недоимки в платежах, причем милиарисии обращались в номисмы, и каждая номисма вновь рождала из себя милиарисии. Нужно считаться с этим положением вещей, когда мы будем свидетелями того, как подданные византийского царя добровольно переходят в иностранное подданство.

Глава VII

О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

рестовые походы имеют не только общеисторический интерес как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории. По своим мотивам, а равно по ближайшим последствиям, в особенности же по разнообразным и глубоким влияниям на взаимные отношения Востока к Западу, крестовые походы не лишены специального значения для истории восточноевропейских народов. Составляя весьма важный отдел в западноевропейской истории, крестовые походы обильны внешними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой ценой, но могущественно повлияли на духовное развитие европейских народов. Западные народы вложили в крестовые походы много своих сил и материальных и духовных, потому нет ничего удивительного, что национальная история французов, немцев, итальянцев и англичан не может не уделять значительного места изложению истории крестовых походов.

Для восточноевропейской — в частности для русской — истории крестовые походы представляют интерес с другой точки зрения, именно по соображению мотивов и результатов крестовых походов. Религиозная и национальная вражда к мусульманству, одушевлявшая первых крестоносцев и поддерживавшая их в перенесении громадных лишений и потерь, скоро уступила место другим побуждениям, которые однако оказались нисколько не слабее первых и продолжали увлекать на Восток новые и новые западные ополчения. Когда первоначальная цель крестоносного движения перестала быть руководящим мотивом, выдвинулись на первое место политические соображения. Не об Иерусалиме и не об освобождении

Гроба Господня из рук неверных стали помышлять вожди крестоносцев, а об основании независимых княжений на Востоке, о завоевании Византии, наконец, о торговых преимуществах в областях византийских и мусульманских.

Ближайшие обстоятельства, вызвавшие крестовые походы, остаются до сих пор не вполне ясными. Сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию римской церкви, глубокое влияние духовенства, подвинувшего западные народы к исполнению воли римского первосвященника, тяжкое экономическое и социальное положение народных масс, привычка к войне и жажда приключений — вот причины, которыми объясняют начало крестовых походов. Решительным и последним побуждением было обращение царя Алексея I Комнина к папе Урбану II в 1094 г. с просьбой о помощи против турок-сельджуков. Все эти мотивы, конечно, имели значение при возбуждении Первого крестового похода, но ни все вместе, ни каждый в отдельности они недостаточно объясняют принятое крестовыми походами направление и на первых же порах обнаружившиеся недоразумения между крестоносными вождями и византийским правительством. В русской исторической литературе с особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоят в тесной внутренней связи с тогдашним состоянием Византийской империи и что принятое ими направление может быть выяснено из рассмотрения политических условий, в каких находилась тогда Византия.

Само собой разумеется, здесь подразумеваются отношения Византии к мусульманскому миру. К VIII в. мусульмане овладели Азией и Африкой и утвердились на островах Средиземного моря и в некоторых областях Западной Европы. В 717 г. они осадили Константинополь с суши и с моря, семь раз делали приступ на столицу восточного христианского мира. Но царь Лев Исавр успел соединить против магометан большие морские и сухопутные силы и нанес им сильное поражение под Константинополем; это была первая победа христиан, надолго приостановившая победоносный напор мусульманского мира и спасшая от порабощения им Переднюю Малую Азию. Скоро затем (в 732 г.) магометане потерпели большое поражение от Карла Мартела, заставившее их надолго отказаться от попыток новых завоеваний и в Западной Европе. Несмотря на частные успехи магометан на островах Средиземного моря (Крит и Сицилия), несмотря на опустошения, производимые ими в Италии и южной Франции, в общем в IX и X вв. они уже не были так страшны и победоносны, как ранее. Это частию объясняется внутренними явлениями, наблюдаемыми в самом мусульманском мире. Когда ослабел первый религиозный пыл, в магометанской среде начались распри, выразившиеся в политическом дроблении халифата и в религиозном сектаторстве. Мало по малу образовалось три халифата: Багдадский, Египетский, или Фатимидский, и Испанский, или

Омайядский. Багдадский халифат разделился к X в. на множество отдельных княжений; пользуясь его раздроблением, византийские императоры Никифор Фока и Иоанн Цимисхий отняли у него часть Сирии с городом Антиохией и острова Крит и Кипр. Египетский халифат действовал отдельно от других и направил свои силы против Сицилии и южной Франции. Что касается испанских арабов, то они также заняты были внутренними войнами и борьбой с вест-готами. Магометанство вновь становится опасным для христиан в XI в., и притом как на Востоке, так и на Западе. На Востоке магометане приобрели новых прозелитов в лице туркменов, живших около Каспийского и Аральского морей. Туркмены,* получившие потом имя турок-сельджуков, вторглись в области Багдадского халифата, подчинили себе мелких властителей Ирана и Месопотамии и начали принимать деятельное участие в делах самого халифата, занимая место приближенных советников и администраторов халифа и составляя его военную стражу. Скоро турки-сельджуки перенесли на себя весь интерес истории магометанского мира. Они завоевали почти всю Малую Азию, образовав могущественный султанат со столицей сперва в Никее, потом в Иконии и угрожая самому Константинополю. Один из крупных эпизодов этой эпохи сосредоточивается на событиях 1071 г., когда султан Алп-Арслан одержал блестящую победу над византийскими войсками при Манцикерте, в Армении, взяв в плен царя Романа Диогена. Это поражение имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свободный путь к Мраморному морю и Босфору, они могли без особенных затруднений осадить Константинополь. Как бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тот план действий, который впоследствии осуществлен был османскими турками, мог быть испробован и теперь. Что туркам-сельджукам была не чужда мысль о завоевании Константинополя, это доказывается нижеследующими фактами.

Говоря о состоянии мусульманского мира накануне крестовых походов, нельзя оставлять без внимания европейских сородичей сельджуков, хорошо известных из русской летописи половцев и печенегов, которые в конце XI в. распространились по южной России и, переходя через Дунай, не раз тревожили Византийскую империю. Не далее, как летом 1088 г., печенеги нанесли Алексею Комнину страшное поражение при Дерстре (Силистрия), захватили в плен много знатных византийцев и самого императора заставили искать спасения в постыдном бегстве. Богатая добыча, доставшаяся печенегам, пробудила алчную зависть в их союзниках — половцах, которые пришли к ним на помощь. Откупившись золотом от хищных соседей

* Собственно, одна из туркменских (или огузских) орд, возглавляемая династией Сельджукидов, потомков Сельджука (*Ред.*).

и подданных (печенеги были уже приняты на византийскую землю), Алексей, однако, не мог быть спокоен и за ближайшее будущее, пока печенеги без страха переходили Балканы и нападали на византийские города Адрианополь и Филиппополь, доходя даже до стен столицы. На этот раз опасение усиливалось еще и потому, что половцы, не получив себе части из византийской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отмстить печенегам. Правда, половцы в этом отношении могли оказать услугу Византии, но чего было ожидать потом от такого рода слуг и союзников?

В зиму 1089—1090 гг. печенеги расположились в Адрианопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набеги в самом сердце империи. Император занимался обучением войска для предстоящего похода и набором новых отрядов. Лето (1090 г.) принесло с собой новые затруднения. Турецкий пират Чаха́, воспитанный в Константинополе и хорошо знакомый с положением дел, снарядил собственный флот и составил план действий против империи с моря, когда печенеги будут развлекать ее силы с сухого пути. Все лето император провел в походе против печенегов. Чтобы судить об опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военные действия сосредоточивались около Цурула (ныне Чорлу), т. е. в расстоянии одного дневного перехода от столицы. С наступлением осени война прекращалась, но печенеги не думали возвращаться в свои кочевья, а расположились тут же, почти в виду Константинополя. Зима 1090—1091 гг. прошла в постоянных схватках, которые, впрочем, не имели решительного значения ни для той, ни для другой стороны. Столица была заперта, из нее не выпускали жителей, потому что за стенами города рыскали печенежские наездники. В трудных обстоятельствах, какие могла помнить Византия из предшествовавшей истории, ее спасала возможность морских сношений. Но теперь Чаха́ замышлял отрезать от Константинополя и море. Располагая значительным числом кораблей, он сделался полновластным господином Босфора и Мраморного моря. Стало известным, что его послы переговариваются с предводителями печенежской орды и условливаются об общем плане действий. Вообще положение империи в 1091 г. представляется в высшей степени беспомощным. Едва ли ранее угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Император, — говорит Анна Комнина, — видя, что и с моря, и с суши наше положение весьма бедственно, . . . посланиями, отправленными в разные стороны, спешил собрать наемное ополчение. Некоторые из этих грамот назначены были в половецкие вежи, другие — к русским князьям; без сомнения, были послания и на Запад, в особенности к друзьям, которые уже доказали раз свое расположение к императору, каким был Роберт, граф Фландрский, приславший Алексею вспомогательный отряд.

Воззвание Алексея Комнина должно было произвести сильное движение на Западе. Не без причины, конечно, Первый крестовый поход составился по преимуществу из владетельных князей и рыцарей Франции. Роберт Фриз был авторитетным глашатаем Первого похода именно в среде высших классов; притом и послание императора Алексея совершенно ясно и определенно ставило вопрос о цели похода, т. е. именно так, что могло возбудить самые заманчивые надежды феодальных рыцарей: берите империю и Константинополь, богатств найдете вы много; пусть все будет ваше, лишь бы не доставалось печенегам и туркам. Но не только в области дипломатической замечается склонность безусловно отдать себя в распоряжение латинствующего Запада: в послании заведена была речь о церковном разделении Запада и Востока, о мерах к соединению двух церквей. Вообще же обращение Византийской империи к латинскому Западу за помощью всегда знаменовало крайний упадок нравственных сил в Константинополе и было выражением самого беспомощного состояния. Положение Алексея Комнина в зиму 1090—1091 г. может быть сравниваемо разве с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних сношений. В октябре 1093 г. умер Роберт Фриз, чем несколько замедлился ход начавшегося в рыцарстве движения. В латинских летописях того времени сохранились некоторые указания, что уже в 1092 г. были речи о крестовом походе, было движение умов в этом направлении.

Пока на Западе происходили переговоры и составлялись соображения, скорому осуществлению которых помешала смерть Роберта Фриза, — император Алексей Комнин не только успел пережить мучительные минуты отчаяния, внушившие ему малодушное послание, но и устранить опасность, которая угрожала его империи. На весну 1091 г. Чаха́ приготовлял высадку в Галлиполи, сюда же потянулась печенежская орда. Но его отвлекли от своевременного прибытия к месту сбора греческие морские силы, а потом он был убит никейским султаном. 40 тысяч половцев под предводительством Тугоркана и Боняка и отряд русского князя Василька Ростиславича содействовали тому, что печенеги были уничтожены 29 апреля 1091 г. Половецкие предводители Тугоркан и Боняк оказали громадную услугу Византии. Печенежская орда была ими уничтожена, остатки ее не могли уже возбуждать опасений, напротив, в качестве легких разведочных отрядов они с пользою служили в византийском войске. Не будь на службе императора этих печенежских конников, ему не так легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападениями, заставлять их держаться в тесном строе и не расходиться по окрестностям для грабежа мирного населения. С победой над печенегами Алексею перестала угрожать опасность соединения азиатских и европейских турок (печенеги и турки-сельджуки — одного происхождения); раз-

дробленные и враждующие между собой малоазиатские княжества турок-сельджуков были для Алексея совсем не так опасны, как норманнское нашествие, как набег печенежский или как остроумный и дальновидный замысел пирата Чахи. Но к 1092 г. Алексей был уже свободен от томительного страха за судьбы империи, а на Западе только еще знакомились с содержанием его послания и собирались в поход, который имел определенную цель — спасти Византийскую империю от печенегов и сельджуков. Здесь, конечно, следует искать причину к объяснению взаимных недоразумений и горьких обвинений, которые направлялись крестоносцами против византийцев и наоборот. К крайнему изумлению крестоносцев, печенеги и турки оказывались на службе императора и всего чувствительнее вредили им быстрыми набегами; византийский император не только не сдавал им города и не унижался, но еще требовал себе ленной присяги и договаривался о городах, которые крестоносцы завоюют у турок. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движением крестоносного ополчения и византийцы: они утверждают, что это движение на Восток не вызвано было просьбами их, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными последствиями для греческой империи.

Движение в пользу крестовых походов было уже довольно заметное в рыцарских замках и в деревнях, когда в нем принял непосредственное участие папа Урбан II. Можно даже думать, что Первый крестовый поход осуществился бы и без знаменитой Клермонской речи, как это показывает ход событий. В марте 1095 г. папа Урбан II присутствовал на соборе в Пиаченце, где решались вопросы церковного благочиния — о строгости монашеской жизни, о мире божьем и пр. — и где церковный авторитет обнаружился в некоторых мерах по отношению к германскому императору и французскому королю. Говорят, что в конце собрания была высказана мысль о крестовом походе. Летом того же года папа был в южной Франции, 18 ноября состоялся собор в Клермоне. Действия этого собора далеко не отличаются характером политических или военных решений, напротив, ограничиваются церковной сферой. Здесь снова выдвинуты были церковные вопросы: о церковном устройстве, о мире божием, произнесено отлучение от церкви короля Филиппа. В конце заседания папа произнес ту речь, с которой обыкновенно начинают историю Первого крестового похода. Но о содержании этой речи, сказанной под открытым небом, ибо огромное стечение народа не могло поместиться ни в одном городском здании, нельзя составить точного представления. Правда, речь эта передана тремя писателями Первого похода, которые сами присутствовали на соборе и были свидетелями всего происходившего, но содержание речи у всех передано по памяти, со значительными личными вставками и такими отличиями в изложении, которые заставляют думать, что они передают не одну мысль, а разные.

Само собой разумеется, если бы речь Урбана II имела действительно оффициальное значение, то она должна бы была сохраниться в каком-нибудь акте, а не в случайном изложении писателей. Точно так же и по отношению к организации крестового похода роль Урбана II сводится к самым незначительным мероприятиям. Правда, он обещал принять под защиту церкви имущество тех, кто отправится в крестовый поход, возобновил распоряжение о прекращении внутренних войн, поручил епископу Адемару произнести отпущение грехов для всех присутствовавших на соборе, но этим, в сущности, и ограничивалось участие папы в деле такой важности для всего европейского человечества, как организация крестового похода. Нужно было иметь мало политического такта и совсем не понимать готовящихся событий, чтобы оставаться до такой степени безучастным к организации и направлению похода, в котором за отсутствием церковного руководительства должны были получить место несогласные с интересами церкви влияния.

Если таким образом папе Урбану и его клермонской речи нельзя приписывать решительного значения в деле Первого крестового похода, то остается рассмотреть составные элементы, из которых составилась крестоносная армия, и в них поискать разгадки движения.

В Первом крестовом походе прежде всего выступает на первый план народное движение, оно шло впереди и, по всей вероятности, вызвало движение высших классов. Во главе воодушевленных проповедников, неотразимо действовавших на простой народ, предание ставит Петра Пустынника, или Амьенского. Теперь уже доказано, что сага о Петре Амьенском не имеет фактической достоверности, ибо стало известно, что он не был в Иерусалиме и что рассказ об его видении в храме гроба Господня есть позднейший вымысел. Тем не менее, участие Петра и подобных ему лиц, красноречиво обращавшихся к массам простого народа с проповедью о борьбе с неверными, более всего содействовало тому, что идея крестового похода стала популярной в народных массах.

Петр Пустынник проповедовал о походе в северной Франции; вокруг него собралось множество народа с полным доверием к нему как пророку божию. В то же время некто Вальтер из рыцарского сословия собрал массы народа в других местах. К концу зимы он уже имел до 15 000 человек.* Готшальк сначала ведет дело вместе с Петром, потом отделяется от него и сам собирает огромную толпу из франков, швабов и лотарингцев. Проходя Германией, эти толпы нападали на сельских жителей, производили грабеж и вообще не хотели соблюдать приказаний своих малоуважаемых вождей. В прирейнских городах Трире, Майнце, Шпейере и Вормсе толпы крестоносцев напали на евреев, многих перебили и разграбили их иму-

* Цифры, приводимые акад. Успенским относительно численности крестоносцев, надо считать преувеличенными (*Ред.*).

щество. Означенные вожди и сподвижники их, выступившие в поход весной 1096 г., стояли во главе хотя и многочисленного, но самого жалкого сброда, к которому приставали преступники, беглые крестьяне и не ужившиеся в монастырях монахи. Эти первые крестоносные толпы не имели с собой ни запасов, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себе невообразимые насилия на пути, оставляя по себе самую дурную память. С подобными нестройными массами в первый раз знакомятся греки и турки-сельджуки и по ним составляют понятие о целях, средствах и силах крестоносцев.

Когда крестоносное ополчение приблизилось к границам Венгрии, там уже знали, с кем приходится иметь дело, и приняли меры предосторожности. Король Коломан стоял с войском на границе и поджидал крестоносцев. Он соглашался не только пропустить их, но и снабдить съестными припасами, если они не будут делать насилий и беспорядков. Первая толпа, пришедшая в Венгрию, имела во главе Готшалька. Здесь услыхала она, что другой отряд, предводимый графом Эмиконом Лейнинген, был почти весь уничтожен в Чехии князем Брячиславом. Тогда ополчение Готшалька, считая своим долгом отомстить за своих собратьев, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Коломан напал на крестоносцев и одним делом решил участь всего отряда. Позже этой же дорогой идут толпы, предводимые Петром и Вальтером. Наученные опытом, они прошли через Венгрию в должном порядке и без особенных приключений. Но на границе Болгарии их ждал враждебный прием. Петр проходил Болгарией, как неприятельской землей, и весьма ослабленный добрался до границ Византийской империи. Численность крестоносцев, после всех потерь, доходила до 180 000.

Когда ополчение Петра достигло границы Византийской империи, царь Алексей Комнин послал навстречу ему послов и обещал снабжать Петра всеми продовольственными средствами, если он без замедления поспешит к Константинополю. На местах остановок крестоносцы действительно находили припасы, и греческое население относилось к ним с доверчивостью и не разбегалось при появлении их. Только на два дня Петр остановился в Адрианополе и 1 августа 1096 г. прибыл к столице. Здесь присоединились к нему остатки отряда Вальтера, императорские чиновники указали им место остановки и расположения. Император отнесся к этой крестоносной толпе со всею гуманностью и состраданием. Он уговаривал Петра переждать на европейском берегу пролива, пока подойдут рыцарские отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200-тысячное войско Петра, не в состоянии было вести дела с турками. Призвав к себе Петра и расспросив его, император понял, что он имеет дело с мечтателем, совсем не знакомым с принятыми им на себя обязанностями предводителя. Алексей выразил однако полное расположение

к Петру, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и просил лишь наблюдать порядок и не допускать насильственных действий. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствам; у бедняков не было денег, чтобы взять все, что им нравилось, они начали брать силой. Последовали неизбежные столкновения с полицией, пожары и опустошения. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что их удерживают против воли на европейском берегу и не позволяют вступить в борьбу с врагами креста Христова. Что оставалось делать византийскому правительству? Не без удовольствия оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность переправиться на азиатский берег. Здесь при Еленополе, на северо-западе от Никеи, крестоносцы расположились лагерем. На неприятельской земле, в виду турок-сельджуков, владения которых простирались тогда почти до самого берега моря, крестоносцам нужно было держаться со всею осторожностью и в полном подчинении одному вождю. Но Петр не сумел сохранить своего влияния: толпы расползлись по окрестностям, грабили селения и опустошали страну, одной удалось даже близ Никеи одержать верх над турецким отрядом. С кичливостью и самонадеянностью удальцы рассказывали в лагере о своих подвигах; составилась другая толпа охотников, пожелавшая повторить набег. Все это делалось помимо Петра Пустынника, против его советов и предостережений. С огорчением оставил он лагерь крестоносцев и возвратился в Константинополь поджидать рыцарских ополчений. Затем все крестоносное войско постигла самая жалкая участь. Между тем как толпа охотников, запертая в одном укреплении, была уничтожена турками, в Еленопольском лагере распущен был ложный слух, что Никея взята крестоносцами. Все пожелали участвовать в добыче и шумно, без всякого порядка, снялись с лагеря. Путь лежал по гористой местности, которую заняли турки. Нестройная и беспорядочная толпа крестоносцев перебита была в один день, немногие спаслись бегством к Босфору и перевезены на греческих лодках в Константинополь. Это было в первых числах октября 1096 г.

Рассказанные события составляют введение в Первый крестовый поход. Большинство участников в этих событиях не возвышались до понимания политических целей и соображений и действовали только под влиянием фанатического чувства: насилия и убийства, совершенные ими в тех странах, через которые они проходили, стремясь к своей цели, — в Венгрии, Болгарии и Константинополе, — казались им вполне благочестивыми подвигами, прямо относившимися к делу. Несчастный опыт, сделанный первыми крестоносцами, послужил уроком для последующих крестоносных войск. Как венгры, болгары, так и сами греки стали недоверчиво относиться к действиям крестоносцев и их целям; по первым толпам они судили вообще о всех крестоносцах. Но кроме этого обстоятельства весьма

невыгодно отозвалось на крестоносцах и то, что несчастный исход октябрьской катастрофы, уничтожив сотни тысяч крестоносцев, вселил уверенность в турок. Как у греков, так и у турок возникли новые планы относительно крестоносцев.

События 1096 г. должны были ускорить движение рыцарей. Проповедь о крестовом походе нашла приверженцев и среди высших слоев общества; но она не коснулась тех лиц, которые могли направить движение по одному плану и к одной цели. Ни французский, ни английский, ни немецкий короли не могли принять и не приняли участия в этом движении. Это объясняется тем, что как король французский, так и германский император стояли в неблагоприятных отношениях к римскому престолу. Филипп I, король французский, навлек на себя гнев св. престола своим бракоразводным делом. Германский король Генрих IV находился в самом критическом положении: он вовлечен был в трудную и опасную борьбу за инвеституру и готовился в это время смыть с себя позор каносского свидания. Но, не принимая личного участия, никто из них не мог и остановить начавшегося движения. Среднее и высшее сословия — рыцари, бароны, графы, герцоги — были увлечены сильным движением низших классов, к которым пристали также и города, и не могли не поддаться общему течению. Видя массы народа, которые без оружия и без провизии стремились в неизвестные земли на неизвестное рискованное предприятие, военные люди считали бесчестным оставаться спокойными на своих местах.

Летом 1096 г. начинается движение графов, герцогов и князей. В середине августа снаряжается в поход Готфрид Бульонский, герцог нижнелотарингский (племянник Готфрида Бородатого, который в борьбе за инвеституру был решительным врагом Григория VII). Готфрид Бульонский имел качества феодального государя, он хотел провести в своих владениях меры, противоположные интересам св. престола, и далеко не сочувствовал недавней победе папства над светской властью, словом, не был церковного направления. Но как скоро он принял участие в крестоносном движении, народная сага придала ему церковный характер. В этом облике для историка трудно отличить настоящего Готфрида, отделить действительность от фантазии, истину от вымысла. По позднейшим преданиям, свой род Готфрид ведет от Карла Великого. Он находится в прямой связи с папами, он их помощник и слуга, он строит, обогащает церкви . . . Но если отнять от Готфрида весь фантастический элемент, то он представляется нам в высшей степени несимпатичным. Он желает на Востоке вознаградить себя за те потери, которые он понес в собственных владениях. Чтобы иметь средства для похода, он заложил свои владения епископу Люттиха и Вердюна. Получив за это значительную сумму денег, он собрал вокруг себя многочисленный отряд (до 70 000) из хорошо вооруженных

рыцарей и снабдил его провиантом и всем необходимым для дальнего похода. К нему пристают его братья Евстафий и Балдуин, впоследствии король иерусалимский. Готфрид не был главным начальником всего похода, но во многих случаях князья и бароны спрашивали его совета и руководились его мнениями. Он держал путь к Константинополю через Венгрию и Болгарию, т. е. шел тою же дорогой, что и ополчение Петра, Вальтера и других.

Наследственные земли тогдашней французской короны выставили отряд под предводительством брата короля — Гуго, графа Вермандуа. Это был еще молодой человек, гордый своим происхождением и рыцарской славой, тщеславный и пустой, по свидетельству Анны Комнины. Поход был для него лишь средством искать славы и новых владений. Он спешил возможно скорее добраться до Константинополя и предпринял путь чрез Италию, чтобы отсюда переехать морем в Византию. Поспешность много повредила ему; он действительно первым попал в Константинополь, но в печальном положении: буря прибила его судно к берегу, и он должен был без особенных почестей отправиться в Константинополь по приглашению императорских чиновников.

На севере Франции оставалось два ополчения: герцог Нормандии Роберт, сын Вильгельма Завоевателя и брат тогдашнего английского короля Вильгельма Рыжего, предпринял поход уже совсем не из религиозных побуждений. В своем герцогстве он пользовался весьма ограниченной властью и располагал малыми доходами. Большая часть городов Нормандии принадлежала английскому королю; бароны не оказывали повиновения своему герцогу. Для Роберта поход в св. Землю казался единственным средством выйти из затруднительного положения, в которое он поставил себя в Нормандии. Заложив английскому королю свое герцогство, Роберт получил необходимую для предприятия сумму и собрал вокруг себя рыцарей Нормандии и Англии. Другое ополчение собралось во Фландрии под предводительством Роберта Фриза, сына известного графа того же имени, пилигрима в св. Землю, находившегося в дружественных отношениях с царем Алексеем Комнином.

Все три ополчения северной и средней Франции направились через Италию, где папа Урбан благословил их предприятие, причем Гуго Вермандуа получил из рук римского епископа священную хоругвь.

Из южной Франции составилось ополчение под главенством Раймунда, графа Тулузского. Он уже ранее прославился в войнах с арабами и обладал всеми качествами народного вождя. 100-тысячный отряд и строгая дисциплина снискали уважение графу Тулузскому в Греции и в Азии. Он шел через Альпы к Фриулю и потом берегом Адриатического моря через Далмацию. Граф Раймунд С. Жиль играет странную роль среди других предводителей крестоносного ополчения. В нем мало энергии, мало

предприимчивости: он как бы сам упускал из рук свое главенство и отдавал его другим.

Французские крестоносцы, избравшие путь чрез Италию, не успели все переправиться в Византию до наступления зимы. Часть их зимовала в Италии. Этому обстоятельству следует приписать движение, появившееся в южной Италии в начале 1097 г. Тарентский князь Боэмунд, сын Роберта Гвискара, владел маленьким княжеством, далеко не удовлетворявшим его честолюбию и не соответствовавшим его военной славе. Он вошел в переговоры с оставшимися в южной Италии толпами крестоносцев и убедил их примкнуть к нему и под его начальством начать поход. Значение Боэмунда Тарентского усилилось особенно тем, что с ним соединился для похода племянник его Танкред, замечательнейшее лицо Первого похода. Южноитальянские норманны, самые опасные враги Византии, не один раз уже считавшиеся с ней из-за обладания Далмацией, вносили, в лице своих предводителей Боэмунда и Танкреда, новый элемент в крестоносное движение — политические счеты и вражду к Византии. Силы норманнов могли равняться по качеству с силами французских рыцарей. Но предводители их были кроме того чрезвычайно коварны и корыстолюбивы. В особенности Танкред не мог переносить совместничества, держался во всем походе недоверчиво и не хотел подчиняться выгодам общей пользы. Зимой 1096 г. норманны заняты были общим делом — войной с Амальфи. Боэмунд воспользовался случаем, сосредоточившим в одной местности норманнских рыцарей, и убедил их, что лучше искать счастия в отдаленных землях, чем терять время в осаде Амальфи. Так стал князь Боэмунд во главе южноитальянских и сицилийских норманнов, вместе с тем в Первый крестовый поход вносился элемент политических счетов с Византиею. Все перечисленные отряды преследовали совершенно самостоятельные задачи. Общего плана действия и главнокомандующего не было. Даже части отрядов и отдельные рыцари нередко переходили от одного вождя к другому.

В Константинополе заблаговременно получались сведения о движении князей, о числе их войска и направлении, какого держались они на пути в Азию. Само собой разумеется, точных известий не могло быть: доносили, что крестоносцев более, чем звезд на небе и песку на берегу моря, подозревали у некоторых вождей враждебные намерения относительно самой столицы Византийской империи. Царевна Анна Комнина так передает впечатление, произведенное крестоносным движением: «разнеслась весть о нашествии бесчисленных франкских ополчений. Император испугался, ибо знал, каков был этот народ — неудержимый в порывах, неверный данному слову, изменчивый. Не без основания предвидя важные затруднения, он принял свои меры, чтобы быть готовым встретить вождей крестоносного ополчения».

Византийское правительство упрекают в том, что оно своим недоверием и интригами парализовало действия крестоносцев и одно должно нести ответственность за неуспешность всего предприятия. Вместо того, чтобы вместе с вождями первого похода итти против турок-сельджуков, император Алексей, говорят, довел дело до крайних пределов подозрительности и думал извлечь личные выгоды из крестового похода. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность судить о взаимных отношениях византийского правительства и вождей крестового похода; теперь же заметим, что византийцы и крестоносцы иначе понимали весь ход отношений, из чего возникали крупные недоразумения и промахи со стороны тех и других. На первых порах Алексей остановился на мысли — пользуясь разобщением вождей и отсутствием между ними такого руководителя, который бы заправлял всем походом, не допустить, чтобы все отряды в одно и то же время собрались около Константинополя; наблюдать особо за каждым вождем, как скоро явится он в пределах Византии, и стараться по возможности скорее переправить его на азиатский берег. Знакомясь отдельно со свойствами и характером каждого предводителя, Алексей вступил с некоторыми из них в приязнь и завязал дружбу, вследствие чего должен был измениться и взгляд его на поход. Тогда открылась возможность поставить вопрос, чтобы все завоевания крестоносцев у турок переходили к византийскому императору и чтобы вожди предварительно дали на это присягу.

Первый, с которым познакомился Алексей, был Гуго, граф Вермандуа. Еще из Италии он отправил к императору два письма, извещая о своем решении принять крест и о том, что высадится на византийскую землю в Драче (Dyrrachium, Epidamnus). На основании этих писем в Константинополе сделаны были соответствующие распоряжения. Местные власти получили приказание сейчас же по прибытии Гуго дать об этом знать в столицу и стараться без всякой медлительности препроводить его далее. Несколько судов греческого флота крейсировало около берега и наблюдало, когда прибудет Гуго. На беду, Гуго не мог встретить торжественного приема: буря выбросила его корабль на берег, византийская береговая стража нашла его в жалком положении. Сообразно полученным приказаниям, Гуго препроводили в Константинополь, где император устроил ему почетную встречу. Это было вскоре за поражением турками первой крестоносной толпы под Никеей, приблизительно в декабре 1096 г. Император был весьма любезен к Гуго, оказывал ему почет и внимание и без особенной борьбы убедил его дать вассальную присягу. За Гуго следили и доносили императору обо всем, что он делал и с кем говорил; на Западе из этого распространилась молва, что Гуго находится в плену и что император вынудил его дать ленную присягу

Готфрид, нижнелотарингский герцог, был уже в византийских пределах, когда узнал, что случилось с Гуго и как он дал византийскому царю присягу на верность. Он отправил из Филиппополя посольство в Константинополь, требуя, чтобы Гуго дана была свобода, затем начал опустошать область, по которой проходило его войско. За день до Рождества Готфрид был уже под самым Константинополем. Император Алексей просил его к себе для переговоров; но Готфрид боялся западни и не хотел войти в столицу. Однако же крестоносцам отведено было место для стоянки, так как Готфрид желал дожидаться под Константинополем других вождей. Алексею не хотелось иметь в герцоге лотарингском врага себе, и потому он употреблял все необходимые меры, чтобы вызвать его на личное свидание. Особенно когда весной 1097 г. стали подходить к столице остальные вожди, для византийского правительства были совершенно основательные причины бояться единодушного нападения их на столицу. Пересылаясь посольствами с Готфридом, Алексей оцепил его лагерь печенежскими и славянскими наездниками с тем, чтобы совсем изолировать его от сношений с вновь прибывшими вождями. Между этими последними особенные опасения возбуждал Боэмунд, тарентский князь. Алексей хорошо знал этого вождя по предыдущим войнам с Робертом Гвискаром. Воззрения на норманнов у византийских писателей выражаются так: «Боэмунд имел старую вражду с императором и таил в себе злобу за поражение, нанесенное ему под Лариссой; общим движением на Восток он воспользовался с тем, чтобы отомстить императору и отнять у него власть. Прочие графы и по преимуществу Боэмунд только для вида говорили о походе в Иерусалим, на самом же деле имели намерение завоевать империю и овладеть Константинополем». Можно догадываться, в каком тревожном состоянии было византийское правительство, когда Готфрид не подавал надежды на примирение, а Боэмунд приближался к Константинополю. Однако всю зиму Алексей честно выполнял свои обязательства, своевременно доставляя припасы и предупреждая столкновения. 3 апреля 1097 г. Алексей решился понудить силой герцога Готфрида на уступки. Правда, соображения византийского императора были весьма не гуманны, и византийцы первые начали делать нападения на отделявшихся из лагеря крестоносцев. Алексей думал, что герцог не решится на борьбу с ним, что, запертый с одной стороны морем, а с другой — цепью византийского войска, он поймет всю невыгоду своего положения и согласится дать требуемую присягу. Но эти расчеты не оправдались: Готфрид поднял весь лагерь и прорвался через цепь византийских войск. К вечеру того же дня крестоносцы подступили к стенам города. Больших опасений лотарингцы не могли внушать императору, но ему и то уже было неприятно, что дело зашло так далеко, что расчеты его оказались ложны. К тому же получено было известие о приближении Боэ-

мунда и желании его вступить с императором в переговоры. И было чего опасаться: узнай Боэмунд о раздоре между императором и герцогом, тогда соединились бы норманны и лотарингцы и дали бы ему весьма чувствительный урок. Алексей сделал попытку повидаться с Готфридом и поручил вести переговоры об этом графу Гуго. Но герцог сурово обошелся с Гуго и колко заметил ему: «ты, сын королевский, ставши рабом, хочешь и меня обратить в рабы. Не хочу я ни ленной присяги давать, ни в Азию переправляться». Тогда император приказал вновь теснить крестоносцев. Ход событий проследить весьма трудно, по последующим событиям лишь можно заключить, что крестоносцы терпели поражения и что ни Готфрид не узнал о приближении норманнов, ни Боэмунд — о затруднительном положении лотарингцев. Герцог согласился наконец принять предложение императора о личном свидании и явился во дворец. Император принял франкского герцога сидя, окруженный толпою царедворцев. Готфрид и его свита приблизились к трону и коленопреклоненные целовали руку императора. Алексей поговорил с каждым из свиты Готфрида и, похвалив герцога за его благочестивую ревность, превозносил его военную славу. Затем Готфрид дал за себя и своих рыцарей ленную присягу, обещая возвратить императору все города, которые удастся ему отвоевать у турок. Не позже 8 или 10 апреля лотарингское войско переправлено было на азиатский берег Босфора. Пример лотарингского герцога, давшего Алексею ленную присягу, имел значительное влияние на сговорчивость последующих вождей, а для императора Алексея служило это прецедентом — от каждого вождя требовать подобной же присяги.

Боэмунд шел в Азию с другими намерениями, чем лотарингский герцог. Он думал основать на востоке независимое владение, причем он рассчитывал не на норманнские только силы, но и на помощь императора. Боэмунду таким образом желательно было прикинуться другом Алексея, для чего он заранее готов был на все уступки. Он отделился от своего отряда, поручив его Танкреду, и поспешил в первых числах апреля к Константинополю, чтобы переговорить с императором и войти с ним в соглашение. Переговоры с Боэмундом были непродолжительны: как император, так и тарентский князь были лучшие политики того времени и рассыпались друг перед другом в любезностях. Против ленной присяги Боэмунд не нашел особенных возражений и спокойно назвал себя вассалом императора. Ему отведено было роскошное помещение в Константинополе и посылались кушанья с царского стола. Боэмунд боялся отравы и отдавал приносимые блюда приближенным; тогда из дворца стали доставлять припасы в сыром виде. В тот день, когда Боэмунд дал клятву, император показал ему одну часть дворца, которая ради этого случая украшена была драгоценностями. Золото и серебро лежало здесь кучами

У Боэмунда сорвались слова при взгляде на эти сокровища: «если бы мне владеть такими богатствами, то давно бы я повелевал многими землями». Ему заметили, что эти сокровища назначены ему. Раз Боэмунд предложил императору назначить его «великим доместиком Востока». Хотя Алексей не дал на это своего согласия, но и не сделал резкого отказа, оставляя Боэмунда в надежде получить при благоприятных обстоятельствах это важное звание.

Остальные вожди прибыли в Константинополь по большей части в мае. Фландрский Роберт и другой нормандский Роберт дали ленную присягу без особенных колебаний. Только тулузский граф Раймунд не уступил ни просьбам, ни угрозам, ни даже военной силе. Алексей мог добиться от Раймунда только обещания — не предпринимать ничего против жизни и чести императора. Все отряды перевозимы были на другую сторону Босфора. С конца апреля лотарингцы и норманны двинулись к Никее, другие отряды пристали к первым уже в походе. Император озаботился доставкой съестных припасов и обещал лично присоединиться к крестоносцам, как скоро сделает предварительные к тому распоряжения.

Алексей мог находить весьма благоприятными для себя обязательства, какие дала ему большая часть вождей. Во всяком случае важнейшие затруднения устранялись, как скоро западные дружины перевезены были в Азию. Ближайшие сношения византийцев с латинянами не могли, однако, склонить их ко взаимному уважению и доверию. Император потребовал еще раз торжественной клятвы от крестоносцев, когда они уже переправились в Азию, причем случилось следующее. Один французский рыцарь, принесши императору ленную присягу, сел на его трон, и император ничего не осмелился заметить ему, «зная высокомерие латинян». После того как князь Балдуин взял рыцаря за руку и указал на неприличие такого поступка, рыцарь воскликнул, гневно смотря на императора: «что за грубый человек, он сидит, когда столь многие стоят перед ним».

В Малой Азии крестоносцы должны были почти каждый шаг брать с бою. Византийское господство на Востоке во второй половине XI в. было уничтожено турками-сельджуками, которые сделались повелителями всего магометанского и христианского населения в Азии. Широкие полномочия, которыми владели наместники провинций, и отсутствие закона о престолонаследии были, однако, причиною, что отдельные части обширного султаната распались на независимые одно от другого владения. Для крестоносцев было весьма важно то, что сельджукский султан, владевший Малою Азиею, не мог двинуть против них больших турецких масс, так как стоял во вражде с соседними магометанскими владениями Сирии и Армении, от верховного султана же был независим. Император Алексей Комнин, угрожаемый норманнами и печенегами, не имел времени

восстановить свою власть на востоке, хотя внутренние раздоры и усобицы турок не раз давали ему случай без особенного напряжения отнять у них по крайней мере Малую Азию. Крестоносцам пришлось вести дело с султаном Кылыч-Арсланом, который утвердил свою столицу в Никее, на восток его эмират простирался до реки Евфрата. Нужно иметь в виду, что магометанского населения, сравнительно с туземным христианским, не могло быть много, что симпатии малоазийского населения всего скорее могли быть в пользу крестоносцев, чем турок-завоевателей.

Как ни искренно было желание крестоносцев добраться скорее до Иерусалима, но прошло два года, пока они прибыли в Палестину. События этих двух лет показывают, как между предводителями различных частей крестоносного ополчения развился дух партии, как постепенно изменились стремления и цели предводителей.

Более выдающуюся роль в крестоносном ополчении играют норманны, в лице их предводителя Боэмунда, тарентского герцога, и провансальцы, предводимые Раймундом. Причины возвышения этих двух вождей среди крестоносного ополчения различны для каждого из них. Провансальцы были хорошо вооружены и вообще отличались всеми необходимыми качествами правильно устроенного войска. Сам их предводитель Раймунд был человек религиозного направления и принял крест, исключительно следуя нравственным влечениям; для религиозных целей он готов был пожертвовать всеми политическими интересами и соображениями. Совершенно противоположного направления были Боэмунд и Танкред, представители норманнского элемента, это были князья, видевшие в крестовом походе средство для достижения политических целей. Все их стремления сосредоточивались теперь на Сирии, где они хотели основать независимое княжение. Боэмунд был гениальный человек как в военном, так и в политическом отношении: где нужно было напряжение сил для победы над сильнейшим врагом, где нужны были серьезные соображения и умно составленные планы действий, там крестоносные вожди обращались к уму Боэмунда. Норманны шли впереди всего крестоносного ополчения; они первые испытывали натиски турок-сельджуков, они же первые подступили к Никее, тогда как другие отряды крестоносного ополчения, оставшись назади, прибывали постепенно один за другим. Мало есть данных, по которым можно было бы судить о численности всего крестоносного ополчения. Можно думать, что из Константинополя отправилось всего до 300 тыс. военных людей; кроме этого, судя по тому устройству войска, которое было в обычае того времени, нужно предположить, что в ополчении было еще около 300 тыс. чернорабочих, женщин, детей и других лиц, приставших добровольно к ополчению; следовательно, численность крестоносного ополчения доходила во всяком случае до полумиллиона.

Обстоятельства, можно сказать, благоприятствовали крестоносцам. Кылыч-Арслан, уничтоживши толпы крестоносцев, предводимые Петром, Фолькмаром и другими, не ожидал новой опасности, был вдали от Никеи, занимаясь набором новых войск. Город Никея расположен на берегу озера, вокруг которого возвышаются крутые горы. Находясь в выгодных условиях, данных самою природою для защиты от внешнего врага, и будучи окружен стеной, город мог бы выдержать продолжительную осаду, но городской гарнизон был малочислен и слаб. Население, окружавшее город, было преимущественно христианское — греки и армяне, которые, естественно, своими симпатиями были на стороне крестоносцев. Последние могли тем легче приобрести эти симпатии, что вместе с ними следовал маленький греческий отряд, предводимый греческим же стратигом. Первыми подошли к Никее норманны и лотарингцы. Хотя народная сага выдвинула личность Готфрида Бульонского как играющего первенствующую роль в делах первого похода, но не ему, не лотарингцам принадлежит главная заправляющая роль: направление делам дают Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский, норманны и провансальцы.

Южная часть города, обращенная к озеру, была плохо защищена; с этой именно стороны крестоносцы и должны были начать свои военные действия. Так как крестоносцы подходили к Никее отдельными отрядами, далеко не достаточными для того, чтобы окружить город со всех сторон, то они и не могли повести правильной осады. Подойди в это время к городу Кылыч-Арслан, он мог бы нанести крестоносцам значительный урон и их ошибка осталась бы надолго непоправимою. Боэмунд уговорил вождей, не дожидаясь прихода Кылыч-Арслана, дать сражение ему вдали от Никеи. Кылыч-Арслан потерпел поражение и должен был удалиться внутрь страны, предоставив Никею собственным ее судьбам.

После поражения Кылыч-Арслана крестоносцы воспользовались лодками, доставленными им по распоряжению греческого императора, для военных операций против Никеи, со стороны Асканиева озера. На 18 или 19 июня 1097 г. был назначен общий приступ, которым заправляли Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский. Утром того же дня ворота города были отворены, и в город вошел византийский отряд. Греческий стратиг, стоя у стен Никеи, вошел в сношения с комендантом и от имени греческого императора потребовал сдачи города. Крестоносцы были возмущены таким ходом дела. Они рассчитывали на богатую добычу, между тем представитель греческого правительства отнял у них возможность грабежа. На их заявления он ответил напоминанием о ленной присяге и объяснил, что крестоносцы могут требовать удовлетворения от царя и он не откажет им, но что они обязаны исполнять обещание, скрепленное присягой, согласно которой все отвоеванные у мусульман города переходят во власть греческого императора и следовательно не должны подвергаться

разграблению. Князья должны были уступить и еще раз повторить ленную присягу, от которой на этот раз не отказались и самые упорные, как например Танкред. Император со своей стороны обещал впоследствии соединиться с вождями, а в ожидании этого крестоносцам сопутствовал византийский уполномоченный Татикий. Истинная цель миссии Татикия выясняется из дел под Антиохией. Повидимому, он играл роль охранителя интересов византийского императора. Внешним образом его миссия мотивировалась тем, что он как представитель греческого правительства мог оказывать большое влияние на православное греческое и армянское население страны и таким образом крестоносцы, при его помощи, могли пользоваться всеми теми удобствами, каких не могли бы иметь, если бы им пришлось брать все вооруженной силою. Он обязан был вести крестоносцев к Палестине более краткими и удобными дорогами.

От Никеи путь крестоносцев шел через Дорилей, Иконий и Гераклею. Здесь они разделились на два отряда: одни направились на юг, к Тарсу, другие пошли на северо-восток, чтобы, обойдя Таврские горы, спуститься к Антиохии. Кылыч-Арслан ожидал крестоносцев при Дорилее, желая преградить дальнейшее их движение. Впереди крестоносного ополчения шел Боэмунд со своим отрядом. Ему и принадлежит честь победы над Кылыч-Арсланом при Дорилее. Позднейшие писатели рассказывают, что Боэмунд, отчаявшись в успехе своего предприятия при Дорилее, послал гонцов к крестоносным вождям; гонцы, будто, пришли прямо к Готфриду; последний, посоветовавшись с вождями, отправился лично на помощь Боэмунду и выручил его из беды. Но дознано, что Готфрид вовсе не участвовал в деле при Дорилее; Боэмунд разбил Кылыч-Арслана, соединившись с провансальцами. Делом при Дорилее и заканчивается более сильное сопротивление, которое турки оказывали крестоносцам; Кылыч-Арслан удалился внутрь страны и ограничивался слабыми нападениями на отдельные отряды крестоносцев. Теперь, когда турки оставили незанятыми области, прилегающие к морю, императору византийскому представилась полная возможность восстановить свою власть на всем побережье Малой Азии без особенных жертв и затруднений.

Крестоносцы обратили внимание на армян, которые, естественно, не были довольны магометанским господством. Армяне, ослабленные ударами турок-сельджуков, долго отстаивали свою независимость; но это удалось только той части их, которая переселилась в Месопотамию, Каппадокию и северо-восточную Сирию, по побережью Средиземного моря. Крестоносцы дали понять армянам, что если они согласятся действовать заодно с ними, то могут надеяться на освобождение от турецкого ига. Армяне с готовностью приняли предложение крестоносцев: в самое короткое время они выгнали из своих городов турецкие гарнизоны и турецкое население. Та часть крестоносцев, которая направилась

на северо-восток от Гераклеи, имела целью поднять на своем пути христианские народности против турок и спуститься к Антиохии, где был назначен сборный пункт крестоносного ополчения.

На юг от Гераклеи в Киликию направились только Балдуин, брат Готфрида, и Танкред со своими отрядами; они держали путь к Тарсу, занятому слабым турецким отрядом. Крестоносцы и здесь подняли против турок христианское население, как в стране, прилегающей к Тарсу, так и в самом городе. Турецкий отряд должен был сдаться крестоносцам. Здесь возникли пререкания между Балдуином и Танкредом из-за права на владение Тарсом. Честь победы была на стороне Танкреда, между тем Балдуин присваивал себе и победу, и право на город. Рассвирепевший Танкред вырезал весь турецкий гарнизон и выгнал Балдуина. Этот факт свидетельствует о том, что в это время у норманнского вождя уже созревала идея основания независимого владения. Со своей стороны Балдуин, потерпев неудачу под Тарсом, отправился искать счастия в другом месте. Одержав несколько побед над сельджуками и приобрев расположение армян, Балдуин вошел в непосредственные сношения с князем Эдессы Торосом и так расположил его в свою пользу, что вскоре был усыновлен им и объявлен наследником княжества. Не довольствуясь этим, Балдуин убил Тороса и занял его престол. Таким образом с 1098 г. в Эдессе устраивается первое княжение, во главе которого стоит западный герцог. Это княжение имеет важное значение в том отношении, что оно составляло оплот для всех христианских народностей и защищало христианский элемент Малой Азии от турецких волн, которые шли из середины Азии.

К октябрю 1097 г. крестоносцы подступили к Антиохии, где провели целый год (с октября 1097 г. по ноябрь 1098 г.). С одной стороны, осада города, с другой — внутренние раздоры остановили дальнейшее движение. Этот год составляет целую эпоху в истории крестовых походов. Дело в том, что Антиохия, поставленная самой природою в весьма благоприятные условия для защиты от внешнего врага, была укреплена еще и искусственно. Город окружали высокие и толстые стены, по которым мог свободно двигаться экипаж в 4 лошади; стены защищались башнями (450), снабженными гарнизонами. Укрепления Антиохии представляли таким образом страшную силу, преодолеть которую, при недостатке осадных орудий, при отсутствии дисциплины и главнокомандующего, не представлялось никакой возможности. Но и оставить позади себя такой важный стратегический пункт, каким была Антиохия, которая служила оплотом всего мусульманского мира, крестоносцы не могли. Правда, в самих мусульманских владениях господствовала анархия, которая была весьма полезна для крестоносцев. Сирия находилась тогда под двойным политическим влиянием, исходившим из Египта и из Багдада. Фатимидский халифат высылал толпы мусульман, которые, завладев неко-

торыми пунктами в Сирии и заняв Иерусалим, ослабили значительно сельджукский султанат. Эмир Антиохии Ягы-Басан ожидал помощи то от сельджуков, то от Египетского халифата. Все другие мусульманские владения в Сирии находились также в положении политической раздвоенности. Ожидания Ягы-Басаном помощи со стороны Египетского халифата или сельджуков остались тщетны; правда, несколько раз мусульманские отряды показывались в виду Антиохии, но они были так незначительны, что не осмеливались вступить в бой с крестоносцами и не принесли никакой пользы Ягы-Басану.

Осенью 1097 г. крестоносная армия оказалась в весьма печальном состоянии. Грабежи, отсутствие дисциплины и взаимная вражда заметно расслабляли крестоносное ополчение. Вожди не успели ничего запасти на осень и зиму, между тем в крестоносном войске начались болезни, появилась большая смертность, и пред страхом такой смерти целые толпы и даже отряды, во главе со своими предводителями, обращались в бегство.

Боэмунд, князь Тарентский, который и прежде играл видную роль в крестоносном ополчении как опытный вождь, как храбрый, неустрашимый рыцарь, как устроитель военных отрядов, под Антиохией отличается уже как искусный политик. Боэмунд увидел, что Антиохия, со своими неприступными и несокрушимыми укреплениями, со своим выгодным положением (недалеко от Средиземного моря, на реке Оронте, впадающей в море), представляет весьма удобный пункт для основания в ней независимого княжества, что составляло главный предмет всех стремлений и желаний его. Дела его в Эдессе и Тарсе только разжигали честолюбие тарентского князя. При достижении намеченной цели ему могло мешать присутствие в крестоносном войске уполномоченного греческого императора. Роль Татикия, правда, была двусмысленна, но важно то, что он в походе был представителем и защитником интересов греческой империи. С точки зрения Татикия, и Антиохия, подобно Никее, будучи взята крестоносцами, должна была принадлежать греческому императору и никому другому. Положение Татикия среди крестоносного ополчения было довольно влиятельное, он умерял честолюбивые стремления отдельных вождей. Раймунд Ажильский, писатель крестовых походов, обвиняет Татикия в том, что он, отчаявшись в успехе осады, подговаривал князей снять с города и расположить войска по окрестным селениям, что он поселил между крестоносцами вражду и измену и скрылся из лагеря. Обстоятельство это очень важно, но оно не вяжется вообще с положением и ходом дел. Анна Комнина прямо обвиняет Боэмунда в вынужденном бегстве Татикия. Эти два противоположные известия возможно объяснить следующим образом. Боэмунд, преследуя свои честолюбивые цели, тяготится присутствием Татикия. Хотя намерения Боэмунда не были ни для кого тайной, крестоносцы всякий раз, когда находились в стеснен-

ном положении, вручали ему командование над союзными войсками, вынуждаемые к этому, во-первых, необходимостью, во-вторых, насильственными действиями со стороны самого Боэмунда; Татикий же, представитель византийского императора, был вполне независим и самостоятелен в среде крестоносцев и в то же время пользовался весьма большим авторитетом и мог оказывать влияние на весь ход дел. Боэмунду нужно было во что бы то ни стало устранить это влияние. Когда разнеслась весть о приближении 300-тысячной армии* мосульского эмира Кербуги, который шел на выручку Антиохии, Боэмунд начал доказывать вождям, что Кербуга подослан византийским императором, что цель участия Татикия в их войске состоит в том, чтобы возбуждать мусульман против крестоносцев. Все это вызвало в крестоносцах такую неприязнь против Татикия, что он принужден был бежать. Бегство Татикия имело важное значение для всего хода событий. Крестоносцы нарушили клятву, данную византийскому императору, устранили греческий элемент из своего ополчения и начали действовать на свой собственный страх. После бегства Татикия Боэмунду открылось свободное поле для его честолюбивых замыслов. Боэмунд сыграл здесь роль Ахиллеса под Троей. Обиженный Ахиллес оставляет стан греков, проводит в бездействии целые месяцы, пока, наконец, греки, теснимые со всех сторон троянцами, не были вынуждены просить его выручить их из беды. Увлекаемый честолюбием Боэмунд, видя, что при той деморализации, которая господствовала среди крестоносцев, нельзя поддержать осаду, и ожидая в то же время с часу на час прибытия сильного мусульманского ополчения под начальством Кербуги, сделал решительный шаг. Он заявил крестоносцам, что если они не предоставят ему главного начальства над всем войском, если не пообещают оставить за ним это главенство и на будущее время для ведения дела крестового похода, если, наконец, не передадут в его власть Антиохии в случае ее завоевания, то он умывает руки и не отвечает ни за что и вместе с своим отрядом оставит их. Между тем среди крестоносцев день ото дня увеличивалась смертность, бегство целых отрядов и вождей. Находясь в таком положении, крестоносцы порешили предоставить Боэмунду все полномочия для ведения дела и обещали исполнить все, что он требовал.

Боэмунд еще раньше вошел в соглашение с одним из начальников, защищавших антиохийские стены. Это был Фируз, армянин по происхождению. Фируз как христианин не мог не питать симпатии к крестоносцам, освободителям всего малоазиатского христианства; кроме того, он имел личную вражду к Ягы-Басану, эмиру Антиохии. Сношения Фируза и Боэмунда держались в тайне, и никто не знал о них. Боэмунд

* Эта цифра невероятна. В распоряжении Кербуги могло быть несколько десятков тысяч. *(Ред.)*.

назначил на 2 июня общий приступ на Антиохию. В ночь с 1 на 2 июня он подвел свой отряд к башне, которую защищал Фируз; башня была сдана. С другой стороны в Антиохию ворвались другие крестоносцы, и в городе началась резня; бо̀льшая часть мусульманского гарнизона, не успевшая спастись бегством, была перерезана и перебита. Сам Ягы-Басан едва спасся бегством, но всего только на несколько дней; его поймали и убили. Таким образом 2 июня 1098 г. Антиохия была взята. Но немного выиграли крестоносцы, занявши город, обнищавший, изнуренный голодом, ослабленный продолжительностью предшествовавшей осады.

На другой день (3 июня) к городу подошел эмир мосульский Кербуга с 300-тысячной турецкой армией. Кербуга знал и о слабости крестоносного войска, и о том бедственном положении, в котором оно находилось: крестоносное ополчение достигало теперь не более 120 тысяч, остальные 180 тысяч частью погибли в битвах с мусульманами и в трудном переходе по опустошенным областям после никейского дела, частью же были рассеяны в различных городах Малой Азии в виде гарнизонов. Но и эти 120 тысяч вошли в город, лишенный всяких средств к пропитанию, притом они были утомлены продолжительною осадой и длинными переходами. Кербуга знал это и твердо решился голодом заставить крестоносцев сдаться. Крестоносцы очутились в самом ужасном, безвыходном положении. Три недели они сидели запертыми в городе, изредка делая незначительные и не имевшие никаких последствий вылазки, пользуясь тем, что город не вполне тесно был окружен врагами. Для крестоносцев оставалось одно средство к спасению: по реке Оронту спуститься к Средиземному морю, в гаванях которого были венецианские торговые корабли. Но этот путь представлял много опасностей, им пользовались, однако, сначала поодиночке, а потом целыми отрядами, были даже случаи, что князья и знатные рыцари сдавались на милость мусульман или спасались бегством к морю.

К этому тяжкому для крестоносцев времени относится появление саг и народных сказаний, которые были продуктом болезненного фантастического настроения народных масс. К этому времени относится и происхождение саги о Петре Пустыннике. Исторический Петр Пустынник, спасшись после уничтожения его армии, участвовал, правда, в Первом крестовом походе, но не как вождь, а как простой пилигрим, без особенной силы, авторитета и влияния. Только в весьма немногочисленном кружке простого народа Петр Пустынник пользовался некоторым почетом и уважением, это выражалось в том, что его избирали казначеем. Он был между прочим одним из первых, которые решились бежать из Антиохии, и только Боэмунд остановил его. В это же время составилось сказание о св. копье. Раймунд Тулузский, отличавшийся религиозным настроением

между остальными крестоносными вождями, вполне искренно верил в св. копье. Но уже Боэмунд, находясь под Иерусалимом, подсмеивался над Раймундом, доказывая ему, что рассказ о св. копье был вымыслом для поддержания упавшего духа и для возбуждения мужества народных масс. Предание о св. копье появилось следующим образом. Однажды приходит к Раймунду Тулузскому один монах и рассказывает, что во время молитвы ему явился св. Андрей и сказал, что в городе есть место, где скрыто копье, которым было прободено ребро Спасителя, что в этом именно копье крестоносцы должны искать свое спасение. Добродушный Раймунд поверил этому; объявил народу, начал искать, нашли действительно заржавленное копье; толпы крестоносцев были воодушевлены этой находкой. Боэмунд, назначенный главным предводителем крестоносного ополчения, решился сделать последнее усилие, чтобы освободить Антиохию от осады. В мусульманском войске между тем происходили раздоры между предводителями, в продолжение трех недель многие из них оставили отряд Кербуги, так что осаждающая армия значительно ослабела. 28 июня 1098 г. крестоносцы сделали вылазку, прогнали мусульман и завладели всем их лагерем. Спасение Антиохии и славная победа над Кербугой приписана была чудесной помощи св. копья, которое с тех пор сделалось палладиумом крестоносцев.

Когда крестоносцы овладели Антиохией, религиозный энтузиазм их вождей значительно ослабел. Целый год они проводят в бездействии, во взаимных спорах и распрях из-за обладания Антиохией; они как бы совсем забыли о главной цели своего предприятия — об освобождении от неверных гроба Господня. Как только миновала опасность от Кербуги, тотчас между сильнейшими вождями — Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским — возник довольно крупный спор, характеризующий обоих предводителей. Боэмунд напоминал теперь крестоносцам об их обещании, данном ему до взятия Антиохии, и требовал исключительного господства в городе. Но у Раймунда Тулузского, представителя законности и рыцарской верности долгу, была многочисленная партия, которая в силу чисто материальных выгод находила требования Боэмунда вовсе несогласными с положением крестоносцев. Раймунд и его армия настаивали, ввиду данных византийскому императору обязательств, на том, что Антиохия должна быть передана во власть византийского правительства. Партия Раймунда взяла верх, и в Константинополь было отправлено для переговоров посольство, во главе которого стоял брат французского короля Гуго Вермандуа. О результатах переговоров мы ничего не знаем, так как Гуго не возвращался более в лагерь, он сел на корабль и удалился в отечество. То же сделал и другой вождь Стефан Блуа, который, правда, не играл выдающейся роли в ополчении, но участвовал в нем со значительным военным отрядом, так что его удаление не могло не ослабить кресто-

носное войско. Боэмунд, чтобы отстоять свое право на господство в Антиохии, обратил внимание вождей на поведение византийского императора, свидетельствовавшее о враждебных его чувствах к крестоносцам. В то самое время, когда крестоносцы, лишенные средств к пропитанию, изнемогали под Антиохией, взятие которой замедлялось еще и тем, что они не имели осадных снарядов, византийский император находился вблизи Антиохии со значительными военными силами и осадными машинами и не захотел оказать крестоносцам никакой помощи; между тем при переправе крестоносцев через Босфор он дал слово лично участвовать в их походе. Теперь же, занимая без особенных усилий Эфес, Милет и другие города, без особенных жертв одерживая победы над турками, ослабленными крестоносцами, император покупает ценою крови крестоносцев легкие победы и расширяет свои владения. На это именно обстоятельство указывал Боэмунд как на бесчестный поступок со стороны византийского императора, и ему удалось убедить князей в том, что передача Антиохии византийскому правительству принесла бы вред делу крестовых походов. Таким образом, Антиохия предоставлена была во власть тарентского князя.

В Антиохии распространилась смертность, которая унесла многих знатных, в том числе и папского легата, духовного представителя в Первом крестовом походе. Крестоносное ополчение терпело большой недостаток и в пище и в одежде. Лишения приводили в экстаз простой народ, который приписывал свои несчастия небесной каре за то, что медлили освобождением гроба Господня. Выведенный из терпения народ угрожал сжечь Антиохию, если его не поведут дальше. Честолюбивый Боэмунд устоял против искушения и не внял побуждениям долга, — Раймунд же Тулузский и другие вожди двинулись дальше. Они направились к Иерусалиму береговою полосою и не теряли надежды вознаградить себя другими земельными приобретениями. Легкие победы над ослабленным турецким населением не вознаграждали их более. Они с завистью вспоминали об Эдессе, Тарсе и Антиохии. В особенности честолюбивыми желаниями горел теперь Раймунд, всего более обиженный судьбой. Он был из сильнейших вождей крестоносного ополчения, он горячее всех относился к делу крестовых походов и, однако, до сих пор он не владел ничем; между тем и менее знатные и менее сочувствовавшие делу похода имеют уже независимые владения. Раймунд остановился у Триполи. Уже все было готово для взятия города, как вдруг Боэмунд, зорко и ревниво следивший за тем, чтобы вблизи его княжества не появилось другого самостоятельного владения под главенством западного князя, прислал к Триполи коварного Танкреда, который и помешал плану Раймунда. В крестоносном лагере начались громкие жалобы на князей, простой народ требовал немедленного движения к Иерусалиму.

Тогда Раймунд, находя невозможным противиться далее общему желанию, принужден был оставить Триполи (в середине мая 1099 г.).

Крестоносцы очень много потеряли в спорах из-за Антиохии и Триполи. Летом 1098 г. Иерусалим, находившийся во власти слабого багдадского халифа,* был завоеван сильным египетским халифом. Таким образом, по мере приближения крестоносцев к Иерусалиму пред ними вырастали новые и сильные преграды. Иерусалим оказался весьма укрепленным, снабженным сильным гарнизоном. Между тем крестоносная армия, пришедшая к Иерусалиму, представляла одни жалкие остатки того мощного ополчения, которое 2 года назад переправилось через Босфор. Всех крестоносцев было теперь не более 20 тысяч, и те были изнурены, обессилены длинными переходами, битвами и всякого рода лишениями. В этом ополчении недоставало уже многих знатных; часть погибла от эпидемических болезней, часть осталась в различных завоеванных городах, часть воротилась в отечество. К Иерусалиму пришли из главных вождей только три: Раймунд Тулузский, Роберт Нормандский и Готфрид Бульонский, после присоединился Танкред. Но у них не было ни средств, ни материалов для предстоявших осадных работ. Крестоносцам помогли в этом отношении генуэзцы и пизанцы; они доставили все необходимое для осады и средства к пропитанию. 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом.

Итак, цель была достигнута, крест восторжествовал над исламом. Город был наполнен враждебным мусульманским населением, завоеватели обошлись с ним в высшей степени жестоко. Как бы в отомщение за свои продолжительные страдания, они предали мечу и огню все, что было в городе мусульманского. Летописцы с удовольствием рассказывают о лужах крови, по которым ходили воины Христовы. Кровожадностью и хищностью отличался Танкред, удовлетворивший на этот раз, сколько возможно было, своей жестокости и ненасытной скупости. Первым делом, которое должны были решить крестоносцы, был вопрос об устройстве административной власти в Иерусалиме. Но здесь снова они разделились на две партии: одна стояла за то, чтобы устроить в Иерусалиме церковную республику с патриархом во главе, — это партия духовного господства; другая партия выдвигала светский принцип, эта последняя взяла перевес. Предложили Раймунду Тулузскому принять на себя управление Иерусалимом, но он в силу своих личных нравственных принципов отказался; предложили Роберту Нормандскому, и тот отказался. Остался один Готфрид Бульонский, который и согласился на предложение, заявив, однако, что будет носить титул не Иерусалимского короля, а «защитника гроба Господня». Таким образом, Иерусалим был предоставлен во власть

* В действительности под властью сельджуков. Багдадский халиф в то время был лишен светской власти. *(Ред.)*.

герцога нижнелотарингского Готфрида Бульонского. Это обстоятельство имеет важное значение для последующей истории государств, основанных западными князьями. В Малой Азии было другое княжество — Эдесса, принадлежавшее брату Готфрида Бульонского — Балдуину; таким образом в руках одного дома были два владения, которые при необходимости могли соединиться и оказывать сильное влияние на политику и положение других княжеств. Вручение власти над Иерусалимом Готфриду Бульонскому обусловливало собою усиление лотарингского дома на Востоке. Готфрид Бульонский был человек добрый, уступчивый, но в то же время весьма недалекий. Он едва не упустил из рук и той незначительной доли власти, которая ему досталась. В первый же год княжения Готфрида духовенство иерусалимское в высшей степени систематично начинает его стеснять, доводя его власть до минимума.

Самый желательный, естественный ход событий вслед за окончанием Первого крестового похода должен был бы заключаться в дальнейшем проведении того принципа, который поставили себе крестоносцы, — принципа укрепления христианского элемента в Азии и ослабления мусульманского. Такой именно ход событий был желателен и ожидаем всем христианским населением как Европы, так и Азии. Но так как усиление христианского элемента в Азии обусловливало собою в то же время усиление тех княжеств, которые были основаны крестоносцами, и так как это последнее обстоятельство было противно видам и интересам Византийской империи, то ход событий принял совершенно иное направление. Византийские цари с этих пор всегда стояли на страже своих собственных интересов и препятствовали делу усиления христианского элемента в Малой Азии; этим обстоятельством объясняется все негодование, все обвинения, которые направлены против Византии со стороны западноевропейцев.

Турецкий султан Кылыч-Арслан, выгнанный из Никеи, стесненный в Иконии, предоставивший всю переднюю Азию ее собственным судьбам, не был уже более серьезным врагом для Византии, которая и поспешила восстановить свои права в Малой Азии. Но раз Передняя Азия перешла во владение Византии, политика византийского императора пошла дальше; он начал подумывать о том, чтобы подчинить своей власти Сирию, Палестину и владения, основанные крестоносцами. Вот почему в событиях XII в. мы встречаемся с явлением в высшей степени любопытным. Византийский император, объявляя войну крестоносцам, часто заключает союзы с тем самым народом, который так недавно еще готов был разрушить Византийскую империю, — заключает союзы с турками. То же самое делают и западные князья: угрожаемые со стороны Византийской империи, они, видя в ослабленных турках менее опасных врагов, чем были для них теперь греки, заключают с турками союзы, чтобы общими силами выжить

из Азии беспокойный греческий элемент. В этом именно обстоятельстве и заключается весь трагизм положения дел и интерес изучения эпохи.

Между всеми князьями выдающееся положение занял Боэмунд. Он, устроившись в Антиохии, сохранил сношения с Западной Европой, что доставило ему весьма благоприятные условия и выгодное положение для предстоявшей ему деятельности. Боэмунд решился округлить свои антиохийские владения; это и было вполне осуществимо, так как те незначительные и слабые представители мусульманского элемента, которые еще остались вокруг Антиохии, не могли оказать большого сопротивления. Но Боэмунд в 1099 г. встречается с неожиданным для него противодействием. Император Алексей, так часто обещавший прислать войско и лично участвовать в походе, после занятия Иерусалима крестоносцами поднимает оружие против самих крестоносцев, направив свои действия на первый раз против самого опасного своего соседа — антиохийского князя. Он снарядил флот и приказал осаждать приморский город Лаодикею, занятый отрядом Роберта Нормандского. Отдать Лаодикею греческому императору было далеко не в интересах антиохийского князя, так как в этом случае он всегда был бы подвержен неприятному соседству и наблюдению со стороны греков. Поэтому взаимные отношения норманнов и греков в 1099 г., принимая все более резкий характер, дошли наконец до полного разрыва. Борьба между противниками возгорелась и привлекла к участию посторонние силы. К малоазиатским берегам в это время прибыли корабли генуэзцев и пизанцев, привезшие свежие, хотя немногочисленные военные силы, направлявшиеся в св. Землю. Им Боэмунд и указал, что опасность грозит в настоящее время не от мусульман, а от греков, и легко привлек их к участию в борьбе. Таким образом Боэмунд свой личный интерес сделал общим делом, выгнал греческий гарнизон из Лаодикеи, а пизанцы начали делать нападения на приморские города.

Сила Боэмунда была в высшей степени серьезна, другие князья сравнительно с ним не имели значения. У Готфрида, князя иерусалимского, было не более 200 рыцарей и до 2 тысяч малодисциплинированного войска. При такой малочисленности дружины положение «защитника гроба Господня» было весьма незавидное. Боэмунд понял это и желал распространить свое влияние на Иерусалим. Для этого он отправился в столицу Готфрида как бы для того, чтобы исполнить тот нравственный долг, который лежал на нем, — поклониться гробу Господню. Его сопровождает довольно значительная армия, простиравшаяся до 20 тысяч. Боэмунд оказал такое влияние на дела в Иерусалиме, что патриархом был выбран пизанский архиепископ Адальберт, человек вполне преданный Боэмунду. Новый патриарх, честолюбивый и ловкий политик, направил свои действия к тому, чтобы отнять у Готфрида и ту тень власти, кото-

рую тот еще имел. Адальберт хотел основать на Востоке св. престол, подобно римскому, ввести в Иерусалиме духовный абсолютизм и подчинить себе все светские княжества.

Если мы припомним характер норманнских завоевателей, как Роллон, основавший свои владения в Нормандии, как Роберт Гвискар, утвердившийся в Италии; если примем во внимание политику и средства, какими пользовались эти князья для достижения своих целей, то мы будем иметь возможность понять и оценить действия Боэмунда. Боэмунд считал себя ничем не ниже Роллона и Роберта Гвискара и хотел повторить в Азии дела, которые его предки совершили в Европе. Боэмунд был уже близок к осуществлению исторической задачи норманнского народа. Владея сильной армией, он округляет свое Антиохийское княжество. Здесь были мелкие государства, принадлежавшие турецким эмирам; но эти эмиры не могли оказать Боэмунду сильного сопротивления, так как они были ослаблены войной с крестоносцами, к тому же их силы были разъединены внутренними раздорами. Но стремления Боэмунда имели трагический исход, отразившийся неблагоприятным образом на всем христианском деле. Боэмунд напал на опасного соперника в лице Данишменда Мелика-Гази, эмира сивасского (на р. Галисе). Оставшись позади крестоносцев, Данишменды успели настолько усилиться, что после окончательного ослабления иконийского султаната выступили к 1101 г. главным оплотом мусульманского элемента в Азии. Появление этой силы было вполне ново и неожиданно для Боэмунда.

Когда Боэмунд по просьбе армянского князя Гавриила в Малатии пошел войной на Мелика-Гази, то против ожидания встретился с сильным турецким отрядом, потерпел полное поражение, захвачен со многими рыцарями в плен и отведен в Неокесарию, где содержался около 4 лет (1101—1104 гг). Этот плен имел важное значение для всех христианских земель в Азии: христиане остались без своего главы, были предоставлены собственным силам среди враждебного магометанского населения. Боэмунд, находясь в плену у Мелика-Гази, очень может быть, сделался его политическим наставником и учителем. Как ни был груб Данишменд, он понял цену своего пленника. Когда византийский император пожелал выкупить Боэмунда, Мелик-Гази потребовал огромную сумму денег. Греческое правительство готово было на все жертвы, лишь бы избавиться от грозного норманна. Но тут спасло Боэмунда совершенно случайное обстоятельство: Мелик-Гази и Кылыч-Арслан поссорились между собою из-за того, как должна была быть разделена между ними выкупная сумма за Боэмунда. Боэмунд воспользовался этим обстоятельством, чтобы выставить им на вид опасность со стороны византийского императора. Он выяснил им, что царь Алексей, завладевши им, избавится от сильного и грозного врага и направит тогда свои силы против них, что если они

дорожат собственно выкупной суммой, то ее выплатят им друзья его — князья Иерусалима и Эдессы, что в данном случае важнее не деньги, а политические интересы, в достижении которых он может оказать большую услугу всему турецкому народу, соединившись с ним против византийского императора. Боэмунд обещал турецким вождям всю Переднюю Азию, а себе выговорил только Антиохию. Уполномоченный византийский Григорий Таронит, который вел с турецкими князьями переговоры о выкупе Боэмунда, был вовлечен в обман и потому не донес византийскому императору, что переговоры приняли неблагоприятный для Византии оборот. Мелик-Гази, получив за Боэмунда выкуп от одного армянского князя, освободил его на волю и препроводил в Тарс.

Несколько монет, сохранившихся от этого времени, дают нам весьма любопытный и в высшей степени драгоценный материал для уяснения дел в эту эпоху. Монеты принадлежат царству Данишмендов; на одной стороне изображен Иисус Христос, на другой стороне греческими литерами выбито: «Мелик-Гази, царь Романии и Анатолии» — явление в высшей степени знаменательное; оно прямо характеризует нам Мелика-Гази. Он не был похож на тех диких турецких завоевателей, которые жгли, опустошали и уничтожали все, что было вне ислама. Мелик-Гази проводит принцип веротерпимости, предоставляет подчиненным народам политическую свободу, оставляя неприкосновенным греческий язык и греческое письмо. В этих монетах в настоящее время имеется единственное указание на ту политическую роль, какую играл в Передней Азии Данишменд и которая была усвоена им, без всякого сомнения, по внушению такого умного политика, как Боэмунд.

Возвратившись в Антиохию, Боэмунд собрал в свои руки все нити политического движения. Он составил большой союз, в котором участвовали как магометанские, так и христианские силы, и прежде всего направил свой удар против эмира Мосула и Алеппо, который наиболее теснил христиан во время нахождения его в плену. Хотя средства, собранные Боэмундом, и были значительны, но результат далеко не соответствовал его ожиданиям: христианские князья потерпели полное поражение в битве при Харране * (1104 г.). Это поражение имело весьма важное значение для судьбы христианских княжеств на Востоке, оно возбудило новые надежды в мусульманах и греках и поставило на край гибели самое существование крестоносцев. К тому же и в будущем не предвиделось благоприятной перемены обстоятельств, потому что христиане не сохранили между собой единства; между вождями двух племен, норманнами и провансальцами, продолжали расти вражда и недоверие. Провансальцы в отсутствие Боэмунда при помощи греческого императора завладели Триполи —

* Древние Карры в Верхней Месопотамии (в графстве Эдесском) *(Ред.).*

обстоятельство, которое было весьма нежелательно для Боэмунда, так как близкое соседство провансальцев могло серьезно угрожать судьбам Антиохийского княжества. Кроме того, Боэмунд имел основание недоверчиво относиться к провансальцам еще и потому, что они в продолжение всего крестового похода отстаивали интересы византийского царя, заклятого врага Боэмунда. После рокового для христиан поражения при Харране всякая попытка со стороны Боэмунда, в смысле ослабления византийской или мусульманской силы в Азии, казалась уже неосуществимой и несвоевременной, ибо силы христиан были в высшей степени ослаблены. Король иерусалимский, который по своему положению должен был бы играть передовую роль среди христианского элемента и стоять во главе всякого предприятия, направленного для ослабления врагов Христовых, иерусалимский король, «защитник гроба Господня», лишен был всякой силы, всякого авторитета. Если и оставались у кого средства для борьбы, то они сосредоточивались в руках антиохийского князя. Но он мало заботился об общих интересах, он преследовал свои личные цели. Таким образом политический горизонт христиан был мрачен; их выручило случайное обстоятельство.

Для исполнения своей заветной мечты Боэмунд составляет обширный и дальновидный план. Находя наличные средства христиан недостаточными для борьбы с двумя врагами, мусульманами и греками, он решил вызвать для этой борьбы новые силы из Европы. Он сообщил антиохийским князьям, что они переживают в данную минуту весьма опасное для себя время. «Но опасное время, — утешал он, — возбуждает к великим планам и предприятиям. Я полагаю, что в Антиохии можете оставаться вы одни; я же отправлюсь в Европу и привлеку новые силы для борьбы». Но Боэмунд был далек от мысли составить Второй крестовый поход; честолюбивый и себялюбивый князь преследовал одну личную цель — уничтожить византийского императора в Азии. Этот план выясняется из действий Боэмунда, когда он был в плену у мусульман, а равно и из последующих обстоятельств. Для выполнения этого плана представлялось немаловажное затруднение. Греческий император, как бы предчувствуя, что подобный план мог зародиться в уме предприимчивого норманна, приказал греческим военным судам крейсировать у берегов Малой Азии. Существует легенда, которую повторяет и Анна Комнина: чтобы обмануть бдительность греков, Боэмунд будто бы приказал положить себя в гроб, и таким образом удалось кораблю, везшему живого мертвеца, пройти беспрепятственно ту оберегательную линию, которую составили греческие суда у берегов Малой Азии. С острова Корфу Боэмунд послал письмо, полное сильных угроз, греческому императору.

В Италии Боэмунда ожидала восторженная встреча как героя и борца за святое дело. Папа Пасхалис II, человек добрый и доверчивый, дал

Боэмунду рекомендательные письма к королям французскому и немецкому и разрешил проповедовать поход против схизматических греков. Боэмунд провел в Европе 3 года, и не даром. Его вполне заслуженная слава как лучшего предводителя крестовых походов выросла на глазах европейцев и доставила ему желанный успех. Король французский женил его на одной из своих дочерей (Констанции), а другую выдал за Танкреда чем Боэмунд завязывал связи с коронованными европейскими особами. Его проповедь имела полный успех в Ломбардии, Франции и Германии. К началу 1107 г., возвратившись в южную Италию, он стал выжидать соединения навербованных им сил. Приморские города — Генуя, Венеция и Пиза — предложили к услугам его флот. Весною 1107 г. в южной Италии собралось многочисленное (свыше 30 тысяч) ополчение, снабженное в изобилии оружием и съестными припасами. Эта эскадра должна была внушать серьезные опасения грекам. Таким образом, во имя идеи уничтожения византийского господства и завоевания греческой империи под знаменами Боэмунда соединились Германия, Франция, север и юг Италии.

Ополчение, во главе которого стоял норманнский вождь, направилось прямо к византийским владениям и осадило город Драч (Dyrachium). В 1081 г. Роберт Гвискар нападал на византийские владения, но с тех пор обстоятельства во многом изменились в пользу империи. Вследствие побед, одержанных крестоносцами на Востоке, Византия избавилась от врага, угрожавшего ей в Азии, и император Алексей, располагая значительными морскими и сухопутными силами, имел полную возможность защищать свои западные владения. Драч оказался очень сильным и укрепленным городом, для взятия которого нужно было сделать еще большие приготовления: построить лестницы, стенобитные машины, башни, а лесу у крестоносцев не было. К этому присоединилось еще то, что греческий флот отнял у крестоносцев возможность подвоза съестных припасов. Крестоносцы начали терпеть лишения; поднялся ропот среди войска; от Боэмунда требовали, чтобы он не тратил бесполезно времени в осаде города, а вел бы войска дальше. Подобное внутреннее и внешнее положение дел заставило Боэмунда прекратить осаду и начать переговоры с византийским императором. Царь Алексей хорошо знал своего противника и потому в переговорах употребил всю осторожность и настойчивость. В 1108 г. был заключен мир, унизительный для честолюбия норманнского князя. Он должен был отказаться от всех своих планов, от притязаний на Киликию, Лаодикею и провансальские владения, обязался передать Антиохию византийскому царю, если не оставит после себя мужского поколения, и, что еще унизительнее, даже употребить силу против своего брата, если бы он не согласился на эти условия. Этим и оканчивается деятельность Боэмунда. С 1108 г. он не играет уже ника-

кой роли. Может быть, он и хотел еще раз повторить свою попытку, но на этот раз не встретил более того одушевления в Европе, какое нашел ранее. Да и обстоятельства были совсем иные. Папа Пасхалис был в борьбе с германским императором Генрихом V; занятый тяжелою и рискованною борьбою, он на этот раз иначе взглянул на дело Боэмунда и не только не оказал ему поддержки, но даже вошел в сношения с византийским царем и был готов сделать ему крупные уступки относительно южной Италии, чтобы получить от него помощь в борьбе с императором. Боэмунд умер в 1111 г.

Оценивая деятельность Боэмунда, мы должны признать, что он принес много вреда всему христианскому делу на Востоке, что он есть главный виновник всех бедствий, неудач и потерь крестоносцев. Христиане на Востоке должны были преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийской империей и направить все силы на мусульман. Между тем роковая ошибка христиан заключалась в их соревновании между собою и во вражде с Византией, самая сильная ответственность в этом отношении падает на Боэмунда. Он своим честолюбием поселил антагонизм между Византийскою империею и крестоносцами. Он первый ввел в практику тот странный прием, к которому впоследствии прибегали и византийские императоры: он первый начал заключать дружественные союзы с тем народом, против которого было направлено все крестоносное движение.

Глава VIII

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ АЛЕКСЕЯ КОМНИНА. УЧАСТИЕ РУССКИХ В ДЕЛАХ ВИЗАНТИИ

Как ни благоприятными могли представляться достигнутые Алексеем успехи по отношению к крестоносцам, но он не мог почивать на лаврах, пока не обезопасил ближайших и наиболее плодородных областей Малой Азии от новых бедствий вражеского нападения. Не о покое и не о развлечениях заботился он, — говорит цесаревна Анна, — * а о том, чтобы прекрасные приморские области от Смирны до Атталии, вполне опустошенные варварами и находившиеся в отчаянном положении, привести в прежнее состояние, установить в них должный порядок и возвратить туда разбежавшееся земледельческое население. В этих заботах он нашел ревностного исполнителя его желаний в лице Евмафия Филокала, бывшего дукой Кипра. О нем замечено, что он был совсем незнаком с военным делом, не умел ни стрелять из лука, ни пользоваться для защиты щитом, но вместе с тем прекрасно понимал теорию военного дела и отлично умел приготовить неприятелю засаду. Ему удалось сохранить наилучшие отношения с крестоносцами и ничем не поступиться в их пользу. Лучшего администратора трудно было найти, как это скоро и оказалось. Евмафий назначен был стратигом в Атталию и получил в управление всю область, которая прежде отличалась морскими качествами своего населения и составляла Кивирреотскую фему. Из Абидоса, в котором было сосредоточено таможенное ведомство, Евмафий перенес свою деятельность в Адрамиттий, весьма сильно пострадавший в эпоху господства в этих местах пирата Чахи. Отстроив вновь совсем было запущенный и обезлюдевший город, он принял меры к заселению его охотниками.

* Alexias, XIV, 1.

привлеченными отовсюду, и создал из него сильный оплот против турок-сельджуков. Последние, испытав неоднократные поражения от крестоносцев, держались несколько вдали от греческих владений, хотя все же им принадлежала значительная часть малоазийских фем. Ближайшее укрепление, в котором держались турки, было Лампе, сюда направил Евмафий свои силы, нанес туркам поражение и взял большой полон. Дальнейшим его делом было взятие Филадельфии, но это уже встревожило турок и побудило их к решительным предприятиям. Каппадокийский эмир Хасан напал на византийские области, подчиненные стратигу Евмафию, и произвел в них опустошения и хищения. Его целью был захват городов Смирны, Нимфея и Пергама. Искусным отражением турецких отрядов византийский стратиг не допустил захвата означенных городов и тем оправдал благоприятный о нем отзыв Анны Комнины. Но в 1111 г. возобновились военные столкновения в Малой Азии, вызванные призывом султана Мухаммеда * ко всем правоверным. Султан Икония, который теперь представлял для Византии ближайшего турецкого властителя, взял на себя задачу вытеснить греков из Филадельфии и таким образом выгнать их из Фракисийской фемы. Но царь Алексей, имея опору в приморских городах, легко справился с угрожавшей опасностью и принудил иконийского эмира к заключению мира. Хотя и в следующем году (1113 г.) продолжались столкновения и хотя турки снова простирали свои набеги до Никеи и Бруссы, с одной стороны, и до Пергама и Адрамиттия — с другой, но это были кавалерийские наезды, которые не сопровождались прочным завладением.

Угрожавшая опасность на Дунае отвлекла внимание царя от восточной границы, но в 1115 г. здесь снова возобновилась война. Хотя серьезная болезнь лишала Алексея его обычной энергии и хотя приготовления к новому походу велись довольно медленно, но нельзя не отметить, что попытка иконийского султана воспрепятствовать возвращению под власть Византии отошедших к туркам земель была с успехом отстранена. Главной опорой византийского поступательного движения был на этот раз Лопадий, откуда царь грозил самой столице Мелик-шаха, Иконию. Так как большинство населения в стране принадлежало к греческому племени, то движение греков встречало содействие и сочувствие в местных жителях. В событиях на восточной границе принимали участие полководцы: Евстафий Камица, Михаил Стиппиот и Варда Вурца, с которыми мы будем не раз встречаться в дальнейшем изложении. Главные столкновения происходили во Фригии, где туркам нанесены поражения при Фило-

* Верховный сельджукский султан (1105—1118 гг.), которому султан Икония был подчинен как вассал *(Ред.)*.

милии, Поливоте и Ампуке,* после чего султан Мелик-шах принужден был заключить мир. Не разделяя преувеличенной оценки этих успехов со стороны цесаревны Анны, мы должны допустить, что турки-сельджуки все же поставлены были Алексеем в необходимость очистить область Дорилея, где прежде было гнездо их власти, и ограничиться Иконием. Аморий и Филомилия могли считаться опорой византийской власти, откуда греки могли постоянно угрожать иконийскому эмиру. О приобретениях Византии в Сирии речь выше.

Последние годы царя Алексея были омрачены семейными огорчениями. Между многочисленными членами царской семьи Комнинов и родственными с царским домом родами Дук, Вренниев и Далассинов не было достигнуто единство взглядов насчет династического принципа. Царь Алексей как родоначальник и основатель династии придерживался того воззрения, что наследство власти должно принадлежать его старшему сыну Иоанну, который с юных лет был сопричислен к власти. Но и в самой его семье, состоявшей из трех сыновей и четырех дочерей,** не было по этому вопросу одинаковых взглядов, вследствие чего в семейных отношениях царя Алексея отмечается холодность и взаимное недоверие. В этом отношении необходимо войти в некоторые подробности. Во все продолжительное царствование Алексея женскому влиянию было предоставлено большое место не только в придворной жизни, но и в политике. Стоит здесь напомнить о знаменитом хрисовуле царя Алексея, данном на имя его матери, женщины с мужским характером, которая во время первых и самых тревожных лет царствования Алексея держала в своих руках всю администрацию империи. Можно думать, что со временем влияние матери стало для царя довольно отяготительным, но нельзя указать каких-либо резких мер, принятых им против своей матери, которая с течением времени удалилась в монастырь Спаса Всевидящего, ею же, вероятно, и основанный,*** где и оставалась до самой смерти (около 1110 г.). Можно впрочем думать, что, постепенно вырастая при дворе и в высшем обществе, партия царицы Ирины была главным препятствием для того, чтобы Анна Далассина могла удержать свое влияние. Политическим принципом этой второй партии была идея перенесения наследства власти на старшую дочь царя Анну, которая была на пять лет старше своего брата Иоанна, вследствие чего на ней, действительно, в свое время покоились надежды династии. Мы уже говорили, что при воцарении Алексея была сильна тенденция соединить новую династию

* A. Ramsay. The historical geography of Asia Minor, pp. 78—79.

** Иоанн, Андроник, Исаак, Анна, Мария, Евдокия и Феодора. Старшая дочь и есть писательница, имя которой так часто упоминается при изложении занимающих нас событий.

*** Ныне Эски Имарет месджиди, выше Айя Капу на Золотом Роге.

с фамилией Дук, в этих видах предполагалось устроить брак Алексея с царицей Марией, супругой Михаила VII Дуки, в этих же видах порфирородный Константин Дука обручен был с Анной Комниной, которая с юных лет, таким образом, считалась будущей византийской императрицей, и в этих видах ей дано было весьма хорошее образование. С течением времени, когда не стало в живых обрученного с нею Константина и когда проект передачи наследства в род Дук потерпел крушение, цесаревна Анна, хотя и вышла замуж за представителя аристократического рода Вриенниев цесаря Никифора, никогда не могла помириться со скромной ролью и оставить честолюбивые планы на царскую корону. Ирина и Анна выдвинули проект передачи наследства на царскую власть в линию Анны Комнины и Никифора Вриенния, отец которого при Никифоре Вотаниате был некоторое время номинальным носителем короны. Между сыновьями Алексея одни были на стороне его планов, другие поддерживали партию матери: Андроник, второй сын Алексея, склонялся на сторону Анны и ее супруга, а третий сын Исаак поддерживал партию отца и был главным деятелем в пользу перехода власти к Иоанну. Царь Алексей отдавал себе полный отчет в положении дела и принимал все меры, чтобы царица Ирина не воспользовалась обстоятельствами для того, чтобы произвести переворот. Писатели с нескрываемой насмешкой указывают, что царь, в молодости нередко изменявший своей жене, под старость так привязался к ней, что брал ее с собой во все походы. На самом деле Алексей не доверял Ирине и держал ее близ себя с той целью, чтобы не допустить ее до политической деятельности в пользу ее заветных планов.

Таково было положение дел в начале 1118 г., когда царь, находясь в ипподроме, почувствовал сильный припадок и был поспешно вынесен на руках сначала в Большой дворец, а потом в Манганский дворец, на берегу моря. Возможно, что желали доставить больному царю больше спокойствия, перенеся его в Манганы, а могла быть и другая цель: Ирина могла желать ближе следить за теми лицами, с которыми царь будет в сношениях, во всяком случае не допустить старшего сына царя видеться с ним. Около постели умирающего началась борьба влияний и игра страстей. Рядом с притязаниями политических партий обнаружилось соревнование между придворными врачами Николаем Калликли и Михаилом Пантехни, которые также не были чужды указанных политических партий. Ирина употребляла все средства склонить царя к своим планам, она старалась с этой целью опорочить Иоанна в глазах отца и не допускать его к больному. Алексей, повидимому, не вступал в пререкания с супругой и отделывался молчанием на все ее просьбы и наговоры. В конце концов перевес оказался на стороне той партии, которая стремилась доставить наследство Иоанну Комнину, и в этом

отношении, конечно, не было случайностью, что старший сын царя оказался носителем царского кольца с печатью, которое он выставлял как вещественный знак изъявления воли умершего царя. Царице Ирине, когда она увидела, что ее перехитрили, приписываются следующие слова, обращенные к умершему: «и при жизни ты отличался всяческим коварством, одно говоря, другое держа на уме, и ныне по смерти ты придерживаешься тех же обычаев, каким прилежал в жизни».* Несмотря на принятые Ириной меры, к вечеру 15 августа, когда царь чувствовал себя особенно плохо, к нему был допущен Иоанн, и, по всей вероятности, по желанию умирающего. Что здесь происходило между отцом и сыном, сказать трудно. Поэтому нельзя решительно высказаться и относительно того, что затем последовало. Действовал ли Иоанн Комнин по внушению своего отца и действительно ли получил от него перстень с царской печатью, как утверждают его приверженцы, или же, напротив, осведомившись о близкой смерти отца, он на собственный страх завладел дворцом и провозгласил себя царем, как утверждают сторонники царицы Ирины, это остается невыясненным. Царь умер ночью с 15 на 16 августа 1118 г. В эту же ночь, сопутствуемый своим братом Исааком, Иоанн поспешил в св. Софию, провозгласил себя императором и был коронован патриархом Иоанном IX. Отсюда он отправился в Большой дворец, где варяжская стража оказала было ему сопротивление, но перстень с царской печатью открыл Иоанну доступ во дворец. Партия Ирины и Анны была проиграна. Но что положение считалось весьма серьезным, можно видеть из того, что тело умершего царя без обычной помпы на другой день было погребено не в царской усыпальнице, а в монастыре Спаса Филантропа, что поблизости от дворца Манган.** Несколько дней Иоанн не решался выходить из дворца, боясь измены.

В последние годы царствования Алексея, именно под 1114 г., упоминается о появлении в придунайских областях русского отряда под предводительством Владимира Всеволодовича Мономаха. Не в первый раз византийская летопись говорит то о дружественных, то о враждебных отношениях Руси к Византийской империи. Мы оставляли этот вопрос без обстоятельного разъяснения, хотя уже и в течение XI в. русские принимали некоторое участие в судьбах империи в качестве постоянного военного корпуса, жившего в империи и состоявшего на службе царя. Существование этого корпуса, постоянно обновляемого притоком новых дружинников из Киева, свидетельствует о прочной связи, установившейся между Русью и Византией после просвещения Владимира христианством. После прекрасного исследования о варяго-русской дружине в Константи-

* Nic. Acom., p. 11.

** A. van Millingen. Byz. churches in Constantinople. Londres, 1912 pp. 147-148.

нополе, принадлежащего акад. В. Г. Васильевскому,* легко восстановить историю военного вспомогательного отряда, присланного в Константинополь Владимиром в 989 г. Первое время русские, повидимому, были присоединены в качестве небольших частей к разным византийским отрядам и упоминаются в разных местностях, где происходили военные действия. Так, в 1016 г. царь Василий II, захватив в плен болгар, предоставил третью часть пленников союзной Руси. Это было около нынешней Битоли. В 1019 г. в сражении при Каннах греки нанесли норманнам большое поражение, причем часть победы приписана русскому отряду. Около 1024 г. упоминается о прибытии в Константинополь отряда в 800 русских под предводительством Хрисокира. С этим отрядом случилось, однако, странное приключение: он не подчинился предъявленному к нему требованию разоружиться, ушел в Мраморное море, был в Абидосе и потом был истреблен начальником Кивирреотского флота.

В 1034 г. во Фракисийской феме в Малой Азии зимовали варяги. Под этими последними, несомненно, следует подразумевать русских. Рядом остроумных сопоставлений В. Г. Васильевский приходит к заключению, что в этом же отряде находился знаменитый принц норвежский Гаральд,** который принимал участие в войнах с малоазийскими турками-сельджуками вместе с Георгием Маниаком и потом вместе с ним же переправился в южную Италию в 1038 г. Вследствие блистательной победы над арабами при Траине, на северо-запад от Этны, Маниак завладел Сиракузами и другими укреплениями, находившимися во власти арабов, так что к началу 1040 г. вся Сицилия была снова в руках императора. Не входя здесь в подробности, которые были изложены в другом месте, будем следить за дальнейшими известиями об отношениях Руси к империи. К 1047 г. относится поход на Константинополь Владимира Ярославича, о котором имеется подробное сообщение в летописи Пселла.*** «Это варварское племя, — говорит Пселл, — всегда питало яростную и бешеную ненависть к ромэйской власти, при каждом удобном случае изобретало то или другое обвинение и создавало из него предлог для войны с нами . . . Хотя варвары и не имели против Константина Мономаха никаких обвинений, но чтобы их приготовления не оказались бесполезными, они подняли против него войну беспричинную.

«Когда же они тайно вступили в Пропонтиду, то сначала потребовали от нас заключения мирного договора под условием выплаты им большой суммы, именно, определяли на каждое судно по тысяче статиров. Они

* В. Г. Васильевский, Труды, т. I, СПб., 1908.

** В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 263 и след.

*** Σαθα. Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, IV, стр. 144.

предъявляли такие желания или потому, что предполагали у нас золотоносные россыпи, или во всяком случае решившись сражаться... А у нас в то время морские военные средства были весьма недостаточны. Огненосные корабли были разбросаны по разным приморским местам для охраны той или иной нашей области. Посему император, собрав остатки старого флота и снарядив их, воспользовался перевозными царскими судами, а равно несколькими триэрами, снабдив их военными людьми и большим запасом греческого „влажного“ огня, выставил этот флот против неприятельских лодок. Сам же царь, сопутствуемый избранной частью сената, ночью стал якорем в той же самой гавани (где стояли русские суда) и таким образом открыто объявил варварам морское сражение. Не было человека, — продолжает автор, сам будучи личным наблюдателем описываемого, — который бы, смотря на это, не испытывал сильного смущения. Я сам стоял тогда подле императора, который сидел на холме, слегка возвышающемся над морем, и смотрел на происходившее». Византийские моряки при помощи разрушительного действия греческого огня одержали полную победу над русскими, против котрых были также и стихии, ибо поднявшийся ветер расстроил связь между их судами и отнес часть их в море, где они частью потерпели крушение у прибрежных скал, частью были потоплены нагнавшими их триэрами.

Обстоятельства, вызвавшие этот поход, едва ли Пселлу могли быть известны. Напротив, согласно большинству известий, отношения между Византией и Киевской Русью были до описываемого похода самые дружественные. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в первой половине XI в. в Цареграде жили русские купцы и что некоторые сказания о чудесах Николая Чудотворца составлены русским, жившим в Константинополе.* Несмотря на это военное столкновение, на службе императоров продолжали оставаться русские военные люди как в описываемое время, так и после Константина Мономаха. Византийское правительство лишь приняло необходимую меру предосторожности, препроводив русских в отдаленные провинции, где о них и сохранились, хотя и скудные, известия. Около половины XI в. происходит большое движение народов в южнорусских степях. Печенеги перешли за Дунай, на их место в степях южной России появились половцы, или куманы. Это значительно затруднило прямые сношения между Русью и Цареградом, хотя не повлияло на положение постоянного русского отряда, состоявшего на службе в империи. Но в то же время постоянными союзными отрядами империя начинает пользоваться из южноитальянских норманнов, которые становятся известны в летописи под именем франков и упоминаются иногда рядом с русскими: варяги и франки. Так, в походе Романа Диогена на восток, окон-

* В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 307.

чившемся известным поражением и пленом его, собранное им войско состояло, кроме византийских подданных, из франков, русских, печенегов, арабов и грузин. По словам арабского писателя Ибн-ал-Асира, «при Хелате* отряд Алп-Арслана встретил предводителя руссов. Они сразились, русские были разбиты, и был взят в плен их предводитель и приведен к султану, который отрезал ему нос».

В царствование Алексея Комнина в качестве вольнонаемной военной дружины появляются англосаксы. Значение их на византийской военной службе получает совершенно особый политический смысл, если принять в соображение то обстоятельство, что главным соперником царя Алексея был представитель норманнского племени Роберт Гвискар, соплеменники коего в лице Вильгельма Завоевателя и его дружины подчинили англосаксов (1066 г.). Первые признаки движения англосаксонского племени в Византию относятся к начальным годам правления Алексея Комнина. Явившись на выручку осажденного Робертом Драча, Алексей имел в своем войске и отряд варягов под начальством Набита.** Хотя имя варяжского предводителя легко объяснить в смысле принадлежности его к русскому народу, но не будем на этом настаивать. По окончании войны с Робертом царь Алексей в 1085 г. построил укрепление Кивот, или Кеветот латинских летописцев, в Никомидийском заливе, с целью оказать сопротивление туркам-сельджукам, овладевшим к тому времени Никомидией. Охрана этого укрепления была поручена англосаксонскому отряду, который, однако, через некоторое время переведен в столицу и ему поручена охрана Большого дворца. Это было перед самым началом крестоносного движения, когда Алексей стянул в Константинополь все силы, какими можно было располагать. Но с тех пор под варягами, составлявшими лейб-гвардию императора, должны быть понимаемы не русские, а англосаксы. Таким образом и этот, так, повидимому, малозначительный факт свидетельствует о сближении с Западом, которым характеризуется империя накануне крестовых походов. «Поворот к Западу... выразился в замене русских православных людей людьми Запада».***

Мы считали необходимым изложить эти несколько сухие и однообразные известия о присутствии русского военного отряда на службе империи. Этот отряд пользовался в качестве почетной стражи во дворце и в качестве лейб-гвардии императоров немаловажным значением. Повидимому, перед крестовыми походами значение русского отряда начинает падать, уступая

* Иначе Ахлат, на вост. берегу озера Ван (*Ред.*).

** «ὁ τῶν Βαράγγων ἡγεμὼν Ναμπίτης» (Alexias, IV, 5) (*Ред.*).

*** В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 376.

Иоанн II Комнин.

Мозаика Айя-София в Константинополе. (Whiltemore. The Mosaics of haghia Sophia at Istambul. Third Preliminary Report Boston, 1942. Табл. XXV).

место англосаксонским наемникам. С этими наблюдениями переходим к легенде о походе на Византию Владимира Мономаха. Сам по себе этот факт не заслуживает особого интереса, тем более, что известия о нем спутаны. Дочь царя Алексея, которая могла бы располагать хорошими сведениями, дает сухое сообщение, что в 1114 г. до Константинополя дошел слух, будто половцы приготовляются к вторжению в области империи. Так как речь шла о защите Дунайской границы, то император поспешил лично в Болгарию, поставил гарнизоны в Балканских проходах и потом подошел к Видину, где, впрочем, мог только удостовериться в том, что половцы отложили переправу за Дунай. По всей вероятности, что подтверждается и русской летописью, здесь имеется в виду собственно поход киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха, или его воеводы Ивана Войтишига, или сына его Вячеслава. Хотя это входит собственно в русскую историю, но по общности имени Мономах, которое носил киевский великий князь и один из византийских царей Константин IX (1042—1054 гг.), этот эпизод не должен остаться неисчерпанным и в нашем изложении. По русским известиям поход Владимира Мономаха на Дунай вызван был желанием поддержать притязания на престол сына Романа Диогена, Льва, который был женат будто бы на дочери киевского великого князя. Хотя византийская летопись совсем не знает о Льве Диогеновиче и об его родстве с великокняжеским домом в Киеве, но та же летопись, хотя совершенно в другой обстановке и при других обстоятельствах, упоминает о Константине Диогеновиче, убитом в сражении с турками-сельджуками близ Антиохии, и о появлении потом самозванца того же имени, который бежал к половцам, ходил с ними в поход против империи и был ослеплен греками, обманом захватившими его в плен; но это было в 1095 г. Таким образом, выяснение того обстоятельства, кто был зятем Мономаха, осталось совершенно не удавшейся доселе попыткой.* Можем утверждать лишь тот факт, что в занимающее нас время продолжались еще сношения между Русью и Византией. Так, известны два письма Михаила VII Дуки (1071—1078 гг.), посланные к двум русским князьям с просьбой у них помощи против болгар и корсунян.**

* В. Г. Васильевский, ЖМНП, 1875, декабрь; Труды, т. I, стр. 109.
** В. Г. Васильевский, Труды, т. II, стр. 37—38.

Глава IX

ВРЕМЯ ЦАРЯ ИОАННА КОМНИНА

одробной и современной истории Иоанна Комнина, получившего прозвание Калоиоанна, не сохранилось, и едва ли была такая написана. Историки периода Комнинов, Иоанн Киннам и Никита Акоминат, весьма кратко излагают время Иоанна, в особенности они скудно осведомлены о западных делах и, касаясь на основании слухов и устных преданий того, что происходило в Италии и на Балканском полуострове, часто впадают в ошибки и не могут быть хорошими руководителями. Хотя в XII в. Византия вполне вошла в круговорот европейской жизни, так как западные народы вторгались в имперские владения со всех сторон и западные нравы и учреждения постепенно входили в Византию, но создавшееся на восточной границе, в Сирии и Палестине, положение, вследствие образования на Востоке христианских княжеств, было так серьезно, что для преемников Алексея Комнина восточная граница должна была представлять более значения, чем западная. Очевидным для них оправданием служило и то, что западноевропейские события находили себе живой отклик, а иногда и разрешение в Иерусалиме и Антиохии. Так или иначе византийская летопись хуже осведомляет нас о западных событиях, чем о восточных.

Между тем эпоха Комнинов, составляющая наибольший подъем византинизма, какого империя никогда уже потом не достигала, самыми выразительными своими чертами относится к западной истории. Хотя время Калоиоанна до известной степени было продолжением царствования Алексея, но при нем гораздо рельефней выказались потребности времени, он был отзывчивей на запросы своего века и, повидимому, менее увлекался

фантастическими планами и охватившим тогда высшее византийское общество религиозным и политическим индифферентизмом, чем его сын Мануил и потомство его брата Исаака севастократора. Иоанн представляет собой более цельный характер, чем его отец и сын. Изложение истории его времени много выиграет в своей рельефности, если мы не будем отвлекаться мелочами и сгруппируем факты по тем главным течениям, которыми роковым образом направляется вся византийская история XII в. События времени Калоиоанна рассмотрим по следующей схеме: 1) западные дела, 2) события на восточной границе и 3) внутренние отношения.

Сицилийское королевство

Западная политика царя Иоанна обусловливалась сочетанием тех политических и народных сил, которые частью вновь организовались, частью выросли на прежних основах в начале XII в. Можно утверждать, что германская политика византийского царя внушена была боязнью неожиданного и опасного удара со стороны южноитальянских норманнов. Опасение серьезных затруднений с этой стороны вполне было основательно. Империя не могла не рассматривать как покушение на свои вековые права неожиданные политические события, происшедшие в южной Италии: соединение Апулии и Сицилии под властью сицилийских графов в 1127 г. и венчание Рожера II королевским венцом в 1130 г. Но успехи норманнов в свою очередь зависели от того положения, какое заняли в то время угры и сербы, и от тех затруднений, какие Византия испытывала на своей западной границе и на Адриатическом море. В какой тесной связи находились указанные политические события с ролью христианских княжеств на Востоке, лучшим подтверждением тому служит известный факт, что браком вдовы сицилийского владетеля с королем иерусалимским Балдуином корона Иерусалимского королевства переходила к сицилийским норманнам. На этой политической основе выросли весьма характерные для XII в. родственные связи и дружественные переговоры между восточным и западным императорами. Так как западная политика Иоанна Комнина подчинялась создавшемуся в южной Италии и отразившемуся на побережьи Адриатического моря международному положению, то для историка является настоятельной и первой задачей выяснение роли южноитальянских и сицилийских норманнов в начале XII в.

Мы уже выражали раньше мысль, что норманны в истории средних веков являются не только разрушительно-завоевательным народом, но вместе с тем творческим и созидательным элементом. Ряд даровитых деятелей появляется на небольшом пространстве времени, которые с замеча-

тельным искусством использовали современное политическое положение и придали небольшой группе авантюристов, начавших селиться в южной Италии, громадное историческое значение. В занимающее нас время из южноитальянских норманнов происходили первые политические деятели, которым принадлежала руководящая роль в Европе и в Азии. Выше мы ознакомились с двумя князьями из этого поколения норманнов: с Робертом Гвискаром и Боэмундом; первый в Европе, второй в Азии заняли первостепенное политическое положение и наполнили своими предприятиями и остроумными планами историю конца XI и начала XII в.

Нам следует в настоящее время познакомиться с третьим норманнским представителем этой эпохи, с младшим сыном Танкреда Готвилла (Tancred von Hauteville), сицилийским графом Рожером. После того, как Роберт Гвискар получил титул герцога Апулии (1059 г.), младший его брат Рожер оставался владетелем небольшого удела в Калабрии, Мелито, который по своему отдаленному положению представлял мало значения. Но скоро этому скромному вассалу герцога Апулии выпала счастливая роль. В соседней Сицилии, присоединявшейся к владениям герцога Апулии, продолжалась еще борьба между арабами и христианами, последние однако едва держались в некоторых горных местах (Кастроджовании) и почти везде отступили перед арабами, захватившими уже все приморские города и крепости. Кроме продолжавшейся борьбы с христианами, между самими арабскими эмирами и владетелями не было мира, вследствие чего постоянно открывалась возможность посторонних влияний на острове. Рожера пригласили, как говорит предание, христиане города Мессины в 1060 г. придти к ним на помощь, обещая ему сдать город.* Может быть не столько приглашение со стороны христиан, сколько естественное стремление норманнов распространить свои владения на соседний остров привели Рожера к походам в Сицилию. Как скоро окончено было в южной Италии усмирение вассалов, восставших против сурового господства нового герцога, мы видим Рожера в 1061 г. ведущим переговоры с мусульманским владетелем Ибн-Тимна, который захватил Сиракузы и Катанию и принудил признать свою власть Палермо. Но в борьбе с независимым владетелем южной части Сицилии Ибн-Тимна потерпел неудачу, тогда ему пришла мысль обратиться за помощью к норманнам, с которыми, впрочем, он и раньше имел сношения. Явившись в Реджио, где в то время были Роберт Гвискар и Рожер, он описал им положение дела на острове и убедил их, что завоевание Сицилии не представит больших трудностей (1061 г.). Завое-

* Heinemann. Geschichte der Normannen, I, S. 193; E. Gaspar. Roger II (1101—1154) und die Gründung der normannisch — sicilischen monarchie. Innsbruck, 1904, с хорошим указателем литературы.

вание Сицилии оказалось, однако, далеко не таким легким предприятием. Не входя здесь в изложение подробностей, ограничимся общим указанием, что Рожер, частью при помощи брата своего Роберта, который даже лично принимал участие в походах в Сицилию, успел ступить твердой ногой на остров, когда подчинил Мессину и в 1072 г. Палермо. С тех пор власть арабов держалась только в южной части полуострова, но судьба Силиции после сдачи Палермо уже была решена, и главная заслуга в этом отношении принадлежит вполне Рожеру. Со смертью Роберта Гвискара в 1085 г. положение членов правящего норманнского дома изменилось. Герцог Апулии и племянник графа сицилийского Рожер I хотя и был по господствующему праву сюзереном своего дяди, который был обязан ему ленной присягой, тем не менее на практике граф Сицилии был сильней своего племянника-сюзерена и приобрел на него большое влияние тем, что оказал ему сильную поддержку для утверждения его власти. Взамен оказанных услуг граф Рожер получил значительные привилегии по управлению Сицилией, и между прочим ему уступлены были некоторые феодальные права, принадлежавшие герцогу Апулии, как, например, доходы с города Палермо и бесконтрольная власть во всей норманнской Сицилии.

Под умным и либеральным управлением Рожера дела Сицилии складывались весьма благоприятно по отношению к завоевателям. Так, после взятия Палермо Рожер нашел возможным оставить город под управлением арабского эмира, предоставив жителям значительные гарантии и ручательства, обеспечивающие им жизнь и правый суд. С применением принципа раздачи чинов он также был осторожен и, пока Сицилия не была окончательно подчинена, старался не умалять своей власти над военными людьми. Лишь в 1091 г., когда завоевание было окончено, начал делиться со своими сотрудниками землями и пожалованиями. Большим для него преимуществом было то, что его войско, принимавшее участие в завоевании страны, происходило из разных областей Италии и не было исключительно норманнского происхождения. Ленная система не была здесь проведена во всей последовательности, напротив, местный элемент из христиан — греков и арабов — не был вполне порабощен и ослаблен и оказал графу Рожеру неоцененную услугу в завоевании и усмирении страны. Оказывая покровительство грекам в городах и монастырях, Рожер находил в них опору против мусульман. Но с другой стороны и политика очищения острова от мусульман не входила в виды Рожера. Здесь, по словам новейшего историка,* в первый раз в истории христианского мира под

* E. Gaspar. Roger II, S. 9.

давлением обстоятельств осуществлена была идея толерантного государственного устройства. И действительно, Рожер не только умел быть терпимым к мусульманам, но и пользовался их силами для своих военных целей, применил их административную и податную систему для потребностей своего государства.

Уже в 1088 г. имеются известия о сношениях Рожера с папой. На этот раз однако сам римский епископ прибыл в Сицилию, чтобы переговорить с графом Рожером о современных церковных делах. Легко понять, что римская церковь не могла без участия относиться к сицилийским событиям. В Сицилии не только возникало, благодаря успешной деятельности Рожера, христианское государство, но вместе с тем воссоединяема была с римской церковью область, которая прежде составляла ее неотъемлемую принадлежность. Рожеру было в высшей степени важно установить правильные отношения с римской курией, которая в XI в. раздавала королевские и императорские короны. Еще в 1063 г. он получил от папы Александра II освященное знамя и церковное благословение и с тех пор находился в тесных отношениях с Римом, хотя и не оставлял своей либеральной политики. С большей свободой мог действовать Рожер там, где его политика была наиболее верна, хотя и не так приятна для курии. Оказанная им поддержка православию с политической точки зрения была так настоятельна, что сами папы были убеждены в ее справедливости, хотя в этой политике была большая опасность для Рима. С точки зрения папства завоевание Сицилии было столько же победой над Константинополем, как над исламом: греческая церковь отняла от Рима сицилийские епископии в VIII в., и арабское господство не ослабило притязаний Рима. Таким образом, со стороны римской церкви не было желательным поддерживать греческий элемент в Сицилии. Тем не менее, опираясь на каноническое право греческой церкви, Рожер приобрел весьма сильное влияние над епископами и клиром и мог достигнуть чрез это весьма важных результатов. Ему удалось создать в Сицилии такую католическую церковь, которая до крайности мало зависела от Рима и весьма много от князя.*

Рожер был женат три раза. Уже под старость он вступил в третий брак с Аделасией, племянницей знаменитого маркграфа Бонифация. От нее родился в 1095 г. сын, названный по имени отца и вступивший в обладание Сицилией по смерти его (1101 г.) под именем Рожера II. За его малолетством управляла умная и в высшей степени энергичная графиня-мать, вдова Рожера I.

Следуя во всем политике своего мужа, Аделасия также нашла противовес против феодальных тенденций в туземном арабском элементе. Одним

* Amari. Storia dei musulmani di Sicilia, III, p. 303. Firenze, 1854, I—III.

из важнейших ее дел было перенесение столицы из Мессины, где было гуще норманнское население, в Палермо с господствующим мусульманским элементом. В 1112 г. Рожер II достиг совершеннолетия и принял в свои руки правление, когда для его матери открылась новая политическая перспектива в св. Земле вследствие брака ее с иерусалимским королем Балдуином. В брачный договор было внесено условие, что в случае, если брак ее с Балдуином не будет иметь мужского потомства, наследство иерусалимской короны должно перейти на ее сына Рожера. Известно, что этот брак не был счастлив и что он был впоследствии расторгнут церковью. Аделасия через три года возвратилась в Сицилию и скрыла свой стыд и горе в монашеском уединении.

Рожер II принадлежит к выдающимся лицам в даровитой семье Готвиллов и в тоже время к самым образцовым политическим и государственным деятелям в средние века. Это одаренная творческим духом фигура, в которой прекрасно отразились лучшие стороны норманнского народа и культурные завоевания мусульманства и византинизма. Им много создано в государственном, литературном и художественном отношении. Его столица Палермо в первой половине XII в. была мировым городом, и король Рожер играл первые роли в современных ему всемирно-исторических событиях. Что Рожер воспитан был под сильным арабским влиянием, это видно столько же из характера его государственной деятельности, сколько из его литературных и художественных вкусов. При нем получила первостепенное значение чисто арабская государственная должность адмирала, развившаяся из эмира Палермо, в руках которого сосредоточивалась власть над флотом, а впоследствии административная власть над всем островом. Носителем этой важной в истории Сицилии должности был великий адмирал Георгий Антиохийский, христианин сирийского происхождения, много лет проведший на службе африканских арабов и перешедший затем на службу к графу сицилийскому. Здесь сначала он заведовал податным ведомством, а потом ему было поручено морское дело, в котором он проявил исключительные организаторские силы, создав из Сицилийского графства морское государство и сделав его обладателем флота. Мы не будем следить за первыми походами в Африку, где прежде всего нашли приложение морские силы Сицилии; в 1123 г. был отправлен флот в 300 кораблей и с 300 тысяч экипажа и 1000 лошадей. Хотя на этот раз поход не был удачен, но он показывает значение Сицилии как морской державы.

Но центр тяжести политики Рожера лежал в Европе. Отношения его к Риму сложились менее благоприятно, чем при его отце. Уже и в том могла лежать причина нерасположения к нему, что Рожер холодно относился к идее крестовых походов и слишком ревностно поддерживал в Сицилии греческое духовенство и православные церковные учреждения.

По отношению к своим родственникам в южной Италии Рожер мог держаться с достоинством как старший между ними. Герцогская власть в Апулии принадлежала Вильгельму, племяннику Рожера II, который едва ли мог практически осуществить сюзеренные права относительно сицилийского графа. Напротив, в 1124 г. Вильгельм поступился своими правами над половиной города Палермо и таким образом уничтожил и последние остатки сюзеренных прав над Сицилией, а в следующем году бездетный герцог Апулии назначил Рожера своим наследником за небольшую выданную ему за это сумму. Таким образом положено было начало политическому объединению Сицилии с южной Италией.

В 1127 г. умер герцог Апулии Вильгельм, и герцогский титул переходил к дяде его, сицилийскому графу Рожеру II. После своего первого герцога Роберта Гвискара Апулия переживала продолжительный период смут и взаимной борьбы между баронами. Сын и наследник Роберта герцог Рожер мог сладить с внутренними неурядицами лишь благодаря помощи своего дяди, сицилийского графа. Самым опасным его соперником был сводный брат его Боэмунд, притязаниям которого был положен конец в 1089 году тем, что ему было выделено отдельное княжество с главным городом Тарентом. Боэмунд увлечен был мечтой об основании нового княжения за морем и, приняв деятельное участие в Первом крестовом походе, был первым государем в Антиохии. Вследствие этого Тарент остался под управлением супруги его Констанции, которая и по смерти Боэмунда в 1111 г. унаследовала власть в Тarенте за своего малолетнего сына. Политической тенденцией Тарента было сохранение связей с Антиохией, почему как скоро Боэмунд II достиг совершеннолетия (1126 г.), он отправился в Антиохию и был там наделен владением Антиохийским княжеством, зависевшим по феодальному праву от Иерусалимского королевства. В герцогстве Апулии так же, как в Таренте, недоставало организаторских сил. За Рожером I следовал в 1111 г. его сын Вильгельм, при котором в герцогстве наступила анархия; вассальные владетели разных областей отказались признавать зависимость от герцога и объявили себя в оффициальных документах графами милостию божией.

При таких условиях безначалия и смут граф Рожер принял апулийское наследство. Получив известие о смерти племянника Вильгельма, Рожер явился с 7 кораблями в гавань Салерно и потребовал, чтобы ему был предоставлен доступ в город как наследнику умершего герцога. После длинных переговоров и после того, как Рожер дал обещание пощадить вольности граждан и не требовать с них больше обычного, Салерно открыл ворота и принял Рожера. Примеру Салерно последовали другие города; но оказалась против Рожера церковная власть. Папа Пасхалис II поспешил в Беневент и произнес отлучение против нового герцога. Оказывается, что соединение Апулии с Сицилией далеко не соот-

ветствовало политическим интересам Рима и придавало норманнам такое политическое положение, которое совсем не предусматривалось соглашением 1059 г. в Мельфи. Большое норманнское государство могло быть так же опасным для Рима, как прежде Византийская империя. Поэтому современный занимающим нас событиям папа Гонорий II вооружился всеми доступными ему средствами против Рожера. Он составил союз из южноитальянских владетелей против Рожера и начал с ним открытую войну. Зима 1128 г. прошла в приготовлениях к военным действиям. Рожер имел против себя союз, организованный папой, но с своей стороны заручился важным соглашением с республикой Генуей. Но в данном случае на стороне герцога была скорей тактика, чем превосходство сил, последним бесспорно мог похвалиться его соперник. Не вступая в открытый бой с превосходными силами папы, которые сосредоточены были на берегу реки Брадано, Рожер дождался июльской жары, производившей болезни в папском лагере. К этому присоединившийся недостаток в съестных припасах и нежелание союзников без нужды подвергаться голоду и опасностям поставили папу в крайнее затруднение и побудили его начать с герцогом переговоры. Когда узнали об этом союзники, не дожидаясь конца переговоров, поспешно снялись с лагеря и разошлись по домам. В 1128 году папа дал наконец Рожеру инвеституру на герцогское достоинство и принял от него присягу на верность. На следующий год Рожер созвал торжественное собрание чинов в Мельфи, где собрались почти все владетели и бароны норманнских земель южной Италии. Здесь была принесена собравшимися чинами присяга на верность Рожеру и его сыновьям и дано обязательство положить конец анархии и наблюдать земский мир во всех областях герцогства. Ближайшие мероприятия в Апулии по обузданию своеволия, постройка новых крепостей в Трое и Мельфи навели страх на апулийских баронов. Владетель Капуи не замедлил признать зависимость от герцога Апулии, точно так же дал ему ленную присягу magister militum Неаполя. Под влиянием достигнутых успехов у герцога Рожера начал зреть план о соединении норманнских владений в Сицилии и Апулии и о принятии королевского титула. Современные события как нельзя более соответствовали смелым планам Рожера.

Борьба светской власти с духовной естественно разделила европейские государства на два лагеря, на приверженцев папы и сторонников императора. И папы и императоры желали иметь на своей стороне союзников, и тем более придавалось цены новому партизану, чем смелее он был связан союзами и отношениями со старыми политическими организациями. В лице Рожера II образовалась совершенно новая сила. Пробивая себе дорогу в среду европейских государств, норманнский герцог производил этим перемены в сложившейся системе и вызывал крупный переворот в отношениях между тогдашними государствами.

Две дворянские фамилии в Риме спорили из-за власти, и, как всегда в Вечном городе, освободившийся престол римского епископа подал повод к открытой борьбе. Партия, стоявшая на стороне Франжипана, выдвинула в папы Иннокентия II, а партия Пиерлеоне стояла за папу Анаклета. Последний был кандидатом большинства римского дворянства и, следовательно, мог находить поддержку в церковных партиях итальянских городов; Иннокентий искал поддержки за границей и имел значительную партию во Франции. Рожер взвесил положение дел и своим присоединением к партии Анаклета дал ему решительный перевес над соперником. Но он давал свою поддержку не даром, он поставил необходимым условием венчание королевским венцом. О переговорах с папой сохранилось мало известий. Сентября 27-го из Беневента Анаклет издал буллу, в которой изъявил свою волю на пожалованье Рожеру королевской короны.*

Между прочим в этой же булле признано за Рожером право на княжество Капую и некоторые сеньориальные права по отношению к Неаполю и Беневенту. Венчание королевским венцом происходило в Палермо в Рождество 1130 г.

Воспользовавшись церковным раздором и без труда достигнув весьма важных политических и церковных привилегий для своего королевства, Рожер II тем не менее успехами своими был обязан союзу с представителем одной партии, которая получила временный перевес. Побежденная партия тем более не считала проигранным своего дела, что она могла находить могущественную поддержку в тех государствах, которые считали нарушенными свои жизненные интересы соединением южной Италии и Сицилии под властью Рожера II. Новый порядок вещей рассматривался несовместимым с интересами германской империи, весьма вредным для Византии и опасным для североитальянских торговых республик.

В высшей степени интересно разобраться в сложной политической драме, которая на некоторое время в главных своих явлениях была разыграна Рожером и его соперниками. Несомненно большим счастьем для сицилийского короля было то, что германский король Лотарь II, уже в 1131 г. принявший сторону антипапы Иннокентия, не имел достаточных средств, чтобы совершить с успехом поход в Италию. Хотя итальянские торговые республики также затронуты были увеличивавшимся морским могуществом Рожера, но он успел заручиться союзом с Пизой

* Gaspar. Roger II, S. 94. Concedimus igitur et donamus et auctorizamus tibi et filio tuo Rogerio... et heredibus suis coronam regni Siciliae et Calabriae et Apuliae (примечание 2).

и таким образом ослабить образовавшееся против него движение среди его собственных вассалов в Апулии. Как раз к 1136 г. относятся сношения Восточной империи с Пизой, вследствие которых за пизанцами были возобновлены привилегии, данные им царем Алексеем.

Находясь в крайней опасности и под угрозой новых предприятий норманнов, отец Иоанна Алексей Комнин тщательно разыскивал в самой Италии союзников. Сношения между торговым городом Пизой и империей происходили весьма оживленные. В 1111 г. куропалат Василий Месимерий сделал пизанцам от имени царя весьма выгодные предложения, на которые республика отвечала согласием войти в сферу политических интересов империи и стать на сторону ее друзей и союзников. Следствием этого соглашения следует считать хрисовул от октября 1111 г., которым византийский император обязывается не ставить препятствий пизанцам в их походах на восток и оказывать покровительство тем, кто поселился в пределах империи. В знак особенной милости царь жалует в пизанский собор и в распоряжение архиепископа ежегодно определенный вклад в виде денежной суммы и шелковой ткани. Пизанским купцам предоставлялось право свободно торговать в пределах империи с тем ограничением, что золота и серебра они не ввозят совсем, а за другие товары платят ввозной пошлины 4%. В самой столице империи им отводится пристань и отдельный квартал с постройками, в которых они могут жить и складывать свои товары; равно как указаны определенные почетные места в св. Софии и в иппподроме.* Как ни оберегала Венеция полученные ею в Константинополе исключительные привилегии, но на этот раз принуждена была уступить небольшое место пизанцам и поделиться с ними торговыми выгодами. Опасения Венецианской республики имели впрочем для себя основания, так как впоследствии торговое и политическое соперничество в Византии довело Венецию и Пизу до кровавых столкновений.

С восшествием Иоанна на престол Венеция послала в Константинополь посольство с предложением возобновить договор, заключенный при царе Алексее. Весьма любопытно отметить, что по замечанию современного событиям писателя Киннама уже и в то время в Константинополе чувствовали тяжесть венецианской опеки и с трудом сносили высокомерное отношение иностранной колонии, которая слишком высоко ценила свои услуги империи. Иоанн не исполнил желания Венеции и не возобновил договора и привилегий в пользу венецианцев, но скоро должен был пожалеть об этом. В 1122 г. венецианский флот явился к острову Корфу и начал враждебные действия, в следующем году подвергся опустошению Родос, затем Хиос и другие острова. Империя не имела достаточных

* F. Miklošich et J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, III (6 Bde, Wien, 1880—1890); Heyd. Histoire du commerce du Levant, I, 193.

морских сил, чтобы выступить против венецианцев, и царь Иоанн принужден был уступить. Он дал знать дожу, что готов вступить в переговоры, и в 1126 г. возобновлено было соглашение, нарушенное последними враждебными отношениями, продолжавшимися три года.

С тех пор Иоанн поддерживал добрые отношения с Венецией, вполне понимая всю невозможность поступить иначе, так как западные народы со времени начала крестовых походов стали слишком могущественным элементом в империи. Нигде, однако, антинорманнское движение не могло иметь такой подготовленной почвы, как в Византии. Здесь никогда не забывали, что южная Италия есть исконная провинция Восточной империи и что в норманнах, начиная с Роберта Гвискара, восточный император имеет самых опасных врагов, с которыми тем трудней считаться, что они построили все свое благополучие на захватах имперских областей. Возвращение южной Италии составляло предмет самых горячих желаний царей Комнинов. Это столько же имело основания в сохранившихся остатках греческого населения и византийских учреждений в Апулии и Калабрии, как в недовольстве норманнской властью, вследствие чего в Константинополе постоянно жили князья и бароны, изгнанные или бежавшие из Италии.* Но для того, чтобы не терять почвы в южной Италии и быть в состоянии до некоторой степени руководить событиями, византийский император должен был зорко следить за папской политикой.

«Папство очень много было обязано норманнам и вовсе не имело интереса уничтожать их власти на юге Италии... Но необходимо, чтобы норманны были покорными слугами и вассалами римского престола. Получив корону от Рима, они должны быть верными папской тиаре. Всякий раз, как норманны уклоняются от своего призвания, вступают во вражду с папским престолом, римская курия противопоставляет им притязание той или другой империи, или обеих вместе. Восточная и Западная империи одинаково имели притязания на господство в Италии, но для одной важней было господство на юге полуострова, для другой — на севере его. Между ними возможно было временное соглашение, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цели; но при одном только признаке ее достижения начиналось взаимное соперничество, и опасность для норманнов проходила благополучно...

«Будущая владычица морей и европейской торговли, умная Венецианская республика, была естественной союзницей Византии, пока дело шло о том, чтобы не допускать господства норманнов на Адриатическом море... Но венецианцам вовсе не было желательно, чтобы Византия утверждалась в самой Италии; это было бы для них то же самое,

* Cinnami. Historiarum, II, 4, p. 37. Bonnae, 1836.

если бы норманны утверждались на другом берегу Адриатики: оба берега в руках одной державы».*

Неожиданное распространение норманнского могущества, выразившееся в соединении Апулии и Сицилии, в образовании морского флота и в принятии королевской короны Рожером II, конечно, не могло не встревожить царя Иоанна Комнина. Сфера норманнского влияния не ограничивалась уже Италией, но простиралась на Африку, куда стал ходить сицилийский флот, умело направляемый Георгием Антиохийским. Но самое важное было на востоке. Тогда (в 1131 г.) в Сирии за смертью Боэмунда II открылось антиохийское наследство, так как дочь умершего князя, малолетняя Констанция, осталась единственной представительницей рода Готвиллов. В Константинополе питали надежду сосватать наследницу Антиохийского княжества за царевича Мануила, сына царя Иоанна, между тем как иерусалимский король Фулько имел другой план и желал удержать Антиохийское княжество за норманнским домом. Раймунд, граф Пуатье из Франции, намечен был как будущий князь Антиохии. Но король Рожер рассматривал себя вполне законным наследником по смерти бывшего тарентского князя и принял все меры к тому, чтобы захватить Раймунда во время его переезда в Антиохию. Последний однако обманул бдительность Рожера и переодетым добрался до Сирии.

При таких условиях мы должны рассматривать западную политику Иоанна Комнина. Чтобы положить преграды широкому размаху сицилийского короля, восточный император мог войти в сношение либо с римским престолом и его приверженцами, либо с германским королем. Следы сношений с папой начинаются с 1124 г., когда в Рим было отправлено письмо, на которое папа Калликст II отвечал посольством в Константинополь и открытием переговоров о соединении церквей. Хотя эти переговоры не сопровождались положительными результатами, но весьма вероятно, что в Риме и Константинополе не теряли надежды на благоприятное их направление. Больше значения приобретали сношения между Восточной и Западной империей. В 1135 г. пришли в Мерзебург к Лотарю два посла из Константинополя с дарами и предложением дружбы. Главная цель посольства, как видно из латинских хроник, заключалась в том, чтобы достигнуть соглашения против Рожера Сицилийского, который нанес столько вреда историческим притязаниям Восточной империи. В том же смысле приносили жалобу на Рожера венецианские послы, прося Лотаря употребить меры по обузданию Рожера. Следствием этих переговоров была посылка в Константинополь епископа Гавельберг-

* Пользуемся здесь словами В. Г. Васильевского (Из истории Византии в XII в. Слав. сборник, III, стр. 377 и след.) [см. также: В. Г. Васильевский, Труды, т. IV, стр. 112 и сл., *(Ред.)*].

ского Ансельма, миссия которого была предметом особенного внимания в ученой литературе.* Но, повидимому, и на этот раз в Константинополе свели вопрос на церковную почву, так как там произошел богословский диспут между немецким епископом и архиепископом никомидийским Никитой по вопросу о разделении церквей, о котором сделал потом подробный доклад посол Лотаря. Что же касается политических затруднений, они нисколько не были устранены. В 1137 году вновь видим константинопольских послов в Германии, а потом в южной Италии, куда Лотарь предпринял поход. Как ни скудны сохранившиеся известия насчет этих сношений, но они сопровождались очевидными результатами; поход Лотаря в южную Италию состоялся, и, по всей вероятности, Византия давала средства на осуществление этого предприятия, которое имело целью южноитальянские владения Рожера. Лотарь взял Бари и принял на себя титул герцога Апулии, поставив этим сицилийского короля в крайнее затруднение и воспрепятствовав ему заняться антиохийским делом, которое, как видно будет далее, всего более интересовало в это время царя Иоанна. Чтобы постоянно держать сицилийского короля в состоянии обороны против ближайших соседей, Иоанн Комнин, желая в то же время располагать всеми своими силами для сирийского похода, в 1140 г. вновь отправил к преемнику Лотаря посольство. На этот раз греческие послы имели трактовать о брачном союзе между младшим сыном царя Мануилом и одной из немецких принцесс. Следствием этого было торжественное посольство в Константинополь, которое исполняли королевский капеллан Альберт и граф Александр Гравина. Между прочим они должны были вести дело о браке между свояченицей короля Конрада и дочерью графа Зульцбах Бертой (Bertha von Sulzbach) и Мануилом Комнином.** Хотя вопрос о браке разрешался этим, но переговоры продолжались еще несколько времени, и притом неизвестно, с которой стороны поставлены были затруднения. В конце 1141 г. вопрос еще оставался открытым, и мы видим новое греческое посольство при германском дворе, которое занято было столько же брачным делом, как и политическим. В этой стадии сношения между Восточной и Западной империей становятся более ясны из сохранившегося письма Конрада к Иоанну Комнину. Оно помечено 12 февраля 1142 г. и сохранилось в сочинении Оттона Фрейзингенского. Хотя политическая сторона дела мало в нем затронута и, повидимому, была предметом словесных поручений послу, но ясно, что обе империи вполне договорились относительно мер против сицилийского короля. Извещая византийского царя о том, что обстоятельства складываются благоприятно для давно задуманного им итальянского похода, Конрад переходит к изло-

* Особенно Dräseke в «Zeitschrift für die Kirchengeschichte», XXI, S. 160).
** Otto Freising. Gesta Friderici I. Mon. Germ. Hist., XX, p. 363.

жению обстоятельств, имеющих для нас важное значение в смысле характеристики тогдашних отношений между империями. Конрад рекомендует прежде всего вниманию императора германцев, состоявших на военной службе империи, и просит, чтобы было уступлено в пользу поселившихся в Константинополе немцев место для постройки церкви. В особенности любопытно упоминание об одном частном случае. Западный император обращается к Иоанну Комнину с жалобой на русских, которые напали на немецких купцов и отняли у них товар и деньги, и вместе с тем просит во имя дружбы и союза принять меры к удовлетворению пострадавших. Трудно определить, какой случай вызвал это обращение, но его следует принимать в соображение при оценке сношений, которые нас занимают. После этого Иоанн отправил в Германию новое посольство, которому было поручено привезти в Константинополь невесту, сосватанную за Мануила. Берта Зульцбах прибыла морем в Константинополь и приняла имя Ирины. Повидимому, она не могла мечтать о блестящей судьбе, какая ожидала ее на Востоке. Ее женихом был второй сын царя, наследство царского достоинства принадлежало царевичу Алексею, тогда уже сопричисленному к царству. Историк Иоанн Киннам упоминает * об одном обстоятельстве, имевшем место при встрече германской принцессы в Константинополе. Оказывается, что между другими придворными особами при встрече была и супруга Алексея, старшего брата Мануила. Она была одета в платье из виссона, вытканного золотом и обшитого пурпуром. Но так как виссон отливал темным цветом, то Берте показалось, что эта дама в черном платье, и она спросила: кто эта так прекрасно одетая монахиня. Так как летом 1142 г. Алексей умер, то сказанные Бертой слова сочтены были за дурное предзнаменование. Во всяком случае брак германской принцессы с Мануилом, которому судьба сулила царский престол, перешедший к нему за смертию старших его братьев Алексея и Андроника, обозначал счастливый поворот в западной политике царя Иоанна. Именно, вследствие союза между Восточной и Западной империями, направленного против сицилийского короля Рожера II, Комнины удачней могли справиться с теми затруднениями, которые угрожали им в Сирии и Палестине. Между тем и Рожер хорошо сознавал создавшиеся для него затруднения и пытался всеми средствами противодействовать германо-византийскому сближению. И здесь он проявил большие дипломатические способности и много творческой деятельности. Удачно справившись с составившейся против него лигой в Италии, Рожер не терял из виду главного своего врага в лице западного императора. Германия давала приют его итальянским вассалам, не желавшим ему подчиниться. Вступление на престол Конрада Гогенштауфена было для него весьма

* Cinnami, II, 4, p. 36 (Bonnae, 1836).

благоприятным обстоятельством и давало ему возможность поддерживать денежными средствами и советом враждебную Конраду партию.* Сицилийское королевство открыло у себя доступ всем недовольным правительством Конрада; насколько в свою очередь подозрительно относились к Рожеру в Германии, доказательством служит слух, сообщенный Оттоном Фрейзингенским, что подосланные Рожером итальянские врачи отравили Конрада,** равно как пущенные в обращение известия, будто он подкупил угорского короля для войны с немцами. В особенности следует отметить, что Рожер предпринял даже смелый шаг, чтобы помешать происходившим между западным и восточным императорами переговорам о брачном союзе. Вероятно, уже в то время, когда Берта-Ирина прибыла в Константинополь, норманнские послы прибыли сюда с предложением заключить брачный союз между сыном Рожера и одной из византийских принцесс. Неожиданная смерть царя Иоанна в 1143 г. замедлила течение этих переговоров. Царь Мануил отнесся внимательно к сделанному из Сицилии предложению и послал туда своего уполномоченного Василия Ксира. Но, как говорит историк Киннам, Ксир превысил полномочия и, подкупленный золотом, надавал Рожеру таких обещаний, которые с точки зрения современника казались «нелепостями», т. е. будто Мануил и Рожер будут пользоваться одинаковым титулом.*** Если подразумевать под этим разделение власти над Западом и Востоком с устранением германского императора, то, конечно, проект был весьма смел. Мануил не нашел возможным разделить планы Рожера и тем создал в нем ожесточенного врага Восточной империи, как это увидим в изложении истории Второго крестового похода.

Венгры и сербы

Переходя от южной Италии и Германии к северо-западной границе Византийской империи, мы не находим здесь ни прежнего Болгарского государства, ни Великой Моравии. Как во время старой Римской империи, Дунай составлял здесь номинальную границу, но в обширной равнине по реке Тиссе и по течению Дуная образовалось, на месте прежних славянских поселений, Мадьярское или Венгерское государство, которому в XI и частию в XII в. принадлежит инициатива в истории этих областей и которое должно привлекать к себе наше внимание. Угры не только внесли в историю юго-восточной Европы совершенно новые начала, но дали особенное направление всему складу жизни юго-западных славян и обусловили

* Подробности у E. Gaspar (Roger II.., S. 357).

** **M o n u m G e r m.**, XX, p. 389.

*** **C i n n a m i**, III, 2, p. 92: «χρυσίῳ κλαπεὶς παρ' αὐτοῦ ἀλλόκοτά τινα ὡμολόγει, ὧν δὴ κεφάλαιον ἦν τὸ ἐν ἴσῳ μεγαλείου βασιλέα τε τοῦ λοιποῦ καὶ Ῥογέριον ἔσεσθαι».

Ирина, жена Иоанна II Комнина.

Мозаика Айя-София в Константинополе. (Whiltemore. The Mosaics of haghia Sophia at Istambul. Third Preliminary Report Boston, 1942. Табл. XXIX).

развитие славянской истории на все последующее время. И в этом отношении, как бы ни казалась история их в отдаленной связи с византийской, она по всему праву займет несколько страниц в нашем изложении. Не возвращаясь к тому периоду, который относится к германской эпохе разгрома Моравии и Баварии и который закончился утверждением угров в прежних славянских областях и следовательно порабощением мораван и словаков и части русских и хорватов, мы остановимся лишь на главных фактах угорской истории, чтобы до некоторой степени объяснить сочетание счастливых обстоятельств, давших уграм исключительное положение в Средней Европе.

Угры поселились в нынешней Венгрии как кочевой народ, как орда завоевателей. Разделенные по племенам и семьям и сохраняя патриархальный быт, угры на первых порах своего поселения среди славянских народностей подвергались опасности быть поглощенными туземцами, но их ограждало от разложения строгое племенное устройство и широко развитая власть племенных старшин, а необходимость быть постоянно на военном положении и делать походы против соседей поднимала значение хана из потомства Арпада, который стоял во главе всех 8 племен. Угры долго сохраняли положение военного стана среди завоеванных ими народов и потому имели возможность развиваться вполне на своих национальных началах. Но когда ближайшие преемники завоевателя пришли к сознанию того, что в новых местах обитания нельзя оставаться в старых условиях жизни, они открыли в свою страну доступ иностранцам, которые пользовались значительными правами и постепенно влияли на изменение склада жизни кочевой орды. Главная орда под непосредственным начальством хана поселилась в середине Венгрии, в области Песта и Альбы. С конца X в. угры начали терять свои особенности кочевого народа и постепенно усваивать как религию, так и обычаи соседних христианских народов. Это был неизбежный ход вещей, обусловливаемый исторической эволюцией европейских народов и стремлениями, исходившими из Рима и Константинополя, в смысле приобщения к христианству новых народов. Но независимо от того мы должны признать в уграх значительную долю творческих сил, которые позволили им стать выше окружавшей среды и заставить ее служить благу и на пользу кочевого народа, насильственно вторгшегося в Среднюю Европу. На пороге культурной истории Угрии стоит имя св. Стефана.

Нет сомнения, что уже во время Гейзы, отца Стефана, начало проникать в Венгрию христианство. Для этого впрочем не нужно предполагать каких-нибудь новых проповедников, достаточно вспомнить, что туземное население еще до венгерского завоевания было обращено к христианству трудами братьев св. св. Кирилла и Мефодия. В конце X в. пассовский епископ Пилигрим, к церковной области которого принадлежала необра-

щенная Венгрия, извещал папу Бенедикта VII в 975 г. о значительных успехах, достигнутых им в Венгрии. «Так как меня очень просили венгры или самому к ним притти, или послать кого из моего духовенства для проповеди, я отправил к ним несколько монахов и священников, и по милости божией им удалось обратить 5000 знатных к католической вере. Христиане составляют однако большинство населения: это пленники из разных стран, которые доселе были тайными христианами. И сами варвары не препятствуют своим подданным креститься и допускают священников приходить в их страну . . . Угорский народ во всей совокупности склонен к принятию христианства».* Епископ Пилигрим свидетельствует здесь о том любопытном факте, что христианство сохранилось в Угрии как плод деятельности святых братьев — славянских просветителей. Оттого так легко обращены были и языческие угры и притом скорей не баварским духовенством, а чешским. Крайний идеалист и отвлеченный мечтатель, друг коронованного идеалиста той же эпохи, императора Оттона III, пражский епископ Войтех, которого неудовлетворенная жажда подвигов и ревность по боге бросила из Чехии по разным странам, посетил между прочим и угорского короля Гейзу, который предоставил ему все средства проповедовать христианство языческим уграм. Хотя сам король довольно безразлично относился к вопросам веры и с самодовольством высказывался, что у него есть достаточно средств и для языческих богов и для христианского, тем не менее аскетически настроенный св. Войтех произвел большое впечатление на него и его приближенных. Тогда (около 995 г.), вероятно, обращена была в христианство вся семья Гейзы и крещен сын его Вайк, принявший имя Стефана.

Когда, по смерти отца своего, Стефан принял власть над уграми в 997 г., государство его заняло уже важное место среди европейских народов. Одна сестра Стефана была замужем за Болеславом польским, другая за дожем Венеции, и самому Стефану предстояла важная роль в европейской политике вследствие брака его с баварской принцессой Гизелой, вместе с прибытием которой открылся большой простор для германского влияния в Венгрии. Но самым важным его делом были преобразования, внесенные им в государственное устройство Венгрии, и принятие королевского венца.

Каким образом удалось Стефану без особенной борьбы и так скоро и успешно провести дело о церковной организации Угрии и об освобождении ее от притязаний немецких епископов, чем объяснить встреченный им повсюду благоприятный прием в проведении столь важного националь-

* St.-Lad. Endlicher. Rerum Hungaricarum. Monumenta Arpadiana. Sangalli, 1849. Основное сочинение по истории Венгрии: Fessler. Geschichte von Ungarn. 5-e Aufl. Leipzig, 1867, I, S. 80, 105; очень хорошая популярная история: Ed. Sayous. Histoire, Générale des Hongrois. Budapest—Paris, 1900, p. 56.

но-политического предприятия, которое требовало обыкновенно громадного напряжения и встречало непреодолимые затруднения, как скоро касалось славян, — это остается и до сих пор не совсем ясным. Во всяком случае нельзя всего объяснить случайно сложившимися благоприятными обстоятельствами, несомненно Стефан и сам умел подготовлять подобные обстоятельства. Прежде всего, основывая архиепископию в Гране и епископию в Калоче, он мало считался с притязаниями пассовской епископии, а скорей восстанавливал прежнюю мораво-паннонскую архиепископию, которая была реальным фактом и в сознании местного населения и с точки зрения церковного предания. В этом отношении задуманное Стефаном дело могло казаться гораздо легче, чем то, что провел Рожер. Стефан решился просить у папы королевского венца, который бы давал ему право устроить независимую церковь. К сожалению, мы лишены возможности проследить мотивы и судить о подробностях этого крупного переворота в судьбе Венгрии. Когда посланец Стефана епископ Астрик прибыл в Рим, престол св. Петра занимал друг Оттона III ученый Герберт, принявший имя Сильвестра II. Есть рассказ, что в то же самое время шла речь о наделении королевским венцом польского князя Болеслава Храброго и что для него уже была приготовлена в Риме корона. Так как по отношению к Болеславу поставил препятствие Оттон III, то корона дана была епископу Астрику для Стефана. Эта корона составляет и по настоящее время один из драгоценных венгерских государственных памятников и бережно хранится в музее.

Вместе с короной обычай усвоил употребление при священном акте коронования еще других принадлежностей нарядных выходов и церемоний. Такова фелонь, или мантия, вышитая королевой Гизелой и принесенная в дар церкви в Альбе, и скипетр. В 1000 г. 15 августа Стефан венчался в Гране королевским венцом. Хотя с тех пор Венгрия сделалась вполне католическим государством и вошла в сферу влияния Западной империи и латинской церкви, но есть некоторые следы и византийских влияний. Так, известно, что много угров жило в Константинополе и что для них была построена в столице Восточной империи церковь. Так, византийские архитекторы и художники были приглашены в Венгрию и строили здесь церкви и монастыри. В Веспримe был устроен греческий монастырь для женщин, одаренный королем доходными статьями и приношениями.

За смертью св. Стефана в 1038 г. открывается продолжительный период внутренних смут, вызванных главнейше борьбой национальной партии с иноземцами, во главе коих стояла королева-вдова, по справедливости заслужившая всеобщую нелюбовь в Венгрии. Мы обойдем этот период, не имеющий ближайшего отношения к нашему предмету, и остановимся на выяснении причин, приведших Византию к непосредственным сношениям с уграми. Это произошло в конце XI в. незадолго до вступления на престол

Алексея Комнина. Королевский престол занял в 1077 г. Ладислав, сын Гейзы, героическая фигура венгерской истории, давший Венгрии прочную организацию и указавший ей новые политические перспективы. Не принимая никаких на себя обязательств в происходившей тогда борьбе между светской и духовной властью, король Ладислав воспользовался этим временем для того, чтобы открыть для Венгрии доступ к морю и таким образом вступить в торговую конкуренцию и в борьбу за политическое преобладание на Адриатическом море с тогдашней владычицей Адриатики Венецией и с ее союзницей Византией. На пути между Венгрией и заветной целью ее стремлений к морю находилось славянское владение, занятое хорватским племенем, где в то время также были живы освободительные и преобразовательные идеи и где князь Звонимир, получив от папы Григория VII королевский венец (1076 г.), задумывал вывести свое княжество из скромного положения, в котором оно доселе находилось. Но широкая политическая цель достигнута была не славянами, а их соперниками. У первых преобладали центробежные стремления и недоставало понимания общих интересов. Когда по смерти Звонимира в 1089 г. в Хорватии начались кровавые раздоры из-за власти, королева-вдова, сестра угорского Ладислава, пригласила своего брата на помощь. Тогда Хорватия между Савой и Дравой подчинилась власти более сильного и более счастливого соседа, и таким образом для Венгрии открылся доступ к Далмации и берегам Адриатики, где тогда делили власть греки и венецианцы. С тех пор (1091 г.) началось единение между угорской короной и королевством Хорватией, единение, и до сих пор однако не спаявшее столь противоположных элементов. Король Ладислав, присоединив к своему титулу звание герцога Кроации, на первых порах дал завоеванной стране отдельное управление, назначив управлять ею своего племянника Альмоша.

Венгрия многим обязана св. Ладиславу. Он нанес поражение половцам и печенегам и обезопасил свою страну от их нападений, умело воспользовался борьбой Григория VII с императором Генрихом IV для церковной организации Венгрии на национальных началах. Он не оставил прямого потомства в мужском поколении, дочь его по имени Пирошка была в супружестве с императором Иоанном Комнином. По его смерти в 1095 г., когда перед Венгрией стоял для разрешения важный вопрос о роли, какую она должна принять в крестовых походах, власть переходила к его племянникам Коломану и Альмошу.

Период, когда неорганизованные отряды крестоносцев начали показываться на границах Угрии, угрожал большими затруднениями только что вступившему на престол Коломану. Этот государь, мало возбуждавший сочувствия в современниках, некрасивый физически, суровый и тяжелый в обхождении, тем не менее по своим государственным заслугам занимает важное место в истории. Он предназначен был своим отцом и дядей

Гейзой к духовному званию, получил широкое образование и отличался любовью к чтению книг. Одним из первых его дел был поход в Хорватию, куда призывал его Альмош для усмирения народного движения. Одержав решительную победу над повстанцами, Коломан положил принять энергичные меры к окончательному присоединению к Венгрии завоеванной страны. С тем вместе вырастает притязание Коломана. Уже и в то время для Венгрии назрел вопрос об открытии свободных путей к Адриатике. Хорватские князья не могли до конца выполнить этой культурной и политической миссии и должны были поступиться ею в пользу угров: соревнование между балканскими народами из-за доступа к Адриатическому морю обнаруживается, таким образом, весьма рано, и с давних пор победа ускользала из рук славян. Далматинское побережье, на котором сталкивались итальянские, славянские и норманнские интересы, представляло и в конце XI в. боевой пункт для обнаружения разнообразных политических притязаний. Византийская империя, по крайней мере номинально, удерживала здесь свое историческое право; но, не будучи в состоянии за недостатком флота защищать берега Далмации от норманнов, Византия допустила утвердиться в некоторых приморских городах Венецианскую республику, которая, состоя в торговом и политическом союзе с империей, имела задачей не допускать в Далмации чуждого политического влияния. Можно думать, что Византия и Венеция мало оценили опасность со стороны угров и не оказали достаточной поддержки славянам в их борьбе с притязаниями короля Коломана. После того, как несколько далматинских городов сдались Коломану и он мог считать прочным свое положение на море, Венеция легко пошла на уступки и предоставила даже свои корабли для заморской экспедиции угров, которые перебрались в южную Италию и овладели городом Бриндизи. Здесь в первый раз угры подали руку королю Сицилии Рожеру, и был заключен брак между дочерью Рожера и Коломаном. Несмотря на серьезную опасность со стороны крестоносных отрядов, проходивших через Угрию, Коломан не был увлечен в общий поток. В этом нужно искать объяснение политического успеха, достигнутого Венгрией при Коломане. Так как управлением Альмоша не были довольны в Хорватии и так как Коломан составил план более реального соединения Далмации и Хорватии с Венгрией, то он и посвятил свои средства на выполнение этой вполне национальной задачи. С большим политическим тактом примирил он с угорской властью влиятельные и большие города Сплет и Зару, заручившись расположением местного духовенства, которому были предоставлены льготы, и гарантируя городским общинам их муниципальные права и торговые преимущества. Король обязался притом не увеличивать налогов и не вводить в города венгерских войск, за исключением небольшого гарнизона в кремль. Чтобы придать соединению Хорватии и Далмации с Венгрией внешнее выражение, Коломан венчался от руки сплетского

архиепископа Кресценция хорватской короной и принял титул короля Хорватии и Далмации (1102 г.). Либеральная политика Коломана по отношению к Хорватии и изданные им по случаю присоединения к Угрии подчиненных стран акты служили мотивами для стремления славян к освобождению от мадьярских стеснений.

Выросшая в лице Коломана важная политическая сила на северо-западной границе империи побудила царя Алексея искать сближения с уграми. За Иоанна, сына Алексея, была выдана угорская принцесса Пирошка, двоюродная сестра Коломана, которая в Византии получила имя Ирины. В последние годы Алексея и при Иоанне поддерживались добрые отношения между империей и Венгерским королевством, хотя для Венеции было весьма трудно привыкнуть к тем ограничениям, какие для нее вытекали из приобретения Венгрией господства в Далмации. При наступивших за смертию Коломана (1114 г.) смутах в Венгрии для империи открывалась возможность возвратить утраченное влияние в Далмации, но до открытой войны не доходило, хотя в Константинополе встречали приют князья-изгои, изгнанные из Венгрии, таков ослепленный Альмош и его сын Бела. Преемник Коломана, сын его Стефан II, не мог безразлично относиться к тому, что в Византии находили убежище венгерские выходцы, вместе с тем подготовлялись поводы к столкновениям из-за Далмации. В 1128 г. в первый раз началась война, продолжавшаяся 2 года. Главные столкновения происходили на юге от Дуная близ Белграда и Браничева и не имели решительного значения. Исторический интерес угорско-византийских сношений заключается в том, что венгерские короли обнаружили в это время весьма определенную тенденцию подчинить своему политическому влиянию Балканский полуостров. С большим политическим тактом и с глубоким пониманием современных событий угорские короли нашли возможным сблизиться с сербами, естественными соперниками империи, и с другой стороны найти поддержку для своих антивизантийских планов в Германской империи, с которой чрез брак дочери слепого Белы Софии угорская королевская семья породнилась с Гогенштауфенами.*

Выяснить историческую роль Сербии в тот период, когда в борьбе за влияние на Балканском полуострове начинает принимать деятельное участие большинство тогдашних европейских государств, составляет весьма существенную задачу нашего изложения. Так как вместе с тем занимающий нас период занимает в истории сербского народа исключительное положение по своей важности и по значению для всего средневекового исторического развития, то представляется необходимым сообщить здесь хотя бы в общих чертах добытые наукой результаты. В истории южных славян

* Iaksch. Zur Lebensgeschte Sophias der Tochter König Bela II von Ungarn (Mittheil. des Instit für oesterr. Geschichtsvorschung, 1883, Ergänz Band, II Heft, S. 361).

после разгрома Болгарии императором Василием II наступает значительное ослабление сил и понижение организаторской деятельности. В соседстве с южными славянами образовались новые политические организмы, которые стали стремиться к захвату влияния в сферах, бесспорно принадлежавших южным славянам, и которые без труда занимали на Балканах слабо защищенные позиции. Нужно при этом открыто признать, что мадьярским королям, норманнским герцогам и венецианским дожам легче доставались победы и утверждение их влияния на Балканах, чем славянским князьям Зеты, Расы или Хорватии, которых антивизантийская политика лишала самой естественной поддержки из Восточной империи. Нельзя также не отметить, что рядом с Робертом Гвискаром, Боэмундом и Рожером II, с одной стороны, и с королем Коломаном, с другой — история южных славян не может представить столь же даровитых деятелей.*

Нельзя не видеть, что Болгария в это время имела уже позади блестящий период, а Сербия только подготовлялась выступить на широкое историческое поприще. Эта разность в периодах развития должна быть особенно подчеркнута и потому, что сербский народ более был выдвинут на северо-запад и соприкасался с западными государствами, в особенности же в период образования сербской государственности должно приписывать большое влияние тому обстоятельству, что значительная часть этого племени жила на территории, зависевшей в церковном отношении от Рима, а в политическом находившейся в сфере влияния Западной империи. В настоящее время выдвигается изучением тот факт, что организация сербской государственной жизни подготовляется в двух центрах и что нужно различать в истории XI в. по крайней мере две династии. Во-первых, к самостоятельной жизни стремится приморская или береговая область Адриатики, населенная сербами: Диоклея (Зета), Травуния и Захлумье. Во-вторых, была еще колыбель сербов на материке, в загорной области, в Старой Сербии, или Раса. Здесь в конце XI в. получил преобладание род Неманей, которому удалось счастливыми войнами с Византией завоевать такое положение, что в эту область перенесено было главное историческое русло и здесь образовался центр политической жизни сербов. Папа Григорий VII, не пренебрегая никакими средствами для укрепления своих сил в борьбе с императорами, пожаловал королевский венец тогдашнему представителю династии Воислава Михаилу. Между тем те князья, которые владычествовали над сербами континентальными, или загорными, у тех же писателей носят славянское наименование великих жупанов, а находящиеся под ними удельные князья назывались жупанами. Центром области, где утвердилась в конце XII в. династия Неманичей,

* С этой точкой зрения акад. Успенского согласиться нельзя.

была долина Рашка при нынешнем Новибазар. Княжеский род распадался на ветви, или партии, из коих одна имела поддержку в Византии, другая — в Венгрии, отсюда постоянная смена великих жупанов. Охваченная со всех сторон византийскими владениями, Раса могла расшириться лишь на счет империи, и следовательно весь процесс усиления Неманичей непосредственно входит в историю Византии. Антивизантийская политика Сербии открывала в ней благоприятный доступ для католической пропаганды.

Проследить отношения Восточной империи к приморским сербам чрезвычайно трудно за отсутствием источников. Нельзя установить ни хронологии, ни последовательности между разными именами князей и королей. Борьба претендентов была причиной вмешательства в сербские дела или жупанов Расы, или византийских наместников из Драча. Но более света дает история восточных сербов, в особенности при Иоанне Комнине, который и в направлении северо-западной границы принял наступательное движение. При дворе царя всегда находилось несколько выходцев из Сербии, которые при благоприятных обстоятельствах с поддержкой императора могли давать желательное для Византии направление сербским делам и вместе с тем давать преобладание в Сербии тем, кто придерживался партии императора. Усиление центральной власти в Расе начинается с Уроша I, который считается родоначальником Неманичей. Он имел многочисленную семью, и его дочь была замужем за Белой Слепым, чем можно объяснить, что Сербия была вовлечена в политику Венгрии. В связи с тем же обстоятельством стоит присоединение Босны к Угрии (1137 г.). При царе Иоанне Комнине политический рост сербских жупанов только мало по малу намечается, при царе Мануиле он получает более яркое выражение.

Глава X

ВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА

амым выразительным указателем изменившегося положения дел на Востоке было то, что Константинополь перестал быть угрожаем нападением со стороны засевших в Никее сельджуков и что иконийский султан, сильно стесненный крестоносцами и греками, не представлял более грозной опасности. И царь Алексей и сын его Иоанн Комнин поставили себе на Востоке определенные цели: очистить Малую Азию от турок и возвратить империи занятые крестоносцами области в Сирии и Палестине. В этом отношении за всеми царями Комнинами нужно признать живое чувство и верное понимание насущных потребностей государства, которые в XII в. сосредоточивались на восточной границе.

Но фактически на Востоке владения империи ограничивались береговыми областями, так как почти вся внутренняя часть малоазийского материка принадлежала или сельджукам, или крестоносцам, или армянам. Самым крайним владением на севере было расположенное по черноморскому побережью княжество Трапезунт, управляемое знатным в империи домом Гавра́. В юго-западной части Малой Азии империя владела еще обширной Фракисийской фемой, но вся фема Анатолика была уже захвачена турками, отсюда они делали легкие завоевания и опустошения по течению Меандра. Южней Фракисийской фемы империя держала в своей власти еще приморскую область Ликию и Памфилию с городами Силей и Атталия, а далее на юго-востоке начинались снова турецкие и армянские владения. Первой заботой Иоанна было предохранить культурные имперские области против хищнических наездов сельджуков, утвердившихся

в Иконийском султанате. В этом смысле нужно рассматривать его поход весной 1119 г., имевший целью город Лаодикею и, спустя несколько времени затем, Созополь, уже находившийся вне границ империи. После удачного занятия этой важной крепости Иоанн обратился на юг и с успехом произвел несколько военных операций в области Атталии, имея целью обезопасить сношения с Памфилией. К большому счастью для царя Иоанна политическое значение Иконийского султаната сильно изменилось. Прежде султан Икония распространял свою власть на многих местных владетелей и эмиров, которые признавали свою от него зависимость. Движение крестоносцев и последовавшие затем перемены в Сирии поколебали указанный порядок отношений. Прежде всего этому способствовало образование отдельного княжения с центром в городе Сивасе под главенством турецкого рода Данишмендов. По смерти султана иконийского Кылыч-Арслана I в 1107 г. значение этого султаната пало вследствие раздоров между его сыновьями. В то время, как старшие сыновья Мелик-шах, Араби и Мас'уд спорили из-за обладания султанатом, младший Тогрул-Арслан вместе с матерью основал господство в Мелитене. Мелик-шах захватил в плен своего брата Мас'уда, который однако успел освободиться из заключения и получил содействие в борьбе с братом от Данишменда Мелик-Гази. В результате последовавшего затем переворота Мелик-шах был убит. Хотя Мас'уд и Мелик-Гази заключили между собой узы родства, но все же не решались выступить открыто против империи. Антивизантийское движение обнаружилось в Армении и исходило от Тогрул-Арслана, владетеля Малатии. Об этом движении известно лишь в самых общих чертах, что оно отразилось на черноморских владениях империи, побудило дуку Трапезунта Константина Гавру начать поход, окончившийся полным его поражением и пленом. Это происходило почти в то же время, как царь Иоанн предпринимал меры по очищению от турок фемы Фракисийской и Памфилии (1118—1119 гг.). Для дальнейших видов императора к освобождению Малой Азии от сельджуков иконийского султана было весьма важно то обстоятельство, что между сыновьями Кылыч-Арслана и Данишмендом Мелик-Гази возникли раздоры, которые позволили императору выступить с более решительными мерами в его азиатской политике. Особенно было благоприятно то, что Данишменды обратились на восток и начали расширять свои владения походами в Армению и северную Сирию. Первым шагом, обеспечивавшим дальнейшие успехи, было занятие Малатии, которая была во владении младшего из сыновей Кылыч-Арслана, Тогрула. Когда осажденная Малатия изнемогала от голода, Тогрул-Арслан обратился за помощью к латинянам (1124 г.), но голод заставил жителей открыть ворота Мелик-Гази, который с тех пор стал твердой ногой в верхнем течении Евфрата. Между тем, вследствие поднявшейся смуты в Иконии, был лишен власти

Мас'уд и искал поддержки в Константинополе. Ему был оказан любезный прием, дана просимая помощь, и таким образом начавшаяся в султанате смута нашла поддержку в империи. Правда, непосредственные выгоды извлечены были из этого положения дел только Данишмендами, но когда Мелик-Гази простер свои завоевания на юг и стал приближаться к Киликийским горным ущельям, где нанес сильное поражение антиохийскому князю Боэмунду II, царь Иоанн нашел момент благоприятным, чтобы выступить против чрезмерных притязаний турецкого эмира. Хотя византийские историки Киннам и Никита Акоминат очень скупо освещают восточную политику царя Иоанна, но благодаря недавно изданной хронике Михаила сирийца * мы имеем возможность понять, как занят был император на протяжении 1130—1135 гг. восточными делами. Так, в 1130 г. после трагической смерти князя Боэмунда царь отправился в поход против турок. В связи с этим походом упоминается о заговоре против царя, во главе которого стоял любимый его брат севастократор Исаак, которому он всего более был обязан при вступлении на престол. После раскрытия заговора Исаак убежал к султану иконийскому и подстрекал его к войне с империей. Это, вообще, весьма любопытная в истории Византии фигура, оставившая разнообразные следы как необузданных увлечений, так и просвещенного ума. После бегства из Константинополя он долгое время проживал в Азии, в Сирии и Палестине при дворах мусульманских и христианских государей, везде подстрекая к войне против Иоанна и ища себе союзников, с помощью которых замышлял завладеть императорским престолом.

Зимой 1130—1131 гг. севастократор Исаак вместе с трапезунтским дукой Гаврой и иконийским султаном находился у эмира Мелик-Гази Данишменда, откуда он переправился к князю Малой (Киликийской) Армении Льву, где старший сын его Иоанн вступил в брак с дочерью князя, наконец, после ссоры со Львом, снова прибыл в Иконий. Везде Исаак пытался подготовлять враждебное настроение против своего брата и ставил ему затруднения даже в Константинополе, где имел сильную партию. В 1132 г. предпринят был поход против Данишменда Мелик-Гази, ближайшей целью был Кастамон в Пафлагонии, откуда турки тревожили византийские владения. На этот раз действия царя увенчались полным успехом, он распространил свою власть до реки Галис и заключил отдельные соглашения с эмирами Амассии и Гангр. По возвращении в столицу он имел триумфальную встречу. Скромность не позволила Иоанну сесть на приготовленную для него серебряную колесницу, он шел пеший, а на колеснице была помещена икона Богородицы. Дошедший до Константинополя слух, что Кастамон снова взят турками, заставил Иоанна снова

* J. B. Chabot. Michel le Syrien, Chronique. Paris, 1899—1904, 3 vol.

начать поход. Во время отсутствия царя (1134 г.) умерла супруга его венгерка Ирина, и это заставило его прекратить движение вперед и вернуться в столицу. Прерванная на время война продолжена была с большим успехом, чему способствовала и смерть Мелик-Гази, который перед кончиной был возведен халифом в звание мелика, или царя. Преемник Мелик-Гази, сын его Мухаммед, должен был усмирить восстание братьев и заняться утверждением своей власти. Кроме того Иоанну удалось расторгнуть союз иконийского султана с Данишмендами, и на этот раз в византийском войске был вспомогательный турецкий отряд, прибывший к Ганграм. Позднее время года и измена союзников, которые по приказанию Мухаммеда ушли из византийского лагеря, побудили царя на этот раз не приступать к осаде, но так как зимняя стоянка в этой холодной местности тоже внушала опасение, то после некоторых колебаний вновь Гангры были окружены греческим войском. Мусульмане вступили в переговоры на счет сдачи города, а император не настаивал на суровости условий. Желающим было предоставлено свободно выйти из города, и, как говорит Киннам, большинство вступило в византийскую службу. Гангры составляли важную крепость в эмирстве Данишмендов. После перехода этой крепости в руки императора положение дел на северо-восточной границе значительно изменилось в пользу греков. Совершенно понятно отсюда намерение царя перенести наступательные действия в другую сторону.

Изучая восточную политику Иоанна Комнина, мы должны отметить в ней особенную последовательность и целесообразность и исключительную способность использовать на благо империи историческую обстановку. Каждый шаг был им хорошо обдуман и соразмерен с общим планом. Это впечатление выносится именно из рассмотрения его походов в Киликию, из сношений с армянскими княжествами, отделявшими империю от владений крестоносцев в Сирии и Палестине, и наконец из его успехов в Сирии. Историк эпохи Комнинов Никита Акоминат, прекрасно осведомленный на счет политических планов Иоанна, неоднократно высказывался, что заветной мечтой царя было возвращение Антиохии и Иерусалима и Месопотамии и что с этой целью он сообразовал все свои действия на востоке. Эта мысль особенно рельефно выражена историком в предсмертной речи царя, сказанной в лагере во время последнего похода его в 1143 г.* «Мои планы не ограничивались занятием Сирии, я замышлял более важное дело. Мне хотелось спокойно омыться в водах Евфрата и обильно зачерпнуть из его вод, а также повидать и реку Тигр и рассеять неприятелей, как утвердившихся в Киликии, так и в занятых мусульманами странах. А затем мечтал бы перелететь, как орел, и в самую Палестину, где Христос своею

* Nic. Acom. Historia, p. 56 (Bonnae, 1835).

смертию восстановил нашу падшую природу, распростерши руки на кресте, . . чтобы сокрушить врагов, которые овладели гробом Господним. Но моим надеждам судьбами Промысла не суждено было осуществиться».

Подобно царям лучших византийских периодов Иоанн провел в походах почти все свое царствование, мало оставался во дворце и предпочитал жить в военном лагере. Наступательному движению его против арабов и крестоносцев содействовало передвижение этнических элементов, вызванное частью Первым крестовым походом. Еще в XI в. в политических соображениях византийские цари наделяли некоторых владетелей собственной Армении провинциями и городами в империи, заставляя их в то же время отказываться от владетельных прав в Армении. Таковы были князья Васпуракана из рода Арцруни, Иоанн Сенекерим и Дереник, основавшиеся в области с городами Севастия, Ларисса, Абара, т. е. в горной стране при верховьях Галиса и Евфрата (1021 г.). Почтенные титулом магистра, бывшие владетели Васпуракана привели с собой большую колонию соотечественников и основали здесь густое армянское ядро. Спустя некоторое время, владетель Ани из фамилии Багратидов царь Гагик II, принужденный поступиться в пользу Константина Мономаха своими наследственными землями, получил в удел несколько имперских городов в феме Каппадокия и Харсианы (1045 г.). С течением времени продолжалась волна передвижений из Армении, за владетельными лицами пошли их бояре и землевладельцы. Так некто Абелхариб получил в удел Тарс и Мопсуестию, а магистр Григорий наделен землями в феме Месопотамия. Переселение армян с конца XI в. продолжало еще более усиливаться вследствие напора турок-сельджуков. Для армян открыта была возможность селиться в Киликии, куда в конце столетия они переселились в большом числе. Весьма любопытно отметить, что армяне легко уживались и в областях, занятых турками, и что в период Первого крестового похода они были распространены в Сирии, Киликии и Каппадокии — под собственными князьями, стоявшими в номинальной зависимости от империи.* Движение крестоносцев произвело значительную перемену в положении армянских полузависимых князей. Часть их была или подчинена франками, или лишена их владений, часть могла удержать независимость лишь при помощи византийского царя, у которого искали покровительства армянские владетели. В особенности следует обратить внимание на армянских князей в Киликии и северной Сирии.

Когда крестоносцы подходили к Эдессе, там правил армянин Торос, назначенный на это место дукой Антиохии. Он искусно пользовался обстоятельствами и удержался в Эдессе продолжительное время, он был там в 1094 г., когда город был взят алеппским эмиром Тутушем. Христиане

* Подробности у Chalandon. Jean II Comnène et Manuel, p. 95.

утвердились в этом городе не ранее 1198 г. и притом посредством обмана и клятвопреступления Балдуина, брата Готфрида Бульонского. Но нас ближайше может занимать судьба той линии армянских владетелей, которая утвердилась в Киликии и происходила из Багратидов-Рупенидов, владевших Тавром и большой дорогой из Кесарии в Аназарб. Во время движения крестоносцев здесь был владетелем Константин, который оказал им разные услуги и был награжден званием барона. Преемником его был Торос, который разорвал сношения с империей, желая иметь опору в латинских княжествах. Его брат и преемник Левон был современником Иоанна Комнина. Он расширил свои владения присоединением городов Тарса, Аданы и Мопсуестии и значительно усилил свое княжество на счет турок и латинян. С 1135 г. Киликия сделалась театром ожесточенной войны. Левон должен был защищаться против антиохийского князя Раймунда Пуатье, которого поддерживал иерусалимский король, и в то же время обороняться против турок. При таких обстоятельствах вступает на сцену царь Иоанн Комнин.

Предпринятый им в конце 1136 г. поход в Киликию был серьезным и хорошо обдуманным предприятием, которое потребовало больших издержек. Любопытно отметить, что в этом походе упоминается участие флота, о котором так редко стала говорить летопись. Поход был подготовлен и с дипломатической стороны, так как приняты были в соображение противоположные интересы турецких, армянских и христианских владетелей, оспаривавших господство в Киликии и Сирии. Ближайше имелось в виду занять важные города: Аназарб, Тарс, Адану и Мопсуестию, находившиеся в то время во владении князя Малой Армении (в Киликии) Левона, который был в союзе с графом Эдессы. Рядом удачных военных дел византийцы одержали верх над армянским князем, следствием чего было полное подчинение страны и сдача Левона и его сыновей Ружена и Тороса на всю волю царя. Пленники были отправлены в Константинополь, где и окончили жизнь, за исключением Тороса, спасшегося бегством. Результатом этого похода, который весьма недостаточно освещен летописью, было то, что владения империи стали теперь соприкасаться с границами Антиохийского княжества и перед царем Иоанном ясно определилась задача по отношению к латинским завоеваниям, сделанным во время крестового похода.

С точки зрения царя Алексея, равно как и его преемника, Антиохия составляла неотъемлемую часть империи, согласно договору, заключенному с сыном Роберта Гвискара Боэмундом.

Достигнутый в Малой Армении (Киликии) успех открывал царю Иоанну полную возможность непосредственно затем поставить вопрос об Антиохийском княжестве. Особенные обстоятельства благоприятствовали планам царя. В 1130 г. князь Боэмунд II трагически погиб в войне с тур-

ками. После него осталась малолетняя дочь Констанция и княгиня — вдова Алиса, дочь иерусалимского короля. Желая овладеть властью в княжестве, Алиса вступила в переговоры с эмиром Мосула Имад-ад-дином Зенги, которому скоро затем предстояло играть важную роль на востоке; но решительные меры иерусалимского короля Балдуина II, вступившего в Антиохию, положили предел интригам честолюбивой вдовы, которая принуждена была удовольствоваться небольшим уделом с городом Лаодикеей. Преемник Балдуина король Фулько нашел способ предохранить наследницу Антиохийского княжества от притязаний матери ея тем, что нашел ей жениха в лице французского владетельного графа Раймунда Пуатье. Но в то же самое время вдова антиохийского князя нашла способ сообщить царю Иоанну Комнину о своем плане брачного союза между наследницей Антиохийского княжества и одним из царевичей — сыновей Иоанна. Нет сомнения, что в Константинополе весьма охотно принято было это предложение, и, может быть, в связи с ним следует рассматривать поход, о котором мы говорили выше. Раймунд Пуатье своим немедленным согласием отправиться на восток и принять сделанное ему предложение расстроил надежды царя Иоанна на соединение Антиохии с империей и кроме того нанес оскорбление его сюзеренным правам. Здесь не может итти речь об известной присяге, какую давали Алексею Комнину почти все вожди по отношению к завоеваниям старых владений империи, временно отошедших к туркам: феодальные отношения Антиохии к империи основывались на договоре с Боэмундом 1108 г., когда этот последний дал Алексею присягу на верность и получил в качестве лена Антиохию и некоторые области Эдесского графства. Нужно думать, что Иоанн придавал широкое значение своим правам и что с его точки зрения даже Иерусалим должен был, как прежняя область империи, считаться его леном.

Таким образом, продолжение похода в северную Сирию не только соответствовало исконным притязаниям империи, но и могло оправдываться исключительными обстоятельствами, в каких находились латинские владения. На границах христианских княжеств возникла в это время грозная сила в лице эмира Мосула, Имад-ад-дина Зенги, зависевшего первоначально от иконийского султана, а потом достигшего широкого распространения своей власти и независимости. Пользуясь слабостью христианских княжеств, он овладел многими соседними городами на Евфрате, между прочим, Алеппо и Хамой, и нанес неоднократные поражения триполийскому графу и иерусалимскому королю. В то время, как Зенги имел явный перевес над латинскими княжествами с юго-восточной стороны, с севера подходила победоносная армия византийского царя. Греки подошли к Антиохии в августе. В это время князь Раймунд по просьбе иерусалимского короля находился в походе против турок и с большим трудом мог попасть в Антиохию, уже окруженную греками (29 августа). Нельзя

сказать, что Иоанн нашел здесь большое сопротивление; напротив, все заставляет думать, что в Антиохии была значительная партия, искавшая сближения с императором. Эта партия побудила правительство начать переговоры с Иоанном. Раймунд соглашался сдать город и признать императора своим сюзереном, но ставил условием, чтобы за ним было сохранено право на управление княжеством. Но так как император требовал безусловной сдачи, то переговоры несколько затянулись. В конце концов Раймунд должен был явиться в лагерь, дать императору присягу на верность и вместе с тем обязаться немедленно предоставить царю доступ в Антиохию, когда бы того ни потребовали обстоятельства. С своей стороны император обязывался не присоединять к империи Алеппо и другие окрестные города, если они будут взяты от турок, а присоединить их к Антиохийскому княжеству. Это происходило в 1137 г.; император удовлетворился достигнутым соглашением, по которому Антиохия и принадлежавшая к ней область поступила в зависимость империи. Удаляясь в Тарс на зимовку, царь выразил желание на следующий год приступить к походу против турок совместно с антиохийскими войсками и попытаться овладеть теми городами, которые согласно договору должны быть присоединены к Антиохии.

Весной 1138 г. князь Антиохии и граф Эдессы вместе с темплиерами соединились с Иоанном для общего похода. Целью движения был Алеппо. Приняты были все меры предосторожности, чтобы обмануть бдительность Зенги, который осаждал Эдессу в то время, как христиане подошли к Алеппо. Но город оказался достаточно защищенным, так что Иоанн не решился начать правильную осаду и отступил. Союзники успели взять несколько других турецких городов и крепостей в северной Сирии,* но к концу мая неожиданно была снята осада с важной крепости Шайзара, обстоятельство тем более не поддающееся объяснению, что поход союзников возбудил полное смущение среди мусульманских владетелей Сирии. Известно, что Зенги не решался с малыми силами выступить против христиан и просил помощи у халифа, который с своей стороны далеко не был расположен помогать своему сильному вассалу. По свидетельству арабского историка,** Зенги успел тем временем поселить вражду между христианами. Трудно было бы проверить это известие, но нет сомнения, что мусульманский мир не мог оставаться безучастным зрителем нового поворота дел в Сирии. С одной стороны, султан иконийский Мас'уд начал угрожать Киликии нападением на Адану, с другой, — получен был слух о движении вспомогательных отрядов из Багдада, наконец, эмир Кара-

* Nic. Acom. называет Φέρεπ, Καφαρδά. Σέζερ, стр. 38.

** Ibn-el-Athir. Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux I, p. 427.

Арслан шел на помощь Зенги из Месопотамии. Все эти обстоятельства должны объяснять решение царя заключить соглашение с эмиром Шайзара, по которому последний уплатил значительную сумму денег и кроме того шелковые ткани, драгоценный украшенный рубинами крест и стол — предметы захваченные после битвы при Манцикерте в лагере Романа Диогена. Но здесь обнаружилось полное охлаждение между царем и его вассалами, в особенности заслуживает порицания поведение графа Иосцеллина, желавшего поссорить царя с Раймундом Пуатье. В июне 1138 г. Иоанн подошел к Антиохии. На этот раз он воспользовался своим правом сюзерена и торжественно вступил в город, где имел пребывание в роскошном дворце, окруженный военной свитой. Недовольный князем Раймундом и желая теперь осуществить феодальное право фактического господства над Антиохией, он на собрании чинов княжества, в присутствии Раймунда и Иосцеллина, указал на свои заслуги в пользу Антиохии, изложил результаты военных предприятий весной текущего года и потребовал передачи ему городского кремля, дабы он мог свободно располагать доступом в город и устроить в нем склад припасов для предполагаемых военных мер против Алеппо и других турецких городов. Хотя Иоанн действовал и говорил с сознанием своего права, но при исполнении заявленного им требования встретились затруднения. Прежде всего Раймунд попросил дать ему срок для переговоров с королем иерусалимским; затем эдесский граф, питая глубокое нерасположение к планам Иоанна Комнина, возбудил движение в городе против греков. Так как царь не мог этого предвидеть и оказался неподготовленным к подавлению начавшегося в городе бунта, то он нашел благоразумным не настаивать на своем требовании и приказал объявить, что оставляет город. Нет сомнения, что царь хорошо понимал, откуда происходила главная причина движения в городе, но на этот раз, не находя целесообразным полный разрыв со своими союзниками, он принял Раймунда и Иосцеллина в своем лагере и простился с ними, не выразив им своих чувств и нерасположения. Император уже в это время пришел к заключению, что невозможно достигнуть на востоке успеха против турок, прежде чем Антиохия и Эдесса не перейдут в фактическое обладание империи.

Хотя поход в Сирию не имел видимых результатов, но он произвел большое впечатление на мусульман, так как это в первый раз, после значительного промежутка времени, византийское войско снова осмелилось пройти Киликийские ворота и побывать под Алеппо и Антиохией. Севастократор Исаак, искавший себе союзников между турецкими эмирами и христианскими князьями и интриговавший против Иоанна, должен был признать безуспешность своих попыток, так как последний поход сильно поднял на Востоке авторитет Византии, вследствие чего Исаака покинули

его приверженцы, и он должен был расстаться со своими честолюбивыми планами и просить у Иоанна прощения.*

В 1139 г. Иоанн предпринял новый поход на восток. На этот раз империю тревожили враждебные действия Данишменда Мухаммеда, сына Мелик-Гази. Громадная территория, занятая этим турецким владетелем, с главным городом Сивасом и Неокесарией, позволявшая туркам наносить вред самым населенным областям на реках Риндак и Сангарий, побудила царя идти войной на север по черноморскому побережью. Это был чрезвычайно трудный поход, в особенности по зимнему времени и по гористому положению местности. Когда греки подошли к Неокесарии, появление их произвело ужас в мусульманах, тем не менее для осады города и взятия его не было осадного материала. Кроме того, присутствовавший здесь младший сын царя Мануил позволил себе увлечься преследованием неприятеля, что послужило причиной испытанного греками поражения; здесь же изменил царю племянник его, сын севастократора Исаака Иоанн, перешедший к мусульманам и принявший их веру. Это подействовало на царя в нравственном отношении и заставило опасаться, что изменивший племянник ознакомит врагов с состоянием византийского войска. Подобные соображения заставили его снять осаду с Неокесарии. В начале 1141 г. после трудного похода Иоанн возвратился в столицу. Но через год предпринята была новая экспедиция, цель которой скрывалась от народа. Объявив сбор войска в Милете и начав движение по течению Меандра, царь неожиданно приказал принять направление на юг и достиг города Атталии. Здесь умер старший сын царя Алексей, который считался наследником престола; скоро смерть постигла второго сына, Андроника, сопровождавшего на судне тело умершего брата. Несмотря на эти потери, глубоко потрясшие царя, он не отменил похода, имевшего целью Антиохию. Там происходили события, имевшие большое значение в истории христианских владений. В апреле 1142 г. эмир Алеппо нанес поражение христианским князьям, а Иерусалимское королевство находилось в опасности от соседнего аскалонского эмира. Угрожаемые турками, антиохийский князь и граф Эдессы усиленно просили царя подать им помощь. Но Иоанн, которого предыдущий опыт достаточно научил, как мало можно полагаться на обещания латинян, прежде всего требовал сдачи Антиохии. Весьма вероятно, что в то же время Иоанн был занят мыслью восстановить власть империи на Евфрате и для этой цели рассчитывал опереться на сирийский и армянский элементы, господствовавшие в этих местах. Это действительно было бы громадной важности предприятие, при осуществлении которого мусульманский мир в Малой Азии был бы окончательно отрезан от надвигавшегося с востока мусульманства. Из Атталии имперское войско

* Подробности будут изложены особо.

направилось к Антиохии. Не доходя до этого города, император потребовал заложников от графа Эдессы, и этот послал к Иоанну свою дочь Изабеллу. К Раймунду Антиохийскому послано требование предоставить в распоряжение царя Антиохию, в которой он предполагал организовать базу для действий против турок. Это требование возбудило в Антиохии крайнее беспокойство. В особенности латинское духовенство видело в требовании царя угрозу католицизму и, отказываясь исполнить его требование, угрожало бунтом в княжестве и изгнанием Раймунда. Когда Иоанну принесен был отрицательный ответ на его предложение, он решился употребить силу и заставить антиохийцев посредством обложения их города согласиться на его требование. Но ввиду позднего времени года Иоанн отошел на зимовку в Киликию с намерением возвратиться под Антиохию весной следующего года.

Осень и зиму 1142—1143 г. царь занимался подготовкой к решению антиохийского вопроса. Между прочим, он уведомил иерусалимского короля о своем желании посетить св. Места, чтобы обдумать меры к освобождению их из рук неверных. Таким образом, Иоанн Комнин был весьма близко к осуществлению заветной мечты Комнинов — возвратить империи занятые латинянами области и изгнать турок из Палестины. Но вследствие полученной на охоте раны Иоанн умер весной 1149 г., успев назначить преемником себе Мануила.

Глава XI

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ МАНУИЛА КОМНИНА. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

За смертью царя Иоанна (8 апреля 1143 г.) провозглашение младшего его сына Мануила преемником было делом царской воли и определенно выраженного на этот счет указания, которое в точности было выполнено войском и бывшими в лагере приближенными умершего царя. Но так как столица не могла остаться безучастной к перемене царствования, то настала надобность принять меры к тому, чтобы в Константинополе новое царствование не встретило затруднений. Великий доместик Иоанн Аксух весьма осторожно выполнил возложенное на него поручение немедленно отправиться в столицу и задержать двух наиболее возбуждавших опасения родственников Мануила: дядю, севастократора Исаака, и старшего брата царя, носившего также имя Исаака. «Самодержец опасался, чтобы Исаак, услышав о смерти отца и узнав, что скипетр передан младшему его брату, не стал противиться и домогаться верховной власти, так как он имел право на престол по своему рождению, находился тогда в столице и проживал в том дворце, в котором хранилась казна и царские регалии». Иоанн Аксух прибыл в Константинополь еще прежде, чем дошел туда слух о смерти Иоанна, так что он предупредил всякие попытки со стороны названных лиц к враждебным против Мануила замыслам и подверг их заключению под стражу. В то же время Аксух входит в переговоры с представителями константинопольского, в особенности софийского, клира и обещает ему именем царя увеличить выдаваемое ему жалованье ежегодно на 200 мин. Так как патриарший престол за смертью Льва Стиппиота (1134—1143 гг.) был вакантным, это значительно упрощало дело соглашения правительства

с церковными партиями. Таким образом, Мануил был принят в столице весьма благорасположенно и спокойно вступил в управление делами. Первой его заботой было избрание патриарха. Когда большинство стало склоняться в пользу инока Михаила, жившего в монастыре на острове Оксия, царь изъявил на то свое согласие, а новый патриарх прежде всего должен был приступить к помазанию на царство Мануила. Церковный акт происходил или в конце августа или в сентябре 1143 г. Брат царя Исаак получил свободу по случаю торжества, точно так же и дядя его севастократор Исаак, живший до того в почетном заключении, в Ираклии Понтийской. Императору было не более 20 лет от роду, но имя его было уже популярно в войске, так как он участвовал в походах со своим отцом, приобретя себе известность беззаветной храбростью и мужеством, которое один раз, в деле под Неокесарией, едва не подвергло крайней опасности византийское войско. «Юношеское лицо его, — говорит современник, — отличалось приятностью, и улыбающийся взор заключал много привлекательного. Ростом был высок, хотя несколько сутуловат, цвет лица смугловатый. Прибавим, что в его жилах текла венгерская кровь». В сношениях с людьми Мануил отличался обворожительными качествами и умел привлекать к себе со всех сторон симпатии. Самой выразительной чертой царя был его рыцарский обычай, физическая сила и веселый нрав. Он был прекрасный кавалерист и любил похвалиться умением метко бросать стрелу и владеть тяжелым щитом. Как и все Комнины, он не был чужд литературного образования, считал себя большим знатоком в богословии и в священном писании и любил принимать участие в богословских спорах. В политике это был западник чистой воды и доводил свое увлечение западными обычаями, в особенности рыцарскими турнирами, до крайней степени. Наплыв западных охотников на службу империи был громадный, и царь открыл им свободный доступ в армию, в приказы и в придворное ведомство. Внешний блеск и показной лоск отличал придворную жизнь при Мануиле. Для германского короля, латинских владетелей и принцев в св. Земле, равно подолгу живших в Константинополе турецких эмиров, в Константинополе давались продолжительные праздники, зрелища и пиры. Словом, царствование Мануила составляет блестящую страницу истории Византии, но, к сожалению, это и последняя ее оригинальная страничка. Пять или шесть лет спустя после его смерти знаменитый церковный оратор Евстафий солунский говорил об его времени: «. . . кажется, в божественном совете было определено, чтобы со смертью Мануила рушился строй романского царства и чтобы с закатом этого солнца покрыла нас непроглядная тьма!» Это не есть обычная для византийца риторическая фраза, сказанная лишь для красоты; в самом деле, блеск был чисто внешний и призрачный, по существу же в империи времени Мануила было далеко не все благополучно. Роковое значение проблемы заключается здесь в мысли, на первый взгляд антикультурной·

западническое направление политики Мануила было гибельным для Византии. Величайшим несчастием этого блестящего царя было то, что вначале он был ослеплен внешним успехом, даже неудачу Второго крестового похода он склонен был приписывать искусству своей дипломатии. Этот призрачный успех окрылил его, и он стал мечтать о широких, можно сказать, фантастических планах восстановления империи в ее древних пределах. Мысль о соединении под своей властью Запада и Востока составляет отличительную черту внешней политики Мануила. Но, затратив неимоверные средства на утверждение своей власти в Италии и пожертвовав громадными интересами империи и византинизма в попытках сближения с папством, Мануил проглядел то, что было для него всего важней и дороже: усиление Иконийского султаната, вследствие чего византинизм должен был испытать крайнее унижение в поражении при Мириокефале. Как мы неоднократно замечали уже, Константинопольская империя всегда проигрывала, если мало обращала внимания на восточные провинции, откуда получала главнейшие материальные средства для своей жизни. Комнины поставили в этом отношении последнюю ставку и проиграли ее. Первые действия юного царя не могли быть выражением заранее выработанного плана и представляют некоторую неопределенность. Как и следует думать, не могли быть забыты неприятные впечатления, вынесенные из похода под Антиохию, где антиохийский князь и эдесский граф обнаружили столько злой воли и так обманули доверие его отца. Раймунд простер свои враждебные отношения к империи до того, что погнался вслед за отступающим Мануилом и завладел некоторыми византийскими укреплениями в Киликии. Для Мануила было весьма важно восстановить сделанные в Киликии завоевания и дать урок антиохийскому князю. Эта задача без труда была выполнена испытанными в военном деле вождями: Димитрием Враной, отправившимся к Сирии с флотом, и Просухом, назначенным во главе сухопутных сил и имевшим под своей командой братьев Контостефанов — Иоанна и Андроника. Обе части с успехом выполнили задачу: флотом опустошены приморские владения Раймунда, сухопутное же войско прошло из Киликии, изгнав антиохийские гарнизоны из занятых ими мест, и достигло до самой Антиохии. Впрочем, положение Антиохийского княжества и без того становилось весьма критическим, когда осенью 1144 г. эмир Мосула Зенги завладел Эдессой и тем поставил Раймунда в необходимость искать помощи у Мануила. В следующем же году он отправился лично в Константинополь и не прежде был принят царем для исполнения ленной присяги, как принес раскаяние на могиле Иоанна Комнина.* Положение дел в Малой Азии угрожало большими осложнениями не только вследствие неожиданного и грозного выступления эмира Мосула, но также по причине внутренних

* Cinnami, II, 3, p. 35.

раздоров, наступавших среди самих мусульманских властителей Неокесарии, Сиваса и Мелитены. Здесь господствовали Данишменды; по смерти Мухаммеда (1142 г.) среди них началась борьба с преемником Зу-н-нуном (Дадуном греческих писателей). В этой смуте приняли участие иконийские турки, оказавшие поддержку одному из претендентов на власть и присоединившие к султану города Гангры и Анкиру, принадлежавшие Данишмендам. Нет сомнения, что этот переворот в соседних областях должен был озаботить Мануила, который охотно вступил в переговоры с Якуб-Арсланом насчет союза против иконийского султана Мас'уда. Нужно думать, что одним из первых военных предприятий Мануила после венчания на царство были именно походы в Малую Азию с целью обеспечить имперские владения от набегов иконийских турок. Чтобы судить о том, как мало были обеспечены ближайшие области к Мраморному морю, достаточно знать, что предстояло защищаться поблизости от Никеи. Турецким опустошениям подвергалась первая станция по дороге на Дорилей, известная Малагина; после Малагины предстояло защищать течение Риндака, где в укрепленном Лопадии Мануил устроил в 1146 г. военную базу для дальнейших действий против султана Мас'уда. Так как усилие турок в этом направлении представляло постоянную опасность для сношений с Киликией, которая имела такое важное значение в планах всех Комнинов, то необходимо было во что бы то ни стало нанести удар иконийскому султану. В этих видах предпринят был поход в Иконий, столицу султаната, для чего Мануил наперед оповестил своего противника, этот же не менее по-рыцарски заявил, что будет ожидать царя в Филомилии. После большой станции Акроин, ныне Афион Кара-Хисар, на половине дороги между Дорилеем и Иконием, султан Мас'уд устроил засаду для византийского войска, но не имел успеха и отступил. Слабая сравнительно численность турецких сил была причиной, что турки оставили свободной всю дорогу до самого Икония. Хотя взятие столицы было, повидимому, целью этой удачной экспедиции, но Мануил не принял мер к осаде города и, опустошив окрестности, начал отступление. О поводах, которые бы объяснили этот шаг, мы не можем судить, если не принять в соображение того обстоятельства, что султан Мас'уд, не считая нужным лично защищать столицу, отделил значительный отряд в тыл византийской армии и был готов отрезать ей отступление. С трудом удалось Мануилу сохранить свое войско во время обратного пути. Мануил, по возвращении из этого похода, будто бы объявил о своем намерении вновь итти против султана на весну 1147 г. Но на Восток уже стали доходить слухи о сборах на Западе в крестовый поход. Эти слухи встревожили одинаково и царя, и иконийского султана и побудили их прекратить войну, заключив оборонительный союз против крестоносцев.

Политика христиан на Востоке привела к тому, что мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азии вследствие Первого крестового похода, снова усилились и начали из Месопотамии угрожать христианским владениям. Один из наиболее сильных мусульманских эмиров, эмир Мосула Имад-ад-дин Зенги, в 1144 г. сделал сильный натиск, который окончился взятием Эдессы и падением Эдесского княжества. Это наносило весьма чувствительный удар всему восточному христианству: Эдесское княжество составляло форпост, о который разбивались волны мусульманских приливов, в Эдесском княжестве был оплот, защищавший весь христианский мир. В то время, когда Эдесса пала под ударами мусульман, другие христианские княжества находились или в стесненном положении, или были заняты вопросами чисто эгоистического характера и поэтому как не могли подать помощи Эдесскому княжеству, так не в состоянии были заменить для христиан его значения. В Иерусалиме незадолго перед тем умер король Фулько, тот самый, который соединил интересы Иерусалимского княжества с интересами своих французских владений. После его смерти во главе королевства стала вдова, королева Мелизинда, опекунша Балдуина III; непокорность вассальных князей отняла у нее всякую возможность и средства даже для защиты собственных владений — Иерусалим находился в опасности и не мог подать помощи Эдессе. Что касается Антиохии, то князь Раймунд завязал несчастную войну с Византией, кончившуюся для него полною неудачею, — и таким образом также не мог подать помощи Эдессе.

Слух о падении Эдессы произвел сильное впечатление на Западе и в особенности во Франции. Франция во весь период крестовых походов отличалась своею отзывчивостью к интересам христиан на Востоке; из Франции всего больше шло на Восток рыцарей; Франция более других европейских государств чувствовала связи с Востоком, ибо в Эдессе, Иерусалиме, Триполи сидели князья французского происхождения.

И тем не менее для поднятия нового крестового похода в Западной Европе не представлялось благоприятных условий. Прежде всего во главе римской церкви было лицо, которое далеко не могло равняться с современником первого похода. К 1145 г. на римском престоле сидел Евгений III, человек, не отличавшийся ни большой силой воли, ни энергией, ни умом, не имевший широких политических взглядов. Евгению III предстояло бы, пользуясь властным положением церкви, принять под свою руку дело защиты восточно-азиатских княжеств, но к этому времени положение папы, даже в самой Италии, было далеко не властное, римский престол был жертвою партии. Евгений III недавно успел победить антипапу, нуждался в помощи германского короля и с настоятельными просьбами призывал его в Италию. Кроме того ему угрожало в Риме новое направление, вконец ниспровергавшее авторитет его. В Риме действовал проповедник, предста-

витель философско-политического направления, Арнольд Брешанский, ученик Бернарда, аббата Клерво. Как Арнольд, так и его знаменитый учитель происходили из известной монашеской конгрегации монастыря Клюни и были выразителями идей, распространяемых этим монастырем. Арнольд столько же был политик-философ, сколько и проповедник. Его политические взгляды были основаны на демократическом принципе. Он боролся всеми силами своего красноречия и влияния против светской власти папы и против злоупотреблений, вкравшихся в церковный строй того времени. За Арнольдом следовал целый ряд проповедников-монахов, распространявших те же идеи. Проповедь Арнольда подняла целую бурю против папы. К тому же времени движение в городах, с его демократическим характером, особенно энергично охватило Италию. Германский король Конрад III поставлен был также в затруднительные обстоятельства борьбою с гвельфами; он в свою очередь выжидал поддержки из Рима, надеясь, что папа даст ему корону и тем укрепит его шаткое положение на троне. Таким образом, нельзя было надеяться, что папа или король примет на себя инициативу Второго крестового похода. Этой инициативы нужно было искать в другом месте.

После разгрома Эдессы значительная часть светских и духовных лиц явилась с Востока в Италию и Францию; здесь они обрисовывали положение дел и возбудили своими рассказами народные массы. Король Людовик VII, рыцарь в душе, чувствовал себя связанным с Востоком и был склонен предпринять крестовый поход. На короля, как и на всех его современников, оказывало сильное влияние то литературное движение, которое глубоко проникло во всю Францию и распространилось даже по Германии. Подразумеваемое здесь литературное движение составляет обширный цикл поэтических сказаний, заключающихся в песнях рыцарей и дворянства. Эта устная литература, обширная и разнообразная, воспевавшая подвиги борцов христианства, облекая их фантастическими образами, повествовала о бедствиях христиан на Востоке, держала в возбужденном состоянии народ и разжигала его страсти. Не чужды были ее влияния и высшие слои — духовные и светские князья. Людовик VII, прежде чем решиться на такой важный шаг, как поход в св. Землю, спросил мнения у аббата Сугерия, своего воспитателя и советника, который, не отговаривая короля от доброго намерения, посоветовал принять все меры, чтобы обеспечить должный успех предприятию. Людовик пожелал узнать настроение народа и духовенства. Духовная политика XII в. находилась в руках св. Бернарда. Величественная фигура этого проповедника, изможденное лицо, пылкая огненная речь — все это доставляло ему непобедимую силу и громадное влияние, пред которым никто не мог устоять. К этому авторитету как к нравственной силе обратился французский король, прося Бернарда принять участие в деле поднятия Европы к крестовому походу; Бернард не

принял на свою ответственность такого важного дела; он дал совет обратиться к папе. Евгений III одобрил план короля и поручил св. Бернарду проповедь о крестовом походе, снабдив его воззванием к французскому народу. В 1146 г. св. Бернард присутствовал на государственном собрании в Бургундии (Везеле), он сел рядом с королем Людовиком, надел на него крест и произнес речь, в которой приглашал вооружиться на защиту гроба Господня против неверных. Таким образом, с 1146 г. вопрос о крестовом походе был решен с точки зрения французов. Южная и средняя Франция двинула многочисленную армию, которая была вполне достаточна для того, чтобы дать отпор мусульманам.

Роковым шагом и большой ошибкой со стороны св. Бернарда было то, что он, упоенный успехом, который имел во Франции, решился повести дело далее, возбудить идею крестового похода за пределами Франции — в Германии. Движение и само по себе дошло до Рейна, где выразилось в крайне резком антисемитическом движении. Слухи об этом дошли до св. Бернарда и были весьма неприятны для него и требовали, по его мнению, его личного присутствия в этой стране. Явившись за Рейн, он сурово порицал духовных лиц, не сдерживавших своим авторитетом страстей народных; но не ограничился этим и пошел дальше. Он задумал привлечь к крестовому походу Германию, которая могла внести в это движение новые элементы, не гармонировавшие с теми, которые были во Франции. Конрад III до прибытия св. Бернарда не обнаруживал склонности подняться на защиту св. Мест. Аббат Клерво знал настроение Конрада и задался целью обратить его.

Обращение Конрада произошло при картинной обстановке. Накануне 1147 г. Бернард был приглашен отпраздновать вместе с Конрадом первый день Нового года. После торжественной мессы Бернард произнес речь, которая обладала такою силою и влиянием на умы, что для слушателей она казалась словом, исходившим из уст самого спасителя. Очертив в высшей степени яркими красками бедственное положение христиан на Востоке, он от лица самого спасителя обратился со следующей речью к Конраду: «О, человек! я дал тебе все, что мог дать: могущество, власть, всю полноту духовных и физических сил; какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы мне? Ты не защищаешь даже того места, где я умер, где я дал спасение душе твоей; скоро язычники распространятся по всему миру, говоря, где их Бог». — «Довольно! — воскликнул король, проливая слезы. — Я буду служить Тому, Кто искупил меня». Бернард одержал окончательную победу над неподатливостью немцев, над нерешительностью Конрада.

Решение Конрада III участвовать во Втором крестовом походе отозвалось весьма живо во всей германской нации. С 1147 г. и в Германии началось такое же одушевленное общее движение, как во Франции. Само собою

разумеется, что это дело лично для славы Бернарда в высшей степени было заманчиво; по всей Германии ходили рассказы о силе и влиянии слова его, о его решительной победе над королем, увеличивая славу его подвигов, поднимая его авторитет в глазах современников. Но привлечение немцев к участию во Втором крестовом походе было в высшей степени вредно для исхода Второго крестового похода. Участие германцев изменило дальнейший ход всего дела и привело к тем печальным результатам, которыми окончился Второй крестовый поход.

Французская нация, во главе со своим королем, выставила значительные силы. Как сам король, так и феодальные французские князья выказали много сочувствия делу Второго крестового похода; собрался отряд численностью до 70 тысяч. Цель, которую предстояло достигнуть Второму крестовому походу, была ясно намечена и строго определена. Задача его состояла в том, чтобы ослабить мосульского эмира Зенги и отнять у него Эдессу. Эту задачу успешно выполнило бы и одно французское войско, состоявшее из хорошо вооруженной армии, которая по пути увеличилась вдвойне приставшими добровольцами. Если бы крестоносное ополчение 1147 г. состояло из одних французов, оно направилось бы другим путем, более кратким и более безопасным, чем тот, который оно избрало под влиянием короля Конрада. Французы в политической системе той эпохи представляли нацию совершенно обособленную, которая своими ближайшими интересами склонялась к Италии. Сицилийский король Рожер II и французский король находились в близких отношениях. Вследствие этого для французского короля всего естественнее было избрать путь чрез Италию, откуда он мог, воспользовавшись норманнским флотом и также флотом торговых городов, которые, как мы видели раньше, явились такими энергичными помощниками в Первом крестовом походе, удобно и скоро прибыть в Сирию. Этот путь представлялся более кратким и удобным уже потому, что он приводил крестоносцев не во враждебные владения мусульман, а в те земли Сирии и Палестины, которые принадлежали уже христианам; этот путь, следовательно, не только не требовал бы от крестоносного ополчения никаких жертв, а, напротив, обещал ему вполне благоприятные результаты. Кроме того, путь через южную Италию имел за собой еще то преимущество, что к ополчению мог присоединиться и сицилийский король. Людовик VII, снесшись с Рожером II, готов был двинуться через Италию.

Германский король был носителем совершенно противоположных политических идей. Постоянное стремление германской нации завладеть южной Италией ставило каждого германского короля в необходимость считать до тех пор свою задачу неоконченною, пока он не побывал в Италии и в Риме не получил от папы императорской короны, а от итальянского населения — присяги на верность. С этой стороны стремления германских королей угрожали прямо интересам норманнского элемента в южной Италии и в дан-

ную минуту интересам сицилийского короля Рожера II. Сила сицилийского короля была обусловлена слабым влиянием в Италии германского императора. Естественно, что Рожер II был далеко не в благоприятных отношениях с императором; между двумя народностями, германской и норманнской, не могло быть союза. Но в рассматриваемую эпоху дело было гораздо хуже. Конрад менее всего задавался целью заключать союзы с западноевропейскими державами; напротив, незадолго перед тем он заключил союз с Византией. В союзе германского короля с византийским императором таилось осуществление той задачи, которую старался выполнить еще Алексей Комнин во время Первого крестового похода: германскому королю и византийскому царю представлялась полная возможность взять в свои руки крестоносное движение и повести его к осуществлению своих задач. Участие французского короля во Втором крестовом походе усложняло и затрудняло разрешение этой задачи; но тем не менее у Конрада III и Мануила Комнина оставалась полная возможность сообща направить движение к общехристианской цели и играть в этом движении главную заправляющую роль.

Когда поднялся вопрос о пути и средствах движения, германский король предложил избрать тот путь, которым шли и первые германские крестоносцы, — на Венгрию, Болгарию, Сербию, Фракию и Македонию. Германцы настаивали на том, чтобы и французский король двинулся этим путем, мотивируя свое предложение тем, что лучше избегать разделения сил, что движение через владения союзного и даже родственного с германским королем государя вполне обеспечено от всякого рода случайностей и неожиданностей и что с византийским царем начаты по этому вопросу переговоры, в благоприятном результате которых Конрад не сомневался. Летом 1147 г. началось движение через Венгрию; Конрад шел впереди, месяцем позже шел за ним Людовик.

Рожер Сицилийский, который ранее не заявлял намерения участвовать во Втором крестовом походе, но который однако не мог оставаться равнодушным к исходу его, потребовал от Людовика исполнения заключенного между ними договора — направить путь через Италию. Людовик долго колебался, но уступил союзу с германским королем. Рожер понял, что если бы он теперь и принял участие в походе, то положение его было бы вполне изолированным. Он снарядил корабли, вооружился, но не для того, чтобы оказать помощь общему движению; он начал действовать на собственный страх сообразно норманнской политике относительно Востока: сицилийский флот стал грабить острова и приморские земли, принадлежащие Византии, берега Иллирии, Далмации и южной Греции. Опустошая византийские владения, сицилийский король завладел островом Корфу и в то же время, чтобы с успехом продолжать свои морские операции про-

тив Византии и чтобы обеспечить себя со стороны африканских мусульман, заключил с последними союз.

Таким образом, крестоносное движение в самом начале было поставлено в самое неблагоприятное положение. С одной стороны, западный король делает нападения на византийские владения в то самое время, когда крестоносцы подходили к Константинополю; с другой стороны, составился союз христианского короля с мусульманами, союз, прямо враждебный успеху крестовых походов. Политика норманнского короля тотчас отозвалась на отдаленном востоке. В крестовом ополчении участвовала масса людей, которые не желали подчиняться германскому и французскому королям, не признавали над собой никакого авторитета. Как бы ни желали короли благополучно довести свое войско до Константинополя, не возбуждая ропота грабежами и насилиями, им было трудно удержать порядок и дисциплину в своем войске: добровольцы, приставшие к ополчению, отделялись от войска, грабили, наносили оскорбления и насилия жителям. Это не могло не поселить недоразумений между византийским царем и германским королем, начались взаимные неудовольствия и упреки в неисполнении договоров и конвенций. Во Фракии дошло даже до открытых столкновений. Крестоносцы жаловались на то, что им несвоевременно доставлялись съестные припасы и фураж; византийцы обвиняли крестоносцев в грабежах. Хотя византийский царь был уверен в расположении к себе Конрада, но для него не было тайной отсутствие дисциплины в войске крестоносцев и слабый авторитет короля. Царь Мануил боялся, что Конраду не удастся обуздать буйную и непокорную толпу, что эта толпа, жадная к наживе, может начать в виду Константинополя грабежи и насилия и вызовет серьезные смуты в столице. Поэтому Мануил старался отстранить крестоносное ополчение от Константинополя и советовал Конраду переправиться на азиатский берег в Галлиполи. Это было бы действительно лучше, ибо предупредило бы много различных недоразумений и стычек. Но крестоносцы силой пробились к Константинополю, сопровождая свой путь грабежами и насилиями. В сентябре 1147 г. опасность для Византии со стороны крестоносцев была серьезна: у стен Константинополя стояли раздраженные германцы, предававшие все грабежу: через две-три недели нужно было ожидать прибытия французских крестоносцев; соединенные силы тех и других могли угрожать Константинополю серьезными неприятностями. В то же время до византийского царя доходили известия о взятии Корфу, о нападениях норманнского короля на приморские византийские владения, о союзе Рожера II с египетскими мусульманами.

Под влиянием грозившей со всех сторон опасности Мануил сделал шаг, который в самом корне подрывал предположенные Вторым крестовым походом задачи и цели: он заключил союз с турками-сельджуками; правда, это не был союз наступательный, он имел целью обезопасить империю и

пригрозить латинянам на случай, если бы последние надумали угрожать Константинополю. Но тем не менее этот союз имел весьма важное значение в том отношении, что он давал понять сельджукам, что им придется считаться только с одним западным ополчением. Заключая этот союз с иконийским султаном, Мануил давал понять, что он не смотрит на сельджуков как на врагов. Оберегая свои личные интересы, он умывал руки, предоставляя крестоносцам действовать на собственный риск собственными силами и средствами. Таким образом, против крестоносного ополчения составилось два христианско-мусульманских союза: один — прямо враждебный ополчению — это союз Рожера II с египетским султаном, другой — союз византийского царя с иконийским султаном — был не в интересах крестового похода. Все это было причиной тех неудач, которыми закончился Второй крестовый поход.

Мануил поспешил удовлетворить Конрада и перевез немцев на противоположный берег Босфора. Едва ли в это время византийский царь и мог обеспечить дальнейший ход дел на азиатской территории. Крестоносцы дали себе первый отдых в Никее, где произошли уже серьезные недоразумения. 15-тысячный отряд отделился от немецкого ополчения и на собственный страх направился приморским путем к Палестине. Конрад с остальным войском избрал тот путь, которого держалось первое крестоносное ополчение, — через Дорилей, Иконий, Ираклию. В первой сшибке (26 октября 1147 г.), происшедшей близ Дорилея, немецкое войско, застигнутое врасплох, было разбито наголову, большая часть ополчения погибла или была взята в плен, весьма немногие воротились с королем в Никею, где Конрад стал поджидать французов. Почти в то самое время, когда Конрад потерпел страшное поражение, Людовик VII приближался к Константинополю. Происходили обычные столкновения между французским войском и византийским правительством. Зная взаимные симпатии между Людовиком VII и Рожером II, Мануил не считал безопасным продолжительное пребывание в Константинополе французов. Чтобы поскорее отделаться от них и понудить рыцарей к ленной присяге, царь Мануил употребил хитрость. Между французами был пущен слух, что немцы, переправившиеся в Азию, быстро подвигаются вперед, шаг за шагом одерживают блистательные победы, так что французам нечего будет делать в Азии. Соревнование французов было возбуждено; они требовали переправить их поскорее через Босфор. Здесь уже, на азиатском берегу, французы узнали о несчастной участи немецкого войска; в Никее свиделись оба короля — Людовик и Конрад — и решили продолжать путь вместе, в верном союзе.

Так как путь от Никеи до Дорилея был покрыт трупами и облит христианскою кровью, оба короля желали избавить войско от тяжелого зрелища и потому направились обходным путем, на Адрамиттий, Пергам и Смирну. Путь этот был чрезвычайно трудный, замедлявший движение

войска; выбирая этот путь, короли надеялись встретить здесь менее опасностей со стороны мусульман. Надежды их однако не оправдались: турецкие наездники держали в постоянном напряжении крестоносную армию, замедляли путь, грабили, отбивая людей и обоз. Кроме того, недостаток съестных припасов и фуража заставил Людовика бросать массу вьючных животных и багажа. Французский король, не предвидя всех этих затруднений, взял с собою многочисленную свиту; поезд его, в котором участвовала и его супруга Элеонора, был в высшей степени блистательный, пышный, не соответствовавший важности предприятия, соединенного с такими затруднениями и опасностями. Крестоносное ополчение двигалось очень медленно, теряя на своем пути массу людей, вьючного скота и багажа.

В начале 1148 г. оба короля прибыли в Эфес с жалкими остатками войска, тогда как при переправе ополчения через Босфор византийцы — конечно, преувеличенно — насчитывали его до 90 тысяч. В Эфесе короли получили от византийского императора письмо, в котором последний приглашал их в Константинополь отдохнуть. Конрад отправился морским путем и высадился в Солуни, где встретился с Мануилом, а Людовик, с большим трудом добравшись до приморского города Атталии, выпросил у византийского правительства корабли и с остатками войска в марте 1148 г. прибыл в Антиохию. Рассказанными событиями, можно сказать, исчерпывается весь результат Второго крестового похода; громадные армии королей растаяли под ударами мусульман; а короли — французский и немецкий, — соединившиеся для одной цели, скоро разошлись и стали преследовать противоположные задачи.

Раймунд Антиохийский принял французов очень радушно: последовал ряд празднеств и торжеств, в которых французская королева Элеонора играла первенствующую роль. Не замедлила проявиться интрига, которая не осталась без влияния на общий ход дел: Элеонора вступила в связь с Раймундом. Само собою разумеется, Людовик чувствовал себя оскорбленным, униженным, он потерял энергию, воодушевление и охоту вести начатое дело. Но были обстоятельства, которые еще хуже отозвались на деле Второго крестового похода. Весною 1148 г. Конрад отправился из Константинополя в Малую Азию, но только не в Антиохию для соединения с французским королем, а прямо в Иерусалим. Как для Раймунда, так и для Людовика было в высшей степени неприятно известие, что Конрад оставил задачи крестового похода и предался интересам Иерусалимского королевства. Балдуин III, король Иерусалима, побудил Конрада стать во главе войска, которого Иерусалимское королевство могло выставить до 50 тысяч, и предпринять поход против Дамаска. Это предприятие следует считать в высшей степени неверным и ошибочным, да оно и не входило в виды Второго крестового похода. Движение против Дамаска в интересах

Иерусалимского королевства окончилось весьма печальными результатами. В Дамаске, правда, находилась довольно грозная сила; но весь центр тяжести мусульманского Востока, вся сила и опасность для христиан сосредоточивались в это время не в Дамаске, а в Мосуле. После смерти Зенги в Мосуле сидел сын его Нур-ад-дин, который приобрел весьма крупную, хотя и печальную известность в восточных христианских летописях как самый непримиримый и грозный враг Антиохии и Триполи. Само собою разумеется, что если его не ослабили в 1148 г., он впоследствии мог сделаться грозною, роковою силою для всего восточного христианства. В Иерусалиме этого не поняли. Немецкий король стал во главе 50-тысячной армии и направился против Дамаска. Это вызвало антихристианскую коалицию: эмир Дамаска заключил союз с Нур-ад-дином. Между тем Конрад и Балдуин III шли с закрытыми глазами и не озаботились ознакомиться с местными условиями. Дамаск оказался укрепленным сильными стенами и защищенным значительным гарнизоном; осада Дамаска требовала продолжительного времени и значительных усилий. Христианское войско направило свои силы против той части города, которая казалась более слабой. Между тем в лагере распространились слухи, что с севера на выручку Дамаска идет Нур-ад-дин. Конрад с горстью немцев не терял надежды на сдачу Дамаска. Но в лагере христиан составилась измена, которая, впрочем, еще недостаточно выяснена, хотя о ней упоминается у многих летописцев. Будто бы иерусалимский король, патриарх и рыцари, подкупленные золотом мусульман, распространили слухи, что Дамаск непобедим с той стороны, с которой подошли к нему крестоносцы. Вследствие этого осаждающие перешли на другую сторону города, которая была действительно неприступна. Проведя довольно продолжительное время в бесполезной осаде, угрожаемые с севера Нур-ад-дином, христиане должны были отступить от Дамаска, не достигнув ничего. Эта неудача тяжело отозвалась на рыцарском короле Конраде и на всем войске. Не было охотников продолжать дело Второго крестового похода, т. е. итти дальше на север и в союзе с Антиохией вести войну против главного врага — эмира мосульского. Энергия и рыцарский энтузиазм Конрада ослабели, и он решил вернуться на родину. Осенью 1148 г. на византийских кораблях он прибыл в Константинополь, а оттуда в начале 1149 г. возвратился в Германию, не сделав в сущности ничего для дела христиан на Востоке.

Людовик VII как человек молодой, с большим рыцарским энтузиазмом, не решился, подобно Конраду, бросить так скоро начатого им дела. В его свите нашлись лица, которые не считали оконченной задачи крестового похода и, находя возвращение назад делом унизительным для рыцарской чести, советовали ему оставаться в Антиохии и ждать подкрепления, т. е. прибытия новых сил с Запада для выручки Эдессы. Но были и такие,

которые, указывая на пример Конрада, уговаривали короля возвратиться на родину; Людовик VII поддался влиянию последних и решил возвратиться. В начале 1149 г. он на норманнских кораблях переправился в южную Италию, где имел свидание с норманнским королем Рожером, и осенью 1149 г. прибыл во Францию.

Таким образом, Второй крестовый поход, который казался таким блистательным, так много обещавшим в начале, окончился совершенно ничтожными результатами. Мусульмане не только не были ослаблены, а, напротив, нанося христианам одно поражение за другим, уничтожая целые крестоносные армии, получили большую уверенность в собственных силах, энергия их увеличилась, у них зародились надежды на уничтожение христианского элемента в Малой Азии. На Востоке происходили резкие столкновения между немецким и романским элементом. Немецкое войско в глазах других наций было принижено своими роковыми неудачами. Уже после поражения Конрада III немцы служили предметом насмешек для французов; следовательно, Второй поход показал, что совместные действия французов и немцев на будущее время невозможны. Этот поход обнаружил также рознь между палестинскими и европейскими христианами. Для восточных христиан 50-летнее пребывание среди мусульманского элемента не прошло бесследно в культурном отношении. Таким образом, между поселившимися в Азии европейцами и прибывавшими сюда из Европы новыми крестоносцами обнаружилась принципиальная рознь; они взаимно стали не понимать друг друга. Меркантильный характер, подкуп, распущенность, разврат сделались отличительною чертою нравов палестинских христиан.

Неудача Второго крестового похода сильно отозвалась на французской нации, в памяти которой долго сохраняется отзвук этой неудачи. Она должна была лечь пятном на чести церкви, в особенности она подорвала авторитет св. Бернарда, а также и папы: Бернард поднял массы народа, он называл крестовый поход делом, угодным богу, предсказывал хороший исход. После позорных неудач поднялся сильный ропот против Бернарда: Бернард не пророк, — говорили, — а лжепророк; а папа, давший свое благословение, не представитель церкви, а антихрист. Папа сваливал всю ответственность на Бернарда, последний говорил, что он действовал по приказанию папы.

В высшей степени интересна тенденция, возникающая к этому времени среди романских народов: стали взвешивать, особенно французы, обстоятельства Первого и Второго походов, стали доискиваться, какие были недостатки их организации и причины неуспеха. Вывод был простой: нельзя достигнуть цели походов потому, что на дороге стояло схизматическое византийское царство, сначала нужно уничтожить это препятствие. Эта тенденция, возникающая в половине XII в., приобретает затем все более и более сторонников на Западе.

Результатом Второго похода был огорчен в особенности молодой Людовик VII. Возвратившись на родину, Людовик пришел к сознанию необходимости поправить свою ошибку, смыть пятно со своего имени. Составлен был собор, на котором снова подвергся обсуждению вопрос о новом походе, и, что очень удивительно, нашлась опять масса людей, которые, объятые религиозным энтузиазмом, вновь готовы были идти в св. Землю. Случилось нечто еще более удивительное: на собор явился и св. Бернард и стал говорить, что предстоящий поход будет уже удачен. На соборе стали раздаваться голоса, что недавний поход был неудачен потому, что не поставили во главе его св. Бернарда. Явилось предложение поручить ему ведение нового похода. Папа принял весть об этом несочувственно. Он назвал самого Бернарда безумцем, а в оффициальном документе характеризовал подобное отношение к делу как глупость. После этого и Людовик несколько охладел к задуманному походу.

К эпохе Второго крестового похода относятся два похода, стоящие совершенно отдельно от главного движения. Это, во-первых, поход Генриха Льва и Альбрехта Медведя против славян, окончившийся утверждением немцев среди вендских славян (Бранденбург); во-вторых, поход в Испанию и завоевание Лиссабона у мусульман.

Глава XII

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА МАНУИЛА

Западным делам Мануил посвящал больше внимания, чем это было необходимо. И между тем та же западная политика сопровождалась до такой степени отрицательными для Византийской империи результатами, что довела государство до полного истощения и вызвала по смерти Мануила реакцию и общее разложение. Столько же ввиду бесспорной важности этого периода собственно в истории Византии XII в., как и по обнаружению живых и реальных сил, которые вступили между собой в это время в борьбу из-за господства в южной Италии, на Далматинском побережьи и, наконец, в Сирии и Палестине, нам предстоит войти в некоторые подробности, могущие до известной степени осветить проблемы рассматриваемого нами времени. Само собой разумеется, с этой целью необходимо будет комбинировать разнообразные факты, происходившие в течение целого десятилетия вслед за окончанием Второго крестового похода. В занимающее нас время византийский император, римский папа, германский император и представители итальянских торговых или политических интересов (норманны, венецианцы) вступают в борьбу или заключают между собой союзы. «Папство очень много было обязано норманнам и вовсе не имело интереса уничтожать их власти на юге Италии. Кого бы иначе оно могло противопоставить немецким императорам? Но . . . всякий раз, как норманны уклоняются от своего призвания, вступают во вражду с папским престолом, римская курия противопоставляет или притязания той или другой империи, или обеих вместе. Восточная и Западная империя одинаково имели притязания на господство в Италии, но для одной важней было господство на юге

полуострова, для другой — на севере его. Между ними возможно было, следовательно, временное соглашение, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цели, но при одном только признаке ее достижения начиналось взаимное соперничество, и опасность для норманнов проходила благополучно . . . Будущая владычица морей и европейской торговли, умная Венецианская республика была естественной союзницей Византии, пока дело шло о том, чтобы не допускать господства норманнов . . . на Адриатическом море, не позволять им утвердиться в Албании или на островах . . . Но венецианцам вовсе не было желательно, чтобы Византия утверждалась в самой Италии, это было бы для них то же самое, как если бы норманны утвердились на другом берегу Адриатики: оба берега — в руках одной державы».*

Союз Восточной и Западной империй теперь, как и прежде, направлен был против сицилийского короля Рожера II, наиболее талантливого и энергичного из всех тогдашних европейских государей. В начале 1146 г. этот союз скреплен был наконец давно уже предположенным браком Мануила с Бертой Зульцбах, свояченицей Конрада III. Мы видели выше, как Рожер домогался, чтобы крестовый поход направился через Италию, при таком обороте дел он имел все основания непосредственно влиять на главных деятелей и дать христианским отрядам такое назначение, какое ему казалось бы наиболее полезным. Не было бы ничего удивительного, если бы крестоносцы начали, как это и было через 50 с небольшим лет, с нападения на христианскую империю. Не достигнув цели, Рожер нашел настоящий момент весьма удобным для сведения старых счетов с Византией. Будучи обеспечен со стороны Германии и не боясь немецкого вторжения в Италию, Рожер тем легче мог решиться напасть на имперские владения, что они были по большей части лишены обыкновенных военных отрядов, направленных на Восток по случаю крестоносного движения. Не довольствуясь нападением на Корфу, на берега Греции и на многочисленные города, норманны решились послать отряды внутрь страны. Особенно пострадали Фивы, где был тогда центр шелковой промышленности и откуда Рожер вывел значительное число пленных, знакомых с искусством разведения шелковичного червя и с выделкой шелковой материи. Благодаря вывезенным из Греции пленникам, в Палермо привилась эта важная промышленная статья, давшая впоследствии большие выгоды. Не менее Фив пострадал Коринф, один из важных торговых пунктов Греции, откуда взята была огромная добыча. «Сложив на корабли, — говорит историк Никита Акоминат, — награбленное имущество, король обратил в рабство

* В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. Слав. сб., т. III, стр. 377—378. См. также: В. Г. Васильевский, Труды, т. IV, стр. 112—113, Л., 1930, Издат. Ак. Наук СССР. (Цитата приводится Ф. И. Успенским вторично. См. стр. 188—189, — *(Ред.)*.

знаменитейших по происхождению коринфян, взял в плен молодых и красивых женщин, захватил икону чудотворца Феодора Стратилата и со всем этим имуществом пустился в обратный путь. Если бы кто посмотрел тогда на сицилийские триэры, весьма бы основательно заключил, что это не пиратские суда, а громадные грузовики, переполненные множеством дорогих вещей до такой степени, что сидели в воде по верхний ярус».*

Когда до Константинополя дошли известия о норманнских опустошениях, положение дела было здесь таково, что нельзя было и думать о немедленном походе против Рожера. Царь Мануил пытался договориться с Конрадом и Людовиком VII насчет немедленных мер против Рожера, но не имел успеха. Тогда оказалось необходимым прибегнуть к помощи венецианского флота. Дож Петр Полани, изъявляя готовность выступить против норманнов, потребовал за то расширения торговых привилегий для венецианских торговых людей, о чем свидетельствуют две грамоты от октября 1147 г. и марта 1148 г., которыми Венеции открывалась свобода торговли на Кипре и Родосе и вместе с тем расширялся уступленный Венеции ранее квартал в Константинополе. Весной 1148 г. Мануил приготовился в поход. Сознавая всю серьезность предприятия против «западного дракона», царь рассчитывал действовать в одно время и на суше и на море. Сухопутные войска были вверены великому доместику Аксуху, флотом командовал зять царя по сестре Контостефан. Но на первых порах успешному ходу дел помешали неожиданные события на дунайской границе. Через Дунай перебралась орда половцев, или куман, которая прошла по северо-восточной Болгарии и появилась на юге от Балканских гор. Необходимо было остановить эту хищную орду и защитить от нее византийские владения. Хотя попытка отрезать половцев на севере занятием Дуная флотом не удалась, но император погнался за ними дальше и на север от Дуная нанес им поражение. Это необходимо замедлило осуществление первоначального плана похода, так что только к осени 1148 г. можно было собраться у Корфу сухопутному войску и флоту, хотя осенние непогоды побудили императора расположиться на зимние квартиры в Болгарии (Эски-Загра). Осень и зима этого года не прошли, однако, без важных событий. Германский король Конрад, возвращаясь из Палестины, высадился в Солуни, где был встречен Мануилом и сопровождаем был до Константинополя. Здесь царь принимал у себя как гостя своего давнего союзника и друга, и здесь же скреплены были новыми статьями прежние соглашения. Прежде всего состоялись проекты родственных брачных договоров между Генрихом Баварским, австрийским маркграфом, и племянницей

* Nic. Acom., pp. 101—102.

Мануила Феодорой. Предполагался и другой союз — короля Генриха, сына Конрада, с одной из византийских принцесс.*

Но самым существенным политическим актом, в связи с которым имели значение упомянутые брачные соглашения, был наступательный союз против Рожера II. Именно предполагалось общее нападение весной 1149 г. на сицилийского короля, причем обе стороны обязывались одновременно начать военные действия, только тяжкая болезнь или опасение потерять корону могли служить извинением для того, чтобы отложить исполнение договора до более благоприятного времени. Хотя в источниках не указаны точно условия, с какими предпринималась война, но замечание историка Киннама может быть истолковано в том смысле, что Мануил заявлял притязание на южную Италию.** Праздники и зрелища на ипподроме, которые были обычны в Константинополе, и турниры и рыцарские военные потехи, усвоенные от западных союзников, доставляли большое развлечение жителям столицы и иностранным гостям. Не во всех частях мог быть выполнен этот договор. Византийская эскадра в соединении с венецианскими вспомогательными судами явилась под Корфу осенью 1148 г. Ее действия не только затруднялись неприступным положением крепости и высотой стен, но и взаимной враждой между союзниками. Несмотря на предупредительные меры начальников, между греками и венецианцами происходили ссоры, которые закончились побоищем и, наконец, отступлением венецианцев из-под Корфу. Дело этим не ограничилось, а перешло чуть не в войну: венецианский флот напал на торговые греческие суда, и матросы позволили себе очень грубые издевательства по отношению к царю. Хотя Мануил, ввиду серьезных обстоятельств, не придал значения происшедшему, но это не могло не повлиять на ход осадных работ. Вместо движения к Италии, весной 1149 г. предстояло еще заняться освобождением Корфу от норманнского гарнизона и кроме того отделить часть флота против норманнов, появившихся в византийских водах. Правда, византийская эскадра под начальством Хурупа нанесла поражение норманнам близ Пелопоннеса, при мысе Малее, и таким образом Мануилу предоставлена была полная свобода оставаться под Корфу, но это потребовало продолжительного времени, так как город взят был голодом в конце лета. Осенью Мануил мог приступить к исполнению той части программы соглашения с Конрадом, которая выпадала на его долю. Византийско-венецианский флот получил приказание высадиться в Анконе, чтобы здесь войти в сношение с германским войском, которое должно было прибыть с севера. Но великий доме-

* Лучшие и официальные сведения: Wibaldi epistolae. Phil. J a f f é. Monumenta Corbeiensia. Berlin, 1864 (Bibliotheca rerum Germanicarum. Tom. I). Здесь между прочим личные письма Конрада к императрице Ирине (Берте).

** C i n n a m i, II, 19, p. 87 (Bonn.): «ὁ δὲ βασιλεύς, τῶν πάλαι προομολογηθέντων ἀνεμίμνησκεν αὐτῷ. ἦσαν δὲ ταῦτα, ὅπως Ἰταλίαν εἰς ἕδνον τῇ βασιλίδι ἀνασώσαιτο Εἰρήνῃ».

стик Аксух не выполнил возложенной на него задачи и поздней осенью привел эскадру назад в Константинополь; что же касается короля Конрада, то он едва ли в состоянии был осуществить, если бы и хотел того, принятые на себя обязательства, так как против него образовалось сильное движение в самой Германии, потребовавшее от него личного присутствия на месте.

Мы уже ранее видели, что Рожер должен быть почитаем одним из лучших дипломатов того времени. Не могло быть сомнения, что он употребил все свое искусство, чтобы помешать вредным для него последствиям союза двух империй. С присущей ему энергией и дальновидностью он приготовил Конраду неожиданные затруднения в Европе. Так, обворожив любезностью и подкупив подарками и обещаниями Генриха Вельфа, герцога Швабии, который побывал в Палермо на возвратном пути из Палестины, он побудил его начать в Германии восстание против Гогенштауфенов, восстание Генриха было усмирено лишь к началу 1150 г. В то же самое время, с целью занять внутренними делами и царя Мануила, при помощи связей в Германии сицилийский король поднял смуту на северо-западной границе империи, вооружив Венгрию и Сербию. Не желая нарушать связи излагаемых здесь фактов, мы отнесем к другой главе угорско-сербские события, теперь же ограничимся ближайше отношениями к германо-романскому Западу. Следует особенно подчеркнуть, что как раз к тому времени на Западе старались как-нибудь благоприятней для национальных самолюбий объяснить неудачу Второго крестового похода. Король Рожер, Людовик VII и папа Евгений III, которому также казался опасным союз Западной империи со схизматиками, легко склонны были видеть главного виновника неудачи в Мануиле Комнине. Из сочетания указанных причин возникал тогда проект нового похода на Восток, и, что всего замечательней, даже руководитель французской политики того времени аббат Сугерий увлечен был планом нового крестового похода, который вне всякого сомнения имел бы прямым объектом Константинополь. Можно понять, как нарушало общее западноевропейское настроение то обстоятельство, что германский король стоял явно на стороне Византии и что его враждебное расположение к сицилийскому королю нарушало в самой основе готовую пойти на все западную антивизантийскую лигу. Но как ни пытались с разных сторон воздействовать на Конрада, он не мог не сознавать реального значения того существенного факта, что войти в политические комбинации Рожера II было равносильно отказу от заветной мысли насчет германского господства в Италии.

Переписка между германо-королевским и византийским двором в 1150 и 1151 г. представляет капитальный исторический интерес. Уже в феврале 1150 г. в Германию было отправлено посольство с Михаилом Вардалием во главе. Конрад отвечал на предложения Мануила ответным посланием,

в котором уверял, что хорошо помнит о данных обязательствах и что исполнение их только замедлено вследствие нездоровья и смут в Германии. Вместе с тем в письме выражалась благодарность за радушный прием, оказанный в Константинополе в самую тяжелую для него минуту после потери войска и во время болезни, и за то внимание, с каким сам царь ухаживал за больным и подавал ему лекарство. Летом того же года Конрад отправил своего посла в Константинополь с письмами, рисующими политическое положение. Сицилийский тиран подкупил деньгами Вельфа, это служило препятствием к исполнению проекта похода в Италию. «Теперь же, — продолжал король, — пришла новая весть, что весь французский народ со своим королем, по наущению тирана сицилийского, вошел в заговор против нашего превосходнейшего брата и готовится поднять оружие . . . Мы во всяком случае решились поставить себя и нашу империю за нашего брата и его безопасность».

Эта настойчивость Конрада сильно смущала в особенности римского папу, с которым германский король не желал порывать добрых отношений и который с своей стороны всеми мерами пытался отвлечь Конрада от союза с Восточной империей. В указанной выше переписке аббата Вибальда есть несколько пикантных мест. Кардинал Гвидо, папский легат при крестоносном отряде, писал к Вибальду, что святой отец и курия приведены в большое смущение слухами о союзе короля с императором греков; это могло привести к сильному ущербу и поражению римской церкви. И сам Вибальд, столь близкий к Конраду человек, писал, что его государь, действительно, несколько изменился под влиянием знакомства с воззрениями греческого общества, с которым он ознакомился. Эту мысль он выразил в знаменитой фразе, что Конрад возвратился из Константинополя «немножко тронутым греческим непослушанием и гордостью». Вибальд успокаивал однако папу и его приверженцев, что долгим сожительством и убеждениями он надеется привить Конраду смирение и благое послушание. С другой стороны, он уведомлял царя Мануила, что затеянному Рожером союзу против Восточной империи он весьма не сочувствует и, напротив, уверен в том, что такое значительное государство, как Византия, государство, где господствует божественная религия, законы и гражданский порядок, не может быть разрушено нечестивыми людьми.

Аббат Вибальд был большой сторонник не только германо-византийского союза, но и восстановления добрых отношений между Римом и Византией. Он очень ясно понимал, что политика Рожера II шла наперекор заветным целям Конрада, и потому всеми средствами боролся против нее. Под влиянием его сообщений римская курия вступила на путь мирных и благожелательных сношений с царем Мануилом. С лета 1150 г. в Риме находим греческих послов, прямым последствием того было охлаждение между папой и Рожером. Последний на пасху 1151 г. приказал короновать

своего сына Вильгельма без согласия папы. Вместе с тем Евгений III входит в сношение с Конрадом и подготовляет обсуждение вопроса о германском походе в Италию. Это было окончательным ударом для коалиции, имевшей в виду новый крестовый поход и движение на Византию, и, наоборот, счастливым событием для германо-византийского союза. Политическая ставка Рожера, повидимому, была проиграна. Обе империи и римский папа приходили к соглашению по сицилийским делам. Но смерть Конрада в самом начале 1152 г. совершенно изменила положение дел.

Очень хорошо характеризуется взгляд современников на изложенные события слухами, проникшими в летопись, что Конраду поднесен был яд лечившими его итальянскими докторами, подосланными Рожером.* Хотя преемник Конрада, племянник его Фридрих Барбаросса, был вполне ознакомлен со взглядами своего дяди и до некоторой степени участвовал в соглашениях с Мануилом, гостеприимством которого пользовался в зиму 1148—1149 г., тем не менее смерть германского короля Конрада нанесла существенный ущерб планам царя относительно южной Италии. Фридрих прежде всего желал заручиться расположением папы, его взгляды выясняются из договора, заключенного им с папой Евгением III в марте 1153 г.,** в котором определенно указывалось, что греческому королю в Италии нельзя уступать никаких владений и что если бы он решился предпринять поход в Италию, то папа и король обязываются всеми силами тому воспротивиться. Хотя в том же году происходили сношения между Фридрихом и царем Мануилом, но, повидимому, в них было мало искренности. С одной стороны, для Фридриха, предпринимавшего на 1154 г. экспедицию в Италию, было небезразлично участие византийского императора в этом же предприятии, направленном против сицилийского короля, с другой же — он не желал отступать от положений, нашедших себе выражение в договоре с папой. Зимой 1154 г. германские послы Ансельм Гавельбергский и Александр Гравина имели назначение отправиться в Константинополь, когда произошло громадной важности событие. В феврале умер король Рожер II, и вступивший на престол его сын Вильгельм, боясь затруднений для своего королевства из германо-византийских переговоров, немедленно послал в Константинополь послов, предлагая Мануилу мир и вознаграждение за все убытки, причиненные недавним опустошением Фив и Коринфа. Но в Византии не придали серьезного значения этому предложению; напротив, в это же время царский флот имел дело с норманнами на юге от Пелопоннеса, причем стратиг Константин Ангел потерпел поражение и попал в плен. Таким образом, Мануил оставался в прежних рас-

* O t t o F r e i s i n g. Gesta Friderici, Mon., S. XX.

** H. von K a p - H e r r. Die abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881; F. C h a l a n d o n. Jean II Comnène et Manuel I. Paris, 1912, p. 343. Основное место о договоре с папой: J a f f é. Monum. Corbeiensia, p. 547.

положениях относительно германского союза и воспользовался сделанными ему сообщениями Александра Гравины, прибывшего от Фридриха, для самостоятельного шага [redacted] Италию. Именно, он послал вместе с Гравиной двух своих уполномоченных, севастов Михаила Палеолога и Иоанна Дуку, с большими денежными суммами. Послам было наказано отправиться в Анкону и войти в сношение с Фридрихом, который летом 1155 г. совершил свой поход в Рим, где принял императорское венчание [redacted] освободил папу от предводителя враждебной ему республиканской партии Арнольда из Брешии. Как известно, Фридрих, от которого ожидали дальнейших мероприятий в Италии, обманул все надежды и не желал на этот раз связывать себя никакими политическими и военными задачами. Когда византийские послы представились германскому императору, его войско начало уже тогда отступление на север. Само собой разумеется, их представления на счет содействия, какое мог оказать Мануил [redacted] предполагавшемся ранее походе против сицилийского короля, оказались или запоздавшими, или истолкованными в неблагоприятном смысле приближенными к нему лицами. Во всяком случае Фридрих удалился из Италии, не успев осуществить никаких политических планов. Но Мануил, пользуясь значительным возбуждением умов, вызванным походом германского императора, поручил своим послам попытаться произвести на свой страх движение в пользу византийской партии. Для этого и были назначены те суммы, которыми располагал Палеолог. Он действовал очень осторожно, вполне выждав самый благоприятный момент. Когда один из наиболее влиятельных партизанов германского вмешательства Роберт граф Лорителло убедился, что от Фридриха ничего нельзя более ожидать, он счел за нужное повидаться с Палеологом, и [redacted] Вести было заключено соглашение между представителем Мануила и норманнскими князьями, враждовавшими с сицилийским королем. После этого свидания Михаил Палеолог начал организовывать византийскую партию, шедро раздавал деньги, нанимая охотников и занимая некоторые города. Как можно понять, центром распространения византийских планов была Анкона, откуда эмиссары царя пытались овладеть некоторыми приморскими местами. Вслед за городами Вести и Фано признали власть царя и другие места, и Палеологу было донесено, что [redacted] южной Италии только дожидаются прибытия греков, чтобы стать на их сторону против сицилийского короля. Князь Капуи Роберт и другой князь Андрей Рупеканина, изгнанные из своих владений Рожером II, подняли восстание [redacted] южной Италии. Важное сопротивление оказал Трани, жители которого оставались верны королю Вильгельму; но был довольно основательный расчет, что на дальнейший ход дела окажет влияние главный город Апулии Бари, [redacted] котором Палеолог имел уже достаточно приверженцев. Когда Бари сдался, несмотря на значительный норманнский гарнизон, это, действительно, произвело большое впечатление во всей стране и открыло для

Византии легкую возможность овладеть другими местами: Трани, Жиовенаццо.

Успех для Византии был замечательный, он объясняется как продолжительным бездействием со стороны Вильгельма, бывшим вследствие его болезни, так и хорошо подготовленными мерами и подкупом. Уже прибывали подкрепления из кавказской конницы, посаженной на суда; уже папа Адриан решился открыто пристать к византийской партии и послать на юг свои подкрепления. При таких условиях посланное Вильгельмом войско под предводительством Асклеттина действовало весьма робко и уклонялось от открытого боя с противниками. Наконец оно было принуждено принять сражение и потерпело полную неудачу в деле с Иоанном Дукой. Уполномоченный царя Палеолог предупредил опасность со стороны Венеции соглашением с республикой Генуей, которая за пожалованные ей торговые привилегии обязалась не быть на стороне врагов империи. Кроме того приняты были меры к привлечению на сторону Византии папы Адриана IV, которому были обещаны денежные субсидии, — немаловажный успех, имевший последствием весьма оживленные сношения и поднятие вопроса о соединении церквей. Прямым последствием переговоров с римской курией было то, что в сентябре 1155 г. папа принял личное участие в военных действиях. Находясь в Беневенте, он был в центре движения, среди восставших против норманнов князей. Это было весьма благоприятным обстоятельством для византийской партии, которая стремилась теперь к занятию Бриндизи. Но в начале следующего года заметна перемена в положении партий, которая имеет себе объяснение в нескольких случаях явного пренебрежения греческих вождей Палеолога и Дуки к своим союзникам, местным князьям и баронам. Это обнаружилось тогда, когда из Сицилии прибыли подкрепления и когда на просьбу графа Роберта Лорителло подать помощь византийские вожди не обратили должного внимания и, обнадеженные успехом, высказывали мысль, что им нет нужды до норманнских интересов. Большим подспорьем для греков было и то, что они могли теперь, с помощью прибывшего флота, осаждать приморские города с суши и с моря. С полной надеждой на успех в апреле 1156 г. приступлено было к осаде важнейшей на юге крепости Бриндизи, и, действительно, город скоро был сдан, хотя в кремле заперся норманнский гарнизон. Но здесь наступил крутой поворот в положении воюющих сторон.

Вильгельм I собрал большие силы и решился принять личное участие в войне. Прямой целью было подать помощь осажденному в Бриндизи гарнизону. Византийский вождь Иоанн Дука, в виду надвигавшихся врагов, просил у Мануила подкреплений, но прежде, чем они были получены, ход событий стал складываться неблагоприятно для греков. Прежде всего союзники утратили к ним доверие и стали отделяться от них, так граф Лорителло ушел из лагеря, так изменили наемные отряды из Анконы;

равно ушел наемный норманнский отряд. Ввиду этих обстоятельств, которые показали недостаточность принятых к обеспечению достигнутых успехов мер и в которых нельзя не видеть весьма обычных черт высокомерия и презрения греков ко всем не говорящим на их языке, быстро утрачены были так легко доставшиеся успехи. Вильгельм нанес грекам у Бриндизи жестокое поражение и взял в плен обоих вождей, и Дуку и Алексея Вренния Комнина, прибывшего с целью подкрепить первого. Это был непоправимый удар, о котором так рассуждает современный событиям историк. «До такого конца довела прежнюю славу нерешительность Комнина и Дуки. Так-то нынешние военные люди, одни, совсем не понимая военного искусства, портят дела, другие, хотя, может быть, и знают его немного, но ошибаются в общем. Военное искусство есть в известном смысле техника, и тому, кто им занимается, нужно быть многосторонним и способным к приспособляемости, чтобы в нужное время применяться к ее разнообразным видам. Можно иногда и бежать без всякого стыда, если позволяют условия времени, но в другом случае нещадно преследовать, все по ходу дела. Где же успех зависит больше от умного плана, чем от физической силы, там не нужно всем подвергаться опасности. Ибо если многими и различными путями можно приходить к победе как заключительной цели, то безразлично, какой путь кто изберет к этой цели».* Это философское воззрение Киннама на исход всего предприятия мало выясняет существо дела. Другой историк говорит,** что на подкупы и на наем охотников была израсходована громадная сумма в 300 кентинариев золота, или больше 10 миллионов рублей. Несомненно, все предприятие было построено на песке и не было подготовлено ни прочной военной системой укреплений, ни симпатиями в населении.

Вильгельм беспощадно преследовал изменивших ему. Город Бари он срыл до земли и одним ударом лишил греков всякой опоры в южной Италии. Так как в Беневенте находился один из союзников Мануила папа Адриан, окруженный своими приверженцами, то король поспешил к Беневенту, заставив бежать в горы графа Лорителло и взяв в плен князя Капуи. Папа принужден был согласиться на все предъявленные ему требования и подписал мир с королем. Нельзя думать, что Мануил питался еще надеждами отстоять свое положение в Италии, хотя и продолжал посылать деньги для найма охотников и для поддержания в городах византийской партии. Все заставляет предполагать, что для царя было весьма важно поддержать в Италии враждебное против Вильгельма движение на тот конец, чтобы не дать ему свободы воспользоваться громадными военными приготовлениями для войны с Византией, какие были намечены

* Cinnami, IV, 13, pp. 168—169.
** Nic. Acom., p. 127.

на весну 1157 г. В то время, как сицилийский флот нанес поражение византийским судам при Негропонте и сделал смелое движение через Дарданеллы к Константинополю, византийские наемные отряды, собранные в Италии, доставляли царю дешевые победы, которым в столице старались придавать, однако, большое значение. «Теперь, — говорит Киннам, — * римляне снова стали смелей действовать, они взяли С. Жермано и покорили до 300 других городов: кто желает знать их название, может прочесть их имена во дворце... Там этих имен написано было слишком много, но это произошло от безмерной лести и рабского чувства причастных к этому делу людей. Слышал я, что и сам царь не был этим доволен».

В действительности царь Мануил вполне правильно оценивал положение дел: если союз с Западной империей не принес ему никакой пользы, то ясно, что следовало искать другого выхода из весьма затруднительного положения. Еще в 1156 г. он посылал в Германию послов, которым сопутствовал аббат Вибальд, исполнявший миссию Фридриха I в Константинополе. Но в Германии, как оказалось, совсем изменили взгляд на отношения к Восточной империи. Быстро достигнутые, хотя и непрочные, успехи греков напугали императора Фридриха и дали ему понять, что вовсе не в интересах Западной империи содействовать ослаблению норманнов в южной Италии. При таких расположениях Фридрих, приготовлявшийся к походу в Италию с целью изгнания из нее греков, весьма холодно отнесся к послам Мануила и не прежде принял их, как убедившись в нанесенном грекам поражении Вильгельмом под Бриндизи. Но главный предмет посольства не был затронут, во всяком случае Фридрих отнесся отрицательно как в проекту брака между ним и византийской принцессой, так и к вопросу о военном союзе. Хотя обмен посольствами продолжался и после того, но вопрос о военном союзе считался уже окончательно похороненным. Ввиду этих обстоятельств Мануил стал думать о мирных переговорах с Вильгельмом. Нужно думать, что посредником в переговорах, приготовившим путь к соглашению, был римский папа и что Мануил не поставил со своей стороны больших затруднений, чтобы ликвидировать итальянские отношения. По поручению царя отправился в Анкону Алексей Аксух, имея двойную цель: с одной стороны, продолжать набирать наемников как бы для продолжения войны, с другой — войти в сношение с норманнами и приготовить их к более скромным требованиям при заключении мира. И снова на стороне Византии появились союзники частью из недовольных Вильгельмом вассалов, частью из наемных дружин. Но в 1158 г. в Италию прибыл Барбаросса, и агенты царя Мануила должны были покинуть Анкону, откуда доселе направлялись нити византийской политики.

* Cinnami, IV, 14, pp. 171—172.

Тогда был заключен 30-летний мир с норманнами и вместе с тем подготовлен союз папы и восточного императора против Фридриха Барбароссы.

Нанесенный грекам под Бриндизи удар обозначил в сущности бесповоротное крушение западной политики Мануила. С тех пор не завоевание южной Италии составляет предмет домогательств византийского царя, так как эта цель оказалась недостижимой вследствие успехов сицилийских норманнов. Соглашение с римским папой на условиях значительного пожертвования в пользу римской церкви и уступок по исконным вопросам, вызвавшим самое разделение церквей, казалось, делает возможным для Мануила поставить на очередь старый вопрос об единстве империи и развенчании германских императоров. Хотя положительных успехов и на этом новом пути не могло быть достигнуто, тем не менее и здесь можем извлечь несколько любопытных наблюдений относительно мотивов подобной политики и настроений современников занимающего нас времени. По воззрению Киннама,* «...с падением Западной империи никто из итальянских властителей не имел права на царский титул; если же кто и принимал его, то по злоупотреблению... С тех пор в Риме нет ни архиерея, ни тем более властителя. Ибо тот, кто восхищает себе величие царского достоинства, унижается до того, что идет пешком подле едущего на коне архиерея и исправляет обязанность его конюшего; архиерей же, именуя его императором, ставит его на одну доску с царем. Но скажи, любезный, как и на каком основании позволил ты себе пользоваться как конюшими ромэйскими царями? А если такого основания нет, то и ты самозванный епископ, и он не настоящий царь. Если ты не можешь не согласиться, что царственный трон Византии есть римский трон, то как ты унаследовал папское достоинство? Это установление принадлежит одному Константину, первому христианскому царю. Как же ты одну часть его установления, т. е. епископский престол и его преимущества, охотно принимаешь, а другую отметаешь? Но ты заявляешь притязание на право наделения царским достоинством — уступаю в том, что касается возложения рук и помазания, — чисто духовной стороны, но возражаю против действительного наделения царским достоинством, так как это уже новшество. Если в твоей власти перемещать царство, почему не ты переместил из Рима империю, а когда другой сделал это, то тогдашний римский епископ против воли одобрил сделанные распоряжения».

Хотя указанные воззрения на папскую власть и на Римскую империю составляют существенную особенность византинизма, тем не менее император Мануил нашел возможным, когда идея союза с западным императором оказалась неосуществимой, искать сближения с римским престолом, вос-

* Cinnami, V, 7, pp. 219—220.

пользовавшись для того охлаждением между Фридрихом Барбароссой и Адрианом IV. Первые сношения с папой начались еще на почве переговоров о союзе против сицилийского короля в 1155—1156 гг., причем наряду с темами политическими обсуждались и религиозные, именно возбуждался вопрос о возможности восстановления единства церкви. При преемнике Адриана, папе Александре III, который порвал сношения с германским императором, направление церковной политики Мануила определилось ясней. Папа Александр III, вступивший в борьбу с Фридрихом из-за политических прав над Италией, шел навстречу императору Мануилу и, может быть, поощрял его в его церковной политике. Это был тот папа, который позволил себе сказать Фридриху: кому, как не папе, обязан он своим венцом. Дабы побудить Мануила принять сторону папы против императора, Александр обратился за содействием к королю Людовику VII, который со своей стороны просил царя оказать помощь римскому престолу и предлагал за это союз. Ответ Мануила в конце 1161 г. вполне подходил к желаниям короля, и с тех пор переписка и сношения с французским двором без перерыва продолжались значительное время. Внимательно следя за событиями на Западе, Мануил питал уверенность, что под влиянием обстоятельств папа неминуемо придет к мысли искать поддержки в Константинополе, если только не решится пожертвовать своими притязаниями на светскую власть. Наконец, в 1168 г. Мануил решился определенней объясниться с папой и высказать ему свой взгляд как на вопрос о соединении церквей, так и на условия снятия схизмы. С этим поручением был отправлен в Рим севаст Иордан, сын князя Роберта Капуанского. В анналах Барония * говорится о том, что императорский посол, принеся папе драгоценные дары, изложил все, что было ему поручено. А главный вопрос заключался в том, что император выражал желание соединить свою церковь с матерью всех церквей, дабы обе церкви были под одним главой, и вместе с тем требовал, чтобы апостольский престол возвратил ему корону империи. Для исполнения этого он предоставлял в распоряжение папы столько денежных средств и такие военные средства, что с ними можно подчинить церкви не только Рим, но и всю Италию. Это важное предложение было обсуждаемо в папском совете, где и было решено отправить в Константинополь Убальда, епископа — кардинала Остии, и Иоанна, кардинала ордена св. св. Павла и Иоанна, которым предстояло доложить в Константинополе римские воззрения на этот вопрос. Можно весьма пожалеть, что не сохранилось византийских известий об этом посольстве. Следует впрочем заметить, что и вообще обращение на Запад с заискивающими взорами всегда обозначало крайний упадок и ослабление, и патриотам-писателям можно извинить, что они не останавливались на подробно-

* Baronii. Annales ecclesiastici, XIX, 251.

стях подобных периодов. Впрочем, у Никиты Акомината встречаем несколько раз выступление против Мануила за его мечтательные планы, под влиянием которых он простирал взоры на край земли и не обращал внимания на ближайшие задачи.*

Сношения с Римом, питаемые идеей соединения церквей, несмотря на то, что в Константинополе во влиятельных церковных кругах не могли не относиться подозрительно к самым основаниям этой идеи, тем не менее поддерживались царем. Может быть, в связи с этими переговорами стоял и проект брака между царевичем Алексеем, сыном Мануила, и дочерью Людовика VII, причем папа принимал в переговорах деятельное участие (1171 г.). Почти до последних лет жизни Мануила не оставляла мысль достигнуть при помощи папы того, что казалось ему таким важным и ради чего он не прочь был поступиться даже самостоятельностью восточной церкви. Но в конце концов реальная жизнь должна была показать ему невозможность осуществления союза с римским престолом.

Насколько искренни были отношения папы к выраженным Мануилом намерениям и желаниям, в этом отношении возможны серьезные сомнения. Во всяком случае и на Западе было мало приверженцев соединения восточной церкви с западной, если с этим соединением неразрывно связывалось усиление влияния Византии в южной Италии. Но внешним выражением планов византийского царя были не только новые его попытки утвердиться в южной Италии, но вместе с тем и посылка эмиссаров с денежными суммами в северную Италию и деятельная роль в поддержании союза ломбардских городов против германского императора. Известно, что Ломбардская лига доставила Фридриху невероятные затруднения, которые стоили ему шести военных походов в Италию. Менее, однако, известно то, что Мануил не щадил средств, чтобы иметь себе приверженцев и в северной Италии, поддерживал денежными субсидиями восставшие против Фридриха города, наконец помог миланцам снова отстроить разрушенный их город. Кремона, Павия, Анкона, не говоря уже о торговых итальянских республиках, о которых будет речь, были поддерживаемы императором Мануилом с целью иметь в них опору для своих политических планов. Поэтому далеко не преувеличением, а верным пониманием тогдашних событий представляются нам слова Никиты Акомината:** «... ему казалось возможным, что все западные народы составят союз против ромэев и войдут в одно общее против них соглашение, а потому он всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Он говаривал, что восточных варваров он может деньгами склонить к миру, но что касается многочисленных народов западных, то чрезвычайно их боится. Это люди высокомерные, решительные,

* Nic. Acom., p. 265; Визант. Временник, XIV, стр. 337.
** Nic. Acom., p. 260.

для которых война составляет всегдашнюю потребность, богаты и являются в поход закованные в железо, но кроме всего этого питают непримиримую и неукротимую против ромэев вражду, подозрительно к ним относятся и постоянно вооружаются».

Итальянские торговые республики Пиза, Генуя и Венеция занимали относительно империи исключительное положение. Все эти города имели во время Мануила большие торговые привилегии в Константинополе и во всех областях империи, обладали большими материальными средствами и в случае нужды могли быть деятельными проводниками политики царя. Мануил умел воспользоваться соревнованием этих городов, возбуждая между ними взаимное недоверие и опасение, чтобы один из них не усилился в ущерб другому, держал их в подчинении. Когда пизанцы в 1162 г. заключили тайный союз с Фридрихом, Мануил лишил их предоставленного им квартала, нарушил часть их привилегий и указал им для житья участок за стенами города; через 10 лет, однако, вследствие разрыва с Венецией, царь нашел возможным возвратить Пизе ее прежние права. С Генуей заключен около 1155 г. договор, обеспечивавший за ней как денежную субсидию в 500 перперов и ежегодную уплату архиепископу 60 перперов, так определенный квартал в столице и торговые привилегии в империи. Республика обязывалась не вступать ни в какое соглашение или предприятие, которым бы наносился вред царю и его империи. Но когда Генуя в 1162 г. примкнула к союзу с Фридрихом, то в Константинополе это отразилось народным движением, в результате которого было расхищение товаров в генуэзском квартале. В 1164 г. начинаются вновь сношения с царем, и генуэзцы достигают восстановления старых прав. Хотя в 1169 г. мир был восстановлен и генуэзцы дали обязательство ничего не предпринимать против царя и империи, но скоро затем они вновь подверглись нападению константинопольской черни и грабежу. Впоследствии они предъявили правительству иск в 84260 перперов. Совершенно в особенных отношениях к империи стояла Венеция. При царе Мануиле она неоднократно испытывала перемены в своем положении. Царь не доверял венецианцам и не мог им простить измены при Корфу и издевательства над его особой.

Став раз твердою ногою в Византии и получив привилегии беспошлинной торговли, Венеция не совсем исправно исполняла свои обязанности по отношению к империи и вызывала поэтому со стороны последней ряд мер к ослаблению ее прав. Так как рядом с Венецией к получению привилегий от Византии стремились Генуя и Пиза, то Византии легко было давать уроки Венеции, предоставляя время от времени торговые преимущества то Генуе, то Пизе. Чтобы не останавливаться на общих местах в характеристике отношений между Византией и Венецией, укажем два-три случая, когда неблагоприятные отношения достигали серьезного поворота. Выше мы видели, какими средствами располагала империя для того, чтобы заста-

вить Пизу и Геную исполнять свои обязательства. То же самое применено было к Венеции в 1171 г. В то время как венецианцы получили в Византии целый квартал, обстроили его и заселили итальянскими негоциантами, император Мануил, видя, что в борьбе с Фридрихом Гогенштауфеном Венеция не очень ревностно поддерживает его, склонился на предложение генуэзцев и дал им в 1170 г. торговые привилегии. Вследствие этого и Генуя стала устраиваться в Константинополе так же, как и Венеция. Между двумя партиями, перенесшими в Константинополь родные симпатии, — разумею политические партии гвельфов и гибеллинов, — в Константинополе начинается ряд столкновений: между генуэзцами и пизанцами, между генуэзцами и венецианцами. Оправдывать византийское правительство здесь трудно. Оно, пользуясь враждою иноземных партий, соблюдало свои интересы, и ему легко было поддерживать одну и ослаблять другую партию. Так, случилось, что венецианцы ограбили часть города, где жили генуэзцы. Последние требовали вознаграждения со стороны венецианцев и просили, чтобы Мануил употребил весь свой авторитет для их защиты. Мануил издал указ, по которому венецианцы должны были выстроить разрушенный ими квартал и вознаградить убытки генуэзцев. Когда венецианцы отказались исполнить это, тогда издано было приказание конфисковать имущество всех венецианцев, живших в Константинополе и империи, и таким образом до 20 000 итальянцев, пользовавшихся покровительством Венеции и имевших здесь свое имущество, были захвачены и имения их конфискованы. Внешнее право такой меры заключалось в том, что Мануил наказывал венецианцев за нарушение прав гостеприимства, за то, что они слишком зазнались. Венецианское правительство было слишком раздражено подобным самовольным поступком Византии, решило прервать с ней сношения и стало готовить громадный флот. Сборы продолжались целый год, потом венецианцы раздумали и приняли другую политику. Свои материальные потери они надеялись вознаградить другим способом, и так как врагом Византии в то время был сицилийский король Вильгельм II, то в 1175 г. венецианцы и заключили с ним союз против Византии. Следует припомнить, что для Византии этот союз был в высшей степени опасен и, чтобы расстроить его, Византия могла пожертвовать старой политикой, так что Мануил после переговоров с венецианцами согласился возобновить старые торговые договоры с ними и вознаградить их убытки, причиненные при изгнании венецианцев в 1171 г. Нужно сказать, что подобная уступка со стороны Мануила была актом в высшей степени непопулярным, делом оскорбительным для всех коренных греков. Иностранцы, живя в Константинополе и пользуясь покровительством Мануила, возбуждали неудовольствие в коренных греках. Правление Мануила в этом отношении может быть названо вполне ненациональным: и во внешней, и во внутренней политике он опирался исключительно на иноземный элемент,

благодаря чему и при дворе, и в крупных должностях были по преимуществу иностранцы, что было оскорбительно для чести греков. При этом торговые привилегии, даваемые иностранцам, переводя все экономические средства в руки последних, ослабляли местную производительность и истощали как казну, так и частных лиц. Таким образом, хотя Мануил успел, повидимому, загладить ошибку 1171 г., но он должен был вступить в слишком тяжелые обязательства по отношению к венецианцам. Уплата убытков, причиненных в 1171 г., оказалась трудно выполнимой, с одной стороны, потому, что разоренный квартал оказался в руках частных лиц (частью греков, частью иностранцев), так что нужно было теперь выкупить эту собственность, а с другой, — потому, что трудно было определить, сколько каждое лицо потеряло. Таким образом в течение 30 лет вопрос о вознаграждении убытков оставался неразрешенным и поднимался всякий раз, когда были натянутые отношения. По приблизительному вычислению решили, что Византия должна будет выплатить до 15 талантов золота, что составляет громадную сумму, которую было очень трудно уплатить. Через 10 лет, в 1182 г., случились обстоятельства, гораздо более ясно показавшие, как непрочно положение венецианцев в империи. Эти обстоятельства заключаются в следующем. По смерти Мануила наследником престола остался 10-летний сын его Алексей II, за малолетством которого империей управляла его мать. Самым выдающимся лицом в царской семье был его дядя Андроник Комнин. По энергии и даровитости он был ничем не ниже Мануила и в царствование последнего был устранен от дел. Мануил давал ему поручения в провинциях, то на Балканском полуострове, то в Малой Азии. Таким образом Андроник при Мануиле жил в удалении от дел и власти, что однако не лишало его энергии. В 1180 г. он был в изгнании в одном из понтийских городов. Когда он получил известие о смерти брата и регентстве его жены, то предпринял ряд мер, чтобы возбудить население Византии и влиять на дела. Одною из самых популярных мер, влиявших на византийское население, была следующая: Андроник указал, что если продолжится тот строй, какой установлен Мануилом, то исконным грекам не останется никакой надежды на благоприятное положение, что итальянцы и другие иноземцы решительно возьмут перевес над греками и сделают из Византии западное государство. Само собой разумеется, что подобная теория восстановления национальности была весьма популярною. Действуя чрез своих сыновей и национальную партию, Андроник скоро достиг того, что в Константинополе начали высказываться, что для счастья и спокойствия страны нужно обратиться к талантливому Андронику. Когда Андроник узнал о таком положении дел, он двинулся к Константинополю и после того, как предводитель выставленного против него отряда сдался, взял его и объявил себя регентом. Умертвив вскоре после того царя Алексея II, он сделался единовластным распорядителем судеб империи (правил

с 1183 г. по 1185 г.). Андронику необходимо было выдержать политику восстановления греческой национальной партии. Число иностранцев в Константинополе доходило до 60 000, и греки, ненавидя их, рады были первому случаю подняться против них. Видя, что движение против иноземцев было достаточно подготовлено, Андроник, будучи еще регентом, дал свое согласие на расправу с ними; в 1182 г. началось небывалое истребление всех иностранцев. Чернь сожгла латинский квартал, разграбила его, врывалась в храмы и убивала беспомощных стариков и детей. Картина истребления итальянцев в высшей степени жестока; она превосходит все, что можно вообразить, и лучше всего рисует неприязненные отношения греков к иноземцам. До 4000 иностранцев было взято в плен и продано туркам; многие были убиты, незначительная часть успела спастись на кораблях Это обстоятельство может служить для нас исходным пунктом истории отношений между Византией и Венецией. Оно касалось не только Венеции, но и всей Италии. Часть итальянцев, спасшись на кораблях, ушла в Италию и здесь рисовала в мрачных красках греческое правительство и указывала на необходимость мер для наказания его.

Союз Комнинов с Гогенштауфенами, если бы осуществились планы той и другой стороны, сопровождался бы последствиями не меньшей важности, чем союз пап с Каролингами. В этом заключается существенный его интерес: для XII в. это был романтический, мечтательный план, как и смотрели на него представители национальной партии в Константинополе. Крайним логическим выводом из него было возвращение папства к тому состоянию, в котором оно находилось до половины VIII в., т. е. до союза с Каролингами, и восстановление нарушенной по отношению к византийскому царю правды. Несколько извлечений из сохранившихся того времени документов ознакомит нас с духом революционных воззрений, приходивших с Востока на Запад. «Нет племени, царства или народа, — писал Конрад III к византийскому царю, — который не знал бы, что ваш Новый Рим считается дочерью нашей Римской республики. Наши выгоды общие, одни у нас друзья и одни враги и на суше и на море: норманн ли, сицилиец ли, или какой другой враг . . . Все царства увидят и услышат, как легко поражаем мы неприятелей, которые поднялись против самодержавия империй наших». Личная дружба Конрада III с Мануилом внушала сильные опасения римской курии, которая не без основания приписывала греческому влиянию гордость и непослушание Конрада и не обманывалась насчет последствий союза Гогенштауфенов с Комнинами. В 1149 г. папский канцлер писал к Вибальду, советнику Конрада: «Я хочу поговорить с тобою, как с человеком благоразумным и осторожным. Стало известно папе и нам, и везде носятся о том слухи, что король Конрад заключил союз с византийским царем, дабы нанести, если можно, тяжелый удар и поражение святой римской церкви. Увещеваем любовь твою, прими все-

возможные меры, чтобы миновала святую римскую церковь такая опасность». С особенною наглядностью формулирована цель византийско-германского союза в двух письмах Гогенштауфена Фридриха II. Выделив из них указания на особенные отношения половины XIII в., получаем следующую картину неправд римского престола, против которых должны ратовать византийский и германский императоры. «Мы ищем не нашей только правды, но и правды друзей наших и любезных соседей, по преимуществу же правды греков, родственников и друзей наших, которых папа, за нашу взаимную приязнь и любовь, воздвигая на нас свой ненаказанный язык, называет нечестивейшими и еретиками, хотя они — христианский род, самый крепкий в вере Христовой и самый правоверный...» «Я не могу понять, — говорится в другом письме, — как он, называющий себя великим архиереем, публично подверг отлучению тебя и всех подвластных тебе ромэев и бесстыдно называет еретиками правовернейших людей, от которых вера христианская разошлась по всем концам земли... как он, виновник схизмы, коварно притворствует, чтобы взвести обвинение на невинных; как, прикрываясь святостью, через слуг и вестников его воли не перестает никогда внушать латинянам называть отступниками от веры и вносящими соблазн тех, которые от начала обогащали благочестие и проповедовали мир всем странам; как издавна дьявольским внушением навеянную злобу к ромэям, которую не могли искоренить в течение продолжительного периода времени многие великие архиереи и слуги Христовы словом и делом и усердной молитвой, он, многоразлично усилив ее, думает уничтожить в короткое время хитрыми словами и коварными внушениями? Откуда же это переняли наши архиереи поднимать оружие на христиан и вместо священной мантии облекаться в латы, вместо духовного жезла носить копья, вместо трости — лук со смертоносными стрелами, всуе держа в руках спасительное оружие креста? Какой вселенский или поместный собор, какой сонм мужей-богоносцев передал это, объявил или заповедал? Если бы кто стал сомневаться, советую ему самому взглянуть на собор святых кардиналов и архиереев, облеченных в военное всеоружие. Один имеет титул герцога, другой маркиза, иной графа; каждый владеет епархией, которою и командует. Один устрояет фаланги, другой повелевает отрядами, третий начинает сражение, некоторые исполняют обязанности начальников стана и знаменосцев. Вот каковы духовные и священные символы мира. Ужели так установили ученики Христовы? Увы, есть однако много неразумных, которые решаются приписывать им святость, каждодневно увеличивая число святых!.. Таковы ныне пастыри во Израиле: это не архиереи церкви Христовой, но волки жадные, звери дикие, поедающие народ Христов. Сколько человек в Германии, Италии и окрестных странах по их вине убито, пленено и обращено в бегство?» Воззрения Фридриха II на неправды римской церкви, усвоенные им из

сношений с Востоком, позволяют нам понять причины смятения в римской курии по поводу слухов о союзе и дружбе Конрада III с Мануилом. Аббат Вибальд, которому поручалось от имени папы принять всевозможные меры к исправлению развращенного ума Конрада, писал к кардиналу Гвидо: «Я исполнил, о чем вы меня просили, долгим сожительством и постоянными убеждениями я внедрил в этого человека благое послушание и смирение».

Преемник Конрада (1152 г.) Фридрих I Барбаросса также поддерживал добрые отношения с Византией и, казалось, был готов содействовать планам Мануила в южной Италии. Но скоро обнаружилось, что интересы Западной империи по отношению к Италии не совсем совпадали с притязаниями Восточной. В одно и то же время Фридрих и принимал меры к скреплению союза с Мануилом «для приращения владений и той и другой империй» и обязывался пред папой противодействовать попыткам греков утвердиться в Италии. Несостоятельность византийско-германского союза всякий раз обнаруживалась тогда, когда Западная или Восточная империя делала решительный шаг к осуществлению своих задач в Италии. Таким образом, питать широкие планы и лелеять надежду на восстановление нарушенной правды Византия могла до тех только пор, пока дело ограничивалось проектами и предположениями. Против осуществления притязаний Византии была и сама Западная империя, и папы, и норманны, и венецианцы. Действительный ход вещей и отношений на Западе в конце XII в. подготовлял почву не для торжества византийских идей, а для коалиции Запада против Восточной империи.

Царю Мануилу представлялось одно средство выйти из заколдованного круга, в который его запер союз с германским императором, если он не желал покинуть свои мечтательные планы на господство в Италии. Предстояло искать союзников и друзей в самой Италии и действовать сообща с враждебными германскому императору элементами. Колебания в западной политике и попытки сблизиться с норманнами и папой, характеризующие вторую половину царствования Мануила, в первый раз обнаруживаются в 1158 г., когда был заключен мир между сицилийским Вильгельмом и Византией.

Король Вильгельм II, опасаясь замыслов германского императора, был склонен подать руку царю Мануилу. В этом предположении не раз поднимался вопрос о браке сицилийского короля с Марией, дочерью Мануила. Но политика короля должна была сообразоваться с желаниями папской курии и с торговыми интересами Венецианской республики. Что касается до Рима, сближение его с Византией обусловливалось весьма энергичными мерами, принятыми императором Фридрихом I в борьбе с североитальянскими городами, и нимало не скрываемыми намерениями его утвердиться в южной Италии. Ввиду этой опасности, интересы папы и сицилийского

короля решительно склонились в сторону союза с Византией. С 1167 г. начинаются сношения папы с царем Мануилом. Они исходили из обсуждения вопроса весьма живого и одинаково важного для Востока и Запада — об условиях объединения восточной и западной церквей и о возвращении титула римского императора его законному обладателю, т. е. византийскому царю. И ранее и позже XII в. византийские императоры и папы много раз вступали в переговоры об унии; и нужно признать, что не столько догматические или церковные различия, сколько традиционные притязания на светскую власть служили главнейшими препятствиями к соглашению. Мануил, повидимому, был искренно убежден в возможности достигнуть через союз с папой того, чего не мог приобрести в союзе с германским императором. Папа же не охлаждал доверия Мануила и поддерживал греческую партию в Италии до тех только пор, пока не примирился с Фридрихом I Барбароссой. Между папой и западным императором скорее возможно было соглашение, чем между папой и византийским царем, что и показали итальянские события 1176—1177 гг., как видно будет далее. Прочность союза Византии с сицилийским королем зависела от тех отношений, в которых стоял к папе западный император, ибо значение норманнов в судьбах Италии падало или возвышалось сообразно с взаимным положением двух западных сил. Всячески старалась воспрепятствовать союзу с норманнами и Венеция, могущество которой на Востоке возросло именно под действием страха, насылаемого на Византию норманнскими набегами и завоеваниями. Сближение между норманнами и византийцами сделало бы венецианский флот не столь нужным для Восточной империи и могло бы повести к уменьшению торговых привилегий Венеции. Таким образом, и порвав союз с Гогенштауфенами, Мануил Комнин создавал себе много новых непреодолимых препятствий и затруднений для достижения мечтательных планов, от которых не мог отказаться до конца жизни. Лучшим сравнительно успехом увенчалась итальянская политика Мануила в Ломбардской лиге. Византийское золото рассыпалось щедрой рукой для поддержания взаимной распри между отдельными итальянскими общинами и для подкупа доброжелателей и сторонников греческой партии. Вполне уже дознано, что в образовании союза ломбардских городов и в успешной борьбе их с германским императором принимали деятельное участие византийские комиссары и оплачиваемые ими наемники. Центром расположенной к грекам партии в Италии была Анкона. Здесь было складочное место греческого оружия и стоянка для флота, отсюда шли нити политической интриги против германского императора. Города северной и средней Италии вступили в союз для защиты итальянской независимости. Приверженцы Гогенштауфенов теряли уверенность и постепенно переходили на сторону лиги городов. Между значительными владениями северной Италии оставался верным Фридриху Бар-

бароссе только Вильгельм Монферратский. Весьма натурально, что Мануил принимал близко к сердцу успех греческой партии в Италии и возлагал большие надежды на Ломбардскую лигу, которая стремилась, повидимому, к той же цели, что и Византия, — к противодействию германскому императору. Именно с этой точки зрения любопытно взглянуть на тот неожиданный и в высшей степени странный поступок византийского правительства по отношению к проживавшим в Константинополе купцам, который относится к 1171 г.: имеем в виду приказание (12 марта 1171 г.) посадить в тюрьму всех венецианцев и конфисковать их имущество. В течение нескольких последующих годов Венеция не только должна была прекратить торговлю с Востоком, но и прямо стать на сторону врагов Византии: она принимала участие в осаде Анконы в 1173 г. и пыталась заключить отдельный договор с норманнами, пока в 1175 г. Мануил не оказался вынужденным «из страха перед коалицией западных держав» подтвердить за Венецией все прежние права с прибавкой вознаграждения пострадавшим в 1171 г.

Для благосостояния Венецианской республики было весьма важно, чтобы Византия не заручилась союзниками и друзьями на Западе и не имела владений на Адриатике. Между тем Мануил, помимо Венеции, почти достигал того и другого: отнял у угров далматинское побережье с городами Сплетом и Зарой, а на противоположном берегу моря занял прочное положение в Анконе. Для Венеции, бывшей деятельным членом Ломбардской лиги, потерял всю важность вопрос о противодействии Гогенштауфенам и на первый план выступила необходимость борьбы с возрастающим влиянием греческой Анконы. Перемена политики должна была обнаружиться как в Италии, так и в Константинополе, где жило до 60 000 итальянцев, по преимуществу венецианцев и генуэзцев, давних соперников по торговле с Востоком. К 1170 г. Венеция и Генуя и в политике принадлежали к двум враждебным лагерям. В то время как первая, отделившись от Ломбардской лиги, пристала к сторонникам германской партии и тем прямо заявила себя противницей греческих притязаний в Италии, вторая, не принадлежавшая прежде к лиге, в 1169 г. заключила с Византией союз, направленный против Фридриха Барбароссы, что обозначало переход ее на сторону лиги и византийской партии. Без всякого сомнения, Генуя имела уважительные причины изменить свою политику. В связи с ее переходом на сторону Византии должна рассматриваться золотая булла 1170 г., обеспечивавшая за нею торговые привилегии на Востоке и особое место для склада товаров и поселений в Константинополе. Предпочтение, оказанное генуэзским купцам, возбудило зависть и раздражение в венецианцах, которые и произвели самовольную расправу со своими соперниками, сделав нападение на уступленный им квартал. Трудно распознать, беспристрастно ли держало себя византийское правительство по

отношению к этому столкновению и могло ли оно предупредить беспорядки. Более близким к истине представляется нам рассказ Киннама. Венецианцы, — говорит он, — вступили в открытую вражду с ломбардами (т. е. с генуэзцами) за то, что они отстали от союза с ними; в ожесточении они напали на генуэзскую колонию, предали ее пламени и разграблению и тем нанесли чувствительный вред своим соперникам. Мануил потребовал от венецианцев вновь выстроить разрушенные дома и вознаградить пострадавших генуэзцев за понесенные убытки. Венецианцы же не только не согласились на это требование, но и угрожали восстанием против греков. Тогда Мануил приказал посадить в темницу всех венецианцев и конфисковать их имущество. Легко видеть, что венецианцы подверглись слишком жестокому и несправедливому наказанию, если даже допустить полное невмешательство византийского правительства в распрю, сопровождавшуюся разграблением генуэзского квартала. Но именно эта радикальная мера против венецианских купцов, предшествуемая притом искусственным привлечением их в Византию, служит основанием обвинения Мануила в предумышленности и в подстрекательстве. Он видел, что Венеция становится ему на дороге в его итальянской политике и склоняется к союзу с Фридрихом I Барбароссой. Торговая и политическая соперница Венеции, Генуя могла в свою очередь изменить Гогенштауфенам и пристать к Ломбардской лиге. В этих соображениях и пожалована была генуэзским купцам золотая булла, восстановлявшая одну республику против другой.

Таким образом, указанные выше константинопольские происшествия в 1170—1171 гг. были отголоском тех сложных отношений, в которые вмешался царь Мануил в Италии, преследуя мечтательные планы восстановления нарушенной исторической правды. Мы не будем останавливаться на подробностях итальянской политики Мануила, подвергавшейся колебаниям и переменам сообразно с положением главных сторон, оспаривавших одна у другой победу, — лиги городов и германского императора. Существенный интерес дела заключается в том, что византийские притязания на господство в южной Италии были далеко от осуществления и во вторую половину царствования Мануила, когда был порван союз с Гогенштауфенами. Перевес мог оказаться на стороне той или другой партии, но этим нисколько не обеспечивался выигрыш для Византии.

Поражение, нанесенное Ломбардской лигой Фридриху I при Леньяно (29 мая 1176 г.), казалось бы торжеством для византийской политики в Италии. Но стоит припомнить здесь одновременные события на Востоке, отвлекшие все внимание Мануила к войне с иконийским султаном, чтобы понять, как далека была в это время Византия от возможности авторитетно поддерживать свои притязания на господство в южной Ита-

лии. Царь Мануил опустил случай воспользоваться благоприятным исходом борьбы, или, лучше сказать, не так рассчитал вероятные результаты своей политики в Италии. Не победу Ломбардской лиги видели в Леньяно, но триумф папы Александра и католической церкви. В глазах большинства это было не поражение императора, долженствовавшее разрушить его политические планы, а новый, последний и решительный суд божий, поразивший и оглушивший схизматиков, осквернителей и грабителей церкви. Ближайшим результатом победы итальянской народной партии над германским императором был союз Александра III с Фридрихом I. Венецианский конгресс в июле 1177 г. установил отношения и обсудил спорные вопросы между императором и папой, Сицилийским королевством и Ломбардской лигой. Византия оставалась в стороне во время этих переговоров, наносивших последний и решительный удар ее притязаниям в Италии и соединивших против нее всех ее врагов. Венеция вступила в отдельный договор с норманнами и германским императором. Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей иконийским султаном при Мириокефале. Сблизив в одно и то же время враждебные Византии элементы на Западе, он был предвозвестником коалиции, завоевавшей в 1204 г. Константинополь и образовавшей на Востоке латинские государства.

Поражение при Мириокефале и Венецианский конгресс были весьма печальным результатом продолжительного царствования Мануила. Восточные и западные дела сложились так неблагоприятно для Византийского государства, что не могло оставаться сомнения в ошибочности системы, которую проводило правительство. Национальная партия естественно видела в поражениях Мануила возмездие за устранение от дел и невнимание к ее требованиям. Справедливая сторона представлений этой партии заключалась в порицании Мануила за отдаленные походы и широкие предприятия, тяжело отзывавшиеся на экономическом благосостоянии населения империи. Нужно было заботиться о развитии сил греческого народа, поднять национальный дух внутренними реформами, улучшением административной и финансовой системы, особенно же мерами против сосредоточения земель в руках знати и духовенства. Если бы Мануил благовременно обратил внимание на эти представления, то спас бы Византию от сильных потрясений, случившихся при его преемниках, когда национальная партия, став во главе управления, получила возможность предпринять радикальные реформы. Но тяжелые уроки и разочарования весьма разрушительно подействовали на царя, лишив его энергии и предприимчивости.

В итальянской политике не заметно существенных изменений в последние 3 года жизни Мануила. Опять завязались дружественные сношения с Римом, причем снова был поднимаем вопрос о соединении церквей

и о возвращении римской императорской короны византийскому царю. На Латеранском соборе 1179 г. византийский уполномоченный Нектарий строго отстаивал требования царя, на которые в Риме не могли согласиться. Надежды на утверждение в Италии при помощи папы еще раз таким образом были обмануты. Не прекращая однако сношений с папой, царь вместе с тем искал опоры в некоторых городах и независимых владениях Италии, не удовлетворенных положением Венецианского конгресса. Важнейшим завоеванием Византии в этом направлении было приобретение союзника в лице Конрада, маркграфа Монферратского. В 1178 г. он не только предался на сторону греческой партии, но и организовал сильную оппозицию против полководца германского императора, майнцского архиепископа Христиана, которому поручено было привести в исполнение постановления Венецианского конгресса. Во время борьбы Ломбардской лиги с Фридрихом I дом Монферратский стоял на стороне германской партии и пользовался особенным уважением императора. Должны были, конечно, существовать важные побуждения, заставившие Монферратский дом соединить свою судьбу с ослабленною последними событиями греческой партией в Италии. Монография Ильгена * не совсем выясняет то обстоятельство, насколько пострадали интересы маркграфа Монферратского вследствие Венецианского мира, в чем кроются, без сомнения, первые причины перехода Конрада на сторону Византии; политические же преимущества и материальные выгоды, приобретенные в новом союзе, были весьма значительны. Византийский царь почтил дом маркграфов родственным союзом, сберегавшимся до того времени для императорско-германского или королевско-сицилийского дома, причем за брата Конрада, 17-летнего юношу Райнера, сосватана была дочь Мануила Мария. Вместе с рукой царской дочери этот принц получил в Византии сан кесаря и богатые поместья.

Есть основания предполагать, что пожалования простирались и на весь дом маркграфов Монферратских. Тесно связав судьбу своего дома с Восточной империей, Конрад сделался проводником византийских инструкций в Италии и успел образовать союз из Пизы, Лукки, Пистойи и Флоренции для противодействия майнцскому архиепископу. К этому союзу примкнул потом граф Уголино из Сполетто и другие. В конце сентября 1179 г. майнцский архиепископ попался в засаду в марке Анконской и был взят в плен союзниками греческого императора. Оставив его под крепкою стражей в Аквапенденте, Конрад отправился в Константинополь, чтобы известить о том царя Мануила и получить от него новые инструкции.

* Автор имеет в виду, очевидно, работу: Ilgen. Markgraf Konrad v. Monferrat. 1880 (*Ред.*).

Что на плен архиепископа Христиана нельзя смотреть как на дело личной мести маркграфа Монферратского, что это было одно из сложных предприятий, которыми царь старался расстроить новый порядок, созданный Венецианским конгрессом, видно из тех затруднений, которые в то же самое время испытал папа. Именно против Александра III снова поднялись противники его и провозгласили нового папу в лице Иннокентия III. Лишенный защиты с пленением Христиана, папа Александр III оказался снова в затруднительном положении, которое не раз уже заставляло его обращать взоры на Восток. В марте 1180 г. Мануил писал ему между прочим: «Царство мое удивлено, почему твое святейшество не послало нам нунциев и не известило письмом о своем здоровьи. Если вашему святейшеству благоугодно что сделать ради нашего единения и большого согласия, царство наше с удовольствием выслушает ваши предложения».

Чтобы лишить германского императора и папу лучшего дипломата и генерала, Мануил предполагал перевести пленного Христиана в Византию; но смерть его случилась ранее, чем этот удар нанесен был партии германского императора. К началу 1181 г. архиепископ Христиан освобожден был из плена за огромный выкуп. В Византии наступили смуты, положившие конец вмешательствам греческого правительства в итальянские отношения. Поднявшая было голову национальная партия в Италии снова должна была смириться.

Из предыдущего следует сделать то заключение, что правительство царя Мануила, создавая разнообразные комбинации для осуществления притязаний на господство в Италии, до конца оставалось последовательным и верным раз принятой системе. С изумительною настойчивостью Мануил преследовал цель восстановления нарушенной греческой правды, попеременно вступая для того в союз с германским императором, папой, лигой итальянских городов и независимыми властителями Италии. Ради достижения этой важнейшей для него цели Мануил должен был пожертвовать византийскими интересами на Востоке и возбудить справедливые неудовольствия среди населения империи. Национальная греческая партия порицала его за предпочтение, оказываемое иностранцам, и за всевозможные привилегии, щедро раздаваемые латинянам разного происхождения. Много было справедливого в этих порицаниях, хотя нельзя не признать, что в тяготении Мануила к Западу, в желании его вмешиваться во взаимные отношения латинских государств была скорее роковая необходимость, чем каприз деспотического правителя. И величайший политический гений в этом отношении не мог сделать более того, что сделал Мануил; ввиду возможности образования могущественной коалиции необходимо было разъединять и ссорить папу и императора, норманнов и венецианцев,

необходимо было также располагать друзьями и союзниками в Италии. Когда одержала перевес национальная партия и изменилась внешняя политика Византии, коалиция, которой так боялся Мануил, действительно образовалась. Сознанием важности родственных и политических союзов на Западе объясняется и то, что Мануил ввел презираемый греками латинский элемент в семью свою. Мы говорили уже о браке цесаревны Марии с маркграфом Монферратским; в то же самое время (1179 г.) за малолетнего сына Мануила, будущего царя Алексея II, была помолвлена 8-летняя Агнесса, дочь французского короля Людовика VII.

Глава XIII

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА. СЕРБЫ И УГРЫ в XII в.

еверная граница империи при Комнинах получает важное значение вследствие особенных условий группировки отношений между славянами, уграми и венецианцами. В XI и XII вв. здесь подготовляется новая политическая сила, которой предстояло затем продолжительное время быть объектом воздействия со стороны латинской и грековосточной церкви, германской и византийской империи. Сербо-хорватские племена, весьма рано подвергшиеся влиянию романизма и римского духовенства, после разрушения болгарского царства Василием II (1018) стали открыты для непосредственного влияния Восточной империи. Постепенно хорваты и сербы входят в круг тогдашней общей истории и организуются в большие государственные и племенные группы. Соперничество между двумя мировыми началами — романским и византийским — оказало большое влияние на оригинальную выработку истории сербо-хорватских племен. В то время, как вдавшиеся наиболее на северо-запад словинцы и хорутане окончательно подпали под политическое и церковное влияние Запада, сербо-хорваты находились под двойным влиянием, как восточным, так и западным, и в политическом отношении выигрывали от взаимной борьбы этих влияний.

В рассматриваемую эпоху происходил любопытный процесс политической и государственной организации сербского племени и утверждение на сербском престоле династии Неманичей. Так как в этом процессе заключается объяснение многих проблем многострадальной истории сербского народа, то на него обращено серьезное внимание со стороны преимуще-

ственно сербских ученых, которыми до известной степени вскрыт высокий интерес эпохи.*

Теперь может считаться вполне выясненным, что история сербского племени складывалась сначала в двух центрах: в приморской области со столицей в Диоклее (Зете) и в континентальной, загорской области, называемой Раса (или Рашка, — *Ред.*), где находятся известные сербские монастыри Студеница и Жича [Житьча]. Диоклейским князьям из рода Стефана Воислава принадлежали приморские области от Скутари до Травунии и Захлумья (ныне Герцеговина). Князь Михаил получил от папы Григория VII королевский венец. В его королевстве господствовала католическая церковь, центром римской миссии была архиепископия в Антивари. При короле Бодине в конце XI в. приморская Сербия заявляет притязания на те части, которые лежали за горами. Бодин завоевал Боснию и Расу. С XII в. начинается рост Расы и падение приморской Сербии. Происхождение княжеского, или великожупанского, дома в загорной Сербии до сих пор еще не может быть точно установлено. По мнению Л. Ковачевича, который приводит все литературные известия по этому предмету, отцом Стефана Немани нужно считать Завида из дома Волкана, одного из жупанов Расы. Он имел трех старших братьев Тихомира, Страцимира и Мирослава. В Сербии господствовала удельная система, причем представители отдельных жуп спорили за власть с великим жупаном. Кроме внутренних мотивов, борьба между жупанами поддерживалась еще внешними политическими влияниями, исходившими из Угрии и из Византии. Вследствие частой смены лиц, занимавших великожупанский стол, почти невозможно установить преемственность их, оттого происходят трудности в установлении родословия Неманичей. Несмотря на внутреннюю слабость, Сербия в XII в. обнаруживает большую экспансивность, в особенности в восточном направлении, к Белграду и Нишу. Антивизантийская политика сербских жупанов имела сильную поддержку и, может быть, поощрение в угорских королях и в латинском духовенстве. Стефан родился в самом начале XII в. во время больших смут в Сербии. Отец его, имя которого не названо даже в том важном акте, в котором Стефан упоминает о своих предках,** должен был спасаться во время смут в свой удел, откуда он и происходил, т. е. в Диоклею. Там, в местечке Рыбница, ныне Подгорица, родился Неманя. Весьма любопытна подробность, по которой

* Ст. Новакович. Српске области X и XII в. (Гласник 48); Охридска архиепископија у почетку XI в. (Гласн. 76); Л. Ковачевич. Неколико питанъа о Стефану Немањи (Гласн. 58); Ст. Станоевич. Историја Српскога народа. 1910; в особенности: Его же. Борба за самосталност католичке цркве у немањичкој држави. Београд, 1912; Анастасиевич. Још о години смрти Немањине. Београд, 1913 (Гласн. 92); C. Jireček. Geschichte der Serben, 1. Gotha, 1911, Viertes Kapitel, S. 210.

** Хрисовул в пользу Хиландарского монастыря. F. Miklosich. Monum. Serbica, IX.

можно судить о господстве латинского обряда в этой местности. Именно, Неманя был крещен латинским священником, так как в Рыбнице была только латинская церковь, а впоследствии, по возвращении в Расу, принял крещение во второй раз от местного епископа греческой церкви во имя апостолов Петра и Павла.

Родоначальник знаменитой сербской династии есть вместе с тем и основатель самостоятельного сербского великого княжества, благодаря умной, частью военной, частью дипломатической, деятельности которого Сербия могла собрать отдельные жупы и колена под одну власть и начать организовываться в государственном и церковном отношении. В высшей степени скудный запас литературных сведений об этом периоде и полное отсутствие памятников, которые бы могли знакомить с культурой и духовными настроениями эпохи, служат причиной, что выступление Стефана Немани около 1170 г. в качестве великого жупана Сербии и военные его действия против царя Мануила Комнина являются мало понятными и ничем не подготовленными событиями. Колыбель династии была несомненно в Расе, в долинах Топлицы и среднего Ибара, стольный город находился близ нынешнего Куржумля. Но при каких обстоятельствах происходил переворот, какое участие принимали в этом венгерские и немецкие друзья, об этом можно лишь делать догадки. Повидимому, здесь мы могли бы привлечь к делу совершенно оригинальный и мало еще использованный материал, который весьма ярко характеризует фамильные настроения в семье Неманичей. Эта семья насчитывала нескольких членов: в числе братьев Стефана упоминаются Тихомир, Страцимир и Мирослав. С именем последнего, имевшего удел в приморской Сербии, может быть в Герцеговине, соединяется замечательный литературный памятник — известное евангелие Мирослава от конца XII в. Мирославово евангелие, сохранившееся в Хиландарском монастыре на Афоне, в 1896 г. поднесено было королю Александру, лично посетившему Афон, и в следующем году издано было в Белграде на личные средства короля.* Это есть в одно и то же время и драгоценный памятник сербского языка и письма, и единственный свидетель сербской культуры и искусства конца XII в. Поэтому, прежде чем переходить к изложению исторических данных времени Стефана Немани, находим уместным сообщить здесь несколько наблюдений по отношению к этому художественному памятнику. Он писан в два столбца кирилловскими буквами и обильно украшен миниатюрами. Хотя эти последние составляют собственно заглавные буквы к тексту, а не иллюстрируют содержание евангельских чтений, но, отличаясь многообразием и полнотой, равно как применением растительного, животного и архитек-

* Заметим еще, что оригинал утрачен во время трагической катастрофы в Белграде, погубившей династию Обреновичей.

ЗАВОЕВАНИЯ НОРМАННОВ В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ
ВЛАДЕНИЯ
Норманнов
Лангобардов
Византийской империи
Даты в скобках обозначают время присоединения к владениям норманнов главнейших областей и городов
ПАЛЕРМО (1072)
(1061 - 1091)
СИЦИЛИЯ
Бриндизи (1071)
САЛЕРНО
БЕНЕВЕНТ
КАПУЯ
Священная Римская Империя
ВЕНГРИЯ
ПОЛОВЦЫ
ПЕЧЕНЕГИ
СЕРБИЯ
ПАРИСТРИЙ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСОГИ
Тана
Кубань
Терек
ГРУЗИЯ
ПАФЛАГОНИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
ВЛАДЕНИЯ НОРМАННОВ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
о Сицилия
Палермо
ОПСИКИЙ
ВЛАДЕНИЯ СЕЛЬДЖУКОВ
СУЛТАНАТ
АРМЯНСКОЕ ЦАРСТВО
ЕФРАТЕЗ
КИВИРИОТЫ
АНТИОХИЯ
ТРИПОЛИ
о Крит
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
БАРКА
Александрия
ДЕЛЬТА
КАИРСКИЙ ХАЛИФАТ
Каир

турного орнамента, они дают важный и содержательный материал для выводов. Независимо от всего прочего, в евангелии сохранились портретные изображения самого заказчика «великославного князя Мирослава» и исполнителя — художника и дьяка Григория. Весьма вероятно, что и в некоторых других изображениях можно угадывать портреты современных деятелей. Кроме того, здесь находим изображение четырех евангелистов, спасителя и святых. Но главнейшее богатство рисовальщика — звериный и растительный орнамент, который нуждается в специальном сравнительно-историческом изучении. Но что всего важней здесь отметить — это художественное влияние и образцы, которые воспроизводит автор. Самым существенным признаком древнесербской истории нужно признать то, что она постоянно находилась под двойным культурным влиянием, исходившим из Западной Европы и из Византии. Приморские области почти вполне подпали под влияние латинской церкви и Запада, внутренние же области с центром в Расе не были под исключительным влиянием Запада, так как здесь византийские влияния боролись с латинскими. Нужно полагать, что западная, приморская часть Сербии, где преобладали латино-германские влияния, шла иным путем развития уже в древнейшие времена. Мирославово евангелие служит прекрасным показателем основного культурного течения, о котором мы говорим. Главнейший материал миниатюр может быть сближаем с памятниками каролингской культуры, а не византийской. Вообще в художественном отношении исполнитель рисунков находился под влиянием западноевропейских образцов; в этом легко убедиться, взяв любое изображение, в котором реальность и живое наблюдение природы выдают себя при первом взгляде. К счастью, в Мирославовом евангелии сохранились образчики и другого стиля, таковы три евангелиста на выходном листе, представляющие византийские типы. Если с этими типами сравнить изображение евангелиста Иоанна на 40 л. рукописи, то разность типов и школ вполне выяснится даже для незнакомого с техникой живописи и с тонкостями западного стиля и византийской школы. Как самый бьющий в глаза пример, укажем изображение Иоанна Крестителя (40 л.) с подписью Жвань Батиста и для сравнения с ним — лики трех евангелистов на выходном листе. Последние написаны по типу византийской живописи и притом едва ли даже тем же художником, дьяком Григорием, а первый лик совершенно совпадает со всеми фигурами, изображающими спасителя и святых.* В частности, что касается портретных изображений в княжеской короне, кроме самого Мирослава, написанного (93 л.) сидящим на высоком престоле со скипетром в левой руке и с правой рукой, приподнятой с жестом приказания к юноше с опахалом, нужно обратить внимание на изображение с короной на голове и скипетром в пра-

* Стоит обратить внимание и на подпись Жвань (Jean-Иовань)

вой руке, в византийском парадном облачении (48 л.), которое не принадлежит Мирославу и едва ли может быть истолковано применительно к тексту об Ироде. Весьма вероятно, что в этом изображении следует видеть кого-нибудь из братьев Мирослава, сыновей Завиды. Если бы это был сербский великий жупан Неманя, то, конечно, миниатюра рассматриваемого евангелия этим выиграла бы еще больше. Заканчивая этим замечание по поводу единственного по значению литературного и художественного памятника древней истории Сербии, мы должны присовокупить, что в художественном отношении рисунок Мирославова евангелия далеко ниже современных византийских миниатюр. Достаточно указать хотя бы на миниатюры Серальского Октатевха,* принадлежащего также к XII в. и иллюстрированного по заказу сына Алексея Комнина — севастократора Исаака.

Струя западных влияний в сербском искусстве, даже в церковном строительстве и в росписях древних монастырей, непрерывно продолжается во весь период сербской истории до турецкого завоевания. Лучшим примером того служит романский стиль архитектуры Дечанского монастыря и живопись в храме Дечан, сделанная мастером, прибывшим из приморских областей, из Котора. До какой степени глубоко коренятся в Сербии западные культурные и латинские церковные влияния, можно видеть из признаний глубоко страдавшей души знаменитого сербского ученого и не менее крупного политического деятеля Стояна Новаковича, высказанных перед союзнической войной 1912—1913 г.** Значение католицизма и влияние католической церкви на сербский народ, — говорит другой сербский ученый, — было весьма сильно в течение всего средневековья, в особенности в западных областях Сербии; оно может быть засвидетельствовано и в политической, и в религиозной, и в культурной жизни нашего народа. Влияниями католической церкви, — настойчиво повторяет автор, — пропитана жизнь всего сербского народа.***

Намеченная выше проблема представляет собой характерную черту сербской истории и до известной степени может быть выяснена с точки зрения географического положения сербской территории на боевом месте, где сталкивались притязания латинского и греческого обряда. Поэтому в историческом отношении гораздо важней осветить сербскую историю XII в. с точки зрения борьбы указанных церковных обрядов, чем заниматься изложением скудно освещенной источниками внутренней смуты и процесса образования великокняжеской власти и подчинения великому

* Известия Русск. арх. инст. в Константинополе, XII.

** Archiv für Slav. Philol.

*** Станоевич. Борба за самосталност католичке цркве... Београд, 1912 (предисловие).

жупану Расы мелких жуп и уделов как в континентальной, так и в приморской Сербии.

В рассуждении вопроса о церковной организации в землях, занятых сербским племенем, можно отправляться от того наблюдения, что церковная организация в средние века упорней выдерживала натиск и с большим успехом боролась против разрушительных элементов, внесенных иммиграцией славян, чем политическая организация. Часто не находим никаких следов гражданского управления и администрации в прежних имперских областях, между тем как представители епархиального управления — архиепископы и епископы — выставляют свои притязания на ту или другую область как принадлежавшую прежде к их епархии. Границы церковных епархий нередко остаются единственным мотивом к определению гражданской принадлежности известной области или населяющего ее племени, когда настояла необходимость устанавливать область взаимного влияния двух церквей * или двух империй. Переходя к западной части Балканского полуострова, находим, что здесь церковная организация выражалась в двух учреждениях: сплетская архиепископия и драчская. Нет сомнения, что епархиальные права той и другой ограничивались главнейше приморскими областями, внутренняя же область, занятая языческими племенами, лишь постепенно, с успехом христианской миссии между славянами, могла присоединиться к названным церковным организациям. Большой переворот в церковном управлении произошел здесь вследствие известного акта Льва Исавра, присоединившего церковные области солунского викариатства и архиепископии Первой Юстинианы в 732 г. к константинопольской патриархии. По этому акту все церковные области, занятые сербским племенем, были отторгнуты от Рима и вошли в состав константинопольской церкви. Таким образом и западная часть Балканского полуострова, за исключением сплетской архиепископии, оставшейся за Римом, подверглась непосредственному воздействию патриархата. Этим был нанесен большой ущерб римскому престолу, следствия которого долго давали себя чувствовать во взаимных отношениях Запада и Востока. Центром как церковного, так и гражданского управления в Далмации был Драч: фема этого имени охватывала в административном отношении Новый Эпир и Превали, а в церковном к драчской архиепископии принадлежали епископии Дукля, Скодра (Скутари), Дриваст, Пилот, Ликонида, Антивари.** В высшей степени важным обстоятельством для всего последующего развития истории Сербии было то, что она в церковном отношении подпала двум учреждениям: Сплету и Драчу.

* По преимуществу имеются в виду споры из-за власти после Кирилла и Мефодия.

** G. P a r t h e y. Hierocles. Synecdemus. Berolini, 1866, pp. 124—127.

Присоединение к обряду греческой церкви значительной части славян Балканского полуострова вследствие проповеднической деятельности св.св. Кирилла и Мефодия придало особенное напряжение борьбе римского и греческого обряда и в сербских землях. Эта борьба развивается и на политической почве, так как в IX в. сербские племена организуются в государственные группы по двум центрам, в Зете и Расе. Никогда, может быть, славянство не выступало с такой энергией в истории, и никогда латинская церковь и немцы, непосредственные соседи славян на западе, не чувствовали такой реальной опасности от славянства, скованного, как молотом, единым славянским литературным и богослужебным языком, как в IX в., во время миссионерской деятельности славянских просветителей.* Этим сильным подъемом славянства византийское правительство искусно воспользовалось в политических целях и, между прочим, простерло свои притязания на те области, которые оставались еще за римской церковью, разумеем владения сплетской архиепископии, которая простиралась до Дуная и на юге захватывала Дубровник и Котор. Но в X в. римская церковь удержала за собой области, входившие в сплетскую епархию, хотя в направлении к востоку пределы ее значительно ограничивались. Принадлежность территории Расы в церковном отношении представляет много неясного, но по всей видимости сначала она входила в епархию Драча, а потом, с концом X в., составляла часть охридской архиепископии. Таким образом, в церковном отношении сербские земли принадлежали частью охридской кафедре, частью драчской, частью сплетской, последняя зависела от Рима.

Легко понять, как неблагоприятно отражалось это на попытках государственного объединения сербов. В XI в., как говорено было выше, в Диоклее или Зете образовался центр под главенством дома Воислава, но одни из его областей относились к драчской, другие к сплетской, а некоторые к охридской архиепископии, и притом ни одна из этих архиепископий не входила собственно в его княжение. Нужно вспомнить, что в это время происходили горячие споры между восточной и западной церковью и что вопрос о том, на какой стороне останется влияние между сербами, был вопросом большой политической важности. Вот почему так благоприятно было разрешено дело о королевском титуле и о венчании сына

* Только раз в истории повторился такой же исторический момент (1912—1913 гг.), но его не поняли современники. [Речь идет о балканских войнах 1912—1913 гг., когда славянские народы объединились в национально-освободительной борьбе против турецкой империи. Правильную оценку балканских войн дал В. И. Ленин, который писал, что победы Балканского союза над Турцией означали «подрыв господства феодализма в Македонии,... создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев,... обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 186). — *Ред.*]

Воислава Михаила (1077 г.).* Чтобы оценить политическую важность акта, нужно принять во внимание, что папа Григорий VII, принимая Михаила в послушание римской церкви, не только лишал константинопольский патриархат некоторых епархий, но и наносил смелый удар империи за иконоборческий акт, которым Лев Исавр отчислил от римской церкви западные части Балканского полуострова. И не столько самый акт получения короны из Рима, сколько другие церковно-административные распоряжения, приведенные тогда в исполнение, определили политический характер сербских земель. Таково было учреждение дуклянско-барской архиепископии (1067 г.), которой подчинены были области королевства Михаила и в которой сербская территория, находившаяся под его властью, получила независимую церковную организацию.

Не будем делать догадок насчет того, почему для сербских владений потребовалось основать новое церковное управление** и почему в этом отношении принесены были в жертву церковные права Скодра. В новую архиепископию вошли все епископские города, рассеянные прежде по разным церковным управлениям, а это придало единство и самостоятельным территориям, зависевшим от короля Михаила, и давало ему возможность быть полным господином в своих владениях и направлять к одной цели гражданское и церковное управление; с другой же стороны, папская канцелярия административным устройством церкви в сербских землях возвращала себе значительную часть Иллирика, получала вновь прямое влияние на Балканском полуострове и вместе с тем наносила ущерб притязаниям константинопольского патриархата.

Но намеченный порядок продолжался только до начала XII в., когда, с одной стороны, завоевательное движение в Хорватию и Далмацию угорских королей, с другой же — укрепление политического центра восточных сербов в Расе должны были произвести полный переворот в создавшихся здесь политических и церковных отношениях.

Прежде всего политический переворот соединялся с темной, большею частью в тиши епископских канцелярий подготовлявшейся фальсификацией церковных грамот и привилегий, на основании которых старались возвысить свои церковные права одна архиепископия на счет другой. Сплет, Дубровник и Бар соревновались на этом поприще и пустили в оборот множество подложных грамот и привилегий, перевес в борьбе склонился в пользу Дубровника. Последний акт в пользу архиепископии Бара относится ко времени папы Калликста (1119—1124 гг.) и дан на имя архиепископа Илии, за которым признаны прежние права и власть per Slavo-

* Папа Григорий VII называет его carissimus beati Petri filius.

** Во всем этом вопросе пользуемся прекрасной работой белградского проф. Станоевича «Борба за самосталност католичке цркве...», где приведена и литература предмета, стр. 25, 27.

niam atque Dalmatiam. Но после того, в связи с начавшимися в Сербии смутами и соперничеством между князьями Зеты и Расы, прерываются непосредственные сношения между Римом и сербскими церковными властями, и вместо архиепископа Бара выступают на сцену сплетские архиепископы. Не далее, как в 1139 г., папа Иннокентий II называет архиепископа Сплета «единственным для всей Далмации архиепископом» и делает распоряжение, чтобы по всем делам далматинской церкви соборы собирались именно в Сплете. Но около того же времени появляются привилегии в пользу Дубровника, оправдывающие его притязания на те же епархии, которые частью входили в сплетскую и барскую архиепископию. Папа Анастасий IV в 1153 г признает за архиепископом Дубровника те же права, что его предшественник в 1139 г. утвердил по отношению к Сплету. По всей вероятности, эта особенная милость к Дубровнику должна быть объясняема влиянием Венеции. Во время схизмы в Риме, начавшейся в 1160 г., эта последняя, приняв сторону папы Александра III против Фридриха I Барбароссы, начала играть важную роль в той политической комбинации, какая образовалась в это время под главенством царя Мануила и римского папы. Александр III, желая удержать на службе церковных интересов Венецианскую республику, легко мог склониться на ее защиту притязаний Дубровника.

Предыдущие наблюдения бросают достаточный свет на церковную зависимость земель, входивших в состав сербского княжества. Но эти наблюдения главнейше имеют применение к приморской или западной части Сербии с политическим центром в Зете. В восточной же части, в особенности с началом борьбы из-за политического преобладания между Расой и Зетой, окончившейся в пользу великого жупана Немани, церковные отношения подвергались еще более сложным влияниям, которые предстоит нам теперь рассмотреть в связи с политикой царя Мануила и его походами на северо-западную границу империи.

Княжеский род восточной Сербии состоял из многочисленных членов, которые находились между собой в борьбе из-за преобладания и делились на партии, из коих одна находила поддержку в соседней Венгрии, другая — в Византии. Попеременно одерживала верх то венгерская, то византийская партия, и в связи с этим происходила частая смена великих жупанов. Несмотря на крайнюю скудость известий, которая препятствует бросить надлежащий свет на события, происходившие в восточной Сербии, нельзя не отметить ярко выдвигающегося факта — враждебного движения сербов по направлению к Восточной империи, в долину Косова поля и далее на Белград и Ниш. Но по естественному ходу вещей, делая завоевания на восток, в пределах распространения сербского элемента, сербские великие жупаны постепенно входили в сферу влияния охридской архиепископии и в церковном отношении сливались с константинопольским

патриархатом. Таким образом, мало-по-малу подготовлялись в восточной Сербии культурные и церковные отношения, делавшие из Сербии любопытный в историческом отношении пограничный сторожевой пункт, на который и по настоящее время с одинаковым напряжением идут с востока и запада культурные и церковные влияния. «Славянские священники Македонии и Болгарии были к ним ближе, чем латинские и албанские епископы и клирики приморской области Адриатики; точно так же им были легко доступны славянские книги Климента охридского, экзарха Иоанна, епископа Константина и др.».* Епископ Расы становится с течением времени главным епископом в восточной Сербии и основным церковным учреждением для автокефальной сербской церкви.

Выше было замечено, что отношения между Сербией и Византией находились в некоторой зависимости от успехов движения угорских королей к Адриатическому морю. Колебания Сербии между венгерским и византийским политическим и церковным влиянием должны были прекратиться после того, как последний из даровитой династии Комнинов Мануил энергичным выступлением на Балканском полуострове значительно укрепил и вместе с тем расширил сферу влияния Византийской империи. О значительном распространении византийского церковного влияния свидетельствуют постройки времени Комнинов. Такова церковь в селе Нереси, близ Скопии. Есть прекрасное место о сербах и занимаемой ими стране, принадлежащее умному и наблюдательному современнику, Вильгельму Тирскому, который в 1168 г. был в восточной Сербии в качестве посла к царю Мануилу Комнину.** «Царь находился в это время в Сербии, стране гористой, покрытой лесами и не имеющей путей сообщения, она занимает середину между Далмацией, Венгрией и Иллириком. В то время сербы подняли восстание в надежде на недоступность горных проходов, ведущих в их дикую страну. Это народ, лишенный культуры, чуждый дисциплины, живущий в горах и лесах и незнакомый с сельским хозяйством. Главное богатство обитателей состоит в стадах домашнего скота, в молоке, сыре и масле, также в добывании меда и воска. Находятся под управлением старшин, называемых жупанами,*** которые то находятся в подчинении у императора, то, выступая из своих лесов и гор, опустошают окрестные страны, будучи смелыми и храбрыми воинами. Именно вследствие невыносимых бедствий, испытываемых от них соседними областями, император предпринял против них поход с большим мужеством и сильным войском. Подчинив их и захватив в плен их главного жупана, император возвращался из похода, когда мы после многотрудного пути встретили его в провинции

* Jireček. Gesch. der Serben, S. 221.

** Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, t. I, pp. 946—947; Wilhelmi tyriensis archiepiscopi, lib. XX, cap. 4.

*** Знаменитое место: ii «magistratus habent, quos Suppanos vocant».

Пелагонии . . . подле древнего города Первая Юстиниана, что ныне называется Охридой».

Первые упоминания о сербах при царе Мануиле относятся ко времени осады Корфу в 1149 г. По всей вероятности по подстрекательству угорского короля великий жупан Урош II отказал Мануилу в повиновении и тем вызвал победоносный поход в старую Сербию, окончившийся завоеванием Расы и опустошением окрестных мест. Было бы излишним следить за походами Мануила к сербским и угорским границам, которые повторялись чуть не ежегодно, если только восточные дела не отвлекали внимания царя. Эти походы, имевшие целью то защиту придунайской границы — причем военные действия происходили у Белграда, Браничева и Ниша, — то направлявшиеся в Македонию и Албанию, представляют для нас отдаленный интерес и заслуживают внимания лишь по степени участия в событиях основателя Сербской династии. Именно в самом начале второй половины XII в. преобладание в Сербии получает сын или брат Уроша именем Деша, в котором не без основания признают Стефана Неманю. Попытки объяснить происхождение имени до сих пор не увенчались успехом * и едва ли не должны быть направлены в венгерский именослов, так как, действительно, взаимное влияние Венгрии на Сербию и обратно было глубокое и разнообразное. Вследствие решения, вынесенного царем Мануилом в 1155 г., Деша получил удельное княжение и был принужден на некоторое время довольствоваться второстепенным положением. С 1161 г., однако, он вновь становится великим жупаном, и с тех пор довольно определенно обозначаются политические тенденции национального объединения и государственной организации. Это видно прежде всего из его политических и брачных союзов с европейскими государствами (брачный союз с венецианским домом); это видно также из его решительных мер по отношению к князьям Зеты и попыток подчинения Расе приморской Сербии.

Нужно думать, что утверждение Стефана Немани в звании великого жупана происходило при содействии византийского императора и может быть относимо к 1159 г. В это время ему было около 46 л., он уже мог иметь определенный взгляд на политическое положение своего отечества и оценил весь вред, проистекавший от колебавшегося положения между двумя культурными и религиозными влияниями. Не без борьбы со своими родичами достиг Неманя главенствующего положения. Но что касается участия Византии в сербском перевороте, об этом слишком трудно судить по скудости известий. В 1161 г. Мануил предпринял поход на Балканский полуостров с целью урегулировать сербские дела. По этому случаю у писателя Никиты Акомината ** находим следующее известие. «Царь остано-

* Jireček. Gesch. der Serben, S. 250; Chalandon. Jean II Comnène, p. 392.
** Nic. Acom., pp. 206—207 (Bonn.).

вился в Филиппополе. До него дошли известия, что повелитель сербов, — а таковым был тогда Стефан Неманя, — сделался не в меру дерзким и, питая несбыточные замыслы и водимый ненасытным честолюбием, замышляет на все положить свою руку и жестоко притесняет своих соплеменников и истребляет своих родственников. Не удовлетворяясь границами своего княжества, старается подчинить Хорватию и наложить власть на удел Которский. Желая удостовериться в расположении Немани, царь посылает к нему Феодора Падиата; но сербский жупан так возмечтал о себе, что начал войну без предварительного о ней уведомления. Когда же царь заблагорассудил наказать его, то, появившись на короткое время на месте битвы, он скрылся и снова искал убежища в горах и за камнями. Затем, когда у него поубавилось спеси, он преклонил свою голову к ногам императора, растянувшись во всю длину своего огромного роста и прося о помиловании. Он мучился опасением, как бы не лишиться власти над сербами и как бы господство не перешло к тем, за которыми больше прав и которых он низверг, захватив сам верховную власть». Хотя приведенные слова отзываются риторическим пафосом и не могут быть принимаемы в дословном значении, но в них все же можно видеть взгляд византийского современного писателя на условия, при которых произошло усиление Немани. Последний весьма искусно пользовался историческими событиями и международными отношениями, обещая верность империи, если Мануил подступал к пределам Сербии, и становясь на сторону его врагов, когда военные силы империи были заняты в другом месте. О внешних сношениях Сербии и о значении ее политических связей с западными народами находим указание у историка Киннама,* который едва ли не по поводу упомянутого сейчас похода Мануила дает следующие сведения. «Между тем сербы, по подстрекательству к тому со стороны венецианцев, подняли восстание, в то же время и в Венгрии по смерти Стефана начались смуты. Посему Мануил пошел в Сардику [ныне София] и поставил королем над уграми Белу, который был женат на сестре августы и носил титул кесаря.** Устроив угорские дела, царь обратился против угров, чтобы обуздать их дерзость. Но, чему не могу я надивиться, прежде чем собрался весь отряд, царь с немногими тысячами, прошедший через крутые и утесистые места, вступил в Сербию и поспешил напасть на великого жупана. Он же, хотя имел у себя большое союзное войско, оставил поле сражения и, томясь страхом, отправил к царю послов и просил прощения в своих проступках... Когда же ему разрешено было явиться к царю лично, подошел к царскому престолу с непокрытой головой, с голыми руками и необутый. На шее его висела веревка, в руках меч, всего себя он поручил в полное

* Cinnami, VI, 11, pp. 286—288.

** Мануил женат был во второй раз на Марии, дочери князя антиохийского Раймунда, а Бела — на Агнессе, сестре Марии.

распоряжение царя. Тронутый этим, Мануил простил его и вышел из Сербии в сопровождении великого жупана».

Изложенный эпизод, так рельефно описанный у византийских историков, должен быть помечен 1172 г. К этому времени положение Стефана Немани выясняется довольно определенно. То, что представляется с точки зрения Византийской империи бунтом или восстанием, должно быть понимаемо как стремление к расширению политического влияния сербского великого жупана столько же на приморскую Сербию, как и на соседние византийские области, т. е. с одной стороны на Зету с городом Котором, с другой — на линию Белград—Ниш.

Повидимому, последовавшие затем события должны были окончательно определить отношения Сербии к империи. В 1172—1173 г. Стефана встречаем в Константинополе, хотя не можем с точностью сказать — пленником или почетным гостем. О пребывании Стефана в столице сохранилось современное известие Евстафия Солунского. «Не могу пройти молчанием Стефана Неманю, о котором и прежде, пока я не знал его, доходила до меня громкая молва, а незадолго перед сим я был приведен в изумление его внешним видом. Это был человек не того роста, какой природа обыкновенно уделяет людям, но гораздо выше всех людей и имел весьма внушительную внешность. Он прежде питал враждебные замыслы против царя и сопротивлялся ему и вел войну, но скоро, усвоив добрые расположения частью из страха, а больше из-за поражений, ныне и сам содействовал триумфу... Бросаешь взоры на те картины, которые изображают твои подвиги, написанные руками зографов, замечаешь и другое, и то, что живописует его историю: вот он возбуждает народ к восстанию, вот в другом месте учит оплита, всадника и указывает, как браться за меч, а там ставит войско в боевой порядок, приготовляет засаду; и, наконец, картину победы над ним и бегства его по долине и по утесам. И все это видя изображенным, кивком головы и одобрительным взором дает понять, что все это правда. В одном лишь отношении недоволен живописцем, что не на всех сценах дает ему наименование раба и не присоединяет к имени Немани свойственное ему звание раба».* Приведенные свидетельства могут служить достаточным указанием на то значение, которое начали приобретать сербы в царствование Мануила, вместе с тем на основании их трудно заключить, что Стефан Неманя был в Константинополе в качестве пленника.

Хотя не сохранилось никаких данных об условиях, заключенных в это время между Неманей и царем Мануилом, но нужно полагать, что с тех пор не повторялись больше те недоразумения, которые служили поводом

* W. Regel. Fontes rerum byzantinarum, I. Petropoli, 1892, pp. 43—44. Об этом же эпизоде — произведение Манасси (Визант. Врем., XII, стр. 75).

к походам в Сербию. В значительном военном предприятии против султана Кылыч-Арслана II в 1176 г. на стороне греков были сербские и венгерские вспомогательные отряды. Насколько позволяет судить неопределенность источников, поставка вспомогательных отрядов на европейские и азиатские войны составляла одно из существенных условий зависимости сербского великого жупана от империи. Можно думать, что до смерти Мануила не нарушались мирные отношения между царем и великим жупаном.

В высшей степени затруднительно было точно установить церковный порядок в Сербии ввиду двойственности религиозного обряда, православного в восточных областях и католического в западных. При том порядке вещей, который намечается в деятельности Немани, можно было опасаться, что возникнет церковная борьба и что на этой почве встретятся затруднения, которые затормозят его административные мероприятия, клонившиеся к государственному объединению сербского народа. Тем более можно было ожидать сильной борьбы, что как для константинопольского патриархата, так и для римской церкви представляло немаловажный интерес, куда в конце концов склонится сербский великий жупан, на сторону восточной или западной церкви. Внутренние меры, которыми была предупреждена указанная опасность, были приняты весьма целесообразно, хотя мы можем о них судить только по результатам и лишены возможности вникнуть в настроение этого весьма крупного в сербской истории деятеля. Несколько определенней рисуется его неумолимая строгость в подавлении богомильской секты, которая угрожала пустить корни и в Сербии, как успела уже распространиться в Македонии и Болгарии. Вследствие беспощадных преследований последователи богомильского учения перешли в соседнюю Боснию, где и основались под покровительством либеральных боснийских банов. «От начала своей политической деятельности, — говорит современный историк Сербии,* — он усматривал в религии весьма важный фактор государственной и народной жизни. Согласно этому принципу и в этом направлении он положил много труда в надежде, что в этом найдет вспомогательное средство для достижения своих политических планов. Но, кроме того, и сам он был искренний христианин. Наиболее важный вопрос с церковной точки зрения — об отношении основанного им в Расе государства к Риму и Цареграду — Неманя решил практическим способом. Государственной верой он признал ту, к которой была склонна большая часть населения тех областей, которые составляли ядро его державы, и которую он считал наиболее соответствующею духу сербского народа. Но в то же время он не думал разрывать с Западом и с римской курией, которая

* Ст. Станоевич. Историjа српскога народа. Друго изданье, Београд, 1910, стр. 92—93.

тогда достигла зенита своей славы и могущества. Напротив, он старался поддерживать хорошие отношения с западными державами и с представителями католической церкви, имея в виду опереться на них в борьбе с Византией. К этому побуждало его, независимо от всего прочего, и то, что в его державе, особенно в приморской части, было много католиков. С ними нужно было ему считаться и потому, что они составляли большинство населения, в особенности тех областей, в которых особенно преобладали сепаративные направления и которые незадолго перед тем составляли самостоятельное княжество и были центром сербского народа. Таковое отношение к византийской церкви, к папской курии и к Западу Неманя поставил государственным принципом и должен был выступать против всякого, кто не был на стороне этого принципа».

Мы возвратимся еще к Стефану в одной из следующих глав. Со смертью Мануила в 1180 г. в Византии наступил такой критический момент, какого современники не могли предугадывать. Все составные части обширной, но разноплеменной и не спаянной идеей национальности и государственности империи стали стремиться к особности и к самобытной организации. Сербский великий жупан не был застигнут врасплох наступившим кризисом и прекрасно воспользовался им в целях национальной политики.

Нам остается в настоящей главе сделать несколько замечаний по отношению к Венгрии, так как она в XII в. слишком определенно входит в русло византийской и славянской реки. Несомненно этим объясняется и то счастливое положение венгерского вопроса в русской науке, благодаря которому мы можем без больших затруднений выяснить сущность его.* Родственные связи венгерских королей с великокняжеским киевским домом, постоянный обмен посольствами, проживание венгерских принцев в России и русских в Венгрии — все эти обстоятельства содействовали большому оживлению в Венгрии славянских симпатий и в то же время пробуждали готовые заглохнуть воспоминания о греческом обряде и славянском богослужении. В связи с этим, конечно, нужно обсуждать и весьма интимные отношения угорских Арпадовичей с Комнинами, которые в смысле противовеса вызывали экстренные меры со стороны Гогенштауфенов для усиления в Венгрии германского влияния и католицизма. Таким образом здесь находила применение та же культурная и религиозная борьба, какую мы подметили при обозрении событий на западной границе. Укажем самые главные факты.

* Достаточно указать: К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.— Акад. В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. Сл. сб., III; Труды, т. IV (*Ред.*).

Дружественные связи открываются браком Иоанна Комнина с дочерью св. Ладислава, следствием которого было неоднократное вмешательство со стороны империи в угорские споры из-за власти и укрепление в Венгрии византийского влияния. Сын венгерки, царь Мануил, которого западные планы завели слишком далеко в ущерб интересам империи на востоке, считал вполне достижимой задачу обращения Венгрии в вассальную зависимость. Для этого он принимал к себе недовольных принцев королевского дома и поддерживал их в междоусобной войне. С такой целью он оказывал поддержку князю-изгою Борису Коломановичу, равно как князю Стефану, брату Гейзы и дяде Стефана III. Мануил достиг в Венгрии преобладания: его посаженник был на престоле королевства, византийские отряды поддерживали царского кандидата.

Наиболее усилилось в Венгрии византийское влияние со смертью короля Гейзы II (1161 г.), когда престол занял несовершеннолетний сын его Стефан III, которому предстояло вынести отчаянную борьбу с внутренними врагами. Прежде всего два его дяди, Стефан и Владислав, подстрекали царя Мануила предъявить к Венгрии требования о восстановлении их прав на власть, обещая за то верность и преданность империи. Вмешательство в угорские дела подавало Мануилу надежду завладеть дунайскими укреплениями Срем и Землин и вместе с тем возвратить власть в Далмации, утраченную вследствие венгерских завоеваний. Повидимому уже была предрешена и дальнейшая судьба Венгрии, так как королевич Стефан, женатый на племяннице бездетного Мануила, был рассматриваем как возможный наследник угорского престола, современем имеющего соединиться с империей. Но расчеты претендента не оправдались, в Венгрии он не нашел к себе расположения. Мануил решил начать военные действия, двинул войско к Браничеву и Белграду и достиг того, что в Венгрии произошел переворот в пользу его приверженцев и подручников королевичей Владислава и Стефана. Первый правил только полгода, и за его смертью власть переходила в начале 1162 г. к его брату Стефану. Но и положение последнего оказалось непрочным, так как он должен был скоро бежать из Венгрии и вновь искать покровительства у Мануила. Находя, что Стефана трудно утвердить на угорском престоле, Мануил должен был согласиться признать прежний порядок вещей, установленный Гейзою II, и поддержать на престоле сына его, малолетнего Стефана. Но вместе с тем он принял в качестве заложника второго сына Гейзы, Белу, которого задумал обручить со своей единственной дочерью Марией, имея план приготовить в нем наследника престола для империи и вместе для Угрии. В переговорах о брачном союзе было между прочим выговорено условие о признании за Белой удела Далмации. Когда в 1163 г. прибыл в Константинополь королевич, ему были дарованы исключительные привилегии причислением к царской семье и возведением в сан деспота; новое имя Алексей

обозначало, вероятно, его присоединение к православной церкви. Но притязания Мануила на владение Далмацией как уделом Белы встретили отпор в правительстве короля Стефана и вызвали открытую войну с Мануилом, в которой на стороне угров были чехи и князь Ярослав Владимирович Галицкий. Главные действия происходили на Дунае в области Землина и Белграда и в Далмации. Так как важная пограничная крепость на Дунае переходила не раз из одних рук в другие, то Мануил не мог считать обеспеченным свое положение здесь, пока не закрепит за империей спорную область (1165 г.). В то время, как была предпринята осада Землина, окончившаяся падением его, Мануил тогда же послал войско в Далмацию под начальством Иоанна Дуки. Повидимому, это был очень удачный поход, так как он имел последствием восстановление власти империи не только на береговой приморской полосе, но частью в Хорватии и Босне. Киннам указывает 57 городов, перешедших тогда под власть империи.* Таким образом, Сремская область и сербо-хорватские владения Венгрии перешли к Византии и оставались за империей до смерти Мануила.

В ближайшее затем время в Константинополе сделаны были распоряжения о том, чтобы наследство императорской власти обеспечено было за Марией и супругом ее деспотом Алексеем-Белой; в пользу их потребована была присяга на верность, которая вызвала протест со стороны брата царя Андроника: ** «Нелепо, — говорил он, — считать византийца недостойным женихом для своей дочери и предпочитать иноземца и пришельца и ставить ромэев в подчинение ему». Тем не менее в планах Мануила приобщение угорского царевича к царской династии было средством к тому, чтобы закрепить влияние Византии над Угрией. Новая победа, одержанная царем над уграми в 1167 г., действительно закрепила за империей ее завоевания как на Дунае, так в особенности в Далмации.

Весной 1169 г. у Мануила родился сын от его второй супруги Марии. Это в корне изменяло его планы относительно наследства престола и нарушало сделанные ранее распоряжения в пользу угорского королевича. Но что в этом отношении предстояли немалые затруднения, видим из того, что новорожденный царевич Алексей не был сейчас же сопричислен к власти, и Алексей-Бела продолжал пользоваться титулом и правами наследника. В Венгрии также рождение царевича Алексея должно было поднять тревогу, так как и там значительная политическая партия надеялась на перемену в положении Венгрии в случае получения Белой императорского венца. Но при жизни сына Гейзы, короля Стефана, умершего в 1173 г., не последовало новых столкновений между Угрией и империей. Лишь по истечении трех лет по рождении наследника, т. е. в 1172 г., Мануил

* Cinnami, V, 17, p. 249.
** Nic. Acom., p. 179.

опубликовал акт, которого давно ждали: наследником был объявлен царевич Алексей, а деспот Алексей-Бела лишился прав не только на наследование, но вместе с тем и на руку царской дочери. Это, однако, не обозначало немилости, потому что за венгерского принца была сосватана Агнесса, свояченица царя, недавно прибывшая из Антиохии, причем ему пожалован сан кесаря. Смерть бездетного короля Стефана в начале 1173 г. открывала Беле прямой путь на наследство в Венгрии. Если придавать веру современному известию Арнольда Любекского, то король умер от яда, поднесенного ему подосланными людьми от его брата (т. е. Белы). Как бы то ни было, смерть Стефана была давно желаемым для Мануила поводом наложить руку на Венгрию и ограничить ее политическую свободу. Не теряя времени, Мануил снарядил Белу в путь и сам проводил его до Софии.

Византийскому ставленнику, который действительно имел весьма прямые права на престол как брат умершего короля, могло помешать только то, что с ним вместе должна была усилиться партия византийского царя. Но те, которые видели опасность в византийском влиянии, не могли не принять в расчет и того, что Бела будет способствовать возвращению под власть Угрии тех областей, которые рассматривались как его удел и были временно соединены с империей. Вот почему угорское посольство не замедлило явиться в Софию с предложением Беле престола. Между тем Мануил своевременно озаботился поставить Беле условия, которыми ограничивалась его внешняя политика и обеспечивались интересы империи. Белу сопровождала блестящая свита с протосевастом Иоанном во главе, который участвовал в торжествах возведения его на престол. Казалось, в Венгрию был открыт доступ византийскому культурному и церковному влиянию вместе с Белой III, который оставался у власти до 1196 г. Но наступивший после Мануила кризис совершенно изменил политическое положение дел. Тот самый Бела, которому приготовлялась служебная роль в интересах империи, сам явился в числе претендентов на византийский трон, когда угасла династия Комнинов.

Глава XIV

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА МАНУИЛА. ТУРКИ И ХРИСТИАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ

После Второго крестового похода и частью в связи с печальными для христианских княжеств последствиями его восточная политика византийского императора определялась постепенно создавшимися в Сирии и Малой Азии следующими политическими и этнографическими группировками.

Прежде всего в ближайшем соседстве с империей выросло в пределах прежних фем Анатолика и Вукелариев государство сельджуков со столицей в Иконии. К востоку от Иконийского султаната, в фемах Армениак и Харсиана, утвердились родственные первым турки под властию династии Данишмендов, центрами их владения были Сивас (Севастия), Кесария, Мелитена. В горных областях Тавра и Киликии возникли полузависимые армянские княжества, значение которых постепенно возрастало по мере распространения политического влияния Византии в северной Сирии, куда прямая дорога вела через Киликию. Далее к востоку, в северной Сирии и Месопотамии, образовался еще более сильный политический центр мусульманской власти в Мосуле и Алеппо, представителями его были получившие крупную известность во время крестовых походов эмиры Имад-ад-дин Зенги, сын его Нур-ад-дин и, наконец, Саладин. Христианская империя в Константинополе была в соседстве со всеми этими мусульманскими государствами и для достижения на востоке хотя бы некоторого обеспеченного положения должна была сообразовать свою политику с теми отношениями, в которых находились между собой указанные мусульманские государства. На ход усвоенной при Мануиле восточной политики влияло то, что данишмендские владения, по смерти мелика Мухаммеда в 1142 г.,

вследствие внутренних смут распались на три части. Наследники умершего султана утвердились: его сын Зу-н-нун — в Кесарии, а его дядя Якуб-Арслан и Айн-ад-даула — в Севастии и Мелитене. Это разделение было весьма выгодно для соседнего иконийского султана Мас'уда, который, равно как и его сын, знаменитый Кылыч-Арслан II, мог значительно увеличить свои владения за счет Данишмендов и проложить себе дорогу к долине Евфрата, заветной цели иконийских султанов. В то же время данишмендские князья, стесняемые соседом, естественно старались найти опору в империи и побуждали царя Мануила принять деятельное участие в усобицах между двумя турецкими владениями.

Но главным руководящим мотивом в восточной политике были христианские княжества в Сирии и Палестине и одинаково присущее всем царям из дома Комнинов стремление возвратить Антиохию в непосредственную сферу влияния империи. Таким образом, несмотря на крайние затруднения, какие были на пути к сношениям с Сирией, царь Мануил с большой настойчивостью и систематичностью преследовал свои планы по отношению к Антиохии и в конце концов достиг того, чего так искренно желали его отец и дед: совершил триумфальный въезд в Антиохию в качестве сюзерена антиохийского княжества и настоял на том, чтобы в этом латинском владении рядом с католическим патриархом был признаваем авторитет греческого. Приняв непосредственное и близкое участие в судьбах христианских государств в Сирии и Палестине, император Мануил должен был вступить в сношение с эмиром Алеппо и Дамаска Нур-ад-дином, который во второй половине XII в. был грозой христианских владений, образовав в Сирии новое мусульманское государство.

Таковы в общих чертах условия, в которых должна была развиваться восточная политика Мануила.

Независимо от широких задач, внушаемых старыми идеалами Римской империи, ближайшие и прямые потребности на Востоке обусловливались суровой действительностью, которая настоятельно давала себя чувствовать. Турецкие набеги почти каждый год истощали плодородные малоазийские долины и оттесняли земледельческое население в горы, следствием чего было то, что культурные области постепенно обращались в пустыни и степи, пригодные для пастбищ, на которых располагались туркмены. Нужно было строить города и ставить в них гарнизоны для защиты сельского населения. Но этим не всегда достигалась цель. С первых же лет правления Мануила предпринимались походы против турок-сельджуков, так как султан на требования царя обуздать хищнические набеги обыкновенно отвечал, что это набеги со стороны вольных туркмен, которые не признают его власти. Уже вслед за венчанием Мануила на царство было получено известие, что турки появились вблизи Малагины, большой военной станции на дороге от Никеи к Дорилею. В следующие годы поход направлен

был в Лопадий, при истоках реки Риндака, где также предстояло построить укрепления и поставить гарнизоны. Но в то время, как греки укреплялись в одном месте, турки обнаруживали другие слабые стороны: нельзя было отступать перед решительными действиями. Поход Мануила против самой столицы Мас'уда представлял уже большое военное предприятие. Мануил известил неприятеля о походе, а султан отвечал, что встретит царя в Филомилии. Этот поход 1146 г., описанный подробно у историка Киннама, по преимуществу свидетельствует о личной отваге самого царя и об его военном пыле, который побуждал его быть впереди всех и отличаться на глазах своего войска. Но он не имел существенного значения и был окончен по получении тревожных слухов о движении крестоносных ополчений. Мануил оповестил своего противника, что он надеется быть более счастливым на будущий год и найти султана менее трусливым и осторожным, чем в последний раз. Но угрожавшая одинаково грекам и туркам опасность от крестоносцев заставила царя искать сближения с султаном и заключить с ним дружественный союз. На некоторое время прекращаются известия о новых походах в Малую Азию; можно думать, что внутренние смуты в соседнем владении Данишмендов занимали внимание Мас'уда. Но со смертию его в 1156 г., когда Иконийский султанат перешел под власть сына его Кылыч-Арслана II, сидевшего на престоле 32 года, сельджукский вопрос приобрел для Византии первостепенное значение. Султан отличался суровым характером и не останавливался ни перед какими мерами для достижения своих честолюбивых целей. У него было два брата; одного он убил, другого заставил бежать в отдаленный удел на берега Черного моря. Во внутреннюю борьбу вмешался Якуб-Арслан, эмир Сиваса, принявший сторону обиженного Кылыч-Арсланом брата, Шахан шаха. Пользуясь ослаблением султаната, стал теснить его эмир Мосула Нур-ад-дин, против которого Кылыч-Арслан заключил союз с христианскими владениями и с армянским князем Киликии Торосом, или Феодором, о котором скажем ниже. Такое положение дел на турецком востоке позволяло Мануилу не только держать в равновесии отношения империи к султану, но и предпринимать наступательные действия. Так, он успел сблизиться с Шахан шахом и с Данишмендами Якуб-Арсланом, Зу-н-нуном и эмиром Мухаммедом (Мелитена). К 1159 г. относятся решительные меры Мануила против иконийского султана. На этот раз точкой отправления был Абидос, куда стянуты были европейские фемы и откуда поход направлялся долиной реки Риндака к турецким границам. Об этом походе имеется свидетельство очевидца, но до какой степени фраза и риторика преобладает в известии нашего источника,* можно видеть из следующего отрывка: «В это время царь многократно простирал

* Cinnami, IV, 22, pp. 192—193.

на варваров и собственные руки и, нападая на них неожиданно, казался им чуть не молнией. Тогда, нисколько не стыдясь, отступали перед ним тысячи, а если угодно бывало судьбе, то и десятки тысяч вооруженных и закованных в железо. Доходя до моего слуха, эти подвиги казались мне менее вероятными, чем дела Фоки и Цимисхия. Как поверить, что один человек побеждает целые тысячи, и одно копье одолевает мириады вооружений . . . Я думал, что эти дела прикрашены сановниками и придворными, пока не усмотрел их собственными глазами, когда, случайно замешавшись между врагами, сам увидел вблизи, как этот самодержец противостоял целым фалангам . . . Царь устремился на неприятелей со всей быстротой, не надев панцыря, а только оградив тело щитом. Ворвавшись в середину врагов, он совершил удивительные боевые подвиги, поражая мечом всякого встречного . . . долго бежали турки без оглядки: им и в голову не приходило, что за столь многолюдным войском гонится один человек . . .» За походом 1159 г., который не был продолжителен и едва ли сопровождался решительными битвами, следовал новый в следующем году. На этот раз Мануил потребовал вспомогательных отрядов от своих союзников — короля иерусалимского, князя Антиохии и армянских владетелей, — сам же имел сборный пункт в Филадельфии и отсюда пытался нанести туркам главный удар. Но исход экспедиции решен был византийским вождем Иоанном Контостефаном, который напал на Кылыч-Арслана со стороны Сирии и заставил его просить мира. Султан обещал выдать всех христианских пленников и посылать вспомогательный отряд всякий раз, когда того потребует царь, кроме того, обязывался возвратить империи города и селения, занятые турками в последние годы. По всей вероятности, заключение мира нужно полагать в 1161 г. Вследствие положительного перевеса, оказавшегося на стороне империи, турецкий султан пожелал точней выяснить свои будущие отношения к Мануилу и попросил разрешения посетить его столицу. Пребывание Кылыч-Арслана в Константинополе с огромной свитой и с 1000 всадников составило событие громадной важности, которое заняло современников. И правительство воспользовалось таким редким случаем, чтобы подействовать на воображение грубого варвара роскошью двора и богатствами и расположить его в свою пользу подарками. Султан был принят с торжественной церемонией, в великолепно убранном зале, и изумленный предстал перед царем, сидящим на золотом троне в парадном облачении.* Он был столько же неспособен оценить утонченный этикет, сколько понять роль, приготовленную для него в триумфальном шествии. Мы имеем очень выразительную черту для понимания характера Кылыч-Арслана. Однажды (в 1171 г.), находясь в затруднительном положении, он вел переговоры с представителями Нур-ад-дина,

* Nic. Acom., p. 154 и сл.; Cinnami, V, 3, p. 204 и сл.

принявшего сторону обиженных им родичей. На требование дать свободу семи племянникам, сыновьям Шахан шаха, он приказал послать к отцу одного из его сыновей в качестве хорошо изготовленного жаркого и объявить, что если он будет очень настаивать, то такая же участь угрожает и другим племянникам.

Почти месяц продолжалось пребывание султана в Константинополе. По всему видно, что современников удивляло оказываемое сельджукскому султану внимание; он был непривлекательной наружности, плохо владел руками и хромал на обе ноги, так что в Константинополе немало острили над царским гостем, а патриарх отказал в разрешении воспользоваться церковными предметами в триумфальном шествии, устроенном по случаю празднеств в честь Кылыч-Арслана. Случившееся в тот же день землетрясение было истолковано в смысле божественного гнева против устроителей торжества. Желая вполне обворожить своего гостя, царь давал в его честь турниры и зрелища, наконец, устроил для него особенное зрелище, приказав в одном из покоев дворца разложить все, что предположено было дать ему в подарок, т. е. драгоценные ткани, платье, вышитое золотом и серебром, кубки и чаши с золотом и серебром; царь вошел туда вместе с султаном и предложил ему указать те предметы, которые ему особенно нравятся. Когда же султан в смущении и нерешительности сказал, что он видит перед собой такие сокровища, на которые бы он мог покорить всех своих врагов, то царь сказал: «отдаю тебе все, чтобы ты понял, какими богатствами владеет тот, кто в состоянии сделать такой подарок одному лицу». О роскоши приема и драгоценных дарах находим свидетельства как у византийских, так и у восточных писателей.*

Судя по результатам, мы должны признать, что пребыванием в столице Кылыч-Арслана византийское правительство не умело воспользоваться в такой степени, чтобы поставить границы притязаниям иконийского султана и обуздать его воинственный пыл.

Относительно турок-сельджуков, власть которых простиралась и на христианское население греческого происхождения, политика царя Мануила была в особенности неосмотрительна. Султан иконийский был ближайшим и опаснейшим врагом империи. Усиление иконийского султаната прямо соединялось с ослаблением власти и авторитета империи на Востоке. Кылыч-Арслан не оставался глух к внимательности, тем более, что это значительно возвышало его перед соперниками. Он соглашался признать себя в зависимости от императора, если этот последний поможет ему утвердиться в Иконии и усмирить Данишмендов.

* Michel le Syrien. Recueil des historiens des Croisades. Historiens armeniens, I, p. 355.

Почти все остальное время жизни Мануила отношения империи к султанату основывались на договоре, заключенном в 1162 г. Султан обязался иметь одних и тех же врагов с царем Мануилом, уступить некоторые города, захваченные турками-сельджуками, не заключать договоров без согласия византийского правительства, доставлять вспомогательный отряд на войны в Европе и в Азии и, наконец, сдерживать хищнические набеги туркменов, на которых простиралась его власть, на имперские области. В Византии особенно дорожили сдачей города Севастии, и Мануил отправил вместе с султаном Константина Гавру принять этот город под руку императора. Как можно догадываться, Кылыч-Арслан нашел в договоре лишь средство усилить собственный авторитет в Малой Азии, от сдачи же городов отказался под разными предлогами. Возвратившись в Иконий, он мало-помалу подчинил себе области своих соперников и скоро сделался полновластным господином в передней Азии. Кылыч-Арслан не хотел войны с империей и не отказывался исполнять некоторые статьи договора. Но и союзник это был весьма ненадежный: он высылал туркменскую конницу на византийские поселки, постепенно оттеснял греческое население к берегу Черного моря и Босфора. Когда ему делали по этому поводу представления, то он извинялся невозможностью сдерживать набеги и ночные грабежи туркмен и посылал льстивые письма, называя себя сыном, а царя величая отцом своим. В этой политике вероломства и обмана перевес оказался на стороне султана. Постепенно надвигаясь, туркмены изменяли культурные земли в пастбища и луга, оттесняя земледельческое греческое население к востоку и северу и приготовляя совершенное ослабление византийского влияния на Востоке. Между тем для империи было столько же интересно держать в своих руках полосу, по которой направлялись крестоносные войска в Палестину, сколько и поддерживать честь перед Европой. На войну греческого царя с султаном иконийским в Европе смотрели как на дело всего христианского мира: победа над турками-сельджуками делала для христиан менее опасным путь ко гробу Господню. Плоды страшного потворства византийского правительства Кылыч-Арслану и невнимательности к страданиям греческого населения по соседству с султанатом раскрылись, наконец, с такою силою, что потребовались экстренные меры и безотлагательная экспедиция на восток.

В 1167 г. Мануил сознал, наконец, ошибки своей политики на Востоке: в противоречие интересам и обыкновенной практике византийского правительства, больше пятнадцати лет он соблюдал выгоды и поощрял домогательства иконийского султана, допустив соперников последнего, каппадокийских и армянских Данишмендов, до совершенного ослабления. Тот авторитет, которым, по традиции и по праву, должна была пользоваться Византия, перешел на Сирию и Месопотамию, во внутренних делах иконийского султаната стал принимать участие Нур-ад-дин. Византия, повидимому,

отказывалась от своей излюбленной теории управления одним варварским народом посредством другого, ибо мелкие владетели Мелитены, Севастии и Кесарии, обиженные Кылыч-Арсланом, искали помощи и защиты не у византийского царя, а у Нур-ад-дина. Едва ли не тот же Нур-ад-дин открыл глаза царю Мануилу на его ближайшие задачи по отношению к востоку, когда в 1172 г. он подстрекал иконийского султана внести войну в византийские селения. Так или иначе, несчастная для Византии война с турками-сельджуками, начавшаяся в 1176 г. и похоронившая смелые планы и надежды Мануила, должна быть рассматриваема как исходный пункт реакции по отношению к восточным делам. В то же самое время и неудачи западной политики, обнаружившиеся на Венецианском конгрессе, должны были дать господство теориям национальной греческой партии.

Война с турками-сельджуками вызвана была вмешательством Мануила в отношение иконийского султана к Данишменду Зу-н-нуну, искавшему защиты в Византии. Кылыч-Арслан сначала не прочь был войти в мирное соглашение с греками, но скоро изменил намерение, увидев, что византийский полководец, севаст Михаил Гавра, не располагает такими силами, которые могли бы устрашить его. Так прошла весна, время особенно удобное для военных действий, — говорит современный писатель. Летний поход в Малую Азию, под предводительством самого царя Мануила, имел следствием возобновление и укрепление двух городов, опустошенных туркменами и находившихся под властью султана. Историк Киннам сообщает любопытные подробности о состоянии города Дорилея, в каком нашли его византийцы.* «Это был некогда величайший и знаменитейший из городов Азии. Он лежал в долине, распространяющейся на большое пространство и представляющей прекрасный вид. На плодородных полях ее росла сочная трава и поднимались богатые нивы. Вид украшала протекающая по долине река, дающая вкусную воду; в реке водилось множество рыбы, вполне достаточной для продовольствия жителей. У кесаря Мелиссина здесь было прекрасное поместье и весьма населенные деревни с самородными горячими ключами, портиками и купальнями. Эта местность доставляла в обилии все, что служит для удовольствия человеку. Но турки разрушили город до основания и сделали его необитаемой пустыней, так что кругом не заметно и следа прежней культуры. Теперь раскинул здесь свои палатки туркменский улус в 2000 человек». Мануил прогнал кочевую орду и занялся возобновлением Дорилея, имея в виду основать здесь оплот против распространения номадов, угрожавших обратить в пастбища и покрыть кибитками культурные византийские области. В течение сорока дней греки выкопали ров, вывели стену и заложили здания для поселения гарнизона и колонистов. «Турки же, испугавшись, что их вытесняют

* См.: Cinnami, VII, 2, p. 294 и след. *(Ред.)*.

с равнины, жирные пастбища которой были так привольны для их стад», всеми мерами старались препятствовать работам. Окончив укрепление города и снабдив его нужными средствами, Мануил роздал участки земли желавшим поселиться здесь колонистам греческого и латинского происхождения. В тот же поход при истоках Меандра найдено было еще весьма удобное место для крепости на остатках бывшего греческого города Сувлея.* Но и здесь были уже пастбища и кибитки, которые понадобилось отодвинуть, чтобы приготовить место для земледельческих поселений.

Начатый Мануилом в 1176 г. поход против иконийского султана имел большое значение и заслуживает внимательного рассмотрения. Была укреплена Малагина, и из Дорилея сделан укрепленный лагерь, в котором могли бы находить защиту и запасы для продовольствия военные люди и мирное население. Точно так же были приняты меры к возведению укреплений в долине Меандра, чтобы быть в состоянии владеть средствами сообщения с центральной областью Малой Азии. Ввиду серьезных приготовлений на восточной границе, Кылыч-Арслан пытался зимой 1175—1176 г. вновь вступить с Мануилом в переговоры, но на этот раз в Константинополе не поддались на льстивые предложения. Ранней весной начался подвоз в Малую Азию, в лагерь на реке Риндак, военных запасов и продовольствия и сбор европейских фем и вспомогательных отрядов, между которыми были сербы, угры и печенеги. Из переписки царя с папой Александром III можно видеть, что задумано было обширное дело, имевшее целью очищение дороги в Иерусалим, и что ожидалась помощь от западных народов для этого предприятия, столько же полезного для всего христианства, как в частности для империи. О широте замысла свидетельствует и то, что в Египет был отправлен флот и что иерусалимский король намерен был начать одновременное движение против мусульман со стороны Сирии. Андроник Ватаци с отрядом в 30 тысяч должен был отвлечь силы Кылыч-Арслана в направлении Неокесарии и приступил к осаде этого города. Между тем Мануил, имея в виду нападение на Иконий, взял обходный путь на Лаодикею на Меандре и двинулся через горные дороги к укреплению Мириокефала и к Иконию.

Поход 1177 г. открылся не при благоприятных обстоятельствах. Уже много вредило предприятию то, что пропустили весеннюю пору и дождались летней жары. Историк Киннам слагает в этом ответственность на союзные отряды сербов и угров, которые только к началу лета соединились с главными византийскими силами, собравшимися на Риндаке. Осадные орудия и обоз затрудняли свободу движения, неожиданные гастрические болезни ослабили войско еще до встречи с врагом. Путь к гнезду турок, Иконию, представлял весьма значительные затруднения для большой армии с тяже-

* Σούβλαιον (см.: Cinnami, VII, 3, p. 298) *(Ред.)*

лым обозом. В узких горных проходах войско должно было растягиваться на несколько верст и во многих местах подвергалось опасности быть разрезанным легкою турецкою конницей. На пути к Иконию через Аполлонию и Антиохию (Фригийскую) Мануил в сентябре сделал роздых при Мириокефале, приобретшем известность почти полным истреблением греческих войск.

Кылыч-Арслан прислал сюда посольство, предлагая царю мир на условиях предыдущих договоров. Старые генералы, понимавшие трудности похода, советовали воспользоваться этим благоприятным случаем и заключить мир с султаном. Но партия молодых любимцев, желавших отличиться на глазах царя, склонила его дать решительный ответ, что только под стенами Икония он согласится вступить в переговоры с султаном. От Мириокефала следовало итти через горный проход (клисура) Цибрицу, роковое место для византийских войск и для военной чести империи. Этот проход был ничто иное, как широкое ущелье с висящими над ним высокими горами, северная сторона которых, постепенно понижаясь, образовала холмы и овраги; с обеих сторон клисура заперта была скалами и загромождена камнями. Историк Никита Акоминат справедливо порицает Мануила за то, что он не принял надлежащих мер предосторожности, решаясь следовать этим проходом. Со стороны византийцев не был даже послан разведочный отряд, чтобы очистить проход от засевших в нем турок; не был оставлен тяжелый обоз, который в критическую минуту, при тесноте пространства, послужил более нападавшим, чем защищавшимся. В авангарде шли со своими отрядами два сына Константина Ангела — Иоанн и Андроник, за ними — Константин Макродука и Андроник Лапарда. В середине правое крыло вел шурин царя Балдуин, левое — Феодор Маврозом. За тяжелым обозом с припасами и военными снарядами следовал сам царь, окруженный блестящею свитою. В ариергарде был Андроник Контостефан.

Передовые части прошли благополучно, ибо пехотинцы, завидев турецких стрелков, взбирались сами на возвышенные места и прогоняли их вдаль. Как оказалось потом, это был прием турецкой тактики. Ибо, дав пройти клисуру передовым отрядам, турки отрезали им сообщение со следовавшими позади войсками и сделали ожесточенный натиск на правое крыло, предводимое князем Балдуином. Град стрел сыпался на несчастный отряд, люди погибали, не имея возможности защищаться. Повозки затормозили движение, впереди турецкие стрелки производили страшный урон в византийских рядах. Здесь погиб Балдуин и весь его отряд в беспомощной борьбе. Ободренные успехом, турки сделали фланговое движение и напали на центр армии, где находился император. Узкая дорога была завалена повозками, убитыми и ранеными животными; всякое движение по ней прекратилось. Защита казалась так же бесполезна, как невозможно бегство. Рвы наполнялись падавшими, кровь текла ручьями.

Император перестал отдавать приказания и защищался, сколько мог, как простой воин. Греков заперли и рубили, как стадо баранов в хлеве, по выражению историка, которому мы обязаны замечательными подробностями этого дела. Император потерял всю энергию, когда перед его глазами турки вонзили на копье голову Андроника Ватаци, только что убитого ими: «потеряв дух, без слов и без слез, он переваривал тяжкую скорбь, выжидая событий и не зная, на что решиться».* Наконец, с некоторыми приближенными он ринулся в середину врагов, желая проложить себе путь, и, получив много ран, успел соединиться с передовым отрядом, еще ранее миновавшим проход. Греческая кавалерия, поражаемая со всех сторон, кинулась на близлежащий холм; передние всадники за столбом поднявшейся пыли не могли рассмотреть глубокого рва, разделявшего их от холма. Всадники и лошади, один ряд за другим, стремглав летели в пропасть. Кровавые сцены убийства и грабежа и опасность, неоднократно угрожавшая собственной жизни, сильно потрясли Мануила. Он, казалось, перестал слышать, что говорилось вокруг него, и не отдавал себе отчета в виденном.

Поздно вечером собрались около Мануила Андроник Контостефан и другие вожди, уцелевшие в этот страшный день. Поспешно укрепившись рвом, они ожидали наступления дня и нового нападения турок. «Все сидели печально, понурив головы, воображая себе предстоящее бедствие. Варвары подступали к самому рву и приглашали своих соплеменников, бывших на службе у греков, сию же ночь оставить лагерь, похваляясь на заре погубить всех, кто там находится». ** Мануил сообщил одному из своих приближенных намерение бежать ночью из лагеря, предоставив остальным свободу действовать, как кому вздумается. Скоро это стало известно по всему лагерю и возбудило общее неудовольствие. Андроник Контостефан представил императору вероятные последствия такого малодушного решения и убедил выжидать событий на месте.

Действительно, положение греков не было так безнадежно, как оно представлялось смущенной душе царя Мануила. Так, можно еще было надеяться на помощь от передового отряда, почти не участвовавшего в деле. Ночью собрали остатки армии и составили отряд, который на утро выслан был против турок, пускавших стрелы в лагерь. Оказалось возможным начать переговоры с Кылыч-Арсланом, который не предъявил неудобоисполнимых требований. И для него, конечно, победа не обошлась без потерь. Притом, не входившие в состав его войска туркменские отряды с жадностью набросились на богатую добычу, захваченную у греков, и менее всего думали о продолжении войны. На другой день после дела при клисуре Кылыч-Арслан послал к Мануилу своего уполномоченного,

* Nic. Acom., p. 233.
** Nic. Acom., pp. 242—243 (*Ред.*).

именем Гавра, вести переговоры о мире, причем предложил в дар царю арабского коня и меч. Мануил здесь же в лагере подписал договор, которым обязывался, между прочим, срыть недавно возведенные укрепления Дорилей и Сувлей. Позволительно дополнить не досказанное у летописца: несчастное дело при Мириокефале положило конец притязаниям Зу-н-нуна, ибо оно надолго обеспечивало безраздельное господство иконийского султана в Малой Азии.

Через два дня греки начали отступление. «Зрелище, представшее глазам, было достойно слез, или, лучше сказать, зло было так велико, что его невозможно оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов; все трупы были скальпированы, у многих вырезаны детородные части. Говорили, что это сделано с тем, чтобы нельзя было отличить христианина от турка, чтобы все трупы казались греческими: ибо многие пали и со стороны турок. Никто не проходил без слез и стонов, рыдали все, причитая погибших — друзей и сродников». Проходя мимо Сувлея, греки разрушили город; что же касается Дорилея, то император не решился исполнить эту статью договора, вследствие чего враждебные действия между турками и греками продолжались и в следующие затем годы.

Поражение византийских войск при Мириокефале по своим последствиям выходит из ряда обыкновенных неудач империи. В глазах Западной Европы война Мануила с иконийским султаном была делом общехристианским и общеевропейским. Этим поражением не только обнаруживалась слабость Византийского государства в устройстве его собственных дел на Востоке, но и подрывалось доверие к восточному императору в глазах западноевропейских союзников и друзей Мануила. Предпринимая войну с иконийским султаном, царь Мануил был столько же выразителем стремлений национальной греческой партии, сколько благородным рыцарем и господином данного слова перед папой, французским и английским королями. Он дал слово очистить христианам путь ко гробу Господню и тем исполнить священный долг римского императора, оказывавшийся не по силам для представителей империи на Западе. Неудача на Востоке влекла за собою весьма чувствительные для честолюбивых притязаний Мануила потери на Западе: она возвышала авторитет германского императора, ослабляла греческую партию в Италии и снова соединяла против Византии папу и Фридриха.

Дух царя Мануила был глубоко потрясен несчастными событиями войны с иконийским султаном, так что до конца жизни он не мог освободиться от постигшего его тяжелого удара. В 1177 г. он извещал французского короля о деле при Мириокефале, не скрывая горькой правды и не умалчивая о подробностях, далеко не лестных для славы византийского имени на Западе. И трудно скрывать истину, потому что в походе принимали

участие западные рыцари — о чем неоднократно замечается в том же письме, — рыцари, которые по возвращении на родину могли рассказать все подробности дела. Письмо оканчивается следующими словами: «Хотя мы слишком огорчены потерей погибших наших родственников, однако сочли за нужное обо всем известить тебя как любезного друга нашего, тесно соединенного с царством нашим родством наших детей». Лучшее свидетельство о душевном состоянии Мануила, расстроенном неудачной войной с иконийским султаном, представляет Вильгельм Тирский, которому случилось провести несколько времени в Константинополе в 1179 г. «С того дня, — говорит он, — такими неизгладимыми чертами запечатлелись в памяти императора обстоятельства этого несчастного случая, что он никогда уже, несмотря на старания приближенных, не обнаруживал той ясности духа и веселости, какою особенно отличался, и до самой смерти не мог восстановить свои телесные силы, которыми был наделен в избытке. Постоянное живое представление события так мучило его, что не оставляло места ни душевному покою, ни обычной умственной ясности». Поражение при Мириокефале, которое сам Мануил сравнивал с несчастным делом при Манцикерте, нанесло непоправимый ущерб военной чести империи и надолго подорвало военные силы государства. Мануил не предпринимал более решительных военных мер против турок, которые продолжали с прежней настойчивостью наступать на пограничные города и обращать в пастбища культурные малоазийские области.

Особенного внимания также требовали христианские княжества в Сирии и Палестине. Нужно припомнить, что Мануил принес на престол самые тяжелые впечатления, вынесенные из похода в Сирию в последний год жизни отца его, когда антиохийский князь Раймунд, в нарушение верности и присяги, нанес глубокое оскорбление царю. Отомстить нанесенную обиду и возобновить политическое влияние на христианские княжества составляло излюбленную идею Мануила, воспринятую от отца и деда. В 1144 г. для этого снаряжена была большая экспедиция, причем сухопутное войско под начальством Иоанна и Андроника Контостефанов и Просуха было поддержано флотом под командой Димитрия Враны. Сухопутный отряд восстановил власть империи в Киликии и дошел до самой Антиохии, где после нескольких — нерешительных, впрочем — сражений Раймунд должен был признать себя побежденным и просить императора о прощении. Но положение дел в Киликии и северной Сирии в первые годы правления Мануила получило никем не ожидавшийся поворот, который впрочем зависел не от греков и не от латинян, но от новой политической силы, тогда народившейся. Это был целый ряд армянских княжеств, организовавшихся в Малой Армении, т. е. в феме Киликии, начиная от гор Тавра и на северо-восток почти до Кесарии и северной Сирии. Основателем независимой Малой Армении был Торос, или Феодор, сын Левона, который в царство-

вание Иоанна Комнина находился в плену в Константинополе. Освободившись из плена, он нашел поддержку у латинских баронов, вассалов Эдессы или Антиохии, и при помощи патриарха сирийских яковитов Афанасия, имевшего кафедру в Аназарбе, составил себе военную дружину, с которой начал борьбу с греками и турками.* Возвышению его помогли и брак его с дочерью владетеля Рабана, по имени Симона, и счастливые нападения на турецких хищников, грабивших страну. Первые завоевания были им сделаны, однако, в Киликии, в византийской области. В 1152 г он завладел городом Мопсуестией и взял в плен дуку Фому, генерал-губернатора области. Падение графства Эдессы и последовавшие затем события, выдвинувшие Нур-ад-дина на первый план в Сирии и Месопотамии, были благоприятствующими условиями для возвышения власти Тороса. Раймунд Антиохийский в 1149 г. пал в битве с Нур-ад-дином, и его княжеством завладел тесть его Иосцеллин, граф Эдессы, во владениях которого находились области, простиравшиеся на север до Самосата на Евфрате и на восток до старой персидской границы близ Дары и Нисиба. Но иконийский султан и эмир Мосула завоевали значительную часть городов Иосцеллина и поставили регентшу Антиохии, вдову Раймунда Констанцию, в необходимость просить защиты и покровительства у царя Мануила. Таким образом, с 1150 г. начинается ряд деятельных попыток со стороны Византии вмешаться в дела Антиохийского княжества и вообще воспользоваться отчаянным положением христиан в интересах империи. Но в верховьях Евфрата видам империи препятствовал Нур-ад-дин, а в Киликии возникло самостоятельное государство под властью Тороса, который почти уничтожил господство империи в этой важной области, связывающей имперские владения с Сирией. Оценивая все значение Киликии в политическом и военном отношении, Мануил решает поручить управление ею своему племяннику Андронику, дав ему большие военные и гражданские полномочия и назначив дукой Киликии.

Андронику Комнину принадлежит значительное место в истории Византии, и мы надеемся выяснить его роль впоследствии; теперь же следует заметить, что он далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. Слишком преданный личным интересам, честолюбивый и самостоятельный, хотя бесспорно даровитейший в семье Комнинов, Андроник мало оценил значение Тороса и потерпел от него страшное поражение под стенами Мопсуестии. И в другом отношении планы Мануила потерпели неудачу, так как в Антиохии не согласились на предложенный царем брак Констанции с кесарем Иоанном.

Военными и дипломатическими поражениями Византии воспользовался

* Chalandon. Jean II Comnène..., p. 419.

Торос, который после того становится во главе всей Киликии, и в его власти оказались важные города: Тарс, Адана, Аназарб, Сис и Мопсуестия. Ко благу империи, которая занята была по преимуществу на западной границе, дальнейшие успехи армянского владетеля были остановлены иконийским султаном, распространившим свои притязания на владения Данишмендов в Каппадокии. Тем не менее царь Мануил не мог забыть нанесенных ему обид и поражений. Антиохийская регентша Констанция, отказавшая в своей руке кесарю Иоанну, в 1153 г. вышла замуж за французского рыцаря Рейнальда Шатильонского (Renaud de Chatillon) и тем допустила новую вольность по отношению к Мануилу — своему сюзерену. Несмотря, однако, на это, царь охотно пошел навстречу дружественным со стороны антиохийского князя предложениям и дал ему поручение привести армянского князя Тороса к подчинению царю, обещая со своей стороны принять на себя все сопряженные с войной расходы. Рейнальд прежде всего потребовал от Тороса очистить крепость Гастэн, защищавшую горный проход Портелла, ведущий из Киликии в Сирию и следовательно в Антиохию. Но скоро затем противники пришли к соглашению и составили очень остроумный план совместных действий против империи. Именно, к этому времени сделано было смелое нападение на остров Кипр, во главе которого стоял тогда племянник Мануила Иоанн Комнин. Рейнальд сделал удачную высадку, победил византийский отряд, предводимый Михаилом Враной, и захватил в плен как его самого, так и дуку острова, из фамилии Комнинов. Остров подвергся грабежу и опустошению, громадная добыча обогатила антиохийского князя. Но так как политическое положение христианских владений на Востоке было весьма критическим вследствие победы Нур-ад-дина, захватившего Аскалон и Дамаск, то успехи антиохийского князя не встречали сочувствия и в особенности внушали опасение королю иерусалимскому Балдуину, который лучше других понимал надвигавшуюся со стороны Египта опасность. Видя, что непосредственной помощи ждать неоткуда и что поход антиохийского князя против острова Кипра вконец подрывает все надежды на соглашение с царем, король Балдуин снарядил посольство в Константинополь и, умоляя оказать помощь христианским княжествам, в то же время поручил просить у Мануила руки одной из принцесс. Чтобы заранее расположить царя к благожелательности, Балдуин приказал передать ему клятвенную присягу со стороны чинов Антиохийского княжества в готовности их подчиниться всей воле царя.

В Константинополе созрел план похода на Восток. Нельзя было оставить без внимания и без наказания ничем не оправдываемый поступок Рейнальда Антиохийского, нужно было также восстановить утраченное господство в Киликии и обуздать князя Тороса. Вот почему предложения иерусалимского короля были приняты благосклонно и в Иерусалим отпра-

влена Феодора, дочь севастократора Исаака Комнина, с богатым приданым и со свитой, в качестве невесты короля Балдуина. Этим обеспечивалось участие иерусалимского короля в военных действиях, которые были предположены в 1158 г. Распустив предварительно слух, что поход предпринимается против иконийского султана, Мануил неожиданно сделал распоряжение о вторжении в Киликию и поставил Тороса в такое положение, что он должен был спасаться в горы Тавра и предоставить занятую им страну во власть императора. Завоевание Киликии было делом весьма легким, города сдавались почти без сопротивления, и уже в ноябре 1158 г. Мануил был полным господином этой важной провинции, которая открывала ему свободный доступ к Антиохии и отдавала в его руки судьбу княжества. Рейнальд, действительно, приготовил себе отчаянное положение и не мог в настоящее время нигде искать поддержки. Особенно он вооружил против себя — правда, недостойными поступками — антиохийского патриарха, который бежал от него в Иерусалим и стал там во главе враждебной ему партии, вступившей в сношения с царем Мануилом и предлагавшей выдать грекам ненавистного князя. Но Рейнальд поспешил и сам сделать царю такие предложения, которыми прежде мог вполне удовлетвориться царь Иоанн, т. е. сдать кремль Антиохии, но которые не удовлетворили Мануила. Тогда Рейнальд решился предпринять покаянное путешествие в Мопсуестию, где стоял лагерем Мануил. Он явился туда с непокрытой головой, босой, с обнаженными руками и с веревкой на шее, держа в руках меч острием к себе и выражая тем всецело свою преданность царю. Под стенами города Мануил принял его в царской палатке, где был поставлен трон и собраны были придворные чины и военная свита. Перед царским троном пали ниц князь и его свита и оставались в этом положении до тех пор, пока не дано было знака подняться. Это был триумф для Мануила, свидетелями которого были послы почти всех восточных властителей: халифа, Нур-ад-дина, Якуб-Арслана и князей кавказских. Антиохийский князь, получив прощение, дал ленную присягу на верность, и, кроме обычного обязательства предоставлять сюзерену замок Антиохии всякий раз, как того он потребует, Рейнальд обязался еще принять в Антиохию греческого патриарха, кроме латинского, и доставлять императору военный вспомогательный отряд, когда того потребуют обстоятельства. Политическое значение происшедших событий, без сомнения, должно было поднять авторитет Византии как в глазах латинских христиан, так в особенности во мнении мусульманского востока. Ему придало особенный блеск еще то обстоятельство, что сюда явился король Балдуин, пожелавший принять участие в разрешении антиохийского вопроса и принятый Мануилом со всеми подобающими почестями. В течение 10 дней Балдуин был гостем царя, в это время должны были выясниться взаимные отношения между империей, Иерусалимским королевством и Антиохийским княжеством.

После пасхи 1159 г. предположен был торжественный въезд в Антиохию, который был увенчанием достигнутых Мануилом политических успехов на Востоке. Потребовав от антиохийских вельмож и вассалов заложников в верности и обязав рыцарей и князей участвовать в процессии невооруженными, Мануил достиг наконец удовлетворения всех притязаний, какие заявлялись в Антиохии его отцом и дедом. Весь византийский придворный церемониал применен был к этому торжественному случаю, может быть, наиболее эффектному в царствование Мануила. Он был на коне, в царском парадном облачении, со скипетром в руках и со стеммой на голове. Узду его коня и его стремя держали князь Рейнальд и латинские князья и рыцари. У ворот города процессия была встречена патриархом и духовенством, откуда направилась по разукрашенным улицам к соборному храму. В течение 8 дней в Антиохии одно за другим следовали блестящие празднества, происходили турниры и давались увеселения для народа. Царь не щадил денег на подарки вельможам и на раздачу народу и принимал личное участие в праздниках. «Заметив, что латинское войско очень гордится своим копьем и хвастает искусством обращаться с ним, царь назначает день для потешного сражения на копьях и, когда настал определенный день, . . . выезжает и сам с веселым видом и с всегдашнею своей улыбкой на обширную равнину, где удобно могли располагаться конные фаланги, разделившись на две половины. Держа поднятое вверх копье и одетый в великолепную хламиду, он ехал на прекрасном и златосбруйном боевом коне, который сгибал шею и подпрыгивал, словно просился на бег и будто спорил с блеском седока».*

Раз на охоте король Балдуин упал с коня и сломал себе руку. Произвело большое впечатление, когда Мануил немедленно соскочил с коня и первым подал помощь королю.

В мае началось отступление от Антиохии. Повидимому, предстояло начать военные действия против Нур-ад-дина, который слишком теснил христианские владения, но здесь все ограничилось переговорами, следствием которых была выдача пленных, большею частью европейцев, содержавшихся в плену со времени Второго крестового похода. На возвратном пути с востока Мануил держал путь через владения иконийского султана и близ Котиэя, в долине Тембрис, имел горячее дело с турками, стоившее ему больших потерь. Вследствие того уже весной 1160 г. Мануил предпринял новый поход, на этот раз в Малую Азию против Кылыч-Арслана. Этот поход сопровождался настолько благоприятным результатом, что побудил султана просить мира и дать согласие на поставку вспомогательных отрядов по требованию императора. Важным также последствием этого похода было посещение Константинополя Кылыч-Арсланом, о котором была

* Nic. Acom., p. 142.

речь выше. Нужно признать, принимая во внимание вышеизложенное, что к 1160 г. Мануил достиг самых блестящих успехов в Малой Азии, в Сирии и Палестине. Но, ясное дело, данные ему христианскими и мусульманскими властителями обязательства были вызваны его военными успехами и присутствием многочисленного войска. Как скоро другие заботы отвлекли от востока военные силы империи, положение изменилось к худшему. Далеко не ко благу империи привело и то обстоятельство, что интересы латинских княжеств стали руководящим мотивом политики Мануила на востоке.

Непосредственно за возвращением из похода Мануил отправил в Палестину торжественное посольство с деликатным поручением к Балдуину III просить для императора руки латинской принцессы. При этом имелась в виду или сестра графа триполийского Мелизинда,* или дочь антиохийского князя Раймунда Мария. Хотя как в Иерусалиме, так и в Триполи предложение царя было принято с совершенно понятным, впрочем, чувством удовольствия, которое выразилось и в поспешных сборах невесты к путешествию в Константинополь и в изготовлении ее приданого, тем не менее странным и неожиданным образом Мануил не давал своего ответа на посланное ему донесение. Целый год томились ожиданием положительных известий и, наконец, решились спросить царя через специального посла, как относиться к вопросу, о котором трактовали его послы. К чрезвычайному удивлению короля иерусалимского и графа Раймунда получен был ответ, что царь не согласен на предположенный брак. Граф триполийский был крайне раздражен всем этим делом и выразил свое неудовольствие тем, что приказал напасть на остров Кипр и грабить прибрежные области Византии. Чтобы объяснить причины странного отношения Мануила к делу о браке, нужно вспомнить, что его послам предстояло сделать выбор между двумя невестами. Оказывается,** что в это же самое время велись переговоры с антиохийской княгиней Констанцией о браке с ее дочерью Марией и что именно этот союз по политическим соображениям признавался тогда более полезным, чем брак с сестрой графа Раймунда. Независимо от всего прочего, принцесса Мария была красавица, каких тогда не было. «В сравнении с нею, — говорит очевидец, — решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц».*** Переговоры велись так секретно, что в Иерусалиме узнали о них только тогда, когда все уже было окончено и когда за принцессой

* Дочь графа Раймунда II и Годиерны, сестры иерусалимского короля Балдуина II.

** Это весьма ясно в изложении: Chalandon. Jean II Comnène..., pp. 520—523.

*** Nic. Acom., p. 151.

Марией прибыло в Антиохию специальное посольство летом 1161 г. Нечего и говорить о том, как раздражило это иерусалимского короля, который понял теперь, что брачный союз антиохийской княжны с византийским царем окончательно связывал интересы княжества с империей и наносил непоправимый удар его собственным планам на соединение княжества с королевством. Только опасность от Нур-ад-дина сдерживала Балдуина III и побуждала его ограничиться умоляющими письмами к Людовику VII, рисующими отчаянное положение христианских княжеств.

Между тем, начиная с 1163 г., замечается усиленный напор со стороны Нур-ад-дина на владения христиан в Сирии и Палестине. И нужно отдать императору Мануилу справедливость в том отношении, что византийский дука Киликии участвовал во всех важных военных делах с мусульманами, сражаясь вместе с латинянами. Так было в 1163 г., в особенности в 1164 г., в несчастном деле при Гариме, где попали в плен к мусульманам Боэмунд III и Раймунд Триполийский и вместе с ними дука Киликии Коломан.

Ввиду указанного положения дел на Востоке, отношения антиохийского княжества к империи по необходимости становились все тесней. Когда в 1165 г. князь Боэмунд, брат императрицы Марии, был выкуплен из плена, он поспешил в Константинополь, где ему был оказан ласковый прием и откуда он возвратился в сопровождении патриарха греческого обряда для Антиохии. Скоро затем он женился в Константинополе на принцессе из императорского дома и тем вновь подкрепил связи с империей своего княжества. Но к 1170 г. отношения быстро переменились. Нужно признать, что, несмотря на довольно значительные успехи, Мануил не успел дать твердого и самостоятельного направления восточной политике и часто руководился совершенно случайными и мало согласованными с пользой империи мотивами. Таково, между прочим, его громадное морское предприятие, экспедиция в Египет, предпринятое по внушению короля Амальриха и имевшее в виду не совсем хорошо понятые интересы Иерусалимского королевства. Идея похода на Египет родилась из того соображения, что Египетский халифат находился тогда в полном ослаблении и что спорившие из-за власти визири приглашали уже к вмешательству в египетские дела то Нур-ад-дина, то короля Амальриха. Начиная с 1165 г. иерусалимский король, отчаявшись в надежде получить помощь с Запада, возложил все расчеты на союз с Византией и пытался заинтересовать Мануила в египетских делах. В 1167 г. король Амальрих женился на племяннице Мануила, дочери протосеваста Иоанна Комнина Марии, и еще более сблизил интересы своего королевства с византийскими. В течение двух лет обсуждался план общего движения на Египет и достигалось соглашение насчет дележа добычи, и только через два года до некоторой степени устранены были затруднения. Король Амальрих боялся, чтобы союзник не воспользовался

всеми плодами победы, и старался всеми мерами обеспечить себе больше успеха. Мы видели выше, что Вильгельм Тирский раз отправлял деликатную миссию своего короля к Мануилу и свиделся с царем в Битоли, во время его похода против сербов, где и был заключен договор насчет совместного похода и дележа добычи. Но еще прежде, чем организована была экспедиция, в Египте произошел переворот, которого так боялись палестинские христиане: верховными делами и военными силами Египта, за слабостью халифа, завладели посланные Нур-ад-дином вожди, получившие сан визиря, — сначала Ширкух, а потом его племянник Саладин.

Летом 1169 г. в гаванях империи снаряжался громадный флот, состоявший из 200 слишком кораблей и из достаточного числа судов для перевозки военных снарядов и машин. Эта экспедиция, которой далеко не сочувствовали государственно мыслящие люди Византии, вызвала такие чувства у писателя Никиты Акомината.* «Услышав о необыкновенном плодородии Египта, царь решил положить на море руку свою и на реках десницу свою, дабы увидеть собственными глазами и осязать руками те блага египетские, в которые влюбился по слуху. И это замыслил он, не обращая внимания на то, что все по соседству было еще в волнении. А побудило его к тому неуместное славолюбие и желание сравняться со знаменитыми царями, которых владения некогда простирались от пределов восточных до столпов западных. Сообщив о своем намерении иерусалимскому королю и получив от него обещание, что он будет помогать ему в этом предприятии, царь снаряжает огромный флот».

Египетский поход, предпринятый под начальством великого дуки Алексея Контостефана, хорошо подготовленный и обильно снаряженный продовольствием и запасами, напоминает по своим результатам поход против вандалов.

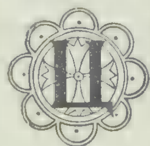
Алексею Контостефану приказано было действовать совместно с иерусалимским королем, который очень замедлил своим прибытием к сборному месту к острову Кипру и вообще далеко не обнаружил готовности к облегчению задачи Контостефана. Главной целью была Дамиетта, к которой подступили в самом конце октября. Прежде чем началась правильная осада, Саладин успел снабдить город припасами и послать в него сильный гарнизон, — это было уже дурным предзнаменованием для всего предприятия. Затем обнаружились раздоры в лагере осаждающих: греки не могли доверчиво относиться к латинянам, и наоборот. Дело затягивалось, а между тем у греков подходили к концу запасы, которых взято было на 3 месяца. Хотя латиняне имели хорошие заготовки, но продавали их по весьма высокой цене. Кроме того, не было согласия между главными начальниками насчет плана действий. Все это привело к крайне печальным последствиям

* Nic. Acom., p. 208.

и побудило Контостефана начать самостоятельные действия, не сообразуясь с желаниями короля. Он отдал приказ начать приступ, а король объявил, что им ведутся переговоры о сдаче Дамиетты. Таким образом, король заключил мир с турками совершенно самостоятельно, нисколько не заботясь о своих союзниках. В греческом лагере стали говорить об измене, и историк ничем не может опровергнуть этих слухов. В переговорах о мире со стороны египетских мусульман главную роль играл знаменитый впоследствии Саладин. Отступление византийского войска от Дамиетты и возвращение флота представляло трагическое зрелище. Все были крайне раздражены против начальников, побросали оружие и сожгли осадный материал. При возвращении же на море ожидали бури и всевозможные лишения, так что немногим удалось после разных приключений пристать к византийским гаваням. Полное крушение египетской экспедиции не только подняло политическое и военное значение мусульман, но и доказало совершенную безнадежность в будущем всяких совместных действий между латинянами и греками. Хотя король Амальрих, ввиду крайней опасности со стороны Нур-ад-дина, посетил Константинополь в 1171 г. и хотя столичное население, по случаю даваемых в честь его пышных празднеств, вновь могло наслаждаться приятным сознанием величия «Ромэйской империи», но фактически новый проект похода в Египет не осуществился, бесповоротно пропущено было время для нанесения удара египетским мусульманам.

Глава XV

ПОСЛЕДНИЕ КОМНИНЫ. НАЧАЛО РЕАКЦИИ



арь Мануил умер в сентябре 1180 г. на пятьдесят восьмом году жизни. Империя переходила к сыну его, едва достигшему одиннадцатилетнего возраста, Алексею II, за которым стоял ряд царских родственников и высших сановников, «с завистью посматривавших на царскую порфиру и выжидавших лишь случая примерить ее». Во главе правительства стояла вдова умершего царя, императрица Мария, дочь антиохийского князя Раймунда. К несчастью, правительница не пользовалась между греками популярностью, прежде всего как иностранка, а затем как весьма легкомысленная женщина, за которой признавалось одно положительное качество — желание и умение нравиться. Ее красота была в ее руках сильным орудием: она могла водить за нос всех.* Еще при жизни мужа она была в связи с племянником Мануила, протосевастом Алексеем, теперь же и другие лица пытались заслужить ее внимание. Протосевасту Алексею, занимавшему в царской семье первое место вслед за детьми Мануила, выпадала завидная доля: быть фаворитом царицы и занимать влиятельное положение в правительстве. Но его не любили ни греки, ни иностранцы за непрямоту характера, за услужливость перед высшими и за невыносимый деспотизм перед теми, кто ниже его. О нем делает такой отзыв Вильгельм Тирский (XXII, с. II): он пользовался советом и помощью латинян, но был нелюбим ими. Как все греки, был изнежен сверх меры и для удовлетворения своих прихотей придумывал неслыханные фантазии. Боль-

* Nic. Acom., pp. 151, 318.

шим несчастием для вдовы Мануила было то, что она была под влиянием столь ничтожного человека.

Дочь царя Мануила, выданная в тридцатилетнем возрасте за маркграфа Райнера Монферратского, который по этому случаю был возведен в сан кесаря и, следовательно, приближен к престолу, была устранена от влияния на дела и, таким образом, вместе с другими членами фамилии Комнинов, заняла враждебное к правительству положение. Ко временному правительству принадлежал и патриарх константинопольский Феодосий. Царица Мария и протосеваст, не пользовавшиеся популярностью среди местного служилого дворянства, естественно искали опоры в слоях служилого и торгового сословия из иностранцев и тем бессознательно подготовляли образование национальной политической партии в Константинополе. Независимо от того стали распространяться слухи, что непопулярный протосеваст задумывает произвести переворот, устранив от власти наследника престола. Уже в начале 1181 г. составился заговор с целью лишить жизни протосеваста.* Хотя на этот раз протосеваст торжествовал победу, так как заговор был открыт, но вскоре дело враждебной ему партии перешло в искусные руки и поведено было с большим успехом.

В борьбе партий, открывшейся по смерти Мануила, принял деятельное участие тогдашний князь-изгой, Андроник Комнин, который не находил себе поприща деятельности в Византии и большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным землям Европы и Азии. Существенное обстоятельство, обусловливавшее положение Андроника в царском семействе, заключалось в том, что он происходил от старшей линии, устраненной от престола не во имя государственного закона о престолонаследии, даже не в силу обычая, а единственно личною волей царей из младшей линии. Именно, царь Мануил родился от младшего сына Алексея I Комнина, Иоанна, между тем как Андроник — от старшего, севастократора Исаака. Уже отец Андроника делал попытку отнять власть у царя Иоанна, но потерпел неудачу, бежал на восток и поднимал против Византии иконийского султана. Что в потомстве севастократора Исаака властолюбие в соединении с энергией и даровитостью было наследственной чертой, видно уже из того, что в третьем поколении эта линия действительно достигла царской власти, образовав Трапезунтскую империю. При оценке деятельности Андроника, конечно, нельзя упускать из виду этой наследственной черты.

Юношеские годы Андроник провел в столице и воспитывался вместе со своим двоюродным братом, будущим царем Мануилом. Как и все Комнины, Андроник получил хорошее школьное образование, любил беседо-

* Will. Tyriensis, XXII, c. 5: «Kalendis martiis detecti sunt quidam nobiles — res novas molientes contra dominum Alexium»; Nic. Acom., p. 301.

вать с учеными знаменитостями и сам делал попытки в литературных трудах. Но, несмотря на дружбу и школьное товарищество, между Мануилом и Андроником не могли укрепиться искренние и доверчивые отношения, чему препятствовал частью их личный характер, частью новый порядок престолонаследия, установленный Комнинами. Со стороны Мануила было много подозрительности и доверия к доносам и наговорам, со стороны же Андроника — мало осторожности в отзывах о своем брате-царе. Как бы то ни было, Андроник никогда не был желанным и приятным в столице; здесь или приставляли к нему шпионов, или прямо заключали под стражу. Натянутые отношения между Мануилом и Андроником обнаружились весьма рано.

Человек честолюбивый и богато наделенный дарами природы, Андроник не уступал самому Мануилу в храбрости, много превосходя его остроумием, веселым нравом и доступностью. Ему не стоило большого труда сделаться популярным и любимым в столице. По своему положению, в особенности по фамильным притязаниям на власть, перешедшую к другой линии, Андроник не мог удовлетворяться второстепенными ролями и желал высших званий и отличий. Но при дворе остерегались давать ему полномочия и думали удовлетворить его неважными поручениями, которые Андроник неохотно принимал и невнимательно исполнял. Частная жизнь его была далеко не безукоризненна. В особенности открытая связь с родною племянницею Евдокией, дочерью севастократора Андроника, возбудила при дворе серьезное неудовольствие и желание воспользоваться первым предлогом к удалению Андроника из столицы. Два раза поручали Андронику воеводство в Киликии, раз посылали для управления пограничною с уграми областью. Там и здесь он заслужил порицание за небрежность и навлек на себя подозрение в политической неблагонадежности. Трудно сказать, справедливы ли были обвинения в политической измене, за которую Андроник поплатился продолжительным тюремным заключением. Бежав из темницы, он искал убежища сначала на Руси у галицкого князя Ярослава Владимировича (около 1164 г.), а потом, с 1166 г., начал жизнь скитальческую, переходя из одной страны в другую. Был в Антиохии, в Палестине, в Дамаске, в Багдаде, наконец в Грузии. Можно полагать, что он провел около 15 лет при дворах различных государей Востока. Этот период, в который, однако, не забывали Андроника в Константинополе, должен считаться самым любопытным в истории его жизни. Незадолго до смерти царь Мануил пригласил его в Константинополь, взял с него слово не искать власти при малолетнем Алексее II и назначил ему жить в одном из черноморских городов. Здесь и жил Андроник в 1181 г., когда до него дошла весть о смерти Мануила.

Со смертью Мануила открывалось широкое поприще для честолюбивых притязаний Андроника. Он брался за дело чрезвычайно осмотрительно.

Жизненным опытом изощренный в тайной интриге, он не желал рисковать ничем, ведя дело издалека и прикрываясь самыми благонамеренными целями. Сначала он действовал тайно, через письма и посланцев, приготовляя почву для выполнения обдуманного плана. Что Андроник непосредственно руководил событиями, о которых предстоит нам говорить, усматривается из многих обстоятельств. Во главе заговора против протосеваста, открытого в феврале 1181 г., стояли двое сыновей Андроника — Мануил и Иоанн, о чем прямо свидетельствуют источники, написанные вскоре после событий. Из Пафлагонии, где указано было ему жить, Андроник внимательно следил за событиями в столице. Никто не мог оспаривать у него права на ближайшее участие в правительственных делах, ему всего приличнее было стоять во главе регентства. Он начал сеять раздор между руководящими лицами и, приняв на себя защиту национальных интересов, выступил открыто уже тогда, когда недальновидный протосеваст успел показать, что от него нельзя ожидать решительных мер против наплыва иностранцев.

Мануил и Иоанн, сыновья Андроника, были исполнителями инструкций, получаемых от отца. Они впервые организовали партию против протосеваста и составили заговор на его жизнь. Среда, в которой они преимущественно вращались, состояла из царских родственников и высших сановников, недовольных новыми порядками. Между ними отметим: дочь умершего царя цесаревну Марию, бывшую в супружестве с маркграфом Райнером Монферратским, переименованным у греков в Иоанна; протостратора Алексея Комнина, незаконнорожденного сына Мануила; Андроника Лапарду, Иоанна Дуку, Иоанна Каматира и др. Допуская, что в этом первоначальном движении основным мотивом были личные счеты придворных, обиженных надменностью протосеваста, мы думаем, что только усердие Феодора Пантехни могло раздуть это дело в заговор на жизнь царя Алексея. Устранение царя теперь еще не было желательным для того, кого можно было считать душой заговора; для Андроника было нужно лишь произвести брожение в столице и тем напомнить о себе, относительно же дальнейших действий у него были особые планы. Хитроумный Андроник выступал в качестве защитника попираемых прав законного наследника престола. С предостережениями в этом смысле он обращался из своего изгнания к патриарху Феодосию и к другим лицам, у которых еще жива была благодарная память об умершем императоре.

Словом, Андронику было желательно связать свое имя с освобождением византийской аристократии от протосеваста.

17 февраля 1181 г. заговорщики предположили захватить протосеваста Алексея во время его поездки в Вафи-Риак на Босфоре,* причем нанятые

* Ныне Буюк-дере.

убийцы должны были умертвить его в церкви памяти Феодора Тирона, во время вечерней службы. Тайна заговора не была, однако, соблюдена, и протосеваст узнал об угрожавшей ему опасности. Он назначил следствие по этому делу, которое согласно с его желаниями произведено было Пантехни, прокурором по секретным делам. Никита Акоминат упрекает судебное следствие в поспешности и пристрастности и самый суд, возглавляемый матерью-регентшей и царем, — в несоблюдении установленных форм и в лишении обвиняемых права защиты. Упрек весьма знаменательный, если вспомнить ходячие мнения о византийском деспотизме и если принять в соображение, что имеется в виду политическое преступление. Патриарх Феодосий употреблял все усилия, чтобы восстановить на суде правду, т. е. чтобы признать обвинение об оскорблении величества, на чем, очевидно, было построено обвинение. Но Пантехни с настойчивостью провел обвинение во всей силе. Два сына Андроника, Мануил и Иоанн, также протостратор Алексей и епарх города Каматир были присуждены к тюремному заключению. Менее родовитые лица подверглись разным родам смертной казни; часть замешанных в заговоре выпущена на свободу, а часть спаслась бегством за границу. Во время судопроизводства должно было выясниться участие в заговоре и цесаревны Марии и ее мужа, хотя, по всей вероятности, вслух не было произнесено их имя. Пантехни еще готовил для цесаревны удар, когда патриарх, стоявший на стороне заговорщиков, предупредил ее об опасности и предложил ей убежище в церкви св. Софии. Это происходило в великом посту.

На 5 апреля приходилась в 1182 г. Пасха, величайший христианский праздник, привлекавший в Царьград множество богомольцев из Европы и Азии. К обычной церковной торжественности присоединялась особенность отношений между светскою властью и духовною. Для случайных посетителей Царьграда, равно как для городской черни и праздного люда, представлялся случай редкого зрелища. По обычаю, от Софийской церкви должна была отправиться во дворец депутация с патриархом во главе, чтобы поздравить царя с праздником. Совершенно исключительные условия, вытекавшие из открытого заступничества за цесаревну, внушили патриарху естественное опасение явиться во дворец, почему торжественная процессия была, по его приказанию, отложена. Это было отступление от обычая, и оно не могло не быть замечено народом.

Высокий авторитет, которым пользовался патриарх Феодосий, бывший также опекуном малолетнего императора, предостерегал протосеваста против крутых мер. Нельзя было не заметить к тому же, что городское население и уличная толпа не останутся безучастными к делу, за которое стоял патриарх. Между тем цесаревна Мария и супруг ее не выходили из церковной ограды. К ним присоединилось немалое число их приверженцев, равно как и таких лиц, которые боялись оговора и ареста.

Нашлись желающие оберегать священное убежище с оружием в руках. Правительство, чтоб избежать смуты, оказалось вынужденным вступить с цесаревной в переговоры, обещая ей амнистию. Но она ставила свои условия, требуя, чтобы назначено было новое следствие о заговоре и чтобы выпущены были на свободу несправедливо обвиненные. А главное — она настаивала, чтобы протосеваст, позорящий память ее предков, лишен был власти и удален от дворца. Но протосеваст не считал своего дела проигранным, влияние же его на царицу-мать было безгранично. Цесаревне отвечали приказанием покинуть церковную ограду, а в противном случае угрожали насилием. Тогда цесаревна оградила св. Софию цепью наемных людей из итальянцев, из армянских купцов и частью из греков. Как можно догадываться, последние меры не входили в планы патриарха и не могли заслужить его одобрения. По словам Никиты, он порицал цесаревну за то, что она зашла слишком далеко, хотя до конца оставался верным партии, враждебной протосевасту.

В последних числах апреля взаимное раздражение партий дошло до такого напряжения, что приверженцы цесаревны вступили в открытую борьбу с правительством. Борьба на многолюдных улицах города и на площадях продолжалась семь дней. С этим вместе начинается роковая эпоха движения, перешедшего в народ и изменившего свой первоначальный характер. Личные мотивы цесаревны и регента Алексея протосеваста должны были отступить на задний план перед народным недовольством иностранцами, на которых издавна опиралось правительство. Столичные беспорядки конца апреля и начала мая, потушенные наемными отрядами, были предвестником страшной смуты, роковой по своим последствиям для империи.

Евстафий Солунский, сообщающий мало внешних подробностей о восстании против правительственной партии, дает, однако, понять мотив и напряжение смуты. «Это была священная война, — говорит он, — не потому, что церковные люди принимали в ней участие или что она началась в ограде и притворах церкви св. Софии, но по мысли, которая воодушевляла константинопольскую чернь». Народные страсти возбуждены были систематическим пренебрежением правительства к интересам населения и частью основательным опасением, что ромэям неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если не будет дано решительного отпора. Эта сторона дела со всею правдивостью отмечена Вильгельмом Тирским, посетившим Константинополь за год до смерти Мануила: «Время регентства Алексея протосеваста казалось удобным для знати и народа к осуществлению враждебных против нас планов. Ибо в царствование Мануила латиняне пользовались таким предпочтением, что император, муж великодушный и несравненной энергии, пренебрегая своими изнеженными и женственными греками, одним латинянам поручал важные дела, полагаясь на их испытанную верность и силы. И поелику

латиняне пользовались его отличным расположением и расточительною щедростью, то наперерыв спешили к нему со всего мира и знатные и незнатные. Нуждаясь в их услугах, он питал к ним все увеличивавшееся расположение и всех возводил в лучшее состояние. Оттого греческая знать и в особенности царские родственники и весь народ возымели непримиримую ненависть к нашим; к напряженному недовольству и кипящей ненависти присоединялась и разность вероучения. Надменные выше меры и по гордости отделившиеся от римской церкви греки считают еретиками всех тех, кто не следует их произвольным традициям. Уже издавна питая враждебные чувства, они выжидали удобного случая, чтобы хоть по смерти императора истребить ненавистных латинян, живших в городе и в областях империи». Задача Андроника клонилась к тому, чтобы овладеть этим народным движением против латинян и воспользоваться им для достижения своих целей. Так именно и понималась сначала миссия Андроника; ею объясняется весь успех его в борьбе с правительством Алексея II.

Главнейшие лица враждебной протосевасту партии находились в переписке с Андроником и сообщали ему о ходе движения в Константинополе которое и было направляемо согласно с его инструкциями. Семидневная свалка на улицах столицы приготовлена была, как можно догадываться, не цесаревной и не сыновьями Андроника, а рукой более опытной, и поддерживалась во имя более популярное. Что имя Андроника было знакомо народу и пользовалось уважением, в этом нельзя сомневаться: в народе пелись песни про богатую приключениями жизнь Андроника, про его переменную судьбу и рыцарские похождения. Стоило только объявить ему о национальном деле, чтобы поднять народ против существующего порядка и слабого правительства.

Судьба цесаревны Марии, нашедшей не совсем полную безопасность под защитой церкви, неуступчивость протосеваста, бесцеремонно пользовавшегося случайными правами, заключение под стражу высших сановников — все это служило поводом к сборищам и давало ораторам случай разжигать народные страсти. Предпочтение, оказываемое иностранцам и новым правительством, оскорбляло народное самолюбие и давало приверженцам Андроника прекрасный случай, указывая на роскошные дома пришельцев и на экономическое положение народа, сулить в близком будущем освобождение от ненавистной тирании. Однажды во время церковной процессии, собравшей огромные массы народа на площади Августеон, толпа произвела буйную демонстрацию против протосеваста и регентши. Некоторые клирики, став во главе толпы с крестом и иконами в руках, разошлись по населеннейшим частям города, волнуя народ и поднимая его на священную войну. Приверженцы правительства подверглись ожесточенной мести толпы, которая несколько дней сряду буйствовала по улицам

города, разрушая дома богачей и расхищая имущество. Роскошные дворцы эпарха города и прокурора верховного суда Пантехни наряду с другими отмечены были в числе жертв народной мести. При этом погибли или были истреблены акты, утверждавшие права привилегированных классов. Протосеваст желал сначала овладеть местом, откуда выходили волновавшие народ воззвания. Но храм св. Софии и прилегавшие к нему здания обращены были в укрепленный лагерь, на который нужно было действовать не одною только силой, но также и искусством.

Утром 2 мая предводитель царского отряда армянин Савватий занял смежный с Августеоном храм Иоанна Богослова и с крыш этого здания завязал перестрелку с цесарианцами, владевшими башней Милион и храмом Алексея. Другой царский отряд в то же время отрезал тесные улицы и переулки, по которым могли прибывать к цесарианцам новые подкрепления. Здесь на улицах, идущих от Августеона, началась борьба, продолжавшаяся весь этот день. К вечеру толпы народа были разогнаны царскими войсками, защитники башни Милион и церкви Алексея также покинули свои места, и тогда началось поспешное бегство к притворам св. Софии. Патриарх Феодосий, чтобы предупредить побоище в самом храме, так как царский отряд стоял уже почти при входе, вышел в облачении в притвор и увещал не нарушать святости места. Правительство усмирило, казалось, бунтовщиков; но победа досталась ему дорогой ценой, ибо народ разошелся по домам с затаенной злобой, «питая в душе измену». В ночь патриарх послал просить царицу-мать за цесаревну Марию, к его просьбе присоединили свои ходатайства великий дука Андроник Контостефан и великий этериарх Иоанн Дука. Им удалось в ночь на 3 мая выхлопотать полную амнистию цесарианцам, после чего цесарь и цесаревна Мария оставили ограду св. Софии.

В это время передавали в Константинополе слухи об Андронике, говорили, что он не потерпит поругания престола и отомстит протосевасту за все его несправедливости. Ораторы, восхваляя Андроника, приводили одно древнее предсказание, по которому ему обещана царская власть; доказывали, что он один в состоянии принять под защиту народное дело как человек умудренный опытом и летами и не зараженный латинским влиянием. В самый разгар борьбы вооруженных партий, когда народ был оттеснен от храма св. Софии и принужден спасаться бегством, не раз по толпе пробегала молва, которой доверяли разгоряченные головы: «Вот идет Комнин, остановился близко, около статуи коровы, против пролива». Другие же и сами верили и уверяли других, что Андроник уже с ними, что он сражается в их рядах. Действительно, можно удивляться, почему в самом деле Андроник не явился в Константинополь к маю 1182 г. Если его имя было так популярно в Азии, как в столице, то его дело могло считаться выигранным уже в это время.

По мере приближения к столице Андроник посылал воззвания к жителям городов, предлагая им сдаться. Иоанн Дука, правитель Никеи, едва ли не родной брат протосеваста, сохранил этот важный город в верности регенту. Точно так же отверг предложения его Иоанн Комнин, правитель Фракисийской фемы. Но эта неудача мало беспокоила смелого искателя приключений. Более мог повредить ему решительный удар со стороны императорского войска, которое поручено было набрать Андронику Ангелу. Но этот царедворец давал иное употребление денежным средствам, полученным на наем военных людей, и выставил против отряда пафлагонцев, подкрепленного горстью земледельцев, весьма слабые силы. К стыду империи, пафлагонцы разбили Андроника Ангела при местечке Карак, и сам вождь, не желая подвергаться ответственности и давать отчет в растрате сумм, передался Андронику Комнину с шестью своими сыновьями.

Измена Андроника Ангела поставила Алексея протосеваста в весьма затруднительное положение, показав ему, чем силен его противник и как мало вокруг него людей, на которых он мог бы положиться. Между тем Андроник Комнин направился прямо к столице и расположился со своими приверженцами в Халкидоне, на противоположном берегу пролива. Так как с ним был все же незначительный отряд, то, чтобы произвести впечатление на жителей столицы и отнять у них охоту поддерживать протосеваста, Андроник распорядился раскинуть палатки на возвышенных местах берега и, посадив часть своих людей в рыбачьи лодки, приказал им разъезжать по проливу на виду у жителей столицы. Установились сношения одной стороны с другою. Андроник со всеми был ласков и приветлив и всех уверял в близком вступлении в город. Протосеваст потерял голову и позволил Андронику много времени стоять в виду Константинополя, не принимая против него решительных мер. Он мог еще питать надежду выставить против Андроника иностранный флот, единственную силу, на которую в описываемое время могла опереться правительственная власть в Константинополе: поразительная слабость, постыдное банкротство! Иностранная колония привилегированных купцов и разного рода предпринимателей, будучи опорой правительства, служила в то же время главнейшим мотивом движения против того же самого правительства, которое росло с приближением Андроника. Лучше, чем сами греки, понял это иностранец Вильгельм Тирский. «Не только те, которые явно переходили к Андронику, ослабляли нашу партию, но и все другие знатные и народ уже не тайно, но явно высказывали свое расположение к Андронику. Вследствие того наши, страшно пораженные, боялись неожиданного нападения на них греков, будучи о том предуведомлены некоторыми участниками заговора».

Итальянцы, по преимуществу венецианцы, готовы были пожертвовать всеми наличными силами, чтобы предотвратить собиравшуюся на них

грозу. Для правительства же оставалось неизбежною и роковою необходимостью воспользоваться услугами иностранцев против народного движения. В Константинополе поспешили собрать годные к употреблению латинские и греческие суда. Протосеваст желал было дать начальство над флотом кому-нибудь из близких лиц, но и здесь должен был уступить обычаю, чем и погубил в конце свое дело. Тогдашний великий дука флота Андроник Контостефан настоял на том, чтобы флот поручен был непременно ему. Несколько дней провел он в бесполезном движении около берегов, желая, повидимому, положить конец перебегам из столицы в лагерь Андроника и наоборот; наконец, вошел в тайные сношения с халкидонским лагерем и предался со всем флотом на сторону Андроника Комнина. Последний выразил свое удовольствие по этому случаю, устранявшему последние препятствия на пути в столицу, в следующих словах, обращенных к Андронику Ангелу: «Вот я посылаю ангела рода моего пред лицом твоим, который приготовит путь твой пред тобою». Для полноты характеристики положения следует упомянуть еще об одном лице, которому пришлось играть важную при Андронике роль: это — будущий патриарх Георгий Ксифилин. Протосеваст возложил на него поручение переговорить с Андроником об условиях, на которых тот согласился бы оставить свои угрожающие намерения и распустить войско. Говорят, что Ксифилин уверил Андроника в успехе его дела и внушил ему отнюдь не соглашаться на предложение протосеваста. Он принес в Константинополь решительный ответ, что требования Андроника заключаются в строгом суде над регентом и в устранении от дел матери-регентши.

Андроник Комнин обязан был своими успехами главнейше доброхотству партии греческих аристократов, которая в свою очередь приготовила политический переворот, разжигая вражду между пришлым привилегированным классом столицы и греками. Целый квартал в Константинополе предоставлен был итальянцам, которые считали себя опорой империи и не скрывали пренебрежения к презренным ромэям. Но Алексей протосеваст был виновником усиления иноземного влияния. Он желал пользоваться услугами венецианского флота в той же мере и в тех же обстоятельствах, как не раз это случалось при царе Мануиле. Но теперь, ввиду подстрекательств со стороны приверженцев Андроника, а также ввиду надежд на перемену правительства, народное чувство сказывалось в весьма резкой форме. На городских площадях собирались сходки, на которых открыто говорилось, что регентша и протосеваст, потеряв любовь ромэев, ищут спасения в латинянах, что протосеваст поступился честью и независимостью империи, «обещая отдать латинянам город и обратить греков в рабство». Эти слухи, распускаемые слишком усердными слугами Андроника и его приверженцами, произвели сильное возбуждение умов и вызвали наружу самые темные элементы населения

и необузданные инстинкты. Возбужденной массе нужна была жертва — точно так же, как она нужна была родовитой греческой знати, явно и тайно поощрявшей Андроника. Призрачная власть еще находилась в руках протосеваста, когда более сильная невидимая рука начала уже заправлять делами. Из государственной темницы выпущены были сыновья Андроника и много других лиц, обвиненных в заговоре на жизнь протосеваста. Вскоре сам протосеваст был арестован во дворце и несколько дней содержался под крепкою стражей варягов. Затем, сопровождаемый шутовской процессией, он был отправлен в лагерь Андроника и присужден к ослеплению. Ослеплением протосеваста удовлетворена была часть сподвижников Андроника, родовая аристократия. Нужно было принести другую жертву в удовлетворение массы народа.

По требованию исторической правды мы должны заметить, что страшное избиение латинян в Константинополе случилось еще прежде, чем Андроник успел переправиться из Халкидона в столицу.

Легкий успех, с которым Андроник достиг популярности в Константинополе и получил в свои руки высшую власть, обусловливался двумя обязательствами, принятыми им на себя и имевшими составить программу его царствования. Он обязывался, во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинян, во-вторых, ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, причем предполагался ряд мер, имевших целью обеспечить благосостояние земледельческого сословия. Эти обязательства обусловливали деятельность Андроника и привели его к роковым коллизиям. Его сила и обаяние заключались в ожидаемых от него реформах. Связанный событиями, он едва ли мог предупредить кровавую расправу с венецианцами. Он был еще на другой стороне пролива, когда отряд пафлагонцев сел на суда и переправился на другой берег. Городская чернь, встретив этот отряд, повела его к Золотому Рогу, где была колония латинских купцов, живших в довольстве и роскоши, числом до 60 тысяч. Многие из них успели спастись поспешным бегством, пользуясь близостью моря, многих постигла, однако, страшная участь и зверское истребление. Многочисленная толпа с остервенением набросилась на латинские жилища и не давала никому пощады, без разбора пола и возраста. На море гонялись с греческим огнем за отплывавшими кораблями, на суше встречали мечом бегущих. То не был только грабеж и расхищение богатых домов, то было беспощадное истребление целого племени. Кто не выходил из домов из боязни или за слабостью сил, тех запирали и сожигали. Богатый иностранный квартал обращен был в дымящиеся развалины. «Там, — говорит Евстафий Солунский, — сеяли семя, из которого выросли колосья. Мы и другие вместе с нами пожали их потом на ниве Персефоны». В опьянении толпа шла от частных домов к церквам и благотворитель-

ным учреждениям, причем были разрушены многие церкви, перебиты духовные лица, а между последними и папский посол Иоанн, преданный позорному поруганию и обезглавленный. В странноприимном доме Иоаннитов перебиты были лежавшие на постелях больные. Говорят, что до 4000 венецианцев, генуэзцев и сицилийцев были проданы в плен туркам и другим восточным народам. «Так неистовствовали безбожные греки против своих гостей, за которых выдавали замуж дочерей, племянниц и сестер и с которыми вследствие долговременного сожительства были в тесном общении».

Греки дорого, однако, поплатились за минутное торжество. В то же время, как происходила в Константинополе описанная расправа с иностранцами, часть их, успевшая заблаговременно сесть на суда и спастись, с таким же ожесточением, как и греки, напала на селения и города по Босфору и на Принцевых островах. Монастыри, многочисленные в окрестностях Константинополя, подверглись грабежу и пламени, монастырская братия была перебита. Латиняне вознаградили свои убытки награбленными здесь веками копившимися церковными и частными имуществами. Вышедши в море, итальянцы не переставали опустошать прибрежные области и нанесли империи бесчисленные бедствия. Все эти беглецы, ушедшие частью на запад, частью на восток в Сирию, глашатаи о греческом варварстве, свидетельствовали об огромных потерях, понесенных латинским Западом на Востоке, и старались распространять мысль о неумолимом возмездии. Событиями 1182 г., действительно, если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды Запада к Востоку. С этими событиями нужно соединять и сицилийский поход в 1185 г. и завоевание латинянами Цареграда в 1204 г.

События складывались весьма благоприятно для Андроника. Влияние при дворе и в высшей администрации, по устранении протосеваста Алексея, получили сыновья Андроника. Приверженцы его свободно приходили к нему в лагерь и принимали от него инструкции. Городское население давно уже приготовлено было к встрече Андроника. Но он не спешил в столицу и откладывал торжественный въезд до апреля 1183 г. В это время появилась комета, которая истолкована была как небесное знамение, указующее судьбы империи. Многие охотно верили, что она прямо связана с судьбой Андроника. Если партия Андроника была уже многочисленна в Константинополе, то нет ничего удивительного, что появление кометы объяснено было в благоприятном смысле и послужило новым основанием к возвышению популярности Андроника. Провидение, казалось, отличает для греков своего избранника, давая им в смутное время давно желанного, лучшего царя.

Период реакции по смерти Мануила, в которой Андронику суждено было играть главную роль, в высшей степени привлекателен для историка

во многих отношениях, хотя и достаточно обследован с точки зрения радикальных реформ, которые — искренно или нет — предположены были Андроником в удовлетворение национальной партии, способствовавшей его возвышению.* С одной стороны, обаятельный образ Андроника и его рыцарские романические похождения, составляющие благодарный предмет для романа,** с другой — жестокие и бесчеловечные поступки с царицей-вдовой, с племянником своим, царем Алексеем, и с византийской аристократией, возбуждающие отвращение в душе читателя, и, наконец, громадного значения для тогдашней Византии программа, которая не может не подкупить в пользу этого истинного злодея на царском троне, — таковы крайние противоречия, которые и до сих пор возбуждают недоумение у исследователей истории Андроника.

Первым делом по вступлении в Константинополь в апреле 1183 г. было торжественное проявление покорности и почтения к царю Алексею, который с матерью находился в Манганском дворце. Спустя некоторое время была посещена усыпальница Мануила в церкви Пантократора. Присутствовавшие были поражены выражением глубокой скорби, которую обнаружил Андроник; но многие иначе поняли эту сцену и слезы Андроника называли актерством. Скоро, однако, истинные чувства и намерения Андроника стали для всех ясны. Прежде всего он постарался принять на себя правительственные задачи и для этого постепенно устранил от дел своего племянника, которому предоставил развлечения и игры, и его мать с ее приверженцами. В то же время он с особенной настойчивостью стал преследовать представителей родовитого дворянства, отнимая у них должности и по доносам и подозрениям лишая свободы и подвергая изгнанию и казням. Из сопровождавшего его и прибывшего с ним в столицу отряда пафлагонцев он устроил как бы своего рода опричнину, из членов которой выбирались заместители высших должностей и которая составляла верную стражу Андроника. Первой жертвой был Иоанн Кантакузин, который был лишен зрения и заключен в темницу по подозрению в том, что сносится с дворцом царя Алексея II и поддерживает связи со своим шурином Константином Ангелом, в котором Андроник стал подозревать опасного для себя врага. Смелый удар был затем нанесен царской семье: цесаревна Мария, бывшая в замужестве за маркграфом Райнером, была отравлена, а вскоре за ней погиб и ее муж. Никто не сомневался, что отрава была дана по приказанию Андро-

* Fr. Wilken. Andronicus Comnenus. Raumer's Histor. Taschenbuch, 2. 1831; Tafel. Komnenen und Normannen. Ulm, 1852. (Работа Тафеля вышла в 1870 г. в Штуттгарте вторым изданием, — Ред.); Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник. ЖМНП, 1880, ноябрь—декабрь.

** J. Pervanoglou. Historische Bilder aus dem byzantinischen Reiche, I. Andronicus Comnenus. Leipzig, 1879—1880.

Церковь Иоанна Богослова в Охриде (обновлена при Стефане Душане).

Стара Слава и Величино славне задужбине српских царева, краљева и вельможа у средњем веку, I, Београд, табл. 2.

ника. Слишком встревожила высшее дворянство политика Андроника, начались попытки вооруженной борьбы. Первый опыт обнаружился в восстании Иоанна Комнина-Ватаци, великого доместика, который из Филадельфии начал движение против Андроника. Неожиданная смерть Ватаци на время прекратила смуту, но скоро был обнаружен заговор, в котором приняли участие высшие чины: Андроник Ангел, начальник флота Контостефан, логофет дрома Каматир. Но заговор был открыт, и виновников постигли страшные наказания и конфискации имущества. Чувствуя под собой твердую почву, Андроник принял затем меры к удалению правительницы Марии. Сначала против нее возбуждено было народное раздражение как против иностранки, под влиянием которого патриарх должен был дать согласие на удаление ее из дворца. Не довольствуясь этим, Андроник, чтобы окончательно погубить ее, пустил в народ слух, что она состоит в сношениях с угорским королем и подстрекает его на войну с империей. Над царицей было наряжено следствие, и напуганные самовластными действиями Андроника судьи присудили ее к смерти по обвинению в государственной измене. Верхом жестокого издевательства было то, что судебный приговор о казни царицы поднесен был для подписи сыну ее. «Бумага, — говорит историк Никита, — написанная брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть, вручена была для исполнения самому близкому Андронику человеку, сыну его Мануилу; но у него оказалось еще столько чувства справедливости и сознания ужаса совершенных злодейств, что он решительно отказался пачкать руки в этом грязном деле. Андроник, пораженный этими словами, стал крепко крутить волосы своей бороды, глаза его горели, и он, то склоняя голову, то поднимая ее, горько оплакивал свою несчастную судьбу» . . . Несчастная царица после этого была задушена в монастыре св. Диомида приспешниками Андроника, которые отравили и порфирородную Марию, — то были Константин Трипсих и евнух Птеригионит. Для достижения предположенной цели единственным препятствием был теперь патриарх, но и он скоро удалился от дел, когда Андроник стал убеждать его благословить незаконный брак своей дочери с побочным сыном Мануила, рожденным принцессой Феодорой, с которой Мануил имел связь. Когда на место несговорчивого Феодосия был назначен в патриархи Василий Каматир, главнейшие препятствия к решительному шагу казались устраненными. В сентябре 1183 г. Андроник без всякого протеста провозгласил себя соимператором, а на другой день льстецы стали ему внушать, напоминая стих Гомера: нехорошо многовластие, лучше быть одному царю. Не прошло и месяца после венчания на царство, при котором он торжественно клялся, что принимает эту тяжелую обузу только из желания помочь племяннику, как во дворце произошло многими ожидаемое, но вместе с тем редкое по своей исключи-

тельности событие: царь Алексей II был удавлен, и престол оказался свободным для Андроника. Когда Стефан Агиохристофорит, Константин Трипсих и Феодор Дадиврин принесли к Андронику тело царя, «он толкнул его ногой и обругал его родителей, назвав отца клятвопреступником и насильником, а мать публичной женщиной. Потом иглой проколол ему ухо, продел нитку, наложил воск и приложил печать, что была на перстне Андроника. Затем было приказано отрубить ему голову».* Так погиб 15 лет от роду Алексей II Комнин. Обрученная за него дочь Людовика VII, которая имела не больше 11 лет, сделалась жертвой старческой похотливости жестокого тирана. Это не было, однако, последним из возмутительных действий Андроника. Сделавшись единодержавным, он не имел уже тех побуждений к преступным убийствам и отвратительным действиям, которые могли служить некоторым объяснением его бесчеловечных поступков с царской семьей и с византийской аристократией. Тем не менее основной характер его отношений к людям остается тот же. Есть одно обстоятельство, которое до некоторой степени может бросить иной свет на внутреннюю политику этого царя. Характер Андроника не может быть оцениваем исключительно с точки зрения полуофициальной отрицательной литературы, которою мы располагаем. Этот последний представитель династии Комнинов имеет в истории провиденциальное значение: он был — или по крайней мере казался — царем народным, царем крестьян. О нем пелись в народе песни и слагались поэтические повествования, след которых хранится в летописи и в приписках на неизданных рукописях истории Никиты Акомината.**

Конечно, для Андроника было весьма важно воспользоваться народным настроением и пустить в оборот слух, что он, действительно, является носителем либеральной программы, которая исцелит все злобы, народившиеся в последнее время. Независимо от сказаний, услужливо истолкованных в пользу Андроника его приверженцами, о добром царе, который должен явиться в тяжкий период испытаний и спасти империю от бедствий, мы имеем указание на реальный повод для подобных народных взглядов на миссию Андроника в современных событиям литературных памятниках. Таковы, между прочим, речи и письма афинского митрополита Михаила Акомината, которые представляют превосходный материал для внутренней истории Византии и в частности для города Афин в XII в. и из которых бьет живая струя оригинальных наблюдений по занимающей нас эпохе. Михаил жил в Константинополе до смерти царя Мануила, был очевидцем

* Все подробности у Никиты Акомината, стр. 354—355.

** Для оценки характера см. ряд моих статей в ЖМНП: «Царь Алексей II и Андроник» (1880, ноябрь—декабрь) и «Неизданные речи и письма Михаила Акомината» (1879, январь—февраль).

и непосредственным деятелем в событиях, последовавших за смертью его, и посвящен в епископы при Алексее II, а в Афины прибыл ранее того времени, когда в октябре 1183 г. Андроник погубил племянника и захватил царскую власть. Можно отсюда понять, какую важность следует придавать его сообщениям, касающимся политических событий того времени. На период регентства Андроника от мая 1182 г. до сентября 1183 г. падает речь митрополита афинского к претору Просуху, посланному в Грецию правительством с обширными полномочиями. Если рассматривать это как первый акт административной деятельности Андроника, то мы должны поставить его в связь с теми ожиданиями национальной византийской партии, какие соединялись с именем Андроника. Выступая с приветствием к византийскому вельможе, оратор должен был коснуться современных событий, касающихся столицы, и вместе с тем затронуть местные нужды. Выразив благодарность регенту Андронику и царю Алексею за заботы об империи, митрополит говорил следующее: «Мы пользуемся отменным счастием в выборе и назначении сюда во всех отношениях прекрасного мужа. Ибо эта мысль не иному кому принадлежит, как общему ходатаю и заступнику мудрому Комнину, высокое же и гуманное осуществление ее есть дело божественного нашего императора. Она возвратила прежний блеск преторской власти, недавно искаженной нерадением тех, которые неправильно ею пользовались. Ты послан сюда от бога и царя, благодетель бедных, пресекатель неправды, устроитель справедливости, носитель правого суда, мститель за обиды. Таковым желают тебя встретить страждущие города Эллады и Пелопоннеса. Мы издавна убедились, что ты кроток с бедными, страшен же любостяжателям, что ты защитник угнетенных и враг насильников, не склоняешь ни направо ни налево весы Фемиды, имеешь чистые от взяток руки. Мы знаем, как ты любишь домы божии, как почитаешь священных служителей... Те страшные бедствия, в которые впала Эллада и от которых она чуть не умерла, исчезнут при содействии такого искусного врача; он не пощадит зараженных членов, чтобы не распространилась гангрена и не поразила все тело городов; он ослабит вымогательства сборщика податей и не доведет города до конечного разорения. Я надеюсь, что дарованными тобой благами насладится вся Эллада и Аргос, в особенности же моя Аттика и золотой некогда город Афины. Этот город, превосходивший все другие и блиставший, как луна среди окружающих ее звезд, ныне же померкший, одетый в печальное платье и лишенный золотых волос, поручил мне передать тебе следующее: как благовременно ты явился ко мне, мой освободитель. Взгляни на пресловутый город, как сокрушило его время и как его посетили затем разнообразные бедствия: осталась почти необитаемая деревня, которая узнается лишь по имени и почтенным останкам. И вот я, некогда рассадник всякой мудрости и вождь доблестный,

в пеших и морских боях часто одерживавший блистательные победы, ныне страдаю от набегов пиратов и грабежей в приморских селениях и борюсь с голодом и жаждой и бедностью».* Не дальше как через год после того митрополиту афинскому случилось приветствовать нового претора Димитрия Дрими. В этой речи мы снова встречаемся с описанием бедственного положения современных Афин и вместе с тем имеем указания на административные реформы Андроника Комнина, о которых в летописи почти не сохранилось следов.** «Почти их, — говорил оратор, — Афины, облобызай землю красноречия, мудрый муж, только удержись от слез и не омрачай настоящего торжества. Ибо я вижу, что у тебя навертываются слезы при взгляде на город Афины, который так утратил, не говорю прежний блеск — давно уже нет его, но и самый вид и порядок, соединяемый с мыслью о городе. Взгляни на стены, частью полуразвалившиеся, частью совсем разрушенные, на эти здания, сравненные с землей и покрытые дикой травой, на этот как бы бешеный пир грабителей. Не трудись напрасно искать следов Илиэи, Портика или Ликея: увидишь разве каменистый холм Ареопага, ничего священного, кроме обнаженного куска скалы, да разве еще небольшой остаток изящной стои... Музы и Хариты, философия и софистика покинули Аттику, ее унаследовала крестьянская и варварская речь». Узнав далее, что претор послан царем Андроником с целью восстановить в Элладе правый суд, оратор переходит к характеристике Андроника. «Трудно было бы даже кратко сказать о делах царя и воздать им приличную хвалу. Но если и невозможно передать всего, что мы слышали и что повествовали нам те, которые возвещали хвалы царю, то не отказываемся бросить беглый взгляд на то, что мы сами знаем и что видели собственными глазами. И прежде всего вспомню, как в смутную и тяжкую годину Ромэйская империя воззвала к своему прежнему любимцу, великому Андронику, дабы он низверг уже напиравшую латинскую тиранию, как полынь, привившуюся юной отрасли царства. И он не громадную пешую и конную силу вел с собой, но, вооруженный справедливостью, шел налегке в любящий город... Первое, чем он воздал столице за ее чистую любовь, было освобождение от тиранической и латинской наглости и очищение царства от варварской примеси. Потом изгоняет тех, которые с детской навязчивостью домогались империи и волновали монархию, разрывая ее на многовластие. Увы, какой потоп угрожал царственному городу, или, лучше сказать, стоящему над ним всему миру, пока не взялся за руль управления этот искусный кормчий. Какая же теперь

* Σπ. Λάμπρος. Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. (Ἐν Ἀθήναις, 1880,
** Ibid., I, p. 157.

тишина улыбается и приготовляет помазанному царю елей радости». Хотя и трудно из хвалебного риторического произведения извлекать реальные факты, но все же Михаил Акоминат дал несколько определенных на этот счёт указаний. Прежде всего говорится о судебных реформах, в особенности о привилегии в пользу церкви. Правда, что выражение «он удостоил священное сословие созаседания и участия в высочайшей чести» нуждается в дополнительных объяснениях, но весьма вероятно, что данные духовенству преимущества стояли в связи с освобождением Андроника от присяги, данной им царю Мануилу, насчет оберегания прав наследника престола. Право патриарха на кресло возле императорского трона, будучи внешним выражением данных ему преимуществ, едва ли должно быть истолковано в смысле дарования духовенству прав на участие в суде рядом со светскими судьями. Но главным средством, привлекшим к Андронику народные симпатии, были, конечно, его судебные преобразования: от мудрости царя не укрылось, чем болеют ромэйские города: то ненасытные сборщики податей, то горсть богачей, напавшая на сохранившееся после них и поглотившая достояние Рима. В предупреждение этого на каждый округ поставлен судья, «дабы он раскаленным железом справедливости пресекал заразу любостяжания». Между самыми популярными мерами нового царя особенно выдвинута оратором мера по обеспечению вдов и сирот реформами законов о наследовании.

Заявив себя крестьянским царем и приняв на себя задачу очистить империю от иностранцев и от родовитых людей, имевших за собой влияние на дела и большую земельную собственность, Андроник не совсем точно рассчитал состав сил, какими он располагал. Высшие круги гражданского и военного сословия сплотились между собой ввиду угрожавшей им опасности и начали против Андроника как открытую, так и тайную борьбу, которая велась с таким уменьем и настойчивостью, что в ней победа оказалась на стороне первых. Открытое восстание обнаружилось в малоазийских городах: Никее, Бруссе и Лопадии. Душой движения были Кантакузины и Ангелы, но дело этим не ограничивалось и перешло в общее недовольство, обнаружившееся на окраинах империи. В особенности громадное значение в судьбе Андроника имели два обстоятельства: отпадение Кипра, где провозгласил себя независимым Исаак Комнин-Дука, и завоевание Солуни норманнами.

Короткое царствование Андроника не могло представить ни для крестьянского сословия, ни для ремесленного константинопольского населения ручательства, что введенный им порядок прочен. Напротив, продолжавшиеся казни, заточения и конфискации имущества не могли служить залогом успокоения и мирного устройства дел в потрясенной последними событиями империи. Популярность среди уличной толпы, к чему, повиди-

мому, так стремился Андроник, была весьма ненадежной порукой за будущее.

Разыгравшаяся в столице трагедия, жертвой которой был последний представитель Комнинов, имела место в сентябре 1185 г., т. е. через два года после венчания Андроника на царство. В то время как он продолжал защищать себя против действительных и мнимых врагов жестокими казнями и заточениями, его приверженцы посоветовали ему попытаться открыть тайных врагов посредством магии, при помощи лиц, искусных в отгадывании будущего. Злой гений царя Стефан Агиохристофорит донес Андронику, что от 11 до 14 сентября самым опасным оказывается имя, начинающееся с букв ИС. Сам Андроник посмеялся над предсказанием, так как отнес его к Исааку, объявившему восстание на Кипре; никак невозможно было допустить, чтобы в три дня Исаак мог прибыть с Кипра и низложить его. Но Агиохристофорит имел в виду другого Исаака, из фамилии Ангелов, который жил тогда в столице. Вечером 11 сентября он решился захватить этого Исаака и заключить его под стражу. Но, повидимому, жертва была подготовлена к сопротивлению, ибо Исаак нанес сильный удар Агиохристофориту и поразил его насмерть, сам же поспешно направился к храму св. Софии и искал защиты у алтаря. К счастью для него, в городе не было царя, и к св. Софии успели собраться родственники Исаака и большая масса народу, которая более сочувствовала его положению, чем палачам Андроника. К утру следующего дня стали высказываться пожелания, чтобы Исаак возложил на себя корону. Событиями начала управлять уличная толпа, открыты были темницы и выпущены из них заключенные. С оружием толпа окружила св. Софию и требовала провозглашения Исаака царем. Патриарх Василий Каматир был принужден совершить акт коронования и сопровождать нового царя по улицам города в торжественной процессии. Прибывший в город Андроник сделал попытку вступить в переговоры с толпой, но, видя, что на его стороне мало приверженцев, поспешил спастись из города бегством, переодевшись в простое платье. Спасшись на другую сторону Босфора, он имел намерение взять корабль и отправиться в Россию,* но сильная буря помешала ему своевременно пуститься в море. Его задержали посланные Исааком люди, привезли в Константинополь и заперли в башню Анемы. Затем, обремененного цепями, привезли к Исааку, который имел жесто-

* Акад. Ф. И. Успенский имеет в виду, очевидно, следующие свидетельства Никиты Акомината: 1) «ἡρετίσατο [Андроник] δὲ τὴν ἐπὶ τοὺς Ταυροσκύθας» (p. 452, ed. Bonnae); 2) «ὡς φυγάδα τὴν ἐπὶ τοὺς Ταυροσκύθας διαπλώϊσιν ἐπισπέρχοντα...» (ib., p. 454) *(Ред.)*.

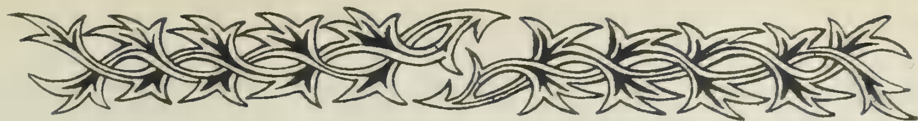
кость отдать его на поругание толпы. Последовала ужасная сцена издевательства над беспомощным стариком, закованным в цепи. С вырванными глазами и с отрубленной рукой он брошен был в темницу, где оставался без пищи и без всякого попечения. Через несколько дней его выводят на иподром и здесь подвергают новым издевательствам и бесчеловечным мучениям, среди которых Андроник испустил дух.*

* Подробный рассказ у Никиты Акомината: Nic. Acom., De Andronico Comneno, p. 448—458.

ОТДЕЛ

VII

РАСЧЛЕНЕНИЕ ИМПЕРИИ



Глава I

НОРМАННСКИЙ ПОХОД. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРИИ

насильственной смертью последнего из царей Комнинов начинается период внешних потерь и внутренних потрясений, период упадка и разрушения империи. В сущности только 20 лет прошло от вступления на престол Исаака Ангела до латинского завоевания и знаменитого акта распределения частей византийской империи между завоевателями, и нельзя, конечно, думать, что на царях из династии Ангелов лежит вся ответственность за беспримерный в истории провал всей хитрой системы, осуществлением которой служила византийская политическая и административная система. Тем не менее упомянутый кратковременный период представляет такое обилие фактов, свидетельствующих, с одной стороны, о распущенности и дегенерации высших классов византийского общества, с другой — об утрате центростремительной силы в идее самой империи и о преобладании таких стремлений, которыми окраины были отторгаемы от центра, что историку предстоит здесь особенно важная задача: дать посильное объяснение всемирно-исторических проблем. Еще более, чем

в предшествующих частях, мы находим здесь необходимым пожертвовать биографическими данными царей и административных чинов и остановиться главнейше на фактах, так или иначе подготовлявших почти неизбежную катастрофу.

Выше мы говорили, что более просвещенные умы отдавали себе отчет о современном ходе вещей. Так, в истории Никиты Акомината находим трезвый и не ослепленный пристрастием взгляд на современную правительственную систему. Вся история после Мануила есть постепенное и неудержимое падение могущества империи. Начало разложения кроется в том, что византийские вельможи стремились к независимости в провинциях и опирались на союзы с врагами-соседями, возбуждая их против отечества. Падение патриотизма и измельчание характеров объясняется тем, что цари были подозрительны ко всем выдающимся душевными и телесными преимуществами людям и старались устранить их со своей дороги. Истребляя лучших людей, они создавали себе такую среду, в которой могли беспутствовать без помехи. Получив власть, они теряли здравый смысл и забывали, чем они были за несколько времени.* Любя праздность и роскошь, они тратили государственную казну на частные нужды, а провинции поручали родственникам, которые также заботились лишь о своей наживе. В особенности Исаак и Алексей Ангелы своими поступками окончательно испортили дела империи. Алексей обманул ожидания греков так же, как и брат его Исаак. Объявив, что государственные должности не будут более предметом купли и продажи, он не сдержал обещания, так как царские родственники, привыкшие к хищениям казенной собственности, не допускали к царю никого, прежде чем не получат взятки, вследствие чего продажность должностей сделалась общим явлением. «Не только пролетарии, торговцы, меховщики и продавцы платья удостоивались за деньги почетных отличий, но скифы и сирийцы за взятки приобретали ранги».

Вот картинка из частной жизни Исаака. Он любил роскошь и богатый стол, одевался в пышные одежды, каждый день принимал ванны и натирался благовонным маслом. Окружал себя шутами, мимами и странниками и охотно слушал их сказки и песни; предавался вину и женщинам. Однажды он сказал во время обеда: подайте мне соли. Тогда его любимый шут, на основании созвучия слов ἅλας — соль и ἄλλος — другой, построил грубый каламбур, предложив государю попробовать сначала присутствующих за обедом, а потом требовать других. Он кощунствовал и оскорблял святыню употреблял за своим столом священные сосуды, снимал оклады с крестов и книг и делал из них цепи и украшения для своей одежды. Когда ему

* Места подобраны в моем сочинении: Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, стр. 53 и сл.

замечали, что этого не годится делать императору, он сердился, называл таких глупцами и утверждал, что у бога с царем все нераздельно. Наделал фальшивой монеты и выпустил ее как настоящую, увеличил подати и расточительно тратил казну; продавал должности, как овощи на рынке.

Несколько примеров беспорядочной правительственной системы рисуют время Алексея Ангела. Некто Лагос, получив начальство над государственной темницей, так извлекал доходы из своей должности. Не находя достаточным присваивать себе идущие в пользу заключенных подаяния, он стал освобождать самых ловких воров с той целью, чтобы они награбленное передавали ему, довольствуясь сами небольшой частью, какую заблагорассудит уступить им Лагос. Начались смелые грабежи и воровство. Хотя в городе было известно, кто виновник и где он находится, но было трудно достать до начальника темницы. Жалобы царю не достигали цели. Наконец, собралась толпа и подступила к темнице с намерением захватить Лагоса. Сам Лагос убежал, из темницы были выпущены заключенные, и началось сильное движение против императора. Только тогда мятеж был прекращен вооруженной силой. Цари Ангелы, как и в других отношениях были плохими правителями, так еще и особенности были жадны и корыстолюбивы. Им всегда нехватало средств, которые они расточали на роскошь и украшение, в особенности же на женщин. Часто нарушая мирные договоры, они наносили вред союзникам-венецианцам. В то время, как латинские крестоносцы подходили к Константинополю, здесь распродавался корабельный лес частным лицам, а адмирал флота Стрифн спускал в продажу паруса и канаты, гвозди и якоря и промотал оставшиеся еще во флоте длинные суда. Все примеры, приводимые современным писателем, свидетельствуют о том, что в высшем обществе угас дух патриотизма и выдохлось понятие о чести и достоинстве. Полное безразличие к общественному благу и погоня за личным счастием, понимаемым в узком смысле личного удовольствия, отличает деятелей изучаемого периода.

Мы, конечно, не можем здесь претендовать на разрешение проблемы, которая не перестанет никогда занимать мыслителей и которая раз была поставлена по отношению к Византии историком Гиббоном. Историк должен давать фактам надлежащее историческое освещение и группировать их по их внутреннему смыслу и взаимоотношению. В этом отношении небольшой период, который нас теперь занимает, представляет значительные удобства для освещения поставленной проблемы.

С точки зрения внешних событий, которые в большей или меньшей степени подготовляли катастрофу латинского завоевания, центральное место в хронологическом, а равно и в политическом отношении занимают факты, происшедшие на Балканском полуострове. Сюда относится, во-первых, поход норманнов, сопровождавшийся разграблением и временным занятием Солуни; во-вторых, освободительное движение в Болгарии, изме

нившее взаимное положение политических сил на Балканском полуострове. По отношению к тому и другому необходимо принять в соображение ряд обстоятельств или некоторых логических посылок, которыми они могут объясняться как необходимый вывод.

Вследствие чрезмерных и жестоких преследований Андроника против туземной аристократии и в особенности после изгнания итальянских торговых людей из Константинополя в 1182 г., нанесшего громадные потери иностранной колонии, между сицилийскими и южноитальянскими норманнами поднялось большое движение против византийского правительства, которому король Вильгельм II охотно позволил выразиться в военном предприятии против империи. Немалое значение имело и то обстоятельство, что в Сицилию бежал один из важных вельмож, спасаясь от преследований Андроника: это был Алексей Комнин, внук Мануила, который мог сообщить сицилийскому королю о направлении дел в империи и о расположении умов против Андроника. Следует вспомнить о вековой вражде норманнов к империи, чтобы понять готовность, с которой Вильгельм поспешил воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Нашелся притом же реальный повод к вмешательству в дела империи в лице самозванца псевдо-Алексея, который появился в сицилийском военном лагере и который намеревался сопутствовать норманнам в походе. Была составлена большая военная экспедиция из морских и сухопутных сил. Флот под начальством племянника короля, Танкреда, и адмирала Маргаритона отправлен прямо в Солунь, а сухопутному отряду поручено было высадиться в Драче и двинуться обычным путем в Македонию. 24 июня 1185 г. город Драч сдался без сопротивления, а в начале августа графы Ричард и Балдуин, командовавшие сухопутным войском, подступили к Солуни, куда 15 августа подошли и морские суда. Припомним, что в Константинополе в это время происходила ожесточенная борьба между Андроником и представителями служилой аристократии, которые подготовляли решительный и последний удар крестьянскому царю. Этим обстоятельством следует объяснять, что ни в Фессалии, ни в Македонии норманнам не было оказано сопротивления. Как первый город империи, имевший громадное торговое и военное значение, Солунь, конечно, не могла быть легкой добычей неприятеля. Но, действительно, момент был весьма благоприятный для нападения, так как оказалась вполне атрофированной сила сопротивления в империи. Хотя Андроник поручил защиту Македонии своему сыну Иоанну, но он все время оставался в Филиппополе и не доставил в Солунь необходимых подкреплений. Прекрасная история завоевания Солуни, составленная современником и очевидцем Евстафием,* обстоя-

* Eustathii, metropolitae Thessalonicensis, opuscula, ed. T a f e l. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 268.

тельно знакомит с психологическим настроением и стратига Давида Комнина, и городского населения. Первый, находясь под страхом гнева и недоверия Андроника, относился к нападению норманнов как к желательному событию, которое могло быть ему лично даже полезным. Он ни разу не принял личного участия в защите города, «подавляя отвагу граждан подобно тому, как негодный охотник мешает лучшему порыву собак». Не предприняв сам никаких решений, он посылал в Константинополь ложные известия, что все обстоит благополучно, и допустил такие распоряжения, которые подрывали веру в него среди населения города. Так, он позволил заблаговременно выбраться из города наиболее состоятельным жителям, с которыми вышла масса людей, годных к несению военной службы. В упрек ему следует поставить еще и то, что он не озаботился заготовкой воды в большой цистерне акрополя и не сделал запасов продовольствия. Все это имело решительное влияние на недостаточную силу сопротивления Солуни осадившим ее норманнам. Гарнизон был очень слаб для службы на стенах, большая часть его состояла из иностранцев, между которыми отличался болгарский отряд. Но все благородные усилия нескольких патриотов мало принесли пользы вследствие бездеятельности и неспособности Давида Комнина. Между тем как неприятель днем и ночью бил стены приставленными машинами и утомлял защитников постоянными попытками завладеть тою или другой частью укреплений, в городе начал чувствоваться недостаток в продовольствии и в воде. Осада продолжалась девять дней; норманны подкопали стену с восточной стороны и ворвались в город 24 августа 1185 г.

Последовало страшное убийство беззащитного населения и грабеж богатого торгового города. Норманны заняли городские дома и хозяйничали в них как у себя, оставшиеся в живых жители обречены были на голод и проводили ночи под открытым небом. Среди общественного бедствия на высоте своего положения был знаменитый афинский архипастырь. Он сначала оставался в акрополе,* но недостаток воды и отсутствие припасов побудили его сойти в город и поселиться в митрополичьем доме. Здесь однако он оказался беззащитным против норманнов. Его схватили и как пленника поместили на корабль пирата Сифанта, который, как впрочем и все норманнские суда, наполнен был пленными и награбленными вещами. После продолжительных переговоров о цене выкупа, который с четырех тысяч перперов постепенно понижен был до пятидесяти, Евстафий получил наконец свободу и возвращен к своей кафедре. Очень любопытны сношения митрополита с норманнскими властями. «Когда мы совершали священные песнопения в храме великого Димитрия Мироточивого около его раки, в боковом корабле храма, наши враги пели свои гимны, подавая ответ

* Eustathii. De Thessalonica a Latinis capta, c. 90, p. 294.

на наши голоса и желая пересилить наше благолепное пение своими гнусливыми и негармоничными голосами, а также выкрикиванием текстов из евангелия, доводили дело до ссор и таким образом нарушали порядок и священную благопристойность. Я доложил об этом графу Балдуину и просил не вносить беспорядка и не позволять своим священникам издеваться над нашим богослужением. Но мне не удалось ничего достичь, хотя в других отношениях он казался расположенным поддержать греческое население. Не знаю, из притворства или по искреннему расположению, но он наблюдал справедливость, не оставлял без наказания виновных, доставлял гробу святого великомученика в достаточном количестве золото и серебро и снабдил церковь книгами, хотя и не такими, какие были похищены, а более дешевыми. Он же пожертвовал серебряные подсвечники и несколько книг и священных одежд». Евстафий отдает должное графу Балдуину еще и в том отношении, что он обуздал злобные чувства норманнов против греков, которые в опьянении победы могли допустить и гораздо большие жестокости. «Латиняне относились к нам с враждебными чувствами, и часто в среде их произносились проклятия тем, которые в день занятия Солуни не истребили всех граждан; зачем, — говорили, — на этих телах остались головы, греческая кровь не терпит смешения с нашей, попросим у короля разрешения погубить их поголовно, тогда Солунь населена будет одними латинянами, и все пойдет хорошо. Следствием этого были постоянные нам угрозы и подстрекательства против нас графа Балдуина. И нам приходилось ходатайствовать и защищать и убеждать графа не становиться на сторону наших ненавистников. С большим трудом, употребляя все средства убеждения и ласкательства, мы достигли наконец того, что Балдуин дал слово не допустить ни убийства, ни насилия против жителей завоеванного города».* Норманны не долго оставались господами положения в Солуни. Приходившие из Константинополя вести о жестокостях Андроника и внутренней смуте подавали норманнам надежду, что им легко удастся дойти до самого Константинополя, если только воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Поэтому во второй половине сентября они начали движение от Солуни, оставив в городе незначительный гарнизон. К объяснению последовавшего скоро затем полного поражения норманнов греками следует принять во внимание, что норманнское войско разделилось в Македонии на части и что оно было значительно ослаблено болезнями и излишествами в пище и питье, допущенными по взятии Солуни. Весьма любопытно отметить, что нанесенные норманнам поражения падают на первые месяцы нового царствования и никак не могут быть приписываемы распоряжениям Исаака Ангела. Царь Андроник, несмотря на неблагоприятные внутренние условия, назначил для действия

* Eustathii opuscula, p. 299.

против норманнов нескольких вождей, снабдив их отдельными отрядами: таковы были Алексей Врана, Феодор Хумн, Палеолог и, наконец, сын Андроника царевич Иоанн. Осенью 1185 г., после катастрофы в Константинополе, некоторые из упомянутых вождей обнаружили признаки деятельности. Так, в октябре и ноябре в двух делах при Мосинополе и при Амфиполе (Димитрица) норманны испытали значительные неудачи. В особенности поражение при Димитрице (7 ноября), где попали в плен графы Балдуин и Ричард, означало окончательную потерю норманнами занятого ими положения на Балканах. Оставшиеся после поражения части спаслись бегством в Солунь и стали выжидать здесь известий о действиях флота. Норманнские корабли прошли в Мраморное море и, не встречая сопротивления, сделали высадку в Никомидийском заливе. Но затем в Константинополе оказался небольшой флот, который готов был выступить против норманнов, что же касается высадки на азиатском берегу, то и она не могла сопровождаться важными последствиями, так как за высадившимися наблюдал достаточный византийский отряд. Проведя в Мраморном море около 17 дней, норманнский флот должен был возвратиться назад. Таким образом этот поход, весьма дорого обошедшийся сицилийскому королю, не принес норманнам никакой пользы. Военные действия, бывшие следствием норманнского вторжения на Балканский полуостров, стоят в связи с теми событиями, которыми предстоит нам теперь заняться и которые обнаружились также в 1185 г. Здесь было бы излишне возвращаться к критическому разбору известий о первых годах возмущения Петра и Асеня, следствием которого было освобождение Болгарии от византийского господства и образование второго болгарского царства,* — в этом отношении громадная услуга истории сделана светским и церковным красноречием: именно на основании современных событиям ораторских слов оказалась возможность раскрыть последовательный ход событий болгарского движения. Непосредственные обстоятельства, вызвавшие и давшие пищу болгарскому движению, кроются в общем строе империи того времени и в перемене династии. Период чужеземного господства, со времени покорения Болгарии царем Василием II (1018) и до 1185 г., остается мало изученным временем. На основании переписки архиепископа Феофилакта есть возможность до некоторой степени осветить сухие заметки летописцев о периодически повторявшихся восстаниях в порабощенной стране, которые, впрочем, легко были подавляемы византийскими войсками, пока наконец реакция, наступившая после Мануила Комнина, не придала болгарскому восстанию общенародного и последовательного характера. Политический организм империи удерживал еще вид цельности только потому, что на окраинах

* Мои сочинения: «Визант. писатель Никита Акоминат из Хон», (стр. 178 и сл.); «Образование второго болгарского царства», (Одесса. 1879 стр. 109 и сл.).

образовались свои малые центры, дававшие свою жизнь разным частям. Потеряв связь со столицей и утратив доверие к центральной власти, эти малые центры таили в себе зародыш политической самобытности. Самая административная система с широким развитием поместных прав служилого и дворянского сословия помогала развитию вредных для единства империи местных интересов. Знатные дворянские роды подготовляли из самодержавной монархии феодальное государство в провинциях, где они владели обширными поместьями и где были органами соединенной иногда гражданской и военной власти.

Нашествие норманнов не могло не сопровождаться разнообразными потрясениями установленного порядка не только в тех областях, которые подверглись временному занятию, но и в сопредельных с ними. Население сел и деревень разбежалось в леса и горы, куда не могли проникнуть неприятели. Бежавшие из южной Македонии славяне были первыми глашатаями молвы, которая облетела Болгарию и которою воспользовались предводители болгарского движения, что великомученик Димитрий покинул Солунь и переселился к болгарам, дабы быть им помощником в борьбе с греками, покинутыми божеством. Еще большее значение для болгарских дел имело восстание Алексея Враны, последовавшее за очищением полуострова от норманнов и отвлекшее в другую сторону заботы и попечения правительства. Враны не принадлежали к значительным дворянским фамилиям; родовое гнездо их находилось в Адрианополе, а поместья были расположены во Фракии, не исключена возможность видеть в них славянскую семью. Устойчивость фамилии Вран во Фракии со второй половины XII в. и по XIV в. может свидетельствовать о важном значении поместного дворянства в истории Византии. Алексей Врана, стоявший во главе войск, действовавших против норманнов, получил приказание — вслед за очищением от врагов Македонии направить находившиеся в его распоряжении силы против болгар, начавших восстание осенью того же 1185 г.

Между тревожными симптомами разложения империи следует указать и отпадение острова Кипра. Это было делом Исаака, по матери происходившего от Комнинов, а по отцу от Дук. При Мануиле он был дукой Киликии, обвинен в измене, в войне с иконийским султаном имел несчастье попасть к сарацинам в плен и представлял собой тип князя-изгоя, подобно Андронику и его сыновьям. Хотя царь Андроник простил ему прежние проступки, но Исаак в 1184 г. с набранной им дружиной охотников отправился на Кипр и там, ссылаясь на поддельные царские грамоты, объявил себя императором. Он заявил себя такими же жестокими мерами на Кипре, как Андроник в Константинополе, и, несмотря на это, в течение нескольких лет оставался бесконтрольным распорядителем судеб острова.

Итак, Алексей Врана, стоявший во главе военных сил, действовавших против норманнов, еще прежде, чем войска были распущены, задумал отло-

житься и объявить себя императором. Мы знаем, что очищение полуострова от иноземного нашествия могло считаться оконченным в ноябре 1185 г.; но в это время уже заметны были признаки волнений между болгарами, почему тому же Вране поручено было направить оружие против беспокойных подданных. Искусно прикрывая свои замыслы, Врана не предпринимал наступательных действий против болгар и ограничивался донесениями, что без новых и значительных подкреплений он не может надеяться на успех. Так он успел соединить под своею властью почти все военные силы, которыми располагала империя на западе, и дал время распространить враждебное к Византии настроение среди болгар. В таком свете представляет ход дела панегирик Михаила Акомината, сказанный летом 1186 г. Вообще обстоятельства, относящиеся к началу болгарского движения, изложены в летописи весьма слабо и вызывают в читателе различные недоумения. По всему видно, что заговор Враны, рассчитанный на перемену династии, опирался на симпатии к этому роду в Македонии и во Фракии, на поддержку в столице и на обширные военные средства, так что органы центральной администрации должны представляться совершенно бессильными во Фракии и Македонии все время, пока Врана не потерял жизнь под стенами Константинополя. В числе войск, приведенных им в начале зимы 1186 г. под столицу, были норманны и другие иноземцы, но что для нас важнее — были славяне и союзники их против Византии, куманы (половцы). Хотя от этого далеко еще до тожества или прямой связи между делом Враны и болгарским движением, но одновременность того и другого факта и участие однородных элементов в войске Алексея Враны и болгарских вождей не может быть более оставляемо без внимания. Заговор Враны был благоприятным для Асеней обстоятельством, которое дало им возможность лучше организовать восстание и подкрепить свои силы частью приверженцев падшего генерала. Прежде чем Исаак Ангел предпринял против них весенний поход (1186 г.), болгары имели удачное дело с отрядом, предводимым Иоанном Кантакузином. Они напали на ромэйский лагерь, расположенный в долине, перебили людей и овладели обозом. Весьма вероятно, что дорогие украшения и одежды, присвоенные сану цесарей византийских, которые оказались в числе добычи, унесенной при этом болгарами, были первыми внешними отличиями, возложенными на себя Асенями.

Наряду с рассмотренными фактами мы не можем дать места брачному союзу Исаака Ангела с угорским королевским домом. Византийско-угорский союз вызван был не болгарскими делами, а состоявшимся в это время союзом между германским императором и норманнами. Исаак Ангел, счастливо устранив опасность, угрожавшую Византии со стороны сицилийцев, должен был понимать, однако, что своими успехами он обязан больше случайным обстоятельствам, чем действительному превосходству

военных сил империи и целесообразности принятых против иноземного нашествия мер. В руках сицилийских норманнов были Солунь и Драч, важнейшие приморские города империи, выше и значительнее которых был один разве Константинополь. Не удавшаяся на этот раз попытка сицилийцев могла повториться снова, при менее счастливом сочетании благоприятных условий для Византии. Между тем император Фридрих I достиг в то время осуществления своих давних замыслов: сосватав за своего сына наследницу сицилийской и неаполитанской короны, он не только соединял на будущее время южную Италию и Германию, но и возлагал на императора германского новые политические задачи по отношению к Византии. Исаак Ангел начал тогда же переговоры с угорским королем Белою о родственном и политическом союзе против общих врагов, ибо германо-норманнский союз одинаково угрожал и притязаниям угорских королей на Далмацию, вследствие чего заключен был брак между дочерью короля Белы III и императором Византии. Правда, угорская принцесса не достигла брачного возраста, но политические соображения были так важны, что император согласился дожидаться совершеннолетия невесты; договор, основанный на этом союзе, должен был обеспечить империю против опасного для нее германо-норманнского союза. Брачный союз состоялся едва ли не в конце 1185 г., но уже никак не позже первых месяцев следующего года. Придворный оратор, возлагая на союз Византии с Угрией радостные упования, позволяет себе в речи, посвященной этому событию, насмешливые намеки на западный союз.

С точки зрения византийских государственных людей, Исаак Ангел сделал большую ошибку, не обратив надлежащего внимания на болгарские дела в первое же время и не воспользовавшись плодами своей победы над ними. Весной 1186 г. Исаак сам стал во главе войска и пошел против болгар, которые начали делать нападения на византийские города и поселки. Но в виду византийского войска Асени предпочли отступление случайностям неравной битвы и расположились станом за Балканскими горами, преградив всякий доступ неприятелю через проходы искусственными сооружениями. Исаак, пользуясь темным и сумрачным временем, сделал переход через горы в другом месте и неожиданно явился перед станом болгар. Отряд Асеней был разогнан, сами вожди убежали за Дунай к половцам, чтобы просить у них помощи. Собственно здесь начинаются ошибки византийских военных людей, которые, не усмотрев в предприятии Асеней народного движения и положившись на притворное раскаяние части болгар, не позаботились занять города и укрепленные места гарнизонами и поспешили возвратиться в Византию, чтобы праздновать счастливое военное дело.

Осенью того же года предпринят был новый поход против болгар. Петр и Асень вошли в сношение с задунайскими половцами, которым уже не

была незнакома дорога к Константинополю, и убедили их принять военное братство против Византии. «Соглашение состоялось на том, чтобы половцы заняли одну крепость около Балканских гор, за что была им обещана условленная плата и дано позволение переправиться через горный проход или железные ворота, сделать набег на византийские города и селения, забирать и уводить в полон все, что могут; болгары же обещали бесплатно снабдить их проводниками». Куманы охотно приняли предложение и, подобно весенним пчелам, рассеялись по долинам, спускающимся от Балкан. Известно, что ужасная сила этих хищников заключалась в быстроте. Они вели с собой по нескольку лошадей и могли делать неимоверно быстрые переезды. Не встречая сопротивления, половцы показывались уже вблизи Адрианополя и угрожали самой столице. Император, выступив в поход, надеялся через четыре дня встретиться с врагами. Сборным местом назначен был Адрианополь, куда потянулся тяжелый обоз, между тем сам император с приближенными шел усиленными переходами. Отделив часть войска Андронику Кантакузину и Мануилу Камизе с тем, чтобы они следили за другими партиями, сам Исаак двинулся по дороге к Верриш, где, как доносили ему, медленно направлялся к горам обремененный добычей отряд. «Прошедши около 50 стадий, я встретил варварское войско, расположившееся на одном месте и окруженное добычей. Одних пленников было до 12 тысяч, животных же было такое множество, как звезд на небе. Когда мы сошлись лицом к лицу, часть куман погнала вперед добычу, другая вступила с нами в сражение. Они на бегу делают нападение, таков их обычай сражаться. Но скоро, обращенные в бегство, они были преследуемы и избиваемы в пространстве 60 стадий. Когда наши рассеялись в преследовании, варварам неожиданно явилась помощь человек в 1000 или более. Войско царства моего, испуганное криком врагов, обратилось в бегство; варвары понеслись за нами и убивали отстававших. Дело могло бы кончиться величайшим несчастьем, если бы я не приказал крикнуть немногим, следовавшим за мной, и не напугал варваров звоном щитов. Заметив царское знамя и узнав о моем присутствии, они не выдержали нашего нападения, обратились в беспорядочное бегство, рассеялись в разные стороны и сделались легкою добычей наших наездников». Общий результат осеннего похода, в котором дело при Лардеи, очевидно, было самое счастливое, должен быть назван по меньшей мере неудачным. В весенний поход византийцы нашли еще некоторые проходы или совсем не занятыми болгарами, или слабо защищенными. Теперь же император не отваживался идти в Болгарию, ограничившись обороною больших городов, как Филиппополь, Адрианополь, Веррия и Агафополь. Поздней уже осенью или зимой, когда куманы, вообще не зимовавшие в чужих областях, ушли на север, в военном совете решено было начать наступление, т. е. двинуться за Балканские горы и разорить гнездо Асеней. Что болгарское движение

распространялось от северо-востока к юго-западу и что в это время Асеням принадлежал только восточный угол Забалканской Болгарии, об этом свидетельствует, между прочим, и относящееся сюда место Никиты Акомината: «Итак царь решил снова отправиться в Загоры и во что бы то ни стало смирить болгар. Поэтому из Филиппополя он двинулся к Софии, ибо получил известие, что там проход через горы не очень затруднителен, а по местам и совершенно открыт, есть и источники с достаточным количеством воды и подножный корм для скота, если только во-время воспользоваться всем этим [т. е. предполагается, что ближайшие восточные проходы были заняты болгарами]. Но так как солнце сделало уже поворот на зиму, и реки покрылись льдом по суровости тамошнего климата, и снег, выпав в огромном количестве, наложил покрывало на лице земли и завалил не только долины, но и двери домов, — то царь отложил предприятие до следующей весны, расположив войско на зиму в этой области, сам же поспешил в столицу».

Весной 1187 г. Исаак, действительно, продолжал поход. По всей вероятности, византийцы и на этот раз шли через Балканские горы на Софию. Так как ближайшая цель их должна была заключаться в завладении Тырновом и Преславой, то дорога на Софию и Ловеч во всяком случае не может быть названа прямой для этой цели. Безуспешной осадой, с одной стороны, и защитой — с другой — города Ловча ограничились, повидимому, результаты этого похода. С этого времени однако византийское правительство должно было покинуть надежды на замирение Болгарии; в его отношениях к Асеням уже замечаются следы договора. Младший брат Асеней, Иоанн, был выдан императору в качестве заложника, причем между враждующими сторонами установлен был некоторый modus vivendi. Скоро затем дела на Балканском полуострове усложнились вмешательством Сербии и Угрии.

В системе полузависимых и только частью обнаруживавших зачатки политической жизни славянских народностей Балканского полуострова угры во многих отношениях издавна занимали первостепенное положение. Угорский король как владетель страны, лежавшей на пути в св. Землю, во время Крестовых походов был весьма значительным членом в ряду европейских государей, голосом которого они не могли пренебрегать. Не меньшее значение имел угорский король и на Балканском полуострове. Сербы, болгары и хорваты представлялись весьма незначительными и слабыми подле угорского короля, который был весьма беспокойным соседом и для византийского императора. Императору Мануилу Комнину удалось, после продолжительных однако усилий, обеспечить себя со стороны угров тем, что он помог Беле III удержать за собою власть, оспариваемую родичами. Заключив потом брачный союз с угорским королевским домом, Мануил ни разу не имел случая жаловаться на неблагодар-

ность Белы. Когда Андроник Комнин, признанный соправителем Алексея II, выказал явное намерение устранить от власти вдову Мануила, императрицу Марию, она искала заступничества у угорского короля. Было даже дознано на следствии, наряженном Андроником, что Мария вызвала Белу на военные меры против Византии. По крайней мере она судима была по статье за государственную измену. Бела III, действительно, отвоевал у Византии в 1182 г. важные крепости на Дунае: Белград и Браничево, равно как, в союзе с сербами, город Ниш на границе Сербии и Болгарии. Известнейшие генералы того времени, Андроник Лапарда и Алексей Врана, посланные против Белы, не имели, да и не желали, вероятно, иметь военных успехов, так как их больше занимали константинопольские события и крутые внутренние реформы Андроника Комнина. Эти завоевания Угрии на счет Византии были возвращены последней при восшествии на престол Исаака Ангела, вследствие родственного и политического союза, который заключен был между византийским правительством и королем Белой. Когда Асени завоевали независимость Болгарии и права Византии на означенные города тем самым были уже устранены, начались счеты между уграми и болгарами из-за тех же городов и областей. Претензии той и другой стороны ясно высказаны в дипломатических сношениях того времени, к которым мы будем иметь случай возвратиться ниже.

Угры XII в., так же как и нынешние, всеми мерами препятствовали образованию независимого славянского государства к югу от Дуная. С другой стороны, нужно принять во внимание притязания Сербии, которая в это время обнаруживает стремление распространить свои границы частью на счет Византии, частью же Болгарии. Современником Асеней болгарских в Сербии был основатель династии Неманичей, Стефан Неманя. Он соединил Сербию, раздробленную на мелкие уделы, под единой властью и с 1159 г. сделался великим жупаном. При царе Мануиле Сербия находилась в некоторой зависимости от Византии. Со смертью Мануила великий жупан сербский вступает сначала в союз с уграми, с которыми и участвует в войне против Андроника Комнина. Город Ниш, по всей вероятности, был наградой сербов за этот союз. Когда же сделался императором Исаак Ангел, великий жупан Сербии, конечно, должен был искать себе друзей между врагами императора и короля. Союз сербов с болгарами должен был состояться еще в первые годы борьбы Болгарии за независимость, хотя распространение сербской власти на пограничные с Византией города несомненно последовало уже после 1187 г. Известный нам поход Исаака в этом году направлен был именно через Софию, чего нельзя было бы сделать, если бы сербы состояли тогда в открытой войне с империей. Стефан Неманя довольствовался пока завоеванным у Византии городом Нишем; наступательное движение его в восточном и южном от Сербии направлении начинается позже 1187 г. До этого же времени

он занят был не менее важными делами на западной границе Сербии, в Далмации, где преобладание византийского или норманнского влияния одинаково подвергало Сербию опасности. Сохранившийся до настоящего времени договор с Дубровником от 1186 г. хорошо поясняет планы Стефана Немани. В 1189 г., в переговорах с императором Фридрихом I, сербский жупан домогался соединения Далмации с Сербией, для чего предлагал сосватать за его сына наследницу далматинской короны. На эти последние переговоры мы должны смотреть как на неудавшуюся попытку Немани вступить в германо-норманнский союз в качестве равноправного члена.

Таким образом, дело освобождения Болгарии Петром и Асенем в 1189 г. перешло в общее движение славян Балканского полуострова. С одной стороны были сербы и болгары, с другой — византийский император и угорский король. Последний должен был озаботиться положить конец движению славян не только потому, что он был союзником и другом империи, но и в интересах целости и спокойствия своего королевства. Фридриху I предстояло разрешить весьма важную задачу: стать ли на сторону славян или угодить уграм. Отношения угорского короля к возрождению болгарской народности составляют любопытнейший эпизод в истории событий, которыми мы занимаемся.

Глава II

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД. ФРИДРИХ I И СЛАВЯНЕ

аждая новая волна, выбрасывавшая на сирийские палестинские берега массы западных христиан, производила не то действие, какого от нее следовало ожидать. Крестоносцев постигали всевозможные неудачи, мусульмане постепенно усиливались и закрепляли за собой занятые позиции: горькое чувство тяжелой обиды распространялось на Западе против восточной империи, коварной и антихристианской политике которой приписывались все потери. После Второго крестового похода обе королевы-правительницы — Мелизинда в Иерусалиме и Констанция в Антиохии, — окруженные временщиками и ничтожными искателями приключений, не были в состоянии ни понять, ни тем менее предотвратить угрожавшую со стороны магометан опасность. Все события здесь группируются около величественных фигур Нур-ад-дина и Саладина.* Саладин обладал всеми качествами, которые нужны были для того, чтобы осуществить идеальные задачи мусульманского мира и восстановить преобладание ислама. Характер его выясняется из истории Третьего крестового похода, из его отношений к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Саладин напоминает черты рыцарского характера, а по своей политической сообразительности он стоял далеко выше своих врагов-европейцев. Не в первый раз во время Третьего крестового похода Саладин является врагом христиан. Он начал свою деятельность еще во время Второго крестового похода; он

* Собственно, Салах-ад-дин Юсуф из династии Эйюбидов, курдского происхождения (*Ред.*).

участвовал в войнах Зенги и Нур-ад-дина против христиан. После окончания Второго крестового похода он отправился в Египет, где приобрел большое значение и влияние на дела и скоро захватил в свои руки высшее управление в халифате, поддерживая в то же время связи и сношения с халифатом Багдадским.

После смерти Нур-ад-дина его сыновья затеяли междоусобную борьбу. Саладин воспользовался этими раздорами, явился в Сирию с войсками и предъявил свои притязания на Алеппо и Мосул. Враг христиан, прославивший себя как завоеватель, Саладин соединил вместе с обширными владениями и грозными военными силами энергию, ум и глубокое понимание политических задач своего времени. Взоры всего мусульманского мира обратились на него; на нем покоились надежды мусульман как на человеке, который мог восстановить политическое преобладание мусульманского мира над христианами. Земли, завоеванные христианами, были одинаково священны как для египетских, так и для азиатских мусульман. Религиозная идея была столько же глубока и реальна на Востоке, сколько и на Западе. С другой стороны, и Саладин понимал, что возвращение этих земель мусульманам и восстановление сил мусульманства Малой Азии возвысит его авторитет в глазах всего мусульманского мира и даст прочное основание его династии в Египте. Таким образом, когда Саладин захватил в свои руки Алеппо и Мосул в 1183 г., для христиан настал весьма важный момент, в который им приходилось разрешить весьма серьезные задачи. Но христианские князья были далеко ниже своей роли и выпадавших им задач. В то время, когда со всех сторон они были окружены враждебным элементом, они находились в самых неблагоприятных условиях для того, чтобы оказать сопротивление своим врагам: между отдельными княжествами не только не было солидарности, но они находились в крайней деморализации; нигде не было такого простора для интриг, честолюбия, убийств, как в восточных княжествах. Примером безнравственности может служить иерусалимский патриарх Ираклий, который не только напоминал собою самых дурных римских пап, но во многом превосходил их: он открыто жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовные лица. Припомним знатного тамплиера Роберта Албанского, который, приняв мусульманство, перешел на службу к Саладину и занял высокое положение в его войске. Полная распущенность нравов господствовала среди тех людей, на которых лежали весьма серьезные обязанности в виду наступавшего грозного неприятеля.

Если среди рыцарей и баронов можно было ожидать измены и коварства, то и главные вожди — князья и короли — были не лучше их. В Иерусалиме был королем Балдуин IV, человек, лишенный всякого политического смысла и энергии, который хотел отказаться от своего княжения и вместо

себя намерен был короновать своего малолетнего сына Балдуина V; при этом возник спор из-за опеки: спорили Гвидо Лузиньян, зять Балдуина IV, и Раймунд, граф Триполи. Представителем полного произвола является Рейнальд Шатильонский, который совершал разбойничьи набеги на торговые мусульманские караваны, шедшие из Египта; мало того, что своими набегами Рейнальд возбуждал против христиан мусульманский элемент, но он наносил существенный вред самим христианским княжествам, которые жили этими караванами, и подрывал в самом корне торговлю Тира, Сидона, Аскалона, Антиохии и других приморских христианских городов. Во время одной из подобных экскурсий, которые Рейнальд совершал из своего замка, он ограбил караван, в котором находилась и мать Саладина. Это обстоятельство и можно считать ближайшим мотивом, вызвавшим столкновение между мусульманским повелителем и христианскими князьями. Саладин и раньше указывал иерусалимскому королю на недостойные поступки Рейнальда, но у короля не было средств обуздать барона. Теперь, когда Саладину было нанесено оскорбление чести и родственного чувства, он, невзирая на перемирие, которое было заключено между ним и христианскими князьями, объявил христианам войну не на живот, а на смерть. События, которыми сопровождалась эта война, относятся к 1187 г. Саладин решился наказать иерусалимского короля как за поступки Рейнальда Шатильонского, так и вообще за то, что он представлял еще тень независимого владетеля. Войска его подвигались из Алеппо и Мосула и были сравнительно с силами христиан весьма значительны. В Иерусалиме можно было набрать всего до 2 тысяч рыцарей и до 15 тысяч пехоты, но и эти незначительные силы не были местными, а составлялись из элемента, пришлого из Европы.

В деле 5 июля 1187 г., когда решилась участь всего христианства, не обошлось в христианском войске без отвратительной измены. Близ города Тивериады, когда два враждебные войска стояли одно против другого, готовые вступить в битву, многие из князей, увидя, что мусульманское войско превосходит их численностью, и считая сомнительным и даже невозможным для себя успех битвы, перебежали на сторону Саладина, в том числе и Раймунд. Само собой разумеется, что при таком положении дела христиане не могли выиграть битвы; все войско христианское было уничтожено; король иерусалимский и князь антиохийский попали в плен. Все пленные были обречены Саладином на смертную казнь; одному королю иерусалимскому была дарована жизнь. Ничтожная горсть христиан, которая спаслась от жалкой участи бегством, часть горожан и простых рыцарей, не могла принять на себя защиту христианских земель. Саладину в короткое время удалось овладеть всеми береговыми замками и крепостями, которыми владели христиане по берегу Средиземного моря. Отни-

мая приморские города, Саладин уничтожал везде христианские гарнизоны и заменял их мусульманскими. В руках христиан оставались еще, кроме Иерусалима, Антиохия, Триполи и Тир.

В сентябре 1187 г. Саладин подступил к Иерусалиму. Горожане думали сопротивляться, поэтому отвечали уклончиво на предложение его сдать город под условием дарования осажденным свободы. Но когда началась тесная осада города, христиане, лишенные организующих сил, увидели всю невозможность сопротивления и обратились к Саладину с мирными переговорами. Саладин соглашался за выкуп даровать им свободу и жизнь, причем мужчины платили по 10 золотых монет, женщины по 5, дети по 2. Иерусалим был взят Саладином 2 октября. После взятия Иерусалима он не мог больше встретить препятствий к завоеванию остальных христианских земель. Тир удержался благодаря лишь тому, что его защищал прибывший из Константинополя граф Конрад из дома Монферратских герцогов, отличавшийся умом и энергией.

Весть о том, что совершилось на Востоке, получена была в Европе не сразу, и движение началось на Западе не раньше 1188 г. Первые известия о событиях в св. Земле пришли в Италию. Для римского папы в то время не оставалось возможности колебаться. Вся церковная политика в XII в. оказалась ложною, все средства, употребленные христианами для удержания св. Земли, были напрасны. Необходимо было поддержать и честь церкви и дух всего западного христианства. Невзирая ни на какие затруднения и препятствия, папа принял под свое покровительство идею поднятия Третьего крестового похода.

Известно, что Третий поход осуществился при обстоятельствах более благоприятных, чем Первый и Второй. В нем принимают участие: император германский Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский — Ричард Львиное Сердце. Не было в походе только общей руководящей идеи. Движение крестоносцев в св. Землю направлялось разными путями, да и самые цели вождей, участвовавших в походе, были далеко не одинаковы. Вследствие этого история Третьего похода распадается на отдельные эпизоды: движение англо-французское, движение германское и осада Акры. Существенный вопрос, долго препятствовавший французскому и английскому королям придти к соглашению насчет похода, зависел от взаимных отношений Франции и Англии в XII в. Дело в том, что на английском престоле сидели Плантагенеты, графы Анжу и Мена, получившие английский престол вследствие женитьбы одного из них на наследнице Вильгельма Завоевателя. Всякий английский король, оставаясь в то же время графом Анжу и Мена, герцогом Аквитании и присоединенной сюда еще Гиени, должен был давать французскому королю ленную присягу на эти земли. Ко времени Третьего похода английским королем был Генрих II Плантагенет, а французским — Филипп II

Август. Оба короля находили возможность вредить один другому, благодаря тому обстоятельству, что земли их во Франции были смежны. У английского короля правителями его французских областей были два его сына Иоанн и Ричард. Филипп II заключает союз с ними, вооружает их против отца и не раз ставит Генриха английского в весьма затруднительное положение. За Ричарда была сосватана сестра французского короля Алиса, которая жила тогда в Англии. Разнесся слух, что Генрих II вступил в связь с невестой своего сына; понятно, что подобного рода слух должен был оказывать влияние на расположение Ричарда к Генриху II. Французский король воспользовался этим обстоятельством и начал раздувать вражду между сыном и отцом. Он подстрекал Ричарда, и последний изменил своему отцу, дав ленную присягу французскому королю; этот факт способствовал только большему развитию вражды между французским и английским королем. Было еще одно обстоятельство, препятствовавшее обоим королям подать возможно скорую помощь восточным христианам. Французский король, желая запастись значительными денежными средствами для предстоящего похода, объявил в своем государстве особый налог под именем «Саладиновой десятины». Этот налог распространялся на владения самого короля, светских князей и даже на духовенство; никто, ввиду важности предприятия, не освобождался от платы «Саладиновой десятины». Наложение десятины на церковь, которая никогда не платила никаких налогов, а сама еще пользовалась сбором десятины, возбудило недовольство среди духовенства, которое и начало ставить преграду этой мере и затруднять королевских чиновников в сборе «Саладиновой десятины». Но тем не менее эта мера была довольно успешно проведена как во Франции, так и в Англии, и дала много средств для Третьего похода.

Между тем, среди сборов в поход умер английский король Генрих II (1189 г.), и наследство английской короны перешло в руки Ричарда, друга французского короля. Теперь оба короля могли смело и дружно приступить к осуществлению идей Третьего крестового похода. На успех Третьего крестового похода оказало большое влияние участие английского короля. Ричард, человек в высшей степени энергичный, живой, раздражительный, действовавший под влиянием страсти, был далек от идеи общего плана, искал прежде всего рыцарских подвигов и славы. В самых сборах его к походу слишком рельефно отразились черты его характера. Ричард окружил себя блестящей свитой и рыцарями, на свое войско, по свидетельству современников, он издерживал в один день столько, сколько другие короли издерживали в месяц. Собираясь в поход, он все переводил на деньги; свои владения он или отдавал в аренду, или закладывал и продавал и таким образом действительно собрал громадные средства; его войско отличалось хорошим вооружением. Часть английского войска отправилась из Англии на кораблях, сам же Ричард переправился через Ламанш

чтобы соединиться с французским королем и направить свой путь через Италию. Движение это началось летом 1190 г. Оба короля предполагали итти вместе, но многочисленность войска и возникшие при доставке продовольствия и фуража затруднения заставили их разделиться. Французский король шел впереди и в сентябре 1190 г. прибыл в Сицилию и остановился в Мессине, поджидая своего союзника. Когда прибыл сюда и английский король, движение союзного войска было задержано теми соображениями, что начинать поход осенью по морю неудобно; таким образом оба войска провели осень и зиму в Сицилии до весны 1191 г.

В Мессине Ричард начал ряд торжеств и праздников и своими поступками поставил себя в ложное положение по отношению к норманнам. Он хотел распоряжаться как полновластный повелитель страны, причем английские рыцари позволили себе насилия и произвол. В городе не замедлило вспыхнуть движение, которое угрожало обоим королям; Филипп едва успел потушить восстание, явившись примиряющим элементом между двух враждебных сторон. Было еще одно обстоятельство, которое поставило Ричарда в ложное положение как по отношению к французскому, так и германскому королям, — это притязания его на норманнскую корону. Фактически он обосновывал свое право тем, что за умершим Вильгельмом II была замужем Иоанна, дочь английского короля Генриха II и сестра самого Ричарда. Временный узурпатор норманнской короны Танкред держал в почетном заключении вдову Вильгельма. Ричард потребовал выдать ему сестру и заставил Танкреда дать ему выкуп за то, что английский король оставит за ним фактическое обладание норманнской короной. Этот факт, возбудивший вражду между английским королем и германским императором, тоже имевшим право на Сицилию по браку Генриха VI с Констанцией, дочерью Рожера II, имел большое значение для всей последующей судьбы Ричарда.

Все это ясно показало французскому королю, что ему не удастся действовать по одному плану с королем английским, и потому в марте 1191 г. он сел на корабли и переправился в Сирию. Главная цель, к которой он стремился, был город Птолемаида (французская и немецкая форма — Аккон, русская — Акра). Этот город в течение времени от 1187 до 1191 г. был главным пунктом, на котором сосредоточивались виды и надежды всех христиан. С одной стороны к этому городу направлялись все силы христиан, с другой — сюда стягивались мусульманские силы. Весь Третий поход сосредоточивается на осаде этого города; когда весной 1191 г. прибыл сюда французский король, казалось, что главное направление делам дадут французы.

Флот Ричарда, отплывшего из Сицилии в апреле 1191 г., был захвачен бурею, и корабль, на котором ехала невеста Ричарда, принцесса Беренгария Наваррская, был выброшен на остров Кипр. Кипр находился

во власти вельможи Исаака Комнина, который отложился от византийского императора и объявил себя независимым. Он не различал друзей и врагов императора, а, преследуя свои личные эгоистические интересы, объявил пленницею невесту английского короля. Таким образом Ричард, вместо движения в Палестину, должен был начать войну с Кипром, которая потребовала от него много времени и сил. Овладев островом, Ричард заковал в серебряные цепи Исаака Комнина и торжественно отпраздновал первое территориальное приобретение англичан на Средиземном море. Между тем в Кипр прибыл титулярный король Иерусалима Гвидо Лузиньян, которому и был уступлен остров Кипр.

Ричард оставил наконец Кипр и прибыл к Акре, где два года вместе с другими христианскими князьями принимал участие в бесполезной осаде города. Самая идея осады Акры была в высшей степени непрактична и прямо бесполезна. В руках христиан были еще приморские города — Антиохия, Триполи и Тир, которые и могли обеспечивать им сообщение с Западом. Эта идея бесполезного предприятия была внушена эгоистическим чувством таких интриганов, как Гвидо Лузиньян. В нем возбуждало зависть, что в Антиохии был свой князь, в Триполи владел другой, в Тире сидел Конрад из дома герцогов Монферратских, а у него, иерусалимского короля, не было ничего, кроме одного имени. Этой чисто эгоистической целью и объясняется его приезд к английскому королю на остров Кипр, где он щедро расточал перед Ричардом заявления чувства преданности и старался расположить в свою пользу английского короля. Осада Акры составляет роковую ошибку со стороны деятелей Третьего крестового похода; они бились, тратили время и силы из-за небольшого клочка земли, в сущности никому не нужного, вполне бесполезного, которым хотели наградить Гвидо Лузиньяна.

Большим несчастьем для всего крестового похода было то, что в нем вместе с английским и французским королем не мог принять участия старый тактик и хитрый политик император Фридрих Барбаросса. Он готовился к крестовому походу и участвовал в нем совсем иначе, чем французы и англичане. Он отправил посольства к византийскому императору, к иконийскому султану и к самому Саладину. Отовсюду были получены благоприятные ответы, ручавшиеся за успех предприятия. Если бы под Акрой участвовал Фридрих Барбаросса, ошибка со стороны христиан была бы устранена им. Дело в том, что Саладин обладал отличным флотом, который доставлял ему из Египта все припасы, а войска шли к нему из средины Азии — из Месопотамии; само собою разумеется, что при таких условиях Саладин мог успешно выдержать самую продолжительную осаду приморского города. Вот почему все сооружения западных инженеров, башни и тараны, все напряжение сил, тактики и ума западных королей — все пошло прахом, оказалось несостоятельным при осаде Акры. Фридрих

Барбаросса внес бы в дело крестового похода идею практики и, по всему вероятию, направил бы свои силы туда, куда следовало: войну нужно было вести в Сирии и Месопотамии, ослаблять силы Саладина внутри страны, где находился самый источник пополнения его войск.

Крестовый поход Фридриха Барбароссы предпринят был с соблюдением всех мер предосторожности, обеспечивавших возможно меньшую потерю сил на пути через византийские владения. Фридрих заключил предварительно с византийским императором договор (в Нюренберге), вследствие которого ему предоставлялся свободный проход через имперские земли и обеспечивалась доставка съестных припасов по установленным заранее ценам. Новое движение латинского Запада на Восток немало тревожило византийское правительство; ввиду неспокойного состояния Балканского полуострова, Исаак Ангел заинтересован был в точном соблюдении договора. Еще крестоносцы не двинулись в поход, как в Византии получено было секретное донесение из Генуи о приготовлениях. «Я уже известился об этом, — писал в ответ Исаак, — и принял свои меры». Поблагодарив Балдуина Гверцо за эти известия, император продолжает: «и на будущее время имей радение доводить до нашего сведения, что узнаешь и что нам важно знать». Само собой разумеется, несмотря на внешние дружественные отношения, Исаак не доверял искренности германцев, и в этом нельзя винить его.

24 мая 1189 г. император Фридрих I Барбаросса вступил в пределы Венгрии. Хотя король Бела III лично не решился участвовать в крестовом походе, но оказывал Фридриху знаки искреннего расположения. Не говоря уже о ценных подарках, предложенных императору, он снарядил отряд в 2000 человек, который принес немалую пользу крестоносцам знанием местных условий и выбором путей. Через пять недель крестоносцы были уже на границе владений византийского императора. Прибыв в Браничево 2 июля, они в первый раз вступили с чиновниками императора в прямые сношения, которые сначала казались впрочем удовлетворительными. Из Браничева лучшая дорога к Константинополю шла по долине Моравы к Нишу, потом на Софию и Филиппополь. Греки будто бы не хотели вести латинян этим путем и умышленно испортили его; но люди из угорского отряда, хорошо знавшие пути сообщения, убедили крестоносцев настоять на выборе именно этой дороги, которую они взялись исправить и сделать проезжей, вопреки желанию греков. Заметим здесь, прежде всего, что крестоносцы держали путь по землям, едва ли тогда вполне принадлежавшим Византии. Течение Моравы, всего вероятней, было уже спорным между греками и сербами, иначе говоря, здесь не было тогда ни византийской, ни другой администрации. Шайки разбойников на собственный страх нападали на мелкие отряды крестоносцев и без подстрекательства византийского правительства. Нужно, с другой стороны, иметь

в виду, что крестоносцы и сами не церемонились с теми, кто попадал в их руки: на страх другим, захваченных с оружием в руках они подвергали страшным истязаниям.

Около 25 числа июля к Фридриху явились послы Стефана Немани, а по прибытии в Ниш, 27 числа, император принимал и самого великого жупана Сербии. Здесь же, в Нише, велись переговоры с болгарами. Ясно, что в Нише не оставалось уже византийских властей, иначе они не допустили бы Стефана Неманю до личных объяснений с германским императором, которые, во всяком случае, не клонились в пользу Византии. И если крестоносцы на пути от Браничева до Ниша и потом до Софии подверглись неожиданным нападениям и терпели урон в людях и обозе, то, по справедливости говоря, византийское правительство едва ли должно нести за это ответственность. Нужно только удивляться, почему оно ни разу не сделало соответствующего заявления Фридриху I и не обратило его внимания на положение дел на полуострове. Сербы и болгары предлагали крестоносцам в сущности одно и то же — союз против византийского императора, но в награду за то требовали признания нового порядка вещей на Балканском полуострове. Мало того, славяне готовы были признать над собою протекторат западного императора, если он согласится обеспечить за сербами сделанные ими на счет Византии завоевания и присоединить Далмацию и если Асеням предоставлена будет Болгария в бесспорное владение. В частности, великий жупан Сербии просил согласия императора на брак своего сына с дочерью герцога Бертольда, владетеля Далмации. Хотя не было тайной, что с этим брачным проектом соединялись виды на перенесение владетельных прав над Далмацией на дом Немани, тем не менее, согласие Фридриха было получено. Это обстоятельство, в соединении с новыми переговорами, имевшими место между германским императором и славянскими вождями, позволяет выставить некоторые сомнения против показания Ансберта, будто ответ Фридриха в Нише был определенно отрицательного свойства. Имея действительной целью крестовый поход, Фридрих, может быть из осторожности и по нежеланию впутываться в новые сложные отношения, уклонялся от прямого и решительного ответа на предложения славян. Но мы увидим далее, что славянский вопрос не раз еще заставлял его задумываться и колебаться. Будь на месте Фридриха Роберт Гвискар, Боэмунд или Рожер, события приняли бы совершенно иной оборот и предложения славянских князей, вероятно, были бы оценены.

Нет причины не доверять словам Никиты Акомината, который обвиняет в недальновидности и обычной небрежности тогдашнего логофета дрома (Иоанн Дука) и Андроника Кантакузина, на ответственности которых лежало провести крестоносное ополчение. Взаимное недоверие и подозрения питались не только тем, что крестоносцы не получали иногда подвоза припасов, но и слухами, что опаснейшая клисура (Траяновы ворота),

ведущая через Балканские горы на Софию к Филиппополю, занята вооруженным отрядом. Конечно, нельзя не видеть нарушения Нюренбергского договора в тех мерах, какие принимало византийское правительство, чтобы задержать движение крестоносцев: порча дорог, запор клисур и снаряжение наблюдательного отряда; но оно старалось объяснить свои предосторожности и выражало открытое неудовольствие сношениями Фридриха с возмутившимися сербами и болгарами. Так, когда еще крестоносцы были около Ниша, к ним явился Алексей Гид, который высказал строгое порицание губернатору Браничева и обещал все устроить по желанию Фридриха, если только сам он запретит войскам грабить окрестные селения, прибавляя, что германцы не должны иметь никаких подозрений относительно вооруженного отряда, стерегущего клисуры, ибо это — мера предосторожности против жупана Сербии. Когда крестоносцы подвигались к главнейшей клисуре, ведущей в Филиппопольскую равнину, трудности путешествия увеличивались для них более и более. Мелкие отряды беспокоили их неожиданными нападениями в опаснейших местах, вследствие чего крестоносное ополчение шло медленно и в боевом порядке. Германское посольство, отправленное в Константинополь, по слухам, принято было недостойнейшим образом. Чем ближе крестоносцы подходили к Македонии, тем сильнее росло неудовольствие их против греков. Полтора месяца шли они от Браничева до Софии (Средец); как натянуты были отношения между греками и германцами, можно судить из того, что когда последние 13 августа достигли Софии, то нашли город оставленным жителями; само собой разумеется, здесь не было ни византийских чиновников, ни обещанных припасов.

20 августа крестоносцы держали путь через последнюю клисуру, которая была занята греческим отрядом; последний однако отступил, когда крестоносцы обнаружили покушение проложить дорогу с оружием в руках. К Филиппополю подошли крестоносцы уже в качестве врагов империи, и с тех пор до конца октября отдельные вожди делали нападения на города и села и вели себя в греческой земле совершенно как неприятели. Если нельзя оправдывать правительство Исаака Ангела за недоверие к крестоносцам, то и поступки последних не могут быть названы благовидными. Не доверяя грекам, Фридрих пользовался услугами угорских проводников и сербского отряда. Как бы крестоносцы ни желали доказать свою правоту, нельзя упускать из виду и показаний лиц, для которых не было повода скрывать настоящее положение дел. Фридрих не прерывал сношений со славянами, которые служили ему во все время перехода через Болгарию, хотя он не мог не знать, что это питало подозрительность Исаака Ангела.

Осенью 1189 г., со времени занятия крестоносцами Филиппополя, еще более должно было усилиться взаимное раздражение, так как византийский наблюдательный отряд имел неоднократно столкновения с крестоносцами, а последние занимали вооруженною рукой города и селения. Тем

не менее и к концу осени положение не разъяснилось, между тем Фридриху опасно было пускаться в дальнейший путь через Малую Азию, не заручившись точными и верными обещаниями со стороны греческого императора. Для разъяснения отношений отправлено было в Константинополь новое посольство, которому поручено было сказать, приблизительно, следующее: «Напрасно греческий император не позволяет нам итти вперед; никогда, ни теперь, ни прежде, мы не замышляли зла против империи. Сербскому князю, врагу греческого императора, который являлся к нам в Ниш, мы никогда не давали в бенефицию ни Болгарии, ни другой земли, подвластной грекам, и ни с одним королем или князем не замышляли ничего против греческой империи». Этому второму посольству удалось выручить, не без больших однако хлопот, первое, ранее того отправленное в Константинополь. Все послы возвратились в Филиппополь 28 октября. На следующий день в торжественном собрании вождей послы делали донесение о том, что они испытали в Константинополе, и рассказывали обо всем, что они видели и слышали. «Император не только весьма дурно обращался с нами, но без всякого стеснения принимал посла от Саладина и заключил с ним союз. А патриарх в своих проповедях, говоренных по праздничным дням, называл псами Христовых воинов и внушал своим слушателям, что самый злой преступник, обвиненный даже в десяти убийствах, получит разрешение от всех грехов, если убьет сотню крестоносцев». Собрание выслушало такое донесение перед тем, как введены были послы византийского императора. Нет ничего удивительного, что переговоры не могли быть дружелюбны, на высокомерные требования крестоносцев греческие послы отказались отвечать. До чего могли доходить греки и крестоносцы в чувстве взаимного раздражения и подозрительности, показывает, между прочим, следующий случай. Значительный отряд крестоносцев, сделав нападение на Градец, поражен был странными изображениями, найденными в церквах и в частных домах: на картинах были изображены латиняне с сидящими у них на спинах греками. Это так ожесточило крестоносцев, что они предали огню и церкви и дома, перебили население и без сожаления опустошили всю эту область. По всему вероятию, латиняне рассвирепели при взгляде на картины страшного суда, в которых местные живописцы, для известных целей, могли пользоваться и западными типами. Обычай, во всяком случае, извинительный, если бы ненависть и нетерпимость латинян к грекам и без того не достигла крайних пределов. Византийское правительство имело полное основание предполагать, что сербский князь действует в союзе с Фридрихом, и было бы весьма трудно доказать, что Фридрих не обнадеживал Стефана Неманю в его честолюбивых замыслах. В то время, когда крестоносцы угрожали уже самой столице греческой империи (Адрианополь и Дидимотих были в руках крестоносцев), тыл их, защищенный сербскими войсками, был

в полной безопасности, так что они нашли возможным перевести филиппопольский гарнизон в Адрианополь.

Летописцы много раз упоминают о послах сербского великого жупана и о сношениях крестоносцев со славянами. Известно, что труднее всего было удовлетворить притязание Стефана Немани на Далмацию, — обстоятельство, которое могло вовлечь Фридриха в неприятные столкновения с норманнами и уграми. Не лишено значения, что каждый раз выдвигается в переговорах с сербами герцог Бертольд, тот самый, дочь которого было предположено выдать замуж за сына Стефана Немани. В трудные минуты, когда терялась всякая надежда на соглашение с византийским императором, помощь славян была для крестоносцев истинным благом, которым они не могли пренебрегать на случай окончательного разрыва с греками. Но так как все же оставались некоторые признаки, что греческий император также опасается разрыва, то славянские посольства выслушивались по обычаю милостиво, принимаемы были на службу небольшие отряды из сербов, к решительным же мерам Фридрих опасался прибегнуть во все время своего пребывания на Балканском полуострове. На тогдашнее положение дел проливает свет донесение клирика Эбергарда, посла императора Фридриха к венгерскому королю, возвратившегося, между прочим, с письмом от последнего для Исаака. Письмо, правда, не заключало в себе ничего важного: в нем Бела выставлял на вид Исааку, какие опасности может навлечь на империю его строптивость с крестоносцами. Но посол мог личными наблюдениями иллюстрировать содержание письма и дать ему совершенно новое объяснение: «Король, — говорил он, — весьма смущен и поражен победоносными успехами крестоносцев и внесенным ими в греческую землю опустошением. Когда получена была весть об опустошении крестоносцами округа Дидимотиха, король совсем переменился в обращении с послом. С тех пор он уже не был так добр и милостив, как прежде: посол не получал более ни кормовых, ни карманных из королевской камеры». Между другими новостями тот же клирик Эбергард сообщил, что, проходя Болгарией, он нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших на пути, и что трупы вытащены из гробов и валяются на земле.

К началу 1190 г. крестоносцы продолжали еще пересылаться посольствами с греческим императором, но никакого соглашения не могли достигнуть. Фридрих, кажется, серьезно думал воспользоваться услугами Петра, вождя болгар, который предлагал выставить к весне 40 тысяч болгар и куман, с каковым подкреплением можно было бы сделать попытку проложить путь в Малую Азию и помимо согласия греков. Но германский император должен был за это не только признать свободу Болгарии, но и обеспечить за Петром императорский титул.

Есть возможность объяснить до некоторой степени мотивы, по которым Фридрих и в январе 1190 г. колебался еще принять на себя задачу раз-

решения славянского вопроса, на которую наталкивали его обстоятельства. Для него оставалась еще надежда, устранив помощь славян, которая сопряжена была с неприятными и тяжелыми обстоятельствами, получить к весне вспоможение из Европы. В этих соображениях он писал к своему сыну Генриху: «Поелику я не надеюсь совершить переправу через Босфор, разве только получу от императора Исаака избраннейших и родовитых заложников или подчиню своей власти всю Романию, то я прошу твое королевское величество послать нарочитых послов в Геную, Венецию, Антиохию и Пизу и в другие места и отправить на кораблях вспомогательные отряды, чтобы они, подоспев к Цареграду в марте месяце, начали осаду города с моря, когда мы окружим его с суши». К половине февраля отношения однако уладились: 14 февраля в Адрианополе подписаны были Фридрихом условия, на которых византийский император соглашался дозволить крестоносцам переправу в Малую Азию.

Пребывание Фридриха I в Болгарии во всяком случае было не бесполезно для болгар и сербов. Первые, поощряемые германским императором, нарушили мир, заключенный прежде с греками, и хотя обманулись в надежде теснить греков заодно с немцами, тем не менее не без выгоды для себя воспользовались замешательствами в Константинополе и в последующей борьбе с Византией приняли решительно наступательные действия. Сербы, значительно распространив в то же время свои владения к северо-востоку до Моравы и к юго-западу до Софии, пришли к сознанию важности одновременных действий с болгарами: они заключили союз с Петром и Асенем и вели с тех пор одно и то же с ними дело. Как бы уклончивы ни были обещания Фридриха I, все же он не прерывал переговоров со славянами и питал в них враждебное к Византии настроение. Пусть он не заключал ни с болгарами, ни с сербами договора, который бы обязывал тех и других выставить к весне 60 тыс. войска (со стороны болгар 40 и от сербов 20 тысяч); но войска были собраны и без участия крестоносцев начали отвоевывать у Византии города и области. Движение крестоносцев сопровождалось всеми последствиями неприятельского вторжения, вызвав в Болгарии новые элементы недовольства византийским правительством: беглые, голодные, лишенные домов и достатков поселяне должны были пристать к болгарским или сербским вождям.

Переправа крестоносцев через Босфор происходила в конце 1190 г.

Путь Фридриха шел по западным областям Малой Азии, частью разоренным вследствие войн с сельджуками, частью занятым этими последними. Туркменские отряды беспокоили крестоносцев и заставляли их постоянно быть настороже. В особенности христиане страдали от недостатка продовольствия и корма для вьючных животных. В мае они подошли к Иконии, одержали значительную победу над сельджуками и вынудили их дать провиант и заложников. Но в Киликии немецкое войско

постигло несчастье, погубившее все их предприятие. 9 июня при переходе через горную реку Салеф Фридрих увлечен был потоком и вытащен из воды бездыханным. Часть немецкого отряда отказалась от продолжения похода и возвратилась морским путем в Европу, часть под предводительством герцога Фридриха Швабского вступила в Антиохийское княжество, и затем осенью 1190 г. жалкие остатки немцев соединились с христианским войском под Акрой, где им не пришлось играть важной роли.

С 1188 по 1191 г. христианские князья приходили под стены Акры один-по-одному; не было ни одного момента, когда бы все наличные силы христиан, приходившие с Запада, сосредоточились здесь в одно время. Часть христиан, прибывшая под Акру, погибала под ударами мусульман, от болезней и голода; ее заменял другой отряд и в свою очередь подвергался той же участи. Кроме этого, для христиан представлялась масса других затруднений, которые тяжело отзывались на ходе всего дела. Христиане осаждали город с моря — единственная часть города, на которую они могли направить свои осадные орудия. Внутренняя земля была занята войсками Саладина, который удобно и легко сносился с Месопотамией, служившей для него источником подновления его военных сил. Таким образом, христиане никогда не соединяют своих сил, между тем как Саладин постоянно обновлял свои войска свежими приливами мусульман из Месопотамии. Кроме того, для осады города нужен был строительный лес; вблизи христиане нигде не могли достать его, а должны были доставлять строительный материал из Италии.

В войне попеременно принимали участие то итальянцы, в особенности приморские города — Венеция, Генуя и Пиза, то французы, то немцы, то англичане, смотря по тому, какой народ в данный момент был в более значительном количестве. К этому неудобному положению присоединилось еще соперничество восточных вождей. Гвидо Лузиньян был во вражде с Конрадом Монферратским. Их соперничество разделило и крестоносный лагерь на две враждебные партии: итальянские народы сосредоточились около тирского князя; англичане приняли сторону Гвидо.

Летом 1191 г. под Акру пришли французский и английский короли, на которых много возлагали надежд восточные христиане. Кроме этих двух королей, пришло еще одно коронованное лицо — герцог австрийский Леопольд. Теперь можно было ожидать, что дело пойдет надлежащим путем, по определенному плану. Но, к сожалению, такого плана не было выработано представителями христианских наций. Личные отношения французского и английского королей, наиболее важных лиц по своим военным силам, выяснились еще в Мессине: они расстались если не врагами, то и не друзьями. Когда же Ричард овладел Кипром, французский король предъявил претензии на часть завоеванного острова, в силу договора, заключенного между ними еще во время сборов в поход, — договора, по кото-

рому оба короля обязались разделять между собою поровну все земли, которые они завоюют на востоке. Ричард не признавал за французским королем прав на Кипр: «Договор, — говорил он, — касался только земель, которые будут завоеваны у мусульман». Под Акрой недоразумения двух королей получили более острый характер. Мы видели, что Ричард, находясь в Кипре, высказался в пользу Гвидо Лузиньяна; Филипп Август стал на сторону Конрада Монферратского. Личные характеры королей также разъединяли их. Рыцарский характер Ричарда подходил к характеру Саладина; тотчас обнаружились симпатии между мусульманским повелителем и английским королем, они начали пересылаться посольствами, оказывать друг другу знаки внимания. Такое поведение Ричарда отозвалось неблагоприятным образом на его авторитете среди христиан; в войске утвердилась мысль, что Ричард готов изменить. Таким образом, в Ричарде была парализована вся его сила, вся мощь и энергия; в то же время французский король не обладал личной энергией настолько, чтобы распоряжаться осадой. Таким образом, все преимущества, все благоприятные условия были на стороне Саладина.

В июле Акра доведена была до истощения, и гарнизон начал договариваться о сдаче. Саладин не прочь был заключить мир, но со стороны христиан были предложены слишком суровые условия: христиане потребовали сдачи Акры, мусульманский гарнизон города получит свободу только тогда, когда христианам будут возвращены Иерусалим и другие завоеванные Саладином области, кроме того, Саладин должен был дать 2 тысячи заложников из знатных мусульман. Саладин, повидимому, соглашался на все эти условия. Христианские князья, ввиду скорой сдачи города, стали зорко следить за тем, чтобы в город не были доставляемы съестные припасы. 12 июля 1191 г. Акра была сдана христианам. Исполнение предварительных условий мира скоро встретило препятствие. Между тем, при занятии Акры среди христиан имели место весьма тяжелые недоразумения. Герцог австрийский, войдя в город, поспешил выставить немецкое знамя. Ричард велел сорвать его и заменить своим; это было сильным оскорблением для всего немецкого войска; с этого времени Ричард приобрел себе в лице Леопольда непримиримого врага. Кроме того, западные князья поставили себя в ложное отношение к туземному населению города. При самом завладении Акрой оказалось, что значительная часть городского населения состояла из христиан, которые, под владычеством мусульман, пользовались различного рода привилегиями. По освобождении Акры от мусульман как французы, так и англичане хотели захватить побольше власти в городе и начали притеснять население; короли не заботились о том, чтобы были исполнены со стороны мусульман другие пункты договора. Французский король дошел до крайнего раздражения; неприязнь Филиппа к Ричарду раздувала слухи о том, что английский король замы-

шляет продать все христианское войско мусульманам и даже готовится посягнуть на жизнь Филиппа. Раздраженный Филипп оставил Акру и отправился домой. Само собою разумеется, что преждевременное возвращение французского короля наносило чувствительный ущерб делу крестового похода. Заправляющая роль оставалась за Ричардом, который со своим пылким рыцарским характером, лишенный политического чутья, являлся слабым соперником Саладина, умного и хитрого политика.

Во время осады Акры бременские и любекские купцы, по примеру других военно-религиозных орденов, возникших во время Первого крестового похода, устроили на свои средства братство, которое имело целью оказывать помощь бедным и больным немцам. Герцог Фридрих Швабский принял это братство под свое покровительство и исходатайствовал в пользу его папскую грамоту. Это учреждение впоследствии получило военный характер и известно под именем Тевтонского ордена.

Ричард, оставаясь в Акре, ожидал исполнения со стороны Саладина остальных пунктов мирного договора. Саладин отказался возвратить Иерусалим, не освобождал пленников и не платил военных издержек. Тогда Ричард сделал один шаг, который напугал всех мусульман и который должен считаться самым характерным для той печальной славы, которую приобрел он на Востоке. Он велел заколоть до 2 тысяч знатных мусульман, которые находились в его руках в качестве заложников. Такого рода факты были необычным явлением на Востоке и вызывали со стороны Саладина только озлобление.

Ричард не предпринимает никаких решительных и правильных действий против Саладина, а ограничивается мелкими нападениями. Эти наезды с целью грабежа характеризуют, правда, рыцарское время, но в приложении к главе крестоносного ополчения, который представлял интересы всей христианской Европы, обличали только неуменье взяться за дело. Раз Саладин пожертвовал Акрой, христиане не должны были допустить его укрепиться в другом месте, а должны были тотчас идти на Иерусалим. Но Гвидо Лузиньян, этот номинальный король без королевства, вражду которого к Конраду Монферратскому можно объяснить только завистью, уговаривал Ричарда очистить от мусульман прежде всего береговую полосу; Гвидо Лузиньяна поддерживали также и венецианцы, преследовавшие торговые цели: для них было удобнее, чтобы приморскими городами владели христиане, а не мусульмане. Ричард, поддавшись этому влиянию, двинулся из Акры на Аскалон — предприятие совершенно бесполезное, которое было внушено торговыми интересами итальянских городов и честолюбием Гвидо.

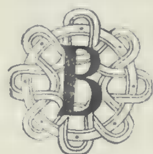
Сам Саладин не ожидал подобного бессмысленного шага со стороны Ричарда; он решился на экстренное средство: велел срыть крепкие стены Аскалона и превратить в груду камней самый город. Всю осень 1191 г.

и весну 1192 г. Ричард стоял во главе крестоносного ополчения. Все это время он потерял в преследовании ложных планов и ненужных задач и дал понять своему талантливому противнику, что он имеет дело с человеком весьма недальновидным. Не раз для Ричарда представлялась совершенно ясно задача — итти прямо на Иерусалим; само войско его сознавало, что оно не исполнило еще своей задачи, и побуждало короля к тому же. Три раза он был уже на пути к Иерусалиму, три раза сумасбродные идеи заставляли его останавливать марш и двигаться назад.

К началу 1192 г. в Азию пришли известия из Франции, которые сильно встревожили Ричарда. В то же самое время Конрад Монферратский, понимая, что при бестактности Ричарда едва ли христианам удастся победить Саладина, перешел на сторону последнего, выговорив у него для себя Тир и Акру и обещая за это соединиться с ним и одним разом уничтожить Ричарда. Тогда Ричард, поставленный в затруднительное в высшей степени положение делами на Востоке и беспокоясь за свои английские владения, которым угрожал французский король, употребил все средства для того, чтобы войти в сношение с Саладином. В мечтательном самообмане он составил совсем неосуществимый план. Он предложил Саладину соединиться с ним узами родства: он предлагал выдать свою сестру Иоанну за брата Саладина Малек-Аделя. Наконец, Ричард заключил 1 сентября 1192 г. договор с Саладином, по которому за христианами оставалась небольшая береговая полоса от Яффы до Тира, а Иерусалим, св. крест и гроб Господень снова были предоставлены мусульманам.

Глава III

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. СЕРБЫ И БОЛГАРЫ



В конце XII в., вместе с процессом расчленения империи и в зависимости от него, происходило весьма любопытное движение среди населения Балканского полуострова. В первый раз сербы и болгары, делящие господство на полуострове, выступили с определенными и хорошо обдуманными целями, клонившимися не только к освобождению от политического господства Византии, но вместе с тем к государственной и церковной организации на национальных началах. Нужно признать, что момент был весьма благоприятный для сведения старых счетов, но вместе с тем нельзя не принять в соображение и того обстоятельства, что было много упущено дорогого времени, чтобы освободительное движение славян прошло незамеченным со стороны германцев и латинян и не встретило с их стороны сопротивления. Не лишено также значения, что уже в этот ранний период, когда оба народа выступили, и притом почти одновременно, с определенными и хорошо сознанными историческими задачами, историк не встречает более или менее ясных указаний на то, как желали размежеваться между собой сербы и болгары, если бы ход событий вполне благоприятствовал осуществлению их планов. Ввиду указанных соображений находим уместным войти здесь в некоторые подробности с целью выяснения сербо-болгарских отношений перед латинским завоеванием империи.

Выше мы говорили о деятельности Стефана Немани и старались выяснить первостепенное значение в истории Сербии того обстоятельства, что одна часть сербского племени рано вошла и с течением времени все более подчинялась западной культуре и латинскому церковному влиянию, а дру-

гая находилась и осталась в сфере влияния Византийской империи и константинопольского патриархата. С одной стороны Босния, с другой Рашка и Зета; и в собственной Сербии, или Рашке, следует отличать приморскую часть от той, которая находится за горами. Босния и приморская Сербия тянет к латинству, Рашка находится под действием византинизма. Латинское церковное влияние сопровождалось образованием других настроений, чем греко-византийское. Смерть царя Мануила может считаться эпохой и в истории Стефана Немани. С тех пор он смелей ставит свои требования по отношению к соседним с Сербией областям, населенным славянами. В союзе с уграми сербы начали (1183 г.) военные действия в двух направлениях: на север до Софии, на юго-восток до Ниша. Но в дальнейшем движении для сербов встретилось препятствие в освободительном движении, начатом Петром и Асенем в Болгарии. Великий жупан Сербии в этом отношении стал на правильную точку зрения и в восстании болгар видел благоприятное для себя обстоятельство, которому содействовал и которое облегчал всевозможными средствами.

Нельзя не отметить, что немецкое крестоносное движение, направлявшееся через Угрию и через владения Стефана, должно было подействовать весьма благоприятно для начавшегося здесь политического акта. Все ведет к предположению, что Фридрих Барбаросса обнадеживал славян в успешном ходе их борьбы и в свою очередь обеспечивал себе тыл дружественными сношениями с сербским и болгарскими вождями. Ясно также и то, что Стефан Неманя весьма практично использовал положение дел, когда начал наступательные действия против Перника, Скопья и Призрена.

Хотя балканские события имели громадное значение для судеб империи, но официальный летописец относится к ним весьма поверхностно. Лишь только Исаак Ангел проводил германское ополчение в Малую Азию, он поспешил на Балканский полуостров. «Еще не успел ты отдохнуть от забот, какие доставили тебе козни германцев, как повторяющиеся набеги из-за Дуная заставили снова избрать лагерную жизнь», — говорил Исааку придворный оратор.* В 1191 г. митрополит Евстафий произнес в Филиппополе речь, посвященную военным делам. Поход Исаака, имевший целью «обуздание сербской надменности», на этот раз ограничился Филиппополем и был повторен в весьма непродолжительном времени, как о том можем судить на основании похвального слова Никиты Акомината. Византийские и сербские войска сошлись на Мораве, а Стефан тогда простирал свою власть уже до Скопья. Сербам нанесено было на этот раз значительное поражение, и, кроме, того, завязаны переговоры с Белой III.

* Хронология событий восстановляется на основании церковных речей и похвальных слов, разобранных в моей книге «Образование второго Болгарского царства», стр. 154 и сл.

В похвальном слове все преувеличено до такой степени, что почти утрачено понимание реальности. «Как жених, исходящий из чертога своего, ... ты светлыми лучами оживил наши северные дела, как бы оцепеневшие от варваров. Бросив свой луч на балканских отступников, ты ослепил их. Затем ты прошел на запад и, как огонь всепожирающий, явился пред жалким далматинцем. Неманя растаял, как воск, и просил на конце пальца утолить его жажду. Сложив с себя символы власти и обнаженный от господства над далматами, он пришел коснуться прекрасных ног твоих и пытался ослабить удары неумолимой секиры твоей».*

Следует обратить внимание, что движение развивается параллельно в Сербии и Болгарии и что византийское правительство столько же озабочено было восстанием в Болгарии, сколько военными предприятиями великого жупана Сербии. Последний одновременно ведет дело на два фронта. В то время, как на юго-востоке успех сербов был обеспечен восстанием Петра и Асеня, по направлению Адриатического моря стояли на пути их притязаниям Венгрия и Венецианская республика. С этой точки зрения представлялось весьма важным осветить намек на предприятия сербского великого жупана в Далмации, относящиеся к царствованию Исаака, хотя в самом слове под далматами разумеются сербы. Здесь по смерти Мануила Стефан Неманя в союзе с венгерским королем занял некоторые города в северной Далмации вместе с Зарой. На Адриатическом море сербские владения в Захлумье и Зете представлены были в княжении Мирослава и находились в зависимости от сплетской архиепископии. Столько же влияние римского престола, как и отдаленность от центра этих владений постоянно ставили великого жупана в необходимость защищать эти области против покушений со стороны соседей. После переговоров и соглашения с германским императором Неманя продолжал более активную деятельность на далматинской окраине. Так он овладел Скутари вместе с окрестными епископскими городами** и приморскими укрепленными местами Дульциньо, Антивари и Котор. В 1189 г. жена князя Михаила дуклянского Демслава бежала в Рагузу вследствие притеснения со стороны Немани, и весьма вероятно, что с тех пор и Дукля присоединена к Сербии. По отношению к Котору имеется акт городского совета от 1186 г., помеченный временем Стефана Немани. Поражение на Мораве, которое так сильно преувеличил в своем похвальном слове Никита Акоминат, сопровождалось следующими результатами. «Неманя убежал из боязни, чтобы не попасться в плен и не потерпеть наказание за проступок против своего господина. Ты же напустил на его дом всепожирающий огонь, который уничтожил не только то, что подвергается горению, но и самые камни, и взял

* Recueil des historiens des Croisades. Historiens Grecs, II, pp. 738—739.

** Y i r e č e k. Gesch. der Serben, S. 265.

большой полон, а многих перебил. Земля обратилась в пустыню, и не осталось в ней жителей, Далмация стала доступна только ветрам. Ты сам лично участвовал в битве, не подражая в этом своим предшественникам. Вследствие того еще недавно гордившиеся перед нами иноязычные племена испытали скорбь, и напал на них страх и трепет при слухе о том, какие бедствия постигли далматинцев». Границы Сербии при Исааке простирались на востоке до области между горою Рудник и долиной Моравы и до Губочицы на юг от Ниша. На юге к Сербии отошла местность по течению Ситницы и Лабы и дальше Печ и Дечаны, наконец небольшие области между Призреном и Скутари, не говоря о приморской области с городами Скутари, Антивари и Котор. Границы между Сербией и Византией могут быть обозначены: Белград, Ниш, Скопле, Призрен и Алессио. До какой степени империя приписывала важность установлению мирных отношений со Стефаном Неманей, доказывается и тем, что сербский принц, сын Немани, был обручен с Евдокией, племянницей Исаака.

Что касается церковных отношений, то Стефан поставлен был в связь с папским престолом, так в Далмации в его владениях господствовало католическое исповедание. Новыми данными освещен этот вопрос в исследовании проф. Станоевича.* Ко времени усиления политической власти Немани приморская Сербия принадлежала к архиепископии Рагузы. При папе Клименте III решен был церковный вопрос таким образом, что Босна подчинена Сплету, а прочие сербские земли — Рагузе-Дубровнику. Именно к 1189 г. относится письмо к архиепископу Бернарду и другое письмо к Немане и его братьям Страцимиру и Мирославу, которым рекомендуется вновь посвященный архиепископ и определяется подчинение Дубровнику приморской Сербии. Несомненно это открывало для Бернарда виды на расширение католической церкви и на восточные сербские области, но политический такт Немани умело оберегал границу между влиянием папы и влиянием константинопольского патриарха. Условия благоприятствовали тому, чтобы светская власть удержала свой авторитет, несмотря на раздвоение церковного правительства. После дела на Мораве византийское влияние должно было вновь подняться в приморской Далмации. Это видно, между прочим, из того, что сенат Дубровника просил Исаака Ангела принять республику под свое покровительство и что Византия в 1192 г. снова восстановила в Дубровнике свое влияние.

Переворот, произведенный в пользу Алексея, брата Исаака Ангела (1195 г.), имел важные последствия в политике Византии на Балканах. Трудно сказать, была ли непосредственная связь между этим переворотом и тем, который в начале следующего года произошел в Сербии. Известно,

* Борба за самосталност католичке цркве у Немањичкој држави. Београд, 1912, стр. 69.

что один из сыновей Стефана, по имени Волкан, был владетелем Зеты, которая до времени Стефана занимала главенствующее положение в Сербии и владетельные князья которой носили титул королей. По праву рожденья Волкан был старший из сыновей и ему принадлежало наследство в сербском княжестве, но на самом деле, когда 25 марта 1196 г. Неманя отказался от престола с целью принять монашеский постриг, наследником его объявлен не Волкан, а младший сын Стефан, женатый на дочери только что вступившего на престол Алексея. Это распоряжение Немани, обусловленное по всей вероятности важными государственными соображениями, предоставляло зетскому владетелю титул великого князя с некоторыми привилегиями в его пользу за отказ от наследства на великое жупанство и вместе с тем узаконило на все последующее время отдельность Зеты от Рашки в политическом и церковном отношении. Принимая во внимание, что история Зеты развивалась в ином направлении, чем история континентальной Сербии, т. е. что в первой преобладали западные культурные влияния и латинский церковный обряд, эта область и в конце XII в. рядом новых и не предвиденных Стефаном мотивов приведена была к укреплению на пути своего предыдущего раздельного существования. Для оценки последующей деятельности Волкана имеют значение два обстоятельства: завоевательное движение Венгрии, окончившееся падением Хлума, удела Мирослава, и церковная политика папы Иннокентия III, имевшая столь крупное значение в истории папства. Оказывается, что Волкан был женат на родственнице папы Иннокентия и следовательно имел особенные причины вступить в ближайшие сношения с Римом и получить от папы некоторые церковные привилегии для своей страны. Таким путем Волкан приобрел для себя титул короля и для своей церкви — самостоятельную архиепископию с кафедрой в Бари. В дальнейшем события сербской истории стоят в тесной связи с латинским завоеванием Константинополя.

Переходим к изложению событий в северо-восточной части Балканского полуострова.

Уже в первые годы после начала болгарского восстания Исаак Ангел должен был признать за Петром и Асенем некоторые права воюющей стороны. Так в 1187 г. имел место договор или по крайней мере соглашение, по которому в Константинополь был передан в заложники брат повстанцев Асеней по имени Иоанн. Можно думать, что вместе с этим Византия молчаливо допустила самостоятельность части Болгарии от Ловча до Черного моря. Во время тревог и волнений, вызванных немецкими крестоносцами в 1189—1190 г., хотя болгары не стояли в открытой войне с Византией, но не были и сторонниками ее, ибо находились в союзе с Неманей и вместе с тем поддерживали опасные для империи переговоры с Фридрихом Барбароссой, которые внушали грекам много тревог. Не иначе как во враждебном смысле следовало понимать и бегство из Кон-

стантинополя болгарского заложника Иоанна Асеня. Таким образом уже весной 1190 г. Исаак должен был предпринять поход в Болгарию, которой угрожало двойное движение — извне со стороны половцев, внутри от повстанцев, предводимых братьями Асенями. На поход возлагались великие надежды, как это выразил придворный оратор: «Пропонтида покроется военными судами, и река Дунай, рассекаемая ромэйскими веслами, понесет стоны и крики врагов»; между тем все предприятие имело весьма печальный исход. Неприятели оказались лучше приготовленными, чем это думали в Константинополе, осада городов вовсе не входила в расчеты Исаака, и в довершение всего стали доходить слухи, что куманы угрожают вторжением из-за Дуная. Поспешное отступление от Тырнова через один из Балканских проходов к Веррии, ныне Эски-Загра, было гибельным для византийского войска. Оно было перебито, по выражению историка Никиты Акомината, как скот, запертый в хлев. Краткие и сухие известия летописи о византийско-болгарской войне разъясняются, как мы видели выше, похвальными и церковными речами. Главнейше имеем в виду речь Евстафия Солунского, в которой находим одну из лучших характеристик половцев, или куман,* и которая трактует о походе 1191 г. Нужно полагать, что результаты далеко не соответствовали ожиданиям, так как военное положение в Болгарии и Македонии не прекращалось и так как болгары с половцами производили опустошения, доходя до Софии и Адрианополя. В 1194 г. снова был предпринят поход против болгар, которые на этот раз угрожали движением к Константинополю. Стратиг Василий Ватаци погиб в битве с ними при Аркадиополе. Помощник Ватаци Алексей Гид едва спасся бегством, а лучшая часть его войска, приведенного с востока, погибла на месте сражения. Постоянные неудачи Исаака в болгарской войне вызвали против него недовольство и служили одной из причин падения его в следующем году. Против царя составился заговор, который был приведен в исполнение во время нового похода, состоявшегося весной 1195 г. На этот раз Исаак шел с твердым намерением положить конец болгарскому движению, для чего собраны были экстренные средства, и между прочим король Бела III послал Исааку отряд угров. Во главе заговора стоял брат царя Алексей. И хотя Исааку доносили о зреющем против него замысле, но то обстоятельство, что примешивали к этому Алексея, служило для него ручательством в ложности доноса: «если самая вода губительна, то что же нам и пить», — замечает по этому случаю летописец. В Кипселах на реке Марице Алексей был провозглашен императором, а брат его Исаак пытался спастись бегством, но был схвачен, заключен в монастырь Богородицы-Мироспасительницы и там ослеплен. Любопытно здесь отметить, что ослепление происходило в монастыре, построенном севастократором

* [Федор Успенский]. Образование второго Болгарского царства, стр. 162—163.

Исааком, отцом Андроника.

Алексей Ангел, принявший прозвание Комнина, желал покончить с болгарами путем переговоров, но предводители Петр и Асень предложили такие условия, которые не соответствовали достоинству империи. Действительно, освободительное движение в Болгарии развивалось и захватывало новые области. При Исааке зерно движения было в Тырнове и Преславе, на запад оно пока еще не переходило. Болгары и союзники их половцы ведут борьбу с империей из северо-восточной Болгарии. Известия о враждебных нападениях «влахов и скифов» на Сер * и Амфиполь и вообще об опасном движении по большой дороге от Драча к Цареграду должны быть объясняемы в том смысле, что был, кроме северного, и другой очаг движения, в котором руководство принадлежало не Асеням. Центром этого вторичного движения были Струмица и Просек. Ко времени царя Алексея болгарский вопрос представляет новый вид: в юго-западной Болгарии образуется независимое славянское княжение, которое Византия принимает под свою защиту и противопоставляет Асеням, и кроме того в самой северо-восточной Болгарии нашлись враждебные Асеням элементы, которыми умело пользуется правительство Алексея. В 1196 г. пали от руки убийц оба вождя болгар. Боярин Иоанн Асень, который был некогда заложником при константинопольском дворе, выводит Болгарию на новый путь, придав ей посредством сношений с римской церковью характер самостоятельного и независимого от империи государства.

Первые годы правления Иоанна не были благоприятны для болгарского освободительного движения. Прежде всего обнаружившийся в Болгарии протест боярской партии против Асеней необходимо вызвал ряд строгих мер против недовольных, что повело к переходу на службу империи некоторой части боярства. Таков был боярин Иван, которого в Константинополе приняли с отменным радушием и наградили большими почестями и земельными владениями. Алексей Ангел простер к нему свое расположение до такой степени, что женил его на одной из принцесс и позволил ему носить царское имя Алексея. Ивану-Алексею поручено было главное начальство в Филиппопольском пограничном с Болгарией округе и предоставлено ведение войны с болгарами. И современный историк Византии выражается о нем, что некоторое время он был желанной защитой греков против болгар и куман. Прошло довольно времени, прежде чем в Константинополе дали себе отчет в истинных намерениях Ивана. Так, он стал возводить укрепления по эту сторону Балкан, приглашал к себе на службу болгар и раздавал им лучшее вооружение. Когда он достаточно упрочил свое положение, то всем влиянием воспользовался лишь для того, чтобы нанести империи решительный удар. Таков же был боярин Хриз, принадлежавший к числу болгарских вельмож, которые находились в антагонизме

* Serrhae, Serra, Seres, Серес (*Ред.*).

- Латинская империя и ее вассалы
- Никейская империя
- Эпирский деспотат

ок. 1214 г.

- Эпирский деспотат при Феодоре Ангеле (до 1230 г.)
- Болгарское царство при Иване II Асене (ок. 1230 г.)
- Владения венецианцев

Балканские государства в первой половине XIII в.

с Асенями. Он думал основать независимое княжение в Македонии, в области Струмы. Историческая роль его начинается с тех пор, как он укрепился в Струмице и Просеке. Никита Акоминат дает весьма картинное описание этого недоступного для врагов гнезда Хриза,* которое сохранило свое военное значение и до настоящего времени. «Высокие утесы, почти соприкасаясь один с другим, представляют единственный доступ к местечку, притом узкий, трудный и скалистый. Кругом же сплошная и недоступная скалистая масса, окруженная глубокой рекой Аксием [Вардар]. Искусство же впоследствии придало этим природным преимуществам значение почти недоступной крепости. Хриз, овладев им, создал в нем безопасное от ромэев убежище. Он собрал здесь наемников, расставил кругом метательные снаряды, сделал значительные запасы продовольствия; стада быков и овец паслись у него по вершинам гор. Крепость занимала немалое пространство в окружности и обиловала тенистыми рощами и лесистыми местами. Не было, однако, здесь ни ключа, ни колодца; за водой нужно было ходить на реку и черпать ее ведрами». Из этого недоступного укрепления Хриз смело делал вылазки с целью опустошительных набегов на окрестные места, подчиненные империи. Для выяснения состояния, в каком находилось брожение на Балканском полуострове к началу XIII в., некоторый новый свет дают современные ораторские произведения.

Боярин Иван-Алексей не позднее 1199 г. обратил имевшиеся под его начальством силы против империи и заставил царя Алексея предпринять против него поход. Но Иван-Алексей спасся за Балканские горы и высылал оттуда легкие отряды против царского войска, во главе которого стоял протостратор Мануил Камиза. Опасность положения усиливалась вследствие того, что бунтовщик имел помощь от Иоанна Асеня и действовал согласно его указаниям.

Византийский император обнаружил в это время крайний упадок духа и бессилие. Странная мучительная болезнь не давала ему покоя. Избегая советов с докторами, он прикладывал раскаленное железо к ранам, чтобы утолить невыносимую боль, причем запирался один в спальне и никого не допускал к себе. Болезнь продолжалась всю зиму; к весне он не мог еще стоять на ногах, но решил отправиться в Кипселы, сборное место войска, имеющего отправиться против славян. Опасность грозила не от одного Ивана-Алексея, против которого действовали зятья царские. Царь болгарский Иоанн двинул к весне летучие отряды куман и болгар во Фракию. Никогда еще эта стая не отваживалась на более смелый и опустошительный набег: почти в окрестностях столицы появились куманы, 23 января

* Nic. Acom., p. 666.

они опустошили Чорлу (Τζουρουλός, — *Ред.*) и напали на беззащитных поселян, собравшихся в этот день на ярмарку в местечко Куперий.

Не против Ивана и не для отражения дерзкого набега куман собраны были войска в Кипселах. Владетель Струмицы и Просека, болгарин Хриз, заняв неприступное положение, угрожал набегами в Македонии и овладел уже многими местами. Экспедиция против Хриза представляла большие затруднения в природе местности. Бывшие с императором старые и опытные военные люди советовали не предпринимать пока осады Просека, а подступить к нему тогда, когда будут заняты менее важные места, находящиеся под властью Хриза. Этим бы можно было поднять дух в византийском войске и с другой стороны — приготовить Хриза к уступчивости и миролюбивым предложениям. Неблагоразумно, — говорили, — начинать дело с атаки недоступного пункта и вести войско на скалистые утесы, что во всяком случае сопряжено с кровавым потом, потребует многих усилий и будет стоить громадной траты военных сил. На военном совете одержал, однако, верх голос людей, не имевших военного опыта, но пользовавшихся личным расположением государя. Эти последние были того мнения, что нужно итти прямо на Просек, что от сдачи этого места зависит исход экспедиции. Если будет взят Просек, — говорили они, — мы не встретим сопротивления в стране. Решено было итти на Просек и разорить самое гнездо Хриза.

Попытка осадить Просек и принудить Хриза к сдаче, действительно, не соответствовала тем средствам, которыми располагал император. «Ромэи * совершали чудные и достойные удивления дела. Одни со щитами и с мечами наголо, другие с луками и стрелами взбирались на утесистые вершины укрепления и бешено бросались на гарнизон, защищавший стену и крепость. После многих усилий и резни они прогнали варваров с укрепления, недавно возведенного для защиты входа. Были и такие, которые, как дикие козы, пробирались по утесистым склонам, чтобы попасть за стены и сделать нападение на самую крепость. Когда же они почти уже совершили блистательный подвиг, обратив в бегство защитников стен и принудив их запереться в цитадель, тогда только обнаружилась тщетность их невероятных усилий. Ибо не нашлось никого, кто бы мог им доставить орудие, чтобы сделать пролом в стене. Тем не менее, не теряя присутствия духа и горя негодованием против начальника царской артиллерии, они действовали вместо кирок руками и щитами, разбивая связь между камнями. Дело шло весьма медленно, и они много страдали от врагов, занимавших высоты. Наконец прибыл заведывающий осадными снарядами и принес несколько кирок в одной связке. Нужны были еще лестницы, чтобы взобраться на самую стену, но и их не скоро могли доставить. Вследствие этого, не упорствуя далее в невозможном предприятии,

* Nic. Acom., p. 669 и след. (*Ред.*)

с неохотой они сошли оттуда. В самом деле, валахи говорили потом, что ромэи могли бы взять крепость и захватить в ней Хриза, если бы они приготовили стенобитные машины и своевременно доставили их на место». На следующий день болгары отлично пользовались своими метательными машинами и убили многих греков спускаемыми с высот камнями. Они имели прекрасного механика, который заведывал метательными снарядами: сначала он служил в византийском войске, но потом ушел к Хризу, когда греки перестали исправно платить ему жалованье. Ночью болгары сделали вылазку, испортили снаряды, расставленные византийцами на высотах, и напали на ночную стражу. Напуганные греки побежали к палатке протовестиария Иоанна, который тоже обратился в бегство. Болгары поделили между собою добычу, найденную у протовестиария; цветные сапоги, отличие сана, доставили гарнизону Просека много поводов смеяться над византийцами. Этим собственно и кончаются подвиги императора под Просеком. Он вступил в переговоры с Хризом и заключил с ним мир, весьма постыдный для империи. Именно император признал Хриза независимым князем Струмицы и Просека и других окрестных городов.

Из рассмотрения отдельных фактов движения на Балканском полуострове вытекает несомненное заключение, что Иван-Алексей, Хриз и Камиза стояли в более или менее прямых сношениях с царем болгарским и в глазах самих греков были не более как исполнителями приказаний этого последнего. В рассматриваемый период византийское движение сосредоточилось в южной Болгарии, причем северная оставалась совершенно свободною от греков: отсюда продолжали выходить только вспомогательные отряды болгар и куман на помощь тому или другому из южноболгарских вождей. Весной 1201 г. Иоанн в первый раз переходит к открытому предприятию против Византии. Но здесь мы уже видим не набег «крылатой стаи» и не поход с целью грабежа, а обширное предприятие, исполненное по всем правилам военной науки. Успешный поход 1201 г. мы представляем себе результатом внутренней деятельности болгарского царя в первую половину его царствования. Первый удар нанес он грекам в южной Болгарии, взяв укрепленный город Констанцию, на большой дороге между Филиппополем и Адрианополем. Весьма может быть, что движение его к Родопским горам прикрывало другое — к Варне. Только в этом приморском городе продолжали еще держаться греки к северу от Балкан, укрепив его сооружениями и снабдив сильным гарнизоном из иностранцев. Осада Варны и взятие ее приступом — это уже бесспорное дело правильно организованного войска, ибо для исполнения предприятия требовалось знание военного искусства и запасы осадных снарядов.

В первые годы борьбы болгары имели на своей стороне сербов, но союз прекратился после отречения Стефана Немани. Споры за великожупанский титул между сыновьями Немани подали повод к вмешательству Венгрии

и сербские дела. Вместе с тем здесь началась борьба между католическим и православным влиянием. Первое находило себе сильную поддержку в лице великого жупана Волкана, второе — в лице брата его Стефана, впоследствии Первовенчанного. Мы возвратимся ниже к этому наиболее важному в истории Сербии вопросу, стоящему в тесной связи с внутренними событиями, теперь же продолжим историю освободительного движения Болгарии. В 1201 г. после взятия Варны, сопровождавшегося жестоким распоряжением закопать живыми в ров всех пленных греков, заключен был мир между Иоанном и Алексеем Ангелом, причем обе стороны как равные в политическом отношении обязывались иметь одних и тех же врагов и друзей. В ближайшие затем годы заметны враждебные столкновения сербов с болгарами, из чего можно заключать, что Сербия явно склонялась тогда к угорско-католическому союзу. Об этом имеется несколько указаний в письме Стефана к Саве и в переписке с папой Иннокентием III. Во время переворота в Сербии, сопровождавшегося низвержением Стефана и усилением Волкана, болгарский владетель Иоанн находился уже во вражде с Сербией, хотя папа пытался внушить ему миролюбие и рекомендовал возобновить добрые отношения с Волканом. Можно думать, что предметом споров были города по Дунаю и Мораве, как Белград, Браничев и Ниш, где сталкивались интересы двух соседних племен, куда также стремились со времени последних Комнинов угорские короли.

Гораздо сложней является политическое положение в Македонии. Здесь, как мы видели выше, утвердился полузависимый владетель Хриз-Добромир, имевший пребывание в Струмице и Просеке (Демир-Капу) и вступивший в связи с византийским дворянством вследствие брака с дочерью Мануила Камизы. Когда этот последний поднял восстание в западной Македонии и Фессалии, Хриз был на его стороне и вел с ним общее дело. Но затем, когда восстание было потушено Алексеем Палеологом и Иоанном Инополитом, Хриз потерял свое княжение, и власть над Просеком перешла к воеводе, посаженнику болгарского царя Иоанна.

В дальнейшей истории Хриза, с которым может быть сопоставлен Стрезь, упоминаемый в Синодике царя Бориса и в сербских сказаниях, остается несколько темных фактов, которых не удалось еще выяснить.*

Распадение империи, начавшееся при последних Комнинах, продолжало свое поступательное движение при царях из дома Ангелов. Отделились не только подчиненные не-греки, но целые области с греческим или наполовину греческим населением. Навстречу этому расчленению византийской империи подготовлялось военное движение в Западной Европе; крестоносцы должны были воспользоваться наступившим критическим положением и приступить к осаде Константинополя. Прежде чем излагать эту

* Моя книга «Образование второго Болгарского царства», стр. 236—237.

авантюру, как называли Четвертый крестовый поход современники, попытаемся выяснить роль римского папы в событиях, которыми здесь занимаемся. Тогдашняя европейская политика, как церковная, так и светская, находилась в руках папы Иннокентия III, одного из величайших пап, когда-либо занимавших римский престол. С первых же дней вступления на престол св. Петра (январь 1198) Иннокентий стал уделять особенное внимание событиям на Балканском полуострове. Может быть не без значения в этом случае было и то обстоятельство, что папа по матери был в родстве с Волканом. Сношения между зетским великим князем и папой начались в том же 1198 г., как видно из буллы папы от января 1199 г., в которой, посылая в Зету легатов с большими церковными полномочиями, он обращается к Волкану как к «славному королю Далмации и Диоклеи». Между прочим в этой булле читается: «Узнав из твоего письма к нашему апостольскому престолу о твоей горячей преданности, что ты Римскую церковь, мать твою, после Бога любишь всего больше и внимательно соблюдаешь все наши повеления, согласно твоему желанию мы отправили наших возлюбленных капеллана Иоанна и иподиакона Симеона».* Весьма любопытно отметить, что тогда же папа вступил в сношение с великим жупаном Сербии Стефаном и, как следует заключать из ответного письма этого последнего, к нему были отправлены те же самые легаты, что и к Волкану. Трудно выяснить ближайшие мотивы последовавших затем фактов, но к ним нужно подходить без сомнения с точки зрения завязавшихся с Римом сношений. Так, без всяких причин Стефан, женатый на византийской царевне Евдокии, дочери Алексея, отсылает ее назад. Но, если в этом можно усматривать влияние папских советников, то в ближайшее затем время великому жупану предстояло подвергнуться новым испытаниям. В 1202 г. началась междоусобная война между великим жупаном и Волканом, в которую вмешался угорский король Эмерих. Следствием этого было то, что Стефан Первовенчанный был лишен власти и единственным обладателем сербских земель стал Волкан. Указанный политический переворот совершен был в интересах католической церкви и должен был иметь своим последствием подчинение сербских земель Риму. Хотя естественным решением вопроса было бы подчинение Стефановой державы барской архиепископии, в которую в то время входила в церковном отношении Зета, но с целью удовлетворения притязаний Угрии папа включил Рашку в епархию венгерской коложский архиепископии.** Оценивая этот переворот, мы должны признать, что от него выиграла больше всего Угрия,

* Вся переписка пап с южными славянами находится в прекрасном издании: Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II, p. 311 и сл. Zagreb, 1904. Старое издание (Theiner. Vetera monumenta slavorum meridionalium) не вполне впрочем заменено загребским изданием.

** Theiner. Vetera monum., XXXIII, p. 19.

получив в Сербии политическое влияние и — через коложского архиепископа — церковную власть. Можно понять, как новый порядок вещей должен был взволновать православную партию в Сербии и как приверженцы Стефана могли постепенно подготовить почву для реакции. Угорский король, став верховным владыкой великожупанских земель, выразил в первый раз притязание взять в свои руки исправление политики Балканских государств. Две главные задачи проведены были тогда Угрией при содействии Рима, и эти задачи в течение всех средних веков были руководящими по отношению к славянам: усиление католицизма и противопоставление сербских притязаний болгарским, и наоборот. Не допустить образования большой славянской державы — такова была цель тогдашней западной политики. Эта сторона вопроса хорошо выясняется из нижеследующих обстоятельств.

С таким же вниманием папа Иннокентий относился к Болгарии. Переписка с Калоиоанном или Иоанном Асенем представляет в высшей степени любопытные черты. Первое, что бросается здесь в глаза, — это указание на римское происхождение Асеней. Для римского престола оно служит основанием напомнить болгарскому царю, как стал называть себя Иоанн, об его римском происхождении и вызвать в нем чувства преданности католической церкви. Асени охотно приняли это указание, хотя для них было бы гораздо выгодней доказать свое родство с прежними царями Болгарии, так как Иоанн желал приобрести от римского престола корону и титул. «Призрел Господь, — писал Иннокентий в 1199 г., — на твое смирение и преданность к римской церкви... мы же, узнав, что твои предки произошли от благородного римского племени и что ты заимствовал от них искреннюю и как бы наследственную преданность к римскому престолу, еще прежде намеревались навестить тебя нашими письмами и легатами». Далее, уже в 1202 г., переписка между папой и Иоанном болгарским принимает в высшей степени определенный характер — больших запросов с одной стороны и постепенных уступок с другой. Калоиоанн, обозначив свой титул «император болгар и валахов», выражает в почтительном тоне предмет своих домогательств. «Получив ваше священное письмо, которое нам дороже всех сокровищ в мире, воссылаем благодарение Богу, который привел нас к памятованию крови и нашего отечества. И ныне, как добрый пастырь и глава всех верных христиан, желая собрать воедино чад католической и апостольской церкви, присоединил и нас к своему стаду. Блаженной памяти братья мои пытались отправить послов к вашему святейшеству, но они не могли достигнуть вас по причине многих наших врагов. И мы уже трижды делали подобную попытку, но все безуспешно. Теперь же, так как ваша святость благоволила послать к нам своего легата, отправляем к вам нашего доверенного пресвитера Власия и выражаем вам как духовному отцу и первосвященнику благодарность, дружбу и подчинение. Святейший

отец, вы дали понять в вашей грамоте, чтобы мы обозначили наши желания по отношению к римской церкви. Империя наша просит, чтобы утвердили нас в правах дочери относительно матери нашей римской церкви. Прежде всего просим наделения нас короною и честью, как это было при прежних наших императорах: Петре, Самуиле и других их предшественниках, согласно тому, что записано в нашей летописи». Но в Риме хорошо понимали политические и церковные замыслы болгарского царя и желали заручиться сначала более определенными обязательствами с его стороны. Едва вышеприведенное письмо стало известно в Риме,* как в ноябре того же 1202 г. папа Иннокентий подписал новую буллу на имя «благородного мужа Калоиоанна, обладателя болгар и влахов». В этом документе, где в первый раз делается попытка ограничения церковной самостоятельности Болгарии, папа говорит следующее: «Мы приказали тщательно пересмотреть наши регесты и убедились, что в подчиненной тебе земле, действительно, носили королевскую корону многие властители. Из них же ясно, что при папе Николае болгарский король крестился со всем народом и получил архиепископа от римского престола. Но при папе Адриане болгары отстали от латинской церкви и перешли в греческую, будучи подкуплены и обмануты греческими дарами и обещаниями. Хотя воспоминание об этом непостоянстве побуждает нас к осторожности, тем не менее мы решили отправить любезного сына нашего, капеллана Иоанна, которому доверили нашу собственную власть относительно посвящения в епископы и в другие церковные чины. Мы приказали ему также, чтобы он тщательно расследовал о венце, который был даваем твоим предкам римской церковью, как по древним летописям, так и по другим документам . . . дабы мы по получении от него и от твоих послов обстоятельных сведений могли притти к зрелому и обдуманному решению. Ради твоей земной славы и вечного спасения полезно, чтобы ты, будучи римлянином по происхождению, был таковым и по образу жизни и чтобы твой народ следовал институтам римской церкви и в самом культе давал бы обонять отеческие обычаи».

Сношения Рима с Тырновом, где была столица болгарского царства, затруднялись тем, что за ними зорко следили греки и угры, а с другой стороны болгары желали возможно больше получить и меньше дать. Весьма вероятно, что грекам удалось бы предупредить унию Болгарии с Римом, если бы весь политический и церковный строй империи не был неожиданно изменен вследствие латинского завоевания Константинополя и разделения империи в 1204 г. Наконец, в ноябре 1204 г. легат папы пресвитер Лев прибыл в Тырнов с неограниченными полномочиями организовать присоединение Болгарии к латинской церкви и венчать Калоио-

* Или хронология не точно установлена в изд. Тейнера.

анна королевской короной. «Посылаем тебе, — писал папа, — скипетр и королевский венец, ты же со своей стороны дашь клятвенную запись, что останешься преданным и послушным святой римской церкви и сохранишь в подчинении апостольскому престолу все земли и народы, подчиненные твоей империи. Разрешаем чеканить монету с твоим изображением, достопочтенному брату нашему, архиепископу тырновскому, жалуем привилегию приматии над всеми землями твоей державы. Он и его преемники нашей апостольскою властью будут короновать твоих преемников». Болгарскому примасу разрешено было варить и освящать муро и дано право являться везде с преднесением креста. Обряд венчания происходил 8 ноября 1204 г. Таким образом Иннокентию III удалось наконец достигнуть весьма важных результатов на Балканском полуострове, т. е. почти свести на-нет все дело славянских просветителей и нанести громадное поражение константинопольскому патриархату. Нужно принять в соображение, что изложенные выше обстоятельства составляли весьма смелый и энергичный шаг со стороны папы. Иннокентий III, принимая Болгарию в лоно римской церкви и наделяя Калоиоанна честью и титулом, несколько отступал от усвоенной по отношению к Балканам тогдашней политики, нарушал притязание угорского короля и усиливал значение Болгарии против Сербии. Известно, что после соединения приморской и континентальной Сербии (1202 г.) в руках великого жупана Волкана угорский король присоединил к своему титулу и звание короля Сербии. К сожалению, политический рост Сербии был приостановлен усобицей между сыновьями Стефана Немани. На весьма короткое время Волкану удалось соединить Зету и Рашку, но затем Стефан снова овладел великожупанскими землями, заставив своего брата довольствоваться небольшим уделом. Политические отношения вообще складывались благоприятней для Болгарии, чем для Сербии. В первой уже и в то время преобладает идея государственного единства, дисциплина и взгляд на религию как на орудие для достижения политических целей. Несомненно Болгария вступала в XIII столетие, имея перед собой гораздо более открытые перспективы, чем Сербия. Для первой и самый Четвертый крестовый поход оказался более полезным, чем для второй. На Балканском полуострове тогда преобладали политические влияния, исходившие от римского престола и от угорского короля, которые не совсем совпадали между собой. Из переписки короля Эмериха с папой Иннокентием выясняется эта сторона дела. С точки зрения угорского короля, в которой нельзя не усматривать возобновления взглядов немецких дипломатов IX в. на славянские дела, готовность папы Иннокентия итти навстречу притязаниям Калоиоанна является частью унизительной для римского престола, частью оскорбительной для короля. Соглашаясь помазать на королевство и венчать короной Калоиоанна, папа без нужды-де изменяет традиционную политику римской церкви и наносит вред католической

Угорской державе. Самого письма Эмериха не сохранилось, но есть ответ на него в виде буллы на имя пресвитера-кардинала Льва, где по пунктам разбираются претензии Эмериха.*

«На твой второй пункт отвечаем, что касается того, что ты разрешаешь свободный путь нашим нунциям в землю Иоанна, а равно и его послам в Рим, то за это выражаем тебе большую благодарность. По отношению к тому, что означенный Иоанн неправильно занял землю, которая была подарена сестре твоей, греческой императрице, и что он с помощью наемного отряда язычников жестоко опустошил сербские области, подчиненные твоей короне, так что многие христиане отведены в рабство к язычникам, — будь уверен, что это нас очень печалит и что мы употребим все старания к тому, чтобы вознаградить тебя за причиненный вред. На третье возражение отвечаем. Ты пишешь, что означенный Иоанн не имеет собственно права ни на какую землю, так как он есть узурпатор, захвативший часть твоих владений, часть принадлежащего другому царству; что поэтому тебя удивляет, как мы, не посоветовавшись с тобой, так поспешно решились короновать столь открытого твоего врага. Ты не знаешь надлежащего положения дел, а потому выслушай нас. В Болгарии издревле многие короли последовательно венчаемы были апостолическою властью, таковы Петр, Самуил и некоторые другие. Вследствие миссионерской деятельности блаженной памяти папы Николая болгарский король со всем народом принял крещение. Но впоследствии под греческим засилием болгары потеряли королевское достоинство и принуждены были жить под тяжким константинопольским игом, пока в самое последнее время два брата Петр и Иоанн, происходящие из прежнего королевского рода, не столько захватили, как возвратили себе отеческое достояние. Не отрицаем, что может быть какую-либо область они захватили силой, но утвердительно говорим, что большую часть земли они возвратили по наследственному праву, почему мы вознамерились венчать его в короли, по примеру наших предшественников, не чужой, а его собственной земли, дабы как он получил в свое владение несправедливо отнятое, так чтобы и неправо отнятое было ему возвращено, и об этом он просил нас, чтобы мы приняли на себя посредничество в рассуждении спорных между вами владений. Мы никак не могли думать, посылая своих послов в его землю через ваши владения и принимая его послов, приходивших тем же путем, что в нем ты имеешь такого жестокого врага, тем более, что мы все старания употребляли к вашему примирению и не с другой целью решились исполнить его желание, как с той, дабы дочь возвратить матери и тело присоединить к голове. Не можешь не обратить внимания и на то, что когда великий жупан Сербии Стефан просил нас отправить в его страну легата, чтобы возвратить его к послуша-

* Theiner. Vetera monum., LVII, p. 35.

нию римской церкви и короновать его королевским венцом, мы, признав его просьбу допустимой, возложили миссию в Сербии на брата нашего Иоанна — епископа албанского; узнав, однако, что это слишком неприятно тебе, отменили это решение, чтобы сделать тебе удовольствие. Ты же, завоевав Сербию и поставив Волкана на место Стефана, уведомлял нас, что желаешь эту землю привести в послушание Риму, и в то же время, удерживая за собой светскую власть, просил дать Волкану королевский венец. И мы возложили исполнение твоего желания на архиепископа Коложского; но прошло уже два года, а дело не подвинулось ни на шаг. На твое четвертое возражение отвечаем следующее. Хотя ты нашего легата внимательно принял и с честью проводил до границы своего королевства, но нас крайне удивляет то, что затем произошло.* Сделанное тобою не разъясняет дела. Но есть в нем одна сторона, которая может подвергаться обсуждению. Ты просишь, чтобы мы или совсем покинули намерение короновать его, или по крайней мере повременили с этим, пока улажен будет ваш спор решением кардинала. Чтобы не слишком взволновать тебя, отвечу кратко. Означенный кардинал, долго оставаясь в твоих владениях и пользуясь вниманием и лаской от тебя и от твоих, разве может быть беспристрастным посредником и судьей в разрешении спора, прежде чем не будет одинаково внимательно принят в его земле и прежде чем не исчезнет повод к подозрению. И, кроме того, его нельзя принудить к заключению мира или к восстановлению правды, прежде чем он не подчинится игу апостольской дисциплины и не примет нашего устава. Считаем нужным присоединить, что если ты решишься воспрепятствовать нашему легату в его миссии к распространению христианской веры и увеличению чести апостольского престола, то тебя постигнет божественный гнев и наше нерасположение, в Калоиоанне будешь иметь ожесточенного врага и ничего не достигнешь, потому что мы найдем другой способ к осуществлению нашего желания. Подумай внимательно, что бы ты почувствовал, если бы мы поставили препятствие к коронованию твоего телесного сына, а равно войди в наше положение, если бы ты встал нам на пути к коронованию нашего духовного сына». Если бы Иоанну было разрешено принять корону прежде, чем уладятся споры между Венгрией и Болгарией, то король потерял бы всякую надежду достигнуть своего права при участии римского престола. На это папа замечает, что крестоносный флот уже подвергся отлучению от церкви за разрушение Зары-Рагузы и что если бы после принятия королевского венца Калоиоанн не захотел подчиниться определению папского легата относительно недоразумений и споров, то его постигло бы тягчайшее наказание.

* Как оказывается из других писем, кардинал был задержан в замке Кеве и лишен всех сообщений с внешним миром.

В этом любопытном эпизоде обнаруживается самая интимная сторона истории Балканского полуострова. В начале XIII в. успеху славянских государств мешает Венгрия, впоследствии в такое же положение становится Австро-Венгрия. И раньше и позже главный рычаг против славян один и тот же, и та же самая перспектива открывается им в усвоении католического обряда и западной культуры. Венгрия тщательно наблюдает, чтобы политическое объединение славян не шло быстро и чтобы ни Болгария, ни Сербия не выходили из пределов небольших княжеств, на которые бы вечно простиралась верховная власть Венгрии. В изучаемую эпоху спорный вопрос решался, однако, в пользу Болгарии, и возлюбленный сын — венгерский король — должен был помириться с тем, что кардинал дал Калоиоанну королевский венец и присудил в его пользу спорные области. Болгария выиграла больше, чем Сербия, в унии с латинством, но католичество и римская церковь выиграли на Балканском полуострове не такой важный приз, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Глава IV

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

К концу XII в. ни у кого из политических людей уже не оставалось сомнения, что крестовые походы в Палестину есть праздное дело, не могущее закрепить за христианами Иерусалима. После громадных жертв, принесенных в удовлетворение религиозного чувства, после трех больших походов, в которых принимали участие императоры германские, французский и английский короли, — Иерусалим все же оставался в руках мусульман. Сирия и Палестина и горные ущелья Малой Азии поглотили уже до миллиона крестоносцев. Мусульмане издевались над христианами, и последним уже приходила мысль, что бог не благословляет дело европейского христианства. Но большинство военных и политических деятелей того времени было того мнения, что неудача крестовых походов лежит в систематическом противодействии европейцам со стороны византийского императора: он, — говорили, — подстрекает мусульман и устраивает засады крестоносцам, он заключает союзы с неверными и всеми мерами вредит успеху и развитию христианских княжеств на Востоке.

Душой и возбудителем Четвертого похода был папа Иннокентий III, один из величайших умов, какие только руководили церковной политикой. С первых же дней вступления на престол (9 января 1198 г.) Иннокентий начал ряд мер, чтобы расшевелить католический мир идеей крестового похода, который, по его мысли, следовало направить не в Палестину, а в Египет, ибо оттуда мусульманство черпало силы для борьбы с христианами. Не довольствуясь обыкновенными и испытанными уже средствами — буллами и письмами к королям и духовным и светским князьям, назначе-

нием специальных проповедников по селам и деревням, и т. п., — Иннокентий сам подал пример воодушевления крестоносной идеей: он снарядил на собственный счет корабль, снабдил его экипажем и припасами, пожертвовал десятую часть доходов римского престола на крестовый поход и потребовал отчисления на тот же предмет $^1/_{40}$ части всех доходов католической церкви. Но положение тогдашних европейских государств не было благоприятно для организации дела на широких основаниях. Самая отзывчивая страна и всего больше заинтересованная в судьбе палестинских христиан — Франция — не могла на этот раз выставить много охотников, так как борьба Филиппа II Августа с английским королем Ричардом была в полном разгаре и привлекала к себе внимание военных людей. В Германии также голос папы не мог встретить большого сочувствия, так как и здесь шла внутренняя борьба между двумя королями — гвельфским и гибеллинским — и их партиями. Вот почему идея крестового похода находила себе весьма мало приверженцев. В конце 1199 г. первых поборников она нашла все же во Франции. Это были Тибо, граф Шампани, Людовик Блуа и Балдуин, граф Фландрии и Геннегау. Первые два графа как родственники королевского дома своим согласием участвовать в походе в значительной степени обеспечивали успех дальнейшего движения, и, действительно, к ним скоро присоединились их вассалы и подвассалы. Что касается фландрского графа, его участие объясняется еще фамильными преданиями, ибо фландрские графы со времени Первого крестового похода были самыми живыми выразителями крестоносной идеи. Весной и осенью 1200 г. означенные князья неоднократно собирались для обсуждения предварительных мероприятий и для выработки плана похода. Так как прежде всего необходимо было обеспечить себе средства переправы в мусульманские земли, то князья пришли к решению законтрактовать у Венеции как первой тогдашней морской державы достаточное число судов для перевозки крестоносцев в Александрию. С этой целью выбрано было по два уполномоченных от каждого князя для переговоров с венецианской республикой. Между уполномоченными шампанского графа был маршал Виллъгардуэн, которому мы обязаны главнейше и известиями об этом походе. Французские уполномоченные явились в Венецию в феврале 1201 г. и предложили на усмотрение дожа и его тайного совета желание князей о предоставлении им определенного числа военных и транспортных судов для крестового похода. В марте и апреле велись переговоры, в конце апреля состоялся проект соглашения, который послан был на утверждение папе. Венеция обязывалась в годичный срок доставить такое число кораблей, которое бы в состоянии было поднять и перевезти в Египет 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехоты, по цене 2 марки серебра с пассажира и 4 марки за лошадь.

Платеж суммы в 85 тыс. марок раскладывался на три срока, последний срок истекал в июне 1202 г.*

Лицо, до сих пор стоявшее во главе движения, главнокомандующий крестовым походом граф Тибо, умер в мае 1201 г. Здесь мы имеем первую роковую случайность, которых увидим слишком много в изложении последующих событий. Смерть его коренным образом изменяет дело. До сих пор все сосредоточивалось во Франции, но уже летом того же года выступает довольно неожиданная кандидатура на предводительство в походе не французского, но итальянского князя, Бонифация, маркграфа Монферратского, которому и принадлежит с тех пор руководящая роль в походе. Как только в августе согласился он принять крест и предводительство, некоторые немецкие духовные и светские князья, до сих пор безучастные к движению, начали готовиться в поход. Согласно заключенному с Венецией договору, из Германии и Франции стали постепенно подходить к Венеции различные отряды с конца мая 1202 г., причем подписавшие договор князья французские прибыли позже других, в июне. Но в Венеции ожидал их целый ряд сюрпризов и тяжких испытаний. Прежде всего встретились затруднения по вопросу о размещении крестоносцев в Венеции. Дабы избежать беспорядков и столкновений, правительство нашло нужным препровождать все прибывающие отряды на остров Лидо, в получасовом расстоянии от Венеции; это было незаселенное место и представляло много удобств для лагерной стоянки, за исключением одного — обилия съестных припасов и удобства доставать их. Но так как венецианское правительство приняло за себя заботу о продовольствии и сначала исполняло ее добросовестно, то крестоносцы на первых порах чувствовали себя хорошо. Скоро, однако, в лагере оказался недостаток в необходимых предметах, и не случайный недостаток, а хронический, продолжавшийся изо дня в день и угрожавший весьма дурными последствиями; начались натянутые отношения между вождями и правительством Венеции. Внешним поводом к неудовольствиям послужил финансовый вопрос. Предстоял срок взноса условленной суммы. Крестоносцы до сих пор сделали только первую часть взноса (25 тыс. марок), оставалось за ними еще 60 тыс. Когда им предложено было исполнить эту часть договора, они оказались не в состоянии реализовать требуемую сумму, а внесли только половину. Венецианское правительство с своей стороны приостановило подвоз припасов на Лидо и отказало в доставлении судов для перевоза в Египет. Можно понять, в какое уныние пришли крестоносцы, находясь без продовольствия под жарким солнцем летних месяцев. В лагере начался голод, появились болезни, дисциплина была расстроена, многие бежали, другие предались

* Марка серебра представляла стоимость около 50 франков или до 20 руб., и следовательно 85 тыс. марок равняются сумме в 1 700 000 руб.

грабежу и разбоям. Дож Венеции не внимал просьбам и увещаниям, грозил выморить голодом весь лагерь, если не будет поддерживаться порядок и не будет произведена окончательная расплата. При таких обстоятельствах в половине августа прибыл в Венецию глава крестоносного ополчения Бонифаций Монферратский. Он прежде всего заставил крестоносцев присягнуть ему на верность. С этих пор французские князья теряют значение в событиях, заправляющая роль всецело принадлежит маркграфу Бонифацию и дожу Энрико Дандоло. Как сейчас увидим, Бонифаций вносит в крестовый поход новый план, чуждый задачам и целям других крестоносных вождей, и заставляет их бессознательно совершить единственную в своем роде авантюру.

Чтобы разъяснить тонкую политическую интригу, в которой крестоносцы должны были играть роль молота, а Византия — наковальни, у нас есть одно средство, стоит только проследить деятельность Бонифация после избрания его в вожди. Целый год он был в больших хлопотах и исполнял важные миссии. Осень и часть зимы он провел в Германии при дворе короля гибеллинской партии Филиппа Швабского, в начале 1202 г. отправился в Рим к папе Иннокентию III. Он был таким образом посредником между папой и королем, но не по делам церковным. Не говоря о прочем, в высшей степени любопытно, что вождь крестоносного ополчения компрометирует себя в глазах истинных сынов католической церкви, каковы были принявшие крест, сношениями с королем, отлученным от церкви и не признанным папой. Нужно думать, что был особенный мотив в этих сношениях, который не был противен и папе. Во всяком случае, тот энергичный папа, который сначала был душой крестового похода, с этого времени совершенно выпускает из рук управление делом и сквозь пальцы смотрит на жалкое положение крестоносцев на Лидо, хотя его уполномоченный находился в Венеции и хотя одного его слова было достаточно, чтобы неуплаченная часть взноса была переведена на счет казначейства римского престола. Да и недоимка была не так велика, чтобы князья не нашли средств уплатить ее. Нередко такую сумму вносили в качестве выкупа из плена и не очень богатые князья.

Четвертый крестовый поход потому и приобретает широкий исторический интерес, что является результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями, Восточной и Западной, с другой — между Венецией и Византией.

Политика Гогенштауфенов, начиная с Конрада III и продолжая Фридрихом I и Генрихом VI, должна быть оцениваема с двух точек зрения. В качестве германских императоров и представителей гибеллинской партии они — беспощадные и неумолимые враги римского папства и с этой точки зрения естественные союзники византийского императора. В качестве наследников норманнского королевства в южной Италии и Сицилии

Гогенштауфены, будучи врагами папской власти, вместе с тем были соперниками Византии, искони считавшей южную Италию своей провинцией. Весьма часто обсуждались между империями способы дружелюбного раздела Италии, но всякий раз, как соглашение близко было к осуществлению, папы пускали в ход крайние средства и примирялись то с западным, то с восточным императором. Византийские императоры из дома Комнинов тесно сдружились с Гогенштауфенами, надеясь при их помощи стеснить папу и прочно утвердиться в Италии. Дух критики и отрицания устоев, на которых покоилось папство, Гогенштауфены заимствовали из Византии, где, как известно, церковь не имела притязаний возвыситься над светской властью. Фридрих I и II прямо ставили папе в пример восточную церковь и находили в византийских теориях враждебное папству сильное оружие для борьбы с ним.

Эти добрые отношения двух империй нарушались с того времени, когда в Византии династию Комнинов сменили Ангелы в 1185 г. Сын Фридриха Генрих VI в качестве короля сицилийского не мог уже поддерживать видов Византии на южную Италию и Далмацию, но фамильные предания Гогенштауфенов были, однако, так сильны, что современный Четвертому походу король Филипп был женат на дочери царя Исаака Ангела. С одной стороны, исполняя исторические задачи сицилийских королей, Гогенштауфены стремятся захватить приморские владения Византии, нападают на Драч и Фессалонику; с другой, боясь союза Византии с папством, они все усилия направляют к тому, чтобы помешать сближению между своими соперниками. Принятое Генрихом VI угрожающее положение относительно Византии произвело между Восточной и Западной империей довольно сильное охлаждение, так что дошедшее до Востока известие о смерти Генриха встречено было с радостью и надеждами на восстановление добрых отношений. Кандидатура на императорский титул Филиппа, брата Генриха, казалось, ручалась за то, что обе империи признают взаимные интересы, ибо восточный император и король Филипп связаны были родственными узами посредством брака.

Но в 1195 г. в Византии произошел переворот: царь Исаак Ангел был свергнут с престола своим братом Алексеем, который под именем Алексея III и занимал трон во время Четвертого крестового похода; беспощадно ослепив Исаака, новый царь держал его в заключении вместе с сыном его царевичем Алексеем. Константинопольские события не могли остаться безразличными для Филиппа, в особенности для супруги его, дочери Исаака Ангела.

Мы можем проследить с некоторыми деталями сношения между Византией и Германией за это время. Слепой Исаак возлагал теперь все упования на дочь свою и имел средства вступить с ней в переписку. Жившие в Константинополе западные купцы и банкиры были посредниками в этих

сношениях. Исаак, лишенный власти и содержавшийся в заключении, мог все ставить на карту, он просил дочь об одном, чтоб она отомстила дяде за обиду, причиненную отцу, и явно намекал, что царская власть по праву принадлежит ей и мужу. Новое направление эти переговоры получили вследствие бегства из Константинополя царевича Алексея, сына Исаака. Пользуясь доброхотством итальянских купцов, а может быть и средствами, предоставленными из Германии, царевич Алексей имел случай ускользнуть от бдительности византийской полиции и явился в Европу в 1201 г., когда уже там организовалось движение в пользу крестового похода. Поздней осенью 1201 г., представившись папе, царевич Алексей был в Германии, в это же время мы находим там и Бонифация, занятого переговорами с Филиппом Швабским. Итак, в связь изучаемых событий приходит новый элемент. Но ни король Филипп, ни царевич Алексей целый год не заявляют открыто и публично своих планов. Они имеют ловкого и умного агента в лице Бонифация Монферратского. Посмотрим теперь, почему выбор их остановился на этом лице в таком важном и деликатном деле? Маркграфы Монферратские выросли во время борьбы гвельфов и гибеллинов. Их вывел в люди и обогатил поместьями Фридрих I, найдя в отце Бонифация Вильгельме преданного себе слугу в северной Италии. Но еще важней роль этого дома на Востоке. Два брата Бонифация, Конрад и Райнер, были на службе Византийской империи, второй из них дослужился там до титула кесаря, оба женаты были на принцессах царского дома. Итак, выбор Бонифация в поверенные по такому важному и деликатному фамильному делу как нельзя более удачен. Мог он быть несимпатичен лишь людям церковной партии — гвельфам, так как Бонифаций был завзятый гибеллин, но если папа согласился принять его посредничество, то кому же было протестовать?

Когда в августе 1202 г. Бонифаций прибыл в Венецию, направление похода в Египет уже было оставлено руководящими движением лицами, но настоящий план держался в строгом секрете, о нем едва ли кто знал, кроме Бонифация и дожа Дандоло. Венецианский дож, которому нельзя было не сообщить о плане, отнесся к нему с коммерческой точки зрения, именно со стороны интересов Венеции. Для Энрико Дандоло решающими моментами в деле были следующие соображения: 1) крестоносцы не внесли 34 тыс. марок, — нужно было обеспечить себя насчет этой суммы какой-нибудь равносильной гарантией; 2) входя в интересы Бонифации насчет направления крестоносцев против Константинополя, нужно было взвесить выгоды этого проекта для торговых интересов республики. После зрелого обсуждения дела Дандоло нашел, что можно соединить интересы немецкого короля с видами республики, если Бонифаций предоставит ему на некоторое время свободу действий. 15 августа Дандоло вносит в Совет десяти предложение: не стеснять более крестоносцев вымогательством

недоплаченной ими суммы, благо-де они могут расплатиться с Венецией натурой. Мы, — продолжал дож, — лучше направим их против Зары, города нам враждебного, предавшегося под власть венгерскому королю и нуждающегося в хорошем уроке. Через десять дней, в церкви св. Марка, проект похода на Зару объявлен был венецианскому сенату и большому совету. Дож сам изъявил намерение принять на себя командование флотом в этой экспедиции. На некоторое время крестоносцы становятся наемниками республики, Бонифаций стушевывается, и вся инициатива переходит в руки Энрико Дандоло, который навязал крестоносцам экспедицию против Зары исключительно в интересах республики.

Но нужно было сохранить приличие, по крайней мере по внешности. Если главные князья, участвовавшие в походе, могли дать свое согласие на венецианский проект, то масса крестоносцев — вассалы князей и простой народ — и до сих пор верила, что поход готовится в Египет. Чтобы держать народ в заблуждении, дож употребил следующее средство. Посадив крестоносцев на суда к октябрю 1202 г., он не прямо пошел на Зару, а целый месяц приказал крейсировать в водах Адриатики и в конце октября объявить по флоту, что за поздним временем года и за наступившими бурями опасно пускаться в дальнее морское путешествие. Ввиду этого флот направился к далматинским берегам и 10 ноября подступил к Заре. На адмиральском корабле не было ни Дандоло, ни Бонифация, ни даже папского легата, так что в крайнем случае ответственность за последовавшее можно было возложить на подчиненных лиц. Зара была хорошо защищена венгерским гарнизоном и оказала крестоносцам значительное сопротивление. Но 24 ноября была взята приступом и подверглась страшному опустошению, причем с жителями христианского города крестоносцы обращались, как с неверными: брали в плен, продавали в рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены. Поступок с Зарой был в высшей степени компрометирующим крестовый поход эпизодом: не говоря уже о другом, крестоносцы совершили насилие над христианским городом, подчиненным королю, который сам принял крест для похода и владения которого по существующим тогда законам находились под покровительством церкви. Заняв Зару, оказавшую, однако, сильное сопротивление, и исполнив таким образом обязательство пред Венецией, крестоносцы остановились здесь до весны 1203 г. Во время стоянки в Заре выяснились все тайные мотивы, руководившие событиями, и выразились главные основания дальнейших мероприятий в формальных актах. Прежде всего следует отметить, что духовенство, участвовавшее в деле под Зарой, скоро почувствовало угрызение совести и искало способов, как бы оправдать недостойный поступок. Мы видели уже, что легат папы не участвовал в этом деле, а отправился в Рим. Следовательно, папа Иннокентий III своевременно получил донесение о движении на Зару. Вот в каких выра-

жениях он высказался по поводу совершившегося факта в письме к крестоносцам: «увещеваем вас и просим не разорять больше Зары. В противном случае вы подлежите отлучению от церкви и не воспользуетесь правом индульгенции». Но и этот в сущности очень мягкий и уклончивый выговор папа смягчает следующим, скоро за ним присланным, разъяснением: «слышал я, что вы поражены угрозой отлучения от церкви, но я дал приказ находящимся в лагере епископам освободить вас от анафемы, если искренно покаетесь». Нечего и говорить, что папа имел авторитет и мог бы наложить интердикт на все предприятие, если бы он уже не связал себя ранее согласием смотреть сквозь пальцы на подготовившуюся авантюру.

В январе 1203 г. в Зару явились официально послы от короля германского и от византийского царевича Алексея. Здесь получили формальное утверждение два акта: 1) союз между германским королем и царевичем Алексеем; 2) договор между Венецией и крестоносцами о завоевании Константинополя. Все то, что в течение 1201 и 1202 гг. составляло секрет для рыцарей и простых воинов и что обдумано было Филиппом, Иннокентием III, Бонифацием и Энрико, — все это всплыло теперь наружу. Филипп делал следующее предложение крестоносцам: «Синьоры! я посылаю к вам брата моей жены и вручаю его в руки божии и ваши. Вы идите защищать права и восстановлять справедливость, вам предстоит возвратить константинопольский трон тому, у кого он отнят с нарушением правды. В награду за это дело царевич заключит с вами такую конвенцию, какой никогда и ни с кем империя не заключала, и кроме того окажет самое могущественное содействие к завоеванию св. Земли. Если бог поможет вам посадить его на престол, он подчинит католической церкви греческую империю. Он вознаградит вас за убытки и поправит ваши оскудевшие средства, выдав вам единовременно 200 тыс. марок серебра, и обеспечит продовольствие для всей армии. Наконец, вместе с вами он пойдет на Восток или предоставит в ваше распоряжение корпус в 10 тыс. человек, который будет содержать на счет империи в течение одного года. Сверх того даст обязательство всю жизнь содержать на Востоке отряд в 500 воинов». — Это предложение подкреплено было актом согласия царевича Алексея на означенные условия.

Совершенно справедливо, что такой конвенции не заключала еще империя: предлагаемые условия были лестны для папы, ибо подчиняли греческую церковь католической, весьма выгодны для вождей, ибо обеспечивали им хорошую сумму, наконец соответствовали целям крестового похода, ибо обязывали византийского императора к походу в св. Землю с 10-тысячным корпусом. В предложениях есть один невыясненный элемент — это интересы Венеции, она как будто совершенно забыта. В официальном акте, прочитанном в собрании всех крестоносцев, особое вознаграждение Венеции, пожалуй, было неуместно; о нем было сказано

в секретном письме, врученном дожу. Венеции обещалась единовременная выплата в 10 тыс. марок и кроме того вознаграждение всех убытков, понесенных венецианскими купцами за последние 30 лет. К чести рыцарей и баронов нужно сказать, что многим из них казалось бесчестным подписаться под этой конвенцией. Но тогда Бонифаций подводит к столу, на котором была разложена конвенция, нескольких князей, согласием которых заручился ранее, и они дают свою подпись. Говорят, что всего получилось 12 подписей. Но так как простой народ и второстепенные рыцари волновались и протестовали, то их успокоили объявлением по лагерю, что Египет составляет ближайшую цель дальнейших предприятий.

Приведенным секретным соглашением между германским королем и Венецией — последней гарантировалось возмещение убытков за последние 30 лет. По этому поводу нужно сделать несколько объяснений. В XII в. Венеция играла роль первой морской державы в Средиземном море, торговые интересы связывали ее тесными узами с Византией, где она имела рынки для сбыта своих товаров. Все усилия венецианских государственных деятелей направлялись к тому, чтобы извлечь больше выгод из империи и устранить всякого рода конкуренцию в портах Средиземного и Черного морей. Но должно сказать, что и империя со своей стороны находила интерес поддерживать Венецию, ибо последняя владела таким флотом, какого у империи не было, и имела много случаев как оказывать Византии услуги, так и наносить большой вред. Сознавая свою морскую силу, Венеция выхлопотала себе от византийского правительства такие привилегии, при которых ей легко было завладеть экономическими средствами страны и стянуть в свои руки производительность и торговлю. Пользуясь правом селиться в Константинополе, заводить фактории и конторы в портах и беспошлинно торговать в империи, Венеция могла хозяйничать в Византии по своему усмотрению, свободная от полицейского и таможенного надзора и от всякой конкуренции. Если венецианцы зазнавались и становились очень строптивы, Византия грозила им отменой привилегий и открытием своих рынков исконным соперникам Венеции — генуэзцам и пизанцам. Так за 30 лет до занимающих нас событий в (1172 г.), желая дать урок венецианцам, царь Мануил наложил арест на имущество венецианской колонии, проживавшей в Константинополе, причем до 20 тысяч венецианцев потеряли свои товары и недвижимую собственность. Хотя правительство скоро затем и обязалось вознаградить республику за убытки, но фактически оно не в состоянии было исполнить это обязательство. Через десять лет (1182 г.) снова повторилось разграбление венецианской колонии, причем константинопольская чернь дошла до чрезвычайного варварства: грабила и расхищала имущество пришельцев, многие из венецианцев были убиты или проданы в рабство. С того времени Венеция

имела непримиримую вражду к грекам и выжидала лишь удобного случая свести с ними счеты. В 1187 г., заключая с Византией оборонительный и наступательный союз, Венеция вставила в договор и статью о возмещении убытков, которые возросли теперь до громадных цифр. Уплата по этому старому счету с Византией и гарантирована была упомянутым секретным соглашением между королем и дожем.

В первой половине апреля крестоносцы посажены были снова на суда и направились к острову Корфу, где состоялось формальное представление вождям греческого царевича Алексея. Он легкомысленно уверял вождей, что предпринятое ими дело не встретит никаких препятствий, что в портах константинопольских его ждет флот в 600 кораблей и что население империи ожидает его с распростертыми объятиями. Царевич старался пустить пыль в глаза роскошью и щедрыми подачками. Но так как казны с собой было у него мало, то он давал расписки и подписывал денежные обязательства. Мы знаем, что к нему предъявлено было потом разных обязательств на сумму в 450 тыс. марок (до 9 миллионов руб.), и можно смело сказать, что эти обязательства были сделаны в Корфу на подкуп отдельных рыцарей. К 25 мая улажены были частные затруднения, крестоносцы пошли на Константинополь.

В конце июня крестоносный флот с царевичем Алексеем был у Константинополя. Главные вожди могли уже теперь убедиться, что задача их возвратить царский трон царевичу Алексею не так легка, что царевич сильно преувеличивал и расположение к нему греков и готовность константинопольской армии и флота стать на его сторону по первому же приглашению крестоносцев. Напротив, оказалось, что греки враждебно относились к царевичу, островитяне не хотели давать ему присяги, а в Константинополе принимали в шутку его притязания. Крестоносцам предстояло начать с враждебной демонстрации, а этого им хотелось избежать, ввиду сравнительной слабости их сил.

Что касается оборонительных мер, принятых царем Алексеем III, то в этом отношении вся надежда возлагалась на крепкие стены и недоступность столицы с моря. Само собой разумеется, никому в голову не приходило, чтобы какая-нибудь горсть латинян в 30 с небольшим тысяч могла серьезно угрожать защищенному крепкими стенами городу, считавшему до миллиона населения.* Самая слабая сторона защиты была в отсутствии флота. Со времени оборонительного и наступательного союза с Венецией в 1187 г., возложив обязанность морской службы на венецианцев, Византия довела свой военный флот до минимума. Хотя деньги на устройство флота собирались, но они шли по карманам чинов адмиралтейства, тогдашний адмирал флота Стрифн крайне злоупотреблял своим положением, и в доках византийских оказалось всего 20 кораблей, да и то не годных к делу.

* Цифру надо считать преувеличенной (*Ред.*).

Гарнизон константинопольский не был доведен до такой численности, чтобы быть в состоянии защищать все городские укрепления. Ввиду такого положения дел царь Алексей III ограничился выжидательными мерами.

Крестоносцы пристали к азиатскому берегу, запаслись там продовольствием, пограбив окрестности, и решились 8 июля понудить византийцев к принятию на царство царевича Алексея. Главные усилия крестоносцев направлены были на Галатскую башню и на цепь, запирающую вход в Золотой Рог. Этот знаменитый залив, врезывающийся в город и разделяющий его на две части, представлял собой самое слабое место защиты по случаю непригодности флота. Призвав на службу охотников и собрав свою гвардию и часть войск из ближайших окрестностей, Алексей располагал 70 тысячами войска. Но, как видно, этому войску недоставало организации, потому что оно не могло отстоять натиска крестоносцев, высадившихся с кораблей и действовавших уже на конях. Башня Галата была взята, и в то же время прорвана цепь, заграждавшая вход в Золотой Рог. Этим в сущности обеспечивалось командование городом, потому что крестоносцы могли теперь сделать высадку, где угодно. И они, действительно, расположились лагерем у Влахернского дворца. Население Константинополя было крайне встревожено нерешительностью царя. Духовенство в своих проповедях и уличные ораторы прямо обвиняли правительство в измене и возбуждали народ постоять за веру, которой угрожали латиняне. Под влиянием общего недовольства Алексей III решился сделать вылазку на 17 июля; сначала осаждающие были отбиты со стороны Галаты и Влахернского дворца, но греки не воспользовались победой и по приказанию царя возвратились под защиту стен, не нанеся существенного вреда неприятелю. Когда вылазка окончилась неудачно, тогда Алексей III решился на постыдное бегство из Константинополя, где он оставил жену и детей.

Бегство Алексея развязывало крестоносцам руки, ибо они, повидимому, только того и добивались, чтобы посадить на престол своего царевича Алексея. Но утром 19 июля в городе начались волнения. На место бежавшего Алексея III толпа провозглашает царем слепого Исаака и приводит его из тюрьмы во дворец. Это уже было совершенно вопреки ожиданиям крестоносцев и усложняло для них дело, ибо вследствие возведения на престол Исаака становилась излишней осада города и дальнейшие вымогательства. Греки сейчас же оповестили латинян о происшедшем и приглашали царевича Алексея разделить власть с отцом. Но выступал на очередь вопрос о денежных обязательствах: кто же будет платить? Крестоносцы задержали у себя царевича и отправили четырех депутатов к Исааку спросить его, намерен ли он вознаградить их за услугу, оказанную в пользу его сына. Исаак спросил о сумме и ответил: «конечно, вы оказали такую большую услугу, что за нее можно бы отдать и всю империю, но

я не знаю, из чего вам уплатить». С июля по конец августа шли переговоры по разъяснению трудного вопроса о денежных обязательствах. Крестоносцы принуждены были выпустить Алексея Исааковича в Константинополь, надеясь при его помощи побудить царя ратифицировать договор. Старик Исаак долго колебался, наконец дал свою подпись. 1 августа царевич Алексей объявлен был императором, и с этого времени начинаются для него ужасные затруднения по выполнению договора.

Правительство оказалось в крайнем затруднении ввиду недовольства греков своеволием и дерзостью латинян и ввиду бесцеремонных вымогательств новых и новых взносов. С большим трудом, посредством конфискации имуществ приверженцев прежнего правительства, посредством присвоения церковных ценностей и переплавки памятников искусства удалось Исааку реализовать 100 тыс. марок. Эту сумму следовало разделить поровну между венецианцами и французами, последним осталось из нее очень мало, ибо они должны были выплатить Венеции 34 тыс. марок за провоз. Первый взнос сделан в сентябре, но он не удовлетворил крестоносцев, которые требовали следующих взносов, а Исаак положительно не знал, откуда их взять. Прямым последствием этого было соглашение между Исааком и Энрико Дандоло, по которому крестоносцы обязались продлить на год пребывание свое в Константинополе, дабы, как говорилось официально, утвердить на престоле Исаака, на самом же деле — чтобы получить всю сумму по обязательствам царевича.

Положение, однако, ухудшалось со дня в день. Хотя теперь крестоносцы не были осаждающей армией, а скорее наемниками на службе империи, но квартал, где они расположились, был местом, мимо которого ни один грек не мог проходить хладнокровно. Между греками и латинянами происходили частые свалки, все иностранцы, проживающие в Константинополе, были заподозрены в вероломстве и подвергались дневным нападениям и грабежу. Сам царевич Алексей сделался предметом ненависти и отвращения; и в самом деле, появляясь в латинском платье и окруженный иностранцами, он слишком оскорблял национальные чувства и возбудил против себя общее неудовольствие.

Когда выяснилось, что Исаак не может исполнить обязательств, крестоносцы поняли, что им придется снова прибегнуть к оружию. Энрико Дандоло старался всеми мерами ускорить развязку, указывая в лагере крестоносцев, что Исаак не внушает доверия и что положение его совсем не прочно. К концу 1203 г. правительство даже прекратило доставку съестных припасов латинянам, последние отправили к царям 6 уполномоченных с известием, что если не желают удовлетворять их требования, то они будут добывать свои права по своему усмотрению. В нашей земле, — говорили послы, — есть обычай не прежде вступать с врагом в войну, как объявив

ему об этом. Вы слышали наши слова, а теперь делайте, как заблагорассудится.

В январе 1204 г. в Константинополе назревало народное возмущение. Во главе движения находился царедворец Алексей Дука, по прозванию Мурзуфл, принадлежавший к партии тех государственных людей, которые желали порвать всякие сношения с крестоносцами. Организуя оборону города, он в то же время возбуждал народ и войско против царя Исаака. Старый и слепой Исаак, которого несчастие не научило ничему, больше дорожил расположением латинян, чем популярностью.

В конце января монахи и рабочее население Константинополя стали собираться на площадях и поднимали вопрос об избрании нового царя. Исаак допустил при этом ошибку, предложив крестоносцам вступить в город для водворения порядка. Переговоры по этому деликатному делу поручены были Алексею Мурзуфлу, а он выдал тайну народу. Тогда начался открытый мятеж, за время анархии Алексей Дука был избран царем, а Исаак не мог перенести горя и умер, сын же его был посажен в тюрьму и там убит.

Рассказанные события ставили для крестоносцев совершенно новые задачи и цели. За смертью царевича Алексея они теряли прямую цель похода на Константинополь, вопрос об уплате денежных обязательств теперь получал новое значение. Согласится ли Алексей Дука выполнить обязательства царей, на место которых он избран? По всем внешним признакам — нет, потому что новый царь старался заслужить доверие населения и деятельно занимался укреплением стен, восстановлением разрушенных частей города, на предложение же уплатить деньги по контракту и ратифицировать другие статьи договора отвечал отказом. В марте 1204 г. имел место весьма любопытный договор между Бонифацием и Дандоло, имеющий предметом план раздела империи. Если предыдущие действия крестоносцев могут еще иметь для себя какое-нибудь оправдание, то с марта всякий вид легальности был уже оставлен. Акт, заключенный в это время, обращает на себя внимание именно тем, что он представляет зрело обдуманный план действий, от которого крестоносцы не отступали ни на иоту. Этим актом решено было: 1) взять Константинополь вооруженной рукой и установить в нем новое правительство из латинян; 2) город предать расхищению и всю добычу, сложив в одном месте, разделить полюбовно: три доли из добычи должны идти на погашение долга Венеции и удовлетворение обязательств царевича Алексея, четвертая доля — на удовлетворение частных претензий Бонифация и французских князей; 3) по завоевании города, 12 избирателей, по 6 от Венеции и Франции, приступят к выбору императора; 4) тот, кто будет избран в императоры, получает четвертую часть всей империи, остальные делятся поровну между венецианцами и французами; 5) та сторона, из которой не будет избран император,

получает в свою власть церковь св. Софии и право на избрание патриарха из духовенства своей земли; 6) договаривающиеся обязываются год прожить в Константинополе, чтобы утвердить новый порядок вещей, 7) из венецианцев и французов избрана будет комиссия из 12 лиц, на обязанности которых будет лежать распределение ленов и почетных должностей между всеми участниками похода; 8) все вожди, имеющие получить лены, дадут императору вассальную присягу, от которой освобождается один дож Венеции. За подписанием этого договора последовал подробный план распределения частей империи.

Между тем с той и другой стороны шли деятельные приготовления к окончательной развязке. В военном совете у латинян решено было сделать штурм со стороны Золотого Рога у Влахернского дворца. Выгода византийского положения заключалась в высоких стенах и рвах. Долго крестоносцы напрягали крайние усилия, чтобы засыпать рвы и подойти к стенам с лестницами, но сверху осыпали их градом стрел и камней. К вечеру 9 апреля взята была башня, и крестоносцы ворвались в город, но не посмели воспользоваться занятым положением и на ночь оставили позицию. В городе произошел третий, начиная со времени осады, пожар, истребивший две трети города. Второй штурм имел место 12 апреля, и это был день взятия Константинополя. Алексей Дука, отчаявшись в благоприятном исходе, бежал; в городе началась паника, народ разбежался по отдаленным кварталам и организовал отчаянную защиту в тесных улицах, устраивая заграждения латинянам. Утром 13 апреля вступил в город Бонифаций, греки просили у него пощады, но он обещал войску трехдневный грабеж и не отменил своего слова.

Эти 3 дня грабежа при зареве пожара превосходят всякое описание. Отряды крестоносцев бросились по всем направлениям собирать добычу. Магазины, частные дома, церкви и императорские дворцы были тщательно обысканы и разграблены, безоружные жители подвергались избиению. Счастливыми почитали себя те, кто успел в общей суматохе пробраться к стенам и бежать из города; так спаслись патриарх Иоанн Каматир и сенатор Никита Акоминат, который впоследствии картинно описал ужасные дни грабежа. В особенности нужно отметить варварское отношение латинян к памятникам искусства, к библиотекам и святыням византийским.

Глава V

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Завоеванием латинянами Константинополя и договором о разделе империи закончен был в 1204 г. весьма важный в истории акт, который не может не вызывать на размышление. Собственно, горсть западных воинов, едва ли больше 30 тысяч, подступив к Константинополю с моря, успела парализовать город с сотнями тысяч населения и с весьма значительным гарнизоном, доходившим до 70 тысяч. Несмотря на крайнее раздражение против латинян, подогретое последними событиями, ни греческое правительство со всеми его органами и административными учреждениями, ни духовенство, ни городское торговое и промышленное население не нашли достаточных средств чтобы расстроить эту поразительно смелую авантюру.

Нельзя много настаивать на количестве сил. Давно уже доказано военными делами, в которых победа нередко оказывалась за численно слабой стороной, что материальная сила еще не обеспечивает успеха. Важнее другая сторона вопроса: почему обширная империя в данное время не имела в себе достаточно энергии и решимости, чтобы уничтожить небольшую венецианскую эскадру, которая подошла к Константинополю; почему ни сенат, ни войско, ни духовенство не проявили в этом случае всей присущей им силы.

Выяснить обстоятельства, приведшие империю к параличу, составляет весьма интересную задачу историка. И это тем более может завлекать исследователя, что внутренние причины и внешняя обстановка, приведшие империю к полному краху в 1204 г., во многих отношениях соответствовали положению дел во время турецкого завоевания в 1453 г. и что материаль-

ные условия, в которых жила Византия в эпоху крестовых походов, легче поддаются оценке, чем 250 лет после того.

Предстоявшая византийскому правительству задача преобразовать римскую империю в эллинскую с преобладанием православного константинопольского патриарха над другими многочисленными на востоке вероисповеданиями, как христианскими, так и чуждыми христианства, соединить империю единством веры и императорской власти — эта задача оказалась не под силу преемникам Константина и Юстиниана. Следует не обинуясь признать, что означенная задача прежде всего была не под силу самой эллинской нации, которая в средние века далеко не обладала силой уподобить себе близких соседей и распространить эллинские идеи за пределы непосредственного господства греческого элемента. Как известно, греки не в состоянии были огречить ни славян, ни албанцев, ни малоазиатских турок; напротив, нередки были случаи утраты греками своего языка под турецким господством. Если византийское правительство под влиянием негреческих элементов, получавших иногда преобладание в администрации, давало перевес иностранцам перед греками, то этим нарушался установленный государственный порядок, и часто дело доходило до внутренних смут и кровавых столкновений между туземцами и иностранцами. Господствующее племя, для интересов которого приносились большие жертвы, фактически не было в состоянии удовлетворять ни духовным, ни материальным потребностям обширного государства.

При недостаточности силы сцепления в господствовавшей национальности в империи народились с течением времени внешние и внутренние разрушительные силы, подготовлявшие неминуемый крах. Прежде всего, восточные, т. е. малоазийские фемы перестали быть составной частью государства с тех пор, как турки-сельджуки твердо основались в Сирии и Месопотамии и захватили Малую Азию до Никомидии и Никеи. Когда, таким образом, центр тяжести перенесся на Балканы и сила государства сосредоточилась во Фракии, Македонии, Эпире и Пелопоннесе, стало ясно, что начавшееся в Болгарии с 1185 г. освободительное движение, рядом с которым шел процесс объединения сербских колен под династией Неманичей, должно было поглотить все военные силы империи и чрезвычайно ограничить владения, из которых правительство могло черпать денежные средства и откуда оно могло набирать военных людей. Но и не в этом была главная беда. Стоит здесь остановить внимание на самозванцах, появлявшихся вслед за низвержением Исаака Ангела (1195) и пытавшихся оторвать от империи разные провинции с целью основать независимые владения.

Вот султан Анкиры подает руку помощи некоему юноше, выдававшему себя за Алексея II, сына Мануила. Он появляется в Малой Азии и нахо-

дит себе приверженцев. Вот во время бунта Иоанна Лага в Константинополе был провозглашен царем происходивший из фамилии Комнинов Иоанн Толстый. Но, конечно, наиболее благоприятные условия для бунта и попыток к отделению от центра были на Балканском полуострове. Такова была цель движения протостратора Иоанна Камицы, который в союзе с владетелем Просека (на Вардаре) Хризом овладел частью Македонии и, подняв на ноги албанские племена, распространил восстание до Пелопоннеса. Пользуясь господствовавшей повсюду анархией, некто Иоанн Спиридонаки занял независимое положение в Родопских горах и захватил целую область. Примем далее во внимание отделение от центра острова Кипра, основание независимого княжения в Фессалии и Пелопоннесе Льва Сгура, прекращение сношений с Трапезунтом, где подготовлялась независимая Трапезунтская империя, — все это были решительные признаки начавшейся децентрализации и свидетельство неспособности господствовавшего в империи эллинского племени быть цементом для скрепления разноплеменного состава византийского государства. Господствующий характер этих восстаний есть децентрализация. Туземные эвпатриды следовали, — говорит греческий историк Ламброс, — примеру болгар и влахов, которые стремились к отделению от империи и основанию собственной власти в небольшой области империи. Это явление может быть рассматриваемо как последний и пагубнейший результат системы проний, усилившейся во время последних Комнинов. И этот процесс наблюдается не только в Македонии и Малой Азии, но распространяется на Крит и Пелопоннес. Наподобие франкских вассалов, на Крите имеют феодальные владения: Хортаты, Мелиссины, Лигины, Власты и др.; в Ахее и Мессинии — Враны, Кантакузины и Мелиссины. Лаконские Хамареты приобретают значение в Пелопоннесе, в особенности Сгур, носивший титул севастоипертата и отличавшийся жестокостью и кровожадностью.*

В XII в. Византия вошла в разнообразные и оживленные сношения с Западной Европой. Имеем в виду не только трагическое столкновение Востока с Западом, византинизма с латинством вследствие почти не прекращавшейся крестоносной войны, постепенно заливавшей мусульманский Восток, но и добровольное и сознательное движение навстречу Западу со стороны императоров из династии Комнинов. Трудно понять, какими соображениями руководился Мануил Комнин, открывая широко двери для западных служилых и торговых людей, а также для усвоения иноземных обычаев и учреждений. И это тем более представляется любопытным, что, повидимому, он хорошо понимал опасность, какая могла отсюда угрожать его империи. Царь, — говорит Никита Акоминат, — не решался сам итти войной против западных народов, потому что считал их страшными

* Σπ. Λάμπρος. «Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος...» Ἐν Ἀθήναις. 1908, VI, стр. 144.

и непобедимыми. По его мнению, византийское войско в сравнении с западными военными людьми — то же, что горшки рядом с котлами. Он подозревал, что западные народы могут составить союз и обратиться против него всеми своими силами, и потому постоянно принимал меры предосторожности. Восточных варваров, — говаривал он, — можно и подкупить, и усмирить оружием, безмерная же численность западных племен его тревожит чрезвычайно. Это люди высокомерные и неукротимые, составившие из войны главное и любимое занятие; они идут на войну закованные в железо и питают к грекам непримиримую вражду и всегдашнюю злобу. И в литературе, и в византийском искусстве тип западных людей воплощался в более известных Константинополю итальянцах, и из них всего более в венецианцах, которые давно имели в Византии обширные торговые привилегии и селились в Константинополе на продолжительное житье, содержа там свои торговые заведения и занимая целый квартал. Хотя греки должны были входить с латинянами в постоянные сношения и быть с ними в ежедневном общении, но едва ли они питали к ним дружественные чувства. «Посмотрите, — говорит тот же летописец, — на этот жестоковыйный народ: какой у него дерзкий и надменный вид с выбритым подбородком, какая жадная до убийства рука, раздувающиеся ноздри, широко раскрытые глаза, быстрая и отрывистая речь».

И, несмотря на все это, Комнины были западниками чистой воды; при них латинское влияние свободно распространялось в империи различными каналами. Как будто неизбежная эволюция вела византийское государство к тому политическому строю, который выработался на Западе; как будто культурным влияниям латинского Запада не было больше препон ни в вере, ни в особенностях византийского социального быта. И, между тем, наблюдалась конкретная и трудно исправимая противоположность между восточными и западными народами: горшки по сравнению с котлами.

Нужно придти к тому заключению, что консервативный византинизм не по доброй воле шел на уступки, что при Комнинах все византийские устои стали сдвигаться несколько «влево». Но это движение на Запад с уступками в пользу западной культуры не отразилось благоприятными результатами на учреждениях империи. Сравнение горшков с котлами применимо не только к войску и военному делу, но идет гораздо шире и дальше. Так, нельзя не признать, что харистикарная система на почве раздачи монастырских и церковных имуществ в аренду светским лицам и, в особенности, система наделения служилых людей населенными землями и другими приносящими доход статьями или в награду за исполненную службу, или под условием обязательства военной службы (прония) вызвала на Востоке, при слабости центральной власти и при наличии центробежных сил в разности племен и в сепаратных стремлениях областей,

весьма печальные явления, против которых проявилась сильная реакция по смерти Мануила Комнина.

Прежде всего, эта система угрожала разрушением фемного строя, закрепощением свободных крестьян и поглощением мелкой земельной собственности крупным землевладением. Между тем, благодаря развитию системы фемного управления, весь период Македонской династии может быть назван исключительно благоприятным в смысле благоустройства военного дела и материального благосостояния империи.

Никогда не возлагалось столько надежд на благоприятное решение вопроса о разделении церквей и о схизме, как именно в занимающий нас период. Так как вопросу о схизме приписывалось большое политическое значение и так как рядом со сношениями с римской церковью разрабатывался план союза с папами против Гогенштауфенов, то переговоры с Римом занимали весьма важное место в церковной политике Комнинов. Достаточно сказать, что при царе Иоанне два раза посещал Константинополь архиепископ Ансельм из Гавельберга. В первый раз, в 1135 г., он вел беседы по главному вопросу, разделяющему церкви, с греческим богословом, архиепископом никомидийским Никитой. В 1154 г. он снова прибыл в Константинополь в качестве посла императора Фридриха Барбароссы, вступил в личные сношения с архиепископом солунским Василием (охридским). Следствием имевших тогда место переговоров папа Адриан IV в своем послании на Восток выдвинул вопрос о соединении церквей. В 1170 г. Мануил созвал церковный собор с целью изыскать способы к постановке вопроса о соединении церквей.* Но при несколько более глубоком обсуждении подробностей выяснилась диаметральная противоположность взглядов между восточными богословами и притязаниями римской церкви. Между прочим, греческие епископы находили совершенно недопустимым применение к восточной церкви притчи о заблудившейся овце и еще менее — приравнение ее к «четверодневному» Лазарю, уже начавшему смердить. Фактически не оказалось точек соприкосновения между безграничными притязаниями на абсолютное господство церкви со стороны Рима и желанием патриарха сохранить независимость восточной церкви. Это положение вопроса прекрасно иллюстрирует «Диалог» между патриархом Михаилом III и царем. Ввиду готовности Мануила итти на уступку латинянам патриарх говорил: «пусть господствует надо мной агарянин — это действие внешнее. Но я не допущу себя согласиться с итальянцем, ибо это будет относиться к области моего ума. Первому я не сочувствую, хотя

* Х. М. Лопарев. Об униатстве Мануила Комнина. Виз. Вр., XIV, стр. 334. Тому же вопросу посвящена статья Н. Гроссу «Отношения византийских императоров Иоанна и Мануила Комнинов к вопросу об унии» (Труды Киевской дух. академии, 1912, декабрь, стр. 621).

и покоряюсь; соглашаясь же со вторым в вере, я разрываю связь с господом моим».

Подобное категорически выраженное мнение патриарха остановило царя Мануила от дальнейших попыток притти к соглашению с Римом. Уместно здесь заметить, что таков и наиболее распространенный взгляд в греческой церкви всех времен, как он был выражен и в тяжкую годину завоевания Константинополя турками.

Указанными выше фактами сближения с латинским Западом, на почве ли заимствования политических учреждений или уступок по вероисповедным вопросам, достаточно выясняется принципиальный смысл занимающей нас задачи: для обеспечения себе дальнейшего политического бытия и для успешной борьбы против западного и восточного врага империя должна была искать средства не в усвоении феодализма и не в уступках латинству, а во внутренних реформах и в согласовании интересов господствующей церкви и эллинской национальности с отринутыми учениями и с населявшими империю народностями. На этом пути не было предпринято никаких реформ в занимающую нас эпоху. Между тем, голос просвещенных людей того времени всячески привлекал внимание правительства к вопиющим государственным нуждам, которые давали себя чувствовать как в центре, так и в провинциях. Характеристика административной системы Мануила, сделанная Никитой Акоминатом, составляет лучшие страницы в его истории. «Я не скрою, — говорит он, — он увеличил государственные подати, и высшие должности при нем отдавались на откуп. Собираемые деньги царь рассыпал щедрой рукой, обогащая монастыри, церкви и неимущих. Много денег расходилось по рукам иностранцев, в особенности латинян; значительная также сумма шла на родственников и любимцев. Племянница царя Феодора имела царскую свиту и роскошный дворец: на нее и на рожденных от нее детей текли целые реки золота. Постельничие, евнухи, слуги из иноземцев, варвары, у которых слюна брызжет изо рта прежде, чем послышится слово, легко склоняли царя на милость и испрашивали, что хотели. Некоторые из них пользовались такими богатствами и собирали такие сокровища, какими владели разве вельможи у великих народов. Полагаясь на них, как на верных слуг, хотя это были лишенные всякого образования люди и весьма дурно говорившие по-гречески, царь не только поручал им высшие должности, но и ставил во главе судебных учреждений, где нескоро осваиваются с делом и законоведы. В особенно важных поручениях иноземцы предпочитались своим способным и образованным людям. Царь не доверял ромэям, подозревая их, и удалял их от себя, а его подданные, понимая недоверие к себе со стороны высшей власти и оскорбленные тем, что занимают подчиненное положение сравнительно с варварами, не радели об общественном благе и мало обращали внимания на точный

и верный сбор дани». Беспорядочная правительственная система дошла до крайней распущенности. До какой степени было утрачено всякое чувство личной ответственности и как мало в правительственных лицах было сознания государственных интересов, видно из того, что в самый критический момент, когда крестоносцы в 1203 г. приближались к Константинополю, тогдашний дука флота Стрифн сквозь пальцы смотрел на то, что заповедные леса, из которых строился флот, вырубались и распродавались на частные нужды, а оставшиеся на складах гвозди и якоря, паруса и канаты вместе с старыми судами шли в продажу, как ненужный хлам.

Во время осады Константинополя в 1203—1204 гг. столица обширной империи оказалась вполне отрезанной от сношений с провинциями и предоставленной собственным средствам защиты. И, как оказалось, эти средства были так недостаточны, что горсть смелых авантюристов быстро завладела господствующим положением и без большого труда подчинила себе многонаселенный и окруженный стенами город. Понять психологию осажденного Константинополя позволяют до некоторой степени относящиеся к этому вопросу страницы истории Никиты Акомината. Он живыми красками рисует тогдашнее население города и дает прекрасное освещение внутреннего положения дел, где на первый план выдвигаются личные интересы высших лиц и где никто не стоял на высоте сознания государственных интересов.

Население города представляло смесь народов разного происхождения. Множество торговых людей из разных стран жило в Константинополе с целью взаимных торговых сделок. Главную массу составляли торговые люди итальянского происхождения: венецианцы, генуэзцы и пизанцы. Немало было людей восточного происхождения: армян, арабов, турок. Правительство царей Комнинов предоставило иностранцам отдельные кварталы для жительства и склады для товаров и простирало терпимость до того, что разрешало устройство инославных церквей и мечетей. Мелкие промышленники, ремесленники, продавцы разных товаров и чернорабочие на пристанях, эта «грубая, низкая и пьяная толпа», к которой так не расположен наш писатель, нередко своим участием решала многие политические затруднения и ставила византийское правительство в необходимость считаться с ее требованиями. Население столицы отличалось крайней подвижностью. Оно пользовалось малейшим поводом к волнениям и сборищам, охотно следовало за ораторами и вожаками, слепо подчиняясь им. Когда разливалась волна народного движения, улицы и площади наполнялись любопытствующими, которые скоро примыкали к общему движению. Эти ремесленники, мясники, лавочники, продавцы овощей делались страшной силой, когда становились орудием смелых и влиятельных вожаков. Но наш историк рисует население столицы очень мрачными красками; он смотрит на него сквозь призму эллинских преданий классической эпохи.

Это, по сравнению с афинским демосом, грубая уличная толпа, для которой «непонятны внушения лучших людей и которая не знает сладости свободы. И во всяком другом городе народная толпа безрассудна и непреодолима, царьградская же уличная чернь особенно склонна к волнениям, отличается необузданностью и кривым нравом, как потому, что состоит из разноплеменных народов, так и потому, что разнообразием занятий приучается к перемене убеждений. Иногда по одному слуху народ начинает волноваться, и пламя бунта разливается как пожар, толпа идет слепо на мечи, не останавливаясь перед утесом и глухим валом... Итак, по справедливости заслуживает константинопольский народ порицания за непостоянство, слабость и изменчивость. Неуважение к властям — прирожденное его качество; кого сегодня законно выбирают во властители, того скоро порицают как злодея».*

Во время латинской осады константинопольский гарнизон должен был иметь значительную численность, но, повидимому, в составе его было много иностранного элемента: наемные итальянцы и северные дружины варваров, вооруженных секирами (варяги). Между туземным населением, состоявшим из греческих патриотов, и иноземцами, в особенности из латинян, неминуемы были столкновения. Легко понять, что греки подозревали латинян в сношениях с крестоносцами и преследовали их убийствами и разграблением их квартала. Во многих местах произведения Никиты Акомината ясно видны указания на социальные причины, породившие полный разрыв между состоятельными классами и простым народом. В то время как состоятельные люди лишились всего имущества в пользу завоевателей, мелкие ремесленники обогащались, приобретая за ничтожную цену награбленные латинянами и поступившие в продажу сокровища. Несчастия, сопутствовавшие завоеванию города латинянами, обратились, как оказывается, ко благу одной части населения: «Слава богу, — говорили бедняки, — мы стали богаты».**

Таким образом, и провинциальная администрация, и взаимные отношения между сословиями и классами столичного населения одинаково подготовили империю к тому краху, который последовал в 1204 г. Везде замечаем мы отсутствие патриотизма, недостаток живых и сильных характеров, которые были бы в состоянии оценить происходившие события и предотвратить надвигавшиеся бедствия. Не видно ни самопожертвования, ни творчества в руководящих кругах оскудевшего византинизма.

В наиболее важные моменты исторической жизни Византийская империя находила опору в духовенстве, именно в монашеском сословии. На этот раз ни в среде высшего константинопольского духовенства, ни

* Nic. Acom., pp. 304—305. Места подобраны в моей упоминавшейся выше книге «Византийский писатель Никита Акоминат», стр. 92—103.

** Nic. Acom., p. 785.

в кругу настоятелей монастырей не выдвинулось ни одной силы, которая могла бы примирить враждовавшие между собой элементы и дать делам благоприятное направление. Хотя слепой Исаак Ангел, вновь назначенный на престол в 1203 г., искал себе поддержки в духовенстве, но историк относится весьма неодобрительно к доверенным лицам Исаака: «Он окружил себя недостойными людьми, длиннобородыми монахами, которые, поглощая самую свежую и жирную рыбу за его столом и попивая цельное вино, сулили ему продолжительное царствование и прозрение... Монах, — говорит писатель, — заискивающий расположения светской власти, — тот же астролог и придворный льстец: тот и другой имеют в виду лишь свои выгоды и не радеют об общем благе».

О положении монашеского сословия в империи имеются прекрасные наблюдения у современников. Так, Никита Акоминат сравнивает в этом отношении время Мануила и последующее за ним. «Зная, что заботы об имуществе отнимают много хлопот и лишают возможности устроить богоугодную жизнь тем, которые избрали по обету уединенную жизнь, Мануил не приписал к устроенному им на Понте монастырю ни земель, ни виноградников, но приказал все нужды братии удовлетворять непосредственно из казны. Это он сделал с целью пресечь весьма распространенный обычай созидать новые монастыри и дать потомству пример того, как должно устроять жизнь людей, обрекших себя уединению и отрешившихся от плоти. Так, он был далек от того, чтобы одобрить нынешний обычай, когда посвятившие себя монашеской жизни занимаются приобретением и хлопотами о мирских делах более, чем светские люди. Он не оправдывал отца и деда и всех родственников, которые настроили много монастырей и подписали за ними целые участки плодоносной земли и роскошных пастбищ. Монастыри нужно строить на местах уединенных и ненаселенных, в пещерах и на высоких горах, по возможности дальше от столицы и берегов Геллеспонта. Между тем они из тщеславия строили обители на площадях и перекрестках и помещали в них не подвижников добродетели, но людей, монашеский характер которых выражался лишь в стрижке волос, в измененной одежде и в длинной бороде».*

В особенных обстоятельствах, которые переживала империя в занимающую нас эпоху, от духовенства ожидались патриотические выступления и указания практических мер к предотвращению беды. «Ни один из высокотронных архиереев, пользующихся высокими почестями, никто из длиннобородых монахов, нахлобучивающих на нос шерстяную наметку, не обратил внимания на то, что бог оставил нас и вконец презрел, никто не предложил

* Nic. Acom., pp. 270—271.

помощи в этом трудном положении, не решился смело указать царю спасительное средство».*

Митрополит солунский и вместе просвещенный писатель Евстафий, умерший около 1194 г., оставил единственную в своем роде характеристику современного ему черного духовенства, которая тем более должна быть принята во внимание, что принадлежит лучшему представителю духовного сословия всех времен.** Стоит при этом еще заметить, что, по воззрению Евстафия, образцы истинной монашеской жизни нужно искать в окрестностях Константинополя, по берегам Мраморного моря и на островах, т. е. именно там, где Никита Акоминат находит только отрицательные примеры. Несколько мест из сочинения солунского митрополита лучше всего покажут обнаружившееся в конце XII в. падение в монашеском чине, который, очевидно, находился в разладе с церковной властью. «Мы имеем в нашей среде род людей, который постригом купил себе право на свободную и беспошлинную торговлю. Воздержанием от мяса они приобретают денежные выгоды, так как не тратятся на покупку, не имеют страха перед динатами; сборщики податей не повредят их торговым оборотам. Разводят виноградники, выращивают сады, размножают стада всяческих животных, предоставляя другим скотоводам делать бессловесными животными их божественное стадо, поступая во всем так, чтобы засвидетельствовать свою принадлежность к миру. Я могу подтвердить мои слова недавним событием. Блаженной памяти царь Мануил, постоянно занятый общественными делами, вздумал однажды поздней ночью совершить благородный брак. И этот брак, по его приказанию, совершался во Влахернском дворце, а этот дворец не очень далеко находится от монастыря Предтечи, что в Петре; дело же было в посту. Когда приставленные к делу служители недоумевали, как в такой поздний час они достанут все необходимое, и спрашивали царя, каким образом они исполнят его повеление, так как ничего для свадьбы не приготовлено, за исключением принадлежностей церковного обряда, царь сейчас же вспомнил о Петре и сказал, что там достанут все нужное. Немедленно служители поспешили в названный монастырь и начали бить в двери. Привратник, узнав причину, спешит к настоятелю, который охотно приказывает исполнить желание царя. И вот появляется белый хлеб, разных видов печенье, вино, различные овощи, сливы, сыр, сушеная рыба и икра, добываемая из реки Дона. Все было немедленно изготовлено и на мулах доставлено к месту».

Многие главы сочинения Евстафия пропитаны неподдельным юмором и пестрят примерами из повседневной жизни.

* Nic. Acom., pp. 622—623.

** L. Tafel. Eustathii Opuscula, p. 214. De emendanda vita monachica

«Нынешний отец игумен стал выдавать себя за великого подвижника, не будучи таковым. Напускает на себя важность и выражением лица, и насупленными бровями, и опущенными вниз глазами, и взглядом, и склонением головы, и размерной речью, и притворным смирением, и повторением слова „благослови“, и глубоким поклоном, и внешним поведением, обнаруживаемым даже походкой, в которой видна повадка первостепенного монаха. Считает себя выше обычных монашеских работ и держит себя так, как будто у него нет рук. Сидит в праздности и поэтому размышляет о разнообразных предметах, из которых большая часть касается не ведущих к доброму желаний. Так монашествует наш отец в праздности. Когда же он бывает в собрании братии, то стоило бы посмотреть на него, самого, в сущности, обыкновенного человека, но с достопочтенным и заросшим на подбородке лицом. В подобном собрании наш игумен, так как занятия у него нет, начинает вести беседу. И предметом его речи не будет ни проблема из священного писания, ни толкование трудных текстов, ни места из св. отцов, объясняющие священное писание, ни повествования о богоугодной жизни, ни благочестивые увещания, ни примеры добродетельной жизни, ни чтение избранных мест из священного писания. Не об этих вещах будет говорить наш учитель, а о разных житейских делах. Начав с виноградников и посевов, и с податных сборов, и с других не менее важных вещей, когда старцы не соблаговолят поддержать разговор своими замечаниями, сводит речь на маслину, фигу и другие плоды и начинает философствовать: какой виноград дает лучшее вино, какая почва приносит бо́льший урожай, как собирать братии больше доходов... Если же случится беседовать ему с кем из сильных мира, тогда он бывает неподражаем. Сначала он помолчит довольно, как бы Пифагор какой, и таким поведением обнаружив глубину своей добродетели и показав себя героем молчания, потом произнесет невнятный звук, как испуганная мышь, и начнет повествование о себе, но при этом остережется касаться времени до пострига, а остановится на том, что было по пострижении: у какого святого отца был в послушании, как он был высок добродетелью, имея в виду возвысить себя через воздаваемую ему похвалу, как он служил ему, приучаясь к подвигу послушания, и как старец-учитель предсказал ему возвышение, усовершенствование и честь, и как по смерти его сподобился откровений и чудесных действий. Наконец, не преминет упомянуть о преимуществах и почестях, воздаваемых ему царем, патриархом и архонтами. Когда заметит, что довольно уже овладел вниманием слушателя и подчинил его себе, сводит речь на свою бедную обитель, которую или притесняют требованием взяток, или не дают суда со мнимым обидчиком. А этот обидчик есть или архиерей, по большей части без вины виноватый, или сосед-владелец, несущий на себе реальное обвинение. Первый не расположен к нему, во все вмешивается, все хочет проверять, требовать отчета

во всех делах его, не знает канонических правил, словом — не позволяет ему свободно делать, что заблагорассудится. Второй — у него владение примыкает к монастырскому, и он притесняет бедную обитель, не хочет отдать его или подарить. И с братией очень груб, если начнут говорить с ним. Было бы излишне рассказывать, как он искусно обрабатывает слушателя. Стоит только вообразить, что неприятельский набег не так пагубен для соседнего помещика, как соседство святых отцов. Наш духовный отец употребляет в дело самые материальные орудия. В виноградники загоняет скот, который поедает самые корни, с садовых деревьев снимает плоды, пускает огонь в сухой валежник и кустарники, заграждает проезжие дороги, если они проходят по церковной земле, и заставляет прокладывать новые пути, преграждает доступ к мельницам, злоумышляет и против самой воды, если она доставляет пользу епископским людям. Пользуясь широким влиянием и властью, он допускает всяческие притеснения. Между поселянами величается своим значением, будучи значительным только в порочности, а во всем прочем полное ничтожество: попускает воровство, унизившись до воровского ремесла, присуждает к пеням и бичам и делает все, чтобы стать страшным и недоступным».

Не менее едки сообщения Евстафия и о невежественном монашестве.

«Скажи мне, теоретик-монах, вполне лишенный образования, кого ты можешь апостольски научить добру? Да, ты научишь, но не тому, что угодно богу, ты преподашь все другое, но не искусство монашеское. Ты наставишь своего ученика часто выходить на улицу, выглядывать из-за ворот, у которых собирается толпа мирских друзей, собирать уличные сплетни, приучаться посещать бани, смаковать вкус вина. Приучишь еще и к тому, что он будет дерзко смотреть и грубо говорить и смело спорить с прибавкой всяческих оскорблений. Он будет и руки воздевать, но не на молитву, и палку носить, но это будет не пастырский железный посох, а дубина для разбойничанья. Таковы будут твои уроки, невежественный монах, совершенно противоположные твоим обетам. Я не мог бы приписать тебе качество способного, ибо это речение к тебе мало приложимо, ты человек деловой, торговый, и не назвал бы я тебя созерцающим, но скорее любящим зрелища и базарную площадь, так как ты не занимаешься природой лиц и вещей и не заботишься о тонкостях богословия и всякую книгу прячешь в укромное место, пусть-де она спокойно монашествует вместо тебя и не доставляет хлопот людям. Упражняя же свои чувства в том, что не согласно со священным писанием, ты держишь его на запоре, дабы как-нибудь не послышалось из него слово, обличающее твои деяния. Но что я говорю: держишь на запоре, — ты торгуешь священным писанием, извлекая барыш из него».*

* L. Tafel. Eustathii Opuscula., pp. 176—184.

Трудно оторваться от этой каррикатуры на тогдашние нравы монашествующего духовенства. Она вся просится на страницы истории, так как многое предвосхищает у автора «Epistolae obscurorum virorum». Закончим выдержки еще одним пикантным местом (стр. 144). «Небо и земля! — какое слово я недавно услышал от подобного мужа. Услышал я раз о священной книге Григория Богослова, славного красноречием и горячей ревностью. Это была замечательная книга, слава о ней распространялась далеко и привлекала многих как к чудесному произведению, которое доставляло наслаждение и душе и зрению. Я употреблял все старания найти этого прекрасного Григория, но не имел успеха. С грустью я обратился к игумену, а это был муж добродетельный и грамотный, с вопросом, где может находиться эта книга. Он же, поведя вокруг указательным пальцем, не дал мне ответа. Когда же я стал настаивать и мягко допытываться, ответил, что книга уже продана, да и какая, прибавил он, нам в ней польза. Я сдерживал еще готовый прорваться гнев, а достопочтенный старец начисто объявил: „И на что нам такие книги". Тогда я не мог удержаться от громкого смеха и сказал ему с укоризной: „Что в вас смысла, достойные монахи, если вы пренебрегаете такими книгами". Ушел от меня этот человек и больше не являлся ко мне, так как был оскорблен моим книгофильством».

А вот, в заключение, приведем докладную записку афинского митрополита царю Алексею Ангелу.

«Наш Афинский округ в настоящее время подвергается опасности обратиться в известную по поговорке скифскую пустыню. Причина же заключается в том, что мы обременены всяческими поборами, многочисленными и тяжелыми, какими не облагаются соседние с нами жители. Ибо мы и два, и три раза, и часто не в ряд с соседними областями, подвергаемся переписям и ревизиям справщиков, причем наши песчаные и худокачественные участки размеривались почти скачками блохи; перечислялся каждый волос на голове и всякий листок винограда и другого растения. Но и все мирские тягости, которые в прочих областях или совсем не введены, или облегчены преторами, у нас все взыскиваются и притом с вымогательствами. Можем сослаться на только что минувший год. Когда был издан приказ о постройке судов, мы первые были обложены данью, хотя судов не было выстроено. Когда прибыл к нам Стирион, мы опять были привлечены к взносу корабельных денег. Потом, понуждаемые насилием и вымогательствами, мы уплатили Сгуру и после него претору такую сумму, какую не вносили ни Фивский, ни Еврипский округ, хотя по древнему обычаю и на основании определенного в указе расписания на нашу область падает меньшая сумма, чем на Фивы и Еврип. Оставим в стороне земельную

подать и хищнические набеги морских разбойников, но не можем без слез упомянуть о насилиях и вымогательстве претора. Хотя наш округ не имеет никакого отношения к преторской администрации и суду, ибо царским хрисовулом ему воспрещен и самый въезд в Афины, но он, выставляя благочестивые цели предлогом к посещению Афин, как бы не нарушает силы хрисовулов, а между тем является к нам с военной свитой и, как бы в неприятельской и варварской стране, хищением и грабежом добывает себе пропитание. Впереди его идет гибель, — это те, которые готовят для него все нужное: они требуют на каждый день по 500 мер жита для людей и лошадей, целые стада овец, стаи птиц и рыбы всяких названий, а вина такое количество, какого не производят и все наши виноградники. Следом за ними идет сам претор и его часть. Прежде чем поклониться богоматери, на одного накидывается за то, что не встретил его, другого наказывает заключением в темницу и присуждает к пене за другие вины. Потешившись над нами столько дней, сколько ему заблагорассудится, он наконец требует платы поклонного — не умею сказать, за наше ли ему челобитье или за свое поклонение богоматери. И не только сам он, но и вся его свита. Наконец, после наших усиленных просьб и заклинаний, что мы не иначе можем сделать требуемый взнос, как разложив его на весь мир, едва соглашается на уступку и, назначив приемщика, отдает приказ об отъезде. Редкое вьючное животное уйдет от ямской повинности, или, лучше, будучи взято под извоз, редкое не продается потом своему хозяину, да и не один раз, а часто и дважды. За что обрушилась на нас такая гибель? Для государства нет в том никакой пользы; напротив, оно терпит ущерб вследствие того, что большая часть из нас покидает свои места обитания, так что наша область обращается в пустыню и уменьшается сбор установленного акростиха. Обратив внимание только на малую часть того, что мы терпим, умоляем святое царство твое: да будет и на нас милость и да будут ослаблены задушившие нас налоги. Прикажи, чтобы подати собирались в более умеренном количестве, сообразно с нашими силами и согласно с существующими в нашу пользу указами. И прежде всего благоволи освободить нас от преторского наезда и сопутствующего ему расхищения и прикажи, чтобы пожалованный нам дефендарий отнимаемое у нас возвращал, . . . и новой грамотой запрети им касаться Афинского округа. Далее просим разрешить нам участвовать во взносе корабельной пошлины и в постановке кораблей в тех размерах, как это положено по раскладке. Поелику же мы выдержали много имущественных переписей, просим, чтобы эта тягость миновала на будущее время нашу область и чтобы был подтвержден дарованный нам на сей конец указ царства

твоего. Благоволи также возобновить и другие грамоты, которыми воспрещается живущим в замках властелям всячески захватывать и владеть селами и участками крестьянскими. Это ведет к распадению и гибели общин, гибель же крестьянских общин равняется пагубе всего нашего округа».*

* Этот замечательный памятник, рисующий положение дел 1199 — 1200 гг., издал Σ. Λάμπρος (Μιχαὴλ· Ἀκομινάτου του Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, I, 307). Он имеет чрезвычайно важное значение для истории распространения в Греции чуждых этнографических элементов. Переведен на русский несколько раз: Православное обозрение, 1873, № 11; ЖМНП, 1879, август и 1883, январь.

ОТДЕЛ

VIII

ЛАСКАРИ *и* ПАЛЕОЛОГИ

Глава I

РАЗОРЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

ыше было изложено, при каких обстоятельствах в пасхальный понедельник 1204 г. латиняне ворвались в Константинополь. Впервые пала гордая, богохранимая столица преемников Константина Великого. Твердыня, некогда устоявшая перед полчищами персов и победоносного халифата, была захвачена сборною дружиною в 20 тыс. человек.

Как только рыцари захватили стены, громадное греческое население до 400 тыс. человек было охвачено паническим страхом, сопротивлялись немногие, без системы. Без боя были захвачены отчасти укрепленные, великолепные дворцовые кварталы: Влахерны с остатками царской гвардии, Большой дворец — верхний и нижний, приморский Вуколеон. Богатые жители заперлись в своих домах; простой народ, женщины и дети при виде рыцарей складывали пальцы крестом, крича: «да здравствует святой царь маркиз», т. е. вождь крестоносцев Бонифаций Монферратский. Вооруженные греки толпой загородили улицы, тесня и давя друг друга; они спешили покинуть город; часть их, как Феодор Ласкарь, переправлялась на азиат-

скую сторону. Кровопролитие было не так велико, как можно было ожидать от разъяренных рыцарей, погибло всего около 2000 греков. Притом убивали, по словам очевидца, преимущественно бывшие с крестоносцами латинские купцы, изгнанные греками из их кварталов во время осады.

Рыцарей привлекала неслыханная добыча. Убит был из них всего один, и тот случайно. Участник похода парижский каноник Гюнтер, прерывая свой рассказ лирическими отступлениями в стихах, сохранил нам во всей свежести настроение благочестивых грабителей:

Вторгнись, доблестный воин Христов,
Вторгнись в город, Христом данный победителю.
Смотри: царь миролюбивый Христос на осляти
Предшествует тебе с радостным лицом.
Ты воюешь за Христа, исполняешь приговор
Судии Христа, твое желание впереди твоего оружия.
Вторгнись, грози, гони робких, наступай сильнее,
Голосом греми, потрясай оружием, но не проливай крови!
Вселяй страх, но помни, что братья
Те, кого ты теснишь, это они заслужили своею виною.
Христу угодно обогатить тебя добычею виновных,
Да не ограбит их иная победоносная нация.
Вот тебе палаты, полные вражеских богатств,
Издревле накопленное добро получит новых хозяев.
Ты же пока придержи дух свой и руки,
Отложи на время и презри грабеж,
Несись на трусов, жестоко тесни побежденных,
Не дай им вздохнуть и усталым собраться с силами.
Когда все враги будут выгнаны из города,
Тогда лишь настанет время для добычи, и можно грабить побежденных!

Толпы отступавших греков в беспорядке запрудили улицы. Никита Хониат, сановник и историк, пережил с семьею эти мрачные дни в городе. Его рассказ изложен риторически, согласно вкусам эпохи, но полон глубокого горя и негодования.* «В день взятия города, — описывает он, — хищники расположились на ночлег повсюду и грабили все, что было внутри домов, не стесняясь с хозяевами, наделяя иных ударами; кого они уговаривали, кому грозили по всякому поводу. Все они получили или сами нашли: часть лежала на виду или была принесена хозяевами, часть разыскали сами латиняне, пощады у них не было никакой, и ничего они не отдавали собственникам обратно. Общий кров и стол не повели к сближению, наоборот — латиняне оказались подозрительными и необщительными, приводили или прогоняли своих хозяев с оскорблениями. Потому их началь-

* Nic. Acom., pp. 775—787 (*Ред.*).

ники сочли за лучшее разрешить желающим уйти из города. Собираясь партиями, жители уходили, одетые в рубище, изнуренные бессонницей и осунувшиеся, видом мертвецы, с налитыми кровью глазами, будто плачущие кровью, а не слезами. Одни горевали о потере имущества, другие уже не удручались этим, но оплакивали похищенную и поруганную девицу-невесту или супругу, каждый шел со своим горем». У Хониатов был родовой дом, «несравненный по красоте и величиною величайший», в квартале Сфоракия, в центре города. Он сгорел во время второго пожара при взятии города. Семья Хониата думала найти безопасное убежище в соседнем храме Софии, но латиняне у входа расставили стражу, перехватывали всех искавших в храме спасения и уводили, куда у них было постановлено. На семейном совете Хониатов было решено искать другого убежища. Был у них знакомый венецианец, некогда принятый у них в доме, а теперь он оказался им полезен. Облачившись в панцырь и переменив купеческую одежду на воинскую, он отгонял подходивших грабителей от дома, где приютились Хониаты, делая вид, что он их соратник и ранее захватил себе этот дом, говоря с ними на их языке. Когда же они подошли толпою и ему было не под силу сдерживать их, особенно когда подступили французы, которые и храбростью и ростом превосходили прочих и хвастались, будто боятся лишь того, как бы на них не обрушилось небо, венецианец предложил семье Хониата удалиться, чтобы они не попали в плен, угрожавший мужчинам оковами, а женщинам надругательством и уводом на бесчестье. Под предводительством венецианца, бывшего их домашнего человека и клиента, теперь же ставшего помощником и защитником, Хониат с семьею поодиночке перебрались в дом знакомых ему венецианцев, как плененная добыча, влекомые за руку, удрученные и плохо одетые. Но так как и тот квартал попал в долю французов, Хониаты должны были снова искать себе убежища, причем все слуги бесчеловечно их покинули и разбежались. Знатным Хониатам пришлось самим нести малолетних детей на плечах, и сам Никита нес на груди своего мальчика-сына. Так пришлось итти им по улицам. Проведя в городе пять дней при таких условиях, решили и они уйти из города. Была суббота и наступила зима, а супруга Хониата была беременна, как сказано в Писании: «молитесь, да не придется вам бежать зимою и в субботу» и «горе носящим во чреве в дни те». Собралось несколько знакомых, родных и присоединившихся к уходящим, и пошли, как вереница муравьев. Навстречу попадались воины не в полных доспехах, но с длинными мечами, висевшими у седла, и с кинжалами за поясом; одни были нагружены добычей, другие вели пленных и щупали их, не скрыта ли под лохмотьями ценная одежда, не спрятано ли на груди золото или серебро. Иные уже уставились глазами на женщин, выделявшихся красотою, как бы собираясь немедленно схватить их и совершить насилие. Опасаясь за своих женщин, Хониат их поместил посреди мужчин,

а девушкам намазали щеки грязью, вместо прежних притираний, чтобы скрыть их румяные щеки и чтобы румянец не привлек, как огонь ночных путников, сначала зрителей, потом воспламененных любовью, затем и насильников, уверенных в безнаказанности. Поднявши молитвенно руки к небу, с бьющимися в груди сердцами и со слезами на глазах, беглецы не знали, всем ли мужчинам и всем ли женщинам удастся миновать неистовых зверей латинян. Путь шел на Золотые Ворота. У храма великомученика Мокия некий насильник и безбожник-варвар вырвал из середины беглецов, как волк ягненка, пригожую девицу, дочь одного судьи. Изнуренный болезнями старик-отец упал на землю и, катаясь по грязи, простирал руки к Хониату, умоляя спасти дочь. Хониат побежал по следам похитителя, останавливая прохожих, хватая их руками и крича о помощи, обращаясь ко всем, кто мог понять его греческий язык. Нашлись участливые люди из латинян, погнались за бесстыдным плотоугодником и застали его у ворот дома, куда он загнал девушку. Вы постановили, — кричал Хониат, — не допускать поругания замужних, девушек и монахинь! Умоляю о помощи именем семей ваших, гроба Господня и заповедей Христа! Собравшиеся латиняне начали грозить похитителю виселицей и уже собрались перейти от слов к делу, когда он отдал девушку, и Хониат отвел ее к отцу. Выведя всех за городские стены, он бросился на землю и зарыдал. Ему было что оплакивать! Стояли стены, но лучшая часть города погибла от огня и меча. Ему хотелось верить в ту минуту: стены ждут, когда восстанет грозный мститель за народ свой, Господь на Западе, по пророчеству Давида. В развалинах дымился царственный град и чертог всевышнего, хвала, честь и приют слуг его; чудо из чудес мира стало долиной плача. Когда он восстанет вновь, окруженный поклонением унизивших его, когда будет пить молоко народов и попрежнему насытится богатствами царей? Когда его дети совлекут с себя рубище и облекутся в светлые тканые хитоны? Святейший город должен указать богу на свои храмы и мощи мучеников, на все свое горе, по слову: «Призови меня в годину бедствия, и я возвеличу тебя».

Таково было настроение у Хониата. Но, приехав с семьею в Силиврию, он встретил у местных крестьян вместо участия насмешки и злорадство. Они радовались, что богатые византийцы разорены и попали на один с ними уровень; они даже разбогатели, скупая у латинян награбленное за бесценок. Столица далеко не заслужила любви провинциалов, и, повторяя самого Хониата, она слишком «много пила молоко народов». Народного восстания на выручку столицы не могло быть: простонародье, в том числе и столичное, видело в завоевании смену одних господ другими и даже надеялось на лучшее. Хониат понял и хорошо ответил: «они еще познают латинян, съедающих разом по быку и изрыгающих вместе с чистым неразбавленным вином чистую желчь». Через полвека восстановитель греческой

империи встретил уже действительно иное отношение фракийских крестьян, но и последних осталось мало.

Тем временем в городе шел неслыханный грабеж, какого Константинополь не видал ни раньше, ни позже. Тогда богатства, особенно святыни, были еще целы. Туркам в 1453 г. досталось несравненно меньше. Турки меньше награбили, но больше убивали; латиняне как христиане поступали наоборот. После латинского разорения Константинополь никогда не оправился; обедневшему царству было не под силу восстановить тысячелетние несравненные богатства, накопленные с IV и V столетий. Памятники классического искусства и святыни апостольских времен погибли или рассеялись по всем углам Европы.

Перед грабежом огненная стихия сделала свое дело. Около трети всей площади столицы лежало в развалинах. В последние дни осады три громадных пожара уничтожили центральные населенные кварталы. Некому было тушить, причиной были поджоги латинян. Еще перед свержением Алексея Ангела 17 июня 1203 г. венецианцы, захватив нынешний Фанар, подожгли соседние дома. Огонь опустошил обширную долину от крутого холма, где был расположен монастырь Христа Евергета, на северо-запад до самого Влахернского дворца; выгорела часть Девтера, примыкавшая к Адрианопольским (Харсийским) воротам. Это были кварталы, наполненные частными, но богатыми домами; обнесенные стенами монастыри Евергета, Пантепопта, Старой Петры, Хоры не пострадали. Уцелели окружавшие храм Апостолов или расположенные на высоком холме Петрия еще более аристократические кварталы, летом прохладные, царящие над Золотым Рогом, полные дворцов цариц и женских монастырей; их, может быть, спасли гигантские открытые цистерны Аспара и Бона, ныне вмещающие целые кварталы на своем высохшем дне. Все-таки панорама пожара, бушевавшего перед террасами Влахернского дворца, потрясла даже царя Алексея Ангела.

Менее чем через два месяца, 22—24 августа, случился несравненно более опустошительный пожар, настоящая катастрофа для города и его памятников. Толпы пизанцев, венецианцев и французов разграбили мусульманский квартал и, выбитые греками, подожгли соседние постройки в разных местах одновременно, «зная уже по опыту, что огнем всего легче уничтожить город». Некому было тушить огонь, а дул северный ветер. Пожар стих лишь вечером следующего дня, истребив всю середину города от Золотого Рога до Мраморного моря. Пламя перекидывалось на отдаленные кварталы, возвращалось на уцелевшие промежутки и сливалось в сплошное огненное море; снесенные в безопасные, казалось бы, места пожитки гибли внезапно, и люди теряли голову. Горящие головни зажигали даже корабли в гавани. Мраморные портики и памятники на площадях перегорели в известь, не спасали ни кирпичные стены, ни высокие

террасы. Погибли лучшие кварталы. Мусульманская мечеть, с которой начался пожар, находилась в квартале Митата на спуске к Рогу вблизи св. Ирины Морской, построенной в V в. на самом берегу, у нынешнего моста. Следовательно, пизанцы и венецианцы подожгли те улицы, которые прилегали к их договорным кварталам, отведенным Комнинами, за несколько дней ранее сожженным греками. Так как дул северный ветер, то он погнал пламя через форум Константина к Мраморному морю, и действительно сгорели те лучшие, центральные кварталы, которые были расположены в этом направлении.

Выше итальянских кварталов были расположены кормившие столицу казенные хлебные склады, еще с IV в. Вверх до самого Среднего проспекта (Месы), главной артерии города, пролегавшей по хребту константинопольских холмов, тянулись торговые кварталы, каждый со своей физиономией. Тогда, как и теперь, мастера одного цеха располагались рядом, образуя кварталы с соответственными именами: Халкопратии (Медный ряд), Аргиропратии (Серебряный ряд), Керополии (Свечной), Артополии (Хлебный), Влаттополии (Шелковый и Пурпурный) и т. д. Снаружи и, вероятно, с внутренней стороны торговые ряды представляли собой портики или гостиные дворы, часто в два этажа, с открытыми комнатами без окон, закрываемыми лишь на ночь; мастера и купцы сидели со своими товарами почти на улице. В некоторой связи с организацией специальных рядов находилась организация торгово-промышленных корпораций, известных из устава епарха около 900 г. Константинопольские торговые ряды были велики и обслуживали далеко не одну столицу. Здесь находились оптовые склады местных и привозных товаров, регулировавшие спрос и предложение, господствовавшие над торговым обменом Востока и Запада; в этих товарах были помещены капиталы местных и иногородних купцов. Мастерские, особенно шелковых и шерстяных тканей, изделий из металлов, драгоценностей и художественных произведений (эмаль, слоновая кость), работали на экспорт, для которого даже Англия и Кавказ не являлись крайними рынками сбыта. Потому пожар, истребивший эти кварталы со всеми товарами и богатствами, оказался настоящей катастрофой для всей восточной торговли, гибелью вложенных капиталов, накопленных и унаследованных состояний. Разорение купечества порвало традиционные деловые связи и погубило личный кредит, т. е. самую возможность восстановить утраченное. Торговля стала искать иных путей, минуя Константинополь. Разорение целых корпораций мастеров вызвало упадок и даже прекращение производств, процветавших столетия и державшихся на унаследованных навыках и секретах; так, например, столь славные художественные изделия из перегородчатой эмали исчезают, повидимому, с XIII в.

Любопытно отметить, что нынешний район турецкого Большого Базара и в византийское время был базарным, и в нем так же, как и теперь, торговали преимущественно мануфактурой; так что Мухаммед, устраивая знаменитый Безестен, в сущности вновь отстроил портики и перекрыл сводами переулки между ними на пространстве целого квартала, но, конечно, лишь в части торговых районов XII в. Западная половина последних пересекалась большой улицей по имени Длинный портик и спускалась от форума к Рогу, по ней ездили иногда цари из Большого Дворца во Влахерны. И теперь по тому же приблизительно месту пролегает улица, полная магазинов, и носит также имя Узун Чарши, или Длинный Рынок.

Итак за два дня пожар Константинополя нанес его торговле и промышленности такой удар, который уже не был залечен. Поднявшись на верх гряды, по которой проходила Средняя улица, пожар истреблял уже не только товары и магазины, но и лучшие памятники античного искусства, колоссальные статуи, привезенные из городов Ионии и Эллады, уничтожая монументальные постройки времен Константина Великого. Сдержанный на юго-западе площадью Тавра, огонь направился прямо на форум Константина, бывший центром и священным украшением царственного града. Здесь сходились главнейшие пути, почти все крестные ходы останавливались на форуме и служили литии; при торжественных выездах императоры принимали на форуме славословия городских димов и при триумфах попирали шею пленных варваров. На площади и дальше по Месе были расположены часть присутственных мест, суды, библиотека и академия, портики, где собирались адвокаты и дельцы, гостиницы для приезжих и весьма близко ипподром — сборище всего населения; имевшие дело в торговых кварталах и в гавани и, наоборот, возвращавшиеся в жилые, тихие кварталы проходили обыкновенно через форум. Со времен Константина Великого площадь была украшена со всею роскошью и величием, на какие была способна процветавшая мировая держава. Вымощенный большими плитами, как атрий храма, овальный форум открывался на восток и запад апсидами, или триумфальными арками; их украшали золоченые статуи Константина Великого с семьею и при них двух архангелов-стражей, а также кресты, символы торжества христианской империи («сим победиши»). Между арками площадь огибали двухэтажные портики из белого проконнисского мрамора с античными статуями; на открытом месте площади были расставлены монументальные кресты, двенадцать статуй из красного порфира и столько же позолоченных сирен, изваяния животных и таинственные зодиаки мага Аполлония Тианского — средневековый музей. В центре высилась величественная колонна из громадных блоков красного порфира, скрепленных золочеными ободами, наверху стоял крест; в основании гигантского цоколя с мраморною лестницею, где умещалась целая часовня, были зарыты христианские святыни и палладиум города, статуя божества Τύχη (Судьбы).

С севера примыкало второе здание Сената, построенное Константином, как и первое, у Софии, — круглое и высокое, с высокой колоннадой из 4 массивных колонн в сторону площади — в виде большого мавзолея; здесь собраны были бесценные памятники античного искусства: вход был украшен знаменитыми бронзовыми скульптурными дверьми из храма Дианы Эфесской, под портиком или рядом с ним стояли колоссальные бронзовые статуи Афины и Амфитриты с клешнями на голове, вывезенные с Родоса.

От арок форума в обе стороны тянулись казенные двухэтажные портики, все еще роскошно украшенные, несмотря на неоднократные пожары. На запад, в сторону Тавра, по Хлебному рынку, стоял крест Константина, арка, Анемодулий — хитрый памятник александрийского искусства — и другие; на восток Средняя улица продолжалась лишь с полверсты, расширяясь в площадь Милия и Августея. Здесь находились палаты Лавса, где помещался высший царский суд по гражданским делам, преторий градоначальника, с полицейским судом и тюрьмою, немного вниз — знаменитый Халкопратийский храм с ризою богоматери, к востоку от Месы — разукрашенная статуями по главному фасаду Базилика с Октагоном — центр умственной и учебной жизни столицы, ближе к Милию был квартал Сфоракия с храмом Феодора. Здесь были уже и частные большие дома, как Хониата, но выходили уже и торговые ряды, заполняя промежутки между общественными зданиями, составляя для них оживленнейший фон: упоминается Смирний, рынок ароматов и пряностей, назад к форуму — Четырехугольный портик, Кожевенный и Меховой ряды, и ниже, доходя до Халкопратийского храма, Медный и Серебряный ряды. По другую сторону Средней улицы в сторону ипподрома был двор Антиоха с рядом гостиниц; для их потребностей служила цистерна Филоксена, сохранившаяся поныне; на площадь перед Софией выходили древние бани Зевксиппа, уже утратившие к XII в. свою былую роскошь и скульптуры; ближе к форуму выходил на Месу ряд церквей: Юлиана Египтянина, Евфимии, Сорока мучеников и на самом форуме храм Богородицы.

Не перечисляя всех погибших построек, Хониат определенно передает нам, что кругом форума Константина и на север и юг от него все, от моря до моря, сделалось добычей пламени. Мраморные портики обратились в известь. Только порфировая колонна Константина на форуме высилась одиноко среди дымящихся смрадных развалин, и до наших дней стоит она, обгорелая. Даже северная сторона ипподрома, его амфитеатра, террас и служебных пристроек пострадала, но огня к Большому дворцу не пропустила.

Через Зевксипповы бани и портики Миллия пожар прорвался до самой Софии, окруженной церковными и частными домами с тесными проулками, и дошел до патриарших палат «Длинного покоя» и «Синодов»; но здесь каменная масса св. Софии его остановила. Западнее ипподрома пожар

дошел до Мраморного моря. Здесь, в Домниновых рядах на Мавриановом дворе, стоял — и теперь стоит — храм Анастасии, V в., термы Дагистея с громадным залом, где городские димы избирали своих старшин; в начале Девтера стоял храм Анны, богатая постройка Юстиниана, с другими, меньшими церквами. По морскому берегу пожар разошелся на несколько верст, так как достиг до квартала Елевферия. Эта местность, известная во времена Аркадия под именем Нового Города в отличие от старого Акрополя, была густо заселена с IV—V вв.; здесь стояли церкви, приписываемые Константину, имена позднейших церквей известны десятками. Гавани Софианская (названная по соседнему дворцу и кварталу жены Юстина II) и Гептаскалон в XIII в. были еще не засорены и сосредоточивали около себя рабочее простонародье; выше лежали бывшие дворы вельмож VI и V вв. Амантия, Дария, Нарзеса, давно превратившиеся в кварталы, застроенные церквами, монастырями, частными и казенными зданиями. Все это погибло или пострадало от этого пожара. Без преувеличения, он уничтожил лучшую, среднюю часть столицы.

При самом взятии, 12—13 апреля, немецкие крестоносцы подожгли ту часть прибрежья Золотого Рога, которая уцелела между двумя описанными пожарищами — между монастырем Христа Евергета и воротами Друнгария, истреблены были кварталы Дексиократа и Арматия. По словам Виллъгардуэна, при этом третьем пожаре погибло больше домов, чем насчитывалось в трех самых крупных городах Франции. Были и другие пожары после взятия; так знаменитейший в византийской истории Студийский монастырь был не только разграблен франками, но и сожжен, и храм оставался без крыши до конца XIII в., когда был возобновлен Константином Палеологом, а по усадьбе монастыря в XIII в. паслись овцы. Следы пожара, именно времени латинского разорения, обнаружены при работах Русского археологического института. Тогда же погорел великолепно отстроенный Василием I храм Диомида в самом углу между Золотыми Воротами и морской стеной, так как при возобновлении соседнего Студийского храма в конце XIII в. были употреблены кирпичи с клеймом «св. Диомида»; очевидно Диомидов храм лежал в развалинах, равно как и знаменитый храм Мокия поблизости, из развалин которого брали материал для укрепления башен у Золотых Ворот.

Население Константинополя привыкло к пожарам и стихийным бедствиям, о них напоминали им ектении на каждой обедне; были и особые народные молебствия и крестные ходы. Но если горячая вера, а также привычка ко всяким несчастиям и помогли бы населению пережить, перетерпеть и такое разорение, то неизбежные материальные последствия катастрофы города должны были сказаться во всей силе. Половина народа осталась без имущества, без крова, без занятий, а другая половина была ограблена латинянами. Все «законные дети Константинова града» утратили

при этом не только свое царство, но почти всю обстановку повседневной жизни, свой несравненный город, его удобства, чем привыкли любоваться и гордиться. Даже храмы, со «вторым небосводом» Софией, были отняты, а в церквах была вся духовная жизнь греков, особенно женщин. Оставался один исход — эмиграция для тех, кто мог уехать.

Такого планомерного грабежа, как в три дня 14—16 апреля 1204 г., византийцы еще не испытывали, но и после того, преимущественно до 1209 г., драгоценности и святыни переправлялись в Европу. Сами латиняне так и озаглавливали свои описания событий 1204 г.: «Гибель» или «Опустошение города». Для них взятие Константинополя было небывалой удачей, славным подвигом, торжеством, посланным богом своим верным сынам. Для них Константинополь был городом чудес, святынь и несравненных богатств, среди них ходила легенда о путешествии самого великого Карла к святыням Константинополя и Иерусалима; рассказы послов и папских легатов, паломников и особенно итальянских купцов, наживавшихся в греческой столице, вывозивших на Запад частицы мощей и вещи церковного искусства, разжигали воображение латинян, средневековых людей, у которых хищность уживалась с благочестием. Сам Алексей I Комнин в письме к Роберту Фландрскому, если письмо это подлинно, перечисляет святыни своей столицы, приглашая крестоносцев на Восток против неверных. Рыцари Четвертого похода явились с определенными расчетами на легкую добычу, но им пришлось ожидать ее столько времени и столько претерпеть при затянувшейся осаде, видя перед собою золоченые крыши; к лживым и трусливым грекам они относились с презрением, начиная со своего союзника Алексея.

При вступлении в город дворцы Влахернский и Вуколеон были сразу заняты Балдуином и Бонифацием. Они нашли в дворцах «самых знатных в мире дам» — императриц, а также сокровища, к которым немедленно приставили стражу. Для прочих дворцов, храмов, казенных зданий не было принято мер охраны, хотя к Софии была поставлена стража, по известию Хониата. Прочие крестоносцы, — пишет Виллыгардуэн, — рассеялись по городу и захватили столь замечательную добычу, что нельзя сказать, сколько они набрали золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата и других шелковых тканей, отборных мехов куницы, пеструшки, песца и горностая (эти меха шли на нарядные рыцарские мантии) и иных столь же драгоценных вещей. «И, — свидетельствует Жоффруа де Виллыгардуэн, маршал Шампани, — по совести, как правду: с тех пор как стоит свет, никогда не было взято столько добычи ни в одном завоеванном городе». Среди крестоносцев и венецианцев господствовала великая радость из-за этой дарованной богом победы, благодаря которой «находившиеся в крайней бедности и нищете сразу оказались среди изобилия всех благ и наслаждений». В таком «чрезвычайном веселии» прошло три дня, но случилось

лунное затмение, испугавшее вождей, и они прекратили грабеж. Маркиз, бароны и дож приказали через глашатаев, чтобы все немедленно под страхом отлучения и согласно прежнему договору отнесли всю добычу в три церкви, отведенные для этого и поставленные под охрану 10 французов и 10 венецианцев. Но не все вели себя честно, за что, по словам Виллъгардуэна, господь возлюбил их менее. Граф Сен-Поль должен был повесить одного рыцаря с утаенным золотом на шее. При разделе добычи договор 1204 г. не был соблюден в точности. Три восьмых досталось венецианцам сверх 50 тыс. марок серебра за провоз крестоносцев, две восьмых досталось на долю императора, об избрании которого будет изложено ниже, а остальные три восьмых пошли на всех крестоносцев, причем конные получили вдвое против пеших, а рыцари вдвое против всадников простого звания. Духовенству предполагалось дать лишь мощи, но они запротестовали, ссылаясь на свои подвиги при взятии, и граф Сен-Поль уговорил других вождей дать и духовенству часть денег; их приравняли, по известию Клари, к конным воинам простого звания, именно по десяти марок (40 иперпиров). Поступило в раздел не менее 300 тыс. марок серебра и 10 тыс. животных, но наверное были оставлены запасы на военные нужды. В эту сумму не вошли драгоценности и шелковые ткани и одежды: их через несколько времени поделили между собою некоторые крестоносцы и венецианцы, воспользовавшись отсутствием Балдуина и Бонифация. Драгоценности были добыты не только грабежом населения (причем переплавили даже серебряные жаровни, употреблявшиеся гречанками в банях), но главным образом в храмах, церковных ризницах и даже могилах. Несмотря на присутствие среди крестоносцев многочисленного латинского духовенства с просвещенными епископами и канониками, латиняне в погоне за добычей не отступили перед планомерным святотатством и перед варварским истреблением памятников искусства.

Первой чертой их нации, — пишет Хониат, — является сребролюбие, и для обирательства они придумали способ новый и никакими прежними грабителями не применявшийся. Открыв могилы императоров в усыпальнице при великом храме учеников Христовых, они ночью ограбили саркофаги и беззаконно присвоили все найденные золотые украшения, жемчужные нити и драгоценные камни, лежавшие нетронутыми и нетленными. Найдя и тело Юстиниана, несмотря на долгое время оставшееся целым, они подивились, но все убранство все-таки себе присвоили. Перечень драгоценных царских саркофагов из порфира, зеленого и белого мрамора, стоявших в усыпальнице (ἡρῷον) и в самом храме Апостолов, дошел до нас; позднее, со времени Македонской династии, они погребались в своих царских монастырях или в тех, где они постригались перед кончиною. Ряды роскошных громадных саркофагов содержали драгоценности, утрата которых невоз-

наградима для археологии. Из них самими греками был ранее разрушен саркофаг иконоборца Константина Копронима, причем и его труп был найден высохшим благодаря отверстиям в днище. Франки вероятно не уничтожили массивных саркофагов, но лишь пробили в их стенках отверстия, так что еще возможны новые находки их на месте доселе не раскопанной усыпальницы возле мечети Фатих; известные саркофаги у св. Ирины — порфировые глыбы почти без украшений — были, вероятно, прежде покрыты металлической облицовкой. О разграблении франками императорских гробниц в других пунктах города почти нет сведений; но яшмовые саркофаги Романа Аргира и Никифора Вотаниата стояли, разграбленные латинянами, еще в XIV в. в монастыре Перивлепта, возле которого впервые обнаружен Русским археологическим институтом знаменитый мраморный рельеф Христа с двумя апостолами, ныне украшающий Берлинский музей. Царские саркофаги были и в монастырях Студийском (Исаак I Комнин с царицей Екатериной), Манганском, Пантократора (в обоих Комнины), Мирилее (Роман I Лакапин с семьей), в Космидии (Михаил Пафлагонянин). Из них могилы Пантократора, наверное, разграблены латинянами, но один саркофаг сохранился. Не одна корысть привлекала латинян к царским могилам, но и надругательство с политическою целью. В храме Иоанна Богослова в предместье Евдоме был погребен Василий Болгаробойца, перед которым трепетала и Италия. Теперь латинянне вытащили высохшее старческое тело и, всунув в руки волынку, прислонили к стене разграбленной церкви. Лишь по изгнании латинян тело грозного царя было вновь похоронено Палеологом в Силиврии, в Спасовом монастыре.

В осквернении царских могил мог быть еще смысл помимо грабежа, но в уничтожении античных бронзовых статуй варварская корысть завоевателей проявилась в полной силе. Более культурные из них, венецианцы, увезли целыми четырех бронзовых коней, приписываемых Лизиппу, стоявших на ипподроме, и поставили на западном фасаде собора св. Марка, где они красуются и поныне. Но еще более ценные памятники классического искусства были разбиты или расплавлены впоследствии на монету. С памятников каменных, но покрытых позолоченными бронзовыми листами была содрана металлическая облицовка (например с четырехугольного столба на ипподроме, украшенного Константином Порфирородным). Образованный Хониат оставил — далеко не полный впрочем — перечень бронзовых статуй, стоявших на площадях и уничтоженных франками. Колоссальная статуя Геры на форуме была переплавлена на монету, причем одну ее голову везли на 4 парах волов. Статуя Париса там же была сброшена с базы. Расплавлена на монету стоявшая на Средней улице достопримечательность столицы, четырехугольная пирамида Анемодулий, весьма высокая. Наверху стояла женская статуя, легко поворачивавшаяся по ветру.

Стороны были украшены рельефами птиц, группами жанрового содержания из земледельческой, пастушеской и рыбачьей жизни, а также играющими эротами; в виде эротов могли быть изображены двенадцать ветров; обрамления и, может быть, фон между группами были украшены орнаментом из лозы. Памятник был окружен суеверным почитанием, а его происхождение относили к иконоборцу Льву III, хотя он мог быть им лишь привезен. На площади Тавра стояла колоссальная медная статуя, вывезенная из Антиохии. Ее считали и за изображение Иисуса Навина, указывавшего на западную страну Гаваон, и за Беллерофонта на Пегасе; хотя казалось бы трудно смешать столь различные сюжеты. На пьедестале, по Кодину (поздняя редакция так называемых Πάτρια или «Древностей» города), были рельефные изображения будущих судеб города и русских, которые его опустошат. В копыте колоссального коня была заложена статуэтка варвара, но франки, разбив статую на мелкие куски, не позаботились, по словам Хониата, разобрать, что было написано на статуэтке, и ее также бросили в огонь. Эти не ценившие красоты варвары не пощадили бронзовых статуй, украшавших ипподром, и променяли великие и ценнейшие произведения искусства на ничтожную выгоду. Они разбили и расплавили на монету колоссальную статую Иракла, творение Лизиппа; герой в львиной шкуре сидел, склонив голову и погрузившись в печальные размышления о своей неволе; статуя была таких размеров, что окружность ее пальца была равной поясу человека. Та же участь постигла группу человека с ослом, воздвигнутую Августом после битвы при Акциуме, в воспоминание о повстречавшемся ему погонщике Никоне («победителе») с ослом Никандром; не пощадили бронзовых волчицы и свиньи, старинных святынь нации, группы человека со львом, гиппопотама и слона, крылатых сфинксов, буйного коня и «старинного зла» Скиллы, орла со змеей в когтях — солнечные часы, но по преданию — памятник избавления Аполлонием Тианским города от нашествия змей. Не смягчила железных сердец латинян и белотелая, стройная Елена, чудное изваяние, украшенное драгоценными камнями и своею красотою возбуждавшее в зрителях любовь. Хониат описывает это красноречиво. Заканчивая перечень погибших памятников на ипподроме, Хониат описывает группу схватившихся друг с другом гиппопотама и крокодила: «так и варвары, враги ромэев, как бы ни были могучи, поедят друг друга и будут истреблены Христом; праведный же, по писанию, наступит на аспида и василиска, растопчет льва и дракона», — утешает Хониат себя и своих читателей.

Не следует думать, что все эти бронзовые памятники (сколько между ними обличающих своими сюжетами александрийское влияние!) погибли сразу после взятия; их переплавляли на монету латинские императоры, нуждавшиеся в деньгах.

Но франки «разбогатели», по выражению их же писателей, преимущественно расхищением несметных сокровищ в церковных ризницах и алтарях, богатств, накопленных веками; их не касалась еще ни рука чужеземца, ни алчность расточительных греческих царей. Императоры XI и XII вв. не щадили ни платежных сил населения, ни даже потребностей обороны на окраинах и на морях, но продолжали вновь строить и без того многочисленные монастыри, щедро оделяя их драгоценными вкладами. Теперь латиняне взяли все, что нашли. Наша Тверская летопись под 1204 г. упоминает: «и паникадила и светилна сръебрьна, яко не можем числа исповедати с праздничными сосуды бесчисленными поимаша служебное все, евангелия же и кресты честные» и т. д. Ведь в Константинополе были собраны святыни и мощи со всего Востока, из Палестины, Сирии и Александрии, причем главными собирательницами были царицы Елена и Пульхерия. Главнейшие святыни, связанные со Страстями, хранились в Софии и в Большом дворце, именно в ризнице при храме Богородицы Фарской (рядом с Хрисотриклином).

Западными людьми ценились не столько художественные изделия, золото и драгоценные камни, сколько мощи («potiora lapidibus pretiosis ossa»). Почитание мощей настолько вошло в жизнь западных народов, что обычной формой присяги являлось «jurer sor sains», без которой гражданские акты могли быть признаны недействительными. Для хранения мощей изготовлялись и на Западе ковчежцы из золота с камнями и слоновой кости, даже возводились нарочитые здания, как Sainte Chapelle в Париже, Sainte Chandelle в Аррасе, Spina в Пизе. Для хранителей и собственников мощей они представляли, впрочем, и реальную ценность. Каждый монастырь или церковь получали вместе с мощами и громадный доход от поклонников близких и дальних, от больных, искавших исцеления; пользовались при этом и феодальные владельцы соседних земель. Правда, среди самих грабителей в первые дни по взятии нашлись и такие, которые предпочитали золото мощам и даже выбрасывали последние из драгоценных мощехранительниц, но еще чаще было, что разбивались художественные ковчежцы, если они были не из золота, и брались лишь мощи и драгоценные камни. При этом особенно ценились мощи, принадлежность которых известному святому была доказана, и принимались все меры — свидетельства, письменные протоколы и т. д., — чтобы удостоверить происхождение и наименование мощей; впрочем посылались и различные без определения мощи в кошелях (bourse) и ящиках. Художественная ценность изделий менее всего принималась франками в расчет, из окладов евангелий выламывались камни, ломались ценные по работе оправы и бросались, если они были не из золота и серебра; писанные на досках иконы выбрасывались в море. Впрочем, неистовства первых дней скоро уступили место планомерному спокойному грабежу и экспорту.

Более всех увезли венецианцы, не только выговорившие себе три восьмых всей добычи, но вывозившие и потом, будучи, как увидим, хозяевами в латинской патриархии Константинополя. Притом более всех они сумели и сберечь. Главное собрание византийских памятников церковного искусства хранится, несмотря на бывшие пожары, в ризнице собора св. Марка. Вообще, чтобы видеть большой византийский собор в его великолепном убранстве, следует ехать в Венецию. Венецианское государство святынь не продавало, но покупало, чего нельзя впрочем сказать о венецианских купцах, которые продали, например, терновый венец Христа французскому королю Людовику Святому за 13 134 иперпира (170 тыс. франков), сумму громадную для того времени. В противоположность республике латинские императоры Константинополя постоянно нуждались в деньгах для уплаты наемному войску и потому, овладев ризницами дворцов, продавали и дарили святыни различным государям и аббатствам на Западе, особенно французским королям, которые лучше всех платили. То же самое делали епископы и бароны, так что Латеранский собор 1215 г. должен был запретить открытую торговлю святынями. Громадное собрание ценнейших царских святынь в казне французского короля было отчасти раздарено после 1239 г., а в революцию 1792 г. ценнейшие святыни были истреблены, как и в богатейших аббатствах Франции. Более всего константинопольской святыни сохранилось после Венеции в Ватикане (Sancta Sanctorum), Амальфи, Генуе, Лионе, в странах по Рейну, в Бельгии и в Париже, хотя остатки прежнего, отдельные частицы константинопольской добычи разбросаны, кажется, по всей Европе, кроме нашей России.

Разыскания графа Риана * дают литературный и документальный материал о константинопольских святынях, перевезенных в Европу, особенно в течение ближайших лет по взятии. Но ряд памятников, хранящихся поныне, утратили свои документы, однако сами свидетельствуют достаточно о своем происхождении из константинопольской добычи.

Венецианские источники (Рамнузий) говорят о памятниках из храма Апостолов, которые погибли: царские нагрудные кресты с мощами и короны, снятые, очевидно, с самих царских тел, яшмовые и аметистовые вазы, точно не названные иконы и статуи (рельефы?); из этой посылки сохранились лишь драгоценности, вошедшие в состав знаменитой запрестольной Pala d'oro в Сан-Марко. Сохранились упомянутые у Дандоло мощи и крест из Влахернского храма Божьей Матери, ампула из Софии, Константинов крест из церкви Михаила во дворце, а крест Елены был похищен генуэзцами и хранится в Генуе. И отдельные венецианцы, как бы не желая отставать друг от друга, жертвовали в свои приходские церкви

* Имеется в виду работа: C. R i a n t. Exuviae sacrae Gusta ntinopolitanae I—II. Genève 1877—1878 *(Ред.)*.

в Венеции мощи, повидимому, целые тела святых, взяв их не только из занятых венецианцами монастырей Перивлепта и Пантепопта, но также из древнейших приходских церквей. В то же время целый ряд бесспорно византийских драгоценнейших крестов с эмалями окладов, дорогих ваз в ризнице Марка не упомянуты в старинных документах; и таких предметов прежде было больше. Великолепные вещи ризницы весьма известны. Соответственные документы о пожертвовании могли погибнуть, но возможно и то, что эти вещи были выкрадены и тайно же доставлены венецианскими канониками св. Софии. Для некоторых предметов в Ватиканской Sancta Sanctorum вероятно подобное происхождение. Известно например, что папский легат Бенедикт послал папе целый транспорт художественных предметов: двенадцать одних ларчиков из слоновой кости, книги, между ними два евангелия в окладах, золотой ковчежец со св. древом, а также перстни, жемчуг, дорогие шелковые ткани, мешки с ароматами, — а все это было перехвачено венграми и пропало. Иннокентию в этом отношении не повезло: другой такой транспорт, посланный ему императором Балдуином, был также похищен генуэзцами, а содержал он иконы, кресты, чаши, драгоценные камни, между коими один рубин был оценен в 1000 марок серебра (4000 иперпиров). Если император посылал из своей доли и из дворцовых сокровищ, то откуда черпал легат Бенедикт, как не из ризницы Великой церкви? Она ведь не осталась нетронутой, из нее увезены были священные предметы и в Германию, и во Францию, и тем более вероятно, что венецианский капитул и избранный им патриарх черпали из нее полною рукою для собора родного им города.

Судьба четвертой доли, доставшейся латинскому императору, гораздо лучше известна потому, что она вся или почти вся была распродана и раздарена. Главная часть сосредоточилась вновь в одних руках, у французского короля, и хранилась в Париже. Сохранилось мало: терновый венец Христа из дворца Вуколеона (ризницы церкви Богородицы Фарской), римский скипетр, хранившийся в Хризотриклине, и кусок камня от гроба Господня. Погибли такие византийские святыни из дворца, как риза богородицы, копье, которым был прободен Христос, поданная распятому губка с уксусом, ряд других святынь, связанных со Страстями; драгоценные кресты с частями Древа; императорские облачения; ряд мощей, главы Симеона, Климента, Власия, часть главы Предтечи, взятая, может быть, из обители Студия, и многие другие святыни.

Из монастырей Франции более других получило от императора богатое Корбийское аббатство, часть святынь еще цела; но в Клерво как золотые кресты, так и мощи погибли; также и в Цистерсианском аббатстве, получившем из Вуколеона руку Иоанна. Фландрское духовенство сохранило лучше свою константинопольскую добычу: в Лилле — ковчежец с Древом, в Валянсьене — мощи, в Намюре — частицы Древа, в Генте хранится дра-

кон Сигурда Норвежского, взятый из Константинополя. Часть императорской доли была похищена англичанином — каноником императора и увезена в Англию; один энколпий отвезен Филиппу Швабскому, частица Древа — Леопольду Австрийскому, последняя еще хранится.

Епископы получили на свою долю много самых дорогих святынь и поспешили переправить их на родину. Влиятельный участник похода епископ суассонский Нивелон был щедро одарен из царской ризницы, особенно мощами, но увез на родину и пять крестов с частями Древа, а также два золотых ларчика, и все это утрачено. Еще более вывез немецкий епископ Конрад Крозиг (Krosigk) и обогатил собор своего Гальберштадта. Святыни эти, частью уцелевшие, взяты из Софии и храма Апостолов. Кроме громадного количества мощей, Крозиг вывез царские пурпурные мантии и знамена, целый серебряный киворий и алтарные украшения. Весьма много святынь было привезено в аббатство Pairis в Эльзасе. Амьен получил часть главы Предтечи; об этой святыне знаменитый Дюканж написал целый трактат. Знаменитый Лимбургский крест с эмалями был вывезен из Софии Генрихом Ульменом вместе с золотым потиром и крестами. В Гальберштадт попал диптих слоновой кости; в Кассель — золотой ковчежец, в Аахен — оникс, оба с Древом; в Шаффгаузен в Швейцарии — деревянный резной крест; во французский Труа — золотой крест, евангелие, ларчики слоновой кости и т. д. В Венгрии и в Вене известен ряд бесспорно византийских регалий, и часть их может относиться к латинской добыче.

О вывозе рукописей сведений мало. Кардинал Бенедикт посылал в Рим книги; в Париж была доставлена «Метафизика» Аристотеля, но скоро сгорела: во всяком случае и до Ренессанса Аристотель на греческом языке мог быть доступен Западу. Однако больше всего и прежде всего ценились мощи. В Амальфи хранится ряд мощей, пожертвованных родному городу кардиналом Петром, и между ними глава св. Диомида, взятая из храма по соседству с монастырем Студия; и в последнем Русский археологический институт нашел обезглавленных латинянами игуменов, среди коих несомненно сам Феодор Студит. Даже местных патриархов латиняне не оставили греческой церкви. Мощи Григория Назианзина и Иоанна Златоуста попали в Ватикан, часть опять взял себе упомянутый Крозиг; а тело св. Германа патриарха попало в какой-то Bort (во Франции, в Bas-Limousin).

Все перечисленное не составляет и четверти вывезенных из Константинополя святынь и драгоценностей, относительно которых сохранились какие-либо сведения, но сколько их пропало безо всякого следа! Положительно целый поток святынь внезапно обогатил западные церкви, и все это вывезено из одного города. Присылаемые святыни встречались

с радостью и торжеством, дни перенесения заносились в местные святцы, и из таких праздников можно составить целый календарь.

Чтобы себе представить, с какою радостью для одних и горем для других были связаны эти бесчисленные перенесения святынь, приведем в сокращении рассказ о том, как духовное лицо Валлон Дампьерр нашел и увез в свой родной Лангр хранящуюся там поныне голову св. Маманта из греческого монастыря на Босфоре. Анонимный лингонский (лангрский) каноник сам подтверждает факты «слепой жадности» латинян, разбивавших даже сосуды (vascula) с мощами, чему положили конец вожди и легат, приказавшие сдать все мощи в руки епископа Гварнерия. Порицание автора относится к тому, что латиняне из-за золота пренебрегали мощами, но отнимать последние — подвиг благочестия, как поступил муж честной жизни и влиятельный среди крестоносцев Валлон Дампьерр, избранный скоро после того епископом в Македонии. Он узнал, что между мощами, сложенными у Гварнерия, находится глава славного мученика Маманта без оправы, но в серебряном обруче с надписью ΑΓΙΟΣ ΜΑΜΑΣ. Несмотря на все свои просьбы, Валлон не мог добиться от Гварнерия этой святыни, потому что последний хотел сам отвезти ее своему другу, лангрскому епископу. По смерти Гварнерия Валлон явился к кардиналу Петру и на коленях со слезами умолял отдать ему главу Маманта. Кардинал немедленно согласился, пошел в дом умершего Гварнерия и нашел скрытую там главу. Чтобы не было сомнения, он созвал греческих клириков и монахов, которые прочли письмена на обруче и засвидетельствовали подлинность святыни. Для еще большей верности кардинал послал Валлона с главой в греческий монастырь св. Маманта, вновь отстроенный царем Исааком. Увидя голову, игумен и монахи упали на свои лица, умоляя Валлона со слезами и стенаниями: «Вот глава нашего святого [патрона], привезенная вместе с другими мощами некиим калугером и положенная, по бывшему видению, в наш монастырь». Они предлагали за нее Валлону дать денег без числа, или обменять на что иное, или пожизненное владение монастырем (на правах харистикария); только бы он оставил им то, что они по грехам своим утратили. О всем том свидетельствует подлинный протокол, присланный в Лангр и хранимый в церковном архиве.

Но Валлон бережно охранял вверенное ему сокровище, возжигал каждую ночь перед главой не только лампаду, но и восковую свечу, горячо молясь, чтобы сам мученик засвидетельствовал, его ли это глава, и лишь имев соответственное видение, Валлон успокоился как исполнивший весь свой христианский долг. Латинские клирики разыскивали мощи в монастырских тайниках и ломали стены; находили святыни, закопанные на дворах, как в Манганском монастыре главу св. Георгия, патрона обители, и вместе с нею главу Предтечи, святыни студитов, переселившихся, повидимому, в Манганский монастырь; в погоне за святынями они устраивали

вооруженные набеги на пригородные монастыри и, найдя окошечко подалтарной конфессии, с торжеством спешили уйти, унося свою добычу, а греческие монахи робкою толпою бежали вслед за ними, плача и прося напрасно (рассказ хроники Дандоло об увозе мощей патриарха Тарасия). Следов жалости и уважения к христианской вере греков не встретим в этих сказаниях.

Дошло составленное греками перечисление преступлений, совершенных латинянами в святом Константинополе при его взятии, помещенное в рукописи вслед за перечнем вероисповедных грехов латинян. Они, оказывается, сожгли более 10 000 (!) церквей и остальные обратили в конюшни. В самый алтарь св. Софии они ввели мулов для нагрузки церковных богатств, загрязнив святое место; туда же впустили бесстыжую бабу, которая уселась на патриаршем месте и кощунственно благословляла; разбили престол, бесценный по художеству и материалу, божественный по святости, и расхитили его куски; их вожди въезжали в храм на конях; из священных сосудов ели вместе со своими псами, святые дары выбросили, как нечистоту; из другой церковной утвари сделали пояса, шпоры и прочее, а своим блудницам — кольца, ожерелья вплоть до украшений на ногах; ризы стали одеждой мужской и женской, подстилкой на ложах и конскими чепраками; мраморные плиты из алтарей и колонны кивориев поставлены на перекрестках; мощи они выбросили из святых рак (саркофагов), как мерзость. В госпитале св. Сампсона они взяли иконостас, расписанный священными изображениями, пробили в нем дыры и положили на так называемом «цементе», чтобы их больные отправляли на нем естественные потребности. Иконы они жгли, топтали, рубили топорами, клали вместо досок в конюшнях; даже во время службы в храмах их священники ходили по положенным на пол иконам. Латиняне разграбили могилы царей и цариц и «обнаружили тайны природы». В самых храмах они зарезали многих греков, священнослужителей и мирян, искавших спасения, и их епископ с крестом ехал во главе латинской рати. Некий кардинал приехал в храм Михаила Архангела на Босфоре и замазал иконы известью, а мощи выбросил в пучину. Сколько они обесчестили женщин, монахинь, скольких мужчин, притом благородных, они продали в рабство, притом, ради бо́льших цен, даже сарацинам. И таковые преступления совершены против ни в чем не виноватых христиан христианами же, напавшими на чужую землю, убивавшими и сжигавшими, сдиравшими с умирающих последнюю рубашку!

Горе греков, поругание их святынь, отозвалось по всему православному Востоку, включая и Русь, и залегло глубоко, оставило глубокий след в душе греческого народа. Бесплодны были попытки примирения, вражда к латинству, доселе скорее литературная, стала стихийной. Горе греков имело для них благодетельные последствия. В самом горниле бедствий, в константинопольских обителях, среди ученого монашества с деятелями

бывших высших школ во главе, воспиталась пламенная, непреоборимая ненависть к латинству; отвлеченные интересы сменились фанатическим служением народным идеалам, оскорбленным жестокою действительностью. Это оплодотворило литературное движение в Никейском царстве. Поведение латинян вызвало в этой среде откровенное презрение, которое уберегло в греках народную гордость, не дало развиться примирительному направлению, покорному силе, и тем способствовало восстановлению через несколько десятилетий утраченной политической независимости и единства.

В итоге вышеизложенного разоренный Константинополь надолго утратил свое мировое значение, и его история становится местною. Общеисторическую важность сохраняет политика Иннокентия * по отношению ко вновь избранным латинским патриарху и императору, новый неожиданный фазис векового спора Рима с Константинополем.

Покидая грустную картину бедствий, упавших на византийскую столицу, переходим к изложению вызванных новыми событиями идей и планов главного, закулисного виновника этой трагедии.

* Папы римского Иннокентия III *(Ред.)*.

Глава II

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЛАТИНСКИЕ ГОСУДАРСТВА РОМАНИИ. ГРЕКИ в XIII в.

ервым актом завоевателей было избрание латинского императора, согласно договору 31 марта. Двенадцать избирателей, по шести от франков и венецианцев — от первых одни духовные лица, — имели перед собою трех главных вождей крестового похода: дожа Дандоло, Бонифация Монферратского и знатнейшего из франкских крестоносцев, Балдуина, графа Фландрии и Гено (Геннегау), потомка Карла Великого и родственника короля Франции. Против двух первых кандидатов подали голос и венецианцы, для которых дож не мог быть константинопольским императором, а Бонифаций был нежелателен как сосед Венеции, который стал бы опасным. Единогласно был избран, в начале мая 1204 г., Балдуин, за которого говорили и молодость, и храбрость, и благочестие. Бонифаций был разочарован, но первый принес присягу. Через три недели Балдуин был коронован папским легатом.

На развалинах Византийской империи образовалась Латинская Константинопольская, феодальное государство поверх греческого крестьянства, целая политическая система, включившая в свой состав самостоятельно основанные государства, как Солунское королевство и княжество Ахейское. Осуществил и поддерживал феодальное единство Романии (так называлась в латинских источниках территория разрушенной Византийской империи), заставил и греческих подданных примириться со своей властью не первый император Балдуин, но второй — Генрих (1205—1216 гг.). При них обоих внутренняя история Романии заполнена церковными делами. На почве церковных интересов прежде всего столкнулась западная культура с византийской. История латинской патриархии носит международный

характер, и над ней доминирует воля вселенского первосвященника Иннокентия. Решают судьбы патриархии Иннокентий и венецианцы, лишь в конце правления Генриха императорская власть вступает в свои права.

Судьба, казалось, улыбалась молодому императору Балдуину. Фландрский граф сел на престол Константина, его окружал энтузиазм участников неслыханной удачи; он не нуждался в деньгах, сыпал подарками и писал в Европу восторженные письма. Двор свой он устроил по французскому образцу, чины двора были сановниками государства и подписывались на важнейших актах.

Раздел земель, феодальная организация территории греческой империи (в латинских источниках — «Романии», в восточных — «Рум») были делом более трудным, чем образование константинопольского правительства; хотя и последнее не обошлось без трений и было проведено без плана, сколочено на скорую руку. Претензии отдельных лиц, хотя бы опиравшихся на сильную дружину, были скоропреходящими факторами. Прочные латинские княжества и баронии создались лишь там, где основатели-захватчики принадлежали к одной латинской нации и где были налицо сложившиеся местные интересы, города и гавани, к которым тяготели экономически их области. Тем не менее на первом плане при изложении событий приходится, вслед за нашими источниками, поставить столкновения и ссоры вождей латинского похода.

Главный его руководитель, хитрый и властолюбивый Бонифаций, показался слишком талантливым и опасным для баронов, чтобы они подали за него свой голос при избрании императора. Но в качестве второго кандидата он должен был по условию получить всю Малую Азию, поскольку она была в христианских руках, затем Грецию и, по особому уговору с царевичем Алексеем Ангелом еще во время похода, остров Крит. Конечно, лучше было бы для латинян, если бы Бонифаций стал на передовом посту в Малой Азии. Со свежими еще силами крестоносцев он мог бы утвердить их положение и задавить в самом начале зарождавшийся национальный центр греков в Вифинии, который современем положил конец Латинской империи в Константинополе.

Бонифаций рассуждал иначе. В противоположность недальновидному Балдуину он стремился создать прочное государство на основе примирения греков с латинянами, но со всеми гарантиями для господствующего положения латинского элемента. Ему нужна была территория с безопасным тылом, опирающимся на католическую страну, какой была Венгрия, и с центральным положением для всех земель, захваченных латинянами. Таковой была Македония с Салониками, имея в виду покорение болгар и сербов. В этой провинции у Бонифация были фамильные связи, номинальные права. Брат его Райнер Монферратский получил 35 лет тому назад титул короля Салоникского от императора Мануила, выдавшего свою дочь за

Райнера. У семьи Бонифация были связи и старое знакомство с Востоком. Он потребовал себе, вместо Малой Азии, Салоники. Для него было выгоднее иметь свои земли, Македонию и Грецию, в одной меже. Чтобы привлечь к себе симпатии и надежды греков, он поспешил жениться на вдове царя Исаака, Марии Венгерской, и держал в почете ее сына от Исаака, царевича Мануила. Этот брак давал ему нужные связи и с Венгрией. Вообще Бонифаций хотел и умел ладить с греками. Связи с Востоком были наследственны в семье этого итальянского графа. Балдуин, наоборот, не хотел и не понимал всей необходимости поддержки туземного элемента и как прямодушный рыцарь не скрывал своего презрения к грекам.

Бонифаций был настолько силен и опасен, что императору нехотя пришлось уступить и тем обречь свою неокрепшую империю на роль форпоста против греков и выносить удары болгар. С последними он рассчитывал жить в дружбе. Болгарский царь Калоян (1197—1207 гг.) на первых порах делал шаги для сближения, не зная еще действительных сил завоевателей Константинополя и находясь в войне с венгерским королем. Он вел издавна переговоры с папой о церковной унии, о вступлении в семью европейских народов через коронование его папой, о признании независимости болгарской церкви — и в конце того же 1204 г., как увидим, добился полного успеха.

При такой обстановке Балдуину предстояло завоевывать провинции своего нового государства. Дандоло с Бонифацием и пятью вождями остались охранять столицу, прочие рыцари во главе с императором Балдуином и его братом Генрихом Фландрским выступили во Фракию, где держались греческие императоры Алексей III и Мурзуфл. Генрих выступил вперед и занял Адрианополь. Мурзуфл почувствовал себя не безопасным в Цуруле (Чорлу) и ускакал в Мосинополь к своему тестю царю Алексею, который пригласил его и вероломно ослепил в бане, на глазах своей дочери, жены Мурзуфла, проклинавшей своего отца. Алексей взял с собою дочь и отправился в Салоники; Мурзуфл, потеряв зрение и жену, остался без помощи, и войско его разбрелось.

Под Адрианополем франки встретились с болгарским царем Калояном, прибывшим с целью заключить дружественное соглашение. Петр Брасье с тремя рыцарями явился в стан Калояна; царь его угощал, дивился коням и доспехам франков и осведомился, зачем они завоевали Константинополь. Барон Брасье ему объяснил, что франки ведут происхождение из славного древнего города Трои и пришли отобрать свое наследство у греков. Франки отнеслись к предложению Калояна с надменностью и дали понять, что он может быть лишь вассалом их императора.

Между тем успехи императорских войск и движение их по направлению к Салоникам возбудили в Бонифации подозрения. Он поспешил со своими рыцарями вслед за Балдуином, и под Мосинополем у них произошло бур-

ное объяснение. Бонифаций требовал, чтобы император шел не на Салоники, но против болгар. Это же вовсе не входило в расчеты Балдуина, надеявшегося на дружбу болгарского царя. Не ему, но Бонифацию было выгодно помочь венгерскому королю, находившемуся в войне с болгарами. Отказ Балдуина был объяснен Бонифацием как нарушение договора относительно Салоник. Он пришел в крайнее раздражение, осыпал Балдуина горькими упреками: он вероломнее греков и непостояннее, нежели игральная кость. Бонифаций ушел вместе с итальянскими и немецкими рыцарями и захватил город Дидимотих, собирая подати и сзывая греков, он клялся и божился, что он отрекся от франков и перешел на сторону греков; он тщетно пытался овладеть Адрианополем, показывая осажденным своего греческого царевича: ему не поверили.

Балдуин продолжал свой путь на Салоники, огибая с юга предгорья Родоп. Под Ксанти греки местного дината Сенекерима «напали на него храбро, а отступили трусливо». Заняв Серес и перейдя Стримон, Балдуин подошел к Салоникам и вступил в переговоры, чтобы овладеть укрепленным городом. Он обязался не вводить войска в город, а население в его лагерь доставило продовольствие и пустило в свой город начальника, назначенного Балдуином. Последний выдал горожанам грамоту за царской красной подписью, в которой подтверждал все обычаи, т. е. вольности Салоник, и выступил обратно в Константинополь.

Не замедлило сказаться, что этот поход Балдуина был необдуманным шагом. Не мог он не понимать, что разделение крестоносцев на два лагеря, почти равные по силам, давало венецианцам решающий голос, а те вели реальную политику. Известия о разрыве Бонифация с Балдуином достигли Константинополя и вызвали смятение среди вождей франков, особенно тех, кто был дальновиднее и не терял из вида общих интересов. Но они не решились беззаветно поддержать императора, пошли на уступки Бонифацию и, ратуя за общее примирение, невольно сыграли на-руку таким беззастенчивым и трезвым политикам, как Бонифаций и дож Дандоло. Главою средней партии примирения был, повидимому, маршал Вилльгардуэн, — судя главным образом по его истории похода.

Немедленно вожди похода собрались на совещание во Влахернском дворце, и Дандоло предложил послать Вилльгардуэна к Бонифацию улаживать дело. Вместе с ним отправились два венецианца, Марк Санудо и Раван из Вероны, которым Дандоло дал секретное поручение войти с Бонифацием в соглашение за спиною Балдуина и его прямодушных рыцарей.

Пока Вилльгардуэн и сопровождавшие Бонифация французские рыцари — Шамплитт, Колиньи и другие — держали гневные речи, Бонифаций, упрекая императора в вероломстве, подписал 12 августа 1204 г. дого-

вор с венецианцами, по которому он получал безвозбранно Салоники, а венецианцы — Крит.

Впрочем, договорившиеся стороны составили акт настолько дипломатично, чтобы он явно не нарушал прав империи, которая еще могла бы получить поддержку на Западе. Даже вставлена фраза: «не нарушая прав и службы императору и империи». Бонифаций отрекается от всех прав на Крит, обещанный ему Алексеем Ангелом, равно как и на субсидию (которую не с кого было получать) и на всякое вассальное владение, пожалованное его отцу (или брату) царем Мануилом Комнином; далее он отказался от всяких претензий на земли в Фессалии и в Константинопольской империи как на Востоке, так и на Западе. Взамен уступок того, что не было в руках Бонифация, но было нужно для Венеции, он получал весьма реальное: 1000 марок серебра и из рук дожа с преемниками — столько земель на Западе, чтобы иметь 10 тыс. иперпиров годового дохода. Этими землями Бонифаций должен владеть на праве полной собственности с передачей по мужской и женской линии. Далее Бонифаций обязался защищать все владения Венеции на Леванте; о получении им земель и единовременной субсидии, согласно настоящему договору, будет составлен публичный акт (засвидетельствованный нотариусами республики), возобновляемый преемниками Бонифация. С одной стороны этим договором было политически оформлено давнишнее преобладание Венеции на Крите, ее важнейшие торговые связи с богатым островом, положено начало главной и наиболее прочной колонии венецианцев на Востоке. В счеты Венеции с империей по дележу земель Бонифаций обязался не вступать. С этой стороны все было ясно. Выгоды Бонифация были не менее существенны, но язык договора в этом отношении умышленно не называет вещей своими именами. О Салониках мы ничего не читаем, но какое другое владение «на Западе» могло доставить столько дохода? Не сказано, у кого возьмут, зато выговорено точно, кто даст.

Французские рыцари были настолько неприятно обойдены итальянцами, что Виллъгардуэн об этом договоре даже умолчал в своей истории. Известия о переговорах в его отсутствие с оскорбившим его Бонифацием, конечно, дошли до Балдуина. Он спешил назад усиленными переходами. На пути его встретили послы из Константинополя. То, что они могли сообщить о миссии Виллъгардуэна, было тяжело выслушать Балдуину. Он удалился в свою палатку. Тщетно убеждал его энергичный Генрих не уступать Бонифацию. Балдуин не решился, хотя мог рассчитывать на свое войско. За это ему пришлось пойти на все уступки. По настоянию Дандоло он пригласил своего вассала в Константинополь; Бонифаций вступил в столицу торжественно, во главе многочисленной свиты и получил от Балдуина подтверждение уступки Салоник и территории от Марицы до Вардара. Добившись своего при очевидной помощи венециан-

цев, Бонифаций отправился в Салоники принимать или завоевывать свое новое государство. Балдуин напрасно совершил свой успешный поход. Его войска, вернувшись в столицу, даже не нашли свободными своих квартир; и драгоценности были без них поделены.

Конфликт был улажен и кровопролитие избегнуто. Но авторитет императора пострадал. Венецианцы заявили себя хозяевами положения и по окончании крестового похода. Если Балдуин мог с этим примириться, его брату и будущему преемнику Генриху пришлось заранее наметить себе иной образ действий.

Бонифаций получил первый свою долю, которая тем самым выделялась из массы, подлежащей разделу. Этот вопрос обсуждался латинянами среди пиршеств и турниров. Остальная территория империи была разделена на три доли, впрочем далеко не равноценные, и каждая из трех долей состояла из двух частей — земель ближних и далеких.

Венецианцы получили лучшую часть Фракии от северного побережья Мраморного моря вглубь до Адрианополя — житницу Константинополя с ее богатыми портами Родосто, Силиврия, но без Херсонисского полуострова и болотистых устьев Марицы. Еще ценнее для них была вторая часть их доли, обнимавшая нынешнюю Албанию до Охриды, Эпир с Яниной и Артой, Ионические острова, Лакедемонию, Эгину и Кикладские острова. Вместе с Критом, полученным от Бонифация, все это образовывало целую империю и отдавало самую культурную и богатую часть Леванта венецианцам и в экономическом и в политическом отношениях. Сам Бонифаций, видимо, охладел к венецианцам после этого раздела и далеко не соблюдал заключенного с ними соглашения, по которому он был обязан всячески охранять венецианские владения. Император получил на свою долю восточную часть Фракии, от стен своей столицы до Черного моря, крепость Цурул и г. Визу, т. е. область, покрытую лесами. Во втором поясе император получил все малоазиатские провинции, обширные и богатые, но оспариваемые греками. Их нужно было завоевать и удерживать непрерывною войною; и во всем объеме латинские императоры никогда ими не владели. Номинально азиатские земли Латинской империи простирались от Синопа к Мраморному морю, заходя далеко вглубь материка, но центром их был бассейн Мраморного моря и Троада, древние провинции Вифиния и Мизия, театр будущих войн с Никейским царством. Кроме того, Балдуин получил долину Меандра и ряд богатых и больших островов Архипелага, ближайших к Малой Азии: Митилену, Лимнос, Самос, Хиос и другие. Охрана этих границ была настолько затруднительна, что Балдуин поспешил образовать в отдаленных пунктах крупные вассальные владения, которые имели задачей не только оберегать, но при случае и расширить латинские земли. Ренье де-Три (Renier de Trit) получил Филиппополь, форпост против болгар, и граф Гугон Сент-Поль — город Дидимотих (Димотику), возвращенный

Балдуину Бонифацием и отмеченный, впрочем, в доле баронов. В Малой Азии брат императора Генрих Фландрский получил Адрамиттий, оплот от греков со стороны Пергама и Смирны, а граф Блуа был поставлен герцогом Никеи, защищавшей с востока самую столицу. Уделы баронов — третья доля Романии — были в сумме менее значительны. Более 600 крестоносцев и присоединившихся к ним франков были посвящены в рыцари и получили лены. Последние были разбросаны по Херсонисскому полуострову и нижней Марице (Энос, Вира) по окраине Фракии, но главным образом в западной Македонии и Фессалии, до Афин. Мелкие бароны вклинились своими ленами между королевством Бонифация и венецианскими владениями с запада и с востока.

Вероятно это было сделано умышленно дожем Дандоло, который играл при разделе главную роль: сам он не обязался ленной присягой императору и получил греческий титул деспота. Представитель Венеции на Леванте, константинопольский подеста, с 1205 г. именуется гордым именем Dei gratia Venetorum Potestas in Romania ejusdemque Imperii quartae partis et dimidiae dominator. Территория самой столицы была также разделена. Акт раздела нам не известен, но — например из позднейшего документа 1231 г. — видно, что императору в это время принадлежали $^{5}/_{8}$ города, остальное — венецианцам.

Раздел земли, пререкания рыцарей из-за ленов, церковные дела занимали все внимание нового правительства в Константинополе. Со своей стороны дож Дандоло, устраивая новые венецианские колонии, видел в этом деле главную свою задачу, интересами империи он дорожил лишь до тех пор, пока они совпадали с венецианскими, к усилению императорской власти он относился со скрытым недоброжелательством. Договор его с Бонифацием был характерен для его отношений к латинскому общему делу и увенчал вместе с актом раздела труды Дандоло на пользу родного города.

Франки Константинополя потеряли в лице Бонифация деятеля с государственным умом и знанием Востока. Оставшиеся вожди не понимали условий, требовавших не только сюзеренной, но сильной фактической власти: это видно из образа действий настолько благонамеренных вождей, как Виллъгардуэн и другие примирители Бонифация с Балдуином. Сам новый император был лишь первым между знатными вождями; задач местной политики он, видимо, не понимал. Своего канцлера Иоанна Нуайонского он лишился в Салоникском походе, во время эпидемии. Греков он открыто презирал. Никита Акоминат — сам государственный деятель, образованный писатель и патриот, живший в удалении, — язвительно вышучивает Балдуина: все-де ему казалось доступно, девизом для него могло быть древнее изречение: «куда пойду, копьем землю разворочу». Отправляясь во Фракию и Салоники, чтобы принять приветствия своих

новых подданных, Балдуин не удостоил взять с собою никого из греков воинского или гражданского звания и всем желающим отказал. В этом он сходился с латинскими вождями и баронами, считавшими воинскую доблесть своим прирожденным свойством и не признававшими ее у других народов. Не было к ним доступа ни музам, ни харитам, представителям наук, греческой образованности и искусств. Поэтому, — заключает Никита, — эти варвары были столь необузданы, и гнев у них перевешивал рассудок.

При таком отношении к грекам латинянам было трудно рассчитывать на их содействие. Его они и не искали и не принимали в расчет. Легко захватив империю, они на первых порах надеялись легко ее и удержать, они рассматривали ее как богом данную обетованную землю, которая могла устроить еще многих рыцарей. В то же время, озираясь на свои поредевшие ряды (смертность была велика от болезней), вожди видели недостаток людей. Балдуин неоднократно и официально писал на Запад, например в Германию, вызывая оттуда рыцарей и ратников, и подкрепления бесспорно прибывали. Из одной Кремоны приехало 1000 человек. Успех имело и письмо Балдуина в Палестину. Известия о богатой добыче и неслыханной удаче франков привлекли 100 рыцарей с оруженосцами, приехавших из Сирии и Палестины вместе с папскими легатами Петром Капуанским и Соффредом. Большинство их были участники Четвертого крестового похода. Балдуин их принял с радостью и одарил ленами в малоазиатских областях, франками еще не занятых: Атталию он отдал тамплиерам, часть Неокастро — рыцарям ордена иоаннитов, Филадельфию — родственнику нового никейского герцога, графа Блуа.

Широко, щедро раздавая земли на окраинах, Балдуин не считался с теми местными динатами и соседями, чьи интересы могли быть нарушены, чья подозрительность могла быть возбуждена. Если завоевана самая столица, то как не справиться с каким-либо Дидимотихом? Между тем примирить с собой столицу после разорения ее святынь, духовенство и служилые, образованные классы после разрушения греческой империи и захвата св. Софии было трудно. Латиняне же, наоборот, предпочитали террор, и, схватив в провинции ослепленного Мурзуфла, они свергли его в Константинополе с Феодосиевой колонны.

Не считаясь с имущими классами, новое правительство могло бы опереться на низшие, изнывавшие при Ангелах от государственных и властельских налогов, натуральных повинностей, беззакония, экономического и торгового упадка страны. При умелой политике франки могли бы явиться избавителями простого народа, но они оказались недальновидными. Рыцари не думали о народе у себя в Европе, тем более в покоренной иноверной Романии. Венецианцы, хотя и зная страну, но оставаясь купцами, систематически и беспощадно эксплоатировали свои новые владения, и на их

землях народу жилось хуже, чем на императорских. О притеснениях баронов, грабежах и беззакониях проскальзывают известия в западных же источниках. Латиняне не использовали на первых же порах ни социальных противоречий старого строя, ни тяготения к рыцарству со времен царя Мануила.

Игнорируя греков, латинское правительство ничего не сделало, чтобы заключить союзы с исконными врагами греков. Сельджукский султан Кайхозрой, изгнанный из Икония своим братом, прибыл в Константинополь, но франки не оказали ему своей поддержки. Между тем, он скоро получил обратно свой престол, и франки упустили случай приобрести могущественного союзника в тылу малоазиатских греков. В Адрамиттии местные армяне встретили брата императора с восторгом, помогая ему против греков. Когда латиняне ушли, армяне с семействами последовали за ними. Латиняне их бросили во Фракии, и армяне (20 тыс.) были вырезаны греками. На северной границе отношения складывались первоначально в пользу константинопольских франков. Родопы не были заняты болгарами после гибели князя Иванко. Калоян находился в войне с Венгрией и искал поддержки у папы, а не думал о нападении на латинский Константинополь.

В ноябре 1204 г. произошли важные события в столице Калояна. В Тырнов прибыл папский кардинал-легат и привез Калояну грамоту Иннокентия. Увенчались успехом многолетние хлопоты Калояна о признании его царем, а тырновского архиепископа — патриархом, что знаменовало признание политической и церковной самостоятельности от Византии. Правда, папа прислал ему знаки королевского достоинства и назначил главу болгарской церкви примасом, оговариваясь, что примас с предоставленными ему правами поставлять епископов, варить мѵро и выезжать с выносным крестом равен патриарху. Калоян в ответном письме называл себя, однако, императором и архиепископа Болгарии — патриархом. Так как переговоры Калояна с папой велись уже несколько лет еще при существовании греческой империи, то и при завершении их осенью в 1204 г. с обеих сторон были высказаны пожелания и взгляды, не вполне уместные после латинского завоевания. Папа даже послал Калояну знамя, предназначенное для войны с теми, кто устами чтут крест, сердцем же далеки от него, т. е. имел в виду не венгров и не латинян, а греков.

Основание Латинской империи в Константинополе не замедлило отразиться на союзе болгар с папой. Калоян добился от курии всего, что она могла ему дать. Но ему мало было независимости от Византии, к тому же теперь утратившей политическую самостоятельность; предпринятые перед курией шаги были скорее средством к достижению высшей цели — утверждению болгарского царства и по другую сторону Балкан. Гибель греческой империи открывала перед Калояном новые горизонты.

В сравнении с пришельцами-франками от увидел себя главою туземного населения Фракии. Постоянным стремлением болгар к югу объясняется старательное усвоение ими греческой церковности и образования: уносились в Болгарию святыни, строились церкви, вызывались мастера. Созидались царство и общественность, возможно равноценные греческим их прообразам. Теперь наступил исключительно благоприятный момент сделать дальнейший шаг, и толчок был дан, повидимому, самими греками. Греческая аристократия Фракии сама предложила Калояну стать во главе движения против франков и венецианцев.

Никита Хониат настаивает на том, что не Калоян явился инициатором движения против латинян, но греческая военная знать, имевшая земли во Фракии. Тщетно греческие аристократы обращались и к Бонифацию, и к Балдуину с предложением своих услуг. Латиняне не сочли нужным предоставить им участие в делах их государства. Рыцарские дружины носили слишком замкнутый характер и не допускали в свой состав посторонних элементов. Получив безусловный отказ, греческие служилые люди отправились к Калояну, хотя он был исконным врагом империи, неоднократно разорявшим ее северные области.

Сверх того, из известий Акомината и из латинских источников оказывается, что и сам Калоян был не менее оскорблен латинянами. Он отправил перед тем посольство к императору с изъявлением дружбы, но получил ответ, что они, франки, — наследники греческого царства, а он узурпатор и вассал, не имеющий права считать себя равным латинскому императору. Они даже угрожали опустошить его страну и возвратить его в рабское состояние, из которого он вышел. В этом ответе отразилась и фикция перенесения на латинского императора прав константинопольских царей, выраженная в усвоении титула Semper Augustus (послание Балдуина папе, составленное легистом, канцлером Иоанном Нуайонским), и высокомерие рыцарей по отношению к полуварвару, и, вероятно, сознание непримиримости их политических интересов.

Только что признанный и помазанный папой король или царь не мог помириться с тем, что его ближайшие соседи не считают его равноправным монархом, его нацию — членом европейской семьи народов. Он может быть почувствовал, что именно его успех перед Иннокентием повлиял на резкость полученного ответа. Соглашения здесь не могло быть. Притом франки наступали, и Филиппополь был ими занят в том же месяце, когда Калоян короновался в Тырнове.

Вместе с тем Калоян чувствовал свою силу: малочисленность рыцарей была ему известна. Преемник древних болгарских царей мог смотреть на франков как на узурпаторов, пришельцев. Не мог же он разделять точку зрения барона де-Брасье, что франки — потомки троянцев и Константинополь — троянское наследство. Ему о его правах говорили греки. Он при-

нимал посольства греков не только из Фракии, но и из Пелопоннеса, от всех его городов, по известию самого Виллъгардуэна, объявлявших его своим императором и предававших греков его власти.*

Калоян не упустил момента. Явившихся к нему греков он отослал, по словам Никиты Акомината, в их города, приказав готовить восстание и ожидать его на Пасху.

Советники Балдуина лучше бы сделали, если бы послушали Бонифация и пошли совместно на Калояна, с которым они тогда могли справиться при помощи венгров. Будь Бонифаций на константинопольском престоле, дела бы приняли иной оборот. Вместо того удаление Бонифация в Салоники и Грецию разбило силы латинян на две части. Опасности с севера они не замечали. Между тем, состоялся фактически союз греков с болгарами, столь редкий в истории Балканского полуострова. Сношения Калояна простирались и далее на Восток, вероятно, по мере успеха: латиняне перехватили его письма к туркам и малоазиатским грекам и копии отправили на Запад.

Не подозревая опасности, латиняне посылают из Константинополя партии лучших рыцарей для овладения своими новыми землями. Уезжают храбрецы Петр Брашейль и Пайен Орлеанский со 120 рыцарями на юг Мраморного моря, где они занимают латинскую факторию Пиги и наносят грекам ряд поражений. Брат императора Генрих с таким же отрядом отправляется в свой отдаленный город Адрамиттий и по пути останавливается в богатом Абидосе; затем при помощи армян и даже греческих крестьян овладевает Адрамиттием. 100 рыцарей под начальством Макария Менегу занимают Никомидию, покинутую населением. Ренье де-Три со 120 рыцарями занимает Филиппополь и, по словам Виллъгардуэна, был встречен греками с радостью, может быть, притворной. Успехи рыцарей в Малой Азии будут изложены в иной связи как эпизод в истории образования Никейского царства. Они были кратковременны, и центр событий 1205 г. лежит во Фракии.

С уходом лучшей части рыцарей в столице остались, по словам Виллъгардуэна, император Балдуин, знатный граф Блуа (новый никейский герцог) и два старика: граф Гугон Сент-Поль, прикованный подагрой, и дож Дандоло, подагры никогда не знавший. В феврале 1205 г. умер граф Сент-Поль и похоронен в Манганском монастыре, в самой гробнице красавицы Склирены. Смерть его послужила сигналом к восстанию в Дидимотихе, отданном ему в лен. Люди его были избиты греками. Захвачена соседняя Орестиада и уделы мелких баронов, рассыпанные по окраине Фракии.

* Villehardouin, Histoire de la conquête de Constantinople. Ed. N. de Wailly, Paris, 1870, p. 333 *(Ред.)*.

Латиняне, только что водворившиеся в своих ленах, частью перебиты, частью бегут по направлению к столице. Весть о восстании быстро доходит до Греции, делая латинян более скромными, по словам Никиты Акомината. Бегут бароны. Венецианский гарнизон Адрианополя очистил этот главный пункт. Храбрый комендант Цурула на время остановил бегущих, выступил навстречу грекам и, заняв Аркадиополь, нанес неорганизованным грекам кровавое поражение, «никто из них не удостоился погребения»; все же и он не удержался и отступил в свою крепость. Случилось даже, по выражению Виллльгардуэна, «странное происшествие», рисующее деморализацию рыцарей. Ренье де-Три в своем Филиппополе был оставлен сыном и родными, бежавшими в столицу; эти рыцари попались грекам и были пересланы Калояну, в числе 30, который их казнил; и никто из франков о них не пожалел. Ушли и другие в большом числе, так что Ренье остался охранять Филиппополь и Стенимак всего с 25 рыцарями, но своего поста не оставил. Грозные вести с севера застали императора врасплох. Прибывающие беглецы увеличивали смятение. Посоветовавшись с Блуа и Дандоло, император решил итти на Адрианополь со всеми наличными силами, послав вперед Виллльгардуэна, и немедленно отозвать все отряды, высланные на Восток. Все достигнутые в Малой Азии успехи были принесены в жертву. Виллльгардуэн всего с 80 рыцарями подошел к Адрианополю, но все население скрылось за стенами, на которых развевались знамена Калояна.

Балдуин не дождался брата и рыцарей и всего с 140 рыцарями выступил против болгарского царя и восставшего населения. За ним следовал Дандоло с таким же числом венецианцев. Под стенами Адрианополя они испытывали нужду. Всю страну в большом числе занимали греки. Приближался Калоян с валахами, болгарами и 14 000 куман (половцев), диких наездников. Франки приготовляли стенобитные машины и вели подкопы и так встретили Пасху, «малые числом и в скудости». Армия Калояна приблизилась. Виллльгардуэн был оставлен охранять лагерь, а император с главными силами выступил вперед и ждал нападения врагов. Калоян сам остерегся напасть на строй рыцарей, но выслал вперед куман, которые нанесли франкам потери. На пасхальный четверг куманы опять напали и опять вызвали среди рыцарей беспорядок, на этот раз имевший роковой исход. Сам знатный граф Блуа кинулся за половцами и позвал за собою императора. Заведя франков за две мили, половцы обернулись и осыпали рыцарей стрелами. Тяжко раненный Блуа не оставил поля битвы. «Не дай бог, меня упрекнут, — сказал Блуа, — что я убежал с битвы и оставил императора». Балдуин, окруженный врагами, приказывал своим отступить, но сам этого не сделал. Очевидцы передавали Виллльгардуэну, что ни один рыцарь не защищался лучше в долгом бою, чем император Балдуин, пока не был захвачен живым. Граф Блуа остался убитым на месте. Пали вифлеемский епископ и ряд знатнейших рыцарей. Несколько рыцарей в панике

ускакали прямо в Константинополь и своими известиями вызвали ужас: все полагали, что с императором погибло все войско. Отступавшие с Вилльгардуэном франки достигли Памфила, где застали значительный отряд рыцарей, спешивший из Анатолии на помощь, и не могли сообщить известий более печальных, так как погибли сюзерены многих рыцарей, опоздавших их выручить от смерти. Рыцари плакали горькими слезами и били себя в грудь. Заменив утомленный отряд Вилльгардуэна, рыцари из Анатолии охраняли отступавших, отбивая наседавших варваров, как добрые воины. Силы Калояна следовали по пятам. Проведя еще ночь в отступлении, франки подошли к богатому Родосто, занятому греками, которые однако не сопротивлялись, и немедленно отправили гонца в столицу, извещая, что войско спасено. Гонец застал в Константинополе пять больших венецианских кораблей, наполненных крестоносцами, готовых отплыть в Европу. Между ними было 100 рыцарей и даже один знатный вассал убитого Блуа. Напрасно кардинал Капуано, начальник гарнизона, и другие лица умоляли уезжающих пожалеть христианство и честь сюзеренов, оставшихся на поле брани, и не уезжать. Все крестоносцы уехали в Европу, где их ожидало всеобщее порицание.

Брат императора Генрих спешил к Константинополю из отдаленного Адрамиттия, с нетерпением ожидаемый всеми; по пути он должен был нехотя покинуть на произвол судьбы 20 000 малоазиатских армян, связавших свою судьбу с франками на свое несчастье: греки перерезали этих армян. Не доходя Родосто, Генрих соединился с рыцарями из новых ленов в устье Марицы (между прочим из монастыря севастократора Исаака в Вире) и с беглецами из Филиппополя, всего до 100 рыцарей и 500 легких всадников, так что он привел значительные силы в Родосто. На следующий день все собрались и провозгласили Генриха правителем империи. Генриху не было еще 30 лет, но латинянам не пришлось раскаиваться в своем выборе.

Оставив гарнизоны в Родосто и Силиврии, Генрих с войском прибыл в столицу, под стенами которой уже показались половцы Калояна. Все было потеряно латинянами почти внезапно: остались, кроме столицы, Родосто и Силиврия во Фракии, а в Малой Азии лишь латинская колония Пиги. Все прочее перешло в руки Калояна и греков.

Предстояло оповестить Запад о гибели императора и просить помощи людьми ввиду страшного урона и критического положения империи. «Случилось, что греки, — писал Генрих Иннокентию III, — которые по прирожденному им вероломству после всяких клятв и ручательств являются всегда склонными к предательству, ... открыто подняли восстание, которое и раньше замышляли. Не знаем, кто взят в плен, кто убит. Узнали от лазутчиков и по верным слухам, что государь, мой император, жив и здрав и довольно прилично содержится Иоанницей. Знайте, что с тех пор, как

мы вступили в пределы греков, и до того несчастного сражения, сколько бы на нас ни нападало и как бы нас мало ни было, всегда мы уходили с торжеством и победою. Такая неизмеримая утрата произошла по безрассудной нашей смелости и по грехам нашим . . . » Сам Генрих надеется на свои силы, но опасается союза Калояна с турками, о чем свидетельствует перехваченное письмо Генриха к папе. Генрих не сомневается в поддержке папы ввиду интересов церковной унии с Востоком и ради св. Земли.

Отношение Иннокентия к столкновению между латинянами и болгарами весьма характерно и далеко не свидетельствует о том, чтобы он горячо принял к сердцу просьбу Генриха и рыцарей. Он пишет Калояну почти льстивое письмо, ссылаясь на особую благодать (gratia), которой он, римский папа, отличил болгарского царя среди всех монархов христианских, и на свои заботы о его чести и интересах. Благодаря заслугам его матери римской церкви, которой Калоян смиренно посвятил свое царство «как частное достояние св. Петра», он и достиг славного торжества над теми, кто старались его серьезно обидеть. Папа послал ему венец и военное знамя и продолжает охранять его от опасностей. Пусть он знает, что на Западе собирается еще более многочисленное войско, нежели то, которое уже прибыло в Константинополь. Пусть Калоян остерегается попасть между латинянами с одной стороны и венграми с другой. Поэтому Иннокентий советует Калояну освободить Балдуина и заключить с латинянами прочный мир, о чем наказывает одновременно и Генриху. В том же самом смысле папа написал и примасу Болгарии.

Ответ папы Генриху крайне лаконичен. Своего впечатления от катастрофы латинян он не сообщает и о мерах, которые он принял по ходатайству Генриха, он ничего не пишет. Никакой инициативы папа не терпел и от Балдуина. Он лишь оффициально предписывает «знатному мужу Генриху, брату Константинопольского императора» заключить прочный мир, для освобождения брата, со славнейшим царем болгар и влахов, ибо для обеих сторон дружба принесет много пользы. Он пишет кратко, «так как нужнее дело, чем слова».

Рыцари, повидимому, надеялись, что папа объявит Иоанницу врагом христианства и поход против него — столь же богоугодным делом, как завоевание св. Земли. Папа дал им понять, что он дорожит Калояном как новым членом семьи христианских народов, а Болгарию рассматривает как лен апостола Петра. Быть может Иннокентий рассчитывал в этой плоскости отношений сделать больше для Балдуина и его империи. Рыцарям было очевидно, что интересы их и Калояна непримиримы и что болгарский хан, или «Влах», не замедлит показать и папе свое настоящее лицо. Им было горько читать холодные строки первосвященника, в своих высших соображениях как бы забывшего, что они на чужбине, пришли во имя креста и только что многие из них, с родным братом Генриха и венчанным импе-

ратором, после неслыханного подвига заплатили кровью за свою храбрость. Им, цвету французского и фландрского рыцарства, в ответ на просьбу о помощи советуют заключить мир с «убийцей рыцарей, варваром, главою мятежных греков и вонючих куман, приносивших пленных в жертву своим богам».

Положение молодого регента было тяжко. Венецианцы — своекорыстные союзники. В первой половине июня умер престарелый дож Энрико Дандоло и был похоронен в св. Софии. Его советы были незаменимы. Вновь избранный глава венецианцев на Востоке подеста Зено присвоил себе данный дожу титул деспота, подписывался красными чернилами и претендовал на равенство; помощь оказывают венецианцы еще менее; и в 1205 г. при выступлении Генриха в поход не идут с ним, но разоряют побережье Мраморного моря из своих корыстных целей. Еще тяжелее рука венецианцев в церковных делах, как увидим ниже. В то же время Зено подписывает запрещение венецианцам отчуждать свои земли в руки не венецианцев.

Но скоро Генрих урегулировал отношения императорской власти к венецианцам. Им пришлось пойти на уступки. Флот Генуи, их давнишней соперницы на Востоке, угрожал все еще не занятому Криту и Ионическим островам — самым ценным колониям Венеции. В самой республике обнаружились трения, недовольство чрезмерными претензиями венецианского «подеста Романии» в Константинополе. Последний стал во главе новой колониальной империи венецианцев на Востоке. Возникла даже мысль перенести правительство республики из Венеции в Константинополь. Власти митрополии действовали энергично. Западное побережье Греции было изъято из компетенции подеста Романии, и в Диррахий (Дураццо) был послан особый губернатор с титулом дуки.

В самом Константинополе действовали более осторожно. Подеста Зено продолжал носить гордые титулы, которые в сущности принадлежали дожу; вместе со своим советом из 6 членов он мог даже ограничивать права граждан Венеции в распоряжении их собственностью, запретив отчуждать их недвижимость в чужие руки. Но права колонии в отношении выбора нового подеста были митрополией существенно ограничены, и преемник Зено, Яков Тьеполо, оказался настолько связанным, что прибавляет перед титулом слова «по поручению дожа» или «вместо дожа».

Генуэзская опасность, заставившая венецианцев особенно дорожить доступом в гавани империи, и раздоры между Венецией и ее константинопольской колонией позволили Генриху заключить с венецианским подеста в октябре 1205 г. важный договор, которым гарантировалось единство власти в военных делах и упразднялось существовавшее со времени похода особое положение венецианцев. Императору предоставлялось начальство над всеми вооруженными силами как франков, так и живших в империи

венецианцев. Ежегодно все рыцари (milites) обязаны являться по зову императора и быть под его знаменами с июня по Михайлов день, кроме порубежных вассалов, которым нужно защищать свои земли. Но в случае вторжения чужого монарха (разумеется, конечно, в первую голову Калояна) никому никаких льгот не полагалось. Все рыцари, имеющие лены в империи, как франки, так и венецианцы, должны присягнуть и соблюдении ими их военной обязанности. Император является не только верховным военачальником, но и правителем империи. Он имеет право и обязанность принимать меры и производить расходы немедленно и во всякое время для обороны и поддержания государства. Трудные времена заставили рыцарей и венецианцев организовать верховную власть с правом инициативы и исполнения во всех внутренних и внешних делах империи.

Не над императором, но рядом с ним — формально при нем — поставлена другая власть, фактически существовавшая и прежде, ныне вводимая в рамки. При императоре заседает совет, состоящий из подеста с его 6 советниками и из неопределенного числа магнатов, т. е. сюзеренов, франков. Духовенство как сословие и рыцари в нем не представлены. Из двух союзных элементов, венецианцев и франков, по крайней мере создан общий государственный орган, за которым оставлены державные функции, вытекавшие из совместной оккупации, из условий основания латинской империи. Совет этот не только определял единодушным своим решением вместе с императором необходимость, время и продолжительность созыва ополчения, но имел также право, как и император, инициативы в делах обороны и управления. Император обязан исполнить все, что постановлено советом по собственному почину. Отнюдь не прикровенно объяснена обязанность императора тем, что он именно для того получил на свою долю четверть территории империи. В этом случае представителем учредителей империи является совет, император же — крупнейший дольщик, несущий обязанности главы исполнительной власти. Император не имеет права отнять лен у кого-либо из рыцарей, равно как рыцари не могут нарушать прав императора: обе стороны сопоставлены на равных договорных началах. В случае конфликта дело переходит на суд особо для того избранного жюри, назначенного как франками, так и венецианцами, и император обязан явиться на суд лично и исполнить постановление суда, обязательного для обеих сторон. Призывается он к суду «увещанием» вышеозначенного своего совета, которому таким образом принадлежит не только свободная инициатива в делах гражданских и решающий голос в вопросах объявления войны и созыва ополчения, но и контроль за действиями императора.

Акт 1205 г. как основанный на равновесии договаривающихся сторон, опирающихся на реальные силы, мог бы быть настоящей конституцией, какой не знала почва Византии со времен автономной греческой колонии:

он заключал в себе начала новые, вытекающие из недавней оккупации страны. Совершенно чуждые византийским традициям, эти договорные начала были способны к здоровому развитию и могли выработать при благоприятных условиях средневековый парламент. Но сам акт краток и полон несовершенств. Его составляли не юристы, не церковники, но военные люди под влиянием острой нужды охранить государство. Начал представительства ни высших, ни низших сословий в совете нет вовсе. «Магнаты», хотя и украшенные придворными титулами, заседают по личному праву. Советники подеста вместе с ним не представляют, но поставляют правительство венецианских колоний Романии и могут своим несогласием не только формально, но и фактически остановить военные планы императора. Акт лишь формулирует реальное соотношение сил, вскрывая недостаточность организации, напоминая Польшу. Конфликт между императором и советом разрешается всегда в пользу совета, а между императором и вассалом — судом, для избрания которого нужно созвать рыцарей, т. е. сейм. Составленный на скорую руку договор 1205 г. важен был для нужд момента, давая Генриху возможность организовать оборону империи всеми наличными силами латинян.

Для того он не поскупился на уступки и гарантии венецианцам. Он обязался не допускать в пределы империи всех, кто находится в войне с Венецией (т. е. генуэзцев), и гарантировал венецианцам свободный доступ и проживание во всех своих владениях, равно как неприкосновенность недвижимой собственности всякого гражданина республики, хотя бы не имевшего на свою недвижимость письменного документа. Все содержание акта Генрих утвердил своей присягой, и акт закреплен подписями членов его совета, о котором шла речь в тексте: он уже фактически существовал. Реальные новые ограничения императорской власти договор 1205 г. вряд ли вводил. Наоборот, энергичный император имел основание рассчитывать на естественное усиление власти: вымирали старые влиятельные вожди, открывалась возможность опереться на рядовое рыцарство и низшие классы населения, пришлого и туземного. Ведь почва Византии была пропитана традициями самодержавной власти.

Военные дела тем временем неожиданно изменились к лучшему. Летние жары заставили половцев вернуться за Дунай. Калоян с частью восставших греков ушел на запад против Бонифация. По дороге он осадил Серес, и латинский гарнизон, потеряв начальника, капитулировал под условием свободного пропуска; но новое чадо римской церкви Калоян не замедлил нарушить слово: рыцарей раздели донага и в оковах погнали в Болгарию, где главнейших обезглавили. Салоники Калояну взять не удалось, он к этому и не приступал, но разорял страну. Бонифаций, отсиживаясь за крепкими стенами города, «много печалился». Франки не замедлили выступить во Фракию, покоряя вновь возмутившихся греков. Расправа была

жестокая. Вперед был выслан особый конный полк, который, по Никите Акоминату, назывался ротой (ρούτα). Взяты венецианский удел Аркадиополь, Цурул, Виза, Апр. Особенно в последнем городе рыцари устроили резню и гнали пленных, как скот, прикалывая отстающих и слабых. Подошли к главному городу и цели похода — Адрианополю (Орестиаде). Сильно укрепленный двойным рвом и высокими стенами, Адрианополь был занят греками, которые наотрез отказались сдаться. Несмотря на храбрость рыцарей, их штурм был отбит, и болезни заставили снять осаду. Осень войска Генриха провели в области Родосто. Пытались взять Дидимотих, но наводнение разметало их осадные машины. Между тем Ренье де-Три, все еще державшийся в Филиппополе с несколькими рыцарями, узнал, что многочисленные в его городе павликиане, или манихеи (повидимому, вернее армяне), передались на сторону Калояна. Теперь на развалинах греческого царства заявляет себя армянский элемент, самостоятельная роль которого не сыграна до сих пор в бассейне Мраморного моря. Религиозные и племенные враги греков, армяне, при проходе крестоносцев поспешили высказать свои чувства и приветствовали Барбароссу. Мы уже упоминали, что малоазиатские армяне передались на сторону Генриха и заплатили за то своею кровью. Может быть, этот последний факт, а еще вернее — признаки поворота греков в сторону латинян после разорения болгарами Фракии побудили «павликиан» предать свой город Калояну. Ренье де-Три ночью оставил Филиппополь, поджег армянский квартал и занял твердыню Стенимак с горстью своих храбрецов. Генрих же, заняв гарнизонами Русий,* Визу и Аркадиополь, отдал город Апр фракийскому аристократу Феодору Врана, единственному, по словам Виллькардуэна, греку, державшему сторону франков. Он и женился на Агнессе Французской, сестре короля Филиппа Августа и юной вдове двух греческих царей. Врана выделялся из той фракийской аристократии, которая хотела служить латинскому императору, и заставил с собою считаться. Его род происходил из Адрианополя, известен и в XIV и в XV в. Между греческими крупными землевладельцами-властелями, наложившими свою руку на судьбы монархии Комнинов и Ангелов, выделился ряд мелких динатов, на развалинах греческого царства утвердивших свое благополучие и новую политическую роль. Одни из них, как упомянутый Врана, действовали через латинян и под их флагом. Прочнее оказалось, но труднее на первых порах было положение тех, кто опирался на свой народ, как Ласкарь.

Незначительные успехи франков сменились в 1206 г. страшным вторжением балканских горцев, кочевников Калояна, истребивших всякую культуру во Фракии. Последствия этой катастрофы не изгладились до наших дней, и, путешествуя по стране, мы видим руины на месте многих цвету-

* La Rousse (см.: G. Willehardouin, Histoire..., cap. 402—410, 566) *(Ред.)*.

щих городов. На Рождество показались под столицей стаи половцев, следовали влахи и болгары, их новые подданные греки. Отборный отряд рыцарей в Русии, с сенешалом и маршалом де-Лос во главе, погиб, окруженный врагами; богатый и укрепленный Родосто был оставлен латинским гарнизоном, и город, один из лучших в империи, был сравнен с землею, а жители уведены на Дунай. Та же участь постигла соседний Паний, родину Приска, историка Атиллы; Даоний, приморскую Ираклию, взятый штурмом Апр и крепость Цурул (Чорлу). Везде и планомерно все население угонялось в Болгарию на Дунай, стены же и постройки городов разрушались до основания. Не соблюдались никакие условия, на которых сдавались местные греки. С клятвами и обязательствами Калоян вообще не считался. Страшные вести произвели панику в Константинополе, где думали, что все погибло. Действительно, они были бессильны перед стихийным нашествием северных варварских элементов на Фракию, разорение которой Калоян вряд ли мог остановить. Но он этого и не хотел, истребляя греческие города и уводя их население к Дунаю, где возник ряд греческих поселений с именами фракийских городов. Кроме Визы, Силиврии и столицы, занятых рыцарями, а также укрепленных Адрианополя и Дидимотиха, удержавшихся в руках греческого населения, все во Фракии погибло, рыскали лишь дикие звери.

Катастрофа Фракии явилась поворотным моментом в настроении греков. Они опомнились — хотя и поздно, — увидев настоящее лицо Калояна, на сторону которого склонился сам старый патриарх Иоанн Каматир, скрывшийся в Дидимотих. Калоян теперь хвалился именем Грекобойцы, припомнив царя Василия I Болгаробойцу. Греки толпами начали покидать лагерь Иоанницы. Уцелевшие их архонты (крупные землевладельцы) снарядили Михаила Костомира с товарищами в Константинополь к Врана, прося его стать посредником между ними и Генрихом. Они уже сами предлагали латинскому императору Адрианополь и Дидимотих, прося лишь не отдавать эти города венецианцам: настолько последние угнетали население. Генрих вошел с греками в соглашение и отдал на ленном праве оба города Феодору Врана и его супруге Агнессе Французской. Точнее, Генрих заставил сделать это самих венецианцев. В венецианских архивах сохранилась грамота, по которой подеста венецианцев Зено назначает капитаном Адрианополя и всего округа до реки Кавротома счастливейшего кесаря и благороднейшего Комнина Феодора Врана, под условием платить ежегодно 25 фунтов мануиловских червонцев и выставлять, по требованию подеста, 500 всадников, из коих 200 панцырных, не притеснять венецианцев, живущих в Адрианополе; всякие новые приобретения земель делить с венецианцами полюбовно. В действительности, этот акт был последствием соглашения между императором, верховным сюзереном венецианцев в Романии, и новым политическим главою фракийских греков; иногда Врана назы-

вается даже королем адрианопольским, по крайней мере на Западе; его положение приравнивалось к таковому Бонифация. В одном недавно изданном письме папы Иннокентия латинскому патриарху предписывается лично совершать мvропомазание всех королей в Константинопольской империи: разумелись вассалы на положении монархов. Таковым был, кроме Бонифация, лишь Врана. Королевство этого латинского ставленника было непрочно и по смерти его перешло к одному из героев Четвертого крестового похода Конону Бетюнскому.

Фракийские греки получили от императора более, чем просили, — монарха-грека, из фракийских архонтов. Теперь они могли дать отпор Калояну. Другого выбора не было. Северная Фракия трепетала перед полчищами Калояна. Ранее разорения южной Фракии та же участь постигла Филиппополь, оставленный де-Три. Жители только что провозгласили царем архонта Алексея Аспиета, бывшего губернатора Филиппополя, как под стенами показалась армия Калояна. Не помогли грекам лесть и унижение, они сдались на капитуляцию. Калоян и его болгарский патриарх поклялись оставить греков живыми, что не помешало им немедленно казнить Аспиета, архиепископа и архонтов, жителей увести в Болгарию, город сравнять с землею. Когда теперь Калоян подошел к Дидимотиху, греки, не переставая величать его своим императором, не впустили его в город. Калоян повел правильную осаду — у него были мастера и опыт брать крепости. Греки отбивались храбро, но слали гонцов за гонцами к Генриху, донося, что едва могут держаться. При этом случае обнаружилось несовершенство военной и государственной организации Латинской империи, и после акта 1205 г. Генрих и совет требуют похода, рыцари долго не идут, указывая на то, что их осталось всего 400 рыцарей во всей империи Генриха. Движение франков испугало Калояна, и он, сняв осаду, отступил через горы. Франки не могли его нагнать. Генрих приказал освободить герцога де-Три, отрезанного в Стенимаке с горстью рыцарей от всякого сообщения с Константинополем более года. Лишь лучшие рыцари отважились на поход через вражескую страну. Рыцари де-Три, осажденные греками, уже ели лошадей и не верили глазам, видя своих.

Де-Три сообщил Генриху известие о гибели Балдуина в плену. Обстоятельства смерти его остались темными, на Западе сложились легенды, и даже появился самозванец в родовых владениях Балдуина. Вероятнее связывать вслед за Никитой Хониатом смерть первого латинского императора с катастрофой Филиппополя, когда казни следовали за казнями. Балдуину отрубили руки и ноги и сбросили тело его в пропасть; из черепа Калоян сделал себе чашу — таковы греческие известия. Достоверные известия о смерти Балдуина внесли ясность в положение регента. Поход был удачен, Генрих оправдал ожидания, оставалось оформить его положение коронацией. Армия немедленно и с торжеством вернулась в столицу. Корона-

ция энергичного Генриха означала усиление императорской власти. Венецианцы делали поэтому затруднения. Но у них была война с Генуей и конфликт с папой, а Генрих опирался на легатов Иннокентия и единодушное желание франков. Венецианцам пришлось удовольствоваться немногим. Император перед коронацией был должен подтвердить присягой договоры 1204 и 1205 гг. с венецианцами; границы их доли были несколько урегулированы; Генрих отдал патриарху Морозини знаменитую икону богородицы Одигитрии, которую тот не уступил, однако, своим землякам венецианцам, но поместил в св. Софии.*

После коронации в св. Софии среди всеобщего ликования в конце августа 1206 г. Генрих имел случай выступить против болгар с еще большим успехом, военным и политическим. Узнав о назначении Врана, Калоян не замедлил отомстить грекам, захватил и разрушил дотла Дидимотих. Жителей он приказал отправить в Болгарию. Греки немедленно обратились к Генриху и получили на этот раз скорую помощь. При приближении Генриха болгары уже бежали. Он гонится за ними, переходит их границу, берет их города Веррию (Старую Загору), Крину и Влисимо и в долине Тунджи отнимает 20 000 пленных греков с богатой добычей. Теперь греки уже уповали на Генриха как на своего государя. Им была предоставлена честь отбивать их родичей в авангарде Генриха. Попутно Генрих уладил личное дело, обещавшее впрочем большую пользу для империи, — брак с дочерью Бонифация. Порешили с послом салоникского короля, что невеста прибудет в Константинополь зимою. Генрих же не терял времени. Он отправил во Фландрию письма, прося прислать 600 рыцарей и 10 тыс. воинов, — в такой цифре он оценивал нужные империи новые силы. Затем в третий раз за этот 1206 г. он выступил против болгар. Несмотря на осень, он перенес войну в восточную Болгарию, разоряя в свою очередь страну Калояна. Города Агафополь, Анхиал и Фермы, теплые воды у Бургаса, которым равных нет во всей вселенной, по словам Виллъгардуэна, — все было разорено франками дотла. С наступлением зимы Генрих вернулся в столицу и в феврале с большою пышностью в Вуколеонском дворце отпраздновал свою свадьбу с юной дочерью Бонифация.

Успехи Генриха заставили сплотиться его врагов. Нападения Калояна и Ласкаря в 1207 г. были несомненно согласованы, и месяца не прошло

* Речь идет об иконе, а не о статуе Одигитрии, как полагает Gerland, (p. 96). Ср.: Riant. La part de l'évêque de Bethléem dans le butin de Constantinople en 1204. Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France, XXXXVI. 1885, p. 228—232, 234. При разделе икона досталась еп. Петру Вифлеемскому, а по его смерти при Адрианопольском поражении Балдуина она попала в руки Генриха. В 1207 г. венецианцы силою взяли ее из Софии и поместили в занятом ими Пантократорском монастыре, где в конце XIV в. ее видел паломник Игнатий Смоленский. В 1453 г. икона была разрублена турками на части.

со свадьбы Генриха, как Калоян двинулся на Адрианополь. Защищавшим свой город грекам пришлось очень круто, так как император, занятый борьбою с Ласкарем, не мог подать им помощи. Снова хищные всадники Калояна разоряли Фракию; но болезни и недостатки провианта заставили болгар отступить в свои горы. Генрих лишь тогда освободился, когда заключил с Ласкарем двухлетнее перемирие на невыгодных условиях. Для императора всегда была важнее плодородная Фракия, уже занятая и поделенная, чем его земли на азиатском берегу, которые предстояло еще завоевывать.

Летом 1207 г. войска Генриха со свежими силами вторглись через долину Тунджи в горную порубежную область к востоку, заселенную влахами. Скот и хлеб были в изобилии, и франки взяли богатую добычу; но после одной опасной схватки в горах Генрих отвел войско обратно в долину Марицы. Прибыли послы Бонифация, стоявшего недалеко в Македонии, и предлагали личное свидание монархов. Впервые после разрыва Бонифация с Балдуином представился случай урегулировать отношения между императором и королем, ставшими недавно зятем и тестем.

Бросим взгляд на судьбы государства Бонифация до этого момента. При вступлении в Салоники «маркиз», как его называют обыкновенно источники, был принят жителями без сопротивления, так как он, по словам Никиты Хониата, умел использовать обстоятельства и скрывать свой злокозненный и двуличный характер. По Вилльгардуэну, город был вручен Бонифацию рыцарями, оставленными Балдуином. Во всяком случае Бонифаций хотя обложил богатых горожан денежными взысканиями и отдал лучшие дома своим рыцарям, но широко применял в своих новых владениях ту политику единения с греческой знатью, которую он тщетно старался внушить императору Балдуину. Выступая в поход, он брал с собою царевича Мануила Ангела, сына жены своей Марии Венгерской. Впереди храброй, но разноплеменной дружины Бонифация, в которой преобладали ломбардский и немецкий элементы, «расчищали дорогу», по выражению Никиты, многочисленные греческие аристократы. В такой политике Бонифаций видел залог успеха. В тех же вероятно видах он принял бывшего царя Алексея III Ангела, того самого, который изменнически ослепил во Фракии своего зятя и соперника, Мурзуфла. Он ведь был свойственник жены Бонифация. Но этот представитель худших свойств семьи Ангелов завел немедленно интриги при дворе Бонифация, и тогда ему было указано проживать в фессалийском торговом городе Алмире, где у его жены Евфросинии были богатые имения. Но он и здесь не успокоился и продолжал интриги сначала с владетелем Коринфа Сгуром, за коего выдал дочь, вдову Мурзуфла, затем с Михаилом Эпирским. Потеряв терпение, Бонифаций отправил его с женой, присоединив и своего пасынка Мануила, на

Запад. Впоследствии Алексей бежал сначала к Михаилу Эпирскому, затем, похоронив свою жену в Арте, к султану в Малую Азию.

Политика Бонифация могла привлечь часть архонтов, которые вообще не были способны к патриотическому единению перед лицом врага и, усвоив себе еще со времен Комнинов западную роскошь и рыцарские вкусы, были готовы служить франкским сюзеренам до тех пор, пока последние в своей латинской гордости не отталкивали их открыто. Патриот Никита не щадит горьких слов по их адресу. Но он преувеличивает их значение. С Бонифацием выступили осенью 1204 г. добывать славную Ахею и Морею (Пелопоннес) крупные вассалы из Италии, Германии и Франции. Такой дружине не страшны были греки в открытом поле. Бонифация ожидал ряд блестящих, но нетрудных успехов. Не считая засады у переправы через Пеней, греки лишь у Фермопил пытались оказать сопротивление, но и то был собственно Лев Сгур, мрачный герой албанского происхождения; а в средней Греции, в промышленной Виотии Бонифация встретили как избавителя: может быть, отчасти потому, что города были заполнены евреями, не меньшими врагами греков, чем на Востоке армяне. Не столько война, сколько раздача крупных ленов занимала Бонифация в северной Греции. К северу от Фермопил, ближе к Салоникам, основались итальянцы. К югу от Фермопил основались, как увидим ниже, французские и фламандские вассалы.

Чтобы объяснить дальнейшие успехи латинян, бросим взгляд на состояние Греции в начале XIII в. Разделенная на три фемы (Эллада — средняя часть Греции с югом Фессалии, островами Евбеей и Эгиной; Пелопоннес, соединенный с Элладой под властью одного протопретора; Никополь — фема, обнимавшая Эпир, Этолию, Акарнанию), Греция и до прихода рыцарей не вся была во власти константинопольского правительства. Не говоря о богатых Ионических островах, захваченных Маргаритоне, адмиралом норманнского королевства в Сицилии, и его зятем графом Маттео Орсини, внутри материка не все области пускали к себе византийских чиновников. В середине XII в. горные области северной и средней Греции были заняты влахами, которые спускались зимою со своими стадами с отрогов Пинда в области Ламии и в самую Виотию, жили там и наводили ужас на греков. Конец XII в. и начало XIII в. являются временем большого движения среди этих романских горцев, составлявших главную силу Калояна, называемого кратко «Влахом». В северной Греции образовалась Великая Влахия без прочной политической организации. При помощи Хриза Просекского, известного из войн греков с болгарами, и его влахов честолюбивый протостратор Мануил Камица пытался основать независимое государство в Фессалии. Императору Алексею Ангелу удалось справиться с ним, лишь переманив на свою сторону Хриза,

В Пелопоннесе, в горах Аркадии и Лаконии, уцелели независимые славяне, вернее, вернувшие себе независимость с ослаблением империи в конце XII в. Хребет Тайгета именуется в латинских источниках горою Славян. Здесь обитали племена мелингов и езеритов, которые играли, как увидим, большую роль в судьбах латинских мелких государств в Морее. Их внутреннюю организацию следует представлять себе в виде племенных волостей с родоначальниками-старейшинами во главе;* в соответствии с их преимущественно пастушеским бытом должен был сохраняться исконный славянский семейно-родовой строй. Горный хребет славян-мелингов представлялся грекам большой волостью, или дронгом, с неприступными ущельями и большими землями внутри, на верху гор, населенных людьми, «дерзкими» и не признающими над собою господина. Кроме мелингов упоминаются езериты, жившие в болотной местности по лаконской реке Эвроту, кривичи в Мессинии и скортины на плоскогории Аркадии. Крепость Скорта (ср. Скодру в Албании) оказала латинянам отчаянное сопротивление. Что касается цаконов, живущих в глухих углах юго-восточного Пелопоннеса до сих пор, то они являются потомками лаконян, как указывает их огрубевшее дорийское наречие и даже самое имя. Греческое и огреченное население Мореи жило под властью архонтов или крупных собственников. Борьба императоров Македонского дома с крупным землевладением была безнадежна, что видно даже из тона императорских новелл. XII в. характеризуется торжеством крупной земельной аристократии и церковного землевладения. Провинциальные магнаты всегда стремились захватить в свои руки правительственные функции, начиная со сбора податей. Слабость центральной власти при Ангелах сопровождалась политическим усилением местной земельной аристократии, особенно в отдаленных провинциях. К приходу латинян Эллада находилась в состоянии дезорганизации в руках архонтов, враждовавших между собою. Эта картина распространяется не только на села, но и на укрепленные города: противоположности между деревней и городом не было на чисто греческих землях, и крупные властели жили не только в своих замках, но и в городах. В Монемвасии, например, жили три семьи служилых архонтов Софиано, Мамона и Евдемонояннии и являлись опорою вольностей Монемвасии. Стратиотов — архонтов — мы видим и в вольной Янине. Конечно, богатство этих патрициев могло быть основано столько же на торговле, сколько на земельной

* В Морейской хронике при изложении обстоятельств подчинения волости (дронга) мелингов франкам упомянуты эти старейшины, называемые архонтами и богачами и начальниками дронгов; их интересы не совпадали с желаниями народного веча («τὸ πλῆθος τοῦ λαοῦ καὶ τὸ κοινὸν τοῦ τόπου»). B u c h o n. Chroniques étrangères rélatives aux expéditions françaises pendant le XIII s. Paris, 1841, p. 74. The Chronicle of Morea, ed. John Schmitt, London, 1904, p. 201—202. В стих. 2993 и 3003 вместо δρόμος и δρόμου вероятно следует читать δρόγγος и δρόγγου.

собственности. В составе греческих архонтов были члены фамилий, близких к престолу. В Мессинии и Фессалии известны крупные упоминаемые в договорах с венецианцами земли Кантакузинов, Врана, Мелиссинов, семьи Алексея III Ангела. Но выделяются личною энергией мелкие динаты бесспорно с тенденциями политической самостоятельности: люди, опиравшиеся на свою дружину, личную энергию, переходившую в жестокость и вероломство: типы еще менее культурные, чем рыцари Бонифация, не менее храбрые и могшие стать народными героями, если бы они не были столь корыстны. Таков владетель земли в Лаконии Лев Хамарет, герой исторического романа Рангави; утверждавшиеся на Истме Петралифы выводили свой род даже с Запада. Знаменитейшим представителем этих полу-монархов, полу-разбойников, потомков по духу античных тиранов, был Лев Сгур, называвший себя севастоипертатом на своих печатях с изображением Феодора Стратилата. Сын архонта Навплии, он усилился во время мятежа Камицы. В 1202 г. он захватил Аргос обманом, затем напал на Коринф, взял его, а митрополита Николая, пригласив на обед, приказал ослепить и сбросить со скалы. Он распространил свою власть и на Аттику и даже взыскивал с афинского населения корабельный налог, как властели взыскивали казенные подати со своих крестьян. Сгур даже открыто напал на Афины. Красноречивые увещания митрополита пропали даром. Но Сгур не мог взять скалу Акрополя и, разорив все кругом нее (1203 г.), двинулся на Виотию, овладел страной и городом Фивами и через Фермопилы подступил к Лариссе. Казалось, что ему суждено было сделаться независимым государем Греции. Проживавший в фессалийском городе Алмире удаленный от двора Бонифация бывший царь Алексей Ангел поспешил войти в сношения со Сгуром (см. об этом выше, на стр. 436, — *Ред.*). Успехи Сгура не были продолжительны. Его корыстолюбие и жестокость были страшны самим грекам. Мы видели, что афинский митрополит Михаил Акоминат дал ему отпор. Брат митрополита историк Никита называет Льва Сгура «звероименным» (θηριώνυμος), как некогда звали иконоборца Льва V Армянина. Греческие патриоты, интеллигенция в лице деятелей церкви была глубоко враждебна Сгуру после предательского убийства им коринфского митрополита. При наступлении рыцарей Сгуру не сплотить было греков. Жестокость его доходила до того, что ему ничего не стоило убить мальчика, заложника из Афин, своей разбойничьей дубиной за разлитый кубок вина. Стоя в Фермопилах, он знал, что в тылу его Виотия предпочтет рыцарей его разбойничьей власти. При приближении рыцарей он бежал из Фермопил в свою твердыню Акрокоринф, «самый красивый и царственный замок в Романии». Франки, обложившие его под начальством Якова д'Авен, не только не могли взять этого «зверя, укрывшегося в свое логово», но сами страдали от его вылазок. Скорее для

собственной защиты они выстроили напротив Акрокоринфа свой замок Монтексье («гордость горы»). Таков был Сгур, архонт Навплии.

У греков были еще духовные пастыри, но что могли противопоставить франкам образованнейшие, лучшие из них, кроме слова, не подействовавшего и на Сгура? Жизнь знаменитого афинского митрополита и церковного писателя Михаила Акомината (Хониата), его переписка и проповеди ярко рисуют обстоятельства, при которых латиняне могли легко овладеть страною, не боясь народного восстания.

Старший брат историка и государственного деятеля Никиты Акомината Михаил получил наилучшее образование в столице, под руководством самого Евстафия, впоследствии митрополита солунского, знаменитейшего византийского эллиниста и автора схолий к Гомеру; в доме Евстафия он даже жил. Михаил вращался в высших образованных кругах столицы, близких к патриархии и ко двору Комнинов; перед ним прошла целая галерея фигур писателей и ученых, начиная с самого Евстафия и комментатора Аристотеля Евстратия до жалких, хотя и плодовитых, стихоплетов Цецы и Птохопродрома. Проведя в такой среде свою юность, наполненную ученым филологическим трудом, Михаил попал в афинские митрополиты (1182 г.?). Прибыв в город, дорогой для эллиниста, и поселившись на самом Акрополе в Пропилеях, Михаил произнес свою первую проповедь в Парфеноне, обращенном в храм Богородицы Афинской, потомкам славных афинян. Речь была в литературном отношении блестящей, но ее, кажется, никто не понял. Присмотревшись, он увидел перед собою полунищих и невежественных провинциалов. Что значили эллинские идеалы и примеры Перикла или Демосфена для людей, не всегда имеющих кусок хлеба? Судя по известиям самого Михаила, афиняне обнищали, вероятно, особенно после нашествия Рожера Сицилийского, уведшего с собою последних мастеров. В городе не осталось ни слесарей, ни медников, некому сделать повозку получше простой телеги. Не осталось ткачей, еще обогащавших соседнюю Виотию. Земледелие было в упадке, тощая земля не родила хлеба. На первых же порах он был свидетелем голода в стране, когда пшеничный хлеб ели два-три человека, и то «вместе со слезами бедняков» (т. е. крестьян). Прочие довольствовались ячменным, но и тот был не у всех. Близость моря была не в помощь, но на гибель: на соседних островах утвердились пираты, которые грабили даже церковные имения безвозбранно. Еще были в Аттике старые маслины, варилось мыло, делалось терпкое вино, ловились возле пурпурные раковины, но все это не вывозилось морем, все лучшее шло в Виотию. Город и область обезлюдели, взрослые разбрелись, остались больше старики, женщины и дети.

Такой пастве было не до филологии и проповедей. Потомки афинян даже отвыкли от правильной греческой речи; у них появились слова, дико звучавшие для уха Михаила. Лишь на третий год он научился их наречию.

Не пришлось ему поддерживать неугасимым светоч просвещения, как он обещал в своей первой воскресной проповеди. Духовенство было невежественно; рядом с собою он должен был терпеть безграмотного келлария. Нравы духовенства были грубы, приходилось разбирать постоянное сутяжничество, горько жалуется митрополит на «поповскую негодность». Нравы паствы были дики, сообразно невежеству. Приходилось разбирать дела о том, что накануне свадьбы жених сошелся с матерью невесты, и оба просят повенчать их, забыв первую помолвку.

Состояние самого города было плачевное. «Вижу я, — говорил митрополит претору Дримису, — что и ты смотришь не без слез на Афины, утратившие не только древний блеск..., но и самый вид города. Ты видишь стены поврежденные или совсем уничтоженные, дома разобранные и самые места их распаханные... Обширный город представляет почти необитаемую пустыню. В таком варварском состоянии город не был и после персидского нашествия. Ты не увидишь даже развалин Гелиэн, ни Перипата, ни Ликея, сколько бы ни старался; лишь разве на холме Ареопага голую вершину узнаешь только по ее имени. От Разноцветной Стои есть еще малые остатки, на них пасется скот, и самые кирпичи изъедены временем». Противоречие между блестящим прошлым и мрачною действительностью особенно остро чувствовалось в Афинах того времени и наполняло душу Михаила горечью ежедневно, чем дальше, тем больше. Оно вылилось в его стихах, эпиграмме «На картину древних Афин», содержание которых заключено в одной фразе: «Живя в Афинах, я нигде Афин не вижу».

Краски несколько сгущены. Еще существовало несколько античных зданий, превращенных в церкви (Ники Бескрылой, Эрехтейон в Акрополе, Фисион, ставший церковью св. Георгия в Керамике); византийские церкви в античных Пропилеях и Парфеноне украшены были фресками и мозаиками; византийской постройки церкви Капникарея и Горгопико и сейчас украшают Афины. До Акомината окрестности изобиловали монастырями: Кессарианы на склоне Гимета с царственным видом на острова и целый ряд других, перечисленных в акте передачи латинскому архиепископу. Местные святые (Мелетий) оживили монашескую жизнь. В Грецию ездили учиться, и иерархи выставили ряд славных в свое время литературных имен. Но все это относится ко временам Комнинов, когда и сама страна была богата и даже могла хлебом помогать Константинополю. Во времена же Акомината монастыри запустели, и монахи на Гимете забросили свои пчелиные улья; в Афинах не у кого было учиться, известия о западных и грузинских студентах в Афинах — плод исторического недоразумения, смешение Афин с Афоном, и даже ложь — плод былой славы афинских школ.

Само правительство во многом было виновато в положении Греции, упразднив со времен Иоанна Комнина постоянный флот, защищавший от пиратов, и возложив еще во времена Македонской династии содержание чиновников западных провинций на местные средства. Поэтому «законнейшая и спасительная власть», — обращается митрополит к претору Дримису, — являлась фабрикою беззакония от фессалийских Темп до самой Спарты и, исходя из Фессалии, славившейся лекарственными травами со времен волшебницы Медеи, изливала на Элладу и землю Пелопса всякое беззаконие, как некие яды. Так отзывается митрополит афинский о деятельности протопреторов Эллады и Пелопоннеса. Хуже вымогали заместители преторов и второстепенные чиновники, «как дикие звери, пожиравшие целые села со всеми людьми». Среди преторов были лица с добрыми намерениями и старавшиеся урегулировать налоги. Так, претор Просух удостоился панегирика от митрополита. При нем были сложены казенные недоимки и пересмотрены кадастры для предупреждения излишних поборов с крестьян («бедных»); но и после Просуха афинским плательщикам приходилось хуже, нежели фиванцам и коринфянам. Принимал меры и претор Дримис, также восхваляемый Михаилом. Когда этот претор предпочел перейти на службу в Константинополь, митрополит осыпал его упреками, как врача, покинувшего трудного больного. Сам Михаил имел на это право, оставаясь на своем посту, где ему было тяжелее, чем кому-либо, в безнадежной борьбе с грубой действительностью. Михаил, наоборот, настолько сжился с паствой, что от лица обездоленной провинции обвинял столичных жителей в недостатке патриотизма и центр империи — в бедствиях окраин. «Вы, изнеженные константинопольцы, — пишет он, — даже не хотите высунуться за городские стены и ворота, ни посетить своих ближайших соседей, но лишь посылаете сборщиков податей и „звериные зубы“, по слову Моисея. В чем вы нуждаетесь? Разве хлебородные Фракия, Македония и Фессалия сеют не для вас? Не на вас ли идет евбейское, хиосское и родосское вино? Не для вас ли ткут одежды фиванские и коринфские руки? Разве не все богатства многими реками сливаются в одно море — столицу? Чего же ради вам выезжать куда-либо и менять привычный образ жизни, если возможно не мокнуть на дожде, не жариться на солнце, но сидеть дома и пользоваться без труда всякими благами?»

Акоминат, конечно, не о церковных имуществах хлопотал. И с ними было, правда, много неприятностей, к ним протягивали руки даже его свойственники Велиссариоты. Митрополит защищает всю страну. Ее разоряют пираты, но меры правительства против пиратов обходятся стране дороже. Против грозного пирата, генуэзца Каффаро, посылается перешедший на царскую службу бывший пират, калабриец Стирион. Для постройки кораблей взыскивают с афинян деньги сам Стирион, затем претор и даже

упомянутый Лев Сгур, причем не считаются с нормами, установленными надлежащим ведомством. Более богатые Фивы смогли выхлопотать хрисовул, освобождавший их от корабельной подати. Более бедные афиняне платят больше всех. Хотя бы деньги пошли на дело, но адмирал Стрифн не только вошел с пиратами в долю, но и распродал корабельные материалы им же. Таково было управление на море.

Для суши приведем отрывок из прошения митрополита самому царю (так как письма к различным сановникам мало помогали). Некогда населенная область наша, — докладывает митрополит, — обратилась почти в скифскую пустыню по причине многих притеснений, тяготящих ее более, чем остальные западные провинции (κατωτικοί). Много раз измерялись наши песчаные и бесплодные участки почти шагами блохи, чуть не пересчитывались волоса на головах наших, тем более каждый лист лозы или иного растения. Далее, — жалуется митрополит, — все подати взыскиваются в Афинах беспощаднее, чем где-либо, а в частности корабельный налог, которого не заплатили ни Фивы, ни Эврип. Самые привилегии Афин оказались им во зло.

«Мы не будем жаловаться на взыскание поземельной подати, на разбой морских разбойников. Но как могли бы мы без слез рассказать о преторском вымогательстве и насилии! Так как претор не имеет никакого отношения к нашей маленькой области — ни по взиманию податей, ни по отправлению преторской юрисдикции, — ибо царская золотая грамота воспрещает ему самый вход в Афины, то как бы из уважения к золотым грамотам он придумывает посетить нас ради „поклонения“ [святыне, ради богомолья]. Он является во всеоружии, с целым сонмом своих слуг, привлекая и местных трутней, разных продажных людишек, как будто собравшись сделать вторжение в землю неприятельскую и варварскую, он добывает себе пропитание ежедневным грабежом и хищением. Впереди его, говоря словами Писания, бежит гибель, так называемые «приемщики», они требуют на каждый день по 500 медимнов жита для людей и лошадей, им нужны целые стада овец, целые стаи птиц и все виды морской рыбы, а вина такое количество, что столько и не наберется на наших виноградниках... Сверх того, они еще требуют за это платы себе, как будто какие благодетели, и платы не плохой какой-нибудь и маловесной, но такое количество тяжелого золота, которое могло бы удовлетворить желания ненасытной души их. Затем является сам претор и, прежде чем совершить свое поклонение богоматери, на одного он накладывает руки за то, что тот будто бы не вышел ему навстречу, другого запирает в тюрьму и подвергает пене по другой причине. Таким образом, угощавшись нами столько дней, сколько ему заблагорассудится, он требует себе челобитья [буквально: поклонного] — не знаем, потому ли, что мы ему поклонились, или потому,

что он сам поклонился богородице, — и не только он сам того требует, но и казначей, и протовестиарий, и протокентарх, и далее вся его свита. Он заявляет нам, что не прежде поднимется отсюда, как собственными руками получив, что следует. Мы усердно просим и клянемся, что не иначе можем внести это, как сделав общую складчину. Он мало по малу смягчается и, оставив сборщика, долженствующего взыскать деньги, собирается в дальнейший путь». (См. также стр. 390—392, — *Ред.*).

В письме к своим родственникам Велиссаристам, близким к правительству, Михаил умоляет пощадить Афины как ромэйское владение и оказать милость, безвредную для казны. «В Афинах сколько наберет претор? Ясно, что почти ничего. Чего ради взыскивать с нас почти 10 фунтов золота, а в действительности мы разоряемся вконец, платя во много раз больше?» Видя такое бедствие Афин, такую безотрадную картину, добрый пастырь готов был бежать со своего поста, и другие на месте Акомината так и поступили бы. Правда, его прошение царю вызвало ревизию. Присланы были слепой логофет Каматир и слишком зрячий упомянутый адмирал Стрифн, который и в Афинах присматривался к золотому голубю над алтарем в храме богородицы, так что митрополит в проповеди указывал Стрифну, что он может обогатить себя в других местах, а с Афин ему взять нечего.

Стоило ли проливать кровь за византийские порядки в безнадежной борьбе с Бонифацием? Виотия с ее промышленным населением приветствовала рыцарей. Митрополит афинский, по словам его брата, мог бы защитить город, как он отразил Сгура, но он не пожелал, зная про падение Константинополя. Вероятно также, что, защищаясь от иноземцев во что бы то ни стало, митрополит не встретил бы поддержки в своей разоренной пастве, которая, наоборот, могла надеяться на известный порядок под властью латинян. Михаил сдал Акрополь — все, что осталось от Афин — Бонифацию без борьбы. Бонифаций отдал город в лен своему французскому вассалу Оттону де-ла-Рош, получившему уже Виотию. Афинская митрополия не была пощажена. Храм был ограблен, как и константинопольские святыни. Богатую библиотеку митрополита постигла та же участь. Назначен был латинский епископ. Михаил, занимавший кафедру 23 года, удалился сначала в резиденцию Бонифация Салоники, потом на остров Кеос, где окончил свои дни в бедности. Он пробовал вернуться в Афины, но увидел, что там ему уже нечего делать. Все его надежды были обращены на национального никейского царя. Однако на предложения переехать в Никею он отвечал отказом: разбитый болезнями, пережив своих родных, он предпочитал умереть, видя перед собой хотя на горизонте свои любимые, несчастные Афины.

Другие местности Греции имели некоторый, местами еще значитель-

ный достаток, и простой народ, привыкший к вымогательствам чиновников и властелей, жил своими мелкими интересами, не обременяя себя идеями былого величия, которые так тяжко лежали на душе просвещенного Акомината. В Виотии и после норманнского вторжения, когда Рожер увлек с собою лучших мастеров в Сицилию, все еще существовало шелковое производство, на месте же выделывались дорогие ткани, продававшиеся между прочим в Константинополе. Равнина около населенных укрепленных Фив была засажена тутовыми плантациями и доселе слывет под именем Морокампо (тутовое поле). Плодоносная Фессалия снабжала столицу хлебом и вином; из торговых пунктов важен был особенно Алмир, упоминаемый путешественниками арабом Едризи и евреем Беньямином Тудельским. Последний обстоятельно исчисляет еврейские колонии в городах Греции; они были многочисленны и, повидимому, богаты. На острове Евбее город Халкида описывается как полный купцов со всего света. В Пелопоннесе или Морее франки нашли 12 укрепленных городов. У подножия твердыни Акрокоринфа лежал торговый город с шелковыми мануфактурами; богат был еще и Патрас, но его торговля находилась в руках евреев и венецианцев. Укрепленные города обыкновенно были расположены на скалах, но кругом были плодородные равнины. Наибольшую роль в истории латинского завоевания имела Монемвасия («город с одним входом»); в этом городе был торговый флот, богатые церкви и чтимая икона Христа Влекомого (на распятие). Плодородная Мессиния через ее порты Модон (Мофон) и Корон вывозила оливковое масло, и с Короном в этом отношении не мог сравниться ни один город в свете, передают венецианские известия. Заменивший древнюю Спарту средневековый город Лакедемония был обнесен прочными стенами с башнями. В Аркадии упоминается крепость Никли и к югу от древнего Мегалополя — город со славянским именем Велигости.

Жемчужиной Греции были Ионические острова. Из них Корфу еще в 1191 г. внес в царскую казну 1500 фунтов золота или 9 миллионов нынешних драхм, больше, чем дают современному королевству все острова. Ко времени Четвертого крестового похода Ионические острова уже не принадлежали империи. Корфу было захвачено генуэзцем Ветрано; в Кефаллонии в 1204 г. правил граф Маттео Орсини, вассал сицилийского короля и зять адмирала Маргаритоне.

На материке Греции внешняя торговля находилась в венецианских руках, хотя мы имеем сведения о кораблях из Монемвасии и с острова Евбеи. Торговому и экономическому господству Венеции в греческих гаванях положили начало привилегии, данные еще Алексеем I Комнином; его второй преемник Мануил, в противовес Венеции, покровительствовал генуэзским купцам. Но Венеция умела бороться за свои рынки, и в 1199 г. Алексей Ангел даровал венецианцам право свободной торговли

и жительства не только на островах и в портах, но и в ряде городов внутри Мореи, средней и северной Греции. По договору между участниками похода 1204 г. Греция должна была достаться Венеции. В экономическом отношении переход Мореи к Венеции был вполне подготовлен; но в настоящий момент республика не имела достаточно вооруженных сил, чтобы осуществить завоевание полуострова.

Бонифаций не имел перед собою равносильного врага. Его шествие по северной и средней Греции было победоносно. Его придворный трубадур воспевал рать рыцарей, переходившую реки, горы, бравшую города и крепости. Скромные вассалы становились полунезависимыми государями с гордыми титулами исторических, издревле славных городов. Сын простого бургундского рыцаря Оттон де-ла-Рош, оказавший Бонифацию личные услуги в переговорах с императорами Балдуином и Генрихом, стал «как бы чудом» герцогом афинян и фиванцев; греки звали его «великий господин». На первых порах афиняне пробовали передаться венецианцам, но вскоре примирились с владычеством франкских государей. Бургундский государь Афин пересаживал на почву Аттики феодальные порядки. Но в то время как в Морее князь был сначала лишь первым между равными среди нескольких крупных вассалов, при дворе Оттона мог претендовать на самостоятельное положение один лишь Сент-Омер, а прочие бургундцы были рядовыми рыцарями и выходцами из простого звания. Ни в Виотии, ни в Аттике нет великолепных замков сильных баннеретов. Род самого де-ла-Роша разросся и пустил корни в Греции; в Афинах образовался многочисленный двор. Не осталось в Аттике и сильной греческой знати, об архонтах не слышно и ранее Оттона. Владения его обнимали и Мегариду и часть Локриды, Аргос и Навплию: с севера его владения граничили с маркизатом Бодоницы. Со стороны эпирских греков владения Оттона были безопасны, но на море попрежнему господствовали пираты, и поездка в Коринф считалась путешествием в Ахеронт, загробное царство.

У подножия Парнасса рыцарь Стромонкур, пожалованный г. Салоною, выстроил гордый замок — его развалины еще существуют — и, присоединив г. Галаксиди, положил начало династии сеньоров, чеканивших собственную монету. Фландрский рыцарь д'Авен получил Евбею, которая впрочем скоро перешла в руки трех веронских рыцарей, а потом одного из них, Равано Далле Кàрчери, владевшего и Эгиной.

Успехи Бонифация в средней Греции были остановлены осадой Коринфа, где Сгур успешно отбивался от Оттона де-ла-Рош Афинского и д'Авена Евбейского и в одной вылазке даже последнего ранил. Сам король Бонифаций осадил Навплию, и здесь при его благосклонном участии было решено самое блестящее предприятие франков — завоевание Пелопоннеса,

или Мореи, как он стал называться. Термин прилагался первоначально к Элиде, соседившей с поселениями славян, и если его не выводить от славянского Поморья, он остается загадочным.

Знаменитая Морейская хроника, дошедшая на разных языках, передает общее состояние, но путает события и хронологию. История Виллььгардуэна, переписка Иннокентия, венецианские документы позволяют восстановить действительную нить событий.

Племянник маршала Романии и историка, носивший то же имя Годефруа Виллььгардуэна, отправился в Палестину и там услышал о взятии Константинополя. Поспешив к Константинополю за славой и добычей, молодой Виллььгардуэн был прибит бурею к берегам Пелопоннеса, к гавани Модону (древний Мофон в Мессинии). Там пришлось ему перезимовать. Сами греки побудили предприимчивого рыцаря основаться на полуострове. Некий знатный архонт, в котором Гопф угадал Иоанна Кантакузина, зятя царя Исаака Ангела, замешанного в интригах около царского престола, явился к Виллььгардуэну и предложил ему вместе завоевать себе земли в Морее. Не первый и не последний из греческих аристократов призывал чужестранных воинов из личной корысти; анархия по падении столицы казалась законной. Хитрый старый архонт рассчитывал нанять себе рыцарей на счет чужих земель, других архонтов и императорских, но оказалось, что он положил начало чужеземному господству в своей стране.

Первые успехи союзников были быстры в Элиде и Ахее; богатая Андравида и Патры достались почти без сопротивления. Но в начале 1205 г. старый Кантакузин умер, и его сын Михаил, увидя опасность, отказался от договора, так что Виллььгардуэн остался один с горстью рыцарей. Страна восстала; Михаил Кантакузин вошел в сношения и со Сгуром, и с Михаилом Эпирским (о нем см. ниже); угрожала национальная сила доселе враждовавших архонтов. Но Виллььгардуэн разобрался в политических условиях страны, увидел ее богатство и военную слабость греков и, будучи по природе храбрым рыцарем, не задумался проехать через вражескую страну к Бонифацию, стоявшему лагерем у Навплии. Король звал его в свою дружину, но Виллььгардуэн уклонился: у него было свое крупное дело. Он пришел к вассалу Бонифация Гильому Шамплитту («le Champenois»), внуку графа Шампани. Его Виллььгардуэн считал своим сюзереном, будучи родом из Шампани.

«Государь! — сказал Виллььгардуэн Шамплитту, — я пришел из страны весьма богатой по имени Морея, и если вы желаете взять с собою всех людей, которыми располагаете, и покинуть лагерь, то отправимся с божией помощью совершить в ней завоевания, добывать в ней земли: и ту часть, которую вам будет угодно дать, я буду держать в качестве

вассала и служилого человека». Так началось завоевание Пелопоннеса. Шамплитт не замедлил согласиться, и король Бонифаций охотно отпустил своего вассала на подвиг, обещавший франкам новую славу. Шамплитт и Вилльгардуэн выехали из лагеря с сотней рыцарей и многими воинами простого звания, конными и пешими. Теперь греческие архонты Мореи и Месареи (Элиды и Аркадии) должны были заплатить за свою измену, не будучи в состоянии справиться с рыцарями в открытом поле. Открытая Элида была вновь завоевана; в Аркадии горные крепости еще оказывали упорное сопротивление. В руках греков еще оставалась юго-восточная часть полуострова. Все они теперь поднялись против франков из Лакедемонии, Никли, Велигости; в помощь к ним спустились с гор независимые славяне-мелинги и прибыл с северного берега Коринфского залива эпирский деспот Михаил. Рыцарей вместе с конными сержантами было 500—700 человек, против них собралась масса в 4000—5000 конного и пешего ополчения. Но искусство и храбрость победили число и на этот раз. Оставив обоз в Модоне, рыцари напали на врагов в маслинной роще у Кундура* и разбили их наголову; сам деспот позорно спасся бегством в Эпир. После этой битвы греки уже не выступали против франков в открытом поле. Их города сдавались на капитуляцию один за другим, и рыцари держали слово, оставляя за туземцами их имущество. Они не разоряли страну, как хозяева не уничтожают свое достояние. Пала крепость Скорта в Аркадских горах, гнездо героя Доксопатра, оставшегося легендарным богатырем в памяти латинян: его кираса весила четыре пуда, передает арагонская редакция Хроники. И дочь его осталась в памяти как героиня, убившая себя, чтобы избежать бесчестия. Держались еще укрепленные города Никли (Амиклы), Велигости, Лакедемония, Акрокоринф, гнездо Сгура, и неприступная Монемвасия. Но страна была уже во власти франков. Король Бонифаций был отозван на север известиями о вторжении болгар, и господином положения в Пелопоннесе остался Шамплитт, которого папа уже называет князем Ахеи (1205—1209 гг.).

Правда, господство над побережьем пришлось разделить с венецианцами, к которым полуостров должен был отойти по договору между участниками Крестового похода. Гавани Пелопоннеса были решительно необходимы для Венеции не только ради местного значительного вывоза, но и как морские станции для торговли со всем Левантом. Тогда корабли плавали месяцами, придерживались берега и часто имели остановки для снабжения провиантом и водою. Поэтому в 1206 г. республика послала флот под начальством Премарини и Реньера Дандоло. Модон был взят и стены были срыты венецианцами; а Корон, также отнятый ими у сла-

* Κούντουρα (*Ред.*).

бого франкского гарнизона, был занят венецианским отрядом и стал цветущею важною колонией республики.

Успехи франков объясняются отчасти их военной доблестью и искусством, хотя личная храбрость была и у греков, выставивших Сгура и Доксопатра и других национальных героев. Возможнсть утвердиться в стране для немногочисленных франков объясняется прежде всего равнодушием масс к перемене режима. Архонты и чиновники слишком угнетали народ, чтобы он жалел, о них, по крайней мере на первых порах. Была одна большая битва, в которой масса не устояла, были защиты крепостей, где гнездились архонты, но не было упорной народной войны. Жители не жгли своих домов и не уходили в горы. И Шамплитт со своим маршалом Вилльгардуэном могли начать устраивать новое государство.

Организация франков в Морее была чисто военная: они должны были держаться постоянно наготове. Раздача ленов и определение сроков службы, равно как выставляемого каждым вассалом контингента, были первыми заботами правительства. Все это было урегулировано не сразу, и Морейская хроника опять смешивает события, сообщая притом ценные реальные детали. Мы уже знаем, что франки не лишали архонтов их земель, но взяли себе императорские, казенные территории как «излишек»; и архонтам, и сдававшимся жителям городов, и крестьянам-парикам оставлены их земли и — последним — прежние повинности. Уезжая во Францию в 1209 г. для принятия бургундского наследства после брата, первый князь Ахеи Шамплитт оставил своим наместником племянника Гюи де-Шам, но предварительно составил для распределения ленов комиссию под руководством маршала Ахеи, инициатора занятия Мореи, Вилльгардуэна. Комиссия была составлена из двух bannerets (вассалов с правом отдельного знамени), двух латинских епископов и 4—5 греческих архонтов. Выработанный комиссией акт был утвержден Шамплиттом, причем Вилльгардуэн получил Аркадию и Каламату взамен Корона, отошедшего к Венеции. Наместник (байльи) Гюи де-Шам скоро умер, и его место занял Вилльгардуэн. Его вступление окружено в Морейской хронике легендой, как он перехитрил посланного из Франции байльи, и Ассизы Иерусалимского королевства подтверждают, что Вилльгардуэн овладел престолом хитростью и обманом. Но он был способен править, и новое государство нуждалось в его опыте и дарованиях. В 1209 г. Вилльгардуэн созвал парламент в Андравиде, на котором был прочтен и утвержден реестр, или книга ленов. Крупнейшие лены находились не в городах, но в стратегических пунктах горных областей, на славянском рубеже. Там были выстроены заново замки, предназначенные держать в страхе окрестную страну. Первым в книге ленов был записан мисер Готье де-Розьер, барон Аковы в Аркадии, и его замок назывался Матагрифон, или «Греко-

бор». Ему были даны 24 рыцарских лена. Второй барон* построил себе замок Каритену (Καρύταινα) в «дронге» Скорты, бывшей твердыне героя Доксопатра, с 22 рыцарскими ленами, и сеньоры Каритены играли большую роль в истории франков. Эти два замка господствовали в долине р. Алфея. Прочие вассалы были значительно менее крупными, от 4 до 8 рыцарских ленов, и они защищали преимущественно ущелья и дороги с гор. Вместе с двумя ленами самого Виллъгардуэна получилось 12 крупных вассалов, по числу баронов Карла Великого. Сверх того, получили лены духовные вассалы: архиепископ Петр и примас Ахеи Антельм де-Клюни — по 8 рыцарских ленов и 6 латинских епископов по 4; три рыцарских ордена получили также по 4 рыцарских лена, расположенных отчасти на землях князя Ахейского в Элиде и Виллъгардуэна под Каламатой. Наконец большое число рыцарей и сержантов (sergeants de la conqueste) получили по 1 лену.

Утвердив раздел земель, парламент в Андравиде занялся организацией военной службы. Морейские франки дали более власти князю, чем в Константинополе вассалы императору на первых порах. Время созыва на службу определял в Ахее князь, что было в Константинополе предоставлено императору лишь в случае вторжения «чужого монарха». Все ахейские франки были обязаны служить ежегодно по 4 месяца в походе и по 4 месяца в гарнизоне; лишь достигшие известного возраста (60 лет, по другому известию 40 лет) могли ставить вместо себя сына или другого заместителя. Баннереты с 4 рыцарскими ленами ставили по 10 рыцарей и 12 сержантов, а за каждый лен сверх 4 ставили по рыцарю или по 2 сержанта.

Судебная организация была основана на обычном феодальном праве. В княжество был доставлен экземпляр знаменитых Ассизов Иерусалимского королевства; и сохранилась позднейшая — XIV в. — редакция «Книги обычаев империи Романии». При князе было две палаты — высшая и низшая. В высшей, кроме 12 баннеретов (λαμπουρτζάριοι) и других вассалов, заседали латинские епископы (кроме дел о смертоубийстве) под председательством оленского епископа, ближайшего к княжеской резиденции Андравиде. Кроме того не раз упоминаются в Морейской хронике горожане (βουργέσαῖοι), под председательством «виконта»; впрочем состав и организация этой низшей курии в Ахее менее ясны, и иногда «горожане» являются представителями населения, призываемыми, в дополнение к епископам, баннеретам и рыцарям, в важнейших случаях. При дворе главнейших вассалов, бесспорно творивших суд в своих владениях, были какие-то старейшины, и у них были писцовые книги, или по-гречески практики.

* Geoffroy de Bruyère *(Ред.)*.

Так было в баронии Акова, крупнейшей и отчасти обнимавшей заселенные славянами области.*

Князь, держа в руках скипетр, председательствовал на высшем суде. В случае отсутствия его замещал канцлер, начальник делопроизводства княжества. Князя окружали маршал — первым из них был сам Виллльгардуэн, как его дядя в Константинополе; шамбелян (πρωτοβιστιάρης), казначей, коннетабль (κοντόσταυλος), чины феодального двора и начальник крепостей (προβεούρης τῶν κάστρων).

Судя по «книге обычаев» XIV в. и по фактам истории латинской Ахеи, власть князя была сильно ограничена феодальными обычаями, хранителями которых являлись могущественные вассалы. Состав последних в XIV в. изменился с расширением границ княжества, и вместо более мелких в состав «коллегии 12 баронов» вошли новые более крупные и самостоятельные вассалы. Власть князя была ограничена не только интересами нового военного государства, которому ложный шаг правителя мог стоить дорого, но и личными, основанными на феодальном праве, интересами баронов, товарищей по завоеванию страны. Поэтому — по крайней мере не в походе, но в мирных условиях — полнота государственной власти сосредоточена была в коллегии 12 перов и в распространенном составе Высшей палаты. Среди своих 12 баронов князь подчас казался лишь первым между равными, хотя и имел скипетр и хотя сановники его двора являлись высшими чинами государства; но и Высшая палата в имущественных делах являлась судьей между князем и вассалами. Вместе с 12 баронами (и Высшей палатой) князь мог осудить на смерть франка, не говоря о греке; но без согласия баронов князь мог арестовать вассала только в случае убийства и измены; он не мог лишить вассала лена, не мог срыть пограничной крепости без согласия баннеретов; он не мог облагать податями и сборами ни вассалов, ни свободных людей, ни их крепостных без согласия вассалов и свободных. Прерогативы князя определялись в сущности интересами военной службы. Поэтому без его разрешения никто не смел строить укрепленных замков, кроме 12 баронов; никто, даже крупнейший вассал, не мог оставить самовольно свой лен и уехать за пределы княжества, но для свадьбы или поклонения св. Местам все отпускались князем на 2 года. Никто не мог вообще передавать своего лена, особенно церкви, без разрешения князя — главы военной организации. Несмотря на громадную личную роль Виллльгардуэна в гражданском устройстве княжества, несмотря на богатство его и его рода после присоединения владений Шамплитта в Элиде и Лакедемонии,

* Χρονικὸν τοῦ Μορέως, ed J. Schmitt, v. 7682: «κι ἄς ἔλθουσιν οἱ γέροντες τῆς μπαρουνίας 'Αχόβου κι ἄς φέρουσιν τὰ πραχτικὰ ὅπου ἔχουσιν μετ' αὔτους. Καὶ ποιήσετε τὴν μερισίαν ὅλης τῆς μπαρουνίας».

князь как сюзерен и глава дружины конквистадоров заслонял, по крайней мере судя по «Книге обычаев», судью и хозяина, а дела церкви были вовсе не его делом. На византийскую почву пересаживались иные начала государственного права и устройства. Сила нового княжества была обусловлена верностью князю его вассалов, согласием решающих факторов государства. Ему угрожало столкновение между интересами политическими, воплощаемыми княжеской властью, и интересами феодальной собственности, или владения. Таковое имело место при выходе наследниц замуж, что на беду бывало часто в Ахее, так как в семьях вассалов странным образом редко оставались наследники мужского пола. Наследницы располагали всеми правами и владениями отцов, а вдовы — половиною земель мужей. И так как они выбирали себе мужей свободно, то государство оказывалось бессильным помешать переходу важнейших ленов в слабые и ненадежные руки, что было прямо гибельно для военной организации, каковой было Ахейское княжество.

Низшие слои населения Ахеи, свободные и крепостные (парики), состояли в громадном большинстве из греков. Число мелких самостоятельных рыцарей и «сержантов» было сравнительно невелико. Постоянные войны не давали франкам размножаться. Среди греков пользовались всеми прежними правами архонты Элиды и Аркадии, выговорившие себе полноту гражданских прав, неприкосновенность земель их, населенных париками, и имевшие доступ к управлению: они участвовали в лице 6 и 5 представителей в обеих комиссиях для распределения ленов при Шамплитте, и греки являются постоянными советниками Вилльгардуэна при дальнейшем завоевании страны. Перед завоеванием последних греческих городов архонты просили и получили от Вилльгардуэна подтверждение их имущественных прав и свободу религии, несмотря на захват латинским духовенством главнейших епископий и монастырей.

Положение горожан, сдавшихся франкам на условиях, было без существенных изменений, так как франки соблюдали условия и большинство рыцарей жило не в старых городах, но в замках собственной постройки на своих ленах. Горожане составляли, вероятно, большинство свободных людей, о которых говорит «Книга обычаев».

Ухудшилось положение массы крепостных париков, несмотря на обещание Шамплитта. Личные и имущественные права крепостных на рыцарских землях всецело определялись интересами прокормления сеньоров, несших военную службу. Недвижимость крепостного по феодальному праву принадлежала сеньору, который мог отобрать его во всякое время и отдать другому и всегда наследовал крепостному, не имевшему наследников. Браки крепостных разрешаются сеньором, как того требовали интересы хозяйства. Переход из крепостного состояния в свободное не был возможен иначе, как по воле князя или при выходе крепостных

женщин замуж за свободного; наоборот, свободная женщина при выходе за крепостного теряла прежнее состояние. Показание крепостного грека против рыцаря не принималось во внимание в уголовных делах. Известные имущественные гарантии остались за париками Ахейского княжества и по феодальному праву. Их на практике не сгоняли с их участков, но поощряли их хозяйство. Они могли продавать свой скот, пасти его на горах, рубить лес. К сожалению, мы не знаем, были ли крепостные записаны во франкских практиках, содержавших распределение ленов, вроде тех, которые были в руках «старейшин» баронии Аковы; не знаем, сколько крепостных дворов входило в состав нормального рыцарского лена. По позднейшим документам о церковных ленах патрской архиепископии видно, что «вилланы» упоминались при уступке рыцарского участка наряду с виноградниками, мельницами и другими доходными статьями недвижимости. Судя по тому, что франками при Шамплитте были захвачены царские и казенные земли, то поскольку таковые были вообще возделаны, они были заселены париками, записанными в казенных практиках, и Шамплитт подтвердил за ними прежние нормы податей и повинностей. Хотя крупные бароны имели свой суд, но права жизни и смерти над крепостными не получил ни один барон Ахейского княжества; он мог арестовать парика лишь на одну ночь по закону. В гражданских делах принимались показания крепостных против вассалов.

В области церковной организации латинских государств в Греции светская власть являлась не менее существенным фактором, чем папская курия. Папа освящал, утверждал своей первосвященнической властью основание новых церквей, рассылал архиепископские мантии и издавал канонические определения; но князья с баронами распоряжались весьма самоуправно церковными имуществами и доходами и даже определяли их на первых порах, далеко не уступая латинской церкви всего того, чем владела греческая. Далее, по отношению к покоренному населению новая церковная организация была поверхностной и сразу же безнадежно индифферентной. Если Иннокентий с торжеством заявлял, что греческая церковь приведена к поклонению или подчинению церкви римской, то захват церквей не означал их соединения и распространялся на церковную иерархию, управление и имущество, но не на паству: население, даже лишенное своих архипастырей, осталось в массе своей вне новых латинских церквей и при своем старом обряде; но в высших классах наблюдаются конфликты, даже семейные драмы на почве симпатии к латинству части родичей, как было в семье героя Хамарета. Папа Иннокентий рекомендовал и непосредственно, и через доверенного своего легата Бенедикта поступать с греческим духовенством и с греческим обрядом возможно мягче, довольствуясь внешними формами унии и подчинения; но и в этих скромных рамках католическая миссия в Греции оказалась настолько малосильной,

что уже в 1209 г. Виллыгардуэн торжественно, почти в условиях договора с греками, подтвердил за ними свободу веры и обряда. Вообще светские мелкие государи и вассалы в Греции даже при личном благочестии были далеки от миссионерских тенденций, были не расположены к умножению церковных богатств и даже не боялись отлучения, раз дело шло о государственных интересах. В Греции они были не крестоносцами, но приобретателями земель; и на новой для них почве Леванта вырастал — может быть, раньше, чем где-либо — новый тип principe, опирающегося на свою дружину и далекого от средневекового поклонения церкви.

Подобно тому, как организация константинопольской латинской церкви началась с учреждения венецианского капитула святой Софии, так в Ахейском княжестве Шамплитт еще в 1205 г. создал франкский капитул собора св. Андрея в Патрах, и новые каноники избрали архиепископом, главою церкви княжества, клюнийского монаха Антельма, который впоследствии не оставил своего ордена дарами и пожертвованием земель. Таким образом патрасская архиепископия при прямом вмешательстве светской власти оказалась исключительно во французских руках, и Иннокентий не сразу утвердил каноников и примаса Ахеи. Быстро сорганизовались и другие епархии; при разделе земель 6 епископов получили по 4 рыцарских лена. Из них сохранили некоторое значение епископы портовых городов Корона и Модона, хотя и занятых венецианцами, и главным образом епископ оленский, живший в главной резиденции князя Андравиде (в древней области Элиде) и игравший роль в управлении страною. Архиепископ патрасский зависел в иерархическом отношении от константинопольского латинского патриарха; но француз Антельм не желал подчиняться ставленнику венецианцев Морозини, вступившему в пределы Романии во главе венецианской эскадры. Получение Антельмом архиепископского паллия замедлилось и потребовало вмешательства Иннокентия.

Отношения архиепископа к князю на первых же порах сложились для первого из них неблагоприятно. Виллыгардуэн не пожелал предоставить архиепископу большой роли в государстве. В Верхней палате замещал князя оленский епископ или канцлер. В самих Патрах был посажен, не в пример другим старым городам, светский вассал, притом, повидимому, немецкого происхождения (Алеман). Последний начал с того, что обратил в крепость старую митрополию и монастырь св. Феодора, заложив в стенах нового замка много византийских колонн и рельефов. Его род лишь во второй половине XIII в. был все-таки выжит духовенством и, продав свой лен архиепископу, удалился в Германию. Виллыгардуэн далее полагал, что для архиепископа вполне достаточно 8 рыцарских ленов, предоставленных ему парламентом в Андравиде, и никак не допускал Антельма овладеть землями и доходами изгнанного греческого архиерея.

Хотя латинское завоевание в Морее оказалось сравнительно прочным, положение примаса Ахеи было с самого начала безотрадным. Масса греческого населения осталась враждебной латинской церкви, и в этом отношении прелаты и каноники скоро оставили всякие надежды. Будущности у внутренней миссии не было, и со стороны князя нельзя было ожидать поощрения безнадежному делу.

Сам Виллыгардуэн, окруженный советчиками-греками, не оставлял в этом отношении никакого сомнения. Уровень интересов среди французского духовенства, может быть по этой причине, оказался довольно низменным, оно думало лишь о том, чтобы хорошо пожить. Между прелатами, каноникамн и рыцарскими орденами из св. Земли постоянно возникали дрязги из-за выгодных пребенд. «Из твоего донесения, — пишет папа Антельму, — мы усматриваем, что при занятии латинянами Ахейской области некоторые греческие епископы, твои суффраганы, убежав от страха из своих мест, оставили свои церкви и не желают вернуться, а с некоторыми нельзя и сообщаться через верных гонцов вследствие военных опасностей». Папа приказал поэтому призывать их трижды и лишь в случае упорного отказа отлучать и лишать права священнослужения; полномочие лишать их кафедр предоставлено лишь доверенному для всей Романии кардиналу Бенедикту, но в вопросе о лишении их сана и легат должен поступать с возможным милосердием. Тех же латинских клириков, которые являются в Ахею за приходами, папа приказал принимать лишь в том случае, если они располагают документами или свидетельством верных людей об их духовном сане.

Князь справедливо полагал, что увеличение церковных земель мало принесло бы пользы его военному государству, так как духовные вассалы не несли гарнизонной службы, особенно тяжелой в Морее, и лишь были обязаны проводить в походе по 4 месяца в году. Церковной десятины франки также не хотели платить. Папа Иннокентий горько жалуется, что франки, т. е. Виллыгардуэн и его бароны, когда выступали под Коринф, то, причастившись св. тайн, торжественно обещали платить десятину и обязать к тому своих подданных — латинян и греков, но потом своего обещания не исполнили. Вместо церковной десятины собиралась поземельная подать, или акростих, поступавшая в княжескую (государственную) казну, как прежде в царскую. Эта основная византийская подать была оставлена за париками одним из первых актов князя Шамплитта. Завещать недвижимости в пользу церкви было воспрещено в Ахейском княжестве, дабы земля не выходила из рук военного сословия. Церковного суда в гражданских делах Виллыгардуэн не признавал, хотя бы дело шло об имениях латинской церкви; в разборе уголовных дел не участвовали духовные члены верхней палаты. Ко всем делам, касающимся греческой церкви и греческого духовенства, патрасский примас и его клир ни

в коем случае не допускались и напрасно жаловались на это папе. Все греческие церковные дела восходили на суд князя и, вероятно, его баронов. Отношения между князем, опиравшимся на своих баронов, и латинскими епископами обострялись более и более; и в 1213 г. архиепископ отлучил князя от церкви, на что Виллъгардуэн не обратил особого внимания, и также сын его, будучи благочестивым, продолжал политику отца. В Морейской хронике нашли отражение жалобы баронов на духовных вассалов, спокойно проживавших на своих землях, тогда как светские вассалы несли на себе всю тяжесть гарнизонной службы; баннереты даже требовали от князя отнять лены у духовенства. Князь был вынужден обратить все доходы с церковных ленов в течение 3 лет на постройку важной крепости. Лишь в 1223 г. был заключен договор, по которому секвестрованные капиталы и движимость церквей латинских оставалась в руках захвативших, но государство взамен того обязалось выплачивать епископиям ежегодную денежную субсидию. Так обстояли церковные дела в патрасской архиепископии.

В Коринфе латинская архиепископия была основана позднее, в 1212 г., по взятии этого города у наследника Сгура, Михаила Эпирского (о чем ниже). Первому латинскому архиепископу апостольской Коринфской церкви Гвалтеру папа дал целый ряд епархий: Аргос, Монемвасию (бывшую еще в греческих руках), Маину и Велигости на полуславянском юге полуострова, а в Ионическом архипелаге — острова Закинф и Кефаллонию. Но и у него дела пошли плохо: с ним ссорился его капитул, его казну забрали князья ахейский и афинский; и лично на Гвалтера сыпались жалобы, пока он не был смещен папой за дурное поведение.

Ученый канонист, каковым был папа Иннокентий, с особенной любовью и торжеством отнесся к новой латинской кафедре в Афинах, которые и для него являлись «матерью искусств и городом наук», средоточием языческой философии и толкования пророков, где крепость Паллады обращена в кафедру истинного бога. Посылая архиепископу Берарду паллий, Иннокентий подтвердил за архиепископией в составе 11 епархий все ее прежние владения и будущие приобретения, предусматривая дары монархов и верных чад церкви. Папа перечисляет поименно многочисленные церковные имения и более 20 монастырей, разбросанных не только по всей Аттике, но и в Виотии и на острове Евбее. Все права греческого митрополита были перенесены папою на латинского архиепископа Афин. Для руководства дан ему устав Парижской церкви, считавшийся образцовым, но рекомендовано осуществлять его, не вызывая ущерба церкви и законной обиды местного государя, клира и народа. Число каноников было установлено легатом Бенедиктом. Таким образом организация афинской церкви была осуществлена папой, помимо местного государя, притом на основаниях иных, чем в Ахейском княжестве: церковное иму-

щество определялось церковным правом, наследованием после греческой митрополии, как будто иерархическая и каноническая традиции не прерывались захватом кафедры, как будто воспоследовала уния; тогда как в княжестве Ахейском церковное имущество было определено государственным феодальным правом и учреждение капитула явилось делом князя. Размеры церковных земель были иные, в Афинах гораздо большие, тогда как в Патрасе было дано 8 рыцарских ленов на условиях военной службы. Немедленно и начались внутри афинской церкви конфликты между канонами и феодальным обычаем. Члены капитула предпочитали рассматривать себя как церковных вассалов и, отказываясь служить в церквах, проживали в своих пребендах. Важнейшая должность казначея-капитула с соответствующей пребендой даже действительно стала леном, притом светским: «местный государь» Оттон де-ла-Рош, оказывается, заставил архиепископа предоставить ему эту пребенду. Мало того, он стал взимать с церковных земель акростих, т. е. стал рассматривать бывшие имения митрополии как государственные, становясь на ту же точку зрения, на которую встал в своем княжестве Виллъгардуэн. Если вслед за тем Оттон предложил папе для большего успеха унии основывать латинские приходы во всех местечках, где могло прокормиться 12 латинских семейств, обязуя содержать их латинский клир и предлагая помощь из своих личных средств, то это предложение было лишь по видимости выгодно архиепископии, так как Оттон собирался взять устройство церкви в свои руки, на тех же началах, каковые были применены в Ахейском княжестве. Папа вскоре убедился, что и афинский «мегас кир» стремится секуляризовать церковные земли, чего добивались светские государи по всей Романии, начиная с императора Генриха. Положение Афинского архиепископа усложнялось тем, что его область, столь широко определенная Иннокентием, распространялась не только на греческую Монемвасию, но и на земли других государей: Равано Эвбейского и Паллавичини в южной Фессалии.

В Фиванской архиепископии те же отношения между светской и церковной властями приняли более грубые формы. Архиепископия и ее суффраганы терпели насилия со стороны светских владетелей страны, а также и со стороны рыцарей духовных орденов, имевших в Виотии и Фокиде большие владения (между прочим доселе сохранившийся, известный своею росписью монастырь св. Луки принадлежал ордену св. Гроба, а тамплиерам — церковь св. Луки возле Фив). О распространенности монашеских орденов в феодальной Греции, в ущерб епархиальным доходам, свидетельствует хотя бы тот факт, что к концу XIV в. миноры имели в Греции 12 своих монастырей. Доходы архиепископии спустились с 900 иперпиров до 200, так как с большей части церковных

земель стал взиматься акростих в пользу светской власти. Обедневшие суффраганы даже бывали биты кастеляном Фив и его друзьями.

На островах Ионического архипелага дело унии шло медленно и мало успешно, особенно на Корфу, где долго еще был в силе греческий обряд. Кефаллония лишь в 1213 г. получила самостоятельного латинского епископа (некоторое время она была причислена к коринфской архиепископии), местный государь Маттео, вассал Фридриха Гогенштауфена, не сразу подчинился желаниям папы.

Едва ли не хуже всего пришлось латинской церкви в Салоникском королевстве по смерти Бонифация, который старался привлечь в свое государство французское, вообще не венецианское духовенство. Привлекал он и духовные рыцарские ордена, имея в виду военную службу рыцарей: со смертью его латинская церковь королевства лишилась своего организатора и защитника. Первый архиепископ, известный участник крестового похода Нивелон, суассонский епископ, скончался в 1207 г. во время путешествия на Запад, и лишь в 1212 г. на солунской кафедре был утвержден и посвящен его первый преемник Гварин. За этот пятилетний промежуток, совпавший со смутами по смерти Бонифация и с регентством королевы Марии, церковные земли безвозбранно расхищались крупнейшими вассалами, рыцарскими орденами и самой королевой, не говоря о том, что никто не думал уплачивать церковную десятину. Низшее духовенство, в большинстве случаев греческое, т. е. семейное, принявшее унию, было обязано посылать на службу сыновей. Смежные епархии соединялись в одну, чтобы церковные земли, оставшиеся свободными, могли быть отданы несшим военную службу. Новый архиепископ застал главную святыню Салоник, храм и раку Димитрия Солунского, в руках рыцарей св. Гроба. Худо пришлось некоторое время и греческому Афону. Монастыри св. Горы были отданы легатом Бенедиктом под начало латинскому прелату, который нещадно грабил монастырские сокровища, золотую утварь и прочее, подвергая монахов пыткам до смерти. Грузины Иверского монастыря перешли в латинскую унию. Только вмешательство константинопольского императора Генриха и папская булла 1214 г. (св. Гора чтилась и на Западе как обитель благочестия) облегчили положение афонских монахов, и в Лавре, по одному известию, около половины XIX в. существовала фреска, изображавшая Генриха в виде ктитора, ныне, повидимому, исчезнувшая. Защищала монахов и оделяла дарами также сама королева Мария, оставившая на Афоне добрую память (Καλὴ Μαρία).

При организации латинской церкви королевства, начатой папскими кардиналами, было принято греческое распределение епархий с тремя митрополиями в Македонии (Салоники, Филиппы, Серры) и двумя в Фессалии (Ларисса и Новые Патры). Низшего латинского духовенства

никогда не хватало для массы греческих приходов. Организация латинской церкви никогда не была завершена по грандиозной схеме, преподанной Иннокентием, по которой уния должна была распространиться на все население. Нехватало пастырей, не было и паствы. Со стороны светской власти было настолько мало поддержки, что рыцари иоанниты завладели даже оезиденцией одного епископа. Важная епархия Лариссы переходила из рук в руки, и церковь при этом сильно страдала. В 1208 г. папа Иннокентий писал примасу патрасскому и другим прелатам Греции, чтобы они (за вакантностью солунской кафедры) обратили внимание регентши Марии на ее насилия над архиепископом Лариссы и подчиненным ему духовенством, а особенно на то, что до курии дошли известия, которые, если верны, глубоко оскорбляют папу, — будто Мария поддерживает греческих епископов в их оппозиции латинской церкви. Этим, по словам папы, нарушается церковная свобода, т. е. права церкви. Даже не все прелаты были свободны от обвинений в неверности латинской церкви. На архиепископа Новых Патр (в Фессалии же) папе доносили его каноники, будто он до назначения архиепископом, но уже нося священный сан, участвовал с пресловутым Сгуром в войне против латинян и собственноручно нескольких убил; их же, доносящих каноников, обижал и лишил доходов; наконец приказал пятерых церковников повесить, причем собственноручно держал веревку. Такая картина нравов не только показывает, насколько дела солунской церкви были далеки от мира и спокойствия, но и на существование в рядах высшего латинского духовенства людей, тяготевших к грекам и, вероятно, лишь ради политики перешедших в унию.

С другой стороны, ни в одной из западных областей Романии, кроме земель эпирского деспота, не было так упорно и организовано греческое духовенство, ободряемое соседством православных государств. Переписка и канонические определения болгарского архиепископа Димитрия Хоматиана (1216—1234 (?) гг., но переписка захватывает и несколько предшествующих лет) свидетельствует о непрерывности сношений между греческими иерархами. Правда, и в Солунском королевстве греческие архиереи были согнаны с кафедр, как было и в Греции и в Константинополе. Преемство греческой иерархии было прервано надолго. Как в Морее две епархии оказались в XIV в. в подчинении у монемвасийского митрополита, вместо коринфского, как следовало по канонам, так и в солунской греческой церкви наступил беспорядок. В 1223 г. архиепископу болгарскому, упомянутому Хоматиану, пришлось посвятить епископа в один из городов солунской митрополии, завоеванный эпирским деспотом, потому что солунский митрополит находился в чужой стране и не явился на зов деспота, а «остатки изгнания», т. е. оставшиеся в королевстве греческие архиереи, по Писанию, избрали мрак своим убежищем и прятались в сало-

никских тайниках, глухих углах королевства, скрываясь от существующего зла.

Однако и показание Хоматиана было не вполне точно для времени Марии, хотя достаточно доказывает, что не все архиереи покинули пределы Латинского королевства. В оффициальных бумагах того же Хоматиана сохранилось частное дело, тяжба, тянувшаяся не один десяток лет. Один из тяжущихся дал такое показание: «Ясно, как говорится, и слепому, что в то время Солунским королевством управляла государыня Мария, вдова Бонифация Монферратского, бывшая раньше женою блаженно почившего царя Исаака Ангела. В Солуни губернаторствовал тогда, по ее назначению, Георгий Франкопул, муж греческий, которому было приказано заниматься разбирательством жалоб совместно с тамошними [греческими] архиереями Китрским, его братом Веррийским, а также Кассандрским Стримваконом, Кампанийским и Адрамонским Филагрием. Они ежедневно собирались в Великой церкви св. Богородицы для производства суда. При таком положении дел, — показывал тяжущийся, — никто в Солуни не мог терпеть обиды и страшиться за свою судьбу». Таким образом и по смерти Бонифация, желавшего ладить с греками, Κυρὰ Μαρία держала при дворе своем греческих архиереев, и они даже разбирали, вместе с губернатором, дела греков в столице латинского королевства. Перед нашими глазами оказывается в Солуни род постоянного церковного представительства для дел покоренной греческой нации, развившегося в целую систему при турецком режиме в Константинополе.

Анархия в латинской церкви королевства соответствовала положению политических дел. Мы оставили Бонифация на свидании его с молодым императором Генрихом, его зятем, в 1207 г. Казалось тогда, что судьба сулила Салоникскому королевству в союзе с империей годы хотя внешних политических успехов, военных удач под счастливой и опытной рукой Бонифация. Но скоро смерть постигла этого «лучшего из баронов, самого щедрого и храброго из рыцарей, какого видел свет»: возвращаясь со свидания в свою резиденцию, он попал возле Мосинополя в засаду и был смертельно ранен болгарскою стрелою. На этом событии Виллъгардуэн заканчивает свою историю: погиб главный участник эпопеи Четвертого крестового похода. Голова его была принесена Калояну, приказавшему сделать из нее кубок по варварскому обычаю.

Корона Бонифация досталась не его пасынку царевичу Мануилу, сосланному в Италию, ни его малолетнему брату, не известному по имени, но двухлетнему сыну короля Бонифация от царицы Марии (Маргариты), получившему популярное в Салониках имя Димитрия. Но у Бонифация еще был старший сын Гильельмо от первого брака, проживавший в своих Монферратских землях. Регентшей стала королева Мария как мать малолетнего короля; но ее политическое значение было на первых порах

невелико и раскрывается преимущественно греческими источниками. Военные силы и политика королевства оказались в руках двух сильнейших ломбардских вассалов, королевского наместника (байльи) графа Биандрате, распоряжавшегося в Салониках, и вождя фессалийского ломбардского рыцарства Буффа, носившего звание коннетабля королевского войска. Бароны эти, отличавшиеся, особенно первый, энергией и беззастенчивостью в средствах, стояли во главе массы итальянских вассалов королевства, которая знать не хотела о подчинении константинопольскому императору, хотя Бонифаций с ним только что восстановил дружественные отношения и принес ленную присягу. Ломбардцы смотрели на свои новые владения как на личную военную добычу под знаменами Бонифация и не желали получить их вторично как лен из рук императора. Еще более враждебно они были расположены к полугреческому двору королевы Марии. Не желали видеть на троне ее сына Димитрия. Они неоднократно приглашали упомянутого Гильельмо Монферратского занять салоникский престол, но тщетно: тот предпочитал спокойную долю некрупного барона блестящему, но далекому и опасному трону салоникского короля. Трубадуры сложили о нем насмешливую песню: «Постричься бы тебе в клюнийские монахи или стать цистерсианским аббатом, нет у тебя силы. За пару волов и телегу в Монферрате ты отказался от царства. Видано ли, чтобы сын барса прятался в дыру, как лисица?».

Между тем Калоян, ободренный смертью Бонифация, двинулся на его королевство. Оно казалось легкой добычей. Но это был его последний поход. Греки, заманившие Бонифация в засаду, покончили и с Калояном. Со времени южных походов царя влахов и болгар греки начинают играть большую, хотя еще мало разъясненную роль в его военных предприятиях. В лагере под Салониками у Калояна оказывается «архистратиг» из греческих архонтов по имени Монастра. Он убил Калояна. Конечно, не подговор жены убитого царя является причиною этого события, но оно дело греков, боявшихся за участь Салоник, населенных греками, хотя под властью латинян, второй столицы Романии. По известиям хотя бы Хоматиана мы видели, насколько живуч был греческий элемент в Салониках, и грекам было ясно, какая участь угрожает городу и его святыням от Иоанницы. Во всяком случае его внезапная смерть — он был поражен копьем в живот — была приписана всеми, начиная с убийцы Монастра, чуду великомученика Димитрия, патрона Салоник, и немедленно сложившаяся легенда записана и в русских летописях, впрочем в виде краткого известия.

Смерть Калояна (1207 г.) оказалась настоящей катастрофой для его царства. Малолетний наследник Иван (Иоанн) Асень, сын Асеня I, был спасен от гибели верными боярами; они увезли ребенка сначала к дунайским куманам, потом на Русь. Престолом овладел племянник Калояна

Борил, женившийся на его вдове, которую обвиняли в заговоре против мужа. Но управление наследством Калояна оказалось не по плечу Борилу, хотя он занимал престол довольно долго (1207—1218 гг.) Его царствование вышло бесславное, слабое, для поддержания своего престола Борил призывал в свою страну то одних, то других из ее исконных врагов. Он являлся к тому же узурпатором престола. Немедленно после убийства Калояна деспот Святослав, или Слав, владетель Мельника в Родопских горах, провозгласил себя независимым и, будучи родственником Асеней, стал добиваться болгарского престола при помощи латинского императора. Севастократор Стрез, славный князь крепости Просека, захватил большую часть западной Болгарии, т. е. Македонии, не без помощи сербов. Внутренние враги Борила, бояре, поддержавшие законного наследника, представители национальной партии, засели в дунайской крепости Видине, ставшей очагом движения против узурпатора. Венгры вновь завладели Белградской и Браничевской областями, которые у них отнял Калоян в 1203 г., и царь Борил не только примирился с этой утратой, но призывал короля венгерского Андрея против бояр в Видине. Венгры действительно завоевали ему Видин, опустошив северную Болгарию.

Те же самые черты — сначала поражение, потом союз на неравных началах — имели отношения Борила к Генриху.

На троицу 1208 г. император Генрих получил в своей столице известие о вторжении половцев и влахов Борила. Созвав немедленно войско, Генрих выступил к Адрианополю и решил вместе со своим советом, что надлежит франкам итти разорять страну Борила, чтобы отомстить наконец за смерть императора Балдуина, «бывшую большой бедой для рода Фландрии и Геннегау». Под Веррией у подножия Балкан франки встретились с силами Борила. Влахи напали на рассвете, когда у франков были под оружием лишь передовой и тыловой отряды. Все войско едва не погибло, а под знаменами Генриха были собраны все рыцари Романии и новые, прибывшие из Фландрии, Франции и Нормандии. Рыцарь Лионар по безрассудной гордости бросился один на влахов и погиб бы, но император «по великому благородству сердца и большой храбрости» бросился на своем черном коне один выручать своего человека. Пробившись к нему, он сказал: «Лионар, Лионар! бог меня да простит, но кто бы ни считал вас разумным, я считаю вас за безумца и хорошо знаю, что и сам из-за вас подвергнусь порицанию». И император поскакал в одних наножниках, и когда он возвратился с Лионаром весь окровавленный, дружина была смущена. Старик Петр Дуэ подошел к нему прямо и сказал: «Государь! Такой человек, как вы, поставленный во главе обороны и управления, не должен удаляться столь безрассудно от своих, как вы поступили на этот раз. Смотрите, государь, если бы вы были по несчастью убиты или взяты в плен, то разве смерть и бесчестие не ожидали бы всех нас?

Бог меня да простит! У нас нет другой опоры и знамени, кроме бога и вас. Скажу вам, чтобы вы хорошенько знали. Если вы еще раз увлечетесь, то да хранит бог вас и нас! Мы тут же отдадим вам все лены, которые от вас получили». Генрих выслушал и ответил: «Верно, Петр, знаю хорошо, что поступил неразумно, прошу вас простить. Но это виноват Лионар, если бы он остался среди врагов, то было бы нам скверно, ибо потеря доброго человека невознаградима. Теперь оставим влахов и пойдем на Филиппополь». Когда войско пришло туда, то оказалось, что на 12 дней кругом нельзя было найти ни хлеба и вина, ни ячменя и овса. Трое старых баронов отправились за провиантом и фуражом, но их окружили влахи. Тогда император собрал войско и стал говорить о господе боге: «Бог сотворил вас по своему образу и подобию и не оставит вас ради таких собак [canaillie]. Возложите упование на бога и вашу надежду [девиз], и не сомневаюсь, что враги не устоят. Пусть каждый будет соколом, а враги наши подлым вороньем!». Болгары заметили знамя (орифламму) императора и отступили в горы. На следующий день каноник Филипп говорил проповедь: «У вас здесь нет ни замков, ни убежищ, с вами лишь оружие и ваши кони. Все причастились самым благочестивым образом, стоя в рядах». Рать была так велика, что от стука оружия и ржания коней не услыхать бы и грома. День выдался ясный, поле было ровное; Генрих объезжал ряды и просил быть братьями в бою, забыв обиды. «Род Борилов» уже налетел тучею с великим ревом, а Генрих все еще увещевал войска сохранять порядок и радовался, что болгары на этот раз не бегут, пока старый Дуэ не сказал ему: «Государь! Что вы все говорите? Идите вперед смело и знайте, что, если не приключится смерть, не отстану от вас и на четыре шага». Тогда император поскакал на «род Борилов».

Борил выстроил свои тридцать три тысячи в тридцать шесть полков; болгары держали длинные богемские мечи и гордо наступали, думая захватить и этого императора. Первую линию франков вели Петр Брашейль, Мальи и старый маршал Виллѣгардуэн, рыцарь Брабантский и другие; императора просили быть в резерве. Вожди еще держали речи, мудрый Виллѣгардуэн припоминал славу древних, о коих известно из книг; каноник Филипп поднял крест и дал отпущение грехов. Тогда все взяли копья наперевес и с криком «Святой гроб!» поскакали на подступавшего врага. Сбитые с лошадей первые ряды болгар уже не могли подняться, их добивали следующие ряды рыцарей, и войска Борила обратились в беспорядочное бегство. Брашейль и Мальи с 20 рыцарями ударили на самого Борила, при котором было 1 600 человек; император Генрих в пурпурной мантии, усеянной золотыми крестами, скакал впереди своего отряда. Болгары рассыпались, как жаворонки от коршуна, хотя их было 33 тысячи; рыцари гнали их целых пять часов, «как безгрешные

дьяволов», хотя их было пятнадцать дружин по 20 человек, лишь у императора было 50 рыцарей. Сверх того, с франками было три дружины, составленных исключительно из греков. Так на греческой земле сражались чужестранцы, а греки были в тени.

Франки ликовали, овладев громадной добычей и провиантом, в котором сильно нуждались. Вскоре к императору явился Слав Родопский, поцеловал у него руку, как у сюзерена, и получил в лен свои и вновь отнятые у болгар земли; император обещал ему и Великую Влахию (конечно не Эпирскую, но средние Балканы). Сговорились отдать за Слава внебрачную дочь императора, и свадьба была отпразднована в Константинополе; но на всякий случай у нового зятя, получившего и титул деспота, был оставлен брат императора Евстахий с дружиной франков и дружиной греков.

Генрих мог теперь хвалиться в письмах на Запад, что увеличил свою империю на 15 дней пути. По ту сторону Родоп начинались лены ломбардских вассалов Салоникского королевства. Сплоченные единством интересов, не сдерживаемые более рукою Бонифация, они не желали принести ленную присягу императору и претендовали на полную независимость Салоникского королевства, которое считали собственным завоеванием. Они относились враждебно вообще к французскому элементу. Французские вассалы Мореи и средней Греции были, наоборот, настроены лойяльно к императору, по крайней мере теоретически, пока их интересы не страдали. Ломбардцы вели себя вызывающим образом. Один из них, Альбертино из Каноссы, даже напал на афинского «мегаскира» Оттона де-ла-Рош и отнял у него Фивы.

Генрих принял вызов и немедленно решил итти на Салоники, чтобы требовать ленной присяги. Поход подробно описан очевидцем Валянсьеном. Несмотря на зимнюю стужу, Генрих повел войско через Фракию, как бы направляясь против болгар. По льду перешли Марицу и за Мосинополем, леном Вилльгардуэна, вступили в пределы королевства. Генрих шел спешно, через горы и минуя берег, где были ломбардские замки. Первый же встреченный ломбардский вассал отказался впустить императора в свой город и не дал провианта голодному войску. В Драме провели Рождество; отсюда император потребовал к себе салоникского байльи Биандрате, но тот наотрез отказался приехать. Приближение Генриха вызвало в Салониках бурные сцены. Французские вассалы должны были удалиться из города и поспешили в лагерь Генриха. Остановившись в Хортаитском монастыре, Генрих опять послал в Салоники, на этот раз трех героев: Конона Бетюнского,* старого Дуэ и Мальи. Он требовал лишь ленной присяги и пропуска в город войска, не имевшего ни приюта, ни пропита-

* Conon de Béthune *(Ред.)*.

ния. Он обещал при этом подтвердить пределы королевства малолетнего Димитрия на основе договора с Бонифацием. Мы видели, что последний расширил свое государство далеко за пределы области между реками Стримоном и Вардаром, предусмотренные еще договором 1204 г. между участниками крестового похода. Именно он завоевал часть западной Македонии, Фессалию и Грецию; Морея была захвачена Шамплиттом с согласия Бонифация. Все это было молчаливо признано при встрече 1207 г. Бонифация с Генрихом. Со смертью Бонифация между французскими вассалами в Греции и ломбардскими хозяевами королевства дело дошло до открытого столкновения: были захвачены Фивы. И теперь ломбардцы решили не уступать Генриху, императору враждебной национальности, ни в чем, чтобы не подвергнуть спору свои завоевания на западе и на юге, особенно в Фессалии, где были их лучшие владения. Они отказались поэтому даже впустить Генриха в Салоники. Предвидя этот ответ, император дал своим послам инструкции потребовать третейского суда из 4 выборных или же просить разобрать их дело папу, французского короля или западного императора. Ломбардцы на это предъявили требование расширить их королевство: в таком случае они согласны признать и впустить императора; и пожелания ломбардцев были так велики, что вряд ли были серьезны: сверх всего ранее ими завоеванного, они хотели получить на западе Дураццо и земли эпирского деспота, а на востоке — всю полосу от Филиппополя через Веррию до Черного моря, т. е. новые завоевания Генриха от болгар, которыми так гордился Генрих. Они хотели, чтобы Генрих поссорился с Венецией, хозяйкой на берегах Адриатики, и выдал им своих верных франков в Морее. Напрасно послы Генриха указывали на их обязанности в отношении к сюзерену их покойного короля, на нужду его рыцарей. «Должны ли мы мерзнуть, как собаки?» — говорили они. «Как хотите», — был ответ Биандрате. Генриху пришлось пережить тяжелые минуты. Войско не могло оставаться долее в Хортаитском монастыре и его окрестностях, нехватало ни хлеба, ни квартир; нельзя было ожидать помощи, ни отступить без риска погубить войско, ни взять сильно укрепленные Салоники. Все советовали Генриху уступить. Он долго думал, гордость рыцаря и государя боролись в его честной душе с необходимостью дипломатического обмана для спасения войска; наконец он объявил, что согласен присягнуть в соблюдении условий, предложенных ломбардцами, но требует утверждения их королевой Марией. Тогда Биандрате не мог в свою очередь отказать Генриху в его законном требовании уважать права регентши, приехал в Хортаитский монастырь, где Генрих с баронами принес требуемую присягу. На следующий день Генрих с 40 рыцарями въехал в Салоники, был встречен в подобающими почестями и приведен в храм Димитрия. Императорские войска начали входить в город мелкими отрядами;

приехали немецкие бароны и объявили себя на стороне императора; Генрих повел тайные переговоры с королевой Марией. Положение ломбардцев ухудшилось, почва ускользала у них из-под ног. В довершение всего архиепископ Гварин перешел на сторону императора и тем привлек к себе симпатии всех ненавидевших ломбардскую партию, именно греков и самой королевы Марии; архиепископ получил значение не меньше самого Биандрате. Видя опасность, ломбардцы требовали, чтобы Генрих подтвердил свою присягу. Император тогда созвал парламент и на нем уже открыто выступил против ломбардцев. Каждому было предложено высказаться, одобряет ли он условия, на которых императору предстоит присягнуть. Положение сторон настолько изменилось, что только три ломбардских барона отважились настаивать на условиях, все же прочие, духовенство и немцы подали голоса против них. Тогда Генрих разразился упреками против ломбардцев, он сказал, что дикие куманы и влахи поняли бы интересы империи не хуже их. Он потребовал узнать мнение королевы и, лично поехав к ней, уговорил не оставить его, императора, своей поддержкой в эту важную минуту, уверил Марию, что она может доверить ему судьбу своего сына. Тогда ломбардцы прибегли к последнему средству, требуя третейского суда, от которого прежде сами отказались, но и суд не состоялся. Таким образом присяга Генриха в Хортаитском монастыре стала недействительной. Он лично короновал малолетнего Димитрия, посвятив его предварительно в рыцари. Биандрате же принес присягу императору, королю и регентше и был оставлен в должности байльи королевства. Регентша Мария получила от Генриха богатые владения царицы Евфросинии в Фессалии; был одарен и доверенный Марии — грек Мануил.

Ломбардцы далеко не примирились со своим положением. Милости грекам раздражили их еще больше. Они замыслили опять вызвать Гильельмо Монферратского и устранить Марию; Генриха они собрались погубить при отступлении через горные переходы, для чего Биандрате занял верными ломбардцами Серры и Христополь. Это дошло до Марии, и в кремле Салоник был созван новый парламент в присутствии Генриха и его баронов. Биандрате был изобличен и заключен во дворце королевы; лены ломбардских рыцарей под Серрами и Христополем, замешанных в заговоре, были отданы французам, чтобы обеспечить путь в Константинополь. Но ломбардцы не смирились и теперь: предупредив рыцарей Генриха, они не пустили их в Серры и даже вступили в соглашение с Борилом, царем влахов и болгар, завоевавших за это время Мельник у деспота Слава. Однако в этих областях, видимо, решали дело греки: Генрих их к себе расположил своей политикой согласия, и они тайно впустили французов в Серры. Тем временем Генрих, желая получить пропуск через Серры во что бы то ни стало, даже выпустил Биандрате

и послал его под эскортом, так как бывший байльи взялся добыть Генриху и Серры, и Христополь. Но ломбардцы были, повидимому, прирожденными изменниками; имели место стычки и изменнические нападения на послов. Тогда Серры были отданы немецкому графу Каценелленбогену, променявшему Великую Влахию Эпирскую на таковую у средних Балкан. Он увез с собою Биандрате и держал его крепко. Замок Христополя французам не удалось взять. Чтобы обеспечить подвоз провианта морем, Генрих утвердился на Афоне, занял замок, выстроенный посреди св. Горы латинским епископом. Последнего папа отозвал по просьбе Генриха.

Между тем ломбардские бароны подняли мятеж в Фессалии, и Генрих решил двинуться на юг. В Салониках рядом с королевой был оставлен архиепископ Гварин, не замедливший занять цитадель своими людьми. Ломбардцы под начальством коннетабля Буффа собрались под Лариссой и даже предлагали Генриху очистить Салоники и отступить в Хортаитский монастырь. Генрих прошел окольными путями, через проходы, не занятые ломбардцами, и появился под Лариссой. Желая покончить миром, он предлагал ломбардцам даже увеличить их лены, но в ответ опять получил оскорбительное предложение уйти в Константинополь. Оставалось сломить ломбардцев оружием, проливать латинскую кровь на глазах покоренного греческого населения. Франки перешли реку Пеней, разбили ломбардский отряд и обложили Ларису. Тогда 700 ломбардских рыцарей, бывшие в городе, во главе с коннетаблем Буффа и кастелляном города Гильельмо, сдались на капитуляцию, и Генрих отпустил их, не желая усугублять вражду между нациями, оставил даже в Ларисе прежнего сеньора. Он мог быть доволен своими успехами. Ненавидевшие ломбардцев греки встречали императора с энтузиазмом. Казалось, облекалась в реальную форму идея державной власти, стоявшей выше и латинян и греков, способной восстановить правосудие и навести порядок. Греки видимо волновались и на Евбее, где итальянский сеньор Равано поспешил заключить союз с Венецией, причем венецианцы обязали его не раздражать греческих архонтов. Договор этот был направлен, конечно, против Генриха. За то он получил из Франции деньги, вырученные за продажу святынь из Константинополя. Теперь он мог расплатиться с солдатами. В его войске все большее и большее значение приобретают наемники, и между ними было много греков. Впрочем в продолжении войны не было надобности. В Морее и средней Греции императора ожидали лойяльные французские вассалы, жаждавшие избавиться от своих ломбардских соседей. Крупнейший из французских государей Греции Виллыгардуэн Ахейский осаждал в это время Коринф, занятый отрядом войск эпирского деспота, и немедленно отозвался на призыв Генриха принести ему ленную присягу.

Только узнав о переговорах Генриха с французами Греции, ломбардцы поняли безнадежность дальнейшего сопротивления императору и с своей стороны завязали с ним переговоры.

Всегда предпочитая мир, хотя бы и невыгодный, ссоре между латинянами на Востоке, Генрих созвал парламент в Равеннике, замке недалеко от фессалийского города Зейтуна (Ламии). Незадолго перед тем он отобрал эту местность от тамплиеров и отдал ее итальянскому вассалу. Ранее других прибыли немецкие вассалы и глава ломбардцев Буффа. Последний был обласкан Генрихом и назначен коннетаблем всей Романии. Лишь небольшая часть итальянцев уклонилась от соглашения, между ними граф Паллавичини из Бодоницы и владетель Евбеи Равано. Но идея самостоятельности Салоникского королевства от Константинопольской империи была погребена. Не суждено было итальянским феодалам образовать крупное национальное государство в Романии; руководство итальянским движением на Леванте сосредоточилось в руках купеческой Венеции, и договор Равано с республикой хорошо иллюстрирует этот процесс. На парламенте в Равеннике ломбардские бароны уже не опираются на свои права завоевания под знаменами Бонифация, но присягают императору как получившие лены от него непосредственно.

Национальное государство наследников Бонифация должно бы быть прочнее, нежели сама империя; его идея, казалось бы, более нова и жизненна в сравнении с книжным идеалом канцлера епископа Нуайонского, изображенным в послании Балдуина на Запад; и реальные элементы для основания сильного государства на Востоке были в Италии налицо, более чем где-либо: близость страны, многолюдное рыцарство, давнишнее знакомство и связи с Востоком, как, например, в семье Бонифация. Но если в Константинополе вся сила империи заключалась в дружине искателей земель, то в Греции положение Генриха получилось иным, благодаря его личной политике: он явился здесь верховным государем страны, организатором отношений между завоевавшим и покоренным элементами. В этом, повидимому, кроется причина успехов Генриха и в королевстве, и в Греции. Раздоры между итальянскими и французскими вассалами королевства Бонифация имели также важное значение для распространения Генрихом своей власти.

Ярким фактом Равенникского парламента был приезд Виллъгардуэна Ахейского, вместе с Оттоном Афинским и 60 французскими баронами из Греции. Виллъгардуэн, фактически суверенный государь, получил из рук императора свои земли и вместе с тем титул сенешала Романии, от которого скоро отказался, когда получил титул князя. Первый парламент в Равеннике, бывший в 1209 г. в присутствии Генриха, повидимому был посвящен лишь изложенным крупнейшим политическим вопросам, и других известий о его занятиях мы не имеем.

Распустив парламент, Генрих пошел на Фивы, захваченные ломбардцами. По пути греки приветствовали его как своего избавителя, как своего царя. Перед Фивами его встретило греческое духовенство, архонты и народ; в воротах стоял латинский архиепископ. Цитадель была занята ломбардцами, и они отказались сдаться. Первый приступ был неудачен. Построены были длинные лестницы, тогда итальянцы сдались на капитуляцию. Генрих оставил ломбардцам их лены, даже обещал освободить Биандрате и послал за ним; но бывший регент по пути сбежал и скрылся на Евбею. Но после взятия Фив и сам владетель Евбеи, присягнувший Венеции, счел за нужное присягнуть императору и даже пригласил его посетить Евбею и честно охранял безопасность Генриха от козней Биандрате, который тогда убежал к Борису (Борилу) Болгарскому; впоследствии он еще раз передался Генриху, и император, щадя заклятого врага, даже вернул ему звание байльи и земли; но Биандрате убедился, что его политическая роль сыграна, и, не стерпев, уехал на свою родину.

Главнейшим вопросом внутреннего управления являлось устройство церковных земель и привлечение их к участию в государственных податях и повинностях, к службе государству. Этим делам был посвящен второй парламент в Равеннике, состоявшийся в следующем, 1210 г. Текст его постановлений сообщен в письме папы Гонория к духовенству Ахейского княжества, но они касаются собственно церквей, лежащих к северу от Коринфа. Договаривающимися сторонами являются не император и его вассалы, но, с одной стороны, церковь, представленная уполномоченными константинопольского патриарха Морозини, каноником императора Генриха, архиепископами Афин, Ларисcы и Новых Патр (в Фессалии), за вакантностью Салоникской кафедры; с другой стороны договаривались члены Ломбардской лиги баронов, во главе с коннетаблем Буффа, Гвидо Паллавичини, маркизом Бодоницы, Равано Евбейским, а из французских вассалов на первом месте стоял Оттон де-ла-Рош Афинский. Прочие сословия и на этом парламенте не были представлены. Самого Морозини не было на парламенте; по дороге в Салоники он заболел и умер. Присутствия Генриха не видно из текста постановлений.

По первому пункту соглашения бароны обязались передать патриарху константинопольскому, представляющему в своем лице латинскую церковь Романии, все храмы и монастыри с имуществом и доходами последних; бароны дали обещание за себя, своих наследников, вассалов и людей освободить церковных людей и церковные имущества от всяких повинностей в их, баронов, пользу. Исключение сделано для поземельной подати, акростиха, который обязаны платить все латиняне и греки высшего и низшего звания с земель, полученных от баронов, сообразно тем нормам, по каковым акростих уплачивался греками в год взятия Константинополя. Другими словами, церковные земли теперь были обложены акростихом

в пользу светской власти и в Солунском королевстве. В случае отказа церковных людей платить акростих баронам последние могли взыскать его собственною властью; однако не имели права лишать недоимщиков ни свободы, ни остального имущества. Нельзя арестовывать наследников латинских клириков, жен и детей греческих «попов», если движимость недоимщика превышает недобор.

Дети греков светского и духовного состояния должны служить баронам по установленному обычаю, если не получили священного сана. Если же кто из греческих «попов», монахов или «баронов» (архонтов) захватит (т. е. распашет) земли не церковные, то будет отвечать перед собственниками земель на тех же основаниях, как всякие светские захватчики земель.

Ослушники предыдущих постановлений предаются церковному покаянию и отлучению; постановления утверждены императором и патриархом и скреплены печатями духовенства и баронов.

Содержание акта далеко выходит за рамки устройства церковных имуществ и касается греческого (униатского) духовенства и греков-мирян.

Папа утвердил акты Равенникского парламента, но остался ими недоволен. Церковные интересы пострадали, так как было распространено на королевство обложение акростихом церковных земель. Пострадали и интересы захватчиков церковных земель, во главе их стояли тамплиеры. У них были отобраны земли в Фессалии, например самый округ Равенники. на Евбее, в Фивах и вслед за тем в Ахейском княжестве. В этом отношении, как и многих других, молодые государства Леванта предупредили старую Европу. Наконец и некоторые епископы из противников Генриха были теперь выжиты своими политическими врагами; другие терпели поражения на выборах, как случилось при замещении кафедры в Фивах.

Особенно выиграли от церковной политики Генриха греческие монастыри, ставшие формально униатскими. Постановлениями Равенникского парламента их земли взяты под защиту. В этом отношении Генрих шел рука об руку с «Καλὴ Μαρία», королевой салоникской, и папа Иннокентий утверждал их пожалования монастырям тем охотнее, что он принял Марию (формально перешедшую снова в католичество) под особое покровительство. При тяжбах Марии с латинской церковью из-за земель Иннокентий становился на ее сторону, дал ей по ее просьбе двух епископов в качестве постоянных защитников, приказывал меняться землями с королевой, если она просила. По желанию Марии Иннокентий принял под свое непосредственное покровительство греческий монастырь Акапно́, т. е. повторил то, что делали греческие патриархи в ущерб местной епархиальной власти.

Из постановлений Равенникского парламента ясно намерение светских государей подчинить себе большие греческие, бывшие царские, монастыри.

Хортаитский монастырь, где Генрих стоял перед вступлением в Салоники, получил от него льготы в благодарность за гостеприимство. Афонские монастыри по ходатайству Генриха были подчинены папой непосредственно королеве Марии, хотя лишь на время, до приезда папского легата. При этом Генрих имел в виду и вышеупомянутые стратегические цели — обеспечить себе дорогу в Константинополь. Но принята была мера и более общего значения. В 1209 г. папа подтвердил своим уполномоченным епископам, что свободные греческие монастыри Салоникского королевства, называемые царскими и не бывшие при греках подчиненными никому из архиепископов и епископов, должны зависеть лишь от королевы Марии, «бывшей царицы константинопольской», а латинские архиепископы и епископы не имеют на них никаких прав. Одновременно Иннокентий предписал двум другим уполномоченным епископам оказывать законную поддержку греческому духовенству салоникской митрополии, возвратившемуся к послушанию римской церкви (салоникская церковь зависела от римской курии до иконоборцев). Перешедшая в унию часть греческого духовенства просила дать им права и доходы, которыми они располагали при греческой империи и которые были признаны за ними кардиналом Бенедиктом; папа их просьбу повелел исполнить.

Успехи Генриха сплотили против него врагов. Главным между ними оказался не славный князь Просека Стрез, ни даже Борил, царь влахов и болгар, но деспот эпирский Михаил, создавший, как увидим в следующей главе, в несколько лет сильное государство. Быстрое наступление Генриха в 1209 г. заставило и Михаила предложить мир. Возле Салоник съехались оба государя. Не достигнув соглашения относительно церемониала, они не встретились лично, но, оставаясь в своих лагерях, вели переговоры через своих уполномоченных. Михаил наотрез отказался включить свое национальное государство в политическую систему латинской Романии и не пожелал стать вассалом Генриха, но предложил выдать дочь за брата императора, Евстахия, так как брак являлся в то время обычной формой дружественных отношений между чуждыми, друг от друга независимыми государствами. Брак Евстахия состоялся, однако же не помешал Михаилу на следующий же год напасть на Генриха. Миролюбивый конец был возможен лишь по отношению к латинским антагонистам; с такими же национальными образованиями, каковы были царства Эпирское и Никейское, прочного мира не могло быть, а перемирия, если бывали, обыкновенно не соблюдались. При ведении войны врагов не щадили. Такую ожесточенную войну пришлось перенести Салоникскому королевству в 1210 г. Сам ломбардский коннетабль всей Романии Буффа, попавшись в плен к Михаилу, был распят вместе со своим капелланом. Православные греки и албанцы эпирского деспота не щадили латинского духовенства и охотились за ним, как за зверьми. Сам же Михаил, уступая Генриху

в открытом поле, оставался неуязвим, и напрасно Генрих гонялся за ним по горной Албании.

В марте 1211 г. Генрих наконец выступил обратно в свою столицу, оставив в Салониках, в помощь королеве, своего брата Евстахия и графа Каценелленбогена. Кратчайший путь оказался занятым отрядами болгарского царя. Не имея значительных сил под рукою, Генрих предпочел уклониться к морю. По дороге его встретила помощь из Константинополя, и Генрих со свежими силами обратился против Борила, который предпочел скрыться в горы. Когда же Генрих прибыл в Константинополь, Борил в союзе со Стрезом (изгнанный Калояном из Просека, он по смерти последнего прогнал в свою очередь болгарского наместника Шишмана), князем неприступного Просека на Вардаре и Скопья, напал на Салоникское королевство. Евстахий и упомянутый Каценелленбоген, на этот раз в союзе с греками эпирского деспота, отбили северных врагов поодиночке. Сначала они разбили Стреза. Последний ушел в сербские земли, где его приютил Стефан Первовенчанный (1196—1228 гг.) и не выдал Генриху; Стрез отплатил черной неблагодарностью и передался на сторону франков. Напрасно св. Савва убеждал Стреза не изменять соплеменникам, он не послушался монаха. В ту же ночь Стрез внезапно умер (около 1215 г.). Княжество Стреза досталось не славянам, но греческому эпирскому деспоту: Скопье — непосредственно, а крепость Просек побывала и в руках франков. Борил же показался в Салоникской области лишь осенью 1211 г. и был разбит франками наголову. Слабость Борила объясняется междоусобиями внутри Болгарии. Подрос законный наследник Иван Асень и вернулся с Руси добывать престол свой. Акрополит пишет о семилетней осаде Асенем столицы Тырнова. Борил, прежде искавший помощи у венгров, теперь не задумался войти в союз с Генрихом, от войск которого Борил не раз спасался бегством. Болгарский царь завел переговоры и об унии. Союз вражеских стран должен был увенчаться по обычаю браком. Так рассудили бароны Генриха. Император оставался вдов и без наследника. В руке дочери германского императора Филиппа Генриху было отказано в обидной форме, как будто он был авантюристом, а не императором древнего Константинополя. Борил же, конечно, с радостью готов был выдать свою дочь за Генриха. Брак с дочерью варвара, к тому же многократно пораженного, не подходил не только императору, но и графу Фландрии и Геннегау: однако Генрих поборол врожденную гордость ради политических интересов. Свадьба была отпразднована в Константинополе с большою пышностью. Союз франков и болгар был неожиданной и страшной комбинацией для греков и особенно «деспота» Слава Родопского, заклятого врага Борила (хотя и двоюродного брата). Он также был вдов по смерти вышеупомянутой дочери Генриха и поспешил жениться на дочери эпирского деспота (уже не Михаила, а Феодора). К этому

союзу присоединился, повидимому, и сербский великий князь (жупан) и, повидимому, партия Ивана Асеня. Получилась коалиция православных, греческих и славянских элементов. Сербия вступает партнером в политическую игру из-за Македонии. Может быть, она считала себя наследницею Стреза, вероятнее же — поддерживала Ивана Асеня. Нам не известны подробности этой интересной борьбы. Генрих и Борил проникли в Сербию, но благодаря чудесному содействию св. Симеона Неманя, передает «Житие», франки и болгары были вынуждены отступить. Смерть ожидала обоих союзников. Борил в 1218 г. был схвачен и ослеплен сторонниками Ивана Асеня, который и занял болгарский престол. Генрих же должен был еще раз свести счеты с ломбардцами, поднявшими голову после неудачного похода Генриха в Сербию. Королева Мария жаловалась на них и просила помощи как у Генриха, так и у папы. Во время второго похода на ломбардцев, в июне 1216 г., Генрих скончался, не дожив и до 40 лет. Говорили об отравлении, указывали и на жену и на Биандрате.

Симпатична фигура Генриха, доблестного рыцаря, ставшего на своем трудном пути осторожным и умеренным государем. В сущности он и выковал Латинскую империю в боях и походах; он помешал ей погибнуть на первых же порах по основании, и после него она лишь влачила свое существование. Все свое царствование Генрих отдыха не имел, а он любил жизнь и веселые празднества, недаром он был почти француз. Но одна война сменяла другую, из Европы нужно было спешить в Азию (его азиатские войны будут изложены в связи с историей Никейского царства). Походы его были быстры, обыкновенно с горстью рыцарей, еще опаснее было вести большое войско через враждебную страну, не имея ни провианта, ни верной базы. А он не стеснялся временем года и ночевал в лесу в мороз. Лично он был храбр до безрассудства, как мы видели в бою под Филиппополем. Достойный вождь таких сказочных героев, как Брашейль и де-Три, он стал в политике партнером Иннокентия и венецианцев. Но никогда он с Запада не получал поддержки, несмотря на просьбы, а унижения, упреки и скрытая вражда были им не раз испытаны. Ласкарь и Калоян временами были папе дороже, чем константинопольский латинский император. По натуре прежде всего рыцарь, он усвоил в управлении более широкие взгляды. Мы видели плоды его греческой политики в Солуни и Греции. Генрих, хотя родом был франк, но к ромэям и законным детям Константинова града относился добродушно и многих принял в число вельмож, многих — в свое войско. Воин стал миролюбцем, он щадит даже такого врага, как Биандрате, ради мира между латинянами; он женится на дочери Борила опять ради государства.

Константинопольские бароны были потрясены смертью Генриха. Их испытанный вождь скончался во цвете лет и не оставил наследников. Брат его Евстахий был храбрым бароном, но не принес бы с собою ни новых

богатств, ни новой армии. В том же году умер и могущественный покровитель франков, папа Иннокентий; впрочем его преемник Гонорий III (1216—1227 гг.) обещал свою поддержку и сдержал свое слово.

Предстояло избрать императора. Одна партия предлагала короля венгерского Андрея, могущественного соседа империи. Этот выбор мог бы поставить государство крестоносцев на новые пути, спасти его от врагов, но он бы обезличил франкскую империю, каковой она сложилась: не только хозяйничанию баронов, но и преобладанию франкского и венецианского элементов был бы положен конец. Этого правители Константинополя не желали, их самомнение оставалось велико, а кругозор недостаточно широк.

Продолжить старые порядки и занять трон Генриха был приглашен его зять и кузен короля Франции Филиппа Августа Петр Куртенэ, знатный, пожилой и многосемейный граф Оксеррский. Он принял предложение и отправился в Рим, где был коронован самим папой и встречен депутацией от константинопольских баронов. Цвет французского рыцарства сопровождал нового императора. Венеция настояла, чтобы он осадил Дураццо, захваченный государем эпирским Феодором, преемником Михаила. Петр не мог взять города и рискнул итти сушей через Эпир в Салоники. В горах возле нынешнего Эльбассана он встретил Феодора, который сначала изъявил покорность, а затем вероломно схватил императора и перебил его отборное войско, в котором было 160 рыцарей и 5500 сержантов. В числе погибших был и Евстахий, брат императора Генриха. Схвачен был и папский легат кардинал Колонна. Император Петр Куртенэ умер в плену от ран, так и не увидав свою столицу (1217 г.). Императрица Иоланта, выехавшая морем, прибыла в Константинополь уже вдовою и вскоре родила сына Балдуина, будущего и последнего императора франков в Романии.

Катастрофа, постигшая императора Петра и французскую его армию, была поражением идеи «Новой Франции», которую думали создать на византийских землях. Это удалось Западу не на Леванте, но гораздо позже на пустынном материке Америки. Безнадежность этого плана, лелеемого и папой Гонорием, скоро стала очевидной и для него и для фактических хозяев Леванта — венецианцев. Оставалось ограждать уже достигнутое, по возможности спасать свое достояние путем договоров с туземными государями.

Против Феодора Эпирского собиралась гроза. Из Франции пришло большое ополчение под начальством одного из сыновей императора Петра для его освобождения; венецианцы поспешили выставить большой флот. Папа призывал всех: и короля венгерского, и Виллырдуэна Ахейского, и западных государей; но хлопотал он не об императоре — он для него умер, — но о своем кардинале. Как только Феодор, испугавшись прибыв-

шего к Эпиру венецианского флота и западных рыцарей, освободил легата и заявил покорность Риму, Гонорий не только примирился с ним, но и запретил венецианцам и рыцарям нападать на земли Феодора под страхом отлучения. Венецианцы последовали примеру папы и заключили пятилетний мир с убийцей императора Петра.

Латиняне ищут мира по всей линии. Венецианцы заключают также пятилетнее перемирие и с Ласкарем Никейским, и с султаном Ала-аддином Кей-Кубадом I в Конии (1220 г.). Венецианской политике следует константинопольское правительство регентши императрицы Иоланты; одна из семи ее дочерей (Мария) выдана за Ласкаря. Не о завоевании, но о status quo теперь хлопочут франки. Это было уже признанием слабости, началом конца Латинской империи, созданной захватом и существовавшей благодаря перевесу франкского оружия при Генрихе.

Экономическая жизнь, реальные выгоды и интересы империи сосредоточены в руках венецианцев. Они имеют монополию торговли, содержат торговую полицию, хранят образцы мер и весов, Венеция не разрешает Константинопольской империи чеканить собственную золотую монету, но лишь медную; ходили венецианское и старое византийское золото и серебро. Венецианцы одни богатели при обеднении франков. Они строят в Константинополе для своих купцов роскошный гостиный двор (1220 г.) Они собирают в своих руках и громадные земельные богатства, о чем свидетельствует дошедшая доверенность вдовы венецианца Градениго. Даже возник проект перенести столицу республики из Венеции в Константинополь как центр торговли Леванта и средоточие оборота венецианских капиталов. Венецианцы не платили никаких пошлин за свои товары, тогда как генуэзцы и пизанцы были обложены в тех же размерах, как было при греческих императорах. Сверх того в 1223 г. венецианцы заключили с императором Робертом договор, по которому они получали $^3/_8$ всех пошлин и сборов с купеческих кварталов Константинополя. Кроме торговых привилегий, у венецианцев были земли и политические права, выговоренные при основании Латинской империи.

Франки денег не наживали, новых земель не искали, но проживали доходы со своих земель, сами ничего не производя. Обострились старые распри между духовенством и светскими владельцами не на почве каких-либо идей или политической борьбы, но из-за корысти, церковных земель, их десятины и иммунитета. Кардиналу Колонне оказалось немало дела. Духовенство жаловалось на баронов, бароны — на духовенство. Особенно резки были столкновения в Элладе, на почве исполнения актов Равенникского парламента.

Распри между баронами и духовенством осложнились столкновением между патриархом и папским легатом, когда патриарх Гервасий наложил интердикт на земли главы греческих баронов Виллльгардуэна Ахейского.

Папа угрожал Гервасию даже лишением сана, так как признавал право интердикта лишь за собою и за своим легатом. Повторялись времена Иннокентия и Морозини.

Среди подобных обстоятельств скончалась императрица Иоланта (1219 г.), правившая за младенца Балдуина II. Кардинал-легат Колонна, латинский патриарх Гервасий, венецианский подеста Тьеполо, Конон Бетюнский, один из героев крестового похода и фактический регент со смерти Генриха, и бароны собрались на парламент в Родосто для разбора дел политических и церковных. От имени папы кардинал предъявил баронам требование выдать захваченные церковные имения и $^1/_{12}$ всех земель империи и доходы с них за 3 года, по расчету 1 меры пшеницы и меры ячменя с каждого виллана (крепостного); сверх того рыцари и вилланы должны платить церковную десятину. На уступке $^1/_{12}$ земель империи он, впрочем, не настаивал. Требования легата не встретили согласия баронов, и парламент был перенесен в Силиврию. Там бароны предложили кардиналу уплачивать ему 3000 иперпиров ежегодно за все доходы с церковных земель, которыми они завладели. Они просили написать папе, чтобы он большего с них не требовал, иначе они не будут в состоянии нести военную службу империи. Кардинал должен был уступить. Затем и венецианский подеста заключил с кардиналом договор на ту же сумму за церковные земли, захваченные венецианцами.

Парламент в Силиврии разрешил и другое важное дело, утвердив в качестве регента (baiulus) империи Конона Бетюнского, «короля» адрианопольского. Сохранился документ, характеризующий преобладание венецианцев. Севастократор и байльи империи Романии в присутствии баронов и духовных властей поклялся, что не посягнет на права венецианцев в империи и не хочет быть байльи помимо их согласия. Венецианский подеста заявил в свою очередь, что хочет на таковом посту иметь Конона, и в свою очередь дал присягу соблюдать справедливость в отношении венецианцев и франков в империи.

Скончался и патриарх Гервасий. Подеста доносил дожу, что с разрешением вопросов о новых императоре и патриархе связаны все интересы Венеции в Романии, и рекомендовал принять все соответственные меры для обеспечения венецианских прав; бароны же присягали Иоланте в том, что изберут на престол ее старшего сына Филиппа, оставшегося в Намюре (Фландрия), и теперь ожидали его прибытия.

Но Филипп предпочел остаться на родине. Константинопольская корона не прельстила владетельного графа. Он рекомендовал своего младшего брата Роберта, и у депутации константинопольских баронов не было лучшего кандидата. Роберт выехал сухим путем через Венгрию. Король Андрей, женатый на его сестре, принял в нем участие. Чтобы обеспечить ему путь через Болгарию, король Андрей даже выдал свою дочь за Иоанна Асеня

Болгарского, он дал Роберту своих сыновей в спутники. Казалось, венгерская и французская партии заключили союз с участием болгарского царя; новые силы окружили Роберта. На Благовещение 1221 г. он был коронован новым патриархом Матвеем, избранным из венецианцев, как старался подеста Тьеполо. Еще в Риме новый патриарх предоставил венецианским церквам Романии полный иммунитет, обязавшись в случае его нарушения внести крупную сумму венецианскому патриарху Градо, главе духовенства Венеции. Эти обязательства были скреплены подписями избравших Матвея венецианских каноников св. Софии. Против Матвея не умолкали жалобы французского духовенства в Константинополе. Жаловались, что он общается с отлученными от церкви и заключил с венецианцами соглашение, направленное против других наций. Новый император хотя и подтвердил венецианцам привилегии, данные Балдуином, но старался поступать независимо и поддерживал пизанцев. Он содействовал папскому легату против пристрастного Матвея и заслужил от папы Гонория благодарность и пожелания счастливого правления.

И со стороны Никейского царства опасность не угрожала Роберту на первых порах. Ласкарь был женат на его сестре Марии. Желая теснее связать себя с домом Куртенэ и через него усилить свои шансы на константинопольский престол, Ласкарь, в ущерб церковным канонам, предложил Роберту свою дочь Евдокию и большие земли в приданое. Смерть Ласкаря и его супруги Марии Куртенэ (1222 г.) положила конец этим планам. Роберт имел неосторожность поддержать братьев Ласкаря против занявшего никейский престол Иоанна Дуки Ватаци. Борьба с этим лучшим помощником Ласкаря была не под силу малоспособному и трусливому, не по заслугам чванному Роберту, и началась для него полоса несчастий, не покидавших его до смерти.

Ранее того, уже в 1222 г., пало латинское королевство в Салониках под ударами Феодора Эпирского. Создание Бонифация Монферратского оказалось еще менее прочным. Хотя папа Гонорий взял под свое покровительство юного сына Бонифация, Димитрия, и назначил ему опекуном его сводного брата Гильельмо Монферратского, вслед за чем примирился со двором и старый Биандрате; хотя сильнейший из вассалов королевства, Гвидо Паллавичини, маркиз Бодоницы, стоял во главе управления; хотя сам Димитрий был отправлен к Фридриху II Гогенштауфену просить его мощной поддержки, — Феодор Эпирский без труда занял Салоники. Подробности этого события относятся к истории Эпирского царства. Экспедиция Гильельмо Монферратского кончилась с его смертью в Греции. Сам Димитрий умер в Италии бездетным (1227 г.); права его были в конце концов переуступлены Палеологам, когда те в них уже не нуждались. Падение Салоник повлекло за собою утрату франками Македонии и Фракии. Посланные против греков войска Роберта были разбиты под Сересом и бежали в Кон-

стантинополь, вызванные известием о еще большем несчастии латинян в Малой Азии.

Роберт принял бежавших к нему братьев Ласкаря, Алексея и Исаака, и отправил их во главе большей части франков в Малую Азию, в те порубежные области, которые были устроены императором Генрихом на началах самоуправления греков. Сначала братья Ласкаря действовали успешно и заняли часть страны; но, встретившись с самим Ватаци при Пиманиноне, они были разбиты, схвачены и ослеплены. Цвет франков погиб в этой битве, пал старый барон Макарий Менегу, герой войн с Ласкарем.

Эти события 1224 г. похоронили для франков всякую надежду. Ватаци завладел азиатскими владениями императора Роберта так же быстро, как Феодор Эпирский — европейскими. У Роберта остался лишь Константинополь. Защищаться он не думал и не мог. Вымерли сподвижники Генриха, скончался и Конон Бетюн. Вся надежда оставалась на Запад. Роберт посылает послов к папе Гонорию, умоляет помочь; папа в свою очередь просит французскую королеву Бланку спасти «Новую Францию». Пока могла притти помощь, нужно было мириться с греками во что бы то ни стало. Роберт уступил Ватаци все владения в Азии, даже Пиги, оставив за собою только округ Никомидии (1225 г.). Ватаци в свою очередь отпустил к Роберту его невесту Евдокию, дочь Ласкаря, которую задерживал несколько лет. Роберт за это время увлекся дочерью одного рыцаря и отнял ее у жениха, поместив ее с матерью в своем дворце. Приехавшая Евдокия предпочла выйти за одного из крупных вассалов Роберта. Составилась партия рыцарей, возмущенных поведением императора; они ворвались во дворец, утопили мать и изуродовали дочь. Роберт уехал к папе жаловаться на своих вассалов и на пути оттуда умер (1228 г.), оставив по себе бесславную память.

Малолетний брат Роберта Балдуин остался законным наследником престола. Но положение империи требовало авторитетного правителя, облеченного всею полнотою власти, какой мог располагать в Романии император. Опять часть баронов обращала взоры на север. Они предлагали на этот раз не венгерского короля, но болгарского — Иоанна Асеня, зятя венгерского короля, притом в качестве не императора, но опекуна Балдуина, предполагая обручить его с дочерью Асеня. Другая часть баронов, между ними прикосновенные к оскорблению Роберта, предпочитали лицо, ничем не связанное с домом Куртенэ, и указывали, что опасно доверяться варвару. Хотя могущественный Асень обещал очистить Романию от греческих войск, получила перевес, к вреду для франков, враждебная ему партия. Была выдвинута кандидатура бывшего иерусалимского короля Иоанна Бриеня,* изгнанного Фридрихом Гогенштауфеном и служившего началь-

* Johann Brienne *(Ред.)*

ником папских войск против Фридриха; это был старик громадного роста и с репутацией храброго и опытного воина. Папа был, конечно, на его стороне, и Бриень был избран не регентом, но императором-соправителем, и было условлено обручение его дочери с юным Балдуином. До совершеннолетия последнего Бриень должен был править империей в качестве соправителя на время, как было обычно во французском феодальном праве, а затем получить или Никейское царство от Никомидии до Архипелага, или европейскую Романию, владения Феодора и Асеня, уже в качестве вассала Балдуина. Так далеко шли мечты и надежды франков и курии, таков был ореол воинской славы Бриеня. Он привел с собою значительное войско и был встречен в Константинополе как избавитель (1231 г.). Бриень однако не оправдал надежд. Старость взяла свое, он был осторожен и так скуп, что солдаты переходили от него к Асеню. Два года Бриень провел без дела, не было ни мира, ни войны, такое домоседство было необычным для французов.

Ватаци не подавал повода к разрыву и вел с папой переговоры о соединении церквей. В 1233 г. наконец Бриень собрался в поход, выждав удобного момента, когда флот Ватаци был занят на Родосе (против кесаря Леонтия Гавалы, местного династа). Бриень высадился в Лампсаке, но подвигался медленно, придерживаясь берега, взял одну крепостцу возле Кизика и случайно г. Пиги (ныне Бига), с тем и вернулся в свою столицу. Ватаци нанес ему более чувствительный удар. Он заключил союз с Асенем и обручил сына Феодора с дочерью Асеня Еленой, хотя оба были еще дети. Союз могущественных соседей поставил франков в опасное положение. Бриень, забыв свою гордость, просит помощи у Венеции, Виллырдуэна Ахейского, у преемника Гонория папы Григория IX (1227—1241 гг.). Все они откликнулись горячо. Весною 1235 г. Ватаци осадил и разорил венецианский укрепленный город Галлиполи и встретился с Асенем; они отпраздновали свадьбу своих детей (11 и 9 лет!). Во главе громадного, до 100 000, войска союзники двинулись двумя колоннами, опустошив Фракию до самой Марицы, и обложили Константинополь с суши и с моря.

При этом случае Бриень показал свою прежнюю доблесть. Имея под рукой всего 160 рыцарей и нескольких сержантов, он сделал вылазку и в открытом бою погнал полчища варваров. Таково было превосходство вооружения и личная доблесть франков. Выйдя за приморские ворота, латинская пехота напала на высадившихся греков и, при помощи подоспевшего венецианского флота, захватила 24 греческих корабля. Союзники были отбиты с большим уроном, но решили вернуться, подготовившись еще лучше. Положение Константинополя, почти отрезанного с суши и с моря, продолжало быть опасным. Папа энергично готовил помощь; особенно рассчитывал он на Венгрию. Первым явился Виллы̆гардуэн Ахейский на 6 кораблях, наполненных отборным войском; он пробился сквозь

флот греков; купеческие корабли итальянцев Константинополя ударили на греков со стороны Рога, и флоты Ватаци и Асеня были разбиты.

Эти успехи не изменили дела. События последних лет ослабили Латинскую империю. У нее не осталось владений, кроме окрестностей столицы. Не было доходов ни у правительства, ни у баронов, ни у духовенства. Они лишились своих крепостных и впали в крайнюю нужду. Выгоды от транзитной торговли обогащали преимущественно венецианцев, свободных от обложения на содержание двора и войска. Возвратить доходные провинции из рук Ватаци и Асеня не было никакой надежды. С тех пор правительство и сам император были обречены на нищенство при дворе у государей Европы и у курии; несмотря на щедрые дары из Европы и на громадную ежегодную субсидию от Виллыгардуэна Ахейского (22 тыс. иперпиров), должны были продавать или закладывать драгоценности и святыни. Из такого положения был один выход — ликвидация империи, однако она продержалась еще четверть века.

В 1236 г. молодой Балдуин впервые отправился в Европу просить денег и войска. В Риме папа Григорий его принял с почетом, написал государям и епископам Франции, Англии, Венгрии послания, прося помочь Константинопольской империи. Папа предложил епископам, баронам и рыцарям, давшим обет паломничества, обратить свое оружие сначала на врагов Константинополя, объявив отпущение грехов всем желающим служить Константинопольской империи, и снабдил этими буллами Балдуина. Во Франции молодой император явился ко двору Людовика Святого и его матери Бланки, с которыми он состоял в родстве и лично, и по жене, дочери Вриенния. Французский двор был самый богатый в Европе. Людовик обласкал Балдуина и отдал ему в родовую вотчину Куртенэ. Затем Балдуин отправился во Фландрию, где занялся собиранием своих наследственных земель, захваченных его родными; с собственной сестрой он даже воевал из-за Намюра. За всем тем проходило время, тратились деньги, собранные в пользу Константинополя. Собиралось однако большое войско. Часть его отправилась в св. Землю, несмотря на угрозы Фридриха Гогенштауфена. Снаряжали дружины король Наваррский Тьерри, графы Бретанский и Суассонский, в сочувствии недостатка не было; между тем Балдуин все не ехал. Наконец приехали послы из Константинополя с известием о смерти Бриеня (1237 г.) и просьбою не задерживаться в Европе. Нужда дошла до того в Константинополе, что регент де-Кайе (Cayeux) с согласия баронов заложил терновый венец Христа венецианцам. Эта святыня была выкуплена Людовиком Святым и перевезена в Париж. Лишь Виллыгардуэн Ахейский и венецианцы поддерживали изнемогавшее правительство империи. Сопровождавший Балдуина Иоанн Бетюнский, оставшись в Италии, собрал было войско и выступил на Восток, но умер в Греции, и войско его разбрелось. Германский император Фридрих относился

Продажная запись на землю.

Документ относится к 1246 году. Из собрания Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (греч. 380). Публикуется впервые.

враждебно ко всякому предприятию, поддерживаемому папой. Он даже вступил в сношения с Ватаци. Греческий царь обещал признать Фридриха своим сюзереном. Он настолько чувствовал себя сильным в отношении к константинопольским баронам, что даже предлагал им уйти из столицы и обещал их выпустить беспрепятственно со всеми их сокровищами. Между тем Балдуин все мешкал, проживая то в родной Фландрии, то при различных дворах. Лишь в 1240 г. он выступил в Константинополь во главе громадных по тому времени сил: 700 баронов и рыцарей, 30 000 конных, большого числа пехоты. По ходатайству Людовика Французского, которого одного боялся Фридрих, армия Балдуина была пропущена через южные провинции Германской империи, прошла беспрепятственно через Венгрию и Болгарию и прибыла в Константинополь, где Балдуин был коронован латинским патриархом Николаем (1240 г.).

Независимо от этой крупной помощи, оказанной и на этот раз Европой, положение империи несколько улучшилось после смерти Бриеня. Царь болгарский Иоанн Асень резко переменил свою политику в отношении к грекам и франкам. Он разорвал с Ватаци, вытребовав у него свою дочь, и завязал сношения с папой, прося послать ему легата, что Григорий исполнил с радостью. Асень даже заключил союз с франками, которых Ватаци держал в осаде. Франки уже не гнушались северными варварами и братались даже с половцами, соблюдая их дикие обычаи. Сам регент де-Туси женился на дочери половецкого князя, язычника, перекочевавшего с севера за Дунай, спасаясь от татар, и когда этот тесть умер в Константинополе, население наблюдало зрелище тризны и заклания рабов и коней на его могиле за городскими стенами. Асень во главе большого войска соединился с франками и осадил занятую войсками Ватаци крепость Цурул (ныне Чорлу), но встретил храбрый отпор со стороны начальника гарнизона Никифора Тарханиота, впоследствии великого доместика войск Ватаци. В то же время Асень получил известие о внезапной смерти своей жены (Анны Венгерской, дочери архиепископа тырновского) от моровой язвы и поспешно отступил в свою столицу. Он даже примирился с Ватаци и послал ему свою дочь, юную жену наследника Ватаци. Франкам пришлось снять осаду.

В это время и прибыл Балдуин со своим большим войском. Осада Цурула была немедленно возобновлена. Новый комендант Петралифа сдался и был уведен в Константинополь. Такого успеха франки не имели давно, но он был последний. Ватаци методически отнимал последние владения франков на азиатской стороне, взял область Никомидии, занял Даскилий в юго-восточном углу Мраморного моря, воспользовавшись отъездом его владельца де-Мери во Францию: бароны покидали Восток, как только им открывалось более спокойное наследство во Франции.

Теперь все берега Мраморного моря оказались в руках греков, хотя в 1241 г. венецианцы разбили флот Ватаци.

Смерть Асеня (1241 г.) и малолетство его наследника изменили планы Ватаци, ему казалось возможным и более верным сначала захватить владения болгар во Фракии и Македонии. Для облегчения себе этой задачи и задуманного им завоевания Салоник Ватаци заключил мирный договор с франками. Правительству Балдуина было ясно, что это перемирие — не более, как отсрочка завоевания Константинополя греками. Не надеясь уже на собственные средства, Балдуин, ранее имевший помощь половцев и болгар, ныне ищет союза у турок.

Султан Гийас-ад-дин Кей-Хюсрев II охотно пошел навстречу желанию Балдуина и предложил наступательный и оборонительный союз, скрепив его по обычаю браком. Он гарантировал своей будущей невесте свободное исповедание христианской веры (сам Гийас-ад-дин был сыном гречанки). Он обещал выстроить и содержать христианские церкви в городах своего государства и подчинить римскому престолу всех живущих в султанате греческих и армянских епископов. Балдуин уже начал сватать султану одну из принцесс Франции, когда Ватаци расстроил его планы, заключив мир с тем же султаном (1243 г.). Для последнего Ватаци был полезнее на случай нападения татар, чем франки. Действительно, татары отступили, прослышав о союзе султана Рум в Иконии и греческого царя в Никее.

Но положение франков сделалось безнадежным. Из Европы Балдуин привел большую армию, но содержать ее было нечем, и она немедленно начала таять. Как ни изыскивал папа доходные статьи для императора и патриарха в Константинополе, как ни щедры были западные государи с французским королем во главе, константинопольское правительство не могло существовать субсидиями, подачками и финансовыми ухищрениями, несовместимыми с его достоинством. Собственных доходов почти не было после захвата греками всех земель и крепостных как баронов, так и прелатов.

Но даже при подобных обстоятельствах константинопольское правительство не думало опереться на немногих греков, оставшихся ему верными. Балдуин пишет королеве Бланке Французской, что, повинуясь ее настояниям, он не намерен следовать советам двух своих греческих сановников, но будет доверяться исключительно французам: полная противоположность политике Генриха, который укрепил франкскую монархию не только своими победами, но и терпимостью к грекам. Впрочем, во времена Балдуина II и Ватаци не оставалось никаких надежд на примирение греков, имевших за собою сильное национальное царство Ласкаридов, с оскудевшим латинским правительством; последнее не могло прокормить ни себя, ни армию, ни латинский клир, будучи лишено земель и крестьян, которые на него работали прежде.

Международное положение империи Балдуина ухудшилось. Исконный враг римской курии Фридрих II Гогенштауфен завязал сношения с Ватаци и выдал за него дочь свою от морганатического брака с Бианкой. Отношения Фридриха к Балдуину были полны подозрительности. Германский император требовал от константинопольского ленной присяги, считая лишь себя законным преемником римских цесарей. Фридрих препятствовал отъезду крестоносцев из гаваней южной Италии, мы видели выше, что сам Балдуин мог получить пропуск через земли Фридриха лишь благодаря французскому королю. С другой стороны, Венеция не высылала военной помощи Балдуину; являлись регулярно лишь караваны ее купеческих судов. Для республики имели важность лишь торговая монополия, интересы венецианских колоний и церквей.

Балдуин вторично едет на Запад. Только оттуда он ожидает спасения, прежде всего денежной помощи. Его маршал уже находился во Франции, посланный с той же целью. Правда, Балдуин, благодаря громкому своему званию и связям, играет еще политическую роль и на Западе. Он является примирителем Фридриха с папой, но его хлопоты сопровождались кратковременным успехом. В 1245 г. папа отбыл в Лион и созвал церковный собор для разрешения конфликта с Фридрихом и для устройства восточных дел. На соборе Балдуин занимал место справа от папы. Присутствовал и константинопольский патриарх Николай. Он жаловался на соборе, что у него из 30 викарных епархий осталось всего три. Остальные отняты греками, которые подступили к стенам Константинополя и жестоко преследовали верных папскому престолу. Собор отлучил Фридриха от церкви и поставил ему в вину союз с Ватаци. На воспособление империи Балдуина были назначены доходы с вакантных, особенно богатых, церковных бенефиций, десятая доля жертвуемых курии сумм и некоторые другие поступления в пользу церкви. Патриарх Николай получил звание легата и связанную с ним крупную долю доходов с церковных имуществ в Ахейском княжестве. Римская церковь, холодно относившаяся к константинопольской империи в блестящую пору ее существования, кончила тем, что отожествила свои интересы с сохранением константинопольского правительства, когда уже и курия не могла его спасти. Вместе с папой Балдуин отправился в Клюни, затем прожил при дворе Людовика целых 2 года. В Константинополе оставались императрица Мария и регент де-Туси; правительство терпело уже такую нужду, что снимало с церквей и дворцов свинцовые крыши. Папа изощрялся в способах помочь Балдуину. Францисканцам было предписано отбирать в его пользу имущества, добытые ростовщичеством и другими незаконными путями. Уступлены были даже суммы, оставленные по завещаниям на благотворительные цели. Продавались индульгенции, но всего этого было недостаточно. Балдуину хотелось проживать в Европе по-царски. Пышный французский двор манил его более,

чем обнищавшая столица на краю Европы. Балдуин начал занимать деньги и под мощи, и под векселя у итальянских купцов. То же самое делала его жена в Константинополе, умоляя свою тетку, королеву Бланку, уплатить сделанные ею долги. Балдуин был еще во Франции, когда царь Ватаци напал на крепость Цурул. Франки уже не пытались ее защищать. Ватаци взял и Визу, так что у константинопольского правительства не осталось во Фракии ничего, кроме ближайших окрестностей столицы. Самого Константинополя Ватаци не осаждал, зная, что он попадет в руки греков, и занялся завоеванием Архипелага. А Балдуин II все еще устраивал свои личные дела и отчуждал последние святыни византийского дворца, скрепляя грамотами за золотой печатью их передачу французскому королю, своему покровителю. Несмотря на все подобные операции, Балдуин немедленно по возвращении в Константинополь занял у купцов крупную сумму и послал императрицу во Францию, чтобы просить ее родственницу, королеву Бланку, уплатить за них этот долг. Балдуин смотрел на французский двор как на свое последнее прибежище. Он последовал за Людовиком Святым, отправившимся в крестовый поход, оставался в его лагере в Египте и Сирии, прося денежной помощи. Новый латинский патриарх Константинополя, знатный венецианец Пантолеон Джустиниани, отдает в залог, с разрешения папы, церковные имущества и занимает у правительства венецианской республики крупные суммы на уплату неотложных долгов. Даже цветущая, казалось бы, венецианская колония в Константинополе стала занимать у своей метрополии на свои настоятельные потребности. Республика недостаточно оценила угрожавшую латинянам опасность в Константинополе и сосредоточила свои силы на ожесточенной борьбе с Генуей на побережьи Сирии. Впрочем, венецианцы предпринимали некрупные экспедиции и отвоевали у болгар Месимврию на Черном море и обрели там главу великомученика Феодора. Серьезные меры были приняты Венецией тогда, когда никейский император Михаил Палеолог разбил латинян в Греции, заключил союз с Генуей и, подступив к Константинополю, угрожал Галате.

В Константинополе царила нужда и отчаяние. Забыты были празднества и турниры, когда стало ясно, что жить нечем и предстоит уходить. Снимали медные крыши с церквей или дворцов и переплавляли в монету. Ломали потолки и полы ценных построек на дрова. Украшения церквей распродавались открыто. Население города таяло, торговля прекратилась. Не стало покупателей для заморских товаров. Не только высшие классы, но и население окрестностей, разоренное войнами и грабежами диких куман, выселилось во владения Ватаци. Продукты, которыми окрестности кормили столицу, исчезли с рынка. Следствием нищеты явились беззаконие и грабежи; шайки «добровольцев» бродили под городом и грабили, не щадя ни франков, ни греков. Общая деморализация перешла на высшие

классы, и не было среди правительства и духовенства лиц, способных поднять дух. Не говоря о скандальном царствовании Роберта, и Балдуин, только и мечтавший о сладкой жизни в Европе, подавал баронам дурной пример. Эмигрировали в Европу те, кто могли устроиться, получали наследство. Длившееся годами отчаяние перешло в апатию, и латиняне ждали неизбежного конца своей власти в греческой столице, утратив все средства и надежды.

Среди баронов были люди, предпочитавшие сдать город грекам. Один из них, бывший в свойстве с Никейской династией, вступил в тайное соглашение с царем Михаилом Палеологом и собирался впустить греков в город, владея усадьбой у городской стены, но этот план стал известен Балдуину. Изменника даже не предали суду: у императора оставалось уже одно имя.

Таково было состояние латинской империи перед возвращением Константинополя в руки греков. Это событие мы относим к истории Никейского царства как ее завершение, осуществление политических идеалов никейских царей, начиная с Ласкаря.

Слабый Балдуин как сдал свою столицу без боя, так и не пытался возвратить ее с оружием в руках. Вместе с венецианцами, их подеста Градениго и патриархом Джустиниани он отплыл сначала на Евбею и в Афины, где принимал еще дары вассалов и посвящал в рыцари, затем в Европу. Разоренный, распродавший родовые земли во Фландрии, он проживал при различных дворах, продавая государям и баронам грамоты на земли, которые более ему не принадлежали. Наиболее важным его актом была уступка неаполитанскому королю Карлу Анжуйскому прав на Грецию, Эпир, Македонию и западную часть Архипелага за возвращение ему, Балдуину, Константинополя (1267 г.); в случае, если после смерти сына Балдуина, Филиппа, не останется наследников, Карл Анжуйский получал все права на империю Романии. Но ликвидация последней произошла без деятельного участия Балдуина. Ее судьбу решали греки и венецианцы.

Латинская империя погибала от внутреннего бессилия и под ударами сильнейших врагов, не оставив по себе ни одного культурного памятника в столице. Процесс закончился быстро, всего в течение полувека.

В Греции франкские государства в течение XIII в. были цветущими и богатыми. Они счастливо справились с греческим населением и примирили с собою громадное его большинство. Они значительно пережили латинскую империю в Константинополе и приютили у себя изгнанных ее баронов. Франки Греции привили архонтам свои нравы, усвоили их язык, не оставляя собственного, и породнились с греками настолько, что образовалось смешанное население. К нему принадлежал автор знаменитой Морейской хроники, посвященной описанию подвигов Вилльгардуэнов,

написанной по-гречески и рано переведенной на романские языки: феодальное обычное право, Ассизы Ахеи, управляло политическими и гражданскими отношениями не только франкского, но и подвластного греческого населения. Прочность власти, культурная и предприимчивая аристократия и богатство страны развили строительство, возникают аббатства и замки, с Мистрой во главе.

Центром политической и культурной жизни Греции был двор князей морейских Виллъгардуэнов. Первый из них, Готофред, или Жоффруа I,* умер в 1218 г. «Плач пошел по всей Морее, так народу был он дорог за хорошее правленье и за правду и за ум», — отзывается Морейская хроника.

Время его сыновей Готофреда II ** (1218—1245 гг.) и Гильома II *** (1245—1278 гг.) было апогеем франкского культурного и политического влияния в Греции. Бароны Ахеи славились по всей Европе. Знатнейшие рыцари всего мира были в Морее, по словам хроники Мунтанера, все они были самой знаменитой крови. Они выбирали себе жен из знатнейших домов Франции, и у них говорили столь же хорошим французским языком, как в Париже. Одни из баронов выстроили себе укрепленные замки на утесах, другие жили в помещичьих усадьбах, разбросанных по плодородным долинам. Сохранившиеся в Морее развалины замков свидетельствуют о великолепии жизни баннеретов, крупных вассалов, имевших право на собственное знамя. Иные из них, как бароны Аковы или Каритены, выставляли сотни воинов и десятки рыцарей. При дворе Жоффруа Виллъгардуэна жило постоянно 80 рыцарей с золотыми шпорами, выходцы из Иль-де-Франса, Бургундии и особенно Шампани, откуда родом была сама княжеская семья. Одни из этих рыцарей явились на Восток из любви к приключениям, другие — спасаясь от долгов, третьи — от суда за преступления на родине. Все они жили на полном содержании и получали жалованье от князя. Доверенные князя посылались ко дворам баронов для наблюдения, как они живут и управляют своими подданными. Так поступал Готофред II, по словам венецианца Санудо. Греческие архонты, присягнувшие князю, вошли в феодальную систему и стояли на равной ноге с латинскими вассалами. Города сохранили выборные власти, местные обычаи, льготы и привилегии времен византийских царей и, главное, избавились от византийских чиновников. Благосостояние возросло. Доверие и законность были так велики, что купцы ездили по стране без наличных денег, выдавая расписки, которым верили продавцы. Обычное право и патриархальный быт заменили крючкотворство византийских судов. Крестьяне судились у баронов, что при рыцарском характере первых завоевателей страны было благодетельно. Примером был барон Каритены, от

* Geoffroy I (Ред.).
** Geoffroy II (Ред.).
*** Guillaume II (Ред.).

которого никто не уходил с пустыми руками. Бароны судились у князя и в палате его баронов. Повинности, возложенные на каждый лен, и утвержденные князем решения его палаты, сообразные с феодальным правом различных областей Франции, заносились в особый регистр, или кодекс. Так было в королевствах Кипрском и Иерусалимском. Их Ассизы были руководством для судов Ахеи. Материал, относящийся к Ахее, т. е. список повинностей и решения судов, был редактирован в один кодекс позднее, в XV в., венецианским правительством, под именем Ассизов Романии и Ахеи, и присоединен к Ассизам Кипрского и Иерусалимского королевств.

Старший сын основателя династии Готофред II, или Жоффруа, не был особенно даровит, но лично был достоин уважения, которым пользовался, и родился под счастливою звездою. От отца он получил большие владения и прочную власть. Морейское княжество при основании обнимало собственную Морею, т. е. Элиду и Мессинию, и область Патр; Готофреду II достался почти весь полуостров, кроме Монемвасии и горцев юго-западной части. Франкская Ахея — имя, означавшее совокупность земель на полуострове и островах. От отца он унаследовал признанное Равенникским парламентом право объявлять войну и заключать мир, высшую и низшую юстицию, т. е. право разбирать уголовные и гражданские дела и налагать наказания до смертной казни включительно, также право чеканить монету, которое имели впрочем и вассалы меньшего значения. Сам Жоффруа получил титул князя (вместе с званием великого доместика) и притом в начале своего счастливого правления, без всякой политической борьбы.

Связано это было с его романтической женитьбой. Морейская хроника рассказывает о сестре императора Роберта Агнесе, посланной с блестящей свитой к жениху, королю аррагонскому; корабли пристали к Понтикокастро в Элиде; юный князь, бывший поблизости, пригласил принцессу погостить и по совету окружающих предложил ей руку и сердце, так как во всей Морее не было для него невесты, подходившей к нему по знатности. Корабли Роберта отсылаются обратно с извинениями счастливых новобрачных. Роберт разгневался, но вскоре рассудил, что лучшего зятя, более полезного для Константинопольской империи, не было. Встретившись с Жоффруа в Ларисcе, император пожаловал ему звание великого доместика Романии и сюзеренные права над Наксосом и прочими Кикладами — владениями венецианца Санудо. Такова легенда; ее историческое зерно проще. Жена и дочь погибшего в Эпире императора Петра Куртенэ на пути в Константинополь высадились в Морее, и брак был заключен по взаимному желанию. Вслед за тем Жоффруа получил от императора титул князя.

Столицей Морейского княжества, или точнее резиденцией Жоффруа, была Андравида, расположенная среди плодородной равнины и открытая со всех сторон. Воля отца и экономическое значение местности привязы-

вали молодого Жоффруа к области Андравиды. Для целей обороны он строит великолепный замок Клермон, носивший у греков имя Хлемуци, возле Гларенцы и Андравиды. Белые стены и постройки Клермона были видны со всех пунктов Элиды. Сохранились его величественные развалины, галереи, отчасти высеченные в скале, большой зал с полуцилиндрическим, ныне провалившимся сводом; все было выстроено из тесаного камня. При княжеском замке был устроен позднее монетный двор, где чеканились французские серебряные tournois, отчего замок получил название у венецианцев Castel Tornese.

Для его постройки были нужны большие средства, и князь не задумался наложить руку на церковные доходы. Только что с Мореи был снят интердикт, наложенный на его отца. С 1220 г. воспоследовал новый, распространенный и на владения афинского «мегаскира» Оттона де-ла-Рош. Жоффруа на эти деньги строил свой замок, пока не окончил, и тогда объяснил духовенству, что иначе не мог поступить ради нужд обороны государства от греков.

Жоффруа II был менее даровит и предприимчив, нежели его отец и младший брат. Ему не пришлось бороться с такими трудностями, какие встретились и отцу и преемнику, брату Гильому. Благодаря богатству и прочной власти, унаследованной от отца, и своему достойному характеру, Жоффруа пользовался почетом и правил счастливо. Он имел дело с дружиной западных рыцарей, пересаженной на чужеземную почву. Туземцы были одной веры с завоевателями, так как большинство их приняло унию, а прочие отличались лишь обрядами и церковным строем; одно духовенство было непримиримо и опреснокам придавало значение почти догмата. Культурный уровень покоренного населения бы не ниже, чем у завоевателей. В Греции был ряд цветущих промышленных и торговых городов, как Фивы и Монемвасия. Завоеватели заключили с городами полюбовные соглашения, уважали вольности и обычаи, становились на место греческого правительства в отношении к различным классам населения, избавив их от вымогательств византийских чиновников и установив безопасность в стране. Главной обязанностью князя оставалась организация военного класса на основании феодального обычного права. Для надзора за жизнью вассалов и их обращением с подвластными свободными и крепостными людьми князь Жоффруа посылал время от времени своих доверенных людей; верхняя палата в Андравиде пользовалась таким весом, опять-таки на основании феодального права, что при конфликте княжеской власти с частными интересами князь слагал с себя председательство и защищал свои интересы как частное лицо. Такой случай известен при Гильоме.

Морейское, или Ахейское, княжество процветало при Жоффруа, и отношения ко второму по силе государю франкской Греции, именно к афинскому «великому господину», были дружественные, как ни старались вене-

цианцы поселить между франками раздор. Жоффруа имел ежегодный доход в 100 тысяч золотых иперпиров, мог содержать блестящий двор, даже на французский взгляд, и вместе с тем щедрою рукою помогать погибающей, истощенной Константинопольской империи. Ежегодно посылал он императору 22 000 золотых иперпиров, доставлял 100 рыцарей и содержал их на свой счет. Неоднократно он снаряжал корабли и являлся лично на помощь осажденному Константинополю. Богатое духовенство Мореи со своей стороны, по приказанию римской курии, помогало латинскому патриарху. Император Балдуин пожаловал сюзеренные права над Евбеей и графством Бодоницей, т. е. и над средней Грецией, и даже подарил ахейскому князю свою родовую вотчину Куртенэ в отплату за оказанную помощь. Король Франции Людовик Святой не утвердил этой сделки. Балдуин показал себя в невыгодном свете, оправдываясь перед Людовиком тем, что в момент приезда ахейского князя в Константинополь в столице царил голод, и он, Балдуин, не знал, куда итти и что делать; не удивительно, что он уступил требованию Жоффруа; и если бы князь потребовал больше, то Балдуин не мог бы ему отказать; а теперь он был рад приговору короля, как будто получил другое равноценное имущество. Жоффруа после этого продолжал посылать Балдуину деньги и людей, но сам более к нему не ездил.

Жоффруа II скончался в 1245 г. и, будучи бездетным, оставил престол младшему брату Гильому; по воле умершего была выстроена в Андравиде базилика св. Иакова над гробницами Жоффруа II и его отца Жоффруа I; аббатство его было отдано тамплиерам.

Гильом (1245—1278 гг.) был даровитым представителем поколения, родившегося уже в Греции. У него были качества государя — организатора страны. Немедленно он предпринял и выполнил крупнейшие государственные дела: покорение последней греческой твердыни, подчинение горцев Тайгета, создание ряда укрепленных замков с Мистрой во главе. В умиротворенную восточную Морею Гильом перенес свою столицу. Но к концу его правления начался неизбежный, ускоренный неосторожным походом в Пелагонию, упадок государства пришельцев, когда греческая нация сплотилась вокруг своего царя на древнем троне Константинополя. Несмотря на энергию Гильома, франкское княжество было изгнано из созданной им Мистры и продолжало существование без надежд, будучи заключено в старые границы собственной Мореи. Судьбы этого княжества увлекали в свое время читателей Морейской хроники, современников, переведших ее на романские языки, и занимают исследователей ныне, со времен Бюшона. В отношении Европы, особенно Франции, Морейское княжество — следует рассматривать как эпизод колонизации Западом европейского Востока, сопровождавшийся таким успехом, который в дальнейшем в истории Франции больше уже не повторился.

Укрепив женитьбой на одной представительнице рода Dalle Carceri права на Евбею, Гильом приступил к главному делу своей жизни — покорению юго-восточного Пелопоннеса. Здесь оставалась свободной от франкской власти греческая Монемвасия, торговый приморский город на неприступной скале с единственным подступом с суши (отсюда имя города, от слов μονή ἔμβασις). Чтобы получить флот, необходимый для осады Монемвасии, Гильом заключил договор с Венецией, подтвердив права собственности республики на гавани Корон и Модон и также обязавшись содержать венецианскую флотилию для охраны берегов Мореи. Затем Монемвасия была обложена с суши и с моря. Богатый город купцов и капитанов, суда которых ездили по всему Леванту, был обильно снабжен припасами и защищен неприступною своею твердынею. Три года отсиживались монемвасийцы, пока не пришлось есть кошек и крыс, и тогда лишь решились отдать свою независимость в руки Гильома. Условия сдачи были самые льготные: монемвасийцы остались свободными от всяких податей, лишь обязались служить во флоте, и то за плату. Когда в цитадели Монемвасии поселился франкский кастелян, подчинились и соседние цаконы, в диких ущельях покорились горцы, славяне-мелинги, стесненные новыми замками, созданием Гильома: Beaufort (Левтрон) и Великой Майной, вблизи старых Пассавы и Герака. Старшины мелингов предпочитали бороться за независимость до конца, но народ не пошел за ними; тем более, что Гильом предложил им выгодные условия: мелинги были освобождены от всяких податей и привлечены лишь к военной службе в качестве легкой цаконской пехоты, как было в византийское время. Полвека длилось покорение Мореи.

Чтобы держать покоренную восточную Морею в крепких руках, Гильом замыслил перенести резиденцию из Андравиды, из Клермона, в область Лакедемонии. Поблизости этого средневекового греческого города, заменившего античную Спарту, он отыскал на предгорье дикого хребта, имеющего форму усеченного конуса и прозывавшегося Мизитрой (козий сыр), удобное место для царственного замка и выстроил знаменитую Мистру (по-французски слово звучит иначе и имеет смысл «государев город»). С любовью он обстраивал новую резиденцию в течение ряда лет. Но постройки первого франкского периода поглощены позднейшими византийскими времени деспотата Мистры, и до истории последнего отложим их описание.

К 1250 г. Гильом Виллльгардуэн был на верху своего могущества. Его двор славился по всему латинскому Востоку и был богаче иных королевских. При нем жило до тысячи конных воинов, и знатные молодые люди не только из княжества, но даже из чужих стран проходили науку рыцарского воспитания. Подолгу гостили знатнейшие бароны и монархи, тем

охотнее, что Гильом выписал из Франции трех своих племянниц и выдал их за государей Греции.

Политическое ослабление Ахейского княжества началось с раздоров между самими франками, а также между ними и венецианцами. Могущество Гильома сплотило его противников. Поводом к враждебным действиям послужило вмешательство в дела Евбеи Гильома, опиравшегося на свое наследственное право сюзерена острова и на права по второму браку с одной из Dalle Carceri. В 1255 г. умерла Каритена Dalle Carceri, имевшая право на одну треть острова, и Гильом пожелал вступить в ее права.

Между тем еще при брате Гильома Венеция утвердилась на Евбее и смотрела на остров как на ценную свою колонию. Бывший при императоре Генрихе мятеж ломбардских баронов имел последствием утверждение венецианского господства на Евбее. Стесненный Генрихом владелец острова, веронец Равано Далле Карчери, ходатайствовал о принятии его в подданство Венеции. Это дало республике повод вмешаться в дела острова. В 1209 г. Равано признал республику своим сюзереном, обязавшись ежегодно платить 2100 иперпиров, также посылать златотканную одежду для дожа и такой же покров на престол храма св. Марка. Венецианцам были предоставлены право повсеместной торговли, церкви и гостиные дворы во всех городах острова. Грекам были гарантированы по ходатайству тех же венецианцев церкви и привилегии, которыми они пользовались при императоре Мануиле Комнине. Для управления венецианскими колониями был назначен байльи, или наместник, в помощь ему приданы три советника и двое судей. Венецианское влияние господствовало на Евбее до самого турецкого завоевания. По смерти Равано байльи является посредником между его вдовою и дочерью, двумя усыновленными племянниками и двумя сыновьями Гвоберто, другого государя на Евбее. Байльи разделил каждую треть острова пополам и предоставил две половины трети соответственной паре наследников с тем, чтобы в случае смерти одного из сонаследников принадлежавшая ему шестая доля острова переходила к его сонаследнику. Столица оставалась общей для всех. Сам байльи поселился во дворце Равано. Он получал от республики большое жалованье, сначала 450, а в конце XIII в. — 1000 иперпиров (11 300 фр.). Венецианские меры и весы вошли в употребление на острове. Венецианская церковь в Халкиде получала $2^1/_2$% с наследств умиравших на острове венецианцев. Евбея превратилась в цветущую итальянскую колонию, отнюдь не французскую.

Таково было в общих чертах состояние Евбеи ко времени конфликта с Гильомом Виллардуэном. В Аттике и Виотии после отъезда на родину первого «мегаскира» Оттона де-ла-Рош правил его племянник Гюи, или Гвидон I (1225—1263 гг.). Жил он в Фивах, центре шелковых мануфактур, разделяя власть над городом с фамилией баронов Сент-Омер. Генуэзцы вели в Фивах большую торговлю и держали своего консула. Бароны

Сент-Омер славились своим богатством во всей Греции, и, конечно, де-ла-Рош не уступали им в богатстве. Опираясь на союз с Генуей, окруженный тремя испытанными в бою братьями и цветущим потомством, опираясь на фамилии Сент-Омер и маркиза Бодоницы, который не считался с номинальной зависимостью от Морейского князя, — Гвидон де-ла-Рош к середине XIII в. находился на верху могущества и счастья, как и Гильом Ахейский. Он был вассалом Гильома лишь по тем своим владениям, которые находились в Греции, и во всяком случае ленной присяги Гильому он не приносил.

Со своей стороны Гильом был одиноким и последним представителем своего славного рода. Зато он мог рассчитывать на ряд крупных вассалов, с частью которых состоял в свойстве. В Акове владели де-Розьеры; в Каритене — де-Брюйеры; в Велигости — де-Валенкуры; в Гераке — де-Нивелеты; в Калаврите — де-Турнэ; в Пассаве — де-Шарпиньи. Вся эта кровная французская знать была богата и вела, по словам Морейской хроники, самую прекрасную жизнь, какую может иметь человек на всей земле. Таково было вкратце соотношение главных сил франков к середине XIII в.

Морейский, или ахейский, князь был сюзереном Евбеи, получив эти права от константинопольского императора. По смерти названной бездетной Каритены Далле Карчери Гильом предъявил свои права на оставленную ею треть, именно баронию Ореос, в качестве сюзерена. Он даже отчеканил у себя в Хлемуци монету с титулом «терциария Негропонта». Произошел конфликт с правами других терциариев, отпрысков того же итальянского рода, за которыми стояла и Венеция. Гильом жаловался правительству республики на евбейского байльи, однако из этого ничего не вышло. При посредстве байльи составилась целая лига баронов и государей средней Греции против морейского князя. Оба евбейских терциария объявили себя вассалами Венеции, уступили республике таможни острова, большие земли и укрепленные пункты. Оба они обязались начать vivam guerram против Гильома в случае нарушения им мира и не заключать с ним перемирия без участия Венеции. Брат афинского государя, будучи вассалом Виллъгардуэна, изменил ему за богатые земли на Евбее, данные ему венецианцами. Наконец присоединился к лиге и сам мегаскир Гюи, оскорбленный надменностью Гильома Вилльгардуэна; он опасался к тому же, что ахейский князь, смотря на себя как на наследника прав салоникских королей, поставит и его, Гюи, в действительные вассальные отношения.

Первый период войны окончился благополучно для Вилльгардуэна. Враждебные действия начались на Евбее и сосредоточились у столицы острова. После 13 месяцев осады венецианцы взяли Негропонт у Гильома, но далее успехов не имели, и Гильом утвердился в захваченной трети. Когда же противники переманили к себе храброго Жоффруа де-Брюйера,

барона Каритены и племянника князя Гильома, последний напряг все силы и у горы Кариды в Аттике разбил Гюи Афинского. Тот скрылся в Фивах и был осажден победителем. Бароны Мореи явились посредниками, и мир был восстановлен на предварительных условиях, оставляя окончательный приговор королю французскому Людовику Святому. Гюи вместе с союзниками явился с повинною в лагерь Гильома и затем уехал к Людовику в сопровождении представителя противной стороны. Людовик и его легисты оправдали Гюи, так как он никогда не давал ленной присяги Гильому, и даже пожаловали афинскому мегаскиру титул dux Афин. В лагере под Фивами привели к Гильому и барона Каритены с веревкой на шее как нарушителя ленной присяги; все умоляли Гильома пощадить храбрейшего рыцаря и племянника, пока Гильом не смягчился; он оставил Жоффруа де-Брюйеру его лен Каритену в качестве личного владения и без права передачи по наследству в род Брюйеров. Мир, отпразднованный турнирами в Никли, дорого обошелся Евбее и средней Греции. Война велась с напряжением сил и без пощады стране. Венеция уполномочила нового байльи примкнуть к миру, заключенному между франками, и послала чрезвычайных послов ко двору Гильома.

Пора было латинянам мириться и подумать о защите общих интересов. Константинополь был накануне сдачи грекам. Дож призывал всех латинян Греции послать хотя бы одну тысячу воинов для защиты столицы Балдуина. Все латинские государи и бароны Греции, а также островов призывались к такому священному делу.

Грозившая опасность не укрылась от Гильома. Для отражения Палеолога и для обуздания баронов средней Греции у него не было лучшего союзника, как эпирский деспот Михаил II. Будучи бездетным, Гильом просил руки дочери деспота Анны, вступая через этот новый брак в свойство и с королем Сицилии, могущественным Манфредом из рода Гогенштауфенов, женатым на другой дочери эпирского деспота.

Вместо помощи Гильом был втянут в войну между греками, двумя Михаилами — Комнином Эпирским и императором Палеологом. Последний послал в Македонию армию, составленную из греков, турок, сербов, венгров, куман, и отряд немецких наемников. Манфред послал на помощь деспоту 400 немцев. Виллегардуэн явился лично во главе знатнейшего французского рыцарства. В Пелагонии произошло решительное сражение, имевшее гибельные последствия для Морейских франков (1259 г.).

Подробности, передаваемые Морейской хроникой, характеризуют общество того времени живыми красками. Рядом с деспотом Михаилом II играл большую роль среди греков его незаконный сын Иоанн, женатый на красивой дочери вождя Великой Влахии, выводившего свой род от мирмидонян Гомера. Чары красавицы вскружили голову молодым рыцарям Виллегардуэна, они носили ее цвета, бились на турнирах и слагали стихи в ее

честь. Греки на это посмотрели косо, и сам Иоанн явился с жалобой к Виллъгардуэну, который с французской надменностью дал ему понять, что он «несчастный бастард, недостойный биться с людьми знатного рода». Иоанн затаил злобу. При приближении вражеской армии во главе с севастократором Иоанном и кесарем Константином, братьями императора Михаила Палеолога, Иоанн дал им знать, что франки будут в сражении покинуты союзными греками, и в то же время убедил своего отца не вступать в бой против громадных сил Палеолога. Деспот Михаил испугался, пригласил Виллъгардуэна и его братьев и условился ночью тайно уйти от врагов, покинув лагерь и людей простого звания.

Храбрый барон Каритены был возмущен. Придя в свой шатер, ударил жезлом по столбу своего шатра и стал громко жаловаться: «Ты мне служил верою и правдою до сего дня, и если я тебя брошу, то я тебе изменю и утрачу твою службу. Хочу оправдать себя перед тобою и желаю, чтобы ты знал, что деспот, наш князь и мы, бароны Востока, поклялись и уговорились бежать нынче ночью, покинув наши ставки и людей. Я этого не могу сказать никому по данной мною клятве, но ты не человек, и я тебе подтверждаю, что это так, как я говорю». Весь лагерь услышал слова барона Каритены и пришел в смятение. Князь призвал своего племянника, барона Каритены, и начал его бранить, но тот ответил весьма гордо: «Я не сделал большого преступления и готов биться со всяким, кто будет меня порицать, кроме вас, моего сюзерена, которому я обязан повиновением. А советовавших бежать и бросить людей считаю подлецами, и если они желают называться рыцарями, то пусть возьмут оружие, как настоящие воины, звание которых они недостойно носят». Благородная речь барона Каритены заставила Виллъгардуэна одуматься, и через маршала отдан был приказ готовиться к битве. Ночью греки ушли, и франки остались одни, хотя не имели сами войны с Палеологом, но явились на помощь к эпирскому деспоту. Франков было один на пятнадцать врагов. Передовой полк был дан барону Каритены, и он бросился на врагов, — по Морейской хронике, на немцев герцога Ульриха, которого убил. Севастократор послал на помощь венгров и куман, которые стрелами перебили коней франков. Упал и барон Каритены. Севастократор подскакал к нему со словами: «Сдавайтесь, сеньор Каритены, брат мой!» — и поднял собственноручно знамя пленного барона. Сам князь Гильом попал в плен, его признали по выдающемуся зубу. Вся знать французской Мореи попала в плен к сборной армии Палеолога или погибла, и Гильом со знатнейшими баронами был отвезен в Лампсак к Михаилу Палеологу. Они томились в плену 3 года, напрасно предлагая выкуп. Михаил отвечал, что столь знатная добыча не может быть уступлена за золото, и требовал отдать ему Морею.

Тем временем пал латинский Константинополь, и оправданный афинский мегаскир, ставший герцогом, вернулся в Грецию. В Морее правила княгиня Анна с баронами. Является отпущенный из плена Жоффруа Каритенский с поручением передать уполномоченным Палеолога крепость Монемвасию, Мистру и Майну. Так договорился князь Гильом с императором за освобождение свое и бывших с ним. Он поклялся не воевать с Палеологом и даже крестил царского сына. Впрочем в качестве заложниц должны отправиться в Константинополь две знатные дамы.

На парламенте, созванном в Никли, афинский герцог (по Морейской хронике) и ахейские вассалы (по венецианцу Санудо) восстали против уступки Палеологу хотя пяди территории полуострова, предвидя гибель франкского дела («Conquesta»). Они находили, что князю лучше погибнуть в константинопольской тюрьме. Герцог де-ла-Рош даже предлагал лично заместить Гильома в Константинополе. Однако одержала верх партия мира, во главе которой стояла супруга пленного Гильома Анна Комнина, регентша Мореи. Сторонники мира указали, что уступаются Палеологу личные завоевания Гильома.

Однако грекам был отдан, кроме Монемвасии и выстроенных Гильомом Мистры и Великой Майны, также и старый французский замок Герак. Брат императора севастократор Константин Палеолог был назначен наместником греческой Мореи. Сверх того оказалось, что Гильом принес Палеологу ленную присягу и был утвержден им в звании сенешала Романии. Ахейский князь стал не только кумом, но и вассалом греческого царя. Событие это, случившееся вслед за возвращением Константинополя греками, знаменует конец франкского натиска на Восток и франкской независимости в Романии. История Морейского княжества получает лишь местный интерес. Мистра, главный памятник франкского творчества в Морее, становится греческой. Культурная роль франков была сыграна. Но долго еще длилось вымирание и разорение франкской Греции. Сам Гильом дал еще грекам почувствовать свою силу. Вернувшись из плена, он добился от папы разрешения от данной им присяги Палеологу. С Венецией было заключено мирное соглашение относительно Евбеи, в общем подтвердившее status quo до нападения Гильома на остров, причем сюзеренные права ахейского князя были признаны и Венецией. Особенно дружественные отношения между Гильомом и Венецией установились при доже Тьеполо. Общие интересы защиты против Палеолога сплотили недавних врагов.

Уже весною 1263 г. началась в Морее война между франками и греками. Гильом привел в порядок свои крепости и занял Лакедемонию, жители которой уведены были греками в соседнюю Мистру. Положение франков быстро изменилось, и в недавно принадлежавшей им восточной Морее они оказались врагами. Восстали не только греки, но и горные славяне-

мелинги. В Монемвасии высадился царский родственник Макрин с 5000 иконийских турок под начальством Салиха и Мелика. Греческими силами руководили наместник севастократор Константин Палеолог, храбрый Михаил Кантакузин, великий доместик Алексей Фил. Одновременно эскадра под начальством Алексея Филантропина была послана в Архипелаг; экипаж бы набран из монемвасийцев, цаконов и гасмулов (смесь франков с греками). Армии севастократора и Макрина было поручено покончить с франками в Морее. Гильом таких вражеских сил не ожидал, помощи из средней Греции не получил и отошел к Коринфу, собирая все свои силы. Греки же наступали на самое ядро франкского княжества, в собственную Морею, древнюю Элиду, направляясь к столице Вилльгардуэнов Андравиде. Греки и турки разорили Скорту (Аркадию), сожгли богатое аббатство в Исове, перейдя через Хелм, заняли Велигости, Приницу и Калавриту. Старый храбрый рыцарь Карабас был оставлен защищать Морею. Он был вассалом Жоффруа, барона Каритены, и заместил своего сюзерена на почетном посту по распоряжению Гильома. Легкомысленный герой Жоффруа незадолго перед тем бежал в Апулию вместе с красавицей — женою Карабаса. Жестокая подагра не помешала старику покрыть себя славою. Во главе 300 всадников, привязанный к седлу, он напал под Приницей на греков, смял их авангард и обратил всю армию в бегство; севастократор едва ускакал в Мистру. Настала зима, и греки отложили поход на Андравиду. Тем временем в течение 1263 г. папа Урбан IV уговаривал Палеолога прекратить войну. Весною армия севастократора, составленная из турок, греков и местных славянских и греческих горцев, наступала вновь на Андравиду. Кантакузин был убит в стычке, и севастократор вновь отступил и, под впечатлением двух неудач, уехал в Константинополь. Не получив жалованья, турецкий отряд покинул греков и перешел на службу к франкам; среди последних был один из константинопольских де-Туси и, зная по-турецки, явился посредником. В последовавшем сражении при Фанеромене Ансельм де-Туси играл главную роль и разбил авангард греков. Последними овладела паника, турки гнали их и убивали беспощадно. Три главных начальника — доместик Фил, Макрин и Алексей Каваллярий — спрятались в пещере и были взяты де-Туси. Полтораста архонтов и множество греков простого звания были приведены к Гильому в Велигости. Храбрый Фил упрекал Гильома в нарушении клятвы и скоро скончался в одном из франкских замков; Макрин был выменен на брата Туси, байльи при Балдуине. Население Скорты заявило покорность франкам, но по уходе Гильома и турок вновь восстало; Гильом опять наслал на них турок, и они жестоко разорили Скорту. Эта область принадлежала барону Каритены, которого не было на своем посту. Скоро он вернулся в Морею с повинной. Король Манфред, во владениях которого Жоффруа скитался со своей красавицей, предложил ему немедленно уехать, разъяснив

позор его поведения. Жоффруа не представлял себе в таком свете своего поступка, привыкши скорее действовать, чем рассуждать. Неизвестно, что он сделал с дамой. Нужны были просьбы всего рыцарства, военные заслуги Жоффруа, любовь к племяннику, чтобы смягчить Гильома; но он отдал Каритену Жоффруа в качестве нового личного пожалования. Сжалившись над землями Жоффруа, он отозвал турок и отпустил их с подарками на родину. Часть их, впрочем, осталась в Морее и переженилась на француженках, среди которых оказалось слишком много вдов за это время; потомство турок дало здоровое, крепкое племя. При неаполитанском дворе Гильом имел своего представителя и получал через его посредство деньги, оружие и хлеб, так как подвоз с Черного моря был прекращен греками. В последние годы жизни Гильом возобновил строительство; экономическое состояние княжества было хорошо, но политическая роль, независимость были утрачены. Лично Гильом занимал еще видное место среди государей Греции и Италии, являлся посредником в спорах. Но он пережил крушение своих планов, невозможность вернуть свое детище Мистру и подчинение хищному неаполитанскому королю. Как только Карл узнал о предсмертной болезни старого князя, он поспешил послать наместника и принять власть над Мореей (1278 г.).

Сотрудники Гильома сошли в могилу ранее его. Его племянник Жоффруа де-Брюйер, барон Каритены, скончался тремя годами ранее во время похода на горных славян, и вся страна оплакивала этого доблестного рыцаря и щедрого сеньора. Умер богатый барон Аковы, и его племянница оспаривала наследство у самого князя Виллырдуэна. Из одиннадцати фамилий баннеретов (баронов, имевших свое знамя) большая часть вымерла, лены других были захвачены греками, как Калаврита и Герак. Сыновей у князя не было, остались две дочери (Изабелла и Маргарита), безвременно сошел в могилу зять Филипп. Вместе с последним представителем славного рода Виллырдуэнов сошло в могилу, можно сказать, племя франкских завоевателей Мореи.

В дальнейшей истории полуострова творческая роль переходит к греческому деспотату Мореи. Франкские земли представляют безотрадную картину борьбы претендентов и разбойничьих банд, которая не имела никакого положительного значения и разорила страну, процветавшую при Виллырдуэнах.

Не менее планомерно, но другими путями развивалась венецианская колонизация на Леванте, и ее результаты были не столь блестящи, но более прочны.

В Греции французские рыцари, за которыми стоял французский двор и временами римская курия, носились с мыслью создать Новую Францию и устраивали себе веселую жизнь французских феодалов. Избыток сил,

несравненная воинская доблесть рыцарей и осторожная, благожелательная к подвластному населению политика Виллъгардуэнов осуществили то, что не удалось ни самому императору Генриху, ни Бонифацию Монферрату. Создалось на греческой почве устойчивое феодальное франко-греческое государство, способное к культурной работе, строительству и экономическому процветанию. Блестящий двор Виллъгардуэнов мог бы, вероятно, не будь катастрофы в Пелагонии, сделаться политическим центром латинской Греции, могло образоваться французское королевство на чужой земле и на чужих костях, не менее жизнеспособное, чем Австрийская и Бранденбургская марки.

Венеция имела в виду прежде всего обеспечить торговые пути в Египет, Сирию и Месопотамию. Соответственно тому она заняла Корфу, морейские гавани Корон и Модон, Крит и Евбею. Венецианская оккупация не заходила в глубь материка, и единственный опыт в этом направлении (Адрианопольская область при Генрихе) оказался неудачным. О создании новых государств республика не помышляла, наоборот, крепко держала в своих руках свои новые владения и не позволила константинопольскому подеста стать политическим центром для новых венецианских колоний на Леванте. Управление ими велось через назначаемых непосредственно республикою и на короткий срок губернаторов и высших чиновников, и на Крите губернатор не мог даже взять с собой свою семью.

Тогда как на поддержание латинских государств Леванта — выключая Грецию XIII в. — Запад нес громадные жертвы людьми и деньгами, купеческая Венеция извлекала из своих колоний неисчислимые выгоды и богатела с каждым годом. Щедро вознаграждая своих сограждан, посылаемых управлять колониями, и давая им нажиться, республика не входила в непроизводительные траты и там, где выгоды были не столь велики и верны, предоставляла действовать частной инициативе, позволяла своим богатым нобилям (nobili) основывать маленькие монархии и даже мирилась с их самостоятельной политикой.

Основой и для венецианской колонизации был рыцарский (на первых порах также и сержантский) лен, существовавший крепостным трудом и повинностями греческого населения. Другого способа привлечь колонистов не существовало, тем более, что нужна была местная вооруженная сила; гарнизоны постоянных войск в крепостях были возможно малы, ибо стоили дорого. Но так как над поселенными рыцарями не было никаких сюзеренов и ими управляли назначенные республикой власти, то венецианская колонизация воспроизводила не феодальную, но римскую организацию оккупированных земель и имела известное сходство с русской поместной системой. Крепостные греки заменяли рабов.

Так как Венеция заключила с Палеологом мир (1265), по которому уступила Евбею, то Гильому приходилось одному обороняться от греков.

Палеолог предложил женить своего наследника Андроника на наследнице Гильома Изабелле, с тем чтобы по смерти обоих отцов Морея вошла в состав Византийской империи. Бароны воспротивились этому проекту, и к несчастью для страны не состоялось мирное слияние франкского и греческого элементов — цель всех трех Виллъгардуэнов.

Политика Морейского княжества приняла другое направление. В 1267 г. по договору в Витербо Гильом признал своим сюзереном Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика Святого. Новый государь южной Италии, погубивший последних Гогенштауфенов — Манфреда (1266 г.) и Конрадина (1268 г.), — был ближе французам Мореи, нежели Палеолог. Апулия снабжала Морею хлебом, в Неаполь переселяются французские рыцари, которым пришлось оставить Константинополь и вообще Романию. Туда переселились де-Туси, д'Онуа, де-Турнэ, бароны захваченной греками Калавриты. В Неаполе зародился грандиозный план изгнать Палеолога из Константинополя под знаменами Карла Анжуйского и вновь осуществить идею Новой Франции на Леванте. Друг Гильома дож Тьеполо примкнул к этому плану. В 1268 г. Гильом Виллъгардуэн во главе 400 лучших рыцарей Мореи явился на помощь к Карлу Анжуйскому и со славою участвовал в битве при Тальякоццо (23 августа 1268 г.) против несчастного юноши Конрадина. В 1269—1270 гг. подготовлялась неаполитанская эскадра для отправления в греческие воды. В то же время был обсужден и оформлен брачный договор между Анжуйским домом и Виллъгардуэном, именно между наследницей Мореи Изабеллой и вторым сыном Карла, Филиппом Анжуйским. При этом бароны Мореи и княгиня Анна должны были подписать обязательство, по которому Морея переходила беспрепятственно к Филиппу, в род Карла Анжуйского, по смерти Гильома. Брак был отпразднован с торжеством, для новобрачных были куплены еще у бывшего императора Балдуина права на Салоникское королевство; но Филипп скоро умер.

Между тем в 1270 г. Михаил Палеолог энергично принялся за устройство восточной Мореи, разоренной в последнюю войну. Прибыло из Азии значительное войско, состоявшее опять преимущественно из турок и половцев. Гильом подготовлял оборону в замке Хлемуци (Клермоне) и Андравиде. К нему на помощь прибыл (1272 г.) первый анжуйский генерал-капитан, собственно начальник посланного с ним отряда в 700 рыцарей, сержантов и стрелков. Барон Каритены и барон Аковы явились со 150 рыцарями. Было предположено наступление на Мистру, но до решительных действий не дошло, вероятно вследствие созыва Лионского собора для заключения унии с греками; обеспечив гарнизоном свои крепости, Виллъгардуэн уехал на Евбею устраивать дела между терциариями и венецианцами. Вскоре Гильом сам был назначен капитаном анжуйского отряда, и тем более была подчеркнута зависимость Мореи от Карла Анжуйского.

Тогда как на Корфу и на Евбее политическая власть Венеции продержалась недолго (а на последнем острове не была основана на планомерной колонизации всей территории, наоборот, лишь пристроилась к уже существовавшей феодальной и подчинила последнюю своим целям), на Крите она пережила греческую империю. Последняя венецианская крепость была завоевана турками лишь в 1669 г. На Крите лучше, чем где-либо, можно изучать поэтому венецианскую систему управления греческими землями, и на этом острове созрели ее плоды. Хотя и старинные (XIV—XV, XVIII ст.) венецианские историки давали много материала, извлеченного из оффициальных источников, лишь за последние годы стал доступен архив венецианского дуки (воеводы) на Крите, а также систематически сфотографированы и изданы обильные памятники венецианского строительства на острове.

Ко времени утверждения венецианцев едва четыре населенных города оставалось на острове, вместо 90 гомеровских городов, именно Кандия (Хандак), Хания или Канея, Ретимно и Гиерапитна. Население их было смешанное: греческое, латинское, сарацинское. На острове были указаны и следы славян. Большинство земель принадлежало церкви и многочисленным греческим архонтам, служилому военному сословию. При венецианцах население острова достигло 270 000 человек, а к началу XIII в. было значительно менее. В горах южной части оно было дико и с трудом могло быть покорено.

Венецианская оккупация была подготовлена дожем Дандоло, купившим права на остров у Бонифация Монферратского за 1000 марок серебра и за помощь при завоевании Салоник. Планомерное покорение начато было при энергичном доже Зиани (1207 г.). Кроме греческих архонтов, приходилось считаться с соперничеством Генуи. Началась 10-летняя война, но уже в 1210 г. генуэзцам пришлось очистить остров, на котором венецианцы стали распоряжаться свободно. Было отмежевано 132 лена для рыцарей и 48 — для сержантов. Лены были отданы венецианским рыцарям и горожанам в наследственное владение без права передачи в руки не-венецианцев (1211 г.). Земли были отведены бесплатно, тогда как на Корфу обладатели ленов вносили в казну республики ежегодно 500 золотых оброка. Через год число рыцарских ленов было доведено до 200, впоследствии — до 260, причем сержантские лены исчезли. Правительство республики оставило за собою лишь Кандию и крепость Темено, а также права на рудные богатства. Однако значительная часть земель продолжала оставаться в руках греческих архонтов. Покорение горных округов требовало времени. Греческое духовенство, именно высшее, было заменено венецианским, низшее приняло унию. Церкви и епархии остались прежние шесть (архиепископия Кандия, епархии Милопотамо, Иерапетра, Ретимно, Сития, Хирона). Земли и доходы церквей были обращены в казну, и духовенство

было обложено сбором на военные нужды. Остров был разделен на 6 округов по числу кварталов Венеции, и внутри каждой шестой доли были поселены по возможности люди из одного и того же квартала. Во главе каждого округа был поставлен капитан, во главе всего острова — дука (воевода).

Колонизация была осуществлена в грандиозных по тому времени размерах и должна была утвердить господство Венеции на самых прочных основаниях. Оно и оказалось прочным. Многие из переселившихся семейств существуют доселе на Леванте, став греками католического и даже православного исповедания. Ряд греческих купцов в Константинополе носит чисто венецианские фамилии.

Но на первых порах поселение венецианцев, забравших лучшие земли и выстроивших немедленно крепости и замки, вызвало открытое восстание греческих архонтов под предводительством семьи Агиостефанитов. Пока подоспела бы помощь из метрополии, все венецианское дело могло быть проиграно. Дуке Тьеполо пришлось обратиться к ближайшему представителю константинопольской колонии, завоевателю Кикладских островов, Марко Санудо.

Завоевание Киклад не было делом правительства республики. Оно лишь не мешало нобилям из константинопольской колонии утверждаться в тех областях, на которые оно само не имело притязаний. Вооруженных сил, дорого стоящих солдат у республики было ограниченное число. Не столько метрополия, сколько константинопольская колония выделяла из своей среды знатных и предприимчивых искателей земель на собственный страх. Были ранее подобные попытки, притом удачные, на берегах Дарданелльского пролива в Галлиполи, в Лампсаке, где захватчики даже раздавали рыцарские лены от себя. Но крупнейшее предприятие было выполнено племянником и спутником старого дожа Дандоло, Марком Санудо. Этот богатый аристократ рано выделился умом и предприимчивостью и занимал в константинопольской колонии почетное место судьи. Он подобрал себе компанию венецианских рыцарей, связал их с собою ленным договором насчет будущих завоеваний, снарядил на свои средства целых 8 галер и пустился в Архипелаг, где господствовали греческие и генуэзские корсары. В короткое время он завоевал 18 островов; лишь на Наксосе генуэзская крепость оказала сильное сопротивление, и Санудо даже сжег свои корабли, чтобы его спутники не вздумали бежать. Взяв Наксос, жемчужину Киклад, древний остров Диониса, Санудо сделал его своей резиденцией, а прочие острова роздал в лен главным своим товарищам. Оба брата Гизи с двумя Джустиниани захватили Кеос и Серифос. Лишь остров Патмос остался в независимом владении греческой братии обители ап. Иоанна Богослова — отчасти из уважения к святыне, отчасти потому, что голая скала не давала дохода. На Лимносе утвердился Навигайозо. Он от

Санудо не зависел и, принеся присягу императору Генриху, получил от него титул великого дуки флота Романии. Сам Марк Санудо принес присягу не правительству республики, но императору Генриху и получил звание воеводы (дуки) Додеканиса (Двенадцать Островов) на правах самого свободного из баронов Романии, хотя Санудо в то же время остался гражданином Венецианской республики. Он выстроил себе на Наксосе, над греческим городом, укрепленный кремль с дворцом и латинским собором, развалины которого видны до сих пор. Санудо уживался с греками и чувствовал себя настолько самостоятельным от Генриха, что даже породнился с никейским царем. Попав к нему в плен, он вернулся его зятем; нужно думать, что не способности и красота Санудо подействовали на царя, но серьезные политические интересы; власть Санудо в греческом Архипелаге благоприятствовала безопасности торговых сношений.

К такому лицу обратились критские венецианцы за помощью; дука Тьеполо обещал ему значительную часть острова, целых тридцать рыцарских ленов. Санудо немедленно явился и подавил восстание, но дука Тьеполо не сдержал своего обещания и даже не платил жалованья людям Санудо. Греческие архонты завязали сношения с Санудо, надеясь под его покровительством избавиться от венецианцев. Санудо вошел в их планы, и дуке Тьеполо пришлось спасаться в крепость Темено, переодевшись в женское платье; Санудо приступил к систематическому покорению острова. Однако прибывший из Венеции флот высадил значительные силы, стали строиться венецианцами новые твердыни. Тьеполо снова занял Кандию и настолько стеснил Санудо, что тот рад был уехать, выговорив себе значительное вознаграждение деньгами и хлебом, а также амнистию архонтам.

Кроме борьбы с греками, приходилось бороться и с генуэзцами. В 1217 г. венецианцы захватили главного генуэзского корсара графа Алеманна Сиракузского и стали готовиться к большой экспедиции против Генуи. Последняя была утомлена войною и заключила мир (в Парме, 1218 г.) на условиях: платить те же торговые пошлины, какими генуэзцы были обложены при византийских императорах. Таким образом Венеция обеспечила себе Крит и стала госпожою положения на торговом пути в Сирию и Египет; она господствовала на водах Леванта и была влиятельна на берегах. Создано было неслыханное колониальное царство, прообраз английской империи, и осуществлены все идеалы Дандоло. Крит оставался вне всякого подчинения Латинской империи, тем более, что по смерти Генриха Константинополь сам держался преимущественно торговлею и отчасти помощью Венеции. Господство Венеции на Леванте никем не оспаривалось до падения Латинской империи и до Нимфейского договора Михаила Палеолога с генуэзцами (1261 г.). Перипетии отношений Михаила к Генуе и Венеции будут изложены в своем месте; упомянем

лишь, что новый мир с Генуей и последний из договоров с Палеологом обеспечили за Венецией Крит, обе морейские гавани и Киклады, поскольку на последние распространилась венецианская власть.

Тем не менее в течение всего XIII в., даже до середины XIV в. часто случались восстания греков в их недоступных горах. Борьба стоила венецианцам больших жертв людьми, и не раз республика высылала отряды новых колонистов на пополнение поредевших рядов. Скоро было позволено соединить по 3 и по 6 сержантских ленов в рыцарские, так как мелкие лены не находили себе хозяев-венецианцев, и к середине XIV в. критскому дуке было предоставлено соединять по нескольку ленов в одних руках. Если венецианских рыцарей-помещиков было не более 300, а население острова достигало в XIII в. 270 000 душ, то венецианцы могли держаться лишь в крепостях, которые они поэтому так усиливали и строго охраняли. В открытом поле, особенно в ущельях южной части острова венецианцы должны были считаться с греками.

И на первых же порах они приняли в свои ряды нескольких греческих архонтов, участвовавших в восстаниях. Упорная борьба с братьями Хоотаци (1271 г.) и Алексеем Калиерги (1282 г.) показала венецианцам, что только привлечением на свою сторону знатных греческих семейств возможно им сохранить внутренний мир на Крите. Сохранился договор с Калиерги (1299 г.), по которому не только он и его партизаны были восстановлены в своих правах, но Калиерги и все греки выговорили себе новые привилегии и гарантии. Калиерги являлся признанным представителем греков и получил такие выгоды лично и за своих наследников, что с тех пор стал оплотом венецианской власти на острове.

Он, Калиерги, получил ряд ленов, принадлежавших другим восставшим грекам, впрочем за выкуп, и выговорил себе право раздавать свои земли в лен по своему усмотрению. Он и его наследники получили право договариваться с духовными властями помимо венецианской «сеньории» на острове, и Калиерги проводил своих кандидатов — греков на епископские кафедры. Епископии Милопотамо и Каламон сдаются ему на откуп, притом на двойной срок против предусмотренных византийским правом 29 лет. Он и его наследники могли не являться в венецианские крепости лично, но сноситься с губернатором через своих посланцев. Подтверждаются личные права по состоянию латинских помещиков, греческих вотчинников (архонтов), архонтопулов (боярских детей), гасмулов (происходивших от смешанных браков), латинских и франкских свободных выходцев. В договоре с Калиерги подтверждены права греческого духовенства, права всех восставших вместе с ним, а также иудеев и «ремесленников» (цыган?). Сотне греческих вилланов Калиерги мог даровать права свободных франков.

Даже аграрные отношения регулируются договором с Калиерги: собственникам земель гарантирована половина доходов с виноградников, плантаций и мельниц, устроенных на их землях посторонними лицами. Судебные решения, вынесенные самим Калиерги или его судьями, утверждены венецианцами, и он получил право взимать сборы с «желающего» населения. Неудивительно, что архонт Калиерги поместил в свой герб византийского двуглавого орла.

Глава III

ЭПИРСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XIII в.

Новые латинские государства Романии не встретили ни народного восстания греческого крестьянства, ни сопротивления союза городов, ни вообще организованной обороны греков, опиравшейся на обломки византийской администрации. Византийская империя, казалось, не оставила по себе живых общественных сил. С крушением константинопольского правительства в западных провинциях была анархия властелей-аристократов, одна часть которых приветствовала латинян, а другая не могла собраться с силами и потерпела в Пелопоннесе полный разгром, несмотря на то, что не было недостатка в случаях героического сопротивления со стороны отдельных архонтов и укрепленных городов.

Но завоевателей было мало, и они не принесли с собой государственных идей, кроме устарелых феодальных. Латинское духовенство Романии погрязло в корыстолюбии, лени и утехах жизни. Между тем культурные противоречия между завоевателями и покоренными были настолько велики, что политическое господство латинян не могло быть прочно. Духовные интересы греков воплощались в православной вере, носителями их являлись иерархи и образованные монахи. В этой среде примирения с латинством быть не могло. Под руководством духовных пастырей должно было произойти оживление национальной идеи, сознание единства перед лицом врага; религиозные идеалы, бывшие народными, не замедлили принять политическую окраску. Иерархи сберегли и утвердили в греческом народе идею национального царства и подготовили политическое объединение греков. На крайнем западе империи, благодаря географическим и этниче-

ским условиям, скоро выдвинулось над уровнем безначалия архонтов крупное национальное Эпирское государство, многим обязанное способностям своих первых деспотов; из них второй уже принял титул царя.

Основатель Эпирского государства Михаил I Ангел Комнин Дука был, несмотря на свой громкий титул, лишь незаконным сыном севастократора Иоанна, брата царя Андроника. но выдвинулся перед своими законнорожденными братьями благодаря своим способностям. В молодости он был отдан в заложники германскому императору Фридриху Барбаросса при его походе в Азию (1190 г.); затем служил по финансовому управлению в Малой Азии; но настоящую политическую карьеру начал обычным среди честолюбцев образом — изменой. Убежав к иконийскому султану, он начал вместе с турками опустошать богатую долину Меандра, притом столь сильно, что сам царь выступил против него (1201 г.). На некоторое время история теряет его из вида, но житие Иова передает, что Михаил был правителем в Пелопоннесе и — по жене из рода Мелиссинов, владевших громадными землями в Северной Греции, — оказался в свойстве с Сенекеримом, губернатором фемы Этолии и Никополя (т. е. всего Эпира). Не входя в разбор последнего известия, мы знаем, что Михаил уже по отцу, бывшему в той же феме губернатором, имел обширные связи в тех областях.

После взятия столицы латинянами Михаил оказался в числе греческих архонтов при дворе Бонифация. С ведома короля он уехал в Эпир с целью овладеть фемою Сенекерима, против которого восстали архонты Никополя. Бонифаций послал его в Эпир, как Шамплитта в Пелопоннес, но не разобрал, с кем имел дело. Михаил быстро создал себе положение в Эпире, чему помогло убийство Сенекерима, вероятно, не без ведома Михаила. Последний взял за себя жену Сенекерима, хотя брак этот не мог быть законным по свойству. Власть Михаила быстро распространилась на весь Эпир, заселенный греками, албанцами и влахами, включая и Акарнанию, до Коринфского залива, на остров Керкира, заселенный в середине албанцами, на Диррахий и западную Македонию до Охриды. Главными городами были Янина, Диррахий, Арта и Навпакт. Бонифаций скоро понял, что в лице Михаила он получил не вассала, нужного ему со стороны венецианцев, но опасного и непримиримого врага, объединившего местные элементы, связанные православной верой и греческой культурой. «Кир Михали» сумел понять, что население жаждало вождя для борьбы с латинянами. Слабость последних он мог видеть лично при дворе Бонифация. Военная опытность и энергия соединялись в нем с качествами неустанного и непримиримого борца за свой народ, осторожного и неразборчивого в средствах.

По происхождению власти Михаил немногим отличался от Сгура, но он был счастливее Сгура. Владения последнего были оцеплены фран-

ками, и ему не было надежды отстоять их. В распоряжении Михаила была Албания, страна малодоступная для латинского завоевания, и венецианцы, которым страна была обещана по разделу, не думали подниматься от побережья в ущелья, на Химарру, так как им это было невыгодно. Дикое население доставляло Михаилу иной боевой материал, чем мирные парики Греции, занятые своими масличными и тутовыми плантациями. Иной характер имело богатое греческое побережье у Диррахия, Арты и плодородная Керкира. Здесь власть Михаила была уязвима, и ему приходилось применять все свое дипломатическое искусство, чтобы получить в свои руки культурную прибрежную полосу и торговые гавани.

По просьбе Михаила Ласкарь отпустил к нему брата Феодора Ангела, единокровного брата Михаила, со славою сражавшегося под знаменами никейского царя (1205 г.). Получив себе достойного помощника, Михаил немедленно стал во главе движения против латинян в Греции. Поход Михаила в Морею кончился полной неудачей, разгромом греков под Кундуром (1205 г.), но так же, как и в Малой Азии, греки, разбитые в открытом поле, получили в лице эпирского деспота свое общее знамя, вождя, к которому обращены были надежды в отдаленном будущем, что не помешало им возлагать ближайшие надежды на императора Генриха. Михаил стал наследником погибшего Сгура; его брат Феодор, в качестве наместника деспота Михаила, отстаивал некоторое время Акрокоринф и затем Аргос. За неудачами в Морее последовало завоевание венецианским флотом, везшим патриарха Морозини, острова Керкира и Диррахия. Территория Керкиры была роздана венецианским нобилям, обязавшимся платить республике 500 золотых за свои лены. Колонизация была задумана планомерная, но греков оставили жить попрежнему, обязав лишь присягой венецианским сеньорам. В Диррахии венецианскому дуке Валарессо пришлось считаться с албанским князем Димитрием, жившим в Арбаноне (ныне Эльбассан) и купившим покровительство папы Иннокентия присоединением к латинской церкви. Эпирский деспот тайно помогал албанцам против Валарессо, который в свою очередь заключил союзный договор с сербским королем и его родственниками. Нанесенный утверждением венецианцев тяжкий удар Михаил пытался обезвредить, подтвердив соперникам венецианцев, гражданам торговой Рагузы, привилегии, данные им некогда его отцом севастократором Иоанном, и выдал им грамоту за серебряной печатью деспота: купцы Рагузы могли торговать во владениях Михаила, платя всего 3% пошлин, причем деспот взял под свою защиту имущество умерших купцов и груз разбившихся кораблей из Рагузы. Тем не менее господство Венеции на море угрожало его государству, душило его торговлю. Положение Михаила было трудное. Окруженный врагами и не имея помощи, Михаил должен был пробить себе дорогу, опираясь на одних соседей против других, он и вступает

в соглашения, преследуя выгоды своего государства. Его дипломатия ни с чем другим не считалась; то, что латиняне считали клятвопреступлением, было для него необходимостью: он был сжат, как в тисках, и при случае в его действиях прорывалась непримиримая, жестокая ненависть к латинству.

Первые шаги его были тяжелы: он начинает с унижения. В 1209 г. он ищет помощи у папы против венецианцев, пользуясь тем, что последние прогнали из Диррахия нового прелата. Иннокентий требует от «знатного мужа Михалицы Комнина в Романии», чтобы он охранял имущества архиепископа в своих владениях, так как он признал себя «слугою римского первосвященника». Формальное подчинение папе было для Михаила первым шагом. Вслед за тем он шлет послов к Генриху, бывшему в Греции, желая вступить в переговоры. Государи съехались, но личного свидания не было, переговаривались через послов: нельзя было столковаться о формах этикета. Михаил не хотел и не мог вступить в политическую систему латинской Романии, не мог встретиться с Генрихом как вассал с сюзереном, а император Романии не мог признать иной формы встречи, требовал от Михаила ленной присяги. Вместо того эпирский деспот предложил выдать дочь за брата императора, Евстахия, и не преминул вежливо указать, что он один из греков имеет значение и может быть полезен на суше и на море императору. Реальная политика одержала верх над феодальными идеями, и Генрих согласился на предложенную форму дружбы независимых, чуждых государств.

Обезопасив себя со стороны суши, Михаил вошел в переговоры с венецианцами и счел выгодным предоставить Венеции то, в чем отказал Генриху: от республики зависело материальное благополучие Эпира. Михаил признал Венецию своим сюзереном, но обеспечил себе реальные выгоды: Венеция за ним признала не только побережье от Далмации до Коринфского залива, но и внутренние области, отступившись от своих прав. Теперь Михаил имел за собою Венецию в борьбе с противником со стороны материка, т. е. договор был направлен против императора Романии. Для такой крупной цели Михаил мог уступить Венеции многое: платить дань в 42 фунта золота и посылать златотканные одежды, охранять венецианских купцов в своих владениях, не взимая пошлин; отказался поддерживать керкирцев в случае их возмущения против венецианского гарнизона, клялся иметь с Венецией общих врагов и присягнул во всем и за себя и за своего наследника. Первая уступка обеспечивала торговое процветание страны.

Михаил немедленно учел выгоды нового договора и выступил против Генриха, невзирая на родственные связи и клятвы. Началась война и приняла беспощадный характер. Михаил, как и никейский царь, имел в своем войске латинских наемников. Вскоре все латинство содрогнулось,

от известий, шедших из Эпира. Потерял душевное равновесие сам папа Иннокентий, узнав от «дражайшего во Христе сына» Генриха, что «Михалица, презрев данную императору присягу в верности [которой Михаил на самом дел не давал], равно как клятву, данную императору и его брату Евстахию при браке дочери, захватил хитростью Амедея, коннетабля империи [Буффа, ломбардского магната и главу фессалийских вассалов], вместе с рыцарями и другими (воинами), числом около ста, некоторых из них подверг избиению плетьми, иных заключил в темницу, некоторых подлым образом умертвил, а самого коннетабля с тремя рыцарями и с его капелланом — страшно сказать! — распял на кресте. Ободренный этим успехом к дальнейшей подлости и полагаясь на латинян, которые сбежались к нему в ослеплении корыстью, осадил укрепленные города императора, жег села и приказал обезглавить всех латинских священников, кого мог схватить, и даже одного вновь поставленного епископа».

В подобных фактах Иннокентий справедливо усмотрел грозный симптом положения латинян на Востоке: беспощадную, неискоренимую вражду греков и изменническую помощь западных наемников (может быть, венецианцев), т. е. крушение идеалов и надежд руководителей крестовых походов, прежде всего своих собственных; тем более, что и из Малой Азии дошли такие же вести. «Если греки, — пишет папа латинскому патриарху, — возвратят себе империю Романии, то они совсем задержат помощь св. Земле, чтобы вновь не потерять свою страну и народ; да и прежде греки, несмотря на неоднократные наши увещания, ни разу не пожелали притти на помощь св. Земле, а царь Исаак в угоду Саладину даже выстроил в Константинополе мечеть. Если бы греки могли искоренить латинян [в Романии], то они в своем греховном отступничестве еще сильнее укрепились бы в своей ненависти к латинянам, которых и теперь называют собаками. Тогда будет для церкви ущерб, худший первого, так как и ныне греки не перестают нашептывать, будто политика папского престола склонила латинское войско к завоеванию Константинополя». Папа требует от патриарха и всех прелатов Романии отлучать от церкви всякого латинянина, который вздумал бы служить грекам, особенно Михалице, против императора и его вассалов.

Михаил Эпирский стоял в авангарде противолатинского движения и явился для своих врагов «traditor potentissimus». В своих горах он был неуязвим, и напрасно гонялся за ним сам Генрих. Подробности походов Михаила мало известны, никейские писатели о них умалчивают. Из циркулярного письма Генриха на Запад (1212 г., из Пергама) видно, что Михаил заключил союз со Стрезом, вышеупомянутым князем Просека на реке Вардаре, причем первый нарушил клятвы четвертый раз, а Стрез — третий раз. Они не имели успеха в открытом поле против франков, потеряли свои лучшие земли, и если бы Генрих не был отозван на Восток, то

у Михаила со Стрезом не осталось бы «ни одного домика в Романии». Под влиянием неудач Михаил счел нужным помириться с франками и при отражении Стреза, заключившего союз с Борилом Болгарским, помог им разбить Стреза на Пелагонийском поле. Таким образом Михаил продолжал лавировать между своими врагами и, вероятно, достаточно себя обеспечил и на этот раз. Действительно, между 1212 и 1214 гг. он был уже в состоянии отнять у венецианцев сначала Диррахий, затем и Керкиру. На последней он выстроил по преданию крепость «св. Ангела».

Недолго пришлось Михаилу пользоваться плодами своих трудов. В 1216 г. он был зарезан в своей постели. Наследовал ему второй из его законнорожденных братьев, известный нам Феодор, бывший наместник в Греции.

Внутреннее состояние Эпирского государства за время Михаила менее известно сравнительно с временем его преемника; но деятельность Михаила и в этом отношении сопровождалась прочными результатами, судя по громадной популярности «Кир Михали» среди западных греков и по блестящим успехам его преемника. Договор с Венецией и завоевание побережья обеспечивали торговлю; сильная власть внесла в страну порядок, держала в страхе албанцев и греческих архонтов, делавших при Ангелах все, что хотели. Осторожный Михаил избегал новшеств и довольствовался титулом деспота. Поэтому он не возбуждал подозрительности никейского двора и не доводил соперничества до открытого разрыва. С крупными архонтами он умел ладить. Так, он поддерживал своего отдаленного родственника Константина Мелиссина, владельца земель около монастыря Макринитиссы в Фессалии, и, выдав за него дочь, пожаловал и ему звание деспота. Сестра Михаила, бывшая замужем за графом острова Кефаллонии Матвеем, также подарила жене Константина монастырь св. Илариона. Между тем земли Мелиссина лежали в латинской Фессалии, в империи Генриха; документы Макринитиссы латинского господства в себе не отражают.

Обеспеченная Михаилом политическая независимость Эпира сделала его западным центром для эмиграции греков, не примирившихся с латинским господством. Михаил собирал вокруг себя обломки греческого царства и церкви. В этом его вторая важная заслуга. Он отнесся с уважением к скитавшемуся царю, старому интригану Алексею, выкупил его у пиратов и содержал у себя в Арте, пока тот не отправился к иконийскому султану. Жена Алексея, царица Евфросинья, скончалась и была погребена в Арте. Важнее было покровительство иерархам, которые, по латинским источникам, оставляя свои кафедры, переправлялись через Коринфский залив к Михаилу. С XIII в. видим в Эпире ряд выдающихся ученых иерархов, врагов латинства, авторитетов в глазах западных греков. Первым из них по времени был митрополит Керкиры Василий Педиадит.

Дошло его послание Иннокентию, в котором он возражает против намерения созвать Латеранский собор: таковой, по мнению митрополита, немыслим без участия константинопольского греческого патриарха и греческих архиереев, насильно удаленных с их кафедр. Голос эпирского митрополита звучит непримиримо. Он был в сношениях и с никейским патриархом и с ученым Хоматианом, последний обращался к Педиадиту по каноническим вопросам. Дошло письмо керкирского митрополита к ученому Константину Стильби (Κωνσταντινος ὁ Στιλβῆς), автору стихов на разорение Константинополя. Два года прошло, — пишет Педиадит, — как он облекся в священный сан и переселился из столицы, города наук, на окраину, в это мужицкое место; как Одиссея, его пригнал ветер из Илиона к Киконам и Харибдам. Пишет он о керкирцах или корифейцах (Κορυφού: — Корфу, впервые у Лиутпранда). Климат суровый, больниц нет, пятидесятилетние люди выглядят стариками. Хаты дымные, похожи на шалаши на виноградниках и бахчах, для крыши связывают камыши попарно травою и на них кладут черепицы, неплотно приложенные; фруктов нет ни своих, ни привозных. Доходы митрополии меньше, чем в бедной епископии. Население не понимает и не выносит евангельских слов, книг нет, и народу нет пользы от митрополита, и он обречен терпеть крайнее невежество Корфу. Бесспорно преувеличение в словах ученого византийца, но и жизнь на Керкире видимо стала иная после норманнских набегов и поселения албанцев. А этот остров был лучшей частью владений деспота Михаила.

Ему наследовал брат Феодор Ангел Комнин Дука (1216—1230 гг.), в источниках называемый обыкновенно Феодором Дукой, или Комнином, с супругой Марией.

В судьбе этого даровитого государя много общего с судьбой Гильома Виллььгардуэна. Оба они получили от своих предшественников большое политическое и материальное наследство, оба использовали его блестящим образом на первых же порах их правления и оба кончили непоправимой катастрофой при встрече с бо̀льшими чуждыми силами.

Первым неслыханным успехом Феодора Эпирского было поражение и плен латинского императора Петра Куртенэ у нынешнего Эльбассана. Об этом событии было сказано в главе о династии Куртенэ.

Гибель латинского императора поразила Запад, который не мог объяснить ее иначе как вероломством Феодора. У греков она вызвала всеобщее ликование. Даже никейский историк Акрополит отозвался об этом событии как о победе, поднявшей дух эллинской нации. Открылись надежды на изгнание франков из Константинополя и всей Романии.

Папа призвал венецианцев, венгров и франков Греции для освобождения легата, кардинала Колонны, попавшего в плен, и послал к деспоту латинского кротонского архиепископа с той же целью. Видя опасность,

Феодор не только отпустил легата на свободу, но и заявил себя покорным святейшему престолу. Для папы Гонория этого было достаточно. Он не только отменил уже собравшийся крестовый поход против Эпира, но категорически запретил венецианцам отнять у Феодора бывшее венецианское владение — приморский город Диррахий, славянский Драч, который безуспешно осаждал погибший император Петр. Венецианцы заключили с Феодором мир на 5 лет.

Обеспечив себя со стороны Запада, Феодор приступил к главному делу своей жизни — изгнанию из Македонии латинян и болгар. Солунское латинское королевство представляло собою печальное зрелище. Политический вождь итальянских баронов, пресловутый Биандрате, только о том и думал, как изгнать из Салоник вдову и сына Бонифация, заменив полугреческий двор чисто итальянским и возведя на престол Гильельмо Монферрата. Между тем только ассимиляция немногочисленных «италов» с греческим населением страны — политика Бонифация Монферрата, императора Генриха и Виллььгардуэнов — могла спасти королевство Биандрате.

Феодор захватил — и, повидимому, без упорной борьбы — ряд укрепленных городов Македонии и Фессалии: Охриду, Прилеп, неприступный Просек на Вардаре, Платамон и Новые Патры. Опубликованные В. Г. Васильевским письма митрополита навпактского Иоанна отражают восхищение греческих националистов перед подвигами и успехами «могучего Комнина», «свершителя великих дел», «как солнце — хворост, сожигающего италов, оскорбителей бога и веры, освещающего нас — братьев и родных его по плоти».

«Ты лишаешь жизни всех италов, носящих оружие, и тела их повергаешь в прах, — пишет митрополит по взятии Платамона. — Ты обращаешь в прах и вырываешь с основаниями их твердыни, выстроенные ими для безопасности. Они не выдерживают твоего нападения и принимают ярмо рабства. Иные из богоненавистных италов, уподобляясь птицам, выросшим и вылетевшим из своих гнезд, сами просят тебя притти к ним, чтобы жить под твоею рукою и выращивать своих птенцов; а в разрушенных тобою городах плодиться могли бы одни воробьи. Заоблачная твердыня Платамон тобою взята вместе с окружающим ее посадом, и ты сокрушил этих нечестивцев, укрывшихся в ее стенах. Взятие Платамона есть разрешение уз [πλατυσμός — игра слов]. И говорит тебе бог: разрешу узы твои и распространю [πλατυνῶ] наследство твое. Всемогущий бог и венец мучеников великий Димитрий, отдав тебе Фессалию, предписывают тебе войти в соседний великий град Фессалонику. Когда же, о мученик Димитрий, не в мыслях только, но в действительности устремлюсь я насладиться обонянием источаемого тобою мура и взойду в святилище твое, обойду кругом гробницы твоей» . . . Уподобляя Феодора рыбаку, митрополит сравнивает с морем Салоники, раскинувшийся, как море, знат-

Начальный лист византийской рукописи Софокла, содержащей трагедию «Эдип-Тиран».

По этой рукописи было напечатано издание трагедий Софокла Альдом Мануцием в 1502 году. Из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (греч. 731).

ный град, подобающий знатному Комнину, и уподобляет рыбам жителей, схвативших уду ревности о национальном благе, дабы упокоиться на лоне эпирского деспота.

Впрочем, в письмах современников и в собственных грамотах Феодор не называется деспотом. Он подписывается «Феодор Дука» или «Комнин Дука»; его подданные, как Иоанн Навпактский, величают его самым различным образом: «государствующим у нас», «победоносным», «могучим», «славнейшим», «богоспасаемым», «великим борцом»; никейский патриарх называет и Феодора, и предшественника его Михаила просто «славнейшим» или «знатнейшим».

Хотя не было титула, но быстро выросли в глазах западных греков авторитет и слава победоносного вождя. Страны с преобладающим греческим населением сами шли ему в руки, иначе трудно объяснить столь быстрые успехи. Подробности походов Феодора остаются темными, но, судя по именам главнейших завоеванных городов, Феодор не только весьма скоро разгромил итальянцев Салоникского королевства, но отвоевал и Македонию у болгар. Дочь свою он выдал за сына сербского короля Стефана Первовенчанного, Стефана Радослава; сохранилось их обручальное кольцо. Не продвинулся он лишь в сторону франков Средней Греции (куда его призывал Иоанн Навпактский), вероятно, потому, что греки Ахейского княжества и его вассалов были довольны своим положением благодаря порядку и экономическому процветанию во франкской Греции.

Папа Гонорий скоро увидел, что держава Феодора стала национальным центром православной Греции, средоточием и защитою непримиримых и ученых вождей православия в Греции, а не местом подчинения православной церкви папству, и отлучил Феодора от церкви, упразднил акт унии эпирского деспота с католической церковью, мотивируя отлучение враждою Феодора к Латинской империи, насколько можно судить по посланию папы к императору Роберту.

Разрыв с папой был неизбежен не только вследствие политических причин, войны с латинянами, но и вследствие непримиримого положения, занятого виднейшим и старейшим из иерархов эпирской церкви, навпактским митрополитом, по отношению к попытке никейского царя положить конец церковной схизме и послать для того депутацию в Рим. Так как святой наш самодержец, — пишет никейский патриарх митрополиту, — пожелал созвать восточных патриархов и сообща отправить послов к папе старейшего Рима для прекращения церковного соблазна и для единомыслия впредь всех христиан, то он созвал собор на Пасху, а наше смирение [т. е. патриарх, а не царь] писало между прочим и благороднейшему Дуке, господину Феодору. Следовательно пора и твоему священству всячески подвизаться о таковом благолюбезном деле и прежде всего благороднейшему Дуке, сыну могущественнейшего нашего самодержца, и послать

одного или двух архиереев на предстоящий съезд, а если бы ты пожелал приехать лично, мы были бы несказанно обязаны.

Старый митрополит навпактский взглянул на дело иначе и ответил длинным посланием следующего содержания. Он принял честное письмо патриарха с должным смирением и благодарит за память о времени их совместного ученья под руководством философа Пселла, но упрекает, почему патриарх не известил его о своем избрании. «Италийская тирания вырыла материально пропасть между церквами [Никеи и Эпира], но патриарх, стоящий во главе восточной церкви, которая занимает более высокое место в сравнении с западной, не должен был бы оставить без письменного извещения нас худых, пренебрегши, как завалящим рубищем или негодной посудиной, нами, заброшенными в этом западном углу... Из письма твоего усмотрел с удивлением, что вы ради брачных уз с латинянами присоединились к ним и заключили с ними мирное соглашение и стали заодно, так что латиняне могут безбоязненно и закрывать церкви наши, где они и начальствуют, и причинять тысячи бед подвластным христианам; и теперь дивлюсь, что вы желаете отправить посольство к наместнику старейшего Рима [т. е. к папскому легату] о тех делах, по которым он, будучи лично злокозненным по отношению к нам, ныне получил от вас прибавление к своему неистовству и всяческому ущербу наших соплеменников. И никто не скажет, чтобы одного хотели утвердившиеся в Романии латиняне, а другого папа — теперь или вследствие предполагаемой миссии. Мы бы первые воздали хвалу богу, если бы вам удалось то, чего не смогли сделать древние цари, обладатели всей Романии, когда и церковное просвещение процветало, и монахи, жившие в одиночестве или же в общежитиях, блистали добродетелью и образованием. Мне нижайшему все это кажется безнадежным. Но так как силу божию познаем в немощи, то следует приступить к делу». Митрополит считает однако более удобным, чтобы «апостол» эпирской церкви примкнул к «апостолам» никейским во владениях «нашего подвижника Комнина».

«Если же, — продолжает Иоанн Навпактский, — ты считаешь меня другом, то другу нечего скрывать от любимого. Знай же, владыка, что вы причинили душам всех здешних христиан великое огорчение, связавшись с латинянами и прекратив с ними борьбу. Следовало бы и твоей святости и тамошним собратьям епископскими увещаниями и каноническими разъяснениями предотвратить это дело, ибо не постыдно сложить с себя тяжкое бремя и развязаться с вредным для всех делом. При настоящем положении мы рискуем вовсе отстать от вас, чего не дай бог, или же примем участие лишь для вида, и то только чтобы не разделилась церковь Христова. О сем приложи все старание, за сие отдай тело, отдай душу. Как же это погибать от латинян и с ними водиться, бояться убийц и гонителей верных Троице и ублажать, пытаться склонить их, чего не смогли преж-

ние времена, когда эти общие наши враги держались в своих пределах и не вышли в ширь, которую мы сами открыли шириною грехов наших. Как не умножить нам своих молитв? Как не воздевать нам руки ко всевышнему, молясь днем и ночью за государствующего у нас подвижника Комнина? Ни навязываемое ему латинянами свойство, ни предложения земель и денег не избавили общих этих врагов от его энергии. Ни множество колесниц, ни бесчисленные благородные кони, ни золото и серебро — приобретенная им только что [при пленении императора Петра] военная добыча — не привели его к надменности и не побудили завязать сношения с этими проклятыми. Но днем и ночью, уповая на бога, он с жаром нападает на них, имея хорошие сведения и хороший план, истребляет общих тиранов и часто с божьей помощью крушит им головы. Если не сразу уничтожит весь их зловредный легион, то мало по малу мелкими поражениями он доведет этот легион до погибели и ослабления, так что они или совершенно не будут выступать [в поле], или же с уменьшенными силами и с оглядкой. Если же один совершил такие подвиги, прославившие его у большинства людей, то что могли бы сделать двое [эпирский и никейский государи], во имя божие став друг другу спутниками и соратниками? Да сбудется сие твоими советами, ты ведь добрый пастырь и радетель церковного единения . . .».

Таким образом по делу о депутации в Рим впервые столкнулись духовные представители никейских и западных греков, в лице патриарха Мануила и навпактского митрополита Иоанна Апокавка. Первый сначала игнорировал второго. И никейский царь не лично написал эпирскому государю, но поручил это сделать патриарху, даже по такому делу, где Эпир миновать было нельзя. Феодор Эпирский является знатнейшим сыном как для никейского царя, так и для никейского патриарха. Представитель эпирской церкви дал ответ, сообразный с местными церковными и государственными интересами. Они не только фактически сложились на почве борьбы с итальянцами и латинством, но были ясно сознаны и впервые высказаны Никее. Дальнейшими необходимыми шагами было объявление политической самостоятельности и церковной автономии.

Совершенной, полной формой для политической самостоятельности было провозглашение царства.* Мы видели это и в Трапезунте. И в том, и в другом случае много помогло имя Комнинов, прямое или побочное происхождение от славной царской династии. Иоанн Навпактский еще до взятия Салоник призывал Феодора Комнина надеть «царскую и отеческую» пурпурную обувь. Для Феодора Эпирского имя Комнина было нелишним козырем даже по взятии царственных Салоник, когда он создал себе империю бо́льшую, чем Никейская, и окружил престол свой

* То есть установление в Эпире, царской власти *(Ред.)*.

восхищением западных греческих националистов, более пламенных в своих чувствах в сравнении с восточными, потому что они больше терпели от латинского ига.

Слова восхищения в устах подданных нового царя далеко не звучат одной лестью. Митрополит Иоанн Апокавк стоял одною ногою в гробу и по своему значению и заслугам вряд ли имел нужду заискивать у своего государя; однако он называет Феодора солнцем, общение с ним и самый вид его озаряет все встречное, он богом посланный судотворец; он пишет Феодору: «когда тебя нет передо мною, я умираю, но, подумав о тебе, я собираюсь с духом и оживаю». Не меньшим энтузиастом новой державы является митрополит керкирский Георгий Вардан, ученик афинского Акомината: «прославилась десница всевышнего, и рука господня проявилась» на подвигах «Великокомнина Дуки», «прославленного почти по всей вселенной». Димитрий Хоматиан, греческий митрополит болгарской Македонии, а после побед Феодора — греческой Македонии, венчавший Феодора на царство, не только прославляет его знаменитый древний род, но называет его «мечом Сильного» и рисует в своих письмах в Никею как бескорыстного патриота и народолюбца, ставшего освободителем родины благодаря своим трудам, терпению, заботам и бессонным ночам. Совершенно не зависевший от Феодора изгнанный афинский митрополит Михаил Акоминат, которого напрасно приглашали и в Никею, и в Салоники, называет Феодора «божьим доверенным для сохранения подвластных ему от италианской тирании»; «напряги свои силы, — пишет Акоминат Феодору, — имей успех и окажись превыше всего враждебного явного и неявного, о украшение Комнинов, слава Дук, похвальба ромэев!».

Провозглашение Феодором самостоятельной империи в Салониках было естественным последствием его исторической роли среди западных греков. Быть может даже, оно столько же было ему навязано армией и духовенством, сколько отвечало честолюбию Комнина.

Никейские писатели не скрывают, конечно, своего раздражения. Никогда Никея не признала за эпирскими деспотами законных политических прав. Для Хониата даже Михаил Эпирский, отбивавшийся от латинян в скромных пределах эпирской области, являлся незаконнорожденным и захватчиком. Никифор Григора отзывается о Феодоре как о незаконнорожденном (имя Комнинов не давало покоя никейцам) человеке, хотя и ловком, но своекорыстном и всегда замышлявшем политические перемены. Забывая национальную роль Феодора в борьбе с кровными врагами греков, именует его «новым злом, восставшим из фессалийских пропастей»; все, что уцелело на Западе от латинян, болгар и скифов (куман), было уничтожено Феодором, по мнению Григоры, не щадившим своих соплеменников, изнывавших под игом франков и болгар. Акрополит высказался умнее. Вообще он замалчивает успехи государя западных греков.

сколько возможно, и не скрывает, что Феодор «оказал немалое сопротивление» никейскому царю Ватаци, который требовал от Феодора лишь второстепенной роли и не покушался на самостоятельность эпирского государства. Едко высмеял Акрополит новый царский двор. Феодор Комнин, по словам Акрополита, надев порфиру и красные сапоги, стал распоряжаться по-царски, назначал деспотов, севастократоров, великих доместиков, протовестиариев и прочих царских чинов. Но он оказался тупоумным насчет царских уставов и относился к делам скорее по-болгарски, или, лучше сказать, по-варварски, не зная ни устава, ни распорядка, ни древних обычаев царей.

Сохранились медные монеты Феодора, но на них он назван деспотом и изображен в одеянии деспота и без labarum. Возможно, впрочем, что Феодору Комнину следует приписать некоторые монеты, относимые к Феодору Дуке Ватаци, например серебряную с фигурою св. Димитрия рядом с царем в полном облачении византийского императора.

Синодальное постановление всех архиереев Запада о венчании Феодора на царство мотивирует этот акт политическими заслугами, сопровождавшимися освобождением от латинян и скифов православной церкви и ее устроением, а также происхождением «державного и святого государя и царя нашего господина Феодора Дуки»; но не дает ему титула самодержец (αὐτοκράτωρ).

Венчание Феодора на царство привело к дальнейшему обострению отношений между никейской и эпирской церквами. И ранее, после отказа эпирских архиереев присутствовать на Никейском соборе, созванном в 1220 г. для унии с латинянами, возникал конфликт чуть не при каждом самостоятельном поставлении архиереев во владениях Феодора Дуки. Константинопольские патриархи Мануил и Герман нападали резко, но не всегда удачно, и их западные антагонисты Иоанн Навпактский и архиепископ Болгарии (Охриды) Димитрий Хоматиан (на кафедре с 1219 по 1235 г.) видимо превосходили никейцев как писатели и полемисты, и тон их был более достойный и спокойный. Напрасно патриарх называл себя необычным в подписях того времени титулом «Вселенский патриарх»; его, «вифинского архипастыря», тонко вышучивали и давали понять, что он может вызвать «священную войну». Крупнейшими из самостоятельно поставленных архиереев при Феодоре Дуке были преемник Педиадита на керкирской митрополичьей кафедре, ученик афинского Акомината, Георгий Вардан (с 1220 г., пережил 1235 г. и скончался в Италии, ведя полемику с латинянами) и упомянутый Хоматиан, ставший по смерти престарелого Иоанна Апокавка Навпактского главою всей церкви во владениях Феодора Дуки. Он был посвящен Иоанном Навпактским по решению собора архиереев и по желанию Феодора Дуки, «которого, — пишет Апокавк в Никею, — мы признаем посланным от бога царем». Выбор был

весьма удачен: Хоматиан — один из крупнейших юристов и ученик пастырей Византии, сильный особенно в области гражданского права и обладавший ясным, при случае острым пером. От него остался большой том канонических разъяснений и ответов.

Вследствие отказа тогдашнего салоникского митрополита (Константина Месопотамита) венчать Феодора на царство, короновал нового царя Хоматиан, носивший громкий титул архиепископа Первой Юстинианы (Охриды) и всей Болгарии (западной Македонии). Этому титулу политическая независимость страны и блестящая личность Хоматиана придали небывалый блеск, сделавший Хоматиана особенно ненавистным никейской церкви; его называли чужестранцем и даже малообразованным, что было совсем неверно. Он чувствовал себя как патриарх западной церкви без титула, и тем чувствительнее для него было поспешное признание никейским царем и патриархом самостоятельности сербской церкви, притом в самых широких границах до Адриатики и Венгрии; эти области до того имели архиереев, поставленных «архиепископом Болгарии». Об этом событии, равно как о самостоятельности болгарской церкви, провозглашенной помимо Никеи, будет речь ниже.

Возвращаясь к последствиям коронования для отношений между никейскою и эпирскою церквами, мы приведем значительные выдержки из возникшей переписки между Хоматианом и патриархом Германом; полемика эта ярко рисует взаимные отношения и тесную связь между политикой и церковью в этот век тяжелой борьбы греков за национальность и свободу.

Хоматиан пишет патриарху письмо, образец учтивости и велеречия. Знаем, что ты по присущей тебе заботе об апостольских церквах желаешь узнать, что сталось с нами. По твоим святым молитвам все пока хорошо. По закону благочестия и разума державнейший и благовенчанный наш самодержец выдвинулся наперед великими трудами воинскими, . . . изгнал латинских лисиц из их нор и устроил церковь. Мы страстно желаем, чтобы восточная половина [греческой нации] присоединилась к западной и чтобы их государи связали себя узами единомыслия . . . . Хоматиан не удержался таким образом от слова «самодержец» и далек от мысли как-либо извиняться в том, что никейцы рассматривали как узурпацию.

Блаженнейший архиепископ всей Болгарии, — отвечает ему никейский патриарх, — не выпячивай своего расплывшегося от удовольствия лица в печальное и бровей своих, с важностью приподнятых, ты не опускай, если мы заговорим с тобою необычно и своеобразно . . . не наша в том вина, но твоего, нужно высказать, незнания или непобедимой забывчивости . . . Слово нашего ответа . . . разодрало, как бумагу, твой образ мыслей, водворилось во всем священном братстве [т. е. среди архиереев] Запада, чтобы изобличить и поставить лицом к лицу с ним все, что сделано противо-

законного, и не устрашится оню побиения камнями за изобличение: ибо разумное слово камнями не побивается.

Скажи, священнейший муж, от каких отцов тебе предоставлен жребий венчания на царство? Какими из архиепископов Болгарии были коронованы когда-либо императоры авзонов [римлян]? Когда архипастырь Охриды простирал десницу в качестве патриарха и освящал царственную главу? Укажи нам отца церкви, и с нас довольно. Вытерпи обличение, ибо ты мудр, и возлюби будучи бием. Не сердись. Ибо действительно нововведенное тобою царское помазание не есть для нас елей восхищения, но негодное от дикой маслины масло. Откуда ты купил сие драгоценное мѵро (которое, как известно, варят в патриархии), так как прежние запасы пожрало время, — и т. д. Издевательства в этом патриаршем послании сменяются пастырскими молитвами о единении церкви христовой, а о признании Феодора царем и вообще о нем не сказано ни слова.

Хоматиан отвечал пространно и в тоне более достойном. Мы оказали, — пишет он, — братское уважение, подобающее твоему сану, а ты ответил бранью и поношением, свойственным кучерам. Нет между нами общего, кроме правой веры. Ты нас оскорбил и счел достойными церковного наказания за венчание на царство нашего с а м о д е р ж ц а господина Феодора Дуки и счел это за величайшую дерзость, так как мы, будто бы, захватили твое право и так как никогда не получались венцы из рук святителей Болгарии... Твое письмо не есть продукт патриаршего суждения, мнения и соглашения. Разве лишь предположим, как писано о патриархе Иакове, что говорила надлежащая власть, а писала рука помощника секретаря твоей святости. Мы не разрушители основ. Но так как в светских делах произошел такой беспорядок, какой, думаю, никогда еще, даже в настоящий век, не гулял с наглостью по земле ромэев, — так что находится в опасности и изувечена непорочная вера наша учением и обычаями народов, осквернивших великую Ромэйскую империю, — уцелевшие на Западе члены синклита и иерархи, да и все бесчисленное войско возбудили вопрос о возведении в царское достоинство названного государя Феодора Дуки и о венчании его теми средствами, которые были под рукою, так как на содействие извне надежды не было. Ибо восточный удел едва может справиться со своими делами и окружающими его затруднениями, и было нужно, чтобы окружающие нас недруги уступили царскому имени и сану, будучи прогнаны бесчисленными трудами державного и святого царя нашего; и нужно было это для поддержания дисциплины в подданных и особенно в войске. Ибо вызываемый царским саном страх и стыд не только бодрят и радуют подданных, но и сдерживают враждебные настроения.

Мы совершили помазание не по собственному почину, но по решению всех, ради старшинства нашей кафедры. Греческий запад, кроме того,

поступил по примеру Востока; ведь в обход древних константинопольских обычаев провозглашен царь и избран патриарх в епархии вифинской по нужде обстоятельств; и когда было слышно, чтобы один и тот же архиерей правил в Никее и назывался константинопольским патриархом? И это состоялось не по постановлению всего синклита и всех архиереев, так как после взятия столицы и сенат, и архиереи бежали и на Восток, и на Запад. И я думаю, — пишет Хоматиан, — что на Западе находится большая их часть.

И кого мы венчали на царство? Бесславного ли Саула, погонщика ослов, или безродного Иеровоама? Того, чьи подвиги знамениты не только у соседей, но прослыли на всю вселенную, и слава эта не льстива, но уступает его заслугам; он предает себя всем лишениям, бессонным ночам, голоду, зимней стуже с бурями, летнему зною в непроходимых и безводных горах, и ради чего? чтобы изгнать этих зверей [латинян] и вызволить эту часть ромэйской земли от их злодейств. Что нового и странного, если венчается на царство лицо царской крови, сын севастократора, внук порфирородной царевны, правнук достохвального и великого царя Алексея Комнина?

Освящение мѵра неизвестно почему присвоил ты одному себе, а оно — одно из совершаемых всеми иерархами священнодействий (по Дионисию Ареопагиту). Если ты разрешаешь каждому иерею крещение, то помазание на царство, второстепенное в сравнении с крещением, осуждается тобою; а оно по нужде времени совершается непосредственно следующим за патриархом, притом по непреложным обычаям и учению благочестия. Впрочем, призываемый на царство по обычаю помазывается не мѵром но освященным молитвами елеем, и почему обвинять нас за то, чего не было, и называть мѵроточивыми Димитриями Солунскими? А нам не нужно было бы приготовленного мѵра, но у нас рака великомученика Димитрия ручьями источает мѵро.

Далее, в обоснование своих прав Хоматиан опирается на принятую в его время местную традицию фальсификации истории. Сам-де Юстиниан происходил из Охриды, даровал ей не только имя Юстинианы Первой, завоевав ее якобы у болгар, но и предоставил ее архиепископу третье место после римского и константинопольского патриархов, а также права в отношении к подвластным епископиям, тожественные с правами карфагенской архиепископии над диоцезом Африки. «Если же мы, — пишет Хоматиан, — обладаем правами пап в своей области, то отчего нам не помазать и царя, как папа, хотя бы кто-либо при этом, по-юношески, громовым голосом Стентора вопиял о беззаконии».

Одинаково решительно Хоматиан отстаивал перед Германом право посвящать епископов на греческом западе, раз того требовали нужды паствы, оставшейся без призрения и увлеченной «италами» в латинскую

унию. В этих церковных делах для нас интересна их политическая подкладка, проступающая весьма ясно. Патриарх Герман не только писал, но и действовал, посылал назначенных им епископов в Эпир, а их там не принимали. Переписка принимала резкий характер, причем обыкновенно перевес был на стороне западных антагонистов. Митрополит керкирский, вышеупомянутый Георгий Вардан, должен был отвечать на обвинения патриарха, направленные против эпирского царя. Глава никейской церкви обвинял царя Феодора в нарушении клятвенных обещаний, данных царю Ласкарю, когда последний отпускал Феодора к его брату Михаилу в Эпир. Феодору Комнину ставились в вину сношения с агарянами, как будто он был вассалом, а царь никейский — сюзереном. Вообще никейская точка зрения была та, что эпирский государь является вторым, или второстепенным (δευτερεύων), после никейского, причем неоднократно была речь о клятвенных обязательствах, т. е. о присяге, соответствующей вассальной присяге латинских государей; и нужно помнить, что латинские феодальные воззрения пересаживались на греческую почву еще со времени Комнинов. Ниже мы увидим, что никейский царь осуществил свою точку зрения при преемниках Феодора. Царский сан был с нею несовместим, и теперь, во времена могущества Феодора, патриарх Герман высказывал в послании на Запад, что Феодор не имел права именовать себя царем и что западная церковь не могла считать себя автокефальною.

Вардан ответил Герману пространно, хитроумно и с иронией. Получили мы, — писал он, — от заоблачного твоего достоинства государево твое письмо, которое, прибыв с Востока, было однако писано от имени «правящего западною церковью» нашей. Как птенцы, спешим под крылья матери нашей церкви. Но, к общему несчастью и против природы, присланное из Вифинии в Македонию твое письмо не созывает родных детей под крыло общей матери, напротив того — их разгоняет. Это не лидийская нежная мелодия, но фригийская, раздражающая наш слух; и наше архиерейское собрание, выслушав его, ответило: удали от меня голос песен твоих, и звука органов [музыкальных инструментов] твоих я не услышу. На каком основании вы бросаете нам хулу и поношения, растравляя наши раны, вместо того чтобы положить на них елей? На что без основания поносите благочестивого и боговенчанного самодержца нашего? Воздав красноречивую, но довольно шаблонную похвалу Феодору Комнину, митрополит Вардан продолжает: впрочем, вычеркнем если не все, то некоторое из написанного в письме твоем, и пусть имеет место терпение. Епископ салоникский [Константин Месопотамит] сам ушел скитаться, никто его не изгонял [за отказ короновать Феодора], наоборот, царь лично его упрашивал остаться на своей кафедре. Не только епископ, присланный вами в Диррахий, завоеванный столькими трудами нашего царя и его предшественника, но и никто из посвященных в Никее не получит

епархии в землях, над которыми господствует на правах самодержца царь наш. Только свои, священнодействовавшие вместе с нами на Западе, могут быть приняты. А это мы считаем не новшеством, но результатом обстоятельств. И мы отстаиваем свое право, чтобы не оторваться от всего сродного тела [т. е. вселенской церкви] и не сделаться особым племенем; ибо кто мог бы снова соединить церковь, приладить ее кость к кости? О том мы вас предупреждали, а вы стоите на своем без уступки, чтобы помешать силе вещей, как будто это возможно. Ваши права также незаконны. Столица Византии многократно прелюбодействовала с насильниками-варварами, а считаемого его законным супруга [т. е. вселенского патриарха] в Константинополе не признают и союз считают незаконным. Хочешь ли поступить подобно Иксиону, возлюбившему Геру и соединившемуся с ее туманным подобием? От такого союза родилось ведь чудище кентавр. А если вы окажетесь законным отцом, соединившимся законным браком со столицей Константина, то с нас сего будет достаточно, мы покоримся. Иначе должны мы пойти на взаимные уступки и тогда — да помилует нас бог — вернуться [в Константинополь], как из вавилонского пленения. Молитва ангелов, бывшая о возвращении из Вавилона, уместна и о некогда счастливой Византии, дабы увидела детей своих с востока и запада, с южного моря и с севера, собравшихся воедино. И тогда, только тогда, мы, живущие и уцелевшие, ныне из чуждых чужие, приписанные и захребетные, понесем на себе живые знаки отечества и материнства, будем признанными детьми отцов и матерей наших.

Что касается державнейшего царя, — продолжает Вардан, — то да слышит небо и земля, однако же да скроет солнце свои лучи! Протестуем против вашей о нем клеветы. Видел ли ты когда-либо благороднейшего и храбрейшего государя Феодора Дуку якшающимся с агарянами и приобщившимся к их мерзкому обиходу? Разве тебе известно, чтобы его вызвал от агарян Феодор Ласкарь, державший его в такой ласке? И правивший тогда в Азии Ласкарь еще не надевал царского венца и не носил порфиры, но беспрерывно скитался с места на место, окруженный недругами, отвергавшими его начальство. И мы знаем, что Феодор Комнинодука весьма много помог Ласкарю и много вражьих твердынь ему приобрел, проявив чрезвычайное мужество. Ныне же в воздаяние за расположение Ласкаря наш царь призрел его родню [гонимую царем Ватаци; и преданному патриарху никейского царя было особенно неприятно прочесть это в ответе Вардана].

Если же вы пишете, что «самовольно царствующий» у нас связал себя присягою с родом Ласкаря, то это есть соображение человека нерассудительного, ибо какое соглашение может быть между львом и ползучим львом (хамелеоном)? Наше западное царство — сад, полный роз и кипарисов, куда каждому не возбраняется войти, наслаждаться видом, гулять,

рвать цветы и отдыхать под тенью. Восточное же царство — одинаково рай, но первым использовавшим его [узуфруктуариям; — намек на родню и сподвижников Ласкаря] он не послужил на добро, но скорее присудил их к смерти; а вход в него оказался мрачным и неприветливым. Кто же пойдет в такой рай, кто устремит свои очи на Восток, откуда исходят тучи угроз и доносятся громовые раскаты? Он предпочтет это западное государство, потому что узнал солнце своего царства. Посланный вами амастридский митрополит здесь никого не убедил и предпочел уехать ни с чем, нежели получить от нас определенное соборное решение, которое было бы принято и твоею святостью, подтверждая всеобщее признание тебя и ежедневное поминание на церковной службе.

Таков был отпор, данный западными иерархами. Все складывалось счастливо для нового царя. Но, видимо, он был скорее неутомимым и доблестным полководцем из школы Ласкаря и достиг более блестящих успехов, чем Ласкарь; но также он был способен поставить судьбу государства на карту в рукопашной схватке, и если он доселе не знал неудач, то потому, что в пределах западного эллинизма все было подготовлено его предшественником Михаилом: и материальная сила, и признание греческих масс и духовенства. Ослепили ли его неслыханные удачи, или же по природе он не был осторожным и систематическим организатором, но Феодор Дука не остановился, не укреплял и не устраивал свою новую державу в течение ряда лет, как того требовала осторожность. Вместо того он вторгся во Фракию, бесспорно лелея мысль восстановить престол Комнинов в их прежней столице Константинополе. Впрочем, и сербские и болгарские царства на Балканах, быстро распустившись пышным цветом, гибли, не принеся плодов.

Не довольствуясь Македонией, Феодор вторгся во Фракию. Города сдавались один за другим, но беспрерывные походы и содержание войск должны были тяжело отразиться на населении. «Труды и бессонные ночи» честолюбивого Комнина означали для населения разрушение домов и опустошение полей; по крайней мере никейские историки (Григора) полагают, что Феодор уничтожил в Македонии и во Фракии все, что уцелело от болгар и скифов (куман), и говорят о «хороводе или праздничном собрании всяких и разнообразных бедствий», обрушившихся на население.

Перед триумфальным шествием Феодора уцелели лишь владения старого князя Слава в Родопских горах, который спасся женитьбой на родственнице Феодора.

Беспрепятственно были взяты Дидимотих и самый Адрианополь; последний сдан был военачальниками никейского царя, и не подумавшими о сопротивлении, тем более, что Феодор обещал горожанам блага и вольности (1225 г.). Феодор двинулся и к Константинополю, взял Визу

и побывал в окрестностях столицы; в одной из стычек ранен был барон Ансельм де-Кайе, зять никейского царя Ватаци.

Образовалось большое государство — от Адриатики до Марицы, от Коринфского залива до главного хребта Балкан. И казалось несомненным, что Феодор мог завоевать Константинополь, предупредив никейцев; и, стеснив латинян, Феодор показал дорогу восточным грекам.

Находясь на верху могущества, Феодор именовал себя в грамотах полным титулом византийского императора: «Феодор во Христе боге верный царь и самодержец ромэев Комнин Дука». В 1228 г. он возобновил договор с Венецией и заключил перемирие на год с регентом Латинской империи. В 1229 г. он завязал дружественные сношения с Фридрихом Гогенштауфеном, и это показалось столь опасным папе, что он поспешил отлучить их обоих от церкви.

Организация его царства мало известна. Выше упомянуты были никейские известия о том, что Феодор образовал при себе пышный двор и раздавал чины и титулы вплоть до самых высших. В разные области им назначались воеводы и наместники с различными, повидимому, полномочиями, сообразно их личному положению; так Эпир и Фессалия были отданы в удел брату царя деспоту Константину, вызвавшему жалобы навпактского митрополита Апокавка. Функции наместников и воевод были всеобъемлющи. Им была вверена военная и полицейская охрана, надзор за отправлением правосудия, защита вдов и сирот. Против них самих оставалась одна защита — архиерей и жалоба его царю. Решения Хоматиана и его синода дают понятие о громадной роли духовенства в области гражданского права и семейных отношений. Светским властям оставались дела уголовные, политические и аграрные, взыскание податей и пошлин.

Единственной грозной силой для Феодора был могущественный царь болгар Иоанн Асень. Феодор поспешил предложить ему, по обычаю времени, брачный союз между их домами, и побочная дочь Асеня Мария была выдана за брата Феодора — деспота Мануила. Неясно, по какой причине Феодор сам же нарушил наладившуюся дружбу, обеспечивавшую ему тыл в случае похода на Константинополь. Можно догадываться, что Асень сам имел те же виды и стал поперек дороги Феодору. Трудно согласиться с никейским историком Акрополитом, объяснявшим такой крупный и опасный шаг непостоянством характера царя, сделавшего столь много и упразднившего латинское господство в Румелии. Феодор двинулся вверх по течению Марицы в болгарские владения. Асень пошел ему навстречу, имея с собою, кроме болгар, около тысячи половцев (куман); на знамени была прибита нарушенная Феодором договорная грамота. При селе Клокотнице Феодор был разбит наголову и взят в плен вместе со своими архонтами; пленных простого звания Асень отпустил по домам, желая при-

обрести любовь населения (весною 1230 г.). Царь Феодор вместе со старшими начальниками остался в плену у Асеня и впоследствии за интриги был им ослеплен. Таков был поворот в судьбе победоносного Комнина Дуки.

Царство его потеряло разом почти все, что Феодором было приобретено. Правда, брат его, упомянутый деспот Мануил, спасся и укрылся в Салониках, где Асень его не трогал как зятя. Именуясь лишь деспотом, может быть потому, что царь Феодор был еще жив, Мануил говорил в переписке о своем «царстве» и предъявлял притязания на царские прерогативы, красную обувь и прочее; увидя его подпись красными чернилами, болгарский посол не постеснялся вышутить Мануила: «К тебе, — сказал он, — применимо то, что поется о Христе: тебя царя и государя δεσπότην».

Вся Фракия и Македония, северная Фессалия, Великая Влахия, часть Албании до Драча достались Асеню без сопротивления со стороны народа. Болгарский царь оставил на местах греческих чиновников и обращался с населением бережно и милостиво, чем упрочил свою власть и заслужил, по отзыву никейского историка Акрополита, любовь греков. Деспот Слав Родопский окончил свою жизнь, повидимому, при дворе Асеня, потому что его имя стоит в болгарском оффициальном поменнике. Сербский король Стефан Владислав был также зятем Асеня, как и деспот Салоникский Мануил. Латинская империя имела на престоле ребенка Балдуина, и Асеню предлагали над ним опеку. К этому году относится гордая надпись Асеня на колонне тырновской церкви «Свети Четиредесяти»: * «В лето 6748 [1230] III индикта. Я, Иоанн Асень, во Христе боге благоверный царь и самодержец болгар, сын старого Асеня, создал с самого основания этот святейший храм и вполне украсил его живописью в честь святых Сорока мучеников, с помощью которых я на 12-м году своего царствования, когда уже храм был разукрашен, пошел войною на Романию, разбил греческое войско и взял в плен самого царя Кир Тодора Комнина со всеми его болярами. Я завоевал все земли от Одрана (Адрианополя) до Драча (Дураццо), греческую, затем албанскую и сербскую страну. Фрязи удержали только города около Цариграда; но и фрязи покорились деснице моего царства, так как они не имели, кроме меня, ни одного царя [Асень рассматривал себя как опекуна малолетнего Балдуина], и жили в моей власти по повелению божию. Ибо без него ничто не делается и не говорится ни слова. Слава ему вовеки, Аминь».

* Надпись издана акад. Ф. И. Успенским в «Известиях Русского археологич. института в Константинополе» (т. VII, стр. 1—24) в статье «О древностях города Тырнова» (София, 1902). Там же на таблице 5-й — фотография подписи. *(Ред.)*.

Одновременно в грамоте «Любовным и всеверным гостем» — купцам далматинского Дубровника — * Иоанн Асень перечисляет области своего царства, в коих они могли торговать и ездить «без печали»: Бдын (Видин на Дунае), Браничев, или Браничево (в Сербии, у Пожаревца), Белград, Тырнов, Загорье (северная Фракия), Преслава (прежняя болгарская столица), Карвунская область (к северу от Варны), Крънская область (восточная Фракия между Черным морем и Тунджей), Боруйская (Веррия, Эски-Загра), Одрин, Дидимотих, области Скопльская (Скопле, Ускюб), Прилепская, Деволская, Арбанасская (Албанская, Эльбассан) и Солунь, где, очевидно, Асень распоряжался, как дома. Подписался он на этой грамоте **+ асѣн ц҃р б(лъгаро)м и гръком +**. Царство его касалось трех морей, и со времен Симеона болгарская история не достигала такого блеска.

Его столице Тырнову на высотах по обоим берегам Янтры болгарские памятники присваивают имена Цареграда Тырнова, царственного преславного града, второго после Константинополя. Еще в XVII в. посредине Тырнова возвышался шестиугольный замок (Царевец) с пятью воротами, на утесе, с трех сторон охваченном рекою. Здесь был дворец царей XIII и XIV вв., и рядом с ним — патриархия с храмом во имя Вознесения; это ныне сглажено с землею; церковь св. Параскевы-Пятницы (Петки) уступила место мечети XV в.; нынешняя митрополия, древняя церковь Петра и Павла, находится внизу Царевца; здесь же у реки стоит бесценный памятник болгарской древности — церковь св. Четыредесяти мучеников с гробницами святых и царей, с историческими надписями на колоннах (надпись Омортага и Иоанна Асеня), с фресками на стенах времени Асеня. На правом берегу Янтры возвышается скала Трапезица, где недавние раскопки, наспех производившиеся, открыли фундамент до 20 церквей с частями стен, покрытых фресковой росписью. Город и окрестности были полны церквей и монастырей. Тырнов был центром политической и культурной жизни Болгарии в XII и XIV вв. Мир и кроткое управление обогатили Болгарию и примирили население покоренных областей. О преследовании богомилов, залившем страну кровью при трусливом Бориле, не было речи при могущественном Асене, которого оружие было страшно для греков, франков и венгров. Богатые приношения Асеня обогатили болгарские и афонские монастыри, особенно Зограф. Важнейшим событием мирной политики Асеня было признание болгарской тырновской патриархии константинопольским (никейским) патриархом Германом с согласия трех восточных патриархов. То, чего не мог добиться Калоян, получил Иоанн Асень в 1235 г., благодаря союзу с никейским царем Ватаци, закрепленному браком наследника Ватаци с дочерью Асеня. Перипетии

* Подлинник ее хранится в Ленинграде. Издана Г. А. Ильинским в том же выпуске «Известий» (стр. 25—39).

войн Асеня с франками и греками излагаются в истории последних, так как и известны нам преимущественно из греческих и франкских источников. При преемнике его, малолетнем Калимане (1241—1246 гг.), завоевания во Фракии и Македонии были утрачены Болгарией в течение 3 месяцев войны.

Возвращаясь к эпирскому государству, заметим, что этот западный центр эллинизма был сокрушен Асенем в бою под Клокотницей. Пламенные надежды патриотов, столь быстро возникшие относительно Феодора Комнина Дуки, столь же быстро должны были перейти сначала на никейского царя и салоникского деспота, потом на одного первого. Гибель и падение сопровождались унынием и мраком; плеяда блестящих писателей либо вымерла, либо рассеялась в Италии и Никее. Эпирские источники почти прекращаются, остаются известия врагов.

Салоникский деспот Мануил правил спокойно с 1230 г. по 1237 г. Он заключил союз с Жоффруа Виллльгардуэном, князем Ахеи, даровал рагузцам (Дубровнику) привилегии за их дружбу не только к царству Салоникскому, но и к царю Стефану Сербскому, его зятю и союзнику. Рагузцы могли торговать свободно, не будучи подсудными местным судам, и имущество их было обеспечено, в случае их смерти, наследникам; в голодные годы был воспрещен вывоз жизненных припасов. Деспот Мануил желал было вступить в сношения и с римской курией, но, повидимому, помешало духовенство, настроенное особенно враждебно к римской церкви на греческом западе, на рубеже латинской пропаганды, часто насильственной.

Катастрофа царя Феодора, смерть Хоматиана и отъезд Вардана в Италию изменили отношения эпирской церкви к никейскому патриарху, и инициатива на этот раз открыто исходила от Западного двора. Не могло быть уже речи об отпоре требованиям патриарха Германа, канонически и ранее обоснованным, так как за эпирскими архиереями не стояло более политической силы западного «царя и самодержца». Сам деспот Мануил обращается к патриарху как непреложному вождю христиан во всей вселенной, прося об устранении разногласий и о добром посредничестве перед светлым государем царем Иоанном Ватаци. Умоляя забыть прошлое, Мануил сам просил патриарха прислать ему архиерея для посвящения епископов, так как морские переезды для них не безопасны от пиратов. Патриарх Герман похвалил деспота Комнина Дуку, пожелал ему не только доброго здоровья, но даже и приращения земель; митрополита он ему послал. Однако приращения земель не воспоследовало. Остатки царства Феодора распались на три или четыре удела, и самому Мануилу достался наименьший, несмотря на помощь из Никеи.

Лишь только весть о пленении Феодора распространилась по Эпиру, там появился незаконный сын его брата и предшественника Михаила, носивший то же имя, как его отец. Юный претендент овладел, кроме

Акарнании, городом Сервией (на севере Фессалии) и там женился на дочери знатного и богатейшего севастократора Петралифы. Она отличалась христианскими добродетелями; будучи прогнана мужем в угоду любовнице и перенеся это достойно, она окончила жизнь в добром сожительстве с мужем, строила церкви в Арте и перешла в потомство с именем преподобной Феодосии. Из ее краткого жития почерпаются некоторые сведения о судьбах эпирского деспота. О Михаиле II известно, что он уже в 1236 г. освободил керкирцев от податей, возобновил дарованные отцом его привилегии рагузским купцам и сносился с императором Фридрихом II Гогенштауфеном. Он был едва ли не сильнее Мануила Салоникского.

В 1237 г. Асень по смерти жены Марии Венгерской женился на дочери ослепленного царя Феодора, томившегося в болгарском плену. Ирина сумела очаровать старого царя и выхлопотала освобождение своему отцу. Слепой Феодор явился, переодетый, в Салоники к своим друзьям, которых он некогда облагодетельствовал, захватил власть, провозгласил царем своего сына Иоанна, а брата, деспота Мануила, он отослал к мусульманам в малоазиатский город Адалию. Мусульмане обошлись с Мануилом хорошо и отпустили его к царю Ватаци. Последний принял деспота по его сану и, обязав его присягой, отпустил с шестью кораблями и крупной суммой в Фессалию. Мануил добыл себе небольшой удел в богатой Димитриаде, овладел и городами Фарсалом, Лариссой, крепостью Платамоном и вскоре завязал сношения и с Михаилом II Эпирским и со слепым Феодором, изгнавшим его из Салоник. Три деспота из рода Комнинов Дук образовали лигу, или, вернее, царство Феодора, которое распалось на три удела, сохраняя культурные связи. Если припомним, что и в дни могущества царя Феодора в Эпире и Акарнании правил, с саном деспота, его брат Константин, что и у самого Феодора оказался впоследствии собственный удел в Македонии, что кругом в Албании и Сербии существовал родовой быт, переходивший для княжеских семей в удельный, то можно думать, что и в эпиро-македонских княжествах семьи Комнинов Дук допустимы и даже наблюдаются неслучайные аналогичные явления. Мануил даже отрекся от Ватаци и при смерти (1241 г.) завещал свои земли Михаилу Эпирскому, а не Ватаци.

Объединение греческих земель могло иметь место только силою оружия, так как попытки никейского царя установить вассальные отношения окончились неудачею. Семейный союз Комнинов олицетворял единство западного греческого царства, созданного на развалинах Салоникского латинского королевства. Вскоре состоялся первый поход восточных греков против западных. Ватаци заманил к себе слепого Феодора Комнина Дуку и задержал его в своей свите. Собрав большие силы, пользуясь смертью грозного Асеня в 1241 г. и малолетством его преемника Калимана, Ватаци вторгся в Македонию и появился перед крепкими стенами Салоник. Взять

города он однако не смог, и царь Иоанн Комнин Дука, сын Феодора, отбивался успешно. К тому же Ватаци получил грозную весть о вторжении татар в Анатолию и поспешил домой. Предварительно он заключил с Иоанном мир, по которому последний отказался от царского сана, сложил с себя регалии и вступил в подчиненные отношения к Ватаци (1243 г.). Неясно, насколько эти отношения отвечали латинскому вассалитету под формою византийских придворных отношений царя к деспоту. Слепой Феодор был оставлен в Салониках. Благочестивый Иоанн вскоре скончался (1244 г.), и его заменил на престоле брат его Димитрий. Этот был иных нравов и даже охромел, спасаясь от мужа своей любовницы. Он поспешил исхлопотать у Ватаци утверждение в сане деспота Салоникского царства, или, точнее, части, принадлежавшей Иоанну; но не прошло 2 лет, как против него поднялись знатнейшие жители Салоник и отрядили с жалобой на него депутацию к царю Ватаци, воевавшему тогда в Македонии против болгар. Так быстро исчезло обаяние Комнинов Дук и лойяльность населения, признавшего верховную власть никейского царя. Впрочем, Димитрий и сам не уберег ни своего суверенитета, ни личного достоинства.

Ватаци не замедлил появиться под стенами Салоник и потребовал к себе Димитрия. Тот не послушался, но заговорщики открыли ворота города отряду никейских войск. Захватив Димитрия, царь Ватаци присоединил Салоники к своим владениям (1246 г.). Сестра Димитрия Ирина, вдова Асеня Болгарского, выхлопотала брату прощение, и юный деспот лишь был отослан в малоазиатскую крепость. Столь жалкий конец имело государство Бонифация Монферратского и Феодора Комнина Дуки, просуществовав лишь 40 лет. Но этим событием был сделан решительный шаг к объединению греческого народа. Осталось на западе Эпирское государство деспота Михаила II, обнимавшее Этолию, Эпир, Фессалию, Пелагонию (ныне Монастырь) и Прилеп; слепой Феодор сохранил небольшой удел в славянской Македонии с городами Воденой, Старидолом и Островом.

Деспот Михаил II Эпирский Комнин Дука Ангел сначала поддерживал дружественные отношения с никейским царем, предоставил свободный пропуск через свои земли отряду никейских войск, посланных в Италию на помощь Фридриху II Гогенштауфену, и даже женил сына на внучке Ватаци.

Тем не менее и Михаил, подстрекаемый своим дядею, слепым Феодором, лелеял планы овладеть Константинополем и провозгласить себя самодержцем ромэев. В 1250 г. он вторгся во Фракию с многочисленным войском. Со своей стороны Ватаци решил положить конец попыткам возродить царство Феодора. Перейдя Дарданеллы во главе больших сил, Ватаци далее отправился морем, высадился в Салониках и взял Водену, город слепого Феодора; последний убежал к Михаилу (1251 г.). Таким образом Ватаци нанес удар в самый центр направленных против него интриг, и эпирский

деспот думал уже не о Фракии, а отбивался в собственных владениях в Эпире. Против него было послано войско, но Михаил успешно защищался в родных горах.

Главные силы Ватаци, оставшиеся с ним в Салониках, терпели лишения и голод, хотя Ватаци и учредил впервые особую должность интенданта. Затянувшаяся война разоряла Македонию и была бесцельной, так как перевес сил Ватаци стал очевидным. Непостоянные симпатии македонских патриотов перенеслись на никейского царя, который один был в состоянии объединить нацию и возвратить ей древнюю столицу — Константинополь. Собственники земель и горожане в Македонии привыкли быстро переходить на сторону сильнейшего, надеясь охранить своей покорностью достояние и безопасность. В стан Ватаци явились знатные перебежчики, между ними богач Петралифа, брат жены деспота Эпира и вместе с тем зять никейского вельможи Торника; в его лице перешла нейтральная, колеблющаяся часть македонской земельной аристократии. Вслед за архонтами начали и города переходить под царскую руку: Преспа, оба Девола, Костур (Кастория) с их славянским крестьянством; приехал и албанский князь Гулам (Голем) из Эльбассана. Ватаци принимал всех с честью, и положение Михаила Эпирского стало опасным. Он прислал послов к Ватаци и согласился уступить сверх захваченного Прилеп, Велес, албанский город Кройю. За Михаилом осталась Фессалия и Эпир. Македония и средняя Албания были утрачены. Для безопасности от дальнейших выступлений Комнинов Дук Ватаци настоял на выдаче ему слепого Феодора и отослал его в Малую Азию. Отношения по этому договору, заключенному в Лариссе, установились не равные, но почти вассальные. Никейский царь пожаловал сыну Михаила Никифору звание деспота как жениху царской внучки.

Но идеи и реальные силы, вызвавшие в свое время блестящие успехи Феодора еще были живы при эпирском дворе. По смерти Ватаци (1254 г.) воцарился молодой Феодор. При нем в никейских правящих кругах возобладало настолько непримиримое отношение к западному деспотату, что он не признавал Михаила государем и, желая возмутить его народ, поручил патриарху Арсению наложить анафему на все западное царство. Преданный Никейской династии патриарх и его покорный синод не замедлили составить нужный соборный акт и уже огласили в царской резиденции Магниссии анафему, воспретив совершать таинства всему греческому западу. Эта безумная и незаконная мера, характеризующая Феодора II и его двор, была предотвращена престарелым ученым Влеммидом, который убедил царя разорвать уже подписанное им соборное постановление.

Феодор II не стеснялся в отношении к эпирскому деспоту. На пути в Салоники во время похода в Болгарию (1257 г.) он встретил жену эпирского деспота с сыном Никифором, который при Ватаци был обручен

с царской внучкой и получил звание деспота. Теперь они приехали за невестою, чтобы сыграть свадьбу. Царь Феодор задержал их и тогда лишь разрешил венчаться, когда жена деспота, желая вернуть свободу, обязалась за своего мужа и от его имени уступить восточному царю города Сервию (ныне Серфидже) и Диррахий (Драч). Феодору нужно было обеспечить южную и адриатическую границы своих владений на западе, и, добившись утверждения соглашения деспотом Михаилом, царь Феодор торжественно отпраздновал свадьбу в Салониках, куда был для того вызван патриарх. После Ларисского договора это соглашение и брак, казалось, закрепляли отношения на основах почти вассальной зависимости.

Однако деспот Михаил II, или Михалица, как его звали в простой речи, не примирился ни с утратою двух окраин, ни с зависимою ролью, навязанной молодым царем так грубо. Он стал готовить восстание или войну, заручившись на этот раз содействием лишь ближайших и православных соседей — сербов, албанцев и, вероятно, влахов, с князем коих он породнился. Когда известие о бегстве Михаила Палеолога к туркам заставило царя Феодора поспешить домой, он оставил на западе историка и верного своего вельможу Акрополита своим наместником (претором) и некрупные гарнизоны в главных городах. В течение трех зимних месяцев Акрополит объехал кругом Албанию и западную Македонию, ревнуя о службе своему царю. Прибыв в Прилеп, он узнал об измене Хаварона, губернатора в Эльбассане, увлеченного якобы чарами и письмами родственницы эпирского деспота. Вслед за восстанием в Эльбассане деспот Михаил объявил открыто о своей независимости от никейского царя. Наместник Акрополит созвал в Пелагонию (ныне Монастырь, или Битоль) подчиненных ему начальников. Узнав о грозящей потере всей Албании, Акрополит послал в Эльбассан знатного Нестонга, но тот немедленно был осажден в Эльбассане албанцами и с трудом был вызволен оттуда самим наместником. Последнему пришлось отступить при тяжелых условиях; Нестонга оставили в Охриде, а сам Акрополит был рад добраться до укрепленного Прилепа, как в верную гавань. Но и там он был осажден сербами Уроша. И от Акрополита, и из Диррахия (куда был послан из Никеи архиепископом Халкуци, родом из евбейских землевладельцев) понеслись в Никею мольбы о помощи. Царь Феодор поспешил примириться с Михаилом Палеологом и вручил тому главное начальство на западе, а войско дал самое плохое. Несмотря на это, Палеолог одержал несколько побед, усилившись служившими в македонском гарнизоне лазами (пафлагонами) * и турками, разбил наголову под Воденой отборный конный полк эпирцев и,

* Лазы (чаны, цаны греческих источников) — не пафлагонцы, а картвельская (родственная грузинам) народность, населявшая и теперь населяющая Понтийскую область (район Трапезунта), бассейн р. Чорох и отчасти юго-западную Грузию *(Ред.)*.

лично подавая пример храбрости, сбил с коня побочного сына деспота, который был тут же зарезан. Несмотря на успехи Палеолога, восстание разгоралось, и сами жители Прилепа впустили в город эпирские войска, хотя так еще недавно славянская Македония добровольно поддалась царю Ватаци... Сам наместник Акрополит был схвачен и закован в кандалы (1258 г.).

Вся Македония, кроме Салоник, была завоевана деспотом Михаилом II. Никейских войск нехватало для охраны завоеваний Ватаци; среди полководцев Феодора выдавался один Палеолог. В настроении западных греков опять наступил поворот в пользу эпирского деспота. Даже несколько никейских военачальников перешли на его сторону, между ними — малоазиатский магнат Нестонг. Царю Феодору донесли даже, будто ему изменил и Акрополит, в оковах перевозимый с места на место. В союзе с эпирским деспотом, находившимся на верху своего могущества, действовали не только сербы, но и король Тарента и Сицилии Манфред из рода Гогенштауфенов, уже в 1258 г. овладевший побережьем Албании от Диррахия до конца Керкирского пролива и островом Керкира (Корфу), как видно из одного греческого документа.

Вскоре смерть царя Феодора II (август 1258 г.) и захват престола Михаилом Палеологом поставили эпирского деспота лицом к лицу с его опаснейшим врагом. Михаил Палеолог не замедлил снарядить против Михаила II Эпирского большую армию. Нужно было разгромить соперника, претендента на константинопольский престол. Во главе всех сил он поставил своего брата, великого доместика Иоанна Палеолога, с двумя знатными и опытными военачальниками Стратигопулом и Раулем. Побочный сын деспота, способный Иоанн, надолго задержал никейскую армию в проходах под Веррией.

Тем временем Михаил Эпирский поспешил заключить союз не только с Манфредом, но и с Гильомом Виллъгардуэном, ахейским князем; и по обычаю времени оба союза были немедленно оформлены и закреплены брачными узами. Дочь деспота Елена была выдана за Манфреда и принесла супругу подтверждение прав на Керкиру, Авлону (Валлону), Химарру и несколько соседних городов. Эти права на столь нужное для итальянцев побережье, господствующее над выходом из Адриатики, явились грозным оружием в руках Карла Анжуйского, разрушившего государство Манфреда; при Карле управлял Драчем одно время русский Суляк (Souliaco). Союз эпирского государя с южноитальянским Гогенштауфеном, хотя нисколько не вредил православию, так как оба контрагента являлись злейшими врагами папы, сопровождался утверждением итальянцев, адмирала Киннарда с 100 галерами, на полугреческом побережье, из-за которого было пролито столько греческой крови. Диррахий (Драч) являлся греческим форпостом правительства Ватаци и его преемника;

а теперь никейский архиепископ был изгнан из Диррахия. Утрата Адриатического побережья являлась в глазах восточных греков новым поводом к войне с «Михалицею» для воссоединения греческих земель. Эпир был крепок, как передовой оплот эллинизма, теперь же он изменял общему делу и пускал итальянцев на издавна греческие земли.

Одновременно другая дочь деспота Михаила, Анна, выдана была за Гильома Виллъгардуэна Ахейского и принесла с собою небольшие земли в Фессалии, но крупное приданое деньгами (60 000 золотых), свидетельствующее о богатстве эпирского государя. Притом этот брак ставил гордого франкского князя в зависимость если не от деспота, то от его политики. В случае войны с восточным греческим царством Виллъгардуэн обязался выставить большое число рыцарей и иных воинов. Таким образом Михаил является во главе целой лиги или коалиции, составленной, однако, из чуждых этнически элементов. Немцам Манфреда, французам Виллъгардуэна, грекам, влахам и албанцам Михаила трудно было сражаться рядом. Палеолог не был уверен в успехе и желал избегнуть кровопролития между греками. Он прислал к деспоту слепого архонта Фили, предлагая со своей стороны даже уступки. Деспот полагался на иностранную помощь, верил в звезду Комнинов Дук и отвергнул предложение Палеолога. Фили ему ответил: «... знаю, что безумствуешь и потому говоришь не должное; знай же ты, что вскоре попробуешь царской силы и ромэйской мощи и раскаешься, но поздно». Грозя деспоту ромэйской мощью, то есть силами объединенного греко-византийского мира, посол Палеолога считал деспота отступником, как его и называл Акрополит в своей истории. Таков был взгляд на эпирского государя при восточном дворе. Союз с латинскими государями являлся прямой изменой греческому делу, будучи заключен накануне взятия Константинополя, и «Михалица», повидимому, мечтал повторить опыт объединения в одном государстве столь враждебных друг другу латинского и греческого элементов. Этот опыт не удался Генриху, а «Михалица» желал повторить его при ином распределении сил. Он был заведомо обречен на неудачу. Обстоятельства катастрофы 1259 г., постигшей западную коалицию под Костуром у урочища Борилов Луг, не вполне ясны и отчасти были изложены выше в истории Виллъгардуэна. Бесспорно лишь то, что столкновение, предположенное между греками, обратилось в избиение латинских союзников Михаила Эпирского.

Тогда как для франков Греции Костурская катастрофа привела к утрате восточной Мореи, в качестве выкупа за Виллъгардуэна, и скомпрометировала судьбу их цветущего княжества, для греков она, казалось бы, должна была привести к желанному политическому объединению. На первых порах последнее являлось неминуемым. Даровитый побочный сын деспота Иоанн, начальник влахов, сказался вассалом Палеолога. Никейская армия заняла болгарскую и албанскую Македонию, греческий

юг, отряды Стратигопула и Рауля вторглись в Эпир, осадили Янину, взяли столицу деспота — цветущую Арту, проникли до Коринфского залива — и все в течение нескольких месяцев и недель... Разгром государства Комнинов Дук был полный, и сам старый деспот с семьей скитался на кораблях, не имея прочного пристанища. Вскоре однако же грабежи восточной армии, состоявшей наполовину из тюркских полков, заставили туземное население пожалеть о своем прирожденном государе. Инициатором движения опять явился Иоанн, побочный сын деспота. Он освободил Арту, куда немедленно явился деспот, и прогнал отряд, осаждавший Янину. Восстание имело тем бóльший успех, что царские начальники Иоанн Палеолог, Торник и Стратигопул вернулись уже к царскому двору в Азию.

Так верность населения сохранила Эпирское государство. Много значила упорная энергия, наследственная в роде Комнинов Дук. Жизнь Михаила II замечательна. Смутное время рождает такие характеры, как оба Михаила и Феодор, деспоты эпирские, или как Феодор Ласкарь, основатель Никейского царства. Борьба за свою державу — дело их жизни, их не останавливают неудачи, и они сами не останавливаются в выборе средств, прибегая к вероломству и обращаясь к иностранцам, когда нужно.

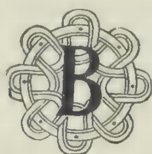
Уже через полгода после Костурской катастрофы Михаил и его наследник Никифор, получив помощь от Манфреда, не только разбили в Фессалии посланного против них Стратигопула, но и захватили его в плен. Был заключен мир, и никейский генерал был отпущен на свободу. «Скверный корень эпирских Комнинов опять пустил скверные, колючие ростки», — отзываются никейские историки. И влахи, и албанцы встали под знамена деспота. Одновременно Манфред укрепился на побережье южной Албании, занятом им за год до Костурской битвы. Царь Палеолог выслал свои войска и против войск Манфреда и против деспота. Против последнего был послан все тот же Стратигопул. По дороге он имел неслыханную удачу — захватил Константинополь, а поход в Эпир задержался на год. Прибыв в Эпир, прославленный генерал опять был пойман в горах эпирцами, и на этот раз он был отослан к Манфреду, который взамен Стратигопула выручил свою сестру Анну, вдову Ватаци, томившуюся в заточении при дворе Палеолога. При посредстве жены деспота Феодоры был заключен мир между царем и деспотом, причем сын последнего, молодой Иоанн, был оставлен заложником и женат на дочери севастократора Торника. И это соглашение (1262 г.) было непрочным. Деспот продолжал отвоевывать земли, которые считал родовыми. Тогда был послан против него царский брат Иоанн Палеолог, возведенный после Костурской битвы в сан деспота, и при нем большое войско (1263 г.). Начались безуспешные переговоры. Деспот настаивал на сохранении за ним земель, завоеванных пóтом и кровью его предков. Лишь весною 1264 г. Михаил уступил, не имея уже помощи со стороны Манфреда, стесненного на родине сильней-

шими врагами. Состоялось личное свидание, и был заключен новый договор. Но как только войско Палеолога удалилось, старый деспот тотчас принялся за набеги на царские владения. Очевидно, отношения были таковы, борьба настолько задевала жизненные интересы и унаследованные традиции Комнинов Дук, что Михаил не мог не нарушить договора, коль скоро его отпускал сильнейший враг, схвативший его за горло. Царь Палеолог решил выступить самолично и навсегда сломить упорного врага. И на этот раз он предпочитал покончить дело, избежав кровопролития. Палеолог был не разоритель, но государь, он щадил греческие силы и знал страну, которая не выносила насильственного ига. Ее трудно было бы удержать в подчинении надолго. Со своей стороны деспот не мог более рассчитывать ни на чужую помощь, ни на собственные силы; он уступил Янину и признал себя подвластным самодержцу ромэев (начало 1265 г.). Его наследник Никифор получил в жены царскую родственницу, был приглашен в Константинополь, обласкан и пожалован саном деспота. С тех пор отношения между обоими греческими государями оставались дружескими. В последние годы своей бурной жизни деспот Михаил добывал себе эпирское наследство зятя короля Манфреда, погибшего в борьбе с Карлом Анжуйским (под Беневентом, 1266 г.). Земли на материке он забрал легко. Чтобы овладеть Корфу, где утвердился адмирал Манфреда Киннард, деспот прибег к вероломству, заманив его в сети той самой своей родственницы, которая погубила никейского стратига Хаварона, женил его на ней и изменнически убил. Это, впрочем, не помогло: на острове остались латиняне, не желавшие его власти. Деспот Михаил II, или Михалица, умер (1266 г.) среди военных приготовлений против латинян у эпирского побережья, работая над тем же делом, которое возвеличило Михаила I и Феодора. Получив отпор на востоке, он возвратился к национальному строительству на западном рубеже.

Пятью годами он пережил объединение Византийской империи, точнее, греческих областей империи Комнинов, под скипетром Палеологов. Он должен был, после отчаянной борьбы, признать последствия этого события. Гордые планы Комнинов Дук были навсегда похоронены. Прежнее соперничество стало национальной изменой. Эпирская история получила с тех пор местное значение.

Глава IV

НИКЕЙСКОЕ ЦАРСТВО ЛАСКАРЕЙ. ТРАПЕЗУНТСКОЕ ЦАРСТВОВ XIII в. СЕЛЬДЖУКСКИЕ СУЛТАНЫ И НАШЕСТВИЕ МОНГОЛОВ



один из последних дней осады Константинополя, когда царь Мурзуфл уже бежал, толпа молодых аристократов и их людей собралась в храме св. Софии и провозгласила царем молодого Феодора Ласкаря, зятя царя Алексея Ангела. Был и другой кандидат — Феодор Дука, но жребий пал на Ласкаря. Феодор Дука пытался организовать сопротивление, выстроил даже царских телохранителей с их секирами на площади у Софии, но приближение франков обратило всех в бегство. Бежал и Ласкарь с женою Анною и тремя дочерьми, переправившись на азиатский берег.

В этих известиях, записанных никейскими историками, есть, повидимому, доля легенды, составленной для оправдания прав первого никейского царя. Как мы ни привыкли к дворцовым переворотам и роли в них военной аристократии в конце XII в., — акт кучки молодежи и самое необычное метание жребия могут быть оправданы анархией последних дней, — однако, при существовании законного царя Алексея, тестя Ласкаря, они не создавали для последнего никаких законных прав; тем более, что о помазании патриархом на царство не могло быть речи. Происхождение власти Ласкаря было такое же, как у всех многочисленных архонтов, утвердивших на развалинах империи свою политическую власть. Но потребности непокоренного народа, могущественная поддержка духовенства и уцелевших патриотов, личные достоинства Ласкаря и, наконец, счастье не замедлили сделать из молодого аристократа народного царя греков Вифинии и Мизии. Духовенство и старые патриоты сосредоточили на нем свои упования, сам Ласкарь проникся ими, и уже через 2—3 года в его стане шла речь

об объединении всех греков и изгнании латинян из древней столицы. Мечты были шире и впереди действительности, но идеалы воспитали политическое возрождение.

На первых порах Ласкарь являлся непризнанным претендентом, имевшим за собою кучку знатных военных и небольшую конную дружину. Страна была к нему равнодушна. В ней имели значение, во-первых, укрепленные старые города, которые во времена анархии при Ангелах вели самостоятельную политику. Первым из них в Вифинии была богатая Никея с ее римскими укреплениями. Там были живы воспоминания о резне, которую учинил Андроник Комнин за поддержку возмутившихся аристократов. Поэтому горожане не впустили к себе Ласкаря, насилу приютили его жену и дочерей. К голосу старых городов, бывших в то же время и церковными митрополиями и главными рынками, прислушивалось деревенское население, собранное, как и теперь, в больших неукрепленных селах. Их население было в социальном отношении пестрым, хотя менее, чем в городах. Рядом с часто богатыми жителями-домохозяевами, занятыми своим земледелием и торговлею, жило духовенство и служилые люди, обыкновенно из самих жителей села, часто и соседние землевладельцы-архонты, и здесь же ютилось обедневшее и зависимое большинство населения различных категорий. Села жили местной жизнью, и для них важнее всего была безопасность имущества. Населенные пункты были редки, и дороги между ними обыкновенно являлись горными тропами, по которым трудно проехать всаднику; часто приходилось дружине конных, одетых в тяжелые латы воинов, прорубать себе дорогу через буйную растительность южных холмов. Такая жизнь предстояла Ласкарю, и блестящий молодой царедворец от нее не отступил.

«Знайте все вы, — писал впоследствии Никита Акоминат от лица Ласкаря для прочтения в его стане в торжественном силенции, — знайте труды мои и бессонные ночи, переезды из одних мест в другие, козни и злые умыслы кое-кого, неоднократные поездки к соседним жителям и соглашения, потоки пота на потоках Геллеспонта [намек на сопротивление Пиги]; все пришлось вынести и совершить моему царству не из личной корысти — не настолько я честолюбив, сколько люблю родину, — но чтобы выгнать из восточных городов западную проклятую рать, безвозбранно вторгшуюся в Римскую державу, истреблявшую ее и опустошавшую, как туча саранчи; чтобы отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена. С таким намерением и убеждением мое царство странствовало вперед и назад подобно прибою». «Ты объезжаешь восточные города, — обращается Акоминат к Ласкарю в другом слове, относящемся к году вторжения Калояна во Фракию, — ты вступаешь в переговоры с жителями; ты указываешь им, каким они подвергнутся несчастиям, если не будут повиноваться тебе, немедленно одних бранишь, других упре-

каешь; то ты говоришь в открытом собрании перед народом, то принимаешь у себя видных лиц и созываешь их на обед, будучи весьма выдержанного характера и умея разнообразно высказать свой взгляд, так что ты возродил уже угасший дух ромэев, так как большинство взирало на латинское копье, как на небесные знамения.., ты часто выносил даже проклятия, а иногда, пригрозив палкою, протягивал жезл примирения и, превозмогши вражду, ты утверждал дружбу — не из личной выгоды, но неся верховное начальство, спасительное для всех городов, не для того, чтобы надеть порфиру и обуться в пурпурную обувь, но чтобы изгнать смертоносного варвара и помочь родине...». Походы и схватки закалили дружину Ласкаря. «В наших рядах, — продолжает Акоминат похвалу, — иные не любили и вида вражеского шлема и на деле Арея были негоднее муравьев... ты же их изменил, из трусов сделал бойцами, из легковооруженных — гоплитами, из домоседов — живущими в палатках, непривычных к коням научил ездить и на арабских и (знаменитых издревле) виотийских»...

Ласкарю приходилось вновь создавать единую национальную власть. Состояние Малой Азии было хаотическим уже при Ангелах. Авторитет византийского правительства почти не существовал даже в тех прибрежных областях, которые еще не были захвачены турками. Последние прочно утвердились на плоскогорьях полуострова и неуклонно, разбойническими набегами пробивались к Эгейскому морю. В Троаде при приближении латинян подняли голову многочисленные армяне, всегда ненавидевшие греков. Некоторые земельные магнаты не признавали над собою власти константинопольского правительства и, утвердившись в старых укрепленных городах, воскресили древнюю тиранию благодаря своему богатству и наемной челяди. При плохих сообщениях и отсутствии безопасности властели заменили правительство. Так, в черноморском Самсуне правил Феодор II Габра, предки которого — повидимому, из армянских Таронских князей — уже при Комнинах были полунезависимыми государями в Трапезунте и, сохраняя византийские титулы, воевали не только с мусульманами и грузинами, но и с византийскими войсками. На Родосе утверждается критский архонт Лев Гавала́, носивший титул кесаря, имевший свой флот и чеканивший свою монету, а в 1240 г. ему наследует брат Иоанн. Самыми крупными местными государями, не стремившимися утвердиться в Константинополе, были трапезунтские Комнины, наполовину грузины, во главе своих греков и лазов даже пережившие несколькими годами взятие турками Константинополя. Богатая приморская Атталия в Памфилии, ныне Адалия, подчинялась огреченному левантинцу Альдобрандино, может быть, из пизанских купцов, известных в Константинополе. Не менее богатая Филадельфия и область реки Ерма признавали власть Феодора Манкафы, называвшего себя царем и чеканившего монету. Он был изгнан из своих владений за 15 лет до латинского взятия, но появился снова.

Плодородную долину Меандра опустошал Михаил Маврозоми * (которого приютил Манкафа во время изгнания, после ухода из Константинополя), выдавший дочь за султана Гийас-ад-дина Кей-Хюсрева, и во главе турок грабил греков, как это делал ранее его Михаил Ангел, впоследствии первый эпирский деспот. Бывший царский удельный округ Сампсон, возле Милета (его отнюдь нельзя смешивать в Самсуном, древним Амисом на Черном море), был захвачен архонтом Саввой. По словам Акрополита, повсеместно бывшие в различных местах начальники или просто выдающиеся (по богатству и знатности) лица присвоили себе подчиненные им области как свои владения — или по собственной инициативе, или приглашенные жителями для защиты страны.

Первые шаги Ласкаря в области внутреннего управления и организации обороны против латинян нам недостаточно известны, и даже неясно, при каких условиях он овладел независимой Никеей. Повидимому он опирался на архонтов из партии Ангелов, и бегство законного царя Алексея на Запад сделало Ласкаря признанным главою сторонников последней царской династии. Потому признала его и Никея. Еще более возвысила Ласкаря его роль национального вождя в борьбе с франками. Подробности последней достаточно ясны из латинских и греческих источников.

Колыбелью царства Ласкаря была не северная Вифиния с ее городами Никомидией и Никеей — они были близки к столице и отданы Балдуином в лен своим крупнейшим вассалам, — но южная Вифиния и Мизия, области, прилегавшие к неприступному лесистому Олимпу; на его предгорьях жили многочисленные монахи, хранители древних традиций православного царства; в этой области лежали богатые земли св. Софии. В одном из прибрежных монастырей (св. Аверкия в Куршумлу) сохранилось надгробие сподвижника Ласкаря, знатного Андроника Контостефана (умершего в 1209 г.), из семьи, игравшей видную роль при никейском дворе. Со стороны Константинополя область Олимпа и самая Никея отделены непроходимыми горами и лесными дебрями, там легко заградить и узкую римско-византийскую дорогу. Франки и не шли далее Никомидийского залива, но переправлялись через море и Геллеспонт, нападая на греков со стороны Троады. Там в городе Пиги (ныне Бига, на реке Гранике) процветала фактория венецианских купцов, вывозивших хлеб и кожи с плодородного плоскогорья Мизии. На этих купцов работали греческие крестьяне.

Пока Ласкарь, переезжая с места на место, организовывал оборону, правительство Балдуина упустило момент раздавить его в самом начале. Рыцари были заняты дележом добычи и устройством своих ленов

* Маврозоми звали не Михаил, а Мануил (Μανουὴγ Μαυροεῶμης) (см.: Nic Acom, pp. 827 и 842, ed. Bonn.) *(Ред.)*.

во Фракии. Они не подумали вступить в соглашение с сельджукским султаном, хотя изгнанный братом Рукн-ад-дином Гийас-ад-дин Кей-Хюсрев проживал у Алексея Трапезунтского и затем у франков в Константинополе и даже был готов креститься. Он тщетно добивался поддержки у франков, пока смерть брата не позволила ему занять престол без их содействия. По Сельджукской хронике (Сельджук-намэ) Гийас-ад-дин проживал у царя в Константинополе в большом почете, но после поединка с франком должен был уехать к Маврозоми на некий остров, где его известили о смерти брата.

Рыцари глубоко презирали греков, которые не могли устоять против них в открытом поле. Балдуин смотрел на Малую Азию как на свой удел, который он завоюет, и для большей легкости он раздавал вассалам крупнейшие отдаленные города. Он не только отдал Никомидию и Никею своим знатным вассалам, Адрамиттий — брату Генриху, но и приезжим сирийским баронам он рассудил отдать незавоеванные владения Манкафы и Альдобрандино, побудив тем Манкафу вступить в союз с Ласкарем.

Осенью 1204 г. франки выступили в Азию тремя небольшими отрядами. Один из них занял Никомидию. Другой был послан графом Блуа для завоевания его лена Никеи. Стоявшие во главе его Петр Брашейль и Пайен Орлеанский, оба известные герои, не пошли сушей на Никею, но предпочли избрать базою упомянутую венецианскую колонию Пиги возле Дарданелл. Брат императора Генрих переправился через Дарданеллы и, пройдя через Троаду, занял Адрамиттий. Таким образом Пиги с Пандермою, которую Брашейль немедленно занял, и Адрамиттий составили первый фронт латинян против Ласкаря, отрезав его от Троады и от моря. Ласкарь опирался на Олимп, между противниками лежала Мизия.

Брашейль перешел в наступление. По плоскогорью Мизии, минуя нависший над морем лесистый хребет Карадага, он вторгся в плодородную долину Риндака. Целью его была крепость Лопадий на переправе через судоходный Риндак, протекающий через Аполлониадское озеро. В Лопадии скрещиваются водные и сухопутные сообщения богатейшей области (ныне Михалич и Суссурлу). Древний мост сохранился и поныне. Местность была издревле заселена и богата. На озере стоит еще акрополь Аполлониады с ее башнями Траяна и остатками большого римского города и даже храма Аполлона на островке. Население Мизии рослое, красивое, среди мусульман нередок античный греческий тип, знакомый по вазам.

Ласкарь находился в глубине Мизии и, не желая допустить утрату Лопадия, ударил на франков во фланг; на равнине под крепостью Пиманинон (Ποιμανηνόν; сохранились ее живописные руины у озера Майнос, на противоположном берегу которого живут русские казаки-староверы) состоялось первое крупное сражение Ласкаря, в котором многочисленные греки были разбиты сотней рыцарей. Панцырные всадники Ласкаря на их некруп-

ных, частью арабских конях не могли выдержать тяжелого сомкнутого строя рыцарей, испытанных в бою сподвижников Брашейля, а легкая пехота в открытом поле не шла в расчет. Ласкарь скрылся в лесах, а крепость Пиманинон сдалась франкам. Им был теперь открыт путь в Лопадий и даже на Бруссу. По дороге население многочисленных сел встречало франков с крестами и евангелиями. Победители щадили покорный им народ, хотя, — прибавляет Акоминат, — служить им плохо, язык их непонятен, их ум расположен к корысти, глаз — к распутству, чрево ненасытное, нрав сердитый и суровый, и рука схватывается за меч по всякому поводу. Сдался Милетополь (Михалич), Лопадий и расположенная на озере живописная Полихна (Аполлониада). Франки дошли до Прусы (Бруссы), но оказалось, что брать города труднее, чем разбить архонтов в открытом поле. Расположенная у подошвы Олимпа Брусса имеет неприступный акрополь. Жители старого большого города не только франкам не сдались, но делали против них вылазки, и франки отступили. Это ободрило народ, разобравший, что дело идет не о борьбе между архонтами и претендентами, но о подчинении чуждому, иноверному врагу. Война принимает народный характер, присоединившиеся к франкам греки покидают их; рыцарей тревожат с тыла и вовлекают в засады, в которых погиб и один баннерет (барон со своим знаменем); но Брашейль, уклонившись от засады, пробился к берегу. Скоро он опять появился в Лопадии.

Генрих со своей стороны разбил Манкафу, с которым был брат Ласкаря. Греки думали уже, что все потеряно и в Малой Азии; народ стал платить франкам подати в занятых ими областях. Дело Ласкаря казалось проигранным.

Спасла его катастрофа франков во Фракии. О соглашении Калояна с Ласкарем для 1205 г. известий нет, но вторжение болгар, гибель войска Балдуина и плен самого императора заставили франков поспешно очистить Малую Азию. Осталась за ними лишь латинская колония Пиги. Конец 1205 г. и 1206 г. положили начало царству Ласкаря, тогда как во Фракии греки, наоборот, встали на сторону франков под впечатлением ужасов нашествия влахов и болгар.

По уходе латинян греческий претендент Ласкарь остался вершителем судеб Вифинии и Мизии, «властителем ромэйских восточных областей», как он назван в заглавии составленного Хониатом оффициального «силенция».* Очередь подчиниться Ласкарю была теперь за такими старыми городами, как Никея и Брусса. Законный царь Алексей скитался на Западе и был лично ненавистен всем, кто его знал. Популярность Ласкаря воз-

* «... κρατοῦντος τῶν Ρωμαϊκῶν ἀνατολικῶν χωρῶν». Σαθα. Μεσαιωνικὴ βιβλ., t. I, p. 97. Венеция, 1872. *(Ред.)*.

росла. Он не только показал себя вождем дружины, энергичным и неутомимым воином, воодушевлявшим других, но он строго соблюдал, как указывает Акоминат, обычаи царя и полководца, чтил святыню церкви. При его дворе или в его лагере провозглашались суровые идеалы служения народу постом и молитвою; настоящим же постником, — поясняет Акоминат от лица Ласкаря, — является тот, кто обуздывает свой дух, не обижает и не оскорбляет ближнего, а наоборот — насыщает голодного, дает кров бесприютному, одевает не имеющего рубахи.

Самосохранение требовало признать Ласкаря немедленно, объединиться под его знаменем. Со стороны севера угрожал Вифинии полководец партии Комнинов, брат трапезунтского царя Давида, с его золотою молодежью и войсками из чуждых лазов и грузин; со стороны суши всегда угрожали сельджуки, хищные массы, пробивавшиеся к морю, и теперь у них был новый султан Кей-Хюсрев, знакомый с греческой культурой, зять Маврозоми; со стороны франков несомненно следовало ожидать энергичного наступления при новом императоре Генрихе.

При таких условиях граждане Никеи не замедлили признать власть Ласкаря. В этом событии должны были участвовать духовенство и эмигрировавшие в Никею архонты. Признание претендента Никеей имело решающее значение для основания греческого царства. Никея Ласкаря не замедлила привлечь к себе оставшихся в столице патриотов, как, например, Николая Месарита. Эмиграция духовенства и ученых сделала Никею духовным центром независимых греков. Здесь они имели многочисленные храмы и монастыри, нетронутые церковные ризницы и книжные богатства, часть которых была перевезена в Константинополь с восстановлением Палеологом древнего царства. Сохранилось похвальное слово Никее, составленное в конце XIII в. Феодором Метохитом. Он описывает мощные римские стены, окружавшие Никею, с их высокими многочисленными башнями, периволом (второй внешней стеной) и илистым рвом; громадный город с рядами пристроенных друг к другу высоких разукрашенных домов, многочисленные бани, больницы и богадельни, часть которых впрочем выстроена позднее никейскими царями. Ласкарь еще не имел в Никее ее философской и богословской академии, хранительницы православного просвещения в XIII в., но его встретили подготовившие эту академию деятели, ученые монахи, спасшиеся из Константинополя; существовал также тот монастырь, в котором была устроена школа. Метохит его не называет, но мы узнаем по его описанию обитель Иакинфа, храм которой в честь Успения божьей матери сохранил свои мозаики. Церкви были рассеяны по всему городу, из них назван Метохитом храм мученика Трифона, особо чтимого в Мизии и Вифинии; он «являлся» ежегодно на весеннем празднике горожан Никеи; были в городе подворья Вифинских монастырей, по крайней мере известен один, приютивший Николая Месарита. В разва-

линах находилась повидимому уже в XIII в., судя по отсутствию описания у Метохита, главная святыня св. София, митрополия, в которой заседали вселенские соборы; однако она еще в XIV в. могла быть приспособлена султаном Орханом под мечеть.

Постройкам и древнему культурному значению Никеи соответствовали природные богатства ее окрестностей: рыба, овощи, хлеб и скот поступали на рынок в изобилии. Теперь Ласкарь имел под рукою значительные материальные средства, и из «властителя восточных областей» хозяин Никеи не замедлил стать «царем восточных ромэйских городов».

Остановка была за патриархом. Он был нужен для помазания на царство и был вообще необходим при царском дворе для церемоний и для управления, церковного и гражданского. Старый патриарх Иоанн Каматир жил во Фракии, в городе Дидимотихе, и отказался переехать в Никею, вероятно потому, что был родственником супруги законного царя Алексея. Отказался приехать и знаменитый митрополит афинский Михаил Акоминат. Собравшееся в Никее духовенство избрало патриархом Михаила Авториана, который через несколько дней, в марте 1206 г., помазал Ласкаря на царство, через 2 года по взятии Константинополя франками. Новому царю было 30 лет.

Является вопрос, каким титулом был коронован Ласкарь? Как могли его сделать самодержцем всех ромэев при жизни царя Алексея, тогда как нужно было избегать всякого ложного шага, опасного для слабого еще царства, которое рассчитывало прежде всего на идейную поддержку патриотов-легитимистов? Исход был найден, повидимому, в том, что Ласкарь был венчан на царство в о с т о ч н ы х греков. Так его называет в своем письме митрополит Акоминат, так он назван в заглавии оффициальной речи Никиты Акомината: «... кир Ласкарь Феодор, царствующий над восточными ромэйскими городами, когда латиняне владели Константинополем и Иоанн Болгарский [Мисийский] опустошал западные ромэйские области». Из 5 ктиторских надписей Ласкаря на крепостных стенах лишь на одной никейской он назван «самодержцем ромэев», и она может относиться к концу его царствования. На другой никейской и на брусской он именуется «н а ш и м господином» и «н а ш и м царем», на ираклийской просто самодержцем, на обломке третьей никейской — повидимому, без титула при имени. В адалийской надписи 1216 г. не сохранилось ни имени, ни титула царя. Титул царя восточных ромэев соответствовал бы фактическому положению дел, но с точки зрения византийского государственного права он мог лишь означать временное состояние впредь до изгнания франков из Константинополя и объединения греков. Эти цели должны быть поставлены с самого начала для осуществления идеи византийского царства. Но и до того в управлении Ласкарь стал царем над всеми, на кого распространялась его державная власть, и с момента венчания его

слово получило силу, освященную религией. С этой точки зрения интересно проследить ход мыслей Никиты Акомината и его придворном «силенции».

За труды Ласкаря на пользу нации (γένος) бог возвысил его на царство ромэйских городов на Востоке, и теперь на нем покоится десница Господа. Никто не смеет ослушаться помазанника. Перед ним великая цель. Если столица сожжена за грехи народа, то бог оставил семя — царство Ласкаря. Богу желательно, чтобы подданные без принуждения повиновались царям, ибо и в природе существует необходимый порядок. За справедливым и послушным царством обеспечена помощь божия. «Если мы будем соблюдать такой порядок в управлении, — пишет Акоминат, — то сможем сказать: „восстань и ввергнись в море“ горе сей, племени италов [франков], у которого каменное сердце и гордость выше холмов и гор, кто, переправившись по морю, вторгся в нашу землю и широко разинул на нее свою пасть; и снова возвратим себе родные земли, которых мы лишились, — древнее, исконное наше обиталище, рай и град сли Господа у Геллеспонта, град бога нашего, знаменитая и желанная для всех народов, исконная утеха вселенной. И сподоби, Христе .... нас, проведших четыредесятницу, воспеть тебе воскресную песнь и в будущем победные на врагов гимны; если же удастся Ласкарю, как новому Моисею, отпраздновать и вход свой в град, из которого был изгнан, то это будет чудо из чудес твоих. Тогда и прочая паства, услыша голос царя, соберется воедино в одну овчарню, не будучи доселе от двора сего, и будет едино стадо и един пастырь» ...*

Вскоре по венчании на царство Ласкарь заключил перемирие с Генрихом, которому было не до Азии, и отправился на юг собирать греческие земли. Он выгнал из Филадельфии Манкафу, из округа Сампсона — архонта Савву; затем он напал на Маврозоми, владевшего долиною Меандра под турецкий отряд, но ссориться с Кей-Хюсревом было опасно, и Ласкарь покровительством своего зятя султана Кей-Хюсрева. Ласкарь разбил его предпочел оставить Маврозоми верхнюю часть долины с городами Хоны и Лаодикея. Царство Ласкаря в короткое время увеличилось чрезвычайно, охватив почти все восточные ромэйские города. Ему было подвластно, сверх Вифинии и Мизии, все богатое побережье Эгейского моря до Меандра с городами Смирной, Филадельфией, Эфесом и многими меньшими; его царство доходило до Галатии и Каппадокии, внутри полуострова со стороны Икония оно доходило до Филомилии, крепости во Фригии. Но страна была разорена и население немногочисленно. Тем не менее в руках Ласкаря оказались значительные средства, обогащавшие прежде местных архонтов. Утвердив на местах поколебленную государственную власть, Ласкарь мог

* Σάθα. Μεσαιωνική βιβλ..., pp. 106—107.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

ИКОНИЙСКИЙ СУЛТАНАТ

ГРУЗИНСКОЕ ЦАРСТВО

Византийские владения на азиатском побережьи и Трапезунтская империя — около серед. XIII в.

Иконийский (Румский) султанат сельджуков и его вассалы — около серед. XIII в.

Грузинское царство при Тамаре (нач. XIII в.)

Вассальные области и сферы влияния Грузии в нач. XIII в.

Государства крестоносцев в Сирии в XIII в. (в скобках — даты захвата мусульманами главнейших городов)

Иконийский султанат во времени его окончательного распада (в начале XIV в.)

ХАМИД — Границы и названия турецких областей выделившиеся из Иконийского султаната в начале XIV в.

Владения Византии в Азии около 1326 г.

" " " около 1355 г.

50 0 50 100 150 км

Завоевания османов в Малой Азии (до 1402 г.)

Малая Азия, Сирия и Закавказье в XIII—XIV вв.

теперь располагать достаточными суммами для возобновления крепостей. У него является свой флот. Бывший корсар итальянцев Стирион поступил к нему на службу со своими кораблями, как прежде служил константинопольским царям.

Опаснейшим врагом с греческой стороны был для Ласкаря представитель партии Комнинов, молодой Давид, «царский потомок», как он называл себя на своей печати, или «отрок с Понта», как его именовал никейский писатель Акоминат. Его имя звучало громче, чем имя Ласкаря, и с ним также была византийская знатная молодежь. Через несколько месяцев по взятии Константинополя Давид вторгся из Пафлагонии с войсками из грузин и лазов и дошел до Никомидии, приводя население под руку своего брата Алексея Трапезунтского; но Ласкарь, тогда еще не венчанный на царство, наказал его немедленно. Стороною, прорубая дорогу в лесной чаще, сам впереди с топором в руке, спуская на горных стремнинах коней на веревках, Ласкарь напал на авангард Давида внезапно, разбил и захватил в плен его начальника, знатного Синадина. Давид был отогнан до самой Ираклии Понтийской. Неуспех «отроков с Понта» объясняется не только военными талантами Ласкаря, но и союзом его с турками. Последние под Амисом (Самсуном) задержали войска Алексея Трапезунтского, и Давид не мог получить помощи от брата. Коалиции Ласкаря с турками была противопоставлена другая. В 1206 г., заключив союз с франками, Давид выступил опять и захватил Прусиаду (в северной Вифинии, ныне Ускюб). Ласкарь опять прогнал Давида в Ираклию и взял бы ее тогда же, если бы не франки, которые заняли у него в тылу Никомидию; Ласкарь должен был отступить окольными путями, теряя людей при переправе через разлившиеся зимою горные потоки. Давид мог бы успокоиться, но вместо того он в третий раз (1207 г.) напал на владения Ласкаря, опустошил область Прусиады, изгоняя ставших на сторону Ласкаря крестьян. Получив от франков помощь людьми и провиантом, он дошел до Никомидии. Ласкарь послал против латинского отряда своего полководца Андроника Гида, который при местечке Трахее истребил франкский отряд в 300 человек; сам Ласкарь ударил на Давида и гнал его до Синопа. Вся область к западу от реки Галиса с городами Ираклией и Амастридой досталась победителю. Давид более не беспокоил Ласкаря, ему пришлось отбиваться от турок, решивших взять Синоп. Крепость была ими взята в 1214 г., и Давид пал при ее защите.*

Помощь франков Давиду была нарушением перемирия Генриха с Ласкарем, но и латиняне жаловались на грабежи никейского адмирала. Впрочем, между энергичным устроителем империи Генрихом и новым греческим

* Сельджукский источник говорит не о Давиде, но о царе Алексее Трапезунтском.

царем в Никее, франками не признанным в таком звании, не могло быть прочного мира. В конце 1206 г. Генрих отправил в Пиги Петра Брашейля с братом своим Евстахием, двумя другими баронами и с 140 лучшими рыцарями. Брашейль занял бывший в руинах Кизик, назначенный ему в лен, укрепил его со стороны перешейка двумя фортами и начал грабить владения Ласкаря. Произошел ряд стычек с переменным успехом. С другой стороны Тьерри де-Лос занял свой лен Никомидию, укрепил ее акрополь и соседний «монастырь» св. Софии, откуда нападал на область Никеи, отстоявшую всего на один день пути. Макарий Менегу выстроил на берегу Никомидийского залива замок Харакс (ныне Херекс), развалины которого существуют и поныне. Гильом де-Санс овладел Киосом, у которого вливаются в море воды Никейского озера. Латиняне оцепили Ласкаря со стороны моря и собирались утвердиться прочно, как во Фракии и Пелопоннесе. Царство Ласкаря оказалось в тисках между франками и турками (сельджуками), пробивавшимися и к Черному морю (у Синопа), и к Эгейскому у Атталии, которую и взяли (1207 г.), одолев Альдобрандино. Ласкарь не мог держаться один и завязал или возобновил сношения с Калояном Болгарским, разорителем греческой Фракии, который, вероятно, и по собственной инициативе, обложил Адрианополь. Это заставило императора Генриха отозвать из Малой Азии большую часть своих сил, оставив в Кизике достаточный гарнизон, а в Киосе — всего 40 рыцарей под начальством Макария Менегу. Немедленно Ласкарь отрядил часть войска наблюдать за Кизиком, а с главными силами обложил Киос. У него были и стенобитные машины и флот. Рыцари защищались, как герои, но, сражаясь врукопашную вследствие неисправности городских стен, все были переранены и погибли бы, если бы сам Генрих не явился к ним на помощь на итальянских купеческих судах. Латинский флот заставил греческий выброситься на берег, где Ласкарь его сжег, и затем отступил от Киоса. Но Генрих предпочел увести своих рыцарей из полуразрушенной крепости, и Ласкарь, несмотря на поражение, добился своей цели. Уже через месяц он осаждал Кизик, и у него опять явился флот с соседнего острова Мармары (Проконнис), сохранившего независимость от франков. Встревоженные латиняне опять отправились выручать своих на венецианских судах. Адмирал Ласкаря Стирион спасся бегством в Дарданеллы, и венецианцы безуспешно за ним гнались. Сам Ласкарь также отступил в глубь страны. И на суше и на море греки не могли еще держаться против латинян, тем не менее они начали иметь успех, опираясь на родную страну и имея энергичного царя. Неутомимый Ласкарь напал на Никомидию, и опять его отразил Генрих. Но по уходе императора и благодаря перебежчику-франку Ласкарь захватил в плен самого барона Никомидии Тьерри, вышедшего за провиантом. Пленные рыцари были отведены в Никею. Это был крупный козырь в руках греков, так как латиняне, особенно сам Генрих,

считали позором не выручить своих во что бы то ни стало. И когда Генрих явился перед Никомидией, нещадно разоряя греческих крестьян за их верность никейскому царю, Ласкарь мог предложить Генриху перемирие на самых выгодных для себя условиях. За своих пленных франки отдали и Никомидию и даже Кизик, лен храброго Брашейля. Перемирие было заключено на 2 года (1207 г.). Невероятно, чтобы третий поход против Давида и истребление франкского отряда имели место после этого перемирия, а не до него; наоборот, возможно, что после перемирия Брашейль, действуя самостоятельно, захватил Пиги при помощи некоего славянина Варина (из села Вари).

Но Ласкарь хотел вступить в ряды признанных Европой государей. Первым шагом для этого было, по примеру Калояна, обращение к папе Иннокентию. Сохранился лишь ответ папы. Послание Ласкаря было длинное и содержало перечисление всех злых дел латинян в Константинополе. Вероятно, оно было составлено духовными советниками никейского царя и материал этого послания был заимствован из обличительной литературы. В письме Ласкаря была и другая часть. Не довольствуясь разорением Константинополя, — жаловался он папе, — франки нарушают перемирие и упорно не хотят согласия между христианами. Обращаясь к посредничеству папы, Ласкарь просил прислать легата, который устроил бы прочный мир на тех условиях, чтобы море было признано естественной границей между владениями франков и греков, другими словами — чтобы вся азиатская Романия была признана за Ласкарем. За то он обещался содействовать крестовому походу против измаилитов, а в противном случае он угрожал вступить в союз с чужеродными язычниками-влахами, т. е. с Борилом. Не видно из ответа Иннокентия, требовал ли Ласкарь признания за ним царского достоинства. Во всяком случае папа на такую точку зрения не встал и обращается к никейскому царю как к «знатному мужу Феодору Ласкарю». Он даже советовал «его знатности» смириться и пред лицом возлюбленного во Христе сына, константинопольского императора Генриха, принести ему ленную присягу на верность и службу. Некогда Иеремия советовал евреям покориться неверному Навуходоносору: тем скорее Ласкарь должен подчиниться католическому и верному церкви государю, которому дал империю всевышний, в неисповедимых путях своих передающий царства и изменяющий времена. Латинских насилий папа не извиняет и перемену направления крестового похода приписывает интригам царевича Алексея Ангела, но греки потеряли царство за грехи, за то, что разодрали ризу Христа — церковь. На этих условиях подчинения Генриху Иннокентий готов дать инструкции своему легату, и Ласкарю надлежит выслать своих уполномоченных в Константинополь.

Ласкарь был далек от согласия последовать советам Иннокентия. Казалось, ему не было настоятельной нужды вступать в союз с Борилом,

добившись ухода франков из Никомидии и Кизика. Перед ним открывалось благополучное царствование над всеми греками Малой Азии, кроме Трапезунта. Многочисленные и отборные франкские наемники находились в рядах его панцырной конницы, и даже сам Брашейль, захватив самостоятельно Пиги, был готов служить Ласкарю против Генриха, заставившего Брашейля отказаться от лена Кизика, который защищался им так храбро. В позднейшем (1212 г.) письме Генриха на Запад находится указание на замышлявшийся Ласкарем и Брашейлем поход против Константинополя. Но их дружба не была прочной, и в следующем году Генрих сообщил папе, что Ласкарь захватил Брашейля и греки содрали кожу с прославленного витязя.

Время перемирия было для Ласкаря затишьем перед большою бурею, в которой он едва не погиб и спасся с большими потерями. Его новое, столь обширное царство должно было испытать натиск сильных врагов: турок и Генриха после объединения последним под своею властью европейской Романии. Болгары при слабом Бориле не могли выручить Ласкаря в критическую минуту.

Султан Кей-Хюсрев, занявший престол вторично (1204—1210 гг.), на первых порах не воевал с Ласкарем и даже величал никейскую царицу Анну своей сестрою, так как во дни своего изгнания был усыновлен ее отцом царем Алексеем. Кей-Хюсрев был знаком с греческой культурой и усиленно пробивался к морю. В этом стремлении он встретился с новой сильной державой Ласкаря и стал относиться к ней подозрительно. Впрочем и Ласкарь задержал Кей-Хюсрева и его сыновей, когда он ехал занять престол. Обычных подарков, которые у турок назывались данью (харадж), он не давал, по крайней мере регулярно. Предлог к разрыву дал ему блуждавший старый царь Алексей. Он тайком пробрался из Эпира к султану и умолял своего нареченного сына помочь ему как законному царю против узурпатора Ласкаря; он не постеснялся стать орудием турок против национального царства своего зятя, надежды греков. Кей-Хюсрев был рад случаю подчинить своему влиянию земли Ласкаря с их гаванями. Он потребовал от никейского царя отречения в пользу Алексея (1210 г.) и вторгся в долину Меандра, обложив Антиохию во главе 20-тысячного войска. Ласкарь поспешил к Антиохии усиленными переходами, имея с собою 800 франкских наемников и своих греков, всего до 2000 всадников, надеясь напасть на султана врасплох. В кровопролитной битве франкская дружина, лучшая часть сил Ласкаря, была перебита окружившими ее турками; сам султан подскакал к Ласкарю и палицею сбил его с коня и велел уже людям схватить его. Лично храбрый Ласкарь подсек ноги коню Кей-Хюсрева и, отрубив голову упавшему султану, поднял ее на копье. По турецким источникам, убил султана не Ласкарь, но один из франков, состоявших

у него на службе.* Турки обратились в бегство и просили мира. Атталия уступлена была Ласкарю. В ореоле героя Ласкарь вернулся в Никею, и весть о его подвиге разнеслась по всему греческому миру. Никита Акоминат составил пышную речь, и его брат, изгнанный митрополит афинский, прислал с острова Кеос поздравительное письмо; и тот и другой ожидали похода на Константинополь. Старый Алексей был привезен в Никею и пострижен в монастыре Иакинфа, где и окончил свою грешную жизнь. Его, кажется, ослепили. Родственник его Мануил также был привезен в Никею; в одной из церквей цела его эпитафия.

Удача Ласкаря лишь ускорила наступление Генриха. Ему следовало предупредить всеобщее восстание греков. Из Никеи были разосланы во все области воззвания, которыми никейский царь приглашал на помощь в предстоящем походе для освобождения Константинополя от «собак латинян». С другой стороны, выгоднее было напасть на Ласкаря, пока он не оправился от понесенных потерь в битве с турками. Генрих заявил, что Ласкарь не победил в ней, но был разбит, намекая на гибель латинских наемников Ласкаря. Ведь и в собственном войске Генриха наемники составляли уже главную силу. Оба противника хотели предупредить друг друга и оба располагали такими силами, каких не имели прежде. Ласкарь напал на Пиги, латинскую базу в Мизии, но Генрих разбил его в первом же сражении, и греки были загнаны в горы, понеся большие потери. Войско Генриха беспрепятственно опустошало Мизию, греки не шли дальше мелких засад. Население было в отчаянии, не зная, как спастись от разорения и гибели. Теперь франки уже не щадили крестьян. Ласкарь собрал все силы, девяносто конных и пеших полков, из коих восемь состояли из новых латинских наемников. Они шли к щедрому Ласкарю, невзирая на папские проклятия.

Осенью 1211 г. произошла решительная битва на реке Риндаке около Лопадия: Генрих шел путем Брашейля в первую большую кампанию франков против Ласкаря. Никейский царь был разбит наголову и на этот раз, хотя у него, по словам Генриха, в одном полку было больше людей, чем во всем войске Генриха. Судя по описаниям битвы, сражались латиняне против латинян, а греки стояли на лесистых холмах.

Битва на Риндаке казалась катастрофой для Никейского царства. Ласкарь нигде не показывался, по словам Генриха в его письме на Запад. Но еще раз обнаружилось, что судьба национальных государств решается не битвами на открытом поле, но силою народного сопротивления. Франки покорили крестьянское население до турецких пределов и заставили платить им подати, но о взятии ими не только Никеи, но и других укрепленных старых городов не слышно. Как только франки уходили, власть Ласкаря

* J. Hammer. Histoire de l'Empire ottomane, I. Paris, 1835, p. 33.

восстанавливалась, а гарнизонов Генрих оставлять не мог, так как не имел людей. Через 2 года Генрих прошел Мизию до Нимфея (недалеко от Смирны), но повсюду заставал села, покинутые жителями. Война стала народной. При защите крепостей франки встречали ожесточенное сопротивление. Генрих взял Лентиану и Пиманинон. Обе крепости находились в Мизии недалеко друг от друга, первая — ближе к Кизику и к Лопадию. В Лентиане греки держались 40 дней, ели кожу щитов и седел. Генрих поступил с храбрыми врагами так же мягко и осторожно, как с ломбардскими баронами в Фессалии. Брата царя Феодора, Константина Ласкаря, а также царского зятя Андроника Палеолога и главного начальника Дермоканта он отправил к никейскому царю. Всех прочих сдавшихся ему служилых людей он, по словам Акрополита, распределил по полкам под начальством соплеменных им командиров. Во главе всех покорных греков он поставил Георгия Феофилопула и вверил им охрану восточных пределов. Генрих таким образом принял на свою службу местных греческих архонтов, военную и владетельную аристократию, организовав ее, как акритов, для защиты границ, и отдал им страну, крестьянство. Так же, как во Фракии, Генрих имел в виду создать баронии второго разряда, греческой национальности. В областях старых больших городов и крупных свободных сел такая полуфеодальная организация не имела бы успеха, и эти земли остались за Ласкарем; но и в покоренных франкским оружием областях аристократия изжила свой век и уже при Комнинах и Ангелах была ненавистна народу. Организация Генриха не устояла при встрече с национальным правительством преемника Ласкаря, популярным среди крестьянства, горожан и духовенства.

Чувствуя недостаточность своих сил, Генрих заключил с никейским царем прочный договор, по которому границей их владений были реки Риндак и впадающий в него Макест, далее хребет Кимина (между нынешними Балакессером и Адрамиттием на Эгейском море). Самый хребет с пунктом Каламоном на римской дороге в Иконий, по которой Фридрих Барбаросса шел от Геллеспонта, должен оставаться незаселенной нейтральной полосою. Другими словами, за латинянами оставалась Троада и Мизия, а за Ласкарем — область больших старых городов от Адрамиттия, Пергама и Смирны до Лопадия, Бруссы, Никеи и Ираклии на севере, а также все не занятые турками области к востоку от этих городов.

Договором Генриха с Ласкарем было признано франками самостоятельное от Романии Никейское царство. Натиск латинян был остановлен, точнее, сам остановился по недостатку сил. Впоследствии наступают уже греки.

С турками-сельджуками у Ласкаря продолжались столкновения из-за Атталии (Адалии), важного приморского города, бывшего владения династа Альдобрандино. В 1207 г. Атталия была взята Гийас-ад-дином

Кей-Хюсревом после двухмесячной осады, причем жители были перебиты и церкви обращены в мечети; но после катастрофы под Антиохией на Меандре (1210 г.) она перешла в руки Ласкаря. В 1215 г. она была вновь завоевана турками при сыне Кей-Хюсрева I султане Изз-ад-дине Кей-Кавусе I, а в 1216 г. она опять была в руках Ласкаря, оставившего на городских стенах ктиторскую надпись. При следующем султане Кей-Кубаде Атталия перешла опять к туркам. Сведения «Сельджук-намэ» об отношениях Кей-Хюсрева и его преемника к Ласкарю полны интереса и содержат ценные дополнения (пребывание Кей-Хюсрева у Маврозоми и в Никее, перевезение его праха в Конию), но не всегда достоверны, как хвастливая легенда.

Но важно, что в «Сельджук-намэ», источнике современном и носящем характер оффициальной хроники иконийских султанов, нет известия о таком событии, как пленение царя Ласкаря туркменами Кей-Кавуса в 1214—1215 гг., отпустившего убийцу отца за выкуп и земельные уступки. Это известие находится в хронике Абульфеды; в греческих источниках о подобном факте не упоминается. Вероятно предположение Фалльмерайера, что Абульфеда смешал Ласкаря с Алексеем Трапезунтским, действительно, попавшим в плен к Кей-Кавусу.

Кризис, наступивший в Латинской империи со смертью Генриха, оживил надежды никейского двора на изгнание франков из Константинополя. Возникли брачные проекты. Первая супруга Ласкаря, царица Анна, умерла, оставив трех дочерей, из коих старшая выдана была за венгерского короля Белу, младшая — за французского барона де-Кайе, а средняя была за Андроником Палеологом и, овдовев, была выдана за знатного сподвижника царя Феодора, Иоанна Дуку Ватаци. Затем Ласкарь просил руки дочери армянского короля Левона II, но тот обманул Ласкаря, прислав ему вместо дочери племянницу Филиппу, и даже требовал, чтобы царь до брака не вступал с нею в сожительство (по этому поводу было дошедшее до нас синодальное постановление); так как вслед за тем Левон выдал свою родную дочь за иерусалимского латинского короля Иоанна Бриеня, то оскорбленный Ласкарь отослал Филиппу обратно (1215 г.), а прижитого от нее сына не признал наследником престола. В 1218 г. состоялся брак Ласкаря с Марией, сестрой константинопольского императора Роберта де-Куртенэ. Этот брак имел очевидное политическое значение. Ласкарь желал усилить еще более родственные связи с латинской династией в Константинополе браком своей младшей дочери Евдокии с императором Робертом, на сестре которого был сам женат, и, несмотря на все противодействия духовенства такому нарушению канонов, осуществил бы свой план, если бы ему не помешала смерть.

Не только путем фамильных связей Ласкарь добывал себе права на константинопольский престол. У него был определенный план воспользоваться слабостью империи для открытого нападения. Имея в виду те же

политические обстоятельства, венецианцы заключили договоры со своими соперниками генуэзцами и в 1219 г. — с иконийским султаном Ала-ад-дином Кей-Кубадом I и с Ласкарем; оба договора были временные, и их подписал не дож, но подеста в Константинополе Тьеполо. Ласкарь назван в договоре полным царским титулом: «Феодор во Христе боге верный [т. е. православный] царь и самодержец ромэев и присно Август Комнин Ласкарь». Венецианцы получали право беспошлинной торговли не только в гаванях, но и внутри Никейского царства; а греческие купцы, прибывавшие в Константинополь и в подвластные Венеции земли Романии, были обязаны платить коммеркий (таможенную пошлину). Следовали обычные в венецианских договорах постановления, охранявшие товары и имущество потерпевших крушение и умерших купцов. Сверх того Ласкарь обещал не посылать свой флот в воды Константинополя и не вербовать солдат в венецианских владениях; ни одна из договаривавшихся держав не должна подделывать монеты другой, золотые (иперпиры, манослаты) и медные (stamina).

Обеспечив себя несколько с венецианской стороны, Ласкарь замыслил захватить Константинополь врасплох, пользуясь отсутствием императора Роберта. Подобный захват он замышлял и при Генрихе. Но регент, старый крестоносец Конон де-Бетюн, предупредил Ласкаря, выслав в Малую Азию отряд. До войны дело не дошло, так как Роберт приехал, и франки вернулись в столицу. Вместо того был заключен мирный договор с разменом пленных (1221 г.) при деятельном посредничестве Марии, супруги Ласкаря и сестры Роберта. В следующем, 1222 г. Ласкарь умер и был погребен в никейском монастыре Иакинфа, рядом с царицей Анной. Наследовал царю Феодору, по его воле, зять Иоанн Дука Ватаци, муж царской дочери Ирины.

Феодор Ласкарь был прежде всего воин, представитель греческой служилой аристократии. В походах он провел, кажется, не меньше времени, чем в Никее. Смелость и неутомимость вместе с преданностью национальному делу были коренными чертами его характера с юности. Часты были его военные неудачи, неоднократно его царство было на краю гибели, но нельзя это ставить в вину ему одному: он давал, что мог, закалил свои полки, лично подавая пример и заботясь об обороне, нанимал латинян, имел флот и машины, возобновлял крепости и, главное, не падал духом. С другой стороны, нельзя ставить ему одному в заслугу устройство нового царства: его окружали такие опытные в делах патриоты, как Хониат (Акоминат), за ним была поддержка духовенства, в него уверовали, видя его энергию, горожане и крестьянство. Храбрый и щедрый, жизнерадостный и даже женолюбивый, этот смуглый, небольшого роста человек сумел приобрести популярность и заставил верить в себя. Церемониал и царские обычаи он соблюдал свято, но не терпел богословских споров.

Его историческое значение переросло его личность: он явился даже в глазах современников «божьим семенем», «родоначальником нации», «новым Моисеем»; возвращение Константинополя его двору казалось достижимым: плоды трудов Ласкаря пожали его преемники, прежде всего ближайший царь Иоанн Ватаци.

По смерти Феодора Ласкаря за неимением прямого наследника (малолетний сын от армянки был устранен самим отцом) и несмотря на наличность взрослых братьев, Алексея и Исаака, престол перешел — и, повидимому, беспрепятственно — к зятю Ласкаря, протовестиарию Иоанну Дуке Ватаци, родом из фракийских архонтов из Дидимотиха (Димотики), внуку прославленного в боях губернатора фемы Фракисийской в Малой Азии. В сказании, составленном в XIV в., Ватаци называется Иоанном Фракийцем.

При занятии им престола большую роль сыграла его супруга Ирина, унаследовавшая энергию и честолюбие ее отца Феодора Ласкаря. Без замедления Ватаци был помазан на царство патриархом Мануилом.

Продолжительное, свыше 30 лет (1222—1254 гг.), правление Ватаци доставило Никейскому царству большое благополучие и силу. По природе Ватаци был расчетлив, обладал упорством и осторожностью, особенно в военных делах, — качествами самыми необходимыми для укрепления юных государств. Хозяином он был превосходным, накопил большие богатства, вел постоянные войны при помощи наемников и притом не разорил народ, но облегчил его судьбу, обеспечив порядок и безопасность и защищая от произвола властелей. По отношению к церкви царь Иоанн мог быть и был весьма щедрым. В памяти народа и церкви он остался с ореолом святого царя, отца и устроителя государства. Сохранилась даже посвященная его памяти церковная служба с кратким житием, изобилующим, впрочем, историческими неточностями. Святостью жизни Ватаци, однако, не отличался. Его главными достоинствами были, как сказано, цепкое упорство, система и осторожность. Приближенный к нему Акрополит дает своему государю следующую характеристику: «он умел искусно находить способы сохранить свое, чем дорожил, и в то же время справиться с враждебным ему, чтобы этими двумя способами соблюсти свои интересы». Хотя Ватаци отнюдь не любил подвергать себя и свое государство риску сражений и прежде всего имел в виду культурные задачи и успехи своей страны, он должен был вести войну и лично быть в походах в течение всего своего долгого правления. Умело пользуясь политическими обстоятельствами и силами своего народа, он достиг больших успехов и смог избегнуть крупных катастроф.

В отношении к аристократам, служилой и земельной знати, царь Иоанн был или же стал подозрителен и суров. В этих кругах его не любили и могли предпочитать двор Комнинов Дук. Характерен выше приведенный

отзыв македонского архиепископа Хоматиана. На первых же порах царю Ватаци пришлось столкнуться с заговором аристократов. Во главе стоял знатный богач Андроник Нестонг, метивший в цари; соучастниками были его брат и несколько вельмож никейского двора, между ними начальник гвардии. Царя предполагалось изменнически убить. Заговор был раскрыт во время похода против франков. Сжегши только что отстроенный флот, дабы он не достался франкам, Ватаци быстро вернулся и схватил заговорщиков. Только двоих царь ослепил и изувечил, остальные отделались заключением; самого же претендента Нестонга, который приходился ему родственником, Ватаци посадил в крепость и сам доставил ему случай бежать к туркам. После этих событий Ватаци, по известию Акрополита, стал осмотрительнее и не придерживался прежней свободы в обращении, окружил себя стражей и телохранителями, дежурившими день и ночь. Особенно повлияла на него, по словам Акрополита, жена его, царица Ирина, мужественная по характеру и со всеми обращавшаяся по-царски.

Обойденные братья Ласкаря, севастократоры Алексей и Исаак, убежали к франкам, предприняв неудачную попытку захватить с собой племянницу Евдокию, дочь царя Феодора и невесту латинского императора Роберта. Севастократоры были не одни, но стояли, повидимому, во главе той служилой аристократии, которая предпочитала стать полулатинскими вольными баронами и ненавидела дисциплину национального государства, двора Ватаци. Столкновение разыгралось в той же части Мизии и Троады, которая была организована императором Генрихом как автономная окраина под управлением греческих архонтов. Сюда явились оба Ласкаря с франкским отрядом. Они не рассчитали своих сил, и дело Генриха погибло в одном сражении под Пиманиноном, у храма Михаила Архангела (1224 г.). Оба Ласкаря попали в плен к царю Иоанну, лично командовавшему своими войсками. Вслед за тем были взяты все крепости франков в Малой Азии, частью после упорного сопротивления и с применением осадных машин, частью без сопротивления. Важнейшими из них были Пиманинон и Лентиана. Схваченных архонтов царь Иоанн казнил, обоих Ласкарей ослепил. Восстание ласкаридов и их партии было подавлено круто, раз навсегда; и организованная Генрихом франко-греческая окраина превратилась в рядовую провинцию Никейского царства.

Битва при Пиманиноне означала конец господства франков в Малой Азии. Одновременно войска императора Роберта были разбиты западными греками под Сересом. Флот царя Иоанна Ватаци завладел ближайшими к малоазиатскому побережью большими и богатыми островами Самосом, Хиосом, Митиленою (Лесбосом) и другими, принадлежавшими к доле латинского императора по разделу. Ватаци отнял у князя наксосского Санудо Аморгос и передал его Гизи; добился номинального подчинения родосского кесаря Льва Гавалы. Появившись в Дарданеллах, флот Ватаци

стал грабить венецианские колонии на северном берегу пролива; без сопротивления он овладел Галлиполи, Мадитом (ныне Маидос), Систом. В 1225 г. Ватаци, занятый вышеупомянутым заговором Нестонга, заключил с Робертом мир, по которому получил Пиги (ныне Бига), последнюю опору франков к югу от Мраморного моря, старую венецианскую факторию по торговле хлебом и скотом, и завладел территорией, прославленной подвигами императора Генриха Фландрского и барона Петра Брашейля. Область Никомидии Ватаци подтвердил за Латинской империей и возобновил помолвку императора Роберта с Евдокией, дочерью царя Ласкаря.

События влекли Ватаци на север, за Дарданеллы. Адрианополь призвал его войска (1224 г.), и небольшой никейский отряд под начальством Неи и Камицы занял крепость Адрианополя, но вскоре сдал ее без боя Феодору Комнинодуке.

В продолжение нескольких лет Ватаци, остановленный этой неудачей, не предпринимал походов на север. Его удерживали силы царя Феодора, находившегося в апогее могущества. В своей новой резиденции Нимфее возле Смирны Ватаци был занят церковными и хозяйственными делами. К этому времени относится полемика никейской патриархии с эпирским духовенством и переговоры с папской курией. Около 1231 г. никейский двор посетил Савва Сербский проездом из Иерусалима на Афон. Он был принят с большими почестями царем Иоанном и царицей Ириной, помнившей дружбу ее отца Ласкаря с сербским архипастырем. Савва получил в дар драгоценный крест с частицею Животворящего древа, церковную утварь, облачения, богатые дары и все нужное для путешествия на Афон вплоть до царского корабля. Выше было изложено, что в последние годы царствования Феодора Ласкаря и при патриархе Мануиле Сарантине Харитопуле Савва добился признания сербской церкви автокефальной, а для себя — права ставить епископов не только в нынешней Сербии, но и Боснии и южной Венгрии. Этот акт никейской патриархии был направлен против главы западного греческого духовенства архиепископа охридского, всея Болгарии.

После катастрофы Феодора под Клокотницей могущество болгарского царя Асеня удерживало осторожного Ватаци от походов во Фракию, родину царя Иоанна.

Ватаци стремится обеспечить свой тыл, свою власть в Архипелаге. Родосом и ближайшими островами при Феодоре Ласкаре правил вполне самостоятельно, как вотчиною, кесарь Лев Гавала́, из знатного критского рода. Около 1225 г. Гавала должен был признать номинальную власть никейского царя. При Ватаци наступило решительное столкновение. Оффициальные никейские историки, как Акрополит, считали Гавалу изменником. Более беспристрастный ученый Влеммид, который при проезде ко св. Местам был ласково удержан Гавалою в одном из родосских монасты-

рей, наоборот, подчеркивает, что кесарь Гавала не подал повода к разрыву. Причина проста: Родос лежит на торговых путях в Сирию, Египет, на Кипр и на Крит, и обладание им было заманчиво. Сам Ватаци лично выступил против Гавалы во главе всего флота и большого войска, но потерпел неудачу. Вернувшись на материк, он снарядил вторую экспедицию под начальством Андроника Палеолога, но и тот был отбит при попытке взять столицу Гавалы. Палеолог за то разграбил весь остров, кроме крепости Родоса, увез с собою и Влеммида.

Гавала не замедлил вступить в союз с венецианцами (1234 г.), которые боялись за свой Крит. Кесарь признал при этом вассальную зависимость от дожа Тьеполо, в знак чего он обязался посылать ежегодно ризу на престол св. Марка в Венеции. Договор был выгоден для обеих сторон, обеспечивая не только взаимную помощь в случае нападения Ватаци на Родос или на Крит, но также и свободу торговли и личные привилегии купцов в гаванях обеих договорившихся сторон. Ватаци здесь ничего не мог поделать. Лев Гавала продолжал править Родосом, как самостоятельный государь, и чеканил монету, как и его брат Иоанн и их потомки. Для борьбы с Венецией Ватаци был слаб, несмотря на попытки завязать дружбу с ее вековечными соперниками генуэзцами. Ватаци пытался перенести войну на венецианский Крит, воспользовавшись восстанием местных архонтов, и послал флот из 33 судов. Помогавший венецианцам наксосский князь Санудо поспешил оставить остров, и греки завоевали Ретимно, Милопотамо, Кастельнуово; но прибытие сильного венецианского флота заставило их искать мира, и греческий флот погиб от бури на возвратном пути.

Ватаци обратился в другую сторону. Положение Латинской империи после 1224 г. становилось безнадежнее с каждым годом. Император Роберт за свое беспутство был опозорен своими баронами и умер в Греции (1228 г.). Престол был занят малолетним Балдуином II, и к активной политике Латинская империя была, казалось, неспособна. Крайне стесненная территориально, Латинская империя обеднела. С севера ей угрожал Феодор Комнинодука, а после 1230 г. — Асень Болгарский; со стороны Азии франки еще располагали областью Никомидии, но в Дарданеллах хозяевами уже стали греки. Прибывший в 1231 г. Иоанн Бриенъ, новый император-соправитель и старый прославленный герой, лишь в 1233 г. собрался отнимать у Ватаци прежние латинские владения и высадился в той гавани Лампсака (Ὁλκός) которая служила для Ватаци морской базою. Силы никейского царя были истощены неудачными походами на Родос, и Ватаци отступил в Сигрианские леса, где на морском берегу стояла обитель Феофана Исповедника. Бриень наступал, придерживаясь берега Мраморного моря, дошел до Кизика, свернул вглубь материка и осадил бывшую венецианскую факторию Пиги. Ватаци держался в лесистых горах, собрав скот и хлеб в недоступных местах. Греческий гарнизон

Пиги защищался храбро, но измена открыла франкам доступ внутрь крепости. Однако Бриень там удержаться не был в состоянии, так как Ватаци, будучи хозяином страны, прекратил подвоз провианта, и франки ни с чем вернулись в Константинополь.

С другой стороны, неудачи Ватаци под Родосом и на Крите, гибель его флота утвердили венецианское господство на море, и без того решительное. Теперь венецианцы угрожали греческим приобретениям на Дарданеллах, опять заняли Галлиполи и, обеспечив торговый путь в Константинополь, поддерживали правительство Латинской империи. Приезд Бриеня оживил баронов, и, хотя первый поход в Троаду был малоуспешным, следовало ожидать дальнейших шагов.

Прибытие в 1231 г. в Константинополь знаменитого старого рыцаря Бриеня в качестве императора-соправителя встревожило царя Ватаци. Ему было известно горячее участие курии в кандидатуре Бриеня. Одновременно и салоникский деспот Мануил признал римскую церковь своей матерью, желая сохранить свои владения от Ватаци под покровительством апостольского престола. Мануил даже принес ленную присягу Виллъгардуэну Ахейскому. В водах Архипелага никейским силам угрожали венецианцы и родосский деспот Гавала. Союз греков с Асенем Болгарским еще только намечался.

При таких условиях Ватаци пошатнулся на своем историческом и национальном пути, усомнился в возможности бороться с Западом, или, вернее, уберечь от Запада свою веру и свои предания. Он предложил своему верному патриарху Герману обратиться к папе с предложением вступить в переговоры о церковной унии (1232 г.). Длинное письмо было послано с проезжими францисканцами. Это первое обращение главы православия к «святейшему» папе написано в крайне почтительных и дружелюбных выражениях, но в то же время содержит горькие жалобы на новшества в церковном учении, на несоблюдение канонов, на уклонение от старинных обычаев. Все это привело к продолжительным и опустошительным войнам, к закрытию церквей. Во многих местах запрещена греческая служба, а на Кипре для греков наступило время мученичества. Патриарх разумеет требование латинян Кипра о подчинении их церкви православного духовенства во главе с архиепископом Неофитом, о заключении и сожжении 13 кипрских монахов за отказ допустить опресноки на литургии.* Папа должен найти утраченную драхму — церковное единство, — и греки искренно готовы в том ему помочь. И греки и латиняне уверены в своей правоте. Никто не видит изъяна на своем лице без помощи зеркала. Таковым являются для греков Писание, Апостольские каноны, Святоотеческие писания. Одновременно патриарх писал и кардиналам: «Много

* Документы см.: Σάθα. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, II.

великих народов мыслят с нами заодно, а все греки согласны с нами во всем. Первые [из православных] — занимающие первую часть Востока эфиопы, потом сирийцы и другие, еще их повнушительнее, — ивиры [грузины], лазы, аланы, готфы, хазары, и множество сверх числа русских, и великопобедный народ болгары».

Замечательно в письмах Германа, что он не называет себя и своих ни ромэями, ни православными, но греками (Γραικοί), следуя, может быть, словоупотреблению в посланиях курии. Церковь стала национальной.

Папа так ему и отвечает, как «патриарху греков». Константинопольским или вселенским папа, конечно, признать его не мог. Но все-таки признает титул Германа, т. е. признает Германа главою национальной греческой церкви, а не восточной, или ромэйской.

Папа ответил Герману, в общем, следующее. Все церковные дела разрешаются в последней инстанции папой, ибо церковь не может быть ни многоглавой, ни безглавой. Петр получил первенство над всеми апостолами, в том числе и над Павлом, который похоронен ведь в Риме. За нарушение церковного единства греческая церковь осуждена на служение светской власти и на упадок: вера ваша не развита, и охладела любовь; священнический сан у вас находится в небрежении. Латинская же церковь, не находя на себе изъяна в зеркале Писания, стала для всех всем и воздвигла стену против еретиков для охраны церковной свободы.

С такими любезностями были отправлены в Никею два доминиканца и два францисканца. Вслед за ними было послано второе письмо папы: Христова церковь получила духовный и светский меч, из коих второй отдан в руки светской власти для действия по указаниям церкви. По вопросу об опресноках разница лишь та, что греки поспешили вместе с Иоанном ко гробу Христа и убедились в разложении тела до момента воскресения и потому употребляют прокисший хлеб; а латиняне пришли с Петром ко гробу позже, убедились в воскресении и потому чтут в опресноках нетленное начало.

Нунции приехали в Никею в самом начале 1234 г., были встречены с честью и имели 7 собеседований во дворце и в патриархии. Спор начался с Filioque. Греки настаивали на неизменности никейского символа. Спор в течение пяти первых заседаний обострился до того, что присутствовавший царь снял с обсуждения поданное латинянами письменное заявление. На седьмом заседании перешли к опреснокам. Патриарх Герман, видя заранее бесплодность прений (в коих, по словам Влеммида, ипат философов Карик не имел успеха), предложил созвать собор восточных патриархов, чтобы оставить латинян в меньшинстве. Нунции ответили, что папа прислал их к нему одному, и уехали в Константинополь. На прощанье они заявили царю, что если греки в догмате согласятся с Римом,

то папа не потребует петь на службе Filioque; и если греки будут послушны римскому престолу, как было до схизмы, то церковный мир будет нерушимым. Патриарх же, покорный матери-церкви, встретит более милости, чем может ожидать, т. е., вероятно, намекалось на Константинополь и св. Софию.

На Пасху нунции опять были приглашены, на этот раз в царскую резиденцию Нимфей возле Смирны. Туда уже приехал и антиохийский патриарх. Герман опять начал с Filioque, а нунции желали предварительно разрешить обрядово-литургический вопрос об опресноках как более легкий и ближе ведущий к единению масс на почве обряда. А тут еще один из греческих архиереев поставил новый вопрос: не разумел ли папа в своем втором письме, что от Петра и от Иоанна идут два различных предания? Латиняне на это рассердились и начали обвинять греков в ереси: греки-де обмывают алтарь, на котором служил латинский священник, и не поминают папу на литургии. В ответ греки указали на осквернение крестоносцами святынь в Константинополе, анафеме же папу они не подвергают. И сам патриарх сказал: «папа первый меня исключил из своих диптихов», на что получил в ответ: «твоего имени никогда в них не стояло, а о предшественниках сам смотри, кто тому виною». Кончилось тем, что греки составили акт о недопустимости опресноков, а латиняне тоже написали акт о том, что не признающие Filioque суть сыны погибели. Царь пытался спасти положение путем компромисса: греки-де должны допустить опресноки, а латиняне — отказаться от Filioque; но компромиссы, обычные в делах политики, неприменимы в делах веры. Латиняне формулировали оба спорных вопроса и потребовали категорического ответа. Получив отрицательный, они объявили греков еретиками и покинули собор. Греки же кричали им вслед: «сами вы еретики!». Когда нунции отказались вернуться, несмотря на просьбу посланцев царя и патриарха, у них отобрали проводников и караван, и нунции, оставив багаж, пошли в Константинополь пешком; обыскав их вещи, греки взяли свои письменные уступки обратно. Последним письменным заявлением греков было полное отрицание Filioque.

Затеянная из политических видов уния не состоялась, и противоречия лишь обострились. Скоро отпала и политическая потребность в переговорах с папой.

При таких условиях Ватаци стал искать союза с Асенем Болгарским, хозяином Фракии. По обычаю того времени нужно было скрепить союз браком. Ватаци предложил женить своего 11-летнего наследника Феодора на 9-летней дочери Асеня и заключить союз против франков, нарушив мир между болгарами и франками. Предложение было охотно принято Асенем, влияние которого в Константинополе было утрачено с приездом Бриеня. Ватаци переправился через пролив и осадил Галлиполи, занятое венецианским гарнизоном (1234 г.). Сюда же прибыл Асень с женой и дочерью, и

помолвка состоялась; затем невеста с матерью была отвезена в Лампсак, где патриарх в присутствии царицы Ирины совершил бракосочетание. Договор между Ватаци и Асенем знаменовал союз между болгарским и греческим элементами против пришлых латинян и должен был привести к изгнанию последних. Неоднократно со времен Калояна и Феодора Ласкаря делались шаги в этом направлении, причем инициатива принадлежала болгарскому царю, рассчитывавшему утвердиться на берегах Мраморного моря и Босфора после первоначальной попытки истребить греков Фракии. Теперь отношения были иные, и брак дочери Асеня означал уступку Константинополя греческому царю. За то Иоанн Асень добился осуществления заветного желания болгарских царей — независимости национальной церкви, на этот раз не через папу и латинство, как сделал Калоян, но законным путем, не изменяя веры и с согласия четырех патриархов, константинопольского (никейского) и трех восточных. Формою признания независимости было учреждение патриархии, хотя и не равнозначной по рангу древним апостольским. Царская и соборная грамота провозгласила тырновского архиепископа Иоакима патриархом Болгарии (1235 г.), и он был посвящен торжественно в Лампсаке, в присутствии многочисленного духовенства. Конечно, этим шагом наносился удар главе греческого западного духовенства, архиепископу Юстинианы Первой (Охриды) и всей Болгарии, кафедре ненавистного Никее Хоматиана. Что касается положения тырновского «патриарха Болгарии», то позднейшая грамота никейского патриарха Каллиста духовенству Тырнова (1355 г.) определяет, что звание патриарха дано епископу Тырнова «из снисхождения», но он «не сопричислен» к числу святейших патриархов и не должен в сем звании значиться в святых диптихах; а патриарх Герман был того мнения, что тырновская церковь не получила полной автокефалии, но должна и впредь вносить пошлины и сборы константинопольскому патриарху.

После этого события соединенные силы Ватаци и Асеня выступили против константинопольской Латинской империи. Их силы имели решительный перевес, и наследию Генриха грозила гибель. Ватаци занял Фракийский Херсонес и прилегавшую область от Марицы до Ганоса (на полпути от Родосто до Дарданелл). В этом пункте он выстроил крепость, сохранившуюся доныне среди бедного посада. Фракийская «Святая Гора», во времена Юстиниана покрытая монастырями, отделяла владения Ватаци от франкской крепости Цурула. Фракия на север от этой полосы была захвачена Асенем. Союзники пошли и дальше, подступили к стенам Константинополя. Старый Бриень сделал удачную вылазку. Латинские источники преувеличивают его победу и силы союзников. Трудно поверить, чтобы 160 рыцарей с двойным-тройным числом сержантов разбили 100 000 греков и болгар, среди коих были и тяжеловооруженные, не раз

мерившиеся с франками в рукопашном бою. Преувеличены известия латинян и о 300 кораблях Ватаци. Приближение зимы и отсутствие средств для штурма заставили болгар и греков снять осаду, к великой славе Бриеня (1235 г.). На следующий год они вернулись и снова обложили столицу с суши и с моря. Но тогда как у Ватаци, повидимому, было всего 25 крупных военных судов, латиняне собрали большие силы на море с приходом 6 галер ахейского князя и 16 венецианских; кое-что выставили пизанские и генуэзские купцы. При столкновении латиняне захватили почти половину флота Ватаци, море оказалось в их руках, и осада стала безуспешной (1236 г.).

На этот раз латинский Константинополь справился с угрожавшей ему гибелью. И константинопольское правительство и его друзья на Западе отлично видели, что опасность велика. Все меры были приняты, все пружины пущены в ход. По выражению Акрополита, дела латинян тогда весьма сократились и вследствие свойства двух самодержцев дух латинян упал до чрезмерной приниженности. Юный Балдуин II был отправлен к папе и к западным государям умолять о помощи. Погибающей Латинской империи решено было оказать поддержку и на этот раз. Папа Григорий IX призывал венгерского короля Белу и ахейского князя Виллыгардуэна выступить на помощь. Вместе с тем он сам отлучил Асеня от церкви и послал Ватаци (с которым отношения ухудшились после краха переговоров об унии в 1234 г.) письмо, лишь недавно изданное.* «Полагали, что среди греков царит премудрость, и от них, как от источника, исходили и отдаленные ручьи науки, — пишет папа. — Тебя считали мы за судящего зрело и осмотрительно. Княжество апостольского престола основала не земная сила, но единый бог воздвиг на камне рождающейся веры, даровав блаженному Петру, вечной жизни ключеносцу, власть земную и небесную». Во внимание к сему Ватаци должен признать церковь матерью и сохранять ее расположение. Она может быть ему плодоносной, хотя и не им, Ватаци, держится. В выспренных словах папа извещает о новом крестовом походе, который разрушит все тщания противящихся, и простертая рука крестоносцев пособит Латинской империи. «Твою знатность сочли мы нужным подвергнуть настоятельному увещанию и указать тебе, ради твоей же пользы и безопасности в будущем и для устранения бедствий войны, чтобы ты не замышлял никакой опасности или ущерба названной империи и дражайшему во Христе сыну нашему Иоанну [Бриеню, о смерти коего папа еще не узнал], императору константинопольскому и его преемникам». Наоборот, Ватаци должен оказать императору совет, расположение и помощь, чтобы проявить на деле верность римской церкви. Папа сопровождал бы такие действия Ватаци благословениями и сладостными молебствиями. Если же «увещание не без отеческой угрозы» не побудит Ватаци,

* W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, Anhang, № 7, S. 751.

в предвидении собственной опасности, избежать затруднения («illum articulum difficultatis»), то из него не легко ему будет выбраться.

Таким образом папа угрозами требовал вассальной верности константинопольскому императору и называл его полным титулом. На заголовке же письма стояло: «Знатному мужу Ватаци дух более здравого рассуждения».

На таковое письмо ответ не мог быть иной, как резкий со стороны могущественного на Востоке, гордого перед врагами и перед своими вельможами, венчанного царя. Его письмо отыскано и использовано греками (Сакеллионом и Милиараки) и западными учеными (Гейзенбергом, Норденом) и без особых доказательств, на основании якобы оскорбительного тона, объявлено плоской подделкой фанатиков XVII в. Такая критика сама отзывается средними веками. Оскорбительности мало, нужна была бы и помощь филологии. Заподозренное письмо, наоборот, написано хорошим и простым литературным языком, обличает знание обстоятельств, отвечает на содержание папского послания, ныне лишь извлеченного из папского архива, содержит обороты мысли, встречаемые в полемике Никеи с Эпиром, в которой обычны резкости, именно со стороны Никеи.

Самодержец ромэев прежде всего был оскорблен непризнанием за ним царского титула. Папа оффициально обращается к нему как к «знатному мужу Ватаци». Это было оскорбление и ему и его державе. Царский титул не только отвечал его достоинству коронованного самодержца и его фактическому могуществу, но также означал права на Константинополь и власть над греками. И папа и Ватаци прекрасно понимали, что связано с царским титулом, и потому ответ Ватаци был резок.

Проставив в заголовке свой полный царский титул, Ватаци с того и начал, что указал папе на неуместность подобного к нему обращения. «Царству моему подали твое письмо, но царство мое ввиду нелепости написанного полагало, что таковое исходит не от тебя, но от „сожительствующего с крайним безумием“ и с душою, полною надменности и дерзновения. Таков тот, кто обратился к царству моему, как к какому-то не имеющему имени и бесславному, неизвестному и незнатному, не будучи научен должному ни опытом действительности, ни величием державы нашей. Твое же святейшество и разумом украшено, и рассудительностью выделяется из большинства людей.

«Ты пишешь, что в нации (γένος) греков царствует премудрость. Как же нам поэтому не знать древности твоего престола? Хотя какая нам в том нужда — знать, кто ты и каков твой престол? Если бы он был на облаках, то было бы нам нужно знакомство с метеорологией, с вихрями и громами. А так как он утвержден на земле и ни в чем не отличается от прочих архиерейских, то почему было бы не доступно всем его познание. Что от нашей нации исходит премудрость, правильно сказано. Но отчего умолчано, что вместе с царствующей премудростью и земное сие царство

присоединено к нашей нации великим Константином? Кому же не известно, что его наследство перешло к нашему народу и мы его наследники.

«Требуешь признать права твоего престола. Отчего нам не потребовать от тебя признания прав тысячелетней империи Константина и его преемников, бывших из нашей нации, вплоть до нас. Родоначальники царства [т. е. величества] моего из рода Дук и Комнинов, не упоминая о других царях из эллинских родов, много сотен лет обладали Константинополем, и тогдашние римские иерархи называли их самодержцами ромэев.

«По-твоему, мы нигде не царствуем и не правим, а Иоанн из Бриеня тобою рукоположен в цари. По какому праву? Разве твоя честная глава также одобряет преступную, корыстную мысль и руку, считает правильным разбойничий и злодейский захват, благодаря которому латиняне вкрались в Константинополь и с такой свирепостью ополчились на нас, с какой не нападали измаильтяне [арабы] на Сирию и Финикию. Если мы, принужденные насилием, переменили место пребывания, то наши права на империю и державу мы неизменно и неотступно удерживаем за собою, по милости божией: царем ведь считается господствующий над племенем, народом, населением, а не над камнями и бревнами, составляющими стены и башни.

«Извещаешь нас о грозном сборе крестоносцев. Мы даже возрадовались, сообразив, что эти заступники св. Мест начнут с нашей отчизны и подвергнут ее поработителей законному отмщению как осквернителей святых храмов и священных сосудов, как виновников всякого беззакония против христиан. Но далее твое письмо назвало Иоанна константинопольским императором и наименовало его милым сыном твоей чести. Он уже умер, но на помощь ему собираются новые крестоносцы. Посмеялись мы над подобными потугами и заявлениями, сочтя их за насмешку над св. Местами и за издевательство над святым крестом. Благовидным предлогом прикрывается, как всегда, жажда власти и золота.

«Твоя честь нас наставляет не докучать императору Иоанну, для моей же пользы. Нужно тебе знать, что мое царское величество не разумеет, где — на суше или на море — расположены владения означенного Иоанна, и потому никогда не покушалось на то, что ему принадлежит. Если же речь идет о Константинополе, который мы желаем у него взять, то мы заверяем и объявляем тебе и всем христианам, что никогда не перестанем сражаться и воевать с захватчиками Константинополя. Мы были бы преступниками перед законами природы, уставами родины, могилами отцов и божьими святыми храмами, если бы из всех сил не боролись за это. Против же недовольных есть у нас, чем обороняться. Имеются у нас и колесницы, и кони, и множество воинов и бойцов, которые много раз мерились силами с крестоносцами этими и оказались не хуже кого-либо. И бог справедливости помогает обиженным. Ты же как подражатель Христу и преемник

главного из апостолов . . . , одобришь нас, воюющих за родину и за благородную ее свободу. Можем ли мы смотреть спокойно на нее, поруганную, лишенную прежней славы и обращенную в очаг убийц и логово разбойников? Все это кончится, как будет угодно богу. Мое же царство [величество] старается и желает сохранить должное почтение к святой римской церкви и сыновние отношения к твоему святейшеству, разве только твое святейшество не захочешь не признавать права, подобающего нашему царскому величеству, и не будешь обращаться ко мне с письмами столь безалаберно и неучтиво».

Таков был ответ греческого царя. Сознание своих исторических прав и силы высказано резко и категорически перед лицом духовного главы Запада. Следует отметить также в этом ответе идею национальной греческой империи, идею греческой нации (γένος), созревшей среди тяжкой борьбы за существование с народами чуждыми и иноверными. С этой идеей встречаемся и в письменности эпирских греков. Чувство и сознание национальности развилось, но соответствующее новой истории национальное государство оказалось преждевременным для греков XIII в. Средневековый Константинополь, как старые мехи, не замедлил испортить новое вино.

Резкость переписки папы и Ватаци имела не одну идейную подкладку, но и реальную. Против Ватаци составилась коалиция с участием Асеня. Болгарский царь не только вытребовал свою малолетнюю дочь из семьи Ватаци, но замыслил новый поворот своей политики. По смерти Бриеня и за отъездом молодого императора Балдуина в Европу среди константинопольских баронов усилилась партия приверженцев Асеня, и болгарскому царю улыбалась мысль утвердиться на константинопольском престоле хотя бы в роли регента-соправителя. Ближайшим к тому средством представлялась уния с римской церковью, хотя так недавно тырновский архиепископ получил сан независимого патриарха от представителей восточных церквей под эгидою никейского царя. Асень написал папе, и Григорий IX ответил ему за неделю до приведенного письма к Ватаци. Из папского письма ясно, что Асень не только поддался римской церкви, но предложил оговориться относительно «положения империи и города Константинополя». Такова была причина разрыва Асеня с Ватаци — его виды на Константинополь, на регентство или соправительство. Посылая к Асеню для переговоров епископа Перуджии, папа поставил вопрос шире, включив в него обсуждение судьбы св. Земли и «других вопросов» — вероятно, церковных и об обращении Ватаци в унию; но в то же время он потребовал оказать совет и поддержку его возлюбленному сыну императору Бриеню, в тех же самых выражениях, как одновременно папа написал Ватаци. Посланному епископу были вручены и письма к венгерскому королю Беле и к болгарскому духовенству, в которых цель миссии указана ясно: чтобы Асень

защитил империю и содействовал обращению Ватаци в лоно римской церкви. Асень обманулся в своей надежде получить от папы помощь для овладения Константинополем. Он выступил все-таки в поход совместно с франками против занятой греками крепости Цурула, но, воспользовавшись известием о смерти жены, сына и патриарха от чумы, прервал осаду и не только сам ушел, но и не оставил отряда в помощь франкам, вновь заключил союз с Ватаци и вернул последнему свою дочь, малолетнюю жену никейского наследника Феодора.

Ватаци пытался найти себе союзников на Западе и вступил в переговоры с генуэзцами, всегдашними соперниками хозяйничавших в Константинополе венецианцев; но из переговоров ничего не вышло (1239 г.). Генуэзцы предпочли согласиться с Венецией по интересовавшим их вопросам. Узнав о приближении крестоносцев с Балдуином II во главе, Ватаци писал венгерскому королю Беле, заявляя, что готов подчиниться папе; но из Рима отсоветовали Беле вступить с Ватаци в соглашение.

Но теперь Ватаци был более уверен в своих силах, чем при прибытии Бриеня. Тогда как франки и болгары осаждали Цурул во Фракии, Ватаци перешел в наступление из Никомидии и, взяв Харакс (ныне Херекс), Дакивизу (Гебзе), он показался верстах в десяти от Принцевых островов. Как всегда, его атаки шли с суши и с моря, его достаточно сильный флот (30 кораблей) сопровождал сухопутные войска и был предназначен нанести удар латинской столице. Однако начальник флота, опытный Контофре (судя по имени, из латинян), предупредил Ватаци об опасности нападения на столицу с моря и о превосходстве военного искусства итальянцев. Царь Ватаци, будучи горд за своих греков и доступен придворным льстецам, уволил Контофре и назначил адмиралом не знающего дела армянина Исфре, который был разбит латинянами наголову, притом всего лишь 13 галерами; на каждую свою галеру итальянцы захватили по одной греческой вместе с экипажем.

В 1241 г. последовала кончина царицы Ирины, доставившей Ватаци права на престол и создавшей ему двор с хорошими традициями строгого этикета, благочестия и просвещенности. Одновременно умер и страшный Асень Болгарский; его царство перешло к малолетнему Коломану (Калиману). Пользуясь наступившей слабостью болгарского правительства и переманив на свою службу отряды скифов (половцев), превосходную конницу, ранее служившую в Македонии, по известию Акрополита, т. е. франкам и болгарам, Ватаци немедля взялся за осуществление своих всегдашних планов о подчинении западных греков, о собирании воедино разрозненных греческих земель и выступил в поход на Салоники против царя Иоанна, сына царя Феодора Ангела, ослепленного Асенем Болгарским. Ватаци имел все основания не откладывать этого похода, так как без

сомнения со смертью Асеня воспрянула бы вновь держава Феодора Ангела.

Об этом походе 1242 г., окончившемся договором, по которому Иоанн сложил с себя знаки царского достоинства и стал деспотом, подчинившись верховной власти Ватаци, было изложено в главе о западном царстве Ангелов Дук. Но поход 1242 г. мог закончиться уничтожением Салоникского государства и присоединением Македонии к царству Ватаци, если бы не были получены грозные известия с Востока. Оставленный регентом юный Феодор Ласкарь, сын Ватаци, с его советниками (по хозяйственным делам — Музалоном, по военным — Ливадарием) доносил, что монголы напали на мусульманское сельджукское Иконийское государство. Последним правил с 1237 г. малодушный, преданный пьянству и разврату Гийас-ад-дин Кей-Хюсрев II, сын могущественного Ала-ад-дина Кей-Кубада I, при котором было отбито первое нападение монгольского тумана, корпуса в 10 000 всадников. Всегда превосходно осведомленные монголы, видя слабое правление Гийас-ад-дина, осмелели, сначала напали на область Эрзерума (1240 г.), а затем в 1243 г. полководец великого хана Угедея Яртагу-нойон с 30 000 всадников вторгся в пределы сельджукского Иконийского султаната. Гийас-ад-дин в ужасе сзывал под свои знамена турок и наемных франков; последних у него было до 2000 под начальством Иоанна из Кипра и Бонифация из Генуи. Ко всем вассалам султаната Икония (Рум) были разосланы гонцы с требованием прислать их контингенты, но князь Малой Армении (Киликии) отделался обещаниями, сирийские и месопотамские эмиры не пришли, кроме алеппского; лишь Мануил Трапезунтский, кажется, прислал своих грузин и лазов. Под Сивасом (Севастией) 40 000 монголов разбили наголову Гийас-ад-дина (1243 г.), хотя у последнего было тысяч шестьдесят; сельджуки и франки должны были биться храбро, но тактика монголов была первая в свете. Начался разгром Иконийского султаната. Эрзерум к тому времени уже пал (1241—1242 гг.); жители Сиваса выдали все имущество и срыли городские стены; Кесария, вторая столица султанов, была сравнена с землею и население ее перебито. Гийас-ад-дин в отчаянии обратился к Ватаци за помощью против врага, грозного для них обоих, и в Триполисе на Меандре состоялось их свидание. Благоразумный Ватаци ограничился дружескими уверениями, и хорошо сделал, иначе мог бы навлечь на свою державу судьбу, которая постигла Русь за помощь половцам. Вернувшись в свою Конию, Гийас-ад-дин послал послов к монголам, прося о мире, стал данником великого хана и скоро умер (1245 г.). При его малолетних детях некогда грозный султанат Рум стал управляться монгольскими перванами и баскаками.

Ватаци уберег свои владения от монголов и сохранил свою независимость в тот момент, когда монгольские полки дошли до Чехии, Фриуля и до сирийского Сидона. Для охраны границы он организовал сеть погра-

ничных крепостей и складов провианта и оружия. Все хранилось на строгом учете за царскими печатями, и самое место складов держалось в секрете от врага.

Интересно, что превосходно о всем осведомленные монголы были в сношениях с папою и присылали послов, предлагая союз против Ватаци; но так как последний завел переговоры об унии, папа отделался подарками.

Для Ватаци главные интересы были не на Востоке (как для его предшественника, боровшегося с сельджуками), но на Западе. Политика Ватаци из местной становится европейской благодаря союзу с Фридрихом II Гогенштауфеном, величайшим врагом папской политики. Интерес Фридриха сосредоточивался на полном красок юге, на его Неаполитанском королевстве, где он основал университет, куда вызывал сарацинских мастеров, где он собирался реформировать управление по плану и с размахом, достойным нового времени. Ватаци и Фридрих были естественными союзниками — в то время, когда греческий царь не нуждался в папе. Хотя Фридрих не иначе смотрел на Ватаци, как на своего зятя и вассала, он высоко ценил его помощь и со своей стороны был готов помочь всякому монарху против ненавистной римской курии.

Как ни значительна и ни сильна во многом выдающаяся фигура Фридриха, в отношении к западному латинскому делу на Востоке он сыграл роковую, даже предательскую роль в тот критический момент, когда решалась судьба «Новой Франции». Не было монарха, более призванного по своему положению к тому, чтобы поддержать и оградить Латинскую империю в Константинополе. Он не только обладал авторитетом, связанным с титулом римского императора, и не только мог его усугубить, благодаря своей личной мощи и дарованиям, — он был непосредственным и полновластным монархом мощного военного государства, наиболее близкого к Леванту, связанного с последним экономическими интересами и проникнутого восточными влияниями, начиная с этнографического состава населения и кончая высшими проявлениями культурной жизни. Но вместо того, чтобы сдержать греков мощною рукою, Фридрих вступал в соглашения с греческими государями в Никее, Салониках и Эпире и в роковое для Константинопольской империи время вступил в ожесточенную борьбу с духовным главою латинского дела на Леванте. В продолжение своего долгого правления Фридрих губил на Востоке латинское дело, и притом большею частью — не имея такого намерения. После его смерти (1250 г.) судьба Латинской империи в Константинополе была решена.

До смерти Бриеня император Фридрих II держался более или менее пассивно в отношении к империи Балдуина. Помощи он ей не оказывал никакой, так как она была создана помимо западных императоров силами, враждебными Гогенштауфенам. При коронации в Риме Петра Куртенэ представитель Фридриха протестовал, не признавая иного императора,

кроме своего государя, и добился лишь того, что коронация состоялась вне стен собственного Рима в загородной базилике. Затем Фридрих, приняв завещанный ему Димитрием Монферратом титул салоникского короля, не сделал однако и шага, чтобы овладеть своим наследством, попавшим в греческие руки. Наконец, Бриеню он хотел помочь как своему тестю, но не успел за смертью последнего (1237 г.). Балдуину Фридрих не хотел помочь. Мало того, он открыто выступил врагом Латинской империи. Разразилась борьба Фридриха с папой Григорием IX, и так как последний верховодил в Константинополе, Фридрих заключил союз с Ватаци, врагом и папы, и Латинской империи в Константинополе.

Поступая так, Фридрих шел по пути своих предков, Конрада III и Генриха IV, друживших с Комнинами — Мануилом и Алексеем I. В те поры союз двух империй был направлен против Норманнского королевства в южной Италии, теперь он имел своим объектом латинские форпосты, новые политические образования в самой Романии. Уже в 1238 г. греки служили под знаменами Фридриха. Составлен был даже план, по которому Ватаци давал ленную присягу Фридриху и получал из его рук латинский Константинополь. Ленная зависимость взамен подтверждения владений предположена была также для Асеня болгарского и для Феодора Комнина Дуки Салоникского. Балдуин был поставлен в известность о воле Фридриха уступить Константинополь своему будущему зятю. Гавани южной Италии были закрыты для крестоносцев; армия Балдуина задержана была в Ломбардии, и главный вождь ее был брошен по приказу Фридриха в тюрьму и по освобождении не мог оправиться от последствий заключения. Папа за это отлучил Фридриха, вместе с Феодором Салоникским (1238 г.). Людовик Французский заставил Фридриха пропустить через его владения Балдуина с армией. При новом папе Иннокентии IV отношения Фридриха к курии приняли сначала мирный характер, но от грекофильской политики Фридрих отнюдь не отказался и около 1244 г. выдал свою дочь за Ватаци, который явно угрожал Константинополю. Это опять было поставлено в вину Фридриху, и он опять был отлучен от церкви на Лионском соборе, на этот раз окончательно (1245 г.). Отлучение привело к теснейшему союзу германского и греческого императоров. Ватаци посылает помощь Фридриху в Италию сначала деньгами (1248 г.), потом людьми (1250 г.). Последний просит Михаила Эпирского пропустить вспомогательный отряд, посланный царем Ватаци, через эпирские владения. В год своей смерти (1250 г.) Фридрих в письме к эпирскому деспоту делает характернейшие заявления и явно становится на сторону восточного православия, по крайности в письмах к греческим государям.

«Имея в виду полное истребление врагов наших, восставших на нас по папскому злоумышлению, — пишет он эпирскому деспоту, — мы собираем помощь от всех родных наших и друзей. Мы охраняем не одно наше

право, но и право друзей и возлюбленных наших соседей, коих объединяет чистая и искренняя любовь во Христе, особенно греков, свойственников и друзей наших. Так называемый папа за наши отношения и любовь к ним, христианнейшим и самым благочестивым образом расположенным к Христовой вере, возбудил против нас свой необузданный язык, называя благочестивейших греков нечестивейшими и православных еретиками».

Воздавая хвалу греческому благочестию, впрочем в момент решительной борьбы с папой, когда греки были очень нужны, Фридрих ревниво следил за сношениями Ватаци с папою и незадолго до смерти горько жаловался на посылку никейских уполномоченных в Рим. «Как это, — пишет Фридрих никейскому царю, — как это папа послал к твоему царскому величеству монахов — миноритов и доминиканцев, что не только моей пресветлости, но даже ребятам покажется чудным и странным? Как этот рекомый архиерей архиереев, при всех ежедневно отлучающий тебя и твоих ромэев, бесстыдно называя еретиками православнейших ромэев, от коих вера христиан разошлась до концов вселенной, как он не устыдился посылать своих духовных лиц к твоему царскому величеству? . . . Как это исстари врожденную, по диавольскому навождению, у римских архиереев злобу против ромэев, которую не удалось искоренить многим великим архиереям и служителям Христа ни словом, ни делом, ни постоянной молитвой за долгое прошедшее время, — как это папа обещает исправить в одно мгновение несерьезными словами и лукавыми толкованиями простецов, после того как вновь выразил свою злобу на всякий лад?»

Царь Ватаци, имевший в виду постоянно свою главную цель — завоевание Константинополя, — находил в этот момент полезной благосклонность папы и не посмотрел бы на протесты Фридриха, которые звучали по-ребячески. Смерть (в декабре 1250 г.) избавила Фридриха от дальнейших огорчений со стороны Ватаци. До того их отношения были отменно вежливыми. Фридрих сообщил никейскому царю о своих победах в Италии с помощью контингентов, доставленных итальянскими городами, а Ватаци в свою очередь сообщил Фридриху о взятии им Родоса. По смерти Фридриха наследник никейского престола написал надгробное слово, составленное из риторических фраз. Преемник Фридриха Конрад IV был занят внутренними делами; тем не менее он снарядил к Ватаци посольство маркиза Гогенбурга с просьбою изгнать фамилию Ланчия, родных Манфреда Тарентского и Анны, супруги Ватаци, нашедших себе приют при никейском дворе; и Ватаци исполнил это, разумеется, за обещания и выгоды для себя.

Дружественные отношения не были поколеблены скандальной связью престарелого Ватаци с одной дамой из итальянской свиты юной царицы Анны, дочери Фридриха. Чары этой «маркезины» (кажется, звали ее della Fricca) оказали на царя такое влияние, что маркезина присвоила себе некоторые внешние знаки царского достоинства и оттеснила свою госпожу

на задний план. Авторитетный ученый Никифор Влеммид, в своей юности далеко не бывший врагом женщин, восстал на маркезину открыто и выгнал ее со свитой из своего монастыря, прекратив при ее появлении богослужение. Слезы и ярость маркезины, угрозы и наветы ее спутников привели лишь к тому, что Ватаци сознал свой позор, и с тех пор о маркезине ничего не было слышно; но и Влеммид стал ненавистным царю.

Старые планы, легкие успехи увлекли царя Ватаци на греческий запад. Времени он никогда не терял, энергия была направлена к одной постоянной цели — объединению Романии под его властью, воссоединению частей разрозненного целого. В Македонии теперь уже все трепетало при его приближении. Государем Салоник был беспутный юноша Димитрий. В Болгарии трон был занят после смерти Калимана, — несчастного малолетнего сына Иоанна Асеня от венгерки Анны, отравленного братом (1246 г.), — еще более юным Михаилом, сыном Асеня и Ирины, дочери Феодора Комнина Дуки, ставшей по устранении Калимана регентшей. Смерть Калимана и переход власти в руки эпирской партии в Тырнове застали Ватаци на берегах Марицы, и он немедленно предложил военному совету обсудить, следует ли захватить у болгар Серес. Присоединившись к голосу Андроника Палеолога против большинства, царь решил рискнуть, хотя не имел осадных машин. Государство болгарское так ослабело, что важный Серес был взят приступом войсковою челядью Цулуконами, наскоро вооруженными. Измена греческих архонтов доставила Ватаци и Мельник. «Мы прирожденные ромэи и вышли из Филиппополя», — говорил один из архонтов горожанам Мельника. В течение нескольких недель вся Македония досталась Ватаци с такой же легкостью, как некогда Феодору Ангелу и даже Асеню, царю влахов и болгар. Подчинились Стенимах, Чепена и все села в Родопах, севернее — нынешние Иштип и Кюстендиль (Вельбужд), средняя, западная и южная Македония с городами Скопле, Велес, Прилеп, Пелагония (Монастырь), Просек, Веррия. И все это болгары уступили без большой войны и подписали мирный договор.

Почти бескровное подчинение Македонии поставило никейского царя во главе греческого мира. Ему столь же легко достались и Салоники. Сами горожане выдали Димитрия и предали свой город (1246 г.). Никейские источники объясняют этот факт беспутством юного деспота; но бесспорно успех и деньги Ватаци сыграли свою роль.

Ватаци организовал управление Македонией. С одной стороны, он подтвердил льготы городов: так, Мельнику он выдал за покорность грамоту за золотой печатью. С другой стороны, он оставил в крае объединенную военную власть в лице наместника великого доместика Андроника Палеолога. Ему были подчинены губернаторы отдельных городов. Среди них был сын наместника, выдающийся своими способностями, — Михаил, буду-

щий император константинопольский; ему достались Серес и Мельник, т. е. западная часть Македонии. Независимыми от Никеи остались эпирские и фессалийские владения деспота Михаила II и небольшой славянский удел слепого Феодора с городами Воденой, Старидолом и Островом.

Достаточно определилась будущая судьба и этих кусков Романии. Греческие земли должны быть собраны под одной рукою; о федерации, о союзе греков востока и запада не могло быть речи. Ватаци это знал и, удовлетворившись формальным примирением, оставил эпиротов в покое. Перед ним была высшая, постоянная цель — Константинополь. Путь к нему был открыт, и на этот раз без стеснительного и опасного участия болгар.

И не успел Ватаци вернуться домой после дальнего похода, как он выступил вновь во Фракию и осадил Цурул (Чорлу), 7 лет бывший в латинских руках. Начальник крепости, знатный барон Ансельм де-Кайе, женатый на дочери Феодора Ласкаря, следовательно свояк царю Ватаци, предпочел уйти в Константинополь и оставить город под защитою своей жены. Однако Ватаци особых рыцарских чувств не обнаружил и, взяв город, посадил свою родственницу на лошадь и отправил ее к мужу. Завоевав и Визу, Ватаци отрезал франков с суши.

Никейский царь располагал уже такими силами, что мог успешно бороться с латинянами на двух отдаленных друг от друга театрах военных действий: во Фракии и на Родосе. Остров был захвачен генуэзцами (1248 г.) в отсутствие родосского деспота Иоанна Гавалы, стоявшего около Никомидии, вероятно, с греческим флотом. Получив о том известие, Ватаци обеспечил занятую линию Цурул — Виза гарнизонами и поспешил в свою резиденцию Нимфей. В соседней Смирне он снарядил флот и большое число транспортов для дессанта. Генуэзцы получили от Виллъгардуэна Ахейского сотню французских рыцарей, грабивших остров, а сами устроились в крепости Родоса, располагая обильными запасами и красивыми женами греческих горожан. Экспедиция Ватаци увенчалась успехом; посланные им военачальники перебили французских рыцарей до единого, и генуэзцы предпочли сдаться на условиях (1250 г.). Их доставили в Нимфей, где Ватаци обошелся с ними хорошо, всегда добиваясь дружбы исконных соперников хозяйничавших в Константинополе венецианцев. Никейские писатели считали Родос присоединенным к империи Ватаци, однако монеты Иоанна Гавалы называют его государем и показывают, наоборот, что он даже пользовался бо̀льшею самостоятельностью, нежели его брат и предшественник Лев, носивший звание кесаря, но именовавший себя на монетах «рабом царя».

Осмотрительный и умудренный опытом Ватаци подготовлял дипломатическими переговорами почву для перехода Константинополя в руки греков. Он был бы, вероятно, в силах взять город и тогда же, но опасался вы-

звать против себя бурю в Европе и новый крестовый поход с участием Венеции и Виллъгардуэна. Фридрих сам нуждался в помощи и не мог бы защитить Ватаци. Переговоры с папою были поэтому необходимы, и греческий царь, невзирая на протесты Фридриха, сумел поставить дело так, что сам папа Иннокентий IV, отличавшийся новыми и широкими взглядами, начал видеть помеху для соединения церквей не в греческом царстве, но в константинопольской Латинской империи, безнадежно бессильной и препятствовавшей святому делу самим своим существованием.

Так как соименный ему Иннокентий III на Латеранском соборе провозгласил соединение церквей (оставшееся, впрочем, мертвой буквой), то латинские современники Ватаци оффициально считали существование схизмы порождением и виною их поколения. Сам папа Иннокентий IV высказал это на Лионском соборе 1245 г. Гигантская борьба с Фридрихом, которая разгорелась после этого собора, поглотила все силы и средства курии, так что папа видел всю невозможность спасти латинский Константинополь и всю выгоду отдать его греческому царю за унию.

Папа начал столь же осторожно, как и Ватаци, именно — окольными путями, через венгерскую королеву, свояченицу Ватаци, и через болгарского царя Калимана. В 1249 г. папа отправил к Ватаци генерала ордена миноритов Иоанна Пармского с тайным поручением расстроить политический союз Фридриха с Ватаци, явно же — для переговоров о церковной унии. Политическая часть миссии минорита не удалась, Ватаци остался верен союзу, но в вопросе о соединении церквей он охотно пошел навстречу желанию папы, рассчитывая получить Константинополь без труда и опасности для себя.

Но Фридрих увидел в этом шаге своего зятя измену и с горечью предупреждал его против папского коварства. В выше цитированном письме он пенял ему за то, что Ватаци не обратился за советом, и грозил, что сумеет расстроить соглашение. Действительно, греческих послов Фридрих задержал в южной Италии, а сопровождавших папских пропустил в Рим. Миссия Ватаци увидела папу лишь после смерти Фридриха и получила в Риме заманчивые предложения. Но в этот момент (конец 1251 г.) Ватаци уже не дорожил союзом с папой, по крайней мере он прервал переговоры и в скором времени приступил к осаде Константинополя. В свою очередь папа тогда пообещал субсидию защитникам столицы, если они выдержат осаду в течение года, и послал проповедников в Венецию и в Романию призывать к крестовому походу против греков. Тогда Ватаци возобновил переговоры об унии, которые завершились миссией митрополитов кизикского и сардского в сопровождении Арсения Авториана, будущего патриарха, и других духовных лиц; посольство было снаряжено с большою пышностью (1254 г.).

Ватаци ставил вопрос прямо и категорически. Со своей стороны он предлагал подчинение папе. За это он требовал: во-первых, удалить латинского императора из Константинополя и передать ему, Ватаци, древнюю столицу; во-вторых, удалить латинского патриарха и латинский клир не только из Константинополя, но и из других патриархий Востока и возвратить греческий клир на его прежние места; но в Антиохии латинский патриарх мог оставаться пожизненно. Таким образом никейский царь защищал все восточное православие и выступал от его имени.

И предложения Ватаци были предварительно одобрены высшими церковными властями. Недавно извлечено из одной оксфордской рукописи письмо никейского патриарха Мануила к папе (конца 1253 г.?).* «Архиепископ константинопольский Нового Рима и вселенский патриарх» со своим синодом хвалит папу за его усилия восстановить единство церкви и благодарит за присылку нунциев, с которыми переговоры шли успешно; потому и патриарх посылает святых мужей, поручив им расследовать и выяснить вопросы о вселенском соборе, о чести (т. е. о первенстве) папского святейшества и о справедливых требованиях греческой церкви. «То, что по этим статьям будет утверждено тобою с ними, — писал патриарх, — будет принято ими и всеми нами». Было приложено к письму, повидимому, особое послание об исхождении св. духа не иначе, как через сына (δι' υἱοῦ), и в этом вопросе греческая церковь не признавала иного решения, как этот компромисс. Далее, патриарх Мануил со своим синодом предлагал папе признать его первенство и занести его имя в церковные диптихи, предлагал присягу греческой церкви в повиновении папе, исполнение отдельных распоряжений папы, если таковые не противоречат канонам древних соборов; далее, патриарх предлагал признать курию апелляционной инстанцией; признать за папой право председательствовать на соборах и первым формулировать свое мнение в догматических вопросах, причем оно, если не противоречит канонам, принимается всеми; с той же самой оговоркой обязательно принимаются на соборах решения папы по делам церковного устройства и дисциплины.

Эти уступки, сделанные в последний год правления Ватаци, являются самыми большими, на какие когда-либо шла греческая церковь, кроме разве Игнатиевского собора 869 г. Папе уступалась не только почетная, но и юридическая власть над всею церковью.

Можно предполагать, что Ватаци убедил патриарха сделать такой неслыханный шаг, пообещав, что по достижении желанной цели — по овладении древнею столицею — уступки осуществлены не будут. В те поры греки играли с курией не хуже болгар. На то были рассчитаны много-

* W. Norden. Das Papsttum und Byzanz, S. 757 и сл.

кратные оговорки о соответствии с канонами в тексте греческих предложений.

Впрочем, на никейских греков могла подействовать примирительная и уступчивая церковная политика папы Иннокентия IV, как в отношении к грекам на Кипре, так и в патриархатах иерусалимском и антиохийском. Чтобы оградить греков от притеснений местного латинского духовенства, папа даже послал особого нунция и был готов признать греческую униатскую церковь в Антиохии как независимую от местного латинского патриарха.

И в ответ на предложения никейской духовной и светской власти Иннокентий IV заявил готовность устроить компромисс между Ватаци и Балдуином. Если же таковой не состоялся бы вследствие неуступчивости латинского императора, то папа обещал Ватаци «требуемое дополнительное признание его прав» (exactum justitiae complementum) и со своей стороны всяческое содействие к осуществлению его желания. Римская церковь, — прибавил папа, — настолько будет защищать дело Ватаци, насколько последний будет ей предан больше, нежели латинский император. Таким образом папа стал на чисто церковную точку зрения, отказавшись от роли защитника западной культуры и политики на Леванте, от идеи «Новой Франции», потускневшей от недостатка реальных сил.

В вопросе об организации униатской церкви в самом Константинополе Иннокентий IV также стал на новый путь. В противоположность строгому канонисту Иннокентию III, он допускал существование двух самостоятельных национальных патриархатов в одном и том же городе, зависящих непосредственно от Рима. Ватаци получал разрешение немедленно объявить своего патриарха константинопольским (т. е. папа подтверждал то, что фактически существовало и помимо него). Завладев же древнею столицею, Ватаци мог перевести туда своего патриарха, причем за латинским оставалось управление латинской паствой и ее приходами. Новые идеи Иннокентия, осуществленные в Антиохии, послужили впоследствии базою для переговоров об унии при Михаиле Палеологе.

И в догматической области Иннокентий IV оказался новатором с широкими взглядами. Он не требовал петь Filioque на церковной службе и признал греческий символ, как он был установлен первыми двумя вселенскими соборами. Он лишь поставил условием, чтобы греки со своей стороны признавали латинскую веру правою.

На таких условиях могло бы состояться великое дело примирения католической и православной церквей. Предположен был и созыв вселенского собора. Иннокентий IV, покончивший с Гогенштауфенами в Италии, мог также добиться на Востоке более прочного триумфа, чем Иннокентий III. Иннокентий IV менее считался с канонами и свободнее творил новое дело. Преждевременная его смерть (1254 г.) погубила его планы.

В том же году умер и Ватаци; при никейском дворе возобладало, как увидим, иное направление церковной политики. Новый царь Феодор II надеялся взять Константинополь помимо папы и в отношении к курии признавал не подчинение, но равноправие. Лично для себя он требовал прерогативы созывать собор и утверждать соборные постановления.

За время описанных переговоров с Фридрихом и с папою Иоанн Дука Ватаци упрочил свою власть в Македонии и подавил (1250—1252 гг.) опасное движение Комнинов Дук Ангелов, именно Михаила II Эпирского, руководимого слепым Феодором, некогда царем Салоник. Стеснив эпирского деспота и получив от него по Ларисскому договору ряд укрепленных городов, захватив с собою старого подстрекателя Феодора, царь Ватаци выступил весной 1252 г. домой. По пути состоялся суд над молодым Михаилом Палеологом, будущим основателем последней царской династии, и обстановка этого политического процесса крайне любопытна для характеристики понятий и нравов эпохи. Вместе с тем она бросает яркий свет на отношения при никейском дворе, который представлялся эпирским архиереям в столь мрачных красках как чуждый радости и свободы. Патриотический интриган Николай Манглавит (или манглавит Николай), тот самый, который уговорил жителей Мельника изменить болгарам, донес Ватаци на своего губернатора Михаила Палеолога, что он жаждет захватить царский престол. Доля правды могла быть в этом доносе. Двадцатисемилетний Михаил был честолюбив и талантлив, очень знатен и богат (первая жена Ватаци, царская дочь, доставившая ему престол, досталась ему вдовою после одного из Палеологов); он был сын наместника Запада; он был любим войском и народом за приветливость и такт. Если бы у него и не было первоначально столь честолюбивых планов, все окружающие — друзья своими советами и враги клеветою при дворе — толкали Михаила на опасный путь. Ватаци и его сын были популярны в народных массах, но ненавистны аристократии. Ватаци знал своих врагов по горькому опыту, и характер его стал подозрительным. Ему легко было внушить, что молодой Палеолог является соперником престолонаследника Феодора, и интрига македонского патриота попала в цель. Михаилу доносчик ставил в вину чрезмерную печаль при известии о смерти его родственника и якобы единомышленника Торника; подслушаны были разговоры между горожанами Мельника, из которых один выразился, что нечего опасаться внутреннего переворота, раз Андроник Палеолог в Солуни, а сын его Михаил у них в Мельнике и раз сестра болгарского царя могла бы выйти замуж за Михаила. Ватаци следствие отложил до возвращения на родину и на пути остановился, велел заковать Михаила, бросить его в тюрьму и снарядил торжественный суд под своим председательством при участии и Акрополита. Передаваемые им подробности рисуют понятия и нравы того времени. Мельникского болтуна допрашивали с пристрастием, но он

отрицал всякую вину Михаила; тогда его заставили биться на поединке с донесшим на него собеседником (западные судебные обычаи в никейской армии!); он был сбит с коня, но опять не оговорил Палеолога; тогда его, раненого, пытали «смертью» и палач занес над ним свой меч, но и в этот момент несчастный остался верен себе; тогда его бросили в тюрьму. Взялись за самого Михаила и предложили ему испытание раскаленным железом, но он заявил, что он не чудотворец и руки у него не мраморные, как у статуи Фидия или Праксителя. Подослали к нему для уговоров митрополита Фоку, «любимого царем не за добродетель, а за бесстыдство», но Михаил Палеолог предложил ему самому, буде он считает такое испытание священным, надеть облачение и раскалить железо в собственных руках, привыкших совершать таинства. Фока на это поспешил ответить, что и он считает испытание железом за варварский и западный обычай, не свойственный римским законам. Палеолог поймал митрополита на слове и заявил, что ему, Палеологу, как ромэю и рожденному от ромэев не подобает таковая пытка. Царь Ватаци ничего таким образом не мог поделать с Палеологом и отвел душу на судьях, обозвав их дубинами. Призвав Михаила, царь сказал ему: «несчастный, какой ты лишился славы» (так как ранее хотел женить его на своей внучке), приказал патриарху взять с Михаила присягу в верности царю и женил его в конце концов на Феодоре Дукене, внучке севастократора Исаака, царского брата (1253 г.).

Весною 1254 г. Ватаци заболел в Никее и, предчувствуя смерть, приказал везти его в любимый Нимфей и скончался в палатке, которую приказал поставить в дворцовом саду, после 33 лет царствования на 62-м году от роду. На престол вступил его сын Феодор II Ласкарь, родившийся в день воцарения его отца. Похоронен был Ватаци в построенном им монастыре спасителя в Сосандрах, возле Магнисии.* При приближении турок в начале XIV в. тело Ватаци было перенесено в Магнисию по приказанию местного тирана Атталиоты (1307 г.); при осаде этого города турками сложилась легенда о чудесной охране его призраком Ватаци, чтившегося

* Ср.: A. Heisenberg. Byz. Zeitschrift, XIV. 1905, 166 сл. На некотором расстоянии лежал женский монастырь богородицы Скоропослушницы, выстроенный супругою Ватаци. При монастыре Христа Ватаци выстроил ряд дач для придворных с их слугами, приезжавших на поклонение и для отдыха; такие колонии были нередки в греческих монастырях, например при царском монастыре возле Сереса, носившем то же старинное местное имя Меникейского, как и царский монастырь в Сосандрах. Положение Сосандрского монастыря в точности пока не известно (он был разрушен турками после 1304 г.). Влеммид оставил два стихотворения об обители в Сосандрах, из коих видно, что он был расположен в великолепной горной («олимпийской») местности и разукрашен фресками. Там был изображен и сам Ватаци как ктитор и, вероятно, его семья; то же было в Сересском монастыре и других царских монастырях. Значение Сосандрской росписи должно было быть велико; в самой Никее Ласкариды ничего подобного не создали.

уже за святого жителями; при взятии Магнисии турки сбросили его тело из акрополя в овраг.

Весьма замечательна финансовая политика царя Иоанна Ватаци. Только богатая казна могла дать ему возможность содержать большое наемное войско из латинян и половцев, предпринимать с ними отдаленные походы, оборудовать склады на восточной границе. Только деньги и наемники могли утвердить его самодержавие среди своевольной, могущественной аристократии, опиравшейся на доходы с богатых земель. Следовало привязать духовенство пожертвованиями и народ — щедрой благотворительностью на царские деньги, происхождение которых не связано с выколачиванием податей. Царь Иоанн своих политических целей достиг, остался в народной памяти отцом ромэев, и о щедрости его сложились легенды. Во время болезни царицы Ирины золото вывозили из казны мешками на многих мулах, и каждому бедняку дано было, якобы, по 36 червонцев полноценной монетой, не считая щедрот церквам.

Ватаци понял, что только тем путем, каким добывалось богатство его врагов — властелей, именно организацией доходного хозяйства в громадных размерах, никому другому не доступных, он мог достигнуть своих политических целей. Новое национальное государство должно было получить и новые финансы. Старый бюрократический финансовый строй с его выжиманием последних грошей из населения должен был уступить место отеческому попечению доброго вотчинника-хозяина. Нет, к сожалению, специальной работы о финансах при Ватаци, нет для этого достаточного связного материала, историки сохранили анекдоты, впрочем характерные.

Царь Иоанн прежде всего расширил запашки и виноградники настолько, что все расходы на содержание двора и на благотворительность покрывались доходами с царских имений. Во главе последних он поставил не знатных чиновников, но знающих дело практиков, вероятно, из своих служащих. Затем Ватаци развел громадные стада коней, быков, овец, свиней и домашней птицы. С продажи яиц он в короткое время собрал столько, что купил царице Ирине корону, усыпанную драгоценнейшими жемчужинами и камнями, и назвал эту корону «яичной». Развивая свое хозяйство, Ватаци (по словам историка Григоры) побудил и властелей жить доходами с их имений и не притеснять крестьян. Поэтому при этом царе житницы ломились от зерна и скот не вмещался в стойлах.

Конечно, не воля Ватаци, но благоприятные экономические условия, мир и безопасность в стране, столь богатой от природы, каков запад Малой Азии, вызвали нарастание богатств, распашку земель и процветание крупного и крестьянского хозяйства.

Еще менее следует предполагать, что «отец народа» отказался от податей. У нас под руками богатейший сборник документов монастыря Лемвиотиссы под Смирной, относящихся преимущественно к XIII в., и мы видим,

что и подати взимаются аккуратно, и совершаются точные переписи населения. Но разоряют крестьян чрезвычайные и непредвиденные сборы, а в них Ватаци не нуждался.

Пахимер сохранил ценное известие: отец ромэев настолько предусмотрительно относился ко всему народу, что, считая собственной пронией (поместьем) царской власти все зевгелатии, расположенные возле каждого города и каждой крепости, устроил на них деревни, чтобы доходами натурою и сборами с крестьян прокармливать соседнюю крепость, оставляя доходы и для царского двора. Под «зевгелатиями» мы понимаем, на основании документов, не выгоны, но фермы, часто с барскими усадьбами; в данном, однако, случае ясно, что разумеются земли, не бывшие заселенными, на коих царь поселил целые деревни крестьян. Доходы с них были столь значительны, что на них можно было содержать соседний гарнизон и частично подкреплять царскую казну. Составлялись эти доходы из поступлений натурою с крупного помещичьего хозяйства, зевгелатия, и с оброков поселенных в нем крестьян. Ватаци, таким образом, начал с обращения городских и казенных земель в царские пронии, заселил их крестьянами и завел на них доходное хозяйство, покрывавшее государственные и царские расходы. Римские императоры, начиная с Августа, и все зиждители самодержавной власти поступали не иначе.

Источники указывают и на другую категорию доходов, одинаково не обременительную для народа: пошлины со ввозимых товаров; и эти «коммеркии» существовали издревле, а Ватаци лишь смог извлечь из них бо́льший доход. Особенно обогатились царь и ромэи, по известию Григоры, во время голода в сельджукском султанате, когда подданные султанов Рума переселялись массами в Ромэйскую державу; и среди них было, конечно, много христиан. Приходили столь нужные новые парики, продавались за бесценок, за рабочий скот, дорогие восточные вещи, наполнившие дома подданных Ватаци. За анекдотическою формою этого известия мы видим не только привлечение пришлого населения благодаря расцвету хозяйства, но и переход торговли с внутренними рынками полуострова в руки греческого капитала, для которого Ватаци сумел воспользоваться разгромом сельджуков монголами и заключить выгодные торговые договоры. Таким путем, действительно, обогащалась его страна. Иное — торговля с Западом: являлись иноземные купцы, рассчитывавшие на крупный барыш, привозили и предметы роскоши и увозили деньги в Италию.

Предшественник Ватаци, Феодор I Ласкарь, из политических соображений заключил (1219 г.) с венецианцами невыгодный договор, по которому венецианские купцы могли торговать в его владениях чем угодно, безданно и беспошлинно, причем царская власть гарантировала сохранность имуществ умерших в никейском царстве венецианцев; никейские же купцы не пользовались этими правами в латинском Константинополе. Ватаци же,

столь заботившийся о флоте и о своем влиянии в Архипелаге, повидимому, круто начал охранительную таможенную политику, граничившую с запрещением ввоза мануфактур. «Так как царь увидел, — сообщает Никифор Григора, — что ромэйское богатство всуе расточается на иноземные одежды, которые изготовляются из шелка вавилонскими и ассирийскими [т. е. персидскими и арабскими] мастерскими и которые искусно ткутся итальянскими руками, то он издал постановление, чтобы никто из его подданных не употреблял таковых, если не желает, кто бы он ни был, чтобы он сам и его род подвергся лишению гражданских прав („ бесчестью''), но употреблять всем лишь то, что производит ромэйская земля и что вырабатывают ромэйские руки». Если знатные люди желают отличаться по одежде от незнатных, то следует довольствоваться им туземными произведениями промышленности, и таким образом, — прибавляет Григора, — богатство оставалось внутри страны, переходя лишь из одного дома в другой. Известно, что Ватаци, встретив своего наследника в пышной одежде, сделал ему суровый выговор; вероятно, он увидел итальянскую парчу. Впрочем из известий Григоры не видно, чтобы были отменены торговые договоры. В данном случае мы имеем дело с актом внутренней политики, с запрещением подданным покупать иностранную мануфактуру. Экономические последствия запретительных мер Ватаци не известны, но во всяком случае итальянские купцы продолжали ездить в его владения хотя бы для покупки греческих товаров; известен случай — правда, несколько позже смерти Ватаци — ареста купцов из Лукки, привезших с собою много денег.

Результаты долгого и счастливого правления Ватаци громадны. То, что он унаследовал от Феодора Ласкаря, было сильно в идее и скорее слабо в действительности. Будучи вполне реальным политиком и неуклонно, хотя и осторожно, идя по верному пути укрепления национального греческого, вместе с тем самодержавного царства, Ватаци положил конец Салоникскому греческому государству, смирил эпирского деспота, собрал большинство греческих земель, притом наиболее богатых, под свою державу, вконец обессилил Латинскую империю и вполне подготовил восстановление греческой империи в Константинополе. Скорее случайность, что он не овладел древней столицей. Сил у него было достаточно и не менее, чем у Михаила Палеолога, которому приходилось на первых порах бороться с сильной партией Ласкаридов. Внутри своего царства Ватаци справился с аристократией, и его воля была законом во всех делах, кроме вероисповедных. Он умел выбирать средства, выжидать или не медлить, смотря по обстоятельствам. Цель у него была одна: держать царское имя грозно и честно по старине, а для того восстановить древнюю Ромэйскую державу в ее исконной столице. Для достижения этой цели он не только провел в походах свое долгое правление, содержал большую армию с наемной латинской

и тюркской конницей, превосходящую в открытом поле силы каждого из соседей, притом неоднократно возобновлявшийся многочисленный флот, но и готов был итти на серьезные уступки папе, греческой церкви в делах личной жизни (инцидент с маркезиной) и в управлении поступался интересами своей казны, заставляя все-таки никейский синод служить его политическим целям. В начале правления на него влияла энергичная царица Ирина, дочь Феодора Ласкаря, доставившая своему мужу права на престол и создавшая ему строгий и просвещенный двор. Характерно для влияния царского рода Ласкаридов, что сын Ватаци назвался по вступлении на престол не Дукою Ватаци, но по матери Феодором II Ласкарем и вернул ко двору ее родню, бывшую при Ватаци в опале. Характер царя Иоанна был не без слабостей. Он был доступен лести, женским чарам, подозрителен и жесток с аристократами. При нем последние жили в страхе, хотя Ватаци назначал их на главные посты при дворе, в армии и управлении, не выдвигая незнатных демонстративно, как делал его преемник.

Когда и по какому поводу Ватаци покинул Никею, «город с широкими, полными народа улицами и повсюду хорошо укрепленный» (Влеммид), в точности не известно; но его резиденцией стал Нимфей, недалеко от Смирны, и причины переезда были бесспорно политические. Тесно было самодержавному царю Иоанну в старом большом городе с влиятельными архонтами и богатыми горожанами, и Никея не подходила для того, чтобы устраивать царство, как хотел Ватаци. И личная подозрительность, воспитанная заговорами Ласкаридов и аристократии, манила его в Нимфей, большую усадьбу, где все вокруг питалось от царских щедрот. Там у него был дворец среди садов, сохранившийся в развалинах. Влеммид упоминает и богадельню; конечно, были также дома придворных и казармы для войска. Свою богатейшую казну, тратившуюся на государственные надобности, Ватаци хранил в близкой к Нимфею Магнисии, которая им была сильно укреплена, и возле Магнисии был им же построен любимый монастырь спасителя в Сосандрах, где царь был похоронен, как упомянуто выше.

В этом районе, по Меандру, сложилась легенда о милостивом царе Иоанне. В Магнисии чтили его как святого, тогда как в Никее, повидимому, этого не случилось, и в Константинополе Палеологи знали воспоминания о Ласкаридах. Новогреческое житие и византийское (XIV в.) передают простонародную местную легенду, чем и объясняются их исторические неточности. Характерно, что на осторожного Ватаци перенесены некоторые подвиги первого Ласкаря, жизнь которого была несравненно более драматичной и подходящей для народной легенды.

Сыну своему Ватаци дал самое широкое и философское образование под руководством Акрополита и лучших учителей. Вместе с тем он рано посвятил своего наследника в государственные дела, вверяя ему на время

своих продолжительных походов на Запад управление государством при содействии доверенных советников. От природы Феодор получил блестящие способности, вкус к наукам привился легко, но развился он слишком рано, характер его с юности был надменный, насмешливый, увлекающийся и неуравновешенный. То в нем наблюдалась любовь к пышности, которую приходилось останавливать его отцу, то подвергался он неудержной, черной меланхолии, например по смерти юной супруги Феодор не мылся, не стригся долгое время, его приходилось уговаривать знать меру и в скорби. В этой богатой натуре развилось преувеличенное понятие о царской власти под впечатлением славы и богатства его отца Ватаци, под влиянием приставленных к нему незнатных сверстников, вроде Музалона, под влиянием почерпнутых из книг идеальных представлений об ответственности и обязанностях монарха. О себе Феодор был высокого мнения и осуждал придворных иногда весьма грубо, между прочим собственных учителей. Когда Феодор получил полноту власти на престоле, недостаток сдержанности перешел в проявления деспотизма, в бешеные вспышки гнева. Или его организм был подорван ранним развитием, или был какой-либо наследственный недуг, — у молодого монарха открылась тяжелая болезнь и преждевременно свела его в могилу. Несмотря на свои положительные, блестящие качества — неутомимость, энергию, работоспособность, преданность царственному долгу, на обаятельный ум и образование, — Феодор II сумел возбудить к себе ненависть даже в своем воспитателе Акрополите, верном и умном слуге никейских государей. «У всех ромэев, — пишет Акрополит в своей истории, — особенно в армии и при дворе, явилась надежда получить много благ от нового царя; и если кто-либо был обижен его отцом или был лишен капитала и имений, тот надеялся избавиться от своих бедствий. Все таким образом надеялись. Ведь молодость нового царя, его приятность и вежливость в обращении, умение поддерживать веселую беседу вызывали подобные мечты; но все это оказалось личиной и обманом. Тот, кто надеялся, своего не получил, и, по пословице, вместо сокровищ оказались угли. Он стал так обращаться с подданными и подвластными, что все прославляли его царственного отца; и если кто потерпел от последнего, теперь предпочел бы умереть ранее его кончины».

Эта характеристика сгущает краски, исходя от представителя партии старых вельмож, заслоненных при Феодоре незнатными Музалонами. Отклики отрицательных суждений о Феодоре наблюдаются у историков писавших при Палеологах. Блестящие успехи Феодора считались подготовленными правлением его отца, ошибки же и потери относились всецело за счет сына. Феодор знал, что он окружен врагами, о собственных знатных генералах отзывался как об изменниках, представлял себе положение мрачнее, чем на самом деле было, и тем его более портил. Наследство сыну-ребенку он оставил плохое.

После торжественных похорон царя Иоанна в Сосандрах Феодор II был поднят знатью и духовенством на щит, по древнему обычаю. Отправившись в Никею, он занялся избранием патриарха на место умершего Мануила; затем новый патриарх должен был короновать нового царя. Собралось до 40 архиереев, и просили в патриархи ученого Влеммида, который однако был неприятен двору за свою самостоятельность. Царь Иоанн Ватаци уже раз отклонил его кандидатуру, заявив открыто, что Влеммид не будет слушаться царя, у которого могут быть не те виды, что у церкви. Новый царь Феодор не решился выступить открыто против Влеммида, даже уговаривал его, обещая всякие почести, но Влеммид сам наотрез отказался, зная вспыльчивость и настойчивость молодого царя. Уговоры окончились размолвкою, и Влеммид уехал из Никеи в свой монастырь. Так рассказывает дело сам Влеммид, но по Анониму Сафы против кандидатуры Влеммида была сильная партия среди архиереев. Далее царь предложил избрать патриарха жребием. Провозглашая имя кандидата, открывали евангелие наугад и читали первые слова страницы. Одному попались слова «им не удается», другому «потонули», сосандрскому игумену вышло даже «осел и цыпленок». Наконец Арсению Авториану посчастливилось: при его имени было прочтено «он и его ученики», и он был избран. Монах Арсений, из родовитой чиновничьей семьи, уже встречался нам в составе духовной миссии, посланной царем Ватаци к папе. Это был человек новый, с сильным характером, искренне преданный царствующему дому, и его избрание было неприятно старым деятелям вроде Влеммида и Акрополита. На Рождество 1254 г. патриарх Арсений торжественно венчал Феодора II императором ромэев.

Вскоре новый царь выступил в поход против болгарского царя Михаила, захватившего северную Македонию и западную Фракию, кроме Сереса и двух других крепостей. Феодор созвал военный совет; его дядья по матери, Михаил и Мануил Ласкари, братья Феодора I, возвращенные племянником из ссылки, стали во главе старых деятелей, советовавших отложить поход; а незнатный царский сверстник Музалон советовал поспешить; царь принял его мнение и оставил Музалона регентом. Ему он одному доверял. Быстрый поход Феодора увенчался успехом; болгарский авангард за Адрианополем был разбит наголову, болгарский царь бежал. Взяв Старую Загору (Веррию), Феодор с большой добычей вернулся в Адрианополь и не преминул расхвалить, в письме к Влеммиду, успех «эллинской доблести». Охридский округ и Родопы, кроме крепости Чепены, были завоеваны греками. Но в армии Феодора очевидно были нелады. Два полководца — Стратигопул и Торник (из родни Михаила Палеолога) — бежали с поля битвы и отказались выступить вторично. Царь был вне себя и в письмах к друзьям обвинял своих полководцев в измене. «Говорят потихоньку, — писал он, — что в государстве будет возмущение, и уверяют

что уже начались беспорядки. А мы вынуждены итти на Филиппополь и испытывать столько тягот и бессонных ночей ... Ослушание этих преступников погубило наше войско и позволило собакам-болгарам опустошать нашу страну. Поэтому мы смотрим на настоящие события как на начало наших бедствий. Оставить западные области означало бы погубить все». Вслед за бегством Стратигопула и Торника восстало болгарское население крепости Мельника в Родопах и захватило греческий гарнизон. Феодор выказал недюжинную энергию и усиленными переходами в десять дней привел свою армию из Адрианополя в Серес. В Ропельском дефиле на Струме он разбил болгар в ночной атаке, причем погиб Драгота, бывший начальник Мельника, передавшийся болгарам. Феодор перешел в Македонию, взял Водену, Велес, Прилеп. На возвратном пути в Родопы греческая армия терпела лишения и потери среди безводных скал. Царь Феодор показал себя полководцем решительным и упорным в преследовании своих целей. Только крепость Цепина, или Чепена, в Родопах оставалась в болгарских руках. Эта крепость у Книшавы в западных Родопах, среди гор и трясин, господствовала над долиною нынешнего Татар-Пазарджика и над путями из Софии и Филиппополя в Македонию через Вельбужд (ныне Кюстандиль).*

Выступив против нее зимою, Феодор едва не погубил свое войско среди снежной равнины. Его военачальники-греки, а также вожди наемных латинян и половцев советовали вернуться в Адрианополь, но царь настоял на походе к крепости Стенимаху, поближе к Чепене. Из Стенимаха он еще раз пошел на Чепену и опять едва не погубил войско в снежных горах и дремучих лесах. Тогда только он уехал в Малую Азию. Из осторожности или по недоверию к своим полководцам из архонтов Феодор запретил в свое отсутствие вступать в бой с болгарами.

На родине Феодор немедленно стал систематически замещать аристократов людьми незнатными; « ... знатным, — говорил он, — довольно их славы и знатности. Слуги должны быть послушными и верными; они должны любить лишь своего господина».

И Феодор II действовал круто. Высшую придворную должность протовестиария он отнял у знатного Рауля и вручил своему незнатному другу детства Георгию Музалону в награду за успешное регентство в отсутствие царя. Феодор осыпал Музалона почестями и женил его на Кантакузине, племяннице Палеолога. Братьев Георгия Музалона он также выдвинул на первые места. Аристократия роптала, и Акрополит отозвался о новых сановниках как о «людишках, не стоющих и трех оболов», как о лжецах

* О ее развалинах ср.: П. А. Сырку. Старинная Чепинская крепость у с. Доркова и два византийские рельефа из Чепина (в Болгарии). Византийский Временник, V, 1898, стр. 603—617, с табл. (рельефы апостолов Петра и Павла).

и плясунах, воспитанных в играх и песнях. И самого почтенного Акрополита царь заставил участвовать в царских развлечениях против воли и даже дал ему какую-то новую кличку.

Власть должна опираться на деньги. Феодор забыл прежнее философское презрение к деньгам. «Все удивляются, — писал он Музалону, — как я переменился. Тебе это не смешно? В философии я более не нахожу ни очарования, ни даже интереса. Прелесть лишь в богатстве, блеск лишь в золоте и драгоценных камнях». Строгий Влеммид не преминул упрекнуть царя в корыстолюбии и равнодушии к беднякам. Феодор ответил замечательным письмом об идеалах царя. Удел царя, — писал он, — защищать от врагов, а для мудрых царей изряднейшим и честнейшим уделом является истина, рассудительность и справедливость. Ты для нас самый искренний друг, а через нас и для империи; правда, было время, когда последнее не имело места. Затем царь начинает свою апологию, убийственную для его хулителей. Нужно выбирать, — пишет он, — между интересами государства и разумной справедливостью, с одной стороны, и мотивами человеколюбия, с другой; если отнять у людей суд, что станет с государственным управлением? Ты настаиваешь, чтобы царская справедливость уступала неразумным обладателям власти, дарованной им разумно моим родителем. Деятельность его имела целью истинное познание интересов родины и справедливый суд в отношении к подданным. Посмотри на страну трибалов [Сербию], на область Эпидамна [Эпир], на Триполис [сирийский], Родос и Пафлагонию, измерь расстояния и изучи соседей, припомни, каковы были битвы, козни, столкновения. Нужно ли держать столько войск или нет? Если нужно, то дай суммы на наем и содержание флота и на жалованье войскам, раз ты признаешь, что нельзя их брать со страны, ради которой ведется борьба. Золота, драгоценностей, серебра у нас незаметное количество в совокупности; и если ими покрывать военные расходы, то скоро ничего не останется; и, введя дурной обычай в страну, станешь взыскивать от одной потребности до другой, да и не получать (дохода, — *ред.*), и ущерб будет велик. Как же нам поступать? Смотреть молча, как обессиливается государство? А станем мы говорить, будем осуждены мудрецами (вроде тебя). Разве на излишние расходы требуем мы золота? Тратим ли его на охоту, на пиры, на неумеренные попойки, на беспутную невоздержанность или на ненавистные новшества? Какая существует для нас забава или высшее занятие? Мы во цвете лет состарились душою. На восходе солнца, проснувшись, мы посвящаем свои заботы солдатам, а когда солнце поднимется — более высокому делу, приему послов; далее мы делаем смотр войскам, в полдень — рассмотрение текущих дел (по гражданскому управлению), и мы едем на лошади разбирать тяжбы лиц, не имеющих доступа внутрь дворцовых ворот. Когда солнце склоняется к закату, я исполняю решения склоненных предо мною (утверждаю предста-

вленные приговоры), на закате же, так как душа связана с материей, должен я естественно вкусить пищи и тогда не переставая говорить о нашем уделе; а когда солнце уйдет за берега океана, мы печемся о делах, касающихся походов и снаряжения. Что праздное мы делаем? За что бранят нас? Мы бодрствуем и благодарим бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих. Вражья сила бушует, и народы ополчаются на нас. А кто нам поможет? Перс [иконийский султан] как поможет эллину? Итальянец особенно неистовствует, болгарин тоже самым очевидным образом, а серб угнетается и унывает, он то наш, то нет. Только эллинский народ сам себе поможет, обходясь собственными средствами. Решимся ли мы урезать войско или средства на его содержание? В обоих случаях мы лишь поможем врагам. Это вот истинная правда.

Так рассыпается царь в красноречивых уверениях в своей преданности интересам церкви и своему царственному долгу. И Феодор был прав. Покоя от врагов и ему не было. В ту же весну 1256 г. ему пришлось выступить против болгар. Михаил Асень с половцами вторгся во Фракию и опустошил ее до Дидимотиха. Оставленные Феодором знатные начальники Мануил Ласкарь и Маргарит, вопреки царскому запрещению, выступили против половецкой конницы и были наголову разбиты; Ласкарь ускакал, прочие архонты попали в плен. Узнав о том, Феодор в один день прошел с войском 400 стадий и прибыл к Болгарофигу. Болгары бежали при его приближении; часть их под Визою была рассеяна и перебита. Михаил Асень решил просить мира и подослал для переговоров «русса Ура» (Акрополит) или «князя руссов» (письмо царя Феодора). Этот греческими историками не названный по имени русский князь, как теперь разъяснено, был ни венгерский Урош, ни сербский король Урош, но действительно русский князь Ростислав, сын св. Михаила Всеволодовича Черниговского; в молодости он воевал из-за Галича, затем женился на дочери венгерского короля и управлял с титулом бана Славонией и дунайской областью Мачвой, включающей в себя область Белграда и северную Боснию. Ростислав выдал свою дочь за болгарского царя Михаила Асеня (а другую за чешского короля Пржемысла Оттокара II) и стал играть большую самостоятельную роль в болгарских делах.* Переговоры князя Ростислава с греками закончились уступкою Феодору не только всех земель, только что захваченных сыном Иоанна Асеня II, но и Чепены, которую греки никак не могли взять. Царь Феодор был восхищен своим успехом, оповестил о нем своих подданных в восторженных выражениях как о новом подвиге эллинской доблести и даже подарил

* Ср.: C. Jireček. Archiv für Slav. Philol., XXI, 1899, S. 622 и сл.f.f.; Г. Баласчев. «Минало. Болгаро-македонско научно списание», год. II кн. 5 и 6, София, 1911, стр. 7—10.

Ростиславу 20 000 подарков: коней, кусков материи и т. п. Но через месяц царю донесли, будто бы Михаил Асень отказался признать договор, заключенный от его имени Ростиславом и скрепленный взаимною присягою сторон. Такое известие вывело царя Феодора из себя; его раздражение обрушилось на редактировавшего договор Акрополита; последний к тому же часто критиковал царские распоряжения и враждебно относился к временщику Музалону. Теперь, придравшись к насмешливому ответу Акрополита на царские упреки, Феодор приказал избить палками в своем присутствии этого заслуженного советника, друга царской семьи и бывшего своего воспитателя. Эту сцену рассказал потомству сам Акрополит во всех ее возмутительных подробностях. Скоро впрочем царь раскаялся, посылал неоднократно за Акрополитом, не выходившим несколько недель из своей палатки, где он проводил время за чтением. Феодор был рад, когда Акрополит наконец явился, и указал ему прежнее место рядом с собою. Акрополит пострадал не только лично за себя, но и как представитель оппозиции режиму сына Ватаци. Каждый поход оставляет в душе Феодора горькое чувство к знатным и старым советникам и начальникам. Нервное настроение царя, переутомленного и неуравновешенного, росло и сказывалось признаками надвигавшейся болезни.

Пока Феодор шел от успеха к успеху. На пути в Салоники он встретил жену и сына эпирского деспота Михаила, посланных, чтобы свадьбой завершить давнишнюю помолвку этого наследника эпирского царства с дочерью Феодора. Михаил боялся силы никейского царя, и Феодор этим воспользовался беззастенчивым образом: он задержал жениха и его мать и вынудил у деспота уступку Сервии (ныне Серфидже) и даже Диррахия (Дураццо, Драча), столь важного для западных греков. Тогда лишь молодой деспот Никифор и царевна Мария были повенчаны в Салониках патриархом Арсением.

Феодор был на верху своей славы. После мира с болгарами кто мог ему угрожать? С константинопольскими латинянами бывали стычки на Вифинском рубеже; в руки греков попадали знатные пленные, о которых хлопотали папские легаты, по жалобе константинопольского латинского патриарха Джустиниани. Но много латинян служило грекам. В войске Феодора было, вероятно, не менее латинян, чем под знаменами Балдуина II. Папа Александр IV, преемник Иннокентия IV, давшего новое направление папской политике курии на Востоке, потребовал от латинян прекратить междоусобия: положение империи Балдуина было отчаянное, и сам папа был поглощен борьбою с Гогенштауфенами в южной Италии. Папа даже был вынужден для спасения латинского дела на Востоке повторить примирительные предложения никейскому двору, несмотря на недавний отказ Феодора на подобные предложения со стороны Иннокентия IV. В 1256 г. в Никею был отправлен епископ Чивитавекии. Ему была дана

инструкция не сразу соглашаться на все уступки Иннокентия, но попытаться достигнуть лучших условий для курии. Однако папский посол так и не увидел Никеи. В македонском городе Веррии его встретили посланные Феодора с отказом царя от переговоров даже на почве предложений Иннокентия. Акрополиту было поручено даже не пропускать папского посла далее, но, кажется, последний все-таки повидал царя в Салониках. Феодор вовсе не считал нужным вести с курией политические переговоры. Ни о каком подчинении Риму он не хотел и слышать и в противоположность своему отцу он считал переговоры с папой чисто церковным делом. Он писал папе и кардиналам, что соединение церквей могло быть достигнуто лишь на почве взаимных уступок латинской и греческой церквей, путем устранения крайностей в их взаимных разногласиях и возвышенного, искреннего стремления выяснить церковную истину. Притом Феодор Ласкарь требовал для себя, по примеру римских императоров, права созвать церковный собор, председательствовать на нем и иметь решающее слово относительно церковных разногласий. Эту точку зрения он высказал в послании к епископу Котроны (в южной Италии) об исхождении св. духа. Положительно, никейский царь сознавал себя равноправным Юстиниану. Его отец Иоанн Ватаци готов был отказаться от таких устарелых претензий ради Константинополя и реальных политических выгод; сын же был уверен, что возьмет древнюю столицу и без папской помощи силою победоносного эллинского оружия. Сверх того Феодор имел столь высокое представление о царской власти, унаследованной им от отца, что ему и в голову не приходило поступиться в пользу папы царскими исконными прерогативами, освященными прошлым; и Феодор чувствовал себя главою эллинизма, о чем напоминал при всяком удобном случае; православие для него было национально.

При таком принципиальном противоречии римской католической доктрине переговоры между Феодором и папой не имели никакой надежды на успех, тем более, что папа Александр не был таким выдающимся политиком, как его предшественник. Лишь смерть Феодора могла очистить почву для дальнейших сношений курии с Греческой империей.

В Салониках царь Феодор сознавал себя вершителем судеб всего эллинизма и даже его ближайших соседей. Счел ли он момент удобным, чтобы расправиться с внутренними врагами, с ненавистной знатью, героем которой являлся Михаил Палеолог? Последний в сане великого контоставла (конюшего) командовал войсками на Вифинском рубеже. И вот он получил известие, конечно от своих сторонников или родных при дворе, что царь собирается его ослепить. Михаил был человеком решительным и немедленно спасся бегством к сельджукам.

Шаг этот был смел лишь в отношении опасностей на пути, но Михаил играл почти наверняка по отношению к царю. Михаил бросил ему вызов

со стороны партии знатных архонтов. Акрополит, повидимому, знал о бегстве Палеолога независимо от царя. За Михаилом стояли враги личного режима царя и его временщиков Музалонов. Царь Феодор тотчас же почувствовал всю тяжесть этого удара. Между ним и Акрополитом произошел любопытный разговор. «Знал ты о том, что случилось?» — спросил царь. Акрополит, конечно, отрицал. «Как твое мнение, пойдет ли великий контоставл с мусульманами на наши земли?» — «Никак этого не ожидаю от него, — ответил Акрополит, — я знаю образ мыслей этого мужа и его любовь к ромэям». — «Зачем тогда он убежал от наших?» — «Потому что ты, царь, не однажды и не дважды, а тысячи раз угрожал ему и гневался и в присутствии многих говорил, что пошлешь ослепить его; он о том услышал, испугался и спасся от казни бегством». — «А почему, — возразил царь в духе платонова диалога «Критон», — почему Михаил не остался верным своим, даже если бы ему пришлось претерпеть, предпочтя несчастье со своими счастью на чужбине?» — «Не свойственно человеческой душе, — ответил Акрополит, — терпеть беды и несчастья. Некоторые может быть были бы в состоянии, кто покрепче и равнодушнее к жизни; но бояться за свою жизнь и ожидать увечья тела никто не выдержит и всякий убежит от беды, как может». Собеседники замолкли. Затем Акрополит уверил царя, что Палеолог лишь заручится посредничеством султана и вернется под гарантией безопасности, т. е. поступит по обычаю, как делали в подобных случаях не только архонты, но и члены дома Комнинов.

В этом разговоре столкнулись две точки зрения. Феодор воплощал в себе новую идею национального государства, которому принадлежала личность подданного вполне; Акрополит же развивал идеи архонтов, отстаивавших свою личность и интересы, не отступая перед иностранным вмешательством. Феодор, хотя и ссылался на Платона, но перерос свою среду; Акрополит же был представителем этой знатной среды, властелей, вскорости погубивших и Византию и христианские Балканы. За властелями была сила социальных условий и крупной собственности, укрепленная западными феодальными взглядами, они сознавали себя здравыми реалистами в политике; но лишь национальное государство на новых началах могло спасти эллинизм при встрече с военной, теократической и вместе с тем глубоко народной организацией турок. Между царем Феодором и его старым воспитателем Акрополитом лежала целая пропасть, и дело царя, судьбы народной династии Ласкаридов и тогда уже были безнадежными.

Палеолог чувствовал за собою почву и силу настолько, что, убегая, разослал начальникам крепостей приказ охранять порученное им государственное достояние и подписался даже званием великого контоставла. Ограбленный в дороге турками, он был с честью принят иконийским султаном Рукн-ад-дином Кылыч-Арсланом IV (1257—1267 гг.) и назначен

начальником христианского отряда на службе у сельджуков. Михаил даже ставил свои условия, соглашался воевать лишь с татарами.

В это время в Передней Азии совершились события мировой важности, отразившиеся на судьбах сельджукского Иконийского султаната и — косвенно — на политике Никейского царства. Младший брат монгольского великого хана Менгу, Хулагу, получил для завоевания мусульманский Запад. Проект этот зародился в китайских и христианских (несторианских) кругах двора наследников Чингис-хана, но был усвоен как национальная программа турецким элементом Туркестана. Между монгольскими владениями Менгу и Хубилая, с одной стороны, и проектированным царством Хулагу в еретической Персии, Сирии и на землях издавна отделившихся сельджуков они, чистые турки, от Ферганы до Волги рассчитывали основать национальное великое государство на развалинах державы шахов Хорезма; и вместе с тем эти националисты Туркестана желали преобразовать закон (ясак) Чингис-хана на правоверных мусульманских началах, на шариате. Эту программу имел и великий Тимур в следующем, XIV в. * Предлогом для похода Хулагу была избрана карательная экспедиция против крайних шиитских сектантов исмаилитов-ассасиннов, утвердившихся в горах северной Персии, в районе Казвина.

В 1250 г. великий хан приказал по всей монгольской армии отрядить от каждого десятка по два воина для экспедиции Хулагу; из Китая была вызвана тысяча специалистов по управлению осадными машинами, метанию горящей нефти и стрельбе из арбалетов; воинов сопровождали их семейства, и последним выдавался паек; заранее чинились мосты, расчищались дороги, готовился фураж и провиант по 1000 фунтов муки и по меху вина на воина.

Менгу наказывал своему брату Хулагу: «Ты подчинишь обычаям и ясаку Чингис-хана Иран и страны до конца Египта и будешь спрашивать совета у твоей жены Докуз-хатун». А она была внучка «священника Иоанна», покровительница несторианского элемента в монгольской державе; благодаря ей ежедневно строились церкви во владениях внуков Чингисхана, у ворот ее «орду» была походная церковь и звонили в колокола (Рашид-ад-дин). Главный генерал войска Хулагу был христианин Кит-Бука. Неудивительно поэтому, что при отправлении полчищ Хулагу послы Великого хана прибыли к христианнейшему французскому королю Людовику Святому, находившемуся тогда на Кипре. Повелитель Азии предлагал

* Различные тюркские (турецкие) народы Передней и Средней Азии никогда не были и не сознавали себя единым народом; у них не было и не могло быть в XIII—XIV вв. и национального сознания, «национальной программы» и планов создания «великого национального государства», приписываемых им Ф. И Успенским. Источники ничего не говорят о существовании «национальных» планов или пантюркистских идей у тюркских народов той эпохи, равно как и у Тимура. *(Ред.)*.

королю-крестоносцу разделить всю вселенную, предоставляя Франции Иерусалим и Сирию. Людовик не понял важности момента и вместо решительного согласия послал Великому хану в Каракорум походную церковь с причтом и монаха Рубруквиса для переговоров. Рубруквис, блестящий писатель, оказался плохим дипломатом, он затерялся в толпе послов и государей, наполнявшей ханский двор, и ничего не устроил. Людовику пришлось скоро раскаяться в том, что он не дал Менгу должного ответа: он получил письмо, где Великий хан трактовал его уже как вассала. Людовик упустил момент и спас ислам на Переднем Востоке от верной гибели.

Спасаясь от наступающих монголов Хулагу, турецкие мусульмане, остатки полков последнего хорезмшаха (государя Хорезма, позднее — Хивы) Джелал-ад-дина и кыпчаки (половцы) бежали в Египет. Эти фанатические воины дали перевес мусульманскому оружию и скоро разбили французских крестоносцев в Египте; Жуанвиль описывает их знамена китайского образца, с кружевами, и копья с конскими хвостами, казавшимися французам головами дьяволов.

Непобедимым потоком обрушились полчища Хулагу на Персию, раздавив еретиков-ассасинов, далее на Месопотамию, Сирию, все сокрушая на своем пути. В 1258 г. сдался знаменитый Багдад, и последний халиф Мустасим с детьми и всем духовенством вышел навстречу Хулагу. Изнеженные багдадские горожане бросали оружие и выходили за ворота, где монголы резали их беспощадно. Халифу было указано жить рядом с несторианским патриархом-католикосом и буддийскими ламами; скоро и халифа зарезали вместе со всем родом Аббасидов, кроме юного Мубарека. Затем монголы нахлынули в Сирию, взяли Алеппо и Дамаск; и здесь, в стране мусульман-фанатиков, монгольская ханша Докуз-хатун начала строить христианские церкви. Но через 2 года, благодаря близорукости латинян, подняла голову мусульманская реакция. Египетские мамлюки, выходцы из Хорезма и Кыпчака, перешли в наступление. Под начальством кыпчакского тюрка Бейбарса они разбили монгола-христианина Кит-Бука в Палестине (1260 г.), разбили сыновей армянского царя, славного Хетума, или Хайтона (1266 г.), уже по смерти хана Хулагу (1265 г.); изгнали латинян из последнего их убежища — приморской Акры (1291 г.). Еще важнее было обращение египетскими проповедниками брата Батыя в мусульманство. С этой стороны, от Кыпчака и Сирии, началось разложение державы Чингис-хана: изгнанные из Сирии персидские монголы ополчились на мусульманскую Золотую Орду.

Одновременно несторианство за Каспийским морем быстро пришло в упадок. Оно держалось лишь кое-где в городах. Не видно было более христиан и в армии монголов. Хотя монгольская церковь оффициально была представлена на Лионском соборе 1272 г. и в 1287 г. уйгурский монах

Раббан Саума прибыл в Париж; хотя католическая миссия работала планомерно в Китае с половины XIII в. и основала пекинскую архиепископию с рядом викарных епархий, тем не менее можно сказать, что само католичество нанесло несторианству последний удар своей непримиримостью. Византия, теперь уже слабея, стояла вновь лицом к лицу с массой мусульманства, настроенного агрессивно, как во времена арабских завоеваний.

Турки-сельджуки, давнишние отщепенцы от массы турецко-татарских родичей, в сильной степени подверглись влиянию греческого мира. Несмотря на то, что их образованность, податная система, искусство (постройки Ала-ад-дина) оставались персидскими, их армия, двор их султанов, политика в значительной степени утратили прежнюю самобытность. После же монгольского завоевания при Бачу-нойоне двор управлялся монгольскими наместниками, ставившими малолетних ханов, податная система и государственное хозяйство стали монгольскими, они зависели даже от отдаленного Каракорума, и монгольское национальное войско заменило пеструю армию времен Гийас-ад-дина с ее французскими полками, но впрочем не сразу. При Ласкаридах султаны Рума опирались и на христианские полки. Последние султаны, среди которых были люди энергичные, пытались получить помощь из Крыма; но их старание поддержать единство распадавшегося государства было безнадежно, и они были в сущности наместниками ханов-монголов персидских; один из них, Мас'уд, получил в управление Сивас, Эрзинджан и Эрзерум. На пороге XIV в. султанат Рум прекратил свое существование и по имени. Но и господство монголов не было прочно в столь отдаленной окраине. Быстро на развалинах Иконийского султаната возникли молодые местные династии. Выделилась нынешняя восточная Анатолия (Эрзинджан, Эрзерум, Кайсарие, Сивас, Нигде и др.), где в XIV—XV вв. были свои династии; в западной Малой Азии появился еще в XIII в. ряд вассальных, часто лишь номинально, турецких государств, названных по имени владетельных домов: Караси (Мизия), Сарухан, Айдин (Лидия), Ментеше (Кария), Караман (Ликаония), Кызыл-Ахмедли (Пафлагония), Османы (Фригия Эпиктетская) и др.

Отношения между Никеей и Конией ко времени Феодора определялись общим страхом перед монголами. Когда султан Кей-Хюсрев еще при царе Иоанне Ватаци был задушен своими эмирами, сыновья его Рукн-ад-дин Кылыч-Арслан и Изз-ад-дин Кей-Кавус своими междоусобиями только усилили зависимость от монголов, оба были вызваны ко двору Хулагу-хана и получили из рук хана: Рукн-ад-дин — восточную половину, а Изз-ад-дин — западную с Конией; имел удел и третий брат (Кей-Кубад), чеканивший свое имя на монетах. Вместе с ними приехал в Рум и ханский наместник для всего султаната Муин-ад-дин Сулейман Перванэ. Получается знакомая нам картина: уделы по ханскому ярлыку и татарский

наместник, общий для всех. Изз-ад-дин Кей-Кавус желал восстановить единовластие, и когда хан потребовал его к ответу, он предварительно засадил Рукн-ад-дина в крепость. Татары не замедлили показать Изз-ад-дину свою силу, и, спасаясь от них, Изз-ад-дин приехал к Феодору Ласкарю в Сарды, прося помощи. Никейский царь был связан договором, заключенным с султаном еще при царе Ватаци, а Феодор подтвердил этот договор при воцарении. Он и теперь дал Изз-ад-дину помощь, но лишь в виде небольшого конвоя, всего 400 всадников, и отказался вмешаться в дела султана, опасаясь татар. Мало того, когда Изз-ад-дин подарил ему старые греческие города Лаодикею и Хоны с соседними крепостями, то Феодор поспешил вернуть их Изз-ад-дину, поняв, насколько этот дар опасен ввиду претензий татар на территорию подвластного им Иконийского султаната.

И Феодору удалось уберечь свое царство от татар. Сделал он это не только укреплением границ по примеру отца, где у него был ряд крепостей, богато снабженных провиантом и оружием, не только воздержанием от всякого вмешательства в дела иконийского султана и в политику государств Передней Азии, но и поддерживая с монголами дружественные сношения, причем не отступал перед традиционными хитростями византийского двора. Когда монголы прислали к нему посольство, Феодор велел встретить их на границе, везти во что бы то ни стало по самым трудным дорогам и горным тропам, недоступным для войска, и принял послов в виду собранных полков, закованных в латы, в присутствии богато разодетых придворных, проходивших перед татарами по несколько раз, чтобы их казалось побольше; сам Феодор сидел на высоком троне, осыпанном драгоценными камнями, держал в руке меч, и по бокам стояли вооруженные великаны; послов не подпустили близко, и Феодор промолвил суровым голосом лишь несколько слов.

После свидания Феодора с султаном в Сардах проживавший у сельджуков Михаил Палеолог возвратился в Вифинию, получив от царя письменное обещание безопасности, и был восстановлен в прежних должностях. Со своей стороны он дал торжественную присягу в верности царю и его потомству. Михаил был силой, с которою надлежало считаться царю. Однако его спешили убрать, послать на Запад. Как раз было получено известие о вторжении в Македонию эпирского деспота (см. гл. 3 отд. VIII). Царь дал Палеологу незначительный отряд плохого войска и послал его на Запад в качестве ответственного главнокомандующего, поручив ему однако действовать в согласии с главою никейского духовенства на Западе, епископом Диррахия (Драча), из рода верных Никее евбейских архонтов Халкуци.

Палеолог и в неблагоприятных условиях показал себя. Ему пришлось бороться не только с Михаилом Эпирским и Урошем Сербским, но

и с неспособностью царских воевод. Один из них, скутерий Кавлей,* был разбит сербами наголову под Прилепом; но сам Палеолог разбил отборный передовой полк эпирцев, причем был убит командовавший полком сын деспота. Тем не менее дело никейцев казалось проигранным. Деспот взял сильно укрепленный Прилеп благодаря измене горожан, и вместе с крепостью в его руки попал сам наместник Феодора, известный нам Акрополит. За верность своему царю он был закован в цепи. Многие же из подчиненных ему начальников, как знатный Нестонг, Кавлей и другие, передались деспоту. Палеолог действовал энергично, брал город за городом, и благодаря его влиянию в настроении архонтов Македонии произошел поворот в сторону царя. Но самые успехи Палеолога и его влияние на изменников-архонтов только разожгли подозрения никейского двора. Михаила обвинили в колдовстве против царя: его, видимо, нужно было погубить, а улик не было. Придворный Хадин был прислан в Салоники схватить Палеолога. Последний советовался с упомянутым епископом Халкуци, выгнанным эпирцами из Диррахия: в чем его вина и как ему быть? Молились в церкви всю ночь, а на утро за литургией епископ услышал произнесенное неведомым голосом и непонятное слово М а р п о у (μαρπου) и истолковал его как начальные буквы слов: «Михаил самодержец ромэев Палеолог вельми прославится».

Палеолог не оказал никакого сопротивления посланцу царя. Когда его привезли ко двору, Феодор не хотел даже видеть своего врага. Палеолог долго томился в тюрьме. В это время с царем случился тяжкий припадок болезни, кажется апоплексический удар, и дело Палеолога было отложено. Болезнь царя приписывалась навождению. Придворные клеветники работали, и пострадало много лиц; лишь против любимцев Музалонов царь не слушал клеветы. Заподозренных не судили правильным судом, но подвергали варварскому испытанию раскаленным железом. Вынесших пытку царь женил на знатных невестах, желая примирить их с собою. Даже племянницу Палеолога не пощадили. Ее обвинили в чарах против мужа, за которого царь ее выдал против воли. Ее муж оказался неспособным к сожитию, а ее за это посадили в мешок, наполненный живыми куницами, которые ее терзали. Смертная болезнь приковала царя к постели. Сначала он еще пробовал садиться на коня или на трон, но скоро силы совсем оставили его, и, изнуренный, полумертвый, проводил он дни и бессонные ночи, мучась подозрениями. Томился в тюрьме и Палеолог, ожидая гибели.

Тяжело было умирать Феодору. Правда, его царство процветало и богатело; на Востоке ему не угрожали ни сельджуки, ни бессильные

* Георгий Акрополит называет его Ксилей (ὁ σχουτέριος Ξυλέας). Ср.: G. A k r o p o l i t a e. Opera I. Lipsiae, 1903, гл. 70 (ed. A. Heisenberg). *(Ред.).*

латиняне Константинополя, и он сумел уберечь подданных от татарского нашествия; папы он не боялся; болгарский царь Тих получил руку царской дочери Ирины и даже прислал для верности свою прежнюю жену; болгарский претендент Мица сдал грекам Месимврию и переселился на земли Феодора в Троаде. На Западе эпирский деспот и изменники-архонты должны были смириться. Главного из архонтов, главу предполагаемого заговора — ненавистного Михаила Палеолога, — царь держал у себя в тюрьме. Но расправиться немедленно с ним не могли, очевидно. Умирающий царь сознавал, что Палеолог не простит своих обид, расплатится по смерти царя; царь и ранее подозревал, что архонты погубят личный режим Музалонов, погубят его 8-летнего сына, погубят державу Ласкаридов, которую он, Феодор, не уберег, хотя ей отдал все силы.

Клика Музалонов требовала новых казней выдающихся лиц; патриарх Арсений скрепил приговоры авторитетом своего сана. Лишь однажды царь внял независимому голосу Влеммида и отменил казнь невинного. Но ослеплен был Феодор Фили, дипломат и верный слуга царя; пострижен в монахи знатный Комнин Торник, родственник Палеолога; брошен в тюрьму полководец Алексей Стратигопул (впоследствии взявший Константинову столицу), а его сын был ослеплен; начальнику царской канцелярии Алиату отрезали язык, пострижен был первый придворный чин, паракимомен Загаромм ати.

Царя мучила совесть за погубленных. Чувствуя близкий конец, он просил патриарха отпустить ему письменно грехи. Арсений и весь синод немедленно подписываются; но Влеммид, враг Музалонов, сказал царю: «Если господь сковал, то как служитель его разрешит узы? Бог тебя оставил», и Влеммид отряс прах у ворот дворца умирающего Феодора. Царь исповедался у избранного им митрополита и у патриарха, горько плакал, повторяя: «Оставил я тебя, Христе!». Он принял схиму и скончался в августе 1258 г., процарствовав менее 4 лет. Похоронили его рядом с отцом в царском монастыре в Сосандрах.

Замечательная личность Феодора II вызвала разноречивые отзывы современников и ближайших потомков. Беспристрастных мнений почти нет. Некоторые писатели, как современник Акрополит и Никифор Григора, воздержались от его общей оценки; но осуждение сквозит на каждом шагу у Акрополита, не ладившего с новым лютым режимом и временщиками Музалонами. Акрополит даже забыл, что он был всем обязан родителям Феодора, и одним из первых изменил его малолетнему сыну, впрочем, может быть, из соображений государственной пользы. Несколько позднейший писатель Пахимер отдает Феодору должное, хотя и писал при Палеологах. «Рожденный от царей, Феодор, — по словам Пахимера, — был воспитан, чтобы быть царем. Он не сравнился со своим отцом по мудрости, проницательности и твердости во взглядах; зато он обладал энергией,

благородным воинственным характером своего деда [Феодора I Ласкаря] и щедростью своей матери. Он любил просвещение и поощрял образованных людей. Он располагал значительным образованием, и его красноречие было скорее природным даром». И в области внутренней политики Пахимер одобряет Феодора за то, что он назначал на высшие должности способных людей, невзирая на их происхождение. По мнению анонимного историка, бывшего спутником умершего царя в походах, Феодор не имел себе равных между монархами по покровительству просвещению. «Многие удивляются его несравненной любви к знанию и мудрости, другие — его искусству военачальника и храбрости, которыми он поразил всех своих врагов. В самом деле, и его соседи персы [т. е. сельджуки] пришли вместе со своим государем на поклон и с дарами; и даже арабский князь [из других источников не известно об этом факте] прислал ему ценные дары . . . Иные, наконец, прославляют его за щедрость и великодушие, ставя его выше отца».

Отдавая должное личной талантливости Феодора, история отнесется со смешанным чувством к нему как к государю. Его недостатки нам виднее — благодаря его переписке и другим трудам и потому, что его недолгое правление было лебединой песнью Никейского царства, временем его наибольшего блеска, приковывавшего взоры современников, тогда как время его отца и деда остается сравнительно в тумане и рано окуталось легендой. Феодор II получил от отца крепкую власть и умер среди внутренних врагов его державы; любил войну, усилил армию, провел почти все время в походах, но лишь с трудом уберег отцовское наследие, и то благодаря междоусобице между болгарами и сельджуками, к тому же разбитыми полчищами монголов; Константинополя он не взял и не осаждал, несмотря на крайнюю слабость и нищету правительства Балдуина, несмотря на счастливое соотношение политических сил в Италии, где шла решительная борьба папства с Гогенштауфенами, несмотря на ожесточенную борьбу Венеции с Генуей в водах Леванта. С папой Феодор не считался и необычно ярко провозгласил идею национального греческого единства, но, в сущности лишь обороняясь против внешних и внутренних врагов, он в этой борьбе быстро истратил свои силы и впал в мрачное отчаяние. При всем том он был талантлив во многом, неутомим, решителен и осмотрителен на войне, ревностно относился к своему царственному долгу, высоко держал знамя православного государя и был верен своим просвещенным идеалам, переросшим свой век. Но не было у него — или под влиянием болезни не стало — той сдержанности и того понимания осуществимых задач, которыми его отец достиг прочных успехов. Между тем это было главное в его положении, при борьбе с аристократией. Не говорим уже о подозрительности и жестокостях, омрачивших конец его правления.

Заветной целью Феодора было создать национальную «эллинскую» армию, «подвижной город, охрану прочих городов». Он отдавал этому любимому делу свое время и силы; он зачислил в строй дворцовую челядь, сотни доезжачих и сокольников, он сократил царские щедроты наперекор своему широкому характеру; тратя на армию казну, собранную в крепостях Астицы и Магнисии, он, повидимому, и на население возложил большие тяготы, строже взыскивая подати и недоимки. Одновременно он стеснял свободу действий военачальников, выдвигал незнатных, уменьшил жалованье и льготы наемного корпуса латинян, привыкших возвышать свой голос. Недовольные элементы в армии стали опорою Михаила Палеолога, и может быть поэтому Феодор давал Михаилу, посылая его на запад, не латинян, но пафлагонцев и греков, хуже вооруженных, но более верных. И в недрах армии, как в государстве, нивелирующие тенденции Феодора обострили отношения и усилили ряды врагов созданного им режима.

В лице Феодора государь и писатель нераздельны. Следует лишь различать юные и зрелые годы. Большинство его писем и иных литературных трудов написаны до воцарения. Бремя царских обязанностей не только поглотило Феодора (хотя он писал и в походной палатке), но изменило его взгляды и скорее обострило его антипатии.

Феодор прежде всего — человек симпатий и антипатий. Ни в том, ни в другом не знала меры его увлекающаяся, поэтическая, болезненная натура. Чрезмерно преданный друзьям, особенно Георгию Музалону, он преследует врагов и бичует их пером, не соблюдая подобающей царю сдержанности. Он и в юности отличался насмешливостью и писал сатиры, и довольно грубые, на своих учителей. Неровным, неспокойным был Феодор и в жизни. То предавался отчаянью — по смерти юной жены не хотел никого видеть и не мылся даже, — то неудача второстепенных военачальников выводила его из равновесия, и он подозревал всех в измене; то он пел дифирамбы прекрасной Никее, славному отцу, Фридриху Гогенштауфену, своим собственным победам — и повсюду среди книжной риторики у него сквозит искреннее повышенное чувство.

Феодору ставили в вину его непостоянство. Между тем у него было постоянство, именно в отношении нескольких идей, которым он служил беззаветно. У него был исключительный энтузиазм к идеалам национальной эллинской культуры, которые он усвоил с юности. Идеалы Феодора переросли свою эпоху. Будь они осуществлены, судьба эллинизма могла быть иной. Но требовалось долгое время, выдержка и осторожность, которых у Феодора нехватило; и та революция, которая снесла династию Ласкаридов, погубила и идеалы, которые Феодор поставил перед собою и проводил в жизнь весьма ясно и слишком круто.

Его идеи лишь отчасти были взяты из книг, из античных представлений о роли эллинизма и об обязанностях совершенного монарха, по Аристотелю и Платону. Корни их лежали в истории Никейского царства в условиях тяжкой борьбы греческого народа за существование. Из книг Феодор почерпнул преклонение перед древней, античной славой греческой нации. Его знамя — не ромэйская, обезличенная в национальном отношении, средневековая империя Комнинов, но античное прошлое эллинизма как путь к новому будущему. Он был на своем троне первым глашатаем политического ренессанса эллинской нации, и голос его прозвучал одиноко. Преобразование государства на новых началах было мыслимо лишь на почве крупных перемен в социально-политическом строе, но на пути стояла земельная и служилая аристократия, с которой Феодор не справился. Но он, повидимому, ясно распознал врага и боролся безнадежно до конца. У писателей XIV—XV вв. там и сям мелькают туманные и несмелые мысли о необходимости социального и политического преобразования; из этого не вышло ничего. Лишь один царь Феодор мог высказываться до конца и пытаться вывести народ на новый путь национальной монархии; но это после аристократической революции, погубившей его дело и династию, было уже поздно. Грекам пришлось ждать возрождения до XIX в., когда аристократия их давно уже погибла под игом турок.

Греческий язык Феодор любит «более дневного света». Эллинское просвещение он поддерживает и распространяет, не только поощряя ученых, жертвуя на библиотеки, учреждая и расширяя школы в Никее, но и своим примером, являясь прирожденным писателем на троне и открыто гордясь этим. Феодор — достойный сын своей матери, поддерживавшей в Никее и Нимфее просвещенные традиции старого константинопольского двора. В просвещении он видит национальный долг, обязанность перед прошлым и будущим народа. Жалуясь на нелюбовь молодежи к наукам, царь пишет: «Философия принадлежит грекам, а ныне они ее выживают, как иностранку. И поэтому уйдет она к варварам и прославит их. Вся былая духовная нищета последних падет на ее гонителей. Она станет врагом нашим и ополчится на нас. А разве можно справиться с мудростью? Поэтому она либо отдаст нас на гибель, либо сделает нас варварами. Пишу все это, охваченный мрачной тоскою».

Просвещение для Феодора — национальное дело. При православном никейском дворе преклонение перед светлой древностью было не меньшим, чем при дворе знаменитого Фридриха Гогенштауфена, и во всяком случае имело более национальные корни. К сожалению, мы плохо осведомлены о сношениях между дворами Гогенштауфена и Ласкаря на почве вопросов культуры и просвещения. Друзья и союзники, они обменивались посольствами и бесспорно ценили друг в друге просвещенные тенденции.

Недаром сам Феодор написал риторическую речь на кончину Фридриха. В политике оба монарха боролись со средневековыми началами: Фридрих — с папством, с феодальными пережитками и городскими привилегиями; Феодор — с архонтами и властелями, служилой и земледельческой знатью, пренебрегая притом папскими притязаниями и держа в руках греческую патриархию.

В личности Феодора преклонение перед наукой является органическим, служит краеугольным камнем миросозерцания. Просвещенное превосходство есть оправдание монаршей власти, по Аристотелю. Учением Аристотеля проникнуты философские сочинения Феодора. Служа просвещению и на нем утверждая монарший авторитет, царь мог не считаться с устарелыми взглядами и с претензиями знати, основанными на традиции и на социальном неравенстве. Феодора можно было бы назвать далеким, затерявшимся предвозвестником идей просвещенного абсолютизма, хотя, скорее, эти идеи вечны, всплывая повсюду, где власть борется против старого за новое, истолковывая последнее в свою пользу.

Этическая часть философии Феодора является проповедью внутреннего совершенства личности путем просвещения. Последнее он понимал в рамках строгого православия. В условиях времени, последнее было естественно и составляло его силу. Интересно рационалистическое понимание им добродетели, борьба за обновление личности путем науки. При благоприятных условиях борьба личности против старых оков должна была неминуемо перейти на социальную и политическую почву. Но Феодор переоценил свою власть, основанную его отцом Ватаци на осторожном хозяйственном и отеческом попечении о низших и средних классах; он ничего не достиг, сократил себе жизнь безнадежной борьбою и расшатал унаследованную власть.

Замечательна его «Похвала мудрости». Наука делает человека разумным и возводит его до господа, до блага вообще. Основа мудрости — боязнь бога. Уча добродетели, мудрость сама является добродетелью. Против столь непоколебимой основы невежество бессильно. От последнего исходят все пороки. Лишь тот, кто познал науку до конца, владеет добродетелью. Невежда останется добычей заблуждения и будет вести жалкое существование. Обоснованию этой руководящей идеи посвящен длинный трактат «Об общении природных сил». Ссылаясь на учение Аристотеля о материи и форме, Феодор развивает тезис, что образование для человека является тем же, чем форма — для материи. Образование — вторая, высшая природа человеческой личности.

В самом преклонении перед разумом в Феодоре сказывается его поэтическая натура. Как у монарха, как у писателя, у Феодора господствует чувство, часто неуравновешенное. Ни в чем не выразилась его чувствительность так ярко, как в составленных им церковных песнопениях. Таков

его канон богородице: «Колесницегонителя фараона погрузи»... К кому, как не к тебе, пречистая, обратиться мне, погрязшему во грехах? На эту тему подобраны переливы песнопения, трогающие всякого; только верующая и пламенная душа могла составить эти ирмосы и тропари, по которым молится весь православный мир.

Прерывая наше изложение судеб Ласкарей и их царства, остановимся несколько на образовании государства Великих Комнинов в Трапезунте и на крупных переменах, происшедших в Передней Азии.

Для основания царства Комнинов в Трапезунте, пережившего даже взятие Константинополя несколькими годами, события 1204 г. послужили лишь внешним толчком: и ранее, при Комнинах, Трапезунтское побережье жило своими интересами и назревало образование независимого политического центра. Этим Трапезунтская империя отличается от Никейской, которая была бы немыслима без взятия Константинополя латинянами и жила идеей восстановления греческого царства в Константинополе, пока ее не осуществила. Тем самым она прекратила свое существование. Трапезунтская история — местная, и хотя культура и высший класс были греческие, силы и интересы Трапезунтского царства коренились в политических связях и торговле с Кавказом, Арменией, Хорасаном и турками.

Плоскогорье над черноморским побережьем Трапезунта, византийская фема Халдия, и во времена могущества Константинополя было мало доступно и, будучи населено православными лазами, управлялось местными князьями, получившими облик византийских архонтов и сановников: в этом отношении фема Халдия являлась авангардом Армении. Плодородное лесистое побережье было искони богато, и нужны перо и краски Фалльмерайера,* мастера слова, чтобы описать его природные красоты. Сам город Трапезунт являлся конечным пунктом караванного пути на Восток и вместе с тем стоянкой военного флота и армии, сдерживавших кавказские племена. Его акрополь был расположен на четырехугольной скалистой террасе, господствующей над гаванью, и был с двух сторон защищен крутыми и глубокими оврагами; узкий перешеек, соединявший акрополь с высоким берегом, был укреплен башнями и стенами. Внизу, в гавани, устроенной еще императором Адрианом, тянулись богатые склады товаров, шедших из Персии, Месопотамии, Крыма, Кавказа и еще более далеких стран.

Походы Василия Болгаробойцы против грузинского царя Георгия, подступившего к Трапезунту, подчинение армянских царей Васпуракана и грузинских наследников Баграта были кратковременным успехом византийского оружия в этих местах. Ослабление, унижение армянских

* Фалльмерайер (J. — Ph. Fallmerayer), 1790—1861, немецкий историк, известный своей теорией, что греки в результате иммиграции славян на Балканский полуостров в V—VII вв. совершенно ославянились (*Ред.*).

царств вызвало, наоборот, гибельные последствия для Византии при слабых преемниках Василия. Был разрушен предохранительный барьер, защищавший Малую Азию от турок, которые уже нахлынули в северную Персию. В 1049 г. Тогрул-бек разрушил Арзен и отрезал Трапезунт от торговых сообщений с Персией, но сам Трапезунт был охраняем дружиною варягов, и Исаак Комнин оттеснил турок-сельджуков к югу. Известно, какую роковую роль в успехах турок в XI в. сыграли константинопольский двор и легитимисты партии Дук. При султане Алп-Арслане Трапезунт еще держался, но после катастрофы императора Романа Диогена при Манцикерте Трапезунт, повидимому, попал в руки турок (1074 г), хотя и на короткое время. Город был у них отнят Феодором Гавра́. Турки пробились к Черному морю в Самсуне и Синопе на $2^1/_2$ века раньше, чем взяли Трапезунт.

Гавра́ был из местных князьков Халдии, местными силами добыл себе Трапезунт и правил им самостоятельно, хотя ездил ко двору Алексея и оставил в Константинополе сына в качестве не то будущего царского зятя, не то заложника; за попытку бежать молодой Гавра́ был сослан в Филиппополь и так и не увидел своего отца. Последний округлил свои владения, взяв у турок Байбурт и Колонию. Следующие за Гавра́ губернаторы Трапезунта, Даватин и патрикий Григорий Таронит, из армянских князей Тарона (к югу от озера Ван), как только утверждались в Трапезунте, начинали вести себя слишком самостоятельно по отношению к византийскому двору. Приходилось посылать против них войска и брать их с боя. В середине XII в. Трапезунт опять оказался в руках рода Гавра́. Один и членов этой княжеской семьи был, вероятно, назначен дукой в конце царствования Алексея. Калоян ходил в поход против турок и Константина Гавра́, но без результата. При Мануиле Михаил Гавра́ явился с войском из Трапезунта на помощь к императору по его требованию. Во время Четвертого крестового похода в Трапезунте был губернатором один из Палеологов, но в Амисе (Самсуне) был хозяином Феодор Гавра́.

Крушение греческой империи вызвало на Черноморье аналогичные прежним события в большем масштабе и с участием более крупных сил. Решающее влияние в образовании Трапезунтской империи имеет Грузия, царство Тамары, кавказские конные полки. Во главе Трапезунта становятся не местные архонты Гавра́, но отпрыски императорского рода Комнинов, происходивших из Комании Понтийской (ныне Токат), между Синопом и Трапезунтом.

Малолетние внуки императора Андроника Комнина, сыновья Мануила, Алексей и Давид, были при низвержении их деда спасены и увезены в Тифлис (Тбилиси, — *Ред.*) ко двору знаменитой грузинской царицы Тамары (1184—1213), дочери грузинского царя Георгия III от осетинской

Панагия Златоглавая.

XIII в. Трапезунт. (Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи. Ленинград, 1929, табл. IV, 2).

княжны. Тамара находилась в отдаленном родстве с Комнинами (хотя не была теткой царевичей, как пишут греки) и покровительствовала членам этой фамилии; незаконный сын Андроника Алексей жил при ее дворе. Наоборот, с двором Ангелов отношения у нее были враждебные. Первый муж Тамары, буйный русский князь Георгий Андреевич, будучи изгнан из Тифлиса, дважды находил приют и помощь в Константинополе. Тамара в свою очередь вырастила при своем дворе внуков низвергнутого Ангелами Андроника. Они были орудиями ее политики: за событиями в Константинополе, за непопулярностью и слабостью Ангелов Тамара зорко следила. Судя по известиям грузинского оффициального историка, незадолго до взятия Константинополя латинянами Тамара послала войско из Имеретии в византийские пределы, завоевала Понт и Пафлагонию, Лазику с городами Трапезунтом, Самсуном (нижним городом, но и в нем удержался Гавра́; верхний город был в руках сельджуков), Синопом и даже Амастридой и Ираклией в Вифинии. Вслед за тем она дала эти земли своему родственнику Алексею Комнину. По греческим источникам, царевичи Алексей и Давид, выросши, получили от Тамары войско, взяли с собою фамильные сокровища и решили завладеть византийскими землями как своим законным достоянием. Старший, Алексей, овладел Трапезунтом и всей страною до Самсуна без сопротивления со стороны губернатора Палеолога; в Трапезунтской хронике Панарета сказано кратко, что в апреле 1204 г., т. е. во время штурма Константинополя крестоносцами, прибыл Великий Комнин государь Алексей из Иверии и 22 лет от роду занял Трапезунт. Младший брат его Давид «в качестве предтечи» Алексея, заняв Пафлагонию и Ираклию, вторгся с войском из лазов и грузин в Вифинию, угрожая новому государству Ласкаря.

Обаяние имени и богатство царских отпрысков оказали, конечно, свое действие на черноморских греков, но нельзя не видеть, что утверждение их на Черноморье было делом правительства Тамары, и на первых порах Алексей должен был сознавать себя ее вассалом, сколько бы знатен он сам ни был. В таком свете основание государства Комнинов является лишь эпизодом в борьбе Грузии за преобладание на восточном Черноморье, продолжением политики отца Тамары, войска которого доходили и до Эрзерума и до самого Трапезунта. Судьбу Черноморья решали силы покрупнее молодых Комнинов, и оба брата, предоставленные самим себе, начали терпеть неудачи, особенно смелый Давид, разбитый Ласкарем и павший в битве с турками. Алексей не погиб потому, что его положение в крепком Трапезунте, далеком от Никеи, было безопаснее; но он не мог подать помощи брату, и ему пришлось смириться перед сельджуками.

К XIII в. иконийские султаны, называвшие свою страну Рум,* были грозной силой, которая упорно пробивалась к морю и на севере и на юге. Под стенами Амиса, нижнего Самсуна, турки отразили Алексея, и местный архонт Гавра́ подчинился сначала туркам [занимавшим верхний Амис (Самсун) со времен Кылыч-Арслана II], потом никейскому императору Ласкарю, но не Комнину (1211 г.); между Трапезунтом и Самсуном было торговое соперничество. В 1214 г. султаном Кей-Кавусом был взят Синоп, вскоре после взятия Атталии на юге (1207). Оффициальная хроника Сельджук-намэ говорит при этом не о Давиде, но об Алексее Трапезунтском. Приведем ее известия в некотором сокращении. Султан Изз-ад-дин Кей-Кавус I, сын Гийас-ад-дина Кей-Хюсрева I, находился в Сивасе, когда прибыли гонцы с известием, что тегвер Джанита ** Кир-Алексис обманным образом захватил Синоп. Так как этот «злонравный неверный» всегда был данником султана, было решено сначала опустошить Синопскую область и затем осаждать сильно укрепленный город. Турецкие лазутчики донесли, что Кир-Алексис ежедневно охотится и пирует в окрестностях Синопа. Был послан отряд, которому удалось схватить Алексея. Когда султан прибыл с главными силами в окрестности Синопа, Кир-Алексис в кандалах был приведен в его палатку и поцеловал землю в знак смирения и унижения. Султан приказал ему послать в Синоп одного из схваченных с ним греков, чтобы уговорить жителей сдаться. Синопцы отказались, говоря, что у Алексея имеются сыновья, могущие его им заменить. Султан разгневался и приказал пытать Алексея в виду города. Кир-Алексис стонал и кричал: «О, потерявшие веру, для кого вы охраняете город?». На следующий день Кир-Алексиса повесили в виду городских стен вниз головою, так что он потерял сознание. Тогда жители согласились сдаться, если султан поклянется, что не тронет Алексея, а им позволит удалиться из города с имуществом. Султан поклялся, что будет охранять области Джанитскую, Трапезунтскую и Лазскую, если тегвер Алексис будет платить дань и выставлять войско по требованию султана. Знамя Кей-Кавуса было водружено на городских стенах, и обе стороны пировали всю ночь. При въезде султана в город жители сыпали перед ним золотые и серебряные монеты, он одарил знатнейших халатами;

* Терминами Рум, румы в языках арабском, персидском и тюркских передавались новогреческие термины «Романия» (Византийская империя) и «ромэи» (римляне, т. е. византийские греки). В более узком смысле Румом называли также Малую Азию как византийскую, так и турецкую. Позднее османские султаны именовали себя «кайсарами» (кесарями, императорами румскими—ромэйскими), отказывая последним Палеологам в Константинополе, в императорском титуле и признавая за ними лишь титул царя (арабск. мелик). *(Ред.)*.

** Тегвер (от армянского тагавор — царь) — титул, который турки давали мелким христианским династам в Передней Азии. Джанит — Понтийская область. *(Ред.)*.

одарил он и Алексея, привстал перед ним для почета и посадил выше своих беков. Уступив Синоп, Алексей обязался за признание за ним всего Джанита давать ежегодно 12 000 золотых, 500 коней, 2000 коров, 10 000 баранов и 50 вьюков с разными товарами; на прогулке он держал стремя султана и вел его коня, пока Кей-Кавус не приказал ему сесть на коня. Начиналось тюркское иго для христианских государей. В Синоп были переселены жители из других городов; разбежавшиеся при франках (т. е. при Давиде) крестьяне были посажены на тягло, оделены волами и семенами; в город были назначены кадий (духовный судья) и хатиб (проповедник соборной мечети); соборная церковь была обращена в соборную мечеть. Взятие Синопа отрезало Трапезунтское царство от Никейского и закрепило за Трапезунтом значение лишь местного центра, которым мало интересовались и в Никее, и в Константинополе. Борьба за изгнание франков протекала без деятельного участия Трапезунта и его Комнинов.

Алексей, попав в зависимость от иконийского султана, пережил взятие Синопа восемью годами и умер в один год с Ласкарем (1222 г.). Неясно, принял ли он с самого начала титул императора ромэев, как утверждает Фалльмерайер.

За малолетством его сына Иоанна не только регентство, но, повидимому, и престол достались зятю Алексея Андронику Гиду (Гидону). Так как его называют весьма опытным в военных делах, весьма вероятно, что он — одно лицо с полководцем Ласкаря Андроником Гидом, истребившим 300 рыцарей-франков, выступивших из Никомидии в помощь Давиду Комнину. Гид мог быть кондотьером западного происхождения. На второй год правления он истребил турецкий отряд, посланный против него, вероятно, за неуплату дани.

В эти годы в Передней Азии разыгрались великие события. Еще в 1220 г. Чингис-хан выслал первую экспедицию на Запад для преследования Мухаммеда, шаха Хорезма (Хивы), владевшего Туркестаном, Ираном и Азербайджаном, а также для разведок о странах, подлежащих монгольскому завоеванию. Эта армия, состоявшая из двух-трех туманов (дивизий по 10 000 всадников в каждой), под начальством Джебэ-нойона и Субутай-бахадура вторглась в Азербайджан и появилась на берегах озера Урмии. Отсюда монголы проникли в Грузию и Агванк, разбили грузинского царя Георгия IV Лашу в упорном бою (1221 г.), разграбили столицу Ширвана Шемаху. Отсюда неутомимые наездники пошли через Дербендский проход на север, в дебрях и ущельях Кавказа потерпели большой урон от горцев, причем должны были бросить багаж и добычу; все-таки они пробрались в южнорусские степи, где и разбили наших князей на реке Калке (1223 г.). При втором великом хане Угедее было решено покончить с героическим наследником Мухам-

меда, последним хорезм-шахом, султаном Джелал-ад-дином (1221—1231 гг.). Послан был монгольский князь Чормагун с тремя туманами. Джелал-ад-дин, спасаясь от монголов, отступил в 1225 г. в Азербайджан и Армению, разбив заступивших ему дорогу грузин и армян. Он вторгся и в сельджукские пределы, не встретив отпора. Против него образовалась коалиция, центром которой стал иконийский султан, воинственный Ала-ад-дин Кей-Кубад I (1219—1236 гг.), наследовавший своему брату Изз-ад-дину Кей-Кавусу I (1210—1219 гг.). Небольшое сравнительно Трапезунтское государство было втянуто в гигантскую борьбу, охватившую Переднюю Азию, и стояло на стороне Джелал-ад-дина. Когда последний под Ахлатом (Хелатом; в Армении) был разбит, * остатки его войска бежали в Трапезунт. Оставленный всеми Джелал-ад-дин был убит под Диарбекиром (1231 г.), и десятитысячная дружина его закаленных туркменских воинов поступила на службу к его главному противнику, иконийскому султану.** В войсках султана Ала-ад-дина служили также франки (преимущественно итальянцы с Леванта) и греки; он подчинил армянских князей в Эрзеруме в Малой Армении, Кира Варду — в Калоноросе (Алайя), посылал войска в крымский Судак против кыпчаков (половцев). Коалиция сирийских арабских государей ничего не могла поделать с Ала-ад-дином (1237 г.), носившим гордый титул повелителя всех земель на востоке и на севере, т. е. на Черноморье. По отношению к столь сильному монарху Андроник Трапезунтский являлся скромным вассалом, выставлявшим в армию султана двести копий, т. е. 600 всадников. Зависимость от сельджуков отразилась на отношениях с Кавказом: не могли трапезунтские греки использовать последствия разгрома Грузинского царства монголами. Последние долго были заняты покорением Ирана, и лишь в 1235—1236 г. Чормагун с 4 туманами вторгся в Армению и Грузию, взял богатый Гандзак (Елисаветполь).*** Тогда татарские генералы поделили по жребию между собою Кавказ и Армению. Сам Чормагун разорил цветущий город Ани, в прошлом столицу армянских Багратидов, принадлежавшую (с 1173 г.) грузинскому царю, насчитывавшую до 100 000 домов и до 1000 церквей (1239 г.); развалины Ани раскапывались русскими археологами под руководством академика Н. Я. Марра.**** Завоевав Персию, Грузию, Агванк и Армению, сам Чормагун, разбитый параличом, не пошел дальше (ум. 1242 г.). Преемником ему был назначен его сотрудник Бачу-нойон,

* Хорезмшах Джелал-ад-дин одержал победу под Ахлатом, взяв эту крепость в 1229 г., но был разбит сельджуками близ Манцикерта в 1230 г. *(Ред.)*.

** Это был предводитель туркменского племени кайи, по имени Сулейман. Сын его Эртогрул получил лен во Фригии Эпиктетской, а сын последнего Осман принял титул султана и стал основателем-эпонимом династии Османов (Оттоманов). *(Ред.)*

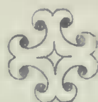
*** Ныне Кировобад *(Ред.)*.

**** Теперь (1947) Ани находится в пределах Турции *(Ред.)*.

начавший с разорения Карина (Эрзерум). Теперь не могло быть и речи о греческом влиянии на Кавказе. Гибель угрожала иконийским султанам, сюзеренам Трапезунта.

Первый период в истории Трапезунтского царства характеризуется подчинением его сельджукам, по крайней мере на фоне этого вопроса протекает внешняя история Трапезунта при первых двух его «Великих Комнинах». Концом этого периода является катастрофа, постигшая сельджуков. Могущественного Ала-ад-дина Кей-Кубада I сменил слабый преемник Гийас-ад-дин Кей-Хюсрев II (1236—1245 гг.), вместо войн и управления возлюбивший магию, редкостных зверей, вино и женщин. Его покинули лучшие полки, и, когда приблизились монголы Бачу-нойона, подчиненные Конии государи — между ними и трапезунтский — заняли выжидательное положение. В окрестностях Сиваса (Севастия) Кей-Хюсрев был разбит наголову монголами (1243 г.) и бежал к греческому никейскому царю Иоанну III Ватаци. Даже его семейство, доверенное охране армянского царя Хетума, было выдано последним по требованию Бачу. За это Хетум, царствовавший в богатстве и славе 45 лет и известный латинянам под именем Гайтона, обеспечил себе монгольскую дружбу и подданным своим в Киликии — безопасность. Взяв города Сельджукского царства и самую Конию, Бачу пошел на Грузию, где царица Русудан, сестра Лаши, захватила власть и дружила с сельджуками, за что Тифлис был разорен еще раньше Джелал-ад-дином (1225 г.). Русудан послала в Конию законного наследника Давида, сына Лаши, и хотела доставить трон своему сыну, также Давиду. Татары теперь вмешались в распрю, посадили одного Давида в Тифлисе, другого в Имеретии, а за мятеж схватили грузинских князей и большую часть зарезали. И Грузия тогда подчинилась татарам. Одновременно Иконийский султанат стал управляться монгольским наместником, хотя на престоле Конии сидели до конца XIII в. потомки Кей-Хюсрева, большей частью малолетние. События эти случились, впрочем, уже при четвертом Великом Комнине в Трапезунте, Мануиле. Трапезунт попал из подчинения иконийскому сельджукскому султану в подчинение монгольским ханам, но, благодаря своевременной покорности Мануила, монголы не вступили в область Трапезунта, и Великие Комнины не ездили ко двору ханов, в далекий Каракорум. Это было великим успехом политики Комнинов. Монгольская власть была разорительна для покоренных народов. Правда, ими немедленно принимались меры, чтобы города были вновь заселены и поля засеяны. Но единственной их целью было повысить собственные доходы, и покоренные должны были работать для них. Все имеющее ценность было немедленно переписано и обложено: поля, мастерские, рыбные ловли, рудники. Лишь женщины и духовенство были освобождены от податей. Каждый подданный монголов отдавал ежегодно сборщикам 100 фунтов ячменя, 50 — вина, 2 — риса, 2 мешка соломы, веревки, 1 серебряную

монету, стрелу и подкову. Сверх того с 20 штук скота бралось одно животное и 20 монет; лошади и мулы все были забраны монголами. Систему переписи и обложения в Передней Азии второй половины XIII в. организовал монгольский вельможа Аргун. Подати натурой он перевел на деньги и с самих монголов стал брать десятину. Жалобы на него, наконец, дошли до Великого Хана, и якобы лишь свидетельство дружественного ему армянского князя Смбата (Сempада) спасло Аргуна от казни. Ханы и князья монголов в Передней Азии жили среди сказочной роскоши, население же бросало свое достояние и разбегалось в горы. Даже князья христиан продавали или закладывали свои земли и замки.



Глава V

МИХАИЛ ПАЛЕОЛОГ

еодор II Ласкарь оставил, по завещанию, свой престол 8-летнему сыну Иоанну и назначил регентом своего друга Георгия Музалона. В соблюдении верности малолетнему царю присягнули армия, синклит, духовенство и Музалон.

Регент знал, насколько ему враждебны архонты, враги личного режима, и наемники-латиняне с Михаилом Палеологом во главе. Поэтому он немедленно отвез малолетнего царя в крепость Магнисию, где хранилась царская казна, и окружил его верными слугами под начальством Агиофеодорита, друга покойного царя. В то же время он созвал архонтов и войско и объявил, что готов уступить власть желающему принять на себя ответственность. Враги Музалона не пошли однако на мировую сделку с ненавистным временщиком, уверяя его в верности, но цена их новой присяги была хорошо известна обеим сторонам.

Не прошло трех дней со дня похорон царя Феодора, как в Сосандрах, на его могиле, разыгралась кровавая катастрофа. Молодой царь с Музалонами и сановниками прибыли в храм для заупокойного богослужения. Наемники подняли шум, требуя показать им царя Иоанна, и, когда он показался на паперти, заговорщики — все известные нам враги Феодора — вместе с наемниками-латинянами ворвались во храм. Напрасно Музалоны искали спасения в алтаре. Их нашли и разрубили на куски. Кровь регента обрызгала престол. Убит он был наемником Карлом. Держа куски дымящегося мяса, заговорщики поносили царя Феодора над его могилой. Имущество Музалонов было немедленно разграблено. Перед народом заговор-

щики, в числе их Акрополит, кричали: «Мы расправились с изменниками, которые извели царя Феодора и посягнули на свободу его сына, царя Иоанна. Да здравствует свобода!»

Охрана малолетнего царя была усилена. Многими овладела паника. Старый вельможа Карианит со своими приближенными бежал к сельджукам. У трона юного царя разыгрались страсти и соперничество; знатные семейства хотели захватить его в свои руки. Палеолог приставил к нему своих братьев, предупредив родственников Ласкарей Цамантуров, знатных Торников, Стратигопулов, Ватац, Тарханиотов, Кантакузинов и иных. Знатный смирнский магнат Нестонг, помолвленный с одной из дочерей царя Феодора, все время проводил во дворце и даже играл с ребенком-царем в мяч на конях в присутствии царевен.

Анархия не могла длиться продолжительное время. Дела государства, особенно на Западе, требовали твердой руки. Первым кандидатом в регенты был Михаил Палеолог — испытанный полководец, любимец войск, особенно наемников-латинян, знатного рода, выдвинувшегося при первых Комнинах, родственник царствующего дома и лично, и по жене. Гибель Музалонов, даже если бы не была делом его рук, открыла ему путь к верховной власти. Палеолог, вербовавший себе сторонников обещаниями денег, для вида отказывался от регентства, указывая на свою бедность, требуя голоса патриарха Арсения Авториана, вызванного из Никеи, требуя, наконец, для себя высокого звания, чтобы легче нести бремя верховной власти. Не дожидаясь патриарха, Михаилу дали звание великого дуки. Как регент он получил доступ к царским богатствам, собранным царями Иоанном и Феодором в крепостях Магнисии на Меандре и Астице на Скамандре. Казну охраняла верная стража из вооруженных секирами «кельтов» — преемников варяго-английской дружины. Михаил Палеолог начал раздавать деньги под ложными предлогами, не на потребности государства, но чтобы снискать себе друзей, и сам он уверял при этом, что тратит на свой дом всего три червонца в сутки. Раздавал же он деньги щедро. Особенно старался он привлечь духовенство на свою сторону. Прибывшему патриарху Михаил устроил торжественную встречу и вел его мула под уздцы; прибыв во дворец, он вынес малолетнего царя и вручил патриарху. При всяком случае он заявлял, что примет власть лишь из рук синода. В то же время он соблазнял архиереев, показывая им царские сокровища. Синод не устоял, тем более, что Палеолог не скупился на содержание архиереев и через третьих лиц или при ночных свиданиях обещал еще более. По выражению Пахимера, скоро Палеолог стал водить архиереев за нос, как ему было угодно. На заседании синода с сановниками ни один архиерей не подал голоса против Палеолога, наоборот, все находили нужным возвести его в сан деспота, чтобы он получил справедливое воздаяние за труды и личный риск, сопряженные с регентством, и чтобы Палеолог, удовлетворен-

ный такой честью, тем вернее оберегал малолетнего царя; архиереи указывали на знатный род Комнина-Палеолога, на его почтение к духовенству, доступность и щедрость. Напротив того, родственники царствующего дома Цамантуры и Нестонг, упомянутый жених царевны, находили, что Палеологу достаточно звания «царского отца»; если же его приблизить к царской власти, то сестры юного царя, за три и четыре поколения ведущие свой род от царей, будут унижены и не найдут себе мужей, подходящих по знатности. Перевес голосу духовенства дала партия заговорщиков, «слепых», т. е. ослепленных царем Феодором; во главе этой партии стояли Алексей Стратигопул, Фили, Торники и другие знатные приверженцы и родные Палеолога. Если повелевающий именем царя, — говорили они, — сам будет частным лицом, то не будут его слушаться; даже свободолюбивые люди на корабле ставят себе капитана. Ради одного младенца не погибать государству. Не знаем мы разве, до каких несчастий дошла империя, когда мы были изгнаны с родины? Тогда же была — хотя плохая — власть, а что будет, если у нас вовсе не окажется правительства? Нужно возвеличить того, кто будет принимать чужестранных послов, обращаться к народу, приказывать войску. Ромэйское государство не может управляться иначе, как монархом. Наконец, сам патриарх Арсений еще будучи в Никее, при известии о кончине Феодора II высказывался в том смысле, что следует вручить власть Палеологу.

Таким образом, было решено возвести регента в сан деспота, граничивший с царским, и знаки этого высшего сана были вручены Палеологу малолетним царем и патриархом (1259 г.). Щедроты Палеолога полились рекою; втайне он хлопотал уже о венце царя-соправителя, ссылаясь на участь Музалонов. Одновременно он начал и репрессии и родственника Ласкарей, непокорного Цамантура, сослал в Бруссу под стражу, от которой его освободил лишь монашеский постриг. И на этот раз духовенство оказалось впереди приверженцев Палеолога. Провозглашение Палеолога царем было назначено на 1 января 1260 г.

Предварительно шли переговоры между Палеологом и его избирателями. Судя по известиям Пахимера, недостаточно впрочем определенным, будущему царю были поставлены условия. Он обязался отказаться от престола за себя и за сына, если не окажется достойным, т. е. если не сдержит своих обещаний.

Палеологу было предложено, во-первых, гарантировать права церкви, слушаться и чтить ее представителей. Он обязался считать церковь своей матерью, в противоположность царю Феодору, который пренебрегал церковью и держал ее в подчинении царской власти, так что патриарх был лишен возможности печаловаться за свой народ.

Знати и сановникам было обещано назначать на высшие должности лишь достойных, в противоположность режиму Феодора, предпочитавшему

незнатных. Не должно быть посягательства на имущественные права, но как бедный (крестьянин), так и достаточный (архонт) могут безбоязненно хвалиться своим достатком, — в отмену законов против роскоши, изданных царем Ватаци. Обещано было не устанавливать незаконных (т. е. новых) налогов.

Палеолог обязался не слушать доносов, обеспечить правосудие назначением нелицеприятных судей, в частности восстановить в своем звании протоасикрита, знатного Михаила Какоса (Злого) из рода Сенекеримов. Отменены были судебные поединки и испытание железом, которое при Ватаци угрожало самому Палеологу.

Ученым гарантировано почетное положение, точнее сказать, царские щедроты, которыми они, впрочем, пользовались при Ласкаридах.

Армии будущий царь обещал оставить поместья (пронии) за детьми владевших ими служилых людей, хотя бы находившимися во чреве матери при смерти отца. Другими словами, пронии становились наследуемым имуществом, приближались к вотчинам, хотя и под условием военной службы.

Обещания Палеолога обозначали торжество элементов, пострадавших от крайностей национальной самодержавной власти, глашатаем которой являлся Феодор II и его верные Музалоны. И церковь и архонты получили гарантии прежнего их положения в империи. Под фразами о чести, правосудии и награждении достойных мы видим крушение политики Ласкаридов, которые в тяжкой борьбе за самостоятельность и единение эллинизма пытались выковать крепкую национальную власть. Михаил Палеолог, сам вышедший из среды недовольной знати, в качестве претендента на не принадлежавший ему престол растерял не только финансовое, но и политическое достояние никейских царей. Катастрофа 1258 г. могла не быть непредвиденной или случайной, но она была пагубной для позднейших судеб Византии и сказалась горькими последствиями для самого Палеолога, когда он был поставлен лицом к лицу с труднейшими национальными задачами. Он начал свое правление, так сказать, с залога захваченного им чужого наследства.

Но на первых порах он пожинал плоды своих уступок. Неоднократные клятвы в верности царствующему дому, которыми царь Ватаци и Феодор обязали его и архонтов, были, по выражению историка, разорваны синодом, как паутина: коронация соправителя, — говорили архиереи, — не измена, но необходимая помощь малолетнему царю. Упомянутым Сенекеримом был составлен текст новой присяги, включавшей прежние клятвы Палеолога с добавлением присяги ему самому и угроз церковным проклятием, особенно за возбуждение междоусобной войны. Боялись, очевидно, народа. Высшие чины присягнули по этой формуле в верности обоим царям, сам же Палеолог поклялся в том, что он не посягнет на безопас-

ность и права молодого царя Иоанна. В назначенный день архиереи и сановники облекли Палеолога в царские одежды и подняли его на щите.

Новый царь поспешил исполнить условленное в явных и тайных переговорах. Он породнился со знатнейшими фамилиями, между прочим женил младших братьев на дочерях Торника и Враны, выдал своих родственниц за членов знатнейших фамилий — Раулей, Фили и других — и сближение с аристократией ввел в систему своей политики. Приверженцев своих он щедро жаловал чинами и женил на знатных невестах. Военачальникам и войску он роздал щедро поместья, укрепив их за потомством получивших на вечное время и выдав в том грамоты за золотою печатью. Должники казны были выпущены из тюрем; прошения о пособиях и подарках из казны удовлетворялись немедленно и без соблюдения срока, стоило лишь попросить. Казенные деньги выбрасывались кучами, и люди бросались на них, как псы.

Спеша короноваться, Палеолог с войсками прошел в Филадельфию, где занялся укреплением границ с сельджуками; патриарха же он отослал в Никею, поручив готовиться к помазанию на царство обоих царей. В то же время он подговорил наиболее преданных ему архиереев отложить коронацию малолетнего Иоанна до его совершеннолетия; некоторые же архонты угрожали расправиться с сыном царя Феодора, если его сторонники будут настаивать на коронации его одновременно с Палеологом. Патриарх не знал, как поступить; из архиереев же один салоникский митрополит Мануил Псара, тот самый, который предсказал Палеологу близкое воцарение, упорно отстаивал права законного наследника престола и требовал, чтобы Иоанна короновали первым. Однако митрополит мог лишь добиться подтверждения безопасности сына Феодора и под угрозами подписал синодальное постановление. И несчастный сын царя Феодора лишь присутствовал при помазании на царство Палеолога и его супруги, имея на голове не венец (стемму), но простую повязку, усыпанную жемчугами и драгоценными камнями. Малютка сам ничего не понимал, а всякий заботился о себе. Чернила еще не успели просохнуть на присяге обоим царям, как духовенство стало внушать народу, что клятвопреступничество лучше междоусобной войны.

Царь Михаил Палеолог, бросая на приемах деньги обеими руками, устроил для народа ристалища и игры, в которых сам принимал участие вместе с сановниками; он приказывал всем веселиться и быть уверенными в лучшем будущем; в отмену указов Ватаци против роскоши, было разрешено наряжаться и завивать себе волосы. Неразумные веселились по царской милости, а кое-кто шептал: «чешитесь, завивайтесь, а потом будете драть себе волосы, когда есть будет нечего». Открытой оппозиции Палеологу не могло уже быть; из предосторожности он посадил в тюрьму Кариа-

нита, единственного из приближенных Феодора Ласкаря, имевшего силу в войске; Карианит бежал впоследствии к сельджукам, но был убит в дороге разбойниками. Протостратор Иоанн Ангел был отозван из западной армии, но по пути в Никею умер якобы от страха.

В области внешней политики успех следовал за успехом на первых порах. Сельджукский султан через послов просил у него защиты на случай неудачи в междоусобной войне, и Палеолог обещал принять его с открытыми объятиями. Не отпуская от себя малолетнего Иоанна Ласкаря, Палеолог отправился в Лампсак. К нему туда привезли пленных рыцарей-франков, с самим князем ахейским Виллырардуэном и баннеретами Туси и Годефруа Каритенским. Как было изложено выше, они были взяты при разгроме западной коалиции под Пелагонией (ныне Монастырь) в 1259 г. Князь Виллыардуэн отказался признать Палеолога своим сюзереном и был заключен в тюрьму. Своих же счастливых военачальников Палеолог наградил по-царски: брату Иоанну дал сан деспота, другому брату Константину — севастократора, Льву Стратигопулу — кесаря, старому Михаилу Ласкарю, брату Цамантура, за его покорность — сан великого дуки.

Положение латинян в Константинополе было безнадежное. Палеолог поставил себе задачей овладеть, наконец, Константинополем, который так долго не давался в руки Ласкаридам, предпочитавшим, может быть, свой Нимфей. Заведены были тайные сношения с бароном Ансельмом де-Кайе, стоявшим, повидимому, во главе грекофильской части баронов Балдуина. Ансельм обещал впустить греков, но когда греки заняли Галату, Ансельм не смог выполнить своего плана. Палеолог, уходя, принял депутацию баронов и согласился лишь на перемирие сроком в 1 год.

Но латиняне, будучи на краю гибели и нищеты, не утратили своих претензий. По рассказу Акрополита, их послы явились к Палеологу в Нимфей и предложили ему отдать им Салоники и всю Фракию как условие для вечного мира. Однако Михаил знал цену и своим и их силам. «Город Салоники, — ответил он, — моя родина, и там скончался мой отец, великий доместик. Как мне его вам отдать?». Латиняне пошли на уступку — «Отдай нам начиная с Серр», — заявили они. Михаил и на это не пошел. — «В Серрах я начал свою карьеру и люблю город, как родной». — «Царь, отдай нам хоть от города Волеро». — «В этих местах я охотился, хочу охотиться и впредь». — «Что же ты, наконец, нам отдашь? — «Ничего, — ответил Михаил, — а так как вы хотите мира и знаете, как я воюю, по моему управлению Вифинией, то я требую, чтобы вы мне платили половину сборов таможенного и монетного. Иначе не миновать войны, а она будет выгодна ромеям». С тем бароны и уехали в Константинополь

И Михаил начал наступление. Чтобы изолировать Константинополь с суши, он послал войска в Силиврию, которая и была взята с бою. В латинских руках осталась лишь Аорамея возле нынешнего Сан-Стефано.

Подгородные крестьяне, так называемые «вольные», поставлявшие припасы и латинянам и грекам, со взятием Силиврии оказались под защитою войск Палеолога. Он прибыл в Силиврию и собрался штурмовать Константинополь, когда внутренние дела заставили его спешно уехать в Никею.

Его трон колебался: патриарх Арсений открыто перешел в оппозицию. и партия Ласкарей подняла голову. Коронация одного Палеолога, с нарушением прав законного наследника престола, была вынуждена у патриарха, и он увидел, как грубо был он обманут. С ним уже не считались, его ходатайства по церковным делам не имели успеха, несмотря на столь категорические обещания, данные Палеологом перед своим воцарением. Патриарх Арсений решился на крайний шаг. Без объявления причин он ушел из Никеи и поселился в уединенной обители в Вифинии на реке Драконе. Синод перепугался. Он, боясь царя, просил патриарха вернуться. Палеолог, действительно, был потрясен; его архиереи не могли найти исхода из создавшегося положения. В церкви ересей не было, и сместить патриарха было не за что. Между тем церковные дела пришли в расстройство. К Арсению был послан митрополит ираклийский Никита. Он потребовал от Арсения письменного отказа, Арсений сейчас же согласился; от него потребовали потом выдать знаки патриаршего сана — жезл и светильник, — Арсений немедленно их отослал. Когда же Никита потребовал от патриарха письменно изложить мотивы отречения, Арсений прогнал его с глаз. Как было с ним поступить? Вины за ним не было. Было указано, что при посвящении Арсения не были соблюдены канонические сроки, но даже синод Палеолога не рискнул опереться на столь ничтожный предлог. Осудили Арсения за то, что он оставил свой пост, не посоветовавшись ни с кем и внезапно, и тем нанес церкви ущерб. Избрали на его место Никифора, митрополита эфесского. архиерея богатого и самостоятельного, который уже ранее был кандидатом в патриархи, но не был утвержден царем Ватаци за неуступчивый нрав. Палеолог был рад разрешению патриаршего кризиса и отправился подготовлять поход на Константинополь; но радость его оказалась преждевременной, кризис коренился глубже, чем казалось царю. Два влиятельных митрополита — салоникский Мануил, защитник юного Ласкаря, и Андроник Сардский (к ним присоединился было и смирнский Калофор) — открыто восстали против нового патриарха, имея за собою сторонников прежней династии, «и было многое смятение, и возник из-за патриарха великий соблазн». На стороне Арсения оказалось все население Никеи, и за церковной распрей скрывалось политическое движение.

Напрасно Никифор старался предотвратить неминуемый раскол увещаниями, угрозами, ссылкою непокорных архиереев. Большинство паствы не признавало патриарха. Видя это Никифор отряс прах ног своих у ворот Никеи и поспешил в лагерь Палеолога. Из оппозиции Мануил Салоник-

ский эмигрировал за границу, Андроник Сардский приехал ко двору, явился к обедне и заявил царю, что желает постричься. Палеолог удивился; но когда митрополит стал распространяться о церковном соблазне, царь не стал его слушать, приложился и ушел. Андроника постригли, но он не успокоился. Арсения жалел народ; пошли слухи, что архиереи перемрут и хартофилакс Векк, будущий знаменитый патриарх, имел о том видение.

Штурм Галаты оказался неудачным, хотя войск у Палеолога было во много раз больше, чем у защитников. Латиняне отбивались храбро; их стрельба из бойниц нанесла грекам крупные потери. Осторожный Палеолог приказал отступить. Все равно было ясно, что падение латинского Константинополя — вопрос краткого времени. Окрестности были в руках греков.

В пригороде Евдоме (на Мраморном море) они наткнулись на факт, о котором не умолчим и мы. Между развалинами монастыря Предтечи было найдено тело грозного царя Василия Болгаробойцы, выброшенное из могилы латинянами. Тело царя хорошо сохранилось; нагое, ничем не прикрытое, оно было приставлено в стене церкви, и в губы была воткнута пастушья дудка. Так поступили латиняне с останками наиболее могущественного из византийских царей, пред которым трепетала южная Италия. Палеолог прислал немедленно парчевые покровы; сановники и духовенство с пением и светильниками принесли тело Болгаробойцы в палатку царского брата, а затем оно было с почестями погребено в Силиврии, в монастыре Христа.

Неудача под Константинополем почти совпала со смертью патриарха Никифора, преемника Арсения; вновь пришлось думать о замещении патриаршей кафедры. Но Палеолог не только не унывал, но даже отдыхал и развлекался в Нимфее в обществе своих сестер. Старшая, благочестивая Марфа, в дни молодости Михаила опекала его, как мать, в доме своего мужа, великого доместика Тарханиота. Другая сестра, хитрая Евлогия, убаюкивала его в детстве песенкой: «Здравствуй, царь, войдешь в столицу через Золотые Ворота». Евлогия была не только льстива, но зла и влиятельна. По ее совету Михаил Палеолог решил развязаться с сыном Феодора Ласкаря, отнял у несчастного царевича знаки царского достоинства и готовил ему злую участь.

Внешние отношения складывались для Михаила благоприятно. Силы греков выросли, а у соседей убавились. Латиняне были прямо в плачевном состоянии. Падение Константинополя было вопросом времени, хотя штурм греков и был отбит. Содержа в плену Вилльгардуэна Ахейского — едва ли не главную опору латинского императора, — Михаил Палеолог постарался обезвредить и венецианцев, дабы изолировать константинопольских баронов и их императора. Для этого он заключил в марте 1261 г. союз с генуэзцами, всегдашними врагами и соперниками венецианцев. Генуэзцы теперь жаждали отомстить Венеции, отнявшей

после 3-летней ожесточенной и кровопролитной борьбы в водах Сирии цветущую приморскую колонию Акру. Генуэзцы потерпели большой урон, и их остатки перебрались из Акры в Тир (1258 г.). Теперь в союзе с греками они надеялись отомстить венецианцам и выжить их из Константинополя. Генуэзские послы прибыли ко двору Палеолога в Нимфей. Они выговорили для своих сограждан полную свободу торговли на всем пространстве владений Палеолога и обеспечили за ними права на всю недвижимость, каковою Генуя владела в Константинополе по договору с Мануилом Комнином (1155 г.). Генуэзцы получали свои кварталы в главнейших торговых центрах империи: в Салониках, Смирне, Адрамиттии, Ани, на островах; никто из латинян, кроме генуэзцев и пизанцев, не мог торговать в бассейне Черного моря, и венецианцев, врагов Генуи, Палеолог не должен был пускать в свои владения. В свою очередь, генуэзцы обязались предоставить в распоряжение Палеолога свой флот, который поступал на содержание греческого царя для похода против всех врагов царя, особенно венецианцев; лишь против Армении, Кипра, Ахеи генуэзцы не были обязаны выступать; всякий генуэзец, живший в Романии, мог быть зачислен в греческое войско (1261 г.). С пизанцами также был заключен договор, и они получили льготы. Венецианцев удалось изолировать.

Сельджукский султан Изз-ад-дин Кей-Кавус II (1245—1257), боясь соперника Мелика, проживавшего в Никейском царстве, искал расположения Палеолога. Он послал к нему послов просить поддержки и убежища при случае, и Палеолог милостиво пообещал. Появились в Нимфее крупные перебежчики из Конии (Икония). Так, двое братьев, родом с Родоса, приближенные к султану и богачи, убежали к Палеологу со всеми своими сокровищами. Михаил их принял ласково и пожаловал им высокие звания. Скоро и сам султан, спасаясь от монголов Хулагу-хана, прибыл в Нимфей со всей семьей, матерью-христианкою и с несчетными богатствами. Почет ему был оказан: оставлены его телохранители-турки, предоставлено носить красные сапоги и сидеть рядом с императором на приемах; однако ради верности семью его послали в Никею, а самого султана Палеолог не отпускал от себя. Помощи против монголов Кей-Кавус II не получил. С монголами греки связываться боялись. Про татар ходили слухи в народе, будто они людоеды и чудовища с песьими головами (старинный мифический образ в Троаде и Вифинии, живучий и в византийское время, отразившийся на местных рельефах). Границы же хорошо оберегались пограничниками и крепостями еще со времен царя Иоанна III Ватаци, и на мелкие стычки с татарами в пограничной полосе никто не обращал внимания.

Были однако и черные тучи. С Болгарией отношения ухудшились. При Феодоре II Ласкаре Болгария была слаба. Среди смут после умерщвления Михаила Асеневича и Калимана политический центр страны перемещается из Тырнова в Софию. Около 1257 г. бояре возвели на престол Констан-

гина Тиха, по матери серба, внука св. Стефана Немани, а по отцу — из рода Тихомиров, магнатов из-под Скопле. Его двоюродный брат севастократор Калоян рядом с Софией создал (1259 г.) ценнейший памятник искусства в Болгарии XIII в. — церковь Боянскую с фресками. В сохранившейся ктиторской надписи Калоян именует себя внуком сербского короля Стефана Немани. Он, вероятно, происходил от дочери Стефана, выданной за Стреза Просекского. Родопские и македонские магнаты начали играть в Болгарии первую роль. Тырнов уступил место западу. Сохранились превосходные ктиторские фрески в этой церкви (не считая позднейших: от 1346 г. — боярина Алдимира, сына воеводы софийского Витомира, — и от XV—XVI вв.). Они изображают Калояна с женою и царя Константина Тиха с супругою, царицей Ириной, дочерью Феодора II Ласкаря. Стиль и исполнение греческие. Замечателен и образ вседержителя в куполе, родственный таковому в сербском Грачаницком монастыре XIV в.

Тиху приходилось круто на первых порах. Бан Мачвы, упоминавшийся выше русский князь Ростислав, отнял Видинскую область при помощи венгерских полков и величал себя в грамотах dux Galiciae et imperator Bulgarorum, хотя он никогда не был признан в Тырнове. Одновременно отложилась и восточная Болгария. Появился новый претендент в черноморских областях Болгарии, именно Мица, зять царя Михаила Асеневича. Константину Тиху приходилось при таких обстоятельствах спасаться при помощи греков. Неизвестно, на каких условиях царь Феодор Ласкарь дал ему в жены свою дочь Ирину, по матери внучку великого Асеня. После этого Константин сам стал называть себя Асенем. Несмотря на поддержку никейского двора, Мица одно время так стеснил Константина, что последний потерял всю свою страну и заперся в крепости Стенимахе. Выручили его греки. Михаил Палеолог послал к нему, вскоре после достижения власти, известного нам Акрополита. Результаты этой миссии, равно как и цель, нам не известны. Однако Константин начал теснить Мицу и заставил его укрыться в Месимврии, на берегу Черного моря. Мице не осталось другого исхода, как поддаться Михаилу Палеологу. В 1265 г. куропалат Глава прибыл в Месимврию, принял город от Мицы и вывел его со всем родом, пешком через Балканы, в Константинополь. Михаил Палеолог принял Мицу на службу и дал ему богатые земли в Малой Азии по реке Скамандру. От Мицы пошли византийские Асеневичи, знаменитый в истории XIV—XV вв. служилый род, совершенно огреченный.*

* Ср.: Ф. И. Успенский. Болгарские Асеневичи на византийской службе в XIII — XIV вв. Известия Русского археологического института в Константинополе, т. XIII, София, 1908.

Это случилось в 1265 г. Но 4 годами ранее Константин Болгарский почувствовал себя не нуждающимся в покровительстве греческого императора. Мало того, он встал во враждебные отношения к Палеологу, под влиянием, как передают историки, жены своей Ирины, дочери Феодора Ласкаря, желавшей отомстить Палеологу за своего несчастного брата, последнего из Ласкаридов. И болгарский царь нашел выгодным поддерживать партию старой Никейской династии.

В то же время успехи эпиротов и итальянцев на западе тревожили Палеолога. Там у него стоял брат Иоанн с войском, и ему предписано было выступить против эпирского деспота. В помощь ему и для отражения болгар на случай их вторжения во Фракию был послан известный полководец того времени кесарь Алексей Стратигопул с турецким конным отрядом меньше тысячи. Алексей Стратигопул получил инструкцию подойти, по пути, к Константинополю и расспросить о положении дел в столице подгородных жителей, упомянутых выше «вольных людей». И он узнал, что по инициативе нового представителя Венеции, Градениго, венецианцы и рыцари императора Балдуина отправились на кораблях в Черное море для завоевания города Дафнусия. Кесарь недолго колебался; его убедили, что столицу легко взять внезапным нападением. Приступ был назначен на ночь 25 июля 1261 г. у ворот Пиги (ныне Балуклы). Пятьдесят храбрецов под руководством Кутрыцака, одного из подгородных греков, должны были пробраться через старинный водосток, сбросить со стены без шума латинских сторожей и открыть ворота для турок Стратигопула; последний должен был ожидать вблизи, когда раздастся на стенах славословие царям. План удался: сонные франки, сторожившие ворота, были перебиты до единого, у ворот разобрали камни, которыми они были завалены изнутри, и засовы были сбиты. Подгородный священник со стены возгласил царское славословие. Его подхватили другие, и конница Стратигопула двинулась в спящий город через открытые ворота. На рассвете начался грабеж. Турки от него не могли удержаться, но опытный Стратигопул не пускал их далеко в середину громадного города до наступления дня и распорядился поджечь город. Боясь наступления латинян, чуть было не отступили обратно. Но опять ободрили местные греки, которые и вели отряд Стратигопула. Зная, что́ их ожидает в случае неудачи, эти местные греки напали на латинян и погнали их внутрь города до Золотого Рога. Тогда и турки начали грабить безбоязненно, они ломали магазины и брали товары. Среди латинян господствовала паника. Император Балдуин недолго помышлял о сопротивлении. Выйдя из Влахернского дворца, а по другим известиям — из Пантократорского монастыря (ныне Зейрек-Джами), бросив свои регалии — корону и меч, он поспешил сесть на венецианский корабль; последний немедленно отплыл на остров Евбею, бывший в латинских руках. Примеру Балдуина последовали латиняне, поспешно вернувшиеся из Дафнусия

но слишком поздно: на стенах Константинополя стояли греки. Мало того, они увидели в огне венецианский квартал по Золотому Рогу и бросились спасать свои семейства, свои сокровища, чтобы покинуть греческую столицу, бывшую в их руках 57 лет.

Сам царь Палеолог, находившийся в Лидии, лишь через несколько дней узнал об изгнании латинян из Константинополя. Влиятельная сестра его Евлогия первая получила об этом донесение. Ночью она разбудила Михаила, повторяя: «Царь, ты взял Константинополь! Христос даровал его тебе!». Михаил не сразу понял, в чем дело. Не сразу поверил и двор, но через день было получено и оффициальное донесение. Царь держал речь перед сановниками, радуясь предстоящему изгнанию всех латинян из греческих земель. Вскоре царь с супругою Феодорою и с 2-летним сыном Андроником собрался в древнюю возвращенную столицу; на Успение был назначен торжественный въезд по особому церемониалу. Перед Золотыми Воротами шествие остановилось; митрополит кизикский, за отсутствием патриарха, прочел, с высоты городских стен, составленный Акрополитом акафист из 13 молитв; после каждой молитвы царь со всем двором падал ниц и возглашал сто раз «Господи, помилуй». Въезд был подобен крестному ходу; перед царем несли чудотворную икону Одигитрии; служили перед Студийским монастырем, молились в Софии, а затем Михаил Палеолог въехал в Большой Дворец. Немедля он послал за Арсением Авторианом и убедил его вернуться на патриарший престол, обещав обогатить новыми вкладами св. Софию, ограбленную латинянами, и, вероятно, возобновив обещания, данные до вступления на престол, о соблюдении прав патриарха и церкви. Вслед за тем патриарх Арсений вторично помазал Михаила на царство при торжественной обстановке в св. Софии. Новая династия упрочилась. О сыне Ласкаря не было помина. Старый царедворец Акрополит хотел было в торжественной речи просить царя короновать и его 2-летнего сына Андроника; но Палеолог воздержался от этого шага. Кесарю Стратигопулу были оказаны неслыханные почести. Его имя должно было поминаться в церквах вместе с царским в течение года.

Таков был вкратце ход событий. Возвращение Константинополя произошло при случайных обстоятельствах, но случайным оно не было. Оно могло случиться и ранее, при Феодоре II; но последний Ласкарь не спешил с этим так, как Палеолог. Ласкарю был дорог Нимфей и никейский режим; Палеологу нужен был Константинополь и реставрация старого византийского двора в старой столице, чтобы упрочить свой престол. Не только материальные силы, собранные Ласкарями, сделали неизбежным переход Константинополя в греческие руки, но, главным образом, крушение примирительной политики Генриха Фландрского, органически связанное с объединением греков в двух национальных центрах, эпирском и никейском, вокруг Ангелов, Комнинов и Ласкарей, из коих первые скоро усту-

пили первенство вторым. Так как латиняне составляли немногочисленный правящий и купеческий класс и в сельском населении имели не опору, но враждебный элемент, направляемый православной церковью и развившейся национальною идеею, то падение латинских государств, одного за другим, было лишь вопросом времени. Акрополит понял это верно, назвав латинское завоевание болезнью.

Последствия перехода Константинополя в греческие руки были скоро учтены и греками и Западной Европой. Прежде всего для Палеолога это была блестящая удача. Он был возведен на трон теми политическими элементами, которые наиболее были заинтересованы в реставрации империи Комнинов и Ангелов: высшим духовенством, книжными людьми, знатью и наемными войсками. Им был нужен старый двор и древняя мировая столица.

Народ в Малой Азии, население не только Никеи и Нимфея, но всей Вифинии и Фригии мыслило иначе. Уходила близкая к народу власть, простой, родной двор, деливший с народом радости и горе со времен первого Ласкаря, патриархально-хозяйственный режим Ватаци и его сына, когда всякий приходил с жалобою к царским воротам, когда у самого царя можно было найти управу против сильных людей; уходила твердая власть, знавшая местные отношения, охранявшая народ и от властелей, и от турок на границе, и от хищных латинских купцов, охранявшая местное производство; миновала царская власть, не разорявшая населения поборами, сложной финансовой системой и присланным издали алчным чиновничеством, наоборот, покрывавшая государственные расходы из богатой казны крупнейшего в стране хозяина.*

Теперь Палеолог открыто вступил на старый путь Комнинов и Ангелов. Не только возвращена была столица, но восстанавливался старый строй, потребности и расходы обветшавшей, отжившей свой век мировой державы. Палеолог, представитель служилой аристократии, связанной одинаково и с Западом и с Востоком греческого мира, своими способностями и энергией, а также и коварством оттеснивший, загубивший наследника никейских царей, был носителем иных начал, да и сам был в ином положении, чем Феодор II Ласкарь. Ему приходилось раздавать казну, и сам он не жалел достояния Ласкарей. Реставрация греческого Константинополя была

* Здесь, как и в некоторых других местах, академик Ф. И. Успенский чрезмерно идеализирует правление никейских царей. Относительное спокойствие в жизни Никейской империи при Ласкарях и Ватаци отнюдь не означает, что императорская власть в Никее создала условия, при которых эксплоатация народных масс более не существовала. Никея переживала такой же феодально-крепостнический строй, как и все другие государственные объединения Средневековья. В Никейской империи класс помещиков и землевладельцев, к которому принадлежали и Ласкари и Ватаци, точно так же эксплоатировали крестьянское население и неимущие классы государства. *(Ред.)*.

ему необходима, чтобы укрепить свой трон. Этим самым он был втянут в вопросы мировой политики, в борьбу с Западом на иных условиях, чем Ласкари, имевшие неуязвимую базу у себя в Малой Азии. Перед ними заискивали, на Палеолога будут нападать. Феодор II не считался с папой, а Палеолог будет искать у него спасения. Армия и флот потребуют усиленных расходов, а казна Ласкарей была на исходе. Занятие Константинополя вызовет новые тяготы: нужно возобновлять столицу, дворцы, храмы, укрепления, дома. Иные будут расходы на пышность двора. Ватаци имел все у себя, жил помещиком, умер в палатке в своем саду; а в Константинополе все будет привозное, покупное, роскошное по прежнему уставу и укладу. В Нимфее сановниками были местные богатые магнаты, либо царские слуги-домочадцы, а в Константинополе придется оплачивать старые громадные штаты хищного чиновничества, которому нужно восстанавливать дома, жить дорогой столичной жизнью. Никея и Нимфей, цветущие рынки и гавани по побережью, заглохнут, а сам Константинополь что давал населению, провинциям? Что связано с ним, кроме недоброй памяти? Не он ли высасывал, особенно при Комнинах и Ангелах, все соки из провинции? Не праведный суд, но хищных чиновников и самоуправных властелей обещает он провинциалу. Уйдет власть, падет торговля, и вновь нахлынут турки. Все это неизбежно и непоправимо. Греческая жизнь заглохнет в Малой Азии. Последний Ласкарь мог взять Константинополь, но не спешил. Вероятно, он понимал последствия.

Упомянутый судья Сенекерим, хотя возвращенный к власти партией Палеолога, отозвался о перенесении столицы в Константинополь как о народном бедствии. Мнение это должно было разделять население малоазиатских провинций. Но с этим голосом при дворе не считались. В нем слышалась партия Никейской династии — Ласкарей. Михаил отклонил предложение Акрополита о короновании Андроника. Но по уговорам сестры Евлогии он решился на ужасное дело. Отрок Иоанн Ласкарь жил во дворце в Магнисии. Туда прибыли палачи, и никто не защитил сына царя Феодора. Ему подняли веки и махали перед зрачками раскаленным железом, пока не угасло зрение. Несчастного мальчика отвезли в крепость Никитиаты у Дакивнихи (недалеко от Никомидии) и поместили под строгий надзор. Весть о преступлении Палеолога разнеслась по всей Вифинии; народ волновался и готовил восстание.

А в столице было ликование. Все склонилось на первых порах перед Палеологом. Его называли новым Константином. Ему досталось шутя то, что не удалось Ватаци и Феодору II. Кончилось никейское изгнание. «Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромэев, бывшая под латинянами, сделалась, по божию соизволению, снова под ромэями, — это дал им бог через нас. Те, кто брались за это дело прежде нас, хотя брались за него не без благородной доблести и имея в своем рас-

поряжении не неопытное в военном искусстве войско, приходили к мысли, что они стреляют в небо и берутся за дело невозможное». Так хвалится сам Палеолог в своем уставе монастырю Димитрия. «Вот великий град Константина, — пишет он же в другом уставе, — как царица, облачился в древний и прекрасный наряд, и новый град Иерусалим скажет по псалму: полны площади ее и перекрестки, переулки и улицы, но не полуварварским народом с его нестройной речью, но вполне авсонским [греческим] и в точности владеющим чистым эллинским языком. Святыни и обители украшены сонмами монахов и монахинь, благочинно проходящих монашеское поприще, священство радуется божественным храмам . . . В преславном, во имя премудрости божьей славном храме восседает патриарх не иноземный и подложный, но родной и единоплеменный, знающий своих и пастве знакомый».

И столица нового Константина требовала расходов, громадных, истощивших казну «стрелявших в небо» Ласкарей. Созвано было население в запустевшую столицу и заселены примыкавшие к морю кварталы; внутри и вне городских стен были отведены участки для пашен и огородов чиновникам и служащим, особенно монастырям были уделены «многотучные» куски; не были забыты «вольные» подгородные жители, столь помогшие возвращению столицы. Тысячи прибывших из провинции были зачислены в царский флот, на который Палеолог не жалел денег. Церкви со св. Софией во главе, с их сонмами черного и белого духовенства, дворцы, присутственные места нужно было привести в прежнее благолепие. Возведена была новая стена, окружившая квартал Акрополя, ремонтировались с суши и с моря укрепления громадного города, стены и башни. Боялись внезапного нападения латинян. Знати и чиновничеству нужно было отстроить их разоренные дома, и не Палеологу было отказывать в субсидиях на это из казны. И сам он строил во славу своего рода, которым он привык гордиться, во славу новой династии. Под Орфанотрофием Комнинов, на месте древнего храма и богадельни Евгения, Михаилом был возобновлен с бо́льшей роскошью разрушенный латинянами родовой храм Палеологов во имя их фамильного патрона, солунского великомученика Димитрия; при нем Михаил основал монастырь, оделил его щедро имениями и доходами, переселил в него братию малоазиатского Келливарского монастыря. По имени нового царского «монастыря Палеологов» весь мыс Акрополя стал называться и у греков, и у латинян «углом св. Димитрия». Его развалины виднелись еще в XVI в. и, может быть, в XVII в. в саду нового султанского дворца. Михаил же возобновил отстроенный его дедом монастырь Михаила Архангела на Авксентьевой горе вблизи столицы. Уставы обоих монастырей дошли до нас.

Блеск, окруживший «Нового Константина», был отражением великого национального торжества. Ликовали не только придворные и служилые

люди, но и патриоты, поклонники древней славы; а они вряд ли соображали, во что обойдется реставрация реальным интересам народа. Их радость имела основания. Из долголетней борьбы с пришлыми насильниками греческая нация вышла не раздавленной, но сплоченной. Под руководством православной церкви население от Салоник до Магнисии и Атталии сознавало себя единым телом; выросло сознание национальности, эллинская идея, — не только книжная, но и народная; и самая церковь, вынесшая на своих плечах борьбу, стала еще более дорогой, родной, греческой. Часть книжных людей могла еще трактовать об унии с точек зрения отвлеченного догмата; политики, как увидим, могли еще скрепя сердце желать мира с курией, но простой народ был утрачен для «латинской веры» навсегда. Торжествовала церковь и православное просвещение, в тяжелой борьбе оно выучилось ценить врага; западное богословие начинают изучать серьезно; появляются переводы, заимствования из западной схоластической литературы. Эллинская идея, нашедшая себе такой красноречивый и искренний отклик в творениях Феодора II Ласкаря, должна была повести к оживлению, к возрождению литературной и художественной деятельности при Палеологах.

Не замедлили надвинуться и черные тучи. Радость родоначальника новой династии была омрачена. Расправа с сыном царя Феодора угрожала неприятными последствиями со стороны патриарха и простого народа. Руки Палеолога были связаны внутри и соучастниками и врагами; ему приходилось действовать крайне осторожно. Еще опаснее стало международное положение. Отношения с Европой обострились больше, чем при Ангелах и Комнинах. За падением Латинской империи на Золотом Роге ожидалась утрата последних обломков латинской Романии,«Новой Франции». Гибло дело всей Европы. Французский трубадур Рютбеф выразил это мнение в своей «Жалобной песне о Константинополе».

Никто не глуп настолько, чтоб не видеть:
Когда утрачен будет наш Константинополь,
То предстоит и княжеству Морее
Подвергнуться столь сильному удару,
Который поразит святую нашу церковь,
Что тело не просуществует долго,
Раз у него разбита голова.

Ближе других были затронуты интересы папской курии и венецианцев. Римскому первосвященнику было ясно, что греческий Восток ускользает у него из рук. И величие времен Иннокентия III, и примирительная дипломатия пап Иннокентия IV и Александра окончились крахом. Старый враг сбросил с себя оковы и, ничем не поступаясь, вырвал свою столицу, свой церковный и духовный центр, из рук латинян. Император Балдуин и вене-

цианский патриарх Джустиниани очутились на положении изгнанников, носителей громких титулов in partibus infidelium. Папа Урбан IV не мог примириться с таким положением вещей. Первоначально он был уверен, что удастся силою отобрать у греков Константинополь, и в этом смысле он писал французскому духовенству. За папой же при благоприятных условиях могла встать Европа на защиту и восстановление «Новой Франции».

Не менее существенно задеты были интересы Венеции. Ведь по Нимфейскому договору генуэзцы выговорили изгнание венецианских купцов из всех владений греческого императора, а это было равносильно и утрате черноморских рынков. Между тем до сих пор граждане города св. Марка были хозяевами в Константинополе и Фракии, в Мраморном и отчасти в Черном морях, на Леванте до самой Акры. Им угрожало крушение всей колониальной их империи в водах Леванта и, может быть, утрата Крита, Евбеи, в первую очередь, и других островов, а также факторий и укрепленных гаванях Пелопоннеса. Правда, Палеолог, оценивая значение венецианской торговли, условий договора с генуэзцами не исполнил и венецианцев из Константинополя не изгнал, так как при взятии столицы обошелся без генуэзских галер. Тем не менее, политический и коммерческий урон Венеции был колоссальный. О первенствующем положении не могло быть более речи. Торговля в те времена опиралась на политику еще более, нежели в наш век. Византийский квартал по Золотому Рогу с церквами и магазинами был сожжен и отдан генуэзцам. Они разрушили дворец всемогущего венецианского подеста Романии и даже камни его, вероятно, с надписями и гербами, отвезли в Геную в качестве трофеев. Черноморская торговля — вывоз хлеба, кож и восточных товаров, шедших через Крым и Трапезунт, — должна была перейти в руки генуэзцев.

Первым шагом только что вступившего на престол папы Урбана IV было потребовать от Генуи отказа от союза с греками. Так как генуэзские послы в этом не присягнули, Урбан отлучил от церкви все их правительство, а на население наложил интердикт, закрыл церкви.

Немедленно папа становится душою лиги против Палеолога. Но единственной крупной силой в Италии тогда был Манфред Гогенштауфен, король Сицилии, а его-то папа не хотел. Из застарелой вражды к Гогенштауфену папа даже отказался от его помощи против греческого императора. К папе обратился изгнанник Балдуин от имени Манфреда, просившего благословения на завоевание и Константинополя и Иерусалима. Папа отказался примириться с Манфредом, хотя Венеция поддерживала всячески линию Балдуина.

Правительство Венеции не замедлило перейти от слов к делу. Дож обещал даром корабли всем венецианцам, которые захотят отправиться на войну против Палеолога. Папа со своей стороны благословил новый крестовый поход. Папа и Венеция хлопотали за Балдуина перед французским и

кастильским королями. Урбан грозил Генуе, что оповестит о ее измене католичество всех западных государств и для генуэзских судов будут закрыты гавани Европы. Но для генуэзцев союз с Палеологом был выгоднее, и они отправили по его просьбе вторую эскадру из 32 галер в воды Леванта. Если большие силы сицилийского королевства не были использованы по вине папы, то борьба началась на море пиратскою войною между венецианцами и, с другой стороны, генуэзцами и греками. Венецианский флот под начальством Дольфино нашел генуэзские и греческие корабли в гавани Салоник, но не решился напасть. Между тем проезд через проливы оказался закрытым для Венеции. Три венецианских корабля, возвращавшиеся из Черного моря с грузом, были захвачены генуэзцами в открытом море, пленный экипаж был отдан Палеологу, который приказал их изувечить (1262 г.). Это означало открытый разрыв с Венецией, переход греков в наступление. Палеолог торопился занять позиции, выбить латинян из Архипелага. Наксос, Парос, Кеос, Каристос были взяты греко-генуэзским флотом, и готовилась экспедиция в Пелопоннес для оккупации городов, уступленных Виллыгардуэном за освобождение из плена.

Палеологу нужен был успех во внешней политике. Сам он переживал на своем троне трудные минуты. Сказались последствия злодейского ослепления Иоанна Ласкаря. Ропот стал громким в самой столице. Исчезла ласковая обходительность царя, преступление повлекло за собою тиранию. Посыпались кары на смевших жалеть Иоанна. Знатному юноше Оловолу отрезали нос и губы, и несчастный ушел в монастырь. Иных обходили почестями, иных постигала опала в жестокой форме. Не без основания появился террор. В соседней Вифинии, колыбели Никейского царства, разыгрались кровавые события. На пограничной полосе рядом с сельджуками, на рубеже («акрах») или «хребте» (ныне Кара-Даг) жило воинственное крестьянство, своего рода казачество, полунезависимое в своих лесных ущельях, привыкшее одинаково к оружию и к сохе. Оно поднялось против Палеолога в защиту наследника любимых царей. Среди них под именем Иоанна Ласкаря явился слепой самозванец; крестьяне признали его и поклялись положить за него свою жизнь. Гнев и страх охватили Палеолога, он знал важность Вифинского рубежа, знал население по прежней своей службе. Он боялся за свою страну. Немедленно он снарядил большое войско против восставших, и многие отправились добровольно, желая заслужить расположение царя. Вифинцы считали себя не бунтовщиками, но защитниками законного царя. Они засели в своих теснинах и засеках, откуда пускали стрелы, и «нагишом», т. е. без панцырей, вооруженные подчас дубинами вместо мечей, бросались на войска Палеолога. Последние не могли нападать компактными массами, приходилось жечь леса и подвигаться шаг за шагом. Крестьяне укрыли семьи в недоступных местах, огородили их рогатками и телегами. Нападавшие несли громадные потери, и

дело затягивалось. Решено было действовать переговорами; крестьянам обещали щедроты и подарки от царя; им указали место заключения подлинного Иоанна Ласкаря. Крестьян удалось разделить на два лагеря: благоразумных и непокорных. Видя безнадежность восстания, крестьяне отпустили самозванца к туркам. С непокорными началась жестокая расправа, на села были наложены разорительные штрафы. Искоренили бы всех «Трикоккиотов и жителей хребта», если бы не опасались оставить весь рубеж («акры») безлюдным и беззащитным против турецких набегов, а он защищал всю страну.

Заговорил и патриарх Арсений, сильный духом. Он не только был возмущен ослеплением сына Феодора II, порученного умирающим отцом патриаршему попечению, но он чувствовал себя обманутым. Царь не сдержал слова, данного главе церкви. Арсений созвал синод, и хотя архиереи молчали, он отлучил царя от церкви. Палеолог смолчал и подчинился каре, желая выиграть время и рассчитывая на успехи во внешней политике.

Политика эта была энергичная, бдительная, беспокойная и в то же время двойственная с начала до самого конца. С одной стороны, Палеолог торопился закончить фактическое изгнание латинян из Романии, прежде всего стать твердою ногою в Пелопоннесе и на Евбее.

Это было его определенной, постоянной целью, борьба за которую обеспечивала за ним сочувствие нации и укрепляла его трон. С другой стороны, с самого возвращения Константинополя и до смерти он боялся католической Европы, нового крестового похода. В зависимости от получаемых им известий о политическом положении боязнь Палеолога возрастала и ослабевала, и в его глазах главным, даже единственным средством предупредить новое нашествие латинян было примирение с римской курией, бывшей душою и руководительницею крестовых походов, покровительницей, в частности, латинского княжества в Морее. Формой примирения являлась церковная уния, признание главенства папы и привилегий латинских церквей на Востоке.

Такой путь был тем более возможен, что как курия со времен папы Иннокентия IV, так и весь католический Запад разочаровались в жизненности идеи Латинской империи в Константинополе, поняли, что государство Балдуина пало от внутренней немощи, неспособности ужиться с греческим населением, устали давать Балдуину помощь и подачки. Новый поход на Восток, даже под флагом восстановления Балдуина или его сына Филиппа на константинопольском престоле, мог преследовать лишь цели колониальной, завоевательной политики крупнейших в Италии государств, а это отнюдь не входило в планы римской курии.

Палеолог привык к трудным положениям, их лично не боялся и обладал большою выдержкою. Он то отпускал, то натягивал вожжи своей политики в сторону унии. Но реальную постоянную свою цель — изгнание латинян

из Романии — он преследовал с тем большей энергией, чем положение было труднее, и средств он не щадил. Таков ключ к главной линии его сложной политики по отношению к Западу. Аналогичным был его образ действий по отношению к венецианцам и генуэзцам: он их то манил к себе, то отталкивал, постоянно ссорил, но фактически мало с ними стеснялся, так как в Константинополе он был все-таки хозяином.

По условию, заключенному с отпущенным из плена князем Виллъгардуэном Ахейским, Палеолог получил западную Морею и снаряжал морскую экспедицию в Монемвасию, «Малвазию» западных писателей, притом поспешно, опасаясь венецианцев и западной помощи Балдуину. Хотя генуэзских и греческих кораблей в водах Леванта было больше, чем венецианских, но венецианцы разбили генуэзцев в морской битве (при Сетте Поцци, в Архипелаге, 1263 г.) благодаря лучшей тактике в бою; но не все генуэзские галеры приняли участие в сражении. Силы генуэзцев на Леванте не были сломлены; они захватили 4 венецианских корабля и получили подкрепления, так что у Палеолога оказалось до 60 генуэзских галер — громадный по тому времени флот. Тем не менее между Палеологом и генуэзцами произошла размолвка. Он отпустил их флот домой. Не неуспешное сражение, не отсутствие денег у Палеолога были тому причиной, но различие политических целей. Палеолог желал генуэзской помощи не против венецианцев, но против Виллъгардуэна. Последний находился под особым покровительством папы, а с курией генуэзцы опасались продолжать открытый конфликт, хотя Виллъгардуэн вошел в союз с венецианцами. По возвращении на родину те генуэзские капитаны, которые перевозили греческую экспедицию в Монемвасию против Виллъгардуэна, были преданы суду. Генуя была накануне примирения с папой, нуждавшимся в генуэзском флоте для перевозки войск Карла Анжуйского в Италию против Манфреда Гогенштауфена. В Генуе назревали иные планы, поворот в сторону курии; политическое положение в Италии заставляло республику, слабую на суше, держаться осторожно; последняя борьба с Манфредом Гогенштауфеном при участии крупных французских сил могла оказаться опасной для республики, где существовала партия гибеллинов; притом Карл Анжуйский был опасным соседом Генуи. Еще продолжалась борьба с Венецией, требовавшая напряжения всех сил. В 1264 г. генуэзский флот захватил ежегодный караван венецианских купцов, отправлявшийся на Восток, и на целый год венецианская торговля с Левантом была парализована. При таких условиях Генуя не могла в угоду Палеологу воевать с Виллъгардуэном Ахейским и в конец рассориться с папой.

Пути Генуи и Палеолога разошлись. Греческий император об этом не жалел. Он уже тяготился союзом с Генуей, предпочитая примирение с Венецией как сильнейшей морской державой, законодательницей морской

торговли (морской кодекс «Consulatus maris», составленный в Константинополе в 1255 г.); дружба с Венецией была ценной, она обезвредила бы союз Венеции с Виллъгардуэном, за которым стоял папа; вражда с Венецией была всегда опасной, если вспомнить обстоятельства Четвертого крестового похода.

Кроме уклонения Генуи от участия в экспедиции против латинской Мореи, одно непредвиденное событие дало Палеологу желанный повод к разрыву с Генуей. Этим фактом была измена Греческой империи самого подеста генуэзской колонии в Константинополе, при обстоятельствах несколько темных и загадочных. Генуэзцам в Константинополе не было причин жаловаться на Палеолога. Правда, он не изгнал из города всех венецианцев и пизанцев, но из них остался низший класс, ремесленники, полезные грекам люди; а видные венецианские купцы выехали вслед за разрушением венецианского квартала, впрочем неполным. Претензии генуэзцев, требовавших исключительных прав на основании Нимфейского договора, стали для греков стеснительными. Их квартал у ворот Евгения (ныне Сиркеджи, у вокзала железной дороги) оказался на территории, нужной для новых укреплений Акрополя. В 1264 г. должность подеста у генуэзцев в Константинополе занимал Гильельмо Гверчи из фамилии, принадлежавшей к партии гибеллинов, сторонников Манфреда Гогенштауфена. Повидимому, за свой страх Гверчи вошел в тайные сношения с агентами Манфреда и составил план предать город латинянам. План этот был настолько неосуществим и рискован для Генуи, что можно было бы заподозрить в Гверчи лицо, подкупленное Палеологом, чтобы разделаться с генуэзцами. Во всяком случае, Гверчи в присутствии императора и генуэзских нотаблей план свой раскрыл и от Палеолога не пострадал. Лишь составлен был акт об измене Гверчи, и он был отослан в Геную, где поведение Гверчи возмутило даже его родных, потребовавших выдать скованного изменника для личной расправы. Палеолог же поспешил изгнать всех генуэзцев из Константинополя в Ираклию (древний Перинф, возле Родосто) на Мраморном море. Это был тяжкий удар генуэзской торговле. Одновременно Палеолог приказал изгнать и венецианцев с пизанцами, но это последнее приказание, кажется, не было выполнено. Два посольства отправились из Генуи к Палеологу ходатайствовать о сохранении генуэзского квартала или хотя о разрешении генуэзским купцам поселиться вне городских стен. Впервые была высказана мысль об основании генуэзской Галаты. Палеолог, однако, был неумолим, ему теперь нужна была Венеция по соображениям международной политики. Союз с Венецией расстроил бы лигу, образовавшуюся под эгидой папы из венецианцев, латинских баронов Греции во главе с Гильомом Виллъгардуэном и князем Афинским. Палеолог сам открыл переговоры с Венецией, сначала через пленного венецианца, затем приезжало два венецианских

посольства, и второе из них, полномочное, заключило с Палеологом союзный договор. Михаил обязался изгнать генуэзцев из всей своей империи и не заключать с ними соглашения без ведома Венеции. Старое привилегированное положение венецианцев было восстановлено. С своей стороны, республика св. Марка обязалась защищать греческого царя от врагов с Запада (1265 г.).

Союзный договор 1265 г. был важным шагом на пути изгнания латинян из Романии — цели, которую Палеолог преследовал с лихорадочной энергией. Договор отдавал в руки греков второй оплот латинства на западе греческого мира, именно богатую Евбею. Защита этого острова от греков была существенным пунктом той лиги между Вилльгардуэном и венецианцами, о которой только что было упомянуто.

Враждовавшие между собою «терциарии» Евбеи, ставшие вассалами Венеции, афинский и ахейский князья и правительство венецианской республики согласились прекратить междоусобия и срыть укрепления Негропонта. Теперь Венеция, главный фактор этой лиги, переходила на сторону греков. Палеолог удержал за собою гавань Алмира, против Евбеи, пока бог не даст ему власти над Эврипом (Евбейским проливом). Для Венеции договор означал отказ от колониальной политики на Востоке, и поэтому дож колебался его ратифицировать.

Еще более энергично наступал Палеолог против латинской Мореи. Этот оплот латинства в Греции был главным и пал первым под действием политики и оружия Палеолога, не щадившего материальных жертв для содержания флота и для снаряжения громадной по тому времени экспедиции в Монемвасию. Мы изложили выше, в главе об Ахейском княжестве, как Гильом Вилльгардуэн не только уступил в качестве выкупа из плена свое детище Мистру и весь восточный Пелопоннес, но и принес ленную присягу греческому императору; Палеолог носился с планом женить сына Андроника на наследнице Вилльгардуэна и получить всю Морею путем этого политического брака; так началась с благословения папы и по настоянию баронов отчаянная борьба франков за сохранение единства полуострова, за самую будущность франкской Мореи, против армии Константина Палеолога и его товарищей, умевших терпеть и умирать за царское дело (1263 г.). Следствием было разорение цветущей Мореи. Мистра стала греческой, ядром будущего греческого деспотата.

Расстроив латинскую лигу в Романии, утвердившись в Морее и на Евбее, Палеолог заставил и эпирского деспота Михаила, захватившего вместе с Манфредом (1261 г.) много земель в северном Эпире и Албании, искать мира, несмотря на поражения и плен знаменитого кесаря Алексея Стратигопула (1262 г.). Наследник деспота Никифор получил в жены дочь влиятельной царской сестры Евлогии (1265 г.).

Наоборот, по отношению к римской курии Палеолог действовал весьма осторожно, опасаясь скрытых сил латинского Запада, которые папа мог привести в движение; Четвертый крестовый поход и захват Константинополя были в памяти у всех. Немедленно по переселении в древнюю столицу, а может быть и раньше, Палеолог послал в Рим двух послов из служилых латинян, но один из них на пути был схвачен и замучен, другой поспешил вернуться. Палеолог имел основания зорко следить за настроением и действиями римского двора. Папа Урбан, услышав о падении Константинопольской Латинской империи, об утрате этого «благороднейшего члена» римской церкви, был поражен и горько плакал, считая это событие вечным позором латинского имени. Он разрешил Виллъгардуэна от клятвы, благословил союз его с венецианцами против Палеолога, на расходы по их походу назначил в течение 3 лет особый сбор с вакантных мест духовенства по всей Европе; приказал проповедовать крестовый поход во Франции, Арагоне и Польше и засыпал посланиями христианнейшего Людовика Французского; отлучил от церкви генуэзское правительство. Со своей стороны, изгнанный Балдуин объезжал европейские дворы, раздавал грамоты на утраченные земли, сватал своего сына Филиппа; Венеция предлагала крестоносцам свои корабли. Отнюдь не желая помощи Манфреда Гогенштауфена, Урбан возобновил хлопоты своих предместников о призвании в Италию французов, именно брата короля Людовика Святого, графа Прованса Карла Анжуйского. Этот энергичный государь располагал большими материальными средствами.

Дошли ли эти планы до Палеолога или нет, но он начал искать расположения Манфреда и даже собирался жениться на его сестре Анне, вдове Ватаци; однако царица Феодора, жена Палеолога, оказала упорное сопротивление этому проекту, и патриарх Арсений не дал царю развода. Тогда Палеолог послал Манфреду Анну в обмен на попавшего к тому в плен кесаря Стратигопула, завоевателя столицы. Манфред отнесся холодно к авансам Палеолога, и последний написал (1262 г.) папе послание о том, что христианская любовь заставляет его, Палеолога, искать мира с папой, а о догматах можно договориться потом; не годится папе отвергать блудного сына, который к тому же помог бы папе держать всех под своею рукою, т. е. того же Манфреда.

Папа такого письма не ожидал и не знал, верить ли Палеологу. Обещая прислать нунциев, папа просит «светлейшего императора греков» не трогать латинян Романии. А Палеолог и не подумал исполнить это пожелание папы, продолжал воевать и в Эпире, и в Морее, и на островах в уверенности, что греческие успехи сделают папу сговорчивее, но вместе с тем признал папу третейским судьею между греками и латинянами; впрочем, это был лишь красивый жест. Двуличие Палеолога — военные действия и авансы папе — пугало Урбана. Он даже думал, что Палеолог нападет

на латинский Кипр. При тогдашней трудности сношений обе стороны приписывали друг другу планы, каких в действительности не существовало. В ту пору за Балдуина никто не хотел вступаться, даже французы слабо отвечали на папские призывы, будучи заняты предприятием Анжу. Папе пришлось пойти на предложения Палеолога. Одна уния могла защитить латинские церкви на греческих землях, хотя бы ценой признания Палеолога законным государем Константинополя. Ведь был же готов Иннокентий IV предать империю Балдуина царю Ватаци за церковную унию. Урбан недолго колебался. Он пообещал в случае воссоединения «столь знатного члена церкви раскрыть недра отеческой приверженности» и защищать династию Палеолога на ее троне. «Отец и мать не сделали бы столько». Балдуина же папа решил предать его собственной судьбе, раз он посмел хлопотать перед французским королем за Манфреда, а это грозило гибелью плану покончить через оружие Карла Анжуйского с последним Гогенштауфеном в Италии. Четыре минорита повезли Палеологу папский ответ, но задержались в пути и ехали целый год. Тем временем греки, вследствие измены турецких наемников, потерпели в Морее крупное поражение, и Палеолог отправил в Рим католического епископа Кротонского, родом из греков, с более определенными предложениями (1264 г.): он признавал папский примат со всеми его каноническими последствиями, признал святую силу таинств, совершаемых католическим духовенством, обещал отвоевать для папы иерусалимскую и антиохийскую церкви. Урбан был в восхищении, восхвалял господа за то, что никогда еще не бывало так близко к осуществлению вожделенное объединение церквей. Заговор агентов Манфреда с генуэзским подеста в Константинополе, происходившим из гибеллинского рода, еще более сблизил Палеолога с курией. Михаил уже договорился с миноритами о созыве церковного собора для разрешения политических и церковных вопросов. Тем временем умер Урбан IV, и на папский престол был избран Климент IV (1264—1268 гг.), также француз. При нем Карл Анжуйский привел свое войско в Рим (1265 г.) и через несколько месяцев разбил Манфреда, потерявшего в один день корону и жизнь; при нем был поражен французами Италии и Мореи юный Конрадин Гогенштауфен, отданный Карлом в руки палача (1268 г.). События эти были грозными для Палеолога. Вместо рыцарского блестящего, но непостоянного Манфреда на юге Италии появился могущественный, сильный деньгами и людьми Франции Карл Анжуйский. Его характер виден по переписке, недавно изданной. Он полон огня и энергии, постоянно торопит и нерадивым грозит. Недаром папа писал, что с утверждением Карла в Италии изменится судьба Романии. Палеологу приходилось серьезно считаться с новым нашествием латинян. Палеолог учел события заранее. Папской миссии он предоставил право служения в православных церквах столицы; упомянутого выше епископа Кротонского он

уговорил служить по греческому обряду, но вскоре сослал его за какую-то вину.

На Западе политика Михаила Палеолога стала еще более лихорадочной. Он предлагал Виллъгардуэну Ахейскому выдать его дочь и наследницу Изабеллу за юного Андроника Палеолога, наследника греческого престола, но морейские бароны не допустили этого брака. Михаил Палеолог заключил (1265 г.) мир и союз с венецианцами. В Эпире император имел выдающийся успех. Деспот искал примирения, лишившись поддержки Манфреда и предвидя наступление Карла Анжуйского на Эпир в первую очередь. Так и случилось: сначала Карлу подчинились итальянские владельцы Корфу (1267 г.); затем Карл в качестве сюзерена Виллъгардуэна Ахейского послал ему войско и субсидию (1268 г.), а Виллъгардуэн со своими рыцарями участвовал в разгроме Конрадина Гогенштауфена. Уже тогда у Карла был определенный план завоевать царство Михаила Палеолога. В мае 1267 г. он заключил с изгнанником Балдуином (переехавшим к Карлу после гибели Манфреда) договор в Витербо, по которому Карл, за себя и за своих наследников, обещал Балдуину в течение 6 лет организовать экспедицию с громадными силами (2000 одних рыцарей) для завоевания царства «схизматика Михаила Палеолога, присвоившего себе звание императора». За это Балдуин отказался, в присутствии папы Климента, от сюзеренных прав на княжество «Ахеи и Мореи», подтвердил за Карлом права на владения Манфреда и его адмирала Киннарда в Эпире и на Корфу, уступил Карлу все острова до Абидосского мыса (Дарданелл) за исключением четырех больших малоазиатских; уступил Карлу треть будущих завоеваний на материке, во владениях Палеолога и эпирского деспота, в бывшем королевстве Салоникском и в Албании и Сербии. Брак Филиппа, сына Балдуина, с Изабеллой, наследницей Виллъгардуэна, должен был скрепить этот договор.

Палеолог предвидел планы Карла. За год до договора в Витербо он предложил папе Клименту осуществить церковную унию с разрешением политических вопросов на церковном соборе. Папа должен был определить свой путь. С одной стороны, он явился покровителем и союзником французского государя южной Италии, разгромившего державу Гогенштауфенов. С другой стороны, он опасался Карла, уже получившего голос в управлении Римом и в северной Италии. В случае разгрома Палеолога основалась бы могущественная держава в Италии и на Востоке, при которой курия утратила бы всякую самостоятельность действий.

Для папы было выгоднее церковное объединение греков с латинянами: все ему нужное папа получал и ничего дома не терял. Понимая это, Климент смело стал на путь, диктуемый интересами римской церкви. Чтобы загородить Карлу дорогу в Константинополь посредством унии с греками,

Климент тонко воспользовался самой силой Карла, страхом, который он внушал Палеологу.

И Климент поставил греческому императору определенные условия: в вере не рассуждать, римское учение о св. духе и об опресноках принять, императору с клиром и народом присягнуть в том, что они признают не только верховную каноническую власть преемника Петра, но и его право разрешать споры о вероучении. После того гарантируется прочное политическое соглашение между греками и Западом, причем возможен и созванный папой собор. Но переговоры об унии не удержат его, Климента, от помощи латинянам, обижаемым греками, и от обращения последних на истинный путь иными средствами, т. е. оружием (1267 г.).

Палеолог понимал, что в такой форме уния неприемлема для греческого народа, но видел, что нужно что-нибудь предпринять немедленно ввиду успехов Карла. Он ответил папе, что немедленно пойдет на египетского султана и привлечет к походу армянских князей, если только папа гарантирует безопасность его царства на время похода; осуществить унию ему мешает духовенство. Находившийся при дворе Карла папа отвечал Палеологу, что лишь уния избавит греков от латинского нашествия, и в то же время благословил известный нам договор Карла с Балдуином. Климент был уверен, что Палеолог пойдет на все, и уже подыскивал доминиканцев для миссии в Константинополь. Игра была двойная, но цель одна: церковная уния, которая помешала бы чрезмерному усилению Карла. В 1268 г. Климент умер, и папский престол 3 года не был занят: Карл того и хотел, без папы ему было легче готовить поход на Восток. Его план был задуман широко, с участием венгров, сербов и болгар; даже слепой царевич Иоанн Ласкарь, убежавший из заключения в Никитиатах, появился при дворе Карла Анжуйского. Новый германский император Альфонс Кастильский обещал помочь Балдуину. Венецианское правительство под влиянием успехов Карла и переговоров с его братом Людовиком Святым о новом крестовом походе заключило с Палеологом (1268 г.) новое соглашение, в котором уже не было речи о помощи против латинян на Евбее и в Архипелаге, наоборот, венецианцы оставили за собою право помогать последним в случае нападения греков.

Со своей стороны греческий император взял назад обещание изгнать генуэзцев и предоставил венецианцам кварталы в главных приморских городах. Свобода венецианской торговли осталась только на бумаге, и венецианские купцы жаловались своему правительству, что их грабили и убивали на глазах греческих властей. Прошло для них золотое время Латинской империи в Константинополе. И венецианские наемники не стеснялись поступать на службу к баронам Евбеи, и до 500 их попало к грекам в плен. При таком положении дел в 1269 г. приехало в Венецию посольство от Карла, призывавшее республику св. Марка нарушить договор с Палео-

логом во имя общих интересов латинства. Но венецианцы боялись Карла не меньше, нежели папа, и не стали на сторону ни Карла, ни греков. Тем не менее в 1270 г. Карл снарядил экспедицию на помощь ахейскому князю, с которым он породнился и наследником которого он стал.

Палеолог тем временем возобновил переговоры об унии, на этот раз не с курией — папский престол оставался вакантным, — но с христианнейшим королем Франции Людовиком Святым, и избрал его третейским судьею в своем конфликте с Карлом. Людовик снесся с курией, и было решено послать к Палеологу кардинала Альбано (1270 г.), которому было поручено потребовать от Палеолога серьезных гарантий в верности св. престолу. Из среды кардиналов исходило недоверие.

Палеолога спасла от Карла на этот раз не уния, но крестовый поход Людовика Святого в Тунис, в котором Карл должен был принять участие. Смерть Людовика (1270 г.) развязала было руки Карлу, но гибель его флота от бурь заставила отложить нападение на греков.

На папский престол вступил Григорий X (1271—1276 гг.), который взялся за унию решительно, будучи занят планом нового крестового похода. Для него война между христианами была препятствием к продолжению дела Людовика Святого. Средством предупредить войну с греками являлась уния. На этом пути Григорий X был счастливее своих предшественников. Успехи Карла в западной Греции заставили Палеолога спешить с унией, и в лице Григория он имел партнера, которому Карл не был страшен. В 1271 г. полководцы Карла Бомон и Барр совместно с баронами Греции успешно воевали в Пелопоннесе против греков; в 1273 г. Карлом было отправлено еще бо́льшее войско под начальством адмирала де-Туси; оно было усилено арабскими стрелками и наемниками из Франции. Но Палеолог, окрыленный успехами в деле заключения унии, в следующем же 1274 г. освободил Янину от войск фессалийского деспота Иоанна, союзника латинян, и загнал де-Туси с помощью албанцев в прибрежные Драч и Валлону. Военные действия были перенесены на Евбею, где утвердился византийский адмирал, славный своими подвигами протостратор Алексей Филантропин. Измена одного из евбейских баронов по имени Ликария помогла Филантропину. В 1274—1275 гг. Палеолог собрал громадный флот из Константинополя и провинции, всего 73 корабля, и послал с ними Филантропина на Евбею. В северной Греции должно было последовать столкновение сил Палеолога и Карла. Оно началось междоусобием между греками. Для объяснения событий вернемся несколько назад.

По смерти старого эпирского деспота Михаила (1271 г.) Карл успешно действовал в Албании. Албанские родоначальники с представителями Драча и других городов избрали своим королем Карла (1272 г.), который начал раздавать албанским вождям земли в сторону Охриды. Дипломатическая борьба между Карлом и Палеологом охватила весь Балканский

полуостров с соседней Венгрией. В последней Палеолог одержал победу. Политические соглашения по обычаю времени завершались браками между членами династий. Стефан Венгерский, в жилах которого текла кровь никейских царей, выдал дочь Анну за наследника греческого престола Андроника (1272 г.). Бывший патриарх Герман и старый великий дука Ласкарь, приходившийся дедом с материнской стороны венгерскому королю, привезли невесту, и бракосочетание было совершено в св. Софии патриархом Иосифом с большою пышностью. Вскоре Андроник с Анной были помазаны на царство, получили царский двор, и Андроник начал подписывать грамоты. К присяге Андронику все были приведены с особенною тщательностью. Михаилу нужно было укрепить престол за сыном. Он не доверял своим братьям, особенно одному из них — деспоту Иоанну. У царя, повидимому, были для того основания. Иоанн прославился и воинскою доблестью, и щедростью; он жил по-царски. Михаил стал унижать брата перед сыном-наследником при дворе, отнял у него имения на Лесбосе и Родосе, отнял отличия, присвоенные сану деспота, даже шапку, усыпанную жемчугом. Но когда на Западе появилась грозная опасность, он не нашел лучшего полководца, как Иоанн. Опасность появилась среди самих греков. Сила Карла отразилась, повидимому, на верности греческих вельмож. Губернатор Адрианополя и Фракии Андроник Тарханиот (под влиянием личной обиды, как передает Пахимер) задумал изменить Палеологу. Призвав татар, разорив и замутив страну, как каракатица, по выражению Пахимера, Тарханиот бежал в Фессалию к своему тестю Иоанну Комнину Ангелу. В измене Тарханиота вернее видеть результат враждебной политики Болгарии и Иоанна Комнина Ангела, за которыми нужно видеть руку Карла Анжуйского. Упомянутый Иоанн Комнин был побочным сыном эпирского деспота Михаила и еще при жизни отца владел самостоятельно в Фессалии, в Новых Патрах. Не в пример законному наследнику Эпира Никифору, Иоанн унаследовал дарования и честолюбие эпирских и салоникских Ангелов Комнинов. Это он решил победу греков над франками при Пелагонии. Михаил Палеолог считался с Иоанном серьезно, породнился с ним и дал ему звание севастократора, т. е. причислил его к царской фамилии; однако Иоанн вел свою политику, лелеял честолюбивые планы и умел ладить с латинянами. Он даже ссужал самого Карла деньгами в стенах латинских Фив.

Видя в Иоанне серьезную для себя опасность в случае нашествия Карла, Михаил Палеолог решил с ним разделаться и одновременно с флотом Филантропина послал громадную по тому времени армию в 40 000 человек под начальством упомянутого своего брата деспота Иоанна Палеолога. Византийцы вторглись в Фессалию, и Иоанн Ангел был оставлен всеми, скитался по стране, спасаясь от преследования, и наконец укрылся в крепости Новых Патрах. Византийцы обложили город, и

Иоанн Палеолог потребовал у жителей выдать Ангела, угрожая разорить страну до тла. Горожане просили подождать, а тем временем Ангел бежал, спустившись по веревке; одетый конюхом, он прошел через византийский лагерь и явился в Фивах; владетель Фив дал ему 300 всадников, закаленных в боях, и Иоанн Ангел напал на византийцев врасплох, сея ужас. Войска деспота бежали, оставив богатейшую добычу, царские драгоценности в ставке деспота; последний не мог остановить панику и укрылся в ущельях Димяны, недалеко от моря, с остатками своей армии.

В это же время на эскадру Филантропина, стоявшую по соседству у берегов Евбеи, напал почти вчетверо меньший флот, снаряженный баронами Евбеи и Мореи. Латиняне сначала оттеснили греков к берегу Фессалии; гибли лучшие моряки блестящего флота Филантропина, и самого его спасла крепкая броня. В разгар боя на берегу является деспот Иоанн; видя гибель царских сил и на море, в отчаянии и ярости он умолял опомниться и не губить царского дела; на лодках он перевез свои силы на корабли, и греки воспрянули, погнали в свою очередь утомленных латинян и истребили их флот, причем погибли знатнейшие бароны Евбеи (1275 г.). Успех на море был велик и важен; но гибель сухопутной армии легла позором на храброго Иоанна Палеолога. В покаянной одежде, без знаков своего звания, явился он к брату-царю. Герой многих войн, любимец армий должен был удалиться в частную жизнь, к радости престолонаследника Андроника.

Одновременно отношения с сербами и болгарами не налаживались у Палеолога. Нетрудно угадать причину. Национальная греческая политика не допускала уступить славянам что-либо из достояния древних императоров. Палеолог был далек от мысли объединить православные народы Балкан против латинства путем уступок в национальных и церковных вопросах. В 1272 г. Михаил Палеолог подтвердил хрисовул императора Василия Болгаробойцы о привилегиях архиепископа Охриды и всей Болгарии. Одним росчерком пера хотел он уничтожить церковную автономию сербов и болгар, плоды деятельности Саввы Сербского и великого Асеня.

Его политика по отношению к сербам и болгарам была мелкой, династической; он был поглощен борьбой с латинством, но не понимал, что союз балканских народностей, связанных религией и культурой, легко мог выжить и латинян и татар навсегда. Наоборот, он сам призвал татар против болгар. Болгарский царь Константин Тих и его держава находились под сильным греческим влиянием, культурным и политическим, со времен никейских царей. Сначала Тих враждовал с Палеологом за его преступление по отношению к последнему Ласкарю, и вражду поддерживала супруга Тиха и сестра Иоанна Ласкаря Ирина; после ее смерти Палеолог выдал за Тиха свою племянницу Марию, дочь Евлогии, но не дал обещанного за нею приданого, удела претендента Мицы (городов Анхиала

и Месимврии), посягнув на целость царства Асеней. Началась опустошительная разбойничья война во Фракии; тюрко-болгарские отряды разоряли цветущую область, оправившуюся под скипетром Ватаци и Феодора II. В связи с византийско-болгарскими отношениями находится, повидимому, упомянутое возмущение адрианопольского губернатора Тарханиота.

Чтобы смирить болгар, Палеолог прибег к традиционному приему византийской политики для XIII в., еще более пагубному, чем для времен Комнинов: на полугреческие земли он напустил северных кочевников, именно татар хана Ногая. Этот замечательный татарский полководец около 1270 г. перекочевал с большой ордою в южнорусские степи и Молдавию. По словам Пахимера, он подчинил себе аланов, зикхов, готов крымских и русских, усвоивших себе татарские обычаи, язык и одежду. И по русским летописям (с 1276 г.), данниками Ногая являются князья галицкие и волынские. Молдавия и Болгария являлись главной ареной для орды Ногая. Еще в 1270 г. татары участвуют вместе с болгарами Тиха в попытке захватить Михаила Палеолога в устье Марицы. Счастливо избегнув плена, Михаил породнился не только с Тихом, но даже с Ногаем, прислав ему в жены свою побочную дочь Евфросинью с дарами. Опираясь на Ногая, Михаил не считался с Тихом, и началось опустошение Болгарии татарами, тяжкое время для славянской и греческой культуры в царстве Асеневичей. Ногай был варвар, гордый верностью уставу Чингис-хана. Из присланных Палеологом даров он оценил лакомства и бочки с вином, равно как золото и серебро; увидя же драгоценные царские облачения, он спросил: «эта дорогая шапка исцеляет ли от головной боли? и жемчуг на ней отвратит ли молнии от головы? и эти одежды имеют ли чудесную силу от болезней?» — и, услышав отрицательный ответ, Ногай бросил все это с пренебрежением и надел свою овчину.

Когда было нужно, Палеолог не щадил культуры и не гнушался союза с Ногаем; наоборот, сербы оказались для греков недостаточно культурными, хотя их страна была полна западными мастерами и сербские великие жупаны покровительствовали просвещению. Целый ряд великолепных церквей, начиная со Студеницы, был выстроен для них в XIII столетии далматинскими и итальянскими архитекторами. При Михаиле царствовал в Сербии Стефан Урош I (1243—1276 гг.), женившийся приблизительно около 1250 г. на Елене — может быть, дочери константинопольского императора Балдуина II Куртенэ. По исследованиям Иречка, Елена происходила из какого-то французского знатного рода, утвердившегося в Греции. Она пользовалась одинаково большим влиянием и среди православного духовенства Сербии, и в латинской церкви, которой она осталась верной; она достигла глубокой старости (ум. в 1314 г.). Целый ряд католических церквей на побережье и по крайней мере один православный монастырь (Градац на реке Ибаре) выстроены Еленой.

До 1267 г. политика Уроша была определенно западнической, зависимой от Венгрии; его старший сын Драгутин был женат на дочери венгерского короля Стефана. Сербы служат в венгерских войсках против Оттокара Чешского (1260 г.). Венгерский король Бела IV, отец Стефана, отзывается об Уроше, что он, «обуянный гордыней, уклонился от нашей власти». В самом деле, Урош тяготился зависимостью от Венгрии и воспользовался удобным случаем, чтобы ее сбросить. Таким случаем была война между отцом и сыном, венгерскими королями Белой и Стефаном (1267 г.).

Михаил Палеолог хотел воспользоваться поворотом сербской политики и сватал свою дочь Анну за второго сына Уроша, Драгутина, и даже послал невесту в Сербию. Но в этот момент Уроша постигло несчастье. Он вторгся в Мачву, удел Белы, сына вышеупомянутого князя русского Ростислава, но здесь был разбит подоспевшими венграми и взят в плен (1268 г.). Ему пришлось дать обязательство разделить власть с сыном Драгутином. И в договоре венгерского короля с чешским Урош с сыном упомянуты в числе венгерских вассалов, «родных королевских», наряду со Святославом, «императором Болгарским», т. е. князем Яковом Святославом Галицким, владевшим уделом в западной Болгарии под эгидою венгров. В 1276 г. Урош был свергнут своим сыном и соправителем Драгутином с помощью венгров и умер монахом.

Попытка Палеолога втянуть Сербию в орбиту византийской политики оказалась безуспешной.

Вместе с Константинополем Михаил принял на себя все претензии древних царей, задачи мировой политики Комнинов, и под тяжестью этого наследства дрожали его плечи. На Западе враги Палеолога стояли сомкнутыми рядами под знаменами Карла Анжуйского. Отпраздновав свадьбу дочери с Филиппом, наследником прав и титулов Балдуина (1273 г.), укрепив свои связи с латинскими государями в Греции, а также с Иоанном Фессалийским, при поддержке Франции, Венеции, южных славянских государств, располагая силами и средствами южной Италии и Сицилии, Карл был в состоянии сокрушить Палеолога, и последнему приходилось рассчитывать на свою дипломатию более, чем когда-либо. Михаил обратил внимание на государей Испании, естественных соперников Франции в бассейне Средиземного моря. Кроме того, против Карла образовалась лига в северной Италии под главенством Альфонса Кастильского, с участием маркиза Монферратского и города Павии, старого гибеллинского гнезда (1272 г.). Через Геную Палеолог имел связи с этой лигой, и отношения к Генуе он упрочил новым договором. Между враждебными французам государями проектируются политические браки, хотели женить самого Палеолога на дочери Альфонса Кастильского.

Карл неоднократно старался отклонить папу Григория от церковной унии с греками, но его энергичные шаги привели лишь к обратному результату; папа мог тогда действовать свободно. Еще в 1271 г., возвращаясь из Палестины, новоизбранный папа Григорий писал Палеологу и хотел пригласить его на собор католической церкви, который предполагал созвать в Лионе в 1274 г. для решения различных церковных дел. От Палеолога прибыл послом Иоанн Парастрон, грек, фанатичный приверженец унии, с письмом, в котором Палеолог подтверждал свое желание заключить унию и воевать против неверных. Агенты Карла настаивали на войне с греками, неоднократно обманывавшими курию. Тем не менее в Константинополь посланы были 4 католических монаха, среди них будущий папа Николай IV. Папа извещал, что он защитит Палеолога в случае принятия им унии, но не будет в состоянии бороться с требованиями Карла, если Палеолог будет медлить. Требовалось принять латинский символ и признать в присутствии нунциев папский примат; за это на соборе папа добьется политического союза латинских держав с новообращенным греческим императором. Если же греческое духовенство унии не допустит, можно отложить унию до заключения политического мира, лишь бы патриарх с синодом дали письменное и принципиальное обещание. Одновременно папа разъяснил Карлу, что он не обязан уменьшать свои войска в Романии, хотя следует дать грекам перемирие на время переговоров об унии. И Карл тотчас же послал в Грецию сильное войско под начальством де-Туси. Венеции же папа запретил возобновлять переговоры с Палеологом. Прежде Палеолог манил унией, а теперь папа угрожал готовыми силами Карла. И Григорий X добился того, к чему вотще стремились его предшественники.

Палеолог спешно укреплял столицу, готовясь к осаде. Башни и амбары были набиты хлебом; что не вмещалось, было сдано горожанам на хранение; в каждый дом пригнали по десятку свиней, и хозяева должны были резать и солить мясо. Заготовлены были масса оружия, метательные машины, наняты были оружейники, морские стены были «удвоены» и получили постоянный гарнизон. Укреплялись острова и города по Мраморному морю. Стоянка флота была перенесена из Влахерн в просторную Старую Гавань (на месте нынешней таможни в Стамбуле); гавань Контоскалию на Мраморном море огородили камнями, заперли железными воротами, углубили, причем на дно лили ртуть. Генуэзцам было разрешено укрепить Галату, и они были приняты на царскую службу.

Труднее было заставить греческое духовенство принять унию по программе римской курии. Авторитет Михаила Палеолога был поколеблен в глазах ревнителей канонов еще со времен патриарха Арсения Авториана. По смерти патриарха Никифора Арсений был вновь призван на престол и принял его на условиях, в точности нам не известных, и вторично коро-

новал Палеолога, не упоминая имени Иоанна Ласкаря. Когда явился проект политического брака Палеолога с Анной, сестрою Манфреда и вдовою царя Ватаци, императрица Феодора, не дававшая развода, нашла поддержку в патриархе, и брак с Анной не был им допущен. Это возобновило вражду между царем и патриархом. Ослепление несчастного Иоанна Ласкаря вызвало отлучение царя патриархом от церкви, и Палеолог должен был снести эту кару, «считая нужным выказывать царское величие». Не раз через духовных лиц он умолял патриарха снять отлучение, но Арсений отвечал: «Я пустил к себе за пазуху голубя, а он оказался змеею и смертельно укусил меня». И лично царь ходил к патриарху. Однажды, выслушав отказ, Палеолог сказал: «Что же, ты велишь мне отказаться от царства?» — и хотел отдать свой меч; Арсений протянул свою руку, а Палеолог стал обвинять старика в покушении на его царскую жизнь. Напрасно царь обнимал колени патриарха, Арсений оттолкнул его и ушел в свою келью. Тогда царь начал жаловаться: «Патриарх велит мне оставить государственные дела, не собирать податей, не творить суда. Так врачует сей духовный врач! Пора мне искать милости у папы». Царь стал искать случая свергнуть Арсения, но жизнь патриарха была безупречной. Царь собрал в Салониках несколько архиереев и вызывал Арсения на суд, но тот не поехал. Угодливые архиереи доказывали, что разобщение «души государства» с церковью является заразой, угрожающей порядку. Палеолог вышел из душевного равновесия. Узнав, что патриарший хартофилакс Векк наложил запрещение на дворцового священника за венчание без разрешения, Палеолог приказал градоначальнику севастократору Торнику разрушить дома Векка и великого эконома патриархии, вырубить их виноградники и прислать их самих в Салоники в оковах. Патриарх возмутился и взывал к народу, что божьих людей хотят судить мирским судом. Севастократор уговорил хартофилакса и эконома поехать к царю с повинной, и в Салониках они оба изменили своему патриарху. Арсений не хотел видеть опасности. Для расправы с ним скоро нашли предлог. В столице проживал на положении не то друга, не то пленника сельджукский султан Изз-ад-дин Кей-Кавус II, перебежавший к Палеологу еще до взятия Константинополя. Не получая свободы, он вошел в сношения с ханом Ногаем и с Константином Болгарским. По уговору, Изз-ад-дин должен был испросить разрешение приехать к Палеологу в Салоники вместе со своими людьми и, возвращаясь с царем в столицу, убить Палеолога. Как бы то ни было, в устье Марицы, среди болот, царя окружили болгары с татарами, и он спасся ночью с великим трудом (1265 г.), явился в столицу почти один. Патриарх же в св. Софии стал выговаривать Палеологу: «Не говорил ли я тебе, что не следует воевать с единоплеменным и единоверным деспотом эпирским? Вы ведь одно стадо Христово. Теперь благодари бога за урок и за спасение». Палеолог смиренно отвечал, что он заключил с деспотом

мирный договор. Смирение это было фальшивое. Палеолог решил покончить с Арсением во что бы то ни стало. Созвав архиереев, он изложил им все свои шаги к примирению с патриархом. «Кажется, он хочет, чтобы я за свой проступок оставил престол, но кому отдаст он царство? Каковы произойдут последствия для империи? А если другой окажется неспособным к столь великому служению? Кто поручится, что я буду жить спокойно, и что станется с моею семьей? У какого народа видано что-либо подобное, и бывало ли у нас, чтобы архиерей мог делать безнаказанно такие вещи? Не понимает разве он, что вкусившему блаженство царской власти нельзя расстаться с нею иначе, как вместе с жизнью. Покаяние определено церковью, и разве его не существует для царей? Если не найду его у вас, то я обращусь к другим церквам и от них получу врачевание. Решайте сами».

Еще несколько раз уговаривали Арсения, но он прогнал и царского духовника Иосифа. Оставалось «устроить обстоятельства». Из среды патриарших чиновников явился ложный доносчик, письменно обвинивший Арсения в том, что он дружил с изменником-султаном Изз-ад-дином Кей-Кавусом II, мылся с ним в патриаршей бане, украшенной крестами, и т. д. Созван был собор для суда над Арсением, приглашены и восточные патриархи. Дважды вызывали Арсения, и оба раза он не явился на собор. Не дожидаясь третьего вызова, Арсений явился к царю, который принял его ласково. Приказав служить обедню в дворцовой церкви, Палеолог повел туда Арсения, держась за его мантию, чтобы патриарх как бы сам ввел его в храм и тем уничтожил отлучение. Арсений заметил эту хитрость, вырвал мантию и со словами: «зачем крадешь мое благословление» — поспешил «орлом» вон из дворца. С трудом отстояв обедню, Палеолог призвал архиереев и потребовал покончить с патриархом, обещая им великие милости. На последнем заседании собора, опять в отсутствие обвиняемого, Арсений был присужден к низложению, но за неявку на суд. Клевета доносчика и собору была очевидною. Лишь александрийский патриарх Николай отказался осудить невинного.

Выслушав приговор, Арсений воздал хвалу богу и сказал своим клирикам: «Дети, божьей воле нужно повиноваться. Простим друг другу обиды. Охотно ухожу, когда угодно богу, вы же проверьте книги и ризницу, чтобы не сочли меня святотатцем. Эту одежду, книгу и три золотых, заработанных мною перепиской, беру с собою». Ночью пришли за Арсением, отвезли его на пустынный остров Проконнис (ныне Мармара) и заключили под стражу в тесной келье (1267 г.).

Столичное население волновалось. Патриарха за строгую жизнь считали угодником при жизни. Палеолог созвал народ и держал речь. «Всем следует жить своим умом, — говорил царь. — Дело ясно. И в первый раз, когда патриарх оставил свой престол по своей воле, глупые люди запира-

Михаил VIII Палеолог.

лись в своих домах и произвели раскол. Теперь готовится то же самое, старая закваска, видно, еще не перебродила. Не стоит говорить, чего добиваются люди, прячущиеся по углам, но тех, кто их слушать будет, постигнет жестокая кара. Ни догматы, ни обряды не затронуты, а другого патриарха разве нельзя избрать? При новом вам будет лучше, и вы испытаете на себе действие лучей сродного нам благоволения. Бросьте тайные сходки. Знаю, что много попрошаек ходит по домам, они, пожалуй, будут винить царей [т. е. Михаила с сыном] и сбивать всех с толку. Подавайте им, но увлекаться их речами — иное дело, и я того не потерплю. Они разбегутся, а вам не уйти от наказания». Странниками-«сумоносцами» кишела столица искони, и этот люд, сообща с опальными чиновниками, с беглыми монахами и расстригами поддерживали в народе брожение. Населению, несшему тяготы мировой политики Палеолога, приходилось круто, и легко мог разразиться кровавый бунт под знаменем защиты церкви и православия. Во главе недовольных, сторонников Арсения, стоял бывший епископ Андроник, человек желчный и честолюбивый, а также монах Иакинф из Никеи, образованный, учивший и кормивший детей, личный друг Арсения. Иакинф нашел поддержку в сестре императора инокине Марфе. Ее дворец стал центром ревнителей православия. Примкнули друзья Арсения из духовенства, партия ослепленного Ласкаря и упомянутые сумоносцы — вожаки темного народа.

На место Арсения был поставлен митрополит Герман, старый знакомый царя, обходительный, щедрый, покровитель ученых; он добился прощения опальному Оловолу и поставил его во главе школы, первой после латинского разорения. Но не такие качества могли создать ему авторитет в народе после крупной фигуры Арсения. От нового патриарха ждали протеста, защиты церкви и ее прав против царя. На благодушного Германа обратилась народная ненависть. Его подвергли бойкоту, его доброту истолковывали в дурную сторону, его прозвали выскочкой, лжецом и варваром Мармуцей (он был из лазов), перешедшим противозаконно с престола дочери на престол матери (он был ранее епархиальным архиереем). Месяца не прошло, как был раскрыт заговор придворного Франгопула на жизнь царя; замешан был французский наемник Карл, убийца регента Музалона, он и выдал товарищей. Началось жестокое дознание; царь допытывался, не принимал ли участия ненавистный Арсений. Под пытками его оговорили; царь, грозя ужасами, добился у синода всего, чего хотел. Послали следователей допросить Арсения. Решено было в случае сознания его казнить, если же будет запираться, объявить ему отлучение и вновь допрашивать, и если он будет изобличен хотя в недонесении, казнить; если же и вторичный допрос не уличит Арсения ни в чем, тогда снять с него отлучение. Среди следователей был и историк Пахимер, служивший церковным судьею (протекдик). Комиссия прибыла на пустынный остров,

где в келье на скале томился Арсений. «Что сделал я царю?» — отвечал старец в рубище. «Благодаря ему сижу на этих скалах, как бесчестный ссыльный, питаясь милостыней. Пусть его фратриарх [т. е. еретический патриарх] вместе с Евлогией [царской сестрой] благословляет все, что царь совершает». Обвинительного акта он не стал и слушать, заткнув себе уши. Произошла тяжелая сцена. Следователи ничего не добились. На возвратном пути их постигли всяческие бедствия, и они сами объяснили это тем, что не благословились у старца. Расспросив их, Палеолог хотел исправить впечатление и приказал послать Арсению много денег, припасов и трех друзей для утешения. Допрос Арсения и небесная кара разожгли ревность арсенитов. Патриарха Германа осыпали насмешками. Сам царский духовник Иосиф перешел в оппозицию, рассчитывая взойти на патриарший престол. Он стал внушать царю, что Герман не может разрешить его от клятвы, наложенной Арсением, и царь подослал Иосифа к Герману, чтобы уговорить его уйти добровольно. Когда Герман убедился, что совет исходит от царя, он удалился в Манганский монастырь возле Большого дворца и в благодарность получил звание «царского родителя».

Иосиф достиг цели и занимал патриаршую кафедру 7 лет (1267—1274 гг.). Он не блистал ни ученостью, ни особой добродетелью, но был находчив в обращении, предпочитал простую задушевную компанию. Снятие клятв с царя — его первое дело — было обставлено исключительной торжественностью. В присутствии синода и двора царь ползал на коленях, исповедуя свой грех, ослепление Ласкаря. Патриарх и архиереи поочередно читали акт разрешения царя от наложенного на него отлучения. Хотя на народ эта церемония не произвела большого впечатления, Михаил почувствовал себя крепче на престоле (1268 г.).

Пережив такую бурю, Палеолог стоял теперь перед другой, еще более опасной. Дело шло об унии, об измене православию ради политических выгод.

Созвав патриарха и синод, император держал речь, указывая на внешнюю опасность, на необходимость примирения с латинской церковью. Он предъявлял соборный акт времен царя Ватаци, по которому латиняне не обвинялись в ереси из-за Filioque: он указывал, что и прежде греки совершали вместе с латинянами таинство евхаристии, высказал мнение, что переменить обряд означает не более, как греку заговорить по-латыни. Чем противно православию поминание имени папы за обедней? Ведь сам бог называл Авраама отцом. Если же допустить апелляцию к папе, то разве опасно ездить к нему за море? Аргументы царя поддерживали архидиакон Мелитиниот, Григорий Кипрский и «ритор церкви» Оловол. Патриарх ожидал, как выскажется ученнейший хартофилакс Векк. Тот молчал, боясь царя, пока патриарх не заставил его говорить угрозою отлучения. Тогда Векк заявил, что для него душа дороже тела. Бывают люди, которые называются

еретиками, но не еретики; наоборот, существуют еретики, да не называются таковыми. К числу последних принадлежат латины. Выслушав это, царь немедленно ушел и приказал синоду судить Векка, назначив обвинителем Хумна. На заседание синода явились Хумн, старый вельможа историк Акрополит и другие сановники. Векк заявил, что Хумн — подставное лицо, а с царем он не в силах судиться. Патриарх не разрешал судить Векка. Видя это, Акрополит ушел со словами: «Всех вас Векк водит за нос, и не знаю, что делать». Векк ходил к царю, умоляя не гневаться, предлагал отправиться в ссылку, но царь не сказал ему ни слова; тогда Векк надел черные одежды и с домочадцами укрылся в св. Софии. Царь поспешил прислать ему грамоту за печатью, что ему бояться нечего, но когда Векк вышел из Софии, его схватили и посадили во Влахернскую тюрьму (Анемовы башни, сохранившиеся до сих пор), охранявшуюся «кельтами», носившими секиры (бывшая варяжская дружина). Вслед за тем царь со своими учеными Мелитиниотом и Григорием Кипрским составили «том», в котором на основании исторических справок и документов оправдывали латинян, и послали патриарху. Последний созвал своих ученых, к оппозиции примкнули многие, даже упомянутая царская сестра Евлогия. Составление ответа было поручено Иову Иаситу, которому помогал и историк Пахимер. Ответ обсудили по пунктам и отослали царю, который положил его под сукно. Документ этот дошел до нас в Мюнхенской рукописи. Тон его резкий: с еретиками и безбожниками нельзя иметь общения, их нужно жалеть; если же их гложет язва кощунства, то пусть они убираются из синагоги Израиля, а нас оставят искать вечного спасения. Палеолог решил использовать авторитет заключенного Векка. Ему были доставлены выписки из отцов церкви, свидетельствовавших более или менее в пользу латинян. Векк как «правдивый ученый» пошел на соглашение, и царь его освободил, прислав ему еще книг, между прочим сочинения никейского богослова Никифора Влеммида, который был сторонником примирительной формулы об исхождении св. духа «от отца через сына» и склонялся к «спасительной экономии» в делах вероучения.

Между тем вождь непримиримых православных, монах Иов из просвещенного рода Иаситов, принял меры, чтобы патриарх Иосиф не поколебался, и за подписью патриарха и членов синода было разослано окружное послание к православным христианам о признании латинского учения еретическим, в чем подписавшиеся присягнули. Тогда царь обратился к Векку, который, видимо, уже достаточно ознакомился с выписками из св. отцов и перешел на сторону унии. Опираясь на заключение Векка, император настоял на посылке миссии в Рим. Бывший патриарх, «царский родитель» Герман, никейский митрополит, логофет Акрополит и еще два сановника были назначены в состав миссии и на двух военных кораблях отправились в путь, взяв с собою царские подарки папе: ценные облачения, иконы на

золотом фоне, драгоценные благовония, усыпанный жемчугом алтарный покров, царское приношение храму Петра и Павла. С патриархом Иосифом, своим долголетним другом и духовником, снявшим клятвы Арсения, Михаил Палеолог заключил компромисс, убедив его переселиться в монастырь Перивлепт с сохранением сана; если уния не состоится, то Иосифу предстояло вернуться на кафедру, в противном же случае он должен был уступить место новому патриарху (1274 г.).

Палеолог начал действовать круто. За смертью бывшего патриарха Арсения, нового Феодора Студита, против унии образовалась сильная объединенная оппозиция. Арсениты соединились с иосифлянами. Было очевидно, что большинство архиереев не примут унии. Царь убеждал их и лаской и угрозами. Чем вредно признание папы, разве приедет он к нам через море? Что значит поминать его? Не только отцы ваши, но и сам Христос прибегнул к «экономии», приняв крест за наше спасение. Вы же затеваете раскол и порицаете меня. Великий эконом Кенфилин, полагаясь на свою старость и близость к царю, умолял его на коленях не возбуждать внутри империи церковного и гражданского междоусобия ради избежания войны с внешним врагом. Царь приказал покорному духовенству составить «том» или исповедание в смысле унии; в конце приведен был стих: «благословляющие тебя благословенны будут, и проклинающие тебя прокляты будут». Этот «том» разносили по домам и отказывавшихся подписать его заставляли, описывая все ценное в доме, вносить наемную плату за дом за 13 лет со времени взятия столицы, так как дома де принадлежат царю по праву завоевания. Непокорных увозили в ссылку на приготовленных кораблях; множество было сослано на острова Архипелага, в Никею, некоторые сами уехали, многие подчинились при посадке на корабли. Духовенство и монахи были созваны во дворец, между ними — упомянутый ритор церкви Оловол, начальник школы грамматиков в Орфанотрофии. Он подал голос против унии. Поднялся крик: «Он тайный враг царя, не даром у него урезан нос!» Вне себя, Оловол ответил, что он был изувечен за Иоанна Ласкаря. Придворные хотели разорвать его на куски, но царь сдержал их и велел сослать Оловола в никейский монастырь Иакинфа. Через несколько времени его привезли обратно, и по царскому приказанию Оловола вместе с одним из Иаситов и восемью другими палачи били и провели по городу, повесив на них окровавленные грязные бараньи внутренности, которыми били Оловола по лицу. Позорное наказание подействовало. Высшее духовенство более не противилось. Обеспечено было признание трех пунктов унии: папского верховенства (примата) над всею христианскою церковью, папского верховного канонического суда (апелляция в Рим) и, наконец, поминания папского имени на церковном богослужении.

Палеолог писал папе Григорию, что его легаты могли видеть, как он, царь, ради единения церквей пренебрегает сном, пищею и государственными

делами. Но в его положении трудно, как бы устраняя древний раскол, не породить нового. Притом и Карл Анжуйский своей враждой к грекам препятствует христианскому единению, — жаловался Палеолог папе и просил принять меры для безопасности греческой духовной миссии, посылаемой на Лионский собор. Карл Анжуйский не был в состоянии воспрепятствовать проезду греков: папа требовал во имя веры, и папе предлагал свою помощь могущественный Альфонс Кастильский со своими союзниками — гибеллинами и Генуей. Мало того, папа заставил Карла отсрочить на год морской поход против Палеолога, предусмотренный договором Карла с изгнанником Балдуином.

В конце июня 1274 г. в Лион прибыли послы Палеолога и патриарха: бывший патриарх Герман, «царский отец» и родственник; великий логофет Георгий Акрополит, известный нам историк и государственный деятель, и, наконец, митрополит никейский Феофан, при них два чиновника. Они привезли послания от греческого духовенства и царей. Покорное Палеологу духовенство — 35 митрополитов и архиепископов, царский и патриарший клир (меньшая часть осталась верною патриарху Иосифу) — отправили послание, скрепленное и, повидимому, редактированное Векком; они писали об усилиях царя восстановить церковное единство, о противодействии патриарха Иосифа, который предпочел удалиться в монастырь; они были готовы признать за папой достоинство и наименование первого и верховного иерарха христианской церкви «согласно древней юрисдикции, существовавшей до схизмы». Сам Палеолог писал определеннее: с юных лет он де желал устранить церковные раздоры и соблазн (scandala), вернуть святейшему престолу его древние права, но лишь ныне, благодаря инициативе самого папы, старания его, царя, увенчались успехом. Вероучение римской церкви, — заявляет Палеолог, — благочестиво и вполне согласно с верою греческой церкви, только некоторые «словечки», и то по различию латинского и греческого языков, вызвали разногласие, которое он отвергает, и ныне он склонил непокорных к повиновению папе. В заявлениях Палеолога сквозит «экономия» в делах веры и догмата, восходящая к Влеммиду и некоторым отцам церкви, и руководит им политический расчет. Признание примата и папской юрисдикции Палеолог выразил почти в такой же формуле, как писало духовенство; разница есть в оговорке «согласно канонам». Духовенство настаивало на соблюдении всего завещанного отцами «до схизмы», тогда как Палеолог, повидимому, оставляет за папой последнее слово и в истолковании канонов. Царь настаивает лишь на соблюдении «издревле установленных обычаев, ни в чем не нарушающих благочестия». Было послание и от престолонаследника Андроника.

Из опубликованных Делилем документов ясно, что послы Палеолога вели в Лионе и политические переговоры. Они подтвердили письменно обязательство Палеолога всеми средствами содействовать походу на невер-

ных, лишь только царь получит мир с соседями-латинянами и будет руководиться указаниями папы в этом священном деле; и греческое духовенство готово проповедовать крестовый поход и на площадях, и с церковных кафедр.

Сохранился перечень и требований греков. Папскому легату (Бернарду Монтекассинскому) даются полномочия завершить политические переговоры в Константинополе; папа устраивает мир между греческим императором и всеми латинскими государями, т. е. и с Карлом Анжу, дабы греки могли участвовать в крестовом походе. Дети Михаила Палеолога поручаются попечению папы, чтобы они могли вступить в браки с членами западных династий сообразно интересам греческой империи. Папа не примет мятежных вассалов греческого императора и воспретит католическим государям принимать таковых под свое покровительство. Потомок царя Михаила, устраненный от власти за малолетством, имеет право на дипломатическую и церковно-административную помощь папы, но посылать латинские войска против греков пока не должен. На греческом троне должны сидеть избранники греков, и Михаил Палеолог не желал, чтобы христианская кровь лилась из-за его потомства. Политическое значение имели и требования греков, чтобы папа письменно обещал константинопольскому синоду и правительству (синклиту) соблюдать греческий обряд; оставить независимые латинскую и греческую иерархии в Антиохии, Иерусалиме и на Кипре; подтвердить права охридской греческой архиепископии на церкви загорскую (болгарскую) и сербскую, на основании грамоты (подложной) папы Вигилия Юстиниану Великому. Права эти были нарушены при никейских царях, нуждавшихся в союзе с болгарскими и сербскими государями и породнившихся с ними. Палеолог поставил себе целью подчинить греческой церкви автокефальные южнославянские и умело пользовался для того унией. В том же году тырновский патриарх присягнул на верность римскому престолу в Константинополе, в присутствии царя и папского нунция.

Дело унии было доведено до конца на этот раз без препон, и очень скоро, 28 июня, патриарх Герман читал в Лионе, за обедней, символ о Filioque; 6 июля, на четвертом заседании, сам папа в торжественной речи заявил, что греки сделали больше, чем ожидали от них, и свободно подчинились римскому престолу, независимо, якобы, от каких-либо политических условий. Это заслуга их императора. Прочли царскую и синодальную грамоты. Вслед за тем Акрополит присягнул от имени царя на верность латинскому исповеданию и папской верховной власти. Иерархи Герман и Феофан подписались под текстом присяги Акрополита. Уния была оформлена.

Дипломатия папы Григория оказалась успешнее, чем все усилия и жертвы творцов и деятелей Латинской империи в Константинополе. Впрочем, почва была подготовлена предшественниками Григория, и уния вряд ли

осуществилась бы, если бы не было страшного Карла Анжу. Григорий мог торжествовать: дисциплинарная и каноническая власть папы была признана греками, и они, как верные сыны, готовились итти на освобождение св. гроба.

Дипломатический успех папы Григория и императора Михаила казался блестящим. Церкви объединены, и открыта возможность политического соглашения. Но это был успех правительств. Рознь народов, различие культур, вероисповедные и экономические факторы вековой борьбы латинского Запада с греческим Востоком не могли быть устранены актами Собора 1274 г. Притом договорившиеся стороны руководились различными целями: курии было нужно подчинение греческой церкви и помощь против неверных; для Палеолога всего важнее было устранить опасность со стороны латинян Италии и западной Греции под знаменами Карла Анжуйского.

По возвращении греческих послов из Лиона в Константинополе была отслужена торжественная литургия в присутствии царя и папского нунция. Читали св. Писание по-гречески и по-латыни и поминали папу. Вскоре Векк был возведен на патриарший престол.

Патриарх Иоанн Векк (1275—1282 гг.) по учености превосходил современников. Это была крупная личность. Конечно, не сочинения Влеммида изменили его убеждения в пользу унии, но те же соображения политического и культурного порядка, которые руководили и Михаилом Палеологом. Борцом за унию Векк остался до конца своих дней как в своих богословских и полемических трудах, заполняющих большой том Патрологии, так и в своей церковно-административной деятельности. Латинский догмат об исхождении св. духа и от сына (Filioque) нашел в лице Векка самого обстоятельного историка, истолкователя и защитника. Он писал по этому вопросу особенно против Фотия, против Феофилакта Болгарского, против богословов комниновского времени Каматира и Николая Модонского, против современников своих Григория Кипрского, Николая Мелитиниота и других. Автобиографическое значение имеют послание «О несправедливости, коей я подвергся, будучи низвергнут с трона» (при Андронике Палеологе) и его «Завещание»; но боевой темперамент сквозит и в его чисто богословских трудах. Пока жил Михаил Палеолог, Векк пользовался уважением царя и имел крупное влияние на дела; он был горячим ходатаем за обиженных судами и властями, и его голос звучал громко, беспрестанно и неустанно; Векк входил в детали каждого дела и являлся перед царем лучшим адвокатом обиженных; чтобы пробудить царское милосердие (дело нелегкое при Михаиле Палеологе), патриарх, как искусный актер, представлял дряхлого старика или слепца, обиженного судьбою; он умел ждать часами в царской приемной, мог и возвысить голос; не раз бывали между патриархом и царем крупные неприятности. «Архиерей не конюх, повинующийся

слепо», — сказал он однажды Михаилу Палеологу, бросив к ногам его свой посох; другой раз, за литургией, он заставил царя дожидаться с протянутой рукой антидора.

Верный унии, Векк сознавал, что объединение церквей, «состоявшееся так, как всем известно», вызвало «скандал» и «пламя злобы, разраставшееся ежедневно». «Что же, клянусь Троицей, нам было делать? Сложить руки? Мы были готовы и проповедью, и писаниями убеждать всех не уклоняться от общения и не осквернять братского единомыслия из-за прибавки римской церковью слов об исхождении св. духа и от сына. Но все люди нашего поколения, мужи, жены, старцы, юноши, девицы и старухи сочли мир за раздор, и те немногие, которые пользовались влиянием, разжигали весь народ против нас. И не об общей пользе хлопотали они, но о том, чтобы свергнуть нас с патриаршего престола». Низвергнутый при новом царе среди ликования бесчисленного народа, заполнившего все углы св. Софии, Векк окончил дни в суровом заточении, не изменивши унии, делу своей жизни.

Его сочинениями пользовались позднейшие греки-униаты, начиная от Георгия Метохита. По учености и силе убеждения Векк противостоит самому Фотию. Главный его антагонист Григорий Кипрский, более замечательный в качестве оратора, нежели богослова, уступал Векку в ясности суждения и, сменив его на патриаршей кафедре, не мог справиться с «энцикликами» Векка.

Впав в пылу полемики с Векком в ересь, Григорий Кипрский сам был принужден удалиться в монастырь. Другими противниками Векка были монах Максим Плануда (Maximos Planudes), митрополиты Иоанн и Хил (Johannes Chilas) и Феолипт (Theoleptos). Замечательно, что и Плануда, и Григорий Кипрский в молодости были под сильным влиянием латинского богословия. Борьба православных с унией далеко переступила за пределы литературы и богословской полемики, как увидим ниже, и Палеолог наполнял тюрьмы православными как изменниками правительству, не щадя собственных родных. Толпы изгнанников бежали в Грецию, Трапезунт и даже в православную Болгарию.

С другой стороны, политическая ценность Лионской унии оказалась невысокой. Карл Анжуйский с изгнанником Балдуином и после 1274 г. не признавали за Михаилом Палеологом прав на Константинополь. Венецианские послы на самом соборе заявили, что Венеция не отдаст своей доли в Романии, несмотря на присоединение греческого императора к католичеству: эти владения завоеваны венецианцами мечом и во имя церкви; однако этот протест не помешал венецианцам возобновить перемирие с Палеологом. Сам Михаил настаивал на точном соблюдении политических условий унии, истолковывал их в том смысле, что римская церковь отдала ему все наследие греческих царей, и немедленно послал войска на греческий

запад. Обстоятельства походов 1274 и 1275 гг. — занятие Албании в союзе с албанскими князьями, тяжкое поражение византийской армии на суше и блестящая победа византийского флота у берегов Евбеи — были уже изложены в связи с балканской политикой Михаила Палеолога. Итальянцы едва держались в Драче; греческие корсары угрожали кораблям подданных Карла даже в Адриатическом море. В борьбе с Карлом Михаил опирался попрежнему на генуэзцев, с которыми возобновил договор почти на условиях Нимфейского, и генуэзцу Мануилу Цаккарии отдал богатейшие рудники в Фокее на малоазиатском берегу.

Несмотря на унию, война между греками и латинянами была в полном разгаре. Папа Григорий добился лишь отсрочки на один год того похода на Греческую империю, который был предусмотрен договором в Витербо между Карлом и изгнанником Балдуином; но и то лишь вследствие временной слабости Карла, занятого борьбой со своими итальянскими врагами. Может быть, папа Григорий, видя неизбежность столкновения между греками и Карлом, давал Михаилу годичный срок, чтобы утвердиться на западе Греции до того времени, когда у Карла развяжутся руки.

Папа Григорий лишь двумя годами пережил собор 1274 г., но должен был видеть, как мало его знаменитое дело, заключение унии, послужило миру между христианами; перед смертью он радовался известию, будто Михаил Палеолог твердо намерен участвовать в крестовом походе на неверных рядом с виднейшими государями Запада.

Кончина Григория X развязывала Карлу руки. На папском престоле появился земляк и ставленник Карла Иннокентий V. Но и он не мог порвать открыто с традициями политики курии на Востоке. Карл Анжуйский валялся у папы в ногах, требуя разрешить ему итти на греков, однако Иннокентий настоял на том, чтобы сделать попытку предупредить большую войну. Иннокентий написал Палеологу, что опасность велика, советовал предоставить св. престолу разрешение конфликта с Карлом и Балдуином, законным императором Константинополя; при этом папа требовал, чтобы не только Михаил присягнул в соблюдении унии, но и каждый греческий архиерей. За то папа давал своему нунцию право отлучать от церкви всех противников унии на Востоке, налагая на их земли интердикт; имелся в виду главный враг Палеолога в Греции — фессалийский деспот Иоанн Ангел. Вскоре Иннокентий умер, и миссия с этими письменными предложениями выехала из Рима при папе Иоанне XXI. Палеологу стало ясно, что курия ему помочь не может и что уния не принесла прочных политических выгод: положиться на решение папы было опасно. Раздражать курию было, однако, невыгодно. Михаил VIII не только хитрил, но и волновался более, чем когда-либо. С одной стороны, он старался убедить нунциев в своей преданности папе и унии, присягал устно и пись-

менно, присягал и Андроник, и патриарх, и даже часть архиереев; повели нунциев в тюрьму, где в цепях томились близкие и родные самого царя за непокорность унии: протостратор Андроник Палеолог с племянником, пинкерна Мануил Рауль с братом.

В то же время непреклонность царя в отношении к православному духовенству, видимо, поколебалась. Патриарха Иосифа он перевел из ссылки в загородный роскошный монастырь Космидий. Особой новеллой у Векка было отнято распоряжение патриаршими монастырями в епархиях. Враги Векка подняли голову, доносы следовали за доносами. Мусульманская надпись на блюде восточной работы, поднесенном царю патриархом, — и та была использована. Векк крепился, но не стерпел и поручил историку Пахимеру написать отречение от патриаршества; но царь отставки не принял, патриарха обелил, нуждаясь в нем, но клеветников не наказал. Ни царь, ни Векк не могли и думать заставить православных архиереев проповедовать в церквах о папском примате и петь Filioque. По приезде нунциев царь сказал синоду следующее: «Вы знаете, как мучительно трудно было провести унию. Я пренебрег патриархом Иосифом, которого любил, как отца. Обидел и унизил друзей моих. Свидетели тому — мои родные в тюрьмах, навлекшие на себя мой гнев только из-за унии. Думал я, что латиняне бо́льшего не потребуют, и в том поручился перед вами златопечатной грамотой. Кое-кто из ваших, из тех, кому люб раздор, встретившись в Пере с фрерами [католическими монахами], объявили унию насмешкой и обманом, и вот латиняне прислали эту миссию. Чтобы вы не волновались и не подозревали наше руководство, говорю вам наперед и обещаю — видит бог, — что не допущу изменения наших условий ни на иоту, что на знамени своем я утвержу божественный символ веры отцов наших и выйду за него в бой не только против латинян, но и против всякой другой нации. Теперь же выслушайте послов и отпустите их с миром; новый папа не так расположен к нашим интересам, как был расположен Григорий». И по настоянию царя было составлено синодальное послание к папе с заявлением покорности, причем часть подписей архиереев была обманно приписана в царской канцелярии; о догмате, «Filioque» не было упомянуто; сам Векк в отдельном письме признавал полностью римское учение. Особое послание Михаила Палеолога — образчик византийского хитросплетения. Умоляя папу защитить свою верную паству, царь ни разу не сказал точным термином «дух исходит от сына», но «проявляется», «даруется», «сияет». Наследник Андроник откровенно жаловался папе на врагов унии внутри империи.

Эти послания застали уже нового папу Николая III (1277—1280 гг.), итальянца родом, которому удалось сломить господство Карла Анжуйского в Италии и поддержать дело Григория X. Этот выдающийся, холодный политик превосходно знал отношения на Востоке по своей прежней деятельности.

Дела на Востоке были запутаннее, чем когда-либо. Против Палеолога объединились совершенно разнородные силы. Душой враждебной ему коалиции был давнишний его соперник на греческом западе — фессалийский деспот Иоанн, унаследовавший и способности, и притязания Комнинов Ангелов эпирских. Он подчинил своему влиянию своего брата, эпирского деспота Никифора. К Иоанну тяготели греческие властели Фракии и Македонии, как Тарханиот, измена заразила и войска Палеолога; посланные на запад, некоторые начальники их были закованы в цепи и отосланы в Константинополь. Палеологу пришлось вспомнить дни его молодости, когда он стоял во главе македонской служилой знати и замышлял против никейского царя. Новые Патры Фессалийские, столица Иоанна Ангела, стали не только центром политических врагов Михаила, но и убежищем крайних защитников православия, готовых даже на союз с врагами Византии, на измену империи Михаила. Когда Михаил и Векк во имя унии и империи, прикрываясь принципиальным разрешением папы, отлучили от церкви деспота Иоанна Ангела с его подданными, энергичный деспот не задумался созвать церковный собор с участием монахов олимпийских монастырей и Афона, на котором, во имя православия, были преданы анафеме как Михаил с Векком, так и римский папа (1278 г.).

Вокруг Палеолога сплеталась политическая интрига, лига всех ему враждебных элементов, между собою вполне разнородных. Западные греческие сепаратисты, македонские властели, православные ревнители поднимали оружие в союзе с латинскими баронами Греции. Родная сестра императора Евлогия, постоянно стремившаяся играть политическую роль, ставшая столпом православной партии, эмигрировала к своей дочери, болгарской царице. Обе возбуждали царя Константина Тиха против их брата и дяди. Мало того, они послали (1276 г.) некоего Иоанна Кафара в Иерусалим к патриарху Григорию, чтобы с его помощью склонить египетского султана Бейбарса, повелителя Сирии и Палестины, выступить против греческого императора совместно с болгарами. Бейбарс, однако, отклонил предложения, не считая малоизвестных болгар надежными союзниками. На патриархов александрийского и антиохийского не было надежды, так как они проживали в Константинополе, пользуясь царскими милостями.

В то же время «православные и латиняне», т. е. Иоанн Ангел с союзными баронами Греции, обратились к трапезунтскому царю Иоанну II, убеждая его выступить против «еретика» Михаила, так как он, трапезунтский царь, является истинным и законным православным императором, преемником Комнинов Константинопольских. Ангелы и Комнины ополчались против основателя новой династии. В Трапезунт православные эмигрировали массами, спасаясь от преследований константинопольского правительства. О переговорах с трапезунтским царем доносил послам Михаила на Западе протонотарий Огерий. Он вместе с армянским историком Гайто-

ном передает, что Иоанн II с того времени принял титул императора. Повидимому, трапезунтский государь, носивший до того титул царя и самодержца Востока, провозгласил себя царем ромэев. Воевать с Палеологом и он поостерегся, как султан Бейбарс.

Враги окружали Михаила со всех сторон; он мог надеяться лишь на армию и деятелей возрожденной Византии, да на папу. Страшным противником оставался Карл Анжуйский. Греки и латиняне разделились в получившейся странной комбинации политических сил. Тем большее значение получил папа Николай. Ему не было выгодным чрезмерное усиление ни Палеолога, ни Анжу. Церковным запрещением он мог расстроить союз баронов Греции с фессалийским деспотом, но он этого не сделал, как ни просил Палеолог. В то же время папа Николай удерживал Карла от похода, охраняя империю Палеолога как покорного сына церкви. С прочими врагами греческий император мог сам справиться. Видя это, венецианцы заключили с ним перемирие (1277 г.), оговорив, что они будут защищать своих вассалов на Евбее.

Михаил мог продолжать борьбу за обладание западной Грецией — за осуществление главной, постоянной цели его политики. Он снарядил большой флот с десантом для войны на Евбее, вверив его евбейскому барону Ликарию, давно перешедшему на службу Византии. Михаил послал и сухопутную армию (преимущественно из наемников турок) под начальством Синадина и Каваллария. Флот имел большую удачу, разбил и захватил в плен афинского «мегаскира» сира Иоанна со многими евбейскими баронами. Сухопутное войско опять было разбито фессалийским деспотом, имевшим с собою итальянский отряд. Один из военачальников Палеолога был убит, другой ранен и умер в Салониках (1278 г.). За смертью Гильома II Виллъгардуэна в том же году, Карл Анжуйский принял присягу от вассалов ахейского княжества и еще прочнее утвердился в Греции.

Внешние опасности и внутренние раздоры, несочувствие и противодействие большинства народа и даже близких родных ожесточили Михаила Палеолога. Он дал волю подозрительности, от которой не был свободен и прежде. Начались допросы и пытки. Двое братьев Раулей из знатнейшего малоазиатского рода были ослеплены за веру отцов и за осуждение унии. Пытали Иоанна, сына эпирского деспота; оставленный в качестве заложника при константинопольском дворе, он прославился в войнах с сельджуками и стал подозрительным Михаилу. Его с монахом Котисом, некогда при Феодоре Ласкаре посоветовавших Михаилу спастись к сельджукам, обвинили в измене, и оба погибли. Пытали и служилых людей, и книжных, и монахов, ослепляли и увечили. Напрасны были ходатайства царицы и патриарха. Неугодное мнение каралось немедленно и жестоко. Царь говорил друзьям, что он лишь защищается, что государство не монастырь, что грех покрывается покаянием; ему же тяжело карать особенно

монахов, будучи их другом с юности. Михаил продолжал поощрять доносы, и озлобление росло. Одни, далекие от умыслов против царя, гадали, когда они избавятся от зол; другие шли дальше и подбрасывали листки, обвинявшие Палеолога в преступном захвате престола, в ослеплении законного наследника. Читавшие эти памфлеты и не донесшие подлежали смерти по царскому указу за «цареписание». Векк стал всем ненавистен, царь же защищал его как борца за унию и не меньше, чем себя. За осуждение унии пострадал сын верного Акрополита и министр Музалон, на спине которого родной брат на глазах царя сломал палку. Подозрительность и жестокость Михаила объясняются тяжелым для него оборотом дел на Западе.

Пока был жив папа Николай, Карлу Анжуйскому приходилось подчиняться его воле, опиравшейся на силу всех врагов Карла в Европе. Нельзя было думать о немедленном осуществлении горделивых планов о латино-греческой «империи Цезаря и Августа», по выражению византийского историка Григоры. Папа Николай вполне сознавал себя главою христиан Запада и Востока, властным и блестящим государем в Риме. Но уже в 1280 г. Николай умер, и Карл, отстранив родичей покойного папы, возвел на папский престол преданного ему французского кардинала, принявшего имя Мартина IV. Не дорожа трудами своих выдающихся предшественников, Мартин немедленно порвал с греками, обошелся грубо с послами Михаила и отлучил его от церкви. Карл получил свободу действий и отправил в Албанию сильные подкрепления своему полководцу Руссо де-Сюлли, который осадил Берат. Перевес сил Карла на суше казался бесспорным, но неожиданно для него великий доместик Михаил Тарханиот разбил Сюлли и взял его в плен (1281 г.). Такой успех рассматривался в Константинополе как спасение. Тем временем Карл сблизился с венецианцами, которые убедились, что им не заменить генуэзцев во владениях Палеолога. Оживились традиции империи Балдуина, где венецианцы были полными хозяевами, и был решен поход сицилийского и венецианского флота на Евбею. Михаил дал отпор врагам при помощи Генуи; греческие корсары навели страх на сицилийских купцов даже в водах Италии. Михаил все же оставался под постоянной угрозой. В 1281 г. Карл с Филиппом, наследником Балдуина, заключили при посредстве курии договор с Венецией о восстановлении в Константинополе Латинской империи. В следующем году предполагалось послать флот, а далее — грандиозную морскую экспедицию против столицы Михаила. С соединенными силами Италии, Франции, Венеции и баронов Греции Михаил не мог бороться долго, его могло выручить лишь чудо. Пока Карл собирал людей, корабли и военные припасы, возлагая на своих подданных тяжкие жертвы, Михаил через своего генуэзского вассала Цахарию фокейского искал помощи у врагов Карла в Европе. Главный из них, Петр Арагонский, направился со своим флотом к берегам Африки, еще не решаясь напасть на Карла. Внезапно

в самой Сицилии разразилось народное восстание, французов резали, и в два месяца на острове не осталось слуг Карла (1282 г.). Тогда Петр Арагонский явился в Сицилию и был коронован в Палермо. С тех пор Карла преследовали неудачи. Сицилийская «вечерня» похоронила планы Карла о походе на греческий восток. Вместе с тем была похоронена и уния; в ней для Греческой империи, до поры до времени, уж не было нужды.

Тем не менее все усилия Михаила были направлены на Запад. Восточная, малоазиатская граница оставалась в небрежении. Одни гарнизоны были уведены, другим не платили жалованья. Поборы разоряли население, крестьяне обнищали, а «уравнительная раскладка» тяжело легла на служилое сословие Малой Азии. Епарх Ходин отбирал у служилых людей их поместья, приносившие по 40 золотых в год. Фискальные мероприятия Ходина вызвали такое возмущение, что их пришлось отменить. Для войн на западе нужны были деньги и люди, и восток нес все тяготы, не получая взамен даже защиты границ. Перенесение столицы в Константинополь погубило благополучие населения Никейского царства. Последствия не замедлили сказаться. Во время постоянных междоусобий среди сельджуков, подпавших под монгольское ярмо, отдельные шайки сельджуков и монголов тревожили византийские пограничные области. Михаил послал своего сына Андроника вновь заселить и укрепить еще недавно цветущую долину Меандра, но Андроник не сделал ничего прочного, и сельджуки сожгли Траллы, главный город в той местности. Михаил отправился и лично на восточный рубеж по реке Сангарию, но побыл там недолго, и набеги врагов не прекратились. Управление краем представляло грустную картину; власти скрывали правду от царя, и он лично убедился, что население разбежалось. Михаил укрепил границу до Прусы (Бруссы), насколько ему позволили западные дела.

Миновала опасность со стороны Карла Анжуйского, — с тем большим жаром старый царь устремился на запад для изгнания остатков латинян из Греции. Во время этого похода Михаил VIII скончался (возле Лизимахии Фракийской, в конце 1282 г.).

В лице Михаила Палеолога сошел в могилу основатель последней византийской династии, последний из крупных императоров, личность сильная, даровитая и глубоко интересная. Блестящим аристократом он начал, мрачным самодержцем закончил; в юности смело держал ответ грозному Ласкарю, в старости лгал и синоду и народу относительно святыни, завещанной предками, разномыслия не выносил и чужую совесть попирал ради политической выгоды. Обладая громадным честолюбием и энергией, он до конца не утратил ни того, ни другого. Среди тяжких испытаний он неослабно нес обязанности монарха, в самые трудные минуты одинокий, не понятый близкими людьми, с которыми, впрочем, он не стеснялся, — например с супругою Феодорою. Перед чужим правом он жесток, даже

преступен (например, с несчастным сыном Феодора II), перед бо́льшей силой — хитер, способен обмануть даже курию. Его несравненная выдержка не раз спасала государство. Как дипломат он превосходил более могущественного Карла Анжу и большинство современных ему пап; с хитрыми итальянскими выходцами и с римскими монахами он вел себя, как мастер дела. Курия служила целям своего «блудного сына», распинавшегося в покорности св. престолу. Блестящий воин в молодые годы, любимец военной знати, Михаил стал на престоле неутомимым организатором воинских сил, снаряжая новые армии и эскадры после каждого поражения. Средств народа он при этом не щадил.

Постоянной и основной целью его политики было восстановление Византийской империи в прежнем объеме, изгнание латинян и подчинение южных славян. Средством, часто единственным, была уния. Михаил умел смотреть опасности в глаза, видел ее яснее других и находил исход при всяком положении. Убедившись в необходимости унии, он навязал ее своему народу без колебания.

Его политическая программа вряд ли была понятна массе подданных, и во всяком случае после возвращения Константинополя, не видя конца войнам, к ней охладели; а средство — уния — было ненавистно народу, низшим и верхним слоям. Ревностно служа интересам империи, Михаил стал во враждебные отношения к большинству подданных, вплоть до членов собственной семьи и близких, которых в кандалах показывал нунциям, не говоря о монахах, которых он любил по традициям своего рода, но которых из-за унии он увечил публично.

Воин и дипломат, Михаил не был хозяином. Ему были нужны народные деньги — на наемных латинян и турок, на флот, на посольства, на придворный блеск. У него не было времени думать о народе, так тревожно было его царствование. Вряд ли он и интересовался нуждами крестьянства и развитием производительных сил страны, как все Ласкари. Аристократ, вознесенный на престол знатными врагами Ласкарей, Михаил по происхождению своей власти был врагом того отеческого, хозяйственного строя, который был присущ Ласкарям. При нем крестьянам жилось хуже. Не говоря о крестьянских мятежах в Никейской области, принявших фантастическую окраску и залитых потоками крови, ставленник властелей не мог препятствовать глухому социальному процессу, который привел в XIII и XIV вв. крестьянские массы в бесправное состояние крепостных проскафименов. Пострадали и мелкие прониары, военный класс. Сведения о социальных отношениях при Михаиле скудны и не разработаны, но ясно, что не только казна Ласкарей, но и экономические силы населения были использованы Михаилом без пощады и благоразумия.

В изданном проф. Троицким уставе обители св. Димитрия в Константинополе (знаменитого «монастыря Палеологов», отстроенного Михаилом)

он пишет о себе: * «Что бо, Владыко, из содеянных на мне твоим благоутробием не превосходит и самый разум дивных? . . . Что касается меня, то все, чем только кто-либо мог бы величаться, бог собрал для меня как бы нарочно все вместе». И Михаил распространяется о знатности своего рода, о своих знаменитых предках. «А сколько я сам преуспел, . . . об этом вопиют сами дела . . . ». В таком тоне написана вся краткая автобиография, панегирик самому себе, перечень сплошных успехов и побед. Ни одного намека на тяжелые факты и невзгоды, которыми полна жизнь Михаила; ничто не напоминает христианского смиренного духа, которым полно, например, «Поучение Владимира Мономаха». «Я не искал трона, но был вынужден принять его как достойнейший», — пишет Михаил. Сквозь похвальбу царственного ктитора звучит самозащита непопулярного монарха. Казалось бы, что восстановителя византийского Константинополя должна была окружить любовь, хотя столицы. На самом деле его наследник не посмел даже перевезти тело отца в Константинополь.

* См.: Христианское чтение, 1885, №№ 11—12, стр. 529—579. Статья называется «Михаил Палеолог, виз. император. Автобиография М. Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия». Автор подписал статью ***. *(Ред.).*

Глава VI

АНДРОНИК II СТАРШИЙ

есмотря на энергию, опыт и способности Михаила VIII, Византийская империя за все его долговременное царствование лишь старалась вернуть себе прежние пределы, лишь защищала свое существование против сильных врагов, не раз находясь на краю гибели. Возвращение древней столицы, воскрешение традиций Комнинов с задачами и тяготами их мировой политики ухудшили народное благосостояние, особенно в Малой Азии, где казалось, суждено было развиться цветущему центру эллинизма, богатому и сильному национальному государству, основанному на новых началах не бюрократического, но царского хозяйства. Если даровитому и энергичному Михаилу, унаследовавшему от Ласкарей национальное войско, богатую казну и неразоренную страну, пришлось растратить накопленное золото, разорить и крестьян и служилый класс, расстроить оборону восточного рубежа, опираться на полуитальянский флот и на турецкую конницу, то что ожидало империю впереди?

Правда, пало могущество Карла Анжуйского и рушились планы латинского нашествия. С этой стороны опасность более не угрожала. Греческие патриоты и константинопольское правительство могли вздохнуть свободно и обратиться к устройству внутренних дел. Но не греки сломили Карла; южноитальянская держава была разрушена борьбою сил внутри Италии. Если Византии XIV в. не по плечу было наследие империи Комнинов, то каждое молодое национальное государство, возникшее по соседству с Византией, могло рассчитывать на ее богатые земли. Такие новые силы появились: на Балканах — южное славянство под скипетром наследников

Уроша Сербского, за Бруссой и Никеей — тюркские племена, объединенные родом Османа.

Продлить существование Византии при этих условиях могли выдающиеся, гениальные монархи, но их не было, хотя Палеологам нельзя отказать в дарованиях. Спасти Византию могли лишь коренные реформы социального, государственного и церковного строя, но таковых не было и прежде, когда государство было сильнее. Тяжелое наследие бурного времени Михаила было кое-как ликвидировано, церковные раздоры сглажены, но Византия беднела, хирела, блеск империи поблек в возвращенной столице весьма быстро. Несмотря на относительную безопасность Константинополя в XIV в., несмотря на несомненную духовную работу, о чем речь впереди, процесс упадка Византии развивался неудержимо. Важнее всего было обеднение государства и страны, немедленно отразившееся на состоянии вооруженных сил. С переездом двора в Константинополь, с разорением долины Меандра турками погибло громадное хозяйство никейских царей, покрывавшее чисто государственные расходы. Политические договоры с генуэзцами и венецианцами отдали вывоз и ввоз, отчасти и розничную торговлю, в итальянские руки. Покровительство туземной торговле и местной промышленности было забыто.

Непосредственные торговые сношения итальянцев с Трапезунтом, генуэзскою Кафою в Крыму, с Сирией, Кипром и Египтом погубили былое значение Константинополя как складочного и распределительного центра, регулятора цен на Леванте. Потомки богатого, именитого греческого купечества обратились в мелочных торговцев и не могли подняться: перед личной инициативой вставала стена итальянского засилья и оскудения местных рынков. Туземные ремесла и художества в XIV в. оживились в сравнении с XIII в., но многие производства замерли совсем (перегородчатая эмаль, отдельные категории мануфактур), и веками созданные навыки были утрачены.

Разорение малоазиатского крестьянства и служилого сословия началось после Ласкарей при Михаиле Палеологе и развивалось неуклонно благодаря турецким набегам и царским сборщикам податей. Об облегчении крестьянского и мелкого землевладения, о реформах социального строя не помышляли при новой династии, вышедшей из рядов служилых властелей. Несмотря на казни и ссылки за последние годы Михаила, при его преемниках и двор и патриарший престол были едва ли не игрушкою в руках столичных аристократических партий. Столица заслонила собою провинцию, как было при Ангелах; вопросы церкви и отвлеченной духовной жизни отодвинули на второй план интересы обороны и реальной жизни страны.

24-летний Андроник, еще при жизни отца носивший корону царя-соправителя, был приучен к делам правления, но, чувствуя над собою тяжелую

руку отца, умел скрывать свои мысли. Первые его шаги — открытый разрыв с политикой Михаила, продолжать которую Андронику было не по плечу. Воином он не был, с походом против сельджуков у него связаны были горькие воспоминания. Реакция против унии и облегчение военных расходов обещали ему популярность. Как истый византиец, Андроник действовал весьма осторожно внутри столицы, которой он боялся, и весьма опрометчиво и резко — на рубежах страны, которыми он недостаточно дорожил. Он распустил победоносный флот, созданный тяжкими усилиями Михаила, наемников-турок он послал грабить в Сербию, чтобы не тратиться на их содержание.

Столичного населения Андроник опасался настолько, что даже не повез в Константинополь тело отца; смерть его скрывал от матери до своего приезда. Патриарх Векк рассчитывал даже на благоволение нового монарха, не раз писавшего папе, при жизни отца, о своей преданности римскому престолу. Он горько ошибался. Уния перестала быть политически нужной с крушением могущества Карла Анжуйского. Против нее было громадное большинство населения: и многочисленные среди масс сторонники еще при Михаиле скончавшегося патриарха Арсения, враждебные не только латинству, но отчасти и Палеологам; и сильная среди духовенства, более умеренная партия патриарха Иосифа, вытесненного Векком с патриаршего престола.

Близко знакомый с делами историк Пахимер рисует неискренность, даже фальшь первых шагов Андроника, но в них видна слабость сына сильного отца, игрушка в руках общей реакции против ненавистной народу политики Михаила VIII. Руководителями Андроника оказались тетка Евлогия — та самая властолюбивая сестра Михаила, которая хотела быть на первых порах нимфою Эгерией своего брата, но стала во главе его внутренних врагов, эмигрантка, призывавшая египетского султана против брата и на помощь православию; и рядом с Евлогией — логофет Феодор Музалон из той знаменитой семьи, которая была вознесена на высоту могущества Феодором Ласкарем и жестоко пострадала от Михаила Палеолога, и лично этот представитель аристократической оппозиции подвергся истязанию при Михаиле за отказ ехать к папе.*

При таких советниках резкая реакция не замедлила сказаться и при дворе, несмотря на всю осторожность Андроника. О Михаиле говорили как о еретике. Евлогия запретила молиться о нем его вдове, царице Феодоре, и та обратилась за разрешением к патриарху, притом не к Векку, но к прежнему — Иосифу, жившему пока на покое. Двор игнорировал Векка. На Рождество отменили богослужения во дворце и в св. Софии, чтобы не

* От одной из представительниц этого рода дошла вислая печать с надписью «княгиня (ἀρχοντίσσα) России». Очевидно, она была выдана за одного из русских князей.

поминать Векка. Духовенство открыто требовало заменить Векка Иосифом, проклясть унию, наложить запрещение на униатский клир св. Софии, освятить вновь храмы, оскверненные униатами. Выдвинулись изувеченные Михаилом защитники православия, монахи Галактион и Лазарь, назвавший Михаила в лицо вторым Юлианом. Андроник не решился насильственно удалить Векка и советовал ему уйти. Прямодушный Векк не стал дожидаться и удалился в столичный монастырь Панахранты. Полумертвого от болезни Иосифа с торжеством возвратили на патриарший престол. Слепой Галактион окропил св. водою все углы и самые иконы в Софии среди ликования народа. Начались преследования униатов, но в мягких формах. Так, архидиаконам Мелитиниоту и Метохиту, ездившим к папе, запретили служение навсегда, а клиру св. Софии — на несколько недель.

Созвали собор для суда над Векком. Он подписал отречение от патриаршества и был сослан в Бруссу. За смертью Иосифа был поставлен в патриархи ученый Григорий Кипрский * (1283 г.), посвященный заведомо православными архиереями, прибывшими из западной Греции. В нем надеялись найти противовес Векку и ученым униатам, но Григорий не оправдал надежд. Церковные раздоры при нем не улеглись. Арсениты продолжали волноваться, несмотря на смерть Арсения (1273 г.), и лишь отчасти были удовлетворены торжественным перенесением останков Арсения в столицу, после того как церковный собор в Адрамиттии под председательством царя постановил сжечь полемические сочинения арсенитов и иосифлян, чтобы примирить эти православные партии. Еще труднее была борьба с униатами. Патриарх Григорий сам не был свободен от унии в прошлом, уступал Векку в полемическом таланте и в обличительном «томе» против последнего, написанном по поручению царя и синода, допустил и личные выпады против Векка, и изложение учения Дамаскина по Векку. Тот не остался в долгу и изобличил «прожорливого кита, восставшего от Кипра», в том, что он лишь перефразировал векково изложение Дамаскина. Кто кого отлучает от церкви? — писал Векк в своей «энциклике». «Кровных ее детей отлучает незаконнорожденный пришлец, едва ли не латинского происхождения». Хотя «том» был прочтен в церкви и подписан царем, оказалось нужным его переделать. Авторитет Григория упал. Положение стало невозможным, и он удалился в монастырь (1289 г.).

Неудачи ученых вызвали реакцию против ученого духовенства, возвращение к аскетическим заветам Арсения. На патриарший престол был вызван провинциальный монах Афанасий, встреченный ученым духовенством враждебно и со страхом. Афанасий и в столице вел жизнь аскета, спал на голой земле. Ученым клирикам пришлось плохо. Многих Афанасий изгнал из столицы за распущенную жизнь. Провинциальных архиереев,

* Патриарх Григорий II *(Ред.)*.

проживавших в столице, патриарх отправил в их епархии, оставшиеся без призора. Афанасий отзывался о них как об умеющих лишь доить свою паству. Монахов, особенно ходивших по богатым домам, Афанасий заставил вести строгую жизнь. Законопреступников всякого ранга он обличал резко; даже царские сыновья боялись патриарха более, чем отца. Храмы он очистил от «приходящих на хоры и помышлявших не о молитве, но о распутстве». Афанасий для всех стал слишком тяжел, поднялся общий ропот. Тогда Афанасий написал отлучение от церкви царской семьи, духовенства и всей своей паствы, спрятал эту грамоту в св. Софии и, таким образом отведя свою душу, удалился в монастырь. Его место занял простой священник из Созополя, принявший имя Иоанна, отличавшийся ревностью о вере и кротостью; но и он должен был итти по тому же пути, как Афанасий, на него жаловались и белое духовенство и архиереи за пристрастие к монахам и за самовластие, наконец он раздражил и царя, не благословив политического брака его малолетней дочери с престарелым сербским королем. После 9 лет патриаршества Иоанн уступил престол призванному вторично Афанасию (1303 г.). Последний нисколько не смягчился и поступал еще круче. У клира св. Софии он отнял доходы, замучил их службами, повсюду назначал монахов. По его настоянию царь издал указ о соблюдении праздничных дней в отдыхе и молитве, без пиршеств и пьянства; кабаки и бани должны закрываться с субботы и вообще с заходом солнца; монахов, не соблюдавших устава, сажать на хлеб и на воду. Веселые константинопольцы не мирились с этим, а из монахов многие убежали даже к латинским «фрерам» в Галату, где жилось лучше. Требовал Афанасий и «уничтожить» в христианских городах всех евреев, магометан и армян. Пришлось Афанасию и вторично уйти на покой. Для константинопольской церкви настали безотрадные времена. 2 года не было патриарха; первый преемник Афанасия, почти неграмотный «негодный» Нифонт, был занят умножением доходов, предпочитал блеск, пышный стол, лошадей, женщин и даже женские рукоделья, был злым сплетником и сдирал с икон оклады из корыстолюбия; он был свергнут с позором. Иоанн Глика (1316—1320 гг.), сановник и писатель, мудро и усердно решал канонические вопросы, но был неизлечимо болен. Герасим и особенно Исайя (1323—1334 гг.) замечательны лишь тем, что изменили дряхлеющему Андронику, приняв участие в политических интригах.

Внешняя политика Андроника в отношении к Западу была бледна и лишена того размаха, который отличал политику его отца Михаила. Притом восстановление Латинской католической империи Константинополю не угрожало, и сам Карл, теперь бессильный, умер (1285 г.). Это позволило Андронику осуществлять крутую реакцию против унии, не считаться с папской курией и в то же время поддерживать с латинскими государствами скорее миролюбивые отношения, достигнув Адриатического моря

со взятием Дураццо (1297 г.). На первых порах продолжались столкновения в западной Греции — так сказать, по инерции — и с греческими, и с латинскими правителями; но, даже имея перевес в силах, Андроник скорее защищал наследие отца, не продолжал его неустанной воинственной политики, имевшей постоянною целью изгнание латинян и славян из империи в ее прежних былых пределах. Не стало планомерности в действиях византийского правительства, постоянным было лишь стремление затратить на внешнюю политику минимум сил и средств. Дело Михаила могло быть завершено при самых благоприятных условиях, однако, оно было заброшено, и тяжкие жертвы предшествующего поколения, восстановившего греческую империю в Константинополе, не принесли плодов. Напрасно было бы винить в этом одного Андроника лично. Он не располагал авторитетом отца, основателя династии. Правил, повидимому, не он, а его двор. Вернее сказать, политические цели Михаила VIII оказались не по плечу империи XIV в., снова, как при Ангелах, попавшей в руки аристократических партий, бюрократии и столичного населения. Благоприятный момент был упущен, уступающий всегда теряет, и последствием отказа от агрессивной политики явилось наступление молодых национальных государств — сербов на Балканах и османов в Малой Азии.

Смена императоров и политики сказалась прежде всего в западной Греции. Старый деспот Иоанн Фессалийский, главный враг Палеологов, поднял голову и послал сына Михаила добывать Салоники. Стоявшая в Македонии византийская армия под начальством Тарханиота должна была отразить нападение, но Тарханиот умер, и турки разбежались. Пришло на помощь Андронику старое соперничество эпирского деспота Никифора, зазвавшего Михаила к себе на свадьбу и предательски выдавшего его Андронику. Деспот Иоанн отомстил за сына, прогнав Никифора в Италию. Чтобы закрепить Салоники за собою, Андроник женился на дочери Монферратского маркиза Иоланте, по смерти первой жены Анны Венгерской, оставившей Андронику двух сыновей, Михаила и Константина. Иоланта принесла в приданое фамильные права на Салоники и получила взамен огромные земли в Македонии. Борьба из-за западной Греции затихла на время. Брат и преемник Карла Анжуйского Карл II Салернский лишь в 1288 г. вырвался из арагонского плена — и то Сицилии не получил. Ненавидевшее французов население острова призвало сына Петра Арагонского, Фредерика, с грозной дружиной арагонских или каталонских наемников. При таких обстоятельствах Карл думал лишь о том, как закрепить за собою свои владения в Греции. Он выдал Изабеллу, дочь последнего Вилльгардуэна, за Флорентия Авен (вторым браком) и назначил его правителем Ахейского княжества. Флорентий немедленно заключил мир со стратигом Мистры, и Андроник поспешил утвердить этот мир (1289 г.). Для многострадального Пелопоннеса настало время мирного преуспевания.

хотя временами случались столкновения, например, уцелевшие в ущельях Тайгета славяне передались Андронику, тяготясь феодальным гнетом баронов (1293 г.).

В намерения Андроника входило, вообще, переменить отношение к дому Анжу, перенесшему свою державу из Сицилии в Неаполь. С 1288 г. Андроник хлопочет о браке своего старшего сына Михаила с Екатериной Куртенэ, наследницею прав Балдуина II, носившей титул императрицы Константинополя. Этот брак должен был закрепить «вечный мир» между Палеологами и Анжуйским домом. Переговоры тянулись 8 лет и, несмотря на сочувствие папы Николая IV, не привели к благополучному концу. Нельзя было сломить французскую гордость дворов Валуа и Анжу. Для них этот брак означал отказ от возрождения «Новой Франции» на Востоке. Филипп Красивый вызвал Екатерину к себе в Париж. Все крупные планы того времени разрабатывались годами и не приводили ни к чему. Пропасть между сторонами была глубока, и ни решимости, ни сил не хватало.

Сближение с Западом не удалось. И сам Андроник настолько был связан в своих действиях, что не решался писать папе по поводу брака, так как пришлось бы титуловать его святейшим, а это означало бы измену православию. Почва была не для мира, но для вражды. Положение оставалось то же, что при Михаиле, но опасность была менее велика, и в унии не было никакой нужды. Началась — или, вернее, продолжалась — полоса французских проектов против греческого Константинополя на протяжении всего многолетнего царствования Андроника. Ни один из этих планов не перешел в реальную опасность, и ни разу Андронику не пришлось дрожать за свой трон, как его более энергичному отцу.

Новый папа Бонифаций VIII был предан идее восстановления Латинской империи в Константинополе. Он и составил план выдать Екатерину за Фредерика Арагонского, правителя Сицилии. Фредерик должен был выступить претендентом на Константинополь при поддержке арагонских и анжуйских сил; помощь Карла Неаполитанского покупалась уступкою Сицилии. Этот план разбился о сопротивление сицилийцев и самого Фредерика, который предпочел короноваться короною Сицилии. И французский король предпочитал закрепить права на Константинополь за своим домом.

Появился другой политический проект. Французский двор, уже тогда самый блестящий и гордый в Европе, носился с планами подчинить себе не только Италию и Сицилию, но и всю Европу. Придворный писатель Дюбуа разрабатывал планы французской империи в Европе с вассальной (французской же) империей в Константинополе. Брат короля Филиппа Карл Валуа должен был повести большое войско в Италию, завоевать Сицилию и, получив руку Екатерины Куртенэ, «императрицы константинопольской», добывать себе державу Палеолога. Накопившиеся во Франции

силы искали себе исхода, и начиналось время бурных вторжений французов в Италию. Папа Бонифаций VIII стал жарким сторонником этого плана, вразрез с традициями курии, не допускавшими рядом с собою сильной светской власти. Брак Карла с Екатериной состоялся (1301 г.). Валуа был признан в качестве законного претендента на Константинополь. Но Карл Валуа, будучи лишен предприимчивости, ничего не сделал в Италии и даже после неуспешной войны заключил с Фредериком, против которого он был послан, мирный договор, признав за ним Сицилию и выдав за него дочь, и вернулся к французскому двору (1302 г.).

Политические силы романской Европы, которые могли бы организовать поход на Константинополь, впредь уже не могли столковаться между собою. Папа Бонифаций умер, как известно, в жестокой ссоре с французским двором, и его преемники, переселенные в Авиньон, стали орудиями Франции в вопросах восточной политики. Рядом с Анжуйским домом в Неаполе утвердился в Сицилии арагонский дом, оба королевства враждовали между собою и задавались самостоятельными планами в отношении к Византии.

Годами тянулись подготовления к походу Карла Валуа на Константинополь. Сама Франция почти не помогала. Папа Климент V подтвердил отлучение Андроника от церкви (1307 г.), призывал к новому крестовому походу, изыскивал денежные средства. Явились новые союзники: Венеция (договор 1306 г.) и сербский король Милутин (союз 1308 г.), но они преследовали собственные цели. Сильный и более или менее однородный блок романских стран не был достигнут. К несчастью для французского претендента, Неаполитанское королевство выставило собственного кандидата в лице Филиппа Тарентского. Его брат, король Карл II Неаполитанский, переуступил Филиппу все свои права на Ахейское княжество, на Эпир, на сюзеренитет над всей латинской Романией, и в 1205 г. Филипп утвердился на побережье Этолии через брак с Тамарой, дочерью эпирского деспота Никифора. Эпирский двор напрасно искал сближения с Константинополем, напрасно предал сына фессалийского деспота и сватал красивую Тамару; занятие войсками Андроника Дураццо в 1291 г. заставило деспота Никифора и его умную и энергичную жену Анну сблизиться с домом Анжу. Ближайшей целью Филиппа было Дураццо, отнятое в 1296 г. сербами у византийцев, и в 1305 г. католики-албанцы предали Филиппу этот главный порт Албании. Деятельный Филипп воевал со своей тещей Анной, деспиной эпирской, вмешивался в дела Ахейского княжества и рассчитывал на денежную субсидию от папы как компенсацию за сочувствие Карлу Валуа. Но в Эпире его постигла неудача.

Таким образом дом Анжу вел на Востоке собственную политику. Карлу Валуа нужно было искать иных союзников. Он и папа обратились к королю Сицилии, который по договору 1302 г. обязался помогать Карлу Валуа.

С него теперь требовали, чтобы он привлек на службу Карла действовавшую на Востоке каталанскую дружину. Но арагонский дом как в Сицилии, так и в Испании хотел использовать дружину для себя, надеясь при ее помощи захватить Константинополь. Сицилийский король Фредерик не скрывал этих планов от папы, покровителя французского претендента. Посланный им инфант Фердинанд не только не смог убедить каталанскую дружину стать на службу их королевского дома, но и сам попал в плен к французскому адмиралу, который командовал союзной венецианской эскадрой, и был отослан в Неаполь. Сепуа убедил дружину стать под знамена французского претендента (1308 г.).

Казалось, Карл Валуа был близок к цели. С ним были папа, Венеция, Сербия, каталанская дружина; он являлся французским кандидатом на германский императорский престол и мог рассчитывать на Венгрию, которой правил король из его родни.

Среди греков Македонии и Малой Азии началось брожение в пользу французского претендента, который мог бы защитить и от сербов и особенно от турок. Об этом сохранились документальные свидетельства в западных архивах. В 1306 г. к Валуа явился брат салоникского губернатора Иоанна Мономаха от имени греков, готовых признать его власть; в 1308 г. ему писал из Малой Азии губернатор Сард Константин Дука Лимпидари, ручаясь за помощь всех живущих в Константинополе малоазиатских греков, недовольных Палеологом. Карл рассылал щедрые дары византийским архонтам. В 1309 г. в Париже проживал адрианопольский митрополит Феоктист. При французском дворе носились более, чем когда-либо, с греческим проектом и рекомендовали изучать греческий язык.

Но широко задуманный французский проект — плод дипломатических придворных канцелярий — не имел под собою достаточной реальной почвы. По крайней мере он вскоре лопнул, как мыльный пузырь. Ни немецкие князья, ни даже авиньонский папа не согласились возвести Валуа на германский трон, и каталаны оказались авантюристами-грабителями, не способными на великое дело. Адмирал Сепуа бросил их и вернулся во Францию. Венеция, убедившись в слабости и нерешительности французского претендента, предпочла заключить с Византией перемирие на 12 лет (1310 г.) и навсегда уже отказалась от планов восстановить в Константинополе Латинскую империю. Они принесли ей только крупные потери.

Франция от них не отказалась, но перенесла свою поддержку, вместо Карла Валуа, на вышеупомянутого Филиппа Тарентского из дома Анжу. Он знал греков и умел действовать на свой страх. Сам Карл Валуа передал Филиппу вместе с рукою дочери свои права на Константинополь, основанные на браке с Екатериной Куртенэ. Французский король передал Филиппу особой грамотой все «negotium Constantinopolitanum» (1313 г.), обещал отряд войска и обязал своего вассала Людовика Бургундского,

ставшего князем Ахеи, оказать Филиппу помощь людьми. Папа предоставил Филиппу церковную десятину с Неаполя, Сардинии, Корсики и латинской Греции, солдатам Филиппа папа даровал отпущение грехов. Цели у Филиппа были не туманные и пышные, но определенные и реальные — оборона интересов Анжуйского дома и всего латинства от греков византийских и эпирских, от разбойников-каталанов, захвативших Афины и вступивших в союз с турками. От Дураццо до конца Мореи наступали враги латинства.

Но поход Филиппа также долгие годы не мог осуществиться, хотя и сербский король Стефан Урош, сын Милутина, предлагал помощь и сватался за дочь Филиппа. Только в 1325 г. состоялся поход Иоанна Гравины, брата Филиппа, направленный на Эпир. Часть Эпира была завоевана у греков. В 1331 г. Вальтер Бриень с анжуйскими войсками занял Арту, и деспот Иоанн принес ленную присягу. Тем и закончилось анжуйское вторжение на греческую землю, хотя и Филипп носился с «константинопольским делом» и даже пообещал хиосскому князю Мартину Цаккариа сделать его деспотом Малой Азии и ближних островов. Филипп использовал для утверждения своей личной власти в западной Греции, для реальных целей Анжуйского дома поддержку Франции и папы, данную во имя освобождения св. Земли, которой последняя пядь, крепость Акра, попала в руки неверных в 1291 г.; Константинополь попрежнему рассматривался как база, необходимая для достижения этой идеальной цели. Никогда, кажется, не говорили о ней так много и откровенно, как на рубеже XIV в., когда ее достигнуть было слишком поздно. Парижский двор и авиньонская курия не могли отказаться от некоторых задач западного христианства. Идея крестового похода чрезвычайно волновала просвещенную Европу. Ряд докладных записок, проектов и мемуаров о завоевании св. Земли был составлен за эти годы монархами, политическими деятелями, муниципалитетами, миссионерами и частными людьми. Рассматривая свой тезис с политической, коммерческой и особенно религиозной точек зрения, авторы сходились в том, что завоевание Константинополя является необходимым преддверием к великому «passagium» в св. Землю. Преемники Филиппа Красивого, Филипп V и Карл, снаряжали даже небольшие эскадры для похода на Константинополь (1318 и 1323 гг.); знатный граф Клермонский получил на это предприятие королевскую привилегию. Эскадры эти в поход не двинулись, но трон старого Андроника колебался вследствие междоусобиц внутри империи. Повторилась приблизительно та политическая обстановка, то западное давление, с которыми всю жизнь должен был считаться Михаил VIII.

И Андроник, свыше 30 лет не считавшийся с папством, теперь пошел по следам отца. Он отправил в Авиньон и в Париж для переговоров об унии миссию, состоявшую, однако, не из православных, но из католи-

ческих монахов во главе с епископом крымской Кафы. Шаги Андроника встретили сочувствие близких к Леванту деятелей. Политический писатель, венецианец Санудо, состоявший в переписке с греческим двором, развил успешную агитацию в пользу соглашения с Греческой империей. Французский двор потребовал от Андроника участия в крестовом походе и территориальных компенсаций в пользу претендента Карла Валуа. Санудо советовал уступить, и Андроник писал королю Франции о своем желании жить с ним в мире (1326 г.). Сомнительно, впрочем, чтобы Андроник серьезно был готов принять унию. Карл IV послал в Константинополь доминиканца Бенедикта, который должен был внушить Андронику, что ему необходимо осуществить церковный и политический мир с Западом и удовлетворить земельными уступками различных латинских претендентов. Как широко понимались претензии последних, можно судить по тому, что граф Клермонский покушался на Салоники. Французский король не договаривался, но требовал, а византийским сановникам прямо приказывал в своих письмах; и не только французская надменность, но и слабость византийского двора готовили грекам тяжкое унижение. Папа поручил Бенедикту привести схизматиков к вере римской церкви; неаполитанскому королю и Филиппу Тарентскому было предоставлено дать Бенедикту политические детальные инструкции, в которых определить свои требования именем папы и Франции.

Сама крайняя слабость Андроника выручила на этот раз империю. Гражданская война с внуком Андроником Младшим настолько потрясла его трон, что он не мог дать против себя оружие православному народу, в чем и сознался французскому королю и папе (Иоанну XXII). Переговоры были прерваны, и к счастью для Византии, так как ни папа, ни Франция не смогли осуществить похода на Восток.

Широкие планы европейской политики гибли безрезультатно; в них была замешана Венеция, политика которой за время Андроника утратила и постоянство, и ясное понимание реальных выгод. Она была выбита из колеи планомерной деятельностью генуэзцев; представитель Венеции в Константинополе носил лишь титул bailo и был поставлен гораздо ниже представителя Генуи; их купцы и ремесленники терпели всякие притеснения. Последние опирались на привилегии, дарованные им правительством первого Палеолога, и, оставаясь верными новой греческой династии, оказывая ей существенные услуги, извлекали все выгоды и упрочили свое положение. Примером является генуэзская фамилия Цаккариа, нажившая громадные богатства на квасцовых рудниках в Старой Фокее, у входа в Смирнский залив, предоставленных ей Михаилом VIII в исключительное пользование; эта фамилия выставила несколько дипломатов, работавших на пользу Палеологов при дворе арагонского короля. Богатства принесли с собою политическую власть, один из Цаккариа захватил Хиос, его пре-

емник получил от Филиппа Тарентского титул «короля и деспота Малой Азии», и с ним пришлось считаться третьему Палеологу. Генуэзцы захватили всю торговлю с Черным морем, где центром их была богатая Кафа в Крыму, с малоазиатскими островами, наиболее богатыми, наконец с Салониками и южной Македонией. На этих рынках греческого востока они вытеснили венецианцев, которые, наоборот, подчинили своей торговле Евбею и Морею. Пиратские столкновения между венецианцами и генуэзцами не прекращались; о них дошли протоколы в венецианских архивах; торговля страдала тем более, что благодаря соперничеству европейских морских держав у прибрежных турок вырос свой пиратский флот и эмиры Ментеше и Айдина оказались в состоянии выставлять целые эскадры с экипажами из покоренных ими туземцев. Взятие Акры египтянами и утрата сирийских рынков латинянами обострили соперничество Генуи и Венеции в Константинополе и на греческих водах. Последняя, заключив договор с Византией (1285 г.), начала с Генуей продолжительную войну (1294—1299 гг.). Генуэзцы, усилившись благодаря демократическим реформам и богатой торговле с Черноморьем, разбили венецианский флот при Лайаццо, взяли Канею на Крите, напали на Модон в Морее. Венецианский адмирал Морозини отомстил, ворвавшись в Босфор и сжегши генуэзскую Галату, еще не укрепленную. Греки приютили генуэзцев во Влахернском квартале и схватили венецианских купцов, причем подеста Венеции был сброшен генуэзцами с башни. Отступивший Морозини сжег рудники Цаккариа в Фокее. Андроник секвестровал венецианские имущества в столице и потребовал от Венеции возмещения убытков за сожженную Галату. Генуэзцы перенесли войну в самое Адриатическое море и разбили венецианский флот. Республика св. Марка предпочла заключить с Генуей сепаратный мир на условиях status quo, но ее колонии в Византийской империи понесли непоправимый ущерб. С Византией Венеция продолжала войну, и в 1301 г. венецианский флот разграбил окрестности Константинополя, особенно Принцевы острова, захватил Санторин и несколько других островов Архипелага. У Андроника не было флота, и он был вынужден заключить мир, по которому обещал вознаградить убытки венецианских купцов в Константинополе. Все-таки Венеция не вернула себе положения, которое она занимала в Константинополе до Палеологов, а поэтому упорно поддерживала все планы Валуа и Анжу о восстановлении Латинской империи. Генуэзцы, наоборот, оставались верными Палеологам, богатели, упрочили свои привилегии и на глазах столичного населения выросли в местную политическую силу. С начала XIV в. они добились разрешения укрепить Галату (тогда называвшуюся Перой или Другой Стороной), их квартал на северной стороне Золотого Рога, куда они были переселены Михаилом Палеологом. Стены существовали и в прежних итальянских кварталах внутри столицы, но никогда еще не вырастал рядом с греческим Констан-

тинополем и за его стенами укрепленный иностранный город со вполне итальянским обличьем. И он имел свою богатую историю в XIV—XVI вв., отчасти уцелел до сих пор. После сожжения генуэзской Перы венецианским флотом Морозини (1296 г.) цветущая и богатая колония генуэзцев за несколько лет вновь покрыла свой участок богатыми многоэтажными каменными домами с толстыми стенами, узкими окнами, перекрытыми круглыми арками, с железными дверьми и решетками на окнах, с крытыми балконами, выдающимися на улицу; у подошвы холма стоял (отчасти сохранившийся) дворец генуэзского подеста, крепкое здание из тесаного камня; берег вновь покрылся амбарами и тавернами. Узкие улицы карабкались на крутую скалу. В 1303 г. Андроник подтвердил за генуэзцами и увеличил их город, разрешив укрепить его кругом сплошною стеною с башнями, бойницами и рвом, перед которым была оставлена незастроенная полоса. Остатки генуэзских стен Галаты, бывшие значительными еще в середине XIX в., ныне открыты взору лишь в квартале Араб Джами (ворота и кусок стены). Нынешняя Галатская башня, которую посещают путешественники, была отстроена позднее, незадолго до взятия города турками. Около нее спускались в обе стороны стены, на месте нынешних улиц Большого и Малого Рва (Хендек); спуск был короткий и крутой к Золотому Рогу, у Старого Арсенала, и более длинный, с изломом к морю, — у нынешнего главного моста, не доходя на 70 шагов до Греческой башни с цепью, заграждавшей в военное время Золотой Рог. Приморская стена Галаты, самая длинная, имела всего 339 шагов. За стеною на холме, в нынешней Пере, виднелись пашни и виноградники, монастырские подворья; на месте одного из них, в овраге Фундукли, расположены теперь старейшие посольства, австрийское и французское.

Внутри стен жило почти исключительно итальянское население и действовало генуэзское законодательство; с некоторыми добавлениями местного значения оно сохранилось в генуэзских архивах под именем «Большого кодекса Перы». Во главе колонии стоял подеста, или губернатор, назначаемый из Генуи. Его власть распространялась на всех генуэзцев и их колонии в Романии; крымская Кафа имела самостоятельного консула. Подеста присягал греческому императору и был занесен в официальные списки среди первых сановников империи. Он соединял в своих руках административную власть с судебною. Греческие власти не судили генуэзцев, кроме дел об увечьях и убийствах, если потерпел грек и подеста сам не наказал виновного генуэзца; но генуэзцам было предоставлено предъявлять к грекам гражданские иски в греческих судах. При подеста состояли большой и малый советы из 24 и 6 лиц, наполовину из низшего сословия, и кроме того народный представитель (abbate del popolo), как было в Генуе, и, наконец, особая коммерческая палата, стоявшая на страже как беспошлинной генуэзской торговли, так и императорских запретов выво-

зить из империи золото, серебро, а с 1304 г. и хлеб; это учреждение было особенно важно, так как в области таможенных пошлин и коммерческих злоупотреблений рождалось большинство столкновений между греками и генуэзцами. В этих установлениях, охранявших генуэзцев Перы, видны зародыши европейских капитуляций в Турции. Генуэзская Галата, тогдашняя Пера (ныне Перой называется верхний район за стенами Галаты), была католическим городом на территории Константинополя. Лишь три старых греческих церкви оставлены были за православным патриархом. Настоятель католического собора во имя архангела Михаила считался викарием архиепископа Генуи. Наиболее известны приходские церкви: Павла, сохранившаяся до сих пор, и св. Франциска, обращенная турками в мечеть; при ее ремонте после пожара были обнаружены фрески, и романские рельефы из нее хранятся в Оттоманском музее. Католических церквей и монастырей было много в генуэзской Пере; она стала центром католической пропаганды на Востоке, приютом западных миссионеров, из коих многие, находясь в общении с греками, приобрели среди них репутацию учености. Роль генуэзской Галаты в истории восточной церкви еще ждет своего исследователя с православной стороны.

Из всех латинян лишь генуэзцы достигли на Востоке реальных успехов отожествляя свои выгоды с интересами империи Палеологов.

Таков был в общих чертах европейский фон для внешней политики Андроника Палеолога. Он был скорее благоприятен для Византии: без исключительных энергии и жертв, каковых требовало трудное время Михаила, крестоносные проекты при Андронике замирали, не доходя до осуществления.

Но именно благодаря нежеланию нести жертвы империя Андроника не избежала ужасов нашествия западного воинства, и при меньшей организованности европейских держав разыгрались события, обагрившие кровью греческие земли, чего Михаилу удалось избежать как политикой, так громадными жертвами на флот и армию.

В нашествии дезорганизованных латинских банд правительство Андроника было само виновато. Мысль об избавлении от неверных посредством латинского оружия не заглохла в старой Византии. Никея пользовалась западными наемниками, но рассчитывала на национальное войско, которое она сумела организовать. Михаил имел еще это войско, но чем дальше, тем больше стало в нем турецких отрядов; он создал флот, но наполовину латинский. Андроник запустил и то, и другое. Теперь, когда турки захватили владения Византии в Малой Азии, когда корабли эмира Караси доходили до Геллеспонта, правительство Андроника прибегло к традиционному пагубному вызову наемников с Запада, притом из среды, враждебной или по крайней мере независимой по отношению к Франции, папству и Анжуйскому дому. Неясно, насколько помогли

в этом деле латинские советники, но они были. Генуэзцы дали на это дело деньги и свои наемные корабли, а в Константинополе уже в 1290 г. были каталанские консул и купеческая колония; каталанский флаг развевался по Средиземному морю, и в это время был редактирован знаменитый морской устав «Кодекс Барцелоны».

Готовые служить на Востоке воинские силы, независимые от папы и Франции, но втайне и отчасти явно направляемые энергичным Фредериком Сицилийским, были в лице каталанских дружин, приобретших уже громкую известность. В 1292 г. каталанская дружина под начальством де-Лория ограбила побережье Мореи, Ионические и Малоазиатские острова. По объединении Каталонии с Арагонией, по изгнании мавров из Валенсии и Балеарских островов в Испании оказалось многочисленное рыцарство и пехота, выросшие в боях и не находившие себе дела на родине. Долголетние морские войны между Венецией и Генуей на всем пространстве Леванта и Италии развили в неслыханных размерах пиратство, при Михаиле VIII сдерживаемое греческим флотом, который впрочем грабил сам и состоял наполовину из западных пиратов и полугреческих «гасмулов». Купеческие караваны на путях в Египет и Сирию питали пиратов своею кровью. Из испанских искателей славы и добычи и из морских пиратов составились каталанские дружины наемников, служивших первоначально арагонскому дому в его предприятиях в Сицилии, привыкших жить жалованьем и грабежом. Среди них были знатные и богатые вожди, мелкое рыцарство; далее, основное ядро — альмугавары, или испанская пехота, сражавшаяся в сомкнутом строю и не знавшая себе равной в Европе; легкая пехота — адалилы («проводники»); наконец, их флот, экипажи которого возили с собою жен и детей. К испанскому ядру примкнули международные искатели славы и добычи, разбойники и пираты. Среди вождей этого испанского казачества выдавался «брат Рожер», сын немецкого выходца, служившего Гогенштауфенам; свою фамилию Блюм он перевел по-испански де-Флор. Бессердечный пират с ранней юности, воспитанник тамплиеров, крайне честолюбивый и предприимчивый, Рожер составил себе большую дружину, имел свои корабли и оказал Фредерику Арагонскому большие услуги против французов. Папа требовал его выдачи; но при сицилийском дворе он стал своим человеком. Сподвижник и поклонник Рожера Мунтанер оставил историю его сказочных успехов. Ему Мунтанер приписывает инициативу похода на Романию, на греческий Восток.

Рожер де-Флор, видя, что в Сицилии, за примирением с Карлом Валуа, ему делать нечего, но каждый из его людей «хочет пить и есть», послал с ведома Фредерика Арагонского посольство к императору Андронику, извещая о желании перейти к нему на службу против турок. Рожер был известен греческому двору, оказал некогда услуги греческому флоту и бегло

говорил по-гречески. «Кир Андроник» и его сын, соправитель «кир Михаил», были рады и соглашались на условия Рожера: рука племянницы императора, дочери Иоанна Асеня III Болгарского, звание мегадука, или командира флота, большое жалованье рыцарям, пехоте и экипажам кораблей (1302 г.). У византийского правительства не было иного выхода. В 1302 г. храбрый, но неопытный царь Михаил выступил в Магнисию против турок. Лучшую часть его большой армии составляли 16 000 аланов, перешедших на царскую службу из Болгарии, прежде служивших Ногаю. Поход окончился малодушным отступлением, и сам Михаил бежал в Пергам, оставив свое войско. Авторитет константинопольского правительства упал совершенно. Орды эмиров Караси, Саруханa, Айдина бродили по стране, и греки отсиживались в крепостях. Не только побережье, но и острова от Родоса и Карнафа до Хиоса и самого Тенедоса у Дарданелл увидели турецкие корабли. Греки отказывались итти под царские знамена и утратили воинскую доблесть, «обабились», по выражению Пахимера. Турки же не только грабили, но и оседали прочно в селах, покинутых греками. Одновременно (1302 г.) Осман разбил греков под Никомидией и захватил область по Сангарию; жители азиатских пригородов спасались на фракийский берег, и в столицу прекратился подвоз жизненных припасов.

Собралось и выехало с Рожером 1500 рыцарей и конных, 4000 альмугаваров и 1000 легкой пехоты, не считая флота и семейств. Часть людей и судов составляли личную дружину Рожера, но большинство имело своих вождей, притом знатных испанцев, между ними выдавался Хименес; дружины Эстенца и Рокафорте выехали позже. Несомненно, король Сицилии Фредерик Арагонский имел свои виды на Востоке, снабжая экспедицию кораблями и припасами из последних средств, как некогда скандинавские герцоги и короли снаряжали дружины варягов. Экспедиция была национальным испанским делом, ее нельзя считать чисто разбойничьей авантюрой. В бою альмугавары кричали «Арагон!» и развертывали знамена с гербами арагонского короля и короля Сицилии из арагонского дома.

Императоры Андроник и Михаил, особенно второй, были испуганы численностью каталанов, угрожавшей безопасности империи, лишенной своего флота, и особенно царской казне. Андроник поспешил выдать каталанам жалованье вперед и торжественно справил свадьбу нового великого дуки Рожера. Генуэзцы опасались за свои привилегии, требовали с каталанов уплаты долга, и немедленно начались на улицах столицы кровавые столкновения между генуэзцами и каталанами. Под стенами Влахернского дворца имело место большое кровопролитие, императору с трудом удалось удержать каталанов от разгрома генуэзской Галаты. Андроник поспешил послать альмугаваров против турок, подступивших к Кизикскому полуострову. Каталаны высадились в Артаки и показали себя, перебив

5-тысячную турецкую орду с женами и детьми свыше 10-летнего возраста. Гордые испанцы принесли добычу в дар членам императорской семьи; но царь Михаил не мог, по словам Мунтанера, забыть, что он сам дважды отступил перед этими самыми турками, несмотря на свое большое войско. «Кир Михаил был одним из храбрых рыцарей на свете, но бог покарал греков так, что их может смутить всякий. У них два определенных греха: во-первых, они самые надменные люди в свете и всех считают ни во что, хотя сами не стоят ровно ничего. Во-вторых, они менее кого-либо в свете имеют жалость к ближнему. В бытность нашу в Константинополе греческие беглецы из Азии валялись на навозе и вопили от голода, однако не нашлось никого из греков, кто дал бы им что-либо бога ради, хотя в городе было изобилие всяких припасов. Только альмугавары, тронутые большою жалостью, делились с беглецами своею пищею. Потому больше двух тысяч нищих греков, ограбленных турками, следовали за альмугаварами повсюду... Ясно, что бог отнял у греков всякий рассудок».

Перезимовали в Артаки, а флот отправили на Хиос. Альмугавары жили роскошно и населению за все платили по счетам, к чему Рожер принял меры. Так передает историк Мунтанер; а по Пахимеру альмугавары, как древние авары, нещадно грабили население, поощряемые Рожером; даже их вождь Хименес не стерпел насилий и уехал на родину. Часть альмугаваров отправилась на службу к афинскому герцогу. Царь же Андроник им жалованье выдавал и выдавал, опустошая свою казну. За одну зиму содержание альмугаваров стоило 100 000 унций золота, а Рожер, щедрый на счет царской казны, выдал им еще за 4 месяца; получил деньги и для наемников-аланов и обсчитал их, обогащая своих; сына вождя аланов каталаны убили в ссоре. Царь Андроник, получая известия о грабежах каталанов, лишь молился с патриархом целыми ночами . В мае Рожер, наконец, выступил в поход против турок, осаждавших Филадельфию, имея под своим начальством каталанов, аланов и греков. Он бил турок при каждой встрече: под Гермой, при Авлаке, где из 20 000 турок Алисура спаслось лишь 1500, освободил Филадельфию; но, вместо дальнейшего движения на Траллы и Триполи, Рожер повернул на запад, на древнюю резиденцию Ласкарей Нимфей, Магнисию, Эфес, в Анию, под которой разбил 18 000 турок племен Сарухан и Айдин; затем во главе своего флота Рожер отправился на острова Хиос, Митилену, Лимнос, разграбил венецианский Кеос.

Турки дрожали при одном имени каталанов; но недолго ликовали и греки. Хотя Рожер, по известию Мунтанера, поддерживал в войсках суровую дисциплину и вешал за ослушание и насилия, его рука была тяжела и для греков, из которых многие, среди анархии последних лет, поддались туркам. Константинопольское правительство Палеологов никогда

не пользовалось симпатиями населения бывшего царства Ласкарей и не дало последнему ни защиты, ни хорошего управления. Рожер прощал народу, но казнил виновных архонтов и властелей, восстановив власть константинопольского правительства. Для содержания армии в походе, для создания складов и запасов он облагал тяжелыми поборами властелей и богатых, а также монастыри, — элементы, уклонявшиеся от общественных тягот, и взыскивал с них, прибегая к мучениям и пыткам. Так было и на материке, и на богатых островах. В крепости Магнисии, где Рожер по примеру никейских царей хранил военную казну и припасы, греки с архонтом Атталиотой во главе перебили каталанский гарнизон, захватили казну и за крепкими стенами города отбились от подоспевшего Рожера. В Магнисии была жива память о Ласкарях, и горожанам являлось видение — царь Иоанн Милостивый (Ватаци), по ночам ходивший по стенам и охранявший свой любимый город.

«Великий дука» Рожер и каталанские дружины сделали свое дело. Если и преувеличено известие Григоры, будто турки не переступали границ Ромэйской империи, то они всюду были биты в открытом поле; богатая долина Меандра и прибрежные области были очищены от турок и получили каталанские гарнизоны. Дальнейшее пребывание Рожера в Малой Азии показалось опасным константинопольскому правительству. Рожер мог упрочиться в стране и захватить ее для себя во славу арагонского дома. В отношении царства Ласкарей Палеологи были крайне подозрительны и имели на то основание. Под предлогом отражения болгар Рожер был отозван на полуостров Галлиполи, и это положило конец его службе константинопольскому двору, впрочем не сразу. Рожер требует от императора 300 000 золотых, недоданных его войскам. Положение царского казначейства было отчаянное. Пришлось не только сократить жалованье гвардии и войскам, защищавшим западные провинции, не только плавить на монету драгоценные сосуды, но понизить самую ценность монеты. Еще со времен Иоанна Дуки золотая номисма содержала лишь половину золота. При Михаиле Палеологе, вследствие расходов на наемников и на субсидии иностранцам, на 24 части общего веса клали лишь 9, потом 10 частей чистого золота. Теперь Андроник решил убавить процент золота наполовину, так что на 24 доли общего веса оказалось лишь 5 долей золота. Произошло потрясение всей экономической жизни, и никто не хотел брать обесцененную монету, и менее других каталаны ценили эти новые «винтильоны», не принимаемые их греческими поставщиками и населением. Альмугавары сочли себя обманутыми греческим правительством, которое они спасли от турок. Лето 1304 г. прошло вместо похода в пререканиях. Осенью прибыла новая дружина рыцарей и альмугаваров Беренгария д'Эстенца. Рожер потребовал для него титула великого дуки во внимание к его знатному

роду и жалованья для его дружины. Положение обострилось. Собрав придворных и синклит, Андроник жаловался на каталанов и оправдывал себя: он приглашал на службу лишь 1500 каталанов, как видно из его хрисовулов; тем не менее его царская щедрость к каталанам не имела границ, и он давал Рожеру деньги целыми мешками, вполне доверяя последнему; но каталаны лишь проживали в Кизике, и об их грабежах вопило население громким голосом; особенно непростительно нападение каталанов на греков в Магнисии, хотя он, царь, не отрицает заслуг каталанов и освобождения ими Филадельфии. Истощив казну на содержание каталанов, он больше не нуждается в их службе, о чем Рожер обязан их предупредить. Генуэзцы предложили свою помощь против ненавистных им каталанов. Тем не менее, обе стороны опасались открытого разрыва. Рожер понимал, что его положение среди каталанов основано на его связях с греческим двором; Андроник узнал, что Рожер укрепляет Галлиполи, собирает провиант и готов поднять против Константинополя свое страшное оружие. Был выработан компромисс.

Рожер умерил денежные требования и подтвердил готовность итти на болгар под знаменами молодого царя Михаила. За то Эстенца получил звание великого дуки, притом из рук Рожера в присутствии царя; церемония носила характер латинской инвеституры. Еще более раздражило греков, что Эстенца долго не съезжал со своего корабля, не доверяя царскому слову, и, присягая Андронику, заявил, что сохранит верность своему Фредерику Арагонскому. Знатный Эстенца не обладал гибкостью Рожера, бросил службу, отослал обратно полученные от царя драгоценные блюда и уехал в Галлиполи. Поведение Рожера было еще подозрительнее. Он упорно не хотел отправиться в Анатолию, хотя жители Филадельфии, вновь осажденные турками, уже ели падаль и трупы. Двор предлагал ему звание кесаря и полную власть на Востоке, кроме больших городов, но Рожер выше всего ставил верность своих дружин, с которыми мог добиться всего, и продолжал требовать денег. Узнав, что к Рожеру едет Фадрик, побочный сын Фредерика Арагонского, с сицилийским флотом, Андроник уступил Рожеру во всем, выслал Рожеру и крупные суммы, и громадные хлебные запасы, и знаки звания кесаря, с которым соединялись не только почетнейшее после царя положение — он подписывался «нашей империи кесарь», а царь писал ему «твоей империи самодержец», — но и громадная власть. Кесарь мог распоряжаться казенными суммами и доходами, жаловать казенные земли, собирать подати, казнить и конфисковать.

Возвышая на недосягаемую высоту Рожера лично, двор добивался сокращения реальных его сил до 3000 каталанов, с удалением прочих на родину; но Рожер, не уступая в хитрости, видел перед собою слабую империю, лишенную флота. Он занял каталанскими гарнизонами Троаду

и Мизию, флот отослал на острова и забирал провиант, не давая отчета. В Галлиполи у Рожера составился целый двор, при котором жили его свояки, болгарские Асеневичи. У ворот в Константинополь выросла чужеземная власть, диктовавшая свою волю слабому правительству Андроника. Рожер заставил царя отдать ему всю Анатолию и острова с правом раздавать земли на феодальных началах и содержать войска на свой счет; впрочем, он брал и жалованье обесцененной монетой: теперь он мог заставить греков брать ее. В лучших областях империи создавалось каталано-греческое государство.

Одновременно разрасталось национальное греческое движение против каталанов, и его главою был молодой царь Михаил. Его войско состояло из греков, алан и тюркских выходцев туркопулов и было расположено в Адрианополе для отражения Святослава Болгарского. Почти рядом в Галлиполи и в области Адрианополя стояло два уже явно враждебных стана. Готовясь выступить в Азию для отражения турок и для устройства своих владений, новый кесарь Рожер желал обезопасить свой тыл и отправился к Михаилу со значительным отрядом. Он был принят с почестями, но его там ожидала смерть. На пороге шатра жены Михаила Рожер был зарезан вождем аланов, мстившим за убитого каталанами сына (апрель 1305 г.). Вслед за Рожером погиб его отряд, кроме троих. Михаил не только не наказал убийц — или не мог этого сделать, — но его легкая конница немедленно напала на каталанов врасплох, часть их перебила в деревнях и угнала пасшихся коней.

Убийство кесаря Рожера де-Флор было катастрофой для империи. Погиб человек большого ума и энергии, умевший направлять разбойничьи дружины к достижению крупных целей, державший в своих руках и двор Андроника подготовлявший в Малой Азии создание каталано-греческого государства, которое, может быть, спасло бы страну от турок, обеспечив населению мирный труд и благосостояние, подобно Виллыгардуэнам в Морее. Вместо несостоятельных планов французского двора о возрождении на Леванте «Новой Франции» казался близким к осуществлению с помощью Сицилии «Новый Арагон», с группой деятелей знатных и рядовых, знавших Восток и искусившихся в борьбе с неверными на испанской родине. Народная греческая реакция против новой, испанской полосы латинского нашествия оставила лицом к лицу два непримиримых лагеря: для греков каталаны были лишь насильниками и грабителями, для испанцев греки и их правительство были коварными предателями. Первыми жертвами пали те, кто являлся мостом между греками и каталанами: кесарь Рожер, греческое, но издавна привыкшее к латинянам население полуострова Галлиполи, вырезанное каталанами; в Константинополе — адмирал из каталанов д'Онес, женившийся на дочери знатного архонта

Рауля, и каталанская купеческая колония, перебитая чернью и беглецами из провинций.

Ярость и отчаянная решимость бушевали в лагере каталанов. Замещавший Рожера знатный Эстенца принял титул великого дуки империи Романии и государя Анатолии и островов. С испанской гордостью он шлет в Константинополь большое посольство для объявления войны Андронику по всем правилам рыцарских обычаев. Андроник, которого греки обвиняли за отсутствие национального флота и за предпочтение иностранцев, уверял в своей непричастности к убийству Рожера; но послы все же объявили войну на собрании каталанской колонии, в ее квартале, и после того последовала резня испанцев; сами послы были перерезаны на обратном пути в Родосто. Каталаны подсчитали своих, осталось всего 3307 с матросами, Фадрик уехал на родину; тем не менее было решено напасть на Константинополь, и Эстенца сел на корабли, оставив в Галлиполи Рокафорте и Мунтанера с 1500 каталанов, которые храбро отбивались за окопами от 40-тысячной армии Михаила. Эстенца был отражен в Кизике, но взял и сжег Ираклию, возле Родосто; богатое фракийское прибрежье было опустошено беспощадно, пятна крови долго плавали в море, по словам Мунтанера. Толпы несчастных беглецов наводнили Константинополь, наводя ужас своими рассказами. Константинополь был спасен прибытием сильного генуэзского флота. Генуя получила от Андроника подтверждение всех привилегий ее в Византии за союз и помощь (1304 г.). Под Ригием (Rhegium) генуэзцы с помощью греческих лодок разбили Эстенцу, взяли его в плен вместе с кораблями и добычей, но не выдали его императору, а отвезли в Геную (1305).

Положение каталанов было, однако, не безнадежно. У них были в руках богатые по природе, хотя и разоренные, области по Геллеспонту и большие награбленные богатства, позволившие нанимать турецкие конные отряды, которые перебегали к ним от греков при каждой победе каталанов. Избрав своим вождем Рокафорте, «франкское войско в Македонии» (как себя назвали каталанские дружины) решило не отступать, но, развернув свои знамена с изображением св. Георгия и Петра, нападать на презираемых ими греков. Альмугавары даже затопили свои корабли, чтобы отрезать малодушным путь к бегству. В рукопашных боях они разбили многочисленную армию царя Михаила, причем последний был ранен, и более не встречали сопротивления в открытом поле. Рокафорте взял Родосто. Население было перебито или продано в рабство на рынке в Галлиполи; на плодородных полях южной Фракии не осталось ни земледельца, ни плодового дерева. С прибытием новых отрядов число альмугаваров возросло до 6 тысяч; прибыл из плена и Эстенца; приехал с флотом инфант Фердинанд Майоркский, посланный Фредериком Сицилийским к «его войскам в Романии». Была подчеркнута связь между

каталанскими дружинами и политикой арагонского дома. Подготовлялось, на смену планам погибшего кесаря Рожера, основание Новой Арагонии в Дарданеллах, и греческий двор был бессилен перед нависшей опасностью: армия Михаила отказывалась сражаться с каталанами. Так прошло 2 года (1305—1307 гг.).

Но основание испано-греческого государства было каталанам не по плечу за смертью кесаря Рожера, умевшего держать в руках дружины и заставившего служить своим целям греческий двор. Теперь разоренная страна не могла прокормить воинство, лишенное греческого жалования и провианта, и между вождями начались раздоры. Рокафорте объединил вокруг себя рядовых альмугаваров, не желавших служить политическим замыслам сицилийского короля, искавших лишь добычи и подвигов. Преданная королю и инфанту партия знатного рыцарства не имела вождя, равного Рокафорте по энергии и свирепой силе. Решено было итти в Македонию сухим путем, отправив добычу на кораблях под начальством Мунтанера. В походе раздоры дошли до большого кровопролития, в котором погибли Эстенца с 500 рыцарями и столько же альмугаваров. Инфант бежал к Мунтанеру на корабли, а Хименес перешел на греческую службу. Рокафорте с остальными дружинами вторгся на Халкидику (1307 г.) и опустошил страну до Афонской горы. Наиболее упорное сопротивление оказал каталанам сербский Хиландарский монастырь. Многочисленные прибрежные башни (пирги) на берегах Афона остались напоминанием о каталанских грабежах. Лишь по уходе каталанов афонские монастыри оправились, впрочем быстро, получив ряд жалованных грамот на земли и доходы, между прочим Руссик (1311 г.); с той поры настал для Афона расцвет и время большого влияния на дела константинопольской патриархии. Каталанская опасность и бессилие византийского правительства заставили правителя Салоник Иоанна Мономаха, царского свояка, завязать изменнические переговоры с французским претендентом на Романию Карлом Валуа. Посланный последним адмирал Сепуа вначале не сошелся с каталанами и при помощи венецианских кораблей захватил инфанта с Мунтанером, грабивших берега Евбеи и Фессалии; Мунтанер благодаря своей дипломатической ловкости вырвался из плена раньше, чем инфант.

Положение дел в Греции открывало каталанам широкие перспективы. Дипломатическая борьба между Неаполем и Византией, особенно стремление Анжуйского королевства в Неаполе подчинить себе афинский двор мегаскиров де-ла-Рош, пустивший глубокие корни в стране и имевший самостоятельную силу, отразились по обычаю эпохи на брачных договорах наследниц Виллвгардуэнов, сюзеренов франкской Греции. Изабелла Вилльгардуэн предпочла для своей дочери не сына императора Андроника, но молодого Гюи II Афинского; сама же искала опору в браке с Филиппом

Савойским, который недолго уживался в Греции и вернулся в Савойю, передав своему потомству титул князей Ахейских. Франкская Морея не могла уже отстоять и тени прежней независимости. Сын короля неаполитанского Карла Филипп Тарентский является с флотом в Грецию (1306 г.) и ставит своим наместником Гюи Афинского, единственного сильного французского государя в Греции. Гюи правил в Афинах и Фивах с блеском и с пользою для населения. Сам наполовину грек, по матери Ангел Комнин, Гюи распространил свою власть и на наследие знаменитого соперника Палеологов, фессалийского деспота Иоанна Ангела, в качестве опекуна его внука Иоанна II; он сумел защитить Фессалию от Анны Эпирской, заставив последнюю уплатить крупную контрибуцию; он подступил и к Салоникам, и лишь уговоры императрицы Ирины Монферратской, жены Андроника, заставили отступить войска Гюи. Между тем Анна Эпирская вошла в сношения с Константинополем; это вызвало поход Филиппа Тарентского с рыцарями Ахеи и Кефаллонии на столицу Анны Арту, но Анну поддержали против нападения Анжуйского дома Византия, Сербия и Венеция. Филипп не имел успеха под Артой, но отнял у сербов Дураццо (Драч) и упрочил свою власть в Морее. Анжуйская политика становится непримиримой в отношении к грекам. Филипп с позором удалил свою жену-гречанку Тамару, дочь Анны Эпирской, и, вступив в брак с наследницей Карла Валуа и Екатерины Куртенэ, выступил претендентом на всю Романию.

Оба греческих государства Греции, Эпир и Фессалия, находились во вражде; первому угрожал Анжуйский дом, утвердившийся в Албании и Морее; второе, наследие Иоанна Фессалийского, находилось фактически во власти Гюи Афинского, раздававшего земли и ставившего своих наместников в Фессалии. Анжуйский дом нес с собою иные начала, нежели ахейские Вилльгардуэны или афинские де-ла-Рош. Анжуйская политика преследовала завоевание и эксплоатацию в пользу заморской метрополии, а не слияние туземного населения с пришлым в новом государстве на греческой почве. Носителем традиций основателей франко-греческих государств оставался Гюи, сам по матери грек, но он вскоре умер. Фессалия осталась в слабых руках юного Иоанна II, которому были равно враждебны и греческий Эпир, и латинская Греция в руках преемника Гюи, Вальтера Бриеня. В этот момент на северном рубеже его владений в предгорьях Олимпа оказались прославленные каталанские дружины.

Разграбив Халкидику, каталаны напали на Салоники, но были отбиты. Они не умели брать крепостей. Положение их стало невыгодным: Святослав Болгарский уклонился от соглашения с ними и предпочел мир с Андроником, уступившим все, захваченное болгарами; впоследствии Святослав женился на внучке царя Андроника. Византийский стратиг Хандрин удачно действовал против каталанов, оградил от них цепью

укреплений южную Македонию. Каталанам пришлось покинуть опустошенную Халкидику и переправиться в горную северную Грецию, окружавшую плодородную Фессалийскую равнину. Еще при жизни Гюи Рокафорте вошел в сношения с Афинами. Это угрожало венецианским владениям и интересам на Евбее. Усиление полугреческого государя Фив и Афин силами прославленного испанского воинства противоречило интересам Карла Валуа, французского претендента на всю Романию. Его агент, упомянутый Сепуа, и венецианцы сыпали золотом между вождями каталанов, чтобы низвергнуть Рокафорте, и им удалось вызвать мятеж против этого способнейшего наследника кесаря Рожера; свирепое самоуправство Рокафорте и неудача под Салониками послужили для интриги благодарной почвой. Рокафорте с братом были схвачены и отосланы в Неаполь, и их уморили голодом в темнице. Сепуа намеревался даже завладеть наследием Гюи в пользу Карла Валуа, опираясь на каталанов, но вскоре Карл «Безземельный» отказался от претензий на императорскую корону Романии, и вслед за ним и Сепуа бросил каталанов и уехал во Францию. Каталаны, оставшись без вождя, жестоко расправились с зачинщиками мятежа против Рокафорте. Покинули каталанов турецкие конные отряды Мелика и Халила: эти закаленные в боях наемники ранее служили в войсках царя Михаила. Мелик ушел в знакомую ему Сербию, где был убит, а крещеный Халил просил у византийского правительства пропуск в Азию; корыстолюбие данного Халилу греческого конвоя, польстившегося на богатую добычу турок, вызвало кровопролитие, и вся армия Михаила с крестьянским ополчением не могли справиться с Халилом, к которому подошли другие турецкие банды; потребовалась помощь сербов, чтобы загнать турок к Дарданельскому проливу, где их остатки были вероломно перерезаны экипажами генуэзских судов.

Между тем каталаны грабили Фессалию, наследие деспота Иоанна Ангела. Слабое правительство Иоанна II, беспомощного, несмотря на брак с побочной дочерью Андроника, удовлетворяло все требования каталанов. Не в состоянии далее прокормить хищников, фессалийские греки указывали им на более богатую добычу — цветущую среднюю Грецию с Фивами и Афинами. Преемник Гюи, Вальтер Бриень, сам нанял каталанов, намереваясь закрепить за собою Фессалию. Греческие гарнизоны в южной Фессалии и византийские, присланные Андроником, не могли сопротивляться каталанам и силам Бриеня. В полгода Вальтер завоевал Фессалию (1310 г.), и Андроник признал этот факт, заключив с ним мир. Теперь Вальтер пожелал отпустить ненужных ему каталанов, но вся дружина отказалась уйти, требуя не только недоданного жалованья, но, главное, земель. Старым воинам надоела бродячая жизнь, они желали устроиться прочно, своим домом. Новые пришельцы предлагали старым потесниться, и соратники превратились в заклятых врагов. Вся

франко-греческая Эллада собралась под знаменами Бриеня: памятно было изгнание французов из Сицилии ненавистными испанцами. 7 тысяч рыцарей и конных вместе с 8 тысячами пехоты выступили против каталанов, которых вместе с фессалийскими греками было вдвое менее. На реке Кефисе у Копаидского озера каталаны поджидали врагов, затопив луга перед своими позициями, и вся тяжелая французская конница погибла при атаках через вязкое болото; погиб и Бриень; из рыцарей уцелело лишь двое. Это была полная катастрофа для французской Греции (1311 г.). Французское население Виотии и Аттики спасалось бегством в Морею и на Евбею, бросая укрепленные замки. Богатые Фивы были разграблены каталанами. Греческое крестьянство молило победителей о пощаде. Остались от французских рыцарей лишь их могилы в Дафнийском монастыре и их знатные дамы, не успевшие бежать и ставшие добычей победителей. Каталаны разделили между собой земли и замки рыцарей; богатство и оседлость в чужих насиженных гнездах были наградой суровым воинам за многие годы походов, лишений и битв. На новых местах они были окружены врагами; Валуа и Анжу, принявшие под защиту семью Бриеня, были им открыто враждебны. Каталанская дружина поставила себя под защиту Фредерика Арагонского, короля Сицилии. Был заключен договор, по которому второй сын сицилийского короля присылался в Грецию в качестве государя завоеванных каталанами земель, в Фивах учреждался суд и административный совет, с апелляцией к королю Сицилии: французское законодательство, «Ассизы Романии», заменялось Барселонским феодальным кодексом; каталаны, завладевшие барониями и рыцарскими ленами, признавались баронами и знатными людьми по каталанскому праву. По отношению к местным грекам завоеватели отмежевались резко. Браки между каталанами и греками были воспрещены; греки не могли ни приобретать, ни отчуждать, ни завещать недвижимого и даже отчасти движимого имущества.

Французская Морея не могла дать отпора каталанам. В борьбе арагонского и французского влияний жертвами были последние наследницы Виллльгардуэнов, погиб и Фердинанд Майоркский, утвердившийся было в лучшей части Ахейского княжества. Мелкие события наполняют историю Греции и Архипелага; архивы Неаполя и Венеции, разработанные ученым Гопфом, доставляют много знатных имен и фактов, среди которых не видно общей нити. Очевидна лишь слабость, анархия латинского элемента. Просачиваются наверх слои туземные, греческий язык вытесняет пришлый, и сами рыцарские сказания слагаются по-гречески, как видно из сравнения с редакцией Морейской хроники XIV в. В политическом отношении греческое население Мореи, крепостное и жившее узкими местными интересами, могло быть поднято лишь Византией и византийской церковью; но империя при Андронике утратила свой флот, и духовенство

Константинополя было поглощено иными интересами. Лишь энергичный стратиг Мистры Андроник Палеолог Асеневич (1316—1321 гг.) использовал междоусобие латинян и утвердился в Аркадии, оттеснив латинян к берегам; за приморской, торговой Монемвасией были подтверждены доходы и права, и митрополит Монемвасии стал экзархом Пелопоннеса, византийского и латинского. В средней же Греции каталаны основались прочно, и новый наместник сицилийского короля дон Фадрик (некогда ездивший к кесарю Рожеру де-Флор) браком приобрел права на часть Евбеи. Это вызвало немедленно войну каталанов с Венецией, для сицилийского короля нежелательную, и ему едва удалось унять Фадрика. Последний завел пиратский флот, разграбивший отдаленные острова Хиос, Наксос, Милос; вновь на рынках Леванта показались толпы невольников, и опять вмешался Фредерик Сицилийский и заставил Фадрика помириться с Венецией и разоружить своих пиратов. Тогда Фадрик обратился против греческой Фессалии. Иоанн II Ангел называл себя не только дукой Великой Влахии и Кастории, т. е. южной Македонии, но и государем Афин, опираясь на родство с бывшими мегаскирами афинскими из рода де-ла-Рош. Смерть Иоанна (1318 г.) и прекращение прямой линии фессалийских Ангелов позволили Фадрику завоевать Фессалию с ее столицей Новыми Патрами. Впрочем, некоторые архонты, как знатные Мелиссины, известные по типику монастыря Макринитиссы, продолжали править своими богатыми землями независимо. Среди всеобщей анархии спускались с гор влахи и албанцы, и венецианец Санудо видел в них единственное спасение от каталанов.

В Эпире деспот Фома Ангел, женатый на Анне Палеолог, дочери Михаила и внучке Андроника, получил византийскую помощь и не только отбивался от Филиппа Тарентского, захватившего Арту, но и наступал; впрочем Арту отбить не удалось, Венеция стала к Фоме враждебной, и ему пришлось искать мира с Филиппом. Вскоре Фома был убит своим родственником Николаем; последний принял титул деспота Романии, который Филипп давал своим сыновьям, посылая их в Эпир. При Николае Арта была возвращена в руки греков. Важнейший торговый город Эпира — Янина — поддался императору Андронику благодаря успешным действиям стратига Сиргиана и в 1319 г. получил от царя важную златопечатную грамоту. Жители «изобилующего богатством и населением, находящегося под покровительством начальника небесных сил Михаила, боголепного града Янины» обязались не предавать города ни латинянам, ни иному государю (сербам?), но навеки стали подданными константинопольского императора. Изменники теряют имущество в пользу изобличивших, и самые дома их будут сравнены с землею. Дарованные Андроником привилегии свидетельствуют о существовании в Янине развитого самоуправления. Напрасно сказано во вступлении к хрисовулу, что Янина

страдала вследствие отделения от империи: и Константинополь, и другие города Андроника могли лишь завидовать свободе Янины и наличности в ней общественных элементов, способных осуществить городские вольности и права.

Прежде всего Андроник подтвердил имущества, доходы и права местной архиепископии и впоследствии возвел архиепископа Янины в сан «всечестного» митрополита константинопольской патриархии. За городом Яниной царь укрепил ряд деревень и оброчных статей, которыми город владел ранее, а также те, которые Сиргиан отнял от эпирского деспота и отдал Янине. В образовавшейся большой области одни янинцы могли владеть землями и крепостными париками. Свободные граждане именуются обывателями (эпиками). Только измена может лишить их жительства в Янине, свободы и имуществ городских и загородных. Мало того, янинцы избирают из своей среды судей, разбирающих дела под председательством «головы» (κεφαλή), на которого жалоба приносится императору. Купцы янинские торгуют во всей империи и в самой столице безданно и беспошлинно. Янинцы не несут военной службы вне городской территории, не несут ни расходов по содержанию царского войска, даже проходящего через их область, ни постоя, ни издержек по ремонту крепостей, кроме самой Янины; для защиты родного города, охраняемого прежним гарнизоном, горожане призываются лишь в случае необходимости. Они освобождены от ряда «нововведенных» налогов и податей, между которыми названы подати: подворная (подымная), подушная, поземельная — с ярма волов, с пастбищ, рыбных ловель, ульев, свиней. Эпики из иудеев сравнены с христианами в правах. В хрисовуле Андроника находим начала административного, судебного и финансового иммунитета и зародыш самоуправления в лице выборных судей. На тех же в общем основаниях зиждилось процветание городов средневекового Запада, и соседство с Италией многое объясняет в вольностях Янины. Редакторы хрисовула смотрели на права янинцев как на привилегии царской милостью; и, действительно, рядом с иммунитетом и начатками самоуправления мы видим право повсеместной беспошлинной торговли, даруемое иностранцам по договорам. Важнее то, что в Янине были элементы, за которыми можно было подтвердить самоуправление.

Успехи Византии в Эпире встревожили ее врагов. Филипп Тарентский занял Навпакт и Корфу. Папа увещевал католических вождей Албании сохранить верность Филиппу. На Албанию претендовал и сербский король Милутин, включивший ее в свой титул. Окруженный сильными врагами эпирский деспот Николай искал защиты у Венеции, но, не получив ее, поддался Андронику, присоединив эпирскую церковь к вселенской патриархии; он овладел столицей Артой (1320 г.). Успехам объединенных греков положила конец внутренняя междоусобица в Византии.

Деспот вновь поддался Венеции «как матери» и обложил Янину. Против него произошло, повидимому, национальное движение. Брат его Иоанн обещал Янине довольствоваться званием «головы», не претендуя на власть государя, и с помощью янинцев разбил Николая, убил его и принял титул деспота Эпира и островов (1323 г.). Вскоре Янина отложилась от деспота при помощи византийских войск и осталась царским вольным городом. В Эпире греки отстояли свою национальную независимость, несмотря на энергию и силы Филиппа Тарентского, несмотря на слабость византийского правительства, неспособного на действия в крупном масштабе. Даже при полном развале наследия Иоанна Ангела оно не сумело вернуть Фессалии, предпочитая вооружениям пастырские увещания.

Причину слабости Андроника нужно искать внутри империи. После бурного времени Михаила VIII, с величайшими жертвами отстоявшего государство от латинского вторжения, Византия нуждалась в мире. Казалось бы, что трон его миролюбивого преемника должен был быть прочен и огражден греческим народом от всякого внутреннего мятежа. На самом деле этого не было. При каждом военном неуспехе правительства, постоянно слабого и не справлявшегося со своими задачами, являлись претенденты, и церковные расколы, как арсенитское движение, даже принимали династическую окраску. Устранить Палеологов было бы трудно, к ним привыкли за время Михаила. Слепой сын последнего Ласкаря более не внушал опасений и был даже обласкан Андроником. Мятеж знатного и блестящего полководца Филантропина, основанный на его успехах против турок, был подавлен почти без кровопролития (1296 г.). Опаснее были претенденты из царствующего дома. Брат Андроника, порфирородный Константин, повидимому, не без оснований был заподозрен в замыслах на трон. Он был весьма популярен в войсках, щедр и весьма богат; ему был обещан отцом самостоятельный удел — Македония с Салониками. По приказу Андроника он был внезапно схвачен и 17 лет, до смерти, томился в дворцовой темнице. Слишком расцвела со времени Комнинов придворно-семейная иерархия, полуцарские звания севастократоров, кесарей, деспотов с их регалиями и правами затмили чистоту римско-византийского самодержавия. Эти титулы стали опасными в руках царских братьев и дядей, обыкновенно полководцев войск, наполовину наемных, со штабом из служилой знати. Вероятно влияние западных феодальных идей — * вопрос, столь мало разработанный, — и естественны центробежные тенденции в таких центрах, как Салоники, имевшие в XIII в. соб-

* Сын Андроника Феодор наследовал по матери Монферратский маркизат, и его потомство жило до середины XVI в. в Италии. По духу, вере и внешности он стал чистым латинянином. Рыцарские титулы были обычны при дворе Палеологов, по словам Пахимера. Потомок половецкого вождя, игравший большую роль в последние годы Андроника, назывался Сиром Янни (Сиргиан).

ственную историю. Издревле в Византии царствующие императоры предоставляли наследникам корону и права молодых императоров-соправителей, чтобы оградить престол при переходе из рук в руки. Так поступили и Михаил и Андроник, венчавший на царство своего сына Михаила. Молодой царь, лично храбрый, но неудачливый, постоянно терпевший поражения и от турок и от каталанов, пребывал обычно в провинции при войсках, а по уходе каталанов жил в Салониках, наблюдая за Фессалией и Эпиром. У него была своя партия, недовольная слабостью Андроника. Но политические и семейные невзгоды (в один год он потерял дочь и младшего сына, убитого людьми старшего брата из-за женщины) свели Михаила в преждевременную могилу (1320 г.). Наследником престола остался его старший сын Андроник Младший, армянин по матери, 23-летний красавец, популярный не только среди веселящейся молодежи, но и среди столичного населения за прямоту и щедрость, и среди местных генуэзцев, охотно ссужавших ему деньги. Женат он был на немецкой принцессе, герцогине Брауншвейгской. Велик был контраст между его свитой и старым двором из богословов и боязливых сановников, окружавших подозрительного и упрямого старика, каким был старший Андроник.

Дед всегда относился холодно к внуку и охотно слушал злые доносы на него, а младший Андроник не обращал никакого внимания на старый двор. Скоро дошло до того, что царь Андроник стал искать себе другого наследника, но был еще лишь один внук, от младшего сына, да и тот побочный. Для надзора за законным престолонаследником Андроник вызвал из тюрьмы пинкерна Сиргиана, того самого, который присоединил Янину. Этот молодой и честолюбивый полководец показался опасным и был схвачен и заключен, лишь знатность и связи спасли его от увечья. Большой ошибкой было довериться Сиргиану. Он при первом случае открыл младшему Андронику свою миссию. Чаша терпения переполнилась у молодого Андроника, и он пошел на государственный переворот. Составился заговор, в котором приняли участие, кроме Сиргиана, великий доместик фракийской армии Иоанн Кантакузин, уже тогда игравший важнейшую роль в управлении, знатный Синадин, наместник западной Македонии, и Алексей Апокавк, доместик западных областей, а также генуэзские купцы, располагавшие не только деньгами, но и флотом. Сам могущественный краль Милутин Сербский вошел в сношения с заговорщиками. И этот переворот был делом македонской служилой знати. С деньгами всего можно было добиться при дворе старого царя, Сиргиан получил в управление Фракию, и заговорщики стали собирать войска, под предлогом защиты от турок и болгар. А старый царь, не чувствуя опасности, грубо и мелко унижал наследника престола при придворных выходах, не здоровался, не разрешал садиться. Оскорбления привлекали сочувствие к молодому Андронику, и тем более раздражался его дед.

Более дальновидные и преданные советники, как Торник и Феодор Метохит (министр финансов, писатель и ктитор церкви столичного монастыря Хоры, ныне мечети Кахрие Джами, заказчик ее знаменитых мозаик), советовали старому царю примириться с внуком, но напрасно. На вербное воскресенье 1321 г. Андроник Старший вызвал внука во дворец и в присутствии сановников стал обвинять его в тягчайшем преступлении — в неправославии, пока ему не донесли, что дворец окружен людьми Кантакузина и Синадина. Старый царь был столь же робок, сколько мстителен; он прервал суд, и на глазах сената произошла сцена примирения: внук обнимал ноги деда, уверяя в верности, дед обнимал внука, повторяя, что не желает иного наследника. Верные внуку Кантакузин и Синадин были скомпрометированы и получили приказ немедленно уехать на Запад, в свои области. Но вскоре и Андроник Младший получил предупреждение, кажется от патриарха, что ему угрожает тюрьма, и бежал в Адрианополь, куда собрались и его сообщники, собирая войска, захватывая в городах казенные суммы, обещая населению свободу от разорительных податей. Снова растерялся старый царь и его двор; напрасно по столице носили евангелие и приводили народ к присяге, напрасно синод отлучил претендента от церкви; умы шатались, и сил у старого двора не оказалось. По настоянию энергичного Сиргиана мятежники, не теряя времени, подступили к Силиврии, на 2—3 перехода от столицы. В ужасе старый царь шлет посольство с матерью Сиргиана во главе сначала в Силиврию, потом в Адрианополь, ко двору внука; послы его едва не были зарублены немецкой дружиной Андроника Младшего. Посольство вернулось с ответом, что армия требует похода на столицу. Мятежники подступили уже к Ригию. К ним посылается тетка претендента — монахиня Евгения. Ни ее племянник, ни влиятельный Кантакузин не желали кровопролития и от Андроника Старшего потребовали признать за его наследником царский титул и неограниченную власть над Фракией, а его вождям даровать богатые земли. Не располагая армией, Андроник Старший беспрекословно подписал эти условия (1321 г.). Но и после этого междоусобие не прекратилось, и опять причиной были те люди, которые вели за собой Андроника Младшего. Руководитель мятежа Сиргиан был отодвинут на второй план Кантакузином и перешел на сторону старого царя, под предлогом обиды, нанесенной его красивой жене Андроником Младшим. Он занял две крепости; за ним отложились Ираклия на Мраморном море и родопский стратопедарх с крепостями Стенимахом и Чепеной; и Святослав Болгарский, хотя и зять Андроника Младшего, счел более выгодным поддерживать старого царя как менее опасного соседа. Междоусобная война возобновилась; опять Андроник Младший подступил к Ригию, но теперь, с уходом Сиргиана, в его войсках царила смута. Теперь внук просил мира, а дед отказывал, полагаясь на Сиргиана

и на крепкие стены столицы. Андроник Младший захворал и отошел к Дидимотиху; его мать, проживавшая в Салониках, была схвачена у церковного алтаря и отослана в Константинополь. Но весна 1322 г. принесла успех Андронику Младшему. У него была энергия, и слишком непопулярен был старый царь. Собрав войско на деньги матери Кантакузина Феодоры Палеологины, Андроник Младший взял ряд фракийских крепостей, захватил родопского стратопедарха, в Салониках вспыхнуло восстание в его пользу, и в его лагерь привезли салоникского деспота Константина Палеолога; явились и местный митрополит и представители Афона. Теперь вся Фракия и Македония была в руках Андроника Младшего, и нанятые его дедом турки рассеялись и в страхе бежали на азиатский берег. Теперь внук с вождями своих войск продиктовал свою волю деду (в Эпиватах, летом 1322 г.): управление и подати во всей империи остаются за старым царем, но он обязуется уплачивать войскам крупную сумму (45 000 золотых), выдавая ее на руки внуку для раздачи; таким образом, тяготы и ответственность перелагались на деда, а внук обеспечивал преданность себе всей армии. И себе лично он выговорил 36 000 золотых в год, немногим меньше того, что шло на все войска. Примирение решило участь Сиргиана, и он был осужден на заключение.

Располагая армией, Андроник Младший организовал защиту северной границы и разгромил болгарского царя Георгия II Тертерия, сына Святослава (ум. в 1321 г.); вскоре умер и Георгий (1323 г.), и в Болгарии наступило междуцарствие. Греки захватили юго-восточную часть болгарских земель с Месимврией; в верховьях Тунджи самостоятельно правил дядя Георгия Воислав, друживший с греками: Филиппополь, отобранный Георгием у греков по уходе храброго воеводы Ивана, был захвачен родопским стратигом Вриеннием при содействии горожан-греков. Утрата южной Болгарии заставила бояр прекратить раздоры и избрать на царство первого из Шишмановичей, Михаила Видинского. С войском из влахов и татар новый болгарский царь выбил греков с Балканского хребта, Воислав бежал в Константинополь, и болгарские отряды грабили Фракию до устьев Марицы. Отразив греков, болгарский царь предпочел покончить с ними миром и женился на сестре Андроника Младшего, вдове Святослава, разведясь для этого с первой женой, дочерью Милутина Сербского. Для родины Шишмановичей Византия была менее опасной, чем Сербия. Едва кончилась болгарская опасность, на Фракию обрушились татары, до 200 000 по греческому счету (1324 г.). Андроник Младший и его вожди собрались с силами и разбили главную орду татар между Адрианополем и Дидимотихом; перейдя Марицу, Андроник наступал до Тунджи, и при его приближении татары рассеялись и ушли в горы. Этот успех еще более упрочил положение Андроника Младшего, глухая вражда деда была бессильной и в 1325 г. он короновался как император-соправитель со всей

пышностью древнего церемониала. За смертью Ирины Брауншвейгской он женился вторично на Анне Савойской: царицы с Запада признавались политической необходимостью; ими гордились не только Палеологи, но и их подданные. Празднества и роскошные охоты — страсть Андроника — следовали одно за другим, требуя громадных расходов; войско голодало, не получая жалования в срок. Турки появились и во Фракии; в стычке с ними молодой царь был ранен и едва спасся бегством. Даже утрата Бруссы, ставшей, как будет изложено в следующей главе, столицею османского султана, не прекратила ни интриг Андроника Старшего против внука, ни расточительства последнего: он содержал охоту в 1000 коней и столько же людей, тогда как у казны нехватало денег на содержание 3000 конницы и 20 галер. Хуже того, в борьбе обоих Палеологов приняли участие соседи, природные враги империи, и обе стороны искали поддержки у южнославянских государей, не говоря о турецких наемниках, ставших неизбежными почти в каждой византийской армии. Неясно, кто первый вступил на этот пагубный путь. Андроник Старший и ранее искал опоры в Салониках и Македонии. Теперь он посылает туда паниперсеваста Иоанна Палеолога, сына захваченного Андроником Младшим салоникского деспота Иоанна и зятя великого логофета Метохита. Дочь Иоанна просватана за полуслепого краля сербского Стефана Дечанского, и с ним заключается тайный договор против Андроника Младшего; знатные зятья Метохита Ангел и Ласкарь получают области на сербском рубеже и действуют в заговоре, душою которого являлся, повидимому, Метохит. Перехватив гонцов паниперсеваста, Андроник Младший в свою очередь заключил договор со своим новым зятем Михаилом Болгарским, направленный как против Андроника Старшего, так и против Сербии. Паниперсеваст Иоанн уже открыто выступил в качестве претендента и вместе с сербами дошел до Серр (ныне Серес), грабя страну, и старый царь послал ему знаки кесарского достоинства. Даже смерть Иоанна не остановила старый двор: в Салоники был послан дядя Иоанна — деспот Димитрий Палеолог; вместе с родственником своим Андроником, с Михаилом Асенем и Мономахом с сербской помощью он должен был организовать поход на Андроника Младшего. Сын Метохита и придворный историк Андроника Старшего, друг Метохита Никифор Григора, были посланы в Сербию, чтобы оформить соглашение.

Младший Андроник имел много приверженцев и в Салониках, и в Константинополе, в том числе патриарха Исайю. С одним своим двором, правда, многочисленным, он подступил к столице, рассчитывая вызвать восстание в свою пользу. Его не впустили в город и бросали в него камнями с городских стен. Старый царь запретил поминать его имя при богослужении, но патриарх не был на это согласен, и царский приказ исполнялся лишь в дворцовых церквах. Андроник Младший

Великий логофет Феодор Метохит.

Мозаика церкви монастыря Хора (мечеть Кахриэ-Джами)
(Ф. И. Шмит. Кахриэ-Джами. Альбом к XI тому Известий Русского археологического института в Константинополе, 1906, табл. VIII).

потребовал у деда свидания в присутствии сената для личных объяснений, и эта просьба была поддержана патриархом; но старый царь, боясь мятежа, предпочел послать к внуку следственную комиссию. Молодой царь предъявил комиссии перехваченные письма, изобличавшие деда, и был признан невиновным. Старый царь упорно отказывался выслушать доклад своей комиссии, и это привело его к конфликту с патриархом. До сих пор Андроник Старший как ревнитель православия опирался на синод в борьбе с внуком; теперь он удалил патриарха в Манганский монастырь, заключил в тюрьму сторонников патриарха из высшего духовенства. Мы видели выше, что он даже вступил в тайные переговоры с папой, чтобы упрочить свой трон на старости лет. В конце 1327 г. переговоры прервались, и стало очевидно, что империи придется вновь пережить междоусобную войну. Младший Андроник, оставив Синадина для защиты Фракии, выступил вместе с Кантакузином в Македонию против своих врагов, занявших Серры. На его стороне были греческие патриоты и население, страдавшее от партизанов старого царя и от сербских полков воеводы Хреля, и горожане Салоник отворили ворота при приближении Андроника; когда он у раки св. Димитрия исцелился от турецкой раны, сдался и акрополь Салоник; вслед за тем сдались Эдесса, Веррия, Водена, Кастория, Охрида, и Андроник дошел до Монастыря, всюду встречаемый с торжеством. Враги его бежали в Сербию, и их семейства были сосланы во Фракию (1328 г.). Горные албанцы и даже деспот эпирский явились на поклон к Андронику Младшему. Сербский краль стоял на границе, не решаясь ее перейти. Одновременно Синадин разбил вышедшие из Константинополя войска и захватил их вождя Константина Асеня. Молодой царь вновь стал господином положения и подступил к столице. Его успех встревожил Михаила Болгарского, союзника ненадежного, которому было выгодно междоусобие между греками; он перешел на сторону старого царя и послал к Константинополю 3-тысячный отряд под начальством русского выходца Иоанна; константинопольское правительство не пустило болгар в город, и население боялось их более, чем войск молодого царя. Столице угрожали одновременно три опасности: от Андроника Младшего, от болгар, расположившихся поблизости, и от венецианского флота, явившегося в Золотой Рог для расправы с генуэзцами за пиратство. Венецианцы проявили большую дисциплину, не трогали греков, но заняли Босфор и захватили все генуэзские и греческие суда, шедшие из Черного моря с хлебом и соленой рыбой. В столице настал голод, пока венецианцы не стали продавать жизненные припасы за хорошую цену. Настроение было подавленное; число приверженцев младшего Андроника возросло, особенно когда он угрозами и подарками добился удаления болгар на родину. Ночью старый царь с ужасом слушал донесения о подходе к стенам войск его внука, но Метохит был уверен в неприступности город-

ских укреплений и ушел спать, когда Андроник Младший, благодаря измене стражи, уже вступал через Романовы ворота. Слыша шум оружия и народные клики в честь молодого царя, Андроник Старший, покинутый всеми, распростерся перед иконой Одигитрии, моля о спасении жизни и оставшись малодушным до конца. Тем временем патриарх Исайя с триумфом возвращался в патриархию. В столице шел грабеж богатого дворца Метохита и других сановников старого двора; даже богатый мозаичный пол из хором Метохита был увезен за Черное море в подарок «царю западных скифов». Сам завоеватель был против репрессий и допустил в столицу лишь небольшой отборный отряд. Министры старого царя были смещены или сосланы, их места заняли сподвижники Андроника Младшего. Кантакузин стал главным докладчиком у царя, Синадин — епархом столицы. Апокавк получил финансы.

Почти полвека длилось царствование Андроника Старшего. За это время имели место частные успехи, как в Эпире и Морее, благодаря энергичным полководцам, но константинопольское правительство не стояло на высоте своих задач и нанесло империи уже непоправимый вред. Отец Андроника Михаил, возвратив грекам Константинополь, с громадным напряжением сил отстоял свою империю от опаснейшего врага Карла Анжуйского, никогда не упускал из вида воссоединения всех греческих земель под своей державой, оставил прочный престол и сильную армию. Андроник не продолжал дела отца, несмотря на более благоприятные условия, и не использовал ни слабости и разделения латинян на Востоке, ни междоусобий среди болгар, ни дружеских отношений к Милутину Сербскому, за которого он выдал малолетнюю дочь Симониду, ни отсутствия крупного государства у турецких племен Малой Азии. Вместо того, его подданные видели свободное развитие юного государства османов, захват ими Вифинии, неслыханное своеволие и грабежи каталанов, захват Родоса рыцарями-иоаннитами (1310 г.), расстройство финансов и порчу монеты, невозбранное хозяйничанье итальянцев на морских путях, перенесли продолжительную войну между дедом и внуком, потрясавшую все государство, двух царей, призывавших национальных врагов для личной борьбы внутри империи. Упадок армии и флота, распускаемых ради экономии и собираемых в случае крайности и тогда не получавших жалованья во-время, тяжкие подати и освобождение от них из династических расчетов, чванный и заведомо продажный двор из архиереев, богословов, литераторов, знатных женщин и интриганов, громадная роль служилых властелей в провинциях — некоторые, как Кантакузин, могли содержать войска на свои средства, — все это лишь отчасти может быть поставлено в вину второму Палеологу и подразумевает существование социальных и политических болезней, при которых один исход — гибель империи и верхних слоев общества. Андроник Старший, наружностью величественный, душою

слабый и не одаренный, был сыном своего времени, даже игрушкой в руках своего двора.

Теперь он внушал лишь жалость. Внук обошелся с ним мягко: не лишил царского звания, оставил во Влахернском дворце (единственном, тогда пригодном для житья), обеспечил его содержанием. Преследовало его, требуя низвержения, высшее духовенство, столь им облагодетельствованное, патриархи Исайя и бывший Нифонт. На верное Андронику II духовенство и даже на народ патриарх наложил отлучение от церкви.

Оставленный всеми, старый царь доживал свой век мрачным отшельником во дворце и вскоре ослеп; во время болезни Андроника Младшего его постригли под именем Антония и вынудили отказаться от всяких притязаний на престол (1332 г.). Вслед за ним умер в своем монастыре Хоре и его министр и меценат Метохит. Обоих оплакал верный Григора набором напыщенных фраз. «Где сонмы мудрецов и почтенные соревнования ученых? Где празднества риторов великолепнее Панафиней? Все обман, все тлен. О, злейшее время! Как могло ты погубить акрополь словесности?».

Глава VII

АНДРОНИК III И КАНТАКУЗИН. ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ СЛУЖИЛОЙ ЗНАТИ

ервый из Палеологов, Михаил, был возведен на престол служилой знатью, враждебной Никейской династии, но держал знать в руках благодаря своей энергии и ореолу восстановителя древней империи. Второй из Палеологов на престоле, Андроник, начал с крутой реакции против политики отца, окружил себя двором из просвещенных бюрократов и книжных людей, враждовал с военной знатью и после ряда неудач и унижения империи был свергнут фракийской и македонской служилой аристократией, объединившейся под знаменами его внука. Андроник Младший, третий из Палеологов, все время был в руках военной знати, именно ее крупнейшего представителя Кантакузина, не смог получить свободу действий и предотвратить грядущее междоусобие. Реформы социального и государственного строя были немыслимы при таких условиях, и византийское правительство, хотя воинственное, преданное идее восстановления древней империи в прежних пределах, было бессильно против тех новых соседей, сербов и османов, которые создали крепкие национальные государства. Оно имело успехи, крупные лишь там, где оно встречалось с совершенно расшатавшейся властью, опираясь на местное греческое население и на дипломатию Иоанна Кантакузина: в восточном Архипелаге и в северной Греции.

Лично Андроник не возвышался кругозором над уровнем знатного воина, и его страстью была охота с собаками и соколами, а не государственные дела, которыми и завладел Кантакузин, его главный докладчик. Но недаром Андроник, как и другие Палеологи, изображался на своих

обесцененных, тонких и вогнутых монетах не в царском облачении, но в воинских доспехах. Он не провел ни одного года без похода, обыкновенно принимая личное участие, не раз был ранен, сражаясь рядом с тем же Кантакузином. Последний не был любимцем-временщиком, как Музалон при Феодоре Ласкаре, но самостоятельною силою, тяжкою для царя и его семьи. Не говоря об уме и образовании, которыми Кантакузин превосходил царя, он — или, вернее, его мать Феодора Палеологина — были настолько богаты, что на своих фракийских вотчинах собирали войска и не раз содержали армию Андроника на свой счет. И Кантакузин с матерью умели использовать свое положение. Феодора затмила влиянием императрицу-мать, принимала послов и устраивала воинские предприятия. Иоанн Кантакузин не только вел войны и дипломатические переговоры лично и на свой страх, но стал фактически главою управления и даже подписывал бумаги красными царскими чернилами.

Свержение Андроника Старшего принесло с собою внутренний мир; Андроник и Кантакузин были врагами репрессий; изобилие припасов обрадовало население столицы. Новое правительство обещало быть более сильным и приступило к отражению врагов. Первым из них был зять Андроника Михаил Болгарский, разграбивший окрестности Адрианополя. Андроник опустошил южную Болгарию, взял Ямвол. Последовало примирение, угрожала сербская опасность; и когда сербы разбили болгар под Вельбуждом (1330 г.) и Михаил был убит, а его вдова, сестра Андроника, изгнана из Болгарии, император вновь захватил всю южную Болгарию до моря. Новый болгарский царь Иоанн Александр — с сербской и валашской поддержкой, однако — прогнал греков из Болгарии, причем сам Андроник оказался в трудном положении под Розокастро и вынужден был заключить мир, обещав свою дочь Александру (1332 г.).

Между тем грозные османы уже обложили Никею. Чтобы обеспечить себя с фланга, Андроник отправился в Кизик и Пиги (Бигу), где заключил договор с соседним сельджукским эмиром племени караси: * постоянным желанием Кантакузина и Андроника было воспользоваться враждою сельджуков к османам. Вернувшись в столицу, Андроник с Кантакузином собрали все силы для похода на османов и выступили с 2-тысячной закаленной в боях фракийской конницей и с многими тысячами ополчения; последнее представляло собою сброд людей, настолько не уверенных в победе, что они захватили с собой лодки на случай бегства. Османов стояло под Никеей не менее 8 тысяч: это было национальное, испытанное в боях войско под начальством Ала-ад-дина, брата султана Урхана. Турки встретили греков не посреди Никейской равнины, но в ущельях Пелекана.

* Караси — не племя, а турецкая династия, утвердившаяся в области Пергама (в Мизии) к началу XIV в. *(Ред.)*.

После перестрелки к ночи греки решили отступить по совету Кантакузина, но болгарский вспомогательный отряд ввязался в схватку, в которой едва не погибли Андроник и Кантакузин. Царь был ранен, и немедленно в греческих войсках произошло смятение; в панике греки рассеялись по разным направлениям, причем погибло много знатных вождей (1329 г.). Поражение под Пелеканом имело для империи гибельные последствия. Никея, ядро империи Ласкарей, была принуждена голодом к сдаче османам (1330 г.), никейские святыни и рукописи попали в руки турок, которые их продавали впоследствии грекам за большую цену. Плодородная Вифиния была утрачена греками навсегда, и победителям открылась дорога к азиатским пригородам Константинополя.

Удар был тяжкий, хотя Урхан, подступив к Никомидии, предпочел мир и обязался не нападать на империю. Чтобы успокоить население, правительство заставило патриарха снять церковное отлучение с приверженцев Андроника Старшего и учредило новый высший суд из четырех «царских судей» (троих светских юристов и одного духовного лица), обязав их страшными клятвами творить нелицеприятный суд и обеспечив их богатыми доходами с земель; но к более глубоким реформам правительство не было способно. Вместе с тем оно решило повести активную политику в Архипелаге, кажется, по инициативе Феодоры Палеологины. Впервые после Михаила VIII был снаряжен значительный флот, который отправился на Хиос для изгнания Мартина Цаккариа, захватившего этот богатый остров. Хиос был воссоединен с империей. Мартин был привезен в Константинополь. В Фокее и среди прибрежных сельджуков (племен сарухан и ментесис — Ментеше, Манташа) * было восстановлено обаяние императорского имени (1329 г.).

Но насколько непрочен был внутренний мир, показала тяжелая болезнь, постигшая царя Андроника. Проявилась глухая борьба домов Палеологов и Кантакузина. По подписанному царем завещанию верховная власть переходила к беременной царице Анне Савойской и наследнику, если таковой будет, но регентство доставалось Кантакузину. Об Андронике Старшем и о царице-матери не было упомянуто. Объявлялась политическая амнистия, распространенная на старых врагов Андроника Младшего — на бывшего салоникского деспота Константина и на Метохита. Было ясно, что завещание — дело Кантакузина, вербовавшего себе политических друзей: Сиргиан был ранее освобожден по его же настоянию и назначен правителем Салоник, резиденции царицы-матери Ксении, армянки. Завещание вызвало движение среди врагов Кантакузина, особенно партии Андроника Старшего, и против покинутого всеми больного и ослепшего «царя и монаха Антония»

* Точнее, турецкие династии, правившие, соответственно, в Магнисе (греч. Магнисия) и Айасолуке (греч. Эфес) *(Ред.)*.

Кантакузин принял крутые меры: градоначальник Синадин вынудил у него под угрозой смерти отречение от всяких видов на престол. Опаснее было движение в Салониках, где народ был приведен к присяге царице-матери и Сиргиану как регенту во имя будущего наследника и, очевидно, против Кантакузина. Больной царь был бессилен примирить дворы своей матери и Феодоры Палеологины, матери Кантакузина, и сам находился в руках последнего. Сам Кантакузин пишет в своей истории, что больной Андроник собирался отречься от престола. Но царь выздоровел, исцеленный будто бы водою живоносного источника богоматери. С тех пор Андроник имел Кантакузина в подозрении, но не мог предпринять шагов против лица, положение которого было так сильно и независимо. Кантакузину удалось расправиться, погубить в глазах царя опасного Сиргиана. Последний был обвинен в заговоре и вызван на суд в столицу, откуда он бежал к генуэзцам в Перу и далее на корабле в Албанию и ко двору сербского короля; там стал он настолько опасен, имея многих сторонников, что Андроник свозил провиант во дворец в своей столице, опасаясь мятежа, и лично отправился в Салоники, где ему удалось покончить с опасным, даровитым врагом: некто Сфранзи Палеолог, притворившись сторонником Сиргиана, заманил его в окрестности Салоник и убил, за что получил звание великого стратопедарха.

Направляемый Кантакузином, царь Андроник снизошел до личных обысков в домах Перы при погоне за Сиргианом, до организации политического убийства, но выгоду получил один Кантакузин. Царь очутился в его руках более, чем когда-либо, тем более, что один за другим ушли в могилу другие враги Кантакузина: Андроник Старший, Метохит, царица-мать Ксения и деспот Константин Палеолог. С деспотом Димитрием, замыслившим переворот при помощи генуэзцев и двух Асеневичей, справилась в отсутствие царя и Кантакузина мать последнего, Феодора.

Кантакузин свободно проводил свою политику. В приморских сельджукских племенах айдин и саруха́н* он видел союзников, быть может личных, на случай борьбы с Палеологами. Племена эти, наполовину огреченные, поселившиеся среди греческого населения малоазиатского побережья, поддавались влиянию византийского двора. Вожди их говорили по-гречески.** Дорога в византийские области Фракию и Македонию была известна сельджукским наемникам и пиратам еще до времени каталанов. Как некогда германцы в Галлии и Паннонии, они считали пустынную Фракию едва ли не своею, по крайней мере Омар, сын дружественного эмира Айдинского, явившись во Фракию с толпой грабителей, удивлялся,

* Точнее, турецкие династии, правившие в Лидии *(Ред.)*.

** Восточные источники, напротив, рисуют эмиров Айдинских ярыми врагами греков и вообще христиан *(Ред.)*.

почему греческие войска загородили ему дорогу, и без боя отступил. Этот самый Омар, когда император обратился к сельджукам за помощью против латинян Фокеи, заявил Кантакузину, что он считает императора за своего государя и обязуется ему служить своими силами.

Сельджуки нужны были Кантакузину не только как исконные враги османов, но прежде всего как помощь против латинян восточного Архипелага. Изгнание последних стало очередной целью византийского правительства. Оно могло уравновесить потери в Вифинии и Македонии. Первый поход на Хиос против Цаккариа был задуман при дворе матери Кантакузина. Большие острова у малоазиатских берегов могли давать богатые доходы, но они шли в руки латинских купцов. И за эти годы сельджукские грабежи возросли необычайно; подданные латинских государей толпами уводились в плен, и латинская торговля была парализована. Особенно страдали венецианцы и генуэзцы, утратившие в конце XIII в. рынки Сирии. За сельджукскими грабежами, за волнениями среди греков-островитян они чувствовали руку агентов Кантакузина. В Венеции явилась мысль разбить греко-сельджукскую опасность путем организации крестового похода против сельджуков, в котором Византия не могла бы не принять участия. Почва для этого плана существовала. Угрожавшая Византии опасность от турок не укрылась от римской курии. Оценив положение, папы оставили свою ставшую традиционной политику, желавшую привести греков к унии угрозою латинского меча. С тридцатых годов XIV в. римско-византийские отношения — даже при папах, наиболее враждебно настроенных к православию, — вступают в новую фазу, завершившуюся флорентийской унией. Та же перемена произошла во взглядах французского двора, и Филипп VI отверг идеи Брокара, представившего мемуар о завоевании католиками Греческой империи. Ведь турки угрожали как грекам, так и латинским государствам в Романии, и грекам следовало помочь, но под условием присоединения их к католическому миру. В 1332 г., по инициативе Венеции и с благословления папы Иоанна XXII, образовалась «конференция», или политическая «уния», между Венецией, родосскими иоаннитами и Византией. С 1334 г. папа находился в союзе с Андроником против турок, подписанном в Авиньоне, и к этой лиге примкнули французские и анжуйские (неаполитанские) дворы, а также наксосский дука Санудо, сильно страдавший от турок. Хотя византийское правительство не могло уклониться от этой лиги, надеясь на помощь против османов и желая обеспечить себя с латинской стороны в Фессалии, Эпире и Македонии, оно было далеко от мысли оказать латинянам реальную помощь, хотя и собирало флот. Корабли латинян-союзников сожгли несколько сельджукских селений, но до крестового похода, назначенного на 1336 г., дело не дошло. Монархи отдаленного Запада от него уклонились. Между тем раздражение против Византии росло среди латинян

Леванта, и центром агитации явилась генуэзская колония в Пере, особенно когда император заключил политический союз с венецианцами, который мог привести к утрате генуэзцами их торговых привилегий и преобладания на Черноморье. Генуэзский пригород Константинополя занял враждебное положение к византийскому императорскому правительству, поддерживал его внутренних врагов и, несмотря на запрещение, укреплял свои стены. При негласном участии генуэзцев латиняне Леванта, именно родосские рыцари — генуэзец Каттанео Фокейский и Санудо Наксосский, — решили выступить против Византии открыто, вознаградив себя за ее счет, и захватили богатый остров Митилену, или Лесбос (1336 г.). Андроник начал с ближайших врагов и подстрекателей, осадив Перу и заставив срыть ее стены, но и после этого разбогатевшие купцы поддерживали врагов правительства (деспота Димитрия) и снаряжали корабли для помощи врагам императора. С сильным флотом из 84 кораблей Андроник с Кантакузином отправился на Митилену, занял остров — кроме города Митилены, где укрепился Каттанео; затем осадил Фокею, где были захвачены людьми Каттанео знатные заложники эмира Саруханского. С помощью сельджукских кораблей и войск, благодаря дипломатическому искусству Кантакузина укрепленные Фокея и Митилена сдались императору на условиях. Каттанео был оставлен в Фокее в качестве царского наместника, а фокейские купцы в ущерб генуэзцам получили право беспошлинной торговли в империи; остров Митилена был возвращен императору (1336 г.). Значение латинян настолько пало, что вскоре и Фокея прогнала Каттанео со всеми генуэзцами; влияние Византии на сельджуков, наоборот, упрочилось.

Тем тяжелее чувствовалось неудержимое и последовательное наступление османов. Раз занятое ими не возвращалось, колонизовалось, становилось турецким. Далеко не все христианское ими разрушалось, например в Никее с 1330 г. до сих пор в руках греков сохранилась церковь монастыря Иакинфа с ее мозаикой. Те греческие элементы, которым чиновники Палеологов были особенно тяжки, мирились с турецким патриархальным режимом и даже помогали его утверждению. Греческое крестьянство работало на беев и большей частью перешло в ислам. Пограничные помещики-акриты часто водили дружбу с османами, когда еще были их соседями на предгорьях Олимпа, иногда сражались в их рядах. Почти не отличаясь от них по образу жизни, они жили узкими местными интересами и без особой боли подчинились роду Эртогрула, так как Византия их не защищала, а только брала. Турецкая власть была сурова, сообразно времени и варварству завоевателей. При Урхане греческий элемент явился в турецких войсках в виде постоянного корпуса янычар («новопризванных»), набиравшегося из христианских детей; их была сначала всего тысяча, и янычары были отборным, любимым корпусом: поступившие в него делали карьеру.

Заняв Никею, Урхан лишь на короткое время примирился с Андроником и усыпил его бдительность дарами (1331 г.). Он не мог удержать стихийного движения османов на новые, притом запустевшие земли на склонах плоскогорья к морю. Уже в 1332 г. снова императору пришлось выступить для защиты Никомидии, притом в последний раз: слишком он был занят войной во Фракии. Более помощи Никомидии не было, хотя османы отступили. Урхан захватывает гавань Киос (ныне Гёмлек) на устье реки, вытекающей из Никейского озера. Двигаясь на юго-запад, он покорил (1336 г.) сельджукское племя караси,* жившее по реке Риндаку и на плодородном плоскогорье по южному побережью Мраморного моря до Кизика. Наконец в 1337 г. пала Никомидия, ныне Измид, с плодородной низменностью кругом большого озера и по реке Сангарию; Измид стал гаванью и верфью для турецкого флота. Переход побережья Мраморного моря в руки османов открыл им путь к фракийскому побережью. Если нападения на Фракию и Халкидику вернее отнести на долю сельджуков, несмотря на их дружбу с византийским правительством, то набег 1332 г. на Родосто и другие города к северу от Мраморного моря был делом османов. Весь 1338 г. наполнен известиями о турецких грабежах во Фракии, и сам Урхан с 36 кораблями подступал к Константинополю, но был разбит, причем греки, по известию Григоры, не понесли никаких потерь.

Чем объяснить, что воинственный Андроник бывал лишь урывками на азиатском фронте и его правительство продолжало близорукую политику Палеологов, тратя силы на отдаленном Западе вместо того, чтобы их сосредоточить на защите Вифинии и Мраморного моря? Кроме презрения к полудиким варварам, считавшим честью одежду с царского плеча (сколько их видела древняя империя, и никто из них ею не завладел!), между прочим имели вес личные интересы правящей аристократии с Палеологами и Кантакузинами во главе. Их богатые родовые земли лежали во Фракии и Македонии; Вифиния стала глухой и запустелой крестьянской областью, заброшенной правительством, особенно после восстания в пользу несчастного Ласкаря. Держались одни города за их стенами, восходящими к римским временам, и за их пределами поражает скудость памятников византийских при обилии античных и древнехристианских. Манил и ослеплял культурный, веселый Запад.

Север Греции и Македония с Фракией были главным театром военной и политической деятельности правительства Андроника. Над всеми вопросами господствовал один — сербская опасность при Душане. Но как в отношении османов, так и против Сербии византийское правительство не нашло в себе сил, чтобы предпринять планомерное и решительное отра-

* См. сноску на стр. 693 *(Ред.)*.

жение могущественного врага, и ограничилось бессвязными, пассивными мерами: и здесь и там последствия были одинаковые — невозвратимые потери и безнадежное будущее, не всегда ясно сознаваемое.

На фоне сербской опасности правительство Андроника спешит разрешить вопросы сравнительно второстепенные, но назревшие, завещанные первым Палеологом. При этом в Эпире и северной Греции оно сталкивается с традиционным врагом — Анжуйским (или Тарентским) домом, унаследовавшим претензии потомства императора Балдуина II Куртенэ. Положение Византии в этом районе было благоприятно при вступлении Андроника Младшего. Янина и Северный Эпир были закреплены за Византией, государство Эпирское со столицей Артой находилось под византийским влиянием, и деспот Иоанн был вынужден признать верховенство императора. Но вскоре знакомый нам Филипп Тарентский снарядил экспедицию своего зятя Вальтера Бриеня, претендента на среднюю Грецию, против эпирского деспота и по взятии Арты заставил последнего принести ленную присягу. Хотя в том же году Филипп умер (1331 г.), но Эпир и юг Албании подпали под итальянское влияние, и один из наследников Филиппа, наместник Ахеи Иоанн Гравина, принял титул дуки драчского и государя королевства Албании. Смерть владельца лучших земель Фессалии, полунезависимого Стефана Гавриилопула из знатнейших Мелиссинов, вызвала большие перемены в Фессалии и вступление византийских войск, руководимых салоникским стратигом Мономахом, потом самим царем. Одновременно эпирский деспот захватил часть Фессалии и в столкновении с царскими войсками потерпел такую неудачу, что не только был вытеснен из Италии, но и в самом Эпире византийское влияние одолело анжуйское (1334 г.). Вся Фессалия, кроме принадлежавшей Каталонскому государству южной части с Новыми Патрами, была присоединена к Византийской империи, и наследие старого врага Палеологов Иоанна Ангела Фессалийского было ликвидировано в пользу константинопольского правительства. Сверх того четыре независимых албанских племени, живших кругом Эльбассана, подчинились византийскому императору.

Очередь была за Эпирским государством, давно уже утратившим возможность распоряжаться своими судьбами. Борьба итальянского и анжуйского влияний давно уже перешла в междоусобия властелей и придворных партий, мятежи и политические убийства. В 1336 г. деспот Иоанн был отравлен своей женой Анной. Одновременно в связи с захватом сербами Драча (1336 г.) в южной Албании вспыхнуло восстание против византийских властей. В 1337 г. Андроник Кантакузин с сельджуками упомянутого Омара вступили в Албанию и жестоко разорили страну: турки продавали сотню быков за одну золотую монету и увели множество пленных в неволю. В Эпире ожидал более легкий и значительный успех. Деспина Анна не могла спасти независимость страны, несмотря на все хлопоты

перед Кантакузином, несмотря на обручение юного наследника Никифора с дочерью Кантакузина, и страна после более чем столетней независимости была воссоединена с Византийской империей. Анне с сыном было предложено переселиться в Салоники, где им были пожалованы богатые имения. Велика была радость Андроника: Эпира не могли присоединить ни дед его, ни отец, и он провел в своих новых областях более года, организуя управление; во главе Эпира был поставлен главный сообщник Кантакузина Синадин, столичный епарх. Но едва царь уехал, анжуйская партия во главе с властелями, привыкшими к феодальным западным вольностям и к анжуйским деньгам, подняла восстание, Никифор был увезен в Италию, помолвлен с дочерью Филиппа Тарентского и Екатерины Валуа и вернулся с итальянской помощью. Синадин был брошен в тюрьму. Однако Янина и северный Эпир остались верными Византии. Опять Андроник с Кантакузином выступили в Эпир и благодаря дипломатическому искусству Кантакузина овладели Артой и двумя городами, где заперлись восставшие. Сдавшийся Никифор был отправлен в Салоники. Вся западная Греция от Албании до Коринфского залива была воссоединена с империей, и во главе новых областей был поставлен родственник Кантакузина Иоанн Ангел.

Воссоединение Фессалии и Эпира было крупным событием, но еще значительнее было движение сербов в греческие земли.

Здоровье Андроника было расшатано невоздержанной молодостью, ранами и невзгодами. Его преждевременная смерть в 1341 г. не внесла перемен в направление внешней политики, и ранее руководимой Кантакузином. Но при возобновившихся династических междоусобиях резче проявились пагубные стороны усвоенной внешней политики.

Старшему сыну Андроника, молодому царю Иоанну V Палеологу, было всего 8 или 9 лет. Завещания Андроник не оставил. Кантакузин остался хозяином положения, в его руках было преданное войско и деньги как казенные, так и большие личные. Не медля, он окружил дворец преданными ему варягами и разослал властям указ о подавлении мятежей, т. е. попыток свергнуть его власть. Еще не было справлено пышное поминовение по Андронике (даже св. София не вместила собравшегося духовенства), как против Кантакузина выступили в первом же заседании синклита его главные враги в Константинополе: царица Анна, патриарх Иоанн Априйский, из знати — Гавала и трое Асеневичей и, наконец, опаснейший из всех — дука флота и протовестиарий Апокавк, бывший сообщник Кантакузина, незнатный, но честолюбивый и не стеснявшийся в средствах; он предлагал Кантакузину помощь в достижении престола, но Кантакузин ему не доверился, и Апокавк стал его заклятым врагом. Поддерживаемый царицей патриарх, хотя и ставленник Кантакузина, переселился во дворец в качестве защитника малолетнего царя и потребовал учреждения регентства с ним,

патриархом, во главе. Кантакузин держал себя спокойно и с выдержкой и даже при первом случае — обсуждении войны с болгарами — подал в отставку, зная, что без него не обойтись; и когда бессильные его враги просили управлять делами, он стал действовать еще спокойнее. Внешние враги рассчитывали на смуты: вторглись сербы, восстали албанцы, турки готовили нападения. Александр Болгарский требовал выдачи царевича Шишмана (сына Михаила Болгарского и сербской королевы), грозя войною. Кантакузин выступил против Александра, поспешившего примириться, дважды отразил сельджуков Якши и Саруxана в Дарданеллах, возобновил дружеский договор с османским султаном Урханом. При этом он предупредил заговор Апокавка, который, вместо похода на турок, пытался захватить малолетнего царя и имел возможность скрыться в своем укрепленном городе Эпиватах.

Презирая внутренних врагов, Кантакузин лелеял большие планы. К нему прибыли посланцы из Мореи. Плохое управление баронов и наместников Екатерины Валуа, столкнувшихся даже с папской властью, тяготило латино-греческое бесправное население Мореи, так называемых гасмулов. Византийское управление в округе Мистры казалось лучшим. Гасмулы и даже часть баронов просили Кантакузина присоединить к империи латинскую Морею, с сохранением за ними их земель. Кантакузину рисовалось очищение и средней Греции от каталанов, чтобы империя в древнем блеске простиралась от столицы непрерывной линией до конца Пелопоннеса. Хотя у него нехватало средств для отражения сербов, подошедших к Салоникам, хотя внутри государства он был окружен врагами, даровитейший из политиков своего времени оказался мечтателем, где дело шло о древнем блеске и о «дерзких варварах», каковыми он считал сербов Душана. Сторонники и родные Кантакузина, его люди и войско тяготились неопределенным положением, ожидали и даже требовали, чтобы их вождь возложил на себя корону. Сам Кантакузин был врагом поспешных и нелегальных шагов, предпочитая фактическую власть узурпации. Среди своей партии он не чувствовал себя свободно. Протостратор Синадин, поставленный им во главе Салоник, другие правители и архонты западных областей прислали в Дидимотих, укрепленное гнездо Кантакузина, трех знатнейших лиц (пинкерна Иоанна Ангела, Константина Палеолога и великого папию Цамвлакона) с требованием не предпринимать решительных шагов без их ведома и совета; но эти представители западной знати обращались с Кантакузином, как с царем. Кантакузину предстояло или быть ставленником служилой знати на императорском престоле, или погибнуть под ударами явных и влиятельных врагов. Даже под окнами Влахернского дворца знатная молодежь требовала для Кантакузина царских почестей, не стесняясь присутствием царицы Анны. Однако претенденту нехватало

решительности, бывшей у Михаила Палеолога, ответственность за переворот он не хотел взять на себя, все еще надеясь устроить дело миром. Он хотел брака юного царя со своею дочерью, но свадьбу откладывал; он хотел обезопасить себя со стороны Апокавка, но вместо решительных мер против злого врага поехал к нему в Эпиваты и, удовлетворившись его обещаниями, сам пропустил его в столицу. В Апокавке он ошибся. Прибыв в Константинополь, он немедленно возбудил и объединил врагов Кантакузина, начиная с царицы и патриарха. Он заставил принять важные решения в отсутствие Кантакузина. Он был назначен правителем расходов. Мать, сын и невестка Кантакузина были окружены стражей, но народ еще не решился грабить богатый их дворец, удовольствовавшись разгромом домов знатных приверженцев Кантакузина, из коих 42 спаслись бегством. Все попытки друзей Кантакузина и даже его самого вступить в переговоры кончались тем, что Апокавк бросал посланных в тюрьму. Сама царица была запугана. Тайно она советовала Кантакузину проявить терпение, а явно подписывала грамоты и указы, которыми Кантакузин обвинялся в умыслах против юного царя; от него требовали удалиться в частную жизнь. При таких условиях собравшиеся в Дидимотихе сторонники Кантакузина ради собственного спасения заставили его возложить на себя знаки царского достоинства; но и тогда он не решился выступить против династии и приказал поминать себя с супругой Ириной лишь после царицы Анны и Иоанна Палеолога.

В первый же период борьба Кантакузина с Палеологами приняла характер, далеко выходящий за рамки династической борьбы. Широкое, для Кантакузина неожиданное участие народных масс под знаменами самодержавия могло при успехе изменить ход византийской истории и вернуть империю к счастливым временам Ласкарей, завещавших потомству жизнеспособное национальное царство. Народные восстания против аристократического режима в провинциях бывали и прежде, но они были неорганизованы и бессильны. Крупнейшим было восстание крестьян в Вифинии во имя прав Иоанна Ласкаря, но оно было потоплено Палеологами в потоках крови и оставило по себе безлюдную Вифинию, ставшую легкой добычей османов. Теперь народное движение шло под знаменем самодержавия Палеологов, успевших уже стать прирожденною, законною династией; оно охватило Фракию и Македонию, главную и лучшую часть империи, не имело успеха по недостаточно известным внутренним причинам и по ясным внешним: призыву слишком талантливым Кантакузином главных и роковых врагов эллинизма — сербов и особенно турок. Последствием была гибель последних живых сил империи, сплошное опустошение Фракии и Македонии, ставших в свою очередь легкой добычей османов. После того история Византийской империи сводится к истории Константинополя с его пригородами, в котором греческие императоры просуществовали свыше

столетия, скорее благодаря ряду счастливых обстоятельств, из коих главным был разгром османов Тимуром.

В такой перспективе особо интересны подробности борьбы Кантакузина с Палеологами, к сожалению, односторонне и недостаточно освещенные главнейшим источником — историей самого Кантакузина. В его лагере была фракийская служилая аристократия — ядро боевой армии, всего из 16 конных полков, около 2000 человек. Против него, против властелей и знатных поднялись — и, повидимому, более по своему почину, чем по призыву агентов Апокавка, — простой народ, незнатные горожане и вся масса крепостных, париков и безземельных проскафименов Фракии, во имя защиты самодержавного престола Палеологов. В Адрианополе грамота нового царя Кантакузина, возведенного на престол его знатными сторонниками, его войском, была встречена с энтузиазмом одними знатными, многочисленными и в крупных городах; они заставили прочесть ее в церкви, а простонародье им пришлось разгонять плетьми. Той же ночью трое чернорабочих * обходили дома незнатных горожан, призывая избавиться от знатных и разграбить их дома. Жители Адрианополя еще во времена Латинской империи выступали против архонтов, которым нравились феодальные порядки, и теперь возбудить их было легко. Проживавшие в городе архонты, т. е. знатные землевладельцы, были схвачены и отосланы в Константинополь; дома их были разрушены до основания. Восстание быстро охватило всю Фракию, даже всю империю, если верить Кантакузину, и приняло не только политический и сословный, но и социальный характер. Грабили богатых вообще. Должники не платили кредиторам, обвиняя их в «кантакузинизме»; и это известие венценосного историка должно быть распространено на кабальное крестьянство, на социально-экономические отношения между властелями и обезземеленным сельским населением. Повсюду городские низы восстали на защиту Палеологов, именем последних сводя со знатными свои старые счеты. Из «лучших», т. е. богатых и знатных, одни искренно служили Кантакузину, другие обвинялись в том без всякого доказательства бедными и сторонниками переворота. Простой народ, по показанию самого Кантакузина, и ранее, в мирные времена, имел большую ненависть к «лучшим» вследствие грабительства и притеснений со стороны последних. Теперь же все могли беспрепятственно обогащаться, т. е. в земледельческой стране захватывать земли и рабочий инвентарь. Зачинщиками были беднейшие; но к ним пристали умеренные, которые не пошли бы на грабеж в мирное время. Все города восстали «сообща». Погромы сопровождались бесчеловечными убийствами, причем необузданное нападение на родных и измена самых близких считались за верность царю

* Имена этих народных вожаков (Вран, Мугдуф и Франгопул) передает Кантакузин в своей «Истории» *(Ред.).*

Палеологу. Из этих известий видно, что отношения личной близости и зависимости, на коих был основан господствовавший аристократический строй, разрушались во имя верности престолу и борьбы со знатными изменниками. Получается несомненная картина социальной революции,* во главе которой стали «действовавшие сообща» города, может быть, неизвестный нам союз северных городов.

Восстание во Фракии и в Македонии тяжко отразилось на партии Кантакузина. Потрясена была и оборона империи. Призванный горожанами Адрианополя болгарский царь Александр не был, впрочем, допущен внутрь города и лишь разграбил земли Кантакузина под Дидимотихом. Посланный Кантакузином для наблюдения за Константинополем отряд отступил, причем многие перешли на сторону Палеолога, но прочие прогнали болгарские отряды с помощью подошедших сельджуков, служивших Кантакузину, и Александр заключил мир.

Выступление болгар разожгло мятеж. Образ действий Кантакузина в силу народного восстания, а также в силу его личной умеренности был оборонительный и даже примирительный; но руководимый Апокавком константинопольский двор не хотел слышать о примирении и считал Кантакузина бунтовщиком. Его послов в столице бросали в тюрьму с позором. Его мать, гордую Палеологину, не раз содержавшую армию Андроника Младшего на свой счет, заключили в тюрьму, лишениями довели до скорой смерти. Сама императрица Анна Савойская не могла облегчить ее заточение, не могла узнать о ней правду даже через своего врача и узнала лишь по смерти Феодоры Палеологины через родственницу-монахиню. Богатый дворец Кантакузина в столице был разрушен. Его земли и имущество во Фракии, кроме укрепленного Дидимотиха, были разграблены, и он сам затруднялся исчислить свои убытки, называя лишь количество скота: 5000 быков, 1000 пар рабочих волов, 2500 кобылиц, 200 верблюдов, 300 мулов, 500 ослов, 5000 свиней, 70 000 баранов, несчетное количество хлеба. Выяснить образование и размеры этого крупнейшего хозяйства было бы благодарной задачей, разрешение коей позволило бы заглянуть глубоко в причины скудости царской казны, слабости государства, народного бесправия и озлобления — внутренних причин неизбежной катастрофы Византии, для которой указывают мощные внешние причины наши источники, односторонние, скудные и к тому же еще плохо разработанные.

Тесть Кантакузина Андроник Асень (Асеневич) выступил против него с войском Палеолога. Его поход был триумфальным шествием. Кантакузин со своим небольшим отрядом не смел даже подступить к Дидимотиху, где укрылась его семья. Междоусобие принесло ужасные плоды. Фракия, по словам Кантакузина, обратилась в скифскую пустыню.

* Термин «социальная революция» конечно, неприемлем в отношении событий во Фракии, которые следует считать началом восстания зилотов (*Ред.*).

Мистра. Так называемый «Дом Ласкаря» и вид на Пантанассу.
XIV—XV вв.

Кантакузин, безуспешно пытавшийся переговорами овладеть Адрианополем, на примирение не мог и надеяться. Его имя подвергалось в столице публичному поношению, патриарх предал его анафеме, хотя в своем лагере, верный своей линии поведения, он не допускал оскорбления семьи царя Андроника. Среди своих сильных сторонников в Македонии, большей частью его ставленников, Кантакузин не встретил поддержки. Его послы не были даже выслушаны епархом Фессалии Мономахом, были отосланы без ответа его старым соратником протостратором Синадином, правителем Салоник, и лишь выслушали упрек Кантакузину в неблагодарности к своим друзьям; правитель Виры на устье реки Марицы, армянский принц Гим (родственник матери Андроника Младшего), бросил послов Кантакузина в тюрьму, отказался от помолвки своей дочери с сыном Кантакузина, разграбил имения Кантакузина и его приверженцев, жестоко мучая попавшихся к нему в руки. Таким стало положение могущественного вельможи, десятки лет руководившего империей и оказавшего ей большие услуги; но Кантакузин не утратил энергии и проявил величие духа. Его уравновешенной и осторожной личности пришлось пережить борьбу, полную драматизма и даже смелых авантюр.

Руководимое Апокавком константинопольское правительство действовало энергично. Молодой император Иоанн V был коронован патриархом (1341 г.); чтобы не остаться без денег, не постеснялись заложить венецианцам камни царского венца за 30 000 дукатов, они так и остались в ризнице св. Марка; при этом с Венецией было возобновлено перемирие с обязательством возместить венецианским купцам стоимость разграбленного у них имущества. В звании великого дуки флота Апокавк стал всесильным временщиком, выдал дочь за Андроника Палеолога, сына деспота Константина, рассчитывая возвести зятя на престол. Он послал флот против сухопутных сил Кантакузина, и план этот имел смысл, так как целью обеих воюющих сторон были приморские Салоники, второй город империи.

Многолюдный этот «великий град» в XIV в. был населен десятками тысяч греков, славян, армян, евреев, гасмулов и латинян; последние имели свои кварталы и консулов. Уже после всех ужасов завоевания турками Македонии венецианцы считали в Салониках 40 000-е население. Город был главным ввозным и вывозным рынком для благословенной природою Македонии, на его ярмарку, на праздник св. Димитрия, сгонялись кони и скот даже из Венгрии и Валахии, привозились ценные товары из Трапезунта и из Западной Европы; целую неделю длился съезд, церковный и народный праздник, «новые Панафинеи», красочно описанные в византийском диалоге-романе «Тимарион». Храм и рака св. Димитрия были святыней для всего греческого мира, в частности для Палеологов,

много монастырей, среди которых два русских — св. Пантелеймона и св. Зинаиды, — украшали богатый город. Во главе населения стояла служилая и земельная аристократия, в XIV в. всего до 60 семейств, из коих иные могли содержать на свои средства весь салоникский гарнизон. Рядом с их трехэтажными хоромами жил многочисленный средний класс, купцы, ремесленники, чиновничество, духовенство, сильная корпорация привычных к оружию моряков и, наконец, масса простонародья, рабочих и поденщиков. Город имел значительный гарнизон и управлялся губернатором (дукой), которому были подчинены катепаны и «головы» областей и городов. Архонты заседали в салоникском «сенате» и только за собою признавали право на доступ к высшим должностям. Даже среди духовенства была своя наследственная аристократия — многочисленный клир при святыне Димитрия, имевший даже особое одеяние. Велики были богатства монастырей и храмов, умножавших их торговлей и отдачей денег на проценты. Бедному человеку в Салониках, как вообще в Византии, приходилось много терпеть от богачей, вплоть до палочных ударов и выселения из родных домов; лишь цехи и корпорации защищали слабых. Среди простонародья источники отличают малоимущих, имевших все-таки свою недвижимость и хозяйство, от чернорабочей голи. За городом крепостные парики, имевшие собственные участки, и пришлые проскафимены, пахавшие чужую землю, составляли подневольную массу, работавшую на властелей светских и духовных; были и невольники из пленных мусульман. Даже многочисленные средние классы не имели силы, не будучи сплочены, и кто мог — тяготел к верхнему слою. Либеральные профессии многим давали заработок, но немногим — почет и доступ в высшее общество, для которого незнатные врачи и литераторы были предметом насмешек. Это тем более удивительно — хотя и характерно для византийского общества повсюду, — что Салоники и в XIV в. были значительным центром просвещения: любовь к литературе в некоторых и знатных семьях была укоренившейся и общей, о чем свидетельствуют имена братьев Кидони, двух Ксанфопулов, двух Кавасила. О высоком и непоколебленном уровне просвещения свидетельствуют такие имена, как юриста и судьи Арменопула, «Шестикнижие» которого действовало еще в начале XIX в. в Молдавии и Бессарабии, или архиепископа Симеона, писавшего в XV в., или гуманиста Феодора Гази. По словам чтеца Иоанна, описавшего взятие родного города турками, Салоники притягивали к себе, как любовник; архиереи из него не уходили добровольно. Ряд школ, курсы лучших профессоров поддерживали уровень просвещения; салоникские знатные женщины блистали образованностью и чистотою языка. Не менее замечательно местное искусство, церкви XIV в. (св. Апостолов), фресковые росписи, иконы на дереве и на ткани,

оклады, переплеты и резьба; памятники этого рода уцелели кое-где в Македонии, на Афоне и на Западе.*

Издревле в Салониках существовала система муниципального самоуправления, обычаи и вольности, подтвержденные и латинским императором Балдуином, и никейским — Ватаци (1246 г.); последние перед турками хозяева, венецианцы, гарантировали соблюдение обычаев и законов Салоник. Не было писанного сборника местного права, однако не только губернаторы в управлении, но и судьи в своих приговорах и толкованиях применяли местное право, сообщая ему силу царского закона. Источники упоминают «закон основателей города», а также ближе не известный «закон пригородов». Граждане Салоник весьма дорожили своим обычным правом. Органами самоуправления были городской сенат из архонтов, заседавший под председательством губернатора в своем особом здании, принимавший присягу архиепископа и чиновников в соблюдении местных обычаев и вольностей, утверждавший распоряжения многочисленных муниципальных чиновников и дававший им инструкции, обсуждавший даже дела о ересях; перед ним оправдывались и архиепископы, и губернатор Апокавк, и даже император Кантакузин (1350 г.).

Далее собиралось вече, или «собор [екклисия] народа», созываемое колокольным звоном по воле губернатора, архиепископа или руководителей народных партий в смутное время. На вече, собиравшемся под открытым небом, всякий имел право голоса; но неискусных ораторов провожали насмешками. В отношении городских вольностей Салоники не стояли одиноко: вспомним Янину, Монемвасию, латинские Патры, малоазиатскую Филадельфию и Адрианополь; но вопрос этот мало разработан и идеализацией г. Сафы скорее затемнен. Материал о самоуправлении Салоник собран и исследован в книге г. Тафрали.**

К середине XIV в. социальная вражда в Салониках достигла большой остроты и особенно сказывалась в вопиющем неправосудии, ростовщичестве и необеспеченности личной безопасности. Напрасно патриоты, как Хумн и Кидони, архиепископы Палама и особенно Кавасила взывали к знатным и богатым, убеждая прекратить насилия и не разорять бедняков. В связи с политическими событиями торговля и кредит переживали тяжкий кризис. Разразились на этой почве народные восстания 1342 г. и 1345 г., особенно кровавым было последнее.

* Путешествия Н. П. Кондакова по Афону и Македонии; экспедиции Русского археол. института в Константинополе и Французской школы в Афинах.

** O. Tafrali. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1913. [Помимо этой работы Tafrali теме о Салониках посвятил еще следующие труды: Topographie de Thessalonique. Paris, 1912; Thessalonique des origines au XIVe siècle. Paris, 1919. Все книги Тафрали снабжены хорошими библиографическими указаниями. *(Ред.)*].

Социальное движение осложнилось богословским. В XIV в. Афон был охвачен учением игумена Симеона — «нового богослова», Григория Синаита и других аскетов об очищении души тихою молитвою, дарующей мистическую благодать явленного апостолам фаворского света. Затворившись в келье и затаив дыхание, устремив взор на сердце или даже на собственный пуп, молчальник-исихаст должен был повторять про себя «Господи, помилуй», пока не почувствует бесконечное наслаждение. Все это, конечно, была лишь практика, над которой стояла теория спасения созерцанием по учению святых отцов; но практика факирская, занесенная из Индии, быстро приобретшая приверженцев среди монашества и одновременно резких обличителей, вызвавшая насмешки индифферентных. Умам, воспитанным в аристотелевской схоластике, не был понятен этот афонский мистицизм, идейные корни которого восходили к византийским толкованиям Платона, а жизненное оправдание и сила лежали в болезненном, но почти всеобщем отвращении от современности, жалкой и безутешной. Ничто не было ближе уму и особенно сердцу тогдашнего аскета, как жажда приблизить к себе потусторонний мир, переплести его с личной жизнью, достигнуть непосредственно восприятия таинственной благодати. Вся Афонская гора перешла на сторону исихастов, особенно когда во главе их стал знатный аскет Палама, переселившийся с Афона в Салоники. Во главе его критиков стал красноречивый, образованный философ Варлаам, грек из Калабрии, также приехавший в Салоники. Варлаам пользовался большим авторитетом как профессор философии, особенно аристотелевской,* и, несмотря на охлаждение к нему Кантакузина и на вынужденный отъезд из столицы, получил дипломатическую миссию к папскому

* Об учении Варлаама приведем отрывок из похвального слова Нила Григорию Паламе, в переводе Ф. И. Успенского: «Он полагал, что нет ничего выше и больше эллинской мудрости и обязательной силы силлогизмов и той истины, которая уловляется ими, как добыча, и что ничто другое не в состоянии привести к знанию причин всего сущего. А вот это и еще безумнее и превосходит всякую воображаемую нелепость, что, по его мнению, и с самим богом никто не может соединиться, если не пройдет прежде этого пути; что только тот, кто вступит в общение с Пифагором, Аристотелем и Платоном и изучит из них естественные законы природы, поймет происхождение вещей и неизбежность последующего затем уничтожения, только тот может притти к восприятию истины. Ибо, — говорил он, — если бог есть истина, то незнание истины есть незнание бога; всякий же, кто не изучил внешней мудрости и не ознакомился с тем, что изобрели эллинские мудрецы о движении небесных тел или природы, не знает истины, а это одно и то же, что не знать бога... Никто не может быть просвещенным, не изучив внешней мудрости. Таковое безумие свойственно было не ему, впрочем, одному, но распространилось во всем латинском племени с давних пор... И случается у них нечто смешное и слез достойное. Зрелого возраста люди собираются в детские школы, изучают там внешнюю мудрость, свысока трактуют возвышенные предметы, себя же в безумии превозносят и... оставляют в полном пренебрежении поистине прекрасное и то, что к богу приближает и может просветить душу» (См.: Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892,

двору. Не изучив, не оценив патриотической основы учения исихастов, Варлаам обрушился на «молельщиков пупо-душных» как на еретиков и изуверов, перенеся свою критику на улицу, лично и через своих учеников. Получилось движение не только против исихастов, но вообще против монашеского аскетизма. Палама вступил с Варлаамом в словесный диспут (1338 г.), уговаривая его удовлетвориться преподаванием светской философии; но, не имев успеха, он выступил и с письменным обличением прославленного профессора. Полемика задела уже основные вопросы об исхождении св. духа, о фаворском свете и о пользе светской философии. При этом Палама обвинял своего противника в латинстве, а Варлаам обличал Паламу в походе на светскую философию и человеческий разум, а также во всех возможных ересях, начиная с эллинского многобожия и кончая богомильством. Особенно поразило Паламу обвинение в массалианстве или богомильстве, распространенном на Балканах: этот удар попал в цель. Восточный мистицизм боролся с началами Возрождения. С сороковых годов полемика приобрела характер общественной расприи, Салоники разделились на два враждебных лагеря, так что вмешалась государственная власть, круто и нецелесообразно. Варлааму запретили писать иначе как под цензурою Паламы. Энергичный Варлаам перенес дело в Константинополь и добился церковного собора, обвинив Паламу в противоречии канонам. На собор (1341 г.) Палама явился совместно с представителями афонского монашества. В прениях Палама опирался на тексты из святых отцов, а Варлаам — на логические выводы из канонов и на истины древней философии. Божество, — доказывал Палама, — имеет эманации, отличные от его сущности, и явленный апостолам фаворский свет есть божественная эманация, а не реальный свет, как утверждает Варлаам. Хотя акты собора 1341 г. дошли в искаженном виде, можно видеть, что Кантакузин и патриарх, а за ними и собор, стараясь о восстановлении церковного мира, не осудили окончательно ни Паламу, ни Варлаама, но лишь запретили им агитацию.

стр. 266—267. — *Ред.)*. Здоровый рационализм западной схоластики, задорной и наивной, преподаваемой Варлаамом в Салониках, столкнулся на византийской почве не только с догмой Откровения, но и с лучшим знанием Аристотеля, притом во всех его трудах и в подлиннике, и с более богатыми сведениями в области средневековой астрономии и физики в лице просвещеннейших умов Византии, какими был Феодор Метохит и его друг и собеседник Григора, о чем свидетельствует неудачный для Варлаама диспут с Григорой (около 1330 г), описанный последним в диалоге «Флорентий». В то время Варлаам пользовался покровительством Кантакузина, а старые ученые, принадлежавшие ко двору низверженного императора, были в немилости. Сам Григора отрицательно относился к афонским исихастам, обвиняя монахов в чревоугодии, тунеядстве и даже в обмане верующих. О деятельности Варлаама, о его миссии на Запад, о его влиянии на ранних гуманистов в Италии, о философском трактате Акиндина, представляющем попытку применить аристотелевское учение о родах и видах к определению сущности и свойств божьих, — см.: Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии XIV в. ЖМНП, ч. 279, 1892 г.

За смертью покровителя своего Андроника Варлаам уехал в Италию, где получил епископство по ходатайству Петрарки, очистив поле для Паламы. Последний выдвигается как церковная и политическая сила при содействии Кантакузина, нуждавшегося в поддержке афонского монашества, руководимого Паламой, и македонской знати, из рядов которой Палама вышел. Накануне открытого разрыва с двором Палеологов Кантакузин добился редакции соборных актов в духе бо́льшего осуждения эмигрировавшего Варлаама. В связи с династическим и социальным междоусобием борьба обеих церковных партий, сохранив старые имена вождей и их формулы, вступает в новый фазис, из философской переходит в церковно-политическую, ожесточенную, глубоко волнующую широкие круги общества, далекие от богословских тонкостей.

Партия Паламы открыто выступает против патриарха Иоанна Калеки, долголетнего слуги Палеологов, и подает царице Анне записку, обвинявшую его и в дурном управлении, и в соглашении с варлаамитами. На помощь патриарху выступает ученый монах Акиндин, родом, кажется, из славянских архонтов Македонии, прежде друживший с Паламою и оказывавший ему гостеприимство. По поручению патриарха он составляет записку в защиту церкви против новшества Варлаама и Паламы. Но столкнувшиеся силы были настолько крупны, что нейтральная партия стала невозможной. Салоникский юрист Арменопул испытал это на себе, будучи обвинен в собственной, третьей ереси. И Акиндин становится во главе варлаамитов. Под его влиянием и патриарх ищет в них опору. Соборные акты вновь исправляются в пользу Варлаама; враждебные Паламе епископы обвиняют его в тяготении к богомильству, укоренившемуся на Балканах; выдвигается кандидатура Акиндина на салоникскую митропольную кафедру. Но политическая обстановка меняется в пользу Кантакузина и Паламы, царица Анна спешит примириться с паламитами, и в 1347 г. созывается новый собор для оправдания Паламы. Патриарх был низложен, Акиндин осужден заочно. Палама, попавший было в тюрьму за сношения с Кантакузином, назначается на салоникскую кафедру, хотя буржуазные партии в Салониках были враждебны Паламе, стороннику Кантакузина и властелей; население его даже не приняло. Акиндин не прекращает борьбы, стоя во главе варлаамитов, и в 1351 г. созывается новый собор в Алексеевском триклине; Варлаам был признан отлученным прежними соборами, чего в действительности не было; осуждены были и патриарх Иоанн, и все враги Паламы среди иерархов. Составленное Паламою исповедание было утверждено, равно как и мнение афонского монашества, редактированное Филофеем, будущим патриархом. Торжество Паламы было полное, осуждение его антагонистов, собранных в одну группу еретиков, было вскоре занесено в синодик, читаемый в неделю православия. Волнение среди противников Паламы затихло

не сразу. Еще в 1368 г. был осужден афонский монах Прохор из салоникского рода Кидони, преданного суетным греческим наукам; Кидони находил неправильные цитаты в актах 1351 г. и доказывал, что познание мудрости божией — притом путем аристотелевских силлогизмов как единственного средства к познанию истины у грешного человечества — является познанием и существа божия, т. е. целью христианского ума; в вопросах о фаворском свете и о безгрешности плотской природы Христа он разошелся с афонской братией, опиравшейся на излюбленные святоотеческие цитаты. Дух схоластики, повеявший из Салоник, был погашен возобладавшим учением, в котором мистический элемент уже занял второе место сравнительно с подчинением свободной мысли преданию. Осужден был и платоник Аргир за учение о семи энергиях св. духа. Такова схема богословского движения, охватившего византийское общество в середине XIV в., во времена народного восстания против властелей, утверждения сербов и османов в Македонии и Фракии. Сильная личность Паламы стояла в центре борьбы, многолетней и страстной и, конечно, не учение о фаворском свете так взволновало общество.

Движение было много сложнее. Македонский властель в рясе афонского монаха в союзе с Кантакузином не только разгромил салоникскую интеллигенцию в лице философа Варлаама, но, перешагнув через патриарха Иоанна, стал силою, у которой заискивал и Душан Сербский. Выступив с мистическим новшеством, обвиненный в подрыве церковного авторитета, заявивший на соборе, что не в словах, а в делах он полагает истину и благочестие, Палама нанес удар своим противникам как ревнитель святоотеческого учения, чистоты православия и церковных устоев против силлогизмов суетного разума; он затмил сильнейшие и ученейшие умы, как Григора и Варлаам, умер в ореоле святости и вскоре был канонизован Филофеем. Народ плохо разбирался в богословской распре, но афонские мистики торжествовали вместе с Паламой. Авторитет церковного учительства упал и на Афоне, и в населении, потрясенном бедствиями и народными волнениями. С Афона потянулись проповедники внутреннего откровения в сектантских формах, направляясь особенно в Болгарию, где не умирали семена богомильства. Житие Феодосия Тырновского сохранило несколько фигур таких проповедников, выходцев из Византии. Рассеявшиеся по Афону еретики «весьма обижали монастыри»; они проповедовали против церковной иерархии, икон, брака, заимствовали у афонских исихастов «откровения боговидения во сне» и обрезали, или «стригли», своих адептов; отсюда богомильство под именем стригольников перекинулось в Россию.

Кто же были в Салониках те круги, которые выступили против Афона и не пустили в свой город Паламу? Религиозная распря переплелась

с социально-политическим кризисом, который и придал ей и значение, и длительность. Знатного Паламу и афонское монашество во главе с Лаврой и Ватопедом, жившее приношениями богатых властелей, поддержал претендент на престол и глава македоно-фракийской знати Кантакузин.

Против Кантакузина, Паламы и аскетов стали те элементы салоникского населения, которые были враждебны местной аристократии. Нигде в империи Палеологов они не приобрели столь сильной организации политического значения, как в этом вечевом и портовом городе Македонии, не уступая в силе движению городских димов в империи VI в. Организованная партия врагов Кантакузина, знати и исихастов усвоила себе библейское прозвище «ревнителей» или «зилотов». В трактате местного писателя XIV в. Фомы Магистра «Об обязанностях подданных» идет речь о восстающих против знатных, ревнителях «об общей пользе». Ядром зилотов, врагов олигархии, должны были явиться многочисленные средние классы и профессиональные союзы. Враждебные зилотам писатели из аристократической партии — Кантакузин, Кавасила, Кидони, Григора и другие — рисуют зилотов как сборище голи, притом отчасти пришлой и варварской. Однако пролетариат не мог бы организовать партию, 7 лет (1342—1349 гг.) державшую город в руках при труднейших условиях, развившую и осуществившую радикальную программу социальных реформ, шедшую вразрез с тем направлением судеб империи, которое привело последнюю к неизбежной гибели. Кроме интеллигентной молодежи, воспитанной Варлаамом и другими учителями в рационалистических началах аристотелевой философии, молодежи, выдвинутой зилотами на первые посты, действовал пример Генуи и других итальянских республик, где как раз в эти годы торжествовала демократия к великой пользе для городов, по крайней мере на первых порах. Вождем зилотов был Андрей Палеолог, которого нельзя причислить к простому народу, и рядом с ним действовали другие вожди интеллигенции, принадлежавшие к среднему и высшему классу. Излагая в дальнейшем историю зилотов в связи с общим ходом политической борьбы в империи, остановимся на их идеях и реформах. Обвинения их противниками в анархическом режиме и упразднении местного законодательства голословны и верны лишь в малой степени.* Главным источником для изучения их программы является судебная обвинительная речь Николая Кавасилы «О беззаконно дерзающих против церковного начальства», изданная пока лишь в выдержках.

Кавасила называет зилотов злыми палачами знатных; фактически это верно, однако надо помнить, что казни и конфискации были в нравах

* О движении зилотов в Византии см.: Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии, т. III (1946), № 1, стр. 92—96 *(Ред.)*.

План г. Салоники (Фессалоники).

византийского общества, и засвидетельствовано, что руководители зилотов на первых порах удерживали от кровопролития и даже допускали свободную критику со стороны противников. Зилоты вызвали ненависть не столько казнями, сколько своими радикальными реформами, секвестром, или принудительным обложением богатых имуществ как знати, так и церкви на нужды военной обороны и пропитания народа. Зилоты отвергали обвинения, что они обогащались лично и из пролетариев стали богачами. Если зилоты брали с получавших должности и священнические места, то это было узаконено издревле римскими императорами и архиерейской практикой. Крупные пошлины брали зилоты и с наследств светских и духовных лиц. Тяготы обложения, чрезвычайные по нуждам времени, зилоты перенесли на состоятельные классы, причем не считались с церковными привилегиями. Своим противникам они отвечали, что правительство вправе распоряжаться частным достоянием на общую пользу. Обвинения в несоблюдении местных законодательств зилоты отводили от себя. «Что особенного в том, что мы, взяв от многого монастырского достояния, прокормим несколько бедняков, да и священникам доставим нужное и украсим храмы? Не будет от этого вреда обителям, для их нужд останется довольно, и не будет нарушена воля жертвователей, имевших в виду угодить богу и прокормить бедных. . . . Если же на эти доходы мы вооружим воинов, которые идут на смерть за эти святыни, законы и стены [городские укрепления], то разве это не лучше, чем если бы монахи и священники тратили их вотще, ведь им на трапезу довольно малого, мало нужно и на прожитье тем, кто сидит дома, под своим кровом, не подвергаясь никакой опасности . . . Сохранность укреплений и законов всего нужнее . . . В чем поступаем беззаконно, если мы починим крышу и развалившееся жилище бедняков, позаботимся о полях и пашнях, чтобы предоставить им такую же жизнь, какую имеют те, кто борется за их свободу? Ведь кормят же обители своих хлебопашцев, хлебопеков и мастеров, строящих дома. Своего личного богатства мы не умножаем, своих домов не украшаем, и при расходовании всегда мы имеем в виду пользу управляемых». Программа зилотов вышла за пределы политической борьбы против знатных и Кантакузина. Ее центром явился коммунальный социализм, направленный против частных и церковных богатств для военных нужд и помощи народу, инициатива общественная, — не царская, какую проводили авторы новелл Македонской династии, — новые идеи, для империи Палеологов неслыханные, смелые и наивные, ради которых, однако, с обеих сторон лилась кровь. Апокавк поддерживал зилотов как врагов Кантакузина; впрочем, его собственные идеи нам мало известны, и слышим мы о нем из уст его врагов. Революция зилотов настолько противоречила социальному строю Византии, вызвала против себя такие силы и исконные устои, что она была мыслима лишь в ограниченных рамках места и времени.

в портовом и просвещенном городе, отрезанном событиями от своей страны и открытом для итальянских демократических идей. Опытный Кантакузин, испытав на первых порах силу зилотов, мог спокойно выжидать их гибели.

Не будучи в состоянии справиться с зилотами, верный Кантакузину губернатор Синадин * переговаривался с претендентом, советовал отложить наступление на Салоники, пока не был изобличен и изгнан из города зилотами, вместе со своей гвардией и архонтами. Несмотря на приближение Кантакузина, Салоники остались верными старой династии, особенно по прибытии войск Андроника и Фомы Палеологов, а за ним и самого Апокавка с большим флотом после успешного набега на Евбею. Потеря надежд на Салоники была тяжким ударом для Кантакузина, в его немногочисленных войсках явилось малодушие, и сотня салоникских архонтов предпочла покинуть его ряды и вернуться в родной город. Кантакузин не потерялся и еще раз показал свою выдержку и мужество. Рассчитывая пробиться в преданную ему северную Грецию, он пытался овладеть некоторыми городами в южной Македонии, но его покинула половина войск, якобы с его же разрешения. Он рассчитывал на полунезависимого сербского воеводу Хреля, державшего в своих руках перевалы в Сербию, но Хрель потребовал уступки осажденного им Мельника; Кантакузин не решился отдать ему эту крепость, столь важную по своему положению. Кантакузин просил афонское монашество, пользовавшееся щедротами богатых архонтов, выступить посредником между ним и двором Палеологов, но афонская депутация не имела в столице успеха, и ее глава, игумен лавры, предпочел принять салоникскую кафедру при режиме зилотов. Послы Кантакузина к Душану Сербскому — знатные архонты Цамвлакон и один даже носивший фамилию Палеологов — попали в руки Апокавка. Последний с торжеством вернулся в столицу: Кантакузин с небольшим отрядом был загнан к сербскому рубежу. У него остался один исход: ехать за помощью к самому Душану. Встреченный на пути сербским князем Оливером, а в Приштине — самим Душаном, Кантакузин был принят с почетом, соответствовавшим императорскому сану. Душан, однако, потребовал уступки всей Македонии до нынешней Каваллы, пользуясь случаем осуществить свои завоевательные планы. Положение Кантакузина было тяжкое. Уговоры супруги Душана Елены Сербской, а также Оливера смягчили условия короля. Он согласился на союз при уступке ему лишь того, что было сербами уже захвачено, в том числе взятый Хрелем Мельник. Двадцать (из 24) воевод Сербии выступили на помощь Кантакузину, среди них Оливер, породнившийся с Кантакузином. Союзники осадили Серры

* Иоанн Дука Синадин с женой основали в столице монастырь. Сохранился его устав с портретами всей семьи.

(ныне Серес), богатейший город восточной Македонии. Но и здесь Кантакузина преследовали неудачи: город не сдавался, флот Апокавка вошел в близкую гавань Каваллы, прекратив подвоз, начались болезни, и сербы с большинством греков ушли; оставшись лишь с 500 верных людей, Кантакузин должен был вернуться в Сербию. В Константинополе была радость, а вместе с тем новые казни подозрительных Апокавку лиц. Последний уже начал переговоры с Душаном о выдаче Кантакузина. Сербский краль преследовал свои цели — покорение Македонии — и осаждал Моглену (Эдессу), на Кантакузина он смотрел как на орудие для поддержания смуты в Греческой империи, поэтому он желал иметь его в своих руках. Кантакузин вновь проявил силу духа в тяжких условиях, отстаивая пред Душаном интересы своей родины. Семья его едва держалась в осажденном Дидимотихе. Переговоры Апокавка с Душаном зашли при посредстве Хреля так далеко, что было условлено свидание Апокавка с Душаном, и Кантакузину пришлось бы почти присутствовать при переговорах о выдаче его злейшему врагу; однако смерть Хреля расстроила дело.

Терпение Кантакузина принесло плоды, наступил перелом в его пользу. Из Фессалии прибыло посольство, заверившее в верности воссоединенной им страны. Кантакузин почувствовал под собою почву. Отправляясь к Дидимотиху для освобождения семьи, он послал в Фессалию со званием «головы» Иоанна Ангела, выдав ему хрисовул на пожизненное управление Влахией (Фессалией) и предоставив ему право или послать в Эпир своего зятя, потомка эпирских деспотов, или править Эпиром лично. Ангелу было поручено заключить союз с каталанами средней Греции; он намеревался послать помощь Кантакузину. Однако и в Фессалии должны были поминаться в церквах оба императора — как Кантакузин, так и Иоанн Палеолог. Как ни преследовало и ни поносило Кантакузина константинопольское правительство, он считал нужным, может быть выгодным, неуклонно признавать права династии Палеологов. И в этом отношении его выдержка принесла плоды. В Константинополе стали тяготиться Апокавком как временщиком, поддерживавшим междоусобие ради собственного спасения. Сама царица Анна не раз высказывалась в пользу примирения с Кантакузином. Особенно ее потрясла смерть матери Кантакузина Феодоры Палеологины, которой столько был обязан Андроник III. Люди Апокавка замучили Феодору тяжестью тюремного заключения, и даже посланный Анною врач не посмел сказать царице всю правду. Но Апокавк запугал Анну и посадил под арест сановников Хумна и Константина Асана, подававших голос за примирение.

Тем временем Душан, продолжая завоевание Македонии, осадил и Серес. Кантакузин не мог получить от него помощи, даже чтобы выручить свою супругу Ирину и верного Тарханиота. Напрасно последние обратились к Александру Болгарскому, тот даже потребовал от Душана

выдачи или смерти памятного болгарам Кантакузина. В такой критический момент во Фракию явился давнишний друг и соратник Кантакузина Омар, эмир Айдинский, с 29 000 сельджуков и освободил Дидимотих (1342). Его приход был спасением для Кантакузина. Хотя морозы заставили турок вернуться на родину весною 1343 г., Кантакузин начал наступление с дружиною немецких наемников, присланною Еленой Сербской. Он взял Веррию, предупредив захват ее Душаном, и сделал этот важный город своею базою; к нему подошли отряды из Фессалии. Тогда Душан стал открытым врагом Кантакузина, разорвал союз и отозвал немецких наемников. При переправе через Вардар Кантакузин едва не погиб от сербов. Апокавк, встревоженный усилением Кантакузина, явился с флотом в Салоники, предлагал выгодные условия и сербам, и сельджукам, подсылал к Кантакузину убийц, но все без успеха. Опять выручил Кантакузина Омар, прибывший с громадным флотом в 300 кораблей, и флот Апокавка бежал при приближении Омара. Турки опустошали окрестности Салоник, внутри стен возобновились кровавые расправы со знатными, но зилоты и губернатор Мономах укрепили стены и отвергли предложение Омара. Опираясь на турецкие силы, Кантакузин мог дать сербам отпор. Несмотря на уговоры Омара, он не решился штурмовать город св. Димитрия, чем вызвал насмешки турок. Дав ему 6000 сельджуков, Омар с остальными силами вернулся в Малую Азию; Кантакузин же выступил во Фракию. В Родопских ущельях он подчинил себе, хотя лишь номинально, предводителя болгарских горцев Момчила, располагавшего значительными силами; Момчил, служивший поочередно государям болгарскому, сербскому и греческому, под конец жизни объявил себя независимым князем.

Турки Кантакузина огнем и мечом опустошали северную Фракию, уводя пленных, но вместе с тем сдерживали болгар, которым растерявшееся константинопольское правительство отдало сильные крепости Стенимах и Чепену. Без турок Кантакузин уже не мог защищать империю от болгар и сербов. Так, один из отрядов Омара, задержавшийся в Македонии, завоевал для Кантакузина Халкидику, рядом со св. Горою, и, двинувшись на Марицу против болгар, заставил царя Александра просить у Кантакузина мира. Защищая империю от славян, Кантакузин приобретал себе сторонников; забывался его союз с Душаном. Междоусобие стало невыносимым для страны, лучшие области от Веррии и Салоник до Болгарии были опустошены турками, славянами и еще более самими греками; в развалинах были лучшие дома не только в усадьбах и селах, но и в городах, неприятелем не взятых. Положение Апокавка стало небезопасным даже в столице. Сын его, правитель Салоник, погиб в Салониках в борьбе с зилотами, вождя которых Палеолога он убил и, перейдя на сторону знатных, вступил в сношения с Кантакузином. Он было увез малолетнего

императора, но встретил противодействие патриарха. Царица Анна была успокоена лишь щедротами на ее содержание и особенно возобновлением переговоров с Кантакузином. Теперь и Апокавк считал для себя более выгодным примирение с противником, которого он травил, как дикого зверя.

Одновременно с послами Анны Палеологины в Дидимотих в ставку Кантакузина прибыла депутация горожан Сереса, умолявших о прощении и о помощи против сербов. Сила теперь была за Кантакузином. Его посол требовал у Анны аудиенции без присутствия Апокавка. Цепляясь за власть, Апокавк приказал избить и отослать посла. Более чем когда-либо Кантакузин опирался на турецкие силы: его фракийские полки были перебиты, архонты разорены. Ведя переговоры как с сельджуками, так и с османами, Кантакузин, озлобленный упорством столицы, вступил на опаснейший для империи путь, приглашая турок во Фракию, отдавая лучшие земли им на грабеж. Он располагал теперь сельджуками Сулеймана и Омара, а с 1345 г. и османами, посланными султаном Урханом. Южная Фракия, прилегающая к Мраморному морю, перешла во власть Кантакузина, и османы так разграбили окрестности генуэзской Перы, что от ее горожан был послан к Кантакузину монах-минорит. События следовали быстро, в 1345 г. сдался Адрианополь; Момчил пал в бою с турками, и Кантакузин стал хозяином перевалов в Македонию. Еще важнее были вести из столицы. Апокавк, не утративший энергии до конца, был убит в подземных дворцовых темницах политическими узниками, в свою очередь растерзанными толпою.

Беспомощно было правительство царицы Анны, утратив Апокавка; но и Кантакузин был до крайности слаб, не только перед своими турецкими соратниками, но и по отношению к архонтам и правителям, передававшим ему фракийские города за чрезмерные личные выгоды: один из таковых, Ватаци, снова изменив, призвал турок племени караси и был ими убит. Что же касается турок, то Кантакузин был вынужден отдать родную дочь Феодору в гарем старого султана Урхана. Сам он описывает свое торжественное прощание с дочерью как с жертвою за страдающее христианство. Феодора выполнила свою миссию, сохранила православие, освобождала пленных и удерживала старого султана от враждебных шагов против Византии; по смерти Урхана она была отпущена на родину. Всего вреднее была предоставленная Кантакузином возможность османам ознакомиться основательно с фракийскими плодородными землями от Марицы до Черноморья, с дорогами, укреплениями и богатствами страны. Это подготовило турецкое завоевание. Нельзя винить одного Кантакузина: и правительство Анны вызывало турок: то сельджуков, то османов, то ногайских выходцев из Добруджи; но связи Кантакузина были более широкими и постоянными. Еще беспомощнее был Кантакузин в отношении сильного Душана.

Хотя и овладев уделом Момчила в Родопах, он не мог защитить Серес от сербов. Одновременно потерял он и богатую Смирну. Крестовый поход венецианцев, генуэзцев, родосских и кипрских рыцарей и даже прощенных папою разбойников-каталанов окончился завоеванием Смирны по почину упомянутого Мартина Цакариа, бывшего владетеля Фокеи и Хиоса; при этом был убит Мартин. Около 60 лет Смирна оставалась в латинских руках (1344—1402 гг.).*

Все-таки Кантакузин имел уже перевес над противниками внутри империи и короновался с супругою Ириною (1346 г.), но сыну Матвею в короне отказал. Совершал коронацию иерусалимский патриарх, а константинопольский был при этом объявлен отлученным от церкви за лишение свободы многих архиереев. Несмотря на покушения на жизнь Кантакузина и на защиту крепких стен столицы Асаном и Киннамом, правительство Анны не могло держаться по отсутствию средств. У Анны оставались лишь острова; но лучший из них, Хиос, был захвачен генуэзцами. Посланный под начальством Факеолата византийский флот опоздал, но захватил генуэзский корабль. Генуэзцы Перы требовали наказания Факеолата, и Анна была бессильна защитить его от осмелевших чужеземцев. Тогда Факеолат предал город в более сильные руки Кантакузина. Царица пировала с отцами церковного собора, когда Кантакузин был впущен через Золотые Ворота. Запретив грабеж, он направился к дворцу Порфирогенита возле Влахерн. Царица Анна даже тогда отвергла мирные предложения Кантакузина, когда он уже захватил город и самый дворец; лишь слезы молодого Иоанна прекратили бессильное женское сопротивление. Кантакузин ограничился следующими требованиями: во-первых, амнистия для обеих сторон, во-вторых, совместное царствование Иоанна Палеолога и Кантакузина, в-третьих, регентство Кантакузина в течение 10 лет, до достижения Иоанном 25 лет. Последовало торжественное примирение.

Из междоусобной войны Кантакузин вышел императором; он вскоре выдал свою дочь за Иоанна V и стал тестем императора, но его семейные и личные несчастья и разорение были невознаградимы. Пострадал и его моральный авторитет, не только потомство, но и современники винили его в опустошении страны турками, его личными союзниками; и Кантакузин сознавал свою ответственность, постоянно подчеркивая свое миролюбие и лойяльность на страницах написанной им «Истории». Еще менее были удовлетворены его знатные сторонники, столько вынесшие в годину народного восстания. Возвращены были лишь захваченные земли, но не куплен-

* По восточным источникам, Смирна около 1300 г. была захвачена турецким эмиром Айдин-беком, основателем династии Айдин. Морские грабежи эмиров Айдинских вынудили Византию обратиться за помощью к «франкам» (родосские иоанниты, генуэзцы и др.), которые и отняли Смирну у турок в 1343/4 г. *(Ред.)*.

ные третьими лицами. Немногие могли получить из казны пособия, притом скудные. Провозглашенная амнистия не была нарушена, но она не устранила вражды между лицами, потерпевшими и обогатившимися во время междоусобия. Враг Кантакузина, патриарх Иоанн, был устранен по решению синода за неправославие вместе с Варлаамом и Акиндином. Его место занял приверженец Паламы Исидор, а сам Палама получил салоникскую митрополию, но, как сказано, не был принят паствою; среди архиереев, особенно за пределами империи, возникло движение против поддерживаемых Кантакузином паламитов, и на Исидора пришлось вновь возлагать знаки патриаршего достоинства. Вслед за тем (1347 г.) сам Кантакузин, вместе с Анною и Иоанном Палеологами и своей супругою Ириною и дочерью Еленою Кантакузинами — последнею как невестою царя Иоанна, — восседая на пяти тронах, были вновь помазаны на царство во Влахернском храме, так как землетрясение разрушило алтарную часть св. Софии. При дворе настала такая бедность, что императоры сидели в позолоченных коронах с искусственными камнями и на пиру во дворце подавались кожаные и глиняные сосуды. Для военных нужд был объявлен сбор добровольных пожертвований, но все лишь обещали на словах.

Между тем Душан овладел Македонией, кроме Салоник, оттеснил из Веррии сына Кантакузина Мануила и, не отказываясь от договора с Кантакузином, не очищал занятых земель. Опять пришлось прибегнуть к османам, и сын султана Урхана Сулейман высадился во Фракии, но лишь разграбил богатую область — нынешние Каваллы — и вернулся на родину, минуя греческую столицу. Внутренний мир был непрочен: раскрыт был заговор увезти Иоанна V в Галату; недовольные примирением архонты подбили старшего сына Кантакузина, Матвея, не получившего от отца никакого титула, попытаться образовать собственный удел во Фракии. С трудом удалось Ирине Кантакузине уговорить своего сына не поднимать оружия на своего отца. С восточного фронта Кантакузин обезопасил себя дружбою со своим зятем, могущественным султаном Урханом, а также договором с египетским султаном, разрешившим христианам посещать св. Места, а патриарху иерусалимскому Лазарю, короновавшему Кантакузина, вернуться на свою кафедру. Снова во главе Византийской империи стоял опытный и авторитетный правитель. Несмотря на оскудение империи, западные враги ее были встревожены. Кантакузину пришлось оправдываться перед папой за союз с турками, уводившими толпы христиан в неволю. Кантакузин даже обещал участвовать в крестовом походе на неверных, но на предложение унии ответил, что вопрос может быть разрешен лишь вселенским собором на нейтральной почве. Из латинян главными врагами империи стали генуэзские соседи в Галате, возбужденные созданием Кантакузином нового флота. Потребовав уступки господствовавшего

над Галатою холма, они захватили его и укрепили, сожгли соседние греческие дома и захватили несколько греческих кораблей. С тем большей энергией Кантакузин продолжал постройку военного флота, притом в столичной гавани Контоскалии, выходившей не на Рог, а на Мраморное море; бревна возили сухопутьем из далеких Родопских лесов. Генуэзцы были устрашены и запросили мира, но Кантакузин потребовал срыть стены Галаты. Началась удивительная война греческой столицы с ее латинским пригородом. Генуэзцы громили с кораблей приморские стены Константинополя; греки поставили машины, бросавшие тяжелые камни через Рог в Галату. Положение генуэзцев вскоре стало опасным, и они отправили свои семьи и ценности на Родос. Греки перешли в наступление, их новый флот, обогнув город, остановился у пристани св. Евгения, против Галаты, три союзных пизанских корабля вошли в Рог, а сын Кантакузина Мануил осадил Галату с суши. Но греков постигло несчастье. Буря разметала их флот, наскоро сколоченные корабли тонули, необученные экипажи бросались вплавь к берегу, и генуэзцы даже захватили несколько пустых кораблей. Без флота же было невозможно взять Галату. Хотя из самой Генуи пришло приказание уступить, отдать холм, возместить грекам убытки, жители Галаты были настроены воинственно, и Кантакузин объявил, что отдает им добровольно захваченный ими участок как ничтожный; однако принялся вновь строить флот. Усилены были пошлины, введены новые, притом с предметов первой необходимости, с хлеба и вина. Правительство уверяло население, что вся тяжесть ляжет на венецианских и генуэзских купцов, а не на потребителей-греков. Народ роптал; усилилась дороговизна; к тому же появилась чума, унесшая большую часть населения (1348 г.). Пошлины давали греческой казне лишь 30 000 золотых, тогда как Галата собирала до 200 000 золотых в своем порту. Одновременно частная генуэзская эскадра под начальством Виньозо захватила Хиос и обе Фокеи; завоеватели по соглашению со своей республикой образовали компанию на паях под именем «Магона» (ладья, шаланда) для эксплоатации этих богатых колоний. Один Хиос, вывозивший вино, мастику и маслины, давал до 200 000 лир. С 1362 г. все пайщики получили фамилию Джустиниани, по названию их конторы в Генуе. Кантакузин требовал возвратить захваченное; Генуя была согласна оставить за компанией один Хиос, и то в аренду на 10 лет за 12 000 золотых в год. Однако сама компания не уступала. Во время переговоров греческие архонты восстали и возвратили Фокею империи. Смирна, Хиос, Наксос с соседними островами, наконец Евбея остались в латинских руках. Номинальным латинским императором Романии был в то время сын Екатерины Валуа Роберт, но он управлял, притом через наместников, лишь небольшой частью Мореи. Большая часть Мореи (Старые Патры с областью управлялись латинскими архиепископами Ахеи) принадлежала Византийской империи и управлялась деспотами Мистры.

При Кантакузине деспотом был его сын Мануил; он установил в стране порядок и завел флотилию против пиратов.

В Салониках непокорные зилоты начали терять почву с успехами Кантакузина. Протосевасту Метохиту, правителю города, удалось привлечь умеренные элементы, недовольные не только поборами и жестокостями зилотов, но и сношениями последних с Душаном Сербским, власть которого зилоты предпочитали правительству Кантакузина. Вооруженные толпы зилотов и матросов были рассеяны; предводитель их Андрей Палеолог, которого враги несправедливо обвиняли в личной жестокости, бежал на Афон. Опасаясь сдачи Салоник Душану, Кантакузин собрал уже большие силы. Султан Урхан прислал сына Сулеймана с 20 000 османов; Матвей Кантакузин шел с армией сухим путем, а оба царя поехали с флотом. Хотя турки предпочли вернуться с пути и разграбить южную Болгарию, так как они не привыкли возвращаться без добычи, Салоники были без труда взяты с моря. Сербы отступили; виднейшие зилоты были отосланы в столицу, обвиненные в измене. Палама был водворен на архиепископскую кафедру (1350 г.). Оставив Иоанна Палеолога в Салониках, Кантакузин овладел южной Македонией и северной Фракией, штурмовал против обыкновения укрепленные города, в иных случаях ему помогали даже сербские властели. Слишком поздно подоспел сам Душан из венгерского похода; но он все-таки был сильнее Кантакузина. Он отвергнул мирные предложения греческого императора, соглашавшегося уступить Душану Серес, Мельник, Зихну, Струмицу и Касторию. Душан, однако, в бой не вступил и вернулся в Сербию, по пути разгромив Эдессу (Моглену). Оставив молодого Иоанна в Салониках, Кантакузин с торжеством вернулся в столицу. Он находился на верху своей славы. Сам Александр Болгарский, еще недавно требовавший у Душана голову Кантакузина, теперь обращался к нему за советом и помощью против турецких грабителей; в ответ он получил предложение строить флот сообща. В свою очередь Кантакузин получал советы от Урхана, который рекомендовал ему однажды умертвить своего соперника Иоанна Палеолога по турецкому обычаю и даже прислал палача, но Кантакузин поспешил отослать последнего обратно.

Разгоревшаяся борьба паламитов с Акиндином потребовала созыва нового церковного собора (1351 г.), на котором, как упомянуто выше, паламиты одержали верх при поддержке Кантакузина. Сторонники умершего ранее Акиндина были отлучены, а Никифор Григора по царскому приказу был заточен в столичном монастыре Хоре, где и закончил свой главный труд, под конец превратившийся из исторического в богословский.

Хотя партия оставленного в Салониках Иоанна Палеолога не проявляла энергии, приближался смертельный удар для власти Кантакузина: война Венеции с Генуей, охватившая воды и берега Средиземного моря, затро-

нувшая и Византию, дала молодому Палеологу возможность свергнуть Кантакузина с престола, добытого с такими жертвами. Война была вызвана захватом генуэзской кампанией Хиоса, монопольным господством Генуи в Черноморье, захватом венецианских кораблей в Крымской Кафе, особенно цветущей и сильной в XIV в. генуэзской колонии. В поисках союзников Венеция обратилась к Кантакузину. Последний был осторожен и предпочитал нейтралитет ввиду сербской опасности. Но он не рассчитал, что ослабевшая империя будет втянута в войну помимо его воли. Война началась поражением генуэзского флота у Евбеи; но Виньозо Хиосский вместе с компаньонами по «Магоне» отомстил, разрушив венецианскую Халкиду, тоже на Евбее (1350 г.). Венеция заключает союз с Пизою и с Петром IV Арагонским «для разрушения и окончательного истребления» Генуи и посылает флот под начальством знаменитого Николо Пизано в воды Константинополя. Едва не захватив Галату, Пизано опять предложил Кантакузину союз, обещая субсидию на постройку флота, но Кантакузин опять не решился, и венецианцы в знак разрыва увезли из Константинополя своего байльи. Отказавшись от выгодных предложений Венеции и от случая разрушить Галату, Кантакузин не привлек к себе и генуэзцев, наоборот, те начали метать камни в столицу и вынудили Кантакузина объявить им войну и заключить союз с Венецией, но уже без прежних выгодных условий.

В это время к нему пришла грозная весть о соглашении между молодым императором Иоанном Палеологом, оставленным в Салониках, и Душаном Сербским (1351 г.). За помощь против Кантакузина Душан требовал все области, оставшиеся у империи к западу от Фракии, кроме Мореи и островов. Подкупленная Душаном свита молодого царя была готова продать сербам все приобретения Палеологов и Кантакузина. Был предрешен брак Иоанна с сестрой жены Душана, болгарской царевной, а дочери Кантакузина, молодой царице Елене, готовился развод и ссылка в Сербию в качестве заложницы. Душан стоял уже под стенами Салоник, в соучастии подозревалась и Венеция. Это был тягчайший удар для Кантакузина. Начав войну с Галатой, он не мог оставить столицы. Но и помимо того ему был известен перевес Душана в силах. В самой опасной форме возобновился династический вопрос. В Салоники посылается царица-мать Анна. Кантакузин ей обещал, по словам Григоры, в случае отказа ее сына от союза с Душаном удовлетвориться одним царским титулом и даже уйти в монастырь. Анна оправдала надежды Кантакузина, расстроила союз с Душаном. Сербы отступили, и Иоанн Палеолог потребовал лишь уступить ему, притом лишь в управление, полуостров Халкидику и Энос в устье Марицы. Таких скромных требований Кантакузин не ожидал, но земли эти были уделом его старшего сына Матвея.

Между тем осада Галаты была прервана появлением большого генуэзского флота под начальством Дориа. Венецианский флот адмирала Пизано отступил к Евбее, за ним последовал Дориа; но Пизано, высадившись на берег, разбил генуэзцев. Остатки последних бежали на Хиос и в Константинополь, по пути разрушив город Ираклию возле Родосто. Кантакузин спешно чинил и укреплял приморские стены по Золотому Рогу от башни Евгения до Влахерн; между стенами и заливом углубил ров и снес постройки. Генуэзцы не решились на приступ, но взяли выкуп с Созополя на Черном море; убытки Ираклии и Созополя Кантакузин возместил из казны. Зимою Пизано привел еще более сильный флот венецианцев и союзников-испанцев. Генуэзцы Галаты поспешили заключить союз с султаном Урханом, утратившим к Кантакузину доверие за его нерешительность. Четырнадцать греческих кораблей стояли у Принцевых островов, а генуэзцы от Халкидона на азиатском берегу поднялись по Босфору к Диплокионию, немного выше Галаты. Здесь у берега произошла кровопролитная морская битва, в которой наиболее пострадали испанцы, а менее всех — греки, уклонившиеся от боя (1352 г.). Вскоре Пизано ушел в Мраморное море, покинув своего союзника Кантакузина. Последний был вынужден заключить с генуэзцами мир, возвратив им захваченные участки в Пере и, главное, обязавшись не допускать врагов Генуи в гавани империи. Результатом было запрещение грекам приставать к берегам, принадлежавшим Венеции и арагонскому королю, а также служить на кораблях этих держав. Тысячи греческих купцов и матросов проклинали Кантакузина. Это было первое последствие его нерешительности. Его ждало худшее. Иоанн Палеолог, вызванный матерью в столицу для примирения, остановился в Эносе и заключил с венецианцами союз, направленный формально против Генуи, в действительности против Кантакузина; при этом юный Палеолог пообещал венецианцам находящийся у входа в Дарданеллы остров Тенедос и получил ссуду 20 000 дукатов. Иоанн раздумал ехать в столицу, предпочитая обеспечить за собою Фракию и особенно верный Кантакузину Дидимотих. Но здесь к нему отнеслись враждебно и даже не впустили. Центром противодействия Палеологу был Матвей Кантакузин, получивший в управление Адрианополь. Однако и за Палеологом стояла уже сильная партия, латинская и антитурецкая, он рассчитывал на помощь сильного Душана, действовало его имя представителя старой династии. Кантакузин понимал непрочность своего положения и был готов на все уступки. Он сам передал Палеологу Дидимотих и отозвал Матвея из Адрианополя, посылал для примирения свою царицу Ирину с уважаемыми духовными лицами; но Матвей отказался уступить и признать над собою власть Иоанна Палеолога. Последний получил помощь от Урхана и осадил Матвея в кремле Адрианополя. Кантакузин решился, наконец, прервать переговоры и выступить на защиту

сына. Он взял городские кварталы Адрианополя штурмом, но не решался напасть на Палеолога, укрепившегося в том самом Дидимотихе, который всегда был убежищем и оплотом для Кантакузинов, а теперь был предан им же врагу. Случилось то, чего он опасался: 8000 конных сербов подошли на помощь к Палеологу, и болгары обещали ему же свою помощь. С южнославянскими силами не могли сравниться греческие отряды Кантакузина, и снова он вызвал турок, рискуя остатками популярности у греческого народа. 10 тысяч османов с Сулейманом, сыном Урхана, наголову разбили сербов у реки Марицы (1353 г.) и, разграбив южную Болгарию, возвратились домой. Снова Фракия была в руках Кантакузина, но еще более он чувствовал свое бессилие: симпатии к Палеологу росли. Попытки примирения, уговоры патриарха Каллиста не действовали на Палеолога. Его окружали люди, отказывавшие Кантакузину в царском звании, предпочитавшие разорить страну до конца, но не допустить молодого царя разделить с узурпатором, другом турок, отцовский и дедовский престол. Впрочем и Палеолог искал у турок помощи и, не имев успеха и не будучи в состоянии держаться во Фракии, бежал на Тенедос. Палеолог до того был уверен в народных к нему симпатиях, что на корабле пробрался в Константинополь. но, увидя безрассудство такого шага, немедленно уплыл в Салоники.

Двор и армия Кантакузина требовали от него решительных шагов. Настаивали на том, чтобы он упрочил будущее своих родных и приверженцев и венчал на царство старшего сына Матвея. Соглашаясь с этим, Кантакузин встретился с противодействием патриарха Каллиста и должен был заменить его Филофеем, который и короновал Матвея с супругой. Каллист бежал к Палеологу, и оба патриарха предали друг друга анафеме. Не осталось надежд на прекращение распри мирным путем. Ни Кантакузин, ни Палеолог, если бы пожелали примирения, не имели для того достаточной власти среди своих сторонников. Слишком много было пролито крови, нанесено вреда и унижения; успех одних означал для других разорение. Конечно, оба царя и оба двора не могли не видеть, что империя стала игрушкой в руках сильных соседей; несмотря на то, преимущественно от них, прирожденных врагов греческого народа, и Кантакузин, и Палеолог ожидали содействия. Турки давно привыкли смотреть на Фракию как на землю без хозяина. Не замедлило свершиться событие, имевшее роковое значение для судеб империи, предрешившее ее участь: прочная оккупация османами Фракии.

Переправившись через Дарданеллы на кожаных челнах с горстью людей, Сулейман высадился в окрестностях Галлиполи и вскоре овладел этим городом, ключом к Константинополю с запада (1354 г.). Византийские крепости на Галлипольском полуострове были незадолго перед тем разрушены землетрясением и перешли к туркам без борьбы. Османы много

уже раз бывали в этих местах, видевших каталанов и сельджуков; новым было то, что Сулейман решил устроиться на полуострове навсегда, переселил толпы турецких семейств и укрепил захваченные города. В ужасе Кантакузин хлопотал перед султаном Урханом, предлагал сначала 10 000, потом 40 000 золотых выкупа за захваченную страну, но Урхан уклонился от личного свидания, и разыгравшиеся события заставили Кантакузина не предпринимать более решительных шагов.

В пользу Иоанна Палеолога, державшегося на Тенедосе, в столице работала сильная партия. Более чем когда-либо народ ненавидел Кантакузина, приписывая его честолюбию несчастия страны. И по слабости своих сторонников, и по недостатку решительности Кантакузин не мог препятствовать росту партии Палеолога. Он пошел на мирные предложения и переговоры и этим погубил свое дело. Кантакузин предлагал за своего сына Матвея, что последнему довольно пожизненного удела во Фракии, он даже отправился, вместе с сыном, на личное свидание к сопернику, считавшему его за узурпатора, и не был принят. На Тенедос его не пустили. Вернувшись с позором, он потерял авторитет в столице, и народ открыто ожидал прирожденного царя Палеолога. Иоанн не замедлил явиться ночью в конце 1354 г. с флотилией островитян и генуэзца Гаттелузи. В столице произошло всеобщее восстание против Кантакузина, и Палеолог овладел Влахернским дворцом. Кантакузин просил свидания. Он был согласен на все, но от него требовали только раздела власти и доходов, соглашаясь на удел Матвею, так как у Кантакузина еще было верное войско, турецкое и греческое, под стенами, а на стенах, над Золотыми Воротами, в подготовленной им крепости держались храбрые латинские наемники. Но Кантакузин сам отсылает войска, сам сдает Золотые Ворота, оскорбив тем верных латинян. Он так поступил не только по нежеланию проливать кровь, не только устав от дел и долголетней борьбы, но и по расчету: иначе ему предстояла гибель. За один день он мог в том убедиться. Когда в синклите он заявил, что для борьбы с турками нужно нанять латинский флот, ему бросили в лицо родство с Урханом; когда он обедал с Палеологом, народ требовал от него отречения, не раз им обещанного, хватал коней его свиты. Кантакузин сыграл благородную роль до конца, заявив, что отрекается от света, и под именем Иоасафа постригся в Манганском монастыре (1354 г.), постриг супругу и окончил дни в глубокой старости, живя то в Константинополе, то в афонском Ватопедском монастыре, где сохранились его богатые вклады, то у сына в Мистре. Составляя пространную и искусную историю своего времени, он оправдывал свою политическую деятельность от нареканий современников и потомства, о многом умолчал и постоянно выдвигал свою лойяльность и миролюбие. Большая тяжесть лежала на плечах этого носителя власти. Ему приходилось слышать горькую правду в лицо. Даже близко к нему стоявший Димитрий

Кидони, из просвещенной семьи салоникских архонтов, сказал ему с амвона св. Софии: «...только слово никому не подвластно и судит обо всех. Проклято время наше, и неслыханны грабежи постоянно призываемых полчищ Омар-бея и Урхана. Наступило время божьего заступничества, ибо народ, ожидая божьего суда, теряет веру. Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству. Мы стали посмешищем проклятых, вопрошающих: „Где бог ваш?“. Пресвятая богородица! Все мы теряем: имения, деньги, тела наши и надежды. Ни на что не уповаем, кроме помощи от твоей, богородица, руки».

Утрачены богатые малоазиатские и македонские области, Фракия разорена вплоть до городов. В руки латинян перешли богатейшие острова и торговые пути. В столице наступал голод, лишь только латиняне прекращали подвоз. Греческая торговля упала, и греческие капиталы стали редкостью. Казна стала хронически пуста, двор — нищий, задолжавший, заложивший ценности, монета обесценена. Фракийская и македонская знать — ядро армии — была разорена и перебита. Социальных реформ не могло быть при династиях, тесно связанных с землевладельческой и служилой знатью. Судьбу зилотов в Салониках мы видели. Вместо устроения общества государственной властью современники наблюдали кровавые народные волнения, разорявшие лучшие области и города. С падением Кантакузина ушел со сцены крупнейший политический деятель Византии XIV в., обладавший большим боевым, политическим и административным опытом, редкой выдержкой, упорством и преданностью государству, с широкими взглядами, то твердыми, как в лойяльности к Палеологам и в отношении к туркам, то гибким, как в вопросе о паламитах.* С переходом власти в менее опытные руки никто не думал о гордых целях первого Палеолога, ничто не могло спасти империю от прозябания среди мощных врагов. Таковыми были сербы и турки.

* Характеристика Иоанна Кантакузина, данная акад. Ф. И. Успенским, не может быть принята советской наукой. Способный, ловкий интриган, ставленник феодальной знати и верный ее слуга, он часто в личных интересах забывал интересы государства. Пользуясь в междоусобной борьбе помощью турок-сельджуков, он в значительной степени ответственен за усиление их позиций на Балканском полуострове. (*Ред.*).

Глава VIII

СОСЕДИ ВИЗАНТИИ В XIV в.: СЕРБЫ, ОСМАНЫ, ТРАПЕЗУНТ

бразование Сербского королевства при Стефане Первовенчанном (1196—1222 гг.), сыне Немани, совпало с латинским завоеванием империи Комнинов и Ангелов. Не стало могущественной соседней Византии, которая могла бы мешать сербскому объединению; Никейское царство, отделенное от сербов латинскими завоевателями, само дает руку помощи православным сербам. Никейская патриархия благословляет сербскую национальную и автономную церковь, ставит св. Савву архиепископом всех сербских земель с правом возложить королевский венец на голову его брата Стефана. Последний унаследовал от отца центральную и западную Сербию: Рашку с Захлумьем и Требиньей, Зету с Котором, область рек Дрины и Моравы, наконец Косово поле. Целых 80 лет, до Милутина, Неманичи, из коих долее других правил Урош I (1243—1276 гг.), были заняты удельными междоусобиями и, несмотря на благоприятные в общем условия, не приумножили, даже умалили сербскую державу.

Культура и просвещение Сербии росли быстро, благодаря богатствам страны: плодородной почве, богатым пастбищам, многочисленным рудникам меди, железа, олова и драгоценных металлов; толпы швабских и чешских рудокопов и мастеров создали в Сербии, при покровительстве королей, ряд населенных пунктов и городов. Торговля была оживлена, но находилась в руках Дубровника и итальянцев. Латинское влияние росло, о чем свидетельствует и романский стиль древнейших церквей и обителей Сербии. Мало заботясь о создании сербских торговых и промышленных классов, Неманичи были бессильны и в борьбе со злом, губившим Византию XIII

и XIV в.: с засильем и анархией аристократии, опиравшейся в Сербии не только на свое крупнейшее землевладение, но и на исконный жупный и удельный строй. При непрерывных междоусобиях властели господствовали и в стране, и при дворе, в царском совете. Государство было слабо. Отчасти по этой причине Неманичи не вели национальной политики. Они не отняли у венгров Босну и предали ее латинству и богомильству, упустив случай объединить сербов. Некоторые из них, как Вукан и Драгутин, сами призывали венгров в свою страну, становясь вассалами венгерского короля, включившего и Сербию в свой титул. Захлумье и Мачва переходят к Венгрии; Мачвою и Босною правит в половине XIII в. зять и вассал Белы Венгерского, русский выходец, князь Ростислав Михайлович Галицкий. На востоке и юге выросла влахо-болгарская держава Иоанна Асеня II (1221—1242 гг.).

Усиление Сербии началось с краля Милутина (1282—1320 гг.), выдающегося политика и воина. И он не имел на севере успеха, под натиском Венгрии и Филиппа Тарентского не мог присоединить удела своего брата Драгутина. Его крупные и быстрые успехи были направлены в сторону меньшего сопротивления, на земли Андроника Старшего Палеолога, бессильного под ударами каталанов и турок. Сербская держава распространяется на юг и на восток, в очищенную болгарами Македонию, путеводной звездою служит основанная Неманичами афонская лавра Хиландарь. Милутин отнял у Андроника Скопле, бассейн рек Брегальницы, верхнего Вардара и Черного Дрина; его владения граничили с областями Кратова, Штипа, Велеса и Охриды; сербские полки подходили к Фессалии и Афону. Со стороны Болгарии, страдавшей от ногайских татар, также не было отпора; Милутин вмешивался в дела Болгарии и округлил за ее счет свои границы на верховьях Стримона и по Дунаю. Уступая силе Милутина, правительство Андроника льстило себя надеждой подчинить Сербию греческому культурному влиянию, использовать сербское воинство для отражения латинян и турок. В этих видах Андроник предложил пожилому Милутину руку своей 7-летней дочери Симониды. Неестественный брак состоялся. Греческое влияние хлынуло на Сербию широкою волною, греческие архонты служат Милутину, греческое просвещение и церковное искусство вытесняют в Сербии романские образцы, и в сербских фресках XIV в. наблюдаются признаки местной, балканской школы искусства; сербские полки властеля и воеводы Новака Гребострека со славою сражаются с сельджуками в Малой Азии, явившись на помощь греческому императору. Милутин был честолюбив и, не задаваясь несбыточными мечтами подобно своему внуку Душану, он твердо вел Сербию по пути к славной будущности. Его влияние в Константинополе было так велико, что императрица Ирина, мать Симониды, пыталась при его помощи отстранить от престола своих пасынков сыновей Андроника от первого брака. Но Милутин преследовал свои

Восточная Фракия, Босфор

- Владения императора Ватаци ок. 1254
- Византийская империя около 1265 г.
- Эпирский деспотат и Фессалия
- Сербское королевство при Милутине (1282—1321)
- Владения венецианцев
- Сиц. – Владения Сицилийского королевства

Балканские государства во второй половине XIII — начале XIV в.

национальные задачи, он хотел пробиться к южному морю; в дела Палеологов он не вмешивался и, несмотря на свое греческое родство, он заключил союз с Карлом Неаполитанским, претендентом на наследство латинского императора Балдуина, выговорив себе в случае успеха южную Македонию. Сильный Милутин прибрал к своим рукам сербскую знать, властелей-баштинников и служилых бояр, привыкших вершить дела в королевском совете и участвовать в кровавых усобицах Неманичей. Милутин не был чужд византийским взглядам на власть монарха. Греческие мастера писали его с Симонидой в византийском облачении. Влияние греческой партии стало велико при его дворе: ею издали руководила царица Ирина, мать Симониды, приславшая в Сербию и своих сыновей. На пути греческой партии стояли наследник престола Стефан и партия сербских властелей. Около 1311 г. Стефан и властель в Зете (Черногории) подняли восстание против Милутина, но отец был сильнее. Сын умолял о пощаде, но был ослеплен, хотя и не вполне, и сослан в Константинополь, в руки Ирины, вместе со своей женою, дочерью Смильцы Болгарского, и с ребенком Стефаном. Вернулся Стефан в Сербию лишь после смерти Ирины, и то — по ходатайству духовенства. Через 2 года Милутин умер, и Стефан III Урош (Дечанский) вступил на престол (1320 г.); вместе с ним по новому в Сербии византийскому обычаю был венчан на царство его 12-летний сын Стефан (Душан). Стефана III Уроша, строителя Дечан,* прозванного поэтому Дечанским, прославляют его духовные биографы Даниил и Цамвлак за благочестие и щедроты, приравнивают его к мученикам за ослепление, которое он претерпел по проискам греков, и за кончину от руки бояр; но государь он был слабый, а после брака с гречанкой он вновь наводнил греками сербский двор в Призрене; без пользы для Сербии он вмешивался в греческие междоусобия, защищая Андроника Старшего. К концу его правления «Младший краль» Стефан руководил сербскими войсками и при вторжении Михаила Болгарского, вступившего в союз с Андроником Младшим, жестоко разбил в 1330 г. болгар, влахов и татар у Вельбужда; убит был и болгарский царь. Сербское влияние утвердилось в Болгарии, потерявшей земли от Ниша до Софийского перевала через Балканы; поспешно отступивший Андроник потерял среднее течение Вардара, Северная Албания перешла в сербские руки. Вельбуждская битва дала Сербии бесспорное первенство на Балканах, и в лице молодого Стефана сербы нашли государя, какого им было нужно. На его пути стоял отец с женой-гречанкой. Возвели Стефана на престол сербские властели старым способом дворцового и военного переворота. Стефан Дечанский был схвачен и задушен ими (1331 г.)

* Прославленный в сербской истории Дечанский монастырь сохранился доныне. Архитектура монастыря еще романская. Древности его исследованы экспедицией Русского археол. института в Константинополе.

и остался в народной памяти мучеником, а Стефан Душан — отцеубийцей. Во главе властелей стояли внуки Новака Гребостреќа и сыновья могущественного кесаря Воихны от сестры Михаила Шишмановича Бдинского (Видинского), болгарского царя, убитого под Вельбуждом. Дочь Воихны Елена стала супругою Душана, она имела самостоятельную силу, поддерживала Кантакузина и содержала свою дружину немецких наемников; из четырех ее братьев Александр возводится на болгарский престол, а Оливер, Деян и младший Воихна были крупнейшими властелями и сановниками, память их жива в народных сказаниях и археологических памятниках.

Преступление не помешало Душану поднять Сербию на такую высоту, какой она не достигала ни ранее, ни после него. Суровый, храбрый, при случае хитрый, рослый Душан обладал выдающимися качествами государя. Он поставил себе целью продолжение политики деда своего Милутина, но на основах более широких и менее осторожных: не только завоевание греческих земель до южного моря, но и создание сербо-греческой державы, имеющей заместить Византийскую империю. Эти цели, не считавшиеся с неистребимым антагонизмом греков и славян, погубили его дело вскоре после его смерти, истощили и ослабили небольшую Сербию, далеко не объединенную. Но его правление представляет ряд блестящих успехов. За 24 года он не менее 13 раз ходил на греков и начал свои походы немедля. В 3 года он завоевал западную Македонию от Стримона, почти не встретив сопротивления; мало того, на его сторону стали греческие архонты, недовольные правительством Андроника Младшего, как талантливый Сиргиан, завоевавший для сербов Касторию и увлекавший их к Салоникам. После убийства Сиргиана византийским агентом Душан согласился на мир тем охотнее, что с севера ему угрожали венгры (1334 г.). Душан даже вернул Андронику часть завоеванных земель. Все же в его державу включена была западная Македония от Охриды до Стримона, кроме Салоник и Халкидики. В Прилепе он выстроил себе дворец. В 1335 г. Душан снова угрожает Византии, но Андроник поступился гордостью византийского царя, явился к Душану и, пропировав с ним 7 дней, предотвратил столкновение. Душан пошел на Албанию, взял Драч (Дураццо), Валлону и даже Янину (1340 г.), принял титул короля Албании. Его новые владения вклинились между Эпиром и Фессалией. Когда же Андроника не стало и между Палеологами и Кантакузином разгорелась междоусобная война, причем Кантакузин искал его помощи и находился в его власти, Душан устраивает свое новое царство, селит на нем сербов, захватывает удел старшего кесаря Хреля (Струмицу), осаждает Серес, берет Эдессу. Когда Кантакузин скрылся из лагеря Душана и захватил Веррию, Душан разорвал договор с Кантакузином, о выдаче которого Палеологам он и ранее вел переговоры при посредстве Хреля и Венеции. С греками Душан никогда не был искренен, преследуя свою заветную цель — основание новой сербо-греческой державы на

развалинах Византии. Ее он помнил с детских лет, проведенных в греческой столице. Сербы и их немецкие наемники не умели брать укрепленных городов. Больших армий Душан в Македонию не приводил; поэтому в 1343—1345 гг., разоряя Македонию, Душан не штурмовал Салоник и не раз его отряды были биты айдинскими сельджуками, служившими Кантакузину. Тем не менее разорение и анархия в Македонии создали и в городах, кроме Салоник, партии уставших, предпочитавших сербскую власть. Передались сербам Веррия и — после храброй обороны — Серес, богатейший город восточной Македонии (1345 г.). В 15 лет Душан овладел Македонией и Албанией. В нем окрепло убеждение, что Византия безнадежно слаба и уступит место его новой державе; но он не представлял себе эту последнюю в иных формах, как византийских, что было несчастьем для Сербии: нельзя вливать новое вино в ветхие меха. «Завоевав Серес, краль провозгласил себя царем ромэев и торжественно возложил на себя венец и царское облачение... и предоставил сыну управлять по сербским законам страною от Адриатического моря и Дуная до города Скопле, назначив границею... Вардар; себе же взял ромэйские земли и города до Христопольских теснин для управления по обычным установлениям ромэев» (Григора). «Возгордясь и захватив бо́льшую часть Ромэйской империи, он провозгласил себя царем ромэев и трибаллов (сербов), сыну же предоставил титул краля» (Кантакузин). Он овладел действительно чисто греческими землями восточной Македонии, вотчинами Палеологов и других знатнейших семейств Византии, Меникейскою горою, покрытою богатыми обителями с царским монастырем Предтечи во главе.

Древности Сереса и его округа доселе привлекают к себе внимание. Политические притязания Душана отразились на его грамотах и хрисовулах. В начале 1345 г. он еще «самодержец всех сербских земель и честник греческим странам»; в конце же, по завоевании Сереса, он подписывается «краль Сербии... Албании, Приморья, владетель немалой части Болгарского царства и государь почти всей Византийской империи»; несколько позже он — «царь и самодержец Сербии и Романии». В Сересе, до коронации в Скопле, он стал зваться царем. И болгарские Асени, даже его шурин Иоанн Александр, носили царский титул, но их царство было влахо-болгарское. У Душана было иное стремление; он мог руководиться древним примером царя болгар и греков Симеона, о котором, кроме рукописей, свидетельствовали памятники на берегах Преспанского и Охридского озер, народные предания и иерархические притязания Охриды — Юстинианы. Провозгласив себя царем на византийской почве, Душан поступает, как византийский монарх. Греческие архонты становятся его «домочадцами», сохраняют византийские звания, ставятся во главе местной администрации с соблюдением ее византийских форм, получают подтверждение своих привилегий и иммунитета; особенно церковное землевладение, начиная с мени-

кейских и афонских монастырей, жалуется грамотами на свободу от податей и повинностей, на новые богатые земли и доходные статьи. Грамоты грекам редактированы по-гречески, с соблюдением всех форм императорской канцелярии. Душану было ясно, что его политические притязания должны быть признаны духовной властью, притом греческой; и так как нельзя было надеяться на константинопольского патриарха, оставалось добиться от Афона и иерархов Македонии возведения в патриархи сербского епископа, который мог бы венчать Душана на царство. Без патриарха нет царя. Душан добился своей цели. В 1346 г. собравшееся в столице Скопле сербское духовенство с архиепископом Сербии, болгарское — с тырновским патриархом, македонское — с архиепископом охридским и представители Афона ставят в патриархи ипекского архиепископа Иоанникия, «бесчинно», без патриархов, не считаясь с константинопольской патриархией, которая и наложила на сербскую церковь отлучение (1352 г., длилось до 1375 г.). Тогда же в присутствии церковного собора, сербских властелей и послов Дубровника Душан был венчан в цари сербов и греков, болгар и арбанасов (албанцев), с супругою Еленою; сын же Урош был венчан в короли всех сербских земель. Сербские вельможи, начиная с братьев Елены, получили византийские титулы деспота, кесаря, севастократора, логофета, протовестиария; щедроты посыпались на монастыри и церкви Афона и Сербии. С тех пор у Душана одна мечта — Константинополь: ему, как Карлу Анжуйскому, тесно в своих богатых владениях. Необходим был флот. Нужно было его строить на сербском Поморье, взять Салоники во что бы то ни стало; но Душан не обладал качествами Петра Великого и привык к быстрым, легким успехам. Он предпочитал достичь цели силами Венеции, господствовавшей на море; в течение 10 лет с упорством и всякими подходами он старается склонить Венецию к нападению на Византию: то просит принять его в число венецианских граждан и обеспечить ему убежище, в котором отнюдь не нуждался, то навязывает ей свои услуги и посредничество с возмутившейся Задрой, то прямо предлагает наступательный союз против Византии; но венецианцы были хитрее Душана и отклоняли его предложения тем вежливее, чем он становился сильнее. Душан был для них слишком опасен. В 1347 г. он завоевывает Эпир, Этолию, Акарнанию. Деспина Анна Эпирская и ее дочь выходят за родичей Душана, Оливера и Синишу, получивших названные области в управление; воевода Прилуп овладел Фессалией и Макровлахией (1348 г.). Явилась опасность для венецианских интересов и колоний на Евбее и на Коринфском заливе, созданных с большими трудами и жертвами. Сам Душан обложил Салоники, но и тогда города штурмом не брал, рассчитывал на переговоры с зилотами. Год издания им знаменитого «Законника», важнейшего памятника законодательства южных славян (1349 г.), является апогеем могущества и славы Душана, и в этот

год венецианцы заключают с Кантакузином мирный договор, на который и сослались в ответе Душану. Царь сербов и греков был обманут. Надежды на Венецию рушились, и вместе с ними — заветная мечта взять Константинополь. Душан круто меняет фронт. Потому ли, что его завоевательная энергия, собранные им силы, престиж в глазах не одобрявших его сербов старого закала требовали новых побед, или потому, что он хотел приблизить свою мощь к самой республике св. Марка, он обрушился на Боснийского бана, союзника Венеции в борьбе с венграми, и во главе 80 000 народного ополчения, какого никогда не водил в Македонию, он прошел Боснию с огнем и мечом. При этом он обнажил от войск Македонию, только что завоеванную и еще не устроенную. Душан не рассчитал, что у Кантакузина хотя и мало осталось греков, но были турки, которые не раз наносили сербам поражения и даже вторгались во владения Душана. Кантакузин немедленно явился с турками, вступил в Салоники, овладел юго-западной Македонией до Албании и Фессалии. Турки наводили ужас, дойдя в своих набегах до Скопле. Города сдавались без боя, кроме Веррии и Эдессы. Так были слабы связи в новой державе Душана. И успехи Кантакузина не были прочными, Душан, вернувшись, отнял почти все, захваченное у него. Но теперь он еще более убедился в своем бессилии овладеть Константинополем. Власть Кантакузина упрочилась, и турки во Фракии были бы опасны для сербского наступления. Поняв это, Душан в греках более не заискивал и мстил за измену. Энергия не оставила Стефана Душана, но он терпел уже неудачи. Кантакузин не уступал ему в быстроте и решительности.

Начало пятидесятых годов было особенно тревожно. Используя борьбу Кантакузина с Палеологом, венецианцев с генуэзцами, османы утвердились в Европе. Их наперерыв призывали воевавшие христиане. И Душан вступает на ту же линию, шлет послов к Урхану, предлагая союз и руку своей дочери для одного из султанских сыновей. И здесь Кантакузин расстроил планы Душана рискованным захватом турецких послов. Одновременно Душан вступает в сношения с Иоанном Палеологом в Салониках против общего врага Кантакузина. Снова тот расстроил соглашение, прислав в Салоники мать Иоанна. Когда османы прочно утвердились в залитой кровью Фракии, Душан не оценил момента, не бросил всех своих сил против турок. Отказавшись от Босны, он послал Палеологу лишь 8-тысячный отряд Бориловича, который и был перебит на Марице более многочисленными турками, высланными Кантакузином. Это была уже серьезная военная и политическая неудача сербского оружия, потрясшая его престиж накануне решительного столкновения между сербами и османами на Балканах. Оплошность Душана составляет его историческую вину перед Сербией и всем христианством на Востоке. Вина Душана тем больше, что он один располагал на Востоке достаточными силами для отпора туркам и этих сла-

вянских сил не использовал. Содействия Запада себе Душан не обеспечил, наоборот — восстановил против себя Венецию и курию захватом Боснии и Адриатического побережья, которое латиняне уже считали своим. Ему пришлось сознать свою дипломатическую и даже военную неподготовленность под конец громкого правления, когда османы утвердились во Фракии, а в Константинополе с падением Кантакузина многие, по венецианским донесениям, были готовы предаться Венеции, или венграм, или сербам, лишь бы спастись от турок. Сорокапятилетний Душан этого не пережил и скончался в Призрене в 1355 г. Народные сказания о его смерти в походе на турок содержат истину не историческую, но поэтическую: образ народного героя, олицетворение силы Сербии, гибнущей перед боем против рокового врага.

Османы, из туркменского (огузского) племени кайи, явились в Малую Азию как небольшая и безымянная кочевая орда после гибели хорезмшаха Джелал-ад-дина, в 30-х годах XIII в. У их вождя Сулеймана была всего сотня палаток, когда он жил на верховьях Евфрата. Ничто не связывало этих недавних пришельцев с сельджуками, кроме общего тюркского (точнее — туркменского) происхождения и мусульманской веры, и они были свободны как от иранского, так и от греческого влияния. Таких небольших орд появилось много в связи с передвижениями монголов, и они обыкновенно гибли без следа или растворялись среди более крупных племен или государств; но османам было суждено исключительное будущее. Сын Сулеймана Эртогрул является уже на рубеже византийской Вифинии как вассал иконийского султана Ала-ад-дина Кей-Кубада I, поселенный на правах ленника на плоскогорье по среднему течению Сангария, и его резиденцией является Сюгюд, ныне небольшое местечко вблизи Биледжика по железной дороге на Эски-Шехир (Дорилей) и Конию. На этом плоскогорье, перерезанном лесистыми оврагами, османы быстро перешли к оседлости. Каждую весну отсюда они нападали на порубежных греческих архонтов. Настоящим основателем государства является сын Эртогрула Осман (1288—1326 гг.), давший имя династии, потом государству и народности анатолийских турок (бывших сельджуков). Его первые шаги были скромны, воевал он с соседними сельджукскими беями (беками) и с полунезависимыми греческими архонтами, до которых уже не доходила слабая византийская власть. Некоторые архонты жили с соседями-османами дружно, даже были их верными союзниками, как Михал, владетель замка в предгорьях Олимпа. Другие гибли под ударами османов, как архонты известных по походам Алексея Комнина крепостей Белокомы (Биледжик), Ангелокомы (Айнегёль), Малагины на Сангарии (место еще не определено).

Своими успехами османы обязаны стечению благоприятных условий: слабости сельджуков, разгромленных монголами, и особенно анархическому

состоянию восточных областей империи, обезлюдевших после восстаний при Михаиле Палеологе, лишенных власти и ждавших своего завоевателя. К тому же тюркские поселенцы утвердились в Вифинии, даже в окрестностях Никеи, еще в XI в., при Никифоре Вотаниате, как союзные или наемные отряды сельджукского султана Сулеймана и его беев. В истории Алексея Комнина постоянно упоминаются турецкие отряды на службе императора. Задолго до XIII в. в Византии наблюдается то самое явление, что в Западной Римской империи последних веков: варвары как наемная сила, не всегда покорная, проникают на территорию и в самый воинский организм государства. Успехи сельджуков уже изложены. Они подвергаются значительному влиянию византийской культуры в области управления и быта высших слоев; и, в общем, турки уживаются с христианами. Султаны в Конии имеют жен-христианок, носят красные сапоги в подражание императорам, держат при себе греков-советников, двор и телохранителей по византийскому образцу, заменяя лишь греческие имена и титулы турецкими; чеканят монету с греческой надписью; терпят в своей столице греческого митрополита и христианское богослужение. Между греческой и сельджукской столицами часты перебежчики, притом самые знатные, как султанские братья или сам Михаил Палеолог. Окраины обоих государств организованы приблизительно одинаково, доверены пограничным беям и архонтам, между собою зачастую дружным. С разгромом сельджуков монголами в половине XIII в. между грозными завоевателями и Византией обещали установиться дружественные отношения. Дочь Михаила Палеолога Мария стала женою Абага-хана, монгольского государя Ирана и Передней Азии (в 1265 г.), прибыв в Тебриз в сопровождении игуменьи Пантократорского монастыря, и христианское богослужение совершается открыто при дворе хана Передней Азии.* Разгром сельджукского государства имел два последствия: огреченные верхние слои спасаются в Византию, теряя свою национальность, а пограничные эмиры, загнанные монголами в горные дебри, начинают с Византией разбойничью войну. Эти эмиры — не племенные вожди, но предводители орд (как bandes guerrières — германцев), обязанные возвышением самим себе. Особенно после неудачных походов Михаила Палеолога, сына Андроника Старшего, эти эмиры подчиняют пограничных архонтов и греческие города западной Малой Азии, кроме Филадельфии, и с помощью туземных моряков грабят острова, встречая отпор лишь от латинян. Эмиры из фамилии Караман образуют сильное государство того же имени в Ликаонии и Памфилии, захватив Конию.

* Первые монгольские ханы Ирана и Передней Азии (Хулагуиды), будучи язычниками, из политических видов поддерживали христиан против мусульман, и христианское богослужение в приханских ставках совершалось постоянно (до 1295 г.), вне зависимости от дружбы или брачных связей с Византией *(Ред.)*.

Владея 15 городами, 150 укрепленными местечками, тысячами воинов и осадными машинами, эмиры Карамана оставались опаснейшими врагами османов до последней четверти XV в. К западу и северу от них правили туркменские династии эмиров Текке (Адалия), Кермиян — во Фригии (Кютахийя), греческий Котиэй, в Карии — эмиры Ментеше (Милас), в Писидии — династия Хамид, в области Смирны и Эфеса (турецкий Айасолук) — эмиры династии Айдин, в Магнисии — эмиры Сарухан (с начала XIV в.), в Пергамской области до Мраморного моря — эмиры Караси; по Черноморью от устья Сангария до трапезунтского Лазистана и в Пафлагонии — эмир Тимур (с 1291 г.), основатель династии Кызыл-Ахмедли. Восточная часть Малой Азии с городами Кесария Аксарай, Сивас, Эрзинджан и Эрзерум управлялась наместниками монгольского хана Ирана.

Османы поселились между владениями Византии и династий Кызыл-Ахмедли, Кермиян, Сарухан и Караси; положение их области было выгодно. Защищенные дальностью, ущельями и лесами, размножившись на плодородной земле, они становятся сильнее ближайших соседей. Свою ставку Осман перенес поближе к Никее, в город Ени-Шехир. Напрасно соседние архонты с царским стратигом Бруссы во главе соединяются против него с сельджукскими эмирами и с Караси. Осман разбил их и гнал до Аполлониадского озера на рубеже Мизии. Вся почти Вифиния, кроме Никомидии, Никеи и побережья, была завоевана Османом, действовавшим не только силою, но и хитростью. Осман не являлся разорителем страны. Он отдавал города и села своим сподвижникам в ленное владение, щадил народ, убавлял налоги, уважал христианство. Под его патриархальной властью вифинские крестьяне не жалели о византийском чиновнике.* И, судя по многим данным, населенность и богатство страны быстро возросли. Умножилось число и воинов Османа, обладавших силой свежей расы,** энтузиазмом завоевателей, верою в своего счастливого вождя и в собственные силы. Мало еще известный Константинополю Осман выступил против Музалона, стратига царских войск под Никомидией, и разбил его двухтысячный отряд (1301 г.), и беи Османа тем прочнее и спокойнее занимают Вифинию и устраивают свое хозяйство, щадя население как рабочую силу. Отняв у кермиянского эмира крепость Эски-Шехир (Дорилей), осман вступает в союз с династией Сарухан в Магнисии против греков. Поход царского сына Михаила против османов оканчивается позорным отступлением в Бигу (Пиги), и шайки османов доходят до азиатских пригородов Константинополя. Никея осаждена Османом, и греки лишь с трудом, ночью, подвозят провиант из

* Осман, однако, отнюдь не отказывался от грабительских набегов на греческие районы и от опустошения их (*Ред.*).

** Ф. И. Успенский допускает идеализацию Османа. Его успехи объясняются не мифической «свежестью расы» и не «уважением» к греческому населению, а жалкой слабостью и ошибками византийской власти. (*Ред.*).

Киосской гавани. Пока кесарь Рожер, вождь каталанов, был в живых, Осман действовал весьма осторожно, но когда Рожер был убит, Осман договорился с его дружиною, и тысяча османов с Меликом и Халилом во главе переправились в Галлиполи. Подвиги и гибель их были упомянуты выше. Но ядро османов попрежнему уклонялось от авантюр, предпочитая расширять систематически свои владения и прочно обосновываться в них. Лишь перед смертью Осман послал сына Урхана взять богатую Бруссу и сам присутствовал при осаде этой сильной крепости, расположившись у целебных источников. Когда Брусса сдалась на условиях договора, Осман удержал в городе греческое население (1326 г.) и вскоре умер.

Его преемник Урхан (1326—1359 гг.) был уравновешенной натурой и не любил рискованных шагов. Толпы турок грабили Фракию, но это были не его люди. Нарушил мир сам Андроник Младший, напав на вассала османов во Фригии, Белого Тимура. Если фригийские турки еще боялись императора и Тимур простерся перед Андроником, целуя его пурпурные сапоги, то Урхан ни с какими традициями не считался и, как мы уже знаем, разбил Андроника под Филокриною, причем император едва спасся (1330 г.). Урхан быстро использовал победу. Никея стала легкой добычей. Опять взятый город не был разрушен османами, но сохранен со всеми постройками и населением.* Хотя святыни были распроданы грекам же и церкви обращены в мечети,** но Урхан старался поддержать культурные и благотворительные учреждения, которыми была богата Никея, и мусульманские имареты при мечетях заменили школы и богадельни при церквах. Ближайшей целью Урхана стала Никомидия. Дважды приступал он к этому важному приморскому городу, но оба раза встречал под его стенами энергичного Андроника; в первый раз царь и «сатрап» обменялись дарами, во второй раз турки поспешно ушли. Упорный Урхан организует небольшой флот с помощью своих сельджукских вассалов в Мизии, и впервые напали османы на европейский берег; нападение их было отражено, но Никомидия осталась без помощи и сдалась Урхану. И третий крупнейший город Вифинии стал турецким и мусульманским, сохранив население и постройки. Успехи Урхана совпали со временем междоусобия внутри империи и с опустошительными набегами эмира Омара Айдинского на Фракию. В противоположность Омару, эмир османов имел в виду лишь свои задачи независимого государя и не давал Кантакузину вовлечь себя в орбиту византийской политики.*** Но благодаря росту своих сил Урхан стал осо-

* Арабский путешественник Ибн-Батута, побывавший в Никее вскоре после ее взятия османами, напротив, говорит, что Никея была разорена и обезлюдела, так что в городе не было иного населения, кроме небольшого числа «султанских служителей». По-видимому, только позднее Урхан вновь заселил Никею как турками, так и греками. *(Ред.)*

** Известная своими фресками и мозаиками церковь Коймесис оставалась в руках христиан до 1915 г. *(Ред.)*.

*** От набегов на византийские области не отказывался и Урхан *(Ред.)*.

бенно желательным союзником для византийских партий, и тогда он не отказывал в своей поддержке, поскольку таковая была полезной для молодого Османского государства. По примеру Михаила Палеолога и Иоанна Ватаци, император Кантакузин выдает дочь за неверного, но сильного соседа; старый Урхан окружил ее почетом, не стесняя ее веры. Урхан долго был верен союзу, нападения на византийское побережье прекратил и во время войн Кантакузина с Душаном 3 раза посылал в Европу сына Сулеймана с войском и даже с флотом, причем османское юношество ознакомилось с Фракией; но в сношениях оставался независимым союзником и уже рассматривал азиатские области как свои. Приехав к Кантакузину, он остановился на азиатском берегу, и византийский двор пировал в его ставке. Урхан использовал и междоусобия между латинянами — войну Венеции с Генуей. Опять он действовал самостоятельно, и, невзирая на союз Кантакузина с Венецией, Урхан становится «братом и отцом» генуэзцев, послав им помощь. Отношения между царем и султаном обостряются. Душан, главный враг Кантакузина, немедленно предлагает султану союз, а сыну его — свою дочь. У Урхана не было недостатка в христианских союзниках, и христианское добро само шло ему в руки. Арест греками сербских послов приводит к открытому разрыву — и опять по вине греков. Урхан подступал к Константинополю, требуя удовлетворения; сыновья его опустошают фракийский берег. Кантакузин на генуэзских кораблях добился мира с Урханом, но Венеция его не получила. Османы и венецианцы становятся упорными врагами. Кантакузину Урхан опять помог, но турецкая молодежь при этом еще лучше ознакомилась с Фракией и с Адрианополем, будущей турецкой столицей. Часть турок даже осталась в Галлиполи с женами и детьми, будучи поселена в крепости Чимпе самим Кантакузином, не подозревавшим, повидимому, опасности. Когда же землетрясение 1354 г. разрушило византийские крепости на Галлипольском полуострове, Сулейман явился с азиатского берега и поселил турок в греческих домах, покинутых хозяевами, и сам выстроил себе дворец в Галлиполи. Занятая территория была поделена между турецкими воинами; турецкие десятники, старосты и наместники заместили греческую администрацию. Оставшееся греческое население в панике бежит в Константинополь, и там в неменьшем страхе ожидают нападения османов. Известно, что эти факты повлекли падение Кантакузина. Значение утверждения турок в Европе было оценено не только греками, но и Душаном Сербским; только его смерть остановила поход сербов с латинянами против турок. Сын Кантакузина Матвей, продолжавший пользоваться турецкой помощью, был разбит сербами и попал в руки Иоанна Палеолога. Последний сознавал свое бессилие и всеми мерами старался снискать расположение Урхана: освободил из рук Калофета султанского сына Халила и выдал за него дочь. Но все его старания рухнули, когда «меч пророка» за отречением старого отца, заня-

того делами благочестия, и за смертью старшего брата Сулеймана, завоевателя Ангоры и Галлиполи, попал в руки другого сына Урхана — Мурада I (1359—1389 гг.).

Задачею Мурада и его советников стало завоевание Фракии, основание мусульманской империи в европейской Романии. Закончился первый период истории османов — устроение завоеванной Вифинии со столицей Бруссой. Последняя достигла большого расцвета и к началу XV в. насчитывала, по показанию очевидца Шильдбергера, до 200 000 населения. Архитектурными памятниками величия Бруссы являются до сих пор великолепные мечети и гробницы султанов, построенные в XIV и XV вв. Роскошный султанский дворец был расположен над городом, на уступе снежного Олимпа. В плодородной Вифинии быстро размножилось юное племя османов. Султанские победы вдохнули религиозный и расовый энтузиазм в разрозненные сельджукские племена от Ангоры и Конии до Смирны и Галлиполи.*

Не считаясь с дружественными и родственными связями, которыми византийская дипломатия опутывала выросшую силу османов, Мурад предпринял завоевание Фракии, имея в виду ее главный город Адрианополь. Предварительно он овладел укрепленными этапами на пути между Константинополем и Адрианополем: Пиргосом (турецкое Люле-Бургас), Цурулом (Чорлу), Мессиной (Каришдиран). Свою резиденцию Мурад перенес в Дидимотих знакомое туркам гнездо Кантакузинов. Немедленно Мурад организовал турецкое управление и роздал своим беям крупные тимары (лены); Фракия получила название «греческой страны», Рум-или (отсюда Румелия), в отличие от Осман-или, первых поселений по Сангарию. Каждую весну, по старому обычаю, османы расширяли свои владения, причем беи со своими людьми присоединялись к собственным войскам султана или к его «двору» (турецкое капу — дверь, дворец, отсюда латинское Порта). Личные войска султана составляли почти единственный постоянный корпус и рекрутировались юношами из собственных земель султана, а так как за ним оставались лучшие и наиболее населенные завоевания, то в его гвардию попадало и большое число христианской молодежи, обращенной в ислам; их стали воспитывать с детства в строго мусульманской обстановке, отрывая от родных по особым наборам. К XV в. составилась из них пешая гвардия (в отличие от конного ополчения ленников — сипа-

* Османы — не племя, а династийное имя, позже ставшее названием государства и этническим именем для всех турецких племен Малой Азии и Балканского полуострова, слившихся в одну народность. Никакого «расового энтузиазма» и сознания расового единства у турок не было. Как видно из источников, в Османском государстве в XIV и XV вв. и позже османами и турками называли всех мусульман любого происхождения, в частности даже греков, славян и албанцев, если они принимали мусульманскую веру. Принималось во внимание только религиозное единство, а не единство происхождения или языка. *(Ред.)*.

хиев). К XV в. эта пехота из новообращенных получает имя янычаров (турецкое йени-чери — рекруты).

Лишь устроив Фракию, Мурад подступил к укрепленному Адрианополю. Судьба столицы Фракии была решена: помощи ей не было. После краткой осады и бегства начальника византийского гарнизона горожане сдались, и для Адрианополя, давно не знавшего мира и спокойствия, настало время материального и даже культурного расцвета. Когда Мурад со своим «лала» (пестуном) Шахином, полководцами Хадми-Ильбегом и Эвреносом вступил в город (1361 г.), ставший его столицею с 1365 г., в нем было до 15 000 деревянных домов, а к XV в. разноплеменное население Адрианополя насчитывало несколько сот тысяч. Благодаря плодородию страны и положению города на караванных и водных путях, развились торговля и ремесла. Богатство привлекло и просвещение: в султанской столице, в доме богатого еврея, знаменитый Плифон изучал древних философов. Но в художественном отношении Адрианополь далеко уступал старой столице Бруссе.

Дальнейшее завоевание до Балканских гор не встретило сопротивления в стране не оставалось власти, и населенные пункты ожидали завоевателя. Филиппополь был в болгарских руках (с 1344 г.), бессильных вследствие междоусобия между сыновьями царя Александра. Лала-Шахин взял Филиппополь без труда (1363 г.), а за ним и Веррию (Старую Загору, турецкое Эски-Загра); его отряды доходили до Софии и Тырнова. Эвренос-бей завоевал низовья Марицы и западную Фракию с Гюмюльджиной, прибрежный Энос был оставлен за дружественным генуэзским домом Гаттелузи. Новые земли османов отрезали Константинополь от сухопутного сообщения с христианскими державами. Недавние выходцы из Азии образуют во Фракии государство, которое становится решающим фактором на Балканах и входит в круг европейской политики. Дальнейшие успехи османов поэтому излагаются в связи с общим положением Византии и христианского Леванта.

В связи с политическими судьбами Малой Азии стоит история Трапезунтского царства, прерванная выше (раздел VIII, глава 4) на конце XIII в. После разгрома сельджуков монголами Мануил I Трапезунтский, вассал иконийского султана, во-время заявил покорность и сумел уберечь свою страну от ужасов монгольского нашествия. Сам он не ездил к Великому хану в Каракорум. Современные греки считали Мануила воинственным, Людовик Святой называл его сильным и богатым государем и хотя стать тестем Мануила не пожелал, но находил полезным для латинского императора сближение с Мануилом; это последнее в свою очередь не улыбалось Великому Комнину, считавшему представителей своего рода единственными законными наследниками Константинополя. При Мануиле и его

сыновьях наметились пути, которыми пойдет история Трапезунта в XIV в., с одной стороны, дружба с хозяевами Малой Азии — монголами, потом — до конца XIV в. — с османами для обеспечения трапезунтских владений и торговли; с другой стороны, слабые претензии на греческий Константинополь, опять до конца XIV в., до турецкой опасности. При Алексее II враги заключенной Михаилом Палеологом унии считали своим прирожденным монархом православного Великого Комнина. Многие православные уезжали в Трапезунт. Далее, уже при сыновьях Мануила I приобретает опасный характер движение архонтов, почти самостоятельных в своих лесах и ущельях, и распря туземной лазской и пришлой греческой знати. Наконец, трапезунтские цари, отказавшись от активной политики в глубь материка, обращают главное внимание на обогащение своей казны и страны покровительством транзитной торговле; к этому времени, благодаря захвату египтянами Сирии, определяется мировое значение торгового пути от Трапезунта через Армению и Персию до Индии, а также и местной торговли с Кавказом и Крымом, следуя около берега. В связи с движением против Михаила Палеолога некоторые источники упоминают о принятии трапезунтскими государями титула императора и самодержца ромэев, но вероятнее, что гордые своим родом Великие Комнины носили этот титул и ранее. Михаил Палеолог не имел никакого успеха, требуя в Трапезунте отказа от императорского титула; тогда он переменил тактику и столь же настойчиво предлагал молодому Иоанну руку своей дочери Евдокии и сумел осуществить этот политический брак, несмотря на нерасположение трапезунтского двора (1282 г.). Трудно было при этом оформить отношения между обоими дворами и династиями. Византийский церемониал предоставлял Иоанну лишь ранг деспота и отказывал ему в царских красных сапогах; но законность прав и полноту политической самостоятельности Константинополь должен был признать за трапезунтскими Комнинами, и трапезунтский двор удовлетворился этим существенным актом, узаконившим сосуществование двух православных царств греческой нации, притом с сохранением церковного единства.

Примирившись с Палеологами, Иоанн II (1280—1297) заботливо поддерживал отношения, почти номинально зависимые, с ханом Передней Азии Абагой, женатым и на трапезунтской царевне, и на побочной дочери Михаила Палеолога; но кочевые туркмены отняли у Иоанна область до Керасунта. Иоанну (ум. в 1297 г.) наследовал сын Алексей II (1297—1330 гг.), упрочивший самостоятельность своего царства. Он сверг опеку Андроника Палеолога, которому поручил его умирающий отец, взял в жены грузинскую княжну, а не дочь византийского сановника Хумна, сильного при дворе Палеолога; он загнал туркменов в горы, обуздал генуэзцев, отка-

завшихся платить пошлины, но терпел от синопских пиратов-мусульман, сжегших даже пригороды Трапезунта. Флот Комнинов всегда был плох. При преемниках Алексея II особенно развились внутренние смуты, лишь временами замиравшие в Трапезунте. Византийские архонты, пришедшие вместе с Комнинами, встретили враждебное отношение туземного элемента грузинского (лазского) племени, имевшего в своей среде древние княжеские фамилии. Пришлая знать именовалась схолариями (гвардией), туземная — месохалдиями, жившими внутри Халдии. Первые искали опоры в Византии, вторые — в единоплеменной Грузии. По смерти Василия, променявшего первую жену, дочь Андроника Младшего Палеолога, на вторую, Ирину из Трапезунта, византийская партия уступает туземной. Ряд кровавых мятежей заполняет местную историю, хронику Панарета. Грузинские отряды с Кавказа получают решающее значение при дворцовых переворотах. Пользуясь междоусобиями, туркмены опустошают страну, доходя до пригородов и даже до внутренних кварталов Трапезунта.

В этих событиях умалилась самодержавная власть. У царя Михаила архонты, возведшие его на престол, вынудили письменное обязательство не заключать договоров, не издавать указов без совета с архонтами, и царь должен был довольствоваться почетными прерогативами власти; но восстание простого народа после кровавой борьбы освободило от олигархии царскую власть (1345 г.). Эти события трапезунтской истории, недостаточно известные, почти совпали и с кандидатурою Кантакузина на престол, с обязательствами, наложенными на него архонтами, также требовавшими не предпринимать важных решений без их ведома, и с народным восстанием против Кантакузина и знати. Между одновременными событиями в Византии и Трапезунте нужно предположить связь или, может быть, лишь единство причин и следствий. Но разница была та, что в Константинополе была законная династия, в борьбе с которой — и с простым народом — Кантакузин потерпел неудачу; сходство в том, что царская власть при поддержке низших классов одолела аристократию, искавшую ограничить самодержавие, притом, может быть, по образцу западных баронов и высших палат. К сожалению, известий об этих движениях на греческом Востоке в середине XIV в. слишком мало, а Кантакузин, который лучше других знал и понимал, пишет в своей истории лишь то, что ему выгодно. Последствием междоусобия явилось и в Трапезунте и в Византии разорение страны, усугубленное моровою язвою 1347 г., равно как и падение могущества и престижа государства в глазах соседей. В Трапезунте народное движение было сопряжено с погромом иностранцев, именно латинских купеческих колоний, имевших договорные права и льготы. Особенно пострадали генуэзцы.

Эти годы были временем расцвета генуэзского могущества в Черном море и в Крыму. Генуэзцы не замедлили отомстить Трапезунту. Вытеснив трапезунтскую власть из северного Черноморья, сделав титул Комнинов «государь Заморья» пустым звуком, они разбили трапезунтский флот, сожгли Керасунт, добились возмещения убытков и уступки крепости Леонтокастро в качестве гарантии. Одновременно омусульманенные монгольские эмиры Эрзинджана и Байбурта, державшие в своих руках большой караванный путь в глубь Азии, соединились с туземцами-цанами, т. е. лазами, и подступили к самому Трапезунту. В эту тяжелую пору чем более терпело и слабело царство, тем крепче Трапезунт отстаивал свою независимость от Византии. На престол вступает малолетний Алексей III, сын Василия и Ирины трапезунтской, для Палеологов незаконный, однако трапезунтцы уберегли его престол, и он женился на дочери Кантакузина, главного врага Палеологов; он мог при содействии народа справиться с поднявшими голову архонтами, губившими друг друга, но в борьбе с туркменами потерял всю Халдию и остался при береговой полосе. Заходя несколько вперед в нашем кратком изложении продолжительного царствования Алексея III, упомянем, что оно почти совпадает по времени с царствованием Иоанна V Палеолога. Оба они были бессильными зрителями нарастания турецкого могущества, и последнее примирило Палеологов с Комнинами вновь и окончательно. Гордость первых, обедневших, ставших данниками султана, была уже сломлена. Иоанн ищет дружбы богатого, пока независимого трапезунтского царя. Прошло время, когда в Константинополе признавали за ним лишь титул деспота. Прекрасную Евдокию трапезунтскую старый Иоанн сватал за сына своего Мануила, но взял за себя. Скрепленная браками дружба обеих династий продолжалась до гибели их государств. Несмотря на грабежи Белой Орды и генуэзцев, доходы трапезунтского царя были велики, благодаря таможенным пошлинам, и еще в начале XV в. достигали 700 000 дукатов, равняясь доходам английского короля того же времени. Правление Алексея ознаменовано церковными постройками, на Афоне он основал монастырь Дионисиат, существующий поныне. При его сыне Мануиле, современнике Мануила Палеолога, в Передней Азии разыгрались мировые события, отразившиеся и на Трапезунтском царстве. Султан османов Баязид I Илдирим завоевал Караман, Токат, Сивас, Самсун, дошел до Черного моря, прогнал туркменскую «Белобаранную» (Ак-Коюнлу) орду эмира Османа Кара-Юлука за Евфрат и стал соседом Трапезунтского царства. Почти одновременно грозный Тимур (Тамерлан), основавший в Средней Азии великую державу, подчиняет грузинских князей на Куре, гонит туркменскую «Чернобаранную» (Кара-Коюнлу) орду эмира Кара-Юсуфа до Эрзерума, который

также подчинил себе.* Предвидя столкновение, боясь его, и Баязид, и Тимур заручаются союзами, первый — с египетским султаном. У Тимура при дворе являются послы Мануила Палеолога и короля кастильского; послы эти — католические монахи, и за переговорами видна дипломатическая деятельность римской курии. Неоднократно приближавшийся и вновь отступавший Тимур внезапно покончил с Баязидом одним ударом под Ангорой (1402 г.) и, пройдя до Смирны, вернулся в Среднюю Азию. Владетель сравнительно крошечного царства, Мануил Трапезунтский еще до битвы под Ангорой шлет послов к Тимуру, является к нему лично. Вступив в его царство, Тимур, не доверявший Мануилу, заставил его стать вассалом, выставить 20 кораблей, наравне с Мануилом Палеологом, и, повидимому, участвовать в Ангорской битве в числе многочисленных, свыше 30, «знаменитых государей», подчиненных Тимуру.

Царство Мануила простиралось на 70 часов пути, следуя берегу, и на 1—2 дня пути в сторону гор. Но правил он непосредственно лишь городами и личными богатыми имениями. В остальной части небольшой его страны почти независимо правили могущественные архонты, среди которых выделялся туземный род Кабаситов Халдейских, пришлых Мелиссинов, грузинские князья, тюркские беи, породнившиеся с Великими Комнинами. Недоступность горных областей и антагонизм между туземцами и пришлыми архонтами помешали Комнинам объединить страну под планомерным и действительным управлением. Сила Комнинов заключалась в их царском имени и в громадных доходах. Их столица была сильно укреплена, красива и богата, дома были в 2 и 3 этажа; среди складов с азиатскими и европейскими товарами теснилась разноязычная толпа. Над городом высился кремль, содержавший дворец с его росписными галереями и позолоченными крышами, с залами, украшенными фресковыми портретами Комнинов, казначейство, архивы. От этого великолепия не осталось и следа на поверхности земли. Город славился церквами (Хрисокефал, св. Софии, св. Евгения — патрона города, монастырь Сумела, уцелевший доныне**) и роскошными загородными садами. Страна была настолько одарена природой и обогащена караванным путем, что населявшая ее рослая, красивая раса не привыкла к дисциплине и упорному труду. Дворец, разукрашенный искусством, хранивший ценную библиотеку, был свидетелем грубого насилия, преступ-

* Кочевые туркменские союзы племен Ак-Коюнлу («Белобаранные») и Кара-Коюнлу («Чернобаранные») играли заметную политическую роль с последней четверти XIV в. Из них Ак-Коюнлу кочевали в верховьях реки Тигра, чаще всего дружили с царями Трапезунта и вступили в союз с Тимуром против османов. Кара-Коюнлу первоначально кочевали в южной Армении и были союзниками османов против Тимура. Обе туркменские орды были непримиримыми врагами. *(Ред.).*

** Сохранившиеся церкви Трапезунта исследованы Millet в «Bulletin de Correspondance Hellénique», т. XIX, и Русским археологическим институтом в Константинополе.

лений и разврата; в обществе царило суеверие, книгами занимались немногие, только монахи. Письменность, от которой дошли одни обломки, собранные особенно трудами ученого грека Пападопуло Керамевса, жившего в России, указывает несколько значительных имен; процветала местная агиография, были и хроники. К XV в. лучшие умы стремились на Запад, между ними знаменитый Виссарион, родом из Трапезунта, оставивший и похвалу родному городу; рядом с ним видим ревностного униата — архиепископа Амируци, после турецкого завоевания ставшего грубым льстецом султану и едва ли не ренегатом.

Об отношениях Трапезунтского царства к северному Черноморью имеются отрывочные известия. Великие Комнины носили титул государей Ператии, т. е. Заморья. В XIII в. Херсонская фема вошла в состав Трапезунтского царства. Из слова Лазаря о чудесах св. Евгения видно, что около 1223 г. сельджукские пираты захватили корабль, везший в Трапезунт ежегодную подать с Херсона и «готских климатов», и затем опустошили Херсонскую область. Трапезунтское царство было слабо, и крымские греки не порывали с ним связи потому, что для них важны были торговые сношения с Трапезунтом. После битвы на Калке и нашествия татар на Сугдею многие греки эмигрировали в Трапезунтское царство, но по изгнании татар из Сугдеи (1249 г.) в ней было насчитано свыше 8000 населения. Сохранились местные святыни. Епископы назначались из Константинополя, но многие из упомянутых в местном синаксаре священников носят татарские имена. Распря между Никейским и Трапезунтским царствами сказывалась и в делах церкви в Крыму. Посвященный в Никее епископ Феодор, отправляясь на Кавказ, высадился в Херсоне, осажденном вскоре татарами, спасся к христианам-аланам и стал устраивать их церковь, но херсонский епископ заставил Феодора уехать дальше на восток; в Босфоре ему не разрешил высадиться местный гражданский начальник. Греческая Сугдея (Сурож) платила дань Батыю, по известию посла Людовика Святого, известного путешественника Рубруквиса. В XIII в. русские несомненно жили и торговали в Крыму, возили меха, и египетское посольство называет их в числе населения, рядом с кыпчакскими татарами и аланами. Сурожане оплакивали смерть Владимира Галицкого, по Ипатьевской летописи (1288 г.). Татары заботились о Сугдее, и хан Золотой Орды, заключая договор с Михаилом Палеологом (1281 г.), обязал его не обижать сурожан. Рядом с туземными греками в Суроже торговали венецианцы, знаменитый Марко Поло имел там дом; но с конца XIII в. союзные с Палеологом генуэзцы — не без борьбы — становятся на Черноморье полными хозяевами. В 1266 г. генуэзцы купили у татар место Феодосии, запустевшей с VIII в., и основали знаменитую свою колонию Кафу, а венецианцы утверждаются в Сугдее (ныне Судак) и даже стесняют здесь генуэзцев; у них является и консул «Хазарии». На самом рубеже XIII в. коло-

нии обеих итальянских республик были разорены татарами, но, несмотря на эти погромы, генуэзская торговля в Крыму была весьма богата и перекинулась на Азовское побережье. В Генуе учреждено было особое колониальное ведомство, Officium Gazariae (1313 г.), давшее колониям статут, учреждаются и католические епархии; под влиянием пропаганды францисканцев начали переходить в католичество и аланские князья, и местные армяне. Папа ходатайствует перед ханом Узбеком за христиан Сугдеи, обращенной им в мусульманский город; но без успеха. Церкви были закрыты, икона на городских воротах была заколочена досками. Впрочем, несколько православных греков жило в Сугдее и в первой половине XIV в.; араб Ибн-Батута видел христиан из татар и фреску на церковной стене. Ханский наместник жил в Солхате (ныне Старый Крым). В половине XIV в. генуэзцы одолели венецианцев в Черноморье, получили от Византии Херсонес, от татар — Сугдею. В Азовском районе главным центром генуэзской торговли была Тана, в устье Дона, а в Крыму — Кафа; впрочем, разбогатела в их руках и Сугдея. Греческих кораблей генуэзцы не пускали дальше Дунайских гирл, но православия не стесняли: и в XIV в. упоминаются епархии Готская, Херсонесская, Сугдейская, Боспорская но обедневшие, судившиеся в Константинополе друг с другом из-за нескольких деревень.

Глава IX

ПОСЛЕДНИЕ ПАЛЕОЛОГИ. ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ОСТАЛЬНЫХ ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Кантакузином ушла со сцены целая эпоха византийской истории, когда власть не оставляла идей Михаила Палеолога, думала о воссоединении греческих земель и когда она опиралась на сильную служилую аристократию европейских областей, поставлявшую лучшие национальные полки. Теперь служилые люди или были перебиты в междоусобных войнах, или разорены во время народных восстаний и турецких набегов. У империи не стало организованной национальной армии, ни ресурсов для ее возобновления. Осталась надежда на латинян, и при последних Палеологах господствуют надежды на латинян и латинское засилие. Завершением господствующих идей этого последнего периода является Флорентийская уния, и Константинополь гибнет как латино-греческий город, защищает его не патриарх, но кардинал.

Иоанн V занимал престол еще почти сорок лет (1355—1391 гг.) и остался в народной памяти как красавец Калоян. Несмотря на тяжелую юность, он по легкомыслию не годился бы в монархи даже в спокойное время, теперь же он усугубил личными качествами и слабость государства, и бедствия народа.

Слабость правительства была настолько велика, что 3 года оно не могло справиться с обломками партии Кантакузина, во главе которой стоял Матвей, носивший еще знаки царского достоинства; ему мало помогали младший сын Кантакузина Мануил, правивший в Мистре, зять его Никифор в Эносе, Мануил Асеневич во фракийской Визе. Матвею предлагали сделку: получить в удел то Морею, то Лимнос. Он даже пере-

шел в наступление. Греки уже не могли воевать без турецкой помощи, в которой Урхан отказал. Палеолог избавился от Матвея лишь в 1357 г., когда последнего захватил в плен сербский кесарь Воихна и выдал Палеологу, так как никто не захотел выкупить Матвея. В Константинополе обошлись мягко с претендентом и его семьею, даже уговаривали через отца отказаться от своих притязаний, и Матвей дал требуемую клятву, сохранив некоторые знаки царского сана. Разгадку миролюбия Палеолога следует искать в тех симпатиях к дому Кантакузина, которые еще жили во Фракии; там еще держался Мануил Асеневич. Многие фракийские архонты в ближайшие годы предпочли турецкую власть правительству Палеолога, чем облегчили утверждение турок во Фракии. Подобное явление имело место и в малоазиатской Вифинии во времена Османа. Междоусобие во Фракии замерло за отсутствием претендента. В отдаленных областях более сказалась крайняя слабость константинопольского правительства. Пользуясь распадением державы Душана, умершего вскоре после отречения Кантакузина, зять последнего Никифор, владевший Эносом, утвердился в Эпире, на который имел наследственные права, отослал дочь Кантакузина в Морею, желая породниться с сербской династией, но вскоре был убит албанцами (1358 г.), и в Эпире было основано албано-греческое государство Карла I Топии. В Фокее царский наместник Калофет правил независимо. Его пираты схватили Халила, сына султана Урхана, и напрасно по настоянию Урхана император требовал освободить Халила. Калофет просит 100 000 золотых и сан севастократора. Императору пришлось осаждать Фокею, исполнить требования Калофета и выдать за Халила свою малолетнюю дочь. Еще менее успеха он имел в Морее, где утвердился младший сын Кантакузина Мануил. Посланные против него двое Асеневичей были им отражены с помощью венецианцев, и Иоанн был вынужден признать Мануила деспотом византийской Мореи. Богатый остров Митилену (Лесбос) Иоанн отдал вместе с рукой сестры генуэзцу Гаттелузи. В этом нужно видеть не только личную благодарность за помощь при овладении престолом, но и выговоренный наперед успех знатной генуэзской семьи, владевшей некоторое время Эносом, крупный и характерный шаг последних Палеологов по пути латинского засилья. Владетельный род Гаттелузи чеканил собственную монету по примеру латинских государей на Леванте. По свержении Кантакузина империя была так слаба, что венецианец Марино Фальери советовал начать поход против неверных с завоевания Византии, как будто усилия и успехи Ласкарей и Палеологов обратились в ничто менее чем в одно столетие. Однако лишь только Матвей Кантакузин попал в плен, Венеция поспешила возобновить мир с Византией (1357 г.); при новом перемирии венецианцы были лишены права владеть недвижимостями в Константино-

поле, и их байльи получил инструкции не возбуждать турецкой подозрительности дружбой с греками.

Ближайшие годы принесли такой непоправимый ущерб империи, что и в Европе, и в Константинополе пришлось подумать о немедленной борьбе с османами всею силою христианского мира. Преддверием к новому походу должна была быть попрежнему церковная уния. В 1359 г. умер султан Урхан; ранее погиб его воинственный сын Сулейман, завоеватель Галлиполи, и на престол вступил другой сын, Мурад. Старый Урхан долго дружил с греками, породнился с Кантакузином и лишь под конец царствования охладел к греческой дружбе. Сыновья его — Сулейман и вступивший на престол Мурад I — были готовы использовать накопившиеся силы османов и вести свой народ для покорения христиан, тех «румов» (ромэев, т. е. греков), коих землю они знали вдоль и поперек. Мурад начал с покорения единокровных сельджукских племен, с завоевания Ангоры и горных пастбищ караманского эмира, чтобы, обеспечив тыл, двинуться на опустошенную Фракию. Против вооруженного народа османов, привыкшего к военным успехам, уже не стояло воинственное служилое сословие, испытанные всадники Андроника Младшего и Кантакузина. Правительство Иоанна могло выставить лишь небольшие, по скудости казны, отряды западных наемников и не годные к правильному бою толпы народного ополчения. Силы же турок измерялись десятками тысяч. Овладеть Фракией им было легко. В 1360 г. полководцы Мурада Лала-Шагин, Эвренос-бей и другие взяли сильные крепости Цурул и Дидимотих, причем последний был передан греческим начальником; в 1361 г. Лала-Шахин разбил начальника адрианопольских войск, бежавшего и покинувшего Адрианополь на произвол судьбы. Этот важнейший город Фракии стал второю после Бруссы столицей османов.

Лала-Шахин вторгся в Болгарию и дошел до Филиппополя, а Эвренос занял западную Фракию. Повсюду турки устраивались прочно, привозили семьи и укрепляли города; пленных продавали по установленной таксе, 125 серебряных грошей (акча) за человека. Византийское правительство не могло и не смело встретить турок в чистом поле, оно предпочло искать компенсаций в приморской Болгарии; греки захватили Анхиал и осадили Месимврию, принадлежавшие Болгарии города с греческим населением. Александр болгарский был вынужден просить мира и уплатить издержки (1362 г.); мир был скреплен обручением малолетних Андроника, сына Иоанна V, с дочерью Александра от второй жены — еврейки. Умирая (1365 г.), Александр оставил большую часть страны Шишману, своему сыну от еврейки. Шишман дружил с турками и изменнически захватил императора Иоанна, прибывшего для переговоров о союзе против турок. Европейские дворы были возмущены поступком Шишмана. Союз Болгарии с утвердившимися в Европе турками изолировал христианский Константи-

нополь с севера и являлся изменой христианскому делу. Для освобождения Иоанна V была снаряжена экспедиция Амедея Савойского. Отбив у турок Галлиполи (впрочем, на короткое время), Амедей явился с несколькими генуэзскими и венецианскими кораблями в Черное море. Амедей овладел болгарским берегом до Варны, и тогда лишь Шишман освободил императора, около года пробывшего в плену, и обязался не нападать на Византию. Рыцарская помощь Амедея, приходившегося Иоанну V двоюродным братом по матери Анне Савойской, вовлекла Византию в орбиту западной политики, оправдала и оживила надежды на латинский Запад. Сын Анны Савойской, Иоанн Палеолог, был подвержен западному влиянию со времени вступления на престол с помощью Гаттелузи и Венеции. С утверждением турок в Адрианополе, с распадением державы Душана у Византии не могло быть иных надежд, кроме упования на западную помощь. Перед лицом турецкой опасности, Западом немедленно оцененной и учтенной, и для Европы не было иного выхода, как помощь Константинополю, хотя пока православному. Передовые латинские державы на Леванте, Венецианская и Генуэзская республики, подали друг другу руки, несмотря на вековечную вражду, и в эту грозную пору вторжения турок в Европу для окончательного утверждения венецианцы и генуэзцы дружно помогают Палеологу как при свержении Кантакузина, так и при экспедиции Амедея. Помощь, оказанная последним, была, однако, эфемерной и предпринята была с ограниченною целью и средствами. Радикальным решением вопроса было бы основание в Константинополе Латинской империи для борьбы с турками, как предлагал Фальери; но соотношение западных государств, особенно положение Франции, препятствовало осуществлению столь крупного предприятия. При таких условиях предстояли полумеры для Европы, агония для Византии, оживляемая надеждами на западную помощь. Латинизация государства Палеологов, двора, части высших церковных и светских кругов, церкви и просвещения была обеспечена, поскольку она не касалась верного православию народа и духовенства. К сожалению, история этого критического момента — последнего поворота на Запад — недостаточно освещена источниками и мало разработана.

Переговоры Иоанна V с Болгарией, Сербией, Людовиком Венгерским о помощи против турок не привели к результату. Против турок нужны были сильные союзники. Византийское правительство надеялось на первых порах на соседей-сербов и послало патриарха Каллиста в Серес, к вдове Душана; но Каллист умер во время переговоров, которые не были доведены до конца не только потому, что тот же Каллист в 1352 г. объявил анафему сербской патриархии, основанной Душаном, но главным образом вследствие распадения царства Душана на уделы. Сербы не могли защитить от турок и собственную страну; турецкие отряды

прошли Македонию, Фессалию, Фермопилы и грабили под Фивами. Правитель каталанского государства в Афинах, сицилийский наместник Лориа, даже призвал турок на свою службу против венецианцев и своих внутренних врагов. Союз Лориа с турками возмутил европейские дворы; папа Урбан V призывал против Лориа духовных и светских владетелей Греции и короля кипрского Петра I Лузиньяна; последний заключил союз с французским королем Иоанном и с Амедеем Савойским, но на Мурада не напал. Он лишь ограбил Александрию (1365 г.) и укрепил латинскую Смирну. Сам сицилийский король долго не мог справиться со своим наместником Лориа, и турки были изгнаны из Виотии с трудом. Папа Урбан был горячим сторонником крестового похода против османов и помощи Византии, которую «не слова, но самые дела» должны привести к спасительной унии. Организуя крестовый поход, папа поручил его вождям Греческую империю, притом по просьбе самого Палеолога. Французскому королю Иоанну II смерть помешала стать во главе крестоносцев. Призывая его преемника, папа просил помочь грекам лишь в случае, если они будут верны унии. Еще во время экспедиции Амедея папа и письменно, и через сопровождавшего Амедея латинского патриарха Павла с угрозами требовал от Палеолога унии с католичеством. Иоанн Палеолог, оценивая политическое положение, готов был подчиниться требованию курии, но не обладал ни волею, ни авторитетом своего предка Михаила. Он созвал собор с участием двух восточных патриархов и изложил собору требования папы, но собравшиеся архиереи во главе с патриархом Филофеем нашли, что лишь правильно созванный вселенский собор может решить унию; в приглашениях же на таковой собор константинопольский синод призывал поддержать догматы восточной церкви во всей их чистоте. Раздраженный «лживостью» греков, папа отсоветовал Людовику Венгерскому выступить на помощь Византии, даже разрешил его от клятвы, если он таковую дал Иоанну Палеологу. Между тем Иоанн лично на занятые деньги ездил к Людовику Венгерскому, умоляя о помощи; но вследствие советов из Рима Людовик выступил не против турок, но против их друзей болгар. Напрасно съездив в Венгрию, не имея иной надежды, император Иоанн решает ехать в Рим. Потомки Михаила Палеолога, растратив народные силы и допустив турок в Бруссу и Адрианополь, являются в роли униженных просителей перед европейскими дворами. Иоанн V первым из Палеологов вступил на этот горький путь, впрочем услаждаемый почестями и увеселениями и проторенный латинскими императорами Константинополя.

В 1369 г. Иоанн V явился в Рим и вручил не папе, но его кардиналам грамоту за золотою царскою печатью. Грамота содержала латинский символ веры на греческом и латинском языках. Через 3 дня он был принят папой на лестнице собора св. Петра и присягнул римскому первосвя-

щеннику на верность ему и католической церкви; последовал молебен. Папа более не считается с мнением константинопольского синода и требует от греческого клира последовать примеру их царя. Однако и Палеолог, и Урбан поступили легкомысленно, сочтя золотую печать за согласие православного народа и духовенства. Иоанн Палеолог отправился и ко французскому двору, но выслушал лишь вежливые фразы. На возвратном пути с ним случилась беда: этот византийский император, привыкший жить и ездить в долг, был задержан своими венецианскими кредиторами. Оставшийся в столице его старший сын Андроник задерживал уплату долгов отца, но второй сын Мануил выручил, прислав деньги и корабли. За это отец объявил его наследником престола, устранив старшего сына Андроника (1371 г.). Арест императора иностранцами за долги ярко характеризует потерю империей всякого уважения в глазах тонких политиков и банкиров, какими были венецианцы. Они считали Византию на краю гибели со времени падения Кантакузина. Теперь же турки стали хозяевами Балкан.

Перенеся свою столицу из Бруссы в Адрианополь (турецкое Эдирне) в 1365 г., султан Мурад двинул на Шишмана Болгарского 3 армии, которые захватили балканские перевалы. Шишман был вынужден признать себя данником султана и отдать сестру в султанский гарем (1365 г.). Одновременно Людовик Венгерский взял Видин и захватил Иоанна Страшимира (Страцимира), брата Шишмана. Получив помощь турок и волошского воеводы Владислава, Шишман выбил венгров из Видина. Венгры действовали не одни, с ними были сербы, для которых опасна была политика опиравшегося на турок Шишмана. 60-тысячная армия Вукашина сербского должна была ударить на турок в Адрианополе, но опоздала и сама была разбита на Марице, застигнутая турками врасплох (1371 г.). Это была большая катастрофа для христианского населения Балкан, доставившая перевес турецко-болгарскому союзу. Измена болгар христианству отчасти объясняется честолюбием Шишмана, отчасти была вынуждена опасным соседством турок, неоднократно опустошавших южную Болгарию и ранее утверждения их в Адрианополе. Победа была немедленно использована османами. Вся восточная и южная Македония была завоевана полками Мурада. Греческие и сербские властели Македонии стали турецкими беями, поставлявшими свои отряды в султанскую армию и платившими взносы в султанскую казну. Сербские и вообще славянские полки ценились в турецкой армии и составляли корпус, расположенный возле столицы, вдвое бо̀льший, чем корпус янычар во времена Мухаммеда Завоевателя. Сербские воеводы, принявшие ислам, заполняют султанский двор и достигают высшего положения. Турецкой власти избежал лишь Алексей Асан, правитель Каваллы и острова Фасоса, поддавшийся Венеции. Сербские архиереи Македонии спешили вернуться в лоно вселенского

патриархата, отказавшись от национальной церкви, созданной Душаном. Утверждение османов в Македонии до Албанских гор встревожило духовных и светских владетелей латинской Греции. По инициативе католического епископа Новых Патр в Фессалии и с папского благословения в Фивах состоялся съезд латинских государей Греции с участием представителей королей Венгрии и Сицилии, республик Венеции и Генуи; греческий император был приглашен, но уклонился. Этот съезд (1373 г.) дальше переговоров не пошел, собравшиеся были поглощены местными вопросами, в связи с усилением Ачайоли. Этот богатый и просвещенный дом из Флоренции, оказывая потомкам претендентов на Латинскую империю денежные и политические услуги, приобрел Коринф, округлил свои земли в Морее, а один из Ачайоли, Нерио, угрожал каталанскому государству в Аттике. Печальна была картина латинской Греции: мелкие государи истощались в распрях перед лицом грозного врага христианской культуры, боролись между собою, как утопающие на накренившейся ладье. Чтобы отнять у Генуи господство на путях в Черноморье, венецианцы добивались у Палеолога уступки острова Тенедоса, лежащего у Дарданелл; император не уступал им, даже находясь у них под арестом; лишь при возобновлении договора они получили остров за денежную субсидию, обещав выставить царский флаг рядом со своим. Но генуэзцы не простили Иоанну этой уступки, слабость императора ставилась ему в вину. Еще хуже и гораздо опаснее сложились его отношения к Мураду. Греческие источники об этом вопросе отзываются глухо и с неохотой. Проситель на Западе, Иоанн стал вассалом султана, одним из тех полунезависимых соседей, которые должны были участвовать в походах султана, хлопотать и унижаться при его дворе и выслушивать советы во внешних делах. При каких условиях свершилась такая перемена, неясно; возможно что новое положение явилось не сразу и не было оформлено. Данником султана император еще не был, но положение сделалось унизительным и опасным.

Во главе недовольных слабостью Иоанна стал его старший сын Андроник, лишенный прав на престол в пользу младшего брата Мануила. Возможно, что за ним стояли враги латинской партии, к которой принадлежали и Иоанн и Мануил. Вместе с сыном султана, по имени Санджи, Андроник составил заговор свергнуть с престола обоих отцов — Иоанна и Мурада. По крайней мере, их в этом обвинили. Мурад ослепил Санджи и предложил Иоанну одинаково поступить с виновным сыном. Иоанн повиновался, но ослепление Андроника было неполное, из своей темницы в башне Анемы (доныне уцелевшей в развалинах Влахернского квартала) Андроник скрылся в Галату и с помощью генуэзцев, враждебных его отцу, и сербского Марка Кралевича с его дружиною даже захватил столицу после месячной осады. Отец и брат Андроника заняли его место в той же башне. Вместе с сыном Иоанном Андроник IV был коронован (1376 г.),

а отец его и брат томились в темнице 3 года, пока им не удалось бежать к Мураду. Султан является судьею между Палеологами, и по его требованию Андроник уступил отцу престол и скрылся в Галату к своим генуэзским друзьям (1379 г.); через 2 года последовало примирение, по которому Андроник получил в удел города по северному берегу Мраморного моря и был объявлен престолонаследником, но умер раньше отца (1385 г.). Тяжелая распря между членами царского дома разыгрывалась на фоне грандиозной борьбы Генуи с Венецией, в которую была вовлечена и Византия. При захвате Андроником престола жившие в Константинополе венецианцы были брошены в тюрьмы и остров Тенедос был отдан генуэзцам, но венецианцы на острове оказали энергичный отпор. Еще раз разгорелась ожесточенная война между обеими республиками, сначала на Леванте, затем в Италии; обе стороны шли на величайшие жертвы, пока Амедей Савойский не добился прекращения кровопролитной и разорительной войны, гибельной для латинских интересов на Востоке (1381 г.). Тенедос был отдан Амедею. Истощенные войною республики не могли думать о борьбе с османами и поспешили заключить с Мурадом договоры; их предупредила торговая Рагуза, первой из западных государств заключившая с османами торговый договор (1365 г.).

Последние годы царствования Иоанна V являются временем непрерывного, безнадежного упадка Византии. Сам он искал забвения в танцовщицах и чревоугодии; даже у любимого сына Мануила он отнял красавицу-невесту, дочь трапезунтского царя. Старый Иоанн фактически стал вассалом Мурада; либо он, либо его сын Мануил проживали при султанском дворе; и переговоры с латинскою Европой были прерваны в угоду султану. Перед бессильным Палеологом, лишенным земель и доходов, развертывалась картина потрясающих успехов азиатского народа — необоримой силы, разрубавшей мечом старые политические вопросы и заново строившей судьбы всех народов, стоявших у нее на пути. Сын Мурада Баязид, прозванный Илдиримом («Молнией»), приобрел Кютахийю браком, сельджукский эмират Хамид — покупкою. В Македонии Тимурташ взял Битоли, или Монастырь (1381 г.). Почти одновременно была решена и судьба Салоник. Правивший в этом последнем оставшемся у Византии македонском городе Мануил Палеолог был замешан в заговор архонтов Сереса против турок. Немедленно султан послал против Салоник грозного Хайреддина-пашу. Не дожидаясь его, Мануил по совету отца вымолил себе прощение у султана, явившись к нему лично; но Хайреддин занял Салоники — впервые — без боя. Но затем турки ушли (1380 г.). Вторично Карали-паша взял Салоники после 4-летней осады (1383—1387 гг.), причем Мурад, считая греческого императора своим вассалом, оставил в городе греческое управление, но поместил в акрополе турецкий гарнизон. Иоанн мог проживать в Салониках; в один из приездов он и умер

в этом городе (1391 г.). Но когда умер сравнительно кроткий Мурад, преемник его Баязид присоединил Салоники к своим непосредственным владениям, ввел турецкое управление, объявил набор христианских детей в янычары и превратил многие церкви в мечети (1391 г.).

Не греки, но сербы и болгары могли бы защищать Македонию от ислама и турок. Но распадение державы Душана было катастрофой для христианской культуры на Балканах. Силы южных славян были разъединены. В Болгарии правил Шишман, прежде союзник, ныне данник султана, брат его Страшимир в Видине зависел от Венгрии. Сербские силы, еще крупные, были раздроблены. На севере от Моравы до Дуная правил старый Лазарь; в Приштине и на Косовом поле был удел Вука Бранковича; в Поморье княжил Балша; в Боснии — Твардко, наиболее могущественный из сербских государей, перешедший в латинство. Несмотря на разъединение, сербы решили дать отпор туркам собственными силами без помощи венгров, своих исконных врагов. В завоевательных намерениях Мурада они не могли уже сомневаться. Призванные албано-эпирским государем Карлом Топиа, османы овладели уделом Балши, убитого ими в бою. В 1386 г. сам Мурад, опустошив по пути болгарские земли, взял Ниш и подчинил себе Лазаря, заставив платить дань и выставлять конный отряд. Лазарь стал душою сербского союза против турок и рассчитывал особенно на Твардка; Шишман был ненадежен. В 1387 г., когда Мурад ушел в Малую Азию для войны с эмиром Караманским, Лазарь и Твардко собрали 30 000 сербов и разбили турецкие гарнизоны в Македонии, меньшие по числу; из турок спаслись немногие. Воодушевление сербов передалось и болгарам. Мурад стал собирать громадные силы, которыми располагал в Азии и в Европе. Начал он с Болгарии, чтобы обеспечить тыл. В 1388 г. выступил из Адрианополя визирь Али-паша с 30 000 отборного войска и взял Тырново. Подошел и сам султан Мурад с громадными силами. Шишман, храбро защищавшийся в Никополе, был вынужден сдаться на милость победителя; несмотря на его измену, Мурад оставил его на престоле. Через Софийский перевал и Филиппополь Мурад вторгся в Сербию и разбил лагерь на Косовом поле, удобном для действия конницы (1389 г.). Там стояли и сербы. Во главе их были Лазарь и Вук Бранкович; Твардко прислал босняков и хорватов с их воеводами; были отряды болгар, влахов и албанцев. Подробности исторической битвы известны, Мурад был убит зятем Лазаря Милошем. Ставший султаном Баязид после жестокой сечи разбил сербов, причем Лазарь был убит. С торжеством вернулся Баязид в Адрианополь. Сербы же были сломлены, сын Лазаря Стефан и Бранкович стали данниками султана.

Впечатление от разгрома сербов было потрясающее, прежде всего при византийском дворе, беспомощно наблюдавшем за грандиозными событиями. О непокорности новому султану нельзя было и думать. Иоанну

пришлось не только подтвердить и, повидимому, оформить вассальные отношения к султану, но перенести еще большее унижение — сопровождать Баязида в поход против Филадельфии, единственного греческого города в Малой Азии, сохранившего независимость, благодаря традиционной дружбе горожан с соседями-сельджуками. Православным жителям бывшей твердыни царей Ласкарей пришлось увидеть греческого императора в турецком стане. Иоанн их уговаривал поддаться туркам и после их отказа бился, вместе с сыном Мануилом, в первых рядах султанских войск против греков, считавших себя его подданными. Город был взят приступом (1390 г.). Отсутствием императора воспользовался его племянник Иоанн, сын Андроника, и захватил столицу; Мануил отнял у него город лишь после 5-месячной борьбы внутри городских стен. Из Константинополя Мануил опять спешит на службу к султану с крохотным отрядом в сто человек. Несмотря на всю покорность Иоанна и Мануила, Баязид с ними не стеснялся. Он запретил вывоз хлеба на принадлежавшие императору острова, турецкий флот разграбил одинаково как императорский Хиос, так и латинскую Евбею. По настоянию окружающих Иоанн V принял некоторые меры для защиты столицы, укрепив часть стен от Золотых Ворот до моря, причем брал камень из развалин построенного Василием Македонянином храма св. Диомида и других роскошных построек поблизости; но когда Баязид узнал об этом и пригрозил ослепить Мануила, Иоанн срыл только что выстроенные и возобновленные укрепления. Он уже не смел укреплять свою столицу, остаток своего государства. Независимость была фактически утрачена Византией. Лишь случай мог спасти империю. Ее значение пало в глазах самих греков, и царский посол Димитрий Кидони считал за большую честь звание венецианского гражданина. При таких обстоятельствах умер Иоанн Палеолог (1391 г.).

Мануил II (1391—1425 гг.) вступил на престол в момент наибольшего могущества Баязида, на положении султанского вассала; он тайно бежал из султанской ставки, чтобы занять престол своих предков, византийских императоров. Баязид не замедлил показать ему свою власть, прислав гонца с требованием допустить в Константинополь султанского кадия (судью) для разбора дел не только между мусульманами, жившими в Константинополе, но и между ними и христианами, так как мусульманам не подобает подлежать суду неверных гяуров. «Если не хочешь повиноваться мне, запри ворота своего города и правь внутри его, а за стенами все мое». Баязид доказал последнее на деле, прогнав греков из европейских пригородов до Родосто. В течение 7 лет он блокировал Константинополь, надеясь взять город измором. В Константинополе «не стало ни жнущего, ни молотящего», не стало съестных припасов, и для отопления разбирали дома. Мануилу остались только надежды на Запад.

Он обратился к папе, к французскому и венгерскому королям, умоляя о немедленной помощи, иначе ему придется сдать Константинополь врагам христианства. Одна Венеция прислала ему корабли на случай бегства. Для западных политиков было ясно, что помощь в скромных размерах, вроде экспедиции храброго Амедея, была бы бессильна против султана Баязида. Последний безбоязненно перешел в наступление против христианских соседей на севере. Пройдя Болгарию, подчинив Валахию, он вторгся в Венгрию, но был отражен королем Сигизмундом. Одновременно султанский флот напал на Евбею, и старый Эвренос-бей опустошил Фессалию и Морею. В Малой Азии Баязид взял в плен эмира караманских сельджуков и значительно округлил свои владения, флот его напал на Синоп, подбираясь к Трапезунтскому царству. И в это грозное время среди латинян не было согласия. Неаполитанский король даже призывал Баязида против Венеции, захватившей Корфу, и льстил придворным султана. В Греции латиняне были заняты внутренними раздорами. В 1387 г. Нерио Ачайоли взял афинский Акрополь, и каталанское государство в Греции исчезло без следа после 70-летнего существования. Часть Ахейского княжества была захвачена дружиной наваррских авантюристов, которой очистили поле рыцари-иоанниты, купившие часть Ахеи у королевы Иоанны; Венеция, умело пользуясь борьбою претендентов, поддерживала наваррцев. По современному документу на коренных землях княжества насчитывалось 2300 дворов (дымов), а на землях баронов — всего 1300. Нерио Ачайоли, овладев Афинами, держался миролюбиво, очищал ближайшие воды от пиратов. Происходя из флорентийского богатого дома, Нерио привез в одичавшую Аттику большие денежные средства и культурные вкусы, процветавшие на родине Данте. Ценя эллинизм как гуманист, он восстановил афинскую греческую митрополию, со времен Михаила Акомината существовавшую лишь по имени. Присланному из Константинополя митрополиту Дорофею удалось восстановить греческую церковь в короткий срок. Греческие нотарии в Афинах вели делопроизводство на греческом языке. Этот язык никогда не исчезал в цитадели эллинизма, в византийской Морее, с такими ее центрами, как Мистра и Монемвасия где церкви XIV в. своею архитектурной и фресковою живописью свидетельствуют о движении вперед византийского искусства, где были свои школы и книжные люди. Морея, отдаленный оплот эллинизма, служила при Иоанне Палеологе убежищем рода Кантакузинов. Ею управлял Мануил Кантакузин, сын бывшего императора, ставшего иноком Иоасафом, до своей смерти (1380 г.). Его сменил старший брат Матвей, бывший претендент на престол, умерший почти одновременно с отцом (1383 г.); с год держался сын Матвея Димитрий против присланного деспота Феодора Палеолога, сына Иоанна V; сопротивление Димитрия прекращено было лишь его смертью. Феодор Палеолог начал свое управле-

ние, уступив прославленную Монемвасию венецианцу Гримани за его услуги царствующему дому. Однако, жители города не впустили Гримани. Женившись на дочери Нерио, деспот Феодор столкнулся с венецианцами из-за Аргоса. Полной неожиданностью для христиан явилось вторжение полчищ Эвренос-бея, дошедшего до западного края Мореи (1387—1388 гг.). Папа и западные дворы обвиняли Нерио в союзе с турками, но у него не было сил помешать туркам пройти через его владения. По обвинению в сношениях с турками латиняне изгнали и греческого митрополита Афин. Однако предателя нашли они и в своей среде в лице вождя наваррцев Сан-Суперана, который даже лично ездил к Баязиду. Впрочем, турок призывали и греки, именно, один из архонтов Монемвасии, принадлежавший к славному роду Мамона, отбивался от деспота Феодора с помощью турок. Эвренос-бей, устроивший себе удел в Новых Патрах Фессалийских, по проискам Суперана взял самую Мистру (1395 г.), но по его уходе греки с албанцами восстали и схватили изменника Суперана. Среди раздоров между латинянами и деспотом Феодором из-за наследства Нерио, умершего уже на положении султанского данника, османы вновь явились решать спор. Тимурташ захватил Афины, не без содействия греческого митрополита; но в Акрополе засел венецианский гарнизон (1395 г.). Турецкая опасность выдвинула проект заграждения Коринфского перешейка сплошною стеною; в этом деле участвовали деспот Феодор, Венеция и даже освобожденный Сан-Суперан; знаменитый гуманист грек Хрисолор ездил по этому делу в Венецию. Султан Баязид прекрасно знал слабость и малодушие греков и настолько с ними не считался, что одновременно потребовал к себе на суд и императора Мануила, и деспота Феодора. Обоих обвиняли греки же: первого — племянник Иоанн, сын претендента Андроника, второго — монемвасийский архонт Мамона. Оба Палеолога поспешно явились в султанскую ставку, и им не сносить бы головы без содействия визиря Али-паши. Обоим удалось бежать от султанских палачей. В греческий город Салону призвали турок сами же греки: и епископ, и владетельница города Елена Кантакузина, вручившая султану родную дочь для его гарема. Одна лишь вселенская патриархия оставалась в застывших формах своего величия. Патриарх Антоний смещал и ставил архиереев в Греции; в Коринфе появляется митрополит со званием экзарха Пелопоннеса. В патриаршем синоде разбиралась жалоба киевского митрополита Киприана на новгородскую паству, уклонявшуюся в латинство. Василию Московскому патриарх выражал неудовольствие за запрещение поминать вселенского патриарха. «Зачем пренебрегаешь патриархом, заместителем Христа? . . . Если божиим попущением неверные народы окружили империю, то и доселе император рукополагается церковью, имеет прежнее положение, за него возносятся те же молитвы,

он помазан великим мѵром и рукоположен в цари и самодержцы ромэев, т. е. всех христиан».

Сам православный император ожидал себе помощи только с латинского запада. Помощь затруднялась кризисом римской курии, на которой обычно лежал почин объявления крестовых походов. Теперь же было двое пап: в Риме и во французском Авиньоне. Поэтому на призыв римского папы Бонифация французский король Карл ответил разрешением французам вступать в крестоносное ополчение, собиравшееся в Венгрии, а не в Италии.

Во главе французских крестоносцев стал знатный граф Невер, сын Бургундского герцога. С ним ушло в Венгрию 1000 рыцарей и 7000 простых воинов. Кроме них под знамена Сигизмунда венгерского явились добровольцы из Германии и господарь Валахии Мирча (1386—1418). Образовалась громадная армия до 60 000 человек, считавшая себя непобедимой (1395 г.). Запад собрался дать османам достойный отпор. Сам Баязид был встревожен и остался в европейских владениях, несмотря на грозные вести о приближении татар Тимура. Переправившись через Дунай, Сигизмунд осадил Никополь, где и разыгралась знаменитая битва (1396 г.). Французская тяжелая конница, сметая все на пути, донеслась до ставки Баязида, но, опьяненная успехом, потеряла порядок и не вынесла удара султанских янычар. Дрогнули валахи и венгры, немцев же избили сербские отряды, служившие султану. С немногими людьми Сигизмунд бежал на лодках вниз по Дунаю и морским путем через проливы спасся в Европу. Невер и 10 000 христианских воинов попали в плен и были перерезаны по приказу Баязида, за исключением самого Невера с 24 знатнейшими рыцарями, выкупленными впоследствии за большие суммы.

Катастрофа под Никополем потрясла Европу. Турецкие отряды доходили до Штирии, опустошили Валахию. Настала очередь и Греции. Якуб-паша и Эвренос-бей вторглись в Морею, несмотря на укрепления Коринфского перешейка. Напрасно деспот Феодор взывал к Венеции о помощи. Республика св. Марка предпочла соглашение с победителем. Разбитый турками деспот Феодор, равно как и Сан-Суперан, признали себя данниками султана. Деспот даже продал Родосскому ордену свои владения, включая Мистру (жители которой впрочем прогнали палками новых хозяев), и отплыл на Родос. Положение Константинополя стало невыносимым. В осажденной столице мера хлеба дошла до 20 золотых, и трупы валялись без погребения. Баязид не торопился со взятием Константинополя, считая его за верную добычу. По словам современной песни о Баязиде и Тимуре, султан похвалялся срыть стены Константинополя, св. Софию обратить в мечеть, а молодежь ниже 30 лет подвергнуть обре-

занию.* Мануил отправил Нотару в Венецию и Францию, умоляя о помощи. Посол встретил почетный прием, но помощь лишь обещали. Племянник Мануила Иоанн жил при дворе султана, и его притязания на престол, поддерживаемые Баязидом, делали положение Мануила особенно трудным в изголодавшейся столице, жаждавшей конца осады. Кратковременная помощь явилась из Франции — в виде экспедиции маршала Бусико с провиантом, 2000 рыцарей и стрелков, всего на 17 кораблях (1399 г.), но помощь эта не имела значения** даже экспедиции Амедея Савойского. Не видя иного исхода, Мануил предложил Иоанну занять царский престол, а сам уехал в Европу на кораблях Бусико, чтобы просить о спасении исторического оплота христианства (1399 г.). Оставив семью в венецианском Модоне, Мануил со свитою отправился в Венецию, Милан, Флоренцию и во Францию. Повсюду он был принят с большими почестями. В Париже его встретил Карл VI с канцлером, парламентом, духовенством и многими тысячами горожан. В Лувре, отведенном Мануилу для жительства, служились обедни греческим и латинским духовенством вместе. Императору была назначена ежегодная субсидия сначала в 14 000, потом в 30 000 серебряных монет. Путешествие Мануила затянулось. Казалось, ему лучше было в Европе, чем в своей голодной столице. Он побывал в Англии, где его ожидала почетная встреча, но более скудная помощь. Всегда нуждаясь, Мануил предлагал западным государям святые мощи, его агент Хрисолор продавал в Италии папские индульгенции, собирая деньги для крестового похода. Церковная уния была бы вновь заключена тогда же, если бы не препятствовало существование одновременно двух пап. Лишь в 1402 г. Мануил II собрался на родину через Германию, но не торопился в путь. Он много видел торжеств в его честь, много выслушал обещаний, но собрал мало денег и людей. Участь его империи казалась предрешенной. Однако на этот раз судьба готовила избавление, вернее — отсрочку. В Париж пришла весть о разгроме непобедимого султана Баязида. Объединивший татар Средней Азии, опустошивший Индию и Персию, новый бич человечества Тимур, или Тамерлан («Железный Хромец»), появился на рубеже государства османов, взял Сивас (1400 г.) приступом, причем отрубил голову одному из сыновей Баязида, прошел с огнем и мечом Малую Армению и Сирию, не щадя ни христиан, ни мусульман, ни старого, ни малого. Картину неслыханных зверств Тимура описывают упомянутые греческие стихи о Баязиде и Тимуре. Баязид, предававшийся развратным излишествам

* Издана проф. С. Д. Пападимитриу в «Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете» (Вып. II, Визант. отдел., т. I, Одесса, 1892, стр. 174).

** То есть того значения, которое имела в 1366 году экспедиция Амедея VI Савойского, занявшего отнятый у турок Галлиполи (*Ред.*).

в промежутках между походами, очистил окрестности Константинополя и с громадными силами османов, с тяжелой сербской конницей и вассалами, всего до 120 000 войска, встретил Тимура под Ангорою. Татар было в несколько раз более. В страшной сече османы были разбиты наголову. Баязид с сыном Мусою попал в плен. Сербы, оказав чудеса храбрости, спасли другого султанского сына Сулеймана (1402 г.). Баязид умер в неволе через несколько месяцев. Обрадованный Мануил поспешил в свою столицу, освобожденную наконец от турецкой осады. По пути он восстановил Феодора Палеолога в Мистре, выкупив собранными на Западе суммами города Мореи у родосских рыцарей. Тимур не пошел на Константинополь и удовлетворился данью и номинальным подчинением императора, как было при Баязиде. Это объясняется переговорами Мануила с Тимуром до Ангорской битвы. В венецианской хронике Марино Санудо сохранено письмо Тамерлана к заместителю Мануила — акт, из которого видно, что Палеолог вместе с Мануилом трапезунтским обязались выставить Тимуру по 20 кораблей для нападения на османское побережье. Видно далее, что Мануил предлагал Тимуру: «дань, которую Стамбул и Пера платили Баязиду, буду отныне платить великому хану Тимуру» — и последний требовал от Баязида возвратить Мануилу все захваченные у него области. Но Мануил не исполнил договора и открыто помогал разбитым османам, и у Тимура не было флота, чтобы отомстить Мануилу. Разорив Смирну, обезглавив хозяйничавших в этом городе родосских рыцарей, Тимур принял дань и покорность от генуэзской «Магоны» на Хиосе и в Фокее, восстановил самостоятельность сельджукских эмиров Малой Азии (Караман, Айдин, Сарухан и др.) и вернулся в Самарканд, где вскоре умер (1405 г.). В том же году Мануил вступил в свою столицу беспрепятственно и отдал Иоанну Палеологу в управление остров Лимнос.

Венецианцы, обеспечив себя от Сулеймана, наследовавшего отцу в Адрианополе, провели свою программу в Константинополе. По договору (1406 г.) Мануил обязался выплатить свои долги (свыше 17 000 золотых) и принял на себя долги отца, подтвердил за венецианцами право беспошлинной торговли, но с ограничениями в области ввоза хлеба и вина. Венецианцы отказались от приобретения новых недвижимостей в столице, освобождаемой от налогов во внимание к бедности царской казны. В Греции венецианцы возвратили себе Афины и восточную Аттику и подчинили себе правившего в Фивах Антонио Ачайоли, сына Нерио. Он правил 30 лет к большому благу своей страны, продолжая культурную работу своего отца; как истый гуманист, он даже свой договор с родной Флоренцией редактировал на греческом языке. Венецианцы подчинили себе и Албанию, заняв Дураццо, купили у неаполитанского короля Корфу, заняли Навпакт, — одним словом, обратили в свою пользу

ослабление османов и истощение Византии. Деспот Феодор в Мистре также осмелел, подчинил мятежную Монемвасию, напал на Цаккариа в Ахее, его недисциплинированная милиция напала и на округ венецианского Модона. Венеция потребовала удовлетворения, но Феодор умер (1407 г.), и отвечать пришлось его отцу, императору Мануилу. Полагаясь на свои связи с Западом, послав в ризницу Сен-Дени знаменитую рукопись Дионисия Ареопагита, Мануил пытался договориться с Венецией и предложил ей продать ему Навплию и принять участие в укреплении перешейка. Но посол Мануила, известный эллинист Хрисолор, встретил в Венеции полный отказ. Отношения между Венецией и Мануилом ухудшились из-за второстепенных вопросов; забыта была турецкая опасность.

Сулейман, поддерживавший с Мануилом добрые отношения и взявший в свой гарем греческую принцессу, проводил время в развратных удовольствиях, подобно своему отцу, но не обладал энергией Баязида. В Бруссе утвердился брат его Мухаммед I, но опасность угрожала Сулейману со стороны другого брата, свирепого Мусы, укрывшегося в Валахии. Первое нападение Мусы, когда Сулейман пошел на брата Мухаммеда, было неудачно; в битве под Константинополем Мусе изменили его союзники сербы, и он едва спасся в Валахию. Сулейман стал еще беспечнее, но Мусе сочувствовали турки старого закала, недовольные изнеженным Сулейманом. При внезапном нападении Мусы на Адрианополь Сулейман, спасавшийся бегством, был убит (1410 г.). С воцарением Мусы положение круто изменилось и для латинян и для греков. Фанатичный Муса развернул силы османов и разгромил Сербию, Фессалию, Виотию, осадил Салоники, напал на Константинополь. Случилась вспышка доблести и у греков: флот Мусы был разбит у Принцевых островов друнгарием Мануилом, побочным сыном Иоанна V; но император Мануил отблагодарил тюрьмою храброго брата, показавшегося ему опасным. Против Мусы выступил из Бруссы Мухаммед I и расположился на азиатском берегу Босфора. Мануил вошел с ним в соглашение, и Мухаммед три дня прогостил у него в Константинополе. Дважды нападал Мухаммед на Мусу и оба раза должен был спасаться к Мануилу; наконец, он отступил в Азию. Собрав новые силы, Мухаммед переправился в Македонию по совету старого Эвренос-бея, чтобы соединиться с сербами. Воинские качества сербской конницы приобрели у турок славу. В битве при Чамурли свирепый Муса был убит собственными янычарами, и держава Баязида вернула себе прежнее единство (1413 г.). Непосредственной опасности для Византии не было, так как Мухаммед и Мануил были друзьями. Султан сказал послу Мануила, что считает императора своим отцом. Мухаммед подтвердил за императором права на Салоники и юго-восточную Фракию; всем владетелям в Греции султан обещал мир, кроме Венеции как не подавшей ему помощи против Мусы; венецианец Зено, князь Наксоса, не явился

поздравить султана, как уже вошло в обычай между государями на Леванте. Венеция напрасно старалась умилостивить Мухаммеда. Султанский флот разграбил венецианскую Евбею, и лишь победа адмирала Лоредана доставила Венеции мир (1416 г.). За себя Мануил был спокоен и предпринял объезд своей империи (1414 г.). Ехал он медленно, устраивая местные дела, приводя к повиновению непослушных архонтов. Посетив Фасос, Салоники, венецианскую Евбею, Мануил прибыл в Морею. Главным его делом было укрепление Коринфского перешейка. В Морее, за крепкими стенами перешейка, Мануил и его современники рассчитывали создать себе последнее убежище на случай падения Константинополя. В 2 месяца была закончена стена в узком месте перешейка, непосредственно за волоком, по которому в древности перетаскивались суда, и на месте Юстиниановой стены. Сплошная стена имела 22 470 шагов длины, на обоих концах крепости через каждые 150 шагов были четырехугольные башни. Средства на постройку дал особый налог. Венецианцы отказали в помощи. Около 2 лет Мануил пробыл в Морее; нескольких архонтов, не покорных деспоту Феодору (младшему сыну Мануила, сменившему умершего старшего того же имени), он отослал в Константинополь; старого врага Палеологов, Кентуриона Цаккариа, он заставил признать императора сюзереном, но вообще к латинянам отнесся миролюбиво и раздавал им византийские титулы. Двор Мануила в Мистре стал средоточием литературного и патриотического движения, и сам Мануил держал длинную речь в честь своего брата, деспота Феодора Старшего. Во главе местных литераторов стоял Георгий Гемист Плифон, учитель Виссариона Никейского, преподававший в Мистре новоплатоновскую философию. Плифон имел большое значение в истории философских учений эпохи Возрождения.* Литературный противник Схолария, он по смерти был предан анафеме. В пылу полемики с Георгием Трапезунтским Плифон, заседая на Флорентийском соборе, заявил, что вскоре и христианство, и ислам уступят место новой религии, близкой к античной философии, и во многих своих философских сочинениях Плифон сошел с почвы христианства со смелостью гуманиста. Через одного из своих учеников (Гермонима) Плифон был учителем Рейхлина и Меланхтона. По случаю успехов Мануила и его сыновей в борьбе к Кентурионом Цаккариа ахейским и с наваррскими баронами Плифон представил императору записку об устроении Пелопоннеса и другую, по тому же предмету, деспоту Феодору Младшему.**

* Ср.: F. Schultze. Geschichte der Philosophie der Renaissance, I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874. Отрывки его главного трактата, сожженного патриархом Схоларием, изданы: Alexandre. Pléthon, Traité des lois etc. Paris, 1858.

** Изданы с немецким переводом: Ellissen. Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur, IV. Leipzig, 1860.

В этих записках Плифон является просвещенным, любящим свой Пелопоннес патриотом, но предлагает для уврачевания всех бед такие радикальные, отчасти даже и утопические меры, которых не могло бы осуществить даже более сильное византийское правительство, чем двор Мануила, существовавший только благодаря разгрому османов татарами. Идеи Плифона и программа салоникских зилотов освещают политическое и реформаторское движение в умах греческой интеллигенции накануне турецкого завоевания. Тогда как зилоты осуществляли попытку якобинского переворота в грозные годы обороны Салоник, Плифон спокойно обсуждает проект реформ сверху, по своему радикализму мертворожденный, несмотря на форму практических советов на основании реальных недостатков существующего строя. Общество и государство, в частности в прославленном в истории и столь дорогом для Палеологов Пелопоннесе, основаны: во-первых, на труде, во-вторых, на капитале и, в-третьих на обороне и управлении. Не подобает рабочему классу нести воинскую повинность, а воинам, — так как чужеземные наемники недопустимы, — заниматься чем-либо, кроме обороны. Общество должно сообразно этому делиться, в духе платоновой философии, на 3 обособленных класса: 1) на землепашцев, пастухов и прочих рабочих, для них Плифон предлагает имя илотов; 2) на капиталистов, доставляющих рабочий скот, инвентарь, капиталы для торговли и промышленности, и 3) на воинов, правителей, духовенство, совершающее для народа требы; этот класс возглавляется монархом, так как Плифон считает монархию, при участии совета немногих мудрецов, лучшей формой правления. Рабочим классом являются одни илоты, и они должны кормить все общество, отдавая 2/3 продуктов (или 1/3, если они сами располагают инвентарем), но не неся никаких натуральных или денежных повинностей, которые вообще вредны; кормя страну, илоты имеют право распахать любой не занятый другими илотами участок, так как вся территория является собственностью государства и следовательно частная и церковная собственность подлежит отмене; тогда наша страна вся будет обработана и достигнет процветания. Каждый из 3 классов получает 1/3 всего дохода страны. Каждый пеший воин получает одного илота, т. е. 1/3 его продуктов, на свое содержание, конный получает 2—3 илотов, князь, сановники и духовенство — по указанию монарха. Что же касается монахов, то они не приносят пользы обществу и не имеют права на общественные доходы. Один этот пункт заслуживал в глазах византийской церкви анафемы для автора. Плифон является сторонником протекционизма, ограничения ввоза (особенно иностранных мануфактур), полноценной монеты, замены увечащих наказаний посылкой на принудительные работы. Только коренные реформы всего внутреннего строя могут еще спасти Пелопоннес и Византию от турок, — доказывает Плифон, ссылаясь на древних законодателей, вроде Ликурга; но он как средневе-

ковый книжник не понимал, что только то законодательство прививается, которое выросло из существующих условий жизни. Не только для отмены крупного и церковного землевладения, но и для ограничения его уже было пропущено время; да и при царях Македонского дома бюрократия, опиравшаяся на самодержавную власть, оказалась бессильной против социальных и экономических факторов, определявших жизнь общества. Утопические идеи большого и смелого ума, напряженного до болезненности, не мешали престарелому Плифону (умер в 1452 г. столетним старцем) пользоваться громадным авторитетом среди образованного общества и принимать деятельное участие в управлении Мореей при сыновьях Мануила.

Достигнутое в Морее замирение не было прочно. Венеция поддерживала Кентуриона. Она захватила Зонгл, Старые Патры, удел латинского архиепископа, и даже Монемвасию (1419 г.), откуда Мануилом был удален последний Мамона. При возобновлении договора Византии с Венецией о Морее не было упомянуто. Но с османами отношения оставались прочными, пока были живы Мухаммед и Мануил. Они не испортились и тогда, когда претендент Мустафа и его сообщник Джунейд (из фамилии эмиров Айдин) были укрыты салоникским губернатором Ласкарем Леонтарием, одним из главных византийских деятелей царствования Мануила; по соглашению между монархами Мустафа с Джунейдом были отвезены в Мистру, и султан щедро обеспечил их содержание. Отношения между султаном и императором были полны личного доверия. Мануил отвергнул с негодованием совет схватить султана при переправе через Босфор, наоборот, он сам встретил и проводил султана. Когда Мухаммед почувствовал приближение смерти, он решил доверить императору своих младших сыновей, чтобы охранить их от наследника Мурада. Смерть Мухаммеда I (1421 г.) положила конец турецко-греческой идиллии, напомнившей времена Кантакузина и Урхана. Интересы обоих народов были противоречивы; вековое стремление турок к берегам Босфора должно было разрешиться сообразно соотношению сил. Византийскому послу не разрешали даже донести о смерти Мухаммеда в течение 40 дней, пока не пришло из Бруссы известие, что 15-летний Мурад II был опоясан мечом пророка. В Константинополе также исчезла прежняя лойяльность. Наследник Иоанн, вопреки престарелому Мануилу, пожелал использовать претендента Мустафу и, пугая им юного султана, потребовать, чтобы Мурад, согласно воле его отца, прислал в Константинополь своих младших братьев; но греческие послы получили ответ, что закон пророка воспрещает отдавать гяурам детей правоверных монархов. Византийское правительство потеряло осторожность и за обещания территориальных уступок помогло Мустафе овладеть Адрианополем; Мустафа немедленно нарушил договор с греками, прогнал Леонтария из Галлиполи и пошел на Бруссу. Однако большинство османов осталось верным Мураду; на его сторону стали дальновидные

венецианцы, а генуэзцы Фокеи даже прислали корабли и отряд на помощь законному султану. Только греки не понимали положения и попрежнему настаивали перед Мурадом на выдаче его братьев. Войско Мустафы, приближаясь к Бруссе, заколебалось, претендент бежал в Адрианополь, но был настигнут и убит всадниками Мурада. Византии пришлось платить за безрассудные действия партии Иоанна. Под стенами Константинополя явился Михал-бей с 10 000 османов, за ним следовал сам молодой султан с громадным войском и — впервые — с пушками (1422 г.). В Константинополе правящие круги и простой народ увидели себя на краю гибели; печальна была судьба веривших в дружбу с турками: малоазиатский грек Феодор Коракс, не раз ездивший послом к султану, был растерзан критянами, стоявшими на страже; его коллега, наоборот, был замучен турками. Фанатизм османов был возбужден до крайности; из Конии явился имам, опоясавший султана мечом пророка, вместе с 500 дервишами и назначил день приступа; султан заранее отдал воинам Константинополь на разграбление; от моря до моря турки огородили столицу частоколом и подкатили осадные башни. Утром 24 августа турки пошли на приступ, призывая Аллаха и Мухаммеда, загремели пушки, и в воздухе потемнело от стрел. Греки, даже женщины, вооружились поголовно всем, что было под рукою, и отчаянно отбивались, имея во главе Иоанна, стоявшего в центре у Романовых ворот. Пробившись целый день без успеха, турки ночью сожгли свои башни и сняли осаду. Спасло греков полученное султаном известие о возмущении внутри государства. Константинополь уцелел, но не устояла империя, те ее обломки, которые Сулейман и Мухаммед сохранили за императором Мануилом. Турхан-бей Воденский осадил Салоники (1423). Не Византия, но лишь венецианцы могли защищать этот город. Переговоры с Венецией окончились тем, что второй город империи был продан за 50 000 дукатов республике св. Марка; правивший городом сын Мануила, деспот Андроник, уехал с этими деньгами в Морею, где и окончил свои дни больным монахом. Турхан тем временем вторгся в Морею, легко преодолев укрепления на перешейке, и увел тысячи пленных. Вновь ужас охватил соседей султана. В его ставке, в Эфесе, встретились византийские послы Нотара и старик Франзи с послами Венеции, Стефана Сербского волошского воеводы, генуэзской Магоны на Хиосе и Митилене, родосских рыцарей. Одних венецианцев султан не принял, с Византией заключил мир, но на тяжких условиях. У Мануила и Иоанна остались, кроме столицы, ближайшие города в сторону Черного моря: Деркос, Месимврия, Анхиал; а по Мраморному морю византийские владения оканчивались за городским рвом; в Фессалии за Византией осталась крепость Зейтун, которую турки не могли взять. 300 тысяч аспров ежегодной дани подчеркнули политическую зависимость империи от султана. При заключении этого мира Иоанн Палеолог

отсутствовал: он ездил в Венецию, Милан, Рим и Венгрию, но выслушал одни разговоры об унии и заложил последние драгоценности. Старый Мануил лежал больной и по возвращении Иоанна умер (1425 г.). 34 года провел он на престоле. При воцарении он застал Константинополь изнемогавшим от турецкой осады, при смерти оставил его на краю гибели. Он видел в промежутке лучшие времена и лично был их достоин. Благожелательный и прямодушный, Мануил II пользовался уважением: образованный монарх и сам писатель, ценил просвещение, притом основанное на классических авторах; он любил культурную западную жизнь, любил почет и брал от жизни, что мог, перенося удары судьбы с достоинством, а постоянное безденежье — с шутками. Как государь он видел свое бессилие и говорил верному Франзи, что монарху его времени подобает не смелость, но «экономия», осторожность, сообразующаяся со средствами; и он умело вел кормило правления среди бурь долгое время и не без успеха, а когда выпустил его из рук в деле Мустафы, последовала катастрофа. Проведя столько времени в путешествиях, он узнал Запад и не делал себе иллюзий на счет западной помощи; он понимал, что Запад на Востоке разрушал, а не строил. Несмотря на тяжкие времена, он не насиловал совести своих подданных в угоду латинству, то же советовал и сыновьям. Его отношения к султану Мухаммеду I говорят о тонком понимании лучших сторон характера османов.

При его сыновьях погибла Византийская империя. Он оставил их шесть: старшего, Иоанна VIII, женатого сначала на Анне Русской, вторично — на Софии из Монферратской линии Палеологов, в третий раз — на Марии, трапезунтской царевне; Андроника, продавшего Салоники, Феодора Младшего и Фому, деспотов в Морее, Константина — по матери серба из княжеского рода Драгазов, — получившего два черноморских города, и Димитрия, без удела.

Иоанн VIII Палеолог (1425—1448 гг.) вступил на престол как данник султана Мурада II, без надежд на западную помощь. Одна Венеция боролась с турками, поддерживая Джунейда, эмира из династии Айдин в западной Малой Азии; но после безуспешного нападения на Галлиполи и венецианцы заключили с султаном мир (1426 г.), удержав за собой Салоники за дань в 100 000 аспров, треть дани с Константинополя. Иоанну Палеологу осталось устраивать дела в Морее, единственной части византийских владений, которая могла прокормить свое население и которую надеялись защитить от турок. При сыновьях Мануила в Морее сосредоточивается политическая жизнь; в Морее же проживает большая часть царских братьев. Деспот Феодор пожелал уйти в монастырь по примеру брата своего Андроника, и Иоанн VIII с Константином прибыли в Морею, чтобы разрешить вопрос о наследии Феодора. Из всех братьев Константин выделялся воинской доблестью, энергией

и преданностью эллинизму; на нем покоились надежды патриотов. Иоанн женил его на дочери Леонарда Токко, местного албано-латинского сеньора, получившего звание великого контоставла от императора Мануила. Сблизив этим Константинополь с владельческой знатью Мореи, Иоанн образовал для него небольшой удел с замком Гларенцей. По отъезде Иоанна деспот Фома передал Константину 19 городов и сел. Располагая теперь средствами, энергичный Константин решил или изгнать латинян из Патр и средней Греции, или вернуться в Константинополь. При штурме Патр он едва не погиб; верный советник Франзи, оставленный ему отцом, заслонил Константина собою. По сдаче города Патр и его акрополя Франзи был послан к султану Мураду II, который уже требовал от Константина объяснений; смирением и подкупом пашей Франзи предупредил опасность. Греческие цари и деспоты вступили на ту стезю угнетения, с которой только что сошли московские князья по отношению к Орде. Кроме султана, приходилось считаться и с братом Фомою. Оба брата разделили между собою всю Морею, кроме Мистры и венецианских владений. Фоме досталась западная часть полуострова, ядро княжества Виллыгардуэн и земли Кентуриона Цаккария, отдавшего за Фому свою дочь.

Благодаря неустрашимости и энергии Константина на нем сосредоточились упования греков, но он не понимал, что только долгая дипломатическая и организационная работа может обещать успех в борьбе с турками. Выступая со сравнительно ничтожными силами, он преждевременно вызывал конфликт, в исходе которого не могло быть сомнения. В планы султана Мурада бесспорно входило покорение всех соседних христианских земель. Начал он не с бессильных греков в Константинополе и Морее, но с Венеции, которая оставалась сильнейшей морской державой на Леванте и владела Салониками, ключом к Македонии. Готовясь напасть на Салоники, Мурад даже сообщил Иоанну Палеологу, что он не тронул бы этого города, будь он в руках императора, но не может допустить венецианцев между ним и греками. В этом заявлении высказана мысль о политической зависимости Византии от турок. Превосходно осведомленные венецианцы воспользовались перемирием 1426 г., чтобы укрепиться в Салониках и снискать симпатии греческого населения. Трое знатнейших архонтов Салоник получили в Венеции гарантии, что обычаи и вольности города будут соблюдены; за выборными населения была оставлена судебная власть наряду с юрисдикцией венецианских дуки и капитана; ряд архонтов получил от Венеции пенсию, а простой народ — пропитание в голодный год. Приготовления султана к походу против Салоник были настолько грозны, что даже генуэзская Пера начала спешно укрепляться, предвидя, что очередь дойдет и до нее. Напрасны были миссии венецианских посланцев к пашам и к самому султану; некоторые из них, как знатный Дандоло, были посажены турками в тюрьму. Для защиты

Мистра. Пантанасса.
1430 г.

Салоник прибыл венецианский флот. Большинство жителей бежало, и в городе осталось несколько тысяч. И те защищались вяло, многие перешли на сторону турок во время штурма, и храбрый венецианский гарнизон погиб, лишь немногие спаслись, бросаясь со стен в море. На этот раз турки устраивались прочно. Мурад быстро превратил Салоники в турецкий город. Большинство уцелевшего греческого населения было уведено в неволю, и город был заселен турецкими семьями. Знаменитые храмы были обращены в мечети, между ними главная святыня, храм св. Димитрия, стала Касимие Джами. Венеция поспешила заключить мир, сохранив в Салониках право торговли и консульство, обязавшись данью за Евбею и другие венецианские владения в Греции (1430 г.). За Салониками последовала гордая своими вольностями Янина, находившаяся в последнее время во власти католического албанского «деспота ромэев», т. е. Эпира, Карла Токко. Последний оставил своему сыну Карлу II большое наследство: Арту, Янину, острова Кефаллонию и Закинф. И в Эпире были претенденты, заискивавшие перед турецким двором, именно незаконный сын Карла I, Мемнон. Синан-бей подошел к Янине, и Карл II положил оружие, сохранив за собою Арту и став данником султана. В Янине турки поступили иначе, чем в Салониках. Созвав архонтов — греков, албанцев и сербов, — Синан-бей подтвердил за Яниной ее вольности, лишь хéрадж (подушная подать) свидетельствовал о власти султана. Мягкость турок объясняется как положением Янины среди отдаленных и малодоступных албанских гор, так и бесспорной изменой большинства православного населения ненавистным латинянам (1430 г.).

Наступила очередь Мореи и средней Греции. Смерть Антонио Ачайоли Афинского (1435 г.) открыла вопрос о его наследстве. С одной стороны, был деспот Константин Палеолог, предложивший вдове Антонио богатые земли в Морее в обмен на Аттику и Виотию; с другой стороны — родственник по побочной линии Нерио Ачайоли захватил Акрополь и изгнал архонтов Халкокондилов (из этого рода происходил известный историк османов), поддерживавших вдову Антония. Спору положил конец султан, приславший Турхан-бея для занятия Фив и Афин; Нерио, заявив себя покорным данником, получил Афины в управление. В Морее и в этот момент разгорелась распря между братьями Палеологами. Деспот Феодор, желавший было променять Мистру на монашеский клобук, завидовал популярности деспота Константина; последний же не отличался терпением. Хуже всего — оба брата, готовясь поднять друг на друга оружие, заискивали перед султаном. Только императору Иоанну удалось предупредить пролитие братьями крови. По соглашению (1437 г.) Константин удалился из Мореи, оставив там братьев Феодора и Фому, и переселился в Константинополь в качестве ближайшего помощника императора Иоанна. Невзирая на крупнейшие события балканской политики, сыновья

Мануила блюли свои мелкие личные интересы. Против таких противников Мурад не спешил. У него были более опасные враги. Еще до взятия Салоник он выступил против венгров и Бранковича Сербского и наложил на последнего дань в 50 000 дукатов. Узнав же о сношениях венгров и сербов с эмиром Караманским, раздраженный Мурад опустошил венгерскую Трансильванию, отнял у Бранковича город Семендрию и осадил Белград, впрочем без успеха. Турецкая опасность вновь нависла над Европою, как при султане Баязиде. По призыву папы Евгения вновь стало собираться крестоносное ополчение под знаменами юного Владислава Венгерского. Душою похода был прославленный венгерский воевода Янош Гуниади. Собрались полки венгров, поляков, немецких рыцарей; прибыл кардинал Юлиан Цезарина, известный своим умом и смелостью. Под Нишем османы были разбиты (1443 г.). Крестоносцы по пути взяли Софию, подошли к Большим Балканам зимою, но у Трояновых ворот их встретили турки, загородившие ущелье, и после упорной битвы Владислав вернулся в Венгрию, не достигнув цели, но празднуя триумф. Будучи поглощен войною в Азии с эмиром Караманским, Мурад заключил с Владиславом мир, подписанный в венгерском городе Сегедине (1444 г.), признав за Венгрией Валахию, а за Бранковичем — Боснию. Мир этот был непрочен и удивил Европу. Он выдавал восточных христиан на произвол османов. Он шел вразрез с интересами римской церкви, взявшей греков под свою защиту. С первых лет своего правления Иоанн Палеолог носился с мыслью, что лишь проведение унии в жизнь, лишь помощь католической Европы могут спасти его империю. Переговоры с курией шли без перерыва. Иоанн был готов идти на полное и действительное подчинение римской церкви, вопреки советам его отца Мануила. Время Иоанна и Мануила было эпохою большого движения в недрах католичества, знаменитых церковных соборов, следовавших один за другим. Бывший в молодости на Западе, Иоанн был знаком с настроением политических и церковных кругов. При его дворе было сильно итальянское влияние после брака с Софией Монферратской. У Иоанна явилось бесповоротное решение отправиться в Европу и лично заключить унию. Патриарху Иосифу он заявил, что все обдумал и всю ответственность берет на себя. Предварительные сношения с курией были доведены до конца. Иоанн не мог уехать, не известив султана как данник. Мурад не был доволен, понимая политическую цель церковной унии, и ответил, что не с Запада, а от него, султана, Иоанну следует ждать помощи, от латинян же держаться подальше. Он собирался даже осадить Константинополь, но Халил-паша, друг греков за мзду, посоветовал выждать результатов путешествия Иоанна.

В 1437 г. Иоанн уехал, оставив регентом Константина. Он отправился не на Базельский собор, с которым переговоры велись долгое время, но

в Феррару к папе Евгению IV. С императором поехали патриарх Иосиф, представители восточных патриархов, три монаха с Афона (из Лавры и Ватопеда), до 20 архиереев, среди них Марк Евгеник Эфесский, Виссарион Никейский и Исидор Русский, клирики св. Софии — среди них Сиропул, историк Флорентийского собора; наконец, два славнейших антагониста ученых кругов — Георгий Схоларий, будущий патриарх Геннадий, и знакомый нам Плифон, во время собора основавший знаменитую Платоновскую академию во Флоренции; из России с Исидором прибыло позднее до 200 человек, из коих только один архиерей — Авраамий Суздальский, присутствовали представители из Валахии и из Грузии; был и царский брат Димитрий. Всего с чиновниками, царскими янычарами (были таковые и у Палеолога), слугами, с русской свитой Исидора прибыло до 800 человек, содержавшихся на счет римской курии. Целый год длились прения в Ферраре, в начале 1439 г. чума, унесшая многих из членов собора и их свиты, заставила переехать во Флоренцию.

Дневник Сиропула — а не подлинные акты, известные под заглавием «Святой вселенский собор во Флоренции» и напечатанные в XVI в. в греческом подлиннике и латинском переводе — позволяет проследить утомительный ряд заседаний, комиссий, частных переговоров, интриг, ссор и жалоб на безденежье (непокорным грекам казначеи по несколько месяцев не выплачивали папскую благостыню). Из сотен людей, прибывших на собор, с самого начала выделились на православной стороне бестрепетный и проницательный Марк Эфесский, Антоний Ираклийский, трое старших чиновников патриархии, между ними екклисиарх Сиропул; с униатской стороны — сам Иоанн VIII, вынесший на своих плечах всю тяжесть унии, особенно по смерти патриарха, с большой энергией и упорством руководивший делом, им заранее решенным; он направлял прения и устранял препятствия, обуздывая непокорных указаниями на государственную пользу, спускаясь иногда и до угроз; затем уравновешенный ученый Виссарион Никейский и горячий, часто наглый Исидор, затем протосинкелл Григорий Мелиссин, будущий униатский патриарх. Патриарх Иосиф во имя государственных интересов («экономии») желал унии, уговаривал непокорных, но все время боролся со своим искренним православием, и эта борьба свела его в могилу, избавившую его от подписи под соборным актом. Благородный Плифон был врагом насилия, но его не слушали; Георгий Схоларий был еще мирянином, царским секретарем, и хотя писал о единении в настроении, однако занимал несамостоятельное, закулисное место. Масса приехавших на собор была серая, безответная, часто до денег алчная, и с нею не считались. По взаимному незнанию языков греки и латиняне совещались отдельно, кроме исключительных случаев, и сносились письменно, докладами царю и папе. Прения редко поднимались до спокойного философского обсуждения, сообразного высо-

кому предмету. Обычны были ссылки на немногие тексты нескольких отцов, причем, например, Кавасила (салоникский епископ, автор трактата об учении латинян, около 1340 г.) то признавался униатами, то был объявлен (Исидором) еретиком; часто было подозрительное отношение к рукописям противной стороны и личные нападки. За невысоким уровнем прений, однако, сквозит жизнь и убеждения, борьба за веру отцов и за собственную совесть против насилия политики. Решительным моментом всего собора было обсуждение догмата об исхождении св. духа в июне 1439 г. Много раз прения грозили разрывом и разъездом, но Filioque было центральным пунктом расхождения церквей. От голосования были устранены православные чиновники патриархии, игумены монастырей, но выслушали голос царских врачей и даже хранителей гардероба. Разыгрались сильные сцены, и уважение к сану было забыто. Старшему из митрополитов, ираклийскому, протосинкелл-униат не позволил ссылаться на акты собора против Лионской унии, и митрополит смолк. Большинство уже нашло, что у латинян нет ереси; но Марк Эфесский бросил им в лицо: «Воистину латиняне еретики, и вы их так не называете, ожидая обращения заблудших». — «Кто ты такой, что называешь латинян еретиками?» — кричат два архиерея, и дело едва не дошло до рукоприкладства. «Найди нам выход, экономию». Марк ответил: «Дела веры не допускают экономии. Все равно, если сказать: отруби себе голову и иди, куда хочешь». Виссарион заявляет: «С сумасшедшим не разговаривают» — и уходит. Марк кричит ему вслед: «Ты ублюдок и так себя и ведешь». Исидор требовал у патриарха отлучить упорствующих, дабы они сами не отлучили покорных, но патриарх на смертном одре не согласился на это предложение. Видя уступчивость большинства греков, их нищету и политическую необходимость унии для Иоанна, латиняне заставили их принять латинское учение пункт за пунктом под конец затянувшегося собора — быстро, в течение месяца, о чем спорили 500 лет; в свою очередь, когда пришла весть, что Базельский собор отлучил папу Евгения, и для последнего стало нужно опереться на успех унии с греками, Иоанн VIII настоял на существенных ограничениях папского примата. К июлю 1439 г. уже был заготовлен «том» соборных актов по-латински и по-гречески за печатями папы и царя. Когда дело дошло до подписи, то Марк Эфесский, один из архиереев, не изменивший православию, — были и скрывшиеся неизвестно куда, — просил его уволить, и царь согласился по просьбе брата Димитрия. Исидор требовал отлучения непокорных, но раздались голоса: «Будь доволен тем, что мы подписали, чего не собирались, а в патриархи ты не попадешь».

Флорентийский собор постановил: греки не исключают исхождения св. духа и от сына (отказываясь от формулы «через сына»), латиняне же признали, что бог отец есть источник и начало божества, что божественная сущность едина, равно как и исхождение св. духа. Во-вторых, таинство

причащения допускается и на опресноках, и на артосе, как принято в каждой церкви. В-третьих, принято латинское учение о посмертном очищении, молитвами церкви, душ умерших без отпуска грехов. В-четвертых, признано первенство папы как преемника главы апостолов и как истинного наместника Христа, имеющего полную власть управлять вселенской церковью согласно соборам и канонам; за ним следуют патриархи, с сохранением за ними всех прав и привилегий. Это последнее положение удовлетворило греческих архиереев, с самого начала отказавшихся целовать папскую туфлю; редакция этого пункта явилась компромиссом, так как латиняне и греки придавали верховной власти пап различное значение: первые — неограниченной юрисдикции, вторые — первенства чести. Поминание папского имени за литургией было постановлено указом императора, сами же латиняне на нем не настаивали, но они потребовали сохранения латинских епископов на Крите и по всему Востоку. Папа вызвал на свой суд Марка Эфесского, угрожая отлучением, но Марк так ясно заявил, что ничему новому не учит, блюдет лишь старую веру, только что собором признанную, что его оставили в покое.

В унынии возвращались греческие архиереи, оправдывая себя лишь тем, что, покоряясь царю, они спасали от турок отечество. По мере удаления от Рима их латинство линяло. Уже в Венеции, служа в соборе св. Марка, они не возгласили Filioque, даже царский «братик» Димитрий явно изменил унии и увез с собою Схолария и Плифона. За ними ехал Иоанн VIII, не отпускавший от себя Марка Эфесского, лицо столь же почтенное, сколько опасное. Император своей цели достиг. Папа обещал прислать 10 кораблей и призвать Албрехта Венгерского, также и албанцев на помощь Константинополю. Папа Евгений собирал деньги для похода, не щадя церковных средств, даже закладывал недвижимости римской церкви. С этой стороны цель казалась достигнутой. Но как примет унию народ? Кто ее объявит? Православный патриарх Иосиф умер, избрать ему в преемники латинского кандидата, как предлагали в Риме, не решился и сам Иоанн. Вряд ли он переоценивал значение Флорентийского собора: унию заключали и Михаил VIII, и Иоанн V. Сам он вложил в это дело всю энергию, действительно большую и достойную лучшего применения, но не мог он создавать иллюзий о размерах своей власти над совестью народа. Неуспех унии, главного дела его жизни, должен был сломить Иоанна, и, действительно, он утратил энергию и жизнерадостный характер во вторую половину царствования.

При возвращении в Константинополь в начале 1444 г. Иоанн был поражен известием о смерти жены, Марии трапезунтской, а его спутники архиереи увидели, что их избегают, как латинян. Историк Дука рисует такую сцену. Едва они сошли с кораблей, их стали спрашивать: «Как дела с собором, победили ли мы?». Они же отвечали: «Продали мы веру нашу,

променяли благочестие на нечестие; изменив святым дарам, стали азимитами-опресночниками». Так говорили Антоний Ираклийский и все прочие. Спрашивали их: «Зачем вы подписали?» — «Из страха перед франками». — «Разве франки бичевали, заключали в тюрьму?» — «Нет, но подписала наша правая рука — пусть ее отрубят. Исповедал язык наш — пусть его вырвут». Настало тягостное молчание, службы не было, несмотря на великий пост. Никто не хотел служить с ними, отступниками. Так прошел февраль, март, апрель. Царь решил избрать патриарха, предложил Марку Эфесскому, тот отказался; призвал Антония Ираклийского — тоже отказ. Обратился к трапезунтскому митрополиту, к представителю афонского Ватопеда — никто не пожелал стать униатским патриархом. Согласился заведомый униат Митрофан Кизикский и был поставлен по старому церемониалу, но привел его в патриархию папский легат. Началось бегство из столицы: уехали Марк Эфесский и Антоний Ираклийский, бежал во владения султана брат Димитрий с тестем Петром Асаном; даже Виссарион и Исидор, получив кардинальские шапки за латинство, предпочли уехать в Рим. Судьба Исидора, вынудившего у Авраамия Суздальского подпись на соборе насильно, действовавшего не из корысти — он был богат и задавал пиры, — но из честолюбия, полна событий, не всегда приятных. Назначенный папою наместником Ливонии, Литвы, России, он встретил в Москве такой прием у великого князя Василия Васильевича, что скрылся в Литву. С этих пор русская церковь стала самостоятельной митрополией, и уже первый московский митрополит Иона был признан и в Киеве по договору с польским королем Казимиром. Униатский патриарх Митрофан даже не мог действовать так смело, как Исидор в Москве. Царь и Митрофан даже не решались обнародовать постановления Флорентийского собора. Уже в 1442 г. три восточных патриарха, представители которых подписали унию, решили не признавать ставленников Митрофана и заявили Иоанну VIII, что не будут поминать его за литургией, если он не отречется от чужестранных догматов. Иоанн был в нерешительности, так как и политические выгоды унии оказались невелики.

Помощь Владислава Венгерского и кардинала Цезарини не дошла до Константинополя. Сегединский мир уничтожал надежды, связанные с победами Гуниади. Но венецианцы выслали в Архипелаг эскадру Лоредана, и в Константинополь прибыла снаряженная папой Евгением эскадра из 25 судов под начальством папского племянника, венецианца, кардинала Контолмиери. Он был назначен и наместником папы в Константинополе. Прибытие папской эскадры должно было укрепить пошатнувшееся положение униатов. Император с кардиналом даже предприняли активные политические шаги, предложив венгерскому королю нарушить мир с султаном, занятым войною в Малой Азии. Папа разрешил Владислава от присяги, которой он только что скрепил Сегединский договор. Момент казался

благоприятным. Мурад чувствовал себя усталым от правления, хотя ему было всего под 40 лет, и хотел удалиться на покой. Флот Венеции господствовал на море. В самой Венеции усилилось воинственное течение с Гуниади во главе; уступленные туркам сербские крепости еще не были сданы. Под влиянием всего этого Владислав нарушил мир и стал собирать войска. Яношу Гуниади была обещана Болгария. Под Никополем сошлись Владислав, у которого было всего 10 000, валашский воевода Влад и Гуниади; Бранкович уклонился. Несмотря на малое число войск и на советы Влада, венгерский король был уверен в победе, прошел через Болгарию и занял Варну. Неожиданно подошел сам султан с 40 000 отборных войск. И в этом случае сыграли роль раздоры между латинянами: генуэзцы, соперники венецианцев, тайно перевезли султанские войска через Босфор. В ноябре 1442 г. произошла знаменитая битва. Турки были смяты дружинами Гуниади, но опрометчивый Владислав был убит, Гуниади с валахами бежали ночью, а лучшие венгерские полки были окружены и почти полностью перебиты, погиб и кардинал Юлиан Цезарини, видный деятель Флорентийского собора. Остатки венгров спаслись в Албанию, к Искандер-бею Кастриоту. Этот албанский герой, происходивший, впрочем, от сербского выходца, породнившийся с владетельным домом Топиа, в бытность заложником у султана принял ислам, но в 1443 г., после поражения турок под Нишем, получил фирман на владение албанским городом Кройей, вернулся в христианство, организовал албанцев, а также славянских соседей из Зеты и после ряда побед над турками Али-бея и Мустафы-бея был признан вождем на албанском сейме в Алессио. Теперь он спас остатки венгров, переправив их в Венецию. Под Варной (1444 г.) европейское оружие потерпело вторую катастрофу после Никополя (1396 г.). Христианская коалиция против османов оказалась бессильной, политические последствия унии были уничтожены. Союзников объял страх. Иоанн Палеолог заискивает перед султаном. Венеция заключила с Мурадом мир (1446 г.), отвергнув все просьбы Палеолога о помощи. В Константинополе царило отчаяние и раздражение против латинской партии. В это время один деспот Константин не потерял веры в освобождение от турок.

После унии Константин предназначался стать наследником бездетного Иоанна, и за смертью первой жены из рода Токко ему сосватали еще более богатую невесту Екатерину Гаттелузи, дочь владетеля Лимноса. Признав унию, Константин был надеждой партии, связавшей судьбу греков с Западом. Противоположная партия выставила против него деспота Димитрия, от унии давно отрекшегося и объявившего себя борцом за православие. Бежав с тестем Асаном во владения султана, Димитрий появился с турецким отрядом под стенами Константинополя (1442 г.). Константин был окружен турецкими судами на Лимносе, и от ужаса умерла его молодая жена. Венецианцы захватили Димитрия, но он бежал в генуэзскую Галату,

и при посредстве генуэзцев между братьями состоялось соглашение, по которому Димитрий получил удел Константина в Морее, отказавшись от притязаний на Константинополь. Вскоре (1443 г.) и Константин уехал в Морею, обменяв Силиврию и Месимврию на удел старшего брата Феодора с Мистрою: Феодор не хотел уступать Константину свои права на престол. В Морее Константин продолжал организацию обороны против турок, утверждая за собою ореол народного героя. Он укрепил Коринфский перешеек эксамилий (шестимильную стену), искренно веруя в целесообразность своих работ. В год Сегединского мира к нему прибыл папский легат, призывавший его против турок, и, несмотря на катастрофу христиан под Варной, Константин остался верен своим идеям и своему слову. Вместе с братом Фомою он занял Коринф, Виотию, подчинив себе султанского данника Нерио II Ачайоли, и дошел до удела Турхан-бея в Фессалии, где соединился с горцами — валахами и албанцами. Под его знамена стала прибывшая в Грецию бургундская дружина из 300 рыцарей. Брак дочери Фомы с сыном Бранковича обещал сербскую помощь.

Лучшие и знатнейшие греческие деятели служили Константину, ближайшим из них был старый, испытанный Франзи, который и после взятия Константинополя турками, вырвавшись из плена, в котором оставил семью, вернулся на службу к последнему Палеологу Фоме, а по взятии Мореи окончил свои дни в монастыре на Корфу. Верный слуга Палеологов описал всю историю их династии. Константин назначил Франзи правителем Спарты, т. е. Мистры; в Коринфе он поставил одного из Кантакузинов, в Патрах — одного из Ласкарей. Храбрый Константин действовал неосторожно. По просьбе Турхана и Нерио, сам Мурад явился с такою армией, что не помогла и храбрая оборона перешейка. У греков нехватило людей для защиты линии в шесть миль. Предвидя это, Константин просил мира, но его посол Халкокондил был посажен в тюрьму, а стена на перешейке была разбита пушками. Из греков 300 человек держались храбро и погибли подобно спартанцам Леонида, остальные бежали (1446 г.). Бежали и братья Палеологи. Взяв Коринф и Сикион, Мурад отправил Турхана на Мистру, сам же осадил Патры, но гарнизон отбивался удачно. Собрав свои отряды, Мурад отступил в Фивы, уведя с собою 60 000 пленников-христиан. В его ставку явились послы братьев Палеологов, и султан даровал им пощаду, но оба деспота обязались платить харадж, что означало утрату ими политической независимости. Разочарование было горькое, но оно не помешало Константину заняться отстройкой разоренных сел и городов, заселением обезлюдевшей страны. Ведь он считал себя наследником всей империи, так как император Иоанн был бездетен, а деспот Феодор умер (1447 г.). Правда, наследство было незавидно. Положение Византии было безнадежно. Третья катастрофа постигла христианское оружие. Гуниади с венграми и валахами, с немногими немцами и чехами, имея всего 36 000

и не дождавшись Кастриота, выступил против султана на Косовом поле и был раздавлен султанскими войсками, которых было в 10 раз более; венгерский герой покрыл себя позором, бежав ночью и оставив чехов с немцами на избиение (1448 г.). Известие об этом поражении так потрясло Иоанна VIII, что он его не пережил и умер, процарствовав 23 года. Этот убежденный западник с большим запасом сил быстро вел свою империю к гибели, не считаясь с опытом отца, рано обессилев и уступив инициативу еще менее осторожному Константину. Дука считает Иоанна последним императором Византии, отказывая в этом титуле его преемнику.

Небогато было и наследство; империя, за исключением Мореи, состояла почти из одного Константинополя. Несмотря на то, что Иоанн войн не вел по своей слабости и Мурад на него не нападал как на бессильного, Константинополь в греческих руках не имел будущности и находился в полном упадке. Окрестности были пустыней, лишь под стенами паслись стада и уцелело несколько пашен. Упадок торговли, голодовки, нищета и грязь сделали свое дело. Между 1348 и 1431 гг. в Константинополе 9 раз была чума, голодовки длились годами. Около 1430 г. в столице было всего 30—40 тысяч населения; во время осады 1453 г. способных носить оружие не оказалось и 5 тысяч. План Буондельмонте 1422 г. показывает внутри стен лишь отдельные острова заселенных кварталов; большая часть территории показана как белое поле. Путешественник де-ла-Броквер (1432 г.) рисует ту же картину, добавляя, что старые здания лежали в развалинах, как Большой Дворец и портики, окружавшие св. Софию. На полуразрушенном ипподроме происходили скачки и метание дротиков по турецкому образцу. Жизнь, предприимчивость, капиталы отхлынули — и не в Галату, также стесненную и беднеющую, но в султанский Адрианополь.

Со смертью Иоанна престол должен был перейти к Константину беспрепятственно. За Константина было старшинство (по смерти деспота Феодора), регентство в отсутствии Иоанна, деятельность в Морее, привлекшая к нему народные надежды. За него высказался двор с Франзи и Лукой Нотарой, латинская партия и патриоты, мечтавшие о возрождении Византии и об освобождении от даннических отношений к султану, об изгнании турок из Фракии при помощи европейского оружия. Тем не менее раздавались и иные голоса, не только среди сторонников деспота Димитрия, связавшего свое честолюбие с покорностью султану и с борьбою против унии, но и среди деловых людей, которым осада Константинополя угрожала разорением. Православные массы должны были холодно встретить Константина, который остался верен унии и политическим расчетам на Запад. Сношения Палеологов с Западом могли быть подозрительными. Даже император Мануил в трудную минуту (1397 г.) носился

с мыслью продать свое царство Венеции, а претендент Иоанн VII продал свои права французскому королю за ничтожную сумму; и даже деспот Димитрий уже при Константине заключил с Альфонсом Неаполитанским договор о латинской оккупации не только Мореи, но и Константинополя, и этот договор до нас дошел. Правда, Константин был иного склада и остался верен своей родине до конца.

Партия Константина одержала верх при поддержке деспота Фомы, притом не только в Константинополе, но и при султанском дворе, отказавшемся от поддержки Димитрия. Посланный к султану опытный Франзи вернулся с согласием Мурада и с подарками Константину. Его не было в столице, и к нему в Морею было отправлено посольство; коронация, без участия патриарха, состоялась в Мистре в присутствии Франзи (1449 г.).

Братьям Фоме и Димитрию были даны уделы: западная и восточная Морея. Ни у кого из братьев не было сыновей, и новый брак Константина являлся государственной необходимостью. Франзи был отправлен в Грузию и Трапезунт, чтобы искать для своего монарха подходящую невесту; с ним поехала большая свита, духовенство и даже музыканты, чтобы произвести впечатление на восточные дворы. Константину нужны были и деньги, и политические связи. Сватовство к принцессе тарентской расстроилось; дочь венецианского дожа Фоскари, предлагаемая ее отцом, была признана недостаточно знатной, и отказ был ошибкой. Одна Венеция могла помочь; ее флот царил в Архипелаге; Кастриот албанский стал венецианским вассалом для защиты от турок, взявших эпирскую столицу Арту (1449 г.) и напавших на Албанию; лишь храбрый Врана, из известного фракийского рода, отстоял от них крепость Кройю, получив за это поздравление от европейских государей и графский титул от папы. После катастроф под Никополем, Варной, на Косовом поле Европа была устрашена. Над ней самой нависла турецкая опасность. Византия ее избегнуть не могла и зависела лишь от настроения султанского двора. Мурад II держал себя миролюбиво, но, справив свадьбу сына Мухаммеда, длившуюся 3 месяца, он умер в 1450 г., оплакиваемый и христианами как государь, верный договорам и не уничтожавший разбитых врагов. Переход власти в иные руки решил судьбу Константинополя.

Опоясан был мечом пророка Мухаммед II (1451—1481), прозванный своим народом султан Фатих (завоеватель). Современники много писали о его личности. Все сходятся на том, что Мухаммед II обладал как необыкновенной скрытностью и беспощадной волею, так и широкими взглядами, незаурядными знаниями — между прочим, в языках; культурными вкусами — например, он ценил западное искусство. Юность его была нелегка и небезопасна. Он был сыном наложницы-армянки, а были братья, рожденные от принцесс, как старший, рано умерший Ала-ад-дин. Дважды его отец объявлял его наследником и брал решение обратно, и лишь его

дарования утвердили за ним, наконец, выбор отца; Мухаммеду угрожала бы смерть в случае воцарения любого его брата. И он сам, быстро прибыв из Магнисии в Адрианополь, начал с убийства брата Ахмеда, 8-месячного младенца. Завоевание Константинополя, отвечавшее его честолюбию, было им решено до вступления на престол. Он понимал политическое и экономическое значение греческой столицы для державы османов. В несколько месяцев он искусно изолировал Константинополь, использовав внушаемый османами страх. Он заключил договоры со всеми соседями, кроме Кастриота Албанского и караманского эмира: с Яношем Гуниади, с Бранковичем Сербским, к которому он отослал его дочь, вдову Мурада; с Рагузой с Венецией, с генуэзцами Перы и на островах Хиосе и Митилене, с родосскими рыцарями. Он возобновил договор даже с Византией, скрывая свои планы. Однако опасность для Византии была настолько очевидна, что французский король предлагал Константину убежище во Франции. По выражению Дуки: «Клялся богом лжепророка и соименным пророком, погаными своими книгами, ангелами и архангелами в том, что он до гроба пребудет в любви и согласии со столицей, деспотом Константином, со всеми пригородами и городами, находящимися в его деспотате, в том же добром расположении к деспоту Константину, с каким царствовавший до него отец относился к императору Иоанну». Этот «предшественник антихриста, враг Креста, под личиной дружбы последователь сатаны» обещал даже уплачивать 300 000 аспров на содержание претендента Урхана, т. е. ровно ту же сумму, сколько шло султану дани с Константинополя. Некоторые из советников Константина понимали опасность. Франзи прервал сватовство за грузинскую принцессу и написал Константину из Трапезунта, чтобы он немедленно искал руки вдовы Мурада II, дочери сильного Бранковича; но 50-летняя вдова предпочла монастырь константинопольскому трону, и Франзи довел дело до конца, выговорив богатое приданое. Когда он вернулся в 1452 г., он застал в столице положение, сильно изменившееся к худшему. Константин не мог справиться с трудным положением и выпустил из своих солдатских рук государственное кормило. Помощью Запада он не заручился, наоборот, раздражил курию. Православные взяли верх, и уния соблюдалась почти только во дворце. Униатский патриарх Григорий Мелиссин, или Мамма, известный по Флорентийскому собору, должен был бежать в Рим после 5-летнего управления церковью (1450 г.); поместного собора при этом не было, по разысканиям г. Папаиоанну.* Правда, прославленный вождь православных Марк Эфесский скончался во время диспута с латинянами (1449 г.), но его место занял его брат, номофилакс Иоанн Евгеник; особенно же Георгий Схоларий, бывший царский секретарь, ставший ревно-

* Автор видимо имеет в виду статью Х. Папаиоанну «Акты последнего Софийского собора» (Визант. врем., т. II, 1895, стр. 394—415) (*Ред.*).

стным последователем Марка — не сразу, но под влиянием настойчивых убеждений Марка, видевшего в нем крупнейший ум православной партии. Приняв монашество под именем Геннадия, он руководил православными из своей кельи, проводя время за богословскими трудами против латинян. Православных Константин не удовлетворил, отказавшись «водворить порядок в церкви», но и папа был раздражен отъездом униатского патриарха и требовал возвращения Маммы, в ответ на просьбу о помощи против турок. Впрочем осенью 1452 г. папа прислал кардинала Исидора, бывшего московского митрополита, с помощью. С ним прибыло 200 латинян, преимущественно генуэзцев с Хиоса, два корабля из Генуи с 700 человек под начальством храброго и опытного Джустиниани и два венецианских корабля под начальством Морозини. Эта помощь ободрила униатов, и Исидор, всегда шедший напролом, отслужил в св. Софии торжественную обедню в сослужении латинян и греков-униатов, помянув и папу Николая, и бежавшего униатского патриарха. Возмущенный православный народ толпою бежит к Схоларию и читает на дверях его кельи следующее воззвание: «Несчастные ромэи! Чего вы смутились и удалились от надежды на бога? Зачем понадеялись на помощь франков и вместе со столицею, которой суждено погибнуть, утратили и веру вашу? Милостивый боже мой! Свидетельствую пред лицом твоим, что не повинен я в таковом грехе. Знаете ли, несчастные граждане, что вы делаете? С порабощением, которое сбудется над вами, утратили вы отеческое предание и исповедали нечестие. Увы, горе вам в день судный». Чернь, выйдя из кабаков с чашами вина, проклинала униатов и пила в честь чудотворной иконы богоматери с криками: «Прочь от нас еретическое служение опресночников!». Правительство растерялось, а Франзи советовал Константину держаться принятого направления и поставить Исидора в патриархи. Этого не случилось, но кардинал стал духовным главою и деятельным участником обороны, как некогда православные патриархи. Так слабое правительство шло вразрез с народом за несколько месяцев до своей гибели.

Еще более роковую ошибку правительство Константина сделало по отношению к молодому султану. Придворная партия, которую Дука назвал «дурацким сборищем ромэев», решила начать против турок агрессивную политику и добилась у Константина предъявления Мухаммеду II опрометчивых требований и угроз. Рассчитывая на то, что молодой султан занят усмирением восстания эмира Караманского, именем «царя Константина» требовали уплаты субсидии на содержание Урхана, притом в двойном размере, иначе византийское правительство не будет в состоянии удовлетворить денежные требования Урхана и выпустит на свободу этого претендента, который находится во цвете лет, окружен приверженцами и имеет такие же права на престол, как и Мухаммед. Посольство было принято великим визирем Халилом-пашою, другом греков за дары и взятки.

«Неразумные, глупые ромэи, — советовал Халил, — давно знаю ваши коварнейшие умыслы. Вы их оставьте. Покойный султан был кроток и всем друг. Нынешний Мухаммед не таков, каким его считаете. Знаю его смелую и дикую силу. Если на этот раз Константинополь ускользнет из его рук, то, наверно, еще бог не захотел покарать ваше коварство и увертки. Глупцы, еще не высохли чернила на вашем клятвенном договоре с нами. Или думаете нагнать страх вашими выдумками? Мы не дети, неразумные и бессильные». Не послушавшись Халила-паши, послы предъявили свои требования султану. Мухаммед тотчас же даровал мир эмиру Караманскому, прекратил выдачу субсидии Урхану и начал приготовления к осаде Константинополя, не спеша, но в грандиозных размерах. Чтобы отрезать Константинополь от подвоза хлеба, он решил запереть Босфор. Еще при Мухаммеде I на азиатской стороне пролива был выстроен замок, доныне сохранившийся в развалинах под именем Анадолу-Хисар. Мухаммед решил построить сильнейшую крепость напротив Анадолу-Хисара на европейском берегу, где у высокой скалы пролив круто заворачивает и стесненное течение образует пороги. Паши в провинциях получили указ прислать по тысяче каменщиков; из измидских и черноморских лесов везли бревна, камень был под руками, для укрепления фундаментов брали мраморные колонны из греческих монастырей по Босфору, по обычаю самих греков. Напрасно жители Сосфения (Стении) хотели отстоять царский монастырь Михаила Архангела: их перебили. Работы начались весною 1452 г. под руководством самого султана. Был выстроен большой пятиугольник неправильной формы, нынешний Румели-Хисар. Высокие стены из дикого камня связывают 5 гигантских башен различного размера; 3 из них построены главными пашами Халилом, Сарыджою и Саганом. Закончив крепость в 4 месяца и установив на ней пушки, Мухаммед приказал топить суда всякой нации, уклоняющиеся от досмотра и пошлины. Стреляли в генуэзские суда, но те удачно проехали, а венецианский большой корабль был потоплен, экипаж его был казнен. Подвоз хлеба из Черного моря был прекращен. Ужас охватил правительство и народ в греческой столице. Еще во время подготовительных работ Мухаммеда Константин разослал послов в Европу, предлагая за помощь Лимнос сицилийскому королю, Месимврию — Гуниади венгерскому. Папа созывал крестовый поход, филэллины и гуманисты взывали о помощи граду Юстиниана. Предполагалась миссия на Запад царских братьев Фомы и Димитрия, но последние и в последний час продолжали жалкие раздоры, нападали на венецианские владения в Морее и тем повредили византийскому посольству в Венеции. Деспот Димитрий не стеснялся призывать Турхан-бея против брата. Турхан сначала помирил братьев Палеологов, потом их же ограбил. Напрасно Константин взывал к Мухаммеду: 100 лет вы владеете Адрианополем, но никто из прежних султанов ни башни, ни даже хижины не строил на дворе Кон-

стантинополя. Бывали столкновения, но оканчивались миром. А дед твой Мухаммед I, желая построить крепость на азиатской стороне, просил разрешения у императора Мануила. Ты же хочешь закрыть Черное море для франков, нашу же столицу извести голодом и лишить таможенных пошлин. Прикажи прекратить постройку, и мы будем с тобою в таких же хороших отношениях, как с отцом твоим, добрым султаном, и дадим дань, если хочешь. Ответ Мухаммеда послан был сух и грозен: «От твоего города не отнимаю ничего. За пределами своего рва твой город не имеет ничего. Если я пожелал выстроить крепость на Босфоре, ты не имеешь права мешать мне. Все мне принадлежит: и крепость на азиатской стороне, заселенная турками, и земли к западу [на европейской стороне], незаселенные, так как ромэи не имеют права селиться на них. Разве вы не знаете, как во время наступления венгров на Варну мой отец затруднялся переправиться через пролив, а ваш император привел франкские суда в Дарданеллы, к раздражению мусульман и на потеху гяуров? Тогда мой отец поклялся выстроить крепость на европейском берегу, и я исполняю его замысел. Не мешайте мне распоряжаться в моих владениях и скажите своему царю, что нынешний султан не таков, как прежние, и легко свершит то, в чем они затруднялись. Если еще кто явится ко мне по этому делу, с него будет содрана кожа». Узнав об ответе султана, жители Константинополя предались отчаянию, говоря: вот кому суждено взять город, избить и поработить народ, попрать святыни, разрушить святые храмы, разбросать по улицам святые мощи. Горе, что нам делать, куда бежать? Многие, побогаче, уезжали на запад или отослали семьи и капиталы; например сам Лука Нотара, первый из министров и глава антилатинской партии, отослал заблаговременно на запад дочь со всеми драгоценностями. Простой народ возлагал надежды на Пречистую, не раз спасавшую богохранимый город; об одушевлении масс, об организации народом обороны, о денежных жертвах греков и их сравнительно богатых монастырей мы не слышим — наоборот, повидимому, в народе царило тупое отчаяние и равнодушие; иные, может быть, надеялись на лучшее от перемены власти. Руководители православной партии относились к обороне пассивно и даже скептически.

Если Геннадий Схоларий, будущий патриарх, во время осады писал против Фомы Аквината и Димитрия Кидони, то друг его и царский министр Нотара выразился: лучше бы знать, что в городе господствует турецкая чалма, нежели латинская тиара. Но были и энтузиасты среди просвещенных высших слоев, как Феофил Палеолог, ставший из ученого грамматика храбрым воином. Во главе обороны стал сам Константин, но он связал себя с латинской партией и латинянам доверил защиту города. Не дожидаясь осады, он приказал свезти в город еще незрелую жатву и запереть городские ворота. Под стенами начались стычки с турецкими

фуражирами. Отсылая султану его евнухов, захваченных в городе, Константин сообщал, что закрыл ворота и возлагает надежды на помощь свыше. Мухаммед ответил объявлением войны.

Положение столицы было более безнадежное, чем при осаде его в царствование Мануила. Ожидали венецианскую эскадру, но что она могла сделать с силами Мухаммеда II? Весть о его приготовлениях, постройка Румели-Хисара заставили генуэзскую Галату не только отказаться от защиты христианской столицы, но поспешить с изъявлениями преданной дружбы султану; хотя некоторые из генуэзских купцов втайне помогали грекам, но изменили в решительную минуту, так как оборона со стороны Рога была доверена венецианцам, исконным врагам Генуи. Приготовления Мухаммеда были грандиозны. Его народ размножился на тучных полях Вифинии и Фракии; языковая близость и фанатизм дервишей, особенно конийских, сплотили с османами покоренные сельджукские и туркменские племена; славянские вассалы доставляли отдельный и большой корпус отборных войск, носивших латы. Непрестанные походы дали туркам опыт и организацию, постоянные войска янычар и крепостные гарнизоны, где открывала дорогу к почестям и богатству личная доблесть, а не происхождение, как в войсках феодальной Европы; массы ополчения, в котором беи выступали со своими людьми, им знакомыми и преданными. Славные победы над крестоносными дружинами храбрейших народов Европы воодушевляли воинов с юности до старых лет. Особое внимание обращалось на техническую часть как монголами, так и османами, и те, и другие привлекали на службу мастеров со стороны; в армиях монголов при метательных и осадных машинах служили уйгурские христиане у османов — перебежчики из христианского стана, итальянцы, венгры и ренегаты из сербов и греков. Их переманивали за большую плату, как венгра Урбана, знаменитого пушкаря-литейщика, создавшего Мухаммеду неслыханную артиллерию. Располагая громадными денежными средствами, Мухаммед переманил его из Константинополя; щедро вознаграждал он впоследствии итальянского художника и мастера Челлини, написавшего портрет Завоевателя. Народ представлял себе Мухаммеда сидящим в роскошном шатре возле сундука, из которого он пригоршнями брал золото и драгоценные камни. Изготовленные Урбаном орудия были поставлены и в Румели-Хисаре, а теперь в Адрианополе он отливал десятками бронзовые пушки, между ними одну чудовищной величины, с отверстием шириною в 12 ладоней, стрелявшую каменными ядрами в 30 пудов; 60 отборных волов везли ее из Адрианополя целых 2 месяца.

Еще осенью 1452 г. Караджа-бей занял последние принадлежавшие Константину города — Месимврию, Анхиал, Визу; лишь Силиврия оказала сопротивление; виноградники Перы были сожжены, и 3 конных полка турок зимовали у городских ворот. В марте 1453 г. выступили из Адриа-

нополя главные силы, и к 6 апреля, в пятницу после Пасхи, турки обложили город от Золотых Ворот до Перы; ставка султана была разбита за холмом против Адрианопольских ворот, где ныне кладбище. Правым крылом от Золотых Ворот командовал старый полководец Мурада Исаак-паша, с азиатскими войсками до 100 000 человек. В середине у ворот Романа стоял сам султан с постоянными войсками, среди коих было 15 000 янычар; здесь же стояла большая пушка и главные батареи. Левое крыло до Золотого Рога составляли румелийские полки Караджа-бея, судя по занятому пространству, до 50 000 человек. Конница была в тылу. На высотах Перы стоял Саган-паша, наблюдая за входом в Рог. Подошла и первая турецкая эскадра из 30 крупных и 130 мелких судов под начальством славянского ренегата Балты и стала у Диплокиония (ныне Бешик-таш), повыше Галаты; подошедшие затем силы довели султанский флот до громадной цифры — 420 больших и малых судов, выстроенных преимущественно в Измиде (Никомидии), в длинном и узком заливе Мраморного моря, осененном дремучими лесами на заоблачных горах.

И в этот последний час не было единения даже при дворе Константина. Великий дука флота и главный докладчик Лука Нотара занимал столь самостоятельное положение, что верный Франзи мог быть назначен великим логофетом лишь тайно, иначе Нотара помешал бы секретной миссии Франзи в Морею и на Кипр с просьбой о помощи. Противники Нотары подозревали его в сношениях с султанским двором. Приезд Исидора и униатская служба в св. Софии разожгли народную ненависть к латинянам, хотя Исидор привез помощь и было договорено, что церковные разногласия будут улажены позднее учеными людьми. Св. София запустела, никто не служил в ней и молебна. Среди униатов умеренные уговаривали народ потерпеть азимитов лишь на время, до победы над турками, и между такими политиками были советники Константина; но были среди униатов, даже среди монашества, такие, которые бросали православным вызов, как сам Исидор. Историк Дука видел монахиню-гречанку, евшую мясо, носившую латинскую одежду и якобы творившую мусульманский намаз. Простой народ тем крепче держался за чистоту веры отцов, чем ближе придвигалась турецкая опасность, и не верил в спасение города латинянами. Геннадий Схоларий, их вождь, умыл свои руки при гибели города, впавшего в нечестие.

Константин не сумел поднять весь народ и объединить его для защиты столицы. Из сравнительно богатой Мореи братья Палеологи не прислали помощи; взялось за оружие несколько сот храбрых критян, привезших в столицу хлеб и вино. Константин имел основания полагаться больше на латинян, чем даже на столичных греков. Как бы ни было велико число эмигрировавших в Грецию и даже на Запад, в столицу укрылось население пригородов. Числа жителей в год осады не знаем, цифра 200 000 предста-

1-Золотая колонна
2-Колонна Константина
3- " Аркадия
4- " Маркиана
5-Статуя Юстиниана

Римскими цифрами обозначены номера регионов

■ – Главнейшие церкви и монастыри
⚯ – Заградительные цепи на Босфоре и Золотом Роге.

Сокращения:

В.—Ворота Цист.—Цистерна
Венец.—Венецианский квартал
Пизан.—Пизанский –"–
Генуэз—Генуэзский –"–

250 0 250 1000 м

План Константинополя.

План г. Константинополя.

1420 г.

вляется преувеличенной. Но когда Константин приказал Франзи переписать всех греков, способных носить оружие, включая даже монахов, то оказалось всего 4973 человека, и царь только простонал, услышав эту цифру. Очевидно и для нас, что многие уклонились от призыва к оружию. Боеспособных греков, пожелавших защищать родной город, оказалось лишь в $2^1/_2$ раза больше, чем пришлых латинян, волонтеров и наемников. Для защиты сухопутных и морских стен требовалось в 10 раз больше людей, чем те тысячи, которыми располагал Константин.

Не грекам, но латинянам Константин поручает важнейшие пункты обороны. Греческая милиция была хуже вооружена и не могла итти в сравнение с латинскими наемниками и экипажами латинских, хотя бы купеческих, судов. Все-таки останавливает внимание, что охрана Влахернского дворца была поручена кардиналу Исидору и венецианцам: первому со стороны Золотого Рога, до Фанара, вторым — с суши. Исидор имел под своим начальством отряд генуэзцев, укрепил свой участок на личные средства и принимал в обороне деятельное участие, а о греческих архиереях мы не слышим. По другим известиям, Исидор защищал Акрополь, у св. Димитрия. Венецианцами командовали их байльи Миното и адмирал Тревизан, прибывший вместе с Исидором и нанятый на царскую службу. Венецианские матросы даже вырыли ров перед стеною Ираклия, защищавшей нижнюю часть Влахернского квартала. Рядом с Влахернами менее важный участок по Золотому Рогу защищал начальник царского флота Лука Нотара со своими людьми; второстепенными начальниками участков были греки — Алексей Дисипат, Иоанн Влах, Феодор Палеолог, Метохит, Филантропин. У Евгеньевых ворот защищали критские моряки. От башни у этих ворот до башни на Галатском берегу, существовавшей еще в XVII в., Золотой Рог был загражден с начала осады толстой железной цепью, плавашей на бревнах, а за нею были расставлены шесть латинских и четыре греческих корабля (из них три с Крита). Далее в районе Акрополя приморские стены выходят уже на Мраморное море и защищались опять латинянами, или во главе обороны стояли латиняне: от дворца Вуколеона (у «дома Юстиниана») до гавани Контоскалия (ныне Кум-капу) стояла каталонская колония с консулом Гулиано во главе, далее в Псамматии охрана была вверена венецианцу Контарини; сами Золотые Ворота с участком до Мраморной башни на берегу — т. е. второй важнейший угол укреплений, где сухопутные стены связаны с приморскими, — защищались 200 генуэзскими стрелками с капитаном Мануилом, но Студийский монастырь защищали сами монахи-калугеры рядом с турками Урхана. По сухопутной стене до ворот Живоносного источника опять стоял смешанный отряд из итальянцев и греков под начальством сицилийца. Далее следовал участок с центром у Силиврийских ворот, защищавшийся одними греками с Феофилом Палео-

логом во главе.* Центральную часть сухопутных укреплений с воротами св. Романа (турецкое Топ-капу) защищали опять латиняне, именно — 400 генуэзцев и других итальянцев с Архипелага, под начальством Лонга Джустиниани, бывшего губернатора генуэзской Кафы, приехавшего с Исидором. Далее до Адрианопольских ворот, примыкавших к кварталу монастырей Хоры и Старой Петры, защищали генуэзские начальники, три брата Боккиардо. Последний участок до Влахернского дворца, доверенного латинянам, защищал смешанный отряд под начальством Феодора, грека из венецианской Эллады, и немецкого инженера Гранта. Из перечня начальников выносим странное впечатление: как будто дело шло о защите не византийской столицы, но какого-то латино-греческого города вроде Кандии или Патр, как будто Византии к 1453 г. уже не стало, как будто Исидор заменил вселенского патриарха.

А где национальное войско? Политика Палеологов и их предшественников, опиравшихся на латинских и турецких наемников, принесла свои плоды: византийцы перестали быть воинами. Большая часть жителей-греков, сражавшихся без доспехов, с камнями и копьями в руках, очевидно, находилась под командою латинских начальников. Впрочем, знатные Димитрий Кантакузин и Никифор Палеолог со своими людьми оставлены были в городе в качестве общего резерва — несколько сот людей, жалкие обломки служилого византийского войска. В царском штабе главное место занимали латиняне, душою обороны был Джустиниани, постоянным спутником Константина — один испанец, Франциск Толедский. Горсть латинских наемников и добровольцев, несколько тысяч кое-как вооруженной греческой милиции, отсутствие денег, артиллерии (имелось несколько пушек, но их нельзя было поставить на ветхие стены), недостаток хлеба — все это делало оборону безнадежной, и население это понимало: иным оборона казалось латинской затеей против неминуемого божьего возмездия.

С 12 апреля начала свою работу турецкая артиллерия. Ее действие было неслыханным для тогдашних времен, после выстрела из большой пушки Урбана по всему городу раздалось «Господи, помилуй!» Стреляла она за день всего 7 раз, заряжалась часами. Вся артиллерия посылала до 100 ядер в день, разбивая кирпичные стены, стоявшие с V в., и еще легче — позднейшие их исправления. Катапульты метали тысячи стрел.

* По Франзи [Χρονικὸν Γεωργίου τοῦ Φραντζῆ, издана в Corpus Scriptorum Historia Byzantinae, Bonnae, 1838, p. 253 *(Ред.)*]. По латинским источникам, Феофил и Мануил Палеологи, ревностные униаты, защищали подступы к Влахернам, а на участке Силиврийских ворот были два латинских и один греческий начальник, городской епарх Гудели. Вообще источники весьма разноречивы в деталях расстановки войск; весьма возможно, что некоторые начальники меняли место во всемя осады.

Защитники отбивались день и ночь, заняв возвышенную террасу между двумя стенами, составлявшими ограду. Большая пушка разорвалась и ранила Урбана, но по приказанию султана он отлил новую. Мухаммед действовал нетерпеливо и на 18 апреля назначил общий штурм с суши. С рассветом массы янычар и других лучших полков бросились через ров на пробитые пушками бреши; тысячи людей были растоптаны, заваливая ров мешками, хворостом и собственными телами. Защитники отбивались камнями, стрелами, копьями, кипящей смолой, выбегали на ров и несли потери. Целый день длился безуспешный штурм, и ночью защитники вновь вычистили ров. Потери турок были велики, но султан Мухаммед обнаружил непреклонную волю. Впрочем, разница сил была так велика, что, несмотря на древнюю славу стен Константинополя, не могло быть сомнения в исходе осады. 20 апреля произошел морской бой. Три генуэзских корабля, посланных папой, и один из Греции, груженые хлебом, показались в виду города; флот Балты, большей частью гребной, окружил их, и сам султан наблюдал за боем с берега и даже въехал на коне в воду. Но борта прибывших кораблей были выше, и турки не могли взять их на абордаж; наконец поднявшийся ветер позволил всем 4 кораблям пробиться в Золотой Рог. Султан подверг Балту бичеванию и назначил на его место Хамзу. И на этот раз Мухаммед II обнаружил непреклонную волю и приказал занять флотом Золотой Рог. Так как Рог был заперт цепью, защищаемой судами, то Мухаммеду был дан совет перетащить часть флота в Рог через хребет той цепи холмов, на которой расположена теперь Пера. Был настлан деревянный помост, и 70 тяжелых кораблей были перетащены на канатах в одну ночь. Точно путь этот не известен; по обычному мнению, он шел от Бешик-таша, древнего Диплокиония, или же от дворца Долма-Бахче, но ближе был путь мимо нынешнего русского посольства в бухту Адмиралтейства (ныне квартал Касим-паша). 23 апреля греки увидели корабли «нового Ксеркса» в самом Роге, напротив Пантократора. С этой стороны они не ожидали турецкого флота, приморские стены были слабее, и корабли их оказались в опасности. Латинские и греческие капитаны собрались в венецианской церкви и по совету венецианца Кокко решили сделать попытку сжечь турецкие корабли. Так как этот план принадлежал венецианцам, их вечные соперники — генуэзцы Галаты, привлеченные к участию, — донесли султану. Корабль Кокко был встречен ядрами и затонул, спасавшихся вплавь турки обезглавили на глазах защитников, которые в свою очередь обезглавили 200 пленных турок. Венецианцы смотрели на генуэзцев как на предателей, и Константин с трудом уговорил их не начинать кровопролития между христианами; но турки не щадили и генуэзцев, расстреливая суда в гавани Галаты. Заняв флотом гавань, Мухаммед перебросил пловучий мост через верхнюю часть Рога и теперь имел все силы под руками. Но он не пошел по пути крестоносцев 1204 г., взявших город со стороны Рога, он не

надеялся на качества своего флота. Мухаммед решил взять город с суши, несмотря на первую тяжелую неудачу, а также на сильные, храбро отраженные нападения 7 и 12 мая, причем отличились из греков Рангави и Никифор Палеолог, начальник резерва. Новая гигантская пушка заменила погибшую, и венгерский посол научил турок лучше целить. Явились у турок и мастера по устройству подкопов, но первый подкоп, направленный под Влахернский дворец, был замечен служившим у греков немцем Грантом, опытным инженером, и турецких минеров выкурили дымом (18 мая). Турки подкатили деревянные башни, обитые кожами; одна из них была выше стен, имела мосты на канатах для перехода на укрепления и сильный таран, которым турки разрушили стену у Романовых ворот, уже поврежденную ядрами и заделанную бревнами. Но и на этот раз турки были отбиты и ночью ушли, оставив у стен башню; храбрые защитники сожгли ее и исправили укрепления. Разгневанный султан заявил, что если бы и все 37 000 мусульманских святых ему предсказали, что греки сделают это за одну ночь, он не поверил бы. Но за один месяц осада приблизилась к неизбежной развязке. Древние стены были повреждены, особенно между воротами Романовыми и Харсиевыми (ныне Адрианопольскими). Защитники были изнурены, оставаясь на стенах день и ночь, не зная о судьбе своих семейств; для их пропитания пришлось перелить церковные сосуды на монету, так как прибывшие на купеческих кораблях итальянцы хотя сами стали на защиту, но хлеба без денег не давали. В порту стояло 8 больших и до 20 меньших иностранных судов, и их капитаны избрали себе общим вождем венецианца Диедо, надеясь прорваться в случае взятия города. Джустиниани, повидимому, являлся связующим звеном между защитниками и теми латинянами, которые готовились покинуть город в опасную минуту. Число защитников уменьшалось, а к туркам подходили подкрепления, привлекаемые надеждой на добычу. Особенно волновало Константина повреждение стен. По известию Дуки, впрочем подвергнутому сомнению, Константин даже завязал переговоры с Мухаммедом, предлагая ему дань, какую захочет, но султан ответил: нельзя мне отступить от города. Или я его возьму, или он меня возьмет живого или мертвого. Если хочешь, дам тебе Морею, а братьям твоим — иные уделы, и будем жить в мире. Если же я войду в город с боем, то всех твоих вельмож с тобою вместе поражу мечом и весь народ отдам на разграбление, с меня же довольно пустого города. Султан, по известию Дуки, вновь предлагал Константину удалиться со всем двором и имуществом, гарантируя населению жизнь и безопасность, но Константин по совету синклита решительно отказался: если захочешь жить с нами мирно, как жили предки твои, то слава богу. Они моих предков считали за отцов, а город — за свою родину и находили в нем убежище; из нападавших на него никто не прожил долго. Отдаю тебе захваченные города и земли, назначь дань, какую только

сможем платить, и уйди с миром. В расчетах своих ты можешь ошибиться. Предать тебе город не во власти ни моей, ни чьей-либо из живущих в нем. Общим мнением все мы добровольно умрем и жизни нашей не пощадим. Слова, вложенные Дукой в уста Константина и Мухаммеда, хорошо передают принципы, из-за которых шла смертная, последняя борьба. Русская «Повесть о Царьграде» передает, что Джустиниани, «патриарх» (Исидор?) и синклит советовали Константину (в начале мая) оставить Константинополь, чтобы организовать помощь Морее и Албании, но Константин отвергнул это предложение, как и другие, сделанные раньше и позже.

Мухаммед приказал готовиться к штурму, жечь огни и творить молитву. Костры опоясали город, в Скутари от огней на судах блестело море и небо. Жители выходили на стены и ждали гибели, «как полумертвые». Джустиниани не терял энергии и приказал очистить террасу между стенами; за внутренней стеной он решил дать последний отпор, укрепил ее рвом и собрал из города все лестницы. Чтобы проникнуть в оставленную террасу в случае штурма, открыли издревле заложенную малую дверь Керкопорту у так называемого Константинова дворца, ныне Текфур-Сарая, на границе Влахернского района. Население было далеко от единодушия, разрастался ропот против правительства. Для успокоения народа Константин приказал обносить чудотворную икону Одигитрии. Надеялись на помощь венецианской эскадры Лоредана, но посланный корабль вернулся, не узнав даже, где она находится. Предвидя близкий штурм, защитники поспешно исправляли укрепления, особенно у Романовых ворот, где командовал Джустиниани, а с турецкой стороны стояли главные батареи и султанские отборные войска. Напрасно Джустиниани просил у Нотары несколько малых пушек, стоявших по Золотому Рогу. Нотара ненавидел Джустиниани. Один был главою противолатинской партии, другой — душою обороны, организованной латинянами по поручению Константина, не имевшего власти примирить открытую вражду. Нотара пушек не дал, и этот мелкий факт характеризует положение. Как бы ни был силен Нотара со своими сыновьями, он не ослушался бы Константина, если бы за Нотарою не стояло противолатинское большинство. Ввиду дружбы Нотары со Схоларием в эту партию входила по крайней мере часть православного духовенства. В истории западной Греции мы видели несколько случаев, когда латиняне, повидимому не без основания, обвиняли православных иерархов в сношениях с турками, — грустная страница из истории христианства на Востоке; но такие деятели, как Схоларий, первый патриарх турецкого времени, сохранили православную церковь в Турции до сих пор.

По известию Франзи, перед штурмом и в турецком лагере наблюдалось брожение, вызванное ложными слухами о подходе венгров с тыла, о приближении венецианского флота; войска роптали на большие потери при

неудачных приступах. Сам султан и его двор якобы колебались, но, конечно, Мухаммеду II было известно положение города и неравенство сил. На совете Халил-паша, известный грекам благожелатель, советовал снять осаду, иначе западные государи ополчатся против турок. Второй визирь Саган-паша, соперник Халила, советовал приступить к штурму, так как у султана войск больше, чем у Александра Македонского, а латиняне бессильны вследствие раздоров даже на походе. Султан согласился с Саганом и назначил приступ на 29 мая, о чем Халил якобы известил Константина. Но и без того греки видели усиленную канонаду, движение в турецком лагере. Султан объезжал полки, обещая павшим райские утехи, живым — население Константинополя; войска кричали: «Ля илаха иля — Аллах, Мухаммед росуль Аллах!» Вечером 28 мая Константин созвал всех начальников, уговаривал постоять за веру, родину, царя—помазанника божия, за свои семьи; указывал, что враг 57 дней осаждает всеми силами, но безуспешно; просил не робеть, уповая на бога, если даже падут стены; враги полагаются на свое число, но у них нет железных доспехов, какими вооружены защитники; султан же хочет поработить весь свет, некогда принадлежавший Константину Великому. Франзи влагает Константину в уста длинную речь по античному образцу; идеи Константина были известны его верному советнику. Обращаясь отдельно к венецианцам и генуэзцам, Константин называл их единоверцами. Воины прощались друг с другом, дворец Константина огласился рыданиями.

Всю ночь на 29 мая турки подкатывали осадные машины, корабли их подтягивались к морским стенам. Части кораблей Хамзы предписывалось обстреливать стены из самострелов и пищалей; другие должны были высадить экипаж, чтобы он по приставным лестницам взобрался на стены. Заган-паша должен был напасть на Влахернский квартал со стороны Рога, переведя войска по пловучему мосту и подтянув корабли, стоявшие внутри гавани. Караджа должен был напасть на Влахерны с суши. Исаак и Махмуд действовали на правом крыле до Мраморного моря. Халил и Сарыджа должны были наступать по обеим сторонам султана, отвлекая защитников от Романовых ворот, которые надлежало взять самому Мухаммеду. С рассветом турки бросились с визгом, криком, при звуке больших барабанов, бубнов и флейт, наступали через ров на три большие бреши, пробитые пушками и по величине доступные для конницы, кое-как заваленные бревнами и землею. Даже Критовул, грек с Имброса, служивший Мухаммеду и описавший его подвиги, отдает должное доблести защитников; в первых рядах стояли, как сказано, латиняне. Часами длился отчаянный рукопашный бой. Турки имели большие потери. Две первые колонны их были отбиты. Султан двинул резервы из лучших войск, между ними 1000 взводов («котлов») янычар, и приказал усилить обстрел. Большая пушка разбила стену между двумя башнями. Дрогнули защитники лишь в ту минуту,

когда Джустиниани, душа обороны, был ранен и оставил свой пост, невзирая на просьбы Константина; он удалился в Галату, откуда бежал на Хиос, где (или на пути) умер от раны и позора. Многие генуэзцы последовали за своим вождем.

Константин остался у Романовых ворот и совершал чудеса храбрости вместе с доном Франциском Толедским, Иоанном Далматом, с доблестным Феофилом Палеологом, подоспевшим на помощь. Между тем калитка Керкопорта у Адрианопольских ворот, открытая перед штурмом, осталась без охраны, и полсотни турок ворвались на террасу между двумя стенами. Они бежали к Романовым воротам, сбрасывая со стены немногочисленных и ослабевших защитников. Среди христиан, увидевших турок и их значки на стенах, возникла паника, раздались крики, что город взят; защитники прыгали со стен и, давя друг друга, завалили своими телами Адрианопольские ворота. Константин со своими соратниками погиб героем, и тело его, не узнанное турками, лежало в куче из 800 христианских трупов. Последний Палеолог не посрамил своих воинственных предков XII и XIII вв., по матери в его жилах текла сербская кровь. Его униатство было быстро забыто, и для греков, начиная с современного автора «Плача», оправдывавшего Константина, он остался благоверным царем Константином, национальным героем и богатырем. Исторически засвидетельствовано, что немедленно по прекращении резни султан приказал разыскать тело Константина. После долгих поисков к нему принесли голову, которую Нотара признал за царскую. Она была выставлена, по приказанию Мухаммеда, на площади у подножья колонны Юстиниана, затем отправлена по городам Малой Азии; тело же было предано погребению в месте, современниками не указанном.*

Десятки тысяч турок хлынули через Адрианопольские ворота по телам защитников; через большую брешь победители ворвались во Влахернский квартал, избивая всех по пути. Взошел на стены и сам Мухаммед, и его знамя было поднято на Романовых воротах. Пока турки грабили и жгли дворцовый Влахернский район — причем погибли считавшиеся чудотворными иконы Влахернская и Одигитрия, — толпы греков, старики, женщины и дети спасались в монастырях и храмах, где турки их настигали и избили тысячи, как у храма св. Евфимии (ныне Гюль-джами),** главная же масса бежала по Средней улице, через площадь Константина, где ангел

* Еще недавно греки в день Константина и Елены ставили свечи на осененную старым деревом могилу возле площади Вефа, на рубеже венецианского квартала и над этой могилой горела лампада на средства ведомства вакуфов, как и на некоторых могилах и айасмах, чтившихся как турецким, так и греческим простонародьем.

** Мечеть Гюль-джами — бывшая византийская церковь св. Феодосии, а не св. Евфимии (*Ред.*).

с мечом, по преданию, должен был отдать огненный меч некоему мужу, который загонит врагов в самую «Персию»; миновав площадь, толпа хлынула в св. Софию, забыв осквернение ее униатами. Туда подошли турки только через шесть часов, так велик был город и добыча по пути. Много сложено легенд о взятии главной, после Иерусалима, святыни восточного христианства: о священнике, скрывшемся со св. дарами через сомкнувшуюся за ним стену на левых хорах, о Мухаммеде, въехавшем на коне и приложившем кровавую руку к колонне высоко от пола, столько было навалено трупов. Достоверно показание источников о том, что кровопролитие прекратилось еще до полудня, когда султан въехал в город.

Прибыв к Софии, он сошел с коня и прекратил грабеж внутри храма; он даже поразил турка, портившего, в своем фанатизме, мраморный орнамент с крестами. «Хватит с вас денег и пленных, — сказал он, — а здания мои». Взойдя в алтарь, Мухаммед преклонил колени на молитву и приказал обратить св. Софию в мечеть.

У Силиврийских ворот прорвался албанец Элия-бей, эмир-ахор (конюший) султана, получивший в награду Студийский монастырь, позже (около 1481 г.) обращенный в мечеть, получившую прозвание «Эмир-ахор-джамиси» («соборная мечеть эмир-ахора»).

После прорыва сопротивления не было. Упорно держались лишь критяне у «Красных» ворот, древних Евгеньевых, при входе в Рог, пока султан не разрешил им уйти на свои корабли. Защитники приморских стен бежали, узнав о прорыве у Влахерн, но эта весть пришла не скоро; вслед за защитниками побежали и осаждавшие турки, чтобы грабить город, оставив свои корабли. Так поступили оба флота — и Хамзы, и Загана — внутри гавани; поэтому латиняне могли спастись бегством мимо пустых турецких судов. Толпы латинян и греков собрались на берегу Золотого Рога, бросаясь на корабли, но мест было мало; переполненные корабли спешили уйти без своих капитанов и экипажей, убитых или не поспевших; ушло 18 латинских судов, а около 25 досталось туркам, было захвачено Хамзою, собравшим, наконец, своих матросов. Кардинал Исидор переоделся рабом и спасся в Галату; венецианский адмирал Тревизан и много венецианцев, защитников Влахерн, были схвачены турками, но большинство знатных латинян спаслось на родину. Как только турки убедились, что сопротивление заменилось бегством, они предались грабежу; после драгоценностей и золота, которых они долго искали в подвалах и тайниках, они всего более дорожили пленными невольниками, особенно молодыми девушками и мальчиками. Пленных они гнали, связав веревкой попарно, разлучая родных и связывая госпожу со служанкою, архимандрита с приврат-

ником. Современный «Плач о Константинополе»* дает яркую, но риторическую картину бедствия.**

Насилия и грабежи были прекращены по возможности быстро. Осада длилась меньше 2 месяцев, а штурм и кровопролитие — около 6 часов. К вечеру 29 мая город затих, только в домах и погребах рылись турки, искавшие спрятанных сокровищ. Мухаммед спешил вернуть городу спокойствие. На третий день он прекратил и грабежи; по его призыву спрятавшиеся греки стали выходить из тайников, беглецы возвращались в город. Войска и флот были распущены и отосланы на родину. Посетив Галату, уверявшую в своей преданности его державе, Мухаммед приказал срыть стены, созвать бежавших под угрозой конфискации и фирманом подтвердил автономию Галаты.*** Для заселения Константинополя, сохранившего простонародное греческое имя «Истин полин» («в городе»), в турецкой транскрипции Истамбул, Мухаммед вызвал 5000 греческих семейств с Черноморского побережья, принесших свое наречие.****

* A. Ellissen. Analekten der mittelalterlichen und neugriechischen Literatur, III. Leipzig, 1857, p. 84 à 106.

** Не все греки были перебиты и уведены в неволю. Уцелевшие спешили заявить покорность, особенно те, кто до взятия считался врагом латинян. При выходе султана из Софии к нему привели Луку Нотару, схваченного у башни, где укрылась его семья. С ним принесли голову претендента Урхана. Султан дал своим воинам за Нотару и его сыновей по 1000 аспров и велел ему оставаться в своем доме. По известию враждебного источника, Нотара унижался перед султаном, указывая, что он сберег для него царские сокровища; Мухаммед же отнесся к нему как к лгуну и изменнику своему государю. В тот же день Мухаммед навестил Нотару в его богатом доме и был ласков с его семьей; но, прибыв к вечеру во Влахернский дворец, прочтя изящные стихи Фирдоуси о бренности земного величия, Мухаммед устроил пир, напился и приказал привести к нему младшего сына Нотары; за оказанное противодействие он казнил Нотару с сыновьями и зятем Кантакузином, конфисковав его богатства; дочь Нотары, до осады посланная в Италию, основала в Венеции первую греческую типографию. Франзи с семьею был продан султанскому эмир-ахору (конюшему); юный сын его был зарезан развратным Мухаммедом, красивые дочери попали в султанский гарем. Спасшись в Морею, Франзи с трудом выкупил свою жену, детей же более не видел. Ученые монахи Манганского монастыря укрылись в Галате, где некоторое время продолжали свою деятельность. Некоторые знатные греки быстро приспособились к новым условиям и стали служить туркам. Анхиальская ветвь Кантакузинов, позднее Маврокордато, Властари и другие «фанариоты» достигли большого богатства, особенно перебравшись к господарям Валахии и Молдавии. Хуже всех пришлось венецианцам, главным врагам турок на Леванте. Кроме Тревизана, были казнены венецианский и испанский консулы; султанские приближенные обогатились, скупая и отпуская за выкуп знатных пленных.

*** После сдачи Галаты туркам Мухаммед II даровал генуэзцам только личную неприкосновенность, имущество и право торговли, но не сохранил автономии Галаты, которая с тех пор стала управляться турецкой администрацией (*Ред.*).

**** Свою резиденцию он перенес в Константинополь, позднее выстроив дворец Ак-Сарай в центре города у Мирилея, богатого монастыря дома Лакапинов. Влахерны и Большой дворец были заброшены; султанский Серай на месте Акрополя был отстроен в XVII в.

Но город давно уже обеднел и захудал. Казна и царские кладовые были пусты, церковные ризницы были почти пусты или содержали сосуды итальянской работы, кое-что драгоценное оставалось лишь в немногих знатных домах и у латинских купцов. Неудивительно, что венецианец Барбаро, оставивший очень точный дневник осады, особенно ценный для хронологии, исчисляет добычу турок ценностями всего в 300 000 дукатов.*

Уведено было в турецкую неволю около 60 000 человек обоего пола и всякого возраста. Перебито было значительно менее, потому что для турок пленные были ценной добычей, которую они привыкли брать, продавать или отпускать за выкуп. Из греков и латинян, сражавшихся на стенах, по исчислению Критовула, погибло до 4500. Катастрофа, потрясшая всю христианскую Европу, по своим материальным размерам была меньше многих других катастроф, постигших ранее такие христианские центры Передней Азии на победном пути крестоносцев, монголов и турок, как Антиохия, Севастия или Ани. Если Критовул говорит о кораблях, увозивших полный груз драгоценностей и невольников, о священных золотых сосудах, из которых варвары ели и пили, о ризах, которые они на себя надели, о рукописях, которые они продавали по червонцу или жгли, варя себе пищу, то эти известия, хотя передаваемые современниками, представляются преувеличенными. Турки в 1453 г. не могли захватить в Константинополе и половины того, чем воспользовались латиняне в 1204 г. Собрание рукописей султанского Серая, выстроенного много позднее и не на месте Большого Дворца, — между ними иллюстрированная рукопись Октатевха с предисловием Исаака Комнина, изданная Русским археологическим институтом, — могло составиться и путем конфискаций или подарков в позднейшее время. Мухаммед не претендовал на движимость. Судьба памятников искусства при турецком взятии Константинополя остается темной; имеющиеся указания не собраны. Для 1453 г. нет ничего подобного описанию Никиты Хониата (Акомината) и нет богатых архивных данных, какие имел граф Риан для истории латинских хищений 1204 и следующих годов. Древности несчастного города исчезают во мраке, который — и то лишь отчасти — рассеют систематические раскопки по переходе города в христианские руки.

Мухаммед не истреблял греческого элемента и при переговорах с Константином гарантировал грекам жизнь и безопасность. Он включил греческий элемент в государственную систему своей империи, следуя примеру предков, но более планомерно и широко. Уже на третий день он восстановил православную патриархию, остановив свой выбор на главе противников унии Геннадии Схоларии, возведя его на трон с соблюдением,

* Но были и иные слухи: францисканский аббат доносил, будто на одной гречанке было захвачено драгоценностей на 150 000 дукатов.

по возможности, прежнего церемониала. Как государственное установление Оттоманской империи, представительство и управление греческой нации, созданная Мухаммедом II и Геннадием вселенская патриархия на первых порах была обеспечена, по известию Франзи, бератом о фискальном и судебном иммунитете патриарха и духовенства. Она ко времени Кантемира в долгой и тяжелой борьбе сосредоточила в своих руках судебную власть над православными в области семейного и наследственного права, стала одним из устоев старого режима в Турции, сохранила церковь, но помешала объединению греко-славянского мира. Быстрота устройства Мухаммедом II церковного вопроса указывает на то, что оно было им предрешено; и это наводит на мысль о предварительном, еще до штурма, соглашении султана с некоторой частью греческого духовенства, не принимавшего заметного участия в обороне и при взятии города не пострадавшего:* сам Схоларий пишет в своей грамоте, что его избрал синод архиереев. По этому загадочному вопросу существуют архивные данные, еще не увидевшие света.

Не преуменьшая размеров катастрофы 1453 г., должно отметить, что материальный ущерб был значительно меньший, нежели при латинском погроме в 1204 г., постигшем еще цветущий и богатый город. Теперь не могло быть таких пожаров, так как заселенные кварталы являлись оазисами на городской территории. Лучшие ценности ушли разными путями в Европу, торговая деятельность и капиталы перешли в генуэзскую Галату. С середины XIV в. Константинополь захирел бесповоротно. Царский двор обнищал; дворцы стояли в запустении, частью в развалинах,

* Ф. И. Успенский преувеличивает благосклонность Мухаммеда II к грекам. Как видно не только из греческих и западноевропейских, но и из турецких источников (Саад-ад-дин и другие), участь греческого населения Константинополя была печальна: помимо тысяч убитых и 60 тысяч захваченных в рабство, уцелели только немногие, укрывшиеся в тайниках и подвалах и получившие от султана на третий день амнистию. Город почти полностью обезлюдел. Выборы патриарха (Геннадия Схолария), как выяснено проф. А. П. Лебедевым в его монографии «История греко-восточной церкви под властью турок» (т. I, Москва, 1896), состоялись не на третий день, а спустя почти целый год после падения Константинополя, когда Мухаммед принудительно переселил туда греков с Эгейских островов и Черноморского побережья (вместе с армянами из Бруссы и турками из Аксарая). Предоставление Мухаммедом II ряда привилегий греческой православной церкви не является каким-либо новшеством для турецкой государственности: аналогичные льготы и внутреннее самоуправление христианским церквам и их главам (так же, как и еврейским общинам) обычно предоставлялись в мусульманских государствах еще со времен арабского халифата. О соглашении султана с частью греческого духовенства столицы восточные (так же, как и западные) источники не говорят ничего. При штурме Константинополя греческое духовенство пострадало наравне с остальными жителями. Геннадий Схоларий спасся только потому, что успел бежать и временно укрыться в Адрианополе. В Константинополь Схоларий вернулся только через несколько месяцев. (*Ред.*).

не чинился даже жилой Влахернский; храм Апостолов был в XIV в. почти руиной, развалилась даже колоннада у св. Софии. Сохранили довольство лишь «Великий Димитрий» у Акрополя как фамильная обитель Палеологов, Пантократор как их усыпальница, Пантепопт, Паммакариста (ныне Фетхие-джами), многолюдная Старая Петра, где были и русские монахи, прибрежные церкви моряков. Памятников искусства давно не ценили, бронзовые статуи были перелиты на монету еще во времена Акомината. Из построек ипподрома и древних бань брали строительный материал еще при Палеологах, мрамор жгли на известку. По всему городу тянулись, как в средневековом Риме, громадные пустыри, пастбища и даже пашни, на плане Буондельмонте внутри стен преобладает белое поле. Частные дома были в плохом состоянии из-за наступившей бедности. Дворцы знати были сожжены во время борьбы с Кантакузином, кроме немногих. Богатый дом XV в., как у Нотары, представляется нам, судя по сохранившимся старинным домам возле Фанара, как наполовину деревянная постройка с большими низкими комнатами, в нижнем этаже на каменных сводах, аляповато расписанных по штукатурке; окна с мелким свинцовым переплетом пропускали тусклый свет, против зимнего холода были одни медные жаровни. Женская половина была отделена от мужской. Состоятельные люди одевались в меха и сукна из Европы, но жили некультурно и грязно. Большинство населения хронически голодало, частыми гостями были тиф и чума.

С материальной точки зрения, не оценивая пролитой христианской крови, переход города в турецкие руки был для него благодеянием.* Ожила торговля и ремесла, получив рынки в необъятных владениях султана; единство империи было восстановлено. Возобновился подвоз — ожили и заселились окрестности, начиная с Босфора. Товары отдаленных стран привозились во вновь отстроенный большой крытый базар (Безестен) на месте развалившихся византийских портиков. На тех же улицах, в старых кварталах воскресла многолюдная жизнь, формы и привычки византийского уклада преобразовали, пропитали собою государство, общество и быт османов, вплоть до семьи, несмотря на ислам и многоженство. Сам султан подавал пример своим пашам, приближая не только западных выходцев, но и греков. С этой точки зрения событие 1453 г. представляется не катастрофой вроде гибели Пальмиры или Ани, но включением Константинополя как главного, недостававшего звена в тот новый и сложный мир, который быстро вырос за его ветхими стенами. Этот мир привлек своею величиною и силою не только греческих слуг Мухаммеда, как Критовул,

* Ф. И. Успенский не только преувеличивает, но и совершенно неправильно оценивает то значение, которое имели «благодеяния» турок для дальнейшей судьбы Византии. Завоевав Константинополь, турки уничтожили Византийскую империю как самостоятельное и независимое государство. Ф. И. Успенский не учитывает той роли, которую сыграло падение Константинополя и дальнейшей истории греков. (*Ред.*).

но и политически независимых, серьезных наблюдателей, как Халкондил, написавший его первую греческую историю,* не вполне впрочем удачную. С этой точки зрения плодотворнее установить глубокую связь и преемство истории Ближнего Востока, от Баязида I Илдирима до расцвета новых форм при Сулеймане и Селиме, нежели прервать на 1453 г. историю Византии, от которой осталось почти одно имя с точки зрения материальной культуры.

Гибель латино-греческого города сыновей Мануила была катастрофой для идеологов возрожденной Греции, вроде Плифона, для филэллинов, для латино-греческих претендентов и авантюристов, для церковных деятелей типа Исидора или Виссариона, для унии и папства, для латинского дела на Востоке, для латинской торговли и колоний в Константинополе и Черноморье. Погибла вековая работа латинства на Востоке, для нее падение Константинополя было ударом последним и самым тягостным.

Со взятием Константинополя сопряжена была утрата незаменимых моральных ценностей для близких и отдаленных народов, для которых православная империя являлась частью религиозного и даже политического миросозерцания, — от покоренной райи до России, уже одолевшей татар. Царское достоинство перешло в более достойные православные руки. Создалось учение о третьем Риме — Москве. Рука сосватанной папою Софии Фоминишны Палеолог доставила и династические права.

Со взятием Константинополя политическая жизнь греков замёрла не сразу. Еще существовали государства Палеологов в Морее и Комнинов в Трапезунте; но их гибель была вопросом немногих лет. Положение деспотов Фомы и Димитрия было непрочно и помимо турок. Против них действовал Мануил из рода Кантакузинов, правивших Мистрою полвека тому назад, и с ним многочисленные в Морее албанцы с владетельным родом Буа Навпактских во главе. Братья Палеологи не оказали Константинополю помощи против турок, наоборот, ставя выше всего личные интересы, призвали старого Турхана против албанцев. Последние, потеряв до 11.000 уведенных в неволю родичей, дважды были загнаны Турханом в горы, Кантакузин же с сыном старого врага Палеологов Кентуриона бежали в венецианские владения. Оба деспота со своими архонтами признали верховную власть султана и обязались платить дань в 12 000 золотых (1454 г.). Деспоты были слабы, им не повиновались ни архонты, ни албанцы, к тому же, несмотря на увещания Турхана, они ссорились между собою. Анархии в Морее был в скорости положен конец. Расправившись с генуэзцами на Хиосе и Лимносе, Мухаммед явился в Морею. Сам Фома дал повод к нападению, отказавшись платить дань в надежде

* Византийский историк Лаоник Халкондил = Халкокондил (Λαόνικος ὁ Χαλκονδύλης, или Χαλχοχονδύλης) в 10 книгах своей «Истории» (издана Беккером в «Corpus scriptorum historiae Byzantinae», Bonn., 1843) излагает историю молодого турецкого (османского) государства *(Ред.)*.

на помощь папского флота. В свите султана был упомянутый Мануил Кантакузин, соперник Палеологов. Покорение Мореи сопровождалось казнями, пленники выселялись в Константинополь, но некоторые крепости уцелели, как Монемвасия, давшая приют Фоме. Падение Коринфа заставило Фому смириться и отдать туркам бывший удел Константина XII. Раздоры между латинскими претендентами на Афины дали туркам повод осадить Акрополь, павший после 2-летней обороны. Мухаммед любовался античными памятниками и дал Афинам некоторые льготы, но в Парфеноне вместо церкви Богородицы появилась мусульманская мечеть (1458 г.). Закончив в 1459 г. покорение Сербии, причем православная партия этой страны предпочла турецкую власть папской, Мухаммед решил покончить с последними Палеологами, постоянно взывавшими к Западу о помощи; на соборе в Мантуе кардинал Виссарион проповедовал крестовый поход для защиты Мореи. Деспот Димитрий, давнишний клиент турок, рад был выдать дочь за султана, но Фома думал об освобождении от турецкой зависимости и даже примирился с внутренними врагами. Сначала действия Палеологов были удачны, но даже в эту минуту они начали между собою междоусобную войну; Фома теснил Димитрия, ставшего для греков заведомым изменником нации. Впрочем, более опытные из греков, как Франзи, считали восстание Фомы пагубной авантюрой, и были правы. Присланный султаном свирепый регент Хамза разбил Фому у города Леонтария. Митрополит заставил братьев примириться и целовать Евангелие, но над своими партиями — туркофильской и латинской — оба деспота были не властны. В 1460 г. вторгся в Морею Саган-паша с авангардом; на просьбу Фомы о прощении султан не дал ответа и явился лично. Отняв у своего тестя Димитрия Мистру и дав ему Энос с тремя островами, Мухаммед брал штурмом крепости Фомы одну за другою, казнил пленных или посылал их для заселения Стамбула, одна Монемвасия не сдалась и предпочла стать венецианским городом (1462 г.). Деспот Фома с семьею эмигрировал на Корфу, оттуда в Рим, увозя с собою главу ап. Андрея. Сын его Андрей (ум. в 1502 г.), брат Зои, или Софьи, вышедшей за Ивана III Васильевича, признавался законным обладателем императорского титула и даже выдавал златопечатные грамоты; и права свои он предлагал за деньги и Ивану III, и французскому и испанскому королям. Покорение Мореи было завершено в несколько месяцев. В средней Греции последний владетель Фив из рода Ачайоли был убит в султанской ставке, его дети стали янычарами. В Албании Скандербег Кастриот, ставший папским главнокомандующим и венецианским вассалом, был вынужден заключить с Мухаммедом мир (1461 г.).

Настала очередь последнего политического центра эллинизма, Трапезунтского царства. Отец Мухаммеда II султан Мурад II за все свое 30-летнее правление не нападал на Трапезунт, у которого почти единствен-

ной защитой оставались крепкие стены. Покончив со столицей Константина и обеспечив себе господство на Балканах, Мухаммед Завоеватель поставил задачей покорить все независимые государства на черноморской окраине Малой Азии. Хетыр-бей, паша Самсуна, осадил с суши и с моря Трапезунт, где царствовал Иоанн IV, и заставил его платить дань султану (1456 г.), так что Трапезунтское царство утратило независимость. Сознавая опасность, Иоанн завязал сношения с могущественным Хасаном «Длинным» из туркменской «Белобаранной» орды, кочевавшей в верховьях Тигра и Евфрата. Дочь Иоанна, прославленная красавица, скрепила союз, отдав руку Хасану. Иоанн замышлял создать оборонительную лигу соседних государей от Грузии до Карамана, но смерть Иоанна передала эти планы незаконченными его брату и преемнику Давиду (1458 г.). Дерзкий и трусливый Давид, лично побывав в Стамбуле, знал силу султана Мухаммеда. Он решил организовать армию из 20 000 горцев и флот, приобрел у итальянцев пушки и пищали. Еще шире, чем у Иоанна, были проекты лиги против Мухаммеда, притом из оборонительной ставшей наступательной; он хотел заручиться помощью Дадиана Мингрельского, Георгия Имеретинского и других кавказских князей; далее, Хасана — караманского эмира; синопского эмира; завязал сношения с папой Пием, с Филиппом Бургундским и с Венецией. Опасность, грозившая Трапезунту от «Великого Турка», обсуждалась на соборе в Мантуе, на котором Виссарион проповедовал крестовый поход против Мухаммеда. Заручившись обещаниями и не рассчитав неравенства сил, Давид через послов Хасана потребовал в Стамбуле отказа от дани и даже возмещения сделанных взносов, начиная с того, который Давид отвез лично по поручению брата Иоанна. В Трапезунте, как в Константинополе и Морее, сами греки дали Мухаммеду повод к войне, нарушив свои обязательства по договору. Мухаммед ответил, что придет за данью лично, и стал собирать громадные сухопутные и морские силы, никому не говоря об их назначении. Внезапно Мухаммед напал на синопского эмира, с которым дружески переписывался, и хотя Синоп располагал 400 пушек и 2000 пищалей, эмир в ужасе выдал свою богатейшую казну, собранную преимущественно пиратскими нападениями на торговые суда и города по Черному морю, и уступил Синоп в обмен на Филиппополь. Затем Мухаммед двинулся в Армению, у Эрзинджана разбил Хасана и принудил его предоставить собственной судьбе Трапезунт, уже осажденный султанским флотом из 200 галер. Сам Мухаммед подступил к Трапезунту, пройдя с большим войском через малодоступные лесистые ущелья, и предложил Давиду немедленно сдать город, по примеру Димитрия Палеолога, за свой удел в Морее Энос и денежное содержание. Давид уже смирился, хотя хорошо укрепленный и снабженный Трапезунт мог защищаться с успехом против армии, лишенной продовольствия. Он только просил, чтобы султан взял в гарем его дочь, как у Димитрия,

и дал ему такой же доходный город, как Трапезунт. Малодушие Давида объяснялось, по мнению современников, изменой его главного советника. Так постыдно, без боя закончилась история царства Великих Комнинов, государей Анатолии и Заморья, продолжавшаяся 258 лет. Жители Трапезунта были выселены в Стамбул, лишь треть была оставлена в предместьях, главные кварталы, начиная с Кремля, стали турецкими и остаются таковыми до сих пор. Судьба Давида была печальна. Султан не взял его дочери в гарем, но, собираясь в поход против Хасана, приказал задушить Давида с 8 сыновьями, из коих младшему, уже обращенному в ислам, было всего 3 года. Царица Елена похоронила мужа и детей своими руками; скончалась она в рубище, в шалаше... Вскоре погибла и ее родина, христианский Крым — княжество ее отца Алексея, деспота Феóдоро (Мангуб) и Поморья, имевшего своего митрополита «Феодоро и всей Готфии»; пала и генуэзская Кафа. Напрасно генуэзцы старались укрепить свою Кафу и дали ей новый статут, поставили ее под покровительство могущественного банка св. Георгия. Взятие Константинополя закрыло генуэзской торговле путь через проливы, но еще был открыт торговый путь через Молдавию и Польшу, генуэзский Аккерман перешел к господарям Молдавии. Не спасли Кафу от турок ни папа, ни король польский Казимир, приславший казаков. Еще в 1428 г. татарские ханы перенесли резиденцию в Бахчисарай, и в 1475 г. татары и турки взяли Кафу, выслав жителей в Стамбул. Последний князь мангубский Исайко искал помощи великого князя Ивана III Васильевича и посватал за него дочь, но погиб до приезда московского посла.

Окрестности Константинополя

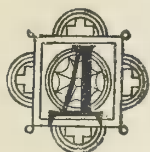
- Византийская империя около 1340 г.
- Византийская империя — ок. 1355 г.
- Государство Стефана Душана — ок. 1355 г.
- Болгария — ок. 1355 г.
- Владения турок-османов — ок. 1355 г.
- Византия около 1402 г.
- Владения Анжуйского дома
- Владения венецианцев (Вен.)
- Генуэзские владения (Ген.)
- (1360) — Даты завоевания османами главнейших городов (до 1402 г.)
- Владения иоаннитов

Балканские государства в XIV — начале XV в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ



оведя изложение истории до второй половины XI в., мы не раз испытывали настоятельную потребность систематизировать свой взгляд на процесс развития в истории Византии и сделать хотя бы краткий очерк истории тех византийских учреждений, которыми поддерживалась связь между провинциями и порядок во внутреннем управлении. Но нас останавливало следующее соображение. Хотя распределение фактов внешней истории по определенным периодам может быть рассматриваемо как установленное и до известной степени общепринятое, но что касается внутренней истории и, в частности, эволюции в византийских учреждениях, а также того, что относится до умственного движения и критических эпох, полагающих пределы между прежними и новыми, в этом отношении далеко еще не все выяснено с достаточной убедительностью. Во всяком случае процессы внутреннего развития совершаются медленней, и периоды их завершения гораздо продолжительней. Кроме того, давно уже было замечено, что в истории Византии особое место принадлежит периоду переработки грекоримских учреждений в византийские: этот период завершается временем Юстиниана Великого. Период развития византинизма падает на эпоху Македонской династии и притом с разными ограничениями и оговорками, относящимися к VIII и к XI вв. Само собой разумеется, греко-римские учреждения и бытовые особенности, идущие от классического периода, в истории Византии могут занимать лишь второстепенное место, в качестве пережитка. Главное внимание должно быть сосредоточено на том, в какие формы выльются упомянутые учреждения в период развития византи-

низма. И здесь самым состоянием источников историк поставлен в определенные границы, которыми намечается хронологическая дата, когда византинизм достигает полного развития столько же в учреждениях, как и в понятиях и в умственном состоянии общества.

Прежде всего необходимо бросить взгляд на состояние главнейших источников по изучению внутренней истории Византии. Между тем как для IV, V и VI вв. имеется хороший и обработанный в научной литературе материал, который позволяет составить довольно ясное понятие о гражданском и военном устройстве империи при Диоклетиане и Константине и о реформах, имевших место в последующих веках до Юстиниана, для VII и следующих двух столетий, за весьма небольшими исключениями, мы совсем лишены современных литературных данных, по которым можно было бы судить о происходивших за это время постепенных изменениях в устройстве империи и в настроениях общества. В высшей степени любопытным обстоятельством нужно признать то, что в X в. в разных областях обнаружилась потребность закрепить письменными данными результаты предыдущего исторического движения. Это направление сказалось как в области внешней истории, так и по отношению к учреждениям византийской империи и к гражданской и военной администрации. Достаточно указать здесь на литературные предприятия, связанные с именем Константина Порфирородного, в которых между прочим нашли место не только современные ему произведения, но и такие, которые происходят из более раннего периода и по которым получается возможность составить понятие о постепенном происхождении того порядка вещей, какой господствовал в половине X в.* Не может быть сомнения, что редакторская деятельность Константина, как это было указано выше, служит характеристикой эпохи и показателем того, что на половину X в. всего правильней отнести рассмотрение внутреннего состояния империи.

Отнести сюда эту главу побудило нас то обстоятельство, что во II томе не нашлось для того места.

Ближайшая проблема заключалась бы в том, чтобы связать выработанные к X в. византийские учреждения с теми, которыми жила империя во время Юстиниана. Хотя эта задача в настоящее время не может быть систематически выполнена, но она уже затронута с разных сторон благодаря совершенно новому материалу, притекающему сюда и притом оказавшемуся пригодным именно для самых темных периодов перехода к средневековому византинизму. Это, во-первых, свинцовые печати (моливдовулы),

* Чтобы не обременять перечислением источников и литературы, укажем: J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911; подробное указание литературы — стр. 1—6.

прилагавшиеся административными чинами к исходящим от них оффициальным актам и относящиеся во множестве к VII и VIII вв.

В какой мере X в. удержал за собой характер завершения цикла предыдущего развития, это засвидетельствовано столько же обширными энциклопедическими предприятиями, соединенными с именем Константина, сколько попытками дать окончательное выражение посредством закрепления в оффициальном акте разным сторонам тогдашней жизни. Имеем в виду появление законодательных памятников, относящихся ко времени Льва Мудрого, многочисленных попыток составления руководств для судебной практики, переработки материала житий святых и многое другое, в чем нельзя не усматривать практическую цель закрепить письмом то, что подвергалось опасности быть забытым или утраченным в житейском обиходе.* Из этих памятников обращает на себя преимущественное внимание эдикт второй половины X в. о корпорациях или цехах города Константинополя, найденный в Женевской библиотеке ученым Николем в 1892 г.** Этот любопытный документ с тех пор не переставал занимать внимание специалистов и вызвал несколько новых и крупных работ, коснувшихся столько же вопроса о константинопольских цехах в X в., сколько внутренней организации цехов и их отношения к префекту города Константинополя, т. е. затронувших общую тему о внутреннем устройстве Византии. Ввиду указанного значения занимавшего нас памятника надо заметить, что и он относится к началу второй половины X в., становясь в ряд с упомянутыми выше сборниками и энциклопедиями, знаменующими эпоху в развитии византинизма и вместе с тем завершение того движения, которое было дано царями Исаврийской и Македонской династий.

1. Царь и подданные. Лишь в самых общих чертах можно обозначить правовое и государственное положение византийского императора и его отношение к населению империи. И это не потому, чтобы мы не располагали достаточными для этого наблюдениями, а скорей вследствие сложности влияний, лежащих в основании идеи Византийского царства. Царь (βασιλεύς) византийской эпохи столько же ведет свое происхождение от римского императора, сколько от египетских фараонов — через посредство Птолемеев и сирийских диадохов. Одной из существенных особенностей Римской империи, унаследованной Византией, было отсутствие закона о престолонаследии, которым объясняется многое в государственном положении царя и от которого зависела столь частая смена царей и династий. В реформах Диоклетиана, завершенных Константином, дано значительное преобладание восточным, именно персидским, правовым и государственным

* Разумеются введения хотя бы протоспафария и архитриклина Филофея: Bury. The Imp. Admin. System..., p. 132.

** I. Nicole. Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève, 1893. Разбор этого памятника сделан в I томе.

воззрениям, которые наложили свой особенный отпечаток на византийского царя и которым впоследствии, при постепенном разграничении Запада и Востока, суждено было развиваться далее и усиливаться новыми заимствованиями и дополнительными обрядами из Персии. В каком направлении шло это развитие, об этом свидетельствует прекрасный памятник начала V в. «Перепись административных чинов Западной и Восточной империи».* Здесь император является уже вполне обособленным и стоящим вне связи с существующими государственными учреждениями, которые в нем имеют свой авторитет и источник своей власти. Будучи поставлен во главе всего населения государства как его владыка, император рассматривается как обладатель военной и гражданской власти и как законодатель. Организация императорского двора с огромным штатом чиновников и с целым рядом отдельных ведомств носила на себе явные следы устройства восточных монархий и главнейше Персидской империи.

Из длинного ряда византийских царей, проведших империю через разнообразные опасности, многие нередко сами стояли на краю гибели. Хотя за немногими исключениями, представляющими при необеспеченности власти и отсутствии идеи преемственности ее по наследству замечательное по своей редкости явление, престол занимали лучшие люди из военного и лишь частию и в исключительных случаях из гражданского ведомства, но все же были периоды, в особенности в V и VI вв., когда царская власть, становясь предметом домогательства честолюбивых военных людей, готова была сделаться игрушкой в руках немногих или обратиться в военную диктатуру. Против этого зла боролись двумя способами: прежде всего входит в обычай система усыновления, при которой еще при жизни царя с согласия сената и войска назначался преемником ему усыновленный им из хорошо известных ему военных людей. Так, Юстин I передал власть своему племяннику Юстиниану, а по пресечении династии также посредством усыновления достигли царской власти военные люди Тиверий II (578 г.) и Маврикий (582 г.). Но с течением времени неудобства, соединенные с необеспеченностью престолонаследия, вызвали другие, более радикальные меры борьбы. С VIII в. нарождается новый принцип династий, т. е. возникает обычай передавать власть преемственно от отца к сыну. Так, в доме Ираклия власть переходила от отца к сыну в пяти поколениях (610—711 гг.), а в доме Льва Исавра — в четырех поколениях (717—797 гг.). Укреплению идеи наследственности способствовал между прочим вошедший в силу обычай, по которому, уже с VII в., императоры находили полезным при вступлении на престол короновать и призывать к разделению с ними власти не только своего сына, но и всех сыновей и даже внуков. Так, царь Василий, достигнув власти, короновал трех

* Notitia dignitatum utriusque imperii, ed. Böcking. Bonnae, 1839—1853.

своих сыновей. Этим, однако, не вводилось многовластия, ибо за старшим «великим» царем оставалась полнота власти, а прочие разделяли с ним почести, властью же пользовались в той мере, какая им предоставлялась личным раположением и доверием старшего царя. Самого выразительного обнаружения эта система достигла в X в. при Македонской династии, когда Константин Порфирородный «царствовал» по правам наследства, но не управлял делами и когда по смерти Романа II, при малолетстве сыновей его Василия и Константина, были призваны к власти даровитейшие военные люди всех времен Византии — Никифор Фока (963—969 гг.) и Иоанн Цимисхий (969—976 гг.), которые, сообщив империи небывалый внешний блеск, все же не решались посягнуть на власть прямых представителей Македонской династии, царевичей Василия и Константина. То же начало наследственности обнаруживается при последних представительницах династии в женской линии, при Зое и Феодоре, которые, будучи призваны к царской власти, сообщали ее в целом или в части избранным им из числа служилого сословия супругам. В XII и последующих веках при Комнинах и Палеологах династические идеи получили полное преобладание, но это не спасло империю от разложения, имевшего причины не в том или другом положении царской власти, а в противоположности между провинциями и в сепаратных тенденциях составных частей населения, образовавших империю. По теории, византийский царь как прямой преемник и продолжатель серии римских императоров не имел равной себе под небом власти. Эта теория развита и обставлена патриархом Фотием, завершившим в своем Номоканоне учение о царском достоинстве и об отношении между властью царя и патриарха. Лучшие государи византийские, называвшие себя ромэйскими императорами, считали особенно высоким своим долгом заботиться о распространении империи до тех пределов, в каких она была при Августе и Константине. Юстиниан Великий, цари-иконоборцы Никифор и Цимисхий, рыцарственные цари из дома Комнинов — все они озабочены были осуществлением этой мысли. Могущественным средством в руках царя для поддержания его авторитета был религиозный характер царской власти. Со времени Маркиана (450 г.) вошло в обычай освящать вступление на престол церковным актом возложения царского венца от руки патриарха и помазания мvром. Особенно резко выразил свой священный авторитет иконоборческий царь Лев III, сказав о себе в завязавшейся с папой переписке: «Я царь и первосвященник». Но, хотя не в такой грубой языческой форме, священный характер царства запечатлелся во всей практике византийских обрядов и придворных церемоний. Так приветствовали царя на вселенских соборах, так относились к нему в делах церковных и в вопросах вероучения. От многих императоров сохранились беседы и поучения на церковные и богословские темы. Религиозное начало, представителем коего был царь как носитель

восточного православия, составляло главную связь между частями империи, столь различными по населяющим их народностям и по языкам. Как защитник и покровитель православия царь главные свои военные предприятия пронизывал религиозной идеей. Так, Ираклий, выступив против тиранствовавшего в империи Фоки, имел на своих кораблях образ богоматери, заменявший военное знамя. Своим войнам против персов он придал выразительный религиозный характер и закончил свои походы популярнейшим церковным торжеством — воздвижением животворящего креста.

Власть царя простиралась на всех подданных, отношение которых к власти, равно как взаимные между собой отношения, было определено законом. Византийское законодательство как естественное преимущество царской власти весьма внимательно относилось к происходящим в условиях жизни переменам и отразило в себе важнейшие периоды эволюции государственно-правовой жизни. Как бы ни изобиловала история Византии вопиющими нарушениями права, как бы ни часто встречались мы с проступками против собственности, с хищничеством и взяточничеством, с нарушениями служебного долга, изменой и т. п., никак не можем упускать из внимания, что правовое сознание было глубоко внедрено в умы общества. Об этом не только свидетельствуют законодательные памятники, но это также подтверждается общим мнением, сохраненным в литературных памятниках.

2. Население империи. Еще более затруднений ожидает нас, если мы обратимся к точному определению правового положения подданных царя. Прежде всего, в империю входили целые государства и народы, которые пользовались и под властью императора некоторыми изъятиями и привилегиями, обеспечивавшими им внутреннюю самостоятельность; иное отношение центрального правительства было к населению, жившему на окраинах, и иное — к населению в центральных областях; чрезвычайно разнообразны были условия гражданского положения, зависевшие от того, на государственных или частновладельческих землях сидело население; наконец, государственное и правовое положение отдельных лиц разнообразилось в зависимости от службы в придворном, военном, гражданском или духовном ведомстве. Таким образом, общий взгляд на поставленный вопрос будет находиться в зависимости от рассмотрения частных тем, которые иногда нуждаются в специальных исследованиях. До некоторой степени упрощается дело, если мы предложим вести речь о сословных различиях в населении империи, зависевших от службы, от занятий и от других условий, влияющих на правовое положение лица.

Высшим сословием в империи было служилое сословие, точно распределенное по степеням и рангам и заполнявшее многочисленные центральные приказы и ведомства, а равно ведавшее провинциальной администра-

цией. Служилое сословие не было кастой, и доступ в него не был закрыт для лиц, не принадлежавших к служебным кругам. Государственная служба имела притягательную силу в чинах, в общественном положении и в материальном обеспечении и открывала дорогу к высокой карьере и к приобретению больших состояний. Прежде всего, государственной службой приобреталось патрикианское достоинство, ибо высшие военные чины и звание евнуха в придворной службе соединялось с патрикиатом. В раннюю пору империи, когда сенат пользовался еще старыми привилегиями римского учреждения того же имени, служебная карьера заканчивалась внесением служилого чина в сенаторские списки. Сенаторское звание имело тенденцию обратиться в сенаторское сословие, так как это было наследственное звание и так как причисление к званию сенатора не обязывало ни к присутствию в заседаниях сената, ни даже к пребыванию в столице. Когда же в Константинополе сенат как законодательное и судебное учреждение был уничтожен и его дела перешли в придворное ведомство, то сенат стал исключительно императорским советом, хотя звание сенатора продолжало оставаться почетным и давалось в награду за службу без обязательств, соединенных прежде с этим званием. Все ли сенаторы были патрикиями, иначе говоря, необходимо ли, чтобы каждый патрикий был наделяем и званием сенатора, это трудно сказать на основании доступных для изучения данных. Лица, принадлежавшие к сенаторскому званию, пользовались разными преимуществами, освобождались от податей и повинностей со своих имуществ и подлежали суду не местных властей, а центральных. Сенаторское сословие обладало большими земельными владениями и зависимым, сидевшим на землях сенаторов крестьянским населением. Так как это сословие обновлялось и увеличивалось государственной службой, то для дальнейших выводов было бы необходимо обратиться к рассмотрению военной и гражданской администрации империи, о чем будет речь ниже.

Вслед за государственной службой на правовое положение лиц влияло имущественное их положение и главнейше землевладение и занятия ремеслами. С тех пор, как византийские цари V и VI вв. наложили руку на городские привилегии (τὸ δίκαιον τῆς πόλεως) и привлекли к государственной службе городские и сельские классы, правовое положение подданных царя значительно упростилось, будучи подведено под одинаковое состояние. Крупное землевладение не было исключительным достоянием служилого сословия; сосредоточение земельной собственности в руках частных собственников посредством купли и передачи имуществ по наследству наблюдается в самое раннее время. Мы рассмотрим этот вопрос в отдельной связи, теперь же ограничимся общим заключением, что большинство сельских жителей — мелкие земельные собственники и жившие на землях церковных, государственных и частновладельческих колоны и арен-

даторы — составляли тот основной класс, живший в деревнях и сельских волостях (κώμη, μητροκώμια), с которого государство собирало подати и которое доставляло ему военных людей. Само собой разумеется, чтобы выяснить положение этого класса населения, необходимо ближе ознакомиться с реальными условиями его экономической и правовой жизни.

Прежде чем пытаться выяснить мало раскрытую область изучения учреждений Византийской империи, начнем с того вопроса, который в конце XIX в. сосредоточивал на себе более внимания и в котором в настоящее время можно уже итти не с закрытыми глазами. Разумеем несколько вновь опубликованных и снабженных объяснениями материалов касательно землевладения, обложения земли податями, финансового управления и тесно соприкасающегося с этими вопросами положения крестьянского сословия. Легко понять, что вместе с тем мы подойдем к самой сердцевине занимающей нас темы о внутреннем устройстве византийского государства.

Податная система, доведенная в Риме до совершенства, главнейше была основана на земельном налоге. Так как обложение земли налогом нуждается в обширных подготовительных работах, именно в измерении земель, в описании и оценке их производительности и среднего урожая, то понятно, что налог на государственные и частновладельческие земли был вводим с большой постепенностью. Образец для системы измерения участков земли римляне могли находить в Египте, где эта статья давно уже была применена для экономических и финансовых целей.*

В Римской империи предварительные работы в этом отношении были начаты при Августе.** На это время падает первая народная перепись, послужившая основанием к раскладке и взиманию податей, о которой основное известие считается у евангелиста Луки: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Сия перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город». Провинциальный ценз начат был с 727 г. и составил эпоху в истории податей и финансовой системы. Цензовые листы, или писцовые книги, составленные специально назначенными для того лицами, складывались в архив провинциального города и затем были представлены в столицу и послужили материалом для обложения провинциалов пода-

* Материалы, открывающиеся в папирусах, подтверждают это.

** Breviarium или rationarium imperii. Главнейшие пособия: Ph.-E. Huschke. Ueber den zur Zeit der Geburt Jesu Christi gehaltenen Census. Breslau, 1840; Его же. Ueber den Census und die Steuerverfassung der früheren Römischen Kaiserzeit. Berlin, 1847. Rodbertus. Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik herausgeg. v. Hildenbrand. 1865—1867. J. Marquardt. Römische Staatsverwaltung, II. Leipzig, 1876, S. 187 и след.; Ф. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, 1884, январь.

тями (tributum). Более ранние известия о римских писцовых книгах заимствуются из сочинений ученых юристов II и III в. Требовалось внести в опись следующие сведения: местоположение участка и соседние имения; по отношению к описываемому участку нужно было сообщить: количество югеров под пашней и средний урожай за 10 лет, количество виноградных лоз, масличных деревьев, лугов и сенокосов в югерах, пастбища, земли под лесом, рыбные ловли, если таковые окажутся в имении, соляные варницы. Наконец, вносились в опись рабы, крестьяне (coloni inquilini). При императоре Диоклетиане (284—305 гг.) произошли важные изменения в податной системе, причем значительно изменилась и самая форма писцовой книги. На основании общего для империи кадастра в каждой провинции принято за норму известное количество единиц обложения, получивших имя iugum или caput, отсюда iugatio terrena — для поземельной подати, в отличие от capitatio — для подушной подати. Принятый за основание при раскладке земельной подати термин iugum, не имеющий ничего общего с единицами измерения поверхностей iugerum, actus и centuria, служит предметом разных толкований и нуждается в объяснениях. Следует ли видеть в термине iugum или caput фиктивную величину, подлежащий обложению хозяйственный и земельный капитал в 1000 солидов, как утверждают одни, или же реальную величину, то есть определенной меры земельный участок, как думают другие?

Самыми важными представителями первой теории служат весьма крупные имена Савиньи и Моммсена.* Савиньи, отдавая предпочтение теории идеальной податной единицы, соответствующей стоимости 1000 солидов, ссылается в подтверждение своего взгляда на слова Аполлинария Сидония к Майориану: capita tu mihi tolle tria, или запиши за мной в писцовой книге тремя единицами меньше.

Ясное дело, если бы император отнял у просителя три реальных capita, то этим бы уменьшил его земельное имущество. И напротив, если бы снял три единицы с нормы обложения, то оказал бы милость. Однако, против теории Савиньи—Моммсена нашлись возражения, основывающиеся на двоякого рода данных. С одной стороны, в законодательных актах V в. за податную норму приняты реальные земельные единицы — центурии и югеры;** с другой же, в новых данных по отношению к термину iugum, заимствованных из Сирийского законника, получились такие важные для спорного вопроса указания, которые побудили известного Маркварда стать

* Fr.-K. Savigni. Vermischte Schriften, II, S. 205; Th. Mommsen. Syrische Provinzialmass und Römischer Reichskadaster. Hermes, III, 429, Berlin, 1869.

** Cod. Theod. II, 28, 13.

на сторону противников Савиньи—Моммсена.* В Сирийском законнике есть одно важное место о Диоклетиановой податной системе,** имеющее первостепенное значение для истории земельной подати во всей средневековой Европе. Оно касается именно термина iugum. Из него вытекает с очевидностью, что iugum не есть мера плоскостей, как, например, югер, но что в нем следует видеть фиктивную единицу, принятую для урегулирования податной системы с земли. За iugum (ζυγόν), принятое в смысле единицы обложения, стали считать, смотря по доходности и степени культуры, неодинаковое количество югеров: чем выше доходность и культурность, тем меньше югеров; чем ниже доходность, тем больше земли входило в iugum. Получается следующая градация участков по их доходности и роду культуры, квалифицированных как iugum: 1) 5 югеров виноградной плантации; 2) 20 югеров пахотной земли лучшего качества; 3) 40 югеров второго качества; 4) 60 югеров третьего качества; 5) 225 стволов или гнезд (рут) под маслиной первого качества; 6) 450 рут второго качества; 7) пастбищная земля, но о ней не дано системы измерения и квалификации. Но как еще нетвердо установлен вопрос о значении iugum, доказывается тем, что первые ученые толкователи Сирийского законника Сахау и Брунс в воззрении на iugum склоняются на сторону Савиньи и что русский византинист акад. В. Г. Васильевский утверждал за iugum реальное значение единицы измерения полей.*** Не входя здесь в излишние подробности, можем сделать заключение, что при Диоклетиане произведено было измерение недвижимой собственности с целью обложения ее податями, причем за единицу обложения принят iugum, а за единицу измерения югер, или почти $^{1}/_{4}$ нашей десятины. Пять югеров под виноградником считалось за податное тягло, уравнивавшееся 60 югерами земли третьего класса или 450 стволами оливковых деревьев. Таким образом, в термине iugum дана была идея п о д а т н о г о т я г л а. Как известно, римский ценз, с которым соединялся пересмотр писцовых книг, повторялся каждые 15 лет и дал основание летоисчисления по индиктам, или пятнадцатилетиям. Пятнадцатилетний индиктионный период есть период от одной переписи до другой, от одной податной ревизии до следующей.

Писцовые книги римского периода перешли в византийскую эпоху, несколько изменяясь в форме согласно местным условиям. Любопытные данные о раннем периоде заимствуются из новеллы Юстиниана. «Заботясь о пользе наших подданных, издаем сей закон, которым повелеваем, чтобы

* B r u n s und S a c h a u. Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Leipzig, 1880. Vorrede; M a r q u a r d t. Römische Staatsverwaltung, II, S. 219.

** Подробности в моей статье «Следы писцовых книг в Византии» (ЖМНП, 1884, январь, стр. 9—12).

*** ЖМНП, 1879, август, стр. 359.

в месяце июле или августе, однажды в каждый индикт, были объявляемы подробные распоряжения насчет податного обложения на будущий индикт. В подобных окладных листах должно быть обозначено количество предстоящей к поступлению в казну подати в каждом округе или в городе с каждого зевга (iugum) или кентурии. В них должна также заключаться оценка имущественных статей согласно измерению и определена норма того, что следует вносить в казну. Составленные таким образом окладные листы тотчас же пересылать перед налогом каждого индикта начальникам округа, дабы они распорядились выставить их для всеобщего сведения в течение сентября и октября... дабы плательщики знали, как и в какой мере платить им подать».* Из других указаний, почерпаемых в новеллах Юстиниана, видно, что сборщики податей давали расписку в получении с обозначением отдельных статей и хозяйств, чтобы плательщик был обеспечен оправдательным документом, который с одной стороны служил средством для контроля над сборщиками податей, с другой — освобождал плательщика от новых несправедливых требований.

На границе между собственно римским и византийским периодом совершенно неожиданный свет на положение крестьянства и на земельный вопрос в Византии проливают фрагменты папирусов, в особенности найденных в коме Ижгау (Афродита) и в Оксирринхе. До какой степени свежий и живой материал дают папирусы Афродиты, это прекрасно показали исследования г. Масперо относительно административного дела, относящегося ко времени Юстиниана.** Маленькая кома Афродита в верхнем Египте, в провинции Фиваиде, в административном отношении зависевшая от города Антеополя, оказалась неисправной в смысле доставки податей. Пагарх Антеополя прибег к экстренным мерам для получения податей, послав в Афродиту военный отряд из скифов и македонцев и отобрав в казну имущество некоторых жителей комы; при этом военные люди позволили себе ряд насилий и хищений и нанесли большой ущерб жителям. В жалобе, поданной комитами на имя дуки Фиваиды, указано еще, что когда 13 человек из этой деревни явились в соседний город продавать караваны ослов и верблюдов, на них сделано было нападение по приказанию того же пагарха, причем караван был расхищен, а сами они посажены в темницу. Кроме того, пагарх Мина наложил на них денежную пеню

* Ed. Osenbrüggen. Corpus juris civilis. Lipsiae, 1875, III; 576 (nov. 128); Zachariae, Imp. Iustiniani Novellae, II. Lipsiae, 1881; в чтении есть несколько затруднений, которые указаны в нашей статье (ЖМНП, 1884, январь, стр. 20 и сл.).

** Jean Maspero. Études sur les papyrus d'Aphrodité. Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale, t. VI, 1908; Его же. Catalogue général des Antiquités égyptiennes du musée du Caire, t. 1—2, 1910—1912.

и собрал со всех жителей Афродиты сумму в 700 солидов, которые присвоил себе.

Рассказанный здесь случай не представляет ничего неожиданного для характеристики административных нравов времени Юстиниана, в особенности в отдаленных провинциях, но он бросает свет на другой вопрос. В своей жалобе жители комы Афродита протестуют против самого принципа вмешательства пагарха Мины в их внутренние дела, касающиеся сбора податей, так как, по их мнению, он не имел на то прав. Сущность дела заключалась в том, что жители комы Афродита имели привилегию изъятия из-под власти пагарха, собирали сами причитающиеся с них подати и вносили их непосредственно в центральную кассу провинции, — они были αὐτόπρακτοι. Через 13 лет после изложенного, в 551 г., снова возникло дело по жалобе этой комы на своевольные действия пагарха Юлиана. На этот раз дело дошло до Константинополя и вызвало распоряжение императора Юстиниана (эдикт), по которому за жителями комы Афродита признана независимость от пагарха и подтверждена привилегия непосредственно вносить подати в центральную кассу провинции. Таким образом, рядом с сельскими организациями — деревнями или комами, подчиненными пагархам, — в VI в. встречаем в Египте такие сельские организации, которые составляли самостоятельные общины, управлявшиеся независимо от пагарха, на основании местных обычаев. Было бы трудно в настоящее время составить понятие об устройстве таких автономных, как Афродита, общин; но в числе мелких счетов и квитанций, относящихся к той же коме, находим указания, что она действительно в своих платежных делах сносилась непосредственно с главным городом провинции, Антиноей, где было пребывание дуки Фиваиды. В числе этих квитанций есть такие, которые подписаны протокомитом Афродиты, из чего следует, что население имело свой орган, состоящий из протокомитов, или старшин. До некоторой степени о роли их можно судить по параллельным выражениям — βουλευταί или πρωτεύοντες, — напоминающим декурионов. Можно пожалеть, что египетские папирусы пока не дали материала для писцовой книги как незаменимого материала для истории сельского хозяйства. Там, где сообщаются данные о натуральной подати зерновыми продуктами, встречаем и кому Афродиту, обязанную доставлять 6053 артабы,* но ни разу не напали мы на византийский термин писцовой книги — зевгарь или зевгарат.

Переходя к писцовым книгам собственно византийской эпохи, я должен предпослать замечание, что эта тема была мной разрабатываема в мно

* J. Maspero. Études sur les papyrus d'Aphrodité, II. Flavios Marianos, p. 71.

жестве отдельных статей, помещенных в разных изданиях, так что здесь могут быть сделаны лишь заключительные выводы.*

По всей вероятности эта тема, однако, не вполне исчерпана, потому что против моих заключений высказаны были некоторые возражения. Находя здесь излишним входить в полемику, ограничимся указанием общих выводов, к каким приводит изучение остатков византийской писцовой книги. В ближайшем родстве с римским термином iugum в византийских земельных актах стоит термин зевгарь или зевгарат — ζευγάριον, ζευγαράτον — как податная и хозяйственная единица, служившая предметом обложения. При скудости данных, которые могли бы знакомить с податной системой в Византии, чрезвычайно большое значение следует приписывать неизданному тексту, прочитанному нами в Ватиканской рукописи.** Казенные подати с земли, говорится в этом тексте, взимаются по такой системе: с земли первого качества 1 перпер на 48 модиев; с земли второго качества 1 перпер на 100 модиев; с чернозема 1 перпер на 40 модиев, с 30 масличных деревьев 1 перпер. Чтобы оценить эти данные, которые действительно выражают действовавшую в Византии систему обложения земли и которыми затронута одна из важнейших сторон экономического строя, мы должны войти в некоторые подробности по отношению к системе земельной меры и к монетной единице.

Единицей измерения пахотной земли служил определенной величины шест или веревка (ὁ κάλαμος, τὸ σχοινίον), величина которой соответствует нашей сажени, носившей имя оргия. Так как оргия есть господствующая в Византии единица земельной меры, то важно в точности обозначить ее длину. К счастию, у нас есть два рода данных для выяснения этого предмета. В сельском быту мера оргии определялась таким приемом: человек среднего роста поднимет вверх правую руку, и то место, до которого достанут концы его пальцев, укажет меру истинной оргии. Другой способ состоял в следующем: среднего роста человек, взяв веревку или прут, защемит один конец между пальцами ног, другой же поднимет себе на плечо и потом спустит назад до бедра, так получится совсем верная оргия. В сельском обиходе оргия, как можно видеть, соответствовала нашей сажени, и потому можно спокойно употреблять последнее выражение на место византийской оргии. Кроме того, весьма любопытно отметить разность между большой, или царской, саженью и обыкновенной, как и у нас

* Они начинаются статьей «К истории крестьянского землевладения в Византии», помещенной в ЖМНП (1883, январь и февраль), и продолжаются как в этом же органе в 1884 г. (Следы писцовых книг в Византии, 1884, январь и февраль, и в след. годах), так и Записках Новоросс. университета, т. 38 (Материалы для истории землевладения) и в Известиях Русского археологического института в Константинополе (Акт отвода земли, 1896).

** Codex Graecus Palatinus, № 367, fol. 98 u. 164.

наблюдается различие между трехаршинной саженью и так называемой маховой, или косой. Первая, как и употреблявшаяся в Византии царская сажень, больше на две или три четверти, чем вторая. Употребление в Византии большой сажени имеет тесную связь с организацией крестьянского земельного надела: крестьянская земля измерялась не той мерой, что помещичья. При наделении крестьян землей, равно как при обложении крестьянской земли налогом, по закону должна была приниматься во внимание большая сажень: при продажах той же земли на сторону употреблялась малая сажень.* Но и самая сажень входила в образование другой единицы меры, называемой сокарем (σωκάριον). Так называлась общепринятой меры веревка, чаще всего в 10 или в 12 сажен. Пахота измерялась 10-саженным, а пустоши 12-саженным сокарем. Таким образом, участок пахотной земли в 10 сокарей будет заключать в себе 100 кв. сажен,** а если это будет пустошь или залежи, то 120 кв. сажен. Считалось далее правилом употреблять 10-саженный сокарь при измерении небольших участков ровной и хорошей земли и 12-саженный при измерении значительных площадей — поместий и селений, измеряемых в окружности, ибо подразумевалось, что в последнем случае могут встретиться овраги, ручьи или кустарники, то есть земля не под культурой. На измерение своих участков большим сокарем имели привилегию крестьяне, эта привилегия основывалась на пожаловании им надбавки в вершок на каждую сажень.***

В большинстве случаев дошедшие до нас земельные акты обозначают площади измеряемых участков не в саженях или сокарях, а в м о д и я х. Что модий есть мера поверхностей и предполагает измерение в длину и ширину, в этом нет никаких сомнений. У византийских геометров вопрос о геометрическом модии разрешается следующим образом: модий имеет 40 литров, а в литре 5 оргий — сажен. В основании теории лежит количество жита, потребного на засевание известной площади. Если литром жита засевается 5 кв. сажен, то 40 литров обсеменяют 200 кв. сажен. Таким образом, геометрическая площадь модия равняется 200 кв. саженям, — на этом основывается вся система византийского счисления по модиям.**** Византийская система считается с модием как единицей при измерении площадей и принимает в смысле модия такой прямоугольник, одна сторона которого равна 20, другая 10 саженям. Отличие от русской

* Этот любопытный факт отмечен у геометра Педиасима: G. F r i e d l e i n. Die Géometrie des Pediasimus, S. 12. Programm des Gymnasiums zu Ansbach, 1866.

** Видимо, имеется в виду 10 000 кв. сажен или 100 кв. сокарей *(Ред.)*.

*** Подробности в моей статье «Наблюдения по сельско-хозяйственной истории» (ЖМНП, ч. 259, отд. 2, стр. 234—238).

**** Принимая во внимание сказанное выше о большой и малой сажени, в тех случаях, где обычай требовал применения 12-саженного сокаря, площадь модия будет 230 кв. сажен.

системы заключается только в том, что у нас прямоугольник, или десятина, взят больше, одна сторона 60, другая 40 сажен, то есть модий в 12 раз меньше десятины. Перевод саженей — оргий в модии состоит в следующем. Сумму всех саженей окружности участка разделить на 2, одну из половин еще разделить на 2: получится длина и ширина. Помножить длину на ширину и произведение разделить на 200, или, как это математически выражено у геометра Ирона: при измерении саженями перемноженные стороны, разделенные на 200, составляют модии.

Что касается монетной единицы, то определение наиболее употребительных ее терминов — и в особенности соотношения между монетной единицей и квалификацией земли и крестьянских наделов — составляет один из важнейших вопросов в экономической истории Византии. Употребительнейшая монетная единица есть литр золота, стоимость которого в разное время колебалась от 300 до 400 руб. на наши деньги. В земельных актах и писцовых книгах счет обыкновенно идет на иперпиры или, проще, перперы (ὑπέρπυρος), — термин, вполне совпадающий с другим, также имеющим распространение, — номисма. В каждом литре золота полагалось 72 номисмы или перпера. Каждый перпер (от 4 до 5 руб.) делился на караты или коккии, которых было в перпере 24, т. е. представлял ценность около 20 коп. Сохранилось несколько указаний на доходность земли при отдаче ее в аренду. Средней нормальной платой за арендное содержание был 1 перпер на 12 модиев. По этому расчету выходит, что сдаваемый в арендное содержание участок в 60 модиев должен был приносить аренды 5 перперов. Сообразно тому нормальный крестьянский участок в 60 модиев, оцениваемый в 50—60 перперов, облагался нормальной податью в 4—5 перперов. Сообщенными данными можем ограничиться в применении к подлежащему нашему рассмотрению вопросу об организации крестьянских земельных участков, к которому и возвращаемся.

Какая идея соединяется с понятием о византийском зевгарате, или зевгаре? Конечно, он является заменителем термина римской писцовой книги iugum и должен иметь то же значение, как этот последний. Уже в V в. латинский термин заменяется греческим ζυγὸν и ζεῦγος. Феодорит, епископ Кирры, свидетельствует, что городской округ Кирры был разделен на 60 тысяч ζυγά.* Когда далее читаем в 128 новелле Юстиниана распоряжение о составлении примерных окладных листов с обозначением подати на каждое iugum, то без колебания признаем в этом термине как податную единицу обложения, так до известной степени составляем понятие о самой форме писцовой книги. Рассматривая зевгарь как земельный и хозяйственный термин, свойства которого выясняются из писцовых книг, мы есте-

* Marquardt. Röm. Staatsverwalt, II, S. 220.

ственно можем искать в нем признаков измеряемости. Так и подходил уже раз к этому термину акад. В. Г. Васильевский, признавший в нем участок определенной величины и измерения.*

В переписи занимало обязательное место население двора или парической стаси, причем принималось в соображение и состояние разных хозяйственных статей. В описании дворов или стасей находим ответ на следующие вопросы: 1) имена домохозяина и семьи; 2) крупный скот; 3) мелкий скот; 4) фруктовые деревья и ульи; 5) огород или виноградник; 6) пахотные земли. По отношению к кардинальному вопросу, представляет ли зевгарь реальную или только условную величину, т. е. можно ли по данному числу зевгарей заключить о количестве модиев, мы приходим к выводу, что зевгарь нельзя рассматривать как реальную земельную величину с определенным раз навсегда количеством модиев, ибо принималась во внимание качественность и производительность земли, чрезвычайно разнообразившая реальную величину модиев в зевгаре, от 60 до 100 и свыше 300 модиев.

Эти предварительные данные необходимы для нашей дальнейшей цели ознакомления с положением крестьянского сословия в империи, к которому, начиная с VIII в., замечается совершенно неожиданное внимание со стороны самого законодательства. Здесь нам следует возвратиться к оценке историко-литературного значения крестьянского закона Νόμος γεωργικός, принадлежащего времени Льва Исавра, о котором было упомянуто выше при изложении истории Исаврийской династии. Было именно указано, что в Эклоге находятся значительные отклонения от старых римских правовых воззрений и что эти перемены должны быть объясняемы, если не всегда, то во множестве случаев, этнографическим переворотом, произведенным славянской иммиграцией, которая в VII в. может считаться вполне завершившейся. С этой точки зрения Земледельческий или Крестьянский закон представляет собой первый опыт согласования славянского права с греко-латинскими нормами. Понятное дело, что изучение этого памятника и получаемые из него выводы должны иметь свое место в истории Византии. Крестьянский закон, независимо от своего местного значения, получил еще важность в науке вследствие того, что его встречаем в древних русских юридических сборниках, рядом с переводными с греческого статьями, где он превратился в Устав о земских делах Ярослава Мудрого. Не входя здесь в подробности этого хотя и весьма сложного, но не менее интересного вопроса,** ограничимся несколькими

* ЖМНП, 1880, август, стр. 362.

** Основные труды: В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев ЖМНП, ч. 199, 200, 201, 1878 г.; А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885; Успенский. Юридический Вестник, 1886, N 4 (Древн. пам. слав. права).

замечаниями. Некоторые статьи Земледельческого закона как будто списаны с древнерусской крестьянской жизни, из чего ясно, что происхождение его на византийской почве не может иметь другого объяснения, как необходимый результат влияния южных славян, и что следовательно в Земледельческом законе следует усматривать черты древнего славянского права. Таким образом, наплыв славян в VI и VII вв. в империю не был волной, разбившейся о крепкие устои греческой цивилизации; напротив, имея длительный период и постепенно возобновлявшийся характер, он оставил некоторые следы в самом укладе жизни Восточной империи. Самым крупным фактом в положении крестьянского сословия по Земледельческому закону является сельская община.

Новый шаг для истории сельского населения Византии сделан на основании изучения новелл, изданных императорами Македонской династии. Существенный интерес этих законодательных памятников заключается в том, что они знакомят с мерами, принятыми византийским правительством в защиту мелкого землевладения против захватов крупных землевладельцев. Вследствие не совсем выясненных социальных и экономических условий свободные крестьяне, и даже целые деревни, оказались в необходимости итти в кабалу к соседним крупным собственникам, уступать им свои участки и переменять свободное положение на зависимое. В современных актах господствует термин πένητες, т. е. бедные или убогие, в приложении к крестьянскому сословию. Им противопоставляется класс богатых людей — δυνατοί или властели, которые обнаружили тенденцию совершенно изменить социальный строй Византии, обратив мелких земельных собственников в зависимое состояние. Чтобы ознакомить с этим порядком вещей, приведем некоторые относящиеся сюда новеллы,* из которых вполне ясно, что в период, обнимающий Македонскую династию, мелкое крестьянское землевладение было общинным и что опасность, которую хотело предотвратить правительство, состояла именно в распадении крестьянской общины.

* Упоминаемые акад. Ф. И. Успенским новеллы в рукописи отсутствуют (*Ред.*).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН *

* Составление указателей представляло большие трудности, так как географические названия и личные имена академиком Ф. И. Успенским не только не унифицированы, но часто приводятся непоследовательно.

В ряду одинаковых имен соблюдался следующий порядок: сперва даны имена императоров, затем патриархов, пап; далее следуют имена, сопровождаемые прозвищем или фамилией, и, наконец, имена лиц, определяемых с помощью каких-либо иных данных.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* В географический указатель не включены:
а) часто встречающиеся названия (напр. Константинополь);
б) названия, имеющие характер широких понятий (напр. названия материков — Европа, Азия и пр.);
в) названия монастырей, замков, дворцов и пр.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК КАРТ

Составил А. П. Левандовский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отдел VIII. **Ласкари и Палеологи**

Приложения

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Л. П. Пекуровская*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Художник *Н. Д. Полозов*
Корректор *Л. А. Ратнер*

*

РИСО АН СССР № 2794. Подп. к печ. 19/VII 48 г. Печ л. $53^3/_4$+22 вклейки.
Уч.-изд. л. 71,5. М-13077. Тираж 5000. Заказ № 787.

1-я Типография Издат. АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

7 [illegible]

60 руб.